

Дияспора

VI

Дияспора

VI

НОВЫЕ
МАТЕРИАЛЫ

Альманах основан Владимиром Аллоем

Ответственный редактор:

Олег Коростелев

Россия, Москва, 127015, ул. Бутырская, д.9, кв.128

Тел.: 7095. 285.60.40. E-mail: okorostelev@mail.ru

Редактор-издатель:

Татьяна Притыкина

Россия, СПб, 196070, а/я 345

Тел.: 7812.387.17.73. E-mail: isphenix@hotmail.ru

Представители альманаха:

А.В.Лавров. Россия, С.-Петербург, 197046, ул. Б.Дворянская (Куйбышева), д.22, кв.31. Тел.: 7812. 233.84.87. E-mail: lavrov@TP3917.spb.edu

John E. Malmstad. Slavic Dept. Barker Center. 12 Quincy Street. Harvard University. Cambridge, MA 02138. USA. E-mail: malmstad@fas.harvard.edu

Richard D. Davies. Leeds Russian Archive Brotherton Library University of Leeds. Leeds LS2 9JT England. Tel. 0113. 233 32 89. E-mail: r.d.davies@leeds.ac.uk

Elda Garetto. Via Salvo d'Acquisto, 20. 21020 Casciago (va), Italia. Tel./Fax: 0332. 22 02 45. E-mail: elda.garetto@skylink.it

Catherine Gousseff. Centre d'Études du monde russe, École des Hautes Études en Sciences Sociales. 54, bd. Raspail 75006 Paris. E-mail: gousseff@ehess.fr

Адрес издательства:

Россия, 191123 С.-Петербург
Кирочная ул., 31

Диаспора
VI

**НОВЫЕ
МАТЕРИАЛЫ**

Athenaeum – Феникс
Париж – Санкт-Петербург

2004

ББК 63.3
УДК [947+957]
Д-441

Д-441

ДИАСПОРА: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ. Т.6.
СПб.: Athenaeum–Феникс, 2004. 728 с., ил.

В шестом томе альманаха публикуются воспоминания А.А.Борового о его парижской жизни после побега из России в 1910; история деятельности Заграничного корпуса МИДа Российской империи после Октябрьской революции 1917 года; рассказ о службе русских военных в армиях китайских милитаристов; эпистолярная история многолетней дружбы Михаила Чехова и Жоржет Бонер; статья о «врангелевском серебре», проливающая свет на обстоятельства продажи Петроградской Судной казны; вторая часть исследования о Российском зарубежном музыкальном издательстве; протоколы Учредительного съезда Республиканско-демократического союза; документы из архивов Г.В.Вернадского, Л.П.Карсавина, эмигрантских юристов М.Маргулиеса, Б.Гершуна, Б.Элькина, неизвестная переписка Л.Д.Троцкого, В.Ф.Булгакова и многие другие материалы. Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей.

Настоящий том вышел при поддержке Института
«Maison des Sciences de l'Homme» (Париж).
La présente édition est effectuée avec le soutien de la Fondation
Maison des Sciences de l'Homme à Paris.

ББК 63.3

ISBN 5-85042-077-0
ISBN 5-85042-083-5

© Феникс, 2004

D

Наследие

Алексей Боровой
**«ПАРИЖ БЫЛ И ОСТАЕТСЯ ЗНАЧИТЕЛЬНОЙШИМ
ФАКТМ МОЕЙ БИОГРАФИИ...»¹**
Публикация С.В.Шумихина

Алексей Алексеевич Боровой родился в Москве 30 октября (12 ноября) 1875. В воспоминаниях «Моя жизнь» он подчеркивал, для своего будущего биографа, что в энциклопедическом словаре «Гранат» (т. 6: Биометрика – Брюан), где была помещена статья о нем, он сознательно на один год омолодил себя, указав годом рождения 1876-й. Его отец Алексей Кириллович Боровой, военный педагог, получил личное дворянство и дослужился до генеральского чина. Мать – Наталья Григорьевна Ловчикова, по первому мужу Абельдяева, была, хоть и являлась любительницей, незаурядной музыкантшей и певицей, училась в Московской консерватории, владела несколькими иностранными языками. Рано осиротев, мать Борового воспитывалась в семье Святловских, среди членов которой были певица, солистка Большого театра А.В.Святловская и драматическая актриса О.В.Святловская (по сцене Лаврецкая)².

Научные интересы Борового с юности лежали в гуманитарно-эстетической сфере. Его энергия и работоспособность достойны удивления: поступив в 1894 на юридический факультет Московского университета, Боровой успевал посещать лекции ведущих профессоров-гуманитариев других факультетов и параллельно в течение года обучался в Московской консерватории по классу фортепиано. При этом он не пропускал ни одной

© РГАЛИ.

© С.В.Шумихин (подгот. текста, вступит. ст., примеч.).

¹ Главы из воспоминаний «Моя жизнь». Полный текст см.: РГАЛИ. Ф.1023. Оп.1. Ед.хр.162-172. Далее цитаты из этой рукописи приводятся без отсылок на место хранения.

² Биографические сведения о Боровом взяты из предисловия В.П.Коршуновой к описи его фонда в РГАЛИ.

театральной или музыкальной премьеры, был постоянным посетителем вернисажей и выставок, находился в курсе всех литературных новинок. Наконец – насыщенная личная жизнь (по словам одной из его знакомых, Боровой «относился к категории “настоящих любовников”, вкладывающих в любовь весь богатый фонд неосуществленных творческих возможностей»³).

Сдав в январе 1902 магистерские экзамены, он получает звание приват-доцента и летом 1903 – двухгодичную командировку во Францию и Германию для работы по подготовке диссертации в архивах и библиотеках. Именно там, в Париже, с Боровым произошло «преображение», которое определило всю его дальнейшую жизнь. Приват-доцент приехал во Францию с марксистскими убеждениями, привитыми ему со студенческой скамьи. Но тут была одна неувязка: начавшаяся Русско-японская война вызывала не злорадное желание гибели самодержавной России, а боль за ее поражения. Это чувство родилось стихийно и полностью перекрыло прежде теоретически осмысленную формулу «пролетарии не имеют отечества». «К тому же, – вспоминал Боровой, – в эту пору я жил в тесном общении с моим парижским другом – Яценкой, находившимся во власти подлинного националистического транса. Мессианизм, “Великая Россия”, свободный выход к океану – были любимыми темами его философствования. Возмущенный пораженческими позициями “Освобождения”, он написал Струве негодующее письмо, именуюя его изменником, напоминая ему судьбу Герцена. Я не читал этого письма, и содержание его передаю со слов автора. Во всяком случае, не лишено пикантности, что Яценко еще до революции защищал тезу “Великой России” перед будущим ее авторитетнейшим идеологом».

Но одновременно в подсознании Борового шла неведомая ему самому работа, вызревали ростки иного взгляда на мир. И вот, в одно из октябрьских воскресений 1904 года, в свободное от работы в Национальной библиотеке время, он сидел в Люксембургском саду, наслаждаясь чудесным днем, и вдруг... Снизошедшее откровение Боровой позднее описал так:

...неожиданно из каких-то неведомых глубин – во мне родилась радом – огромная, оформленная, просветляющая, единая мысль. С необыкновенной отчетливостью, побеждающей убедительностью – во мне проснулось чувство нового для меня мироощущения.

Я дрожал, как струна. У меня не было с собою – ни карандаша, ни записной книжки. Не помню – как дошел я или добежал до своего отеля и буквально в лихорадке записал отдельными словами ход пришедших мыслей.

Со скамьи Люксембургского сада – я встал просветленным, страстным, непримиримым анархистом, каким остаюсь и по сию пору.

Боровой, очень мало или почти ничего не знавший до того об анархизме, сравнил (разумеется, сохраняя надлежащие пропорции) свое превращение в анархиста с таким же внезапным потрясением, какое случилось у Руссо по дороге в Венсенский замок или у Карлейля по дороге из Эдинбурга в Портобелль. В Россию он вернулся анархистом-индивидуалистом, после чего продолжал углублять и совершенствовать свое новое мировоззрение. Рассматривать здесь эволюцию от анархизма-индивидуализма к эстетическому

³ Серпинская Н.Я. Флирт с жизнью. М., 2003. С.128.

анархизму (термин Борового), углубляться в теорию, проводить сравнительный анализ с сумбурным «мистическим анархизмом» Г.И.Чулкова – означает превратить настоящую статью в монографию, содержание которой далеко уведет нас от жанра биографического очерка. Поэтому касаться сущности воззрений Борового мы не будем. Достаточно того, что едва ли не треть воспоминаний «Моя жизнь» посвящена сугубо теоретическим рассуждениям⁴.

Однако эти теории приводили к вполне практическим и далеко не всегда приятным для Борового результатам. Мы не говорим здесь о «зарубленной» диссертации, хотя эта рана не заживала в его душе до самой смерти. Власти, безразлично, до революции или после нее, были склонны рассматривать высказанную мысль, т. е. слово, как дело. При этом надо признать, что теоретически Боровой мог быть достаточно кровожаден. По поводу убийства В.К.Плеве, известие о котором застало его в Швейцарии во время съезда партии эсеров, он писал: «Мне <...> убийство Плеве представлялось и целесообразным и безупречным, с точки зрения революционной этики, способом борьбы против самодержавия. Террор как средство борьбы был для меня оправдан до конца. Но у самих эсеров на этот счет не было полного единодушия. Забавно было читать позже в «Воспоминаниях террориста» Савинкова, что члены Боевой организации подозревали друг друга в анархизме: Швейцер – Савинкова, Савинков – Каляева».

Но, несмотря на то, что у нашего сторонника террора дело ограничивалось написанием брошюр, он был вызван в конце 1910 к следователю по особо важным делам (его кабинет его помещался в Кремле, в здании судебных установлений) и услышал: «За идеологическое руководство издательством “Логос”, выпустившим ряд анархических изданий и, в частности, за вашу собственную брошюру “Революционное мирозерцание”, вы привлекаетесь к судебной ответственности по X статье, грозящей, в случае осуждения, заключением в крепости на три года».

Бежав от ареста за границу по паспорту своего друга, музыканта Л.Э.Конюса (трагикомические перипетии этого бегства блестяще описаны Боровым в XVI главе его воспоминаний), он вновь очутился в Париже. Истории этой эмиграции – случаяю, достаточно типичному для тех лет, – и посвящена наша публикация.

Дальнейший жизненный путь Борового можно изложить конспективно. Возвратившись в Россию в конце 1913 после амнистии, данной политэмигрантам к 300-летию дома Романовых, он занялся журналистикой, вошел в контакт с С.А.Соколовым-Кречетовым и «журналом свободной мысли» «Перевал», а затем с А.А.Сувориным (Порошиным) и его газетой «Новь»⁵.

⁴ Это обстоятельство может препятствовать полному изданию мемуаров Борового. Важный фактологический материал, портреты деятелей культуры и науки, сочные бытовые зарисовки не смешиваются с теоретической сухью, как вода и масло. Если автор ориентировался на «Былое и думы», – на мой вкус, большую историческую ценность имеет описанное им «былое».

⁵ Небольшой отрывок из «Моей жизни» о газете «Новь» опубликован нами в комментариях к воспоминаниям Н.Серпинской (см.: *Серпинская Н.Я. Флирт с жизнью. С.299-300*).

Во время мировой войны служил на эвакуационном пункте в Москве, сделал военную «карьеру» – от младшего писаря до зауряд-военного чиновника.

После Октябрьской революции Боровой на короткий период возобновил педагогическую деятельность. Он был блестящим, даже выдающимся лектором и оратором (о чем без ложной скромности неоднократно упоминает в своих мемуарах). В ноябре–декабре 1918 читал лекции в Социалистической академии («Политическая психология современных европейских народов»); с 1918 по 1921 прочел в Московском университете два курса – следует отметить, непонятно как ему доверенные, судя по их чрезвычайно ответственным названиям («История социализма» и «История рабочего движения»); на архитектурном факультете ВХУТЕМАСа в 1921–1922 читал «Историю социального быта», много выступал с публичными лекциями. Но длился этот ренессанс недолго. С осени 1922 педагогическая и лекторская деятельность эстетическому анархисту была запрещена специальным постановлением ГУСа (Государственного ученого совета Наркомпроса РСФСР).

С мая 1924 по 1929 Боровой работал на Московской товарной бирже (МТБ) как экономист-консультант. Работа не могла принести ему ни малейшего удовлетворения, хотя со служебными обязанностями он справлялся легко. В дневнике он записал 9 сентября 1928:

Тяжко, минутами невыносимо, что в современных условиях я никак и ни в чем не могу выразить себя до конца... Никогда не «доношу» до внешнего мира все, чем я заряжен. И этот residium⁶ давит меня. – Нужно всегда быть по плечу, в уровень с баранами, усвоившими <так!> любую канитель. Чтобы достичь бюрократического *comme il faut*, надо искусственно укоротить свою волю, мозги и чувства.

До последнего вздоха МТБ останется тяжким кошмаром – символом постоянного, систематического убивания в себе – огня, таланта, совести и приучения себя к середине, революционному мещанству, принципиальному фальсификату, благодушию при наглых или наивных проявлениях советско-бюрократического шовинизма.⁷

Внутрипартийная склока подпольных анархистов, сконцентрировавшихся вокруг Музея П.А.Кропоткина в Москве, чьим сотрудником – на общественных началах – стал Боровой, также не добавляла оптимизма.

Летом 1929 наступила логическая развязка. Боровой был арестован и выслан в Вятку. Аналогия с Герценом вряд ли могла утешить. Еще в Москве в 1928 Боровой писал в дневнике по поводу «Записок» Вигеля: «Сколько прелести в устойчивости быта, даже полудикарского типа. И сколько неуклюжести, сбоев, углов, бессмысленного трения в налаживающейся технике современности. Любая мелочь требует грандиозных усилий на подготовку. И при нашей беспримерной требовательности, при наших семимильных потребностях какое убожество средств...»⁸. В Вятке это убожество по сравнению со столичным усилилось во много раз.

В 1933 место ссылки было изменено на Владимир. Позволим себе привести здесь полностью дневниковую запись Борового от 1 марта 1933. Хотя она

⁶ Правильно: residuum – остаток (лат.).

⁷ РГАЛИ. Ф.1023. Оп.1. Ед.хр.175. Л.64.

⁸ Там же. Л.74.

впрямую и не относится к тематике нашей публикации, описанный Боровым эпизод лучше любых объяснений показывает и состояние ссыльного, и эпоху:

И вот... так же, как 3 ½ года назад в Вятке, хожу по Владимиру – смотрю, слушаю, пока занявшие, обмороженные пальцы не обратят в бегство домой.

Но сегодня передо мной стояла и непосредственная практическая цель – отыскать себе работу. Я забрался в Владимирский дом-левиафан, приютивший чуть ли не все его учреждения, и изучал вывески трех его этажей. Почему-то я был очень уверен в Владимирскоосоюзе. Нет, в настоящий момент «ogni speranza»⁹ должны быть оставлены при входе в этот служебный пантеон.

– Мы только что провели сокращение, и нет оснований сейчас же расширять аппарат. – Мы лишились старых сотрудников, – вот, что я слышал в 3 местах. По существу, ничего другого я и не готовился услышать. Мои блистательные качества, документированные «трудовым списком», остались неизвестными собеседникам, и я скромно ретировался.

Утомленный непривычной формой попрошайничества, я стал бесцельно бродить по бесконечным и невзрачным коридорам, пока не очутился перед дверью «Зала судебных заседаний».

Опять вспомнились первые вятские дни, когда я так много воспринимал непосредственно жизненных впечатлений, затертых в Москве работой, не дававшей отдыха и срока, обязательными сношениями с людьми и газетами. Я вошел. Старый зал, перелицованный на новый лад. За спиной председателя суда, там, где прежде, по видимому, висел портрет обожаемого монарха, теперь – огромное символическое изображение союза пролетариата и крестьянства, причем пролетариат почему-то получил олицетворение в виде изможденного, немолодого, заросшего волосами, мускулистого человека, держащего молот, а крестьянство – молодого, чисто выбритого юноши, типом характера лица напоминающего средневекового рыцаря.

Говорил уже государственный обвинитель, молодой, но лысый, мало красноречивый человек. Глаза – маленькие, но острые и умные. Речь шла о Шустове, 30 лет, и Сметанине, 18 лет, обвинявшихся в краже со взломом из кооперативного магазина одежды – всего на сумму до 3000 рублей. У Шустова уже 3-я кража, у Сметанина – 2-я. Обвинялась еще жена Шустова в укрывательстве краденого. Она, впрочем, была отдельно, не под конвоем, держала младенца, который пронзительно кричал, когда я вошел, и она употребляла все меры, чтобы успокоить его.

Я осмотрелся.

Судьи как судьи, ничем не замечательные; скорее, рабочие, один, как будто, железнодорожник.

⁹ Всякие надежды (*итал.*). Фрагмент строки из «Божественной комедии» Данте.

Подсудимый Шустов – неприятен. Тупое, апатичное, одутловатое лицо. Низкий лоб. Прячется по временам в пальто американского фасона, точно ему холодно. Сметанин – мальчишка с тонкими чертами лица, но немыйтый, грязный, с воровато бегающими глазами.

Обвинитель очень возбужденно говорил о их несправимости (это – Сметанина, в 18 лет) и требовал расстрела.

Встал защитник, человек лет за 50, типа старой канцелярской крысы. Говорит, подбирая слова, не умея найти быстро точного выражения своей мысли. Но говорит искренно, волнуясь, делая большие паузы, во время которых проникновенно смотрит на своих подзащитных.

Речь – бездарна, идет по проторенному пути, он пытается доказать «исправимость» подсудимых, апеллируя к их молодости. По репликам обвинителя я узнаю, что оба обвиняемых не сознаются в содеянном вопреки чистосердечному признанию жены Шустова (ее я не слышал, она – тут же, невзрачная, серая, еще совсем юная бабенка с голодным или больным ребенком). Это, по мнению обвинителя, сильно отягчает их вину. И защитник в последней – по искреннему волнению, вдумчивости, – прямо патетической реплике восклицает: «Их последнее слово все скажет. Приговор суда зависит от их последнего слова». – Он садится, не отрывая глаз от подсудимых, добросовестно, но неумело гипнотизируя их. Ясно – он возмущен их поведением, их запирательством. Искренно, из чувства ли самолюбия, движимый ли профессиональным долгом, он хочет облегчить их участь...

Обвиняемые – удивительны. Впечатление, что все, что говорит-ся, – не для них. Изредка взглядывают исподлобья, Шустов определенно иронически, на борющиеся стороны. Они вертятся, глазами пересмеиваются с родственниками, друзьями, пришедшими на их суд. Шустов – тупо, по-животному – улыбается жене. Смеется на чью-то девочку 3–4 лет, вышедшую к судейскому столу.

Последнее слово. Шустов бормочет что-то невнятное, скороговоркой, и кончает: «Прошу меня расстрелять». Сметанин: «Ничего не могу сказать».

Все. Суд удаляется. Защитник не может сдержаться себя. Он около подсудимых. Волнуется, недоумевает, смотрит и разводит руками – что-то говорит. Милицейские просят его отойти.

Публика – ошарашена. Никто, видимо, не ожидал такого хладнокровия, такого равнодушия к судьбе. Чем оно продиктовано? Не бравада же только – такая просьба о расстреле. Неужто же в жизни для них нет ничего такого, что могло бы их заставить пожалеть о ней?

Конечно, стороны – слабы, бездарны. Они не сумели развернуть перед темными людьми могучих возможностей, заложенных в жизни, раскрыть ее интерес, значение; обнаружить подлинный смысл лишений настоящего для будущего, в котором и они будут участниками, которое для них не закрыто. Ведь самое наказание – помимо высшей меры – по существу задач, стоящих перед современным пенитенциарным учреждением, должно суметь истребить в них остат-

ки прошлого, наполнить их мыслью о труде, о какой-то социальной роли...

Ничего этого не было сказано. Суд и стороны не поднялись над банальной констатацией фактов и столь же банальной юридической аргументацией...

Во мне все дрожало... До боли хотелось говорить...

Времени прошло много, но я не мог уйти, меня волновала судьба этих несчастных, темных людей. Суд вернулся через два часа. Все это время подсудимые шушукались, шутили насчет буханки, которую им кто-то передал, бегали с конвойными в уборную, словом – точно смерть не коснулась их уже крылом.

Через два часа Шустов был приговорен к расстрелу, Сметанин – к 10 годам изоляции, жена Шустова – оправдана.¹⁰

В ссылке Боровой был совершенно одинок. Анархист-индивидуалист не имел не только товарищей-единомышленников, но и просто близких знакомых. 7 апреля 1933 он записал: «Жизнь моя так скудна, что ее нечем отмечать – кроме как регистрацией прочитанных книг. Иногда в сутки я говорю не более дюжины слов». И это пишет милостью Божьей оратор (одна из глав «Моей жизни» так и называется – «Я оратор»), когда-то подчинявший себе и поднимавший любую аудиторию.

«Настоящее отнято, грядущее заказано», – так определял Боровой свое положение.

Лишь в конце августа 1935 ему по протекции В.Д.Бонч-Бруевича удалось через М.И.Калинина получить разрешение на месяц приехать в Москву для разбора своего архива, который Боровой продавал Гослитмузею. Интересные записи о новой Москве, которую Боровой, старый москвич, принял безусловно. «Москва – любимый, близкий, глубоко оригинальный город исчезает, исчез. И уже сейчас не все сразу восстанавливаешь по памяти. Он будет жить – в книгах, фотографиях. На его месте растет новый город – конечно, гораздо менее оригинальный, с европейскими штампами, шаблонами, но, в своем роде, прекрасный и значительный. Простой, чистый, ясный, рационализированный, как все международное, он будет вполне гармонировать с духом нового демократического, растворяющегося в коллективе человека, не знающего загадок и случайностей...» – писал вечный индивидуалист. «Метро – хорош. Великолепно освещение, вагоны отличные, эскалаторы – удобны. “Роскошь” метро, конечно, условна. Это – роскошь ванн, бань и, разумеется, весьма далека от чудес “1001 ночи”, как о том болтает восхищенное мещанство. Эти под-мраморы, обшивки – в высшей степени à la portée de tous¹¹. Но ничего особенно оскорбляющего вкуса нет. Во всяком случае, это – огромное завоевание.

Кто меня по-настоящему удивил и восхитил – милицейские. Они – вышколены, элегантны, любезны, быстры, четки. Это – “новая порода людей”. На таких местах у нас таких не бывало. Тоже – огромное и бесспорное достижение», – свидетельствовал эстетический анархист¹².

¹⁰ РГАЛИ. Ф.1023. Оп.1. Ед.хр.175. Л.568-574.

¹¹ Здесь: то, что годится для всех (франц.).

¹² Там же. Ед.хр.177. Л.1018.

В скуке ссылки Боровой много читал, беря из библиотеки по 4–5 книг ежедневно. Это многочтение также становилось поводом для lamentаций:

И что я делаю – в вынужденной праздности (деятельность моя не-свободна, места я не могу пока найти)?

Я читаю запоем. Это – пьянство, и вредное пьянство. Я читаю по философии (возобновил Спинозу, Фейербаха, младогегельянцев), социологии, истории, политике; читаю мемуары, книги по искусству, особенно по музыке, – без конца.

Я и так знаю бесконечно много. Я учусь целую жизнь. Только естествознание и математика миновали меня. Все остальное выисать в моем мозгу многоэтажными постройками, и мне уже трудно помыслить о чем-либо, чтобы передо мной сейчас же услужливо не вытянулась армия теорий, фактов, дат, людей, цитат, цитат.

Р.Роллан в этюде о Малере писал (опять цитата): «Ничто так не мертвит творческий ум, как чрезмерная начитанность». *C'est mon cas*¹³. Я – мертвею, я – глупею.

Мертвецы и еще живые – овладевают моим воображением, моим мозгом, изгоняют меня, все мое из моего собственного дома.

А какие сурrogаты? Даже рояль исчез. И я, как настоящий горький пьяница, пью в одиночку, без просыпа.

Provinzialbibliothekenfresser^{14,15}

Свои мысли по поводу прочитанного он записывал в дневник, превращая их в подобие микрорецензий, часто небезыntересных. Приведем две из них:

Боборыкин П.Д. За полвека (Мои воспоминания).

Что это за бездарное животное! Феноменально трудолюбивое, многознающее, чудовищно плодовитое – но сумбурное и ничемное.

Столько смотреть, видеть, слышать, записывать, обдумывать, обрабатывать (всего не менее 1 500 печатных листов!!!), печатать, и в результате – убивающий 0. Были моменты – и его почитывали, кое-что брали на сцену, кой-чем увлекались (было!), устраивали ему юбилеи, говорили речи, избирали в академию (неужели Толстой не издевался – 6 раз написав его имя) и... какой же памятник на этой горе бумажного мусора. Не знаю – есть ли еще другой, столь же разительный пример творческого недержания и творческого бессилия. Остается память о неутомимой машине, проработавшей 60 лет с лишком на холостом ходу. <...> И только иногда, нечаянно, у него прорвется – человеческое.

Тургенев. «Человек в жизни своей не имел ни семьи, ни жены, ни открытой любовницы, ни закадычного друга».¹⁶

¹³ Это мой случай (*франц.*).

¹⁴ Провинциальный пожиратель книг (*нем.*).

¹⁵ Там же. Ед.хр.175. Л.584-585.

¹⁶ Там же. Л.598-599

Л. Троцкий. Литература и революция

<...> Есть блестящие, почти ослепительные характеристики (Мережковский, Чуковский, Белый, Пильняк, Маяковский). Но по времени блеск переходит в излишество. Теряется мера: игра на блестящей педали начинает раздражать и утомлять. Здесь, при вдумчивом отборе, настоящее приложение его сил. Ибо, конечно, он – сперва блестящий умница, разносторонне образованный человек, интеллигент, эстет, стилист (не выдержанный), остроумец, наглец и пр., и пр., и пр., и уже после всего этого – «пролетарский идеолог». Он – до мозга костей индивидуалист, тщеславный беспредельно, принявший до конца и любящий культуру «зубных щеток», – конечно, сел не в свои сани. И не в своих санях – катался всю предшествующую жизнь. Даже Уайльд писал дифирамб «социализму». Но это была и есть вещь «ювелирная». А Троцкий – ювелир *par excellence*¹⁷ – постарался примирить свое искусство с могучим примитивом Октября. И ничто – ни жажда мировой рекламы, ни нюх, ни диалектика – не помогли ему... Он был чужой, он не любил «мозолей». <...> Он был больше чем неправ, он был – бестактен. И история его выбросила с места, на котором он волею судеб, но против своей воли играл и мог играть роль только Хлестакова.¹⁸

Между теорией и практикой анархизма пролегла пропасть. Что общего у блестяще образованного эрудита Борового с практиковавшими в Москве и Петрограде в 1917 анархистскими братками?

В «Новом Сатириконе» (1917. №27, июль) помещен рисунок В. Лебедева «Анархисты на работе», где изображен грома, спускающий из окна узел с наворованным, и идущий внизу седобородый князь Кропоткин, вернувшийся в свободную Россию. Подпись гласит: «Кто там внизу? Ба, Кропоткин – тоже анархист... Лови, старик, узел, помогай... Свой работает!» Потеряли или нет актуальность во времена Даниэля Кон-Бендита и Джерри Рубина трактаты Алексея Борового по анархизму, судить не берусь. Важно то, что Боровой не изменял своему, когда-то ниспосланному свыше, анархизму до последних дней жизни. А умирал он тяжело, болел долго. При ясном мозге, просветленном сознании дал сбой телесный механизм, «фон, на котором складываются движения “мозга” и “души”», как определил это Боровой, остро предчувствовавший свою смерть. Тяжело больным, еле дышащим встретил он 12 ноября 1935 свое 60-летие. Об этом – последняя запись дневника:

Таинственный для меня внутренний клапан стал решать судьбу моих дней, ночей. Он обращал мои планы в нуль, а меня превращал в червяка, бессильно корчащегося (буквально!) от боли на постели, на стуле.

Какое горе, какие неудачи, крушение конкретных надежд – можно поставить рядом с подобной вынужденной спокойной констатацией приближающегося конца?¹⁹

¹⁷ в высшей степени (франц.).

¹⁸ Там же. Л.632.

¹⁹ Там же. Ед.хр.177. Л.1027-1028.

Спустя 10 дней, в ночь с 21 на 22 ноября 1935, Боровой умер. Похоронили его в Москве на Немецком кладбище.

Воспоминания «Моя жизнь» в архивной описи датированы 1929–1934, – это должно означать, что они писались в ссылке. Наши возражения против такой датировки сводятся к следующему: кроме того, что в тексте сам автор иногда делает оговорки: «писано в 1928 году», воспоминания насыщены цитатами (иногда выписки из книг достигают нескольких страниц) и библиографическими ссылками, в том числе на редкие французские и немецкие издания. Боровой был страстным библиофилом, одна из глав воспоминаний посвящена его книжному собранию и называется «Моя библиотека», однако невероятно, чтобы он перевозил почти десять тысяч томов из ссылки в ссылку. Следовательно, по крайней мере время начала создания мемуаров надо отодвинуть к более ранним московским годам. Возможно, что в ссылке Боровой лишь отделявал и переписывал набело захваченный из Москвы черновик.

Хронологически мемуары охватывают годы от детства автора до времени перед началом Первой мировой войны (1913–1914). Рукопись написана четким почерком, практически без помарок (беловик) на половинках стандартного листа бумаги. Вся она имеет сплошную авторскую нумерацию. В архиве толстую пачку разделили на несколько единиц хранения и каждую пронумеровали заново, но мы, для удобства, пользуемся нумерацией Борового.

Для публикации отобраны несколько глав из «Моей жизни»²⁰, относящихся ко второму приезду Борового в «столицу мира» после его бегства из России, как наиболее соответствующих тематике альманаха «Дiasпора». Своего рода интродукцией служит открывающее публикацию начало главы, где описан легальный приезд Борового в Париж семью годами раньше, его первые впечатления от Франции конца belle époque, который он еще успел там застать²¹.

Авторские особенности орфографии и пунктуации в основном сохранены. «Ветвистые рога» быка в описании корриды можно отнести к тому же разряду невольных зоологических ошибок, что и левица с косматой гривой, с прыжками которой сравнил Терек Лермонтов, или зубастый голубь, встречающийся в стихах Д.И.Хвостова.

Глава IX Париж

Париж был и остается значительнейшим фактом моей биографии. Для меня он – явление исключительное. Не только в исторической роли его здесь дело.

Конечно, задолго до того, что я мог непосредственно осознать Париж, полнокровно ощутить его в себе, претворить в себе так, что он стал если не всегда осознаваемым, то всегда действующим компо-

²⁰ Там же. Ед.хр.169.

²¹ Там же. Ед.хр.167. Л.825-827.

нением моей природы, – я представлял Париж, «знал» его, «любил» его.

Это началось с детства. Наша первоначальная выучка, образование, вся культура наша – складывались по линии Парижа. Французский язык, романы Дюма («Les trois mousquetaires»¹), Нотр-Дам, Версаль, Лувр – вошли в детскую практику и рисовали уже ребенку – встревоженную, нарядную, ослепительную жизнь. Позже – Вольтер, Руссо, Энциклопедия, Великая революция, Мирабо, Конвент, Наполеон, Февраль <19>48 г., Коммуна, Эйфель, Зола, Дрейфус, Мопассан, авиация, кино.

Кто еще был и мог быть – таким же возбудителем? Кто с такой категоричностью и блеском сообщал нам «новые слова»?

Были – Рим, Лондон, Вена, Берлин...

Но Рим – был для нас полугимназическим, страницей учебника. Рим был мертвой эстетической ценностью. Он подарил вечными образами и перестал давать. Богатое наследство, но даритель был забыт. К нему прилагались – высокие, благодарные, но специфические мерки.

Лондон говорил – о хозяйственном могуществе, политическом влиянии, упрямом, каторжном труде. У Лондона были – Шекспир и Байрон, стоившие литературы. Но когда и кому Лондон так расточал свои богатства, как Париж? Он ценил их для себя. Эмигрантам, путешественникам, невзирая на «идеальные» гарантии прав личной свободы, Лондон после Парижа нередко казался «тюрьмой». Он был – тяжел, неловок, давил оберегаемую личность тяжелой практикой традиционной респектабельности и откровенного лицемерия.

Вена – в сознании моей эпохи стала пышным захолустьем. В прошлом – музыка, конгресс, лукавство дипломатии. В настоящем – политический застенек для маленьких народностей.

Берлин ничего не говорил. Он был в процессе «становления», на пороге обращения в «мировой город». Триумфы ширпотреба, разумеется, не в счет.

И все это – Рим, Лондон, Вена – шли через книги. Один Париж существовал – вне книг. Образы, им порожденные, жили полной, обособленной жизнью, оплодотворяли вне пространства, времени...

И вот... я сам в Париже. На всем следы «le grand destin»² – Рим, франки, католицизм, абсолютизм, революция... И жизнь... для провинциала-москвича бешеная. Все выдумки сегодняшнего дня, народ – артист, редкий по красоте живой – язык. Ни одна школа, ни один учитель не могут так поднять, пробудить и просветить, как этот воздух. Ходите, слушайте, смотрите... Такой мастерской человеческого духа больше нет, а может быть, и не было.

Как определить и передать – ритм, краски, запахи Парижа, сотканые из бесчисленных неуловимых элементов, но сливающиеся в

мощное, незабываемое единство, говорящее всем органам восприятия?

Были и есть – знатоки, густаторы <так!> Парижа. Для одних он – город остроумия, других – вкуса, третьих – кухни, четвертых – женщины, веселья, песни, баррикад... Густаторы мало поняли в Париже, если сумели отыскать лишь то, что стоит, по их мнению, патента.

Париж – велик как целое.

И я чувствовал и чувствую его именно так, не глазами только, ушами или желудком, но весь неразлично, Париж – стихию. И потому – довольно картины, фразы, даже слова, чтобы все, прошедшее в Париже – с его запахами, красками и вкусом, – стало живым до ощущения – на языке, в ногах...

Как же должен я любить этот дивный дом, подаривший меня такой полной человеческой памятью? Всякому ли дано так творчески обсеменить?

<...>

Глава XV Первые шаги в Париже

И вот я вновь – в Париже. Нет сил описать блаженство, охватившее меня, когда я, сдав вещи на хранение, вышел на площадь Gare du Nord³.

Почти семь лет я не видал Парижа. Бесконечное число раз я говорил о нем с друзьями, мы вспоминали о нем с Белочкой⁴, с трепетом созерцал я его улицы в кино, много раз и всегда с сильнейшим чувством видел его во сне.

И вот – живой, в благородной серой краске, в море звуков, запахов, касаний – он передо мной. Вспомнилось все – чем я ему обязан, все счастье – неизмеримое, несравнимое ни с чем, которое он дал мне, и, побежденный, влюбленный, я плакал от счастья... Не стыжусь признаться – всю долгую дорогу, что я катил на империале автобуса от Северного вокзала до маленькой, но страстно любимой улочки Латинского квартала, где восемь лет назад – я так молодо, так безоглядно счастливо и полно жил, – я плакал... Я старался отвернуться от любопытствовавших соседей, старался сдерживать себя, но все было напрасно... Слезы счастья катились неудержимо. Сквозь слезы ревниво и любовно я видел опять пятна – домов, башен, фонтанов, оставшиеся навсегда в моем мозгу и сердце...

Вот Севастопольский бульвар, «Люксембург»⁵. Слезаю и, взволнованный, иду по моей любимой Rue Monsieur le Prince. Не изменилась, все такая же. Те же пыльные окна нижних этажей, те же красные фонари, те же лужицы воды на мостовой после мытья, и вот он – скульптурный барельеф Goujon, смотревший полтора года в мое окно...⁶

Верный старому, желая воскресить все, что было, спешу в мой Hôtel d'Orient – первое парижское жилище. Увы, старой хозяйки-жабы уже нет, нет расторопного плутоватого Жозефа, он в деревне. У окошечка на лестнице – незнакомый безразличный человек, корректная французенка, классический тип содержательницы отеля. Номеров нет. Потерпев неудачу, иду в соседний – столь же дряхлый, столь же грязный, но не менее популярный у студенчества отельчик – Hôtel de Charente, в котором когда-то жил Булычев⁷.

Хозяин тот же, рослый, крепкий, чуть-чуть постаревший и разжиревший человек в рабочем костюме с фартуком.

– Есть комнаты в первом этаже с окном на улицу? – Есть. – Влезаем. Я вхожу в булычевскую комнату. В ней все без перемен. Те же бордовые занавески на пыльных окнах, темное зеркало над камином, драные ковры, балдахин до потолка, громоздкий, хранящий пыль десятилетий, загаженные мухами эстампы на стенах. Но что грязь, когда с души слетает ржавчина! С каждой минутой я молодею, не знаю, что делать с распирающим меня чувством счастья...

– Вы не узнаете меня?

Он пристально вглядывается.

– Нет!

Когда-то мы с ним болтали, но... уже восемь лет назад, и я был случайным гостем, наконец, носил усы и бороду.

В нескольких словах напоминаю ему некоторые эпизоды прошлой жизни, которые он мог запомнить.

Ah, ah... tiens... это тот господин, у которого вышла ссора с маленькой *petite femme*⁸, и она убежала... К нему ходили русские... Да, да – вы бывали каждый день...

На самом деле он припомнил, и полились учтивые вопросы – сколько времени ушло, сколько перемен! И вдруг – мещанин, погрязший в буднях и докуке грязных номеров, подсчитывающий су, высочайшей, непререкаемой ценностью жизни полагающий полную *tire-lire*⁹ – точно в вдохновении заговорил об авиации, о великих успехах человеческого гения, о свободе и равенстве, которые придут с этим изобретением, о счастливом будущем... Он – маленький человек, скопидом и шовинист, говорил все это... Фразы и слова, но самый выбор их разве не характеристичен?..

Так ли уже натянуто сравнение Гейне: «Французский патриотизм состоит в том, что сердце согревается; вследствие этой теплоты расширяется, так что обнимает своей любовью не только близких, родных, но всю Францию, все цивилизованные страны! Немецкий патриотизм, напротив, состоит в том, что сердце суживается, стягивается, как кожа от холода; немец начинает ненавидеть чужеземное, перестает быть гражданином мира, европейцем и хочет быть лишь узким немцем».

Конечно, ни в ком – ни раньше, ни после – «патрон» не мог найти такого благодарного, отзывчивого слушателя, как во мне тогда. Мне было все равно, что бы он ни говорил... Мне нужно было его волнение, его заряженность, они отвечали моему приподнятому настроению... Мы расстались, довольные друг другом. Я поехал за вещами на вокзал, он пошел по своим маленьким делам.

Кое-как разложившись – раскладывать было немного: белье, тетради, – я поспешил на бульвар, в тот ресторан, который я посещал по воскресеньям. Меня – от любви явно глупевшего – занимали всякие пустяки. Я вспомнил – как в этом ресторане молодой хозяин с скромным, добрым, слегка туповатым, вообще же совершенно незначительным лицом ухаживал за молодой кассиршей, восседавшей посреди ресторана, как на кафедре, ordinarily-миловидной, конфузливой и постоянно красневшей. Не раз наблюдал я за обедом, как он – с салфеткой в руках – подходил к этой кафедре, томно глядел на свою кассиршу и что-то шептал ей. Она непременно краснела и так же быстро шептала ему в ответ.

Теперь я хотел их видеть во что бы то ни стало. Сохранились ли они. Сохранились. Вот он – все тот же, скромный и тупой, сильно разжиревший и она – на том же месте, полная, утратившая девственный вид, смело глядевшая теперь вокруг на столы, суетившихся гостей, суетившихся лакеев. Он опять, как встарь, подходит к ее конторке, облакачиваясь на нее с теми же жестами, что и восемь лет назад, и они – ясно! – счастливы, они смеются, она уже не держит себя стыдливой, таинственно-взволнованной *demoiselle*. Она достойно улыбается – у нее взгляд и жест хозяйки. Поженились? Очевидно. К концу моего обеда вбегает мальчуган с бананом в руках и бросается к кассирше с громким, без стеснения, криком: «Maman!» Она, шутливо погрозив ему, принялась его ласкать, а счастливый *propriétaire*¹⁰ трактира и кассирши запустил пятерню в волосы живого мальчугана.

Какая тривиальная история – ничего в ней нет, что бы стоило рассказа, – но в этот вечер и эта мещанская пара мне кажется невыразимо привлекательной, хочется, чтобы им было хорошо, чтобы удачи сопровождали каждый их шаг...

Теперь... бродить по Парижу. Париж, Париж – несчетное число раз бессмысленно я повторял дорогой мне звук... Невозможно было поверить своему счастью... С Севастопольского бульвара перекочевал я на Большие <бульвары>, вдыхая в себя запахи, наслаждаясь витринами, каштанами, толпой... Пьянили свет и возбуждение. Какая красота и мощь во всем! Сколько еще счастливых дней мне обещает эта дивная встреча!

Ночью, подымаясь в свою комнату, я встретил хозяина.

– Ну, как Париж?

– Удивителен, несравненен.

Хозяин смеется: *bonne nuit, monsieur*¹¹.

Насилу добрался я до своего декоративного ложа. И заснул совершенно счастливым.

Еще нескоро прошли восторги обладания Парижем. Без устали ходил я во всех направлениях, менял улицы, бульвары, прилипал к окнам, эталажам¹², совершал бесконечные горизонтально-вертикальные прогулки по «большим магазинам», кочевал по ресторанчикам и барам, знойные полдни сидел в тихих скверах с убаюкивающим журчанием воды...

И впереди грезились еще – дни, месяцы, может быть, годы Парижа. Все, что рухнуло, – университет, карьера, общественные связи – казалось пустяками. Потеряна Москва, приобретен Париж. Что ближе, роднее его? Что свободнее?

Наконец я немножко поостыл. Пора приниматься и за дело.

Первой моей мыслью было – покончить счета со старым, написать ответ критикам моей диссертации, главным образом ренегату Елистратову, чего в Москве мне не удавалось сделать.

Опять я засел в библиотеки. В результате полуторамесячного труда получилась довольно объемистая рукопись, которую я переслал Белочке в Москву. Она была чрезвычайно быстро отпечатана, разослана моим отцом, согласно моим указаниям, и я вздохнул свободно. *Fata* этого *libelli* – кончились¹³. Отвратительная история, стоившая немало нравственных мук мне и моим близким, ушла в прошлое¹⁴.

Уже тогда знал я, что не вернусь к продолжению моего труда, хотя тысячи страниц выписок из книг и архивных материалов для этого исследования остались у меня и, пролежав нетронутыми годы, сохраняются и по сию пору.

Но тема, когда-то столь заманчивая, теперь казалась слишком академической, пожалуй, и безжизненной. Я пережил ее. Мне легко было все, что я мог сказать в заключение ее. Но до публикации выводов я должен был напечатать еще сотни страниц. Нет, с академической карьерой было кончено. Началась новая жизнь, и для нее не годятся старые песни.

Вскоре после моей эмиграции я получил письмо от Михаила Андреевича Рейснера, в котором он сообщал мне, что подготавливает с Леонидом Андреевым «Сборник», посвященный проблемам современности в свете индивидуалистического мировоззрения, и предлагает дать что-нибудь для сборника¹⁵.

Я немедленно откликнулся на предложение и послал большую статью на наболевшую тему – «Университет и политика».

Центральной ее мыслью было – неустранимость политики в университете в конкретных условиях буржуазно-полицейской общест-венности. Частным выводом – вина за разгром университета лежит не на Кассо, сорвавшем уже готовый плод, а на кадетской диктатуре и ее двурушничестве¹⁶.

Через некоторое время пришел ответ Рейснера. Он расхваливал всячески статью – ее общий тон, блестящую форму и пр. Но... считал ее помещение неполитичным. «Лежачего не бьют», – писал он по адресу кадетов.

Странная аргументация для революционера, социалиста.

Позже эта статья отдельными кусками была напечатана мной в ряде газетных фельетонов («Новь», «Утро России», «Жизнь»).

Глава XVI Я – гувернер

Я уже вошел в парижскую жизнь и научную работу, когда в моем существовании неожиданно произошла крупная перемена.

Как-то получаю письмо от Н.Н.Баженова¹⁷, что он едет в Париж и непременно желает встретиться со мной, так как у него есть ко мне серьезное дело, связанное непосредственно с моими материальными интересами.

По существу, я в это время не имел ничего. Бежал я из Москвы в импровизационном порядке, ничего не успев устроить для себя. Скучную наличность мы кое-как поделили с Белочкой; она в это время решила завести собственное предприятие, о котором речь ниже. Единственным ресурсом была скромная субсидия от отца, очень тяготившая меня, так как отец выколачивал эти деньги каторжным трудом. Поэтому я должен был найти во что бы то ни стало заработок, чтобы освободить старика от расточения его скромных сбережений. Первые два месяца я жил буквально впроголодь, экономя на каждой копейке <так!>.

Сообщение Баженова меня окрылило. С нетерпением ждал его приезда. – Но вот уже парижский pneumatique¹⁸ извещает меня, что он приехал и остановился в Hôtel Foyot, в двух шагах от «Люксембург», славившегося первоклассной кухней. Здесь обедали сенаторы.

Поспешил к нему, но встретил его по дороге. Он был не один, с ним был юноша, назвавший себя Т. Юноша сейчас же распроцался с нами, а мы с Баженовым отправились в кафе, и здесь передо мной он развил следующий план.

– Юноша Т., которого вы видели сейчас, – сын миллионщицы Т., той, которая... и т. д. По существу, он – прекрасный молодой человек, неглупый, остроумный, культурный – между прочим, воспиты-

вался в Практической академии¹⁹ и отлично знает вас, хотя у вас непосредственно не учился. Но богатство и маменькина слабость сбили его с толку. Он пристрастился к выпивке, пьет зря и много, ничем не хочет заниматься, словом, гибнет. Надо его спасать. Мать обратилась ко мне. Я решил, что самым правильным для него будет пересадка в новую, непривычную для него культурную среду. Надо пробудить в нем умственные интересы, приучить его к работе. План мой матерью уже принят. Я везу его к моему приятелю со студенческой скамьи – небезызвестному французскому психиатру, доктору Auguste Marie. Он живет под Парижем в так называемом Ville-Juif, директорствует в большой психиатрической клинике, а рядом имеет собственную небольшую больницу и прекрасную виллу. Семья его невелика: жена – русская, бывшая Закревская, но совершенно офранцузившаяся, и две прелестных девочки. Дом поставлен на широкую ногу – бывают депутаты и министры. Т. будет жить у них. У них еще есть таких же два-три пансионера. Есть и русские. Вам я предлагаю стать гувернером сего молодого человека. Вы должны будете иметь общее наблюдение за его жизнью, интеллектуально и морально влиять на него, заинтересовать его какой-нибудь культурной работой, приучить его к правильному труду. Задача – нелегкая, но не невозможная. К тому же вы не стеснены никакими сроками. Т. может здесь жить, сколько понадобится для его исправления. Ему сейчас 19 лет, но он производит впечатление мягкого и даже сердечного юноши. За ваши труды получаете следующее: комнату в Ville-Juif (у самого Marie нет сейчас свободного помещения), полное содержание (стол у них очень хорош) и 500 франков ежемесячного жалования. Мало этого – все расходы на театры, рестораны, автомобили, словом, на все, что понадобится дополнительно для вашей жизни, оплачивается Marie по вашим счетам. Вам остается тратить только на костюм, на книги.

Предложение было блестящим. Сейчас я мог тратить на себя не более 100 франков и, конечно, не смел думать о театрах, хороших ресторанах, автомобилях и т. д. Теперь, прилично одевшись, что в Париже стоит относительно дешево, я мог чуть ли не целиком откладывать ежемесячно 500 франков и освободить отца.

Но... новое для меня дело меня несколько пугало. Индивидуальным менторством я никогда не занимался. Одно дело – влиять на аудиторию, класс, группу, другое дело – быть воспитателем, следить за каждым шагом питомца, нести нравственную ответственность за все его деяния... К тому же питомец трудный – что бы ни говорил Николай Николаевич, – набалованный, с алкоголическим уклоном...

Я колебался. Но Баженов в меня вцепился.

– Что вы безумствуете? Ведь это – редкий случай. Ведь любой – и русский, и француз – возьмется за эдакое дело. Но мне хочется,

чтобы это были именно вы. Я и матери дал полное ручательство спасения ее ребенка только в этом случае. Вы вовсе не должны нянчиться с ним. Он будет жить в прекрасной, строгой семье. У вас останется время и для собственной работы... Наконец, попробуйте. Не пойдет – оставите... Никто вас закабалить не может.

Я согласился. На другой день я поехал с Баженовым знакомиться к Marie, а через два дня переехал уже в Ville-Juif, где находился мой ученик.

Ville-Juif, как видно из названия, был средневековым гетто Парижа, здесь когда-то жили исключительно евреи. Теперь это – маленький, чистенький, весь в зелени пригород Парижа, ничем не замечательный, кроме остатков от галльской эпохи, которые здесь находят при раскопках.

Хозяева виллы по первому впечатлению мне показались привлекательными. Доктор имел типично французскую – благородно-умную – внешность, серые острые глаза, мягкие манеры. Хозяйка дома – крупная, красивая, слегка грубоватая блондинка с ласкающими манерами. Две маленькие девочки – Suzon и Renée – были действительно, опять-таки по-французски, очаровательны – своеобразной наивностью, жеманством. Как будто не вполне естественно, но так мило и изящно, что нельзя не любоваться. Доктор Marie дружески меня приветствовал. М-те осыпала любезностями. За завтраком, кроме членов семьи и нас с Баженовым, присутствовали еще – мой будущий ученик, две барышни и маленькая старушка аристократического вида.

Ученик казался отличным, непритязательным малым, весело острил по-русски и по-французски (общий разговор был французский, и хозяйка дома призывала к порядку при каждом русском слове), пил вино, но без особой жадности, и даже мило краснел. Со мной встретился приветливо и даже объявил (может быть, наученный Баженовым), что очень рад иметь меня своим руководителем.

Одна из барышень была русская С., так же, как и Т., из московской многомиллионной купеческой семьи, страдала истерией, тоже была экспатрирована Баженовым и сейчас занималась музыкой с парижской знаменитостью – профессором Пюньо.

Другая барышня, дочь известнейшего парижского скульптора Labatut, только что кончила консерваторию по классу арфы. У нее был какой-то неудачный роман, она слегка свихнулась и была помещена к Marie на излечение.

Несколько более замысловатой была аристократическая старушка. Она была – не то marquise, не то duchesse²⁰, но обедневшая и сильно «тронувшаяся». Она была помещена в частную больницу д<окто>ра Marie ее родственниками. Обычно она презрительно молчала. Но стоило ее спросить – не знакома ли она с той или другой

знатной фамилией, как она мгновенно расцветала и пускалась в долгие, но очаровательные остроумием и тонкостью рассуждения об аристократии. Она называла себя большим другом «le grand duc Wladimir» (великого князя Владимира) и охотно рассказывала, каждый раз по-разному, о своих встречах с ним. Она была мила и безобидна. Она становилась невыносимой, только когда д<окто>ру Marie приходила блажь спеть какой-нибудь романс. Мгновенно старуха начинала выть – пронзительным, фальшивым голосом. Приходилось или ее уводить, или Marie прекращать свое пение.

Но вернемся к завтраку. Он был великолепен – обилен, тонок, с *sachet*²¹ изысканной парижской кухни.

После завтрака хозяйка мне показывала дом. Вилла, хотя и трехэтажная, была невелика. Но комнаты были убраны с присущим французам изяществом и шиком. Старая стильная мебель, обилие материй, со вкусом подобранные безделушки – создавали приятные, живописные углы. Комнаты пансионеров были опрятны, но совершенно просты. Приемные комнаты были внизу, комнаты жилые наверху. Вилла стояла в небольшом саду. Сзади виллы – *basse cour*²² и крохотная площадка.

Потом M-me Marie повела меня в мое жилище, находившееся в пяти минутах ходьбы от их дома. Моя комната – с самостоятельным входом – была точной копией с миллионов французских мелкобуржуазных комнатушек – с камином, зеркалом над ним, кроватью с балдахинном и пр. На другой день я переехал.

Первые дни пребывания на новом месте прошли как праздник. Милое общество, рояль и арфа, прекрасные завтраки, не менее прекрасные обеды, поездки в Париж – в театры, на бульвары – создавали иллюзию, что будней нет, что благодаря какому-то хитроумному устройству всё и вся предназначены только для того, чтобы мы могли придумывать себе развлечения и получать побольше удовольствий.

Но, как ни была приятна и легка вначале подобная жизнь, она меня, конечно, не удовлетворяла: во-первых, меня тянуло к моей работе; во-вторых, надо было думать и о моих обязательствах по отношению к ученику, который никак и ничем не протестовал против установившейся *train de vie*²³.

К тому же скоро случился эпизод, покончивший с моим прекраснодушием. Однажды – я, Т. и С. отправились в театр, а после в один из монмартрских ресторанов. Средствами мы не стеснялись; ужин и вино были выбраны высокой марки, мы весело болтали. Т. куда-то на минуту отлучился, и скоро *garçon* принес ему стакан воды, который он залпом проглотил.

– Что, вам дурно? – спрашиваю его.

– Нет, теперь хорошо, – смеется он. Смеется и С. Я чувствую подвох. – Да это не вода, а *liqueur russe*, – признается вдруг Т.

Так, на моих глазах, он хладнокровно залпом хватил целый стакан водки. Если бы ему не захотелось показать молодечества, то мне и в голову бы не пришло, что он и во французских ресторанах добывает водку. Баженов меня предупреждал, что Т. не следует отказываться в вине – в умеренном количестве, – но ни в коем случае не решать водки, во избежание алкогольных рецидивов.

Я был страшно возмущен и не скрыл своего раздражения. Т. – растерялся, покраснел и обещал мне, что впредь не будет пользоваться подобными уловками. Но настроение мое было испорчено. Со следующего дня я решил начать неуклонно проводить мою педагогическую программу. Беда была лишь в том, что, в сущности, никакой программы у меня не было, а была только некоторая уверенность, что я сумею его заразить какими-то умственными интересами.

Но надо было их еще нащупать. Разговоров на серьезные темы Т. под всякими благовидными и малоблаговидными предлогами избегал.

– Да мне все надоело, Алексей Алексеевич, – стонал он. – Я не люблю учиться! На что мне науки? Я устал от дерганья в Москве, дайте отдохнуть... и т. д.

Я все же напирал, хотя было скучно и даже как-то безнадежно. Книг мало-мальски серьезных он принципиально не читал и демонстративно откладывал их в сторону после моих усиленных рекомендаций. Посоветовавшись с Marie, я решил повозить его по музеям, лекциям, митингам, рассчитывая, наконец, нащупать место, за которое можно было бы уцепиться. И вот начались 1½ месяца утомительнейшей «работы» с упрямым и лентяем, кончившиеся моим полным педагогическим банкротством.

После утреннего кофе мы выезжали с лучшими намерениями в Париж. Маршрут был заранее намечен. В нескольких словах, чтобы учеба не очень осточертела, я характеризовал Т. то, что мы собирались смотреть, слушать. Он со снисходительно-скучающим видом выслушивал разъяснения, но прерывал меня вопросами: «А где мы будем завтракать? В Café Anglais? или поедем лучше к Ermenonville, мы там еще не были. А где, вы думаете, лучший выбор устриц?» и т. д. Сердиться на взрослого ребенка было трудно, но как-то досадно было тратить себя на такое неблагодарное занятие.

Приезжали мы в музей, на лекцию. Через полчаса мой Т., невзирая на красноречие, мое или чужое, начинал немилосердно тосковать. Он зевал, мычал в ответ на мои вопросы и, наконец, не выдерживал. «Ну, довольно, Алексей Алексеевич. Я устал, я уже ровно ничего не понимаю. Да и к чему мне все это? Поедемте завтракать. Я смертельно проголодался». И мы отправлялись в ресторан.

За ½ месяца я прошел полный, исчерпывающий курс по всем шикарным и фешенебельным ресторанам Парижа. Цены для нас значення не имели. Мы ели, а Т. и пил, все дорогое и изысканное, при-

мёры²⁴ и внесезонные раритеты. Спускались мы и в скромные ресторанчики отдаленных кварталов с «cuisine bourgeoise», известные какой-нибудь *spécialité*²⁵. Устриц мы проглотили горы, начиная с вульгарных *portugaise*²⁶ и кончая несравненными, по тонкости, новозеландскими. Но, как ни любопытно было знакомиться с гастрономической географией Парижа, но за ½ месяца это занятие мне опостылело. По существу, вся моя педагогика свелась к обереганию моего питомца от алкоголя.

Ни к чему я не сумел привить ему вкуса, ничему я его не научил.

Дома он балбесничал, скучал, брэнчал на рояли, напевал то заунывные, то развеселые русские песенки, часто и не совсем приличные. Чувство юмора его не покидало. Однажды у Marie собралось общество. Мужчины были в жакетах или смокингах. Большинство из них было *décorés*²⁷. Дамы были нарядны и манерны. Мы были представлены гостям и, в качестве русских, возбудили общий, особенно дамский, интерес.

М-me Marie, представляя Т., между прочим, имела неосторожность заявить, что он поет очень мило русские песенки. Дамы сейчас же пристали хором к Т.: «Chantez quelque chose!»²⁸ Т., нисколько не ломаясь, направился к роялю. Через минуту, подобрав нужные ему аккорды, заунывнейшим глухим голосом он затянул невыразимую белиберду, выдерживая ее всю на одной ноте. Это был подлинно похоронный вой:

М-и-и-л-ы-е ро-ди-те-ли!
 Чёр-та не хо-ти-те ли?
 А если хо-ти-те,
 То мне на-пи-ши-те!

Наглость, с которой он исполнил этот номер, принимая во внимание, что хозяйка была русская, была просто изумительна. Но юмор положения был таков – парижские дамы слушали оболтуса со вниманием, – что я и С. давились от смеха.

Т. кончил и с серьезнейшей миной встал. Все стали выражать удивление, почему он спел такую печальную песнь.

– Ah, comme c'est triste²⁹.

– Mais dites donc, quel drôle de chanson!³⁰ – и т. д.

Хозяйка стала уверять гостей, что это была шутка, и постаралась всячески замять разговор о песенке. Но больше Т. не просили петь, и он с наивно-победным видом удалился.

Наконец я решил поговорить по поводу крушения моих педагогических затей с <супругами Marie>. Их отношение к этому вопросу меня поразило.

– Да, очень жаль, конечно, что ничего не удастся серьезного с ним сделать, – бурчал доктор. – Ну, что ж? Пускай поживет еще; увидим, что будет дальше. Т. богаты: расходы для них не значат ни-

чего. (Т. платила за пансион сына колоссальную сумму – 1000 фр<анков> в месяц – комната и стол). С какой же стати отказываться от такого пансионера. Во всяком случае, ему здесь пожить не вредно. Вы можете побольше оставить времени для себя. Я уже говорил с директором «College libre des sciences sociales»³¹. Они с величайшей готовностью поставят ваш курс в программу этого года. Для вашей книги (диссертации) я также рассчитываю найти издателя. У вас, таким образом, будет и собственная большая работа.

На другой день после дипломатического разговора Marie решил сам взяться за дело, и мы поехали устраивать Т. в какую-то соседнюю политехническую школу. Разумеется, и эта попытка кончилась ничем. Т. съездил, посмотрел, со всякими предложениями деликатно соглашаясь, но поехать туда на другой день, чтобы начать учиться, отказался наотрез. И продолжалась прежняя жизнь.

Через два месяца приехала мать Т. В разговоре с ней я выложил все начистоту, объяснил, что я, а, по моему убеждению, супруги Marie еще более чем я, бессильны принести реальную пользу ее сыну, и советовал ей взять его обратно. Деньги, которые она платит за него, бросаются на ветер. Во всяком случае, я просил освободить меня от несения моих «педагогических» обязанностей. Мать Т. совершенно согласилась с моими доводами и увезла сына обратно в Россию.

Я не хочу омрачать памяти культурного и, в общем, милого Баженова. Но должен признать, что у него было поразительное отсутствие стеснений с богатой клиентурой. В отношении к ней он нередко шарлатанил. Баженов и Marie создали своеобразное и весьма доходное коммерческое предприятие – пересадки не особо серьезных и не опасных, но хорошо обеспеченных клиентов с родной почвы на чужеземную. Баженов поставлял Marie своих больных, Marie – Баженову, и предприятие процветало за счет доверчивых клиентов. Что они теряли? Не знаю, думаю – кроме денег, ничего.

Отъезд Т. был концом моих отношений и с Marie. Они узнали все и не могли мне простить «измены». Баженов позже говорил мне, что они отзываются обо мне с крайней антипатией. А какими друзьями мы были в течение двух месяцев!

Глава XVII Я живу в atelier

Благовонными венками был украшен милый дом.
От постели, вечно весел, подымался я поутру.

Катулл

Богатый период жизни кончился. Из Ville-Juif я вновь перекочевал в Париж. Но устроился не на любимом левом берегу, а поближе к Национальной библиотеке, на rue Richelieu, в отеле «Страсбург».

Моя комнатка au cinquième³² была уныла. Из окон я мог наблюдать в утренние часы только мастерскую дамских шляп, помещавшуюся напротив через улицу.

Случайная встреча изменила условия моего существования.

В один из «вдохновенных» вечеров, закончив работу, я решил прогуляться на улицу Gaité.

Rue Gaité даже в Париже в своем роде единственная улочка. Крошечная, узкая, грязная, расположенная почти на окраине, в квартале, заселенном рабочими, ремесленниками, мелкими чиновниками, она живет циклически: утром, когда армия служащих, подённых, мидинеток устремляется по ней на работу, на правый берег; часам к пяти, когда <эта> армия потрепанная, усталая возвращается домой и с 7–8 час<ов> вечера, когда она становится олицетворением бесшабашного веселья.

На этой улочке имелось четыре театрика, не более как на 500 зрителей, столько же кино, бесчисленное количество кафе, баров, ресторанчиков, закусовых. Часов в 10–12 ночи здесь светло, как днем. Шумливая толпа, то истекающая сентиментальностью в приятельских и любовных встречах, то вскипающая ссорами и драками, – бурлит по мостовой и тротуарам и стихийной неудержимостью увлекает всякого, кто попадает в нее. Улочка Gaité лечила от любого сплина.

За франк можно было пойти в театрик (с бесплатной консомацией в виде кофе, миниатюрного стаканчика пива или вишень <так!> в спирте), прослушать, пересмотреть ораву эстрадных исполнителей – певцов, певиц, куплетистов, декламаторов, танцовщиков, эксцентриков. Оркестрик маленький, но смелый, артисты – то уже сложившиеся, небезызвестные и на правом берегу, то дебютанты, с робкой неуклюжестью выступающие впервые в добродушной, но чуткой аудитории, и сама аудитория, преимущественно рабочая, модистки, шляпницы, богема, дурившие без удержу, – создавали настроение, незнакомое другим театрам. Вся публика была одной компанией. Такой элементарной, почти животной радости я не испытывал нигде. Своеобразие этой обстановки привлекало в театрики Gaité нередко и артистов с громкими именами. В одной мимодраме в Théâtre Gaité Montparnasse, помню, выступала уже прославленная тогда писательница – Colette Willy³³.

Я, вообще никогда не унывавший, на улочке Gaité окончательно освобождался от всего, что накапливалось в жизни, и веселился, как умел.

Так, волнуемый приятными предвкушениями, поехал я на улочку Gaité. Чтобы испить чашу радости до дна, решил я пообедать там же в хорошо известном ресторанчике, где кормили разнообразно, дешево и вкусно, как в большинстве парижских заведений этого типа.

Не успел я устроиться на террасе, висевшей над жидким палисадником, как слышу русский возглас: «Здравствуйте, господин профессор». Чувствую, такое обращение могло относиться только ко мне. Подымаю голову. Смутно припоминаю художника, с которым я встречался восемь лет назад в Париже же – Александра Георгиевича Якимченко³⁴. Его широкое, лунообразное, белое лицо дружески улыбалось. Радостно здороваюсь с ним. Он подсаживается к моему столу, с ним высокий, стройный юноша, со следами эlegantности в костюме – петербургский художник Божерянов³⁵.

Якимченко – один из привлекательнейших людей, каких я видел в моей жизни. Он был даровит, искренно любил свое искусство (живопись), обладал бесспорным тонким вкусом, был отзывчив, добр, благороден. По-русски «смекалистый», лукавый, он то работал запоем, забывая есть, то ленился – фланировал, посасывал трубочку, добродушно философствовал. Все в мире для него было источником радости. Он вкусно ел и пил, вкусно работал, смаковал город, толпу, зрелища, друзей. В нем – физически плотным, коренастым, все духовное было таким же плотным и добротным, по-каратаевски круглым. Типичный представитель богемы, он больше начинал, проектировал, мечтал, чем осуществлял. Однако у него были достижения. В одном из салонов («Независимых») его полотно было приобретено правительством (кажется, находится в Лилле). Его нормандские этюды нравились взыскательнейшим судьям, один из его рисунков помещен А.Бенуа в его «Истории живописи».

Началась беседа. Я познакомил собеседников с моей судьбой. Расспрашивают – как я устроился. Я что-то пожаловался на мой отель.

– Да зачем вы там живете? Дорого и неинтересно, – заметил Якимченко. – Переезжайте к нам на улочку Bellony. Через месяц я еду в Россию. Занимайте мой atelier. Дешево и хорошо. До меня в этой мастерской жил Тархов³⁶. Так и будет ателье русским. Познакомитесь с жизнью парижской богемы. Заходите посмотреть.

На другой день я был у него.

Это лето Париж изнемогал от зноя. Пекло доходило до 55°. Лошади были обряжены в соломенные шляпы, чувствительные парижане падали, как мухи, от солнечных ударов. Под прохладными сводами библиотек – Национальной и Женевской – сидеть было хорошо, но в отеле надо было раздеваться донага. Ванны освежали на короткий срок.

Без труда нашел я улочку, которой суждено было стать столь же дорогой моему сердцу, как и Rue Monsieur le Prince. Нашел №7. Огромный двухэтажный бетонный дом. Вхожу в ворота. С типичного каменного двора чугунная лестница вела на галерею, окаймлявшую мастерские второго этажа. Вот и карточка Якимченко. Стучусь. Отворяет сам хозяин – лоснящийся и полуголый. По лицу струится пот.

Огромное – двойной высоты против обычных комнат – сараеобразное помещение. Передняя стена наполовину и половина крыши – матового, негладкого стекла. Но сейчас в стекло бьют беспощадные, почти прямые лучи солнца. И в огромном сарае душнее, чем в обычной комнате.

«У меня Потогония», – острит Якимченко. По предложению хозяина снимаю пиджак, жилет, осматриваюсь. Почти пусто. Полусломанная кушетка, два дрянных стола, заставленных банками, бутылками, горшочками. Всюду – краски, кисти, листы для гравирования. Тут же и предметы домашнего обихода. Мольберт. Картины – на стенах, на стульях, на полу. У одной стены – железная печь, знаменитый «Repaud», от нее гигантская труба тянется через всю мастерскую. У задней стены лестничка ведет на балкон – *souspente*³⁷ – второй этаж этой же комнаты. Там – убогая кровать, убогий ручной мойник, подобие шкафа. Над кроватью, прямо над подушкой – веревка, дергая за которую можно открыть в крыше огромный четырехугольный люк и видеть над собой парижское небо. С *souspente* открывался живописный вид на мастерскую.

Всегда я был поклонником больших объемов, в квартирах меня всегда соблазняли крупные размеры комнат. К уюту маленьких помещений я равнодушен. Мне нужен простор, воздух, перспективы. И якимченковские «палаты», в которых легко было бы танцевать десяти парам, невзирая на убогую обстановку и нестерпимый зной, пленили меня сразу. Притом сокровище это стоило за терм³⁸ 40–45 франков, то же, что комната захудалого отеля за один месяц. Судьба моя была решена. Через месяц Якимченко отправился на родину, а я въехал в оставленное им логово, получив в наследство изрядное количество этюдов, среди которых колоссальное полотно с изображением голы женской спины и ее окрестностей занимало почетное место. Я отправился к местному *brokanteur* (мебельщику-старьевщику) и за 15 франков (около 6 рублей) обновил обстановку. При помощи Божерянова задрапировал серо-голубым кретоном наиболее уязвимые места нового жилья, и *atelier* стал выглядеть как сотни подобных *ateliers*, принадлежавших еще непризнанным артистам³⁹.

Во всем доме было таких сарайчиков до 40. Жили в них исключительно художники – французы, немцы, англичане, итальянцы, американцы, скандинавы. Из русских кроме меня был Алхазьян – армянин, с которым я скоро свел приятельство.

И потекли счастливейшие – без преувеличения – дни моей жизни.

К жилью моему с полным правом можно было применить поговорку: «Наша горница с богом не спорится». В жаркую погоду в нем нечем было дышать. Только ночами я глотал воздух через отверстие в крыше дыру и звездами настраивался на возвышенно-лирический

лад. В дождливую погоду потоки воды, стекая по толстому стеклу, производили чудесные гармонические звуки. Такова должна была быть Эолова арфа. Зимой, когда приходили «суровые парижские морозы» (ниже -8° я не наблюдал), в atelier водворялась полярная температура. Ниже -4° она, впрочем, не падала. Вода замерзала. Утром над головой стояло облако пара. Встать с постели было мучением. Но, вскочив, я летел вниз к «Renaud». Через 10 минут он хлопотал, как паровозная топка, через полчаса в мастерской было не менее 15° , через час 20° и больше. И пока кипел «Renaud», в atelier было настолько жарко, что приходилось распахивать гигантские стеклянные площади. Но... догорал антрацит, умолкал «Renaud», и стужа водворялась вновь.

Однажды мои топливные запасы иссякли. Я был нездоров, меня лихорадило, выходить наружу не хотелось. Перспектива ледяного вечера меня пугала. Но что мобилизовать? Тут мой взгляд упал на жирную спину полуторааршинной голой женщины. Краски лежали на ней целыми комками. Вблизи живописная поверхность представлялась географическим рельефом. Не долго думая, искромсал я в куски жирную спину и стал пихать в «Renaud». Что стало с ним? «Renaud» завыл. Заслонки бешено трещали. Скоро на два, на три шага нельзя было подойти. Теплота пришла мгновенно. Я добрался скорее до постели и заснул под успокоительное похлопывание верхней крышки. И угару вовсе не было.

И не только я скоро привык к моему новому жилью <так!>: я страстно полюбил его. На моих друзей оно производило нередко удручающее впечатление. Мне передавали, что Иван Александрович Ильин⁴⁰, побывавший у меня, писал кому-то: «Боровой живет в ужасной обстановке... в грязном и холодном сарае».

Нет, мне жилось в нем удивительно хорошо. Как я в нем чудесно работал. Совсем один, я мог часами мерить шагами мой огромный кабинет, искать мысли, записывать их и опять ходить, давая исход накапливающемуся возбуждению. Мог декламировать вслух отдельные места моих писаний и слушать, как они звучат. Идеальные условия для работы.

Первое время меня довольно часто отрывали от нее. Стучали в дверь.

– Войдите! – Появлялась обычно молодая женщина, девочка, изредка мужчина.

– Вам нужна модель?

– Нет, я не художник.

– Не художник? Почему же вы здесь живете?

Делались предложения и иных услуг. От случайных посетительниц слышал я страшные истории. Две девочки – 14–15 лет – рассказывали мне, что они были жертвой похотливого отца, жили с ним, а

пошли в «модели», собственно, для шоколада. Я говорил о них моим соседям. Они пожимали плечами.

– Что ж! Это не редкость. С годами пройдет.

Художники обычно предлагали модели раздеться, когда ее не знали, даже если она в данное время им была и не нужна, осматривали со всех сторон, похлопывали, приговаривая: «pas mal, pas mal»⁴¹, потом предлагали зайти еще как-нибудь, так как сейчас они заняты другим делом.

В те дни, когда я не шел в библиотеку и работал дома – я стряпал сам себе обед. Закупал мяса, овощей и превращал «Repaud» в кухонную плиту. Через час-полтора был готов «rot-au-feu» или «soupe rousanne»⁴². Постоянным блюдом моего меню был, конечно, и pomme de terre во всех видах – en robe, frite и пр.⁴³. Все скрашивалось изумительным разнообразием салатов – romanie, chicorét, latouc, cresson, pisse-eu-lit и сыров – бри, камамбером, рокфором, горгонзола, иногда густой душистой струей растекавшихся по тарелке. А еще – виноград, мандарины, бананы... И все это стоило гроши. Все угощение с сыром и фруктами можно было соорудить за франк, за 80 сантимов (30–35 копеек).

Когда Белочка наезжала из Москвы, она выражала полное удовлетворение моими кулинарными талантами. Неприятным делом было мытье посуды, но я, по обычаю художников, копил ее и мыл раз в неделю. Пол мыла консьержка, она же стирала белье.

После работы и домашнего хозяйства приходили часы отдыха. Один или с встретившимся по дороге приятелем – в моем же доме их было сколько угодно – я шел смотреть неисчерпаемый Париж. В дождливую погоду – сидели, болтали, я играл на взятом напрокат пианино. «Борис Годунов» Мусоргского, «Князь Игорь» Бородина, «Садко» Римского-Корсакова пользовались наибольшим успехом у артистов всех национальностей.

Да, этот год жизни в atelier – один из счастливейших, если не счастливейший год моей жизни.

Конечно, были острейшие моменты, когда кружилась голова и терялось представление о том – что живешь, как живешь и т. д. Так было, когда я любил.

Парижское счастье было иным. Оно было могучей, все заливающей, но сознательной и ясной радостью. Я твердо знал, что может дать мне моя сверхличная любовь, что я могу взять от нее. Ни одно облачко не омрачало горизонта. Неудобства жизни тонули в огромном, не сравнимом ни с чем блаженстве, доставшемся мне. И все, что было перед глазами – серые с пятнами стены, матовое стекло

скошенного потолка, souspente и крышная дыра, – навсегда слилось в моей памяти в светлую, мажорную симфонию.

Где-то я вычитал, что один китайский мандарин, проживший сотню лет, смолоду прибил у себя над ложем дощечку с надписью: «Я – здоров, молод, силен и многое способен еще сделать». И десятки лет, просыпаясь, читал он эту надпись. Она делала его бодрее, вселяла веру в себя, обеспечивала яркий и радостный день.

И я решил следовать его примеру – мудро, творчески жить. Изготовил плакат, прибил над кроватью и каждое утро смеялся ему. С утра я знал, что должен гнать прочь сомнения, все, что угнетает, подсекает крылья, старит... Это ли не легкомыслие? Мои «глубокомысленные» товарищи в это время создавали «положение». Нет, я не раскаивался ни в чем и не хотел никаких перемен. Моя <судьба> – с надеждами и верой в мое мировоззрение – казалась мне завидной по сравнению с достижениями преуспевающих чиновников.

Был еще один – специальный – источник высокой заряженности в стенах atelier – обилие художественных впечатлений, притекавших отовсюду, радость общения с искусством и людьми, творившими его. <...>

Приобщение к миру художников было неизбежно и приобщением к богеме. Конечно, «богема» в современном понимании утратила многие живописные черты, набросанные Мюрже, Гаварни и десятками других мастеров пера и кисти. Но существенные, конститутивные черты богемы, разумеется, остались. Да они и не могли бы исчезнуть. Ибо они – плод молодости, свободной профессии, индивидуалистического строя, мироощущения артиста, влияний необычайного города. Богема может быть везде; нигде, однако, она не получила такого полного выражения, как в Париже. Это мне говорили художники, хорошо знавшие Рим, Мюнхен, Вену, Лондон и т. д.

Что такое богема? – Неопределенное, безответственное, порой утрированное свободолобие, на обывательски-неточном жаргоне, своеобразный анархизм, умственно-душевная неустойчивость и расточительность, энтузиазм, часто не сопровождаемый трудом, словесные ракеты, остроумие, наконец, политическая беспринципность, обеспечивающая снисходительно-ироническое сочувствие властей. Браводы богемы – не страшны, как весенние ливни. Психологическое содержание богемы – по общераспространенному убеждению – прожигание жизни в веселье и распутстве. Дешевый эпикуреизм, не знающий забот и горя. Горе – пустой карман, но завелись су у приятеля, и горя нет.

В этом традиционном представлении богемы многое – неверно. Лирика богемы, по крайней мере современной, была скорее грустной, сладко-грустной, томящей, как первая любовь, но не танцем

дикаря. Мои наблюдения – случайны и поверхностны. А вот – свидетельство испытанного современного «богемца» – Ф.Карко, написавшего правдивую, чудесную для всех любящих Париж книжечку «От Монмартра до Латинского квартала»:

«Какое-то особое опьянение мечтой и печалью, глухой, без отклика. Оно окутывало нас подобно тому, как звук осеннего дождя, то перестающего, то снова льющегося, баюкает и погружает в сладкое оцепенение».

Еще:

«Может быть, еще больше любил я мрак улиц, отели, кабачки, холод, мелкий дождь, сеявший над крышами, случайность встреч и потом – острое ощущение заброшенности, сжимавшее мне сердце».

Кто из живших в Париже – именно в Париже – в одиночестве, в условиях неопределенной и безответственной свободы, не повторит с сочувствием этих слов Карко. Так чувствовал я сам. Не раз подобное я слышал от внешне кипучих, как будто всегда веселых рапен⁴⁴. Наряду с размахистыми вечерами Монпарнасского квартала и его «приютов», я помню – и более ярко – вечера в полутемных ateliers, глубоко мечтательные, лирические, почти сентиментальные.

Но – говорят – бесплодное расточение сил? Сколько времени уходит без соответствующего эквивалента – в работе, в творчестве?

Так ли это? Мы все помним красноречивые слова Гёрцена, «оправдывавшие» такие дни и ночи молодости. Кто проследил и может проследить творческие импульсы именно в часы праздности и лени? Ведь мозг и сердце работают иногда в бездействии еще острее, напряженнее, чем в часы усидчивой, автоматической работы. Часто беспорядок – только кажущийся. За ним скрывается – не трафаретный, свой порядок, не вылившийся в привычную, всем импортирующую форму.

Надо посчитать и то, что некоторые члены богемы вообще были безнадежны. И в других, во всяческих условиях, если бы над ними не тяготела, в буквальном смысле слова, палка, они не могли бы систематически учиться и работать. Природный инстинкт взял бы свое, и неспособность или даже отвращение к регулярному труду – могли приобрести иной, более грозный характер. Процент таких вечных, оголтелых богемцев, уносящих свои настроения и повадки и в зрелый возраст, – конечно, невелик. Богема состоит из молодых. Старые, даже средневозрастные в ней – единицы. Так же, как в Германии: бурши – пьяницы, цукалы⁴⁵, дуэлянты с годами преобразуются в трудолюбивейшее и педантическое бюргерство.

А разве неправ Дидро – что немало педантов дурно говорит и дурно пишет всю свою жизнь, несмотря на то что они не перестают учиться, ничему не научаясь.

Наконец, неверно, что богема не работает. Да, выпадают folie journées⁴⁶, «безумные», сквозные ночи. Но они – не правило. На моей улочке Bellouy, №7 – все типичные представители богемы, сегодня не имеющие ни гроша, завтра прогуливающие откуда-то свалившиеся франки, – с 8 час^{ов} стояли на работе – писали, лепили, проектировали. И только в 12 – бежали на базар или в ресторан. А сколько в горячем увлечении позабывало про обед и вспоминало о пустом желудке, когда свет уходил и работа естественно кончалась. Большинство богемцев, на мой взгляд, были отличными работниками – внимательными, ревнивыми, упорными.

И в этой работе не было дилетантизма. Наш Кукольник, «необычайно ясно и дельно» излагавший Глинке историю Литвы и тут же утверждавший: «Прикажут – завтра же буду акушером», – явление в парижской, да и во всяческой богеме невозможное. Щедрин, рассказавший этот анекдот, прибавлял: «куда угодно, когда угодно и все, что угодно... тут не столько акушерство, сколько выражение готовности» («Господа Ташкентцы»). Вот именно этого «выражения готовности» у богемы быть вовсе не могло. Она любила свое дело фанатически, поверхностный энциклопедизм ей чужд, не говоря уже о том, что «прикажут» – понятие, идущее вразрез с природою богемы. В ней все построено на естественном влечении.

Доржеме прекрасно вскрыл психологическое содержание богемы: «...мы оставляем позади себя даром растроченные дни, бесплодные усилия, неудачные романы, вместо семьи – бесчестных трактирщиков, вместо теплого гнезда – сырые трущобы... Но... если мы еще иногда смеемся теперь, то только при воспоминании о тех невзгодах и печалях» («Boutique de Socrate»).

По природе я лично – не человек «богемы», в работе, скорее, «педант» – надеюсь, не в смысле, установленном Дидро, – но я знал и понимал настроения богемы.

Это – сложное соединение. Оно соткано из сознания принадлежности только самому себе, чувства особой восприимчивости, жадности к впечатлениям бытия, бескорыстной симпатии к товарищу, космополитической колонии, островку, затерянному в чужом человеческом море, гурманства высокими, волнующими темами – философии, искусства, жизни. Прелесть такой психологии в незамутненном виде – несравненна. Она способна дать самое подлинное представление о бескорыстной человеческой дружбе. Но богема требует молодости, отсутствия в душе перегорающих и перегоревших остатков, свежести. Мозг, сердце, глаза, уши – должны быть «новыми». Старость в богеме жалка. Она – свидетельство поражения. А богема и психология неудачника (raté) несовместимы. Верлены, как всегда, лишь подтверждают правило.

Наиболее частым моим гостем был художник Божерянов, оставленный Якимченко, как он шутил, мне вместе с atelier в наследство.

Божерянов был неглупый, начитанный, изящный, но женственный и хрупкий. Страдал он хроническим безденежьем. Костюм его еще хранил следы хорошего портного, вкусы и манеры были выше уровня окружавшей нас богемы, но он с трудом сводил концы с концами и тяжело от этого страдал. Продажа картин, гравюр – не замечательных, не оригинальных, но сделанных со вкусом, – давала, разумеется, гроши. Помощь извне, из Петербурга от отца⁴⁷, известного исследователя старины (издавшего «Невский проспект» и др.), приходила редко. Не днями, а неделями он голодал и на моих глазах становился все худее и желтее. Его мастерская была в Версале, но, попав в Париж, иной раз он надолго застревал в нем – не на что было поехать и в Версаль. Только могущественный Париж мог разогнать меланхолию и возвращал бодрость.

С наступлением холодов он часто оставался у меня на ночевку. Он – длинный, я – короткий, укладывались на одной вполне односпальной кровати, прикрывались всем, чем могли, и, наговорившись, засыпали до студеного утра. Было неудобно, негигиенично, но другого выхода не было.

Другим моим частым посетителем был живший рядом Алхазьян – добродушный, но туповатый армянин, работавший, невзирая на ультралевые соседства, в строго реалистической манере. Его пейзажи и натюрморты были крепки, но пахли «академией» и были лишены всякого индивидуального «sachet»⁴⁸. Как ни странно, его живопись совершенно покорила нашего домохозяина – старика-француза, красавца, но раздражительного, злого и истого Плюшкина по костюму и манере жить. Хронически должавший Алхазьян платил ему картинами. И это была – чистая романтика. На картинах Алхазьяна нельзя было сделать аферы.

Божерянов перезнакомил меня со многими своими приятелями. Среди них припоминаю смелого, даровитого Архипенко⁴⁹. В ту пору он только начинал, но кубистические его выдумки были замечены и вызывали на выставках град насмешек. Сквозь неуклюжие, еще не найденные формы, пробивалась уже острота, умевшая остановить и взволновать. При мне Архипенко становился «футуристом». С величайшим увлечением, в маленькой, невзрачной мастерской, он трактовал своим, еще не приобщившимся приятелям, о «чувстве современности», о «новых ритмах», о «новом стиле», – смелом, волнущем и четком. Он заразил меня. И я строчил ему письмо в Германию, куда ехали его «вещи». Через несколько лет он победил. Сейчас у него признанная артистическая репутация.

Заходил ко мне Тугенхольд⁵⁰, тогда усердно учившийся, позже авторитетный писатель по вопросам искусства. С бутылкой ликера в

кармане забредал вечерами Эренбург. Растянувшись на кушетке, слушал мою музыку, рассказывал про Испанию. Приходил маленький, корректный, уже добившийся признания Зак⁵¹. Мы неизменно шагали в «Mille colonnes», кино на Rue Gaité. Зак очень много обещал и слишком рано умер. Заходил старый приятель Перельман, всегда взбудораженный и злой.

Однажды сделал я знакомство, перешедшее в дружбу – увы – кратковременную.

Как-то я попал на приемный вечер к моей старой знакомой – популярной русской артистке – Елизавете Сергеевне Кругликовой. У нее, как всегда, толкалось много народа, преимущественно, из мира художников. Помню – Ж.Якулова, М.Волошина, филолога А.А.Смирнова, тоже профессора Петербургского университета, с женой, Зака, Виттига, Судьбинина, Ленуара, Штикгольда.

Вот Штикгольд и стал моим закадычным другом⁵².

Он был польский еврей, лет 35, красавец, сын богача, инженер по профессии. На четвертом десятке его взяло сомнение – правильно ли он избрал свою дорогу. Как Гоген, он почувствовал внезапно непреодолимую страсть к искусству – бросил все дела, порвал все связи и устремился в Париж. Где-то на дороге встретил двадцатилетнюю венгерку, женился и к тому времени, когда я узнал его, имел уже трехлетнюю девочку.

Эта супружеская пара была курьезная. Он говорил по-польски и по-русски, она по-венгерски и по-немецки. С грехом пополам оба объяснялись по-французски, который и был их общим языком. Но девочка росла на многоязычной мешанине и в три года не умела связать ни одной правильной фразы.

Жена Штикгольда была сильная, бело-розовая женщина. Тело ее просвечивало сквозь легкие ткани пеньюаров, и она казалась блестящей, влажной и холодной, как бёклиновская наяда. Сам Штикгольд, поклонник физкультуры, после утренней гимнастики и обливаний ходил по мастерской совершенно обнаженным, с узкой набедренной повязкой – обросший волосами, с прекрасной головой, похожий на античного полубога.

Сосредоточенно попыхивая трубкой, он работал над огромным полотном, она с девочкой возилась на тахте, я или рассказывал что-нибудь, или проигрывал на пианино сборники венгерских песен. Тут впервые познакомился с родниками гениальных листовских рапсодий. Время от времени заходили приятели, преимущественно художники-поляки. Начинались чаепитие и споры... В спорах Штикгольд раскрывался весь. Мне нравился его открытый, мужественный, благородный характер, ни перед чем не отступавший, не шедший на компромиссы.

Штикгольд был художник ультралевый. Признавал архаиков, классиков, Матисса. Остальные были «мещанами». Он исповедовал оригинальную теорию, что все явления материального мира могут быть сведены и должны быть выражены в эллиптической форме. Среди не пробившихся еще к известности художников он был очень авторитетен и популярен. За год до моего приезда выставленная в «Салоне независимых» <картина> «Адам и Ева» произвела сенсацию. Я их не видел, они были отправлены на выставку в Германию. Для Салона этого года он готовил саженное полотно – на огромных эллипсах оранжевого цвета атлетические мужские фигуры, игравшие в мячи. Композиция напоминала известную картину Матисса из шукинского собрания. Штикгольдское произведение мне нравилось монументальностью. Он возлагал на новое детище немалые надежды. К Салону готовился и мой портрет. Я был изображен ораторствующим под глубокими фантастическими сводами не то храма, не то дворца. Штикгольд ходил слушать меня в эмигрантском университете. Портрет был выдержан в темных синих тонах.

Когда мы уставали, Штикгольд натягивал штаны, куртку, влезал босыми ногами в туфли, брал девочку на руки, и мы отправлялись за провиантом. На rue Gaité покупали готовую телятину, салат, апельсины, вина или сидру, слегка гуляли и шли домой. К моему приходу поспевали яйца и картофель, и общими силами мы сооружали изумительное блюдо, которое поглощали без остатка. Часам к четырем я возвращался к себе или шел в библиотеку.

Салон не оправдал надежд Штикгольда. После вернисажа мы сидели в кафе. Штикгольд был грустен. Жена его припоминала, как в прошлом году шумели около их стола – Штикгольда поздравляли, пророчили небывалые успехи. В этом году поток восторгов бежал мимо. Картина успеха не имела. Мой портрет среди тысяч полотен был просто незаметен. Но московским друзьям, воспитанным на передвижниках, он давал обильную пищу для остроумия.

Когда в Париж приехала Белочка, я свел ее к Штикгольдам. Он смотрел на нее восхищенными глазами. «Какая красавица!» Немедленно решил писать ее портрет. Но Белочка не отличалась терпением, как я, и не верила в гений Штикгольда. Портрет остался неоконченным. К зиме Штикгольды вдруг собрались в Венгрию, весной думая вернуться. Но не вернулись, и мы больше не встречались.

Более продолжительная приятельская связь завязалась у меня с молодым армянским скульптором Гюрджаном⁵³.

В обличии и манерах самого Акопа и его крошечной, прехорошенькой, совсем черненькой жены Айкануши было что-то от зверя, но в привлекательнейшем смысле этого слова. Айкануша была оча-

ровательным, пушистым, ласковым зверьком, Акоп – крупным, великолепным хищником – сильным, гибким, сверкавшим глазами, зубами, элегантными манерами.

Гюрджан был неглуп, остроумен и бесспорно даровит. Основным в его даровании были большая восприимчивость и легкость творчества, достигавшаяся благодаря исключительной способности усвоения любого приема, любой манеры. Он обладал вкусом, чувством скульптурной формы. Пластически его вещи звучали убедительно.

Он делал малооригинальные, но шикарные мраморы и бронзы с видных представителей армянской колонии, но он умел настойчиво искать и разрешения оригинальных внерыночных задач. Выразительность портрета, психологизм были для него на первом плане. В этом смысле особенно удачен был бюст молодого пианиста Добровейна, нашего общего парижского приятеля, в высшей степени экспрессивный, при большом портретном сходстве. Хороши были бюсты М.Горького, Е.П.Пешковой, Ф.И.Шаляпина, И.И.Фидлера. Белочка вышла менее удачно.

Позже стремление к большому стилю, монументальности привели его к упрощению и обобщениям. В этом роде наиболее значительной его работой был Бетховен, коробивший профанов физическим уродством, кажущейся асимметрией лица и пр., в действительности же очень крепкий и впечатляющий. Этот бюст принадлежит к числу наиболее ценных мною сокровищ в моей собственной маленькой коллекции.

В эпоху революции Гюрджан после педагогической работы, мало его удовлетворявшей, сложил свои работы последнего периода («Адам и Ева», яйцо и др.) в бывшем Лазаревском институте⁵⁴ и покинул Россию. Он уехал в Америку где, по слухам, имеет успех.

С Гюрджанами мы встречались в разнообразных комбинациях. К числу достоинств Акопа принадлежал кулинарный талант. У себя он угощал парижскими блюдами, но стол украшался не только цветами – по-европейски, – но и по-восточному – зеленью: томатами, зеленым луком, приправочными травками. Верхом достижений Акопа был шашлык. Под гостеприимным кровом И.И.Фидлера в Fontenay aux Roses не раз рождалась мысль – устроить кавказский ужин. И.И.Фидлер сам был на редкость искусным гастрономом-поваром. Акоп спускался в сад, расчищал место для огня, резал гибкие хлысты, служившие в качестве шампуров. Приносили нарезанное мясо, нацепляли на хлысты, и Акоп начинал священнодействовать. Мясо, лук, томаты шипели, душистый сок капал на огонь. Акоп – с засученными рукавами, мускулистый, черный, с пылающим лицом – имел вид гомеровского героя. Наконец артистически прожаренный барашек складывался на блюда, и пиршество начиналось. После полного удовлетворения большинство гостей в изнеможении распо-

лагались на кушетках и тахтах обширной веранды, попивая турецкий кофе.

Эти незамысловатые праздники не вычеркнуть из памяти.

Другой русский скульптор, уже вполне *arrivé*⁵⁵, которого я часто навещал, был Судьбинин⁵⁶.

Он начал артистическую карьеру с Московского художественного театра. Но в театре пробыл он недолго. Почувствовав в себе талант скульптора, он уехал в Париж и сделался учеником Родена. Сравнительно скоро добился он и мастерства, и признания. Еще в Москве на выставке я видел прекрасно слепленный торс Собинова (мрамор); у Кусевицкого⁵⁷ – небольшой бюст Скрябина (серебро).

Судьбинин был могучий, живописный человек с византийским складом лица. Он жил в обширном, комфортабельном *atelier*, убранном с большим вкусом. Собственно рабочая мастерская его была в другом помещении. Здесь было немного его вещей, стены украшали мистические картинки Marcel'я Lenoir'a⁵⁸.

Он был уже признанным мастером, вице-президентом Осеннего салона и покровительствовал уже сам начинающим талантам.

Очень неглупый, в высшей степени «себе на уме», русский человек, но суховатый, не «нараспашку», он любил грубовато пошутить и поругать своих коллег. Его суждения – всегда пристрастные и ядовитые, однако, были очень любопытны.

Собственное дарование Судьбинина было не из крупных и не из оригинальных. Своей физиономии он не имел. Но мрамором и бронзой владел он виртуозно. С одинаковой легкостью лепил он старомодные аллегорические вещи и «новое» – сперва «под Родена», позже «под Майоля». Скульптурный шик, знание и вкус обеспечивали ему успех и у критиков и у широкой публики. Зарабатывал он, по словам его товарищей, неплохо. Широкие связи в России также давали ему постоянные заказы.

Когда я первый раз пришел к Судьбинину, у входа в *atelier* на дорожке валялась прекрасно сработанная голова Шаляпина. Я думал, что она нечаянно откуда-нибудь упала, и сказал об этом хозяину.

– Нет, нет, – отвечал Судьбинин. – Пускай ее валяется. Этому негодю там только и место. Не могу больше видеть этой образины.

Рядом с Судьбининым сидела остроухая персидская кошка, некрасивая, но весьма оригинальная. Внезапно она встрепенулась, хищно оскалила зубы, прыгнула на мой диван, царапнула меня и так же стремительно прыгнула обратно. Я невольно вздрогнул, но слишком любил кошек, чтобы рассердиться.

– Ишь, как она вас. Она у нас презлая. Всегда на гостей бросается, – объяснил Судьбинин.

Действительно, все попытки мои приласкать кошку и <в> этот, и последующие разы были тщетны.

Наконец, в этом силуэтном обзоре упомяну еще о крупном польском скульпторе Э.Виттинге⁵⁹, с которым я познакомился у Бальмонта.

Виттинг был уже «величиной». Его небольшая бронза «Сфинкс» находилась в Люксембургском музее.

Огромное впечатление произвела на меня вещь, которую он выставил в Салоне 1912 г., – «Ева». Грандиозная глыба мрамора. Сильная женщина покоится во сне, закинув могучие руки за голову. В фигуре много от архаизма, много от Майоля. Она волновала – серьезностью, искусством, с которым артист сумел подняться от элементарных чувственных форм до высших обобщений, до выражения самого «естества» женщины. То же стремление к «синтезу» я видел в другой, еще более привлекательной, «Заре» – убедительном и поднимающем олицетворении спокойной, молчаливой созерцательности.

Я любил приходить к Виттингу, жившему от меня неподалеку, в часы, когда он был один и сосредоточенно работал. Мастерская его была великолепна. Она занимала какую-то упраздненную церковь, поражала размерами и позволяла, не загромождая мастерской, располагать огромными массами.

Но Виттинг был уже модным артистом. Его навещало пестрое общество, болтавшее за чашкой чая. Однажды познакомился я здесь с Рене Гилем⁶⁰, дискутировавшим свою излюбленную теорию <так!> о слиянии – музыки, поэзии и живописи.

<...>⁶¹

Глава XIX

Встречи и знакомства эпохи эмиграции

В молодых годах я был очень общителен – не только любил общество друзей, приятелей, но любил вообще быть «на людях», принимать у себя, создавать новые знакомства, бывать в разнородных увеселительных местах, словом, участвовать в любой человеческой толчее, дававшей разряд моему бурливому темпераменту. Только к зрелым годам это чувство стало ослабевать.

Но вместе я должен отметить характерную мою особенность. Никогда я не любил делиться с другими важными для меня мыслями – в процессе их рождения или окончательного оформления – безразлично. Я не любил посвящать никого в свои творческие планы, за исключением случаев прямой необходимости – не любил консультировать «авторитетных» ученых, искать в дискуссиях, даже тесно-товарищеских, научную, политическую, эстетическую «истину» и т. д.

На такой почве – взаимно-утилитарного общения я никогда не искал людей, не создавал связей, наоборот, тщательно избегал круги, места, где любили нащупывать, выпрашивать – «какo веруеши?». «Мое» становилось известным другим через трибуну или печать.

С истинным отвращением, нисколько не надуманным, относился я смолоду к съездам, конференциям, конгрессам, где из столкновения «частных истин» должна была получиться удовлетворяющая всех «общая».

Спешу оговориться. Разумеется, никогда я не придавал, не придаю и сейчас абсолютного, категорического смысла моей точке зрения. Было бы трудно, даже невозможно человеку моего типа, рода занятий не принять за всю жизнь никакого участия в коллективных формах умственной работы, если не в целях принципиально-теоретических, то прагматических. Конечно, и мне приходилось бывать на съездах, делать доклады, участвовать в заседаниях, комиссиях, «претъ» над формулировкой, резолюциями и пр. <...>

Указанными свойствами, свидетельствующими, несомненно, об органически присущем мне индивидуализме, объясняется «относительно малое» число связей при моей долгой и невольнo широко раскинувшейся – пестрой и беспорядочной жизни. Я устранял с моего жизненного пути все встречи и разговоры, не диктовавшиеся желанием сердца или прямой необходимостью. Тщеславное желание знакомства со «знаменитостью» как таковой всегда мне было чуждо. Профессорские приемы и вечера как таковые я игнорировал, чем нашл себе врагов. Во время эмиграции не стремился к встречам с «генералами от революции» и т. д.

В зрелые годы я уже вообще не искал новых и интересных встреч. Наоборот, сперва в малозаметной, потом во все более ощутительной форме, во мне начали сказываться зачатки некоторого охлаждения к «людям».

Уже после Октябрьской революции – удары и разочарования, которые я пережил как анархист, чисто физические лишения первых годов революции и связанный с ними подрыв здоровья, наконец, обывательская растерянность и тупая реакционность некоторых моих приятелей, неспособных, несмотря на свое когда-то радикальное обличье, принять социальной революции, почувствовать ее освобождающий смысл, – пробудили во мне новые для меня мизантропические чувства.

«Двух станов не боец», я не был до конца с «победителями», но еще менее, конечно, мог быть в стане «поверженных» и «угнетенных». С ними я не был никогда. Наряду с чувствами невольной жалости к отдельным жертвам стихийного процесса, доминирующим чувством было – отвращение к тупости, мещанскому скопидомству врагов революции. И мои связи с людьми почти оборвались. Оста-

лись деловые отношения, связь с моими политическими товарищами да небольшая кучка людей, любовь которых и к которым стояла над историческими испытаниями.

Круг людей, с которыми я общался в пору моей эмиграции, был все же достаточно обширен.

Это не удивительно. Перед эмигрантом, прямо не чуждающимся общества, проходят постоянно сменяющиеся кадры людей: из местного общества, с одной стороны, из колонии – с другой, наезжающих с родины – с третьей. Общество смешанное, в котором собственный выбор не всегда играет определенную роль, но свободное от печати обыденщины, которую неизбежно кладет долголетняя среда, изредка освежаемая новыми приобретениями.

В Париже я не чуждался людей, веселился и веселил других, но от приятельских ночей, от «*folie jougnées*», – не испытывал былого головокружения, не мечтал о повторении, жалел потерянное время. К тому же, моя личная жизнь была полна до краев без дополнительных ингредиентов. Париж, горячее увлечение философской работой, чудесное чувство, связывавшее меня с Белочкой, – не оставляли пробелов в моем существовании.

И потому в моих встречах и знакомствах я скорее был искомым, чем искателем. Париж был гигантским «*va et vient*»⁶², в котором только анахорет, от всех скрывший свое местопребывание, мог обещать себя от людского водоворота.

В первые же дни моего пребывания в Париже – еще до моего «гувернерства» – я попал в «драматическую» историю.

Однажды, на Севастопольском бульваре, лицом к лицу столкнулся с Лилей Н., другом детства моей жены, – умной, способной, даже блестящей женщиной, дочерью высокопоставленного петербургского чиновника. Она явилась в Париж «отдыхать» после кратковременного и неудачного брака, жила на родине на государственные субсидии, корреспондировала, по вопросам художественной жизни, в русские газеты, по существу <же>, в скромных масштабах русско-парижской богемы, «прожигала» жизнь.

Со свойственной ей экспансивностью Лиля бросилась мне на шею, засыпала вопросами, объяснялась разом в любви и мне и Белочке, повлекла меня к себе – в невзрачный отельчик Латинского квартала. Здесь мы оказались сразу в компании неопределенных молодых людей, только что явившихся в Париж и упивавшихся его соблазнами. После представлений они отнеслись ко мне – много их старшему – в высшей степени дружелюбно и потащили меня обедать вместе с ними. Лиля была единственной дамой на общество

пяти мужчин, преувеличенно кокетничала, болтала вздор, ни в шутках, ни в вине не отставая от соседей.

Мои молодые приятели были из Одессы. Одни кончили, другие кончали высшее учебное заведение, развивали самые радужные перспективы насчет будущего, казались добрыми ребятами, не более. Среди них выделялся юноша, именуемый Борисом. Красивый еврей, с блестящими глазами, он был смел, остроумен, потешал компанию рассказами, анекдотами. Лиля к нему благоволила. После обеда мы пошли гулять. Борис продолжал потешать публику. Встречные *petites-femmes* квартала оказывались почти все ему знакомыми. «*Monsieur Boris! Monsieur Boris! Ça va?*»⁶³ Он перебрасывался с ними шутками, взглядами, иногда и нежностями, раздражавшими легко возбуждавшуюся Лилю.

Нагулявшись, я хотел отстать. Не тут-то было. Все пристали, чтоб я с ними кончил вечер. Уступил. Решено было отправиться в один из ресторанчиков Центрального рынка.

Я уже писал о них. В первом этаже обычно толчется деловой народ, связанный ночной работой с рынком, разбавляемый бродячей публикой всяческого сорта, преимущественно бродягами и хулиганами (апашами-сутенерами). Во втором – внешне фешенебельном, с тонкой кухней, погребом высоких вин, – гуляют иностранцы, кутилы-завсегдатаи и всякие отбросы, маскирующие элегантным костюмом нравы первоэтажных хулиганов.

Топография таких ресторанчиков везде одна: плюшевые диванчики вдоль стен, цинковый бар с американскими спиртуозами и ликерами всех стран, румынский или венгерский оркестрик из международных проходимцев, определяющих мгновенно – по языку, костюму, запаху – национальность гостя и угощающих его, в расчете на подачку, родными песнями и даже гимном. Посреди – пустое пространство, не чрезмерное – ресторанчики эти никогда не бывают велики, этим достигается интимность, спаянность, эмоциональная насыщенность, – но достаточное, чтобы здесь могли выступать профессиональные танцоры, а иногда и гости.

В зале было уже немало более или менее шикарных посетителей. Мы были проще всех. Тем не менее хозяин, знавший Бориса, устроил нас удобно. Я поместился между Лилей и Борисом на диванчике, остальные молодые люди сели напротив нас.

Появились неизбежные устрицы, шампанское. Музыканты заиграли «Тройку». С пожилым джентльменом вошла женщина, весело кивнувшая Борису. Вскоре, невзирая на своего фрачного кавалера, она начала с Борисом оживленную игру взглядами, жестами. Лиля капризно заявила: «Борис, я требую прекратить ваш флирт. Вы ставите меня в фальшивое положение». Эти буржуазно-кислые тенденции мало вязались с бунтарской природой Лили, но на этот раз

она была серьезна. Борис не унимался. Вскоре он пожелал танцевать соло. Танцевал он *matelotte*⁶⁴ – великолепно, с уверенным шиком заправского профессионала. Успех был грандиозный. Гости аплодировали, музыканты стучали смычками по пюпитрам. Явился хозяин. За ним – *garçon* с набором ликеров. Хозяин благодарил нашу «компанию» от имени гостей за удовольствие.

Дама, кокетничавшая с Борисом и видевшая, конечно, волнение Лили, послала ему воздушный поцелуй. Он ей ответил. В ту же минуту Лиля выпрыгнула из-за стола, подскочила с другой стороны к Борису, вырвала у него из галстука булавку и со всей силой ударила его булавкой по лицу. Брызнула кровь. Борис откинулся назад и, не помня себя от неожиданности и боли, выхватил наваху из заднего кармана и бросился на Лилю. В этот миг я успел схватить его за локти. Наши молодые люди оттащили Лилю, истерически визжавшую, грозившую Борису ужасной мстью. Кто-то заорал: «Полицию!» Через минуту на пороге был *agent*⁶⁵. Вся зала вскочила – кричала и жестикулировала. Но хозяин и кое-кто из гостей успели все же убедить *agent*'а, что недоразумение домашнее, все кончено, подвыпившие гости сейчас уедут. Ажан ушел.

Как ни мало мне улыбалось, я должен был взять истерически всхлипывавшую Лилю на свое попечение и повез ее в мой отель. Всю ночь пришлось ее уговаривать, убеждать, успокаивать. Она стонала, что любит Бориса, хотя он – мальчишка, бездельник и развратник. К утру она уgomонилась и заснула. Днем я отвез ее домой.

Дня через два я пошел ее проведать. Несмотря на поздний час, она была еще в постели. У изголовья сидел Борис с распухшим носом, и всё в их позах, словах, и взглядах говорило не только о примирении, но и о более нежном чувстве.

Эта история, которая могла кончиться печально, их образумила. Борис поступил в авиационную школу и скоро получил диплом. Через полгода счастливая пара уехала в Россию. В Петербурге Борис стал работать в каком-то крупном промышленно-торговом предприятии, быстро выдвинулся, в короткий срок стал пайщиком предприятия и богатым человеком. Перед войной они уехали по делам фирмы в Париж и там остались. Я слышал – они счастливы и до сих пор (1928 г.)

Постоянным и обильным резервуаром встреч, иногда неожиданных, были библиотеки, прежде всего Национальная.

Это было место *rendez-vous* всех людей моего мира, наезжавших из России – старых, молодых, заслуженных или приобщавшихся впервые к источникам знания, рассчитывавших работать год, а то и больше или мечтавших отдать себя хоть на неделю освежающему духу лаборатории мысли. Некоторые и не работая забегали «на ми-

нутку» – проведать, кто именно из приятелей или товарищей уже приехал, справиться о новом в мире «интеллектуоелей»...

Бессменно находясь на моем посту, я встречал приятелей, знакомых, знакомился со знакомцами знакомых. Немедленно устанавливались связи, короб сплетен был неисчерпаем, разговоры и диспуты бесконечны. Одни с вождением мечтали о парижских антикварах, других интересовали старые архитектурные памятники, третьи смаковали наперед марки бургундского и устрицы, четвертые торопились узнать все о парижской женщине.

И я... в пятый, десятый, двадцатый раз выслушивал знакомые признания, отвечал на знакомые вопросы, рассеивал недоумения, консультировал, настраивал, но настраивался и сам и становился поневоле участником той или другой экспедиции с новичками или неисправимыми рецидивистами. «Когда показываешь приятелю город, в котором сам уже бывал, – писал Дюма, – вкладываешь в это столько же кокетства, как когда знакомишь его с женщиной, любовником которой когда-то был».

Из парижских связей наиболее продолжительных и тесных мне вспоминается приятельство с Богданом Александровичем Кистяковским⁶⁶.

Что общего могло быть между нами? Только то, что я еще недавно принадлежал к университету, в котором продолжал пребывать он. В Москве, при редких встречах, мы ограничивались рукопожатием. Он был старшего поколения, был близок к «кадетам», дружил с Новгородцевым, Булгаковым, Бердяевым, Гершензоном, особенно же со Струве – лицами, которые были моими идейными врагами, был, наконец, «вехист».

Что же могло меня с ним сблизить?

Я помню нашу первую встречу в Национальной библиотеке. Она вышла необычайно дружественной.

Белокурый богатырь, со слегка раскидывающимися ногами, медленно и важно он подошел ко мне, протянул мне руку и заплетаящимся, трудным, но точным языком стал выражать свое сочувствие по поводу «безобразной» истории с моей диссертацией. Он тут же сообщил, что принял в журнал, который редактирует («Юридический вестник»), в высшей степени хвалебную для меня статью И.К.Сухоплюева. Об этом я уже писал. Все это было для меня полнейшей неожиданностью – горячая, авторитетная поддержка человека другого лагеря, мне лично вовсе неизвестного. Я этим не был избалован.

С этого дня начались мои отношения с Кистяковским, крепнувшие с годами до самой его смерти на Украине в годы революции.

Кистяковский прожил в Париже девять или десять месяцев, и мы ежедневно встречались с ним – вместе работали, завтракали, обедали, гуляли, встречались с приезжающими.

Кистяковский был тяжелодум. Мысль рождалась в нем медленно и тяжело. Он ощупывал ее со всех сторон, выхаживал, вынашивал, с натугой производил на свет. Но мысль, рожденная в такой напряженности и честности, была предметной, яркой, не допускавшей колебаний. Для каждой мысли с такой же осторожностью, трудом искал он форму. И только найдя ее – неоспоримой, единственно возможной, записывал жемчужным почерком свое творение.

Поэтому писал он мало, но все, написанное им, было веско и ответственно. Его диссертация – «Социальные науки и право», посвященная методологии общественных наук, за которую он получил прямо докторскую степень, по существу, есть плод целой жизни. Это – собрание всех его статей и отдельных, ранее не напечатанных, материалов, относящихся к одной теме, владевшей им нераздельно.

С той же медлительностью и предельной добросовестностью вел он словесные дебаты. При его огромной начитанности, навыке к умственной спекуляции, строгом отношении к своей и чужой мысли, он был нелегким противником. Но никогда он не допускал уверток, передержек, полемических приемов по рецептам Шопенгауэра, предпочитая согласиться с антагонистом, но не настаивать на заведомо неправильном.

Только в одном плане Богдан Александрович был сверхъестественно продуктивен. Ежедневно он отправлял письмо своей жене – на четырех страницах, исписанных мельчайшим почерком. Когда писал он, было тайной, – верно, ночью, – но неуклонно, после завтрака, он запечатывал, надписывал и отправлял конверт.

В жизни не идей, а фактов Кистяковский был наивен, неуклюж, порой забавен. Для людей моего времени, моей среды он был на редкость чист. Ни на что, выходявшее из круга честной профессорской работы, он не решался. Но, сбежав от гуляющих товарищей, на другой день с большим, серьезным интересом он погружался в дебри чуждой ему психологии.

В числе забавных особенностей Кистяковского было стремление скрывать свои года. Почему он их скрывал, мне так и осталось неизвестным. Когда я, еще не зная об этой его странности, спросил: «Сколько вам лет, Богдан Александрович?» – он буркнул, что не любит говорить о своих годах. Я не возражал, но спросил в библиотеке его немецкую диссертацию, где года его были указаны в обязательном «*Curriculum vitae*», и сказал ему об этом. Он был не только огорчен, но по-настоящему рассержен. Лишь природная мягкость и большая привычка держать себя в руках помешали ему сказать мне

дерзость. Он молча отвернулся, и дня два между нами был холодок. После мы к этому вопросу не возвращались.

В Кистьяковском был темперамент – сильный, застоявшийся, прижатый принципами, гиперболизированными представлениями о долге – общественного деятеля, ученого, отца и мужа. Этот кипевший силой богатырь обрек себя на созерцательность, и своеобразная аскеза стала его природой. Он иссушал себя, с годами приближаясь к типу идеально-честного, но ограниченного личным опытом гелертера.

Летом 1911 г. нагрянула целая компания русских ученых, и наши дуэты стали невозможны.

Брат Богдана Александровича – профессор химии Петербургского политехнического института. Он промелькнул, как метеор, и запомнился мне исключительно по анекдоту в духе классически-рассеянного героя кинофильма. Уезжая за границу, Федор Александрович забыл запереть краны своей ванной и произвел опустошительное наводнение, заставившее взломать его квартиру.

Александр Александрович Чупров⁶⁷ – редко уравновешенный, спокойный человек с медленной, изящной речью, рассеянновнимательным взглядыванием <так!> в собеседника.

Александр Александрович Васильев⁶⁸ – профессор-византист, полнокровный весельчак, все изъездивший, все видевший, много и хорошо работавший (он приехал отдыхать после Британского мюзеза), но стремившийся пить жизнь полной чашей.

Сергей Николаевич Прокопович⁶⁹ слегка кокетничавший своей старостью, любивший исключительно «умные», интеллигентские разговоры, очень интересовавшийся «анархизмом», но не сочувствовавший ему. Человек большой, разнообразной эрудиции, незаурядного в ученой среде опыта, уверенный в себе исследователь, но какой-то хрупкий, насквозь интеллигентский, неяркий, слегка скучный.

Иван Михайлович Гревс⁷⁰ с которым я встречался не только в библиотеке и за товарищескими завтраками, но и у Александры Васильевны Гольштейн⁷¹.

Гревс имел репутацию видного историка, честнейшего либерала, идеального человека, друга молодежи и т. д.

Я его раньше не встречал, но в действительности он оказался точь-в-точь таким, каким я представлял себе его по прекрасноточным писаниям в «Полярной звезде» 1906 г. Уже пожилой, корректный, мягкий в обращении, неизменно ровный, благожелательный, типично европейски-интеллигентской складки, он был вместе с тем слегка какой-то *démoté*⁷². От него веяло сороковыми годами, Станкевичем, *gemüth*⁷³. Сфера его ученых интересов была мне далека, и о ней мы почти не говорили, но и темы общественного характера как-то не возбуждали остроты. Он так спокойно-вдумчиво, с такой полууноше-

ской наивной сентиментальной теплотой относился к верованиям своим и своей партии, давая им неопределенную широту какого-то потустороннего либерализма, украшая их интимной прелестью своих юных идеалов, что спор, конфликт становился невозможен.

О чем спорить? Переубедить друг друга мы не хотели, договориться не могли.

Позже, когда я читал его писания, даже не имевшие политического привкуса (напр<имер>, о Тургеневе⁷⁴), я чувствовал, что Гревс в жизни, во встречах, в разговоре – приемлемее, приятнее, чем в творчестве. То там, то здесь у него откристаллизовывались положения, свидетельствовавшие о невероятной близорукости, узости личного опыта во всем за пределами книги, о слащавом, мякинном миропонимании, худшем любой тупости. Человек был глубже и умнее, чем его творения.

Кареев⁷⁵ познакомил меня с Василием Васильевичем Яковлевым-Богучарским⁷⁶, в эту пору сильно тяготевшим к «либералам». П.Б.Струве был идолом его и его жены. Резкий политический разнобой мешал нашему сближению. Подошел юбилейный Герценовский вечер. Богучарский уговаривал меня принять в нем участие. Я, не чувствуя большой любви к Герцену как политическому деятелю («половинчатость»), уклонился.

Богучарский сказал на этом вечере прекрасную речь, позже напечатанную. После него утомительно долго говорил Луначарский, потом читавший еще отрывки из «С того берега». Авксентьев⁷⁷, нетерпеливо ждавший очереди, метался в лекторской из угла в угол. Но так и не дождался: делал time, но явно был рассержен. С коротким словом выступил Горький, и вечер был закрыт.

Припоминаю еще в Париже – Е.В.Тарле, даровитого, остроумного, но, в высшей степени «политичного», «себе на уме». Он делил время между Национальной библиотекой и архивами. Впрочем, к печатной литературе он относился полупрезрительно, полагая неизменным качеством научного труда – работу над «сырьем». Припоминаю И.А.Ильина – умного, ядовитого, очень «себе на уме», подобно Тарле, хотя и в ином роде; А.К.Дживилегова⁷⁸; моего когда-то друга А.С.Яценку⁷⁹, теперь уже бесповоротно делавшего «карьеру», цинично сжигавшего все корабли и хваставшего своими «практическими» успехами; Г.И.Чулкова; дорогого мне по юношеским воспоминаниям – проф<ессора> М.И.Фридмана; моих старых приятелей – В.А.Савальского и В.А.Краснокутского; моего ученика по Коммерческому училищу – В.И.Каменева, тогда студента Эдинбургского университета, редко привлекательного юношу, позже делавшего пеструю карьеру, теперь видного врача в Париже, etc. <...>

Глава XX Simphonia domestica

До 1912 г. Белочка была в Москве. Тяжелое материальное положение, в котором мы очутились, заставило ее думать о собственном заработке. В свою заграничную поездку 1908 г. она прошла специальный курс в одном из парижских институтов по косметическому массажу. Занятие последним, благодаря нашим обширным знакомствам, могло рассчитывать на некоторый успех. Так было и на деле. Но желание быть вместе оказалось сильнее коммерческих соображений. По моим настояниям она ликвидировала начатое дело и приехала ко мне. Здесь она хотела продолжать свою работу, хотя шансы устроиться в Париже были куда труднее.

Разумеется, Белочка работать не могла, живя в atelier или комнате скромного отеля. Нужно было устроить хотя небольшую, но самостоятельную квартиру. На это нужны были деньги. И мы крутились в порочном кругу: для добывания денег нужна была квартира, для квартиры – деньги и т. д.

Наконец, в прекрасном квартале – Fauburg St. Honoré – мы отыскали подходящую меблированную квартиру из 4 комнат с газовой кухней. В салоне были оригинальные цветные витро⁸⁰ (история Амура и Психеи), шкаф был полон хрусталя, над традиционными каминами большие зеркала, полы затянуты сукном. Русская барышня, знакомая Белочки, взяла одну комнату, и мы устроились.

Белочка начала работу. Но она шла странно. Клиентки появлялись и... исчезали. И исчезновения никак нельзя было объяснить качествами работы. Наконец секрет открылся. Однажды одна парижанка выразила Белочке удивление – как она рискнула устроиться в таком доме? «В каком доме?» – «Да ведь это известный прежде по кварталу maison de rendez-vous⁸¹. Ваш хозяин пользуется очень плачевной репутацией».

До сих пор наш хозяин – почтенный, седой француз, с солидной, благородной внешностью, внушал нам полное доверие. Жена его также производила впечатление почтенной дамы.

Открытие было ошеломляющим. Надо было, конечно, немедленно бросить квартиру. Я объявил хозяину о нашем отъезде. Он хотел узнать причину. Через пятое в десятое, я объяснил ему, в чем было дело. Хозяин пришел в ярость.

В день отъезда он занялся проверкой своей подвижности. Вначале все шло благополучно. Вдруг он заявляет, что не хватает двух подушек. Мы напомнили ему, что они нам не понравились и мы их отдали ему вместе с картинами. Он в грубой форме стал это отрицать. Я настаивал. Вещи были запакованы. Лошади ждали нас внизу. Я, Белочка, наша сожительница – с чемоданами и саками в руках – тро-

нулись к выходу. Часть вещей стояла еще в передней. Внезапно хозяин хватается один из чемоданов и заявляет, что он не выпустит его из дому, пока я не верну ему его подушек или не уплачу за них. Претензия была наглая. Я требовал, чтобы он вернул вещи. Он начал на всю лестницу орать, что мы украли у него подушки. Я не выдержал: «Cochon!» – «Triple cochon»⁸², – последовал ответ. Я пригрозил ему полицией, он засмеялся мне в лицо.

Оставив чемодан в руках нахала, мстившего нам за посрамление репутации, и отправив своих с имуществом в отель, я пошел в полицию.

Дежурный чиновник меня выслушал. «Знаем вашего хозяина. C'est un triste citoyen»⁸³. Соглашался, что я, профессор университета, не могу покуситься на подушки, стоящие 10 франков. Но на просьбу вмешаться в это дело и помочь объяснил, что, к сожалению, сделать ничего не может, и рекомендовал мне обратиться в суд. Когда же я стал настаивать, ссылаясь на известную ему репутацию дома и хозяина, и в горячности прибавил что-то насчет возмутительного бесправия иностранца, чиновник мгновенно проглотил свою любезность и грубо рекомендовал мне вернуться в мое отечество, если мне в нем живется сладко.

Я ушел ни с чем. Уступать не хотелось. Я предпочитал пройти все мытарства, но не сдаваться. В то же время я отлично понимал, что всякий акт самоуправства с моей стороны может вызвать немедленную высылку за пределы Франции.

Мы решили обратиться к Лагарделлю⁸⁴, занимавшемуся адвокатской практикой. Лагардель любезно согласился выступить защитником наших интересов.

Через неделю мы получили повестки от следственного судьи. Я изложил, как было дело. Хозяин настаивал, что у него пропали подушки. Лагардель сказал несколько слов об явной абсурдности претензий гражданина Х. Судья, обратившись к последнему, сказал: «Вы виноваты тем, что были un peu trop vié»⁸⁵. Остроумная характеристика положения. Хозяин, застывший в сознании полной безнаказанности, и глазом не моргнул.

Этот суд был предварительной инстанцией. Он признал мое право иска. Как будто «дело» началось удачно. Мы вышли из суда. «Знаете, – сказал Лагардель, – мой совет, плюньте на этот суд. Вы потратите время, нервы, деньги. Этот мерзавец, если захочет, сумеет затянуть дело. Стоит ли возиться? Швырните ему десять франков».

Для меня, совершенно не знакомого с французской судебной процедурой, совет Лагарделя звучал достаточно авторитетно. Подумав, решили бросить дело. Я пошел на старую квартиру, не разговаривая с хозяином, отдал десять франков, получил чемодан, все

кончилось. Он внутренне торжествовал, я был унижен. Это был хороший практический урок. Русский эмигрант в Париже – пария.

Опять встал вопрос о квартире. *Chambres* и *appartements meublés*⁸⁶ внушали теперь нам недоверие.

Неожиданно нам улыбнулось счастье. Одна из Белочкиных знакомых, богатая русская девушка Г., узнав о наших злключениях, предложила Белочке заимообразно 3000 франков. В нашем положении это было чудом. К тому же предложение было сделано с такой чуткостью и простотой, что колебаться было нечего. С восторженной признательностью мы приняли его.

Квартиру мы нашли в фешенебельном квартале Елисейских Полей. Красиво отделанная, из 5 комнат с ванной и газовой кухней, по русским ценам она стоила баснословно дешево – около 1500 фр<анков> в год (555 р<ублей>). Каминны были облицованы мрамором, у зеркал – бронзовые рамы, центральный салон был украшен лепной работой, стены покрыты белой лаковой краской.

Одну комнату занял у нас молодой человек Ш., по Москве мой ученик, приехавший теперь в Париж жуировать.

Вопрос был в обстановке. Готовые гарнитуры в любом стиле, отпущавшиеся универсальными магазинами чуть ли не с годовой рассрочкой, претили нам до отвращения. Наша квартира должна была отвечать требовательному вкусу. При наших средствах это можно было сделать только при помощи *Hôtel Drouot*.

Аукционный отель Друо занимает целый квартал, вмещает до сорока обширных зал, и в значительной части их ежедневно идет продажа разнообразнейших вещей, начиная с просаленных вонючих тюфяков сошедших на нет мецан, кончая *objets de luxe*⁸⁷ прожившихся «господ», а подчас редчайшими *objets d'art*⁸⁸ из коллекций крупных собирателей или их наследников. Простой осмотр зал перед продажей представляет огромный интерес. Сотни паразитов – скупщики, комиссионеры, маклаки прицениваются к перманентной выставке сокровищ. Здесь делаются миллионы, прибыльное занятие переходит по наследству.

Самой оригинальной формой учреждения является особый институт *commissaires-priseurs* (продавцов-оценщиков), вдохновителей и режиссеров действия. Институт учрежден еще Наполеоном. Было признано, что комиссар – чтобы сохранить самостоятельность, не быть игрушкой в руках сталкивающихся интересов – должен обладать независимыми средствами. Комиссары должны быть богатыми людьми и вносить огромные залого. Так возникла монополия в аукционном деле. С годами комиссары стали кастой, в которую, без разрешения правительства и согласия наличных комиссаров, проникнуть невозможно. Их звание, права, обязанности стали наследственны. И комиссары, действительно, отличаются – авторитетностью,

недоступностью, предельным объективизмом. Я говорил со многими об этих коммерческих авгурах, и осведомленные люди замечали, что случаи «трюкажа» со стороны комиссаров почти невероятны. Комиссары имеют процентное вознаграждение с суммы проданных вещей. Но и на основании моих собственных наблюдений в течение месяца я склонен утверждать, что комиссары не проявляют жадности, не гонятся за франком, а это так легко в нервно настроенной, покорно следующей за молотком опытного аукциониста аудитории. Парижский чиновник вообще держит себя гордо. Аукционные комиссары на непосвященных производят впечатление владетельных особ.

В рядах комиссаров имеются редчайшие знатоки – мебели, фарфора, бронзы, книг.

Любопытна и публика аукционов. Помимо знатоков и богачей, съезжавшихся на большие аукционные дни, когда шли с молотка знаменитые собрания с печатными каталогами, помимо случайного, текущего элемента, к которому принадлежали и мы с Белочкой, пришедшего, как говорится, на грош пятаков добывать, у аукционов есть «своя» публика, *habitués*⁸⁹, не пропускающие продаж, ухитряющиеся через родственников, друзей, нагрузчиков <?> – вести операции одновременно в нескольких залах. К концу месяца мы многих знали в лицо, а с некоторыми обменивались и приветствиями.

Наряду с крупными хищниками, от которых всецело зависели судьбы безденежных искателей, в залах толклось немало сброду, брокантеров⁹⁰, торговавших на базарах, в лавочках, ларьках. Среди них были и русские евреи. Эта армия рвачей, обдeldывавшая профессиональные делишки, виртуозно играла на психологии случайных посетителей. Заметив у новичка особый интерес к какой-либо вещи, они немедленно открывали охоту на него и тешили, пока не отбивали вещи или <не> загоняли неопытного любителя до не сообразной ни с чем цены. Не раз нам приходилось отступать от вещи и приобретать ее тут же у маклака с надбавкой пяти, десяти франков. Наши наиболее счастливые покупки или падали на дни, когда рвачи «работали» в других залах, или были плодом счастливой интуиции.

Наш труд не пропал даром. Когда парижские приятели пришли к нам на новоселье, они были поражены великолепием нашего убранства. Тяжелые штофные занавеси с гобеленными вышивками, мебель – красного и розового дерева, вышедшая из рук прекрасных мастеров, бронза (люстра, бра), живописная ваза в человеческий рост величиной, сукно на всех полах – приводили их в недоумение.

– Откуда у вас такие богатства? Где вы набрали эти сокровища? Сколько вам это стоило?

Никто не хотел верить, что наша обстановка стоила гроши, что рыночные Генрихи, Людовики, ампиры – стоили во много раз дороже при всем их ужасающем безвкуси.

Конечно, время, труд. Но мне было полезно отвлечься на время от библиотеки, для Белочки <же> обстановка имела деловое значение. Самый же «труд» нес в себе такие элементы риска и азарта, что, пожалуй, мы были бы не прочь – будь деньги – отдать и еще месяц радостям открытий.

Наш круг знакомств был достаточно обширен и состоял, по преимуществу, из русских, ставших, если не навсегда, то надолго, парижанами. У многих дети, воспитанные во французских школах, уже не знали русского языка. На журфиксах, установленных для упорядоченной жизни, бывала пестрая и небезынтересная компания.

В свободные от работы часы мы «жили» Парижем – необъятное сокровище! – музыкой. Изредка бывали и в театрах.

Парижские театры и знаменитые артисты не пробудили во мне любви к драматическому искусству. Я удивлялся виртуозности Сары Бернар, грации Режан, пластичности Мунэ Сюлли, А.Гитри, Кокленам... Но ничто, даже Сюлли в «Эдипе», не тронуло – ни сердца, ни воображения. Я слушал великолепную декламацию Сюлли, и ни одна из интонаций его не представлялась мне бесспорной. По-прежнему, смотря на сцену, я внутренне боролся с ней – плохое условие для увлечения. Притом господствовавший репертуар «*Comé-die française*» и других «образцовых» театров был невыразимо пошл. Истрепанные темы, апофеозы мещанской философии, традиции – в позах, жестах, декламации. Время намагнитило приемы. Все было – «умно», нарядно, блестяще подано, но пусто, скучно...

Занятнее – психологически – были экстравагантные новинки в «*Châtelet*», в некоторых театриках бульваров – мистерии, доморощенные исторические хроники, переделки из Дюма и Сю, «патриотические» пьесы.

С огромным удовольствием смотрел я, например, «*Michel Strogoff*», скомпанованный из одноименной повести Жюль Верна.

Театр битком набит отборнейшими парижскими мещанами. На сцене эпизод из русской «истории». Татары при Александре II осаждают Иркутск (sic!). Спускают нефть в Ангару и зажигают ее. Необычайный храбрец Мишель Строгов, наряженный в опереточный мундир, благословляется на подвиг спасения родины русским prince и его генералитетом – бесшабашнейшими травести. М.Строгов – в Сибири, в тайге, среди снегов, с русскими беглецами – в нарядном *pardessus*⁹¹ нараспашку, без шапки etc. «Вампука» могла бы позавидовать творчеству ничуть не пародийного сценического гения⁹².

Имелся и leitmotiv. Там, где надвигалась катастрофа, где коллизия казалась уже неразрешимой, Мишель Строгов выходил к рампе, брал под козырек и, осиянный сценическими солнцами, возглашал:

«Pour le Dieu, pour le Czar, pour le patrie»⁹³. Театр выл, неистовствовал. Разряженные, жирные торговки отхлопывали руки.

С таким же беспорядочно-наивным ребячливым шарлатанством ставились мистерии с водружением креста, распятием Христа и прочими чудесами.

Maximum удовольствия я получал в театре «Grand Guignol», где шли «страшные» или «загадочные» пьесы. Здесь были преступники и детективы, трупы в сундуках, несгораемых шкафах, глубокие вздохи, даже истерики в публике. К сожалению, театр этот небольшой и одна и та же пьеса шла не менее трех, четырех месяцев подряд.

Постоянная музыкальная жизнь Парижа была слабой. В «Большой» и «Комической» операх процветали – Мейербер, Гуно, слащавый Массене <так!>, приторный Делиб. Концертная жизнь количественно была богата, но качественно все было второсортным – недисциплинированные оркестры, малозначащие дирижеры, убогие (в смысле размеров) помещения. Цезарь Франк был скрыт, В. Д'Энди – холодный, отвлеченный, был больше философом и моралистом в музыке, и только Дебюсси был подлинно большим артистическим явлением. Огромные надежды возлагались на молодого музыканта – Р.Хана. Как будто, они не оправдались.

Популярнейшие в Париже, великолепные артисты – Исаи, Пюньо – были мне известны по Москве.

Париж – для меня – спасали гастролеры.

Огромное впечатление оставил голландец Менгельберг, с удивительной энергией и мужественностью дирижировавший «Мейстерзингерами».

Незабываемо впечатление от цикла бетховенских симфоний, сыгранных под управлением благородного Вейнгартнера. Разительный контраст был в исполнении Девятой симфонии им и Менгельбергом.

Девятую симфонию я слышал много раз под управлением первоклассных дирижеров (еще – Мук, О.Фрид, Клемперер).

<...>⁹⁴

Глава XXI

Поездка в Швейцарию. Свидание с женой и дочерью

Я эмигрировал зимой 1911 г. Расставаясь, мой друг – Лев Конос⁹⁵ – говорил о возможности скорого свидания.

Я писал уже, что на лето 1911 г. он получил предложение от крупного московского рантье У.⁹⁶ провести у него лето на собственной вилле в Швейцарии. У. был стар, жена была молодой красавицей, старик всячески ублажал ее. Лев должен был с ней заниматься музыкой. Условия были великолепны; Конос согласился.

Вскоре после моего губернаторского периода в Париже я получил его письмо, в котором он звал меня гостить в Монтрё, сулил мне разные блаженства, писал, что хозяин всячески приветствует приезд, а, в случае денежных затруднений, он субсидирует меня.

Я моментально собрался и поехал. Мне предстояло не только свидание с любимым другом, я хотел разыскать и жену с дочерью, живших в Невшателе, которых я не видел шесть лет.

Стальная Рона привела меня в волнение, я вспомнил мои старые поездки. Разум говорил, что молодой период жизни кончился, что не вернется прежняя свежесть настроений, а бурная радость захлестывала меня. Мысли бежали своим чередом, я жил по-своему. В Швейцарии я или беспокойно мерил вагон, или на площадке вагона пел полным голосом. Уже близко от Монтрё в вагоне встретил я Пичёту⁹⁷, московского историка, передавшего мне кое-какие новости московской жизни. Рассказал мне, между прочим, о продолжающемся сочувствии молодых историков по поводу провала моей диссертации, о перекраске «кадетского» Елистратова в октябристские цвета, etc. Эти сообщения меня уже ни радовали, ни огорчали. Я чувствовал себя таким далеким и свободным от них.

Вот, наконец, голубая вода озера, бело-розовые Dents de Midi, Вевé, Монтрё. По набережной подъезжаю к вилле – Villa Thésy, по имени хозяйки, которую звали Терезой. Спрашиваю Льва Эдуардовича и слышу сверху звуки шопеновской сонаты. Молчание. Быстрый бег по лестнице, и я в объятиях Льва. У него – две комнаты на втором этаже: спальня и музыкальная. После первого беспорядочного разговора идем знакомиться с хозяевами. Он – строгий, внешне сухой, корректный. На деле, по словам Льва, редкостный «добряк» и «расточитель». Огромное его состояние уже поделено между ним и сыновьями. Себя он называет бедняком. При широком train de vie, неограниченном гостеприимстве, ему не хватает 150 тыс.<яч> р<ублей> ежегодного дохода. Несколько лет назад он лечился от туберкулеза на острове Мадере. У него был обычай – приглашать к столу офицеров каждого вновь прибывающего парохода.

Она – рослая, статная красавица, валькирия, обворожительная, любезная. Просит жить «как у себя», не меняя ни в чем своих привычек.

Тут же знакомимся с «гостями». Есть москвичи. За столом – просто, общая непринужденная беседа. Разговоры, главным образом, об искусстве и путешествиях. Так было каждый день. Только однажды кто-то задал вопрос о положении рабочего в России (у хозяина были до дележа с сыновьями химические заводы). Мнения круто разделились. Но хозяйка ласково просила, если можно, бросить спор. И в самом деле, дискуссия на такую тему в таком доме была бы до очевидности лишённой смысла.

На вилле жили – кто как хочет. Мы купались, ходили в горы, музицировали. Охотники играли в теннис и крокет. Соединялись вместе в часы трапезы. Раза два устраивали пикник всем домом. Снаряжались – закуски, фрукты, сладости, шампанское. Эти симпозионы были удачны. Приезжал Шаляпин с женой⁹⁸, сестрой жены У., гостил Судьбинин, московский доктор М. и др.

Дня через три по прибытии в Монтрё я поехал в Невшатель.

Жена жила в деревушке – высоко в горах. Когда я подошел, деревня точно вымерла. Никого из взрослых не было видно, мальчуган показывал мне дорогу. Домик – типичное жилье швейцарского земледельца – стоял на душистом лугу. Я постучал. – «Entrez»⁹⁹. Вошел в дом. Жена – загоревшая, погрубевшая, одетая как швейцарская крестьянка – встретила меня. Мне было трудно, – я видел человека, которому так много принес горя. Чувство виноватости стеснило мой язык, и я растерял готовые фразы. Но жена просто – по крайней мере, внешне – отнеслась к моему появлению. Спросила – когда, надолго ли я приехал.

К жене пугливо жалась девочка – большая, странная, как будто совсем чужая. Неужели это – крошечная Танька¹⁰⁰, с захлебывающимся смехом носившаяся по дому, падавшая с размаху в колени, – то мои, то няньки, передавая выдуманные мной «глупости».

Я взял ее за руку и привлек к себе. Она молчаливо подчинилась. Видимо, в эту минуту и она страдала. От чего? От неожиданного <моего> появления? Застенчивости? Несочувствия человеку, принесшему большое горе маме? Трудности найти в «новом» чувстве к явившемуся отцу? Я сел, прижал ее к себе, мы все молчали. Только жена, ставшая «религиозной», примкнувшая к адвентистам, вдруг страстно, горячо стала избличать материалистический характер моих убеждений, клеймить мой «анархизм», мою жизнь. Она кончила в Швейцарии «педагогическую академию», и научные понятия и термины переплетались в ее возбужденной речи с мистическими откровениями и цитатами.

Я с трудом слушал ее. Мне не хотелось спорить, и я отделялся отдельными репликами, когда жена задевала меня остро. Я чувствовал, как дикая девочка, прижатая ко мне, напряженно переживает страстный монолог матери, и мою незримо рождавшуюся к ней близость.

Вскоре после Невшателя я вернулся в Париж.

Глава XXII Путешествие в Бретань

Осенью 1911 г. Белочка на месяц приехала в Париж.

Париж истекал зноем. Все пылало. Каждый день умножал случаи солнечных ударов. Лошадей обрядили в соломенные шляпы. Днем

можно было спастись в прохладных библиотеках. Вечером дышать было нечем.

Мы издавна мечтали попасть на океан. Противиться этой мечте теперь было невозможно. Знакомые художники советовали поехать нам в Бретань, в Lerouldu – тихое, дешевое, прославленное артистами местечко. Это маленькое путешествие – не говоря о прелести езды вдвоем по неизвестной стороне – было богато впечатлениями.

Бретань – всего в полусутках железнодорожного пути от Парижа – страна колоритная, старомодная, почти патриархальная. Крепкое, суровое с виду рыбацкое население, ничем не похоже на стандартизованных парижан. Рослые, сильные женщины – строгие, щепетильно-опрятные, обряженные в белоснежные причудливые чепцы. Оригинальное убранство дома, своеобразие утвари. Все было – самобытным, для нас новым. Повсюду – следы старого, самостоятельной, еще почти не тронутой бретонской культуры. Язык звучал как иностранный. Женское население, за редкими исключениями, не говорило и даже не понимало по-французски.

Мы побывали в старинных городках – Quimper и Quimperlé; насмотрелись вдосталь на улочки, памятники, церкви; побывали внутри уютных старых домиков – дивились крепости внутреннего убранства, – великолепным, тяжелым шкафом, комодом, сундукам – огромным, увесистым, с затейливой, но полной вкуса железной орнаментацией, кроватям-ящикам в два-три этажа, с потолком и дверцей, на ночь глухо запирающейся. Кровати-крепости со всех сторон покрыты причудливой резьбой.

Нам удалось полюбоваться большим народным праздником, на котором массивные бретонцы и бретонки щеголяли старинными костюмами. На головах бретонок высились башни гофрированного полотна и кружев, костюмы были в серебряных галунах и прошивках. На всех площадях городка происходили танцы, полные тяжелой, медлительной, но крепкой грации. В национальных костюмах, в тяжелых деревянных башмаках-сабо, с пучками традиционной «святой» омелы, танцевали бретонцы с избранницами сердца старинный танец «le dégoeé». Оркестрики с примесью местных старомодных инструментов не умолкали до глубокой ночи.

Наконец мы выехали в Lerouldu.

Lerouldu – небольшое, уединенное местечко, группа домиков, живописно разбросанных среди холмов, склонов, покрытых вереском и кустами ежевики, рощ, садов. Население немногочисленно – рыбаки, туристы. Днем – пустынно. Только на самом пляже торчал большой отель. Можно было километры исходить по берегу и в глубь страны и встретить редких, молчаливых, не назойливых прохожих.

Берег – крутой, высокий, хмурый, изрезанный многочисленными бухточками. Впервые я видел океан, его могучие приливы. С отли-

вом дно обнажалось более чем на полверсты. Беззаботные, бездельные люди, вроде нас, и дети бежали за водой по открывающемуся дну, охотясь за быстро улепетывавшими крабами, собирая креветки, ракушки, морские звезды.

Часами мы лежали на утесах, убегая с них тогда, когда вода подбегала уже вплотную, и волны начинали захлестывать нашу непрочную твердыню. Купанье в уединенных, скрытых бухтах стало во много раз заманчивее, чем полоскание на пляже, в купальных костюмах, в обществе туристов.

Наш отель стоял в стороне от океана, укрытый холмами от ветров. Только мощное, временами грозное гудение не прекращалось ни день, ни ночь.

Отель был невелик, по-бретонски чист и дешев. За 4 франка (около 1 рублия 50 копеек по тогдашнему курсу) в день на человека можно было иметь комнату с небогатой, традиционно французской, удобной обстановкой; прекрасную, исполнительную службу, необычайно обильную и вкусную еду. Утром – кофе с маслом, креветками, вареньем или медом. Обед из 4–5 блюд, с неизбежными креветками, вином, молоком и сидром. Ужин – горячее блюдо и повторение утреннего кофе. Молодая хозяйка отеля была предупредительна, без всякого жеманства, без явной жадности отельных содержателей. Соседи по табль д'оту были парижские интеллигенты без снобистского оттенка, отдохавшие от умственной работы.

Ничто не нарушало монотонной прелести наших дней.

Красные паруса дразнили наше воображение. Наконец, мы сговорились с рыбаками ехать с ними на ловлю в океан. Дело было улажено за пять франков.

Выезд был назначен в 3 часа утра. Мы улеглись заблаговременно, но неожиданно во мне началось страшное беспокойство, я не мог заснуть. Было совсем темно. Океан ревел свирепо, и мне представилось, что баркас опрокидывается, Белочка тонет и я не могу ее спасти. Страх потерять ее был так велик, что я готов был отказаться от поездки.

Но... отступать все же было стыдно. Пробыло два часа. Мы встали. Заря еще не приходила. От океана шел несмолкаемый, могучий гул, и мое беспокойство продолжалось. Рыбаки на наши вопросы о погоде, видимо, поняв наше настроение, отвечали шутками. Мы двинулись по темной, высоко вздымавшейся воде. Нужно было отъехать километров 15. Там рыбаки бросали якоря и устанавливали снасти. На баркасе было четыре рыбака, все в коже, в высочайших, выше колен, ботфортах. Поставив паруса, они сели и лениво жевали ситный хлеб с чесноком.

Мы вышли из бухты. Нас стало изрядно подкидывать. Я ждал, что мне сразу станет дурно. Я не выношу даже качелей, но, к удив-

лению моему, держался крепко. На Белочку же ныряния и взлеты стали действовать.

Приехали. Убрали паруса, бросили якоря. Моряки построили снасти, на здоровые крючья, без наживки, стали таскать рыбу. Тут же взрезали ее рыбацкими ножами, густо солили, ели с хлебом. Мы отказались от угощения. Рыба брала жадно. Дно стало покрываться добычей, поблескивающей под светом зачинавшейся зари. Но до конца охоты мы не досидели. Белочка не выдержала качки, еще усилившейся, как только мы встали на якорь. Она умоляла вернуться на берег. Рыбаки охотнее, чем я предполагал, согласились за дополнительное вознаграждение отвезти <нас> обратно. На берегу страдания кончились. Поездки мы не повторяли.

Уединенный, тихий, оваянный запахами океана и свежестью нашего чувства, Lerouldu навсегда остался ласковой страницей в моей памяти.

Глава XXIII Лето в Нормандии и Бергсон

Летом 1912 г., после того как мы окончательно устроились в Париже, Белочка решила выписать детей. Они должны были приехать с бабушкой и провести с нами лето. К осени старшая девочка вернулась бы с бабушкой в Россию, а младшая поступила <бы> в школу для детей русских эмигрантов в Фонтенэ.

Но нам нужно было еще изобрести летнюю резиденцию. Парижские друзья советовали ехать в Нормандию. Неравнодушный еще тогда к Клоду Моне, я воспламенился желанием видеть Руан, и мы остановились на Нормандии.

Собор Руана действительно был чудом. Когда после маленьких и тесных улочек выходишь на его площадь и видишь разом прихотливую громаду белокаменных кружев – грандиозную и легкую, – чувство, точно подымаешься в воздух. Без всяких предварительных знаний и справок собор рассказывает сам внятно, вдохновенно свою историческую судьбу. Он строился веками, поколениями, по упорному, настойчивому плану, вопреки непогодам природы и истории. Около него люди росли, плодились, старились, жили индивидуальными будничными заботами и вместе общим, великим, перераставшим их жизни делом. Чудом было то, что в его завершенном виде исчезла тяжелая поденщина кропотливых собирателей, он казался задуманным, выросшим в один день, как смелая мечта. Я видел более совершенные памятники архитектуры – более строгие, спокойные, законченные, но ни один не был таким волнующим, таким живым.

В Руане было еще немало чудных вещей. Насытившись ими, мы отправились на поиски «дачных мест», пересмотрели их немало и

попали, наконец, в двух часах от Руана на нормандскую жемчужину – Le petit Andeley.

Здесь текла Сена – широкая и полноводная, заросшая с берегов, с живописными островками. Местечко узкой лентой вилось по берегу. Кругом холмы, покрытые лесками. Внизу – поля и пастбища. На одном из высоких холмов – руины замка Château Gaillard, составлявшие славу этого местечка.

Жилище мы нашли без всякого труда, в двухэтажном каменном доме на самом берегу. Дом принадлежал местному крестьянину Amette Joseph, семья которого состояла из жены, двух взрослых дочерей и старичка-родственника. Хозяйка, умная и привлекательная, как большинство французских «простых» женщин, договорилась с нами быстро. Мы (трое взрослых и двое детей) получали три комнаты – две спальни и столовую с газовым освещением, газовой кухней, полной обстановкой и услугой, включая приготовление обеда, за 30 франков в месяц – около 12 рублей. Мы не верили ушам, – вот земной рай. С хозяевами наладились быстро дружеские отношения. Они повели смотреть весь дом. У этого богатого крестьянина – в Andeley он не был исключением, – в доме было до 15 комнат, битком набитых тяжелыми, неуклюжими, старомодными, но удобными и добротными вещами. Хозяйка с гордостью распахивала тучные шкафы, пузатые комоды. Обнаруживались горы белья, носильного, постельного, столового. Это все было приданым дочерей. Некоторых богатств хватило бы на долгую жизнь полудюжине семей. После дома шел такой же тщательный осмотр – огорода, фруктового сада, basse cour, с невероятным обилием неизбежных кроликов.

Хозяин, как все владельцы домиков, рассыпавшихся по берегу, был крепким крестьянином, «кулаком» (без специфических форм «эксплуатации», «миродства» и пр.), но он и вся семья были образцовыми работниками. С 5–6 часов утра все – кроме старичка инвалида – расходились по делам. Поле, близкое от дома, было разделано с любовью и терпением чисто французскими. Техническая культура, постоянный энтузиазм в работе, скопидомство, семейная цепкость и дисциплина, – все служило целям накопления. «Хищнические» черты, описанные Бальзаком, уже утратили остроту. Дворяне их более тревожить не могли. Редкий месяц не продавалась усадьба разорившегося «барина». Недалеко от нас на воротах чудесной виллы висел ярлык «à vendre»¹⁰¹. «Le propriétaire n'a plus rien dans son sac»¹⁰², – пояснил Amette Joseph. Мы пошли посмотреть усадьбу. Обширный двухэтажный особняк белого камня – архитектурно и внутренним убранством – маленький дворец, с пышной, бронзированной решеткой, садом, цветниками и фонтанами, службами, землей (не помню, сколько) продавали за 30 тысяч франков (12 тыс.<яч> р<ублей>). И

уже не было людей, желавших платить такие деньги в таком месте. Amette Joseph с приятелями подумывали о коллективном приобретении усадьбы «мужиками» и разделке ее под доходные культуры. По нашей арендной плате было видно, какими ничтожными нормами доходности удовлетворялся местный земледелец, а дом его непременно улучшался, наполнялся. Шкафы, комоды и белье добывались за счет систематического растяжения рабочего дня всей семьи. Но воскресенье считалось свято. В этот день Amette Joseph был «баринном». Утром в саду, прихлебывая кофе, он читал газету и любил болтать по вопросам иностранной политики. Займами он интересовался, но держателем русских бумаг не был. Если он шел навестить друзей, обязательно надевал крахмальную манишку, сертук <так!> и белый галстук. Жена и дочери сияли свежими нарядами, шальями, прическами. Выползал и древний старичок, участник Крымской кампании, слабоногий, с выпученными глазами, очень любивший, однако, собственноручно убивать кроликов. Он убивал их безболезненно и быстро путем простого встряхивания. На наши вопросы о здоровье он неизменно отвечал: «A peu près, a peu près»¹⁰³, и мы его прозвали «апепрешкой».

Началась регулярная жизнь. Это лето было одним из плодотворнейших в моей жизни. Оно целиком ушло на штудирование Бергсона¹⁰⁴.

Я подымался часов в шесть. Не умываясь, почти не одевшись, накинув на себя пальто, я садился за стол к окну, из которого была видна вьющаяся Сена, и принимался за «L'évolution créatrice» и т. д.

Утренняя тишина и свежесть, чарующая перспектива перед глазами, тонкость и глубина бергсоновой мысли – давали чувство такой полноты жизни, такого удовлетворения, что к каждому утру я спешил, как на свидание.

Изучение Бергсона ничуть не походило на привычное штудирование чужой мысли. Передо мной была не догма, которую оставалось схватить, понять, усвоить. Подобно Вергилию, Бергсон вел по кругам своего мышления, наводя, поддерживая и ободряя.

Это была трудная и увлекательная философская прогулка, на которой мудрый спутник требовал внимания, самостоятельности, мужества. К концу прогулки обострившееся зрение с наслаждением пробегало пройденный уже путь...

Я складывал книгу и тетради, но возбуждение не проходило. Благодарность и любовь горели и в сердце, и на лице.

В таких условиях работа шла необыкновенно продуктивно. В шесть утренних часов я делал то, что не удавалось и в 12 – в библиотеке или у себя же, но в других условиях.

Часов в семь на берегу, рядом с нашим домом, садилась немолодая и некрасивая женщина-художница, раскладывала ящик и начи-

нала ежедневную работу. Часов в 8 к ней подходил молодой человек, в пижаме, туфлях на босу ногу, и с трогательной нежностью ее ласкал. Она вся расцветала. Эта неизменная утренняя ласка тоже вошла ликующею нотой в мои занятия.

Девочкам было привольно в Andeley. Когда Белочка уезжала по своим делам в Париж, я с ними шел в лес на горе – играли в прятки, собирали орехи, ежевику. Через полтора месяца старшая – Ниночка, уехала с бабушкой в Россию, а я остался с младшей – семилетней Милочкой. Она часами занимала сама себя – пока я работал, – вырезывала фигурки из бумаги, разрисовывала их, бормотала про себя целые истории. На прогулке я пускался фантазировать, и она все измышления принимала за чистую монету. Но, следуя прихотям моей фантазии, она ревниво отстаивала свою маленькую индивидуальность, свой мирок, если на свободу ее делалось покушение. Упорная, сильная работа ее пробуждающегося сознания была очаровательна. В Париже мы отдали ее в школу Фидлера и брали к себе по воскресеньям. Это был наш общий праздник.

Глава XXIV

Я – гид по Парижу

Весной 1913 г. ко мне зашел как-то Юлий Федорович Семенов¹⁰⁵, зять А.В.Гольштейн, с которым я познакомился еще в Москве на его лекции на увлекавшую тогда всех тему об авиации.

По профессии физик-педагог, Семенов возглавлял тогда французскую секцию «Образовательных экскурсий учебного отдела Общества распространения технических знаний». Неожиданно он предложил мне занять место уехавшего в Россию историка Х. Экскурсионная программа, намеченная на лето 1913 г., без историка-общественника не могла быть выполнена. Семенов просил выручить его из создавшегося положения. Других кандидатов не было и не предвиделось.

Я не сразу принял предложение. Роль гида, путешествующего по Парижу с пестрой толпой экскурсантов, преимущественно провинциалов, не представлялась соблазнительной. Припоминались случайные разговоры на эту тему еще в России с руководителями экскурсий по Италии. Рассказывали всевозможные анекдоты об убийственной некультурности наших соотечественников. Особенно язвил А.А.Койранский¹⁰⁶. В Риме к нему пристали два учителя: «Скажите же что-нибудь о Винчи. О Леонардо час битый толковали, а о Винчи ни слова» (частица «да» в имени художника была принята, очевидно, в смысле соединительного союза).

Но Семенов красноречиво живописал бедственное положение отдела. Цифра заработка, при моей хронической безработице, представлялась соблазнительной. Я согласился.

В одном из кафе Монпарнаса состоялось специальное совещание руководителей для распределения обязанностей. Кроме Семенова, ведавшего организационную, административную, хозяйственную и техническую стороны сложного предприятия, – в секции должны были работать: художники – Лопатинский и Тир; искусствовед – Сорокин; естествовед (по специальности геолог) – Иванов, *habitué* Парижа, эмигрант с «социалист-» «эволюционер» Готов, ближайший помощник Семенова по организационной части, эмигрантка с «социалистка-» «эволюционерка» Селюк, ведавшая продовольственной частью, студент Л., в роли адъютанта Семенова, наконец, я.

Роль наша заключалась в том, чтобы принять экскурсии, уже побывавшие в Берлине, Дрездене и Мюнхене, или Вене, Италии, Швейцарии (сейчас не помню точного направления маршрутов), всесторонне показать Париж, связав показ с характеристикой основных культурных проблем современной Франции, затем, перебросив экскурсантов на короткое время сперва на морской пляж для отдыха, потом в Лондон, отправить их назад в Россию.

Вся эта сложная цепь приездов и отъездов (в Париже за два месяца перебивало не менее 14 экскурсий) могла не распастись при условии идеальной четкости работы, математическом выполнении календарного плана. И, следует признать, – механизм предприятия (я имею в виду экскурсионный оборот в целом) действовал с правильностью часового механизма. На моей памяти и по рассказам товарищей, работавших в других странах, не было ни малейших перебоев. Экскурсии прибывали и отъезжали день в день; заарендованные автомобили развозили без промедления путешественников и багаж по их местам. За месяц вперед было известно, что группа № такой-то в такой-то день, в таком-то часу будет в Пантеоне, в таком-то часу сядет обедать в таком-то ресторане, в таком-то часу вернется на экскурсионную базу. Редкие отступления от плана были обусловлены исключительно внешними обстоятельствами – неожиданным для нас закрытием какого-нибудь учреждения, поднявшейся непогодой и т. п.

Основной резиденцией экскурсоводов был Монпарнас. В двух отелях были заарендованы на все время комнаты для ночлега. Неподалеку от отелей была коллективная столовая – обширный *atelier*, специально снятый и оборудованный для этой цели, – находившаяся под умелым руководством энергичной и самоотверженной Селюк. При естественных трудностях, связанных с кормежкой оравы в 70–75 человек (с руководителями) три раза в день, – не помню ни одного недоразумения по «кухонной» части. С последней отъезжавшей группой мы торжественно чествовали шефа нашей кухни, с блеском выступившего в этой роли. Помимо собственной столовой, в разных местах города были законтрактированы на определенные дни ресто-

ранчики с залами, способными вместить разом группу, а иногда и две, экскурсантов.

Математическая четкость работы, не свойственная тогдашним русским, доставляла немалое удовлетворение нашим гостям. Разумеется, такой характер работы обусловлен был и темпами западно-европейской жизни, высокой техникой ее быта, идеальными путями передвижения.

На товарищеском совещании на мою долю выпало руководить следующими экскурсиями: 1) по Латинскому кварталу; 2) по кварталу Ле-Маре; 3) в Палату депутатов; 4) замок Шантильи. Эта программа предполагала не менее 50 выступлений, не считая неизбежных импровизаций. Через два дня я повел мою первую экскурсию по Латинскому кварталу. <...>

Экскурсанты, приезжавшие в Париж, в большинстве оказались милыми людьми – «жадными», впечатлительными и благодарными. Курьезных фигур, провинциально неуклюжих, наивных, то благоговейно восторгавшихся, то безгранично критиковавших, – было немало. Но после серьезного практического курса культуроведения уезжавшие в прощальном заседании обычно выражали полное свое удовлетворение, говорили, что выросли на голову, обогатились на всю жизнь и т. п.

Работа, по существу, была исключительно тяжелой. Тяжесть заключалась в необходимости десять раз показывать одно и то же и десять раз при этом сказать одно и то же. Первые три, четыре раза я говорил свободно, отдаваясь естественным филиациям моих идей, увлекаясь, даже вдохновляясь, но... к пятому, шестому разу и так далее язык был так натружен, что я не мог регулировать его. Вопреки моей воле, он говорил стертые слова, употреблял выражения, не раз употребленные, и я должен был собрать всего себя, чтобы взвинтить, сгореть вовремя, увлечь слушателей. Эти интенсивные нервные заряды, невольное актерство, создававшее иллюзию подлинности не только для моих слушателей, но и для меня самого, – стоили недешево. Позже... с успокоением приходила сильная нервная усталость. Но зато никогда так часто я не испытывал и моментов ораторского подъема, как во время экскурсий. Я не говорил, а «пел», – восторгались мои слушатели.

Экскурсию я начинал всегда с сильного нажима. Я вел отряд с максимальной энергией, держал строжайшую дисциплину, не позволял рассыпаться, безжалостно подгонял отставших. Не все были довольны. Среди экскурсантов были – рассеянные, рыхлые, медлительные люди. Они ворчали на мои темпы. В одной экскурсии две начальницы гимназий – зрелые тетушки – выражали вслух недовольство «пожарными темпами». Но я жертвовал обозами, чтобы держать в бодром, стремительном настроении всю группу. Пред-

ставление обо мне как о «командире» было так усвоено, что на какое-то «категорическое предложение» экскурсантам одного из моих товарищей, ему отвечали иронически: «Ишь, без пяти минут Боро-вой нашелся».

Однако мое искреннее желание быть полезным экскурсантам, собственное страстное увлечение революционным прошлым Парижа, его жизнью, его искусством, наконец, тесное общение с экскурсантами в часы отдыха – сдружили меня с ними. С каждой экскурсией прощался я – старым, испытанным приятелем. <...>¹⁰⁷

Бывали на экскурсиях курьезные эпизоды.

Однажды мы отправились в Палату депутатов. Она оказалась закрытой по случаю срочного ремонта. Надо было спешно организовать что-нибудь другое. Экскурсоводы не должны были иметь «пустого» времени.

Стоял чудесный день. Я предложил ехать в St. Cloud, где разбит прекрасный парк, откуда открывается один из лучших видов на Париж. St. Cloud связан воспоминаниями о войне с Германией¹⁰⁸, о Коммуне и т. д.

Предложение было принято с восторгом. Спустились к Сене, сели на пароход, едем, перекидываясь шуточками. Внезапно – совсем близко к St. Cloud – набегают туча, ливень хлынул, как потоп. Бегом взбираемся на крутизны С. Клу, и насквозь промокших экскурсантов я тащу в первое кафе, попавшееся в парке. В этот час оно было, конечно, пусто. Наше появление вызвало сенсацию. К нам бросились *garçons*, хозяин. С чрезвычайной приветливостью нас усадили, я заказал за счет организации угощение каждому по вкусу. Но чем занять компанию? Сперва я повел историческую беседу. Полчаса, сорок минут – солнце упорно не показывается. Ливень перестал, но моросит мелкий, нудный дождь. Парковые дорожки – озеро. Меня вдруг осенило вдохновение. На эстраде, декорированное пальмами, стоит пианино. Я решил выступить в новой роли – музыканта.

Начал собственным «попурри» на темы Четвертой симфонии Чайковского. Имел успех. Публика требует: еще, еще. Я играл, играл, наконец исчерпал свой репертуар. Дождь все моросит, но настроение стало иное. Отдельные голоса предложили пренебречь дождем. Все присоединились, даже дамы в белых туфельках. Мы вскочили, взяли штурмом все вершины, хлюпали по лужам, налепляли <на ноги> комья грязи. Но прогулка вышла одушевленной, веселой, тесно всех сплотила.

Забавное же в истории было в следующем. Когда, после игры и решения выступить в поход, я расплачивался с хозяином, он тряс мне руку и что-то в нее всунул. Смотрю – пятифранковая монета.

Что такое? Хозяин благодарит, просит заходить и впредь в кафе с моими путешественниками. Ба! Он принял меня за профессионала. Смеясь, возвращаю ему его монету. Он настаивает. Насилу отбаярился. Уходя, слышу гневную реплику патронши: «Ну что, дуралей (imbecile que tu es), пожалел луи<дор>? Теперь он не придет». Ответа хозяина я уже не слышал. <...>

Хочется сказать еще об одном сильном впечатлении этих месяцев.

Это – воспоминание о моем первом и единственном полете.

Теперь полеты доступны и привычны. В ту пору, даже во Франции, они были уделом немногих.

Едва ли не самым заманчивым пунктом парижской программы было посещение Жювизи – авиационного городка под Парижем, где стояла военная воздушная эскадра и вдоль обширного аэродрома тянулись многочисленные ангары с аэропланами разных систем.

Обычно в Жювизи ездил Семенов. Перед полетами он читал лекцию, в которой излагал принципы современного воздухоплавания и подробно толковал об особенностях знаменитого тогда мотора «Гном». Как-то в день отъезда он почувствовал себя нехорошо, ломать программу не хотелось, и он просил меня и Лопатинского съездить в Жювизи.

По дороге, на вопросы экскурсоводов – буду ли я летать, – я отвечал: конечно, нет. Я не выношу качелей, каруселей, французских гор, у меня начинается головокружение. Никакой охоты не имею к воздушным путешествиям. Полечу тогда, когда аэропланы будут абсолютно безопасны.

Надо мной трунили, называли трусом. Некоторые шутили, что я, как руководитель, должен подать пример.

В Жювизи прежде всего познакомился с нашим пилотом – Шампелем. Молодой, сильный француз. Приобрел известность опытами метания снарядов с аэроплана. На поле звали его *cocher* – извозчик, за то, что он летал с пассажирами.

Выкатили аэроплан. Загудел мотор. Шампель занял место. Можно начинать полет. И вот... минута замешательства. Никто не решается открыть кампанию. Биплан Шампеля мог взять двух пассажиров. На устроенное для пассажира место сзади тотчас же уселся Лопатинский. Для другого пассажира непосредственно за пилотом поставили уютную скамеечку. И никто не хотел сесть на это импровизированное неприкрепленное сидалище. Экскурсоводы подталкивали друг друга. Шампель нетерпеливо слушал пререкания.

Нужно было выходить из положения. Будь что будет! С отвращением и страхом влез в аппарат. Шампель сказал, чтобы я держался за его пояс. Других приспособлений не было.

Машина тронулась, полетела по полю с захватывающей дух быстротой.

Мгновение... мучительный, до боли, взвизв от земли. А потом... минуты блаженства, неудержимой радости. Кругом – беспредельная свобода! Никаких страхов! Чувство не испытанного еще могущества, способности на все!

Хотелось петь, кричать... По телу бежала бодрящая, волнующая дрожь. Товарищ что-то кричит... За громоподобным мотором ничего не слышно. Холодный ветер бьет в лицо, а был жаркий день. Хорошо, что напялили теплую шапку с наушниками. Но хочется лететь без конца над лесом, над водой, микроскопическими людьми, оставшимися внизу, смотрящими на нас, вероятно, со страхом и завистью.

На повороте сильно кренит... Скамеечка съезжает. Но ничуть не страшно. Бешеное новое чувство здоровья, силы, блаженства не оставляет. Благодарность к пилоту переходит в какое-то остро-умиленное чувство.

Потом спуск – скользящий, стремительный... Вот на земле. К нам подбегают, спрашивают. Жена пилота просит черкнуть что-нибудь на память в альбом.

Мы с Лопатинским как пьяные. Связно говорить невозможно от неожиданности радостных волнений, восторга. Счастливые, возбужденные, идем к павильону, пьем кофе, смеемся, смотрим, как влюбленные...

Глава XXV Испания

Когда уехала последняя экскурсия, прошел съезд руководителей, и мы расстались, я почувствовал себя уставшим. Двухмесячные прогулки потребовали большой затраты нервов. Хотелось отдохнуть. Белочка была в России, денег заработал я достаточно, и я решил куда-нибудь поехать.

После недолгих размышлений, я выбрал юг Франции. Со мной поехал молодой человек, живший у меня пансионером, – Ш.

Два или три дня мы провели в Бордо. Оттуда съездили на несколько дней в Биарриц и в знаменитую некогда Байонну, теперь мирно дремавшую в соседстве прославленного победителя¹⁰⁹.

Курорты мирового значения, разумеется, не манили меня: там был шум, показная роскошь, непомерные цены. После расспросов местных жителей, мы остановились на местечке St. Jean de Luce в стране басков, рядом с испанской границей.

Это не был бретонский Lerouldu или нормандский Andeley, но все же место, вполне отвечавшее моим намерениям. Городок был небольшой, по преимуществу с рыбацким населением.

Правда, было несколько пышных отелей, пансионов, был Casino, где процветали баккара и «скачки» (petits chevaux), были даже ювелиры, антиквары. На пляже не было толкотни светского базара, но попадались представители «high life», «haute bourgeoisie» с автомобилями, лакеями и пр. Но все это не было претенциозным и назойливым. Рядом с немногочисленными рантье и снобами можно было жить тихо и недорого.

В нашем отеле комнаты были удобны, стол – разнообразен, за табль д’отом сидели в пиджаках, жакетах, но не смокингах.

Утром в 8 часов мы еще нежились в постелях; раздавался стук, входила молоденькая баска и приносила моему сожителю – café-sûrte, мне – тарелку нежного, душистого, необычайно крупного винограда (из местных сортов). После этого завтрака свежесть и веселость проникали, казалось, во все поры тела. Лежать больше не хотелось. Мы вскакивали и бежали к морю.

Улички были уже полны – живым, веселым населением. Баски – доселе загадочный народ. О их происхождении спорят и сейчас. Филологи относят их язык к числу древнейших, притом совершенно свободных от латинских влияний. Ремесленники – сапожники, точильщики, кондитеры, брадобреи – на воздухе располагались со своими товарами и инструментами. На каждом шагу – фрукты, свежая рыба, ракообразные, сыры и сласти. С утра – галдеж, шутки, смех. К вечеру – гитары, песни. На площадях – сарабанды, фарандолы и фанданго. Сотни людей – с бубнами, кастаньетами – часами отдаются плясу. А на другое утро – плясуны, затянутые в широкую полукожаную одежду, в огромных шляпах из клеенки, отплывают на баркасах на охоту. Их снаряжают, провожают такие же рослые, сильные, мужественные женщины, как и они сами. Даже нищие, весьма немногочисленные – большей частью уроды и кретины, – живописны под этим ласковым, красивым небом. Содержание их дешево, ибо все здесь дешево – хлеб, рыба, сыр, вино.

«Классовое» самосознание местного населения было вполне младенческим. В разговорах с рыбаками, басками – прислугой, ремесленниками, горланившими на площади, я никогда не слышал ни одного протеста против общего «порядка вещей». Праздные туристы, толсто-сумы-отельщики, процветавшие кабатчики в них не будили раздражения. Фруктовики гнули спины в садах и виноградниках, рыбаки часами строили тяжелую охотничью снасть, жены убирали, потрошили рыбу, сапожники, цирюльники правили свое ремесло, а вечером все были в кафе, на площадях – за вином, косточками <так!>, картами и танцами. До St. Jean de Luce я не видел более уверенных, веселых, радостных людей и... замечательно, что за месяц пребывания в местечке, несмотря на обилие дешевого и вкусного вина, я не заметил пьяных, не говоря о скандалах с вмешательством полиции.

Любимейшим развлечением, сильнеешим, чем вино и танцы, «райского» местечка была национальная игра в мяч – *perlotto*. Две партии бросают с разных расстояний в высокую каменную стену мяч и ловят его узкими, восьми-десятивершковыми, корзинами, формой похожими на лодочки. В этом сезоне на специально устроенной площадке сражалось немало «чемпионов», известных югу Франции и северу Испании. Играл и знаменитейший из всех – великолепный, смуглый великан, немолодой, но добродушный, перемежавший игру улыбками и репликами с публикой, к сожалению, нам непонятными. Баски же, которых он был национальной гордостью, – хохотали оглушительно.

Интересна была церковь – просторная, почти пустая, похожая скорей на убранный сарай, чем на храм. С трех сторон в два яруса шли деревянные балконы – преимущественно для женщин и детей. В церкви приезжими музыкантами исполнялись превосходные концерты. Здесь я переслушал множество новинок, между прочим – Ц. Франк¹¹⁰, которого до тех пор я почти не знал.

Однажды на улице перед отелем появился старичок в красной шапке с трубой. Протрубив, он возвестил сбежавшимся, что такого-то числа в местечке состоится аукционная продажа вещей из магазина антиквара Х. Во мне сразу заговорило охотничье чувство, натренированное отелем Друо. Аукцион затянулся на неделю. Самым сильным соблазном были книги. Старые *in-folio* и *in-quarto* пленяли кожей, золотым тиснением, великолепными гравюрами, ароматом старины. Но они продавались все разом – что-то выше тысячи томов, и наполовину были богословские. На них долго не было охотников, и они пошли за смехотворно низкую цену.

Мы с Ш. взяли реванш на фарфоре – приобрели несколько ваз, чашек, элегантную чернильницу испанской работы. Как-то аукционист выгащил корзину, полную *bric à brac*¹¹¹. Не стали ее смотреть – дорожили временем. Корзина была пущена за франк. Я из азарта ввязался и получил ее за 3 франка. С 10% сбором это составило 3 фр<анка> 30 сантимов или рубль с четвертаком на наши деньги. Дома меня ожидал ряд сюрпризов. Среди стеклянных бус, серег, кулонов оказалось до трех десятков вещей – цепей, медальонов, браслетов, брошей – из черепахи, тонкой, благородной резьбы. Кое-что было разрознено, но отдельные предметы были настоящими *chef d'oeuvre*'ами.

В двух часах езды была Испания, и было бы безумием упустить случай увидеть хоть краешек ее. St. Jean de Luce был полон разговоров об Испании. Во всех магазинах продавали билеты на *cortidas* с участием славнейших бойцов, в расположенном у бухты Бискайского залива St. Sébastien.

Сперва мы просто решили переехать жить в Испанию.

По Бедекеру мы наметили городок Пасахес, расположенный у бухты, из которой некогда Христофор Колумб отправился на поиски легендарного материка. С океана этой маленькой живописной бухты совсем не видно. Она скрыта горными хребтами.

В Пасахесе слезли мы одни. Вышли с чемоданами на площадь. Туда, сюда, – и вдруг почувствовали свое одиночество. Отелей – нет, пансионеров – тоже. Попытки вступить в разговор с аборигенами оказались безуспешны. После часового толканья под палящим солнцем не нашлось ни одного, который мог бы объясниться или понять что-либо на французском, немецком или английском языках. Наконец мы свалили вещи в какой-то *posada* (простонародной харчевне) и тут от хозяина-баска узнали, что комнаты здесь мы не найдем.

Однако было обидно ехать назад. Мы решили еще искать случая. Выйдя из харчевни, взяли прежде всего лодку – прокатиться до океана. Дорогой – словами, жестами объяснялись с лодочниками. Потолковав между собой, они на обратном пути подвезли нас к какому-то двухэтажному каменному дому с вывеской. Наконец-то! Приглядываемся. Увы, это не гостиница, а музей, посвященный Виктору Гюго. Думаем – здесь найдем француза. Расплатились, вышли. Действительно, нас встретил дружелюбно явно скучавший человек. Он превосходно объяснялся по-французски. Сперва все же посмотрели музей – не особенно богатый. Но нам было не до лекций. Уже вечерело. Надо было найти ночлег. Сторож нас разочаровал. Комнат для ночлега здесь не найдете. Сюда никто не ездит. «Переночуйте здесь», – неожиданно предложил он. – «Как здесь? В музее?» – «Ну да, в музее».

Забавно. Мы переглянулись. Однако мысль покоиться здесь, рядом со священными реликвиями, на полу, в пахнувшем пылью и забвением сарае, нам показалась неудобной. Мы простились с любезным сторожем, зашли в харчевню за вещами и с первым поездом вернулись в близкую Бискаю.

Следующий наезд наш был удачнее. Мы запаслись билетами на бой быков и отправились в *St. Sébastien*.

Внешняя панорама этого «первого» европейского курорта – удивительна. Огромный простор бухты, укрытой от западных ветров высоким мысом, редкий по мягкости веерообразный пляж, роскошные бульвары, импозантные отели, казино и пр.

В 11 часов утра пляж был похож на элегантнейший салон. Европейские модницы входили в океан с эгретами и перьями в головных прическах <так!>.

В центре бухты, на возвышении, был павильон, из которого король – он был сейчас в Мадриде – скользил в закрытом катере по рельсам прямо в океан.

Cogrida начиналась в 12½ часов дня.

Огромный амфитеатр на пятнадцать тысяч человек был полон, когда мы заняли места. Сиденье каменное, но покрытое волосяной подушкой, служившей не только для удобств зрителя, но и метательным орудием в неудачливых бойцов. <...>

Под прямыми лучами солнца кипела ослепительными красками многотысячная толпа. Женщины – в красных, желтых шелковых нарядах, черных шалях и наколках. Мужчины – в белом или в ярких национальных костюмах. В этой живой радуге каждая смуглянка была красавицей, а обтянутый мужчина – молодцом и победителем. Такого праздника для глаз не видел я нигде и никогда.

На укатанный песок арены выбежали, выпрыгнули пестрые, маскарадные герольды, бандерильеры. Въехали мрачно-серые пикадоры, вооруженные пиками с небольшими наконечниками. Их кони – старые, понурые лошадки, защищенные наглазниками. Пикадоры расположились у барьера и застыли.

Все было готово. Откинули засов тяжелой двери. Несколько томительных мгновений. И из подвала на арену выскочило косматое чудовище с могучей головой, огромными ветвистыми рогами.

Ослепленный солнцем, взбудораженный ревом другого разноцветного чудовища, возбужденный жаждой, бык замер, вкопался в песок передними ногами, опустил голову...

Но вот, – короткий рев... прыжок, стремительный бег на пикадора. Все взметнулось. На месте, где был всадник, – крутящийся вихрь. Лошадь в воздухе. Всадник, воткнувший свою пику, летит в сторону, подымается и перемахивает через барьер, чтобы не попасться разъяренному животному. Лошадь падает, в брюхе – зияющая рана, бьет кровь, на песок падают внутренности. Лошадь бьется еще, короткой дрожью... пытается встать. Но... жизнь кончена, она падает.

Иступленный победитель мчится дальше. Вновь мелькают в воздухе – лошадь, всадник. Опять потоки крови хлещут на арену, лошадь бьется на песке.

Так погибли четыре лошади. Один пикадор расшибся, подмятый лошадью к барьеру. Бык утомил шею, без чего матадор не может нанести ему смертельного удара.

Первые впечатления ужасны. Мы вскакиваем, кричим: «Basta!» («Довольно!»). Соседи улыбаются, задние ударами веера приглашают успокоиться и сесть. Лица у всех веселые и оживленные. На издающих лошадей никто не смотрит.

Бык, разбросавший лошадей, стоит и смотрит выжидающе...

Въезжают квадриги, крючьями уволокивают трупы, уравнивают взрыхленную почву, заматают следы крови.

Готово. Отважные, неуловимые бандерильеры, тореадоры несутся вокруг быка. Бегут навстречу, прыгают, ныряют, втыкают пачка-

ми мучительные стрелы. Бык носится со стальной щетиной стрел, покрытый кровью. Мелькают всюду красные плащи, трещат шутихи и петарды. Бык, обезумев, бьет рогами вправо, влево. Всюду – воздух, кругом – скользящие, сверкающие тени.

Грозная голова виснет, глаза налиты кровью, горячий, мокрый, с крову поднимающимися боками, бык стоит и бьет песок ногами...

На арену выходит матадор. Мускулистый, гибкий, в горящей ярко куртке, в накидке, защитой серебром... Тысячи голосов его приветствуют. Улыбки, веера, цветы. Он шествует, как оперный герой, к почетной ложе. Король – в Мадриде. В ложе – мэр и «дама». Матадору приносят длинную сверкающую шпагу – клинок Толедо. Матадор преклоняет перед ложей одно колено. Красавица благословляет шпагу, бросая ему розу. Матадор целует розу, втыкает ее в петлицу куртки, целует шпагу, кланяется даме и... упоенный своей ролью, обожаемый неистойвой толпой, идет к быку, навстречу, может быть, своей судьбе... Сколько их погибло.

Матадор – около быка, играет, дразнит, вот-вот он не уйдет, он на рогах, но нет, мгновение, и он опять... с плащом перед быком, но с новой стороны. И вот он улучил момент. Бык наклонил голову. Как молния, клинок вонзается в спинной хребет. Бык падает, как скошенный... Бой кончен. Приветствия, овации. На сцене – розы, веера, сигары... По-оперному – с руками к сердцу, – матадор шлет ответные приветствия и поцелуи.

Но горе неудачнику. Шпага падает иногда бессильно на песок, с ней падают – сердце, репутация, иногда и жизненная карьера матадора. Насмешки, крики, оскорбительные клички. Арена покрывается подушками.

Я был свидетелем и неудач. Один матадор трижды вонзал клинок под оглушительный свист публики, пока не убил быка. Всего я видел «бой» три раза. Видел восходившую звезду, юного *Vombito*, нажившего в три года состояние. Расчетливо он удалился на покой и занялся коммерцией. Менее осторожные и более жадные кончают карьеру на рогах. Недаром приобретение звания «тореро» по-испански именуется «альтернативой».

Бой быков был первым подлинным впечатлением «Испании». Сколько бы ни протестовала против него моя культура, красота зрелища была единственной. Испания приобрела для меня острый интерес. В *St. Jean de Luce* я получил письмо Сорокина, моего товарища по руководству парижскими экскурсиями. Он звал меня в Испанию. В сообществе хорошо известного мне Тира, изъездившего мир, он жил в городишке *Fuentarabbia* на севере Испании. На днях, – писал Сорокин, – исполнится столетняя годовщина со дня изгнания французов из Испании, короля Жозефа Бонапарта. Испанцы готовят большие празднества.

Как было устоять перед соблазном?

Fuentarabbia сразу показалась мне волшебной. Суровая, серая, с домами старого замшелого камня, со старинными, украшенными гербами, надписями на стенах, фонтанах, башнях, спрятанная в горах с зелеными склонами, казалась она – не живым городом, а сказкой. С Сорокиным и Тиром обегали весь город, смакуя его достопримечательности, любуясь арабскими остатками. Праздник должен был начаться на другой день. Я поселился в том же ветхом и дешевеньком отельчике, что и приятели.

Славная партизанская война начала XIX века была войной народной. Герои ее – горцы, гверильясы. Крупнейшие вожди даже не оставили имен. Популярнейший из них вошел в историю с кличкой El Empresinako (Осмоленный). Из других запомнились El Maneo (Однорук), El Cura (Священник), El Pastor (Пастух), наконец, юмористический, а в «деле», верно, страшный – Calzones (Штаны). Народ бился за родину против врагов, варварски истреблявших его культуру.

Адский шум разбудил нас. Трубы, барабаны, выстрелы. Мы к окнам. Улица полна народу. Одеваемся, летим.

Необычайная картина. На улице – толпы полуголых людей, в звериных шкурах, в косматых шапках. В руках – секиры. Это – горцы, освобождавшие некогда Испанию. Рядом с ними – люди в самых фантастических нарядах, вооруженные мечами, копьями, старинными мушкетами. Веселые, бойкие маркитантки в костюмах начала в<ека>, с бочонками вина, идут с отрядами. Все это гудит, ревет, поет; колотят в барабаны, стреляют в воздух.

Белые дома – с редкими, узкими, таинственными окнами, балконами, опоясывающими все этажи, убранными коврами, тканями – горят под солнцем. Окна и балконы полны людей, особенно <много> женщин. Беспокойными силуэтами рисуются они на белых стенах, давая жуткий фон всеобщему беснованию.

Цветы – везде: на волосах, в зубах, на платье, на земле. Аромат их и фруктов мешается с чадом оливкового масла, кипящего на улицах в огромнейших котлах, в которых плавают какие-то лепешки.

Вслед за толпой несемся и мы по улицам, пока не попадаем на мрачную площадь Собора.

От него движется пышная процессия. Духовенство, прихожане, прихожанки, дети. На высоких носилках качается Мадонна – в шелках и драгоценностях. Она – смуглая, чувственно-влекущая, совсем живая. Склоняются кресты, знамена. Ее встречают коленопреклонением, вздохами, истерическими возгласами, гимнами, шутихами и залпами. Мадонна сливается с толпой. Строимся в одну колонну. Впереди всех – горцы, за ними освобожденная испанская Мадонна, потом клир, наконец – беснующаяся толпа.

Процессия идет в горы, в старинную часовню. Видно издали – вокруг колыхается человеческое море. Еще другие нарядные мадонны. Над часовней и толпой – сизая дымка от непрекращающихся выстрелов. В часовне служитя молебен. Пытаться протолкаться – бесполезно, мы остаемся на лугу, глазеем на толпу, потом возвращаемся в город, внезапно ставший обширной сценой из театра.

Ночь. Вверху – темная лазурь, внизу – фонарики, плошки, бенгальские огни, ракеты. Воздух настоен крепко запахом цветов. На улицах – ряженные люди. Везде танцуют.

К полуночи стало затихать. Не чуя ног, сидим в кафе, потягивая шоколад. Внезапно – рядом с нами немолодой уже испанец полным голосом, страстно вибрируя, стал петь. Сосед аккомпанировал ему редкими, еле слышными щипками гитары. Мгновенно все замолкли. Певец кончил. Гул аплодисментов. Не успели они смолкнуть, как из кафе с противоположной стороны молодой звонкий голос запел какие-то задорные куплеты. Опять – настороженное внимание, аплодисменты, и опять песни – без конца. Хозяин объяснил нам, что начался турнир певцов и что участники его импровизируют слова (обычно четверостишия – *coplas*) и самую мелодию.

В Fuentarabba пробыл я три дня. Посетил еще несколько местечек Северной Испании. Крайним пунктом моих дерзаний был Бильбао. Испанский юг я оставил на будущее лето. Я не думал, что не увижу Испании больше никогда.

Ни одна европейская страна не произвела на меня сильнее впечатление. Надо видеть, чувствовать ее небо, горы, пески, людей, чтобы понять ее величие и бедность, напряженность, «сладострастие». Прав Гюго – «Испания сродно прекрасное, а не красивое».

Нежная Бискайя была акварелью, Испания же – исполинской фреской.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Три мушкетера» (франц.).

² Великой судьбы (франц.).

³ Северный вокзал (франц.).

⁴ Белочка – вторая жена Борового Эмилия Васильевна Шеляпина, урожд. Струве (племянница П.Б.Струве, дочь педагога-математика, директора Межевого института Василия Бернгардовича Струве). Белочкой он звал свою возлюбленную «за белоснежный цвет лица и красно-золотые волосы». В воспоминаниях Боровой много пишет о ней и о их взаимном сильном чувстве. 5 августа 1928 в дневнике Борового появляется запись: «5/VIII. Белочка – собор, в котором я поклонялся каждому камню, при взгляде на который лихорадила моя голова и трепетало мое сердце. Годы прошли в этом сладком самозабвенном чувстве... Теперь я перестал молиться в нем. Остался

прекрасный архитектурный памятник» (РГАЛИ. Ф.1023. Оп.1. Ед.хр.175. Л.55). Однако в относящихся к предвоенному времени (1913–1914) воспоминаниях Нины Серпинской, за которой Боровой ухаживал в Москве, читаем: «С первой женой, мистической истеричкой, он разошелся. Теперешняя его жена, полунемка, холодная, практичная, умная, красивая особа, с правильным лицом и поступью королевы, дала ему полный “carte blanche”, так же как и он ей» (*Серпинская Н.Я.* Флирт с жизнью. С.127). Далее Серпинская отмечает, что у Борового было принято каждую свою возлюбленную знакомить с женой.

⁵ Имеется в виду Люксембургский дворец (Luxembourg), сооруженный в 1615–1620 архитектором Жаком Деброссом по повелению Марии Медичи. Часть дворца с 1818 была занята Люксембургским музеем – галереей парижских живописцев и ваятелей, чьи вещи приобретались правительством на ежегодных художественных салонах и оставались в музее в течение 10 лет по смерти их создателей. Этот срок был признан необходимым «для установления правильного, независимого от увлечения идеями и вкусом времени, взгляда на их достоинство; после того произведения, признанные имеющими важное значение для истории французского искусства, переносятся в Луврский музей, а менее замечательные рассылаются по провинциальным музеям» (см.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона Т.XVIII. Лопари – Малолетние преступники. С.242). Сейчас это несколько небольших выставочных залов, но они сохранили название «Люксембургский музей». Адрес: 19, rue de Vaugirard.

⁶ Имеется в виду дом №22 по rue Monsieur le Prince. На портале аллегорические изображения Живописи и Скульптуры окружают бюст французского ваятеля Жана Гужона (Goujon; 1510–1572). В 1821 тут была открыта художественная школа.

⁷ Булычев Вячеслав Александрович (1872–1959) – музыкант, дирижер. Сосед Борового по отелю во время командировки в Париж в 1903. О нем Боровой писал:

Многое мы любили и уважали друг в друге. Об очень многом говорили. Но... сколько расхождений, какие разногласия – по тысяче вопросов, наиболее волнующих... Да, я ценил его – характер, его творческую волю, его «конструктивизм», его быстроту, его огромную «доброту», его правдивость, его всяческую действительность. Но сколько за всем этим крылось самодурства, деспотизма, нарочитой узости. Как многое в нем оскорбляло мое «эстетическое» чувство. <...> А главное, мы были с ним непримиримы – в музыке. Я мог согласиться с ним на Бетховене и Шуберте, мог, конечно, согласиться с его Бахом, Генделем, даже Палестриной. Но он... дальше Чайковского не шел. Скрябин, Метнер – были для него уродами. А музыка играла слишком большую роль в моей жизни, чтобы я здесь мог поступиться чем-нибудь для меня ценным.

(РГАЛИ. Ф.1023. Оп.1. Ед.хр.175. Л.641–642).

⁸ подружкой (*франц.*).

⁹ копилка (*франц.*).

¹⁰ владелец (*франц.*).

¹¹ Спокойной ночи, месье (*франц.*).

¹² От *étalage* – витрина (франц.).

¹³ Слова из сочинения римского грамматика Теренция Мавра «О буквах, слогах и размерах» (1286), ставшие крылатым латинским выражением: «*Habent sua fata libelli*». Полностью фраза звучала так: «*Pro captu lectoris habent sua fata libelli*» – «Книги имеют свою судьбу в зависимости от того, как их принимает читатель».

¹⁴ Боровой, ставший к тому времени приват-доцентом Московского университета, летом 1903 был командирован на два года во Францию и Германию для работы в архивах и библиотеках по подготовке диссертации «История личной свободы во Франции». В Париже ежедневно работал в Национальной библиотеке, собрал огромное количество материалов (в РГАЛИ в фонде Борового сохранилось более 5 тысяч страниц выписок на русском и французском языках). Диссертация была задумана как многотомное историко-юридическое исследование, и по возвращении в Россию осенью 1905 Боровой продолжал трудиться над ней. В 1910 ему удалось издать две книги первого тома «Истории личной свободы во Франции», которые он представил в университет как диссертацию на соискание ученой степени магистра полицейского права. Но получить степень ему не удалось: отзыв одного из рецензентов (А.И.Елистратова) был уничтожающим, возможно, по венаучным соображениям. Память об этой истории мучила самолюбивого Борового всю жизнь. Среди книг, переданных в библиотеку РГАЛИ из фонда А.А.Борового, – брошюра «История личной свободы во Франции. Ответ рецензентам Московского университета проф. Тарасову и проф. Елистратову» (М., 1911).

¹⁵ Рейснер Михаил Андреевич (1868–1928) – профессор, социолог, историк, правовед; отец писательницы Л.М.Рейснер, писал Боровому:

Леон<ид> Андреев и некоторые его друзья, к которым принадлежит и автор этих строк, задумали ряд литературных предприятий. Одно из первых – издание сборника, который имеет целью ликвидировать нашу общественную реакцию, вскрыть особенно большие гнойники нашего разброда и распада и под знаменем ответственного, морального индивидуализма призвать общество к новому подъему. Задачей нашего сборника является, естественно, не столь положительное социально-философское обоснование новой программы, сколько яркая и принципиальная критика существующего уродства.

(Письмо от 17 февраля (ст. ст.) 1911. – РГАЛИ. Ф.1023.

Оп.1. Ед.хр.611. Л.1).

Письмо написано на бланке альманаха «Сборник “Прометей”». Этим издательством выпущено два литературно-художественных сборника, однако ни один из них к описанному предприятию не относится. По всей видимости, издание, о котором пишет Рейснер, не осуществилось.

¹⁶ Имеются в виду действия министра народного просвещения Л.А.Кассо по пресечению студенческих беспорядков в Московском университете в начале 1911, после чего ректор А.А.Мануйлов, его помощник М.А.Мензбир, проректор П.А.Минаков подали в отставку и были уволены, а за ними покинули университет другие профессора и приват-доценты (в общей сложности около 130 человек).

¹⁷ Баженов Николай Николаевич (1857–1923) – психиатр, заведующий Преображенской больницей, профессор Московского университета. Популярнейший из москвичей, баловень «большой Москвы». Автор книги «Символисты и декаденты» (М., 1899), завсегда Литературно-художественного кружка. Его портрет Боровой дает в главе XI «Моей жизни» (там же рассказывается о других московских знакомствах Борового: с С.А.Соколовым-Кречетовым, Андреем Белым, А.А.Суворинным, М.Ф.Ликиардопуло, Б.К.Зайцевым, В.Ф.Ходасевичем и др.; о сотрудниках журнала «Перевал», газеты «Новь» и пр.). В настоящее время эта часть воспоминаний Борового готовится к изданию.

¹⁸ пневматическая почта (*франц.*).

¹⁹ Московская Практическая Академия коммерческих наук (с 1906 – Императорская) – учебное заведение для подготовки деловых людей, созданное К.И.Арнольди в 1806 по инициативе московского купечества. Финансировалось созданным при Академии Обществом любителей коммерческих знаний. В начале XX века считалось лучшим учебным заведением среди подобных ему, здесь учились многие известные впоследствии предприниматели (в частности, братья Рябушинские), а также ученые, художники, артисты и общественные деятели (актер и драматург Д.Ленский, основатель кабаре «Летучая мышь» Никита Балиев). Находилась в Москве на ул. Покровка, д. 5–7.

²⁰ не то маркиза, не то герцогиня (*франц.*).

²¹ с печатью (*франц.*).

²² дворик (*франц.*).

²³ образ жизни (*франц.*).

²⁴ От primeur – первое появление овощей, фруктов (*франц.*).

²⁵ домашняя кухня, известная каким-нибудь особым, специальным блюдом (*франц.*).

²⁶ португальских (*франц.*).

²⁷ с орденами, знаками отличия (*франц.*).

²⁸ «Спойте что-нибудь!» (*франц.*).

²⁹ Ах, как это грустно! (*франц.*).

³⁰ Что за странная песня! (*франц.*).

³¹ «Свободная школа социальных наук» (*франц.*). Об этом учебном заведении Боровой слегка высокопарно писал в пятой главе своих мемуаров:

...никакие самые высокие, уважаемые стены, никакие авторитеты и цензура не могли оградить Сорбонну от зовов жизни. Вокруг Сорбонны выросли новые свободные школы, на их скамьях студенчество сидело бок о бок с пестрыми пришельцами, исповедниками разнообразных убеждений. Чуждые традиции, схоластики, академизму, – эти школы дебатировали без предубеждений проблемы современности. Здесь подтачивались устои вековой школы и молодой дух освобождался от пут догмы, арривизма, узкого практицизма.

В 1912 г. в «College libre des sciences sociales» я читал курс «Les principes fondamentaux dec capitalisme moderne» <«Фундаментальные

принципы современного капитализма» (*франц.*). Среди моих слушателей были и студенты. Для них мой «радикализм» в решении социальных вопросов был откровением.

(РГАЛИ. Ф.1023. Ед.хр.166. Л.665-666).

Далее рассказывается, как анархист-индивидуалист проповедовал среди слушателей марксовскую критику товарного хозяйства и Devill'евский перевод «Капитала»

³² на пятом (этаже) (*франц.*).

³³ Colette Willy – псевдоним французской писательницы Габриэль Сидони Колетт (1873–1954).

³⁴ В архиве Борового сохранилось 7 писем художника А.Г.Якимченко (1887–1928) за 1911–1913 (РГАЛИ. Ф.1023. Оп.1. Ед.хр.808).

³⁵ Сохранилось 20 писем художника-графика А.И.Божерянова (1882–1961) к Боровому за 1911–1917 (Там же. Ед.хр.265). Приведем фрагмент одного из них, от 24 января 1912, по которому отчасти можно судить о характере переписки:

После нашего разговора я хотел как-то заставить все переставить себя по-другому; нет, все не то, нет во мне этого чувства чего-то необыкновенного, яркой, молодой радости; театр, жена (тьфу! Тьфу! Через левое плечо), большое самолюбие, эфир, опиум меня испортили совсем. Я вчера, поднимаясь полутемной лестницей в Hotel'е был так грустно настроен, так остро-больно чувствовал свое одиночество. Пришел; было тихо, тихо, даже немного светло на душе от милого розового ужа, свернувшегося калачиком на моих коленях. <...> Не сердитесь, не сердитесь, но я чувствую, что Вы меня хоть немного любите, а уж и уползают, сходят румяна последнего акта... где остановлюсь, и я ясно себе представляю, что г-жа Смерть не будет помощником режиссера при моем выходе в лучший из миров. Ах! Зачем вы не пишете стихов, зачем вы такой решительный, твердый, совсем, совсем мужчина <так!>, а то бы я Вас любил так, как Михаила Алексеевича (Кузмина. – *С.Ш.*). Мы, «уродцы» бледненькие, на тоненьких ножках, ищем только себе подобных. <...> И губы Ваши презрительно улыбаются, и я чувствую мысленно, вы, может, производите что-нибудь хуже «третьего неврастеника». Но знайте, вы в Париже у меня один. Ваш *А.Божерянов*

(Там же. Л.5-6об.).

³⁶ Тархов Николай Александрович (1871–1930) – художник-импрессионист. С 1899 жил в Париже.

³⁷ антресоли (*франц.*).

³⁸ от terme (*франц.*) – фиксированный период выплаты квартплаты, обычно – за три месяца.

³⁹ Слово «артист» употребляется Боровым также в значении художник (калька с artiste – художник (*франц.*)).

⁴⁰ Иван Александрович Ильин (1882–1954) – философ, публицист.

⁴¹ «Неплохо, неплохо» (*франц.*).

⁴² Традиционные супы французской кухни.

⁴³ Картофель и разные способы его приготовления – «в мундире», жаренный ломтиками.

⁴⁴ От garin – мазила (*франц.*).

⁴⁵ От бытовавшего на рубеже XIX–XX веков (преимущественно в военной среде) понятия «щукать» – распекать, отчитывать, «строить» подчиненных или младших по званию.

⁴⁶ безумные дни (*франц.*).

⁴⁷ Божерянов Иван Николаевич (1852–?) – историк, отец художника А.И.Божерянова. Автор множества книг, в том числе классического труда «Невский проспект. 1703–1903. Культурно-исторический очерк жизни Санкт-Петербурга за два века. В 2-х т.» (СПб., 1901–1903).

⁴⁸ Здесь: печати индивидуальности (*франц.*).

⁴⁹ Архипенко Александр Порфирьевич (1887–1964) – украинский скульптор, один из основоположников кубизма в скульптуре.

⁵⁰ Тугендхольд Яков Александрович (1882–1928) – историк искусства и художественный критик. В 1905–1913 жил в Париже.

⁵¹ Зак Евгений Савельевич (1884–1926) – художник. Написал портрет М.А.Волошина (1911), местонахождение которого сейчас неизвестно (см. статью В.Купченко: Литературная учеба. 1988. №5. С.98). Репродукции его работ, в частности, воспроизводились в «Аполлоне» (1914. №6-7).

⁵² Штиггольд Станислав Исидорович – художник. Написал портрет Борового (его судьба нам неизвестна). Из Парижа переехал в Мюнхен, где занимался, кроме живописи, скупкой и продажей старых литографий и гравю. Он предлагал и Боровому принять участие в этом бизнесе:

...я здесь уже около 1000 марок заработал. Если Вы знаете кого-нибудь, который имеет старые рисунки и литографии или гравюры *Domier*, или вообще красочные гравюры 17 или 18 столетия, то постарайтесь мне прислать; здесь эти вещи очень идут и хорошо нажать можно; также ценны старые литографии или гравюры 1830–<18>33 годов, времен *Delacroix* и этого последнего гравюры. Очень ищут старые *Holzschuitten* и *Padirungen* из времен *Гоя* (т. е. *Ф.Гойи*. – *С.Ш.*) с его автопортретом. В *Hotel des Veux*, *Rue Durot* (перечисляются известные парижские броканты. – *С.Ш.*), в бараках или других *marche* <рынках (*франц.*)>, можно интересные такие вещи найти. Как видите, начал я торговать, но что же делать, искусством не хочу торговать, не хочу отступить от своей линии и художественной задачи, *au contraire* <видимо, *au contraire* – напротив (*франц.*)> иду все дальше и дальше к чистому искусству, т. е. стараюсь все больше и больше приближаться к духовной психике, которую ввожу даже в так называемый мертвый материал. <...> Материальное мое стремление теперь ведет к одной цели, т. е. нажать столько, чтобы я мог, близко Парижа, купить себе домик с садиком и местом для постройки хорошей мастерской, чтобы я мог и скульптурою заниматься и не должен был думать, откуда взять на уплату квартирных денег; этих домохозяев я больше всего боюсь, ибо эти кровопийцы ничем не стесняются. Зайдите на *Rue Satifle* в лавку

Sagot, он, кажется, умер, – и ищите старые рисунки Пикассо или его старые картины: здесь новые вещи Пикассо не идут, но зато старые его вещи легко продать, и за хорошие деньги...

(РГАЛИ. Ф.1023. Оп.1. Ед.хр.723. Л.33-35).

⁵³ Гюрджан Акоп Маркарович (1881–1948) – скульптор. Три скульптурных изображения М.Горького его работы хранятся в Ереване, в Государственной картинной галерее Армении (снимок с одного из бюстов, сделанного в Париже в 1912, см.: Лит. наследство. Т.72. М., 1965. С.341).

⁵⁴ Лазаревский институт восточных языков – учебное заведение, основанное в Москве в 1815 как частное «Армянское Лазаревых училище» на средства богатой армянской семьи Лазарян (Лазаревых). В 1827 передано в ведение Министерства народного просвещения и получило официальное наименование института (фактически до 1848 являясь гимназией с преподаванием армянского, персидского, турецкого и арабского языков). С 1848 – лицей с преподаванием восточных языков в старших классах (помимо подготовки к университету, а также к учительской карьере в армянских школах, институт готовил также чиновников и переводчиков с восточных языков). По уставу 1872 года институт фактически состоял из двух учебных заведений – гимназии и специальных классов с трехлетним сроком обучения арабскому, персидскому, турецкому языкам, а также истории, языкам и культуре Закавказья. В 1919 преобразован в Армянский, затем в Переднеазиатский институт, в 1920 носил название Центрального института живых восточных языков, с 1921 – Московский институт востоковедения.

⁵⁵ Здесь: вполне сложившийся (*франц.*).

⁵⁶ Судьбинин Серафим Николаевич (1867–1944) – скульптор, участник выставок МХТ и Союза русских художников. С 1904 постоянно жил в Париже (в 1922–1924 – в США).

⁵⁷ Кусевицкий Сергей Александрович (1874–1951) – русский дирижер и контрабасист. С 1920 жил за рубежом.

⁵⁸ Марсель Ленуар (Marcel Lenoir; 1872–1931) – французский художник, скульптор и поэт. О восприятии его творчества в России см., например, рецензию: *Eshmer Valdor <Мерсеро А.>*. Rene Ghil. Marcel Lenoir. Paris. 1906 // Весы. 1906. №5, май. С.76-77. См. также стихотворение Матери Марии «Марсель Ленуар», посвященное его 90-метровой фреске в тулузской церкви.

⁵⁹ Виттинг Эдвард (1879–1941) – польский скульптор, автор бюста М.Волошина (1909). См.: Литературная учеба. 1988. №5. С.98.

⁶⁰ Рене Гильбер (псевд. Рене Гиль (Ghil); 1862–1925) – французский поэт, теоретик «научной поэзии».

⁶¹ Полностью выпущена глава XVIII «Моя работа. Философия и практика».

⁶² Здесь: проходное двор (*франц.*).

⁶³ «Месье Борис! Месье Борис! Как дела?» (*франц.*).

⁶⁴ Матросский танец (*франц.*).

⁶⁵ Полицейский (*франц.*).

⁶⁶ Кистяковский Б.А. (1869–1920) – социолог, юрист, участник сборника «Вехи». В Москве выступал в Литературно-художественном кружке, завсегдаем которого был и Боровой.

⁶⁷ Чупров А.А. (1874–1926) – статистик, член-корреспондент Российской Академии наук с 1917. В этом же году уехал за границу.

⁶⁸ Васильев Александр Александрович (1867–1953) – византолог и историк Средневековья, автор «Истории Византии» (В 3 т. Пб.: Academia, 1923–1925) и учебника истории Средних веков, выдержавшего почти десять изданий. После революции эмигрировал; в Чехословакии состоял председателем правления Археологического института им. Н.П.Кондакова и членом Славянского института. Впоследствии продолжил научную карьеру в США.

⁶⁹ Прокопович С.Н. (1871–1958) – экономист, выслан вместе с женой Е.Д.Кусковой из России в 1922. См. об этом: Геллер М. «Первое предостережение» – удар хлыстом // Вестник РХД (Париж). 1978. №127. С.187-232.

⁷⁰ Гревс Иван Михайлович (1860–1941) – историк, педагог, краевед и общественный деятель. См. о нем в воспоминаниях одного из преданнейших его учеников Николая Анциферова (*Анциферов Н.П. Из дум о былом. Воспоминания / Вступит. ст., сост., примеч. и аннот. указатель имен А.И.Добкина. М., 1992.*)

⁷¹ Гольштейн Александра Васильевна (1850–1937) – переводчица, журналистка, мемуаристка. В 1876 уехала из России, жила в Лугано, затем в Париже. Подробнее о ней см.: *Тюрин А. Об Александре Васильевне Гольштейн (1850-1937) // Преображение: Русский феминистский журнал. 1995. №3. С.68-70.*

⁷² старомодный (*франц.*).

⁷³ уют (*нем.*).

⁷⁴ См.: *Гревс И.М. История одной любви: И.С.Тургенев и Полина Виардо. М., 1927; 2-е, «пересмотренное и дополненное издание» – М., 1928.*

⁷⁵ Кареев Николай Иванович (1850–1931) – историк. См. о нем: *Анциферов Н.П. Из дум о былом... (особенно с.163-165).*

⁷⁶ Яковлев Василий Яковлевич (псевд. Богучарский, Базилевский; 1861–1915) – историк, издатель и редактор журнала «Былое».

⁷⁷ Авксентьев Николай Дмитриевич (1878–1943) – публицист, мемуарист, член ЦК партии социалистов-революционеров. В эмиграции – соредaktor парижских «Современных записок», магистр русской масонской ложи «Северная звезда».

⁷⁸ Дживилегов Алексей Карпович (1875–1952) – литературовед, театровед. С 1930 – профессор ГИТИСа.

⁷⁹ Ященко Александр Семенович (1877–1934) – профессор правоведения. В эмиграции в Берлине редактировал журналы «Русская книга» (1921) и «Новая русская книга» (1922–1923).

⁸⁰ витражи (*франц.*)

⁸¹ дом свиданий (*франц.*).

⁸² «Свинья!» – «Трижды свинья» (*франц.*).

⁸³ Здесь: «Это один малопочтенный гражданин» (*франц.*).

⁸⁴ Лагардель Ибер (Lagardelle; 1875–1914) – французский теоретик анаро-синдикализма. В 1905 участвовал в издаваемом А.В.Амфитеатровым в Париже журнале «Красное знамя» (см.: Первая русская революция. Взгляд из Парижа: К биографии А.В.Амфитеатрова (1904–1907) / Публ. Э.Гаретто // Минувшее: Исторический альманах. Вып.22. СПб., 1997. С.356). В более раннем, не включенном в настоящую публикацию фрагменте воспоминаний Боровой рассказывает о своем знакомстве с ним.

⁸⁵ несколько погорячились (*франц.*).

⁸⁶ меблированные комнаты и квартиры (*франц.*).

⁸⁷ предметы роскоши (*франц.*).

⁸⁸ произведения искусства (*франц.*).

⁸⁹ завсегдагаи (*франц.*).

⁹⁰ От brocanteur – старьевщик (*франц.*).

⁹¹ пальто (*франц.*).

⁹² Неизвестно, какую именно из многочисленных постановок романа Жюль Верна смотрел Боровой. Театральные версии этого произведения были очень популярны во Франции и по всей Европе. В 1910 появилась и первая экранизация – «Michael Strogoff» (режиссер и сценарист J.Searle Dawley, США), вызвавшая целую волну римейков во Франции, Германии, Италии, США. Роман до сих пор вновь и вновь экранизируют – каждые несколько лет.

⁹³ «За Бога, царя и отечество» (*франц.*).

⁹⁴ Опускается рассказ о «Русских сезонах» Дягилева летом 1912, в котором нет ничего нового в описании триумфа Нижинского и скандала, который вызвала премьера «Весны священной» Стравинского.

⁹⁵ Конюс Лев Эдуардович (1871–1944) – пианист, композитор и педагог. По происхождению француз, из музыкальной семьи (сын пианиста-виртуоза Э.К.Конюса, брат музыкантов Георгия и Юлия Конюсов). Ближайший друг юности Борового. В 1920 эмигрировал, в Париже вместе с Н.Н.Черепниным, В.И.Полем и др. Основал Русскую консерваторию (1920–1935). В 1935 переехал в США. Под впечатлением оказавшегося ложным известия о смерти Конюса, которое в мае 1933 привезла навестившая Борового во Владимире его жена Эмилия Васильевна, он в дневнике оставил о Конюсе большую запись мемуарного характера (РГАЛИ. Ф.1023. Оп.1. Ед.хр.175. Л.634–645).

⁹⁶ Возможно, Константин Капитонович Ушков – купец (из демидовских крестьян), меценат.

⁹⁷ Пичета Владимир Иванович (1878–1947) – историк, академик АН СССР (1946).

⁹⁸ Мария Валентиновна Петцольд (урожд. Элухен) – вторая жена Шалыпина (1906–1927).

⁹⁹ Войдите (*франц.*).

¹⁰⁰ Татьяна Алексеевна Боровая, дочь А.Борового от первого брака, впоследствии искусствовед, научный сотрудник Музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина.

¹⁰¹ «продается» (*франц.*).

¹⁰² «У владельца пусто в кармане» (*франц.*).

¹⁰³ Здесь: «более-менее» (*франц.*).

¹⁰⁴ Анри Бергсон (1859–1941) – французский философ, лауреат Нобелевской премии (1914). Его работу «L'évolution créatrice» («Творческая эволюция») изучал Боровой.

¹⁰⁵ Семенов Юлий Федорович (1873–1947) – общественно-политический деятель, журналист. Член партии кадетов, председатель Русского национального совета (Тифлис, 1918–1919), участник Белого движения. С 1920 в эмиграции в Париже, генеральный секретарь Русского национального комитета (с 1924), редактор газеты «Возрождение» (в 1927–1940), вице-председатель парижского Национального объединения русских писателей и журналистов (с 1937).

¹⁰⁶ Койранский Александр Арнольдович (Аронович) (1884–1968) – критик, художник, прозаик, поэт. Сотрудник брюсовских «Весов» и газеты А.А.Суворина (А.Порошина) «Новь», где Боровой также работал.

¹⁰⁷ Опускается подробное изложение экскурсионных маршрутов по Парижу. Кое-что, как указывает сам Боровой, было им опубликовано: «Обстоятельную характеристику двух моих экскурсий – по Латинскому кварталу и кварталу Ле-Маре, я дал в коллективном труде “Париж” (изд. Образовательных экскурсий. М., 1916. Вышло в 2-х изданиях), а также в газетных статьях (“Новь”»).

¹⁰⁸ Точнее, не с Германией, а с Пруссией, ибо завершение объединения Германии, на базе Пруссии, как раз стало одним из результатов Франко-прусской войны (1870–1871).

¹⁰⁹ Имеется в виду утрата древней Байонной значения главного курорта Бискайского залива в связи с открытием в начале XX столетия в соседнем Биаррице современных комфортабельных гостиниц и санаториев.

¹¹⁰ Сезар Франк (Franck; 1822–1890) – французский композитор и органист.

¹¹¹ Всего понемногу (*франц.*).

ИД

**Статьи,
исследования**

Е.М.Миронова

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА БЕЛОЙ РОССИИ В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИЙ, ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ЭМИГРАЦИИ

История деятельности. Создание новых форм.
Принципы существования

В самом начале 1921 в Париже, ставшем неофициальной столицей русской эмиграции, проходили собрания членов Учредительного Собрания, Земгора, Красного Креста и Совета послов. Собрания призваны были конституировать существование этих организаций в новых условиях отсутствия правительственной базы на Родине. Русское Зарубежье, само того еще не зная, искало формы своего будущего существования.

Все попытки создать правительство в изгнании, предпринимавшиеся с конца 1920, успеха не имели – слишком разобщено было Белое движение, слишком разные силы (от эсеров до монархистов) оно включало. Общим знаменателем им служил антибольшевизм. Для создания единой власти этого оказалось мало. Место правительства и его учреждений в «стране», не имевшей своей территории и границ, но сохранявшей национальную, культурную и организационную целостность, заняли политические и общественные организации, имевшие свои представительства в разных регионах Европы и мира.

Особое место среди них занимал прошедший через все испытания двух революций и Гражданской войны осколок государственной машины Российской империи – Заграничный корпус Министерства иностранных дел. Долг защиты соотечественников в немыслимых условиях массовой эмиграции из страны потребовал его напряжен-

ной деятельности в течение двух десятилетий после падения государства, которое он призван был представлять и на силу которого должен был опираться. Возглавил сохранившиеся за рубежом представительства Совет послов, который в официальных документах Русского Зарубежья именовался правительственной организацией. Путь, пройденный ведомством от МИДа великой державы до дипломатической структуры бесправной эмиграции, влиявшей тем не менее и на политику государств, и на международные организации, был сложен и заслуживает пристального внимания.

Первая русская революция, первые изменения в МИДе России

Февральская революция 1917 года положила конец историческому развитию Российской империи, однако сохранила старый государственный аппарат. Это в полной мере относилось и к МИДу. Пост министра иностранных дел Временное правительство доверило П.Н.Милюкову. Профессор, признанный знаток Балкан, депутат Думы, он хотя и был для ведомства «человеком со стороны», однако пользовался в министерстве уважением и был лично знаком с его руководством. При своем вступлении в должность Милюков обещал продолжить прежний курс внешней политики и сохранить личный состав ведомства¹. Это заявление имело принципиальное значение.

Первая мировая война не была еще окончена. По соглашению с союзниками Россия в случае победы получила бы то, о чем давно грезили ее политики, – средиземноморские проливы и стратегически важный район вокруг Константинополя. Для людей государственно мыслящих изменение курса в ходе боевых действий, после стольких уже понесенных потерь, измена союзникам, заключение сепаратного мира были абсолютно неприемлемы. В этом новый министр и его сотрудники были единодушны. Милюков, как покажет ближайшее будущее, был даже прямолинейнее и бескомпромисснее своих подчиненных.

Со своей стороны, и центральный аппарат министерства, и его Заграничный корпус революцию в целом встретили спокойно. Февральские события, создание Временного правительства не означали окончательной перемены формы правления. Личные особенности последнего царя, сказывавшиеся на его отношении к бюрократическому аппарату в целом и к своим ближайшим сотрудникам в частности, как пишет один из высокопоставленных сотрудников МИДа, стали причиной того «на первый взгляд странного факта, что у са-

¹ См.: Русский дипломат А.Савинский // Международная жизнь. 1993. №2. С.156.

мых убежденных монархистов-бюрократов при вести об отречении Николая II в марте 1917 г. вырвался вздох облегчения»². Не противоречившая прежнему курсу внешняя политика Временного правительства, быстрое его признание союзными и нейтральными государствами сделали возможным, за незначительными исключениями, сохранить весь состав ведомства и в Петрограде, и за границей на протяжении всего периода от февраля до октября. Только посол в США Ю.П.Бахметев, «ссылаясь на свои монархические чувства», подал в отставку сразу после революции. Впрочем, Г.Н.Михайловский объясняет эту отставку личной антипатией, существовавшей между послом и Милюковым, так как Бахметев когда-то в качестве дипломатического агента в Софии настоял на высылке профессора из страны³.

Перемены в личном составе, структуре министерства, стиле работы, произошедшие после прихода Милюкова, были, по сравнению с тем, что в это время происходило в стране, незначительны. Он оставил за А.А.Нератовым пост товарища министра, назначив своим вторым заместителем видного чиновника ведомства – Б.А.Нольде. В структуре центрального аппарата были произведены подготовленные в предшествующую эпоху и не имевшие принципиального значения изменения – Юрисконсультская часть была преобразована в Правовой департамент, 2-й Департамент министерства превращен в Экономический департамент⁴.

Серьезных конфликтов, таких, какие могли бы привести к выходу в отставку, с высшими чиновниками министерства у Милюкова за все время его руководства ведомством не было. Имели место, как это всегда бывает, расхождения взглядов, кончившиеся обычным для мидовских работников бюрократическим подчинением министру и не имевшие никаких неблагоприятных последствий для несогласных с его мнением.

Самое большое новшество было привнесено не со стороны руководства, а революционной эпохой. По примеру других ведомств в МИДе с согласия Милюкова был создан профсоюз – Общество служащих министерства иностранных дел. Однако в его исполкоме преобладали высшие чиновники министерства, избранные общим собранием. Исполком принял на себя роль буфера между имевшимися, как и в любом другом учреждении, недовольными и официальным руководством министерства. Товарищи министра с ним считались, для многих его членов, как отмечал Михайловский, работа в

² Михайловский Г.Н. Записки: Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920: В 2 кн. М., 1993. Кн.1. С.5.

³ Там же. С.250.

⁴ Там же. С.256.

исполкоме сделалась трамплином в служебной карьере⁵. Несколько большую политическую роль Общество стало играть в период министерства А.В.Терещенко, «по мере развития событий оказывая все большее и большее влияние на жизнь и даже политику ведомства»⁶.

Новый подход был замечен и в политике обновления корпуса послов. На эти высокие посты вместе с профессиональными «карьерными» дипломатами Временное правительство стало назначать политиков. Так, пост подавшего в отставку Ю.П.Бахметева Милюков предложил профессору гидравлики Петербургского политехнического института, общественному деятелю и однофамильцу прежнего посла – Б.А.Бахметеву, хорошо зарекомендовавшему себя во время командировки в США в 1915–1916 по делам военных поставок⁷. Отставку получили два виднейших дипломата империи, последовательно занимавшие министерское кресло, – А.П.Извольский, бывший с 1910 представителем России в Париже, и С.Д.Сазонов, в январе 1917 получивший назначение в Лондон⁸. Были сменены руководители дипломатических миссий России в Португалии, Испании, Швейцарии, Дании.

Возглавив МИД после июньского правительственного кризиса, Терещенко настоял на назначении известного адвоката, одного из видных представителей кадетской партии В.А.Маклакова послом во Францию⁹. При втором (и последнем) министре Временного правительства внимание к кадровым вопросам в МИДе заметно возросло. Это можно проследить на примере смены состава посольства в Швеции. В то время, когда МИДом управлял Милюков, посланник в Стокгольме А.В.Неклюдов был переведен в Мадрид¹⁰. На его место был назначен способный дипломат, один из ближайших советников С.Д.Сазонова, работавший после отставки последнего в Норвегии, – Константин Николаевич Гулькевич. В мае 1917 в качестве атташе в Швецию получили назначения Михаил Приклонский и Александр Менделеев. Во время управления министерством Терещенко состав миссии в Стокгольме претерпел дальнейшие изменения. В сентябре советником посольства стал Николай де Беер, в июле в качестве атташе в Швецию приехали Валентин Бертрэн, Михаил Стахович и

⁵ См.: *Михайловский Г.Н. Записки...* Кн.1. С.293.

⁶ Там же. С.295.

⁷ См.: «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А.Бахметев – В.А.Маклаков: Переписка. 1919–1951 / Ред., вступит. ст., коммент. О.В.Будниченко: В 3 т. Т.1. М.; Стэнфорд, 2001. С.31–35; *Михайловский Г.Н. Записки...* Кн.1. С.194–195.

⁸ См.: Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Фонд Департамента личного состава и хозяйственных дел. Формулярные списки. Оп.464. Д.2993.

⁹ См.: ГАРФ. Ф.5881. Оп.1. Д.34. Л.5.

¹⁰ См.: Государственный архив Швеции. UD. 1902. Vol.995. №52.

Владимир Васильев, в октябре – князь Ливен и граф Александр Шувалов, и, наконец, Борис Николаевский в октябре был назначен торговым атташе, а в начале ноября пост помощника военного атташе занял граф Александр Бобринский¹¹.

Назначения Б.А.Бахметева, В.А.Маклакова, а также И.Н.Ефремова (прогрессиста, бывшего члена Государственной Думы), М.А.Стаховича (октябриста, бывшего генерал-губернатора Финляндии)¹² были, безусловно, новым явлением в российском МИДе, и не только потому, что посольские должности получили «некарьерные» дипломаты, а скорее в связи с тем, что в ранее монолитное монархически-государственническое ведомство была привнесена «политика», что в дальнейшем имело многообразные последствия.

Менялась и роль дипломатических представительств. Ранее представлявшие в основном правительственные интересы, посольства и миссии, как признавал К.Д.Набоков, не являлись для соотечественников «родным островом» в чужой земле и были отгорожены от проживавших в стране сограждан¹³. Теперь же Временное правительство ставило перед ними задачу объединять, примирять и, по возможности, направлять русских за рубежом. Предписав им способствовать возвращению на Родину политических эмигрантов и лиц, застигнутых за границей войной, оно довершило то, начало чему было положено Первой мировой войной, – выходу посольств из изоляции, участию в оказании помощи русским гражданам, пребывающим за границей, сотрудничеству с эмигрантской общественностью¹⁴. В этот период начали закладываться основы нового стиля работы, характерного как для периода Гражданской войны, так и для последовавшей за ней эпохи эмиграции.

В целом ни при Милокове, ни при сменившем его «ничем не замечательном молодом» человеке Терещенко (ему исполнился 31 год), о собственном курсе которого вряд ли можно говорить, министерство действовало в пределах субординации и служебной дисциплины¹⁵. Разрыв с властью в Петрограде произошел позже.

Разрыв с властью. Первый Совет послов

Суть глобального переворота, привнесенного в жизнь страны Октябрьской революцией, для дипломатов сконцентрировалась в принятом II Всероссийским съездом Советов постановлении о прекра-

¹¹ См.: Ibid. №52, 54-56, 58-60.

¹² См.: «Чему свидетели мы были...»: Переписка бывших царских дипломатов: В 2 кн. М., 1998. Кн.2. С.393.

¹³ См.: *Набоков К.Д.* Испытания дипломата. Стокгольм, 1921. С.62-63.

¹⁴ См.: *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1989. Т.2, кн.4. С.18-20.

¹⁵ См.: *Михайловский Г.Н.* Записки... Кн.1. С.246-247.

щении войны, заключении мира без аннексий и контрибуций и публикации секретных документов царской дипломатии. Михайловский прямо пишет о том, что МИД подходил к большевистской революции «с международно-политической точки зрения <...> политика сепаратного мира трактовалась нами как измена интересам России»¹⁶. Кардинальные изменения внешней политики страны, вытекающие из этих постановлений, были неприемлемы для дипломатов «старой» школы. МИД, как никакое другое министерство, консолидированно и единодушно отказался сотрудничать с новой властью и объявил забастовку¹⁷.

Так русский Заграничный дипломатический корпус лишился руководства и должен был сам определить отношение к происходящим на родине событиям, а также свое будущее.

Дипломаты были единодушны в своем возмущении теми процессами, что происходили в России. Анализ материалов парижского посольства дает основания выделить посла в Париже В.А.Маклакова, посла в Риме М.Н.Гирса, посла в Вашингтоне Б.А.Бахметева и поверенного в делах в Лондоне К.Д.Набокова как наиболее заметных деятелей Заграничного корпуса, активно участвовавших в выработке общей линии и программы действий в первые месяцы после революции¹⁸. Двое из них были кадровыми сотрудниками императорского МИДа (Гирс и Набоков), двое других – назначенцами Временного правительства. Разное «происхождение» не могло не сказаться на выработке тактики. В отношении тех действий, которые им следовало бы предпринять, они серьезно расходились во мнениях.

«Царский» посланник в Англии Набоков стал рупором тех, кто категорически не принимал большевистское правительство и его политику и требовал незамедлительных активных действий от заграничного представительства¹⁹. Назначенный Временным правительством послом во Франции, кадет Маклаков придерживался выжидательной тактики, ориентирующейся на мнение французского правительства о «невозможности прочной победы большевиков» и вероятного образования в России какой-нибудь коалиции и компромисса между большевиками и другими партиями. Он был против предложения Набокова выступить с рядом воззваний к Родине, а также к личному составу действовавших министерств, к зарубежным правительствам, чтобы призвать всех к активному бойкоту и сопро-

¹⁶ Михайловский Г.Н. Записки... Кн.2. С.41.

¹⁷ См.: Там же. С.9-11; «Чему свидетели мы были...». Кн.2. С.383.

¹⁸ См.: ГАРФ. Ф.1003. Рулон 86: Переписка В.А.Маклакова и М.Н.Гирса; Ф.6851. Оп.1. Д.3.

¹⁹ «Чему свидетели мы были...». Кн.2. С.384, 386.

тивлению новой власти. Возражения Маклакова базировались на представлении, что «коллективность заявления подорвала бы его значение как акта должностного лица как такового в пределах его обычных отношений к правительству, при коем оно аккредитовано»²⁰. Вместо этого Маклаков посчитал необходимым передать 16 ноября 1917 во французский МИД заявление с выражением возмущения по поводу опубликования Советским правительством секретных договоров и телеграфировал его текст в российские посольства и миссии как материал для возможных аналогичных акций с их стороны²¹. Большинство российских представителей за границей поддержали выжидательную политику Маклакова, предоставив ему руководство общими действиями.

Одновременно решался вопрос о способах дальнейшей деятельности Заграничного корпуса (о прекращении работы и закрытии представительств речи в это время не шло). В очень осторожной формулировке («для выяснения общей точки зрения путем централизации сношений»), специально оговаривая, что он не подразумевает руководство и вмешательство «в дела местного характера», Маклаков предложил в качестве координирующего центра Париж. Его мысль была поддержана, и в конце ноября 1917 «между посольствами и миссиями состоялось соглашение продолжать деятельность без всяких сношений с Петроградом...»²². В Париже под руководством Маклакова был создан координационный центр – Совещание послов, куда вошли М.Н.Гирс (Италия), К.Д.Набоков (Англия), М.А.Стахович (Испания), И.Н.Ефремов (Швейцария). Формально все российские послы значились членами Совещания, однако фактически, кроме вышеупомянутых, активное участие в его работе принял только Б.А.Бахметев²³.

Столкнувшись с консолидированным, не идущим ни на какие уступки сопротивлением аппарата МИДа в Петербурге, большевистское правительство в лице Л.Д.Троцкого направило 17/30 ноября 1917 циркулярную телеграмму русским представительством за границей – с запросом о готовности работать под руководством Советского правительства на основании платформы II Всероссийского съезда Советов, т. е. проводить политику, направленную на скорейшее заключение мира. Всем, кто откажется от сотрудничества с новой властью, предписывалось отстраниться от работы и сдать дела

²⁰ «Чему свидетели мы были...». Кн.2. С.387.

²¹ Там же.

²² Там же. С.385, 387, 391.

²³ См.: *Tongour N. Diplomacy in Exile: Russian Émigrés in Paris, 1918–1925*: Ph. D. Dissertation. Stanford University, 1979. P.37-39; см также: «Совершенно лично и доверительно!»... Т.1. С.46-47.

тем из низших служащих, кто выразит готовность остаться на службе²⁴. Маклаков, не признав власть большевиков законной, а Троцкого – министром иностранных дел, имеющим право требовать ответа, решил его распоряжения игнорировать и предложил другим представителям последовать его примеру²⁵. Главы российских представительств за рубежом, за исключением временного поверенного в делах Испании Ю.Я.Соловьева и поверенного в делах Португалии барона П.Л.Унгерн-Штернберга, на запрос Троцкого не ответили²⁶.

Ответной мерой большевистского правительства, с которой, впрочем, представительства также отказались считаться, стал изданный 26 декабря 1917 приказ Троцкого об увольнении всех дипломатических представителей со своих постов «без права на пенсию и поступления на какие-либо государственные должности»²⁷.

Внешнеполитическое ведомство в эпоху Гражданской войны. Без правительства. Без министерства

Начало Гражданской войны в России привлекло новые силы к борьбе за влияние на дипломатический корпус. Создание антибольшевистских фронтов и правительств сопровождалось появлением целого ряда «министерств иностранных дел».

В структуре Верховного управления Северной областью, созданного 2 августа 1918 в Архангельске, существовал отдел иностранных дел, который возглавил председатель правительства Н.В.Чайковский.

В созданном Юденичем 24 мая 1919 в Хельсинки (с 29 июля – в Таллинне) Политическом совещании заместителем председателя и министром иностранных дел был назначен А.В.Карташов. После провала наступления на Петроград 11 августа того же года оно было заменено Северо-западным правительством, в котором С.Г.Лианозов соединял в своем лице функции председателя Совета министров, министра иностранных дел и финансов²⁸.

В структуре деникинского Особого Совещания Юга России было создано Управление иностранными делами²⁹, которое возглавил приехавший в конце октября 1918 в Екатеринодар С.Д.Сазонов. А

²⁴ См.: «Чему свидетели мы были...». Кн.2. С.388.

²⁵ Там же.

²⁶ Михайловский Г.Н. Записки... Кн.2. С.123.

²⁷ «Чему свидетели мы были...». Кн.2. С.389-390.

²⁸ В 1918 А.Ф.Трепов сформировал в Финляндии беспартийное правительство (барон М.А.Таубе – министр иностранных дел, Л.Ф.Давыдов – министр финансов и др.). См.: *Смолин А.В.* Белое движение на Северо-Западе России. СПб., 1999. С.65.

²⁹ См.: *Деникин А.И.* Национальная диктатура и ее политика // Деникин, Юденич, Врангель. М., 1991. С.44.

после его отъезда в Париж формально его заместителем, а по существу, как пишет Михайловский, «фактическим министром иностранных дел»³⁰ здесь оставался А.А.Нератов.

Переворот адмирала Колчака в Омске позволил его режиму возглавить Белое дело на востоке страны. Ранее здесь возник ряд правительств, каждое из которых имело свой дипломатический орган, а также претензии выйти на международную арену. Руководителем дипломатической канцелярии в правительстве адмирала Колчака стал недавний секретарь посольства в Вашингтоне, присланный послом Бахметевым для установления связи с Колчаком, – тридцатилетний И.И.Сукин.

Все эти правительственные образования, как называли их в документах того времени, проводили преемственность от прежней единой России. Это ставило перед ними задачу защиты ее интересов на международной арене в условиях приближения окончания мировой войны и мирного конгресса. Но для этого одно из правительств должно было быть признано всероссийским и получить международное признание. Того же требовали и практические непосредственные задачи ведения Гражданской войны. Обстоятельства внутри самой России к началу военных действий сложились таким образом, что крупные промышленные центры оказались в руках большевиков – это делало невозможной эффективную борьбу с ними без иностранной поддержки.

Обретение всероссийским правительством международного признания неизбежно должно было стать задачей дипломатов. Однако логика развития событий внутри страны, на огромных просторах России, а также превращение Заграничного корпуса в некую самостоятельную силу, с которой правительства разных стран считались как с представительством антибольшевистской, а значит, старой, законной и понятной России, привело к совершенно невозможному ранее участию дипломатов в решении внутренних дел страны.

Материалы фонда парижского посольства³¹ демонстрируют огромное внимание, с каким лидеры Совецания послов в 1918 относились к событиям в Сибири и на Дальнем Востоке (вследствие продолжения мировой войны связь с Югом была установлена лишь в ноябре), стремясь понять, на какое из множества возникавших там правительств можно сделать ставку. Стенограмма допросов Колчака³², сделанных после его ареста в 1920, прямо указывает на роль дип-

³⁰ Михайловский Г.Н. Записки... Кн.2. С.325.

³¹ ГАРФ. Ф.6851. Оп.1. Д.3.

³² Протоколы допроса адмирала А.В.Колчака Чрезвычайной следственной комиссией в Иркутске 21 января – 7 февраля 1920 г. (протокол за 27 января 1920) // А.В.Колчак. Последние дни жизни. Барнаул, 1991. С.142-165.

ломатических представителей в его выдвижении как политического лидера Сибири. В своей кандидатской диссертации, основанной на материалах Гуверовского архива, А.Шмелев убедительно доказал, что поддержка, оказанная позднее дипломатическими представителями Омскому правительству, сыграла заметную, если не определяющую роль в подчинении ему правительства Юга России³³.

Сибирское правительство

Значение внешнеполитической сферы в борьбе, разгоревшейся в России, было столь велико, что разные правительства, невзирая на собственную политическую ориентацию, считались с влиянием дипломатов, их возросшей в новых обстоятельствах ролью и искали у них поддержки.

Так, в июле 1918 товарищ министра иностранных дел эсеровского по своему составу Временного сибирского правительства Головачев, анализируя ситуацию, сложившуюся с дипломатическим представительством, отмечал, что сохранение старого состава миссий на службе «представляется желательным, как по причине недостатка в Сибири вполне подготовленных к этого рода деятельности лиц, так и по причине трудности организовать новое представительство Сибири за границей в короткий срок, ввиду того, что обстоятельства момента требуют незамедлительного вступления Сибири в сферу международных отношений». Отметив, что некоторые консулы уже вошли в сношения с сибирским правительством и есть надежда, что их примеру последуют другие, он полагал: «Оставление бывших российских консулов и дипломатических представителей на службе Временного сибирского правительства является единственным средством охраны не только интересов Сибири, но и России, каковые Сибирь призвана защищать»³⁴.

Приняв эту точку зрения, сибирское правительство в конце августа разослало в русские представительства следующую телеграмму:

Временное правительство в Сибири, организованное здесь (<в Омске>. – Примеч. редактора газеты. – Е.М.), считает нужным быть осведомленным о взглядах правительства, при котором вы аккредитованы, а также и об общественном мнении в связи с положением в России и убедительно просит держать его в курсе дела и вступить с ним в официальные отношения.³⁵

³³ Шмелев А.В. Внешняя политика адмирала Колчака: Дисс. канд. ист. наук. М., 2000. Гл.1. §2; см. также: А.В.Колчак. Последние дни жизни. С.142-165.

³⁴ Доклад в Совет министров по вопросу о представительстве Сибири за границей. – ГАРФ. Ф.200. Оп.1. Д.64. Л.1.

³⁵ Сибирское правительство // Голос Родины (Гаага). 1918. 31 августа / 13 сентября.

Даже оставив в стороне вопрос о политической окраске правительства (и тогда, и на протяжении всей Гражданской войны дипломаты проявляли поразительную терпимость, удовлетворяясь лишь антибольшевистской платформой; позже эта терпимость будет возведена в принцип существования всей системы), «старые» миссии попали в сложное положение. Они безусловно приветствовали возможность «после долгих месяцев», прошедших с момента революции в России, восстановить прерванные сношения с родиной. Но, будучи носителями идеи единой России и претендуя на роль общегосударственного представительства, посольства не могли мириться с ролью представителей какого-либо отдельного провинциального правительства в России.

В связи с этим до момента создания признанной и антибольшевистским лагерем, и иностранными государствами общероссийской власти было решено поддерживать связь со всеми местными управлениями, платформой которых станет борьба с большевизмом и верность союзникам по «великой», как тогда говорили, войне³⁶. Осуществляя это решение, посланник в Стокгольме К.Н.Гулькевич информировал 7 октября 1918 правительство Швеции об избрании 23 сентября нового Временного правительства. Он передал официальную просьбу о признании его в качестве единственного законного наследника легитимной власти в России и аккредитации при нем шведского представителя³⁷.

Эпоха Колчака – Деникина

Переворот, приведший к власти в Омске адмирала Колчака, знаменовал новый этап в деятельности Заграничного корпуса. Он характеризовался, с одной стороны, формальным подчинением представительства вновь созданному министерству и, с другой, развитием наметившейся ранее тенденции участия дипломатических представителей во внутренних делах России, роста самостоятельности и независимости представительств от коллизий протекавшей в России Гражданской войны.

Проводя политику подчинения себе сложившейся за рубежом дипломатической системы, Омское правительство уже 21 декабря 1918 предложило ее учреждениям выступить с изъявлениями лояльности ко вновь возникшему правительству: «...было бы желательно, чтобы все наши Представительства за границей также высказали в той или иной форме свое отношение к процессу государственного

³⁶ О таком отношении миссии в Гааге говорилось в редакционной статье издававшейся там русской газеты. См.: Там же.

³⁷ Государственный архив Швеции. UD. 1902. Vol.275. III.

возрождения, совершаемого в России»³⁸. Ответ на этот запрос посольства должны были циркулярно отправить по Европе.

Циркуляр 1-го Департамента МИДа от 8 февраля 1919 в целях упорядочения работы и организации своевременного снабжения заграничных представителей предписывал: «1. Возобновить сношения; 2. Сообщить различные сведения о представительстве, в том числе сметы на 1918 и 1919»³⁹.

Международная ситуация (приближался Версальский конгресс) настоятельно требовала определиться с главой внешнеполитического ведомства и руководителем русской делегации. Министр прежнего Омского правительства Ю.В.Ключников добивался права представлять Россию на конгрессе, но, по данным Г.К.Гинса, получил отказ по причине «неавторитетности для представительства в качестве министра иностранных дел, хотя бы по названию» и подал в отставку⁴⁰. Тогда правительство Колчака предложило возглавить внешнеполитическое ведомство А.А.Нератову, много лет занимавшему пост товарища министра иностранных дел Российской империи⁴¹. Однако правительство Юга России в первой половине ноября 1918 доверило руководство своими внешними сношениями С.Д.Сазонову⁴². Кроме того, он получил полномочия представлять на Версальском конгрессе Донское и Кубанское казачество, а также Крым⁴³. В середине декабря 1918 в ранге начальника Управления внешних сношений правительства Юга России он выехал в Париж⁴⁴.

Получив известие о предоставлении Югом России полномочий Сазонову, Омское правительство пошло на компромисс, предложив ему объединить под своей эгидой внешнею политику двух крупнейших антибольшевистских центров на территории России.

Товарищ министра иностранных дел Омского правительства В.Г.Жуковский просил В.А.Маклакова 4 января 1919 срочно передать Сазонову следующую телеграмму:

Правительство, надеясь на его согласие помочь защите русских интересов в Париже, предлагает ему пост министра иностранных дел; в этом положении он мог бы руководить внешней политикой, являясь одновременно представителем в Париже правительств Востока и Юга России. Если Сазонов предпочитает

³⁸ ГАРФ. Ф.5680. Оп.1. Д.148. Л.14.

³⁹ Там же. Ф.5942. Оп.4. Д.4. Л.1.

⁴⁰ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак: В 2 т. Пекин, 1921. Т.2. С.72; ГАРФ. Ф.5680. Оп.1. Д.148. Л.16.

⁴¹ Там же.

⁴² См.: Новое всероссийское правительство // Голос Родины. 1918. 10/23 ноября.

⁴³ См.: ГАРФ Ф.200. Оп.1. Д. 114. Л.50; Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Т.2. С.69.

⁴⁴ См.: Деникин А.И. Национальная диктатура и ее политика. С.47.

другую форму, предложите портфель Нератову с просьбой кратчайшим путем выехать в Омск. Сазонова в этом случае спросите, какого рода полномочия он предпочтет.⁴⁵

Сазонова эта телеграмма застала в Риме, откуда 14 января 1919 он телеграфировал в Омск: «Ввиду полного политического единомыслия, я принимаю пост Министра иностранных дел Омского правительства, сохраняя должность Управляющего Отделом внешней политики в Особом Совещании при Добровольческой <армии> и оставляя за себя на юге Нератова»⁴⁶. «Признание Вами Верховной власти, выросшей на Востоке России, знаменует собой великий шаг к полному объединению (антибольшевистских сил. – Е.М...)»⁴⁷, – отреагировал на его решение адмирал Колчак.

О значении и роли международных отношений и дипломатических органов для Белого движения в этот период можно судить и по тому, что предоставление полномочий Сазонову в качестве представителя и главы внешнеполитического ведомства дважды, сначала в случае с Добровольческой армией и Всевеликим войском Донским, а потом и в ситуации с правительством Юга России и правительством Колчака⁴⁸, обогнало официальное подчинение и создание вертикали власти внутри Белого движения.

Однако в антибольшевистском лагере существовала еще одна независимая сила, с мнением которой, как оказалось, нельзя было не считаться, – Русский Париж.

Сазонов и Русский Париж

Париж традиционно был русской Меккой. Хорошо освоенный, знакомый российской элите город обещал в ближайшее время стать центром мировой политики. С конца 1917 сюда стали стекаться те, кто имел средства переждать разбушевавшуюся на родине стихию революции, – представители дворянской элиты, богатые предприниматели, политические деятели. Русский Париж был оторван от России, довольно слабо знаком с протекавшими там процессами, однако являл собой одну из важных составляющих антибольшевистского движения уже в силу того положения, тех постов, что занимали на родине его представители.

Прибыв во Францию, Сазонов столкнулся с фактом существования только что созданного Парижского Политического совещания – не признанного ни в России, ни властями союзников, но благодаря

⁴⁵ ГАРФ. Ф.5680. Оп.1. Д.148. Л.12.

⁴⁶ Там же. Л.27.

⁴⁷ Там же. Л.24.

⁴⁸ Официальное подчинение генерала Деникина адмиралу Колчаку последовало в мае 1919.

устоявшимся связям находящегося в некоторых сношениях с представителями французского правительства. Собственно дипломатические вопросы были выделены в нем в отдельную группу⁴⁹. В январе 1919 был создан руководящий орган Совещения – Русская политическая делегация, в которую вошли князь Львов (председатель), Маклаков (посол во Франции), Чайковский (председатель Архангельского правительства); позже к ним присоединился Сазонов.

Приезд Сазонова был встречен весьма несочувственно: в парижских «пробольшевистских» газетах, находившихся под влиянием русских левых кругов, появились статьи по адресу «недобитого царского министра» и «нежелательного гостя»; премьер-министр Франции Клемансо уклонился от встречи с ним. Не проявили уважения к ясно выраженной воле руководителей антибольшевистского движения на родине и члены Политического совещания, которые стали настойчиво убеждать их единого представителя, что имя его одиозно для французской демократии, что изолированное выступление его невозможно, так как с ним никто из правящих кругов разговаривать не станет...⁵⁰

Сазонов попал в сложную ситуацию. С международно-правовой точки зрения его полномочия действительно были весьма спорными. К 1919 правительства Колчака и Деникина не были признаны за рубежом в качестве всероссийской власти. Получив от последних полномочия, Сазонов оказался в сомнительном положении «местного министра иностранных дел»⁵¹. Впрочем, статус дипломатов антибольшевистского лагеря в целом был весьма шатким. Они были назначены законным и признанным всеми странами, но уже не существовавшим Временным правительством. При этом Маклаков не успел вручить свои верительные грамоты до большевистского переворота и потому должной аккредитации не получил. Уважавшие букву закона профессиональные дипломаты советовали ему вообще закрыть посольство⁵².

Сазонов уступил без борьбы, даже не попытавшись опереться на авторитет правительств, предоставивших ему полномочия. Он вошел в состав Политической делегации рядовым членом, но в качестве министра иностранных дел. Колчак пошел на поводу у «парижского центра», утвердив, с согласия Деникина, представительство России на мирной конференции в составе Львова, Сазонова, Маклакова и Чайковского⁵³.

⁴⁹ См.: ГАРФ. Ф.5942. Оп.4. Д.5. Л.1.

⁵⁰ См.: Деникин А.И. Национальная диктатура и ее политика. С.47.

⁵¹ Михайловский Г.Н. Записки... Кн.2. С.324-325.

⁵² См.: Будницкий О.В. Послы несуществующей страны // «Совершенно лично и доверительно!»... Т.1. С.47.

⁵³ См.: Деникин А.И. Национальная диктатура и ее политика С.47.

Впрочем, союзники не допустили участия России в Версальском конгрессе. Делегация была вынуждена ограничиться подачей меморандумов и записок этому форуму. Временное отсутствие ее членов в Париже летом 1919 привело, однако, к тому, что дипломатическая деятельность вошла в нормальное русло и в течение целого месяца велась Сазоновым и начальником его канцелярии М.Ф.Шиллингом. «О Делегации совершенно забыли и даже как будто надобности в ней не встречали. Затем, когда мы все съехались вновь, то наши нотабли усмотрели не без неудовольствия, – иронизировал Маклаков в письме Бахметеву, – что дела идут и без них»⁵⁴. Политическое совещание, претендовавшее на роль правительства в изгнании, в связи с оформлением власти Колчака в России в качестве общерусского правительства, 1 августа 1919 закрылось. Делегация при этом распущена не была, однако фактически оказалась не у дел.

В начале августа (момент наивысшего напряжения борьбы в России, когда казалось, что победа уже не за горами) князь Львов, Н.В.Чайковский и Б.В.Савинков выступили с претензией на предоставление Делегации права надзора над всеми заграничными установлениями. После отказа Колчака, который предпочел «воссоздать старую систему», что, по мнению левых членов Делегации, лишало значения участие в ней общественно-политических элементов⁵⁵, они в острой форме поставили вопрос о невозможности работать с Сазоновым⁵⁶. В телеграмме Колчаку от 23 сентября 1919 они выдвинули против министра обвинения в том, что он сосредоточил в своих руках всю полноту представительства.

Авторы телеграммы подчеркивали:

Между тем общественное мнение за границей, также Союзные правительства не доверяют Сазонову, видя в нем признак реакционности русской власти, отчасти потому, что дипломатическая работа ведется *почти* (слово вставлено от руки в отпечатанный текст. – Е.М.) исключительно слугами старой России. Переходом всего механизма в руки Сазонова это недоверие обострится. При сложившихся условиях, над которыми никто не властен, общение с Сазоновым, видимо, компрометирует всякого министра союзных правительств. Ныне руководящая его роль может препятствовать признанию Вашего правительства и собиранию Руси. Окрайние <так> народы полны острого недоверия к личности министра.⁵⁷

В телеграмме также указывалось на возможность преемственно вести дипломатическую работу без Сазонова в условиях существо-

⁵⁴ «Совершенно лично и доверительно!»... Т.1. С.118.

⁵⁵ ГАРФ. Ф.5805. Оп. 1. Д.576. Л.3-6.

⁵⁶ См.: «Совершенно лично и доверительно!»... Т.1. С.120.

⁵⁷ ГАРФ. Ф.5805. Оп.1. Д.576. Л.1-2.

вания таких «выдающихся сил», как Гирс и Маклаков⁵⁸. Не разделявший эту позицию Маклаков отмечал неясность пожеланий триумвирата в отношении судьбы руководства дипломатией – ему не было ясно, к чему они стремятся: к замене ли Сазонова на посту министра иностранных дел более удобной для себя фигурой или к отмене должности в целом⁵⁹. Сам посол, последовательно отделявший профессионально дипломатическую деятельность от общественно-политической, к «бунту» Делегации не присоединился и вместе с Гирсом подписал телеграмму Сазонова, в которой причина недоразумений усматривалась в «неясности полномочий Делегации и ее отношения к министру»⁶⁰. Оставшись последовательным в вопросе руководства своей внешней политикой, Омское правительство поддержало Сазонова⁶¹.

Грозившая полным развалом дипломатического аппарата попытка левых членов Делегации перехватить контроль за ведомством провалилась. Тем не менее сама Делегация распущена не была, формально сохраняя свои позиции. Ее «демократические» члены не оставили попыток перехватить инициативу. Так, в марте 1920 гневную отповедь Бахметева вызвала попытка князя Львова обратиться через его голову к заместителю русского торгового агента в США: «Прошу передать князю, что сношения с официальными учреждениями, фактически подчиненными посольству, помимо последнего, вносят смуту и беспорядок»⁶². Итак, Делегация, раздираемая противоречиями между ее членами, не только не смогла подчинить себе дипломатическую систему, но и не выработала общей линии поведения. Не существовало полного единomyслия и внутри руководства внешними сношениями Белого движения.

Сазонов и белые правительства в России

Получив полномочия от Колчака и Деникина и став, таким образом, «единственным, кто мог говорить в международной политике от лица их обоих», Сазонов столкнулся с тем, что в международных вопросах два крупнейших руководителя Белого движения мыслили по-разному. Впрочем, и сам министр, смотревший на них с высоты своего прошлого положения, имел собственную точку зрения и, «казалось, считал себя связанным лишь собственным мнением»⁶³. Подчинясь иерархически Колчаку, он с отъездом из России потерял яс-

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ См.: «Совершенно лично и доверительно!»... Т.1. С.121.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. С.131.

⁶² ГАРФ. Ф. 6851. Д.57. Л.271.

⁶³ Михайловский Г.Н. Записки... Кн.2. С.204.

ное представление о происходивших там событиях. Мемуаристы, а вслед за ними и исследователи часто обвиняют Сазонова в нежелании считаться с изменившейся ситуацией при жестком проведении курса на сохранение «великой и неделимой» России.

Сазонов и руководители внешнеполитических ведомств действовавших в России правительств расходились во мнениях, порой их отношения обострялись до предела. Позиции Сазонова и главы Управления иностранными делами Особого Совещания Юга России А.А.Нератова (их связывали в прошлом годы плодотворной совместной работы) по многим международным проблемам совпадали, но резко различались в оценке армии Юга России и личности ее главнокомандующего. Для Сазонова Деникин был «превосходным солдатом, посредственным полководцем, плохим политиком и никуда не годным дипломатом»⁶⁴. Нератов же смотрел на Деникина как «на своего рода монарха и каждый раз, отправляясь к нему, волновался так же, как в свое время волновался при поездках в Царское Село или Ставку к государю на фронт <...> он был настоящим “деникинцем” и по духу, и по положению...»⁶⁵.

Гораздо труднее складывались отношения министра с руководителем дипломатической канцелярии при Колчаке И.И.Сукиным. Возмнив себя чуть ли не министром и прикрываясь именем адмирала, последний пытался давать Сазонову руководящие указания. Министр смотрел на него «не только с высоты великодержавного снобизма <...>, но и с истинным презрением», не зная, как удалить его из Омска и кем заменить, поскольку никто из высокопоставленных дипломатов в Сибирь ехать не хотел⁶⁶. Отношения с Чайковским, как уже отмечалось, также оставляли желать много лучшего. Пожалуй, только с А.В.Карташовым, не претендовавшим на собственную независимую позицию, не существовало серьезных трений.

Сазонов сохранял за собой пост министра иностранных дел все время правления адмирала Колчака. Он возглавлял ведомство и во вновь созданном правительстве генерала Деникина⁶⁷. Лишь в самом конце деникинского правления, после взятия Ростова и переезда органов власти в Новороссийск, недовольство его деятельностью⁶⁸ привело к замещению его генералом Баратовым. Однако отрыв парижского центра от движения в России зашел так далеко, что Сазо-

⁶⁴ Там же. С.200.

⁶⁵ Там же. С.199-200.

⁶⁶ Там же. С.205.

⁶⁷ См.: ГАРФ. Ф.5760. Оп.1. Д.2. Л.2.

⁶⁸ Сазоновы вменяли в вину и непризнание правительства Колчака, и прекращение интервенции союзных войск в Россию, и неучастие делегации в мирном конгрессе, а также его несогласие идти на уступки стремившимся к суверенитету бывшим окраинам империи.

нов позволил себе не признать законности своего смещения, – он оставался на посту до прихода к власти Врангеля⁶⁹.

Русский Заграничный дипломатический корпус

В отличие от Русского Парижа, Заграничный корпус сразу и безоговорочно признал назначение Сазонова министром и подчинился ему. Однако само представительство в разных странах переживало не лучшие времена, претерпевая качественные изменения под влиянием внешних воздействий.

После Октябрьской революции Корпус лишился самого главного – государства, которое должен был защищать, а значит, законности своего существования. Последствия этого факта были весьма ощутимы. Осознав, что старый дипломатический аппарат не пойдет на сотрудничество с ним, новая власть решила взять представительство страны в свои руки. В декабре 1917 за границу стали отправляться дипломатические миссии большевистского правительства.

Не торопясь с признанием новой российской власти, правительства целого ряда европейских государств, имея свои интересы в России и не отозвав посольства из Петрограда, допустили на свою территорию представительства советского государства. В 1917 большевистские миссии приняли Дания, Норвегия и Швеция; в 1918 – Великобритания, Германия и Швейцария; в 1919–1920-х – Латвия, США и Эстония. На протяжении Гражданской войны в России положение ухудшалось открытием в разных странах представительств отколовшихся от России территорий «самостийной» Украины, прибалтийской провинций, Белоруссии и др.

Сохранив и в этой ситуации свою организацию за границей, дипломаты не могли не ощутить зыбкости своего положения в системе международных отношений. Да и правительства, допустившие множественность представительств одной страны и ее частей на своей территории, оказались в двусмысленном положении и столкнулись с необходимостью каким-то образом реагировать на складывавшуюся ситуацию. Швейцария закрыла старое русское представительство, однако, судя по сообщениям издававшихся за рубежом русских газет, не поддержала попытку новых представителей России занять здание старой миссии⁷⁰. Следуя букве закона, английское правительство на следующий день после получения из Петрограда подтверждения о свержении Временного правительства отказало главе русского посольства в официальном статусе, обещав, впрочем, продол-

⁶⁹ См.: Михайловский Г.Н. Записки... Кн.2. С.207.

⁷⁰ См.: <Б/н.> Неудача большевиков в Швейцарии // Голос Родины. 1918. 20 мая / 2 июня.

жать неофициальные контакты⁷¹. В Русском Париже в 1918 отмечали, что авторитет большевистского посла Литвинова в Лондоне «настолько поднялся, что настоящего русского посла Набокова хотели даже выпроводить. Ему даже говорили, что его вычеркнут из дипломатического корпуса»⁷². Ходили слухи о том, что потребовалось заступничество японского посла, чтобы Набоков сохранил свое положение⁷³.

В начале 1918 английские власти без предупреждения перестали пропускать шедшие по их каналам зашифрованные телеграммы русских представителей и предложили Франции последовать своему примеру. Париж сочувствия этому шагу не выказал, однако и от помощи русским в разрешении конфликта с англичанами уклонился⁷⁴.

В то же время попытки большевиков занять здания старых миссий и тем утвердить свое положение не встретили понимания местных властей, – они поддержали, как это произошло в Швейцарии в конце мая 1918, а позже и в Англии, хозяев помещений, вплоть до выдворения вновь прибывших с помощью полиции⁷⁵.

Международного признания советской власти не последовало. Дальнейшее развитие событий в России и методы работы представительств большевистской власти за рубежом, позволявших себе политическую агитацию, расставили все точки над «i», и летом – осенью 1918 одна за другой новые миссии были закрыты и высланы⁷⁶. Местные власти не только в Европе, но и во многих странах мира сделали свой выбор в пользу старых русских представительств. Однако ни это, ни укрепление в России власти Колчака не могло в полной мере вернуть представительствам утраченные позиции. Изменить их положение могло лишь международное признание Омского правительства. Несмотря на предпринятые меры, добиться этого Белому движению не удалось⁷⁷. Однако это не помешало правительствам продолжать оказывать поддержку антибольшевистскому движению и поддерживать с ним «дипломатические» отношения, посылая свои представительства в Сибирь и на Юг России, сотрудничая со «старыми» русскими миссиями на своей территории.

⁷¹ См.: *Набоков К.Д.* Испытания дипломата. С.174.

⁷² ГАРФ. Ф.200. Оп.1. Д.114. Л.59об.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же. Ф.1003. Карт. 86. Рулон 5.

⁷⁵ См.: <Б/н.> Неудача большевиков в Швейцарии; Мемуары А.М.Ону. – ГАРФ. Ф.5881. Оп.1 Д.44. Л.5.

⁷⁶ См.: <Б/н.> Изгнание большевистского посла из Швейцарии // Голос Родины. 1918. 1/14 ноября; Мемуары А.М.Ону.

⁷⁷ См. письмо В.Д.Набокова А.И.Каменке от 15 июня 1921 г. – Национальный архив Финляндии. 11аф 49/V.

Таким образом, была создана оригинальная международно-правовая ситуация, в условиях которой русский Заграничный дипломатический корпус, не имея формальной аккредитации (старая была утрачена после падения Временного правительства, а новая не проведена из-за непризнания правительства Колчака), сохранил тем не менее прежние полномочия⁷⁸. Дипломаты продолжали свою профессиональную деятельность, сохранили дипломатический иммунитет, старательно, в пределах возможного, соблюдали все требуемые обычаями и протоколом нормы.

Так, падение Омского правительства и переход власти к официально названному преемнику адмирала Колчака – генералу Деникину – позволили дипломатам не ставить вопрос о новой аккредитации. Их действия ограничились уведомлением правительств стран пребывания и коллег из дипломатического корпуса в произошедшем изменении, на что были получены вежливые ответы⁷⁹. Поражение Вооруженных сил Юга России и последовавшее за этим создание в апреле 1920 правительства барона Врангеля в Крыму вновь на какое-то время обострило этот больной вопрос и потребовало от представителей Корпуса известной гибкости. В.Н.Штрандтман, например, не советовал поднимать проблему на уровень признания нового правительства. Считая, что факт присутствия в Белграде полномочной российской миссии сам по себе означает признание королевством антибольшевистской России, он вел переговоры лишь о «придании отношениям обычной международной формы» путем аккредитации в Крыму представителя Югославии⁸⁰.

Таким образом, благодаря сочувственному отношению европейских правительств, «старые» посольства и миссии легко отбили в 1918 первую попытку большевиков захватить дело представительства России в свои руки. В период Гражданской войны эти организации даже расширили свою сеть.

Настоятельная необходимость урегулирования отношений с бывшими окраинами империи, отделившимися от России после Октябрьской революции и ставшими теперь приграничными государствами, на территории которых базировались белые армии и куда в первую очередь попадали беженцы из России, встречала упорное сопротивление политического руководства. Тем не менее вопрос этот решался – тем или иным путем. В Польшу, получившую независимость от России после Версальского конгресса, при Деникине дипломатическим представителем был назначен способный молодой дипломат из ближневосточного отдела «старого» МИДа – Г.Н.Ку-

⁷⁸ См.: ГАРФ. Ф.6094. Оп.1. Д.1. Л.1.

⁷⁹ См.: Там же. Ф.5760. Оп.1. Д.2. Л.3-5.

⁸⁰ Там же. Ф.1003. Карт.88. Р.13.

тепов, в помощь ему из Парижа был переведен первый секретарь посольства В.М.Горлов⁸¹.

В конце августа 1919 посланник России в Швеции К.Н.Гулькевич направил Сазонову специальное письмо по поводу необходимости создания представительства в отошедших от России прибалтийских государствах⁸². Надо отметить, что в Финляндии с 1918 существовал Особый комитет по делам русских, созданный А.М.Треповым как общественная организация. С 1919 им руководил ставший позднее министром иностранных дел Северо-Западного правительства А.Н.Карташов. Комитет имел консульский отдел. И тогда, и позже, после окончания Гражданской войны, он рассматривал себя как часть дипломатической системы. Однако в сентябре 1919, в процессе переговоров об участии Финляндии в походе на Петроград, адмирал Колчак высказал готовность аккредитовать в Гельсингфорсе российского представителя. Позже было создано Временное дипломатическое представительство с Д.Д.Гриммом во главе.

В Латвии консульство под руководством В.А.Преснякова было создано в 1919 по инициативе Н.Н.Юденича⁸³. Однако летом 1920 местные власти настояли на его закрытии. Это серьезно обеспокоило новое руководство дипломатического ведомства. В начале августа Гирс предложил Гулькевичу взяться за организацию русского консульского представительства в Риге и Ревеле⁸⁴. Тогда же был решен вопрос о представительстве белой России в Литве – туда выехал, впрочем, без титула дипломатического агента, сын П.Б.Струве – Алексей Петрович⁸⁵.

Кроме того, перед российскими дипломатами стояла задача восстановления отношений с бывшими неприятельскими державами или государственными новообразованиями, выделившимися из них по решениям Версальского конгресса.

Еще в ноябре 1918, следуя указаниям, поступившим из Омска, Маклаков поднимает вопрос об обмене дипломатическими представительствами между белой Россией и Чехословакией. Правительство молодого демократического государства отнеслось к этому вопросу с осторожностью.

В фонде внутренней переписки архива МИДа Чешской республики сохранилось два варианта ответов на письмо Маклакова, датированные 5 и 21 ноября, подписанных министром Э.Бенешем⁸⁶. В

⁸¹ См.: Михайловский Г.Н. Записки... Кн.2. С.216.

⁸² ГАРФ. Ф.6094. Оп.1. Д.1 Л.7.

⁸³ См.: Там же. Ф.5816. Оп.1. Д.16. Л.10-10об.

⁸⁴ Там же. Ф.6851. Оп.1. Д.57. Л.131.

⁸⁵ См.: Михайловский Г.Н. Записки... Кн.2. С.494.

⁸⁶ Архив МИД ЧР. Ф. Pařížsky' archiv. К.IX.

первом из них он предлагал отложить решение вопроса до официального признания Прагой правительства Колчака. Последнее, однако, было возможно лишь после признания «верховного правителя российского государства» ведущими державами Антанты. Видимо, сочтя такой ответ слишком жестким, во втором варианте ноты руководитель чешской дипломатии выразил готовность принять русского представителя неофициально, до момента, когда признание русского правительства станет фактом.

Правительство Колчака в марте 1919 назначило В.Г.Жуковского чрезвычайным посланником и полномочным министром в Чехословакию⁸⁷. По данным Михайловского, в качестве претендента на пост посланника в Праге Парижем рассматривалась кандидатура Б.В.Савинкова⁸⁸. Однако когда летом следующего года вопрос перешел в практическую плоскость, в Прагу выехала миссия во главе с В.Т.Рафальским в качестве консула и временного поверенного в делах⁸⁹.

Ставшая для Сазонова политическим кредо его верность союзникам по Первой мировой войне не допускала возможности восстановления дипломатических отношений с бывшими неприятельскими странами даже после ее окончания. Поэтому ни при правлении Колчака, ни в кратковременное правление Деникина к этому не были предприняты необходимые шаги. Это будет сделано позже, в 1920, когда назначенный главнокомандующим барон П.Н.Врангель поставит задачу скорейшего восстановления отношений с «бывшими неприятельскими странами».

Исключенная из Севрского мирного трактата Антанты с Османской империей, Россия не могла допустить ущемления прав ее подданных, которые ко времени врангелевского правления наводнили Константинополь. Поэтому летом 1920 была предпринята попытка установить дипломатические отношения с турецким правительством. Порты уклонилась от официального признания крымского правительства. Правда, как пишет Михайловский, «великий визирь согласился признать за нашей фактически существующей миссией все дипломатические права и привилегии...», а за русскими людьми — «права, признанные за остальными европейцами»⁹⁰.

Позже, уже осенью 1920, немецкие промышленные круги (группа Вагнера) в поисках концессий инициировали вопрос об установлении официальных отношений между Германией и правительством Врангеля. Главнокомандующий проявил личную заинтересован-

⁸⁷ ГАРФ. Ф.200. Оп.1. Д.97. Л.57.

⁸⁸ Михайловский Г.Н. Записки... Кн 2. С.365.

⁸⁹ Архив МИД ЧР. Ф. Pařížsky' archiv. К. IX.

⁹⁰ Михайловский Г.Н. Записки... Кн.2. С.582-583.

ность в открытии дипломатических представительств в Германии и Австрии, причем в случае невозможности установления официальных отношений приемлемым считался и «принцип официального представительства». Правительство считало эту проблему настолько важной, что от ее рассмотрения не отвлекали даже военные действия. 14 октября Главнокомандующий «приказал подтвердить о настоятельности урегулировать» этот вопрос, а 5 ноября председатель Совета начальников управлений А.В.Кривошеин подчеркивал «настоятельную необходимость» его разрешения⁹¹.

Одновременно с инициативой установления дипломатических отношений выступило правительство Венгрии, предложив даже финансировать представительство, которое было бы аккредитовано в Будапеште. Управление внешних сношений внимательно изучило этот вопрос, был сделан запрос хорошо разбиравшемуся в обстановке в регионе В.Н.Штрандтману. Последний рекомендовал придать миссии ограниченный характер военного представительства и не советовал использовать для ее финансирования средства местного правительства. Интересно, что обсуждение вопроса велось накануне падения Крыма, а назначение в Будапешт в качестве военного агента полковник Генерального штаба фон Лампе получил уже в Константинополе в январе 1921. Позже там все же будет создано и дипломатическое представительство под руководством князя П.Волконского⁹².

В годы Гражданской войны дипломатическое ведомство доказало свою прочность, а его сотрудники верность долгу. Заграничный корпус приобрел некоторую самостоятельность и самодостаточность, но и он не был изолирован от жизни и не мог не испытать на себе воздействия эпохи.

Была нарушена вертикаль власти и строгая субординация, присущая дореволюционному ведомству. Это объяснялось многими причинами. И тем, что центральные органы структуры были в значительной степени парализованы вмешательством в профессиональную деятельность «общественного» элемента, и самой революционной эпохой.

В России, как мы уже отмечали выше, существовало не одно, а целый ряд правительств. По мере своего оформления они стремились выйти на международную арену и в качестве посредников должны были использовать дипломатические представительства. Последние оказались в сложной ситуации – они ревниво относились к своему статусу общерусского представительства. Выход был найден в решении поддерживать сношения и оказывать поддержку всем

⁹¹ ГАРФ. Ф.6851. Оп.1. Д.57. Л.1, 2.

⁹² Там же. Ф.5760. Оп.1. Д.5. Л.27об.

антибольшевистским силам в России. На протяжении Гражданской войны миссии проводили политику адмирала Колчака, генерала Деникина, чаще всего получая распоряжения через парижский центр, а также непосредственно сносясь с главой Северного правительства генералом Миллером и главнокомандующим Северо-Западным фронтом генералом Юденичем, поручения которых выполняли. Таким образом, формально существовавшая вертикаль разрушалась непосредственными отношениями представительств с правительствами.

Кроме того, обстановка Гражданской войны требовала оперативности решений, однако необходимые для этого технические средства, в первую очередь средства связи, отсутствовали или были недостаточны. Это привело к неофициальному формированию региональных групп представительств, ориентировавшихся в своей деятельности в большей мере на связь с тем антибольшевистским режимом, который был ближе территориально расположен, а также выделению внутри них своего рода «старших» миссий. На севере Европы такую роль играло посольство в Стокгольме, в Балканских странах – миссия в Белграде.

Эту тенденцию ощутило и официально закрепило в 1920 врангелевское руководство, выделив Ближний Восток и Балканский полуостров в особый регион. Роль «старшего» представительства при этом была отдана посольству в Турции, руководителем которого с чрезвычайными полномочиями стал фактически возглавлявший на протяжении двух последних лет Управление внешних сношений Юга России в ранге товарища министра иностранных дел А. А. Нератов. Ему были подчинены представительства в Болгарии, Сербии, Греции и Румынии⁹³. Своей особой жизнью, сохраняя, безусловно, сопричастность системе и подчиненность министру, жили посольства на Дальнем Востоке.

Определенная децентрализация была допущена и в вопросе финансирования Корпуса – миссии получали средства к существованию из разных источников. Даже когда в России Белое движение было подчинено адмиралу Колчаку, правительство которого располагало золотым запасом, дипломатические представительства на Дальнем Востоке финансировались за счет боксерских контрибуций⁹⁴, причитавшихся русскому правительству; миссия в Софии пользовалась средствами, которые в 1919 выплатило правительство

⁹³ См.: ГАРФ. Ф.6851. Оп.1. Д.57. Л.328.

⁹⁴ Контрибуции, которые Российская империя получала от Китая после подавления восстания Ихэтуаней (1899–1901). Срок выплаты должен был закончиться в 1945, но советское правительство, к которому по праву преемственности перешло получение контрибуции, остановило китайские выплаты в первой половине 1920-х.

Болгарии в качестве оккупационного фонда (всего 400 тыс. левов)⁹⁵; представительства в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (СХС) и в Греции – кредитом, предоставленным местными правительствами⁹⁶. И, наконец, посольство в Вашингтоне не знало нужды в связи со своевременным переводом послом Бахметевым русских кредитов на свой личный счет.

Кризис начала 1920 года

В начале 1920 вместе со всем Белым движением внешнеполитическое ведомство переживает кризис, вызванный неудачами на фронтах Гражданской войны. Анонимный автор, аналитическая записка которого сохранилась в фонде К.Н.Гулькевича, следующим образом описывал положение дел:

Политическое совещание в Париже (Сазонов, Маклаков, Львов) не пользуется никаким влиянием. Никакой определенной политики у них нет. Сейчас обнаруживают полную растерянность, недостаток понимания – что делать дальше. Никаких директив другим представителям не дают. Ввиду последних событий, за недостатком средств предполагается сокращение представителей за границей.⁹⁷

В январе 1920 деньги на содержание миссий не поступали. Уже тогда возник вопрос: «будут ли они <миссии> сохранены? Или ликвидированы?»⁹⁸

Военно-политическое положение Белого движения, с конца 1919 терпевшего поражение за поражением, действительно становилось критическим. В декабре 1919 развалился Северо-Западный фронт; в феврале 1920 года эвакуировалась Северная армия генерала Миллера; с ноября 1919 военные неудачи преследовали адмирала Колчака; в январе – марте 1920 откатывается к северному побережью Черного моря армия генерала Деникина. Однако, как ни удивительно, эти события не вызвали паники в руководстве ведомством.

Ослабление позиций правительства Колчака после его переезда в Иркутск позволило Бахметеву выступить с идеей принципиального пересмотра вопроса об управлении внешними сношениями движения. Отмечая, что кругозор Сибири вообще «крайне узок» и что прошли времена, когда Омск мог диктовать свою волю, он считал, что «время пришло, когда необходимо С.Д.Сазонову, как министру иностранных дел, громко сказать свое слово и узурпировать

⁹⁵ См.: ГАРФ. Ф.6851. Оп.1. Д.57. Л.72, 257.

⁹⁶ Подробнее см.: *Миронова Е.М.* Российская миссия в Белграде (1919–1940) // Россия в XVIII–XX вв. М., 2000. С.218–219; ГАРФ. Ф.6851. Оп.1. Д.57. Л.75.

⁹⁷ Там же. Ф.6094. Оп.1. Д.72. Л.12.

⁹⁸ Там же. Ф.6851. Оп.1. Д.57. Л.13.

власть»⁹⁹. При этом он предлагал перенести центр управления иностранной политикой в Париж.

Сам министр в Париже проявляет удивительное хладнокровие, борясь за сохранность системы, явно не допуская возможности сворачивания ее деятельности даже в случае поражения антибольшевистского движения внутри России. В январе – феврале 1920 он проводит серию перемещений, новых назначений внутри Корпуса, вызывая этим удивление части своих соратников. Он по-прежнему жестко настаивает на сохранении дисциплины внутри Корпуса и подчинении представительств единому центру¹⁰⁰. Доступные в настоящее время документы не дают, к сожалению, ответа на вопрос – из каких источников он черпал поддержку, что давало ему основание надеяться на возможность сохранения системы, даже если последняя видимость существования антибольшевистского правительства в России исчезнет.

Тем не менее не считаться вовсе с ситуацией в России он, безусловно, не мог. Ограниченность оставшихся за границей средств и возникшая необходимость чрезвычайных расходов на содержание беженцев, ставшая очевидной невозможность «рассчитывать на скорое пополнение их <средств> из России, при несокращающихся запросах всякого рода заграничных представительств, заставили распорядителя средствами Белого движения К.Е. фон Замена обратиться к сохранявшей еще некоторое значение Делегации с просьбой принять на себя ответственность за расходование средств. Приняв на себя эту функцию, Делегация осознала необходимость провести сокращения во всех заграничных учреждениях, в том числе и по Министерству Иностранных Дел»¹⁰¹.

Сазонов вдвое сократил свое жалованье, а вопрос о сокращении расходов по министерству передал на рассмотрение специальной комиссии, главную роль в которой играл барон Нольде¹⁰². В преамбуле к циркуляру от 28 января 1920 говорится о том, что изучались две возможности осуществить поставленную задачу: «...уменьшением окладов, и без того не соответствующих условиям теперешней жизни, при сохранении существующего личного состава заграничных учреждений, который при этом не мог бы искать дополнительного заработка на стороне, или же, наоборот, сокращением личного состава, при сохранении существующих окладов, за исключением посольского и посланниковского, каковая мера дала бы возможность временно освобожденным от своих обязанностей слу-

⁹⁹ «Совершенно лично и доверительно!»... Т.1. С.132.

¹⁰⁰ См.: ГАРФ. Ф.6851. Оп.1. Д.57. Л.3-4, 189, 197, 243.

¹⁰¹ Там же. Ф.5942. Оп.4. Д.25. Л.3-6.

¹⁰² См.: «Совершенно лично и доверительно!»... Т.1. С.185.

жащим озаботиться приисканием себе иных источников существования»¹⁰³.

При обсуждении данного вопроса Делегация остановилась на втором решении, т. е. на сокращении штатов. Путь этот был и тяжел, и чрезвычайно болезнен. Без ошибок, перекосов здесь обойтись было сложно, так же как и без разочарований, обид и закулисных интриг. Михайловский, описывая этот процесс, рисует не слишком привлекательную картину: «...находившиеся в Париже чиновники всячески старались сократить штаты дипломатического ведомства вне Парижа, чтобы как можно больше мест оставить за собой в центральном управлении»¹⁰⁴. Вторя ему, Маклаков в письме Бахметеву от 12 марта 1920 показывает, как под флагом сокращения расходов было необоснованно повышено содержание персоналу парижских учреждений¹⁰⁵. Все же анализ циркуляра министерства от 28 января 1920 показывает, что главная ставка была сделана на сохранение репрезентативности Заграничного корпуса. Согласно принятому решению отпускались средства:

...на содержание в Париже, Лондоне, Вашингтоне, Токио и Риме Посольств в составе Посла, Советника, одного Первого Секретаря и двух Вторых Секретарей (в Риме и Токио один Второй Секретарь, в Париже, сверх того, два помощника Секретаря) с вознаграждением Посла в размере 250 фунтов стерлингов в месяц, а остальных чинов в размере, установленном действующим законом; – на содержание Миссий в Тегеране и Пекине в составе Посланника, Первого Секретаря, Второго Секретаря, Первого Драгомана и Второго Драгомана, Миссии в Стокгольме в составе Посланника, Советника (командирован в Финляндию), 1-го Секретаря, 2-го Секретаря, Миссий в Белграде, Бухаресте и Афинах в составе Посланника, 1-го Секретаря и 2-го Секретаря, в Берлине и Брюсселе, в составе Посланника и Первого Секретаря, при Ватикане, в составе Посланника, с вознаграждением Посланников в размере 125 фунтов стерлингов в месяц, а Посланника в Ватикане – 100 фунтов стерлингов и остальных чинов в размере, установленном действующими законами; – на содержание Поверенных в делах в Мадриде, Гааге, Каире, Праге, Христиании, Копенгагене и Цетинье в размере, установленном законом; – на содержание временных поверенных в Турции, Берлине, Данциге, Софии и Варшаве, согласно действующим временным штатам.¹⁰⁶

Также отпускались средства на содержание консульских установлений, числом не более четырех, в Китае и Персии, не более трех – во Франции, Англии, Соединенных Штатах и Японии, не более двух – в

¹⁰³ ГАРФ. Ф.5942. Оп.4. Д.25. Л.3-6.

¹⁰⁴ Михайловский Г.Н. Записки... Кн.2. С.468.

¹⁰⁵ «Совершенно лично и доверительно!». Т.1. С.185.

¹⁰⁶ ГАРФ. Ф.5942. Оп.4. Д.25. Л.1-4.

Италии, Норвегии, Румынии и Сербии и не более одного – в остальных странах, в которых существовало российское консульское представительство, согласно штатам, установленным законом.

Проведенное сокращение штатов стало, судя по всему, последней акцией, предпринятой Сазоновым в качестве министра иностранных дел правительства Юга России. Принявший руководство Белым движением барон Врангель сменил министра иностранных дел. Время его правления характеризовалось сложными отношениями между «центром» и Заграничным корпусом.

Эпоха Врангеля

В апреле 1920 А.И.Деникин передал руководство Белым движением на Юге России барону П.Н.Врангелю. Последний возглавил правительство, которое не могло претендовать на всероссийское значение в связи с незначительностью его территориальной базы и сравнительной малочисленностью вооруженных сил.

Русские политические круги к известию о создании в России нового правительства отнеслись весьма сдержанно. Мало кто из запрошенных Врангелем видных деятелей решился приобщиться к «крымской авантюре»¹⁰⁷. Созванные в Париже совещания рассматривали вопрос о том, на каком основании и в какой степени подчиняться новому правительству или не признавать его вовсе¹⁰⁸. В дипломатическом ведомстве такая постановка вопроса отозвалась стремлением «сплотиться и оградить свои труды от вторжения в них *посторонних и малокомпетентных* (курсив мой. – Е.М.) элементов»¹⁰⁹.

Между тем Врангель, придя к власти, сразу сменил руководство Управления иностранных дел (в документах эпохи его называли и Управлением иностранных сношений). Продолжая кадровую политику Временного правительства, главой дипломатического ведомства он назначил П.Б.Струве¹¹⁰. Крупная фигура ученого экономиста и известного русского политика ему понадобилась для «достижения согласования наших взглядов с видами Союзных Держав и склонения их к оказанию Вооруженным силам Юга России реальной поддержки»¹¹¹. Однако помощником нового руководителя управления в Севастополе был назначен карьерный дипломат, пользовавшийся большим уважением в ведомстве, – князь Г.Н.Трубецкой. Маклаков сменил Сазонова в качестве представителя при мирной конференции¹¹².

¹⁰⁷ Росс Н. Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне, 1982. С.34.

¹⁰⁸ См.: Михайловский Г.Н. Записки... Кн.2. С.446.

¹⁰⁹ «Чему свидетели мы были...». Кн.2. С.404-405.

¹¹⁰ См.: ГАРФ. Ф.6851. Оп.1. Д.57. Л.331.

¹¹¹ Там же. Л.328.

¹¹² Там же. Л.321.

14 апреля 1920 Струве телеграфировал в Париж, что он принял руководство внешними сношениями правительства Врангеля, с просьбой «оповестить» об этом глав представительств. Однако парижское руководство этого не сделало, взяв паузу. В ведомстве это отозвалось определенным замешательством. 26 мая Карташов из Финляндии запрашивал Гулькевича: «Правда ли, что ушел в отставку С.Д.Сазонов? Кто на место его и кто вообще теперь наше начальство?»¹¹³

Стараясь не дать разгореться намечавшемуся конфликту и навести мосты между Заграничным корпусом и новым правительством, находившийся в Париже опытный политик А.В.Кривошеин, назначенный в апреле 1920 помощником правителя Врангеля, а затем председателем Совета начальников управлений, рекомендовал «воздержаться от всяких перемен <в> составе представительства [особенно в Париже] (зачеркнуто в рукописном оригинале телеграммы. – *Е.М.*). Нахожу также крайне желательным, – писал Кривошеин, – разъяснить миссиям, что новое правительство преследует прежние задачи»¹¹⁴. Врангель, со своей стороны, посчитал необходимым в письме Маклакову разъяснить, что Струве, помимо решения чисто политических проблем, должен «войти в контакт с русскими государственными и общественными деятелями, находящимися в настоящее время в Париже, и организовать Русское Представительство за границей на твердых и определенных началах, как равно и руководство деятельностью наших дипломатических представителей за границей»¹¹⁵.

В Париже в это время появляется идея выдвижения собственного главы дипломатического ведомства, что само по себе свидетельствует о колоссальном сдвиге в сознании людей, всю жизнь служивших бюрократической системе государства. Самодостаточность и относительная независимость, начавшие складываться после Октябрьской революции и формировавшиеся на протяжении Гражданской войны в России, видимо, вполне оформились к этому моменту и были осознаны руководством внешнеполитического ведомства. Несколькими месяцами позже Гирс охарактеризует его как технический аппарат, который можно поставить «в распоряжение организаций и лиц как отечественных, так и *чужеземных* (курсив мой. – *Е.М.*), преследующих однородные с нами цели»¹¹⁶. Сразу надо оговориться, что это не означало отрыва от национальной идеи, от решения государственных задач, проблем антибольшевистского дви-

¹¹³ Там же. Ф.6094. Оп.1. Д.72. Л.41об.

¹¹⁴ Там же. Ф.6851. Оп.1. Д.57. Л.304.

¹¹⁵ Там же. Л.328.

¹¹⁶ «Чему свидетели мы были...» Кн.2. С.404.

жения. По сути, дипломаты стремились оградить свой аппарат от развала и отстаивали свое право выбирать союзников в борьбе за возрождение России.

Сохраняя традиции ведомства и стараясь избежать всяких прений по поводу кандидатуры его главы, парижские «нотабли» решили избрать не личностно-качественный, а формально-должностной принцип выдвижения. «Все служащие дипломатического ведомства искали кого-либо, чей авторитет мог бы быть основан на объективных данных – старшинстве назначения, положении посла и других обстоятельствах», – писал по этому поводу непосредственно наблюдавший этот процесс Михайловский¹¹⁷. На тот момент – начало 1920 – ранг посла в «старой» структуре имели: В.А.Маклаков (Франция), хотя он и не успел вручить верительные грамоты Временного правительства до октябрьского переворота, М.Н.Гирс (Италия), Б.А.Бахметев (США), В.Н.Крупенский (Япония), М.А.Стахович (Испания). Старейшим из них был Гирс, на нем и остановился выбор. На первый взгляд, такой поворот событий мог показаться не слишком удачным. Популярностью среди коллег дипломат не пользовался.

Михаил Николаевич Гирс – старший сын министра иностранных дел (1882–1895) Николая Карловича Гирса – в течение семи лет фактически являлся личным секретарем своего отца и до тонкостей знал все тайны министерства. В дальнейшем, поработав в Америке, на Дальнем и Ближнем Востоке, в Европе, он приобрел богатый дипломатический опыт. Он был на очень хорошем счету в качестве дипломатического агента, и его исполнительность почиталась образцовой, но и в возрасте далеко за 60 лет он оставался пунктуальным исполнителем министерских инструкций и ничего самостоятельного за всю жизнь не сделал. Во всем, что касалось форм дипломатического общения и приемов работы, он был безупречным дипломатом старой школы. Гирс никогда ранее не претендовал на пост министра, да его и не прочили на эту должность, так как знали его несамостоятельность. Политические симпатии его были не ясны¹¹⁸.

Михайловский, кроме того, в качестве одной из версий назначения Гирса, называет договоренность, существовавшую между Гирсом и Сазоновым, по которой он должен был в случае падения правительства Врангеля передать власть Сазонову. Впрочем, даже если и так, этому плану не суждено было осуществиться.

Итак, прибывшему в Париж П.Б.Струве парижское руководство консолидированно выставило ряд условий. В изложении Михайловского они выглядят следующим образом: министр лишился права самостоятельного назначения награничные должности и увольне-

¹¹⁷ Михайловский Г.Н. Записки... Кн.2. С.338-339.

¹¹⁸ Там же; Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата. М., 1954. С.179-180.

ния чинов дипломатического ведомства без одобрения Гирса как старейшины русского дипломатического корпуса; все важные политические акты, если они составлялись в Париже, должны были быть предварительно просмотрены, а в некоторых случаях и подписаны обоими руководителями¹¹⁹.

Не будучи уверенным в конечной победе Врангеля, стремясь, с одной стороны, сберечь дипломатическое ведомство и, с другой, возможно скорее и без потерь поставить его на службу новому русскому правительству, Струве принял эти условия и честно придерживался их впоследствии¹²⁰. Таким образом, родился компромисс, в результате которого он был признан «министром», а Гирс 28 мая 1920 известил представительства, что по поручению Струве принял на себя согласование деятельности российского дипломатического представительства за границей с деятельностью Управления иностранных сношений при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России¹²¹.

Итак, бывший в течение года министром иностранных дел Белого движения, Сазонов окончательно получил отставку. В связи с этим 27 мая 1920 он обратился к подведомственным ему учреждениям с телеграммой №709:

По просьбе Генерала Деникина и Адмирала Колчака я с начала 1919 года в качестве Министра Иностранных Дел объединял деятельность наших заграничных учреждений соответственно целям воссоздания единой великой России, к которым мы единодушно стремились. После сложения с себя власти Деникиным считаю нужным со своей стороны сложить с себя обязанности, которые я нес за истекший год. Выражая всем чинам ведомства Иностранных Дел сердечную благодарность за их сотрудничество <...> от души желаю моим сослуживцам еще принести посильную помощь России, в возрождение которой я непоколебимо верю.¹²²

В деле отложились также ответы послов бывшему министру. Обращает на себя внимание, что далеко не все руководители «старых» представительства сочли необходимым выразить сожаления по поводу его отставки¹²³. Среди тех, кто это сделал, были: Пустошкин (Гаага), Бахметев (Вашингтон), Демидов (Афины), Нератов (Константинополь), Петряев (София)¹²⁴.

¹¹⁹ Михайловский Г.Н. Записки... Кн.2. С.487.

¹²⁰ Там же. С.487-488.

¹²¹ ГАРФ. Ф.6851. Оп.1. Д.57. Л.87, 174.; Ф.5760. Оп.1. Д.2. Л.10.

¹²² Там же. Ф.6851. Оп.1. Д.57. Л.175.

¹²³ Маловероятно, что не все телеграммы были подшиты в дело, — по нашим наблюдениям, делопроизводство в парижском посольстве велось на высоком уровне.

¹²⁴ ГАРФ. Ф. 6851. Оп.1. Д.57. Л. 173, 168, 167, 162, 159.

Врангель не нашел возможным или необходимым оспорить отставку Сазонова. Однако подтверждение им полномочий Гирса несет на себе отпечаток его отношения к происшедшему. Он согласился рассматривать это назначение как поручение, возложенное на старейшину представительства начальником Управления иностранных дел¹²⁵. Таким образом была создана сложная система управления внешними сношениями врангелевского правительства. В освещении Гирса она выглядела следующим образом: «Струве во главе Управления Иностраннных сношений при Главнокомандующем. Нератов ведает объединением представительств на Балканах. Моя задача – объединение и согласование деятельности наших представителей с деятельностью Управления»¹²⁶.

Заграничный корпус признал новое руководство. Главы представительств Петряев (София), Боткин (Берлин), Крупенский (Токио), Нелидов (Брюссель), Демидов (Афины), Бахметев (Вашингтон), Нератов (Константинополь), Пустошкин (Гаага), Розен (Христиания) отозвались приветственными телеграммами на имя М.Н.Гирса. Мейендорф (Копенгаген), Беляев (Тегеран), Штрандтман (Белград), Персиани (советник посольства в Италии) ограничились уведомлением о получении этого известия в телеграмме №718¹²⁷.

Изменение принципа руководства ведомством, а также слабость центрального аппарата в Севастополе, где из опытных дипломатов работали лишь князь Трубецкой и Б.А.Татищев¹²⁸, привели к серьезному смещению центра тяжести в управлении Корпусом в пользу Парижа. В новых условиях, сообщая А.А.Нератову об одобрении общих принципов задуманной им реорганизации представительства в Константинополе, и. о. начальника Управления иностранных дел в Севастополе князь Трубецкой прямо советует ему «снестись с Парижем», прося лишь уведомить о результатах¹²⁹.

Правительство Врангеля впервые за время Гражданской войны всерьез занялось реформированием заграничного представительства. Особое место в его концепции уделялось Ближнему Востоку, который уже в апреле 1920 специальными распоряжениями Главнокомандующего выделяется в качестве отдельного, особого региона. Сюда направляются с чрезвычайными полномочиями два ответственных и влиятельных в правительственных кругах Юга России деятеля. Фактически возглавлявший на протяжении двух последних лет Управление иностранных дел Юга России (в ранге товарища мини-

¹²⁵ Там же. Л.155.

¹²⁶ Там же. Л.399.

¹²⁷ Там же. Л.160, 161, 163, 169.

¹²⁸ Михайловский Г.Н. Записки... Кн.2. С.590.

¹²⁹ ГАРФ. Ф.6851. Оп.1. Д.57. Л.129.

стра иностранных дел) А.А.Нератов выехал в Константинополь в качестве «главного руководителя внешней политики России в Турции и на Балканском полуострове» – в ранге посланника. Ему были подчинены представительства в Болгарии, Сербии, Греции и Румынии¹³⁰. Военным представителем с такими же, как у Нератова, полномочиями старшинства над военными агентами в Балканских государствах и странным с точки зрения дипломатической практики титулом «представителя Главнокомандующего русской армией» (соответствовавшим в то время рангу посла) был назначен генерал-лейтенант А.С.Лукомский.

Таким образом, была создана запутанная ситуация соподчинения дипломатического и военного представительств в Константинополе, допускавшая претензии военного агента на старшинство над посланником. Осознав ненормальность сложившейся ситуации, правительство сделало попытку разграничить компетенции двух представительств и вернуть их к обычной практике.

В инструкции генерал-лейтенанту Лукомскому делался акцент на то, что «Дипломатическое Представительство в Константинополе поставлено, в формальном отношении, независимо от Представительства союзников. Военное Представительство состоит при Союзном командовании»¹³¹. Поэтому вопросы внешнеполитического характера должны были оставаться в рамках компетенции дипломатического представительства, а в круг функциональных обязанностей военного – входили не только собственно военно-морские вопросы и вопросы снабжения, но и все, «что касается беженцев, эвакуации и проч.». Однако в инструкции особо подчеркивалась необходимость при обсуждении этих проблем с правительственными, не участвующими в оккупации Константинополя, согласовывать действия «между Военным и Дипломатическим Представителями нашими в Константинополе»¹³².

Тем не менее избежать трений между двумя представителями не удалось. Приходится признать, что созданная таким образом неловкая ситуация подрывала престиж Крымского правительства в глазах аккредитованных в Константинополе дипломатов зарубежных стран и явилась почвой для постоянной борьбы честолюбий в русском представительстве.

В июле 1920, после зарубежной поездки П.Б.Струве, в ходе которой он смог получить представление о положении дел с русскими заграничными учреждениями за границей, было выработано «Временное постановление о заграничном представительстве Главного

¹³⁰ См.: Там же. Л.328.

¹³¹ Там же. Л.325.

¹³² Там же.

командования Вооруженными силами на Юге России» и «Временные положения об отдельных учреждениях Русского заграничного представительства (за исключением Ближнего Востока)».

Недовольство правительства вызывали: 1) разрозненность существующих организаций, 2) оторванность и отстраненность их от жизненных интересов на Юге России и 3) связанный с двумя предшествующими причинами непроизводительный характер части расходов¹³³.

Сразу оговоримся, что пока преобразования коснулись не дипломатического корпуса, а разросшегося за время Гражданской войны конгломерата военных, снабженческих, финансовых и тому подобных представительств, которые различные белые правительства посылали за рубеж. Для наведения порядка во всем их многообразии «Временным постановлением» были созданы должности главноуполномоченных по делам военно-морским и финансово-экономическим, определен штат их аппарата и сметы, в рамках которых они могли содержать и свой аппарат, и агентуры на местах. В разделе «Основные положения» этого документа настойчиво проводилась мысль о необходимости согласования всех контактов с «иностранными правительствами по делам и вопросам, имеющим политическое значение <...> с главою местного Российского Дипломатического установления» и подчинении всего представительства Главного командования Вооруженными силами Юга России старшему дипломатическому представителю России, «которому общие указания Главнокомандующего сообщаются начальником Управления Иностранных Сношений»¹³⁴.

Таким образом, была осуществлена попытка устранить расплывшиеся учреждения, которые зачастую были не чем иным, как си-некурами, и подчинить все заграничное представительство единому руководству, осуществлению общей цели. Текст документа показывает также, что Струве выполнял достигнутые в Париже договоренности.

Однако следующая попытка экономии средств врангелевским правительством показала, насколько основательны были опасения на его счет в среде дипломатического корпуса. В самом конце своего существования это правительство разработало проект нового бюджета Заграничного корпуса, в результате осуществления которого должны были закрыться консульства и миссии в 13 странах. «Владея Таврической губернией, братья управлять всем нашим заграничным дипломатическим корпусом!» – восклицал по этому поводу Михайловский¹³⁵.

¹³³ См.: ГАРФ. Ф.5760. Оп.1. Д.2. Л.14.

¹³⁴ Там же. Л.15, 16.

¹³⁵ Михайловский Г.Н. Записки... Кн.2. С.650.

Тем не менее врангелевская внешняя политика была достаточно успешна. Во-первых, удалось добиться крупного успеха – признания севастопольского правительства Францией; во-вторых, многое, как мы видели выше, было сделано для восстановления официальных отношений со странами-противниками России в Первой мировой войне.

Управление иностранных сношений эвакуировалось из Крыма вместе с армией барона Врангеля «благополучно, но в крайне тяжелых условиях», вывезя шифры и полный свод телеграмм¹³⁶. В Константинополе Главнокомандующий осуществил последнюю реорганизацию управления, временно передав заведование этой отраслью Б.А.Татищеву¹³⁷ (директор канцелярии министра «старого министерства», во время Гражданской войны он был помощником А.А.Нератова по дипломатической канцелярии).

Личный состав Управления был распущен, за исключением Кеселя и Алешина, которые остались при штабе Врангеля¹³⁸.

Совет послов Русского Зарубежья

Поражение Русской армии барона Врангеля, означавшее окончание Гражданской войны, и эвакуация Крыма – потеря Белым движением последнего клочка русской территории, а вместе с ним и государственности, должны были положить конец и его дипломатическому представительству. Однако вынужденно покинувшие Родину приверженцы «старой» России ушли побежденными в военном отношении, но не покоренными и не смирившимися. «Они не собирались складывать оружие, не хотели растворяться в окружающей среде, не были готовы отказаться от своей веры, культуры, языка. Они стремились воссоздать за рубежом основные общественные и даже государственные институты дореволюционной России»¹³⁹. И в дальнейшем, на протяжении всего межвоенного периода «эмигранты воспринимали себя как представителей единого общества, а Русское Зарубежье — как свою страну. Они стремились жить так, словно эмиграция в культурном и философском плане олицетворяла собой всю Россию»¹⁴⁰.

В связи с особо ожесточенной политической борьбой в России, дисперсностью политического спектра антибольшевистских сил рус-

¹³⁶ ГАРФ. Ф.6851. Оп.1. Д.57. Л.32.

¹³⁷ Там же. Л.36.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ *Бегидов А.М.* Военное образование в зарубежной России. 1920–1945. М., 2001. С.3.

¹⁴⁰ *Раев М.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994. С.16.

ской эмиграции не удалось создать за рубежом правительства, хотя такая задача в начале 1920-х ставилась представителями разных лагерей. Между тем борьба в понимании тех, кто оказался за пределами России, не была окончена, ее продолжение требовало существования некоего центра, который мог бы представлять эмигрантское сообщество на международной арене, а огромные массы лишенных Родины и привычных условий жизни людей нуждались в помощи, защите.

Понимание того, что представительства в разных странах необходимо сохранить, даже если будет потерян последний кусок русской земли, пришло к парижскому руководству дипломатического ведомства, по-видимому, уже в начале 1920 – в период первых массовых эвакуаций. Восьмимесячная отчаянная борьба Русской армии под командованием барона Врангеля предоставила время, необходимое, чтобы утвердиться в этом намерении. Михайловский сообщает в этой связи, что в разгар побед крымской армии он получил от Нератова распоряжение «составить подробный мемуар на тему об организации дипломатического и консульского представительств на случай исчезновения врангелевского правительства...»¹⁴¹.

В июне 1920 в связи с назначением советского представителя в Тегеран Гирс по соглашению со Струве не советовал «торопиться <так!> закрытием миссии даже в случае прибытия в Тегеран большевистского представителя...»¹⁴². Осуществление этого замысла выпало на долю старейшины дипломатического корпуса Михаила Николаевича Гирса. Потомственный «карьерный» дипломат, плоть от плоти ведомства, он как никто другой понимал необходимость в тех сложнейших условиях сохранить представительство. Участия Струве в этом деле не заметно, чуть позже он, похоже, совсем отошел от дел ведомства, возвратясь к научной деятельности. В недавно опубликованной переписке того же периода двух видных представителей дипломатического корпуса – назначенцев Временного правительства Маклакова и Бахметева – эта тема также не затрагивается.

Действия Гирса в ноябре 1920 и в последующие месяцы, напротив, целиком посвящены одной цели. Получив известие об оставлении Крыма войсками барона Врангеля, он немедленно обращается к главам представительств в Вашингтоне, Токио (с передачей в Пекин), Стокгольме с просьбой: «Несмотря на совершившиеся события <...> продолжать работу на прежних основаниях»¹⁴³. И в дальнейшем он настаивал на том, что, «пока есть возможность работать, необходимо не пренебрегать никакими средствами»¹⁴⁴. Возможность

¹⁴¹ Михайловский Г.Н. Записки... Кн.2. С.620.

¹⁴² ГАРФ. Ф. 6851. Оп.1. Д.57. Л.143.

¹⁴³ Там же. Л.39.

¹⁴⁴ Там же. Ф.6094. Оп.1. Д.40. Л.11.

сохранения дипкорпуса и дипломатического статуса его представительств в странах он связывал с надеждой на то, что мир в ближайшем будущем не признает Советскую Россию. Допустить, что «систему» удастся сохранить и после такого признания, тогда не мог никто.

В выработке общей платформы дальнейшего существования «заграничного представительства» Гирс стремился опереться на опыт, приобретенный во время Гражданской войны. В январе 1921 он писал:

В историческом развитии антибольшевистского движения роль эта (дипломатического ведомства. – *Е.М.*) сводилась к простой формуле: быть представителями последнего русского законного признанного державами правительства, помогая всемерно тем лицам, группам лиц, союзам, обществам, государственным ячейкам и образованиям, которые вступали в борьбу с большевистскими захватчиками. Но это, однако, не означало, что, служа названным организациям, как, например, правительствам адмирала Колчака, генерала Деникина и барона Врангеля, мы тем самым отождествляли себя с ними, признавая себя их представителями и всецело связывая нашу участь с их судьбою. Наоборот, мы всегда оставались независимыми и искали оградить <так!> собственную самостоятельность и свободу суждения выбора и действий.¹⁴⁵

Задачи Заграничного корпуса в будущем, в представлении Гирса, распались на две главные составляющие – политическую и гуманитарную. В письме к Штрандтману в январе 1921 года он сформулировал их следующим образом: «Покуда у нас имеется хоть малейшая к тому возможность, наш долг – оставаться на местах и продолжать по мере сил бороться с Советами политически <...> далее, мы не можем бросить на произвол судьбы ни наших соотечественников, проживающих за границей, ни десятков тысяч обездоленных беженцев»¹⁴⁶. В связи с этим он особо настаивал на сохранении статуса именно дипломатических, а не консульских представительств, потому что «был глубоко убежден, что консульская деятельность будет очень скоро совершенно парализована, если не будет иметь поддержки в дипломатических сношениях»¹⁴⁷. Политическим кредо дипкорпуса стала, таким образом, его независимость и «надпартийность», готовность предоставить помощь и поддержку всем оказавшимся в изгнании русским людям – без различия их политических симпатий¹⁴⁸.

¹⁴⁵ «Чему свидетели мы были...». Кн.2. С.404.

¹⁴⁶ Там же. С.403-404.

¹⁴⁷ ГАРФ. Ф.6094. Оп.1. Д.40. Л.10об.

¹⁴⁸ См.: «Чему свидетели мы были...» Кн.2. С.404.

Будущее дипкорпуса Гирс видел в сохранении его представительств на местах и их «согласования и организации», т. е. системы и ее координирующего центра, так как только это, в отсутствие центральной правительственной власти, могло придать системе в целом некоторый вид легальности и обеспечить эффективную работу. Причем он особо подчеркивал, что руководство дипломатической структуры не будет претендовать на политическую власть, все попытки создать которую, как отмечалось выше, оказывались неудачными¹⁴⁹.

На пути сохранения русского дипломатического представительства стояли многие проблемы. Среди них главными были отсутствие для этого юридических оснований, крайняя скудость оставшихся за границей средств, необходимость сохранить кадры, убедить сотрудников представительств не покидать свои места.

Гирс целиком отдавал себе отчет в том, что «дальнейшее существование нашего Заграничного Представительства <...> находится в полной зависимости от тех средств, которые возможно было бы получить для этой цели»¹⁵⁰. Поэтому сразу после получения известия об эвакуации Крыма Гирс проводит ряд необходимых мероприятий.

Заведующий финансами и казначейской частью его канцелярии – Л.Х.Ревелиоти получает распоряжение подготовить все необходимые расчеты для выяснения вопроса о возможности продолжения финансирования ведомства в урезанном варианте. Для рассмотрения этого вопроса в первых числах декабря 1920 ожидался приезд К.Е.Замена в Париж¹⁵¹. Параллельно разрабатываются практические меры по сокращению расходов: проводится новое значительное сокращение как личного состава, так и кредитов, отпускаемых на служебные расходы представительств¹⁵², т. е. урезается жалованье остающихся на службе¹⁵³. Теперь это в полной мере затронуло и «центральные» учреждения. «Ныне, – пишет М.Н.Гирс в январе 1921, – аппарат этот состоит из двух технических советников <...> и канцелярии из трех лиц»¹⁵⁴.

Одновременно, стремясь сохранить репрезентативность системы в целом и наиболее ценные ее кадры, он ведет активную переписку с теми из дипломатов, кого знал как сильных профессионалов, кого уважал за деловые качества. С его точки зрения, уход этих людей (среди них Гулькевич, Штрандтман и др.) нанес бы непоправимый урон общему делу. Он доказывает, убеждает, просит (давать распо-

¹⁴⁹ Там же. С.406.

¹⁵⁰ ГАРФ.Ф.6851. Д.57. Л.34.

¹⁵¹ См.: Там же. Ф.5760. Оп.1. Д.3. Л.38, 38об.

¹⁵² Там же. Ф.6851. Д.57. Л.34-35.

¹⁵³ Там же. Ф.5760. Оп.1. Д.3. Л. 38об.

¹⁵⁴ «Чему свидетели мы были...». Кн.2. С.405.

ряжения он был уже не вправе): надо стараться сохранить представительство, надо оставаться на своем месте.

Дипломаты, к которым обратился Гирс, отнеслись к идее сохранения Корпуса после потери Белым движением последней пяди русской земли неоднозначно. Будучи профессионалами, государственниками и людьми, возвращенными ведомством, свято почитавшим закон, дипломаты встали перед непростой дилеммой, утратив последний форпост на Родине.

Начиная с октября 1917, представители России отчетливо ощущали зыбкость своего положения. «Удалось ли Вам получить какой-нибудь отклик из Парижа на наш вопрос о белых представительствах теперь в Европе, наряду с распространением красных комиссий?»¹⁵⁵ – беспокоился еще в начале 1920 Карташов, возглавлявший в то время Русский комитет в Финляндии.

Но если до конца 1920 существовали некоторые основания для пребывания представительств в странах, то после эвакуации Крыма они исчезли совсем. Сотрудникам Заграничного корпуса, привыкшим представлять великую державу и опираться на ее высокий престиж, было невероятно сложно превратиться в лишенных тыла просителей, сохраняющих свое учреждение без должных к тому юридических оснований.

Могла ли их толкать к тому личная корысть? Со всей определенностью можно сказать, что тех, от кого зависело, жить ли «системе» дальше, – нет. Главы представительств, люди, обладавшие хорошим образованием, знавшие языки, имевшие связи в политических, финансовых, промышленных элитах стран пребывания, безусловно, могли устроить свою судьбу.

Посланник России в Швеции Гулькевич, которого Гирс особо просил остаться на службе и сохранить представительство в форме посольства, после длительных колебаний предложил следующую комбинацию: не считая лично для себя возможным возглавлять представительство, которое никого не представляет, он готов был лишиться себя предложенной ему выгодной в материальном отношении должности в одном из европейских банков и «отбыть в отпуск», передав дела своему помощнику. Пока непонятно, почему это не состоялось. Посольство в Стокгольме стало одним из немногих, добровольно и в полном порядке закрытых по окончании Гражданской войны в России¹⁵⁶.

В целом же, как отмечал Гирс, «заграничные наши установления, рассеянные в Европе, Азии, Африке и Америке, в том числе некоторые, которым поневоле пришлось сократить до крайних пределов

¹⁵⁵ ГАРФ. Ф.6094. Оп.1. Д.72. Л.41.

¹⁵⁶ См.: Государственный архив Швеции. UD. 1902. Vol.995. №53.

денежное обеспечение, горячо отозвались на мой призыв продолжать сотрудничество...»¹⁵⁷. И продолжали работать еще долгие годы за скромное, все сокращавшееся жалованье даже тогда, когда вообще лишались содержания.

Завершив подготовительные работы, 8 февраля 1921 Гирс созвал в Париже Совещание послов, в котором приняли участие послы во Франции и в США, соответственно, Маклаков и Бахметев, приглашен был также неизменный министр финансов всех последних правительств России – Михаил Владимирович Бернацкий.

В итоговом документе, выработанном на этом совещании, признавалось, что «с падением Крыма прекратило свое существование последнее из фактических антибольшевистских Правительств на территории России, – а значит, – действовавшие до последнего времени за границей представительства <...> означенных правительств естественно лишились своих функций»¹⁵⁸. Однако участники совещания приняли во внимание, что в случае роспуска Заграничного корпуса русская эмиграция, принявшая массовый характер, по существу, окажется беззащитна. Правда, в это время среди беженцев стали во множестве создаваться общественные организации, но систематическое оказание помощи соотечественникам в таком масштабе ни одной из них было не под силу – не было ни опыта, ни связей, ни разветвленных структур...

Заграничное представительство в начале 1920-х обладало бесспорными преимуществами перед любыми эмигрантскими новобразованиями:

1) Оно сохраняло достаточно широкую репрезентативность. На тот момент оно располагало: посольствами в Париже, Лондоне, Вашингтоне, Токио и Риме; миссиями в Тегеране, Пекине, Стокгольме, Бухаресте, Белграде, Афинах, Берлине, Брюсселе и при Ватикане; поверенные в делах России работали в Мадриде, Гааге, Каире, Праге, Христиании, Копенгагене; статус временных представительств имели учреждения в Турции, Берлине, Данциге, Софии и Варшаве, не считая консульств¹⁵⁹;

2) Дипкорпус за годы революционного лихолетья не растерял кадры – опытные, хорошо знающие страны пребывания, имеющие связи в правительственных кругах и пользующиеся уважением;

3) Сохранены были структура и высокая, присущая внешнеполитическому ведомству Российской империи исполнительская дисциплина.

Учитывая все это, послы пришли к выводу, что «до тех пор, пока державы отказываются признавать большевиков, – единственным

¹⁵⁷ «Чему свидетели мы были...» Кн.2. С.405.

¹⁵⁸ Там же. С.406.

¹⁵⁹ См.: ГАРФ. Ф. 5942. Оп.4. Д.25. Л.1-4.

органом, имеющим характер постоянности, законной преемственности и сравнительной независимости от хода событий, является Русское Дипломатическое Представительство за границей»¹⁶⁰. В качестве его координирующего центра был создан Совет послов, куда вошли главы представительств. Возглавил его Гирс.

Признав в качестве первоочередной и наиболее важной задачу спасения беженцев и понимая, что решение этой задачи в значительной степени будет зависеть от тех денежных средств, которые удастся направить на ее разрешение, Совет послов взял под свой контроль остатки русских государственных средств, сохранившиеся за границей. Для правильного, целенаправленного использования этих денег при Совете послов был создан Финансовый совет.

Общность направления деятельности этих двух организаций достигалась тем, что руководство последним принял на себя Гирс, а в состав вошли председатель Земско-городского комитета князь Г.Е.Львов, М.В.Бернацкий и В.А.Маклаков. Российские послы в Америке и Японии, а также дипломатический представитель в Великобритании во время их визитов во Францию также считались членами Совета¹⁶¹.

Тогда же при Совете послов было создано и Совецание для обсуждения вопросов о правовом положении русских граждан за границей. Работа ему нашлась скоро. 14 марта 1921 было подписано англо-советское торговое соглашение. Так как подписание юридического акта с государством означает его признание «де факто», возникли опасения о возможности прекращения деятельности «старых» представительств вообще и в Лондоне в частности. Совецание, рассмотрев все возможные юридические последствия этого акта, пришло к выводу, что «нынешнее положение проживающих за границей и не признающих советской власти русских граждан заключенным соглашением не изменено и что поэтому российским представителям надлежит по-прежнему выполнять принадлежащие им по закону функции в прежней полноте и в деле сношений этих русских граждан с Англией»¹⁶².

Приняв решение о сохранении структуры заграничного представительства и профинансировав свои учреждения, Совет послов делал все от него зависящее, чтобы придать продолжению их деятельности некий вид легальности. Циркуляр Гирса с протоколом Совецания от 8 февраля явился основой для сообщений о его решениях, сделанных послами правительствам, что стало своего ро-

¹⁶⁰ «Чему свидетели мы были...». Кн.2. С.407.

¹⁶¹ Там же. Кн.2. С.408.

¹⁶² ГАРФ. Ф.5680. Оп.1. Д.22. Л.1.

да аккредитацией и сделало возможной их дальнейшую деятельность¹⁶³.

21 июня 1921 Гирс обратился с промеморией, разъясняющей состояние антибольшевистского представительства, к доктору Нансену. В ней, в частности, он писал: «За некоторым исключением большая часть держав сохранила при себе русские посольства, миссии и консульства в том виде, в каком они существовали при последнем законном официально признанном международным сообществом русском правительстве»¹⁶⁴. Многие представительства, подчеркивал Гирс, сохранили свои позиции в дипломатических листах. К памятной записке был приложен список дипломатических и консульских учреждений в 24 странах¹⁶⁵.

Столь необычная снисходительность держав объясняется, на наш взгляд, следующими причинами: во-первых, она была отражением недоброжелательности по отношению к Советской России, в связи с чем правительства предпочли в очередной раз закрыть глаза на незаконность присутствия на их территориях претендующих на дипломатический статус представительств уже канувшего в Лету государства; во-вторых, официальные власти решительно не знали, что делать с резко возросшим числом русских на своей территории. С этим было связано воссоздание в 1919 миссии в Швейцарии, этим же, по-видимому, объясняется лояльность французских властей к сохранению российского консульства в Танжере (Марокко) в начале 1920¹⁶⁶.

После «полосы признаний» бывшие императорские учреждения должны были приспособливаться, менять свое лицо. Преобразование это даже в Европе проходило в разные сроки и разными путями; степень сохранения учреждениями своих привилегий зависела исключительно от степени расположенности в их пользу правительства той или другой страны.

Раньше всех и наиболее дальновидно эту проблему решили англичане, создав следующую формулу в отношении находившегося в Лондоне Е.В.Саблина: Representative of the late Provisional Government (Представительство последнего Временного правительства)¹⁶⁷.

Весной 1924, в связи с решением королевского правительства допустить на территорию Югославии советское торговое представительство, остро встал вопрос о дальнейшей судьбе российской миссии под руководством Штрандтмана. В результате доброжелательного отношения белградского правительства посланнику удалось без

¹⁶³ Там же. Ф.5760. Оп.1. Д.7. Л.9-10об.

¹⁶⁴ Там же. Д.5. Л.14.

¹⁶⁵ Там же. Л.26-29.

¹⁶⁶ Там же. Ф.6851. Оп.1. Д.57. Л.13-16.

¹⁶⁷ «Чему свидетели мы были...». Кн.2. С.404.

ущерба для сути дела решить эту проблему лишь изменением названия. Учреждение, которым он руководил, стало отныне называться «Делегацией, ведающей интересами русских беженцев в Королевстве СХС». Подведомственные миссии российские консульства в Белграде и Загребе были переименованы. Первое, соответственно, – в отдел Делегации, второе – в «Представительство Русского Делегата в Загребе». Военная и Морская миссии, прекратившие свою деятельность еще в 1922, также вошли в состав Делегации на правах отделов. Перемена официального наименования учреждения не изменила его функций. Королевское правительство признало Делегацию полноправным защитником интересов русских беженцев, оказавшихся на его территории. Более того, Декретом МИДа королевства от 12 апреля 1924 белградское правительство предоставило Делегации право выдавать всякого рода удостоверения и документы. Делегат и его помощник были внесены в список членов дипломатического корпуса¹⁶⁸.

Получение официального статуса представительствами во Франции было сложным, затянувшимся процессом. Возглавлявший парижское посольство Маклаков основной упор делал на признание консульств как органов, особо необходимых эмигрантам. В мае 1925 консульства были переименованы в офисы; Министерство иностранных дел разослало циркуляр, определявший их функции. Статус посольства оставался неясным. Лишь в 1930 были официально опубликованы «arrangement et accord» с докладом министра иностранных дел, «Journal officiel» сообщил о функции этих учреждений. Тогда же Маклаков, уже как председатель Центрального офиса, получил официальное письмо МИДа, которое возвратило ему формальное руководство над бывшими консульствами, включая право назначать и смещать их директоров¹⁶⁹.

До 1934 в дипломатическом списке Бухареста в качестве российского посланника числился С.А.Поклевский-Козелл. После признания СССР Румынией создать в этой стране особую организацию по защите интересов русских беженцев, подобную имевшейся в Югославии, оказалось невозможно. Сознавая свою ответственность, посланник принял решение остаться в стране «безвозмездным представителем оффиса Нансена и просил лишь ЛН (Лигу Наций. – *Е.М.*) об отпуске небольшого кредита на наем помещения и канцелярию...»¹⁷⁰.

Сложное и неопределенное положение занимали также действовавшие до конца 1930-х представительства в Чехословакии и Герма-

¹⁶⁸ ГАРФ. Ф.5942. Оп.4. Д.108. Л.1.

¹⁶⁹ «Чему свидетели мы были...». Кн.2. С.95-96.

¹⁷⁰ «Чему свидетели мы были...». Кн.1. С.131, 166.

нии. Работавший в Берлине С.Д.Боткин в 1934 называл себя «неофициальным дипломатом». Миссия В.Т.Рафальского в Праге признавалась чешским правительством *de facto*, но не *de jure*.

Вообще же положение представительства, а также его действенность в той или иной стране зависели от очень многих факторов:

- 1) прежде всего, естественно, от количества русских беженцев;
- 2) от характера исторических связей конкретной страны с Российской империей и политического строя страны пребывания. Так, монархическая, исторически глубоко связанная с императорской Россией Югославия создала условия для успешной деятельности старой миссии на своей территории. Молодые же демократии, такие, например, как чехословацкая, недоверчиво относились к царским дипломатам и, имея в стране большую русскую колонию, предпочитали признавать в качестве ее организующего центра представительство Земгора, но не Совета послов. Это желание соответствовало, впрочем, и настроениям основной массы самих эмигрантов, осевших в этой стране, – они придерживались, главным образом, либерально-демократических взглядов;
- 3) от доминирующего политического настроения среди эмигрантов;
- 4) в очень значительной степени – от личности возглавлявшего представительство дипломата, его профессионализма, неутомимости, верности идее.

Центральным учреждением для всех представительств на протяжении 1920-х – начала 1930-х оставался Совет послов, возглавлявшийся М.Н.Гирсом. Дипломаты, добровольно взявшие на себя труд сохранения представительства и осуществления его функций, продолжали деловую переписку, соблюдая присущую ведомству субординацию. Однако в 1932 Гирс скончался, и руководство Советом послов перешло к Маклакову. Последний имел собственные взгляды на судьбу этого органа. Учитывая все политические обстоятельства, он, по его собственному выражению, постарался лишить Совет послов «всякого официального значения». В связи с этим во второй половине 1930-х парижский «Office central» стал рассматриваться как координирующий центр представительств Зарубежья, которым Маклаков советовал «устроиться на самостоятельных началах, имея свои полномочия от своих правительств, а не от нас и не от Женевы (имеется в виду Лига Наций. – Е.М.)»¹⁷¹. Спор между двумя силами внутри дипломатической системы волею судьбы закончился не в пользу профессионалов.

* * *

Итак, опираясь на традиционное для ведомства служение идее русской государственности и присущее его сотрудникам чувство

¹⁷¹ Там же. Кн.2. С.96.

долга, русская дипломатия сумела в ситуации двух революций и Гражданской войны сохранить себя как эффективный институт, а позже и создать систему, позволившую с честью выполнить свою миссию по оказанию помощи и защиты очутившимся в изгнании русским людям. В самый сложный период своего существования рассеянная по разным странам русская диаспора имела возможность воспользоваться помощью, предоставляемой представителями на местах (выдача документов, визовая поддержка, первичное расселение, поиск рабочих мест, организация жизни беженцев и их представительство перед правительствами), а также опереться на немалый потенциал созданной дипломатами структуры, пользовавшейся уважением на международном уровне. Таким образом удалось привлечь внимание общественности разных стран к проблемам русских беженцев и вынести эти проблемы на рассмотрение Лиги Наций.

Совет послов аккумулировал средства, еще оставшиеся на русских счетах за границей, сохранил их и направил на решение жизненных проблем беженцев. Он взял на себя значительную часть вопросов расселения апатридов из мест первичной концентрации, поддержку их в первое время на новых местах.

Сохранил Совет послов и определенные политические функции. Чрезвычайно беспокоил дипломатов вопрос признания Советской России, процесс, который они всеми доступными мерами старались тормозить. Обладая в течение длительного времени скорее моральным авторитетом, чем административной властью над бывшими соотечественниками, они вырабатывали свое отношение к различным политическим проблемам, к изменяющейся ситуации в СССР, в определенной степени сдерживая экстремистские силы, наличествующие в эмиграции, и предоставляя желающим возможность знать их концепцию и следовать ей.

Многие из представительств под разными вывесками просуществовали до начала Второй мировой войны. На два десятилетия дипломатическое ведомство Российской империи пережило государство, создавшее ее. Его сотрудники продемонстрировали миру удивительное, вызывающее уважение чувство долга и тот созидательный потенциал, который был заложен в них еще в императорском Министерстве иностранных дел.

Олег Будницкий
**ГЕНЕРАЛЫ И ДЕНЬГИ,
ИЛИ «ВРАНГЕЛЕВСКОЕ СЕРЕБРО»¹**

История «колчаковского золота», о котором шла речь в наших предыдущих статьях², неоднократно привлекала внимание историков и журналистов и находилась как бы «на слуху» у просвещенного читателя, интересующегося историей Гражданской войны и эмиграции. Менее известна история «врангелевского серебра», наделавшая в свое время немало шума и ставшая объектом пристального внимания эмигрантской печати в начале 1920-х. Речь идет о продаже значительной части Петроградской ссудной казны (известной также как серебряная казна). Реальные обстоятельства этой весьма занимательной истории оставались до сих пор мало известны исследователям по той же причине, что и подлинная история «колчаковского золота»: эти важнейшие документы находятся в фонде генерала П.Н.Врангеля в архиве Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфордский университет, Калифорния) и были практически недоступны российским историкам. По-видимому, они не привлекали внимания и других исследователей, имевших больше возможностей свободного передвижения по миру. Настоящая статья – попытка написать еще одну главу истории «денег русской эмиграции».

Ссудные казны были учреждены в 1772 в Санкт-Петербурге и Москве по инициативе Ивана Ивановича Бецкого с целью «оказания

¹ Статья написана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект №03-01-00076а.

² См.: Будницкий О.В. 1) *Дипломаты и деньги*. 1. «Колчаковское золото» // *Диаспора: Новые материалы*. Т.4. Париж; СПб., 2002. С.457-508; 2) *Дипломаты и деньги*. 2. Национальный фонд // Там же. Т.5. Париж; СПб., 2003. С.283-332.

помощи всем нужду в деньгах имеющим и в той самой нужде ростовщиками утесняемым»³. Заметим, что Бецкой, видный деятель екатерининского времени, был радетелем просвещения, автором «Генерального учреждения о воспитании обоего пола юношества» (1763). По его инициативе были открыты Воспитательные дома в Москве, Санкт-Петербурге и других городах империи, училище для мальчиков из разных сословий при Академии художеств (президентом которой он состоял более тридцати лет – с 1763 по 1794), Коммерческое училище в Москве и первое в России образовательно-воспитательное учреждение для женщин – знаменитый Институт благородных девиц с отделением для девочек из мещан при Смольном монастыре.

Не случайно поначалу ссудные казны действовали при воспитательных домах, «не для обогащения воспитательного дома, но человеколюбия ради, к пооществованию терпящим нужду»⁴. Смысл образования финансовых учреждений подобного типа, выдающих сравнительно небольшие ссуды под низкий процент, заключался в создании дешевого кредита (после различных экспериментов «интерес» был установлен в 6% годовых, что было в 3–4 раза ниже процентов, взимаемых частными ломбардами) для бедных.

В связи с реформой государственных кредитных учреждений в 1860 ссудные казны были переданы из ведомства Опекунского совета в ведение Министерства финансов. Оборотные средства ссудным казнам предоставлял Государственный Банк под 4% годовых, ссудные казны, в свою очередь, взимали 6%. С 1840 казны прекратили принимать в заклад платье, белье, ткани и «мягкую рухлядь», полностью перейдя на изделия из драгоценных и полудрагоценных металлов и другие «твердые» ценности. Согласно правилам от 5 декабря 1862, ссудные казны могли принимать в заклад золотые и серебряные вещи, часы, бриллианты, драгоценные камни, жемчуг, золото и серебро установленной пробы в слитках. Ссуды выдавались на срок до года в размере $\frac{4}{5}$ оценки залога из золота или серебра и $\frac{2}{3}$ – под прочие заклады. Просроченные заклады продавались с аукциона. К услугам Ссудной казны обращались отнюдь не только небогатые слои населения. Дешевый кредит был весьма привлекателен, и его стремились получить многие. Кроме залогов в Ссудной казне хранились также ценные вещи частных лиц (вклады).

Путешествия Петроградской ссудной казны начались в революционном 1917 году. В августе 1917 Временное правительство ввиду угрозы захвата северной столицы немецкими войсками, а также с

³ Энциклопедический словарь: Изд. Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. СПб., 1900. Т.31. Стлб.365-368: Ссудные казны.

⁴ Там же.

целью «разгрузки» города, испытывавшего затруднения с подвозом продовольствия, распорядилось вывезти Ссудную казну из Петрограда. Особым распоряжением Временного правительства от 29 августа 1917 операции Ссудной казны были приостановлены в связи с подготовкой к эвакуации. В сентябре в Москву в два этапа были вывезены все золотые и бриллиантовые заклады, размещенные в кладовых Московской ссудной казны; туда же были вывезены наиболее дорогие и негромоздкие вклады на хранение⁵.

После тщательных поисков подходящим местом для хранения приблизительно тысячи ящиков, содержавших серебряные заклады общей численностью 31.328 единиц, а также наиболее громоздких вкладов было признано здание Городского Общественного банка в г. Ейске Кубанской области. 15 октября 1917 из Петрограда вышел первый эшелон, содержавший 700 ящиков серебряных вкладов (около 23 тысяч единиц) и 580 ящиков вкладов. Начальником эшелона был директор Петроградской ссудной казны И.В.Сахаров. В Ейск предполагалось перевести и все управление казной, а также ее контроль и бухгалтерию. Последующие события не позволили сделать это в полном объеме. Оставшиеся в Петрограде примерно 10 тысяч вкладов и некоторые вклады в феврале–марте 1918 были эвакуированы в Екатеринбург, а в августе, ввиду наступления войск антибольшевистского Сибирского правительства, вывезены обратно в Петроград.

До июля 1918 Ссудная казна вполне мирно существовала в условиях советской власти, и лишь перед своим уходом из города большевики дважды пытались вывезти казну из Ейска или даже разделить ее между солдатами. По утверждению Сахарова, вследствие его личных объяснений с властями и «протестов со стороны других служащих, попытки эти были оставлены и ценности сохранены в целостности»⁶. Большевиков сменили казаки; по настоянию представителей Краевого Кубанского правительства ввиду угрозы захвата города немецкими войсками, уже занимавшими Таганрог и некоторые другие пункты побережья Азовского моря, во второй половине августа казна была перевезена в Екатеринодар и размещена в амбарах мельницы И.Дицмана на Екатерининской улице. Вскоре выяснилось, что заботы Кубанского правительства о Ссудной казне были отнюдь не бескорыстными и что оно рассчитывало за ее счет пополнить свой бюджет. Тем не менее этого не случилось, по-видимому, в свя-

⁵ Записка И.В.Сахарова. 14 августа 1922, Котоп. – Hoover Institution Archives. Stanford University (Stanford, California). Vrangell Collection. Box 158. File 58 (далее – Vrangell; первая цифра обозначает номер коробки, вторая – папки или альбома). Л.235-235об. При подготовке передачи архива Врангеля в Гуверовский институт секретарем покойного генерала Н.М.Котляревским большинство документов было наклеено на страницы огромных «амбарных» книг.

⁶ Там же.

зи с усилением позиций в Кубанской области Добровольческой армии. Служащие Ссудной казны жили своей жизнью, получая необходимые средства от Кубанского правительства, и даже, «ввиду наступившего спокойного времени и участвовавших заявлений клиентов»⁷, приступили к выдаче ценностей владельцам. В Екатеринодарский период было возвращено 293 заклада и 10 вкладов.

Однако в декабре 1919 вновь пошли слухи о намерении Кубанского правительства прибрать ценности Ссудной казны к рукам. В начале января 1920 Сахаров обратился в Управление финансов при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России с просьбой о содействии в вывозе казны в более безопасное место. В Екатеринодар был командирован от Управления финансов А.М.Гензель, которому были даны полномочия на перевозку казны в Новороссийск, а затем в Крым. По счастью, мельница находилась недалеко от железнодорожных путей, так что ящики были тайно погружены на специальный поезд, а 24 января 1920 ценный груз находился уже в Новороссийске. Операция была предпринята более чем своевременно. Вскоре Сахаров получил от служащего казны, оставшегося в Екатеринодаре, копию протокола заседания Кубанского правительства, на котором было решено продать или заложить за границей ценности Ссудной казны, а вырученные средства обратить на нужды фронта. Так была предпринята (пока только теоретически) первая попытка продажи ценностей Ссудной казны за границу; неясно, правда, как это бы удалось сделать Кубанскому правительству практически.

Около месяца простоял «серебряный эшелон» на станционных путях. Наконец 18 февраля 1920 удалось погрузить ценности на пароход «Дооб». Работы производились в спешке, днем и ночью; на погрузке работала артель рабочих из Отдела морских перевозок. При погрузке была обнаружена попытка хищения из одного из ящиков, о чем был составлен акт; возможно, по признанию Сахарова, что какие-то мелкие вещи и даже целые заклады могли выпасть или быть похищены в обстановке спешки и темного зимнего времени. Удивляться этому не приходится, скорее удивительно другое: как удалось вывезти Ссудную казну и обойтись при этом без сколько-нибудь значительных потерь в условиях новороссийской катастрофы деникинской армии.

В Керчи выгрузке ценностей воспротивился начальник гарнизона – ввиду беспокойной обстановки в городе. Ящики перегрузили на стоявший в порту транспорт, затем, по неизвестным нам причинам, на другой. 15 марта транспорт с Ссудной казной прибыл в Феодосию. Наконец 9 мая в Феодосию из Севастополя пришел пароход «Самара», на котором ценности Ссудной казны должны были быть вывезены.

⁷ Там же.

зены на хранение в дружественную Сербию. 13 мая пароход вышел из Феодосии в Котор, сделал по пути остановки в Константинополе, Коринфе, Корфу и Дубровнике и ровно через месяц, 13(26) июня 1920, прибыл в Котор (Каттаро). Выгрузка продолжалась два с половиной дня⁸. По данным ответственного служащего Ссудной казны А.Ф.Шелеста, в ее состав входили:

1) 580 ящиков складами, среди которых находились несколько ящиков с драгоценностями Русского музея императора Александра III, стоимость которых, по оценке Шелеста, была «во всяком случае не менее миллиона фунтов стерлингов»⁹.

2) 700 ящиков с 22.300 закладами, под которые в свое время были выданы ссуды на сумму 1.660.000 рублей золотом.

Кроме того, на складах казны хранились ценности учреждений Государственного Банка и казначейств – 275 ящиков с ценностями частных лиц (вклады, судебные депозиты, залоги и т. д.), эвакуированные в Каттаро одновременно с Ссудной казной.

В конце декабря, после эвакуации армии Врангеля из Крыма, в Каттаро привезено было еще 63 ящика из Севастопольского отделения Государственного Банка. Об этом позднее Шелест писал:

По спискам ценностей учреждений Государственного Банка значилось 55 громоздких ящиков с золотыми и серебряными изделиями художественной работы всех эпох, числившимися за Всеукраинским Комитетом Охраны памятников искусства (сокращенно: «Вукопис»). Этот комитет был большевистским, но устроен был в Киеве не большевиками, а лицами, хотевшими спасти это художественное имущество от большевистского разграбления. На счет этого комитета, организованного в Киеве после падения петлюровской Директории, были перечислены все художественные изделия из благородных металлов, как из вкладов киевской конторы Гос<ударственного> Банка, так и из сейфов частных банков г. Киева. Наконец, на имя этого комитета и добровольно сдавались ценности, лишь бы спасти их от разграбления. Ценности по названному комитету хранились в киевской конторе, а затем после занятия Киева Добровольческой Армией, были вывезены в Новороссийск, откуда вместе с ценностями Сс<удной> Казны попали в Каттаро в первую эвакуацию.¹⁰

⁸ См.: Записка И.В.Сахарова. – Vrangeli. 158-8. Л.235об.- 237об.

⁹ Историк русской эмиграции в Югославии Иван Качаки сообщает, что «между ящиками вкладов находились четыре ящика (500 кг) коллекции старинных русских медалей, принадлежавших Русскому музею императора Александра III, и частная нумизматическая коллекция великого князя Георгия Михайловича огромной ценности» (*Качаки И.* Письмо в редакцию // *Русская мысль* (Париж). 2001. №43605, 5 апреля).

¹⁰ *Шелест А.Ф.* Операции с Ссудной казной // *Последние новости* (Париж). 1923. 18 мая.

На складах Ссудной казны в Каттаро оказались ценности учреждений Государственного Банка и казначейств, а именно: 1) Киевской, Харьковской и Одесской контор Госбанка; 2) отделений – Винницкого, Елисаветградского, Житомирского, Калишского, Либавского, Мариупольского, Мелитопольского, Петроковского, Ромненского, Севастопольского, Симферопольского, Херсонского, Царицынского, Черниговского, Евпаторийского; 3) ценности казначейств – Вейсенштейнского, Генического, Днепровского, Евпаторийского, Екатеринославского, Кобелянского, Мариупольского, Мелитопольского, Новомосковского, Перекопского, Ставропольского, а также ценности всех казначейств, бывших подотчетными киевской конторе, черниговскому и либавскому отделениям Госбанка; 4) ценности самостоятельных сберегательных касс – Екатеринославской и Одесской.

Ценности учреждений Банка и казначейств разделялись на:

1. Собственность Государственного Банка:

- а) около 7.000 килограммов российской серебряной монеты;
- б) около 1.500 килограммов российской медной монеты;
- в) приблизительно на 8 миллионов рублей различных ценных бумаг;
- г) приблизительно на 2.000 миллионов рублей различных денежных документов, векселей и т. п.
- д) денежные знаки правительств А.В.Колчака, А.И.Деникина, П.Н.Врангеля, П.П.Скоропадского, С.В.Петлюры, большевиков и др.
- е) различные купоны, бланки, переписка и т. п.

2. Собственность частных лиц:

- а) более 100 ящиков, включая и «Вукопис», с вкладами и депозитами, состоявшими из драгоценных, золотых и серебряных вещей;
- б) свыше 100 миллионов рублей номинальных ценными бумагами, числившимися во вкладах и депозитах на имя приблизительно 60 тысяч частных лиц;
- в) иностранная валюта, коллекция золотых и серебряных монет, также числившиеся во вкладах и депозитах;
- г) документы, духовные завещания и т. д., и т. п., сданные в свое время на хранение перечисленным выше учреждениям.¹¹

Понятно, что стоимость значительной (если не большей) части бумаг, включая денежные знаки почивших в бозе правительств, оказавшихся на складах Ссудной казны, не превышала цены макулатуры. Заметим все же, что кроме вполне реальных ценностей – серебряной монеты и т. п., некоторые бумаги (акции, например) – также чего-то стоили и котировались на некоторых международных фондовых биржах, хотя и по цене существенно ниже номинала.

¹¹ Там же.

Внутренняя организация Ссудной казны выглядела следующим образом: заведующим был назначенный еще правительством Деникина в Екатеринодаре уполномоченный Министерства финансов А.М.Гензель, ценностями собственно Ссудной казны (вкладами икладами) заведовал директор казны И.В.Сахаров, ценностями учреждений Государственного Банка и казначейства – А.Ф.Шелест. Ссудная казна подчинялась представителю финансовой части Русской армии в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС, впоследствии – Югославия) барону А.Е.Тизенгаузену, имевшему резиденцию в Белграде и осуществлявшему надзор за ее операциями. Тизенгаузен, в свою очередь, подчинялся Финансовой части, находившейся в Константинополе и возглавлявшейся Е.М.Балабановым¹².

Понятно, что, испытывая острую нужду в деньгах, врангелевские финансисты не могли не обратиться к сокровищам, счастливо оказавшимся в их распоряжении. Первым объектом, на который они «положили глаз», была серебряная монета, являвшаяся собственностью различных учреждений Государственного Банка. Поскольку Врангель рассматривал себя не только в качестве носителя идеи российской государственности, но и легитимным преемником верховной власти Колчака и Деникина, следовательно, и распоряжаться государственными ценностями, с точки зрения Главнокомандующего и его окружения, он имел полное право.

Однако продать серебряную монету было не так-то просто. Во-первых, надо было заручиться разрешением сербского правительства на продажу и на вывоз серебра, во-вторых, найти покупателя, который рискнул бы иметь дело с достаточно сомнительным с юридической точки зрения продавцом.

Поначалу серебро было предложено сербскому Министерству финансов; однако министр финансов в устной форме заявил, что ни министерство, ни Народный банк в приобретении серебра не заинтересованы. Тогда финансовый представитель Врангеля в Королевстве СХС А.Е.Тизенгаузен обратился с официальным письмом на имя Генерального инспектора Минфина с просьбой о разрешении на беспрепятственный и беспошлинный вывоз серебра за границу, подчеркивая, что «указанное выше серебро предназначается к продаже для увеличения ресурсов на содержание беженских организаций в пределах Королевства СХС и было в первую очередь предложено Королевскому Министерству финансов»¹³. Необходимое согласие было получено.

¹² См.: Там же.

¹³ А.Е.Тизенгаузен – Генеральному инспектору Министерства финансов Королевства СХС, 31 марта 1921. – Vrangel. 154-57. Л.24-24об.

Заметим, что средства предполагалось использовать прежде всего на содержание армии, а не «беженских организаций». Однако писать об этом открыто означало нарушать политические приличия.

Переговоры о продаже серебряной монеты велись с Русско-Славянским банком, единственным русским банком в Югославии. Директором и, по-видимому, хозяином банка был В.А.Лебедев, бывший начальник Управления торговли Особого Совецания при генерале Деникине. Русско-Славянский банк изъявил готовность «поместить» 6.000 килограммов серебра в русских монетах по цене 28 пенсов за унцию стандартного серебра «на британском рынке». Банк получил бы 2% от вырученной суммы, платеж должен был быть произведен в фунтах стерлингов в Лондоне или в динарах в Белграде. Банк авансировал расходы по отправке серебра в Лондон и брал на себя все хлопоты по этой операции, Управление финансов затем должно было оплатить расходы банка. «Мы примем все меры, – говорилось в письме Лебедева Тизенгаузену, – чтобы треть стоимости была уплачена против пароходных документов»¹⁴.

По-видимому, предложенные условия не устроили врангелевских финансистов. Было очевидно, что Лебедев хочет получить серебро в кредит, а деньги нужны были как можно скорее. Однако переговоры с Адриатическим банком в Белграде также завершились неудачей. По сведениям Тизенгаузена, причиной внезапного отказа Адриатического банка от покупки серебра были интриги Лебедева, убедившего сербов не вмешиваться в сделку.

Пришлось возобновить переговоры с Русско-Славянским банком. Теперь Лебедев предлагал 22 пенса за унцию при выплате половины суммы наличными, а окончательный расчет – через два с половиной месяца. Тизенгаузен выторговал цену в 24,5 пенса за унцию, и к 14 мая 1921 был составлен проект договора. Проблема заключалась в том, чтобы обеспечить надежную гарантию и форму получения второй половины платежа. Предлагавшиеся Лебедевым срочные заграничные чеки, как выяснилось, не котировались на белградской бирже. Сошлись в конце концов на том, что средством платежа второй половины суммы послужит акцептованная¹⁵ одним из английских банков тратта¹⁶.

Отметим, что переговоры велись весьма интенсивно; когда, казалось, были выработаны взаимоприемлемые условия по всем пунктам

¹⁴ Русско-Славянский банк – А.Е.Тизенгаузену, 2 апреля 1921. – Там же. Л.25.

¹⁵ Акцепт – надпись банка на чеке или векселе, выражающая его согласие на их оплату.

¹⁶ Тратта, или переводной вексель – письменный приказ одного лица (кредитора) другому (заемщику) об уплате определенной суммы третьему лицу или предъявителю.

сделки, 17 мая банк внезапно вместо внесения первой половины платежа наличными предложил следующую комбинацию:

По подписании договора покупатель открывает в Английском банке в Белграде (Trade Corporation) аккредитив на сумму около 6.000 фунтов стерл<ингов>. По приемке товара и по погрузке его на пароход, продавец получает коносамент на ордер, каковой коносамент представляется в Английский банк, где получает наличными фунтами или чеками на Лондон сумму по расчету 1 ф<унт> ст<ерлингов> за каждый килограмм серебряной монеты, а остальную причитающуюся сумму, согласно Вашего проекта, в виде акцептованной тратты.¹⁷

Тизенгаузен при участии советника миссии Пелехина и сенатора Д.И.Никифорова отредактировал договор заново и в тот же день отправил его в банк в сопровождении ультиматума: в течение 36 часов или принять договор в единственно приемлемой для продавцов редакции, или отказаться от сделки.

Лебедев ответил, по словам врангелевских финансистов, «совершенно неприличным» как по тону, так и по содержанию письмом. Он писал Тизенгаузену и Ломейеру следующее:

Несмотря на согласие в цене и других деталях оплаты, между нами существует основное различие во взглядах. Вы считаете себя представителями Российской Казны и составили проект договора от имени Управления Финансов. Между тем, в действительности Российской Казны, *могущей отвечать перед контрагентом всем достоянием Государства*, и самого Управления Финансов *в прежнем виде не существует* (подчеркнуто кем-то из получателей письма. – О.Б.). Поэтому Сербское учреждение не может рассматривать этот договор как договор с Казной, а может рассматривать только как обычную торговую сделку между частными лицами. А так как Вы, как частные лица, не обладаете достаточными гарантиями для пополнения наших убытков в случае необходимости, а равно мы не можем нести риск, связанный с казенной продажей, то мы принуждены применить частные методы торговли.

Каким образом мы можем принять на себя, в том случае, если вся оплата будет произведена до погрузки, нижеследующий риск?

1. От возможной задержки в таможне, которая вновь может запросить Белград.
2. От Вашей болезни или смерти.
3. От грабежа или несчастных случаев.
4. От наложения ареста за долги.
5. От политических осложнений и пр.

¹⁷ Докладная записка (очевидно, А.Е.Тизенгаузена) на имя и. о. начальника Финансовой части от 25 мая 1921. – Vrang. 154-57. Л.57-59.

Все вышеуказанные причины могут задержать груз, в это время пароход может уйти, наша срочная сделка с Лондоном будет нарушена, и мы потерпим крупные убытки от потери в курсе серебра, курсе валюты и интереса на затраченный капитал.¹⁸

Открытие аккредитива «в постороннем солидном банке» Лебедев считал нормальным коммерческим обеспечением сделки¹⁹.

Причину «резкого и неожиданного изменения тона» Лебедева представителю Управления финансов объясняли тем, что он все время надеялся «купить серебро без денег, когда же нашим ультиматумом от 17-го мая он был поставлен в необходимость либо купить серебро и заплатить немедленно деньги, либо отказаться от сделки, он не нашел для себя более приличного выхода, как ответить нам указанным выше образом»²⁰.

Разрыв с Лебедевым поставил врангелевских финансистов в крайне тяжелое положение: возможность реализации серебра в Белграде «почти исключалась». Ввиду все той же острой потребности в деньгах представители Управления финансов рассматривали вопрос о возможности залога серебра в белградском Национальном банке. Они считали это целесообразным в случае, если бы размер ссуды составил 75% стоимости серебра, что дало бы приблизительно 25 пенсов за унцию²¹.

Однако покупатель все-таки нашелся – в лице некоего «Русско-сербского общества для развития торговли и промышленности в славянских странах» («Руссосерб»). Его директора, Валентин Павлович Гайдуков и Яков Матвеевич Хлытчиев, оказались более сговорчивы и, по-видимому, более кредитоспособны, чем Лебедев. Сделка, заключенная в июне 1921, была, несомненно, весьма выгодна для покупателей, точнее, перекупщиков. Продажная цена составила 24 пенса за стандартную унцию серебра при рыночной цене 36 пенсов. Нетрудно подсчитать, что скидка составила 33%²².

Тем не менее задача пополнения стремительно скудеющей казны Врангеля была выполнена, и начальник Финансовой части Е.М.Балабанов мог доложить Главнокомандующему, что операция по продаже серебра в разменной и банковской монете, потребовавшая несколько месяцев усилий, успешно завершена. Всего было продано

¹⁸ Русско-Славянский банк – Финансовому агенту при Российской миссии в Белграде А.Е.Тизенгаузену и г. А.Э.Ломейеру, 18 мая 1921. – Там же. Л.54.

¹⁹ Там же.

²⁰ Докладная записка на имя и. о. начальника финансовой части от 25 мая 1921. – Там же. Л.59-60.

²¹ Там же.

²² Справка по вопросу о продаже просроченных залогов Петроградской ссудной казны. – Там же. 154-58. Л.107.

5.031,4 килограмма серебра. Чистая выручка составила 9.311 фунтов стерлингов²³.

Однако еще до окончательного завершения сделки по продаже серебряной монеты Балабанов письмом от 30 июня и телеграммой от 12 июля потребовал от представителей Управления финансов в Сербии изыскать дополнительные средства для содержания армии. Способ пополнения средств был один – продажа оказавшихся в распоряжении армейских финансистов ценностей. Тем более что «Руссо-серб» охотно соглашался их приобретать.

В докладной записке на имя начальника Финансовой части от 19 июля 1921²⁴ излагалась программа реализации имущества. К продаже предлагались, во-первых, партия золотых монет, сданная 10 мая 1920 Феодосийским отделением Государственного Банка и оцененная по акту в 4.045 рублей 85 копеек. Партия состояла из 3.525 рублей в российской золотой монете, в число которых входила одна монета времени Екатерины II, 28 турецких золотых лир, 260 германских золотых марок, 215 французских франков, 30 австрийских крон и полфунта в золоте, как скрупулезно отметили финансисты. Очевидно, что реализация указанных золотых монет, так же как небольшого количества процентных бумаг, вывезенных наряду с монетами из Каттаро еще в январе 1921 и находившихся «под рукой», могла дать незначительную выручку.

Гораздо более серьезные результаты сулила продажа так называемого «реалдоба» (реальная добыча), состоявшего из ценностей, захваченных в различных большевистских учреждениях, а также пожертвованных на нужды Добровольческой армии (серебряные портсигары, золотые нательные крестики и т. п.). Сюда же входило выморочное имущество, например, ценности, принадлежавшие умершей бездетной вдове подполковника Крапивиной и внесенные судебным приставом в Севастопольское отделение Государственного Банка в июле 1920, оцененные в 100 тысяч золотых рублей (по имевшимся сведениям, у покойной была сестра, но неизвестно было, где ее искать). Затем – материалы, конфискованные контрразведкой, в том числе тюки с деньгами (имевшими, впрочем, ценность, близкую к макулатуре), вещественные доказательства уголовного розыска и т. п.

Собственно к «реалдобу», военной добыче, строго говоря, следует относить вещи, попавшие в армейскую казну в результате «самоснабжения» Вооруженных сил Юга России и Русской армии. Однако для простоты, следуя врангелевским финансистам, мы будем

²³ Докладная записка начальника Финансовой части Е.Балабанова Главнокомандующему Русской армией, 18 июля 1921. – Там же. 154-57. Л.113.

²⁴ Докладная записка на имя начальника Финансовой части. – Там же. Л.143-151.

именовать этим термином партию ценных вещей, оказавшихся различными путями в армейской казне и предназначенных к продаже во вторую очередь, после серебряной монеты. Поскольку предметы, входившие в состав «реалдоба», были весьма разнородны, предполагалось пригласить для их оценки специального оценщика из Вены, так как в Белграде найти квалифицированного оценщика было невозможно. Покупатели после согласования цены расплачивались, как и в случае продажи серебряной монеты, наличными еще до погрузки ценностей на пароход.

Готовы были финансисты продать и государственные процентные бумаги номинальной стоимостью 31,8 миллиона рублей. Посреднические услуги и в этом случае предложил «Руссосерб». Как ни странно, на российские ценные бумаги находились покупатели: некоторые биржевые игроки не верили в долговечность большевистского режима, иные рассчитывали, что советское правительство будет вынуждено выйти на мировой финансовый рынок, что вряд ли можно было сделать без признания финансовых обязательств Российской империи. В случае реализации любого из этих сценариев российские госбумаги, приобретенные по бросовым ценам, могли принести их владельцам внушительный доход.

Однако главной ценностью, находившейся в распоряжении врангелевских финансистов, были заклады и вклады Петроградской ссудной казны. «Белградские» финансисты сочли совершенно неосуществимым предложение своего шефа Балабанова, находившегося в Константинополе, о получении «некоторого количества валюты» у сербского правительства под залог части или даже всех ценностей Ссудной казны, во-первых, в силу тяжелого финансового положения королевства, во-вторых, в силу крайне низкой квалификации сербских финансистов.

Было выдвинуто альтернативное предложение – об акционировании Петроградской ссудной казны. Акционерное общество с правами юридического лица, к которому перешли бы все права и обязанности Ссудной казны, должно было бы компенсировать государству (т. е. Русской армии) все затраты, включая полную сумму выданных ссуд, проценты по ссудам, расходы по эвакуации и хранению и т. д. Вырученная сумма должна была исчисляться «многими десятками, если не сотнями тысяч фунтов стерлингов». К акционированию Ссудной казны должен был быть привлечен иностранный капитал, поскольку необходимых средств в Сербии было не найти, «да если бы они и нашлись, то проектируемая операция оказалась бы опять-таки слишком сложной и непонятной для примитивного сербского мышления»²⁵.

²⁵ Там же. Л.146.

Для частного капитала интерес заключался бы в том, что «выплачиваемая казне единовременно сумма обеспечивается во много раз превосходящими ее по ценности вкладами и закладами» и что «постепенная продажа (аукционы) заложенных вещей и их выкуп обеспечивают нормальный доход на затраченный капитал». Интересы же вкладчиков должны были быть обеспечены включением «необходимых постановлений в устав общества, воспроизводящих в общих чертах соответствующие статьи устава Петроградской Ссудной Казны».

В пользу предлагаемого проекта его авторы выдвинули целый ряд дополнительных аргументов, вроде того, что оставшаяся в Петрограде часть Ссудной казны может быть впоследствии передана на тех же основаниях тому же акционерному обществу, что «может явиться немаловажным источником средств для будущего Российского Правительства, которое на первых порах своего существования будет неизбежно испытывать значительные финансовые затруднения». Финансисты вспомнили и экономическую науку, издавна рекомендовавшую акционирование государственных кредитных учреждений для повышения эффективности их работы. Наконец, они указывали, что Ссудная казна после падения Крыма «перестала быть тем государственным кредитным учреждением, которое жило и управлялось на точном основании своих в установленном порядке утвержденных Устава и Наказа, а превратилась в огромное скопление весьма значительных ценностей, неизвестно как и на основании каких правил управляемых»²⁶.

Разумеется, и здесь не обошлось без «Руссосерба». Предлагаемый проект был сочтен его директором Гайдуковым осуществимым, и он заявил о готовности «Руссосерба» привлечь необходимые капиталы в Англию. Такая привязанность к одному и тому же финансовому учреждению выглядела по меньшей мере странно, и авторы докладной записки (она не подписана, но вряд ли можно сомневаться, что ими были Тизенгаузен и Ломейер) не могли этого не понимать. В пользу сотрудничества с «Руссосербом» они выдвинули целый ряд аргументов:

...опыт продажи серебра показал, во-первых, что всякие попытки создать здесь конкуренцию между возможными покупателями ни к чему не приводят, так как при исключительно ограниченном здесь круге деловых людей и предприятий, последние всегда между собой достигают соглашения и отказываются от всякого друг с другом соревнования; во-вторых, – что разглашение той или иной сделки путем предложения ее нескольким лицам лишь сбивает цену; в-третьих, – что «Руссосерб» выполнил

²⁶ Там же. Л.147-148.

все свои обязательства по покупке серебра весьма добросовестно и без малейших шикан²⁷; в-четвертых, – что директора «Руссо-серба», а особенно В.П.Гайдуков, с которым мы ведем переговоры, безусловно умеют соблюдать необходимую в делах молчаливость (чего отнюдь нельзя сказать о В.А.Лебедеве) и, наконец, в-пятых, – что иметь дело с русским предприятием, зарегистрированным в качестве сербского, представляет по нынешним условиям немалые выгоды.²⁸

Тизенгаузен и Ломейер отлично понимали, что реализация имущества в столь крупных масштабах, а тем более акционирование Ссудной казны может вызвать недовольство дипломатической миссии в Белграде, с которой у врангелевских представителей были довольно натянутые отношения, а следовательно, и «Парижа» – т. е. Совета послов. Они считали возможным сделки с золотыми монетами и частью процентных бумаг провести втайне ввиду их небольшого объема. Скрыть продажу «реалдоба» было нереально, и финансисты считали необходимым поставить в известность об этом миссию, поскольку, полагали они, это имущество состоит или из беспорной военной добычи Добровольческой армии и ее преемницы – Русской армии, или же из пожертвований в пользу добровольцев, и вряд ли его продажа вызовет какой-либо протест. Иным образом обстояло дело с продажей процентных бумаг государственных кредитных учреждений и ценностей Ссудной казны. В этом случае финансисты считали необходимым заручиться санкцией Парижа и просили Балабанова посодействовать им в этом вопросе²⁹.

По-видимому, сделка по продаже золотых монет и небольшой партии процентных бумаг прошла без проблем. Что же касается «реалдоба», то его продажа потребовала серьезной подготовки и сопровождалась отчаянным торгом. Для оценки стоимости предлагаемых к реализации вещей представителями казны (имеется в виду Финансовая часть Русской армии) был приглашен оценщик Венского казенного ломбарда («Dorotheum») г-н Мейндль³⁰. Он оценил намеченные к продаже предметы из серебра, золота и драгоценных камней, а также небольшое число вещей из неблагородных металлов³¹ в 6.435 фунтов стерлингов 2 шиллинга 2 пенса. В свою очередь приглашенный

²⁷ От шиканить – придирааться, цепляться.

²⁸ Там же. Л.148-149.

²⁹ Там же. Л.149-151.

³⁰ Приглашение оценщика обошлось в 115 фунтов стерлингов (см.: Докладная записка финансового представителя в Королевстве СХС на имя заведующего финансами при Главнокомандующем Русской армией. – Там же. Л.284).

³¹ Их стоимость по оценке эксперта составляла всего 88 фунтов стерлингов 11 шиллингов 7 пенсов (см.: Докладная записка на имя начальника Финансовой части от 25 октября 1921. – Там же. Л.203).

контрагентами (т. е. «Руссосербом») оценщик-англичанин оценил «реалдоб» в 4.356 фунтов стерлингов 13 шиллингов 5 пенсов. Правда, он отказался оценивать вещи из неблагородных металлов, а также некоторые вещи из золота и серебра, преимущественно часы и изделия с драгоценными камнями. Если исключить из общей суммы предметы, не оцененные англичанином, то расхождение получается приблизительно в 10–15%, за исключением самого ценного предмета – пары бриллиантовых серег в 35¼ карата. Австриец оценил серьги в 1060 фунтов стерлингов, англичанин – в 550 фунтов стерлингов³².

Как выяснили финансисты, отказ англичанина от оценки некоторых вещей вовсе не означал нежелания контрагентов их приобретать. Поразмыслив, «белградские мудрецы» назвали продажную цену на 15% выше оценки австрийца, мотивируя это тем, что оценщик – служащий казенного ломбарда, поэтому ему свойственна чрезмерная осторожность в оценках; к тому же на него должна была повлиять и атмосфера венского рынка, в которой привык работать эксперт: «постоянно ухудшающаяся валюта, неизменно реализационная тенденция этого рынка и нек<оторые> друг<ие>»³³.

После отъезда предполагаемых покупателей из Каттаро врангелевские финансисты провели дополнительный осмотр ценностей различных учреждений Государственного Банка и «Вукописа» и изыскали еще около 130 килограммов серебряных изделий и незначительное количество (примерно на 3 фунта стерлингов) золота. Поистине каждый золотник был дорог. Начался торг с детальным учетом накладных расходов контрагентов и т. п. В результате предложение «Руссосерба» свелось к следующему:

– серебро, подвергнутое оценке обоими оценщиками	2.585 ф. ст.
– золото, подвергнутое оценке обоими оценщиками, за исключением четырех бриллиантов, оцененных австрийцем в 1.200 ф. ст.	830 ф. ст.
– предметы, оцененные одним австрийцем со скидкой в 35% против его оценки	445 ф. ст.
– дополнительная партия серебра в 130 килограммов	446 ф. ст.

Итого: 4.306 ф. ст.

В результате «усиленного торга» контрагенты согласились повысить сумму до 4.500 фунтов стерлингов, на чем стояли твердо. При

³² Там же.

³³ Там же. Л.205.

этом цена стандартной унции серебра составила бы 28,8 пенса при рыночной цене 42 пенса, т. е. 68% рыночной цены. Вероятная прибыль «Руссосерба» выглядела, как и в случае первой сделки, вполне внушительной³⁴.

В конце концов Финансовая часть согласилась на предложенную контрагентами цену, хотя сумма расчета незначительно изменилась, поскольку из общего числа предметов не был сдан «ряд серебряных предметов, главным образом из числа имущества разных полков, общим весом 15.875 гр<амма>, <...> три золотых орденских знака весом 41 гр<амм> (изъяты для награждения ими лиц, коим Главнокомандующим пожалованы соответствующие ордена) и 10 старинных золотых русских монет, весом 18 гр<аммов>, представляющих нумизматический интерес. Напротив того, сдано контрагентам лишних против договора: 10.340 гр<аммов> серебряных изделий и 29 отдельных золотых предметов, стоимостью в особой оценке в 3 ф<унта> ст<ерлингов>»³⁵.

«Руссосерб» расплатился согласно оговоренным условиям, и сделка прошла в общем без особых осложнений, за исключением эпизода с так называемым «медальоном с волосами». Спор по поводу медальона напоминал скорее перепалку мелких спекулянтов, нежели государственных мужей и солидных финансистов. Медальон в Константинополе было решено не сдавать контрагентам, так как цена, предложенная ими за него, представлялась слишком низкой.

Тизенгаузен сообщал Балабанову:

Между тем контрагенты, считая медальон чуть ли не самой ценной вещью во всей партии и основываясь на том, что сделка уже заключена, что медальон, следовательно, в числе других вещей им продан и составляет их собственность, соглашались на его возвращение не иначе как за 30 ф<унтов> ст<ерлингов> (оценка австрийца), между тем как продажная цена его составляла около 15 ф<унтов> ст<ерлингов> (оценка англичанина – 16 ф<унтов> ст<ерлингов>). Считая такую комбинацию невыгодной, мы остановились на компромиссном решении: наши контрагенты предоставили нам медальон против депонирования им 30 ф<унтов> ст<ерлингов> условно с тем, что если мы выручим за него более 30 ф<унтов> ст<ерлингов>, то 30 ф<унтов> ст<ерлингов> поступают в их полное распоряжение, а излишек нам, в противном случае мы возвращаем им медальон, а они нам 30 ф<унтов> ст<ерлингов>»³⁶.

³⁴ Там же. Л.205-206.

³⁵ Докладная записка финансового представителя в Королевстве СХС на имя заведующего финансами при Главнокомандующем Русской армией. – Там же. Л.286.

³⁶ Там же. Л.289.

Медальон и четыре бриллианта, исключенные из сделки, были отправлены в Константинополь вместе с выручкой от сделки³⁷.

Гораздо более серьезным эпизодом, омрачившим проведение этой операции, было «поведение состоящего при Петроградской Ссудной Казне представителя контроля Долгополова». Тизенгаузен жаловался Балабанову:

Своими мелкими, чисто формального свойства придирками, постоянным стремлением вмешиваться в чисто распорядительные действия должностных лиц финансового ведомства, полным непониманием существа возложенных на него функций и круга своих полномочий г. Долгополов всячески тормозил и постоянно тормозит всю проводимую в Каттаро работу. Кроме того, отсутствием всякого личного и служебного такта, часто неумением говорить элементарно приличным тоном, г. Долгополов вносит в работу много ненужных трений и неприятных личных осложнений. Так, во время сдачи контрагентам купленных ими вещей г. Долгополов неоднократно позволял себе по их адресу различные ничем не оправданные неуместные замечания, которые легко могли кончиться весьма³⁸ крупными и, конечно, нежелательными для нас осложнениями.

Долгополов под предлогом болезни отказался подписать акты о сдаче товара, очевидно, не желая разделять ответственность за незаконную, с его точки зрения, и явно убыточную для казны сделку. Можно легко представить, какого рода замечания он делал в адрес деятелей «Руссосерба», получавших сверхвысокую прибыль, на которую они никак не могли бы рассчитывать при нормальных обстоятельствах.

Однако же отзыв Долгополова Тизенгаузен считал «в настоящее время» невозможным и даже нежелательным, полагая, по-видимому, что тот может «вынести сор из избы» и помешать осуществлению следующих операций, по масштабам существенно превосходящих все предыдущие. В то же время он подчеркивал, что «назначение в Каттаро второго представителя Контроля способно совершенно затормозить там всякую работу и сделать отвечающую интересам Армии деятельность чинов финансового ведомства невозможной»³⁹.

«Обструкция» представителя контроля была лишь предвестием череды скандалов, сопровождавших операции по продаже серебра и других ценностей.

Пока что в Каттаро после продажи «реалдоба» остался сенатор Д.И.Никифоров для «инвентаризации» процентных бумаг с целью их последующей продажи. По данным А.Ф.Шелеста, в Лондон от

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Л.288.

³⁹ Там же.

имени Тизенгаузена, Никифорова и других деятелей финансового ведомства было выслано из Каттаро почтовыми посылками на имя «List of Securities, sent to the American Intersent Corporation, C Western Bank» различных ценных бумаг на сумму 15.475.000 рублей номинальных. «В дальнейшем истребовали от Ссуд<ной> Казны все остальные ценные бумаги в Белград и оттуда размещали их по разным биржам и комиссионерам»⁴⁰.

Но главное полным ходом шла подготовка к крупнейшей финансовой операции Врангеля – продаже залогов Петроградской ссудной казны.

В данном случае проблема переставала быть исключительно финансовой. Вопрос был одновременно и политическим, и нравственным. Ведь речь шла фактически о конфискации частной собственности. Решение о продаже залогов должно было быть прежде всего политическим. Врангель явно не хотел брать ответственность на себя лично, намереваясь разделить ее с «общественностью».

14 октября 1921 в российском посольстве в Константинополе состоялось секретное заседание Русского Совета. Присутствовали: старший товарищ председателя Русского Совета И.П.Алексинский, товарищ председателя Русского Совета граф В.В.Мусин-Пушкин, исполняющий должность первого секретаря Русского Совета В.М.Знаменский, члены Совета – князь Павел Д. Долгоруков, Н.П.Савицкий, В.В.Лашкевич, И.Н.Чумаков, Н.А.Ростовцев, Н.Н.Львов, граф А.И.Уваров, члены Совета с совещательным голосом – С.П.Шликевич, генерал-майор П.А.Кусонский, Е.М.Балабанов и В.К.Пуницкий.

Заседание было посвящено финансовому положению Русской армии, а именно – вопросу о продаже просроченных залогов Петроградской ссудной казны как единственному реальному способу улучшить ситуацию. С докладом выступил заведующий финансами Е.М.Балабанов. Понятно, что целью заседания было заручиться политической поддержкой общественности; в том, что такая поддержка будет оказана, вряд ли можно было сомневаться – ведь в Русский Совет входили только убежденные сторонники Врангеля.

С речью, которая впоследствии стала как бы моральным обоснованием продажи залогов Ссудной казны и которая была частично опубликована, выступил Н.Н.Львов:

С моральной стороны допустима ли продажа ценностей, хранящихся в Сохранной Казне? <...>

Прежде всего, эти ценности не доверены нам на хранение. Они скорее всего могут быть приравнены к находке, при которой, по закону, одна треть принадлежит нашедшему. Но это даже и не находка. Имущество отбито Армией у большевиков, похитивших

⁴⁰ Шелест А.Ф. Операции с Ссудной казной.

его и растративших часть ценностей. Как известно, Петроградская Сохранная Казна была взята в Ейске после ряда боев и занятия Кубанской Области. Это имущество оплачено кровью. Это более чем находка, это – цена крови.

Теперь, когда спасение людей зависит от реализации этого имущества, Главнокомандующий не только имеет право, но и обязан продать ценности, оплаченные кровью, и на вырученные средства обеспечить Армию.

Было бы морально недопустимым, если бы из-за соображений скорее формального характера, Армия была бы обречена на лишения и голод, а вещи были бы в неприкосновенности сохранены в местах их хранения, вплоть до появления неизвестных владельцев заложенного имущества. Человеческое чувство не может не возмущаться этим, и я уверен, что большинство закладчиков сами были бы глубоко возмущены таким способом охранения их моральных прав.⁴¹

Граф Мусин-Пушкин не поддержал пафосный тон, заданный Львовым, но согласился с ним по существу:

Сказать, что за эти вещи заплачена цена крови, <...> – это просто ораторское преувеличение. Ни одной капли крови не было пролито для сохранения Ссудной Казны, просто ее чрезвычайно ловко увезли из Екатеринодара в Новороссийск. В Крым она доставлена была также без всяких жертв и отправлена оттуда за границу задолго до эвакуации. Если мои вещи захвачены в совдепии, то я с этим мирюсь, так как там царствует социализм, но здесь, на нашей стороне, нарушить право собственности не так легко. К решению этого вопроса есть единственный путь – это путь целесообразности. Поэтому надо установить резкое различие между вкладами и закладами. Заклады должны быть проданы в интересах самих вкладодателей. Что же касается вкладов, то продажа их не имела бы смысла, так как вся вырученная ценность должна была бы возвратиться собственнику. В интересах Армии вклады могут быть только реквизированы. Когда-то Петр Великий, в силу необходимости, снял все колокола с церквей и перелил их в пушки.⁴²

Журнал (протокол) заседания был утвержден Врангелем 29 октября, что открыло «зеленый свет» действиям финансистов.

Положение армии в Сербии и Болгарии было, конечно, несравненно лучше, чем в Галлиполи или на острове Лемнос, однако же оставляло желать много лучшего. В нашу задачу не входит в рамках настоящей статьи рассматривать положение той ее части, что была «расселена» на Балканах, тем более что необходимые сведения мож-

⁴¹ Журнал заседания Русского Совета №59 от 14 октября 1921. – Vrangell. 154-58. Л.2.

⁴² Там же. Л.3об.

но почерпнуть в ряде исследований. Приведу лишь для характеристики настроений военнослужащих довольно необычный и забавный источник – фрагменты поэмы, принадлежащей перу некоего К. Дитлова, сотрудника самодельного журнала с ироническим названием «Развей горе в чистом поле». Журнал выходил в Маслянице (Далмация); поэма была опубликована в номере от 13 января 1922. Автор, очевидно, принадлежал к наиболее «привилегированной» части крымских ветеранов – тех, кто получил службу в сербской пограничной страже. Другим повезло меньше: они вынуждены были трудиться на строительстве шоссейных дорог или на шахтах. К сожалению, каких-либо сведений об авторе поэмы, сохранившейся среди бумаг Врангеля, найти не удалось.

<...>

Принявши верности присягу,
Привязан я на целый год,
А то давно задал бы тягу
От этих Далматинских вод.

У нас обычная картина –
Обилие «црного» вина
И Масляницкая «кантина»
С утра до вечера полна.

Но для граничного кармана
Чужда вся прелесть винных чар,
Пока мы ждем от капитана
Получки месячных динар.

Здесь женщин нет, не бьется сердце,
Сегодня скучно, как вчера,
На патрули в погоне «шверца»⁴³
Уходят наши вечера. <...>

Читаем русские газеты
И с изумленьем узнаем,
Что будут признаны Советы,
Что входит в моду Совнарком.

Что сам Чичерин едет в Лондон,
В Берлин Варшавский Карахан,
И будто в этом диком рондо
Запляшет скоро сам Бриан.

Что Джордж и Красин словно братья,
Что едут немцы на конгресс

⁴³ Шверца – контрабанда. (Примеч. автора).

И что на днях в одном объятии
Сольются Ленин и Стиннес.

И что в страну, где горды бритты,
По приглашению короля
Поедут красные бандиты –
Убийцы русского царя.

Что соберутся дипломаты,
И все, кто в деньгах знает толк,
И там московские Мараты
Заплатят золотом царский долг.

Потом во все столицы света
Богаты, щедры и милы,
«С коммунистическим приветом»
Поедут красные послы.

Воровский, Иоффе и Литвинов,
Чичерин, Красин, Карахан
На радость местных якобинов
И пролетариев всех стран.

А Русь, с Сибирью и Украиной,
Страдает молча вдалеке,
От нас сокрыта страшной тайной,
А Русь по-прежнему во мгле.

Там все, что строили столетья,
Сдано теперь в ненужный брак,
И пусть на Волге гибнут дети
За «планетарный» кавардак.

Но мы здесь, русские в изгнании,
Мы все, привыкшие страдать,
Не верим призрачным «признаниям»;
Мы ждали, ждем и будем ждать. <...>

Мы все живем одной надеждой,
Что день торжественный придет
И сбросит красные одежды
Наш отуманенный народ.

Найдет людей, порывом смелых,
Что Русь на верный путь вернут,
И нас отсюда, сердцем белых,
К себе на помощь позовут.⁴⁴

Ну а для того, чтобы дожидаться «весеннего похода», нужны были деньги, деньги и еще раз деньги.

⁴⁴ Vrangeli. 50-26.

По вопросу о продаже просроченных залогов Петроградской ссудной казны была подготовлена справка, датированная 4 марта 1922, дающая представление о европейском рынке серебра и о возможной выручке от продажи залогов⁴⁵. Главным мировым рынком серебра был в то время лондонский. Лондонские биржевые котировки публиковались в газетах и означали цену в пенсах за одну тройскую унцию стандартного серебра. Тройская унция была равна 31,1 грамма, стандартным считалось серебро 925-й пробы, из которого чеканилась английская серебряная монета.

Русское серебро в изделиях обычно бывало 84-й пробы (875%). Российская серебряная монета чеканилась из серебра 500%, банковая – из серебра 900%. Один килограмм серебра 84-й пробы соответствовал 31,29 унции стандартного серебра 925-й пробы. Для получения цены одного килограмма серебра нужно было, соответственно, умножить 31,29 на биржевую цену серебра за одну тройскую унцию⁴⁶.

Сколько же серебра хранилось на складах Ссудной казны? Точных сведений об этом не имелось. Всего насчитывалось 22.273 заклада. Они были весьма различны по весу и размеру – мелкие были просто завернуты в бумагу, средние и крупные имели, как правило, индивидуальную упаковку – футляры и т. п. Все они были сложены, как уже говорилось, приблизительно в 700 ящиков. Косвенным образом вес серебра можно было определить по сумме выданных ссуд, что, в свою очередь, позволяло определить оценку залогов. Общая оценка залогов за 1913–1916 составляла 664.792 рубля, за 1917 – 1.560.609 рублей. Один золотник⁴⁷ серебра в 1913–1916 оценивался Петроградской ссудной казной в 25 копеек, в 1917 – в 28 копеек. Следовательно, общий вес серебряных залогов должен был составить 8.232.771 золотник, или 35.072 килограмма.

При расчете другим способом – исходя из веса ящиков с серебром за минусом веса тары – получалось 35.560 килограммов серебра, т. е. цифры отличались не принципиально, учитывая, что общий вес серебра превышал по расчетам 35 тонн⁴⁸.

Учитывая условия продаж серебра по прежним сделкам (скидка при продаже серебряной монеты составила 33% от рыночной цены, «реалдоба» – 31,4%), можно было рассчитать вероятную выручку от реализации залогов Ссудной казны. По прикидкам финансистов, она должна была составить сумму от 100.308 до 106.458 фунтов стерлингов⁴⁹. В любом случае получалась сумма, способная поддер-

⁴⁵ Vrangel. 154-58. Л.105.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Один золотник равен 4,266 грамма.

⁴⁸ Там же. Л.106-107.

⁴⁹ Там же. Л.109.

жать существование Русской армии на достаточно длительный период, имея в виду, что расходувать ее предполагалось преимущественно в Королевстве СХС, с его слабой валютой и сравнительной дешевой жизнью.

С технической и международно-правовой стороны реализация залогов Ссудной казны не должна была составить особых проблем. Серебро хранилось на складе сербского военного ведомства – в бывшей казарме. Охранял склад сербский караул. Склад находился в 200–250 метрах от пристани, куда могли подходить морские суда. С точки зрения таможенных правил склад считался транзитным, а все ценности Ссудной казны – не ввезенными на территорию королевства. Постановлением Совета Министров королевства ценности были признаны свободными к беспошлинному вывозу за границу⁵⁰.

Контрагентом по продаже просроченных залогов Ссудной казны выступил неизменный «Руссосерб». Договор о продаже серебра был подписан 28 июня 1922 в Белграде. От имени Главного командования его подписали инженер Вадим Петрович Шмит (Шмидт) и князь Павел Дмитриевич Долгоруков, от «Руссосерба» – его директора Гайдуков и Хлытчиев.

Договор предусматривал сдачу не менее 20 и не более 40 тысяч килограммов серебра. Стоимость чистого серебра 84-й пробы определялась по взвешиванию; для предметов, имевших несеребряные составные части, устанавливался сложный коэффициент в зависимости от доли несеребряных частей. Содержание серебра в такого рода изделиях определяла избранная по согласованию аффинажная⁵¹ фабрика. Также по согласованию устанавливалась цена в случае содержания в предметах более ценных металлов и камней.

Размер платы устанавливался по весу, по средней из цен на серебро, напечатанных в газете «Таймс» в Лондоне для сделок на срок за четвертый, пятый и шестой день после окончания сдачи серебра «Руссосербу» в Каттаро, не считая выходных дней на Лондонской бирже. Для определения продажной цены в пенсах за тройскую унцию серебра 84-й пробы применялась специальная формула, причем средняя цена за три дня умножалась на 875, полученное произведение делилось на 925, а из частного вычиталось шесть и три четверти, что, по-видимому, и составляло маржу «Руссосерба»⁵².

14 августа 1922 завершились взвешивание и упаковка серебра, предназначенного для передачи «Руссосербу»; ящики, в которые

⁵⁰ Там же. Л.105-106.

⁵¹ Аффинаж – получение благородных металлов высокой чистоты, разновидность рафинирования металлов.

⁵² Там же. Л.133-135. Маржа – разница между ценой продаж и ценой покупки ценной бумаги, товара, разность банковских процентных ставок.

упаковывались серебряные предметы, были опечатаны казначеем Русской армии А.И.Цакони и директорами «Руссосерб»⁵³. Общее количество серебра, сданного обществу «Руссосерб», составило 31.992.344 грамма или 1.028.593 тройские унции. Цена, выведенная по указанной выше формуле, составила 26,476 пенса за унцию, что давало в сумме 113.470 фунтов стерлингов, причем 104.960 фунтов стерлингов были уплачены сразу, а 8.510 фунтов стерлингов подлежали уплате в течение 45 дней после выхода «серебряного парохода» из Каттаро. Расчет заверил, кроме Цакони, уполномоченный заведующего контролем В.К.Пуницкий⁵⁴.

Серебро было перепродано «Руссосербом» одному из «крупнейших в Англии домов по торговле серебром». «В основу расценки серебра, – сообщает генерал Е.К.Миллер, – положена была официальная его котировка на Лондонской бирже, а окончательная цена была установлена путем необходимого вычета из биржевой расценки таких элементов, как торговая прибыль покупателей и расходы по фрахту, страховке и дальнейшей переработке металла»⁵⁵.

Следует добавить, что торговая прибыль покупателей была чрезвычайно высока, а скромная фраза о дальнейшей переработке металла означала обезличку изделий из серебра, среди которых были и высокохудожественные. Ведь в случае появления владельцев закладов у покупателей могли возникнуть серьезные проблемы. Это не позволяло продавать изделия с аукциона, что могло дать гораздо большую прибыль, нежели перепродажа «серебряного лома». Вряд ли можно все же принимать всерьез утверждение эсеровской газеты «Дни», что на улицах Белграда подбирали «голодных офицеров, отправляли их вагонами в Каттаро и там, дав в руки молоток, заставляли расплющивать вазы, бокалы, чаши, выламывать стальные клинки у ножей, костяные ручки у чайников. Расплющивать, расплющивать!.. Стучали молотками голодные офицеры, подгоняемые “контрольной комиссией”, ибо нужно было торопиться с погрузкой»⁵⁶.

По условиям договора несеребряные части должны были быть отделены от серебряных, но маловероятно, чтобы для этого потребовались «вагоны» офицеров, и, как резонно замечает И.Качаки, «все-таки трудно поверить, что ломали изделия известных российских мастеров серебряных дел: Фаберже, Овчинникова, Грачева, Губкина»⁵⁷.

⁵³ Там же. Л.201.

⁵⁴ Там же. Л.205.

⁵⁵ См. доклад Е.К.Миллера великому князю Николаю Николаевичу (апрель 1926). – Там же. Л.159-167.

⁵⁶ К.А. Серебряные операции Врангеля // Дни (Берлин). 1923. 24 июня.

⁵⁷ Качаки И. Письмо в редакцию.

Наиболее деликатным моментом в истории с продажей просроченных залогов Ссудной казны было явное попрание прав частных собственников. По мнению самих участников «ликвидации» залогов, они стремились руководствоваться духом закона и принципом ограждения частной собственности. В газетах было опубликовано объявление о возобновлении операций Ссудной казны, приостановленных Временным правительством на все время ее эвакуации из Петрограда. Были приняты меры и для оповещения через российские дипломатические представительства возможных владельцев, находящихся за границей. Таким образом, для владельцев просроченных залогов наступали юридические последствия – не выкупленные в срок залоговые подлежали продаже.

Как писал один из непосредственных участников «ликвидации» князь Павел Долгоруков, «мы решили осуществить принципиально ничего ненормального в себе не заключающую реализацию просроченных залогов и выделить в твердой денежной форме причитающуюся собственникам этих залогов долю», обратив остальное «на нужды русского дела»⁵⁸. Владельцам даже как бы оказывалось благодеяние, ибо, учитывая расходы казны по хранению залогов, которые легли бы на владельцев, им пришлось бы платить при выкупе своих вещей суммы, превышающие их полную стоимость.

Очистили свою совесть продавцы тем, что оставили неприкосновенными вклады на хранение (по мнению И.Качаки, все же некоторые вклады были проданы⁵⁹) и залоговые, собственники которых отозвались. «В продажу были, таким образом, обращены лишь те вещи, собственники которых оставались за все время пребывания Ссудной Казны за границей не обнаруженными, сроки залоговые давно истекли и самую вероятность выкупа которых не представлялось, при таких условиях, возможным принимать к учету», – рассуждал впоследствии ставший одним из главных врангелевских финансистов генерал Е.К.Миллер⁶⁰.

В случае обнаружения владельцев было решено компенсировать им стоимость проданных вещей за вычетом суммы долга и небольшого платежа за хранение без начисления процентов по ссуде. К тому же выдачи производились в фунтах стерлингов «с пересчетом рублей на английскую валюту по нормальному, довоенному паритету (1 фунт стерлингов = 9 руб<лей> 46 коп<еек>)». В результате некоторое, «правда, незначительное количество имущества было возвращено собственникам <...> рассчитывать на востребование из Казны сколько-нибудь значительного количества хранившихся в ней

⁵⁸ Цит. по: Серебряные операции Врангеля // Дни. 1923. 24 июня.

⁵⁹ Качаки И. Письмо в редакцию.

⁶⁰ Доклад Е.К.Миллера...

ценных вещей или хотя бы на обнаружение достаточно заметного числа их владельцев, не представлялось возможным: <...> в расчет могли <...> идти только лица, оказавшиеся за рубежом, а они составляли, как само собою понятно, лишь незначительное меньшинство клиентов Ссудной Казны»⁶¹.

Финансово-контрольный комитет в самом деле удовлетворял претензии оказавшихся за границей владельцев закладов до 1 июля 1927, когда выплаты прекратились «за исчерпанием всех имеющихся в его распоряжении средств и одновременно почти полным прекращением поступления новых ходатайств». Для расчета с владельцами было зарезервировано 10.800 фунтов стерлингов. Всего поступило 2.888 ходатайств о выплате денег по 5.381 проданному закладу на сумму 14.140 фунтов стерлингов 9 шиллингов 2 пенса. На первоначальную сумму набегали проценты, так что владельцам выплатили 12.971 фунтов стерлингов 2 шиллинга 2 пенса. Были отклонены по разным причинам 346 ходатайств на сумму 1.169 фунтов стерлингов 7 шиллингов 1 пенс⁶².

Однако было очевидно, что большая часть владельцев предъявить претензии не может, ибо находится в России. Таким образом, их собственность была просто-напросто конфискована.

Объявление о возможной продаже – еще до фактического осуществления сделки – вызвало бурю в эмигрантской печати. Врангель был, естественно, прежде всего атакован «слева», причем слабое место в позиции продавцов было нащупано весьма точно. Милюковские «Последние новости» поместили информацию о готовящейся продаже, с пояснением: «Агенты Врангеля распродают вклады петербургской ссудной казны»⁶³, сменовеховская «Накануне» писала: «...оказывается, он – недурной коммерсант, хотя и с уголовным оттенком»⁶⁴.

Скандал вспыхнул с новой силой почти год спустя, когда в «Последних новостях» была опубликована статья А.Ф.Шелеста, бывшего заведующего ценностями учреждений Государственного Банка и казначейства, оказавшимися в составе Ссудной казны⁶⁵. Шелест поведал обо всех четырех операциях по продаже ценностей Ссудной казны – серебряной монеты, «реалдоба», процентных бумаг и про-

⁶¹ Там же.

⁶² См. брошюру, изданную типографским способом, без указания места и года выпуска: Отчет Финансово-контрольного комитета об израсходовании сумм, вырученных от продажи просроченных закладов Петроградской Ссудной Казны. – Vranghel. 166-40.

⁶³ По примеру красных // Последние новости (Париж). 1922. 22 июля.

⁶⁴ <Б/н.> Священная собственность: Из последних походов генерала Врангеля // Накануне (Берлин). 1922. 29 июля.

⁶⁵ Шелест А.Ф. Операции с Ссудной казной.

сроченных закладов. Шелест утверждал, что некоторые ценности, владельцы которых были известны, сознательно «обезличивались».

Так, было продано 67 ящиков золотых, серебряных и драгоценных вещей, в том числе 24 ящика художественных изделий «Вукописа» («реалдоб») – под видом бесхозного имущества, несмотря на указание Шелеста, что имеются списки, позволяющие установить, кто является его собственником. «Мне откровенно указали, – свидетельствовал Шелест, – что документы можно уничтожить. В изъятии и продаже этих ценностей <так!> составили акт о том, что изъято и продано бесхозяное имущество». И продолжал далее:

После этой второй продажи приступили к обезличению ценных бумаг, принадлежавших вкладчикам учреждений Государственного Банка, казначейств и сберегательных касс. Меру эту провели под видом (как гласило в официальном для этой цели распоряжении) наилучшего способа обеспечить сохранность ценных бумаг, так как хранение их по учреждениям и вместе с взносами объявлениями (документами, кои составляют собственно ручно вкладчиками при взносе на хранение бумаг) является громоздким и не дает возможности следить за наличностью натуры...⁶⁶

Шелест назвал и имена главных деятелей «по ликвидации эвакуированных в Каттаро ценностей»: начальника Финансовой части Е.М.Балабанова, финансового представителя в Королевстве СХС барона А.Е.Тизенгаузена, начальника контрольной части сенатора Д.И.Никифорова, казначея Русской армии А.И.Цакони, помощника начальника контрольной части В.К.Пуницкого. «Их контрагенты, – писал Шелест, – посредники всех продаж – г.г. Гайдуков и Хлытчиев, обосновавшиеся в Белграде под фирмой “Руссосерб” и нажившие на операциях продажи ценностей Ссудной Казны и учреждений Гос<ударственного> Банка не один десяток миллионов динар»⁶⁷.

На страницах «Последних новостей» Шелесту ответил князь Павел Долгоруков – один из тех, кто дал как бы общественную санкцию на продажу серебра. Отвергая эти обвинения, он подчеркивал, что Шелест – уволенный служащий и сводит счеты со своим бывшим прямым и косвенным начальством⁶⁸.

Через неделю после появления статьи Шелеста по врангелевцам «выстрелили» «Дни», назвавшие руководство остатков Русской армии «торговым домом Врангель и К^о» и сообщившие, среди прочего, что после участия в продаже серебра князь Павел Долгоруков заработал в Белграде прозвище «князя Серебряного». По утверждению

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ *Кн<язь> Пав<ел> Долгоруков. Операции с Ссудной Казной (Письмо в редакцию) // Последние новости. 1923. 1 июня.*

газеты, готовилась еще одна продажа партии серебра; вырученные же ранее деньги шли на содержание «врангелевской компании»⁶⁹.

Через месяц в двух номерах «Дней» (23 и 24 июня) появилась обширная статья, в которой рассматривались, конечно, не беспристрастно по отношению к политическим оппонентам, моральные и юридические аспекты продажи серебра. Автор статьи, подписавшийся инициалами «К.А.», подчеркивал, что большая часть закладов была внесена в Петроградскую ссудную казну в 1917, когда «за переполнением кладовых был прекращен прием вкладов». Опасаясь взятия Петрограда немцами, большевистских беспорядков, ограблений, люди «несли серебро в Ссудную Казну хотя бы в заклад, чтобы только поместить его в верном месте». Закладывали вещи, по мнению автора, подешевле, чтобы платить поменьше процентов, ибо настоящей целью было не получение ссуды, а сохранение самих вещей. И далее:

Продажа чужого серебра ни в малейшей степени не нарушила интересы большевиков, разве что лишила их возможности зарабатывать на этом достоянии России. Она касается только интересов частных лиц, притом людей состоятельных, ограбленных в союзе с большевиками и здесь «обработанных» белыми. Каждый заинтересованный ждет, когда же наступит «свое время»⁷⁰ для выяснения разницы между отобранием мебели и книг в Москве и серебра, считавшегося спасенным, в Катарро <так!>. Какая разница в утверждении одних, что национализация домов, например, производится в интересах народа, и в утверждении князя (Павла Долгорукова. – О.Б.), что продажа серебра последовала для «нужд русского дела за границей»? Какая разница между непризнанием со стороны эмигрантов законности действий московских комиссаров и непризнанием со стороны коренного петербуржца, оставшегося там и твердо считающегося на свое серебро, действии белградских генералов и «общественных деятелей»?⁷¹

Вероятно, в эти дни кем-то была выпущена почтовая карточка, на которой изображался Врангель на коне, попирающем серебряный поднос, кувшин, подсвечник и т. п. В руках у Главнокомандующего была вилка, а к поясу вместо шашки приторочен серебряный половник. Надпись над рисунком гласила: «Картина лубок, изданная признательными лицами, потерпевшими от продажи их драгоценностей», под рисунком – «Герой нашего времени, волею судеб и катаррского серебра Петр IV Барон Врангель»⁷².

⁶⁹ Белоцветов Ник. Петр Врангель и К^о: Письмо из Юго-Славии // Дни. 1923. 25 мая.

⁷⁰ Автор иронизирует по поводу слов князя Долгорукова, что «все акты и документы в свое время станут достоянием гласности».

⁷¹ К.А. Серебряные операции Врангеля // Дни. 1923. 24 июня..

⁷² Хранится: Vrangeli. 166-40.

Автор «Дней» прямо обвинял Врангеля в краже серебра и указывал, что английская фирма, придерживавшаяся правила, что «золото, а следовательно и серебро не пахнет ни кровью, ни воров», не случайно предпочла приобрести ценности у частной компании-посредника, а не напрямую у Врангеля, — и в качестве серебряного лома. Ибо, возможно, уже имела ранее неприятность «встретиться с собственником купленной у большевиков вазы». Публицист предположил, что фирма «Руссосерб» была «подставным лицом» и именно поэтому посредник, не имевший «ни одного фунта стерлингов», купил в собственность у Врангеля серебра на 91.200 фунтов стерлингов и продал его англичанину за 114.800 фунтов стерлингов, получив 20% коммерческой прибыли⁷³.

Напомним, что на самом деле сумма, полученная Врангелем, была иной — 110.800 фунтов стерлингов, а прибыль «Руссосерба», возможно, еще выше. Означает ли это, что фирма была на самом деле «подставным лицом» и что прибыль была поделена между владельцами фирмы и врангелевскими финансистами? Секретная переписка служащих финансового ведомства Врангеля говорит, скорее, об обратном. С «Руссосербом» шел, во всех случаях продажи ценностей, упорный торг, и поначалу, как мы видели выше, Тизенгаузен и Ломейер пытались найти других покупателей на серебряную монету. Однако попытки продать ее Русско-Славянскому, затем Адриатическому банку не увенчались успехом. Учитывая то, что деньги нужно было получить срочно и наличными (чеки, которыми расплачивался «Руссосерб», «обналичивались» без проблем и в несколько дней), а также далеко не бесспорный в правовом отношении характер операции, удивляться столь большой скидке покупателю не приходится.

Получали ли лично финансисты «комиссионные», о чем открыто писали недоброжелательно настроенные к Врангелю газеты? В частности, досталось Ломейеру, о котором «Дни» писали, что он в короткий срок заработал «на разных комиссиях крупный капитал»⁷⁴, не утверждая, впрочем, что речь идет именно о продаже серебра. Никаких данных, кроме «мнения», об этом не имеется. Заметим, правда, что участники операций по продаже ценностей не постеснялись премировать себя предметами, правда, не из благородных металлов, находившимися на складах Ссудной казны и не пошедшими в продажу. Впоследствии Тизенгаузен был уволен за растрату, однако это никак не свидетельствует о его нечистоплотности в делах о продажах ценностей Ссудной казны. Да и в случае с растратой, поскольку официального следствия не проводилось, трудно установить, был ли

⁷³ К.А. Серебряные операции Врангеля // Дни. 1923. 23 июня.

⁷⁴ Белоцветов Ник. Петр Врангель и К^о...

в действиях Тизенгаузена корыстный умысел или же он сам был введен в заблуждение недобросовестным партнером⁷⁵.

С «общественной» точки зрения большой интерес представляет обвинение «Дней», что «реализованное чужое серебро <...> вопреки всем уверениям, на «поддержку существования тысяч и десятков тысяч русских людей, на поддержку их семей, на помощь русским гражданским беженцам» не тратилось, а получило совершенно другое назначение»⁷⁶.

Каким же образом на самом деле были потрачены вырученные деньги, названные врангелевскими финансистами Военным фондом? В конце 1922 Русский Совет был распущен в связи с тем, что «Главкомандующий ограничил свои обязанности исключительно заботами об остатках Русской Армии», а из его состава был выделен Финансово-контрольный комитет («Фи-ко-ко», как сокращенно называли его в служебной переписке), который «принял на себя обязанности наблюдать за хранением сумм, вырученных от продажи просроченных закладов и за их расходом»⁷⁷.

⁷⁵ «История» Тизенгаузена развернулась осенью 1924. «Среди ударов, сыплющихся на Армию, еще один, особенно чувствительный, – писал Врангель Е.К.Миллеру 14 октября 1924. – В финансовом отделе обнаружена растрата, подлог в отчетах. Виновник – заведывающий <так!> финансами барон Тизенгаузен» (Vangel. 144-27. Л.1721-1722).

Растрата обнаружилась при следующих обстоятельствах: узнав о тяжелом положении Русско-Славянского банка, в котором хранилась часть армейских средств, Врангель дал команду потихоньку их снимать. На счетах Главного командования оставалось всего 400.000 динаров. Однако, к его удивлению, взносы общества «Техника» за выполненные военными работами были помещены Тизенгаузенем в тот же банк, и сумма на счету возросла до 3 миллионов динаров. Удалось вернуть один миллион динаров, и то не «живыми» деньгами, а акциями, а надежд на получение оставшихся двух миллионов практически не было, и эти суммы не были учтены при составлении финансового плана армии.

Врангель решил расстаться с Тизенгаузенем, но предварительно надо было снять деньги с его счетов в разных банках, вложения в различные предприятия. «На днях мною отдано было распоряжение закрыть личные счета барона Тизенгаузена, сосредоточив все деньги на имя “Техпрома”. Вот тут-то и обнаружилось, что показываемая им в ежемесячных сведениях наличность не соответствует действительности, – жаловался Главком Миллеру, – что цифры дутые и что с некоторых текущих счетов им сняты суммы, по книгам не проведенные. По представленному им объяснению он, желая спасти вложенные в Русско-Славянский банк суммы, покрывал выдаваемые банком безденежные чеки; пока обнаружена растрата в 500.000 динар. Сейчас производится ревизия, дела принимаются от барона Тизенгаузена новым заведывающим <так!> финансами А.И.Цакони, и лишь через несколько дней можно будет определить размер растраты» (Там же).

⁷⁶ К.А. Серебряные операции Врангеля // Дни. 1923. 24 июня.

⁷⁷ Отчет Финансово-контрольного комитета...

По авторитетному свидетельству П.Н.Шатилова, в прошлом начальника штаба Русской армии, личного друга и одного из самых доверенных лиц Главнокомандующего, члены «Фи-ко-ко» не просто «наблюдали» за хранением сумм, вырученных в результате продажи заложов Ссудной казны; они, собственно, и были их хранителями.

Впоследствии Шатилов вспоминал:

Дабы оградить себя в дальнейшем от возможности каких-либо поползновений на арест вырученных денег, генерал Врангель расписал их по частным лицам и на С.Н.Ильина (начальник канцелярии Главнокомандующего. – *О.Б.*). Лица эти были раньше членами Русского Совета и исключительно благожелательны к Армии.

Эти же лица должны были войти в состав финансово-контрольной комиссии, ассигнующей деньги, и выполнять этим общественный контроль.⁷⁸

В состав комитета (комиссии) входили В.П.Шмит (председатель), князь Павел Д. Долгоруков, Н.Н.Львов, В.М.Знаменский (секретарь); позднее Долгорукова и Знаменского сменили граф А.И.Уваров и А.И.Цакони. В 1927 был издан Отчет «Фи-ко-ко» об израсходовании сумм, вырученных от продажи просроченных заложов Петроградской ссудной казны.

Как показывают архивные материалы – Журналы заседаний Финансово-контрольного комитета №1–119 (7 октября 1922 – 1 сентября 1925)⁷⁹ и Сводный отчет об оборотах сумм, ассигнованных из Военного фонда за время с 1 сентября 1922 по 1 октября 1924 (объемом в 47 страниц)⁸⁰, – Отчету вполне можно доверять. Практически такие же цифры, что и в Отчете, приводит генерал Е.К.Миллер в не предназначенном для печати докладе об израсходовании сумм Военного фонда великому князю Николаю Николаевичу, которому Врангель передал верховное руководство военной организацией, наивно рассчитывая, что великому князю удастся привлечь для ее содержания дополнительные средства.

План расходования сумм был разработан Совещением из «главных военных начальников» под председательством генерала А.П.Кутепова и утвержден Русским Советом, которому принадлежало право контроля; после упразднения Русского Совета «финансово-контрольные права его перешли к вновь образованному из нескольких

⁷⁸ Шатилов П.Н. Воспоминания. – Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (Columbia University). Rare Book and Manuscript Library. Shatilov Collection. Box 10. Л.1287 (далее указывается только номер листа).

⁷⁹ Vranghel. 154–55.

⁸⁰ Там же. 154–56.

бывших членов Совета официальному общественному органу – Финансово-контрольной комиссии при Главном командовании»⁸¹.

Правда, как выяснилось, генералы рассчитали плохо, и уже 16 декабря 1922 на совместном заседании «Фи-ко-ко» и Сметно-распорядительной комиссии с участием приглашенных лиц⁸² выступивший с докладом Шмит указывал, что за прошедшие три месяца стало ясным, что финансовый план, выработанный комиссией под председательством Кутепова на период до 1 апреля 1924, является «совершенно невыполнимым». Произошли неожиданные события в Болгарии и Константинополе, но главное – военный фонд был определен планом в 37.500.000 динаров, тогда как он на самом деле не превышал 28.200.000 динаров. За три месяца было израсходовано около 9.200.000 динаров, т. е. более трети всей суммы военного фонда, и если бы расходование денег продолжалось такими же темпами, то их хватило бы еще на пять–семь месяцев. Предложение «Фи-ко-ко» сводилось к сокращению окладов содержания и общей реорганизации с целью сокращения всех расходов⁸³.

Острая дискуссия отчетливо выявила противоречия и взаимную подозрительность между генералами и политиками, военными и гражданскими.

Кутепов был недоволен тем, что «Фи-ко-ко» выделил чересчур много денег не на содержание Русской армии, а на другие цели: например, Красному Кресту было ассигновано 1.700.000 динаров, а на различные нужды в Константинополе, т. е. гражданским беженцам, было выделено 1.500 фунтов стерлингов. Он заявил, что организация Сметно-распорядительной комиссии и «Фи-ко-ко» «страдает основным дефектом: отсутствием в ее составе начальников отдельных воинских частей, более непосредственно связанных с Армией». Будь в составе этих органов начальники воинских частей, – полагал Куте-

⁸¹ Доклад Е.К.Миллера...

⁸² В «соединенном заседании» участвовали: приглашенные лица – помощник Главнокомандующего Русской армии генерал А.П.Кутепов, помощник Главнокомандующего генерал Ф.Ф.Абрамов, начальник кавалерийской дивизии генерал И.Г.Барбович, генерал В.К.Витковский, и. о. военного агента в Королевстве СХС полковник Генерального штаба В.И.Базаревич; члены Финансово-контрольного комитета при Главном командовании Русской армии – председатель комитета В.П.Шмит, князь П.Д.Долгоруков, Н.Н.Львов и секретарь комитета В.М.Знаменский; члены Сметно-распорядительной комиссии: и. о. начальника Штаба Главнокомандующего генерал П.А.Кусонский, помощник начальника снабжения Русской армии барон А.Е.Тизенгаузен, заведующий контролем при Главнокомандующем Русской армии Д.И.Никифоров, главный казначей Русской армии А.И.Цакони, помощник заведующего контролем при Главнокомандующем Русской армии В.К.Пуницкий.

⁸³ См.: Журнал <...> №19/54. – Vrang. 154-55. Л.37-38.

пов, – ассигнования на другие цели, подобные уже произведенным, были бы невозможны⁸⁴.

Князь Долгоруков указал, что «ассигнования на Красный Крест и на беженцев в Константинополе были необходимы по политическим причинам, хотя, может быть, и не в таких широких размерах». Однако он тут же вернул упрек «в слишком широком размахе ассигнований <...> той же комиссии, которая заседала под председательством генерала Кутепова». «Вследствие этого, – заключил князь, – в настоящее время мы стоим перед тяжелой обязанностью сокращать оклады, утвержденные всего три месяца назад»⁸⁵.

Шмит, подчеркивая, что «роль Финансово-Контрольного комитета сводится к тому, что он принимает на себя нравственную ответственность перед Главнокомандующим за все принимаемые <так!> им ассигнования», дал понять, что военные не предпочитают «Фи-ко-ко» всех необходимых сведений для составления смет. Он отметил, что «в некоторых воинских частях образуются свободные суммы, остатки, экономии так называемых хозяйственных сумм, которые недопустимы при современном состоянии Армии и должны подлежать возвращению в казну Главного Командования».

Ему резко возражал Кутепов, заявляя, что «никаких экономий хозяйственных сумм в частях нет и при настоящем положении Армии их и не может быть». Кутепову вторил генерал И.Г.Барбович, признавая в то же время, что «в распоряжении штабов отдельных частей имеются большие средства, но это не есть результат экономии несуществующих хозяйственных сумм, а просто еще неизрасходованные деньги по ранее утвержденным ассигнованиям. <...> Остатки могут быть определены только весной, когда пройдут трудные зимние месяцы. Возможность оставлять у себя раз ассигнованные деньги приучает части к большей экономии. Этот стимул немедленно исчезнет, – рассуждал, как завзятый экономист, кавалерийский генерал, – если только деньги будут подлежать возвращению»⁸⁶.

Соединенное заседание не приняло каких-либо решений, принципиально меняющих систему или размеры ассигнований, ограничившись частностями. Ясно было одно – денег для содержания Русской армии в прежнем составе недостаточно, необходимы режим жесткой экономии и сокращения.

Недовольство военных механизмом распределения средств нашло отражение в воспоминаниях Шатилова. По его словам, «общая сумма находившихся в распоряжении финансовой части средств

⁸⁴ Там же. Л.38об.-39.

⁸⁵ Там же. Л.40-40об.

⁸⁶ Там же. Л.38-39, 41.

скрывалась даже и от и<сполняющего> д<олжность> Начальника штаба генерала Кусонского».

Кроме того, «рассмотрения всех ассигнований на гражданские учреждения проводились помимо представителя военного ведомства, почему он не мог протестовать по вопросу ассигнований вне армии, которые, с точки зрения военных, были не нужны и лишь обездоливали армию. При этом оклады гражданских лиц, – утверждал Шатилов, – превышали оклады военных почти в два раза»⁸⁷.

Вырученные от продажи просроченных залогов Ссудной казны средства начали расходоваться с 1 октября 1922; они иссякли к концу 1924⁸⁸ (не считая фонда в 10.800 фунтов стерлингов, зарезервированного для расчетов с владельцами залогов). Повторим еще раз, что Отчет «Фи-ко-ко» дает достаточно точное представление о том, как и на что тратились деньги. 100.000 фунтов стерлингов, оставшиеся в распоряжении Врангеля, были обменены на 37.500.000 динаров. За вычетом 371.000 динаров, потраченных на операционные расходы по продаже, осталось 37.129.000 динаров, которые были израсходованы на следующие цели:

1. Содержание и питание чинов Армии в Галлиполи, Болгарии и в Сербии впредь до постановки целых частей и отдельных лиц на работы, перевозка частей из Галлиполи, содержание временно безработных и содержание кадров Армии <...> – 9.867.175.01 динаров, т. е. около 27,1% от всей вырученной суммы.

2. Обследование и подыскание работ в Сербии, Болгарии, Франции, Бельгии, организация таких работ, перевозка частей и их имущества на работы в Сербии и Болгарии, пособия на отправку рабочих партий во Францию и т. д. – 1.689.447.11 динаров – 4,6%.

3. Удовлетворение духовных нужд, содержание духовных лиц, объезды ими частей, перевозка церковного имущества, пособия на устройство церквей и т. д. – 348.559.25 – 0,9%.

4. Врачебная и санитарная помощь, содержание лазаретов, приемных покоев и санаториев, приобретение медикаментов, перевязочных и др<угих> материалов, содержание коек в госпитале, содержание заболевших и проч. – 4.668.778.88 дин<ара> – 12,9%.

5. Содержание и пособия семьям, женщинам, детям, инвалидам и нетрудоспособным, нуждающимся, заболевшим – 9.517.787.46 дин<ара> – 26,1%.

6. Содержание и пособия учебным заведениям, Николаевскому кавалерийскому училищу, гимназии в Болгарии, корпусам в Королевстве С.Х.С., морскому корпусу в Бизерте, студентам в

⁸⁷ Шатилов П.Н. Воспоминания. Л.1290.

⁸⁸ Согласно цитированному выше докладу генерала Е.К.Миллера, – к 1 октября 1924.

Королевстве С.Х.С., в Праге, в Венгрии, в Берлине – 5.134.993.89 дин<ара> – 14,1%.

7. На культурно-просветительные нужды, выпуску газет и журналов, выдачу ссуд на издания, переводы и покупку книг, на организацию курсов самообразования, лекций и пр. – 616.474.80 дин<ара> – 1,7%.

8. На помощь разным организациям, О<бщест>ву Красного Креста, Беженскому Комитету в Константинополе, Союзу офицерских организаций, студенческим организациям, Комитету по постройке русского храма в Белграде – 2.857.845.00 дин<аров> – 7,8%.

9. Разные расходы по оказанию помощи частям Армии в виде организации потребительских лавок, заготовки одежды и обуви, перевозки пожертвованных предметов питания, одежды и т. д. – 1.059.822.05 дин<ара> – 2,9%.

10. Помощь высланным или бежавшим из Болгарии – 696.083.20 дин<ара> – 1,9%.

11. Содержание организации, наблюдавшей за хранением и расходованием средств – 268.275 дин<ара> – 0,7%.

12. Содержание администрации и др<угие> расходы по Ссудной Казне – 319.800 дин<ара> – 0,8%.⁸⁹

Таким образом, большая часть «серебряных» денег пошла на содержание армии и на перевод ее на гражданское положение, а также на содержание военно-учебных заведений. Все же не менее 40% вырученной суммы было потрачено на гуманитарные нужды. Военные были бы не прочь распорядиться всеми деньгами, однако влияние общественного мнения было, по-видимому, достаточно сильным, а скандал, разыгравшийся вокруг продажи просроченных залогов Ссудной казны, – чересчур громким. Поэтому пришлось уступить политикам.

Несмотря на то что Врангелю было известно недовольство Кутепова, Кусонского и других высших офицеров армии распоряжениями Финансово-контрольной комиссии, он не желал вмешиваться в ее действия. «Продажа ссудной казны производилась при моральной поддержке общественных организаций», и Главнокомандующий «считал необходимым предоставить им полную свободу ассигнований», – так объяснял его необычную лояльность к «гражданским» Шатилов⁹⁰.

Вопрос о целесообразности и правомерности продажи чужой собственности разрешило время. Оно показало, что возвращение залогов их законным владельцам в любом случае было бы невозможным. Советская власть продержалась гораздо дольше, чем это могли предположить самые черные пессимисты, и во всяком случае

⁸⁹ Отчет Финансово-контрольного комитета...

⁹⁰ Шатилов П.Н. Воспоминания. Л.1291.

дольше биологического существования владельцев серебра, оставшихся в Советской России. С другой стороны, замарав чистоту своих одежд, Врангель и его соратники лишь продлили агонию Белого дела. Русская армия в изгнании со своим Главным командованием, штабами, генералами, сохранением субординации и т. д. все больше напоминала «потешное» войско, а ее руководители – мальчишек, упорно не желающих понимать, что их игру в солдатики всерьез воспринимают лишь они сами.

Что же касается остальных – и немалых! – ценностей Ссудной казны, то с 1 января 1923, со слов генерала Миллера, «причисленные к заведованию имуществом Сс<удной> казны служащие, – большую часть бывшие чины этого учреждения в Петрограде, – устранились от подчинения Главному Командованию, оставшееся имущество, перевезенное из Каттаро в Белград, было взято в свое ведение правительством Югославии»⁹¹. По-видимому, служащие Ссудной казны, всю свою жизнь стоявшие на страже интересов своего учреждения и его клиентов, в конце концов взбунтовались против хозяйничанья военных и разбазаривания вверенных им ценностей. Правительство Югославии, в целом вполне лояльно настроенное по отношению к Русской армии, также, по-видимому, не могло не реагировать на скандальные публикации в сербской и русской эмигрантской печати.

По утверждению И. Качаки, пользовавшегося материалами югославских архивов и югославской печати, «дальнейшая история казны связана со многими скандалами, кражами (и арестами за эти кражи служащих казны), секвестированиями, которыми королевское правительство пыталось приостановить неправильности в работе казны»⁹².

В 1924 в Белград прибыло 657 оставшихся ящиков с ценностями Ссудной казны; в 1920 их было в общей сложности 1618. Ценности хранились в подвале югославского Министерства финансов. Постепенно число ящиков сокращалось; иногда появлялись владельцы вкладов и оставшегося незначительного числа закладов, выкупавшие свое имущество. Однако очевидно, что таких случаев было не очень много.

В период нацистской оккупации, в 1942, по настоянию немецкого уполномоченного по хозяйственным делам доктора Франца Нейхаузена сербы передали остатки казны в распоряжение генерала В.В.Крейтера, назначенного в конце 1941 начальником Русского бюро, ведавшего делами русских эмигрантов. В Русский дом на грузовиках было перевезено 122 больших ящика. Ценности передали

⁹¹ Доклад Е.К.Миллера...

⁹² Качаки И. Письмо в редакцию.

без описи и не взвешивая⁹³. Заботливость нацистов объяснялась тем, что часть эмигрантов восторженно встретила приход оккупантов. Так, на здании бывшего русского посольства какими-то «энтузиастами» был выставлен плакат: «Победа Германии – освобождение России»⁹⁴. Более существенным было то, что на стороне нацистов сражался с югославскими партизанами Русский охранный корпус, сформированный в значительной степени из остатков Русской армии. Если не сам корпус, то члены семей военнослужащих финансировались, по-видимому, за счет продажи ценностей Ссудной казны.

В структуре Русского бюро был образован особый отдел во главе с военным юристом полковником Н.Э.Барановским. Задачей отдела являлось хранение Ссудной казны. На самом деле «хранение» было не более чем эвфемизмом. Экономический комитет, который должен был заниматься, по-видимому, изысканием средств на поддержку эмигрантов, открыл комиссионный магазин, через который продавались малоценные вещи, в том числе серебряные ложки, подстаканники, портсигары, полковые значки и т. п. Более ценные вещи продавались, по слухам, келейно и при участии служащих гестапо⁹⁵.

Очень быстро деятельность Крейтера вызвала недовольство в эмигрантской среде. Неким профессором Е.П.Джунковским был подготовлен меморандум от 11 ноября 1942, в котором суммировались претензии эмигрантов к своему «заведующему», и вручен им Крейтеру. Специальный пункт был посвящен Серебряной казне:

<...> 2) Единственным источником средств для удовлетворения нужд эмиграции явилось имущество Санкт-Петербургской Ссудной Казны. На каких условиях оно получено, никому не известно. Это глубокая и непроницаемая тайна, сопровождаемая отсутствием общественного контроля. Что продано и на какую сумму – неизвестно. Неизвестен и общий бюджет Бюро (но известны огромные суммы оплаты высших служащих). Неизвестно, на какую сумму следует продавать для исполнения бюджета. Продажа же, ввиду роста цен, должна производиться постепенно. Не только эмиграции, но и самому Бюро неизвестна общая стоимость фонда и даже его содержание. Приняли по счету ящиков без составления описи. Очевидно, крайне торопились... Легкомыслие, с которым велось все это дело, можно назвать преступным – и у эмиграции возникают большие сомнения в смысле охраны ее интересов при ликвидации исключительно ценного имущества. А между тем это единственное достояние обездоленных русских людей, и катастрофа на этом фронте есть общая катастрофа. После отобрания фонда от сербов, которые бережно его

⁹³ *Маевский Вл.* Русские в Югославии: Взаимоотношения России и Сербии. Нью-Йорк: Издания исторического кружка, 1966. С.348-349.

⁹⁴ Там же. С.280.

⁹⁵ Там же. С.314-315, 349-350.

хранили, – говорить с ними о материальной помощи не приходится. Поэтому выяснение вопроса «серебряного фонда» есть неотложная задача дня. Сторонники тайны должны быть устранены, и дело должно быть поведено открыто. Этого требуют не только жизненные интересы, но и достоинство русского имени.⁹⁶

Крейтер пригласил Джунковского для объяснений и проинформировал профессора, что «серебряный фонд» дан немцами в качестве источника средств на три года и оценен в 30.000 тысяч динар.

По утверждению историка русской эмиграции в Югославии В.А.Маевского, находившегося в указанное время в Белграде, «последнее совершенно противоречило действительности: часть вещей не была еще и распакована, а бывшие служащие Ссудной Казны утверждали, что там имеются древние, редкие и драгоценные вещи. Во всяком случае за один только год начальствования генерала Крейтера израсходовало Бюро 17.000.000 динар. Спрашивается: на что?»⁹⁷.

Дальнейшая история Ссудной казны изложена в статье некоего Ю.Сербина⁹⁸, опубликованной в русскоязычной газете «За Правду», выходившей в Буэнос-Айресе (№317 от 8 октября 1955). К сожалению, этот номер газеты остался нам недоступен, но основная часть статьи воспроизведена в книге Маевского. Сербин, судя по тому, что он сообщает весьма колоритные детали, был если не участником, то непосредственным свидетелем событий. Вероятно также, что статья подписана псевдонимом («Сербин» – т. е. приехавший из Сербии).

По данным Сербина, в 1944 в Вену были отправлены последние 20 ящиков⁹⁹ для передачи в дальнейшем генералу А.А.Власову. С этой целью ящики переправили в Мюнхен. Однако попали они в конечном счете в руки американских военных. Оставшиеся 18 ящиков (два пропали при перевозке из Вены в Мюнхен) были переданы 7 октября 1948 в Мюнхене американскими оккупационными властями русской беженской организации генерал-лейтенанта П.В.Глазенапа. Глазенап составил подробную опись всего имущества, при-

⁹⁶ Там же. С.336-337.

⁹⁷ Там же. С.341.

⁹⁸ Вероятно, автор статьи – первопоходник (т. е. участник 1-го Кубанского похода Добровольческой армии), подполковник, затем генерал Ю.В.Сербин. В эмиграции – в Югославии; в период Второй мировой войны служил в Русском охранном корпусе. Затем, по-видимому, оказался в Германии, откуда перебрался в Аргентину.

⁹⁹ По утверждению Маевского, не подкрепленному, впрочем, ссылкой на какой-либо источник, предварительно были отобраны наиболее ценные вещи и отправлены в Вену в два приема на немецких военных самолетах (Там же. С.350).

чем оказалось, что ящиках, кроме некоторого количества старинных икон, содержался серебряный лом, преимущественно ложки¹⁰⁰.

Имущество хранилось в подвале дома Союза Андреевского флага (САФ), основанного Глазенапом, под охраной первопоходника, в годы Второй мировой войны служившего в Русской освободительной армии (РОА) Власова, поручика Г.А.Алексеева и лейтенанта РОА Левшина. Казна доставляла САФ массу хлопот: ходили, как водится, слухи о растрате, публиковались «разоблачительные» газетные заметки. Несколько раз охране пришлось отражать нападения бандитов, причем однажды один из нападавших – поляк из числа «ди-пи» – был убит.

Глазенап пытался сбыть казну с рук, однако ее отказались принять и митрополит Анастасий, как будто не заинтересовавшийся находившимися в ее составе иконами, и князь С.С.Белосельский-Белозерский. Последний, в прошлом штабс-ротмистр, сделал неплохую карьеру в США, став там полковником авиации. Белосельский-Белозерский был довольно активен в «русской политике» и основал за океаном Российский комитет освобождения и Российский комитет в США. Князь согласился принять казну на свое попечение в том случае, если будет оплачена ее доставка в США. Это было САФ не по средствам. В конечном счете Глазенап продал остатки казны какому-то швейцарцу за 30–32 тысячи германских марок. Деньги же были переданы в распоряжение Центрального представительства русских эмигрантов (ЦПРЭ) в Мюнхене.

При передаче денег один из членов правления, лидер основанного в 1948 Российского общенационального народно-державного движения (РОНДД), некто Е.Н.Арцюк, предусмотрительно заручился запиской Глазенапа, что средства должны быть использованы на «национально-патриотическую» работу. Вскоре Арцюк, эмигрант «второй волны», участник власовского движения¹⁰¹, устроил на заседании правления общеэмигрантской организации скандал, обвинив членов правления в раздаче ссуд на торговые дела ненадежным лицам. Шансов на возвращение выданных денег было мало. Арцюк предъявил записку Глазенапа и заявил, что никаких ссуд впредь выдаваться не должно, а деньги следует передать единственной организации, ведущей «национально-патриотическую работу», то есть

¹⁰⁰ Здесь и далее события излагаются по статье Сербина, воспроизведенной на с.349-352 книги Маевского. Минимальные биографические сведения о лицах, причастных к «ликвидации» остатков Ссудной казны, почерпнуты нами в различных справочных изданиях.

¹⁰¹ Впрочем, для Арцюка, подписывавшегося звучным псевдонимом «Державин», Пражский манифест был чересчур «февральским». РОНДД рассчитывал объединить «национальные силы» России и Германии; немалое место на страницах изданий РОНДД посвящалось борьбе с «иудо-коммунизмом».

возглавляемому им РОНДД. Перепалка закончилась тем, что казначей ЦПРЭ донской генерал С.К.Бородин, также успевший послужить гитлеровцам, бросил портфель с деньгами на стол, заявив, что не желает больше спорить. Таким образом, последние «серебряные» деньги, приблизительно 22–24 тысячи германских марок, достались РОНДД.

Возможно, впрочем, что какая-то часть сокровищ Ссудной казны осталась в Сербии. В мае 2000 года в Этнографическом музее в Белграде на выставке «Русское серебро» (из фондов музея) И.Качаки среди других экспонатов видел «серебряный столовый прибор работы мастерской Грачева, с гравированным гербом старинного русского дворянского рода Бахметьевых, общий вес которого превосходит 200 килограммов». Сотрудники музея не располагали достоверной информацией о происхождении этих и некоторых других серебряных предметов, кроме той, что они были получены «после Второй мировой войны». По предположению И.Качаки, это и есть «один из последних следов долгого пребывания Петроградской ссудной казны в Белграде»¹⁰².

Верно ли это предположение, могут показать лишь дальнейшие разыскания в разбросанных по всему миру эмигрантских архивах. Так же как прояснить, каким образом «растворились» более 500 ящиков ценностей в период между 1924 и 1942 годами.

¹⁰² Качаки И. Письмо в редакцию.

Михаил Соколов

СОЗДАНИЕ РЕСПУБЛИКАНСКО- ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЮЗА

История российской демократии – это нескончаемые попытки создать широкий союз общественных сил, способных противостоять автократии: до 1917 – авторитарному самодержавию, после 1917 – большевистскому тоталитаризму. Попытки эти предпринимались и в России, и в эмиграции.

Первым таким объединением был Союз Освобождения, просуществовавший до конца 1905 и объединивший практически все либеральные, земские, прогрессивные элементы, выступавшие за политические реформы в Российской империи.

После большевистского переворота в России организацией, наиболее адекватной задачам начального этапа борьбы с тоталитарным режимом, был Союз Возрождения России, объединивший кадетов, народных социалистов, правых эсеров, правых меньшевиков, группу «Единство» Г.В.Плеханова. Союз Возрождения России был создан в апреле 1918. Его программа включала непризнание Брестского мира, воссоздание русского государства, единой, свободной России, форма правления не предreshалась. Полагалась полезной временная диктатура из 3–5 человек до проведения свободных выборов в Учредительное Собрание. Председателем был лидер народных социалистов В.А.Мякотин.

Для российских демократов, оказавшихся в эмиграции, естественным было желание повторить этот опыт. При этом конкурировали как минимум две идеи: 1) широкий антибольшевистский фронт, включающий все силы – от монархистов до социалистов, ориентированный на смену режима в России не без участия иностранной интервенции, и

2) объединение демократических сил, не принимающих идеи реставрации монархии и даже «непредрешенчества»¹ и рассчитывающих на постепенное внутреннее разложение Советской власти.

В центре этого идейного спора оказалась кадетская партия. Именно представители Партии народной свободы (ПНС) в эмиграции и раскололись. Большинство (здесь тон задавала берлинская группа во главе с В.Д.Набоковым и И.В.Гессеном, объединенная вокруг газеты «Руль») оказалось справа, в тактическом союзе с П.Н.Врангелем и умеренными монархистами.

Парижская группа во главе с П.Н.Милюковым выбрала предложенный им в декабре 1920 в статье «Что делать после Крымской катастрофы?»² курс «новой тактики». Именно из сторонников линии сдвига влево летом 1924 по инициативе Милюкова на основе Демократической группы ПНС было создано более широкое, чем парижская группа ПНС, Республиканско-демократическое объединение (РДО).

Парижские кадеты в течение 1922–1923 последовательно старались объединить в коалицию различные левоцентристские группы, включая умеренных социалистов и крестьянских демократов, и создать Республиканско-демократический блок, платформой которого были бы три основных принципа: демократическая республика, федерация и признание земельных приобретений крестьянства.

Существует ряд современных исследований, рассказывающих о деятельности П.Н.Милюкова по консолидации сил русской демократической эмиграции, – в частности, это книги Н.И.Канищевой³ и С.А.Александрова⁴. Демократической эмиграции посвящена и глава в издании «Политическая история русской эмиграции»⁵. Здесь, как и в книге С.А.Александрова, воспроизведена таблица⁶, сравнивающая

¹ Этим термином можно объединить политиков эмиграции, считавших свержение большевизма приоритетной задачей, способной объединить все силы, независимо от ориентации на республику или монархию: В.Л.Бурцев с его газетой «Общее дело», кадеты центра, например В.В.Зеньковский и группа, выпускавшая журнал «Борьба за Россию».

² См.: Протоколы заграничных групп Конституционно-демократической партии. В 6 т. Т.4: Май 1920 – июнь 1921. М., 1996. С.76–83 (далее – Протоколы, с указанием тома и страницы).

³ Канищева Н.И. 1) Кадетская партия после большевистского переворота // Политические партии России: История и современность. М.: РОССПЭН, 2000; 2) Разработка П.Н.Милюковым тактического курса эмигрантских кадетских групп // П.Н.Милюков: Историк, политик, дипломат. М.: РОССПЭН, 2000.

⁴ Александров С.А. Лидер российских кадетов П.Н.Милюков в эмиграции. М., 1996. В этой книге опубликована платформа Республиканско-демократического союза.

⁵ Щагин Э.М., Константинов С.В. Республиканско-демократический лагерь // Политическая история русской эмиграции. М.: ВЛАДОС, 1999. С.518–598.

⁶ Там же. С.537–541.

платформу Республиканско-демократического союза (РДС) декабря 1923, платформу, принятую на сентябрьском совещании левых кадетов и правых эсеров (1922), и программу РДО июля 1924⁷.

В трудах Н.И.Канищевой и С.А.Александрова достаточно подробно изложена деятельность Милюкова по созданию РДС. Правда, авторов в основном интересует та часть РДС, которая называлась эрдеками (Парижская демократическая группа Партии народной свободы, переименованная впоследствии в республиканско-демократическую группу ПНС); а также деятельность более широкого Республиканско-демократического объединения, созданного Милюковым и его сторонниками в 1924. Оно опиралось на парижский клуб РДО и газету «Последние новости». Исследователи до сих пор не акцентировали внимания на том, что левокадетская группа растворилась в руководимом Милюковым РДО далеко не сразу. В полезной же работе Т.А.Яковлевой РДС ошибочно отождествлен с РДО⁸.

Вне сферы научного интереса биографов Милюкова оказались весьма интересные материалы и документы, раскрывающие позицию партнеров парижских кадетов по создававшемуся блоку. Это Трудовая народно-социалистическая партия (лидер В.А.Мякотин) и группа «Крестьянская Россия» (лидеры – выходцы из партии эсеров С.С.Маслов и А.А.Аргунов) С конца 1927 организация была преобразована в Трудовую крестьянскую партию «Крестьянская Россия» (ТКП «КР»).

Как показывают хранящиеся в ГАРФ документы РДС, в течение 1924–1928 этот союз был реально действовавшей коалиционной организацией, имевшей солидное по тем временам для эмиграции финансирование, общее и для «Крестьянской России», и для РДО и близких ему групп. Активно велась издательская деятельность, делались попытки организовать переправку своей, а также идейно близкой литературы в Советскую Россию. При этом если формально в блоке были левые кадеты и крестьянские демократы, то фактически в нем работали также и отдельные эсеры, социал-демократы и народные социалисты.

Теме создания и деятельности РДС и посвящена настоящая работа.

* * *

⁷ Три платформы Республиканско-демократического объединения (1922–1924) / Полит. коммент. П.Н.Милюкова, с приложением сравнительного текста платформ 1922, 1923, 1924 гг. Париж: Изд. Республиканско-демократического объединения, 1925.

⁸ Яковлева Т.А. Пути Возрождения // Иркутск: Изд. Иркутской экономической академии, 1996. С.28-29.

Республиканско-демократический союз был создан в Праге в декабре 1923 года двумя эмигрантскими организациями, которые возникли уже после поражения Белого движения. Обе структуры искали новую тактику антибольшевистской борьбы.

Первая из них – демократическая группа Партии народной свободы во главе с Павлом Николаевичем Милюковым. Сначала эта группа отделилась от правого крыла кадетской партии, а в 1921 – и от центра, выйдя из состава парижской группы ПКД: Милюков высказался за новую линию борьбы. В первую очередь он предложил признать ряд уже свершившихся после октябрьского переворота фактов: земельный передел, установление республики и появление на территории Российской империи декларативной федерации. Демократическая группа Партии народной свободы была создана в июле 1921 на базе парижской группы кадетов (берлинская, лондонская, белградская и софийская кадетские группы отказались менять тактику; на съезде 2 июня 1921 ЦК резолюцию о «новой тактике» не поддержал). В результате в группу вошло лишь 22 человека: «Председатель группы П.Н.Милюков, товарищ председателя М.М.Винавер, секретарь Н.Н.Волков, казначей А.М.Михельсон. Члены ее: С.И.Басс, А.С.Безчинский, М.В.Брайкевич, Е.М.Винавер, П.П.Гронский, И.П.Демидов, Н.Н.Ефремов, П.Ю.Зубов, А.И.Коновалов, А.В.Косиковская, А.С.Милюкова, Н.П.Могиланский, М.А.Рысс, П.Я.Рысс, А.А.Свечин, В.А.Харламов, И.С.Шнеерсон и А.Е.Эльяшев»⁹.

Вторая организация была создана в 1920–1921 в Москве С.С.Масловым – правым эсером, членом Учредительного Собрания, военным министром и гражданским губернатором Архангельска в первом составе Северного правительства Н.В.Чайковского в 1918. Она получила название «Крестьянская Россия». Официальная история «Крестьянской России» излагается ее партийным органом так:

«К<рестьянская>Р<оссия>» как новое направление в русской общественной жизни появилось в России в 1920 году. В январе 1921 года это направление вызвало к жизни новую политическую группировку. В июле 1921г., после шестимесячной идейной, пропагандистской и организационной работы в России, Центральное Бюро новой группировки решило начать свою деятельность и среди русской эмиграции за границей. Был избран заграничный представитель Бюро, выработан наказ для него и дано поручение выехать за границу. В августе того же года избранный представитель Бюро нелегально перешел границу.¹⁰

⁹ Заявление «От Парижской демократической группы Партии народной Свободы» (цит. по: Протоколы. Т.5: Июнь – декабрь 1921. М., 1997. С.497-498).

¹⁰ Крестьянская Россия. Информационный листок. Изд. Пражской группы и Центрального Бюро заграничных групп «Крестьянской России». Прага, 1924. №2, февраль. (Машинописный бюллетень). – ГАРФ. Ф.9105. Оп.1. Д.3.

После бегства из Советской России С.С.Маслов в сентябре 1921 в Варшаве вел переговоры с находившимися там политиками. В частности, с членом Русского комитета Альфредом Людвиговичем Бемом он обсуждал возможность организации нового политического объединения. По мнению Маслова, они смогли бы создать массовую Крестьянскую партию, свободную от эсеровской идеологии и присущих социалистам-революционерам иллюзий, что позволило бы вести борьбу с большевиками на «исключительно классовом уровне» (как это было объявлено в письме ЦК партии эсеров от 26 апреля 1921).

24 сентября 1921 Маслов записывает в дневнике:

Разговор с Альфредом Людвиговичем Бемом <так!>. Принятие нашей платформы почти полное. Расхождение: в слабости национального вопроса (методы его решения в России). Опасения, что партия, объединяя одних только крестьян, – 1) неизбежно будет уводиться от националь<о>-государств<енных> задач и становится синдикатом для защиты и укрепления крестьянских интересов и прав; из партии национально-государственных задач, осуществляемых крестьянством, она станет партией исключительно и грубо-классовых интересов. <...> А.Л.Бэм снова, в общем, сказал, что он готов принять участие в складывающейся политической группировке и готов оказать посильное содействие, но как? чем? ¹¹

Один из главных тезисов тактики Маслова – необходимость сотрудничества всех демократических антибольшевистских сил, а также коалиция с несоциалистическими партиями, прежде всего кадетами.

Милюковские кадеты-демократы явно рассчитывали на раскол в рядах Партии социалистов-революционеров. На это указывают протоколы заседаний парижской группы Партии народной свободы. Сам Милюков отмечал:

Создавшееся же теперь положение у эсеров <...> есть наш плод, ибо мы всегда рассчитывали на трещину в их среде и даже не раз это обещали другим. Теперь же впервые наступает момент, когда готова выделиться из старого социализма группа, отделяющаяся от старых утопических элементов своих и пригодная вместе с нами для создания новой радикально-социальной группировки, наподобие французской. Бросить сейчас эту комбинацию – значит не доиграть игры, которая выигрывается в нашу пользу. ¹²

В ноябре–декабре 1921 Маслов провел в Париже переговоры с А.Ф.Керенским, Н.Д.Авксентьевым, И.И.Фондаминским, с парижскими кадетами. По возвращении в Прагу он приступил к налаживанию связей с руководством Чехословакии. 20 февраля 1922 Маслов

¹¹ Дневник С.С.Маслова. 1921–1944. Л.2. – Собрание Т.С.Масловой, Прага.

¹² Протоколы. Т.6, кн.1. М., 1999. С.189-190.

был принят президентом Чехословакии Томашем Масариком¹³. Глава страны, активно принимавшей эмигрантов, проводил в год не более четырех-пяти официальных встреч с русскими политиками. Итоги этой встречи неизвестны, но после нее начинается явная активизация объединительной деятельности, а С.С.Маслов выпускает фундаментальный двухтомный труд «Россия после четырех лет революции»¹⁴.

Левые кадеты надеялись на союз с частью эсеров.

Один из видных членов демократической группы П.Я.Рысс на ее заседании 22 мая 1922 говорил:

Часть социалистов (группа эсеров) приручена буржуазно-демократической партией. Это имеет большое значение, ибо в России, несомненно, будет господствовать радикально-демократическая партия или какая-то им подобная под иным названием, но близко стоящая к ним, а социально – к бывшим социалистам, которые пересмотрят свои программные верования. <...> ...крайне желательно, чтобы эта эсеровско-кадетская комбинация сохранилась. <...> ...такая радикально-демократическая группировка – из нас (т. е. демократическая группа ПКД. – М.С.) и правых эсеров – должна будет осуществиться в России.¹⁵

Член парижской демократической группы И.П.Демидов считал:

...наметилось некое новое политическое образование, о неизбежности которого в России – в будущем – говорил в своем докладе здесь Маслов. Сознание необходимости сознания <так!> чего-то нового существует не только у Маслова, но и в правой эсеровской среде вообще, и в результате намечается известное течение, идущее в новое русло и интересующее Россию – походящим оттуда сведениям. Это новое течение и не кадетское, и не эсеровское, а некое среднее между ними.<...>И недаром Павел Николаевич <Милоков> сказал, что мы должны опираться на крестьянство, а ему <...> соответствует коалиция правых эсеров и левых кадетов.¹⁶

За свои публичные выступления и статьи в «Последних новостях», призывы к коалиции в 1922 Маслов был исключен Заграничной делегацией ПСР из ее рядов. Линию «на союз с буржуазией» руководство Заграничной делегации эсеров отвергало как противоречащую их социалистическим принципам.

После переговоров в Париже и переезда Маслова из Варшавы в Прагу, в столице Чехословацкой республики в 1922 им была создана

¹³ См.: Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике: В 2 т. / Под общ. ред. Л.Белошевой. Прага, 2000. Т.1. С.63 (далее – Хроника).

¹⁴ Маслов С.С. Россия после четырех лет революции: В 2 т. Париж: Русская печать, 1922.

¹⁵ Протоколы. Т.6, кн.1. С.190.

¹⁶ Там же. С.189.

пражская группа «Крестьянской России»: «...в мае 1922 года сложилась центральная группа для ведения за границей работы, начатой в России»¹⁷. В ее состав вошли: бывший член Омской Директории, один из создателей Партии социалистов-революционеров А.А.Аргунов, известный филолог, участник варшавского Центра действия А.Л.Бем и др.

Всего в организации на 1923 год числилось: в Праге – 18 человек, в Брно – 2, в Ревеле – 3, были также отдельные члены в США, Париже, Вильно, Загребе, Ужгороде, Осиеке (Югославия)¹⁸.

Партия имела свой печатный орган – «Крестьянская Россия. Сборник статей по вопросам общественно-политическим и экономическим», который выходил с 1922 по 1924 (всего вышло 9 номеров). В его создании и редактировании вместе с Масловым, Аргуновым и Бемом принимал участие живший в Праге социолог Питирим Сорокин – вплоть до своего отъезда в США осенью 1923.

Сначала планировалось печатать альманах в Берлине¹⁹, но все же затем вышел в Праге²⁰. С февраля 1925 сборник был заменен журналом «Вестник “Крестьянской России”», который печатался сначала в Берлине, а потом в Праге (с 1927; за восемь лет вышло 45 номеров); а с мая 1933 вплоть до апреля 1939 С.С.Маслов издавал в Праге ежемесячный журнал «Знамя России». Кроме того, с 1924 по 1938 достаточно регулярно выпускался и внутрипартийный «Информационный бюллетень “Крестьянской России”».

Группа Маслова стремилась к коалиции с группой Милокова, хотя у обеих новых политических организаций, созданных в эмиграции, было не так уж много общего. Каждая из них представляла собой фактически ревизионистское меньшинство, отошедшее от массовых дореволюционных политических партий – эсеровской и кадетской. В какой-то мере объединяла их ставка на защиту интересов крестьянства в условиях нэпа. К своему союзу они пытались привлечь и другие эмигрантские новообразования с похожими программами.

В июне 1922 на заседании парижской группы обсуждался вопрос о том, как повлиять на расстановку эмигрантских политических сил высылка из Советской России Е.Д.Кусковой и С.Н.Прокоповича,

¹⁷ Крестьянская Россия. Информационный листок. С.6.

¹⁸ Дневник С.С.Маслова. Л.272-274.

¹⁹ См.: письмо М.Слонима Е.А.Ляцкому от 16 сентября 1923 о деятельности издательства «Пламя», опубли.: См.: Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinske emigrace v Československé republice (1919–1939) = Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1919–1939) / Z.Sládek, L.Ľeloševská a kolektiv autoru. Praha: Slovanský ústav AV ČR, 1998. С.74.

²⁰ См. письмо Аргунова С.П.Мельгунову от 7 сентября 1923: «“Крестьянскую” Россию” мы уже набираем в Праге; с Берлином пришлось проститься». – Archives division British Library of Political and Economic Science (далее – ABLPES). Melgunov Collection. Box 54.

при этом Милюков указывал, что «Кускова была в близком контакте с нашими товарищами там (в России. – М.С.)»²¹.

Кускова и Прокопович почти сразу после выезда из Советской России начали агитацию за создание левоцентристского союза. Уже 24–26 июля 1922 они внесли на рассмотрение группы свои предложения по организации будущего союза и его платформе. Однако дальше дискуссии стороны в организационном плане не продвинулись, так как не оправдался расчет на то, что Кускова и Прокопович смогут выступить посредниками в привлечении в союз эсеров, социал-демократов «Зари»²² и повести диалог с объединившим правых кадетов и умеренных монархистов Русским национальным комитетом²³.

Еще через несколько дней, 30 июля 1922, вновь слушался вопрос об отношении членов группы к выдвигаемой Кусковой и Прокоповичем идее «образования республиканско-демократического союза»²⁴. Обсуждая это предложение, Милюков отметил незнание инициаторами реального положения дел в Европе: «...мы же, сидящие здесь, хорошо знаем, что в Европе можно подвести под понятие республиканско-демократического фронта. Например, некоторые из социалистов могут сюда войти, а другие не пойдут, ибо не согласятся на признание полностью принципа частной собственности, в особенности на землю»²⁵. Милюкова смущал принцип персонального членства, и он (под предлогом того, что партии в России потеряли всякое значение) предлагал «присмотреться» к этой идее²⁶. Правда, чуть позже, вновь отмечая связи Кусковой и Прокоповича внутри России, он заявил, что «проектируемая широкая группировка – единственная, имеющая будущее»²⁷.

К его мнению присоединился В.А.Харламов, отметив, что попытки действовать «под храминой Учредительного Собрания имели в виду лишь внешне представительство интересов России здесь на Западе, а всякие при этом попытки на работу <так!> внутри России встречали противодействие с левой стороны. И личное его впечат-

²¹ Протоколы. Т.6, кн.1. С.243.

²² Группа входившего во время Гражданской войны в Союз Возрождения внепартийного меньшевика Ст. Ивановича (С.О.Португейс), считавшая необходимым свержение режима большевистской контрреволюции. Выпускала в 1922–1925 в Берлине журнал «Заря», руководствуясь идеями Г.В.Плеханова и А.Н.Потресова.

²³ Союз был создан после съезда, прошедшего 5–12 июня 1921 в Париже. Председатель А.В.Карташев, генеральный секретарь Ю.Ф.Семенов. Прекратил деятельность в 1929.

²⁴ Протоколы. Т.6, кн.1. С.260.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С.261.

²⁷ Там же. С.264.

ление, что эсеры и сейчас не пойдут вместе с нами на такую работу, а если и пойдут, то скорее в форме нового объединения вроде проектируемого республиканско-демократического Союза. И, следовательно, уходить от попыток такого объединения и связанной с ним возможности перекидывания наших связей внутри России – не приходится <...> попытаться надо, ибо сейчас кооператоры, народные социалисты и т. д. остаются вовне объединения <...>, поэтому все данные для создания такого объединения есть»²⁸.

3 августа 1922 Милюков докладывал коллегам по группе, что больших успехов в переговорах с эсерами нет.

Совещание инициативной группы съезда Союза прошло с 24 сентября по 2 октября 1922 с участием эсеров Н.Д.Авксентьева, И.И.Фондаминского, В.В.Руднева. Был утвержден текст платформы Союза²⁹, но по требованию эсеров инициативная группа была распущена. Таким образом, вся работа прошла впустую: единой организации создать не удалось³⁰. Результатом совещания стала идея организации Республиканско-демократических клубов.

Работа по созданию клубов шла с трудом, эсеры от проекта с осени 1922 постепенно отходили. В Париже такой клуб появился в январе 1923. В Праге постоянно действующий клуб был создан лишь к лету того же года, но уже без участия эсеров.

14–16 апреля 1923 Милюков, приехав в Прагу, выступил с докладом «Научное понимание национального вопроса»; 18 апреля в Брно – с лекцией «Национальный вопрос в России»³¹. Еще раз Милюков приезжал в Прагу летом того же года – 5 июня он выступил на торжественном заседании по случаю открытия Русского республиканского клуба с докладом «Республиканско-демократический идеал в России»³². Тогда же начались переговоры Милюкова о создании союза с группой «Крестьянской России», к тому времени окончательно отошедшей от эсеров.

Милюков торопил потенциальных союзников: «Начинать обсуждение органа и брошюр надо немедленно. Мы и так сильно опоздали. Ждать других присоединений для этого дела не нужно. Напротив, лучше если мы начнем его вдвоем. Финансовая сторона дела должна будет, во всяком случае, оставаться в наших руках»³³.

²⁸ Там же. С.263.

²⁹ См.: Александров С.А. Лидер российских кадетов П.Н. Милюков в эмиграции. Приложение. С.116-121.

³⁰ Подробно об этом этапе рассказано в: Канищева Н.И. Разработка П.Н.Милюковым тактического курса эмигрантских кадетских групп. С.172-174.

³¹ Хроника. С.99-100.

³² Там же. С.106.

³³ Письмо Милюкова Аргунову от 20 июня 1923. – ГАРФ. Ф.6075. Оп.1. Д.8. Л.90.

С собственно правыми эсерами, группировавшимися вокруг «Современных записок», заключить соглашение не удалось. Милюков считал, что союз невозможен без их разрыва с партией эсеров. В своем письме Кусковой он отмечал: «Относительно правого крыла с<оциалистов>-р<еволюционеров> мое отрицательное отношение к их вступлению изменится, если они действительно отскочат от “программы центральной группы”». Но после всех предыдущих опытов не очень-то в это верю...»³⁴. В письме Аргунову Милюков также констатировал неудачу с попыткой привлечения в РДС группы эсеров журнала «Современные записки»: «Относительно здешних с<оциалистов>-р<еволюционеров> – они выровнялись по общей своей линии, т. е. в объединение не вступают, но ему сочувствуют. Мы это называем “дружественным размежеванием”. Если это делается немного кисло, то это дела не касается»³⁵.

Маслов и Милюков попытались привлечь к сотрудничеству руководителей Трудовой народно-социалистической партии, которые практически в полном составе находились в эмиграции, в основном в Германии и Франции: М.А.Ландау (Алданова), В.А.Мякотина, С.П.Мельгунова, а также берлинскую группу сторонников Кусковой и Прокоповича. В июле 1923 Милюков писал:

С н<ародными> с<оциалистами> через <нрзб.> я вел переговоры, дал ему необходимые разъяснения, и у них было заседание, на котором решено послать в Берлин письмо с запросами. Непримиримости М<ельгунова> они не сочувствуют. От М<ельгунова> только что получил записку, в которой он говорит: «По тем соображениям, какие я Вам излагал, наша н<ародно->с<оциалистическая> группа решительно не признает возможным вступить в р<еспубликанско->д<емократическое> объединение». Надо Вам сказать, что «соображения» касаются не только «группы Кусковой», но отчасти и Вашей.

Что касается Берлинской группы, она еще не существует, но из этого не следует, что и не будет существовать. От Е<катерины> Д<митриевны Кусковой> со времени отъезда из Берлина я не получил ни одной строки, но здесь был Брайкевич. На мой вопрос, что сделано и будет ли группа, он вяловато ответил: да, будет, но только экономическая. Я сказал, тогда это нас не касается: нам нужна группа политическая. После нашего разговора несколько разогрелся и обещал: 1) написать Кусковой и подтолкнуть ее, и 2) образовать группу р<еспубликанско->д<емократическую> в Лондоне. Состав совещания у К<усковой>, конечно, был случайный и никакого отношения к будущей группе не имеет.

³⁴ Письмо Милюкова Кусковой от 12 февраля 1923; опубл.: Политическая история русской эмиграции. С.531.

³⁵ Письмо Милюкова Аргунову от 3 июля 1923. – ГАРФ. Ф.6075. Оп.1. Д.8. Л.91.

Мое отношение к той и другой группе, н<ародным> с<оциалистам> и ожидаемой, Берлинской и Лондонской и наоборот, чем у Вас. С непримиримостью н<ародных> с<оциалистов> я не могу примириться: иначе нам придется вариться в собственном соку и все р<еспубликанско>-д<емократическое> движение пойдет мимо нас. Для этого не стоило Вам выходить из с<оциалистов>-р<еволюционер>ов. Что касается разногласия С<ергея> С<еменовича Маслова> с С<ергеем> Н<иколаевичем Прокоповичем>, оно очень серьезно, но, во-первых, Берлинская группа не есть еще группа Прокоповича, во-вторых, с внутренними разногласиями р<еспубликанско>-д<емократического> объединения приходится мириться и, в-третьих, данное разногласие может быть в порядке платформном – разрешено принятием компромиссной формулы Брайкевича, о которой он напишет Прокоповичу (принятие мер против спекуляции землей).³⁶

Народные социалисты (энесы) в тот период явно колебались, не желая входить даже в мягкую коалицию, о чем Милюков писал Аргунову в том же письме:

От Мякотина только что получил письмо, из которого вижу, что по основному вопросу об организации их ответ остается прежний, т. е. отрицательный. На съезд согласны ехать лишь при том условии, «если это участие ничем заранее не свяжет». Я решительно против такого толчения воды в ступе. В августе, во всяком случае, съезд устраивать слишком рано: в этом они правы.³⁷

С энесами повел переговоры и Аргунов. В августе 1923 он писал Мельгунову:

Я вижу, что у вас составилось не вполне правильное представление о наших с Милюковым планах и поступках и не совсем объективная оценка своих действий, т. е. <э>н<е>совских. Я писал уже Венедикту Александровичу <Мякотину> длинное письмо по поводу блока <...>. Беседа с Милюковым кончилась согласием во всем основном, и он принял проект выработанной нами платформы, внося несущественные поправки. Согласились мы и в тактических вопросах, и в плане организации блока. <...>

План наш сводился и сводится к следующему. Вступить в немедленные переговоры с н<ародными> с<оциалистами> и с<оциал>-д<емократами> («Заря»), чтобы образовать ядро блока и затем присоединять к этому ядру другие организации. Если н<ародные> с<оциалисты> и с<оциал>-д<емократы> откажутся от компании, то начать действовать вдвоем, в расчете, что отказавшиеся переменят свое отношение в будущем; а откладывать начало действий, как бы ни была трудна задача и тяжелы условия, нельзя, ибо время не терпит, ибо пора, пора.

³⁶ Там же. Л.91-93.

³⁷ Там же. Л.89.

Немедленные переговоры и начались в Берлине с вами и с с<оциал->д<емократами>. Последние (Ст. Иванович) приняли приглашение, но отложили акт вступления в блок до <налаживания?> сношений со своими сочленами. Н<ародные> с<оциалисты> не дали никакого ответа, дав много материала для возможного отрицательного ответа.

Одновременно были разговоры с разными лицами об идее блока (здесь и в Берлине), в том числе и с публикой, собравшейся в квартире Кусковой в неопределенном составе. Эти разговоры сводились к приятной и, м<ожет> б<ыть>, полезной беседе о настроениях в России и о республиканизме и т. п., но каким-либо решением практического вопроса о блоке не закончилось. У отдельных лиц из этого собрания (Брайкевич, Кускова и еще кого-то) поднялся после этого вопрос о необходимости образования из непартийной публики респ<убликанско->демократической берлинской долгожданной группы на предмет примкнутия к блоку, – но и только. Ведется ли в эту сторону в Берлине какая работа – не знаем и весьма сомневаемся.

Во-первых, публика (судя по той, которая была на собрании) разношерстна, а во-вторых, ее общий язык не вполне подходящий для проектируемого блока. Наверняка можно утверждать, что наша платформа вызовет с ее стороны такие возражения, к<о>-т<оры>е будут неприемлемыми для нас. Но все это вопрос будущего. А сейчас пока мы имеем следующее.

Говорить, как вы выражаетесь, что «кусовская группа нас всех перетряхнула», не следует, ибо слышать подобное немного странно. Ибо ни с какой «группой» не было и нет дела и ни о каких вопросах речи не шло. Были и останутся разговоры (и в Берлине, и у нас, и в Париже) об идее блока, но переговоры организационные ведутся только у нас (Кр<естьянская >Р<оссия> – Милуков) с вами, н<ародными> с<оциалистами>. За вами и только за вами ответ на наше предложение. Почему же этого ответа нет? Какие же основные причины столь медленного темпа ваших действий? Серьезные возражения против платформы, тактики, организации? Ведь не могут же причины сводиться к нежеланию соседства с теми, кого вы называете «кусовской группой»? <...> Больше всего мы бы хотели избежать эмигрантщины и партийщины и стараемся ставить дело ясно и прямо. И от этого пока не отступили. Если дело осложнится все-таки, то, право, не наша вина будет тут.

Итак, многоуважаемый Сергей Петрович, дело продвижения блока через образование триединого первоначального ядра за вами – н<ародными> с<оциалист>ами. Если нужны мирные переговоры – мы всегда к услугам. Делом блока мы увлечены, будем его делать во что бы то ни стало и уверены твердо в его успехе. Так же настроены и парижане. Берлин н<совский>, увы, не охвачен таким настроением. В чем же дело? Ждем ваших ответов. Время идет.³⁸

³⁸ Письмо Аргунова Мельгунову от 23 августа 1923. – ГАРФ. Ф.5917. Оп.1. Л.34.

Надо заметить, что и Милюков все больше расходился с Прокоповичем и Кусковой в оценке перспектив создания Союза и поля для его деятельности. Он писал об этом Кусковой 26 сентября 1923:

Для меня Совдепия не арена для деятельности, а именно тюрьма, даже при самом хорошем отношении сторожей, в котором, однако, сомневаюсь, потому что уверен, что не заслужу его. <...>. И я считаю, что в данном случае надо договаривать до конца. Вот мы так и собирались с «Крестьянской Россией» издавать орган для России. А Вы, вероятно, будете уговаривать не делать этого. Нам приходится неизбежно отделять «революционную» линию от «опозиционной». А вы хотите потопить первую в последней. Вы будете за «признание», мы против... По-своему Вы будете правы, но и мы по-своему правы. Наша позиция неудобна для тех, кто «трясется», т. е. для огромного большинства в Совдепии. Ну что ж, останемся маленькой кучкой... Наша логика ведет сюда (в эмиграцию), а Ваша – в Россию.³⁹

В октябре 1923 Маслов побывал Париже⁴⁰ и вел переговоры с Милюковым. В письмах Милюкова Аргунову из Парижа в Прагу осенью 1923 обсуждаются вполне практические вопросы деятельности коалиции: финансирование получено, Милюков одобряет идею наладить линию связи с Россией.

Господа пражане!

Прошло больше недели, а от вас – ни строчки. Писала мне о ваших переговорах с ней Кускова. Из ее слов видно, что затруднение теперь за «народными» с «оциалистами». Так ли это? Какие разногласия возникли относительно тактики? Как вы решили вопрос о последнем пункте?

Моя главная новость – получение материальной уверенности, что дело налажено прочно. До конца года мы будем иметь то, что ожидали. Следовательно, можно начинать смету, если хотите, с 1 ноября. Смету вкладного листа начнем, когда он осуществится. Сделали ли вы что-нибудь относительно доставки сведений? Мы написали нашей группе, чтобы она приняла участие с вами в этой организации.⁴¹

Переговоры с знесами привели к ожидаемому результату. 16 ноября 1923 Аргунов пишет Мельгунову:

Вы сообщаете, что «народные» с «оциалисты» принципиально согласны на вступление в блок теперь же, что «должен» «быть»

³⁹ Письмо Милюкова Кусковой от 26 сентября 1923; опубл.: Политическая история русской эмиграции. С.530.

⁴⁰ В архиве Маслова хранится удостоверение его личности, выданное префектурой полиции в Париже: Republique française. Prefecture de police. Certificat d'identité Serge Maslov. Paris. 31.10.1923. – Собрание Т.С.Масловой.

⁴¹ Письмо Милюкова Аргунову от 19 ноября 1923. – ГАРФ. Ф.6075. Оп.1. Д.8. Л.82.

съезд <...> мы коллективно уже обсудили программу и «тактику» и что до съезда нужно начинать работу, причем в редакционной <так!> коллегия должен быть введен ваш представитель.⁴²

Переписка лидеров «Крестьянской России» с знесами и кадетами велась в 1923 чрезвычайно активно, обсуждался широкий круг проблем.

19 ноября 1923 Милюков сообщил Аргунову:

Отвечаю на Ваши письма от 10 ноября за №23. Начинаю с конца, т. е. с практического предложения Мельгунова. 1) На съезд в Праге согласен, но время созыва надо определить, когда окончательно выяснится состав первоначальных групп, участвующих в объединении. 2) Двухнедельный срок уже прошел со времени ваших переговоров, что лучше всего иллюстрирует невозможность назначения сроков для «кристаллизации». Длиться бесконечно это не может, но и форсировать, а особенно при возможности оставить этим форсированием за флагом – тоже невозможно. Неудобно указывать и минимальные размеры группы и предрешать неравенство голосов на съезде, где вообще дело должно решаться не голосованием, а соглашением входящих в объединение групп. 3) Вхождению в редакцию, видимо, придается такое значение в группе н<ародных> с<оциалистов>, что нужно согласиться на него, но под условием, чтобы это не ставило препятствий к вхождению в редакцию и других групп первоначального состава.

Е.Д.Кускова пишет скорее в том смысле, что препятствия к вступлению в объединение одновременно с н<ародными> с<оциалистами> скорее на стороне последних. Думаю, что обе группы удастся убедить вступить вместе. Считаю это настолько существенным, что при отсутствии одной группы буду настаивать на отсрочке вступления другой. Брайкевича я только что видел, и он сказал мне, что Лондонская группа образуется немедленно по его возвращении в Лондон. <...>

На ассигновку 100 кр<он> ч<ехословацких> местной студ<енческой> Р<еспубликанско-д<емократической> группе согласен.⁴³

В частности, было предложено коллективное руководство изданием коалиции. Аргунов предлагал вести издание редакторским триумvirатом, и эта идея не вызвала возражений.

27 ноября 1923 он пишет Мельгунову:

И вот мы («Крестьянская Россия»), заглядывая в будущее, учитывая все, всю обстановку, хотели бы видеть в качестве редактора от ваших не В.А.Мякотина, а Вас, нам представляется, что с

⁴² Письмо Аргунова Мельгунову от 16 ноября 1923. – ABLPES. Melgunov Collection. Box 54.

⁴³ Письмо Милюкова Аргунову от 19 ноября 1923. – ГАРФ. Ф.6075. Оп.1. Д.8. Л.81.

Вами (беря с другой стороны фигуру Милюкова и мою) работа пойдет успешней и согласней, чем с Вен<иамином> Ал<ександровичем Мякотиним>, с его углами и нервною. Я очень почтительно расположен к В.А.<Мякотину>, но ведь он труден в коллективном отношении <так!>.⁴⁴

Надо заметить, что опытный Аргунов был прозорлив: как видно из протоколов заседаний съезда РДС, именно Мякотин методично ставил под сомнение все вроде бы согласованные изначально совместные документы.

Деятельность эмигрантов-демократов наконец привлекла к себе внимание ГПУ. В декабре 1923 был разослан достаточно путаный документ, созданный отделом внешней информации Иностранного отдела ГПУ для сведения низовых структур госбезопасности Советской России – «Записка о возникшей в июне 1923 года белогвардейской эмигрантской организации “республиканско-демократическое объединение”»:

В июне текущего года левые кадеты и правые социалисты-рев<олюционеры> образовали в Париже Республиканско-Демократическое Объединение, целью которого является «работа» в России и борьба с монархическими настроениями среди самих белых эмигрантов. В пустой надежде побороть рабоче-крестьянскую власть, бело-кадеты и соглашатели поставили ставку на наличие внутри России республиканских течений, которых, как они сами хорошо знают, на территории СССР нет. В Р<еспубликанско>-Д<емократическое> объединение вошли левые кадеты с МИЛЮКОВЫМ во главе, правые эсеры во главе с ЧАЙКОВСКИМ, пражская группа эс-эр «КРЕСТЬЯНСКАЯ РОССИЯ» (б<ывшая> группа Савинкова) и мелкие левые группировки эмиграции. <...> РДО, во главе которого стоит МИЛЮКОВ, еще не считает себя окончательно сконструировавшимся и принимает меры для установления сношений с социалистическими несоветскими организациями внутри России и для получения от них представителей. Для этой работы РДО, не располагая собственным аппаратом, решило использовать, вернее, восстановить аппараты родственных организаций, а именно б<ывшей> Савинковской «КРЕСТЬЯНСКОЙ РОССИИ» и существовавшей с 1921 г. организации «Центра Действий», руководителями которой являлись Чайковский, И.П. Демидов, Титов и т. д. <...> В ноябре предательская работа милюковских агентов по установлению связи с Россией была ликвидирована. В этом отношении на помощь ГПУ пришло состояние РДО, которому Милюков, несмотря на неоднократные требования и официальные подтверждения принятых на себя обязательств, прекратил всякую высылку денег, объясняя задержку то секретным ха-

⁴⁴ Письмо Аргунова Мельгунову от 27 ноября 1923. – ABLPES. Melgunov Collection. Box 54.

рактором ассигнования, то невозможностью ему, Милокову, часто напоминать о деньгах, что роняет его достоинство.⁴⁵

Из этого документа ГПУ можно сделать вывод, что чекисты пользовались слухами. Агентура ГПУ, правда, располагала обсуждавшимися в Париже и Праге набросками программы Союза, но не была в курсе многих деталей и даже не знала о том, что в объединении не участвовали ни Н.В.Чайковский, ни кто-либо из видных сторонников Б.В.Савинкова. Скорее всего, ГПУ не имело доступа к переписке П.Н.Милокова и А.А.Аргунова по финансовым вопросам, так как из нее вполне ясно, что деньги в Париж поступили летом и Милоков решал уже техническую проблему: получал разрешение Министерства финансов отправлять из Франции крупные денежные суммы.

Между тем подготовка съезда РДС продолжалась. Аргунов настаивает на приезде энесов:

Мы (Кр<естьянская> Россия) ждем, Кускова в Прагу приезжает сюда по своим делам на следующей неделе, и остается надолго, Милоков согласен приехать в Прагу, но просит не раньше первых дней рождества назначить заседание съезда, ибо у него с газетой трудно. Дальше. Вам надо в Прагу, и вы собирались сюда. Мякотину можно через Прагу проследовать в Париж (через Вену или Линц прямой вагон до Парижа 3<-го> кл<асса>). Все дороги для путешественников ведут, ясно, в Прагу. Сверх того: я прямо кричу «Караул». Только что мы мыкались в Париже, и опять, и еще в Париже один Милоков и все к нему идут. Несправедливо и дорого <...>. Сдается мне, что вам надо согласиться: 1) собраться в Праге, 2) собраться числа 25–26 (если нельзя 23-го), 3) избрать делегатами Мякотина, Пешехонова и Вас, 4) запастись немедленно визами сюда... Должен сказать, что вся волокитина с блоком, все эти теоремы (трио Милокова – Кускова – Мякотин и т. п.) меня не обескураживают. Мыслится все же возможность общего и весьма полезного и реального дела...⁴⁶

Организаторам еще виделась возможность создания коалиции четырех групп кадетов: Милокова, «Крестьянской России», энесов и берлинской группы Национально-демократического объединения.

В следующем письме Аргунов сообщает Мельгунову:

Милоков думает, что сговориться четырьмя сторонами (вы, мы, Милоков, Кускова) удастся. Мы настроены так же. Главное основание для такого вывода – это важность (в последнее время сугубая) общего действия и реальность его осуществления, которую упустить прямо-таки преступно.⁴⁷

⁴⁵ Записка отдела внешней информации ИНО ГПУ о республиканско-демократическом объединении. 3 декабря 1923. – ГАРФ. Ф.6366. Оп.1. Д.34. Л5.

⁴⁶ Письмо Аргунова Мельгунову от 6 декабря 1923. – ABLPES. Melgunov Collection. Box 54.

⁴⁷ Письмо Аргунова Мельгунову от 10 декабря 1923. – Ibid.

Похоже, что у Мельгунова оставались сомнения. Его смущали высказывавшиеся Е.Д.Кусковой, а иногда и П.Н.Милюковым, неоправданные, по его мнению, надежды на постепенную эволюцию Советской власти.

В письме, написанном до съезда, Аргунов старался успокоить своего берлинского корреспондента:

Дорогой Сергей Петрович!

<...> Спасибо, что решили написать просто, вне дипломатических рамок. Отвечу тем же – т. е. лично.

Должен Вас заверить прежде всего, что мы («Кр<стьянская> Россия») все время старались и стараемся выдерживать позицию совершенно ясных и прямых отношений, развивающихся во имя блока, – ибо в ясности залог этого дела. Видим, что трудна эта ясность, ибо симпатии переплетаются с объективностью и многое другое мешает. Нас многое коробит в поведении Милюкова, Кусковой и пр., – но преодолеваем все это, ибо видим, что попытка выступить блоком на литер<атурно>-общественной арене – вещь огромного значения.

Ведь эта попытка имеет реальный базис для осуществления.

Есть средства, есть возможность издавать правильно журнал, брошюры и пр. и все это направлять в Россию. Хоть что-нибудь для России начать делать. А за удачей последуют и другие удачи. Перспектива очень манит, и разве ради нее не стоит попытаться хотя бы путем самоограничения в некоторых индивидуальных несущественного, конечно, характера особенностях? По-моему – стоит.

Съедемся – поспорим, доведем все до ясности, выясним общее и решим – можем ли сообща заговорить и задействовать.

Группа Кусковой нас тревожит, но не так, как Вас. Мы такие <же> «непримиримые», как Вы, и некое балансирование тактических кусковцев нас отталкивает. Думаю, однако, что с нею также можно ужиться, создав *modus vivendi*, такой же, как вы создали внутри себя с Алекс<еем> Вас<ильевичем> Пешехоновым и др., они ведь тоже балансируют.

В наст<оящее> время мы по отношению к группе Кусковой (сколько их членов – не знаем, хотя количество считаем неважным <так!> условием) заняли след<ующую> позицию: зная их вообще и ознакомившись с ихними проектами платформы и тактики блока, мы считаем их кандидатами на съезд, если эта группа (как предлагается нами по поводу съезда) примет основные положения выработанных нами документов, которые в основном разделяете и вы.

Судя по всему, группа примет и это условие. Преувеличиваете вы, по-моему, «кручение» Милюкова. Мы ведь очень, очень много беседовали с ним; он все же прекрасно понимает цену блока и невозможность выявить свое «я» и необходимость компромисса.

В частности, знает цену блока без участия нас, вас; с одними «кусковцами» он не пойдет. Из наших документов вы видите, что «кручения» в них не имеется, если м<ожет> б<ыть> очень в малой

доле. <...> ...во всяком случае, мы опытом убедились, что с Милюковым сообща работать можно на почве блока; многое, по моим наблюдениям, объясняется чисто личными отношениями, сложившимися в позицию блока (напр<имер>, Милюков – Мякотин или Милюков – Кускова).

Итак, резюмируя, давайте, сложив усилия, начнем опыт общего дела и прежде всего соберемся поскорее на съезд. Поговорим лицом к лицу, взвесим всяческое «кручение» и попробуем его упразднить. <...> А пока ратуйте за блок среди своих и обсудите прибытие на съезд. Об эсерах мало знаем. Прокламацию их (в «Днях») вы читали. Она сплошь из компромиссных лоскутков...⁴⁸

Созыву съезда РДС помогли и чехословацкие власти. В частности, по вопросу виз Аргунов обратился к главе МИД ЧСР, о чем рассказывал в письме Мельгунову:

Вчера ходатайствовал о визах <...> для вас, Мякотина, Алданова и Пешехонова – (о последнем писал Алданов) <...> вручено было лично министру Чиерны, и он сказал, что будет дано телефонное распоряжение в Берлин. <...> Думаю, что если Милюков не запоздает и явится, как пишет, 25-го, то в этот же день мы начнем занятия. Из милюковцев будут еще два живущих здесь: Харламов и Евреинов.

Ну что же, в добрый путь.⁴⁹

Съезд, или конференция (в документах используются оба названия), по созданию РДС был созван в Праге в рождественские дни 1923 года. Съездовские протоколы вел А.Л.Бем (ниже они печатаются практически полностью)⁵⁰. В этих официальных текстах порой весьма ощутим высокий накал страстей в прениях политиков русской эмиграции (особенно, когда речь заходит о делах денежных).

Редактируемые Милюковым «Последние новости» сначала дали на первой полосе статью «Совещание о блоке»⁵¹, где сообщалось лишь о ходе переговоров, но не о создании Союза. На следующий день (6 января 1924) там же публикуется передовица «Пражское совещание», видимо, принадлежавшая перу самого Милюкова.

Главная тема статьи – объяснение, почему, несмотря на отказ народных социалистов и неучастие групп из Берлина и Лондона, две республиканские группы решили все же войти в блок. Милюков от-

⁴⁸ Из недатированного (конец 1923) письма Аргунова Мельгунову. – Ibid.

⁴⁹ Письмо Аргунова Мельгунову от 16 декабря 1923. – Ibid.

⁵⁰ См. Приложение к настоящей статье. Протоколы были переданы (видимо, Аргуновым или его наследниками, так как хранятся в его личном фонде) в Русский Зарубежный исторический архив в Праге, в составе которого и попали в ГАРФ.

⁵¹ Совещание о блоке // Последние новости. 1924. №1 135, 5 января.

мечает желание эмиграции откликнуться на перемены в России и пишет:

Единственным выходом из этой дилеммы – сохранения status quo ante bellum или полного разрыва с прошлым – является реформатирование или переливка старого партийного материала в новый, соответственно изменившимся требованиям жизни. <...>

На этот путь, собственно, и вступили уже почти все старые политические партии. Мы только что видели, как даже партия с<оциалистов>р<еволюционеров> изменила свою программу до неузнаваемости, идя навстречу требованиям жизни. С той же целью отошли от старой партии к<онституционных> д<емократов> ее наиболее жизненные элементы. Наконец, и политическое новообразование, известное под именем «Крестьянская Россия», представляет такую же интересную попытку нащупать насущные нужды политики в новой России. Не составляет секрета, что и в самой партии н<ародных> с<оциалистов>, в которой тесная личная сплоченность членов при сравнительной немногочисленности их особенно благоприятствует сохранению единства, в последнее время возникли глубокие принципиальные разногласия по самым животрепещущим вопросам современности.

Окончательно определилось невхождение в организационную связь республиканско-демократических элементов лишь двух социалистических групп: правого крыла с<оциалистов>р<еволюционеров>, связанных постановлением своего пражского съезда, и, после настоящего совещания, народных социалистов.

При этих условиях замыкаться в кругу старых политических партий организаторы республиканско-демократического союза не считали возможным. Они не могли не принять во внимание, что целый ряд республиканско-демократических образований возник за последние два года совершенно вне рамок старых политических партий – по преимуществу в кругах, связанных однородностью профессионального состава. <...>

Отказ н<ародных> с<оциалистов> от участия в организационном объединении таким образом заблаговременно выяснил один из самых коренных вопросов широкого республиканско-демократического объединения. Этим отказом было подчеркнуто, что для вступления в объединение групп «профессионального и блокового характера» двери остаются открытыми.

Две уже сговорившиеся между собой группы, однако, решили не выжидать долее, пока выяснятся новые кандидаты в состав союза. Дело в том, что такая оттяжка отразилась бы на новой отсрочке начала практической деятельности, к которой обе группы давно уже собирались приступить. Речь идет прежде всего <о> совместной литературной деятельности, для которой имеется полное основание рассчитывать теперь же, до решения организационных вопросов, на сотрудничество ряда лиц, не вошедших в союз организационно. Демократическая группа Партии народной свободы и группа «Крестьянской России», подводя итоги совещания в связи с

о своей предыдущей деятельностью, решили поэтому, что сговор между ними уже достаточно полон <так!>, чтобы положить немедленно же начало организованной деятельности объединенного «республиканско-демократического союза».

Таким образом, для двух упомянутых групп пражское совещание является датой, с которой начинается их совместная деятельность.⁵²

* * *

Так с начала 1924 года на чехословацкие деньги стала действовать коалиция двух групп эмигрантов-демократов.

К сожалению, некоторые исследователи истории русской эмиграции, упоминая о съезде 1923 года по созданию РДС, далее ведут речь о Республиканско-демократическом объединении как о его наследнике. При этом в исторической литературе продолжается тиражирование досадных ошибок.

Создававшийся с 1922 и окончательно сконструированный в декабре 1923 коалиционный блок левых кадетов и бывших эсеров, членов «Крестьянской России» – Республиканско-демократический союз, к сожалению, постоянно путают с конституированной в 1924 П.Н.Милюковым протопартией его сторонников – РДО.

В подробно информирующем читателя о правых и фашистских организациях справочнике «Русская эмиграция (1920–1990)» Республиканско-демократический союз вообще не упоминается, зато издание РДС – журнал «Свободная Россия» – названо «печатным органом Объединения»⁵³ (т. е. РДО).

В энциклопедии «Политические партии России» сообщается, что «представители партии участвовали также и на совещании лев<ых> кадетов и прав<ых> социалистов (сентябрь 1922 г.), на котором было создано “Рос<сийское> <так!> демокр<атическое> объединение” во главе с П.Н.Милюковым»⁵⁴.

А в предисловии к интереснейшему фундаментальному тому «Трудовая народно-социалистическая партия» А.В.Сыпченко пишет: «Представители ТНСП участвовали также и на совещании левых и правых социалистов <так!> (сентябрь 1922 г.), на котором было создано «Российское <так!> демократическое объединение» во главе с П.Н.Милюковым»⁵⁵.

⁵² Пражское совещание // Последние новости. 1924. №1136, 6 января.

⁵³ См.: Русская эмиграция: Политические, военно-политические и воинские организации. 1920–1990 / Сост. А.В.Окороков. М.: Авуар консалтинг, 2003. С.88.

⁵⁴ Аноприева Г., Ерофеев Н. Трудовая народно-социалистическая партия // Политические партии России: Энциклопедия. М., РОССПЭН, 1996. С.626.

⁵⁵ Трудовая народно-социалистическая партия: Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2003. С.48.

Но миллюковская парижская демократическая группа Партии народной свободы на протяжении нескольких лет действовала самостоятельно и лишь к лету 1924 стала ядром более широкой организации – Республиканско-демократического объединения (РДО).

А РДС представлял собой именно коалицию двух групп – сторонников Миллюкова и «Крестьянской России». Именно ими создавались общие публичные организации – Республиканско-демократические клубы. При этом в Праге доминировали «крестроссы», а в Париже – «миллюковцы», опиравшиеся на редакцию «Последних новостей». Делались упорные попытки наладить совместную издательскую деятельность и с энесами, однако последние с самого начала уклонялись от сотрудничества.

В январе 1924 Миллюков писал Аргунову:

Я отложил письмо Вам до сегодняшнего свидания с н<ародными> с<оциалист>ами. Хотя предварительно Мельгунов признал, что между нами вышло недоразумение, и хотя я пробовал его устранить, но Мякотин заявил, что настроение (психологическое) уже сложилось в направлении отрицательного ответа и что это можно изменить только со временем: Мельгунов прибавлял – месяца через два. Когда я предложил отсрочить на это время появление нашего органа, выплыли другие мотивы. «Мы уже решили сами начать печатные выступления и добыли некоторые средства. В середине февраля должен выйти сборник из пяти статей, который определит нашу позицию: вот тогда... <...>»

С другой стороны, я получил от Кусковой письмо с извещением, что их группа приняла решение: организовываться келейно, искать единомышленников в разных городах персонально, в блок не входить и статей нам не давать, ибо это будет объяснено как вступление в блок. И тут, конечно, есть много задних мыслей, но они остаются невысказанными.

Итак, мы лишились сразу и тех, и других сотрудников. Согласен с С.С.<Масловым>, что мы сделали ошибку, не обсудив этой возможности: но уж очень неожидан поворот после дружеского расставания в Праге с теми и с другими. Что поделаешь: век живи, век учишься.⁵⁶

Миллюков даже предполагал возможность раскола Союза, о чем позже писал Аргунову:

Очень рад тому настроению бодрости, которое господствует в наших группах в Праге. Приветствую Ваше решение начинать издание органа нам вдвоем. Мое предложение еще раз обдумать вопрос имело целью вернуть Вам полную свободу решения в сознании новых трудностей: но раз Вы остаетесь при нашем прежнем решении, мне остается только радоваться. Вчера я доложил группе

⁵⁶ Письмо Миллюкова Аргунову от 9 января 1924. – ГАРФ. Ф.6075. Оп.1. Д.8. Л.78.

Ваше письмо, и группа безусловно присоединилась к теперь уже общему решению.⁵⁷

В недавно опубликованном протоколе заседания парижского комитета Трудовой народно-социалистической партии от 25 ноября 1924 говорится: «С.П.Мельгунов доложил о своем посещении П.Н.Милюкова для переговоров о возможности совместной работы в “республиканском блоке” с группами П.Н.Милюкова и “Крестьянской России”. Ответ В.А.Мякотина по тому же вопросу еще не получен»⁵⁸.

Одновременно приходилось отбивать атаки, прежде всего слева, со стороны эсеров. Эсеры конкурировали с РДС в соперничестве за чехословацкие субсидии.

В 1924 Аргунов несколько раз просил Мельгунова дать статью для журнала «Свободная Россия», но даже самые упорные уговоры не принесли результата. 15 июля 1924 Аргунов пишет:

Ваша открытка с обычным «не сердитесь» вызвала большую грусть. «Сердиться» я права не имею. Грустить же вправе. Номер на носу. Вы отказываетесь, новое затруднение. А тут еще раздражающий поход против «Своб<одной> России», который подняли, пером Сталинского, местные эсеры, стремясь подорвать кредит не у русских читателей, конечно, а у чешских сфер.

И в ход пускают аргументы – бойкот органа со стороны русских социалистов. Хотелось спокойно, без полемики дать по морде этим бессовестным людям простым фактом сотрудничества вас – социалистов, с нами – буржуями. Но не хотите. Грустно все это, и на этом кончу.⁵⁹

Надо заметить, что публичные нападки левых успеха не имели. Первоначально Союз с соответствующим финансированием и издательской деятельностью способствовал активизации обеих структур.

В результате поездок лидеров «Крестьянской России» по Европе, эта партия смогла создать свои организации в ряде государств. Отчитываясь на заседании РДС, Маслов докладывал в конце 1924: «Оформляется группа в Югославии: Суботица, Осиек, Белград, Загреб. Общий состав 36 чел<овек>. Возникла группа в Брно. В Польше имеется сочувственная среда»⁶⁰.

Руководство двух групп в Праге встречалось регулярно. «Помимо четырех заседаний пражского бюро блока, в декабре минувшего (1925. – М.С.) года состоялось четыре заседания Ц<ентрального>

⁵⁷ Письмо Милюкова Аргунову от 29 января 1924 – Там же. Л.76.

⁵⁸ Трудовая народно-социалистическая партия... С.490.

⁵⁹ Письмо Аргунова Мельгунову от 15 июля 1924. – ABLPES. Melgunov Collection. Box 54.

⁶⁰ См.: Протокол заседания РДС от 19 апреля 1924. №1. – ГАРФ. Ф.6075. Оп.1. Д.15. Л.87.

Б<юро> блока в составе А.А.Аргунова, Бема, NN⁶¹ и С.С.Маслова – от «Крестьянской России», Н.Н.Богданова, Б.А.Евреинова, П.Н.Милюкова и В.А.Харламова – от респ<убликанско->дем<ократической> группы партии Народной Свободы⁶². На этом заседании был принят такой план работы на 1926 год:

1. Продолжение печатных изданий блока, причем в библиотеке «Свободной России» решено выпускать также общедоступные брошюры, рассчитанные на читателя-крестьянина, и по преимуществу по вопросам крестьянской жизни.

2. Расширение связей с Россией.

3. Вопрос о созыве демократического съезда оставить пока открытым до более подробного обследования демократических кругов и демократических группировок в эмиграции. Обследовательскую работу решено начать в текущем году.⁶³

Примерно в течение двух лет (1924–1926) коалиция располагала достаточно крупными средствами. Предоставлялись они тогдашним чехословацким руководством. У Милюкова имелись особые отношения с президентом Чехословакии Т.Масариком и несколькими членами правительства. Дотации РДС достигали, как следует из смет расходов, обсуждавшихся на Центральном бюро РДС, солидных сумм.

В октябре 1924 Милюков сообщил коллегам о состоянии кассы РДС: «Получено с мая по октябрь вкл<ючительно> 120 000 fr<анс>. Остается в Париже касса 70–80 000 fr<анс>. По “Посл<едним> Нов<остям>” ассигновка по 5 000 действовала до авг<уста>»⁶⁴.

27 октября 1925 вновь обсуждалась смета расходов РДС. Зафиксировано, что использовано: «за 1924 г. общий расход ок<оло> 370 000 к<рон> ч<ешских>, в месяц ок<оло> 30 000 к<рон> ч<ешских>. В 1925 (по окт<ябрь> на Пражск<ое> отд<еление> истрачено ок<оло> 150 000 к<рон> ч<ешских>»⁶⁵.

При обсуждении итогов года 11–12 декабря 1925 вновь были оглашены данные о финансах РДС. Расходы были названы такие: 1923 – 30 000 крон, 1923–1924 – 132 000 + 120 000, в общем – 336 000 крон. Милюков сообщил, что «90 000 имеется в кассе»⁶⁶.

⁶¹ Так зашифровано участие лица, занятого конспиративной деятельностью, возможно прибывшего из Советской России.

⁶² Республиканско-демократический союз-блок // Вестник Крестьянской России. 1926. №8-9, март. С.170.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Протокол заседания РДС от 22 октября 1924. №1. – ГАРФ. Ф.6075. Оп.1. Д.15. Л.91.

⁶⁵ Протокол Заседания Пражского отд<ела> Р<еспубликанско->Д<емократического> блока от 27 октября 1925. №1. – Там же. Л.105.

⁶⁶ Протокол заседания РДС от 11 декабря 1925. №2. – Там же. Д.115. Л.110.

Таким образом, в 1924–1925 РДС действовал на стабильной экономической основе. Финансовый кризис разразился в сентябре 1926, когда А.А.Аргунов заявил, что «в настоящий момент его касса совершенно пуста. <...> Обязательной предпосылкой для сколь угодно нормального функционирования блока он считает правильное снабжение пражской кассы денежными средствами»⁶⁷. В 1927 положение несколько улучшилось, но уже никогда не достигало прежнего уровня.

В письме Пражского отдела РДС Милюкову от 30 января указано: «Мы исходим из прежней ассигновки, т. е. 2 624 ф<ранка> или в месяц 218,6 ф<ранка>, что в переводе на чешские кроны равнялось в год 429 000 к<рон> ч<ешских> или 35 700 к<рон> ч<ешских> в месяц»⁶⁸.

27 января 1927 обсуждался проект сметы, представленный ЦК «Крестьянской России»:

Париж

Р<еспубликанско->Д<емократическое> О<бъединение> –	3000 к<рон> ч<ешских>
Литер<атурно>-блок<овые> изд<ания> –	2000
<Всего>	5000

По р<еспубликанско->д<емократической> орг<анизации>
П<артии> н<ародной> с<вободы>

В<сероссийская> К<рестьянская> Г<руппа> –	3000
«П<оследние> Нов<ости>» –	5000
Орг<анизационные> расх<оды> –	1000
Брош<юры>, литер<атура> –	3000
<Всего>	12 0000

Прага

Зав<едающий> трансп<ортом> –	800 к<рон> ч<ешских>
Почт<овые> расх<оды> –	100 к<рон> ч<ешских>
Линия –	4000
Эмиссары –	1000
Загр<аничные> поездки –	2000
Поездки –	1000
Помощь <нрзб.> орг<анизациям> –	1000
Оплата кассира –	800
Почт<овые> расх<оды> –	100
Мелкие расх<оды> –	100

⁶⁷ Протокол заседания Пражского отдела РДС от 27 сентября 1924. – Там же. Л.128.

⁶⁸ Письмо Пражского отдела РДС П.Н.Милюкову от 30 января 1927. – Там же. Л.142.

Завед<ующий>
 корр<еспондентским> отд<елом> – 500
 <Всего> 11 400

По «К<рестьянской> Р<оссии>»
 Орг<анизационные> расходы – 1000
 Брошюры, литер<атура> – 3000
 «В<естник> К<рестьянской> Р<оссии>» – 3000
 <Всего> 7000 к<рон> ч<ешских>.⁶⁹

Таким образом, обе протопартии – РДО и «Крестьянская Россия» – финансировались из одного источника, как и дочерние структуры и их издания, фактически имели общий руководящий центр, собиравшийся в Праге 3–4 раза в год.

Два с половиной месяца спустя, 9 марта 1927, на заседании Пражского отделения РДС обсуждались результаты переписки с Милюковым по поводу финансирования, и был принят проект сметы с общими расходами в 151,9 тысяч крон⁷⁰. Из них, в частности, РДО предполагалось выделить 15 тысяч крон; Всероссийскому крестьянскому союзу – 10 тысяч; Республиканско-демократической организации Партии народной свободы – 6,1 тысячи; «Крестьянской России» на организационные расходы – 6 тысяч; «Последним новостям» – 18,3 тысячи, на «Вестник “Крестьянской России”» – 6,1 тысячи. Самым обременительным было «содержание Польши», то есть линии по доставке изданий в Россию – 18,3 тысячи крон⁷¹.

Впрочем, на эмиссаров все же сильно не тратились. Так, в том же протоколе от 9 марта 1927 отмечено в части «ассигнования» по ст. 11 (эмиссары) и 12 (загранпоездки): «выделить за счет остатков. По вопросу о возможной поддержке эмиссара №2 высказаться за отнесение расходов из остатков в разм<ере> 30 <франков> в течение трех месяцев»⁷². В 1927 расходы коалиции были снижены втрое и держались на этом уровне до окончательного прекращения существования РДС. Главной статьей расходов блока всегда оставалась издательская деятельность.

Трудно согласится с мнением Н.И.Канищевой, что деятельность блока «не отличалась высокой продуктивностью»⁷³. Скорее, она соответствовала объемам имеющихся средств и степени противодействия Москвы, наводнившей эмиграцию своей агентурой.

⁶⁹ Протокол заседания местного отд<еления> РДС от 27 января 1927. – Там же. Л.137.

⁷⁰ См.: Протокол заседания Пражского отдела РДС от 9 марта 1927. – Там же. Л.140.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

⁷³ См.: Канищева Н.И. Разработка П.Н.Милюковым тактического курса эмигрантских кадетских групп. С.180.

В течение трех лет, с 1924 по 1926, издавался республиканско-демократический орган – журнал «Свободная Россия» – с указанием места: Praha – Berlin. Первый номер был подготовлен весной 1924⁷⁴.

Получала дотации газета «Последние новости». На заседании РДС Милюков докладывал: «По «Посл<едним> нов<остям>» ассигновка по 5000 <франков> действовала до авг<уста 1924>»⁷⁵.

Кроме того, был запланирован к изданию ряд брошюр. А.Аргунов сообщил, что напечатан «4 № “Св<ободной> России” и 1 брошюра (Ст. Иванович)»⁷⁶. А по итогам деятельности 1925 года тот же Аргунов отчитывался 11 декабря: «...издательско-литератур<ная> деятельность: 8 книжек <...> “Св<ободной> России” и 4 брошюры, считая в том числе брошюру Милюкова»⁷⁷.

В издательстве «Свободная Россия» были опубликованы: в 1924 – брошюры Ст. Ивановича «Российская коммунистическая партия» и А.П.Маркова «Советский бюджет и народное хозяйство». В 1925 вышла русская переработанная версия изданной на французском книги С.О.Загорского «Условия труда в Советской России» – под названием «Рабочий вопрос в Советской России». В 1926 в серии «Популярная библиотека “Свободной России”» появились брошюра «Враги крестьянства».

В Берлине тогда же была издана работа П.Н.Милюкова «Национальный вопрос. Происхождение национальности и национальные вопросы в России». В 1927 издательство Республиканско-демократического союза выпустило в Праге в серии «Популярная библиотека “Свободной России”» труд С.О.Загорского «К социализму или к капитализму?». Были напечатаны и «народные» популярные издания: в 1927 – «Что крестьянин получает за свой хлеб», в 1928 – «Правда ли коммунисты – враги крестьянства?», «Как живет рабочий в свободной стране», «Как живут крестьяне в свободной стране».

Часть тиража пытались переправлять в Советскую Россию. Заведовал этой деятельностью Борис Евреинов – член кадетской партии, историк, бывший поручик и участник Варшавского центра действия. Руководители РДС считали его работу успешной: «Одобрить общую линию направления работы, благодарить Б.А.Евреинова и высказаться за предлагаемую ассигновку. Признать желательность посылки необходимых лиц в Россию. Каждый конкретный случай о по-

⁷⁴ Аргунов писал Мельгунову в апреле 1924: «Думаю в скором времени побывать в Берлине (примерно в начале мая), в связи с выпуском журнала “Свободная Россия”, который уже сдан в набор» (письмо от 23 апреля 1924. – ABLPES. Melgunov Collection. Box 54).

⁷⁵ Протокол заседания РДС от 22 октября 1925. №1. – ГАРФ. Ф.6075. Оп.1. Д.15. Л.91.

⁷⁶ Там же. Л.89.

⁷⁷ Протокол заседания РДС от 11 декабря 1925. №2. – Там же. Л.110.

сылке обсудить в составе представителей по одному от групп, введенных в блок, и заведывающего <так!> линией»⁷⁸.

Со слов Б.А.Евреинова, на границе имелось несколько «окон» для переправки литературы в СССР: «Обеспечено два пункта на Воляни. Имеются открытые пункты в Полесском районе <...> Брошюра «Враги крестьянства» имела успех <...>. Устанавливается возможность постоянных связей с Россией»⁷⁹.

Объемы распространения эмигрантской литературы, безусловно, не следует преувеличивать – это видно и из следующего сообщения Евреинова: «В самой Польше продано 219 за налич<ные>. 321 разошлись по подписке. 600 экз<емпляров> переброшено в Россию. Как глубоко проникает – трудно сказать...»⁸⁰.

Кроме того, был организован также канал по доставке литературы через Эстонию, где у «Крестьянской России» имелись группы содействия в Печорском районе и Ревеле. Руководил этой работой видный деятель местного кооперативного движения П.Богданов.

На заседании РДС в апреле 1924 Аргунов подчеркивает значение Эстонии как опорного пункта для пересылки в Россию литературы. Было признано необходимым «признать поддержку пути желательным. С момента появления литературы и после обследования ассигновать до 150 фр<анков> ежемесячно в распоряжение Р<еспубликанско->д<емократической> группы»⁸¹.

По результатам этой деятельности Аргунов в октябре 1924 на совещании руководства РДС приводил такие данные о распространении «Свободной России»: «В направлении через Эстонию переброшено: №1 – 90 экз<емпляров> (30 – Москва, 50 – через погр<аничный> пункт, 10 – разошлись), №2 – 80 экз<емпляров> (30 – Москва, 50 – погр<аничный> пункт)»⁸².

В то же время работа РДС осложнялась в силу изначального внутреннего конфликта. Несмотря на общую антибольшевистскую направленность, обе организации вскоре стали все более расходиться. 31 октября в Брно и 1 ноября 1924 в Праге⁸³ Милюков выступил с докладом «О Белом движении», провозгласив конец движения, от которого остался лишь «высокий порыв», и тут же заявил об усилении курса «новой тактики»⁸⁴. 1 ноября прения по докладу не состоя-

⁷⁸ Протокол заседания Дем<ократического> блока от 19 апреля 1924. – Там же. Л.87.

⁷⁹ Протокол заседания РДС от 4 января 1926. №2. – Там же. Л.113.

⁸⁰ Протокол заседания РДС от 22 октября 1924. №1. – Там же. Л.90.

⁸¹ Протокол заседания РДС от 22 апреля 1924. №1. – Там же. Л. 88.

⁸² Протокол заседания РДС от 22 октября 1924. №1. – Там же. Л.89.

⁸³ См.: Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике. Т.1. С.166.

⁸⁴ См.: Дни. 1924. 8 ноября.

лись из-за скандала, устроенного группой коммунистов, и были отнесены на следующий день.

Как и Е.Д.Кускова, Милюков все более рассчитывал на постепенную эволюцию советского режима в период нэпа, к чему до 1929 какие-то основания давала постоянная борьба между различными группировками внутри ВКП(б). Милюков старался разделять рядовых членов компартии и лидеров. Он писал: «Мы не хотим обижать мелкую коммунистическую сошку, которая служит поневоле»⁸⁵.

В своем принципиальном неприятии крайней активистской деятельности лидер эрдеков был неизменно тверд. Особенно активно он полемизировал с Мельгуновым, которого непримиримость постепенно привела к союзу с правыми на платформе «непредрешенчества» и активной борьбы с большевиками. Последовавший разрыв Мельгунова со «Свободной Россией» Милюков не рассматривал как потерю: «Об уходе Мельгунова я не жалею, так как убедился, что с ним каши не сварить: ужасно он шерстист – и без всякой надобности»⁸⁶.

Сомнения относительно эффективности пересылки в Россию литературы конспиративными способами, и тем более целесообразности отправки ее туда, посещали Милюкова уже в начале работы блока, и особенно усилились после полного разгрома Киевского центра действия и ареста близких его знакомых.

В мае 1924 Милюков пишет Аргунову:

Сдержанное отношение Кусковой объясняется не этим, а другим. Она написала мне письмо, что остается сотрудничать только под условием, если мы не заводим никакой конспирации – даже для ввоза журнала в Россию. Я ей пока не ответил, – и, откровенно говоря, не знаю, как ответить, особенно не зная, о чем говорили с ней Вы. Здесь наше решение относительно линии произвело столь удручающее впечатление на единственных двух человек, которых – по их прежнему отношению к линии – я посвятил в это, что у меня возникли сильнейшие сомнения, следует ли осуществлять принятое нами в Праге решение. Б<орис> А<лексеевич> Евреинов> Вам, вероятно, показал посланную ему копию бумажки, мораль которой та, что хоть в искаженном виде, но предпринимаемое нами, очевидно, в ближайшее время в свою очередь станет достоянием агентов ГПУ, причем опять могут оказаться в их распоряжении ссылки на мои соображения, вроде приведенных <в> этой бумажке. Надо вывести печальное заключение, что конспирировать мы не умеем, – и вести себя соответственно. На основании этих соображений я задержал отсылку ассигнованных средств и прошу Вас серьезно пересмотреть этот вопрос с корня. Может быть, найти

⁸⁵ Письмо Милюкова Аргунову от 29 февраля 1924. – ГАРФ. Ф.6075. Оп.1. Д.8. Л.74.

⁸⁶ Письмо Милюкова Аргунову от 6 июня 1925. – Там же. Л.33.

нечто, что заменило бы чересчур уж ненадежные старые связи и места.⁸⁷

Надежность линии связи с Россией вызывала у Милюкова наиболее серьезные сомнения, поскольку в руки РДС попали документы ГПУ, доказывавшие, что агентуре чекистов известны многие планы организации⁸⁸.

Летом 1924 Милюков предупреждал союзников: «Так как уже в двух документах ГПУ мое имя упоминается в связи с перепиской по линии, я вправе требовать, чтобы впредь мое имя вообще в переписке не упоминалось, ибо на конспиративность переписки больше рассчитывать не могу...»⁸⁹.

Видимо, союзникам удалось доказать Милюкову необходимость конспиративной работы, так как далее эта деятельность продолжалась под контролем человека, которому он доверял, – Б.А.Евреинова. Однако законный скепсис по-прежнему не оставлял Милюкова. Не желая напрасно тратить немалые деньги, он писал Аргунову в апреле 1926:

Многоуважаемый Андрей Александрович!

Посылаю Вам чек на 150 фунтов. Буду ждать Вашего приезда, чтобы сообща обсудить положение. Но я не знаю, что можно убавить из здешних «накладных» расходов. Пока у меня были экономии по В<сероссийскому> К<рестьянскому> С<оюзу>; но их может и не быть, если дело разовьется; а дело все более и более считаю важным. Расходы <по> р<еспубликанско->д<емократическому> о<бъединению> быстро развертываются до предела ассигновки. Я не уверен в значении наших расходов по Варшаве: до сих пор были только не исполненные обещания и несбывшиеся надежды. «Св<ободная> Р<оссия>» идет вяло, мелкие брошюры не вы-

⁸⁷ Письмо Милюкова Аргунову от 25 мая 1924. – Там же. Л.68.

⁸⁸ Имеется в виду документ, изготовленный ИНО ГПУ, в котором приводилась хотя и с существенными искажениями (в документе еще проектировавшийся блок назван Республиканско-демократическим объединением), все же достоверная информация о программе организации, а также ее планах работать на Россию: «Стремясь перебросить свою литературу в пределы СССР, РДО постановило использовать для этой цели старый аппарат, созданный в 1921 г. Центром Действий, и возглавило таковой проживающим ныне в Праге Б.А.Евреиновым, который ранее заведовал линией связи через Польшу. РДО ассигновало на проверку состояния прежних линий связи и на подготовительные работы по созданию таковых единовременно 5 000 чешских крон с обещанием в ближайшее же время отпустить ассигнования по смете, исчисленной в сотнях тысяч крон. Евреиновым были разысканы старые технические работники по связи с Россией, обслуживавшие как Ц<ентр> Д<ействий>, так и Савинкова» (Записка отдела внешней информации ИНО ГПУ о Республиканско-демократическом объединении. 1923. – ГАРФ. Ф.6366. Оп.1. Д.60. Л.1).

⁸⁹ Письмо Милюкова Аргунову от 6 июня 1924. – Там же. Ф.6075. Оп.1. Д.8. Л.63.

танцуются, отправка «П<оследних> Н<овостей>» за черту не организуется. Сношений с той стороной почти нет. Может быть, все это переменится; но сейчас все остается в будущем, хотя времени прошло немало.⁹⁰

«Крестьянская Россия», напротив, с усилением в партии позиций Маслова эволюционировала к позициям умеренного активизма. Этому способствовало проникновение в СССР нескольких эмиссаров организации. Установление контактов с группами сочувствующих и получение информации непосредственно из Советской России о повальном недовольстве политическим режимом опять же создавало иллюзию грядущего народного восстания.

К тому же личные отношения в эмигрантской Праге были явно конкурентными: по рассказам пражан, Маслов открыто третировал склонного к интригам Дмитрия Мейснера, лидера студентов – сторонников Милюкова. Из Парижа обеспокоенный Милюков писал Аргунову: «Наладились ли отношения между нашими группами после прискорбных инцидентов, имевших место? Здесь произвело тяжелое впечатление известие, что Маслов не подал руки Мейснеру. Нам, старшим, не следовало бы подавать пример нетерпимости и, наоборот, следует демонстрировать беспристрастие»⁹¹.

К середине 1926 спор о методах борьбы внутри блока усилился. В августе 1926 «Крестьянская Россия» отказалась дать согласие на публикацию брошюры Милюкова⁹² под совместным грифом библиотеки журнала «Свободная Россия». Н.И.Канищева полагает, что это случилось «из-за явного “уклона” брошюры в сторону пропаганды мирных способов борьбы»⁹³. В ответ на это Милюков обвинил своих партнеров по блоку в тяготении к «мельгуновщине», провоцировании внутрирусских элементов на революционные выступления.

В письме Аргунову Милюков так объяснял свою позицию:

Начну с самого существенного. Вы констатируете разницу между РДС и РДО. Я сам начал понимать эту разницу во время моих последних посещений Праги; и именно потому я настаиваю на том, чтобы Ваше Ц<ентральное> Б<юро> дало точное определение этой разницы в форме контрпредложений к моему тексту брошюры. От этого Ц<ентральное> Б<юро> уклонилось, ограничившись общими выражениями, что позиции «не во всем друг с другом совпадают» и «ряд положений брошюры <...> вряд ли может быть признан общими. <...>».

⁹⁰ Письмо Милюкова Аргунову от 9 апреля 1926. – Там же. Л.19.

⁹¹ Письмо Милюкова Аргунову от 18 апреля 1925. – Там же. Л.40.

⁹² Милюков П.Н. Эмиграция на перепутье. Париж: Изд. Республиканско-демократическое объединение, 1926. 136 с.

⁹³ Канищева Н.И. Разработка П.Н.Милюковым тактического курса эмигрантских кадетских групп // П.Н.Милюков: Историк, политик, дипломат. С.181.

Для Ц<ентрального> Б<юро> понятие «новой тактики» «ничего не дает», потому что понятие это свойственно лишь другой стороне РДС, для которой с «новой тактикой» связаны существенные мотивы в ее политической эволюции». Намек понятен: «новая тактика» есть вещь кадетская и специально «милюковская»: для «Кр<естьянской> России» она «ничего не дает». Что именно «ничего не дает»? Слово «новая тактика» действительно как-то связывается с расколом к<онституционных> д<емократов> или само понятие? Для нас содержание «новой тактики» есть самое существо того, что нас соединило в союз. Если отрицается существо «новой тактики», то вообще ничего общего не остается. Мне казалось, что именно в этом общем нам смысле (главным образом из-за нападения Мельгунова) это понятие и трактовалось в брошюре. <...> «уклон» к Мельгунову чрезвычайно характерен для настроения Ц<ентрального> Б<юро> – и делает очень трудными наши дальнейшие тактические шаги. <...> Надо признаться, что до сих пор мы не нашли способов внедриться в Россию и наша литература в значительной степени обслуживает эмиграцию, пропагандируя наше направление. <...> Как я буду писать на эти темы в «С<вободной> Р<оссии>» – я не знаю. Не знаю и того, в каком духе будет вестись наша работа в России, как будут настроены посылаемые вами туда лица и т. д. Логически из намечаемой ЦБ позиции вытекает провоцирование внутрирусских элементов на «революционные» выступления. Я к такого рода деятельности принужден отнестись с крайней осторожностью и ответственности на себя и на наше направление за такую деятельность не взял бы. Вы видите сами, какие существенные выводы вытекают из констатированных Вами же разногласий.

Что делать со всем этим, я не знаю. Трещина настолько глубока, что мне не ясно, что именно мы можем и должны делать вместе. Я, конечно, не хотел бы, чтобы наше разногласие разгласилось преждевременно. Но, по-видимому, уже обсуждение в ЦБ и то обстоятельство, что я принужден был передавать брошюру в РДО, уже связано с известной степенью огласки. То агрессивное настроение, с которым Ваша организация практикует обучение своих сочленов «революционности» – на нашей группе еще более расширяет пределы этой гласности. При таком положении я боюсь, что к концу года наше разногласие делается секретом Полишинеля. Подумайте сами, к чему это поведет, и сделайте надлежащие выводы.⁹⁴

В результате углубляющихся споров о методах борьбы, было принято решение о прекращении издания журнала «Свободная Россия» (всего вышло восемь номеров).

Милюков высказался за это в письме Аргунову:

⁹⁴ Письмо Милюкова Аргунову от 8 августа 1926. – ГАРФ. Ф.6075. Оп.1. Д.8. Л.16-18.

Извините, что до сих пор не послал Вам чека. Посылаю с этим письмом. Разумеется, наша текущая деятельность «блока» не должна прекращаться в период выяснения наших разногласий. Я считаю только, что выпуск «Свободной России» надо приостановить, ибо, потеряв контакт с Вами, я утерял и уверенность в тоне, каким можно писать о спорных вопросах, а это как раз важнейшие вопросы текущего момента, о которых журнал не может ни молчать, ни говорить в нейтрализованном тоне, т. е. ни то ни се. Все остальные расходы надо продолжать и машины отнюдь не останавливать.⁹⁵

В дальнейшем, несмотря на то что «Крестьянская Россия» предлагала не прекращать издание «Свободной России» сразу и сделать еще хотя бы один номер, Милюков категорически от этого отказался:

Мы, конечно, не хотим расходиться, но после констатирования и Вами наличия разногласий приходится внести некоторые изменения. Из ответа Вашего Бюро и из протокола я вижу, что какие-то изменения предполагаются и с Вашей стороны. Наше ЦК <так!> разошлось с пражской группой и с Вами в двух вопросах: о выпуске «Свободной России», которую решено приостановить окончательно, не выпуская и ближайшего номера, что после длительного перерыва выглядит еще извинительнее прекращения после только что выпущенного номера, – и относительно взноса Вам денег сразу до конца года, что, при условии возможности с Вашей стороны пересмотра союза, найдено преждевременным. Издание брошюр, напротив, предполагается ускорить.⁹⁶

Милюков в тот момент, очевидно, имел в руках все финансовые ресурсы, так что мог диктовать партнерам свою волю, что видно из его письма. Он занял жесткую позицию, отвечая на упреки коллег:

Почему блок, как Вы говорите, «плохо работал» и «в последнее время производил впечатление самоликвидирующегося»? Вы отлагаете объяснение до другого раза; а я нахожу его в том, что в нашей работе, может быть, обоюдно, появилось нечто новое, что парализовало возможность работы и сделало ее до крайности бледной и нежизненной. Чтобы вернуть блоку прежние качества действительности, очевидно, нужно разобраться в том, что парализует, и, если окажется, что причины парализации неустранимы, тогда, действительно, обсудить вопрос о возвращении друг другу свободы.⁹⁷

В итоге, обменявшись мнениями в основном по переписке, с января 1927 партнеры «перешли от федеральной формы коалиции к конфедеративной»⁹⁸.

⁹⁵ Письмо Милюкова Аргунову от 1 сентября 1926. – Там же. Л.12.

⁹⁶ Письмо Милюкова Аргунову от 26 октября 1926. – Там же. Л.10.

⁹⁷ Письмо Милюкова Аргунову от 1 сентября 1926. – Там же. Л.15.

⁹⁸ *Канищева Н.И.* Разработка П.Н.Милюковым тактического курса эмигрантских кадетских групп. С.180-181.

Но некоторые формы сотрудничества продолжались: издательская деятельность, пересылка литературы и отправка агентов РДС («комиссаров») в Россию. Это видно из писем Милюкова в Прагу. Апрель 1927: «Посылаю Вам чек на 93 фунта 14 шиллингов для покрытия майских расходов и того расхода в 5000 на комиссара, о котором Вы писали»⁹⁹; август 1927: «Согласно письму Б.А.Евреина посылать Вам августовскую порцию плюс 5000 крон на посылку комиссара №2. Н.Н.Богданов ознакомил нас с издательскими планами пражских друзей и ознакомит Вас с нашими. К осени надеемся кое-что написать. Брошюра Маркова пойдет от РДО»¹⁰⁰.

Но союзнические отношения все больше осложнялись. Через год Милюков не принял преобразования «Крестьянской России» в партию, да и обиделся на то, что пражские товарищи просто поставили финансировавший их парижский центр перед свершившимся фактом.

Редактор «Последних новостей» писал:

Это, конечно, формальность – обращение одной политической организации к другой с официальным обращением о своем возникновении или о новом фазисе своего существования, но формальность до сих пор не выполнена: как Вы говорите, отчасти потому, что «решения съезда не были окончательно отредактированы и публиковать их было нельзя». Так как теперь это затруднение исчезает, то Вы, может быть, найдете возможным уже от имени новой партии обратиться к нашей группе с документом, который я мог бы доложить в заседании. «Сдержанность» «Последних Новостей» отчасти объясняется и этим, – что мы не имели формального повода говорить о «партии»; но отчасти мы действительно поставлены в затруднительное положение. Мы не раз высказывались относительно невозможности образовывать новые партии за границей – и на этом основании – уже не в газете – отвечали отрицательно на все попытки заговорить о создании республиканско-демократической партии. Относительно возможности образования, в частности, крестьянской партии мы тоже высказывали определенные сомнения. Не наше дело, конечно, вмешиваться во внутренние дела группы, хотя и близкой нам, но все же вполне самостоятельной. Но иметь свое мнение о таком крупном шаге, как образование партии (мы, кстати, не были об этом предупреждены), мы все-таки можем. По дружбе мы только можем воздержаться от его высказывания.¹⁰¹

Отношения ухудшались и в связи с переговорами между «Крестьянской Россией» и активистской группой журнала «Борьба за Россию» в лице М.М.Федорова и С.П.Мельгунова.

⁹⁹ Письмо Милюкова Аргунову от 22 апреля 1927. – ГАРФ. Ф.6075. Оп.1. Д.8. Л.8.

¹⁰⁰ Письмо Милюкова Аргунову от 12 августа 1927. – Там же. Л.7.

¹⁰¹ Письмо Милюкова Аргунову от 22 января 1928. – Там же. Л.4.

Выглядело это забавно. Так, 6 декабря 1926 Центральное бюро группы «Крестьянская Россия» объявило, что оно «не находит основания для “Крестьянской России” устанавливать принципиально отрицательное отношение к этому предприятию» (то есть к журналу «Борьба за Россию») и указало на необходимость «воздержаться от сотрудничества в журнале и от всякого участия в нем»¹⁰².

После того как С.П.Мельгунов в январе 1927 сообщил прессе, что к его идее в Праге сочувственно отнеслась молодежь «Крестьянской России», А.А.Аргунов дал ему публичную отповедь. Мол, ему стало все ясно.

Журнал оказался подновленным изданием сторонников Национального Комитета с характерной для людей этого лагеря самокастрацией в основных вопросах, без ясного ответа на которые нельзя выступать перед российской аудиторией, да еще с претензией быть боевым органом. Россия в борьбе не нуждается в такой «Борьбе за Россию», ибо от свободного эмигрантского слова требуется другое; требуется не только повторение на разные лады «долой», но и ясные и потому сильные своей призывностью лозунги социально-политической и тактической платформы. <...>

Руководители журнала, и в том числе представитель демократии в нем С.П.Мельгунов, стремятся заразить читателя пафосом «белого» движения. Уж не говоря о том, что пафос борьбы с большевиками вовсе не был и не является уделом только этого движения и антибольшевицкая борьба не в нем только родилась и им ограничивалась, не касаясь даже законности термина «белый» в применении к движению, политически окрашенному в черный цвет, нельзя не видеть той отрицательной роли, которую может сыграть проповедь именно белой борьбы среди российского населения, особенно крестьянского.¹⁰³

Кажется, после такой публичной отповеди никакие контакты невозможны. Однако уже 14 июля 1927 Мельгунов написал Маслову:

Многоуважаемый Сергей Семенович,

Полемика полемикой, а дело остается делом. Мне кажется, что Вы не можете стоять на позиции Милюкова. Мне нет надобности Вам ее характеризовать. Во всяком случае, сейчас она ближе всего к Кусковой. Я теперь часто вспоминаю наш специфический разговор в Праге три года назад. У Вас, очевидно, дело не подвинулось ни на йоту. Занимаются им другие, и в их работе очень много отрицательного, зависящего не от них самих. Между тем во мне в этом отношении происходит сдвиг. Во всяком случае, совершенно необходимо что-либо сделать, хотя бы в том отношении, чтобы работа шла в общем русле. Необходим какой-нибудь контроль. От-

¹⁰² Аргунов А. «Крестьянская Россия» и «Борьба за Россию»: Письмо в редакцию // Последние новости. 1927. №2129, 20 января.

¹⁰³ Там же.

сюда мысль создать какое-либо объединение в работе – объединение, которое бы не выходило бы наружу. При таких условиях только и возможно получить нужные денежные средства – кустарничеством много не сделаешь. А обстановка сейчас благоприятная. Вот о чем я хотел бы с Вами побеседовать...¹⁰⁴

На это лидер «Крестьянской России» отвечал следующее:

Я остаюсь на тех же позициях, которые были заявлены в «специфическом разговоре» с Вами два-три года назад... Вы правы, в реализации моих устремлений я не продвинулся. Причина – решительный отказ от кустарничества и отсутствие одного из условий – некустарничества. Это условие – нерв войны... Продолжать беседовать на «специфическую тему» с Вами я, конечно, готов...¹⁰⁵

Естественно, что переговоры с группой «Борьба за Россию» вызвали у Милюкова и его сторонников, не принимавших блока с правыми на платформе «непредрежденчества», как минимум недоумение. Он писал Аргунову после съезда, преобразовавшего «Крестьянскую Россию» в партию:

Я все ждал от новорожденной «крестьянской партии» какого-нибудь официального уведомления, что она является преемственницей <так!> прежней организации и желает продолжать с нами прежние отношения. Я думаю, такое заявление должно быть сделано. А то вот Мельгунов уже второй раз играет на неопределенности наших отношений, стараясь всячески нас рассорить. Мне кажется, с вашей стороны необходимо было бы какое-то публичное и печатное заявление, чтобы положить конец его интригам. Буду ждать от Вас отклика и по этому поводу.¹⁰⁶

«Последние новости» в передовой «Борьба и “борьба”» в июле 1928 разоблачали попытки группировки «Борьба за Россию» сблизиться с «Крестьянской Россией»:

На этот раз г-н Мельгунов предлагает такое объединение в новой и своеобразной форме: а именно он считает наиболее подходящим объединение своих групп «непредрешающих попутчиков» – с партией «Крестьянская Россия», которой делает комплимент, признавая ее «наиболее жизненной», хотя она по своей программе весьма определенно «предрешает» форму правления.¹⁰⁷

Несколько позже, осенью 1928, Милюков вновь отмечал неприятные для него факты: и вольного обращения с деньгами, и, главное, контактов с мельгуновцами:

¹⁰⁴ Письмо Мельгунова Маслову от 14 июля 1927. Копия. – ГАРФ. Ф.6075. Оп.1. Д.7. Л.9.

¹⁰⁵ Письмо Маслова Мельгунову от 25 июля 1927. – ABLPES. Melgunov Collection. Box 51 (Конверт «Борьба с большевизмом»).

¹⁰⁶ Письмо Милюкова Аргунову от 22 января 1928. – ГАРФ. Ф.6075. Оп.1. Д.8. Л.3.

¹⁰⁷ Борьба и «борьба» // Последние новости. 1928. №2678, 22 июля.

С удивлением прочел в «Борьбе за Россию» список наших изданий с предложением их распространять: это очевидно нарушает конспирацию, и, кажется, мы не делали Мельгунова своим комиссионером. Был также несколько удивлен, узнав в Америке, что дальневосточная группа суть не блоковая, а специальная группа «Крестьянской России». Мне казалось, что мы давали ассигновку на нее, как на блоковую.¹⁰⁸

Варшавский активист «Крестьянской России» А.П.Вальмин так оценивал этот период в своем письме Б.А.Евреинову:

Уже в самом разрыве р<еспубликанско>-д<емократического> союза я считал виновным наших лидеров – это они целым рядом своих вызывающих это отторжение действий (союз с «Б<орьбой> за Р<оссию>» на Бел<градском> совещании, намерении поставить П<авла> Н<иколаевича> Милокова> перед свершившимся фактом в деле образования «фонда св<ободной> печати» и т. д.) вызвали его, быть может, сами того не желая, на разрыв.¹⁰⁹

Впрочем, «Крестьянская Россия» официально опровергла подобные предположения в специальной статье «О нашем “направлении” и современных “стойках”»:

Автор одной из статей («Эмиграция в 1928 г.»), разъясняя читателям смысл наших с р<еспубликанскими> д<емократами> «тактических разногласий», видит его в том, что мы – «Крестьянская Россия» – связались духовно и практически с «правыми» элементами, а потому и должны быть зачислены в ту часть эмиграции, которую он помещает «вправо» от себя (т. е. от р<еспубликанских> д<емократов>). В другом месте (газ<ета> «Последние Новости» от 16.И. – Отчет РДО¹¹⁰) говорится «о некоторых новых явлениях в тактике партии “Крест<ьянская>Россия”, начинающей сближаться с соседями справа». <...> Доказательств таких нет, и их неоткуда взять нашим противникам. <...> Задолго до этого разрыва (с Милоковым. – М.С.), между группой, издающей «Борьбу за Россию», и нами существовал контакт на почве технического сотрудничества, о чем известно было представителям р<еспуб-

¹⁰⁸ Письмо Милокова Аргунову от 8 сентября 1928. – ГАРФ. Ф.6075. Оп.1. Д.8. Л.1.

¹⁰⁹ Письмо Вальмина Евреинову от 30 марта 1929. – Там же. Ф.6366. Оп.1. Д.9. Л.44-45.

¹¹⁰ Общее собрание РДО // Последние новости. 1929. № 2807, 16 февраля. Раздражение «Крестьянской России» вызвал следующий текст: «С докладом о тактике эмигрантских политических группировок выступил секретарь объединения А.К.Палеолог. Характеризуя настроения ближайших к РДО политических группировок и говоря о “Белградском совещании” и “Фонде свободной печати”, докладчик останавливается на связанных отчасти с ними некоторых новых явлениях в тактике “партии крестьянской России”, начинающей сближаться с соседями справа и отклоняться от той четкой тактической позиции, которую она до сего времени вместе с РДО занимала».

ликанско->д<емократической> группы партии Народной Свободы. <...> И не Фонд Св<ободной> печати, и не «контакт» с «активистскими борьбистами» явились яблоком раздора, прекратившего наш политический блок с парижской группой народной свободы.

Представители этой группы хорошо знают, что не в этих, и не в подобных им «фактах» дело. Блоковое наше сотрудничество с парижской группой народной свободы уже задолго, по крайней мере за два года до официального закрытия Р<еспубликанско->Д<емократического> Союза, потеряло политический характер и свелось к материально-техническому сотрудничеству.¹¹¹

Последней попыткой наладить работу была встреча в середине ноября 1928 в Праге. Милюков попробовал смягчить раздоры.

Как раз к совещанию в Праге, ставшему последним для РДС, «Последние новости» 14 ноября печатают передовую «Крестьянский террор»:

Сталинский поход на деревню привел этим летом к новой вспышке террора. <...> Возобновление крестьянского террора в наиболее обостренной форме в России свидетельствует о том, что коммунистам удалось занять место «господ» в качестве угнетателей и эксплуататоров. <...> Пока, к глубокому сожалению, приходится признать, что этот крестьянский террор – в совершенное отличие от попыток эмигрантского террора – является исторически неизбежным моментом в борьбе за освобождение России.¹¹²

Но этот трудный для П.Н.Милюкова шаг (беспрецедентное для либерала одобрение аграрных беспорядков и антигосударственного насилия) навстречу партнерам, воспевавшим антиколхозный аграрный террор, не был ими оценен, и попытка примирения, предпринятая Милюковым осенью 1928, ни к чему не привела.

В заявлении ЦК «Крестьянской России» от 19 ноября 1928 констатировалось:

1. Обозначившиеся еще в 1926 г. серьезные разногласия внутри Р<еспубликанско->Д<емократического> С<оюза> по вопросам тактической платформы и трения организационного характера привели к тому, что на совещании 1927 г. обе стороны приняли новую «конституцию» Р<еспубликанско->Д<емократического> С<оюза>, которая предоставляла им свободу действий по вопросам их разделявшим и обязывала лишь избегать всего того, что могло бы говорить окружающим о борьбе внутри Р<еспубликанско->Д<емократического> С<оюза>.

2. Жизнь Р<еспубликанско->Д<емократического> С<оюза> в дальнейшем, в особенности в 1928 г., сопровождалась рядом фактов, которые в своей совокупности свидетельствуют о том, что

¹¹¹ О нашем «направлении» и современных «стойках» // Вестник «Крестьянской России». 1929. №3. С.19-20.

¹¹² Крестьянский террор // Последние новости. 1928. №2793, 14 ноября.

«конституция» 1927 г. не предохранила Р<еспубликанско->Д<емократический> С<оюз> от внутренней борьбы, и дело дошло до того, что одна из союзных сторон, а именно Р<еспубликанско->Д<емократическая> группа, сочла даже возможным перенести внутренние разногласия на арену публичной борьбы (на страницы прессы и в открытых выступлениях).

Напомним: открытое выступление против «Крестьянской России» П.Н.Милукова в берлинском Р<еспубликанско->Д<емократическом> О<бъединении>, отзыв о «Крестьянской России» «в кавычках» <так!> в газете «Последние Новости», враждебное отношение в рядах парижского Р<еспубликанско->Д<емократического> О<бъединения>, позиция «Последних Новостей» по поводу съезда «К<рестьянской> Р<оссии>» и превращения ее в партию и многое другое известно в этом же направлении, о чем сейчас говорить не считаем нужным.

Ко всему этому надо еще прибавить все более и более удалявшуюся за пределы платформы Р<еспубликанско->Д<емократического> С<оюза> позицию «Посл<едних> Нов<остей>» в вопросах антибольшевицкой борьбы, вплоть до появления на страницах газеты проповедей о ненужности нелегальной литературы для России, т. е. ненужности того, что составляет самое (если не единственное) ценное в работе Р<еспубликанско->Д<емократического> С<оюза>.¹¹³

Преобразованная в партию «Крестьянская Россия» в своем заявлении предложила:

...мы высказываемся за продолжение его (РДС. – М.С.) существования, предлагая лишь пересмотр и перестройку начал, лежащих в основе деятельности союза.

Это перестройка должна сводиться к тому, чтобы, сохраняя название «Союза», удалить из его «конституции» все то, что содействует превращению его в арену политических раздоров, и все более сузить пределы общей работы и сотрудничества двух, во всем остальном разных, независимо действующих партийных группировок. <...> В случае непринятия переустройства деятельности союза в той или иной форме на указанных основаниях мы считаем неизбежной ликвидацию союза.¹¹⁴

Что вскоре и произошло. Существование РДС было формально прекращено с 1 января 1929 в ходе заседаний в Праге (с 17 по 22 ноября) Центрального бюро РДС. По предложению Милукова принимается следующая редакция совместного заявления:

От Республиканско-Демократического Союза.

Вследствие разногласий по вопросам политической тактики между образующими Союз сторонами – «Крестьянской Россией», с одной стороны, и Республиканско-Демократической группой

¹¹³ Заявление ЦК «Крестьянской России» от 19.11.1928. – Там же. Д.15. Л.154.

¹¹⁴ Там же. Л.155-156.

Партии Народной Свободы, с другой, – Центральное Бюро Союза в заседании 19 ноября 1928 года постановило: считать Союз с 1 января 1929 г. прекратившим свое существование.

Члены Центрального Бюро Союза Представители Р<еспубликанско->Д<емократической> Гр<уппы> П<артии> Н<ародной> Своб<оды>.

Представители «Кр<естьянской> России» – Тр<удовой> Кр<естьянской> партии.¹¹⁵

Выступая в прениях, Милуков счел необходимым отметить:

По вопросу о взаимной полемике Р<еспубликанско->Д<емократическая> Гр<уппа> П<артии> Н<ародной> Своб<оды> стоит на точке зрения нежелательности острых выступлений.

С.С.Маслов заявляет, что Кр<естьянская> Р<оссия> держится также позиции нежелательности поднимать в острых формах полемику, как в печати, так и в публичных выступлениях, считаясь с тем, что эти выступления вредны для работы в России.¹¹⁶

Но обещания эти выполнены не были.

Сторонники Милукова вскоре атаковали бывших союзников в №2 «Бюллетеня РДО» за 1929 год¹¹⁷, а представители «Крестьянской России» ответили им в своем органе:

Прекращая существование Р<еспубликанско->Д<емократического> Союза, обе стороны постановили опубликовать об этом <так!> в краткой форме, ограничившись простым, без пояснений, указанием на «тактические разногласия», – чтобы не давать пищи любителям эмигрантских сенсаций и недобросовестным критикам из враждебного лагеря.

И более того. Обе стороны не только взяли на себя обязательств не выносить на публичное обсуждение вопросов, связанных с прекращением своего блока, но, расставаясь, в общем, миролюбиво, заявили готовность на будущее время не учинять, без крайней на то необходимости, междоусобицу, не вступать в полемику и борьбу.

Констатируем, что бывший наш союзник, Р<еспубликанско->Д<емократическая> группа партии Народной Свободы, не только не выполнил указанного обязательства, но и поспешил открыть «военные» действия.¹¹⁸

Видный варшавский демократ В.В.Португалов отметил в письме Б.А.Евреину:

¹¹⁵ Заявление РДС. – Там же. Л.161. Опубл.: «Крестьянская Россия»: Информационный бюллетень. 1928. №9, декабрь.

¹¹⁶ Протокол заседания РДС. – ГАРФ. Ф.6075. Оп.1. Д.15. Л.161.

¹¹⁷ Тексты статей этого издания оказались автору недоступны, поскольку «Бюллетень РДО» в РГБ и библиотеке Slavika в Праге отсутствует. Отдельные цитаты приведены по ст.: К.Р. О нашем «направлении» и современных «стоянках» // Вестник «Крестьянской России». 1929. №3. С.19-21.

¹¹⁸ Там же. С.19.

Известие о крахе РДС в Праге нас здесь огорчило. Я лично признаю, что с обеих сторон были допущены излишние придирки. Дело даже не в формальном союзе, а в том, что трещина в демократическом лагере будет использована в противоположном лагере. Там постараются увидеть в это истории «кампанию» П<авла> Н<иколаевича> М<илиюкова> против всякой активности и будут злорадствовать.¹¹⁹

На прощанье бывшие союзники обменялись «любезностями» в печати. Милюков и его сторонники – в «Последних новостях» и в «Бюллетене РДО», где А.Кулишер в своей статье выразился о задачах РДО весьма странно: «стоять лицом к России, строя все свои расчеты на действии внутрироссийских сил»¹²⁰.

Не без удовольствия зацепившись за эту формулу Кулишера, редакторы «Вестника “Крестьянской России”» выступили от имени партии:

Позиция действительно «четкая». Она неизменно, из года в год под разными формулировками преподносилась на страницах парижской прессы.

«Стоять», «изучать», «ждать»...

По существу это то же самое, что и старинная формула: «сидеть у моря, ждать погоды». «Стоять» или «сидеть» лицом к России – позиция одна и та же.

Естественно, что так истолковывая роль демократической эмиграции, эти современные «стойки» психологически и политически чужды всему тому, что они называют активизмом в кавычках, т. е. проповеди и всякого рода попытки живого, непосредственного вмешательства эмиграции во внутрироссийское антибольшевицкое движение и организованной помощи ему в разных видах.

Отсюда понятно их раздражение против всяких попыток (вроде «Фонда Свободной печати») откликнуться на живые запросы о помощи, идущие из России, и их тактика самоизоляции, самоудаления, как от греха, от всякого рода коалиции.

Для того чтобы «стоять лицом» – всего этого, конечно, не требуется.

Революционной демократии в тяжких условиях, но с уверенностью ведущей освободительную борьбу внутри России, и тем, кто из-за рубежа спешит ей на помощь, – с нынешними «стойками» не по пути.¹²¹

На этом и расстались.

¹¹⁹ Письмо Португалова Евреину от 7 декабря 1928. – ГАРФ. Ф.6366. Оп.1. Д.13. Л.70.

¹²⁰ Кулишер А. Пробуждение России и эмиграция // Бюллетень РДО (Париж). 1929. №2.

¹²¹ К.Р. О нашем «направлении» и современных «стойках». С.20-21.

Весьма существенным фактором в расколе стали и личные амбиции лидеров, прежде всего Милюкова и Маслова. Сыграла свою роль и внешнеполитическая ориентация. Обе группировки получали чехословацкую помощь, но из разных политических кругов: Милюков – от либеральных государственных деятелей ЧСР, а Маслов через Министерство сельского хозяйства Чехословакии получал помощь Крестьянской партии Милана Годжи¹²². Кроме того, известно, что Милюков поддерживал деловые связи на Балканах с болгарскими политиками, а Маслова чехословацкие власти подозревали и в контактах с польским Генштабом, и в получении дотаций от руководства Югославии¹²³.

Подобные подозрения не были беспочвенны.

Вот один из примеров: молодой член «Крестьянской России» Г.А.Малахов в 1929 был в Белграде вместе с Масловым, который имел секретную встречу с королем Александром и рядом министров. Малахов в качестве охранника участвовал в перевозке из столицы Югославии в Прагу крупной суммы наличных денег. Он припоминает, что обычно экономивший партийные средства Сергей Маслов вынужден был в целях безопасности взять им билеты в спальный вагон¹²⁴.

Появление у лидера «Крестьянской России» Маслова собственных источников финансирования, поддерживавших существование партии и ее изданий – «Вестника Крестьянской России» (с 1933 – «Знамя России») и Информационного бюллетеня «Крестьянской России» – до начала 1939 явилось предпосылкой для организационного разрыва с Милюковым.

Раскол в самой «Крестьянской России» произошел в 1934, когда партию покинули А.А.Аргунов и А.Л.Бем вместе с группой единомышленников. Он был вызван тем, что, контролируя финансы, Мас-

¹²² Из записи бесед автора с членом ТКП «КР» Георгием Александровичем Малаховым (30 июня – 1 июля 2003, г. Канск). В официальных документах Русской акции, выделявшей деньги на поддержку «Современных записок», «Воли России» и др., «Последние новости» не значатся; «Крестьянская Россия» и Маслов хоть и фигурируют, но не в этом контексте. Финансирование шло вне рамок акции, из других источников. См.: Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике... С.135, 142-144. При этом генеральный прокурор СССР А.Я.Вышинский о субсидировании «Крестьянской России» хорошо знал, см. его вопросы к подсудимому С.А.Бессонову на троцкистско-бухаринском процессе (заседание 5 марта 1938).

¹²³ Письмо Президиума МВД ЧСР в МИД ЧСР о деятельности объединения (партии) «Крестьянская Россия». 9 марта 1936, Прага; опубл.: Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике... С.142-143.

¹²⁴ Из записи бесед автора с членом ТКП «КР» Г.А.Малаховым.

лов фактически монополизировал партийную и редакционную работу и взял на себя и все связи с Россией.

В то же время совместная деятельность крестьянских демократов и сторонников Милюкова уже после формального роспуска РДС продолжалась. Так, на совещании 21 ноября 1928 было принято следующее решение:

По Дальневосточному направлению предоставить трехмесячный ликвидационный период с 1-го января с совместным использованием общих структур. По Польскому направлению сохраняется совместное ведение в прежних размерах с расходами в 18,3 тысячи франков в месяц. <...> Материал, получаемый из России, делится на общий и партийный <...> П.Н.Милюков признает общую линию соглашения правильной.¹²⁵

В целом соглашение было установлено предварительно на 6 месяцев. Уполномоченными по подпольной работе в России были назначены Маслов и Евреинов: «ведение дела поручается со стороны Республиканско-Демократической Группы Партии Народной Свободы» – Б.А.Евреину, со стороны «Крестьянской России» – С.С.Маслову.¹²⁶

Сотрудничество левых кадетов Милюкова и крестьянских демократов Маслова и Аргунова продолжалось и далее – например, в рамках организации «ОПУС», занимавшейся переброской в Россию литературы эмигрантов-демократов и эмиссаров обеих организаций. Эта работа шла совместно с участием Евреинова как минимум еще до июля 1929¹²⁷, а возможно, и позже. А эмиссары самой «Крестьянской России» регулярно проникали в СССР, по крайней мере, до конца 1934¹²⁸. Но это уже тема отдельного исследования.

И все-таки РДС просуществовал почти пять лет, что для эмигрантской организации достаточно большой срок, доказав возможность сотрудничества демократических сил, и пал жертвой различных подходов к тактике антибольшевистской борьбы.

* * *

¹²⁵ Протокол заседания РДС от 21 ноября 1928. – ГАРФ. Ф.6075. Оп.1. Д.15. Л.158.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Заявление Б.А.Евреинова о выходе из состава Руккома от 30 июня 1929. – Там же. Д.16. Л.29.

¹²⁸ См. письма Маслова к И.М.Брушвиту от 15 декабря 1934 и 28 января 1935. – Там же. Ф.5789. Оп.1. Д.35. Л.3; см. также письмо Маслова к жене (И.А.Андрукевич) от 12 декабря 1934. – Собрание Т.С.Масловой.

ПРИЛОЖЕНИЕ¹²⁹

№1

25 декабря 1923 года

Протокол Учредительного съезда Союза Республиканско-Демократических организаций

Первый день. 25 дек<абря> 1923 г. Дневное заседание.

Присутствуют от демокр<атической> Группы п<артии> к<онституционных> д<емократов> П.Н.Милюков, и В.А.Харламов, от п<артии> Нар<одных> соц<иалистов> С.П.Мельгунов и В.А.Мякотин, от «Крестьянской России» А.А.Аргунов, А.Л.Бем и С.С.Маслов.

Заседание открывает П.Н.Милюков кратким сообщением о предварительных переговорах с Е.Д.Кусковой и С.Н.Прокоповичем об отношении к идее Съезда берлинской группы Национально-демократического объединения.

Из заявления Е.Д.Кусковой явствует, что берлинская группа не сконструирована и <ее> представители не обладают полномочиями для участия в съезде. Ввиду этого в настоящем совещании представители берлинской группы не примут участия. Если объединение состоится и его цели будут приемлемы для берлинской группы, то вопрос о ее вхождении может снова встать на очередь.

Сообщение П.Н.Милюкова принято к сведению.

А.А.Аргунов сообщает о решении, принятом на предварительном совещании, по вопросу об участии по предложениям отдельных групп нескольких членов этих групп в Съезде на правах гостей.

Решено *принципиально допустить участие на правах гостей без права голоса нескольких лиц по предложениям участвующих групп при условии осуществимости этого права обязательно всеми группами. Ввиду того, что кроме «Крестьянской России» остальные группы не имели возможности осуществить своего права к*

¹²⁹ Приводимые далее тексты протоколов хранятся в ГАРФ (Ф.6075. Оп.1. Д.15. Л.1-73) и полностью публикуются впервые с включением (согласно хронологии) обсуждаемых участниками Съезда документов. Нами сделаны лишь незначительные сокращения в тех местах, где карандашные черновые записи секретаря съезда А.Л.Бема не поддаются однозначной расшифровке или же имеют чисто технический характер. Орфография и пунктуация в основном приведены к современной норме. Авторские конъектуры раскрыты в угловых скобках. Вычеркнутые слова и фразы помещены в квадратные скобки.

Автор выражает благодарность за содействие сотрудникам отдела фонда эмиграции ГАРФ, «Радио Свобода», архивистам Archives division British Library of Political and Economic Science и жителям Праги: доктору М.Бубениковой и доценту А.Вуколовой-Копрживовой, чешским журналистам В.Быстрову и Д.Мазаловой, а также Т.С.Масловой, дочери С.С.Маслова.

первому заседанию, первое заседание <проводится> в составе делегатов без гостей.

С.С.Маслов предлагает принять к руководству при выборе председателя след<ующий> модус. Председательствуют по очереди представители от каждой участвующей группы в след<ующем> порядке: 1) представитель демокр<атической> Гр<уппы> П<артии> нар<одной> Своб<оды>, 2) представитель п<артии> н<ародных> с<оциалистов>, 3) представитель «Кр<естьянской> России».

Постановлено: в заседаниях председательствуют по очереди представители по указанию групп в следующем порядке: 1) представитель демокр<атической> Гр<уппы> П<артии> нар<одной> своб<оды>, 2) представитель п<артии> н<ародных> с<оциалистов>, 3) представитель «Кр<естьянской> России».

После принятия этого предложения председательство переходит к П.Н.Милюкову.

По вопросу о выборе секретаря постановлено: *избрать постоянного секретаря на все время всего съезда. Секретарем избирается А.Л.Бем.*

Слово предоставляется А.А.Аргунову для информационного доклада о подготовительных работах к Съезду и программе его занятий. (Доклад прилагается к протоколу.¹³⁰)

В.А.Мякотин в разъяснение отношения его партии к участию на съезде групп недостаточно оформленных указывает, что п<артия> нар<одных> соц<иалистов> не возражала против обсуждения каждый раз вопроса об участии той или иной группы, но не давала своего согласия на участие в Союзе таких групп.

Что касается собственного участия п<артии> нар<одных> соц<иалистов>, то, признавая принципиально желательность образования союза и в основе принимая выработанную платформу и тактическую программу и орг<анизационный> статут, н<ародные> соц<иалисты> согласны участвовать в съезде, не предрешая вопроса о вхождении в блок.

П.Н.Милюков докладывает письмо М.В.Брайкевича об отношении лондонской р<еспубликанско>-д<емократической> группы к участию в съезде (прилагается к протоколу).

14.12.<19>23

Дорогой Павел Николаевич.

Образование республиканско-демократической группы в Лондоне есть дело законченное. Под вопросом, как я говорил Вам при последнем свидании, только принятие трех документов, которые

¹³⁰ Доклад в архивном деле отсутствует.

были выработаны Вами с Аргуновым и Масловым. Я не мог Вам написать раньше, так как за отсутствием из Лондона некоторых участников нельзя было раньше созвать собрание, на котором было желательно присутствие всех членов группы.

Собрание состоялось 12.12.<19>23.

Два документа – программа и тактика – признаны лондонской группой вполне отвечающими ее направлению. Пункт третий – тактической платформы – принят в редакции Демократической группы. Мы не проходили по пунктам (за исключением п. 3-его, где имелось разногласие между Пражской и Парижской группами) обоих этих документов, а приняли их в целом как базу для последующего вхождения Лондонской республиканско-демократической группы в «Союз республиканско-демократических групп».

Одновременно с присланными Вами документами были рассмотрены политическая и тактическая платформа Берлинской Респ<убликанско->Дем<ократической> группы.

Лондонская респ<убликанско->дем<ократическая> группа находит, что на первых шагах респ<убликанско->дем<ократического> объединения следует ограничиться более краткой программой. Такое развитие и детализация, которые сделаны Берлинской группой, должны появиться как результат дискуссии не только за границей, но и с оставшимися теперь в России. Сомнения вызвал организационный принцип. Лондонская респ<убликанско->дем<ократическая> группа состоит из людей из разных партий. Объединились они персонально, не по организациям. Объединились для активной работы и на определенной платформе, обязательной для каждого участника. При этом участники не выходят из своих партий. Получается нечто вроде принципа, лежавшего когда-то в основе Союза Возрождения. Если в Париже, Праге, Берлине, и т. д. образуются респ<убликанско->дем<ократические> группы, объединение очень легко будет идти по фронту всей эмиграции и будет логически последовательным, объединяться будут однородно составленные ячейки. При теперешнем проекте объединяться будут с одной стороны политические партии (кадеты левые, н<ародные> с<оциалисты>, Крестьянская Россия), а с другой стороны респ<убликанско->дем<ократические> группы, образованные по территориальному признаку.

Положение тех членов таких групп, которые принадлежат к <онституционным>: д<емократам>, н<ародным> с<оциалистам>, простое: их комитеты вошли. Положение же члена Лондонской группы, по партийности с<оциал>-д<емократа>, становится сложным: он как будто входит в блок политических партий. Между тем во всяком партийном человеке есть целый хвост накопившихся партийных притяжений и отталкиваний.

Практическое предложение потому такое: пусть те же, скажем, лица, которые сочли теперь разумным в Париже положить начало республиканско-демократической группе и объединению таких групп среди всей эмиграции выступают учредителями и «Союза

респ<убликанско->дем<ократических> Организаций» на съезде не как демократическая группа партии Народной свободы, а как Парижская Респ<убликанско->дем<ократическая> группа. То же касается н<ародных> с<оциалистов> Берлинских и «Крестьянской России», которая может выступать как Пражская респ<убликанско->дем<ократическая> группа.

Этим путем будет облегчено для всех партийных людей, не принадлежащих к к<онституционным> д<емократам> и н<ародным> с<оциалистам>, а равно для всех беспартийных, вхождение в территориальные респ<убликанско->дем<ократические> группы и широкое объединение последних. Само собой разумеется, что в каждом городе может быть несколько респ<убликанско->дем<ократических> групп, скажем, по профессиональному признаку образованных. Группа считает очень важным образование «Союза Респ<убликанско->Дем<ократических> организаций», считает, что настроение широких кругов беспартийных людей и многих объединяющихся по профессиональному признаку способствует (продуск в тексте письма. – М.С.) такого Союза или Лиги, но считает необходимым облегчить в организационном порядке возможность вхождения старых партийных работников, не ставя перед ними психологических преград из старых партийных счетов, притяжений и отталкиваний. Группа просит доложить это мнение на предполагаемом совещании 25 декабря.

Я постарался с возможной точностью формулировать высказанные на последнем нашем собрании суждения.

Искренне уважающий и преданный,

М.В.Брайкевич¹³¹

Постановлено: отклонить обсуждение письма по существу затрагиваемых им вопросов до обсуждения организац<ионного> плана.

А.Аргунов дополняет свой доклад указанием, что группа оставляет за собой право окончательного подтверждения соглашения по отдельным пунктам после обсуждения в своих ц<ентральных> комитетах.

С.С.Маслов в порядке дополнений к докладу *А.А.Аргунова* сообщил:

1) Что группа «Зари» заявила невозможность участвовать на Съезде без прямых полномочий от своих русских групп, что не исключает личного содействия делу блока ее заграничных представителей (Ст. Ивановича, С.Загорского).

2) что в отношении к вопросу об участии в Съезде берлинской группы «Нац<ионально>-Дем<ократического> Объединения» у «Кр<естьянской> России» установилось отрицательное отношение

¹³¹ Письмо сохранилось в бумагах съезда (Л.10).

после завершения доклада Е.Д.Кусковой в бюро группы «Кр<естьянской> Р<оссии>»: эта группа принимать участие на правах других групп не может уже по формальным причинам, ибо она не сконструирована, но бюро считало возможным участие представителям берл<инской> группы на правах гостей с совещательным голосом, но и это предложение отпадает после сообщения П.Н.Милюкова.

В.А.Мякотин подчеркивает отрицательное отношение его партии к участию берлинск<ой> группы не только по формальным причинам, но и по существу: при образовании Союза нужно учитывать полит<ический> и обществ<енный> вес вступающих в соглашение групп, объединяться же с призрачными силами, каковой является берлинская группа, общественно вредно.

П.Н.Милюков высказывает сожаление, что в самом начале сговора он сталкивается с такой точкой зрения на берлинскую группу... Общественно-политический вес ее значительно больше, чем здесь думают, особенно принимая во внимание внутрирусские настроения. Отсекая на будущие времена участие в ближайшей работе такой влиятельной группы, мы отрезаем и полит<ическую> влиятельность берлинцев.

А.А.Аргунов предлагает отнести вопрос об отношении к участию берлинской группы ко времени обсуждения вопроса о расширении состава участников блока.

Предложение А.А.Аргунова принимается.

По предложению председателя собрание переходит к обсуждению организационных работ съезда и его конструированию.

Состав Съезда.

На основании заявлений представителей групп в Съезде принимают участие

1. от демокр<атической> Группы п<артии> нар<одной> св<ободы>: Б.А.Евреинов, П.Н.Милюков и В.А.Харламов,
2. от п<артии> Нар<одных> соц<иалистов> – М.А.Алданов (заместитель – В.И.Менцель), С.П.Мельгунов и В.А.Мякотин,
3. от Бюро загр<аничной> гр<уппы> «Крестьянской России» А.А.Аргунов, А.Л.Бем и С.С.Маслов.

С.С.Маслов ставит вопрос: признают ли участники необходимость обеспечить тайну работ съезда.

Принимаются к сведению разъяснения председателя, предлагается, что все делегаты связаны соблюдением тайны работы Съезда и только по соглашению решать вопрос о форме оглашения его результатов.

Принимается предложение А.А.Аргунова по вопросу о голосовании: *решения принимаются путем соглашения групп, а не большинством голосов.*

По предложению А.А.Аргунова принимается следующая программа работ съезда:

- I. Платформа «С.Р.Д.О»¹³²
- II. Тактическая платформа «С.Р.Д.О»
- III. Организационный статут «С.Р.Д.О»
- IV. Литературно-издательская деятельность
- V. Организационно-политическая деятельность
- VI. Финансовые и сметные вопросы

По предложению Председателя Съезд приступает к обсуждению проекта Платформы «С.Р.Д.О» (прилагается к протоколу¹³³).

Программная платформа

Союза Республиканско-демократических организаций.

Платформа «Республиканско-демократического Союза»

(Основы соглашения между Демократической группой партии нар<одной> Свободы и Центральным Бюро группы «Крестьянской России» и ... <так!> для объединенных политических действий).

I. Государственное устройство России на основах: а) республиканско-демократического строя с устойчивой и сильной подзаконной и ответственной исполнительной властью; б) гарантий прав человека и гражданина и гражданского равноправия; в) независимого суда; г) демократического местного самоуправления и областной автономии.

II. Восстановление государственного единства России на основах федерации.

III. Возможно скорый созыв Всероссийского учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права, в условиях, обеспечивающих правильность его избрания.

IV. Решительный отказ от коммунистической системы хозяйства во всех его видах. Восстановление производительных сил страны на основе свободной экономической деятельности, с признанием свободы хозяйственной инициативы и частной собственности (индивидуальной и коллективной). Ограничение регулирующей роли государства пределами, не стесняющими самостоятельности населения и здоровой хозяйственной жизни.

V. Признание сельского хозяйства основой возрождения народного хозяйства России и преимущественная помощь ему со стороны государства для скорейшего восстановления его. Восстановление

¹³² Первоначально планировалось название: Союз Республиканско-демократических организаций.

¹³³ ГАРФ. Ф.6075. Оп.1. Д.15. Л.20.

транспорта, промышленности и торговли. Привлечение иностранного капитала. Защита русских народно-хозяйственных ресурсов от расхищения иностранцами.

VI. Признание происшедшего во время революции перехода земель к хозяйствам крестьянского типа и решительная борьба со всеми попытками восстановить дореволюционные земельные отношения или отчудить землю из рук ее теперешних держателей. Образование из свободных земель государственного земельного фонда. Признание за населением максимальной свободы в выборе форм землевладения и землепользования до восстановления народно-хозяйственной жизни в стране, государственное в интересах крестьянского хозяйства регулирование земельного оборота совершается как в порядке купли-продажи земли, так и путем аренды.

VII. Государственная охрана наемного труда во всех областях народного хозяйства. Право коалиций и свобода профессиональных организаций.

VIII. Широкая постановка дела народного просвещения, как одно из основных условий здоровой и развивающейся общественной жизни. Энергичное содействие ему со стороны государства и общественных организаций и частной инициативы.

IX. Мир как основа международной политики России. Заботы об армии как условия государственной безопасности и независимости России.

X. Умиротворение и устройство страны, а не месть и не возбуждение антагонизмов как основа внутренней политики будущей власти.

В.А.Мякотин вносит от своей организации следующие изменения в предложенный текст:

К п. 1: После слов «республиканско-демократического строя» непосредственно прибавить «с ответственной перед народным представительством исполнительной властью».

К п. 1г: Исключить окончание: «и *областной автономии*».

К п. 2: Совсем исключить.

К п. 3: Начать со слов «Созыв Всероссийского...».

К п. 4: После слов «пределами» иная редакция: «*совмещающим с самостоятельностью населения и здоровой хозяйственной жизнью страны*».

К п. 5: Вм<есто> «и преимущественную помощь со стороны государства для скорейшего восстановления его» предлагается «и облегчение возможности его скорейшего восстановления».

К п. 6: Окончание от слов «*До восстановления...*» до конца восстановить первоначальную редакцию: «*допущение регулируемого органами власти арендного оборота земель. Запрещение купли-продажи земли до восстановления нормальной народно-хозяйственной жизни в стране*».

К п. 8: Исключить конец от слов: «энергичное содействие» ... до конца.

К п. 9: Исключить целиком.

П.Н.Милюков предлагает вставить пункт о заботах о здравоохранении, внесенный в тексте обращения берлинской группы.

После внесения изменений и поправок к проекту платформы собрание переходит к обсуждению платформы по пунктам.

Обсуждается редакция, предложенная п<артией> нар<одных> соц<иалистов>.

Государственное устройство России на основах:

а) «республиканско-демократического строя с ответственной перед народным представительством исполнительной властью».

С.С.Маслов возражает против исключения слов «устойчивой и сильной» властью, т. к. это опущение дает почву обвинению всякой республиканской власти в слабости, широко распространенное после октября 1917 г. И по существу упоминания сильной власти характеризует устремление блока к созданию госуд<арственного> строя, при кот<ором> полномочия исполнительной власти должны быть достаточно широки, чтоб быть в состоянии управлять таким сложным организмом, которым является Российское государство. Слово «подзаконный» может быть опущено.

П.Н.Милюков отмечает агитационное значение упоминания об устойчивой и сильной власти. Это упоминание снимает упрек в слабости, равно как упоминание «подзаконности» «освобождает от упрека в стремлении к диктатуре».

В.А.Мякотин мотивирует свою поправку соображением, что признаки устойчивости и силы лишены юридического содержания и являются ни к чему не обязывающим положением.

С.П.Мельгунов предлагает принять следующую редакцию:

«сильной подзаконной и ответственной перед народным представительством исполнительной властью».

После обмена мнениями предлагается проект пункта 1а в след<ующей> редакции:

1. *Государственное устройство России на основах:*

а) «республиканско-демократического строя с сильной подзаконной и ответственной перед народным представительством исполнительной властью».

За эту редакцию высказываются В.А.Мякотин и С.С.Маслов за свои группы, П.Н.Милюков принимает условно, до подтверждения своей группой (ad referendum).

П. 1г и п. 2. Обсуждается предложение Нар<одных> соц<иалистов> принять п. 1г в следующей ред<акции>:

2) «демократического местного самоуправления» и исключение п. 2 («Восстановление государственного единства России на основах федерации») целиком.

В.А.Мякотин мотивирует свое предложение тем, что предложенная редакция создает неверное представление, предполагая как бы предоставление федерации государствам уже отколовшимся, а за оставшимися единицами сохраняется лишь право на областную автономию.

В соединении с упоминанием о «восстановлении государственного единства России» возникает представление, что имеется в виду возвращение таких бывших частей Российской империи, как Финляндия и Польша. Ввиду того, что для блока этот вопрос не является первоочередным, а каждая из блокирующихся партий имеет в своей программе указание на федеративный строй будущей России, лучше, во избежание неясностей, национальный вопрос не затрагивать.

С.С.Маслов и А.А.Аргунов указывают на невозможность отказаться от указания на федеративное устройство будущей России. Это неизбежно вызовет обвинения в централизме. Признавая неудобства прежней редакции, группа «Кр<естьянской> России» предлагает отложить обсуждение этих пунктов до выявления новой формулировки.

П.Н.Милюков решительно высказывается против исключения упоминания федерации и предлагает вставить после слова «федерация» «и на основах свободного соглашения», как было в первоначальном проекте дем<ократической> гр<уппы> п<артии> н<ародной> св<ободы>.

А.Л.Бем указывает, что исключение упоминания о федерации отталкивает от блока круги, осознающие первостепенную важность решения национального вопроса в России.

В итоге обмена мнениями признано желательным изменить редакцию п.п. 1г и 2, однако с упоминанием федерации. Окончательную редакцию установить на следующем заседании.

П. 3. Предлагается редакция: «Созыв Всероссийского учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права, в условиях, обеспечивающих правильность его избрания».

В.А.Мякотин защищает свое предложение исключить слова «возможно скорый», так как такая редакция вызывает представление о скрытом стремлении оттянуть срок созыва.

С.С.Маслов и П.Н.Милюков возражают против исключения слов «возможно скорый», так как в сочетании со словами «в условиях, обеспечивающих правильность его избрания» это скорее указывает на стремление к ускорению его созыва.

П.Н.Милюков предлагает заменить слова «возможно скорый» на «скорейший».

Предложение П.Н.Милюкова принимается, и п. 3 принят в следующей редакции:

«Скорейший созыв всероссийского учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права, в условиях, обеспечивающих правильность его избрания».

П. 4. *В.А.Мякотин* защищает окончание пункта 4-го в следующей редакции:

«Ограничение регулирующей роли государства пределами, совместимыми с самостоятельностью населения и здоровой хозяйственной инициативой».

П.Н.Милюков заявляет, что такая редакция для его группы совершенно неприемлема. Группа в прежней формулировке пошла до крайнего предела допустимости регулирующей роли государства.

С.С.Маслов не видит в предложенной поправке того смысла, который в ней усматривает *П.Н.Милюков*. Объединяясь в блок, каждая группа не теряет своей индивидуальности. Естественно, что у нас остается разное понимание степени допустимости регулирующей роли государства. Надо выявить в формулировке то общее, что можно вынести за скобки. Все мы ставим ударение на свободе хозяйственной инициативы, но не исключаем и регулирующей роли государства. Надо учинить микроскопическое разглядывание, чтобы найти в предполагаемой формуле контрабанду социализма.

В.А.Мякотин и *С.П.Мельгунов* указывают, что до выступления *П.Н.Милюкова* они разрабатывали свою поправку как больше типичную <так!> той же мысли, какая в ней есть. Теперь же они насторожились и видят, что здесь проводятся былые существующие разногласия. Они были и остаются социалистами и от этого отказываться не собираются.

Председатель, подводя итоги прениями по п. 4-му, *констатирует разногласие, которое здесь не может быть устранено.*

П. 5. *В.А.Мякотин* мотивирует поправку к 5-му пункту, предлагающему следующее чтение начала:

«Признание сельского хозяйства основой возрождения народного хозяйства России и облегчение возможности его скорейшего восстановления».

В.А.Мякотин полагает, что обещание «преимущественной помощи» сельскому хозяйству было бы заведомо неисполнимым. Россия будет восстановлена главным образом своими силами, следовательно, главная тяжесть падет на сельское хозяйство. При таком положении говорить о преимущественной помощи со стороны государства – это фантастика.

П.Н.Милюков готов принять поправку Нар<одных> соц<иалистов>, так как он видит в указании на «преимущественную помощь» классовый оттенок, это желательно избежать.

А.Л.Бем предлагает следующую редакцию: «и принятие государством соответствующих мер к его скорейшему восстановлению».

Предложение *А.Л.Бема* принимается.

П. 6. *В.А.Мякотин* защищает первоначальную редакцию последней части п.6:

«Допущение регулируемого органами власти арендного оборота земель. Запрещение купли-продажи до восстановления нормальной народно-хозяйственной <деятельности>», при этом *В.А.Мякотин* указывает, что необходимо оградить крестьянство от обезземеливания, а это требует на первое время запрещения купли-продажи земли.

С.С.Маслов отстаивает редакцию проекта, доказывая, что она гарантирует от обезземеливания, но в то же время не прикрепляет к земле элемента случайного, который, по словам крестьян, не обрабатывает, а «мучает землю».

В.А.Мякотин заявляет, что окончательное решение по этому вопросу придется отложить, его группа не может дать согласия на предполагаемую редакцию до обсуждения в Ц<ентральном> Комитете.

По п. 6 окончательного соглашения не достигнуто.

П. 8. *В.А.Мякотин* предлагает <вычеркнуть?> окончание п. 8-го от слов «Энергичное содействие...» до конца, считая неуместным говорить об очевидных вещах в программе.

С.С.Маслов указывает, что предлагаемая редакция имела в виду подчеркнуть общественную и частную инициативу в деле народного просвещения.

В.А.Мякотин заявляет, что не придает значения этому вопросу и готов согласиться на предлагаемую редакцию.

П. 8 – принимается в редакции проекта.

П.Н.Милюков предлагает включить <в> п. 9-м упоминание о народном здравии.

Постановлено: 9-м пунктом ввести заботу о народном здравии: выработку редакции п.9-го продолжить.

П.10 – бывш<ий> 9: *В.А.Мякотин* предлагает п. 9-ый проекта исключить, так как он предвидит противоречивое влияние, говоря одновременно о мире и заботе об армии.

П.Н.Милюков отстаивает содержание этого пункта, так как в нем есть указание на полную программу международной политики. Для иностранцев этот пункт имеет существенное значение.

А.А.Аргунов придает этому пункту тактическое значение и не считает правильным его исключение.

В.А.Мякотин заявляет, что его группа не настаивает на исключении п. 9.

П. 10(9) принимается в редакции проекта.

Председатель подводит итоги обсуждения «Платформы» и предлагает перейти к обсуждению проекта «Тактической платформы Союза» (см. Прил<ожение>).

Тактическая платформа
«Республиканско-демократического Союза»

I. В целях освобождения России от коммунистической власти Союз признает целесообразными революционные и мирные формы борьбы с нею.

II. Для достижения своих целей Союз: а) ведет пропаганду внутри и вне России путем издания органа, брошюр и т. п.; б) создает постоянные сношения и связи с Россией, и в особенности с теми организациями и лицами, которые разделяют платформу Союза, и содействует их деятельности, направленной против коммунистической власти; в) объединяет демократические силы русской эмиграции; г) устанавливает связи с общественными кругами Европы и Америки.

III. В соответствии со своей платформой Союз: а) ведет борьбу с течениями и организациями, ставящими целью восстановление монархии в России; б) выступает против тех течений и организаций, которые примирились с коммунистической властью или считают единственным путем освобождения России внутреннюю эволюцию этой власти; в) выступает против иностранной интервенции как способа освобождения России; г) ведет борьбу против международного признания коммунистической власти.

Примечание к №3: пункт, обозначенный буквой «б», окончательно не принят.

Наряду с приведенным текстом существует другой – «ведет борьбу против организаций и лиц, которые содействуют коммунистической власти».

В.А.Мякотин вносит от от п<артии> нар<одных> соц<иалистов> следующие изменения и поправки

П. 1 заменить новой редакцией:

«В целях установления в России политической свободы и республиканско-демократического правления Союз признает целесообразными как революционные, так и мирные формы борьбы с существующей коммунистической властью».

П. 26. Исключить слова: «И содействует их деятельности, направленной против коммунистической власти».

П. 3. *В.А.Мякотин* предлагает новую редакцию:

В соответствие со своей платформой Союз: а) настаивая на невозможности признания большевицкой власти законной государственной властью России, ведет борьбу как с этой властью, так и со всеми поддерживающими ее организациями и течениями; б) борется со всеми течениями и организациями, ставящими своей целью восстановление старого политического и социального строя России, равно как и со всеми противниками политической свободы и демократического строя.

С.С.Маслов предлагает заменить в п. 1-м вместо республиканско-демократического правления – р<еспубликанско>-д<емократическо> строя и выбросить «ныне».

П.Н.Милюков согласен принять п. 1 в предложенной редакции с поправкой *С.С.Маслова* и замены «коммунистической властью» – «коммунистической диктатурой».

П. 1 Тактической платформы принимается в след<ующей> редакции:

«В целях установления в России политической свободы и республиканско-демократического строя Союз признает целесообразными как революционные, так и мирные формы борьбы с существующей коммунистической властью».

В п. 2 предложение *В.А.Мякотина* не встречает возражений, и пункт 2-й принимается в след<ующей> редакции:

П. Для достижения своих целей Союз: а) ведет пропаганду внутри и вне России путем издания органа, брошюр и т. п., с теми организациями и лицами, которые разделяют платформу Союза, б) объединяет демократические силы русской эмиграции, в) устанавливает связи с общественными кругами Европы и Америки.

В.А.Мякотин мотивирует новую редакцию п. 3-его тактической платформы. В первой редакции нет указаний на борьбу с интервенцией, так как вопрос этот потерял свою актуальность. Вместо борьбы с течениями, ставящими своей целью восстановление монархии, взято более широкое и точное требование – борьба со всеми, кто стремится к политической и социальной реставрации, нет специального упоминания о международном признании, т. к. указывается на невозможность признания большевицкой власти законной государственной властью России, ясно указывает <так!> на отношение к вопросу и о международном признании.

П.Н.Милюков возражает против исключения в новой редакции и таких актуальных вопросов, как борьба с монархическими течениями, борьба с интервенцией и отрицание международного признания советской власти.

В.А.Мякотин, признавая важным вопрос об отрицании иностранной интервенции, считает все же необходимым <найти> политическую формулу, указывающую, что Россия освободится силами внутри России и не силами иностранцев.

С.П.Мельгунов считает, что неправильно в тактической платформе выбрасывать лозунг борьбы с монархистами. Надо иметь в виду реставраторов, а вполне возможна категория монархистов, не являющихся защитниками восстановления старого. По вопросу об интервенции С.П.Мельгунов, с личной точки зрения, считает тактически неправильным становиться на точку зрения противоположной идеологии – соц<иалистов>-революционеров и меньшевиков. Не следует пользоваться затасканными терминами и этим отталкивать от себя группы, недостаточно прочно ставшие на демократические рельсы. Для нас вопрос об интервенции сейчас потерял значение, и о нем говорить не стоит. Упоминание о борьбе с международным признанием <так!> в данную минуту выглядит в интересах блока неудобным. Мы, м<ожет> б<ыть>, накануне этого признания иностранными государствами, и это может поставить нас в ложное положение.

А.А.Аргунов выдвигает необходимость указания на борьбу против организаций и лиц, которые содействуют коммунистической власти внутри России. Мы имеем в виду не только сменовеховцев, которые попадают под понятие поддерживающих «советскую власть», но и те течения, которые вырастут на почве упадочности и настроения усталости. Необходима борьба с настроениями пассивности и примиренчества.

П.Н.Милюков соглашается на новую конструкцию пункта 3-го, но настаивает на сохранении указания на международное признание, на борьбу с монархическими течениями и отрицании интервенции. При упоминании интервенции можно было б добавить «полагая, что освобождение России ее внутреннее дело».

Указание на борьбу с примиренчеством он считает излишним, так как в этом указании нет ясности, кого под этим имеют в виду.

А.А.Аргунов заявляет, что группа «Крестьянской России» считает необходимым включение в редакционную платформу отношение блока и к упадочным, и к примиренческим настроениям.

Председатель констатирует, что по п. 3 не удалось установить общей редакции.

Участники съезда согласились: <1> переставить порядок пунктов, говорящих о борьбе со сторонниками монархии (<на> 2<-е> место) и сторонниками коммунизма (на 1<-е> место); 2) принять формулу: «ведет борьбу против организаций и лиц, поддерживающих коммунистическую власть».

По последней П.Н.Милюков резервирует согласие своей группы.

Разногласия остались не преодоленными по следующим вопросам:

1) нужно ли упоминание выступлений против иностранной интервенции (п. 3г в первоначальной редакции). Представители народно-социалистической партии высказываются против такого упоминания, представители демократической группы партии народной свободы и «Крестьянской России» – за.

2) нужно ли указание на борьбу против международного признания коммунистической власти (п. 3г первоначальной редакции). Представители народных социалистов против такого упоминания, представители «Крестьянской России» и демократической группы партии народной свободы – за, соглашаясь в то же время на оговорку о незаконности советской власти в глазах русского народа.

3) нужно ли упоминание о борьбе с монархическими организациями (п. 3г первоначального проекта). Представители народных социалистов за указание на борьбу с реставраторами, представители демократической группы народной свободы и «Крестьянской России» – за указание «организаций и течений, ставящих своей целью восстановление монархии».

4) нужно ли указание на выступление блока против течений, проповедующих примиренчество (п. 3б первый вариант первоначального проекта).

Представители народных социалистов и демократической группы народной свободы против, представители «Крестьянской России» – за.

Постановили: в связи с прениями и наметившимися разногласиями предложить участникам внести в следующие заседания новые предложения по п. 3-му тактической платформы.

Следующее заседание назначается на 26 декабря в ½ 11 утра.

Второй день, 26 декабря, утро

Присутствуют от демократической Группы партии конституционных демократов П.Н.Милюков, В.А.Харламов и Б.А.Евреинов, от партии Народных социалистов – В.А.Мякотин, С.П.Мельгунов, от «Крестьянской России» – А.А.Аргунов, А.Л.Бем и С.С.Маслов.

Председательствует В.А.Мякотин

1. Продолжается обсуждение разногласия по п. 3-му тактической платформы.

В.А.Мякотин от партии народных социалистов заявляет, что по п. 3-му он не встречает возражений против упоминания в части задач борьбы с монархическими течениями и выступления против

иностранной интервенции. Вместо указания на борьбу против течений, противостоящих примиренчеству (п. 3б), он предлагает указать на *поднятие активизации населения.*

Остается спорным вопрос о необходимости упоминания о борьбе против международного признания (п. 3 первого проекта).

Постановлено: приняв во внимание заявление В.А.Мякотина, отложить обсуждение тактической платформы до выяснения конкретных формулировок по остальным пунктам.

II. Стороны переходят к обсуждению проекта «Организационного статута».

Организационный Статут Союза республиканско-демократических организаций

I. Объединение носит название «Союза республиканско-демократических организаций».

II. Основные цели и деятельность Союза определяются особой программой и принципами тактики, принятыми учредителями Союза, с теми изменениями и дополнениями в них, которые будут установлены съездами Союза.

III. Союз является объединением организаций. Персональное вне организаций участие в Союзе не допускается.

IV. Впредь, до решения учредительного съезда, для поступления в Союз новых организаций требуется согласие всех наличных организаций.

V. Органами Союза являются: Съезды, Центральное Бюро и местные Отделения.

VI. Верховным органом Союза являются съезды его. Правом участия в съездах пользуются все организации, входящие в Союз. Впредь, до окончательного установления порядка избрания делегатов и числа их, все подобные вопросы, а равно и повестка дня съезда, устанавливаются Центральным Бюро по соглашению с организациями.

VII. Исполнительным органом Союза, действующим по уполномочению и от имени его, является Бюро. Ц<ентральное> Б<юро> составляется из представителей организаций, входящих в Союз, и избирается Съездом союза, на каком-то устанавливается объем и характер его деятельности (до осуществления съезда создается временное Ц<ентральное> Б<юро>, состав и компетенция которого определяется соглашением организаций, вошедших в Союз).

VIII. Местные отделения Союза образуются при наличии не менее двух групп, входящих в Союз. Отделения Союза устраивают общие собрания и имеют постоянные исполнительные бюро из представителей организаций.

IX. За отсутствием в данном месте организаций, могущих войти в Союз, и при невозможности создать из них отделения Союза, функции последнего могут быть выполняемы какой-либо одной организацией по соглашению с ее Ц<ентральным> Б<юро>.

X. Для ответственного заведования издательской деятельностью Союза избирается Съездом Редакционная Коллегия, причём членами ее могут быть члены Ц<ентрального> Б<юро>. До осуществления съезда, функции Редакционной Коллегии могут быть соглашением организаций временно поручены Центральному Бюро или особой временной Редакционной Коллегии.

В.А.Мякотин вносит от п<артии> н<ародных> социалистов следующие изменения в предлагаемый проект по пунктам:

П. 1. Изменить название союза след<ующим> обр<азом>: «Республиканско-Демократический блок».

П. 2. После слов «*учредителями Союза*» заменить следующими словами: «на первом его съезде изменения и дополнения в них могут быть установлены дальнейшими съездами Союза».

П. 3. Предлагается новая редакция: «*В состав Союза могут входить организации а) связанные внутренней дисциплиной; б) не допускающие участия своих членов в других однородных организациях*».

П. 7. Исключить конец, от слов «*до осуществления съезда*».

П. 10. Вычеркнуть конец, от слов «*причем членами ее*».

П.Н.Милюков заявляет, что вполне приемлемыми являются поправки, вытекающие из факта состоявшегося союза.

Вносится ряд предложений наименования Союза. Постановлено остановиться на одном из двух наименований: «Республиканско-Демократический Союз» или «Республиканско-демократический блок».

Оживленные прения возникают вокруг п. 3 о составе съезда.

П.Н.Милюков не встречает возражений против указания на связанность внутренней дисциплиной, но неприемлемым является введение второго условия: недопустимость участия в других организациях. Это внутренний вопрос групп, и контролю трудно поддается. Такое требование затрудняло бы расширение Союза, а без такого расширения деятельность блока теряет смысл.

На вопрос о возможности одновременного участия членов блока в других организациях блокового типа, *П.Н.Милюков* заявляет, что не исключает федеративного объединения.

С.С.Маслов указывает, что предложения *В.А.Мякотина* имеют известный смысл. Создается стройность и прочн<ость?> всей постройки. Однако, учитывая заграничную обстановку, предложения принять нельзя. Принятием такого предложения мы незаметно огра-

ничиваем возможность вести объединяющую демократические силы работу.

А.А.Аргунов видит смысл поправки в стремлении избежать конфликтов между блоковой и групповой деятельностью. Однако эти усилия в эмигрантских условиях мало обоснованны. Необходимо пока еще вести работу по сложению демократических сил, совершенно разрозненных. В этом должна частично выражаться и деятельность блока. Даже в России «Союз Возрождения России» не строился на принципах, которые выдвигаются сейчас партией народных социалистов.

В.А.Мякотин указывает, что он руководствуется опытом прошлого, в частности опытом «Союза Возрождения России». Элементы «двурушничества» были в Союзе Возрождения, одновременное участие некоторых членов в Национальном союзе и СВР отражалось печально на деятельности СВР. Это вынудило в конце концов принять резолюцию о неучастии в двух взаимно исключаящих организациях. Возможно два организационных пути: 1) союз сложившихся организаций; 2) создание новой партии. Эти два организационных принципа нельзя смешивать. Мы предлагаем стать последовательно на первый путь.

С.С.Маслов считает, что в определении задач блока разногласий нет. О создании новой партии никто не говорит. Затруднения возникают по вопросу о включении новых группировок. Вопрос о дуподданстве – внутренний вопрос самих организаций.

А.А.Аргунов подчеркивает, что с самого начала был выдвинут принцип вхождения в блок организаций, а не лиц. Но соблюдение этого принципа необходимо организационно так оформить, чтобы быть в состоянии охватить все действующие за границей демократические силы, как уже организованные, так и неорганизованные. Совершенно неизбежными могли бы быть образования, которые необходимо в известной форме связать с блоком.

А.Л.Бем считает, что имеется принципиальное разногласие в организационном вопросе. Однако в данный момент не стоит вопроса о вхождении новых организаций, следовательно можно приступить к деятельности, в надежде, что сама жизнь подскажет правильные решения.

В.А.Мякотин считает, что никакой проверки его положения жизнью не надо. Закон должен быть ясен, исключения из него возможны; принцип должен быть ясно выставлен. Возможность одновременного вхождения в другие блоковые организации недопустима.

С.П.Мельгунов находит, что народные социалисты не могут войти в блок, если не будет ясности организационного принципа.

Б.А.Евреинов обращает внимание на первое условие, вполне приемлемое, – условие связанности внутренней дисциплиной. Это усло-

вие является уже достаточной гарантией в организованности групп, могущих войти в блок.

С.П.Мельгунов говорит, что образование респ<убликанско>-демократических групп за границей очень желательно, но это не задача блока.

Мы как социалистическая партия не должны терять свой лик, смешиваться с аморфными новообразованиями.

Идя по предложенному пути, мы, в сущности, встаем на путь создания новой респ<убликанско>-демокр<атической> партии.

С нашей точки зрения это бессмысленно и вредно.

Наша задача не терять своего социалистического лица, но вывить его в нашей, несравнимой с другими партиями форме. Создавать же новую несоциалистическую партию – не наше дело.

А.А.Аргунов считает, что совершенно напрасны у нар<одных> соц<иалистов> опасения потерять свое лицо с вхождением в блок. Мы, по крайней мере, вовсе не думаем терять своих особенностей, входя в блок.

Весь вопрос в том, как повести дело блокирования, чтобы вовлечь в новые блоковые образования новые силы, не создав при этом организационной мешанины. В условиях эмиграции нельзя производить столь ригористичные требования, как предлагают нар<одные> соц<иалисты>.

Необходимо охватить организации, спаянные не по партийному признаку, напр<имер> демократические студенческие организации.

П.Н.Милюков решительно возражает против предложения, что создание блока есть прикрытый способ образования респ<убликанско>-дем<ократической> партии. Каждая партия дорожит своей физиономией и не желает терять ее в блоке. Поэтому проявление индивидуальности каждой партии должно быть в блоке обязательно. Задача каждого живого политического организма – черпать из новых источников. Междуклеточная ткань респ<убликанско>-д<е>-м<ократических> групп полезна для каждой демократической партии.

С.С.Маслов указывает, что 1) образование респ<убликанско>-дем<ократических> групп, в смысле возможности и желательности, никто не оспаривает. 2) никто не ограничивает ту или иную форму их участия в блоке, 3) нар<одные> соц<иалисты> согласны на примечание к 3-му пункту организац<ионной> платформы о возможности вступления в виде исключения для отдельных партийноподобных организаций вроде берлинской. Исходя из этого он предлагает: 1) принять первое предложение нар<одных> соц<иалистов> о связанности внутренней дисциплиной 2) перередактировать вторую часть предложения н<ародных> соц<иалистов> в смысле расширительного толкования.

В.А.Мякотин в качестве председателя констатирует, что п. За в новой редакции не встречает возражений.

По п. 36 в новой редакции имеется два предложения: 1) оговорить возможность отступления в новом примечании; 2) принять редакцию н<ародных> соц<иалистов>, решительно настаивающую <так!> на недопустимости участия членов, входящих в блок групп в других однородных организациях. Т<аким> о<бразом>, по п. 3-му организационной платформы соглашение не достигнуто.

По предложению Председателя Собрание переходит к обсуждению след<ующих> п<од>п<унктов> организационной платформы.

По п. VI. Высказывается предложение исключить окончание пункта от слов: «Впредь до окончательного установления...»

Постановлено: Оставить п. VI в первоначальной редакции.

По п. VII. Обсуждается предложение н<ародных> соц<иалистов> исключить конец пункта от слов: «До осуществления...» (до конца).

Постановлено: исключить п. VII конец, согласно внесенному предложению.

По п. X. Обуждается предложение исключить конец, начиная со слов: «причем членами ее могут быть...».

Постановлено: п. X принять в редакции: «Для ответственного заведования издательской деятельностью Союза избирается Съездом Редакционная Коллегия».

Председатель объявляет заседание закрытым. Следующее заседание назначается на ½ 5-го в тот же день.

Протокол № 3 конференции представителей
демокр<атической> Гр<уппы> п<артии> н<ародной> св<ободы>,
парт<ии> Нар<одных> соц<иалистов> и
центр<ального> бюро загр<аничных> групп
«Крестьянской России», 26 декабря 1923 г. (вечернее)

Присутствуют Б.А.Евреинев, П.Н.Милюков и В.А.Харламов от п<артии> н<ародной> с<вободы>, С.П.Мельгунов и В.А.Мякотин – от п<артии> Нар<одных> соц<иалистов>, А.А.Аргунов, А.Л.Бем и С.С.Маслов от «Кр<естьянской> Р<оссии>».

Председательствует, согласно очереди, А.А.Аргунов.

1. А.Аргунов докладывает план литер<атурно>-издательской деятельности блока как он намечался двумя группами – дем<ократической> Гр<уппы> Парт<ии> Н<ародной> своб<оды> и «Кр<естьянской> Р<оссии>».

Литературно-издательская деятельность, согласно плану, должна распадаться на две части: 1) периодическое издание блока, 2) издание брошюр.

Журнал блока, которому предположено дать наименование «Новая Россия», должен выходить два раза в месяц, размером в 2 печатных листа. Он должен быть пропагандистского типа, рассчитанный на русск<ого> читателя. По содержанию распадается на отделы: 1) новых статей, 2) информация, 3) материалы и документы. Тираж [Завод предполагается в 2000 экз<емпляров>. №1 – в 3000 экз<емпляров>.]

Предполагаемое содержание №1

1. От редакции. О задачах журнала
2. Смысл Респ<убликанско>-демокр<атического> объединения. (П.Н.Миллюков)
3. Россия и эмиграция (С.П.Мельгунов)
4. Революция или эвол<юция> (С.С.Маслов)
5. Демократич<еская> Россия <под властью?> коммунистов (В.А.Мякотин)
6. Коммунизм на Западе. Германия (Ст. Иванович)
7. Информация. На Западе.
 - а) Монархизм в эмиграции (Е.Д.Кускова)
 - б) признание Сов<етской> Власти (П.Н.Миллюков)
 - в) торговые соглашения
 - г) международное положение большевиков
 - д) русская эмиграция
8. Итоги народного хозяйства в России (С.Н.Прокопович или А.Марков)

Брошюры блока предполагается в месяц печатать 6 печ<атных> л<истов>.

Намечаются темы: 1. Аграрный вопрос. (С.С.Маслов) 2. Демократическая республика и федеративный строй. (П.Н.Миллюков) 3. Нар<одно>-соц<иалистическая> партия 4. Демокр<атическая> Гр<уппа> П<артии> н<ародной> с<вободы> 5. Кр<естьянская> Россия 6) Народный бюджет (Марков) 7. Кто и как управляет Россией (Мякотин) 8. Монархизм (Е.Д.Кускова) 9. Смычка города и деревни (Пумпянский, Шерман) 10. Рабочие и Сов<етская> власть (Ст. Иванович) 11. Армия (Н.Головин) 12. Церковь (Демидов) 13. Крестьянство (Пешехонов) 14. Межд<ународное> положение и большевизм (П.Н.Миллюков).

Предположено в начале издать несколько брошюр одновременно. Объем каждой брошюры в 2–3 печ<атных> л<иста>. 40 000 м<арок>. Завод – 3000 экз<емпляров>.

Организационные вопросы лит<ературно>-изд<ательской> части.

Имеется в виду главным образом продвигать литературу в Россию. Поэтому необходим организационно-технический аппарат. Предусматривалась коллективная редакция. Желательно, чтобы редакция была бы в одном месте. Возможен компромисс – редактирование путем письменных сношений редакторов.

Редактора назначать по представлению каждой организации, входящей в Объединение.

По предложению Председателя решено разделить обсуждение доклада на вопросы о 1) журнале 2) брошюрах 3) редакция и организационно-технический аппарат.

Прения по вопросу об органе блока:

По вопросу о заглавии журнала С.П.Мельгунов указывает: выходил орган проф<ессора> Гредескула «Новая Россия», поэтому это заглавие неудобно.

Постановлено: установить заглавие поручается Редакционной Коллегии. В подзаголовке должно быть указано, что издание является органом Р<еспубликанско->Д<емократического> объединения.

Б.А.Евреинов поднимает вопрос о правописании.

Постановлено: печатать журнал по новому правописанию.

По вопросу об общем характере журнала постановлено, что он должен быть популярно-пропагандистского типа.

По вопросу о плане и содержании журнала принять план и предполагаемое содержание №1, передав окончательно решение Редакционной коллегии.

П.Н.Милюков ставит вопрос об участии в органе блока в связи с вопросом о вхождении в блок, в частности о возможности для нар<одных> соц<иалистов> участвовать в органе, если они не согласятся войти в блок.

С.П.Мельгунов предлагает обсуждение вопроса об органе не ставить в связь с вопросом о вхождении в блок.

В.А.Мякотин возражает против тем об отдельных партиях. Издание таких брошюр – дело партийных организаций, а не блока.

П.Н.Милюков указывает причины, по кот<орым> исключены брошюры об отдельных партиях.

В.А.Мякотин снимает свои возражения.

Выносятся ряд дополнительных тем для брошюр

1. Образование и Сов<етская> Власть (А.Бем).

2. Закон и суд (автор [открыт] невыяснен).

3. «Ложная культура» (С.П.Мельгунов).

Постановлено: вопрос об очереди и редактировании брошюр отложить.

По вопросу об организационном принципе редакции и технического секретариата в общем приняты соображения доклада.

В.А.Харламов покидает заседание ввиду необходимости присутствовать на собрании памяти Караулова.

А.А.Аргунов докладывает план организационно-политической деятельности блока. Предполагается организация на местах отделений блока. Необходимо наладить настоящую связь с Россией. Отдельное внимание придется обратить на Берлин как место стыка с приезжающими из России и на пограничные с Россией государства. Это требует создания специальной организации.

С.С.Маслов указывает, что в связи с планом организационной деятельности стоит вопрос о вхождении в блок новых членов.

Председатель заявляет, что этот вопрос выявлен и будет обсужден отдельно.

По докладу А.А.Аргунова не возникает особых прений. В.А.Мякотин заявляет, что доклад не вызывает особых возражений, теперь осуществимость плана зависит от ряда приводящих причин. Председатель ставит на обсуждение вопрос о новых кандидатах в блок.

Вопрос о новых кандидатах в блок¹³⁴.

Аргунов. Два разряда:

1) Первоочередные 2) В общ<ей> очереди.

Политич<еские> кандидаты. 1) с<оциал>-д<емократическая> Заря. 2. Гр<уппа> С.Загорского. 3) Гр<уппа> нац<ионально>-д<емократическая> Кусковой, 4) Союз возр<ождения> Казачества, 5) Р<еспубликанско>-д<емократические> группы студенч<ества> (Прага, Париж, Берлин), 6) Респ<убликанско>-Дем<ократическая> Лига.

Вопрос о реально стоящих на очереди, кроме берл<инской> группы; может быть Союз Возр<ождения> Казач<ества>. <...>

Милюков – в наст<оящий> момент нереально и преждевременно включать в блок эти организации. Куск<овская> группа – речь идет не о ее вступлении, а об общих контактах.

<...>

Мякотин. Не должно быть <статуса?> кандидатов в Блок <...>.

Протокол №4 конференции представителей демокр<атической> Гр<уппы> п<артии> н<ародной> св<ободы>, парт<ии> Нар<одно>-соц<иалистической> и центр<ального> бюро загр<аничных> групп «Крестьянской России», 27 дек<абря> 1923 г. (вечернее).

Присутствуют от демокр<атической> Гр<уппы> п<артии> н<ародной> св<ободы> Б.А.Евреинов, П.Н.Милюков и В.А.Харламов, от парт<ии> Нар<одно>-соц<иалистической> – В.А.Мякотин

¹³⁴ Вопрос о новых кандидатах в блок публикуется в сокращении, т. к. карандашные заметки А.Бема частично затерты и практически нечитаемы.

и С.П.Мельгунов, от «Кр<естьянской> Р<оссии>» – А.А.Аргунов, А.Л.Бем и С.С.Маслов. Председательствует П.Н.Милюков, секретарь А.Л.Бем.

Председательствует П.Н.Милюков.

П.Н.Милюков предлагает проект окончательной редакции политической платформы:

Заглавие

«Платформа Республиканско-Демократического Союза»

1. Государственное устройство России на основах:

а) республиканско-демократического строя с сильной подзаконной и ответственной перед Народным представительством исполнительной властью.

б) гарантий прав человека и гражданина и гражданского равноправия.

в) независимого суда.

д) демократического самоуправления, областной автономии и федерации.

2. Восстановление на федеративных началах государственного единства.

3. Скорейший созыв ... (далее как в проекте...)

4. ... (как в проекте до слов: индивидуальный и коллективный) Соответствующее ограничение регулирующей роли государства.

5. Признание сельского хозяйства основой возрождения народного хозяйства и принятия государством соответствующих мер к его скорейшему восстановлению (далее как в проекте).

6. В первоначальной редакции проекта.

п. 9. Признание охраны народного здоровья одной из главнейших задач возрождения государства и создания соответствующих учреждений, способных обслужить все население.

<...>

Затем П.Н.Милюков оглашает окончательный проект тактической платформы.

В нем, в отличие от предыдущего текста, п. 3, вызвавший разногласия, сформулирован следующим образом.

III. В соответствии со своей платформой Союз: а) ведет борьбу с организациями и течениями, которые поддерживают коммунистическую власть, б) принимает меры к поддержанию активности противобольшевистских настроений, в) выступает против пропаганды иностранной интервенции, полагая, что освобождение России является национальным делом самого населения, г) ведет борьбу против международного признания коммунистической власти, исходя из положения, что эта власть незаконна и не народна, д) борется с тече-

ниями и организациями, ставящими своей целью восстановление монархии в России.

После оглашения своих проектов П.Н.Милюков как председатель ставит вопрос В.А.Мякотину: нет ли у нар<одных> соц<иалистов> предложения во изменение организационного статута.

В.А.Мякотин заявляет, что представители нар<одных> соц<иалистов> не видят возможности найти примиряющей редакции организационного статута, а поэтому предполагает внести альтернативное предложение.

П.Н.Милюков предлагает предварительно закончить обсуждение первых двух документов, так как окончательное решение по вопросу о соглашении принадлежит группам, а потому желательно продвигать обсуждение всех вопросов как можно дальше.

Предложение П.Н.Милюкова принимается.

По п. 4 редакции платформы высказываются:

В.А.Мякотин указывает, что новая редакция не погашает спора, а лишь прикрывает его. Его группа не возражает, но подчеркивает, что группа оставляет за собой свободу толкования в смысле ином, чем демокр<атическая> Гр<уппа> П<артии> Н<ародной> С<вободы>.

П.Н.Милюков указывает, что свобода толкований остается, ибо старый пункт остался вне текста новой редакции. Вопрос о конкретном значении станет лишь тогда, когда вообще станут на очередь конкретные вопросы программы.

С.С.Маслов заявляет, что, не будучи удовлетворен редакцией этого пункта, считает его приемлемым.

После опроса п. 4 принимается в редакции П.Н.Милюкова.

По пунктам 1 и 2 разгорается горячая дискуссия.

С.С.Маслов указывает, что в п. 2 значится «восстановление на федеративных началах государственного единства», наименование «России» <так!> вовсе исчезло. Нам психологически трудно согласиться на такую формулировку.

В.А.Мякотин подчеркивает, что вопрос идет не об имени, а по существу. Будет ли имя России в тексте или нет, от этого ничего по существу не изменится. Тактически же правильно избежать такой формулировки, которая будет дразнить те направления, которые склонны в упоминании России рядом с федерацией видеть централистические устремления.

А.Л.Бем сомневается, чтобы тактически это принесло пользу, а для внутрироссийских настроений это сильно ослабляет позиции.

П.Н.Милюков указывает, что он исходил в своей формулировке из понимания всей искусственности понимания <так!> формулы федерации. Раз мы решаем объединяться на федеративных началах с отделившимися частями, то имя России над этим объединением рано ставить.

С.С.Маслов признает доводы о выгодности в разговорах с отдельными национальностями такой формулировки. Но ввиду ответственности решения по этому вопросу предлагается окончательную формулировку отложить.

Б.А.Евреин признает основательными доводы за новую редакцию, но сомневается, перевесят ли выгоды тот моральный ущерб, какой проистекает от отказа упомянуть название России.

В.А.Мякотин соглашается, что дело здесь не только в тактике, но и <нрзб.>.

Россия – многонациональное государство, и надо сделать для самих себя все выводы из новых отношений, в какие мы <нрзб.>. Мы не отступаемся от этой формулы объединения России кроме Финляндии и Польши. Назовется ли это государство «Россия» или как-нибудь иначе, от этого существо дела не пострадает. Необходимо обеспечить себе возможность сговора и сломить в себе старые представления.

А.А.Аргунов отмечает, что новая редакция как бы заранее подчеркивает неизбежность отказа от имени России. Наша задача не углублять, а сглаживать центробежные силы. Мы же идем сами навстречу нежелательному нам процессу.

В.А.Харламов примыкает к точке зрения П.Н.Милюкова: «назвался груздем, полезай в кузов, признал федерацию – делай оттуда все соответствующие выводы».

В.А.Мякотин заявляет, что лично он подходит с большой осторожностью к проведению федерации в жизнь и понимает всю сложность этого вопроса. Надо думать, что дело пойдет путем тяги к России в силу экономических и культурно-исторических условий. Но нужно быть готовым к разочарованиям, так как нельзя отрицать элементов отталкивания от России.

П.Н.Милюков напоминает, что в самом начале он стоял на точке зрения, что понятие федерации включает свободные соглашения. Для него при таком понимании заранее ставить имя России нельзя.

В результате прений выявляется, что демокр<атическая> гр<уппа> п<артии> н<ародной> св<ободы> и партия нар<одных> соц<иалистов> за формулировку П.Н.Милюкова, группа «Крестьянской России» свое отношение к этой формуле резервирует.

По п. 9 принимается всеми редакция П.Н.Милюкова, без второй части, которая гласит в окончательной редакции: «*признание охраны народного здоровья одной из главнейших задач возрождения государства*».

По предложению Председателя переходят затем к обсуждению предложений П.Н.Милюкова по тактической платформе. Прения

возникают вокруг п. 3б, к<о>т<орый> гласит: «принимает меры к поддержанию активности противобольшевистских настроений».

С.С.Маслов предлагает заменить сл<ово> «поддержанию» сл<овом> «повышению».

С.П.Мельгунов и П.Н.Милюков предлагают вовсе отказаться от этого пункта, ввиду того, что <он> вносит излишнюю детализацию.

Б.А.Евреинов за исключение этого пункта, так как он может вызвать неправильное толкование и упреки в «вспышкопускательстве».

Формула признается неудачной и исключается.

Обсуждение тактической платформы прерывается, и собрание переходит вновь к обсуждению разногласий по организационному вопросу.

П.Н.Милюков ставит нар<одным> соц<иалистам> вопрос, как они смотрят на возможность вхождения в блок при выявившихся разногласиях? По его мнению, действительно трудно найти формулу, которая бы прикрыла разное понимание организационной структуры блока. Но возможно <так!> другой подход к вопросу. Ведь в данную минуту организационные расхождения реально не создает <так!> тех отношений, кот<орых> боятся нар<одные> соц<иалисты>. В организационном статуте имеется пункт, по которому для вхождения новых участников Союза требуется согласие всех групп, составляющих Союз. Таким образом, каждая группа может воспротивиться вхождению недостаточно организованных, по ее мнению, групп. В данный момент других кандидатов, кроме участника совещания, нет, и поэтому возможно ставить вопрос о соглашении независимо от организационного статута.

В.А.Мякотин считает, что предлагаемое решение нецелесообразно. Ведь после вхождения в Союз обнаружился бы очень быстро наметившиеся разногласия. Неизбежно стал бы вопрос об уходе нашей группы в случае принятия организации политически аморфной. При наличии разногласий по организационному принципу объединение в блок представляется невозможным.

Однако наше невхождение не делает бесцельным происходящие переговоры. Оба обсужденные документа не теряют своей цены. Устанавливается возможность одинакового понимания политических и тактических задач. Это дает возможность совместных практических действий. Нар<одные> соц<иалисты> могут действовать вместе с блоком, не входя в него, но параллельно и рядом с ним. Например, мыслимо общее выступление по вопросу о признании Сов<етской> Власти; возможны и другие поводы. В первую очередь можно выдвинуть совместную литературную деятельность. Но <нрзб.> организационное условие: мы не могли бы участвовать в органах блока, ибо это было бы понято как наша организационная

связь с блоком. Если наша самостоятельная позиция будет оговорена, мы не видим препятствий к участию в литературных органах. Всюду, где возможно наше участие как партии и где будет установлена общность наших задач, мы сможем выступать солидарно с блоком.

С.С.Маслов говорит, что в результате совещания последних дней оставили немало горечи. Но слова В.А.Мякотина вносят противоположную струю <так!>.

Работа сделана все же не впустую. Несмотря на разногласия, все же количество общих пунктов настолько велико, что не исключает общности действий. Если организационные разногласия, к большому сожалению, <относятся> к непреодолимым пока преградам для заключения Союза, то все же обнаружилось желание использовать в той или иной форме достигнутую общность. Поэтому важно продвинуть соглашение по возможности дальше. В основу объединительных проектов положить литературно-издательскую деятельность. Можно создать новый орган трех сговорившихся организаций. Конечно, орган в этом случае не может называться органом блока, не может строиться на полном равногласии каждого из трех участников.

В.А.Мякотин тоже считает необходимым установить пределы расхождений, так как окончательное решение о вхождении в блок будет зависеть от решения группы.

С.П.Мельгунов подчеркивает, что расхождение намечилось в понимании целей блока. При таком положении лучше сразу констатировать разное понимание задач и отказаться от объединения в Союз. Наше невхождение, может быть, будет даже полезнее. Мы, как социалистическая партия, очень затруднили бы нашу позицию при вхождении в блок, где мы бы оказались единственной социалистической группой. Этим мы дали бы козыри другим социалистическим партиям, козыри борьбы с нами. Не входя в блок, мы можем, однако, открыто заявить, что программу блока мы приняли и готовы работать с ним рука об руку.

П.Н.Милюков заявляет, что признает большое значение за объединением в «треугольник», но смотрит на такое объединение только как на первоначальную завязь. Если заранее строить так планы, чтобы Союз не расширялся новыми участниками, то действительно не стоит начинать работу объединения. Необходимо устранить из обсуждения одно недоразумение, которое не всегда высказывается, но постоянно чувствуется. Это предположение, что блок превратится в новую партию. Ни демокр<атическая> Гр<уппа> П<артии> Н<ародной> Св<ободы>, ни «Кр<естьянская> Р<оссия>», почти уже совершившиеся группы, ни в коем случае не согласны идти через блок к созданию новой партии. У каждой из групп остается свое партийное лицо, терять которое никто не намерен. Непонятно и опа-

сение, высказанное С.П.Мельгуновым, что Нар<одные> соц<иалисты> рискуют, войдя в блок, потерять для внешнего мира свое социалистическое лицо. Ведь вот же «Кр<естьянская> Россия» не опасается потерять свою самостоятельность, которой она, вероятно, дорожит не меньше других.

В.А.Мякотин разъясняет, что слова С.П.Мельгунова означают только, что, войдя в блок, мы ослабляем возможность нашей пропаганды в некоторых кругах. На это мы могли бы пойти, если бы от вхождения в блок мы ждали других плюсов, но сейчас, при разном понимании задач блока, мы будем только помехой. Лучше в таком случае остаться вне организации блока и помогать друг другу в отдельных конкретных случаях.

А.А.Аргунов пытается подвести итоги. Как представитель «Кр<естьянской> России» он подчеркивает, что уже более полугодом группа вела работу в направлении взаимного соглашения республиканско-демократических организаций. Сейчас можно констатировать, что три организации сошлись на одинаковом понимании политических задач и практических мер. Все участники также объединены сознанием важности блокового объединения. Сейчас речь идет о внешнем блоковом выступлении. Оно, конечно, будет гораздо сильнее, если блок составит из трех групп. Казалось бы, что при общности политического понимания задач блока и одной тактической платформы нет оснований к расхождению. Мы сами исходим из предварительного соглашения трех организаций и придавали именно соглашению в таком виде большое политическое значение. Что же оказывается преградой к соглашению? Организационный вопрос, и то лишь в части, касающейся привлечения новых участников в блок. В данную минуту еще и нет никаких новых кандидатов, значит, и этот вопрос до известной меры формальный. Наша главная задача – протянуть руку в Россию, а мы, сойдясь и установив общность взглядов, расходимся по частному и нереальному вопросу. Тут было высказано С.П.Мельгуновым и при участии В.А.Мякотина странное опасение, что вхождение в блок может дать оружие в руки социалистам в борьбе с н<ародными> соц<иалистами>. Это опасение, как бы не оказаться заподозренным в чистоте социалистических убеждений, это оглядывание на сторону, что скажет социалистическая Мария Алексеевна, представляются мне доводом не из серьезных.

Неужели возможен такой невероятный факт, что сговор не мог состояться из-за разного понимания организационного принципа, лишенного в данную минуту даже реального значения.

Это не может быть камнем преткновения, из-за которого рушится с таким трудом создававшееся здание блока.

С.П.Мельгунов оспаривает мнение, что расхождение по организационному вопросу лишено реального значения. Вопрос о вхождении

в блок решается для него определением цели, которую блок себе ставит. Дело не в том, как отнесутся к нашему вхождению социалисты, мы себе ставим определенные идеологические задачи, которые мы и стремимся проповедовать. Мы тоже социалисты, но наше понимание социализма иное, чем у социалистов-революционеров. Нам надо сохранить свое влияние и не ослабить своей позиции тактическими ошибками. Для меня задача блока состоит главным образом в идеологической трактовке. Никакого значения я не придаю ни почтово-телеграфному или студенческому союзу и тем более организациям аморфного характера. Поэтому мы и стоим за объединение трех политических группировок и считаем возможным расширить блок только участием тех групп, которые имели бы совершенно определенно политический характер.

Группы промежуточного типа, без внутренней дисциплины и определенной программы, идеологически вредны. Я мало ценю присоединение 500 офицеров, 500 студентов, а П.Н.Миллюков именно это ценит. Вы, создавая блок, мыслите иную работу, которая сама по себе может быть важна, но для нас не имеет такого значения. Социалистическая партия не должна входить в организационные связи с аморфными группировками. Если хотите, то, по-моему, с профессионально-политическими организациями надо бороться, а не содействовать их насаждению. Это шаг назад в политической жизни. Блок, построенный по вашему принципу, для нас теряет силу.

В.А.Мякотин пытается установить пределы разногласий. Расхождения касаются самого существа: у нас – наше понимание задач блока. При всяком соглашении есть плюсы и минусы, которые необходимо учесть. Не в том дело, что мы прислушиваемся к социалистической Марье Алексеевне, а в том, что вхождение в блок ослабит наши позиции в известной среде. Это отрицательная сторона, с которой мы не посчитались бы при одинаковом понимании задач блока. Сейчас иное дело, и отрицательная сторона выступает ясно. При таком различии в понимании целей блока мы будем только друг другу помехой. Рано или поздно придется выбирать между новыми участниками и нами. Лучше давайте делать то, что можно делать вместе, не входя в организационную связь. Мы не можем предрешать мнения группы, но думается, что наши настроения не разойдутся.

П.Н.Миллюков указывает, что расхождения действительно существенны. Налицо две разных задачи: идеологическая проповедь самоопределившейся партии и организационная работа политического характера. Но есть все же еще выход компромиссного характера. Для осуществления каждого принципа существуют этапы. Можно временно не развертывать организационные задачи, сосредоточиться на идеологической стороне. Конечно, если Народно-социалисты боятся одной возможности расхождения в будущем, то это

их дело. Во всяком случае, эти опасения преждевременны. Необходимо выяснить до конца возможность отделить задачу идейной проповеди от организационной деятельности. Это, во всяком случае, остается вне пределов разногласий.

В.А.Мякотин указывает, что возможна совместная деятельность не только в литературной форме, возможен и ряд выступлений без постоянной организационной связи.

П.Н.Милюков задает нар<одным> социалистам вопрос: возможно ли привлечение и других групп в таких выступлениях?

В.А.Мякотин: Конечно, возможно. Может быть слабая организационная связь и возможна хотя бы в виде полномочия одного лица на постоянные сношения с блоком.

П.Н.Милюков высказывает мнение, что возможно общее участие в литературно-издательской деятельности в условиях полного равноправия всех участников. Вероятно, окажется возможным придать общему органу такую форму, чтоб организационная связь нар<одных> соц<иалистов> с блоком не могла быть препятствием.

На этом заседание закрывается. Собрание предлагает П.Н.Милюкову подготовить проект газетного коммюнике о результатах конференции.

Платформа

«Союза республиканско-демократических организаций»

(основы соглашения между

Демократической группой Партии народной свободы,

Центральным Бюро групп «Крестьянской России» и ... <так!>

для объединенных политических действий)

1. Государственное устройство России на основах:

а) республиканско-демократического строя с устойчивой и сильной подзаконной и ответственной перед народным представительством исполнительной властью.

б) гарантий прав человека и гражданина и гражданского равноправия.

в) независимого суда.

г) демократического местного самоуправления и областной автономии.

2. Восстановление государственного единства России на основах федерации.

3. Скорейший созыв всероссийского учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права, в условиях, обеспечивающих правильность его избрания.

4. Решительный отказ от коммунистической системы хозяйства во всех его видах. Восстановление производительных сил страны на

основе свободной экономической деятельности, с признанием свободы хозяйственной инициативы и частной собственности (индивидуальной и коллективной).

Ограничение регулирующей роли государства пределами, не стесняющими самостоятельности населения и здоровой хозяйственной инициативы.

5. Признание сельского хозяйства основой возрождения народного хозяйства и преимущественная помощь ему со стороны государства для скорейшего восстановления. Восстановление транспорта, промышленности и торговли. Привлечение иностранного капитала, защита русских народнохозяйственных ресурсов от расхищения иностранцами.

6. Признание происшедшего во время револ<юции> перехода земель к хозяйствам крестьянского типа и решительная борьба со всеми попытками восстановить дореволюционные земельные отношения или отчудить землю из рук ее теперешних держателей. Образование из свободных земель государственного земельного фонда. Признание за земледельческим населением максимальной свободы в выборе форм землевладения и землепользования.

До восстановления народнохозяйственной жизни в стране государственное в интересах крестьянского хозяйства регулирование земельного оборота, совершающегося как в порядке купли-продажи, так и путем аренды.

7. Государственная охрана наемного труда во всех областях народного хозяйства. Право коалиций и свобода профессиональных организаций.

8. Широкая постановка дела народного просвещения как одно из основных условий здоровой и развивающейся общественной жизни. Энергичное содействие ему со стороны государства и общественных организаций и частной инициативы.

9. Мир как основа международной политики России. Заботы об армии как условия государственной безопасности и независимости России.

10. Умиротворение и устройство страны, а не месть и не возбуждение антагонизмов, как основа внутренней политики будущей власти.

Тактическая платформа

Союза республиканско-демократических организаций

1. В целях освобождения России от коммунистической власти Союз признает целесообразными революционные и мирные формы борьбы с нею.

2. Для достижения своих целей Союз: а) ведет пропаганду внутри и вне России путем издания органа, брошюр; б) создает постоянные

сношения и связи с Россией [в особенности с теми организациями, которые разделяют платформу союза] и содействует их деятельности, направленной против коммунистической власти; в) объединяет демократические силы русской эмиграции; устанавливает связи с общественными кругами Европы и Америки.

3. В соответствии со своей платформой Союз: а) ведет борьбу с течениями и организациями, ставящими целью восстановление монархии в России, б) выступает против тех течений и организаций, которые примирились с коммунистической властью или считают единственным путем освобождения России внутреннюю эволюцию этой власти; в) выступает против иностранной интервенции как способа освободить Россию; г) ведет борьбу против международного признания коммунистической власти¹³⁵.

Примечание к §3 – пункт, обозначенный буквой «б», окончательно не принят.

Протокол №5 Конференции представителей
дем<ократической> Орг<анизации> П<артии> н<ародной> св<ободы>,
п<артии> Нар<одно>-соц<иалистической> и
Центр<ального> бюро загр<аничной> Группы
«Кр<естьянской> Р<оссии>», от 28 декабря 1923 г. (утро).

Присутствуют от демокр<атической> Группы п<артии> к<онституционных> д<емократов> – Б.А.Евреинов, П.Н.Миллюков и В.А.Харламов, от п<артии> Нар<одных> соц<иалистов> – В.А.Мякотин, С.П.Мельгунов, от «Крестьянской России» – А.А.Аргунов, А.Л.Бем и С.С.Маслов.

Председательствует В.А.Мякотин. Секретарь А.Л.Бем.

1. А.А.Аргунов, переходя к вопросу о практическом осуществлении совместной с н<ародными> соц<иалистами>, вне организационной связи с блоком, литературно-издательской деятельности, считает, что следует рассматривать предполагаемое издание как орган трех организаций.

В редакционную коллегию должны войти по одному от каждой организации. Редакционная коллегия может являться на первое время и органом постоянного контакта для совместных действий. Для того чтобы перейти к конкретным решениям, следует теперь же:

обсудить вопрос о журнале и брошюрах,
составить смету на литератур<но>-издательскую деятельность,
установить возможную форму контактных действий,

¹³⁵ Наряду с приведенным текстом существует другой вариант: «ведет борьбу против организаций и лиц, которые содействуют коммунистической власти ...».

произвести разверстку статей и авторов брошюр.

П.Н.Милюков ставит вопрос о форме упоминания в заглавии участия групп. Он предлагает указать на участие Респ<убликанско>-Дем<емократического> Блока и н<ародных> с<оциалистов>.

В.А.Мякотин соглашается с упоминанием в заглавии раздельно блока и п<артии> н<ародных> соц<иалистов>.

Примерно могло бы быть сказано: «Орган Р<еспубликанско>-Д<емократического> блока (дем<ократической> гр<уппы> п<артии> н<ародной> св<ободы> и К<рестьянской> Р<оссии>) и п<артии> н<ародных> соц<иалистов>».

А.А.Аргунов ставит вопрос о публикации состава редакционной коллегии.

П.Н.Милюков предлагает вместо состава редакционной коллегии указать редакторов в форме: «При ближайшем участии...».

Принято всеми: 1) Указание в заглавии, что орган является изданием Р<еспубликанско>-Д<емократического> бл<ока> и п<артии> н<ародных> соц<иалистов> и издается при ближайшем участии (таких-то лиц).

П. А.А.Аргунов докладывает изменения месячной сметы союза на лит<ературно>-издательскую часть в след<ующем> виде:

I. Журнал

Печатание, бум<ага> и т. д.

(6 п<ечатных> л<истов> x 500 fr.)

3000 экз<емпляров> 2 раза в месяц 3.000 fr.

Гонорар (6 п<ечатных> л<истов> по 200 fr.) 1.200 fr.

Почт<овые> и телегр<афные> расх<оды> 250

Редактор-Секретарь 500

4950 fr.

II. Изд<ание> брошюр

Типогр<афские> расходы

2400 fr.

Гонорар

900

3300 fr.

Итого, 2 брош<юры> и 2 №№ журн<ала> 8250 fr.

Б.А.Евреинов указывает, что в проекте сметы вовсе нет доходных статей.

В.А.Мякотин ставит вопрос о вознаграждении двух других редакторов.

С.П.Мельгунов заявляет, что трудно говорить о смете, не зная источников средств.

П.Н.Милюков указывает, что труд редактора-секретаря непропорционально большой <так!>. Поэтому следует уменьшить намеченную на него сумму. Может быть, н<ародные> соц<иалисты> смогут из своих средств как-то выделить на орган, тогда вопрос разрешился бы просто.

В.А.Мякотин говорит, что состояние их партийной кассы не дает возможности участвовать в снабжении органа средствами.

П.Н.Милюков предлагает факультативно наметить оплату труда двух редакторов по 200 fr<анс> в месяц.

Принимается в общих чертах проект сметы, предложенной А.А.Аргуновым, с дополнением П.Н.Милюкова об факультативной оплате труда редакторов по 200 fr<анс> в месяц.

III. *А.А.Аргунов* предлагает окончательно фиксировать темы отдельных брошюр (см. пр<отокол> №3).

После обмена мнениями окончательно устанавливается список след<ующих> брошюр:

- 1) Аграрный вопрос (С.С.Маслов)
- 2) Демократическая республика и федеративный строй (П.Н.Милюков).
- 3) Откуда собираются и куда идут народные деньги (С.Н.Прокופович).
- 4) Кто и как управляет Россией (В.А.Мякотин).
- 5) Монархизм (Е.Д.Кускова).
- 6) Смычка города и деревни (Шерман).
- 7) Рабочие и Сов<етская> власть (Ст. Иванович).
- 8) Армия и республика (Н.Н.Головин).
- 9) Культура в Сов<етской> России (С.П.Мельгунов).
- 10) Церковь и Сов<етская> Власть (Демидов или С.П.Мельгунов).
- 11) Школа в Сов<етской> России (А.Л.Бем).
- 12) Закон и Суд (Н.С.Тимашев, А.В.Маклецов, Гольденвейзер. Окончательное решение отложить).
- 13) Россия и ее народности.
- 14) Международное положение и большевики (П.Н.Милюков).
- 15) Что крестьянин дает и что получает (А.В.Пешехонов).
- 16) Крестьянская Россия.
- 17) Дем<ократическая> Гр<уппа> п<артии> н<ародной> с<вободы>.
- 18) Нар<одно->Соц<иалистическая> партия.

IV. По предложению А.А.Аргунова устанавливается следующее содержание №1 журнала:

1. От редакции. О задачах журнала (А.А.Аргунов).

2. Респ<убликанско>-Дем<ократическое> Объединение (П.Н.Миллюков).
3. Позиция п<артии> н<ародных> соц<иалистов> (В.А.Мякотин).
4. Революция или эволюция (С.С.Маслов).
(Запасная тема: Демократическая или коммунистическая Россия – В.А.Мякотин).
5. Признание с<оциалистов>-р<еволюционеров> (В.А.Мякотин).
6. Коммунизм в Германии (Ст. Иванович).
7. Рос<сийская> Ком<мунистическая> Партия (Е.Д.Кускова).

П.Н.Миллюков задает вопрос: можно ли считать принятой политическую платформу и подлежит ли она опубликованию?

В.А.Мякотин отвечает: «конечно, да!»

П.Н.Миллюков ставит вопрос: можно ли опубликовать в журнале тактическую платформу?

В.А.Мякотин и *С.П.Мельгунов* считают, что полностью опубликовывать не следует, ее можно использовать в руководящих статьях.

Постановлено единогласно: считать политическую платформу подлежащей опубликованию, от печатания же платформы тактической воздержаться.

П.Н.Миллюков предлагает перенести во второй № след<ующие> темы: 1) Демократическая или коммунистическая Россия (В.А.Мякотина), 2) Россия и эмиграция (С.П.Мельгунова), 3) Р<оссийская> К<омунистическая> П<артия> (Е.Д.Кусковой).

Предложение П.Н.Миллюкова принимается.

По вопросу о времени выпуска №1 журнала постановлено поставить срок выхода в зависимость от окончательного ответа п<артии> н<ародных> соц<иалистов>.

На пожелание А.А.Аргунова о возможно быстром ответе гр<уппы> Н<ародных> с<оциалистов> В.А.Мякотин заявляет, что он не представляет себе отрицательного ответа и надеется, что немедленно по возвращении в Берлин делегатов ЦК партии соберется и даст ответ.

По вопросу о редакционной коллегии:

С.П.Мельгунов заявляет, что от п<артии> н<ародных> соц<иалистов> был выбран в состав редакции на случай соглашения В.А.Мякотин.

С.С.Маслов считает, что состав редакционной коллегии предварительно: П.Н.Миллюков, В.А.Мякотин и А.А.Аргунов. Необходимо теперь же выбрать редактора-секретаря.

П.Н.Миллюков заявляет, что «Кр<естьянской> Р<оссией>» и Дем<ократической> Гр<уппой> П<артии> Н<ациональной> С<вободы> был намечен в редакторы-секретари А.А.Аргунов.

Единогласно утверждается состав редакционной коллегии в лице А.А.Аргунова, П.Н.Миллюкова и В.А.Мякотина.

Редактором-секретарем избирается А.А.Аргунов.

V. По предложению председателя совещание переходит к обсуждению проектов изменения отд<ельных> пунктов политической платформы, оставшихся спорными.

А.А.Аргунов от имени Кр<естьянской> Р<оссии> предлагает перенести п. 2 в п. 1, соединив их вместе в след<ующей> примерно редакции: «*Восстановление государственного единства и устройство России на основах: а) федерации, б) республиканско-демократического строя*» (и т. д., как в проекте П.Н.Милюкова, см. прот<окол> №4).

П.Н.Милюков заявляет, что для него предложенная редакция «не приемлема».

В.А.Мякотин тоже не видит принципиальных возражений, но считает неудачной предложенную редакцию.

П.Н.Милюков заявляет что в предложенной редакции неясности, вызвавшие споры ранее, еще более усиливаются.

В.А.Мякотин высказывается во вторичном выступлении против, ибо, по его мнению, предложенная редакция налагает обязательство федерации.

Т<аким> о<бразом>, соглашения по п. 2 о федерации не достигнуто.

VI. А.А.Аргунов вносит от Кр<естьянской> Р<оссии> дополнительный текст пункта IIIа – тактической платформы.

<П.>3б: «*выступает против принципа примиренчества и отказа от борьбы с существующей властью*».

П.Н.Милюков заявляет, что колеблется принять предлагаемую формулировку, хотя первая часть и не встречает принципиальных возражений.

С.П.Мельгунов и В.А.Мякотин, соглашаясь с существом предложения, считают неправильным включение его в платформу, ибо заключающуюся в предложении правильную мысль трудно удачно сформулировать.

А.Л.Бем считает, что предложенная редакция не должна вызывать возражений, ибо указывает на необходимость борьбы с упадочными настроениями.

П.Н.Милюков возражает против включения этого пункта, т. к. «не хочет увеличивать без нужды число врагов».

С.П.Мельгунов тоже считает, что неясность приятия «отказа от борьбы с сов<етской> властью» может оттолкнуть людей, вовсе не подразумеваемых нами. Достаточно вспомнить позицию А.В.Пешехонова и Е.Д.Кусковой, к<о>т<орая> ведь тоже толкуется как отказ от борьбы.

В.А.Мякотин заявляет, что ввиду <того,> что предложенная редакция не отделяет группы с <нрзб.> идеологией, его <так!> высказывается против принятия предложенного пункта.

П.Н.Миллюков присоединится к возражению В.А.Мякотина.

Председатель констатирует невозможность соглашения по этому пункту.

Постановлено в примечании оговорить разногласия и приложить текст редакции пункта, предложенного Кр<естьянской> Р<оссией>, с тем чтобы окончательно решить вопрос в группах.

После краткого обмена мнениями по вопросу о характере оповещения в газетах о состоявшемся совещании решено текст утвердить в следующем заседании.

Следующее заседание намечено созвать 29 дек<абря> в ½ 4 вечера. К 4½ решено пригласить для уведомления о результатах совещания Е.Д.Кускову и С.Н.Прокоповича.

Протокол №6 Конференции представителей
дем<ократических> Орг<анизаций>
П<артии> н<ародной> св<ободы>,
п<артии> Нар<одно>-соц<иалистической> и
Центр<ального> бюро загр<аничной> Группы
«Кр<естьянская> Р<оссия>», от 29 декабря 1923 г. (вечер).

Присутствуют от демокр<атической> Группы п<артии> к<онституционных> д<емократов> Б.А.Евреинов, П.Н.Миллюков и В.А.Харламов, от п<артии> Нар<одных> соц<иалистов> – В.А.Мякотин и С.П.Мельгунов, от «Кр<естьянской> Р<оссии>» – А.А.Аргунов, А.Л.Бем и С.С.Маслов.

Председательствует А.А.Аргунов, секретарь А.Л.Бем.

1. В.А.Мякотин ставит вопрос об источниках, из которых будут средства на издание, ставя в зависимость от этого участие н<ародных> соц<иалистов>.

П.Н.Миллюков отвечает, что средства на издание чешские.

В.А.Мякотин спрашивает, поступили ли средства в распоряжение блока?

П.Н.Миллюков отвечает утвердительно: да, в распоряжение блока.

В.А.Мякотин задает вопрос: какая сумма поступает в распоряжение блока.

П.Н.Миллюков заявляет, что, поскольку соглашение состоялось только в плоскости литер<атурно>-издательской, он считает невозможным давать сведения о средствах блока в целом, имеющего свои особые, помимо издательской деятельности, задачи.

С.П.Мельгунов говорит, что было бы правильным более осведомить о материальной стороне дела, если участники блока считают это возможным.

П.Н.Милюков заявляет: «Я лично не считаю возможным».

С.П.Мельгунов считает, что объяснение, данное П.Н.Милюковым, его вовсе не удовлетворяет.

В.А.Мякотин говорит, что такое положение, при котором участники общего дела отказываются дать самые общие указания о материальных средствах, он считает совершенно невозможным. Этот отказ делает положение н<ародных> соц<иалистов> странным, если бы остались при соглашении.

С.С.Маслов считает, что предъявленное н<ародными> соц<иалистами> желание <так!> является неожиданным и неосновательным. Если бы состоялось соглашение в том объеме, как предполагалось ранее, то не могло бы быть и речи об умолчании о средствах.

Но ведь соглашение достигнуто в пределах литературно-издательской деятельности, в этих пределах, конечно, участники должны быть осведомлены о средствах.

С.П.Мельгунов находит, что формально участники блока, м<ожет> б<ыть>, и правы. Но при том характере взаимоотношений, который существует у нас, когда неучастие наше в блоке объясняется расхождениями только в тактических вопросах, когда мы сообщаем ведем одну из наиболее ответственных работ блока – издание его органа, – такое формальное отношение ничем не оправданно. Если мы будем ставить друг друга в ложное положение, то из совместной работы ничего не выйдет.

В.А.Мякотин просит занести в протокол, что объяснение участников блока по вопросу о материальных источниках представителей н<ародных> соц<иалистов> совершенно не удовлетворяет.

II. П.Н.Милюков оглашает проект сообщения прессе о результатах совещания.

25–28 декабря в Праге состоялся съезд представителей трех политических партий, демократической группы партии народной свободы в лице П.Н.Милюкова, В.А.Харламова и Б.А.Евреина, «Крестьянской России» в лице А.А.Аргунова, С.С.Маслова и А.Л.Бема и народно-социалистической партии в лице В.А.Мякотина и С.П.Мельгунова. Предметом обсуждения был вопрос о возможности совместной политической деятельности и установления организационной связи трех групп под названием «республиканско-демократического Союза».

На обсуждение собрания были представлены проект платформы Союза, тактики его и организационного статута. Все эти проекты были выработаны на совещании двух групп, демократической группы партии народной свободы и «Крестьянской России». Вновь

принявшая участие в обсуждении партия нар<одных> соц<иалист-тов> представила ряд поправок к этим документам.

По вопросам платформы и тактики большая часть предложений н<ародных> с<оциалистов> была принята собранием, и выработан, таким образом, окончательный текст этих документов, выразивший общее мнение трех сговаривающихся партий. По организационному же вопросу возникло при обсуждении статута «Союза» разногласие, сущность которого сводится к следующему.

Демократическая группа партии народной свободы и «Крестьянская Россия» полагали, что образуемое объединение должно составить основное ядро организации «респ<убликанско->дем<ократического> Союза», к которому должны примкнуть с течением времени, по мере выявления их направления, их другие респ<убликанские> группы, программа и тактика которых совпала бы с программой и тактикой ядра «союза». Партия же н<ародных> с<оциалистов>, не считая удобным организационное объединение с политическими организациями профессиональных и блокового характера групп, признавала необходимым ограничить состав «союза» одними организациями, «связанными внутренней дисциплиной и не допускающими участия своих членов в других однородных организациях». Предложение о необходимости связи внутренней дисциплиной было принято остальными группами, но второе предложение, как ограничивающее состав «союза» образованиями, имеющими характер партийных, и препятствующее вступлению организаций более сложного состава, следовательно, по мнению двух групп, затрудняющее дальнейшее расширение «союза», было ими отвергнуто.

Несмотря на расхождение по основному организационному вопросу, все три сговаривающиеся организации согласились относительно совместных выступлений по ряду отдельных политических вопросов и сотрудничества партии н<ародных> с<оциалистов> в литературных изданиях с «союзом» двух остальных организа-¹³⁶ций.

В.А.Мякотин считает, что в связи с новым оборотом, который приняло дело после обсуждения вопроса о средствах, сообщение публиковать не следует.

С.П.Мельгунов говорит, что теперь для него «все под знаком вопроса».

П.Н.Милюков полагает, что сообщение излагает только факты, поэтому следует только установить, соответствует ли предлагаемая редакция фактической стороне.

Постановлено: *перейти к обсуждению текста оповещения.*

¹³⁶ ГАРФ. Ф.6075. Оп.1. Д.15. Л.76. Оpubл., например: Крестьянская Россия: Информационный листок. 1924. №2, февраль.

Вносится предложение после слов «...препятствующие вступлению организаций более сложного состава...» прибавить «и следовательно, по мнению двух групп затрудняющее...».

Предложение не встречает возражений и принимается.

С.П.Мельгунов предлагает в конце вм<есто> «постоянного сотрудничества» написать просто «сотрудничество».

Предложение принимается.

А.А.Арзунов предлагает везде заменить слово «партии» словом «организации».

Предложение принимается.

По вопросу об опубликовании *П.Н.Милуков* считает, что в случае, если н<ародные> соц<иалисты> совершенно отойдут, то надо будет считать совещание несостоявшимся и вопрос об опубликовании отойдет сам собой.

В.А.Мякотин считает, что и в этом случае можно изложить фактическую часть, отбросив указание на предполагавшееся сотрудничество.

III. В 4½ приходят на собрание по приглашению участников *Е.Д.Кускова* и *С.Н.Прокопович*.

П.Н.Милуков излагает прибывшим ход совещания и его результаты. Он сообщает, что вероятность принятия политической платформы всеми группами полная. Тактическая программа в результате совещания получила более или менее окончательный вид. В результате расхождения по организационному вопросу вхождение в блок н<ародных> соц<иалистов> оказалось невозможным. Остается возможным сотрудничество в литературной части, но до окончательного ответа Центр<ального> Бюро н<ародных> соц<иалистов> и этот вопрос остается открытым. Затем оглашается проект платформы и тактического соглашения.

Е.Д.Кускова считает ошибкой введение п. 2 платформы, что это выдвигает резко вопрос о единстве России. Это предположение преждевременно и бестактно по отношению к тем национальностям, которые не желают во что бы то ни стало садиться с нами за общий стол.

Решительно неприемлемо было для нас включение в тактическую платформу пункта (IIIв) о борьбе против международного признания сов<етской> власти.

С.Н.Прокопович оговаривается, что, не имея текста п<е>ред глазами, он вынужден ограничиться самыми общими замечаниями.

По вопросу о государственном единстве. Нужно уметь выбирать три пути борьбы за это единство. Постановка в такой форме, как это

делает тактическая платформа блока, скорее вредна, чем полезна. Чем энергичнее будет сама работа в сторону закрепления хозяйственных связей, тем легче дадутся политические соглашения. Всякое предreshение вопроса только затруднит сговор с другими национальностями.

По вопросу о «*скорейшем созыве всероссийского учредительного собрания*» (п. 2). С<оциалисты>-р<еволюционеры> поступили мудро, когда обошли этот вопрос. В наших условиях говорить о скорейшем созыве значит вредить национально-государственному блоку.

По вопросу о тактической платформе: п. 2 о *постоянных сношениях и связях с Россией* само собой разумеющийся и введение его в текст ошибочно; п. 3 о *борьбе с признанием сов<етской> России* тоже не следует вводить, ибо это ставит участников в ложное положение: бороться с фактами невозможно.

П.Н.Милоков ставит вопрос о цели дальнейшего обсуждения вопросов программы и тактики.

С.Н.Прокопович заявляет, что он обязан доложить полученные сведения и материалы берлинской группе и результат их решения сообщить затем участникам совещания.

П.Н.Милоков благодарит за высказанные соображения, кот<орые> будут в качестве мотивов учтены при окончательном редактировании текста. Затем *П.Н.Милоков* излагает мотивы, легшие в основу тех пунктов, кот<орые> вызвали возражения со стороны *Е.Д.Кусковой* и *С.Н.Прокоповича*.

С.Н.Прокопович задает вопрос о методе распространения органа. Если это путь «Нови», то он решительно соглашается.

Е.Д. Кускова считает, что органу надо придать внешне легальную форму.

По вопросу о *возможности сотрудничества* в органе *Е.Д.Кускова* говорит, что в том виде, как орган осуществляется, он ей представляется скорее вредным, чем полезным для дела объединения. Неизбежно на всех произведет тяжелое впечатление, что без соглашения, хотя бы на самой общей программе, люди все же пытаются создавать общий орган. В таком деле я лично вряд ли смогу принять участие.

С.Н.Прокопович предлагает на этом прекратить собеседование и обещает доложить позже мнение берлинской группы по всем затронутым вопросам.

После ухода *Е.Д.Кусковой* и *С.Н.Прокоповича* *А.А.Аргунов* от имени «Кр<естьянской> Р<оссии>» просит назначить перерыв для частных совещаний.

IV. После перерыва заседание возобновляется в 9 ¼ веч<ера>.

А.А.Аргунов делает след<ующее> заявление от имени группы «Кр<естьянская> Р<оссия>»: по вопросам финансирования блока, в связи с вопросом н<ародных> социалистов, возникло положение, кот<орое> может иметь весьма тяжелые результаты. Недоразумение необходимо ликвидировать в той мере, в какой это возможно. Хотя в данном на вопрос н<ародных> соц<иалистов> ответе было ясно указано, в какой мере мы можем вскрыть вопрос о средствах блока, и поскольку связаны с источником финансирующим, мы все же полагаем, что нужно из создавшегося положения найти выход. Поэтому я, в согласии с товарищами, предлагаю представителям н<ародных> соц<иалистов> сказать, в каких рамках они считают нужным получить сведения, др<угими> словами: какие статьи бюджета и что еще в связи с финансированием блока их интересует.

В.А.Мякотин заявляет, что та постановка, кот<орая> была дана вопросу, оставляет самое тягостное впечатление. Мы не находим возможным ставить никаких вопросов и выхода из создавшегося положения не находим. Очевидно, мы имеем дело с двумя различными психологиями. Нам думалось, что, давая согласие на участие в литер<атурной> деятельности блока, связанной со всей постановкой блокового дела, мы имеем право на полное равенство. При создавшемся настроении работа в блоке далее невозможна.

С.П.Мельгунов говорит, что он готов принять упрек в бестактности нашего вопроса, но руководило нами понятное желание: когда делаешь общее дело, надо быть в курсе всего. Когда всего <так!> скрывают, невольно настораживаешься. Я лично сейчас ощущаю эту настороженность, много месяцев к<о>т<орой> раньше я не замечал, теперь мне ясны <так!>. Конечно, мы все доложим Центр<альному> Комитету, может быть, у них будет иное отношение. У нас имеется постановление об отношении к получению средств из иностранных источников.

П.Н.Миллюков спрашивает, нельзя ли сообщить сущность этого постановления.

В.А.Мякотин указывает, что у Цент<рального> Ком<итета> были сомнения о возможности ведения политической работы на иностранные средства. Мы предполагали, что источник финансирования блока чешский, и нам пришлось произвести на некоторых из своих товарищей давление, чтобы получить согласие на участие в совещании при этих условиях. Но первое условие, кот<орое> мы ставим, *совершения независимости издания* <так!>. По поводу «Дней» мы знаем, что это не всегда достигается. Когда соглашаешься на ряд совместных действий, ответственность за кот<орые> несешь, можно было ожидать со стороны участников блока товарищеского, а не

чисто формального подхода. Ваша формулировка вопроса «в каких рамках мы хотим получить сведения» мне представляется странной. Ведь мы несем ответственность за всю деятельность блока, хотя и формально не входим в него.

П.Н.Милюков считает, что в той части деятельности, кот<орая> соприкасается с литер<атурно>-издательской, возможно вполне удовлетворить запрашивающих. Что касается вопроса принципиально, мы должны заявить, что бережем нашу независимость не менее н<ародных> соц<иалистов>. Если бы условия поддержки нашего дела хоть отчасти влекли бы последствия, кот<орых> опасаются н<ародные> соц<иалисты>, мы бы на такие условия не пошли. У нас не может быть различий в моральных и политических издержках такого рода шага.

Когда я считаю невозможным в совещании дать ответ на поставленный вами вопрос, то делаю это, понимая всю ответственность. На мне лежат такие моральные обязательства, с к<отор>ыми я не могу не считаться. Мы считаем, что принципиально вы правы, когда ставите свой вопрос. Мы ведь говорим здесь как представители политических партий, а не лично связанные взаимным доверием люди. Ведь вы хотите формальных ответов на формально поставленные вопросы. В таких условиях и мы не можем сходить с этой почвы. Заявите, в каких пределах вы считаете необходимым быть осведомлены, и мы тогда ответим в меру того, что морально имеем право вскрыть.

В.А.Мякотин заявляет, что, м<ожет> б<ыть>, они слишком настойчиво поддались впечатлению <так!> от последовавшего отказа на их вопрос. Я лично не могу отказаться от тягостного впечатления. Если это ощущение исправится и рассеется от разговоров в частном порядке, тем лучше.

А.А.Аргунов выражает уверенность, что от возникшего недоразумения не останется и следа.

V. Совещание переходит к оставшимся неоформленными пунктам политической платформы соглашения.

С.С.Маслов заявляет что предложения Кр<естьянской> Р<оссии> по п. 2-му платформы, согласованные в заседании 28 дек<абря> (пр<отокол> №5), рассматривались нами как компромиссные. Если это встречает возражения, то уж лучше вернуться к первоначальной редакции. Лучше упразднить п. 2, оставив п. 1 в редакции П.Н.Милюкова.

П.Н.Милюков и *В.А.Мякотин* принимают предложение С.С.Маслова. Таким образом, п. 2 в редакции П.Н.Милюкова («Восстановление на федеративных началах государственного единства») исключается.

П. 1-ый принимается в редакции:

1. Государственное устройство России на основах:

а) республиканско-демократического строя с сильной подзаконной и ответственной перед Народным представительством исполнительной властью,

б) гарантий прав человека и гражданина и гражданского равноправия,

в) независимого суда,

г) демократического местного самоуправления, областной автономии и федерации.

По пункту «о борьбе против пропаганды примиренчества» (см. Пр<отокол> №5) С.С.Маслов от имени «Кр<естьянской> Р<оссии>» заявляет, что, настаивая на редакции, он настаивает по существу на включении в платформу смысла этого текста.

С.П.Мельгунов и П.Н.Милюков возражают против включения этого добавления по ранее высказанным мотивам.

Постановлено: остаться при прежних решениях, передав решение на обсуждение групп.

VI. По тактической платформе П.Н.Милюков предлагает: в п. Ia исключить слова «внутри и вне России».

Постановлено: предложение П.Н.Милюкова принять.

П. IIб исключить совершенно.

Постановлено: <п.> IIб (создает постоянные сношения и т. д.) исключить.

После заключительного слова А.А.Аргунова совещание закрывается.

Платформа «Республиканско-демократического Союза»¹³⁷

(Основы соглашения между демократической группой партии нар<одной> св<ободы>, Центральным Бюро группы «Крестьянской России» и ... (пропуск в документе. – М.С.) для объединенных политических действий).

1. Государственное устройство России на основах:

а) республиканско-демократического строя с устойчивой и сильной подзаконной и ответственной перед народным представительством исполнительной властью.

б) гарантий прав человека и гражданина и гражданского равноправия.

¹³⁷ ГАРФ. Ф.6075. Оп.1. Д.15. Л.10, 77-78.

в) независимого суда.

г) демократического местного самоуправления и областной автономии.

2. Скорейший созыв всероссийского учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права, в условиях, обеспечивающих правильность его избрания.

3. Решительный отказ от коммунистической системы хозяйства во всех его видах. Восстановление производительных сил страны на основе свободной экономической деятельности, с признанием свободы хозяйственной инициативы и частной собственности (индивидуальной и коллективной). Соответствующее ограничение регулирующей роли государства.

4. Признание сельского хозяйства основой возрождения народного хозяйства России и признание государством соответствующих мер к его скорейшему восстановлению. Восстановление транспорта, промышленности и торговли. Привлечение иностранного капитала. Защита русских народно-хозяйственных ресурсов от расхищения иностранцами.

5. Признание происшедшего во время революции перехода земель к хозяйствам крестьянского типа и решительная борьба со всеми попытками восстановить дореволюционные земельные отношения или отчудить землю из рук ее теперешних держателей. Образование из свободных земель государственного земельного фонда. Признание за земледельческим населением максимальной свободы в выборе форм землевладения и землепользования.

До восстановления народно-хозяйственной жизни в стране государственное в интересах крестьянского хозяйства регулирование земельного оборота, совершающегося как в порядке купли-продажи земли, так и путем аренды.

6. Государственная охрана наемного труда во всех областях народного хозяйства. Право коалиций и свобода профессиональных организаций.

7. Широкая постановка дела народного просвещения, как одно из основных условий здоровой и развивающейся общественной жизни. Энергичное содействие ему со стороны государства и общественных организаций и частной инициативы.

8. Признание охраны народного здоровья одной из главнейших задач возрождения государства.

9. Мир как основа международной политики России. Забота об армии как условия государственной безопасности и независимости России.

10. Умиротворение и устройство страны, а не месть и не возбуждение антагонизмов, как основа внутренней политики будущей власти.

*Тактическая платформа
«Республиканско-демократического Союза»¹³⁸*

1. В целях установления в России политической свободы и республиканско-демократического строя Союз признает целесообразными как революционные, так и мирные формы борьбы с господствующей коммунистической диктатурой.

II. Для достижения своих целей Союз: а) ведет пропаганду путем издания органа, брошюр и т. п., б) объединяет демократические силы русской эмиграции, в) устанавливает связи с общественными кругами Европы и Америки.

III. В соответствии со своей платформой Союз: а) ведет борьбу с течениями и организациями, которые поддерживают коммунистическую власть, б) выступает против пропаганды иностранной интервенции, полагая, что освобождение России является национальным делом самого населения, в) ведет борьбу против международного признания коммунистической власти, исходя из положения, что эта власть незаконна и не народна, г) борется с течениями и организациями, ставящими целью восстановление монархии в России.

Примечание: Представители «Крестьянской России» предлагают после пункта IIIа вставить: «выступают против пропаганды примиренчества и отказа от борьбы с существующей властью», настаивая на редакции, но на сохранении смысла ее.

После заключительного слова *А.А.Аргунова*¹³⁹ совещание закрывается.

¹³⁸ ГАРФ. Ф.6075. Оп.1. Д.15. Л.79. Несмотря на решение не публиковать «Тактическую платформу», она была напечатана в брошюре: *Милюков П.Н. Три платформы Республиканско-Демократических Объединений*. Париж, 1925. С.63.

¹³⁹ Отсутствует в деле.

Г.В.Мелихов
**РУССКИЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ В АРМИЯХ
КИТАЙСКИХ МИЛИТАРИСТОВ**

Военная служба белых русских эмигрантов в армиях северных китайских милитаристов до сих пор не становилась предметом исследования. Этот сюжет впервые появляется в историографии и представляет собой неизвестные или крайне мало известные страницы жизни и деятельности российской эмиграции в Китае¹.

¹ Имеется лишь несколько интересных и довольно подробных воспоминаний русских военных о службе в этом русском подразделении китайских войск. Одним из таких мемуарных источников является рукопись Владимира Александровича Зубца «На службе в Китайской армии» (рукопись, представляющая собой 249 страниц машинописного текста, написанного в 1933, хранится в Архиве Гуверовского Института войны, революции и мира в Стэнфорде (Калифорния, США) – Hoover Institution (далее – НИА). Zubets V.A. Ms. Box 1; далее – Zubets, с указанием номера листа). Автор ее – майор, преподаватель Шаньдунской военно-инструкторской школы, военный комендант г. Тяньцзиня. Выражаем свою глубокую благодарность директору Гуверовского архива Елене Даниэлсон за присылку полной копии этих мемуаров.

Другим описанием жизни и боевых будней Русской группы войск являются воспоминания полковника Я.Ф.Котлярова «На службе у маршала Чжан Цзучана», опубликованные в 16 номерах калифорнийской газеты «Русская жизнь» (1968. 3–6, 9–13, 16–18, 24–27 апреля; далее – Котляров, с датой выхода газеты). О себе Яков Федорович сообщает, что он участник Первой мировой войны, позднее – морской стрелок во флотилии адмирала Старка. Офицер, несколько раз начинавший военную службу с рядового.

Еще одни воспоминания – «Русский отряд на службе Китайской армии», видимо, оставшиеся неопубликованными, принадлежат полковнику Д.Н.Михайлову (НИА. Mikhailov D. Ms. Box 1).

Приступить к изучению этой новой темы позволили вновь выявленные источники. Базой для работы стал массивный пласт новых и не использованных ранее исследователями документов и материалов, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, Москва)².

Прежде чем рассказать об условиях формирования, обстоятельствах боевой и мирной жизни, активных военных действиях, которые в течение четырех лет вел этот небольшой отряд русских добровольцев, именовавшийся тем не менее «дивизией», прежде всего следует хотя бы в самых общих чертах остановиться на разъяснении главных хитросплетений внутривосточной жизни полуколониального и полуфеодального Китая после свержения в стране маньчжурской Цинской монархии в результате Синьхайской революции (1911–1912) и до объединения всей страны к 1929. Нужно также хорошо представить себе перипетии непрерывных междоусобных войн китайских милитаристов на всем протяжении 1920-х, во второй половине которых в группировке Севера впервые и появилась эта Русская группа войск.

* * *

Отстранение от политической власти представителей маньчжурской Цинской династии, правившей в Китае более 260 лет, имело ряд особенностей.

Указ об отречении последнего потомка правившего дома – императора Пу И – предусматривал учреждение республики, но вместе с тем оставлял за ним императорский титул; экс-император продолжал жить в своем пекинском дворце и должен был «получать от Китайской Республики почести, оказываемые иностранным государям». На его содержание ежегодно отпускалась сумма в 4 млн. лян серебром, оставалась неприкосновенной вся его собственность и т. д. По-

В двухтомнике П.Балакшина (см.: *Балакшин П. Финал в Китае: Возникновение, развитие и исчезновение Белой эмиграции на Дальнем Востоке: В 2 т. Сан-Франциско; Париж; Нью-Йорк, 1958*) очень неточно изложенной истории Русской группы войск уделено всего несколько страниц (Т.1. С.266-272; далее – Балакшин, с указанием страницы).

Из работ на китайском языке следует отметить сборник статей: Туфэй Цзюньфа Чжан Цзунчан <Бандит-милитарист Чжан Цзунчан>. Пекин: Чжунго вэнь ши чубаньшэ, 1991. В нем история русских добровольцев, сражавшихся в Китае, также представлена лишь несколькими страницами.

² Источниковую базу статьи составили следующие документальные материалы, хранящиеся в ГАРФ: Штаб русской группы войск (Шаньдунской армии). Цинанфу. – Ф.Р-7043 (1925–1928); Штаб 65-й дивизии. Цинанфу. – Ф.Р-7044 (1924–1927); Штаб 1-й Отдельной шаньдуно-чжилийской конной бригады. – Ф.Р-7045 (1927–1928); Штаб 1-го Отдельного охранного конного отряда – Ф. Р-7046 (1928); Штаб 7-го особого полка – Ф.Р-7047 (1927).

пытки восстановления монархии в стране предпринимались неоднократно. Лишь в октябре 1924 один из северных милитаристов, Фэн Юйсян, занявший Пекин, изгнал наконец Пу И из его дворца, после чего тот перебрался в Тяньцзинь и вел там вполне светский образ жизни³ до 1931, когда был провозглашен японскими властями правителем, а затем императором нового государства Маньчжоу-диго.

Временным президентом республики в конце декабря 1911 представители южных провинций избрали вождя китайской революции Сунь Ятсена, только что вернувшегося в Китай. Однако боязнь интервенции заставила его отказаться от поста президента в пользу представителя северян Юань Шикая и заняться созданием новой политической партии – Гоминьдана.

Так было положено начало длительного исторического противостояния и борьбы Севера и Юга, составивших основное содержание внутривнутриполитических процессов в стране вплоть до ее объединения. Именно в период правления первого официального президента Китайской Республики Юань Шикая (предпринявшего, кстати, и первую попытку восстановления в стране монархии) значительно выросла роль военных губернаторов различных провинций страны – дуцзюней (с 1924 – дубаней), ставших полными хозяевами вверенных им территорий и положивших начало китайскому милитаризму, игравшему с той поры ведущую роль в политической жизни Китая.

Китайский милитаризм – своеобразное явление. Его характерной формой являлась система дуцзюната, при которой военный губернатор провинции – дуцзюнь, командующий вооруженными силами провинции, совмещал функции гражданской и военной власти, используя вверенные ему войска в личных интересах.

Основной причиной возникновения дуцзюната был полуфеодальный строй Китая. Роль дуцзюней быстро росла в обстановке ослабления центральной власти и заигрывания Юань Шикая с реакционными милитаристскими генералами в целях реализации своих честолюбивых планов. Дуцзюни становятся полновластными хозяевами контролируемых ими территорий. Власть их, как свидетельствует пример такого типичного китайского милитариста, как Чжан Цзолинь в Маньчжурии, иногда временно распространялась на крупные части территории всей страны. Армии дуцзюней были чрезвычайно отсталыми по своей организации армиями наемников, со слабой техникой и палочной дисциплиной. Но они оказывались вполне пригодными для борьбы одного дуцзюня против другого за расширение контролируемой территории. Милитаристские наемные армии состояли из обезземеленных крестьян и люмпен-пролетарских слоев.

³ См.: Мелихов Г.В. Белый Харбин: Середина 1920-х. М.: Русский путь, 2003. С.94.

Расчлененность китайской территории, слабая связь между отдельными провинциями и центром способствовали росту милитаризма. Отсталость китайской экономики и наличие громадного аграрного перенаселения создавали кадры людей, охотно идущих служить за жалованье любому генералу. Полуколониальное положение страны также являлось важной предпосылкой развития милитаризма. Феодално-милитаристские клики стали главной агентурой сил иностранного империализма в Китае.

Будучи военной организацией, китайский милитаризм в то же время представлял собой один из основных каналов первоначального капиталистического накопления в Китае⁴.

В 1915–1916 ряд провинций Юга объявил о своей независимости от столицы страны – Пекина.

Президент Ли Юаньхун в скором времени сместил премьер-министра Дуань Цижую. Северные милитаристы потребовали роспуска парламента страны. Южане стали подготавливать военную экспедицию против северных милитаристов.

Подавление монархического путча вновь вернуло Дуань Цижую к власти в Пекине, что углубило конфликт Севера и Юга.

6 сентября 1917 на Юге в Кантоне (Гуанчжоу) сформировалось правительство во главе с Сунь Ятсеном. Под его властью находилась вся территория провинций Гуандун, Юньнань, Гуйчжоу и Сычуань. В мае 1918 южное правительство конституируется. Одновременно, в противовес Югу, 12 августа 1918 в Пекине открывается новый парламент. Юг в его выборах не участвует. Парламент избирает президентом страны Сюй Шичана (1918–1922). Полномочий нового президента южное правительство не признаёт...

Образованием правительства на Юге обозначился полный раскол страны на два лагеря – Северный и Южный, и между этими лагерями начались военные действия.

В 1919 в южном правительстве возник острый конфликт между Сунь Ятсеном и главой гуансийской милитаристской клики Лу Юн-тином. Сунь Ятсен был вынужден выйти из состава правительства, покинуть Кантон и поселиться на территории французской концессии в Шанхае.

Таким образом, внутривластная ситуация в Китае к началу 1920-х характеризовалась разгаром борьбы различных милитаристских сил. Конфликты продолжались непрерывно. Число милитаристских групп и группок в стране увеличивалось.

В начале 1920-х стала быстро усиливаться северная милитаристская клика Чжан Цзолиня – фигуры, пожалуй, наиболее характерной

⁴ *Ефимов Г.Е.* Очерки по новой и новейшей истории Китая. М., 1951. С.195, 196.

среди китайских милитаристов. Хунхуз (лесной разбойник) во время Русско-японской войны, он был нанят со своей шайкой японцами для действий против русских войск; после войны Чжан был включен вместе со своими солдатами в состав китайской армии и дослужился до генеральского чина, став командиром дивизии. При поддержке новых японских властей Квантуна, он установил свой контроль над Мукденской провинцией и постепенно распространил свою власть на всю Маньчжурию (три северо-восточные провинции). Его полное господство здесь получило официальное признание Пекина в 1918. Чжан Цзолинь возглавил фэньтяньскую (мукденскую) военную клику.

В Центральном Китае власть находилась в этот период в руках сильной чжилийской клики, которую возглавляли Цао Кунь и его помощник У Пэйфу. Эта клика была проводником англо-американской политики в Китае.

Борьба между этими двумя наиболее мощными милитаристскими группировками в течение долгого периода составляла главное содержание внутривнутриполитической жизни Китая.

Глава третьей, достаточно влиятельной, но непопулярной в стране аньфуистской клики, державшей в своих руках власть в Пекине, — Дуань Цижуй был военным министром при Юань Шикае. В правительстве преемника Юань Шикая — нового президента Ли Юаньхуна — Дуань, известный как прояпонский деятель, занял пост премьер-министра, практически сосредоточив в своих руках всю полноту власти на севере страны.

В 1920 чжилийская клика выступила против аньфуистов и Дуань Цижую. Войска Цао Куня и У Пэйфу развернули против них открытые военные действия.

Новая внутренняя война явилась прямым отражением противоречий основных империалистических держав на Дальнем Востоке.

Англия и США не желали далее мириться с резко усилившимся в Китае влиянием Японии после Первой мировой войны. Послушная им клика чжилийцев начала военные действия в целях устранения прояпонского правительства Аньфу.

Понимая очевидную военную слабость своих ставленников, Токио сделало ставку на Чжан Цзолиня. Тот давно стремился расширить свое влияние за пределы Маньчжурии, на Пекин и южнее, и получил свою долю плодов победы.

Дуань Цижуй потерпел поражение. К власти пришло так называемое правительство сверхдуцзюней — Цао Куня, Чжан Цзолиня, Ван Чэньюаня. Сами генералы не входили обычно в состав правительства, но они играли решающую роль в направлении его деятельности, так как в их руках была армия.

Одновременно с борьбой на Севере происходят изменения и на Юге. Здесь возникает острая борьба между гуандунским генералом

Чэнь Цзюньмином и гуансийской кликой. Победа генерала дала возможность Сунь Ятсену в ноябре 1920 возвратиться в Кантон и возглавить южное правительство.

Начало 1922 знаменовалось упрочением позиций чжилийской клики, укреплением роли У Пэйфу, ослаблением влияния Чжан Цзолина, вынужденного отступить в Маньчжурию. Но в апреле того же года и он начал войну против чжилийцев, против У Пэйфу. Этого милитариста, контролировавшего провинции Центрального Китая и реально угрожавшего Гуандуну – территориальной базе революционного правительства, – считал своим главным противником и Сунь Ятсен.

Сунь пошел на военное соглашение с Чжан Цзолином.

В мукден-чжилийской войне 1922 года Чжан Цзолин потерпел поражение. Неудача его явилась прямым следствием успехов США и Англии на международной арене и ослаблением влияния Японии.

В Кантоне старые разногласия между Сунь Ятсеном и Чэнь Цзюньмином приобрели острый характер. Чэнь стал действовать в контакте с У Пэйфу и свергнул правительство Сунь Ятсена, который был вынужден снова бежать в Шанхай.

Внутреннее положение страны оставалось по-прежнему предельно напряженным. Численность армий различных дуцзюней достигла 1,5 млн. солдат. Милитаристские клики вели непрерывные войны между собой и разоряли крестьянство бесконечным сбором налогов и другими поборами.

Возглавлявшийся Сунь Ятсеном Гоминьдан к началу 1923 стал единственной значительной национально-патриотической группировкой в стране. Встал вопрос о необходимости координирования действий между ним и созданной в июне 1921 Коммунистической партией Китая. Имело место дальнейшее усиление левых элементов в Гомиьдане, и КПК приняла решение о своем вступлении в эту группировку. В то же время внутри Гоминьдана стала формироваться крайняя правая группа представителей национальной буржуазии, ратовавших за разрыв с Коммунистической партией.

Сунь Ятсен установил контакт с гуансийскими и юньнаньскими генералами, которые выбили Чэнь Цзюньмина из Кантона, и сформировал здесь в феврале 1923 новое южное правительство. Это правительство установило дружественные отношения с СССР.

31 мая 1924 было достигнуто соглашение о восстановлении дипломатических отношений между СССР и Китайской Республикой. 20 сентября советское правительство было вынуждено заключить дополнительное местное соглашение о КВЖД с Чжан Цзолином, после чего Советский Союз получил возможность легально действовать в своих интересах и в Маньчжурии, и в Китае.

В середине 1924 Сунь Ятсен стал подготавливать поход на Север против группировки У Пэйфу, блокируясь с Чжан Цзолином.

В истории этой крупнейшей и сильнейшей мукденской (фэнтяньской) военной клики после поражения ее главы Чжан Цзолиня в первой чжилийско-фэнтяньской войне (1920–1922) и провозглашения им 31 августа 1922 автономии (практически полной независимости) северо-восточных провинций от Китая наступило время серьезных перемен.

В Декларации независимости, переданной иностранному дипломатическому корпусу, обращает на себя внимание пункт 5: «Любой договор, касающийся Маньчжурии, может быть заключен Пекинским правительством с одобрения маршала»⁵, чем и воспользовался Чжан Цзолинь, чтобы объявить о непризнании на своей территории советско-китайского соглашения от 31 мая 1924 об установлении дипломатических отношений между двумя странами и соглашения о КВЖД и заключить с СССР свое собственное аналогичное соглашение.

Чжан Цзолинь еще более укрепил в Маньчжурии свою власть, объявив об учреждении под своим руководством Управления главнокомандующего по обеспечению спокойствия северо-восточных провинций и, как умный и дальновидный политик, сделал необходимые выводы о причинах своей военной неудачи. Этими выводами стало признание недостаточной боеспособности своих войск, плохой подготовки офицеров и нехватки современной военной техники. Надо отдать должное «старому маршалу», как называли Чжан Цзолиня, — он чрезвычайно энергично и всерьез принялся за ликвидацию этих недостатков, занялся боевой подготовкой своей армии, привлекая к решению этой задачи, кроме японских специалистов, теперь также и имевшиеся в Маньчжурии первоклассные военные кадры из офицерского состава бывшей Российской Императорской армии, а также других иностранцев. Это были советники, офицеры разных родов войск и военные инструкторы.

Советником по обеспечению общественного спокойствия в Маньчжурии стал генерал русской армии Г.И.Клерже⁶. Затем на Мукденских артиллерийских курсах, находившихся в ведении генерала Ян Чжо⁷, появились русские руководители, которые занялись подготовкой двух артиллерийских бригад и полка тяжелой артиллерии, вновь созданных в мукденской армии⁸. В ходе последовавшей

⁵ Дунфан цзачжи. 1922. Т.19, №18. С.144 (журнал на кит. яз.).

⁶ См.: ГАРФ. Ф.391. Оп.1. Д.11. Л.138. Клерже Георгий Иосифович (1883–1938). Окончил 2-й Московский кадетский корпус и Павловское военное училище. Генерал-лейтенант семеновского производства. Военный советник маршала Чжан Цзолиня. С 1935 проживал в Шанхае.

⁷ Ян Чжо — выпускник харбинских Коммерческих училищ КВЖД. Крестник генерала Д.Л.Хорвата. Сделал головокружительную военную карьеру, пройдя путь от сугубо гражданского лица до генерала китайской армии. Расстрелян за организацию заговора против Чжан Цзолиня.

⁸ См.: Чжан Цзолинь / Под ред. Чан Чэна. Шэньян, 1980. С.97 (на кит. яз.).

вскоре чжилийско-фэнтяньской войны 1922 года прессой отмечалась необыкновенная точность артиллерийской стрельбы мукденцев. На китайскую военную службу в качестве инструктора пулеметных частей поступил также генерал Барышников⁹.

Чжан Цзолинь обратил внимание и на развитие собственной авиации и флота. Были созданы Управление авиации и авиационная школа, которым руководил Чжан Сюелян, сам ставший неплохим летчиком. В декабре 1922 на службу в авиационный корпус Чжан Цзолиня поступили 40 русских офицеров-летчиков и авиамехаников. Этот отряд возглавил генерал А.Кудлаенко¹⁰. Самолеты новых образцов приобретались в Германии, Италии и Дании, и число их, по явно преувеличенным данным Чан Чэна, якобы достигло 250–300¹¹.

Военно-морские училища были открыты в Харбине (с русскими морскими офицерами в качестве преподавателей) и в порту Хулудао (Южная Маньчжурия). Был полностью реконструирован и Мукденский арсенал, возглавлявшийся генералом Ян Юйтином, в котором работали британские и американские военные специалисты и японские и русские инженеры.

В октябре – ноябре 1922 после падения белого Приморья на территории Северо-Востока оказалось большое число русских военных и членов их семей, интернированных китайскими властями. Положение беженцев, которым китайская сторона предоставляла кров и питание, все же оставалось очень тяжелым. Некоторым исключением стали части генерала И.С.Смолина¹², вышедшие на китайскую сторону в район станции КВЖД Пограничная (Суйфэньхэ).

Китайскими войсками в пограничном с Россией Суйнинском военном округе командовал генерал Чжан Цзунчан. Он воевал на стороне русских в Русско-японскую войну, долгое время жил во Владивостоке, был связан длительными деловыми отношениями с видными предпринимателями, членами Приамурского Временного правительства братьями Н.Д. и С.Д. Меркуловыми, сносно владел русским языком. Этот высокопоставленный китайский военный, совмещавший и военные, и гражданские функции, очень дружелюбно и со-

⁹ См.: ГАРФ. Ф.391. Д.11. Л.264. Семен Нилович Барышников (?–193?), – участник Первой мировой войны и Белого движения, генерал-майор (с 1919). В начале 1920 – начальник штаба 3-го корпуса в Забайкалье. В эмиграции в Китае, затем в США. Умер в Сан-Франциско.

¹⁰ См.: Балакшин. С.249. А.Кудлаенко – боевой летчик Российской армии, участник Первой мировой и Гражданской войн.

¹¹ Чжан Цзолинь. С.97.

¹² Смолин Иннокентий Семенович (1884–1973). Окончил Иркутское юнкерское училище (1905). Участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Генерал-майор колчаковского производства и генерал-лейтенант семеновского производства.

чувственно отнесся к оказавшимся на подведомственной ему территории русским солдатам и офицерам. Он заверил Смолина, что происшедшее в Приморье несчастье обязывает его помогать белым русским, что никто не будет арестован, и заплатил за сданное ему русскими воинское снаряжение¹³.

Задолго до этих событий Чжан Цзунчан был тесно связан с молодым и энергичным офицером, подполковником В.А.Чеховым¹⁴; теперь ему и нескольким другим русским офицерам китайский генерал сделал прямое предложение перейти на службу в китайскую армию. Он предложил создать при штабе Суйнинского военного округа особый Иностраннный отдел, который будет ведать всей деловой перепиской и возьмет на себя общее руководство занятиями русских инструкторов с офицерами китайских воинских частей; сформировать трехорудийную учебную инструкторскую батарею с постоянным русским и переменным китайским составом и организовать лекции по артиллерии, военно-пулеметному и саперному делу при китайской инструкторской школе, имеющейся в Суйнинском округе; пригласить инструктора по авиации и механиков для обслуживания автомобильного парка штаба.

Старшим инструкторам присваивался при поступлении на службу чин полковника и устанавливался месячный оклад в 200 китайских долларов; младшие получали чин майора, капитана и ниже, их жалование составляло 150 и 90 долларов. Солдаты принимались на службу за 12 долларов в месяц при готовом довольствии и обмундировании.

Иностраннный отдел возглавил Чехов, заведующим военным отделением стал Зубец, старшим инструктором по артиллерии был приглашен полковник Костров¹⁵, по саперному делу – полковник Макаренко¹⁶, по пулеметному делу – подполковники Аргентов и Лесли. Командиром учебной батареи был назначен капитан Кривенко с командой из двух младших офицеров и 18 солдат. Инструктором по авиации стал полковник Плешков. В ремонтную команду было взято несколько механиков и шоферов¹⁷.

Начались регулярная служба и занятия.

Вскоре войска Чжан Цзунчана из Пограничной были передислоцированы в ближе к Мукдену (в г. Кайюань, на линии Южно-

¹³ См.: Zubets. Л.7, 8.

¹⁴ Чехов Владимир Алексеевич – подполковник, представитель штаба белой Дальневосточной армии на станции Пограничная для связи с китайскими военными властями в Маньчжурии. Генерал-лейтенант китайского производства.

¹⁵ Костров Иннокентий Александрович – артиллерист, полковник. Создатель дивизии бронепоездов Русской группы в армии Чжан Цзунчана.

¹⁶ Макаренко Павел Дмитриевич (1888–?) – полковник, кадровый офицер Российской армии.

¹⁷ См.: Zubets. Л.10.

Маньчжурской железной дороги), куда переехали и их русские инструктора.

В 1923, в разгар тогдашних столкновений Чжан Цзолиня с Фэн Юйсяном, маньчжурский правитель решил создать в своей армии отряд русских добровольцев.

Формирование его было поручено генералу М.М.Плешкову¹⁸. Отряд должен был состоять из трех батальонов и собственной хозяйственной части. На приглашение Плешкова откликнулись свыше трехсот добровольцев – русских эмигрантов, многие из которых в то время работали в исключительно тяжелых условиях на лесных концессиях. Каждый поступавший подписывал шестимесячный контракт с правом его продления на следующий срок. Контракт гарантировал выплату жалованья, единовременную помощь семье в случае смерти кормильца и выдачу полного пособия, если контракт был прерван нанимающей стороной до истечения оговоренного срока.

Добровольцы прибыли в Мукден; но тут между враждовавшими генералами было заключено мирное соглашение, и волонтеры едва добились выплаты им средств за один месяц¹⁹.

Эта первая попытка, оказавшаяся неудачной, отнюдь не заставила Чжан Цзолиня отказаться от намерения иметь в мукденской армии отдельную русскую воинскую часть. Напротив, она со временем казалась ему все более и более привлекательной, тем более что создавались условия для желанного реванша за поражение в первой войне с чилийской группировкой. Прецедент был создан, и каждая из сторон почувствовала заинтересованность другой в продолжении контактов по военной линии.

К этому времени группа русских летчиков, совершивших несколько смелых полетов, и артиллерийские инструкторы при Главном штабе Чжан Цзолиня уже заслужили своей работой глубокое уважение китайских военных властей. Война с чилийцами приближалась, она считалась неминуемой – и в связи с честолюбивыми планами «старого маршала», и по самой логике событий во внутриполитической жизни Китайской Республики. Чжан Цзолинем владела не только идея реванша за недавнее поражение, у него были далеко идущие планы. Разброд и шатания в среде милитаристов Северного, Восточного и Центрального Китая, начавшаяся борьба Севера и Юга вполне способствовали реализации этих планов. Теперь Чжан Цзолинь располагал крупнейшей среди прочих милитаристов и наиболее хорошо подготовленной армией, но ему уже было недостаточ-

¹⁸ Плешков Михаил Михайлович (1856–1927) – генерал от кавалерии (1918). Окончил Николаевское кавалерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой мировой и Гражданской войн.

¹⁹ См.: Балакшин. С.265.

но полного господства в одной только Маньчжурии, он видел себя во главе всех провинций не только Северного, но и всего Китая в целом!

Эти амбиции Чжан Цзолиня, безусловно, подогревали и его многочисленные японские советники, число которых все время возрастало. По японским оценкам, к июлю 1928 в мукденской армии их было не менее 50. Среди них наиболее известными и близкими к Чжан Цзолиню были Кикучи Такео (1916–1926), Мачино Такема (1916–1928), Хондзё Сигэру (1921–1924), Мацуи Нанао (1924–1928), Гига Масая (1924–1928), Доихара Кендзи (?–1928)²⁰. Япония видела в господстве в Северном и Центральном Китае чжилийской клики, за спиной которой стояли Англия и США, главное препятствие для дальнейшего распространения своего экономического, политического и военного влияния на бассейн Янцзы, а в перспективе – и на весь Китай. Чжан Цзолинь вполне мог послужить делу реализации этих японских планов.

Развитие событий говорило о том, что Чжан Цзунчану с его боеспособной армией предстояло играть в приближающейся войне одну из наиболее важных ролей. Это подтверждалось и близостью генерала к «старому маршалу», и ростом его общего влияния на мукденские дела. Несомненно, что накопленный к этому времени положительный опыт двух китайских военных лидеров в использовании русских – бывших офицеров и солдат белых армий – на китайской службе стимулировал принятие Чжан Цзолинем решения о формировании Русского отряда и отпуске для этого необходимых средств.

Чжан Цзунчан немедленно предложил своим русским советникам начать широкий набор русских солдат и офицеров в свою армию, причем поставил для выполнения этой задачи очень жесткие сроки. Состав будущей воинской части не регламентировался, условия содержания были такие же, как и у персонала прежнего состава.

Но если с набором рядовых и младшего командного состава особых проблем не было, то кандидатура начальника русского отряда, по-видимому, обсуждалась серьезно и достаточно широко – прежде всего, среди кадровых русских сотрудников Чжан Цзунчана – и не без разногласий. Очевидно также, что в обсуждении приняли участие и другие русские советники, работавшие при штабе Чжан Цзолиня. В.А.Зубец пишет, что выбор был единодушный и пал на К.П.Нечаева²¹, а Н.Николаев в своей неопубликованной и незавер-

²⁰ См.: Каретина Г.С. Чжан Цзолинь и политическая борьба в Китае в 20-е годы XX в. М., 1984. С.71.

²¹ См.: Zubets. Л.53, 54. Нечаев Константин Петрович (1883, Лодзь – 1946, пересыльный лагерь в Приморье) – кадровый офицер Российской армии. Окон-

шенной работе²² сообщает, что генерал-лейтенант К.П.Нечаев, до того времени совершенно неизвестный китайцам, был вызван из Харбина для командования этим отрядом по рекомендации полков-

чил 2-й Московский императора Николая I кадетский корпус (1902) и Елизаветградское кавалерийское училище (1905). Участник Первой мировой войны – командир эскадрона, штаб-ротмистр 5-го драгунского Каргопольского полка. Отличился в боях с немцами, награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Закончил войну в чине полковника, командира этого же прославленного соединения. В Гражданскую войну – командир кавалерийской бригады в армии В.О.Каппеля. В одном из боев разбил наголову кавалерийскую часть красных оренбургских казаков под командованием братьев Кашириных. Участник Сибирского Ледяного похода белых армий. Генерал-лейтенант семеновского производства. В августе 1920 назначен командиром 1-й Сводной Маньчжурской имени атамана Г.М.Семенова дивизии. В Приморье командовал Сводной кавалерийской бригадой и в 1921 занимал пост начальника Южно-Уссурийского края. Командир 65-й русской дивизии в армии Чжан Цзолина – Чжан Цзунчана в чине генерал-майора Китайской армии. Сыграл важную роль в командовании шаньхайгуаньской операцией в 1924 и в боях под Шанхаем в 1925. Боевой командир, пользовавшийся глубоким уважением русских добровольцев и китайского командования. Бывший нечаевец П.А.Савич так вспоминал о нем в письме к П.Балакшину:

...главным героем был Костя Нечаев, не маскировавшийся никакими идеями, а говоривший, что он наемник, а храбрости у него было больше, чем полагалось, и как-то я писал ему стихи по какому-то случаю:

В полушубке, с палкой, впереди солдат,

Будь то или рота или весь отряд...

и, правда, в своем полушубке, с палкой в руках, которой он сбивал миномодом кустики или травку, он вел за собой солдат старой еще школы, у которых не остыл задор и была молодость...

(Балакшин. С.271, 272).

Действительно, по свидетельству В.А.Зубца, Нечаев сам говорил: «“Мы – наемники, ландскнехты. Никаких белых идей!.. Мы знаем, что платим жизнью за своего дубаня в его военных операциях, поэтому – деньги на бочку. И в этом всё дело...”». Генерала часто видели в боях впереди цепей, в самых опасных местах. Его грубые шутки вызывали смех и поднимали дух солдат, и, конечно, солдаты ему верили и шли за ним...» (Zubets. Л.84).

В боях на подступах к Тяньцзиню Нечаев потерял ногу, но остался на своем посту командующего 65-й дивизией. Выйдя в отставку, с 1929 жил в Дайрене, пользуясь всеобщим уважением. Уполномоченный представитель главы российской эмиграции на Дальнем Востоке Д.Л.Хорвата; с апреля 1943 заменил Д.Ф.Семенова на посту начальника Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи в г. Дайрене. По мнению людей, знавших его лично, Нечаев был начитанным и остроумным человеком, но вместе с тем мог быть суровым и беспощадным к подчиненным. Здесь же, в Дайрене, этот 63-летний инвалид был в 1945 арестован советской контрразведкой, депортирован в СССР и в 1946 расстрелян.

²² См.: *Николаев Н.* История возникновения Русской группы Мукденских войск: Краткий исторический очерк. – ГАРФ. Ф.Р-7044. Оп.1. Д.33. Л.1-5. Н.Николаев – командир Юнкерской роты Русского отряда.

ника Кудлаенко, старшего инструктора мукденской военной авиации. Получив телеграмму о вызове за подписью Кудлаенко, Нечаев немедленно выехал в Мукден, где был представлен сыну маршала Чжан Цзолиня генералу Чжан Сюеляну и маршалу Чжан Цзунчану, после чего был сразу же принят на службу в чине полковника Китайской армии и назначен на должность начальника отдельного Русского отряда. «Таким образом, – резюмирует Н.Николаев, – назначение генерала Нечаева начальником попавшего на скрижали истории Русского добровольческого отряда произошло совершенно случайно»²³. Так или иначе, но для командования Русским отрядом в армии Чжан Цзунчана был приглашен именно Нечаев, который весьма энергично принялся за его формирование.

За основу был взят стрелковый батальон в составе трех рот, с пулеметной командой, батареей из трех орудий, конной командой разведчиков и саперным отделением. Всего для вооружения отряда было подготовлено 500 винтовок, 6 пулеметов, необходимое число обмундирования и около 30 лошадей²⁴.

Еще не сформировавшийся окончательно отряд был брошен в кампанию против чжилийцев, которую Чжан Цзолинь начал 15 сентября 1924. Разделенные на шесть армий, его войска выступили по двум направлениям – на Юйгуань, где находились главные силы чжилийской группировки, и на Чаоян, куда были посланы 2-я и 5-я армии, одной из которых (в ее состав и входил Русский отряд) командовал Чжан Цзунчан. Необходимо отметить, что Русский отряд действовал в этой кампании рука об руку с японской ротой из 47 японских добровольцев-офицеров, сформированной в Мукдене одновременно с 1-й ротой отряда и участвовавшей вместе с ним в боях до г. Тяньцзиня.

28 сентября 1924 Русский отряд, находясь на центральном участке фронта, получил свое первое боевое крещение, начав наступление на стоявшие перед ним части 9-й дивизии чжилийских войск. Противник был обращен в паническое бегство, что позволило мукденцам выйти в его глубокий тыл. Это в основном и определило последующий стремительный военный успех Чжан Цзолиня.

Эта дата первой серьезной победы осталась в памяти китайского командования и была через два года отмечена специальным приказом Чжан Цзолиня. К этому времени уже начался Северный поход Чан Кайши, а при штабе Чжан Цзунчана было создано Управление старшего советника (Н.Д.Меркулова), через которое в Русскую группу войск стали поступать все распоряжения китайского командования. Приведем текст этого приказа:

²³ Там же. Л.1, 2.

²⁴ См.: Zubets. Л.54.

Объявляю приказ Русской Группе Войск Маршала Чжан-золина и Управлению Старшего Советника от 28 сего сентября за №84-1.

Сегодня – 28-ое сентября – дата знаменательная в жизни Русской Группы Войск. В этот день – ровно два года назад – маленькая горсточка русских, оторванная от родины, лишенная Отечества, в глубине Китая, среди диких гор и ущелий, встретила впервые на поле брани с теми разрушительными вражескими силами, что ведут сейчас такую упорную борьбу, такой ожесточенный напор на юг и север, против Национального Китая. В этот день произошел первый бой – бой, определивший дальнейшую судьбу Русского отряда в Китае. Два года прошло с того дня. Маленький отрядик разросся в целую Группу; во многих походах участвовала она, много боев вынесла на своих плечах, немало имела славных и блестящих дел, не раз поддерживала былую славу и честь Русского Оружия. И все же, если Русская группа и есть теперь, то этим она обязана, в значительной степени, небольшой горсточке русских людей, которые два года тому назад, в сегодняшней день <так!>, смело и отважно, не смущаясь малым числом, вступили в борьбу с врагом Национального Китая. Не много их осталось в Русской группе: многие из них сложили свои головы на поле чести. И сегодня, в знаменательный день второй годовщины первого боя, Русского боя, поздравляя ныне здравствующих славных участников славного боя в лице первого солдата генерал-лейтенанта НЕЧАЕВА, от души желаем им сил, здоровья и дальнейших успехов в продолжающейся на пользу дела борьбе, под неизменным водительством нашего любимого БЕЛОГО МАРШАЛА ЧЖАН-ЗУНЬ-ЧАНА.

Да здравствует на многие годы Национальный герой Китая храбрейший МАРШАЛ ЧЖАН-ЗУНЬ-ЧАН.

Вечная память павшим и слава живым.²⁵

К.П.Нечаев, несомненно, принимал непосредственное участие в разработке плана наступления, приведшего в провинции Жэхэ к стремительному прорыву фронта милитариста-генерала У Пэйфу, занятию стратегически важного Шаньхайгуаня и выходу в глубокие тылы чжилийских войск. Про Нечаева в связи с этим в русских военных кругах говорили, что он «повторил известный маневр генерала Ренненкампа в Русско-японскую войну»²⁶.

²⁵ Приказы по русским частям Шаньдунских войск со дня их образования:

а) Приказы по Авангардной группе 1-й армии Мукденских войск с 1 января 1926 за №1 по 14 февраля 1926 за №11; б) Приказы по 65-й дивизии 3-й армии Мукденских войск от 15 февраля 1926 за №1 по 30 декабря 1926 за №80 (всего 321 лист). – ГАРФ. Ф.Р-7044. Оп.1. Д.3. Л.199 (далее – Приказы по русским частям Шаньдунских войск..., с указанием номера листа).

²⁶ См.: Балакшин. С.266. Ренненкампф Павел Карлович (1854–1918) – генерал от кавалерии (1910). Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. коман-

Во время одного из боев противник был ошеломлен появлением русского «бронепоезда» (он был наспех сооружен Костровым из паровоза и открытой железнодорожной платформы с уложенными на ней мешками с песком и установленными пулеметными гнездами) в Шаньхайгуане, где этот поезд, даже сойдя с рельсов, принудил сдаться стоявшие здесь три воинских эшелона чжилийских солдат с огромными запасами продовольствия, боеприпасов и всем вооружением.

Далее Русский отряд и японская рота двинулись на Тяньцзинь, который был занят 11 ноября. Последовал протест консульского корпуса: на каком основании в китайской армии действуют иностранные части – русские и японские. Чжан Цзунчан ответил, что первые являются китайскими войсками русской национальности, а японских войск у него нет. «Бывшая при русском отряде японская рота, – сообщает источник, – в Тяньцзине исчезла сразу же по прибытии туда эшелона, оставив в вагоне обмундирование и оружие, – дальнейшее ее участие в боевых действиях было запрещено японским консульством»²⁷. То же самое об этой японской роте пишет и В.А.Зубец: «На походе отряд догнала и влилась в него японская добровольческая рота, в составе около 40 человек, одетая в китайское военное обмундирование. Цель ее формирования была для меня и остается до сих пор неизвестною. В последующих боях она дралась хорошо, но, с занятием мукденцами Тяньцзиня, расплылась и исчезла с поля нашего зрения»²⁸.

На Юге кантонская армия, союзница Чжан Цзолиня, потерпела поражение. Однако на Севере, даже без непосредственного участия южан, цель общей борьбы была достигнута. У Пэйфу был разгромлен, отошел в Танку (морские ворота Тяньцзиня) и затем уплыл на Юг, где продолжал играть важную роль во внутривнутриполитической жизни Китая. Его поражению способствовало также и то, что один из видных генералов чжилийской клики – Фэн Юйсян с его Национальной армией (Гоминьцзюнь) выступил против своего шефа, превратившись в союзника Чжан Цзолиня.

Чжан Цзолинь был намерен распространить свой контроль на провинции Восточного и Южного Китая. Но необходимо было стабилизировать политическую ситуацию на Севере, в Пекине.

Компромиссной фигурой для обоих союзников – Чжан Цзолиня и Фэн Юйсяна – стал Дуань Цижуи, занявший пост главы Временного

давал Забайкальской казачьей дивизией, проявил себя заурядным начальником.

²⁷ Краткий исторический очерк и описание боевых действий Русской группы войск маршала Чжан-Зун-Чана. С приложением 18 схем. – ГАРФ. Ф.Р-7044. Оп.1. Д.32. Л.9 (далее – Краткий исторический очерк..., с указанием номера листа).

²⁸ Zubets. Л.56.

правительства. Дуань вынужден был искать соглашения с Сунь Ятсеном и прислал тому приглашение прибыть в северную столицу для обсуждения вопроса о реорганизации власти. Сунь принял это приглашение и в ноябре 1924 выехал туда. Но базы для переговоров, вследствие разных политических позиций сторон, не было. Прибыв в Пекин, Сунь Ятсен от участия в конференции отказался. Там его задержала болезнь, и 12 марта 1925 он скончался в Пекине.

В Гуандуне продолжались милитаристские междоусобицы, но главным направлением стала борьба милитаристов против кантонской революционной армии.

После нескольких дней пребывания в Тяньцзине Русский отряд вместе с большей частью войск Чжан Цзунчана был передислоцирован на юг, на станцию Цинсянь Тяньцзинь-Пукоуской железной дороги, где после победы стали происходить лихорадочные, по выражению В.А.Зубца, переформирования, превращения отдельных частей в крупные воинские единицы. По приказу главного командования дивизия Чжан Цзунчана развертывалась в 1-ю Маньчжурскую армию, и прежняя нумерация полков, отдельных батальонов и команд была изменена. В.А.Зубец приводит в связи с этим несколько любопытных наблюдений, дополняющих наши представления о природе китайского милитаризма. Он пишет:

Как создавалась эта нумерация – было известно одному Господу Богу. Ротные командиры с необычайной легкостью начали командовать полками, командиры батальонов и полков – бригадами и дивизиями. Все назначения на крупные командные должности делались из среды старых подчиненных Чжанцзунчану <так!> офицеров... Группа ничего не делавших штабных офицеров, общей численностью до ста человек, получила новые назначения, прибавлявшие к офицерским погонам лишние звездочки. И в то же время при штабе вновь стала расти, как на дрожжах, группа таких же ничего не делающих новых офицеров, зачисляемых в резерв.²⁹

Во время двухмесячной стоянки в Цинсяне Русский отряд отдыхал и укомплектовывался, проходил обучение, в результате чего приобрел форму небольшой, но крепкой отдельной воинской части, способной выполнять самостоятельные военные задачи. Неиссякающий приток добровольцев значительно увеличил его численность, достигшую 350–400 человек. Срок их службы по контракту был продлен до 8 месяцев.

По свидетельству В.А.Зубца, люди в громадном своем большинстве имели солидный военный опыт, накопленный ими в Первой мировой и в Гражданской войнах. Офицеры, приехавшие служить на

²⁹ Там же. Л.62.

положении рядовых солдат, составляли не более десяти процентов всего состава. Было много молодежи, горячо стремившейся к военной службе.

Отряд теперь состоял из трех рот пехоты, сведенных в стрелковый батальон, которым командовал генерал-майор А.Н.Мельников, Конного дивизиона и команды бронепоезда под руководством полковника Кострова.

1-й эскадрон Конного дивизиона был пополнен прибывшей из Харбина молодежью – гимназистами, кадетами, юнкерами Читинского военного училища³⁰. Командовал им ротмистр Делекторский. 2-й эскадрон был укомплектован казаками Сибирского казачьего войска, сражавшимися во время Гражданской войны в отряде атамана Анненкова³¹, а позднее работавшими на Фушуньских угольных копях. Они пришли со своими офицерами, сохраняя воинский порядок. Командовал ими полковник Размазин. За отсутствием лошадей, вначале оба эскадрона были пешие. Дивизион, позднее развернутый в полк, находился под командованием опытного кадрового офицера, неизменно получавшего в ходе последующих военных кампаний высокие оценки, – полковника Бартеньева³².

Начало формирования броневых частей Русского отряда – бронепоездов, ставших позднее его главной боевой и ударной силой, – уже на официальной основе, с разрешения Чжан Цзунчана, тоже было заложено в Цинсяне. Была сформирована команда для первого такого бронепоезда, который, однако, пока еще недалеко ушел от своего предшественника и отличался только тем, что имел специальный пулеметный вагон. Котляров пишет:

Броневым дивизион был таковым только по названию: были установлены орудия на железные полувагоны, и, чтобы не пробивали пули, стены укрепили мешками с песком; слегка забронировали паровоз; выкрасили в серый цвет, и готово! Собственно говоря, такой бронепоезд мог пугать только несведущих китайцев, ко-

³⁰ Читинское военное училище было создано атаманом Семеновым для подготовки молодых офицеров. В нем учились многие выдающиеся деятели эмиграции. См.: Читинское военное училище // Луч Азии (Харбин). 1942. №100/12. С.54.

³¹ Анненков Борис Владимирович (1889–1927) – атаман Сибирского казачьего войска. Окончил Кадетский корпус и Военное Александровское училище в Москве (1908). После поражения в Гражданской войне оказался в Северо-Западном Китае. Добровольно сдался советским властям. Судим и приговорен к высшей мере наказания.

³² Полковник Генерального штаба Николай Васильевич Бартенев (Барте-нев) – офицер 13-го Гусарского Нарвского полка. Зять последнего начальника Николаевской академии Генерального штаба генерала А.И.Андогского. По отзывам сослуживцев, один из лучших офицеров Российской армии. См., например: Котляров. 25 апреля.

торые сдавались тысячами и целыми армиями. Через год китайцы раскусили, что это за штука, и построили у себя такие же.³³

Были укомплектованы пулеметная и минометная (называвшаяся в то время бомбометной) роты; имелась собственная артиллерия – два орудия; создана хозяйственная и санитарная части – с русскими врачами и медсестрами.

Служба в частях строилась по Воинским уставам Российской армии, с сохранением всех ее традиций. Дисциплина поддерживалась соблюдением уставов, строгими требованиями командиров, нарушений было немного, и каждое сколько-нибудь серьезное находило свое отражение в приказе. Боевой дух и боеспособность частей были очень высокими.

Предположить, что идеологией Русской группы был антисоветизм или, тем более, антикоммунизм, – означало бы перенести эти термины «холодной войны» второй половины XX века на середину 1920-х. Вернее сказать, этой идеологией был антибольшевизм (причем к «большевику» русские солдаты и офицеры относили и Чан Кайши, и Фэн Юйсяна, и других, у которых были советские военные советники) и прежние белые монархические идеи.

Представителей СССР в Китае сильно беспокоило существование в этой стране сильной, хорошо организованной и боеспособной белой части, да еще под командованием кадровых офицеров бывшей Российской армии. Китайским правительствам заявлялись строгие протесты, велась разведка, предпринимались попытки разложения, дискредитации, физического устранения командиров и т. п. Но Русская группа продолжала существовать и развиваться.

Тем временем положение Чжан Цзунчана все более упрочивалось. На него была возложена задача присоединения к Чжан Цзолиню ряда провинций Восточного и Южного Китая, для выполнения которой русская 14-я бригада в составе его армий 1 января 1925 погрузилась в эшелоны и двинулась по Тяньцзинь-Пукоуской железной дороге на юг, в Пукоу, куда прибыла 16 января. В Пукоу, напротив лежащего на той стороне Янцзы Нанкина, рельсы обрывались. Моста не существовало, и переправа на противоположный берег осуществлялась на паромках, катерах и китайских джонках.

К этому времени Нанкин был уже взят, и 17 января Чжан Цзунчан был назначен «командующим по борьбе с бандитами» (т. е. с прочими милитаристами) в провинциях Цзянсу, Аньхой и Шаньдун; его войска должны были находиться в этих провинциях, столь отдаленных от Чжили, а тем более – от Маньчжурии.

Обойдя г. Чжэньцзян и высадив десант на речных судах, русские части при поддержке своего бронепоезда «Чанчжэнь» быстро овла-

³³ Там же.

дели этим укрепленным городом и его крепостью. Нечаев был назначен командующим Южным фронтом. Была поставлена задача – занять город-крепость Цзяннин, города Уси и Шанхай³⁴. На судах русские части были быстро передвинуты вниз по течению Ян-цзы, под Цзяннин, полная драматических событий осада которой несколько затянулась.

На подступах к Шанхаю Чжан Цзунчан встретил ожесточенное сопротивление противника (войск губернатора провинций Аньхой и Цзянси генерала Сунь Чуаньфана), но упорные бои закончились в его пользу. Неприятель стал отступать с линии железной дороги к югу. В.А.Зубец сообщает о том, что Костров с бронепоездами прорвался вперед и, починив разрушенный в нескольких местах путь и подгоняя шрапнелью отходящие части солдат противника, неожиданно к вечеру донес о занятии им Северного вокзала в Шанхае. Вместе с Костровым был и Н.Д.Меркулов. Они сразу же после прихода в Шанхай позвонили в штаб и потребовали присылки эшелона пехоты для закрепления положения...

Русскому отряду было приказано оставаться в Уси. Чжан Цзунчан же со штабом, пригласив с собой нескольких русских офицеров, выехал отдельным поездом в Шанхай³⁵.

Документы подтверждают: «Был построен второй бронепоезд, давший возможность сформировать отдельный дивизион бронепоездов под командованием полковника-артиллериста Кострова. В конце января эти бронепоезда заняли Шанхай, высадив в китайском городе свой десант и установив там мукденскую власть маршала Чжанзолина»³⁶. Таким образом, какого-либо подтверждения вывода Г.С.Каретиной о наличии соглашения между Сунь Чуаньфаном и Чжан Цзолинем об обоюдном отводе их войск от Шанхая и демилитаризации города³⁷ – нет; во всяком случае, это соглашение не было реализовано.

В Уси русская часть находилась на длительном отдыхе и доукомплектовывалась. Именно сюда из Шанхая стало прибывать пополнение: кадровые офицеры, солдаты и казаки-забайкальцы, попавшие в Шанхай после эвакуации белого Приморья. В середине апреля бригада выбыла из этого города через Нанкин на север, отправившись на новую назначенную ей стоянку в Тайане.

По дороге, в Суйчжоу, из небольшого Русского отряда, находившегося под командой китайского майора Юя, была сформирова-

³⁴ См.: Zubets. Л.75.

³⁵ Там же. Л.80.

³⁶ Николаев Н. История возникновения русской группы Мукденских войск...

Л.3.

³⁷ Каретина Г.С. Чжан Цзолинь и политическая борьба в Китае... С.101, 102.

на 5-я рота. В Тайань бригада прибыла в первых числах мая и провела здесь лето 1925 года. Все ее военные действия в этот период состояли в нескольких экспедициях против местных хунхузов.

Тайань в описываемый период – небольшой городок и стратегически важная станция Тяньцзинь-Пукоуской железной дороги, в 90 км от столицы Шаньдуна г. Цзинани, прикрывавшая подступы к ней с юга. Аккуратное станционное здание, большой паровозный парк (путь на север, к Цзинани, шел по гористой местности). За станцией – городок с кривыми незамошенными улицами из одноэтажных домов. На окраине – единственное кирпичное здание средней школы, в котором находилась американская администрация. Русская комендатура помещалась в товарном вагоне на запасном пути.

Достопримечательностью Тайаня всекитайского масштаба была находящаяся в его окрестностях гора Тайшань, считающаяся у китайцев священной, – одна из пяти священных гор Китая. Гора была опоясана буддийскими монастырями. На ее вершину, где стоял главный храм, вели несколько тысяч аккуратно вырубленных в скале ступеней. Сбоку от этой «лестницы» протекала чистая горная речушка. Гору и монастыри посещали сотни паломников, приходивших сюда из всех, даже самых отдаленных, уголков Китая. Они возжигали пачки ароматных курительных свечей и молили богов о даровании милостей. Русские военные, располагавшиеся в Тайане, пишут о красоте его монастырей и окрестностей.

Надо отметить, что некоторые части и учреждения бригады находились на соседней станции Давэнькоу и в самой Цзинани. За время стоянки Русский отряд быстро разрастался за счет прибывавших пополнений.

Стрелковый батальон отряда вырос до 600 штыков и был переименован в 105-й полк. Полком стал командовать Чехов, бывший ранее начальником штаба. Кавалерийский дивизион стал насчитывать до 200 сабель³⁸. В Тайане, куда в начале мая 1925 непосредственно прибыл на службу в отряде Я.Котляров, располагались следующие структуры:

- технический батальон (командир подполковник Макаренко), в который входили роты: пулеметная, бомбометная (командир майор Абаза) и команда службы связи;
- упомянутый выше пехотный полк с двумя пехотными батальонами (командиры подполковники Стеклов и Гурулев);
- орудийная батарея из четырех трехдюймовых орудий типа «Арисака» (командир подполковник Аргентов);
- комендатура;
- юнкерская рота (командир майор Николаев).

³⁸ См.: Zubets. Л.82.

О последней надо сказать, что Нечаев полностью учел положительный факт притока в отряд образованной русской молодежи (главным образом из Харбина) и посчитал необходимым организовать для нее особые, несколько улучшенные, условия содержания, с тем чтобы подготовить из нее кадры будущих офицеров отряда. Молодые люди, из которых и была сформирована эта Отдельная рота, проходили курс военного обучения в строевой части, постепенно усваивали военное дело и, успешно сдав экзаменационные испытания в специальной комиссии, становились младшими офицерами. Рота состояла в пехотном полку, но подчинялась непосредственно только командиру бригады³⁹.

Этим же целям служила и открывшаяся осенью 1925 (по другим данным – в начале 1926) русская Шаньдунская Военно-инструкторская школа. В ней, как и в российских военных училищах до революции, курс обучения был двухгодичным. Учащиеся назывались юнкерами и должны были иметь образование не ниже среднего. Первый выпуск молодых офицеров состоялся в 1927. Школа принимала участие в боях. Первым ее начальником был полковник Генерального штаба Михайлов, многое сделавший для правильной организации жизни училища. Когда он стал военным советником при Н.Д.Меркулове, его на посту начальника школы сменил полковник Забайкальского казачьего войска Кобылкин. Школа перестала существовать после ухода русских частей из Цзинани. Почти весь ее выпуск вошел в состав 7-го Учебного китайского полка, командиром которого был назначен кавалерист полковник Квятковский⁴⁰.

О конниках подполковника Генерального штаба Бартеньева, стоявших в Давэнькоу, и об их командире Я.Котляров отзывается очень лестно, отмечая их дисциплину, исправку и поведение. Китайский автор отмечает также и боевое мастерство русских кавалеристов, намного превосходившее китайскую школу⁴¹.

В частях имелись врачи и фельдшера, священнослужители двух конфессий – православные священники и муллы, но ни храмов, ни мечетей пока не было. Имелся также духовой оркестр и фотограф, а в Цзинани даже целая киногруппа, производившая съемки жизни и боевых действий части.

Здесь, в Цзинани, располагался также дивизион из четырех бронепоездов под руководством Кострова, произведенного китайским

³⁹ Там же. Л.90.

⁴⁰ Квятковский Павел Петрович – майор. Работник канцелярии Штаба атамана Семенова. Воевал на Дальнем Востоке до конца 1922. Помощник инспектора Института Японско-Русского общества в Харбине (1925).

⁴¹ *Моу Чжунхэн*. Лаомаоцзы дуй <Армия бородатых солдат> // Туфэй цзюньфа Чжан Цзунчан. С.72.

командованием в чин генерал-майора. Дивизион был выделен из состава бригады Нечаева и перешел в непосредственное подчинение Чжан Цзунчана, с дислокацией в его столице. Постройку по проекту русских инженеров двух бронепоездов сильного типа, с хорошей броней, Костров осуществил в мастерских Тяньцзинь-Пукоуской дороги. Каждый поезд был вооружен тремя трехдюймовыми орудиями, несколькими пулеметами и минометами, имел полный комплект команды, необходимый технический персонал, фельдшера и одного-двух переводчиков. На бронепоезде мог разместиться десант до 150 штыков. Считалось, что служить у Кострова намного лучше, чем в пехоте, отмечает Я.Котляров, и желающих оказаться под его командованием всегда находилось достаточно. У каждого бойца было свое место, постель, хорошее обмундирование, весьма приличный стол. Дисциплина в дивизионе была основана на здоровых началах⁴².

Рядом со стоянкой бронепоездов помещалась инженерная рота (командир подполковник Мещанкин), обязанностью которой был выбор позиции и ее укрепление.

Конвойная сотня при Чжан Цзунчане, под командованием подполковника русской службы есаула Танаева, состояла из казаков и являлась привилегированной частью, всегда сопровождавшей генерала в его поездках.

Авиационным отрядом командовал китаец, получивший подготовку в Советском Союзе. Аппараты были устаревшего типа. Русские летчики, летавшие на них, получали приличное жалованье и надбавки за летные часы.

Наконец, в окрестностях Цзинани находился и русский госпиталь.

Помимо Тайаня и Цзинани, комендатуры Русской группы имелись в Тяньцзине и Циндао, а вербовочные пункты – в Шанхае, Тяньцзине, Мукдене. В Харбине такового не имелось, но всю необходимую работу осуществлял генерал Шильников⁴³.

Капельмейстером духового оркестра, игравшего на парадах и маршах, был ротмистр Алексеев.

В Цзинани находились также арсенал, фабрика амуниции и гранат и другие коммерческие предприятия старшего советника Н.Д.Меркулова.

Жизнь гарнизонов шла по распорядку, принятому в обычной русской боевой части. Утром строевые и тактические занятия, работа с

⁴² Котляров. 4 апреля.

⁴³ Шильников Иван Федорович (1882–1934) – генерал-майор семеновского производства, военный историк. Участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Автор книги «Забайкальская казачья дивизия в Великой европейской войне 1914–1918 гг.» (Харбин, 1933).

техникой, затем обед, небольшой отдых и снова занятия. В субботу занятия проходили до 12 часов дня, воскресенье было днем отдыха. Ежедневно бойцы назначались в караул, обязанностью которого было поддержание порядка на территории части. Смена караула происходила напротив квартиры генерала Нечаева и проводилась по всем правилам Устава русской гарнизонной службы.

3 сентября 1925 бригада была переформирована. Первый и второй батальоны, технический батальон, юнкерская рота и команда связи составили Сводный стрелковый полк. Отдельная горная батарея вошла в его состав как полковая артиллерия. Броневой дивизион был переименован в Особый броневой полк, Конный дивизион – в Отдельный конный дивизион. Комендантская команда осталась в непосредственном распоряжении командира бригады. Командиры всех этих соединений остались прежние.

12 сентября 1-я бригада мукденских войск была переименована в Авангардную группу 1-й армии в составе: Броневого полка, 105-го Сводного полка, Отдельного конного дивизиона и комендантской роты.

В 105-м полку была создана отдельная учебная рота, которую с 26 января 1926 было приказано именовать Отдельной юнкерской ротой. 18 февраля она была прикомандирована к штабу созданной к этому времени 65-й дивизии. 15 июня для производства официальных испытаний юнкеров Юнкерской роты, представленных для производства в первый офицерский чин, была назначена специальная комиссия под председательством генерал-лейтенанта Макаренко. Был опубликован список юнкеров, получивших лучшие экзаменационные оценки, и произведены назначения. Командира роты майора Русина и офицеров роты капитана Непогодьева и поручика Шнайдера за успешную подготовку юнкеров в офицеры «в столь тяжелое при боевой обстановке время» было приказано произвести в следующие чины⁴⁴. После этого Юнкерская рота в составе русских боевых частей была с 1 июля расформирована⁴⁵.

10 октября Отдельный конный дивизион был переименован в Конный полк Авангардной группы четырехэскадронного состава, причем технический эскадрон его состоял из конно-пулеметной команды, конно-бомбометного взвода (два бомбомета) и саперного взвода (4 вьюка)⁴⁶.

Тем временем в Китае происходили важные политические события. 30 мая 1925 жестокое подавление китайскими милитаристами забастовки рабочих японских текстильных фабрик в Циндао (про-

⁴⁴ Приказы по русским частям Шаньдунских войск... Л.92,97.

⁴⁵ Там же. Л.105.

⁴⁶ См.: Краткий исторический очерк... Л.39.

винция Шаньдун) вызвала в китайской части Шанхая демонстрацию шанхайских рабочих и студентов. Чтобы сдержать демонстрантов, попытавшихся перенести свою деятельность на территорию Международного сэттльмента города, Шанхайскому волонтерскому корпусу пришлось применить оружие. Десять человек было убито, несколько десятков ранено и арестовано.

1–2 июня того же года в Шанхае началась всеобщая антиимпериалистическая забастовка, в которой приняли участие торговцы, владельцы меняльных контор и банков, докеры шанхайского порта, китайский персонал редакций иностранных газет и даже китайская прислуга иностранцев. (Следует заметить, что эта ситуация позволила многим русским эмигрантам в Шанхае получить рабочие места.) Значительно возросла и роль Русского полка Шанхайского волонтерского корпуса. Но, несмотря на все это, приток добровольцев в Русский отряд армии Чжан Цзунчана отнюдь не сократился.

Забастовка в Шанхае вызвала движение солидарности в Пекине, Ханькоу, Нанкине, Кантоне, Гонконге, в городах Северо-Восточного Китая. Выдвигалось требование пересмотра неравноправных договоров Китая с иностранными государствами. Возникло «движение 30 мая», которое советские исследователи называют начальным этапом национальной революции в Китае.

13 июня в китайскую часть Шанхая были введены сначала две тысячи солдат мукденских войск под командованием сына «старого маршала» – Чжан Сюеляна, затем дополнительно еще три тысячи, и постепенно их численность достигла пятнадцати тысяч. Войска вначале занимали в конфликте нейтральную позицию, а позднее стали наводить порядок в городе.

Шанхайский совет профсоюзов в обращении к народу 12 августа рекомендовал стать на путь частичных местных соглашений, и забастовочное движение начало свертываться.

Сведений о переводе в Шанхай какой-либо русской части, кроме бронепоездов, мои источники не приводят, поэтому тенденциозное «свидетельство» советского советника Примакова об «особой жестокости» в отношении демонстрантов, которую якобы проявил «конный отряд Нечаева», некритически повторенное Г.С.Каретиной, ничем не подкреплено⁴⁷.

11 октября кратковременная мирная передышка между войнами китайских милитаристов закончилась. Для противодействия дальнейшей экспансии Чжан Цзолина в Южном Китае превентивный удар по его войскам нанес упоминавшийся выше Сунь Чуаньфан – участник чжилийской группировки, не подчинявшийся У Пэйфу.

⁴⁷ *Примаков В.М.* Записки волонтера. М., 1967. С.59; *Каретина Г.С.* Чжан Цзолин и политическая борьба в Китае... С.98.

Чжан Цзолинь, опасаясь нападения на свой весьма растянутый в длину фронт (от Тяньцзиня до Шанхая) войск У Пэйфу и переметнувшегося на его сторону Фэн Юйсяна (что в действительности и произошло), принял решение об отступлении.

22 октября генерал-майор Нечаев был произведен в генерал-лейтенанты, а Чехов и Костров – в генерал-майоры. Соединение было дислоцировано в Сюйчжоу – на пересечении железнодорожных путей Тяньцзинь-Пукоуской железной дороги и железнодорожного пути, ведущего в г. Кайфын – ставку Фэн Юйсяна.

28 октября были образованы два дивизиона бронепоездов: 1-й – генерала Кострова и 2-й – генерала Макаренко. Источник сообщает:

Узнали, что в Пукоу были вытребованы все наши броневики; по сведениям, главный нажим противника был направлен западнее Пукоу на стоявшие там китайские части. Стало подлинно известно, что в частях противника служат русские (выделено мной. – Г.М.). В 9 часов утра двинулись к Сучжоу-фу (т. е. обратно в Сюйчжоу. – Г.М.), что было вызвано катастрофой, уже получившей огласку, с 1-ым дивизионом бронепоездов – генерала Кострова.⁴⁸

Что же произошло?

В.А.Зубец, не принадлежавший к верхам командования отрядом, пишет: «Эта страшная военная катастрофа никогда не была детально расследована. Истинные причины, вызвавшие ее, не были опубликованы. Вообще, о ней впоследствии говорили глухо и неохотно»⁴⁹. Он выдвигает свою версию событий, отличающуюся от версии их непосредственного участника – командира одного из бронепоездов на месте боев Я.Котлярова.

Котляров сообщает, что Нечаев дал распоряжение генералу Кострову двинуться по железной дороге на юг, в направлении станции Пукоу, с наставлением действовать осторожно. Тот быстро отправился, не взяв пехоту, ни русскую, ни китайскую. В 12 часов дня бронепоезда прибыли на станцию Гучэн. Приняв решение атаковать вражескую часть, находившуюся в близлежащем поселке, Костров приказал снять с бронепоездов команды артиллеристов, пулеметчиков и даже техническую команду. Солдаты атаковали противника, и тот отошел. Команды вернулись, и все бронепоезда двинулись вперед. Встретив довольно сильный огонь со стороны противника, Костров приказал двигаться обратно – на станцию Гучэн. Решение отойти назад, отмечает Котляров, было правильным, ибо даже если бы удалось проскочить заградительный огонь противника, то был риск оказаться отрезанными от своего тыла.

⁴⁸ Краткий исторический очерк... Л.40.

⁴⁹ Zubets. Л.96.

На следующий день подошла китайская пехота. Бригада приняла боевой порядок и при помощи четырех бронепоездов повела наступление, но безуспешно. Связи с тылом не было, и Костров послал туда бронепоезд майора Чернявского, который обратно не вернулся. (На полном ходу поезд влетел в скрытно разобранный противником пролет моста и рухнул вниз; вся команда погибла, кроме одного коचेгара, потерявшего рассудок.) Трое суток бригада вела бои, но без заметного успеха; снаряды и патроны почти иссякли.

На четвертые сутки китайские солдаты стали бросать свои позиции и в беспорядке уходить в тыл. Русский и китайский штабы находились на бронепоезде «Чанчжэнь». Прибывший китайский майор доложил, что в тылу бронепоездов взорван мост, и рекомендовал бросить поезда и присоединиться к своей пехоте, но его совет не был принят.

По мнению Котлярова, «Костров допустил грубую ошибку, а именно: когда с полной очевидностью определилось наше трагическое и безвыходное положение, т. е. невозможность спасти бронепоезда, необходимо было подумать о спасении личного состава бронепоездов, необходимо было отвести бронепоезда назад на несколько километров, снять панорамы, замки орудий и пулеметы и двигаться походным порядком на ст. Сучжоу... К сожалению, такого приказа не последовало»⁵⁰.

2 ноября 1925 еще около получаса бронепоезда продолжали тяжелый бой с противником, и только после этого Костров приказал их покинуть. Команды бросились на прорыв окружавших их китайских частей, вышли из окружения, но под частым оружейным огнем неприятеля понесли тяжелые потери. Костров был ранен, но продолжал идти вперед; он был убит уже второй пулей, попавшей ему в голову. Были убиты также командиры бронепоездов – подполковник Букас и майор Мейер, погибла примерно половина личного состава бронепоездов. К этим тяжелым людским потерям добавились потери в материальной части: 12 орудий, 24 пулемета, 8 минометов и паровозы... Цена была слишком высокая, заключает Я.Котляров⁵¹.

В Цзинани, в главных железнодорожных мастерских, немедленно приступили к постройке новых бронепоездов...

Армия отступала. 7 ноября войска Сунь Чуаньфана взяли Сюйчжоу, после чего он вернулся в свою ставку в Ханчжоу.

Авангардная группа участвовала в постоянных стычках с противником и несла дальнейшие тяжелые потери. 2 декабря был тяжело ранен полковник Бартедьев, 5 декабря он скончался. Группа снова пришла в Тайань и Давэнькоу и здесь остановилась.

⁵⁰ Котляров. 6 апреля.

⁵¹ Там же. 5 апреля; 6 апреля.

10 декабря Чжан Цзунчан был назначен Чжан Цзолинем дубанем провинции Шаньдун. Н.Д.Меркулов получил при нем назначение на должность старшего советника и создал при своем управлении штаб, во главе которого поставил крайне непопулярного среди офицеров строевых частей контрразведчика полковника Генерального штаба Д.Н.Михайлова и даже сформировал «свой» привилегированный Особый отряд. Все это создавало в русских частях обстановку некоего двоевластия, скрытого соперничества.

Войска провинции Шаньдун получили наименование 3-й армии мукденских войск.

Вторая половина декабря прошла для русских войск спокойно, почти в мирных условиях.

В Тайане и Давэнькоу, где группа простояла до 10 января 1926, русские части встретили и новый, 1926 год, по случаю наступления которого Нечаевым был издан следующий приказ:

Поздравляю гг. офицеров и солдат вверенной мне Группы с Новым Годом, желаю здоровья, счастья и благополучия в нашей совместной боевой работе по освобождению Шаньдуна от противника и освобождению Китая от ненавистных и нам русских-большевиков <так!>.

Подлинный подписал Командующий Группой
Генерал-лейтенант Нечаев⁵²

Тем временем еще в середине декабря 1925 У Пэйфу заключил тайное соглашение с Чжан Цзунчаном, а затем и общий союз с Чжан Цзолинем, на антикоммунистической платформе, против общего врага – Фэн Юйсяна, обвиненного ими в «большевизме». После восстания Го Сунлина, в котором Чжан Цзунчан с полным основанием видел «руку Москвы», он еще более укрепился в своих антисоветских настроениях.

Для объяснения происшедших событий Чжан Цзунчану даже пришлось издать по Русской группе приказ, в котором указывалось на недопустимость «некорректного отношения» к офицерам и солдатам армии У Пэйфу, с которыми прекращены военные действия⁵³. Новые союзники начали активные боевые действия против Фэна, в которых самое непосредственное участие, с начала и до конца, принимали русские добровольцы.

15 февраля 1926 последовал уже следующий приказ Охранителя Шаньдуна (так начал именоваться Чжан Цзунчан) о реорганизации русского соединения: о назначении командующего Авангардной группой генерал-лейтенанта Нечаева начальником 65-й дивизии

⁵² Приказ Авангардной группе 1-й армии мукденских войск №1 от 4 января 1926, г. Давэнькоу. – Приказы по русским частям Шандунских войск... Л. 1.

⁵³ Там же. Л.3об.

маршала Чжан Цзолиня и развертывании Авангардной группы в эту дивизию. Для этого 105-му Сводному полку приказывалось с прибытием пополнения составить пехотную бригаду под №166 (командующий генерал-майор Макаренко), а Конный полк и находящийся при нем китайский дивизион развертывался в кавалерийскую бригаду, которая оставалась под личным командованием Чжан Цзунчана⁵⁴.

В ноябре 1925 Национальная армия Фэна начала большое наступление против мукденских войск и 26 ноября заняла Пекин, а через месяц – Тяньцзинь. Правительство по-прежнему возглавлял Дуань Цижуй. Положение мукденских войск серьезно обострилось в результате выступления против Чжан Цзолиня одного из его генералов, Го Сунлина. Его войска уже подходили к Мукдену. Инициативу в борьбе против обоих генералов взяла в свои руки Япония, оказавшая сильную военную поддержку Чжан Цзолиню.

Разгром Го Сунлина сильно ухудшил позиции Фэн Юйсяна. Против него объединились все милитаристы Северного и Восточного Китая. Военное счастье покинуло его.

В феврале – марте 1926 мукденские войска перешли в наступление на север. Войска У Пэйфу нанесли поражение Национальной армии в провинции Хэнань. В конце февраля 1926 фэнтяньский милитарист Цзинь Юньэ занял Кайфын.

Студенческая демонстрация в Пекине 18 марта в поддержку Фэн Юйсяна и против политики дуаня Цижуйа была по приказу последнего расстреляна.

Основные силы Чжан Цзунчана успешно наступали вдоль Тяньцзинь-Пукоуской железной дороги в направлении Тяньцзиня, а после его взятия 20 марта пошли на Пекин, куда части У Пэйфу и Чжан Цзунчана вошли 15 апреля 1926.

В апреле Фэн отступил в район провинции Чахар. Победа Чжан Цзолиня и У Пэйфу заставила и Дуань Цижуйа бежать из Пекина. Несколько недель страна оставалась без центрального правительства. Только в мае оно было сформировано под началом Ян Хойцина.

Русский отряд постоянно пополнялся, его численность к тому времени достигала более 1500 человек, не считая команд бронепоездов. Играя важнейшую роль в кампании, отряд нес в ходе ее тяжелые потери. За февральские бои они составили 137 человек – около 14% боевого состава. В марте – 256 человек. В период с 6 по 15 апреля дивизия потеряла 84 человека убитыми и ранеными. А в целом за март и апрель – 42% своего боевого состава⁵⁵. Русское Братское военное кладбище в окрестностях Цзинани – ровные ряды могил с крестами и надписями на них и редкими памятниками погибшим

⁵⁴ Там же. Л.6, 49.

⁵⁵ См.: Краткий исторический очерк ... Л.52,58.

командирам – росло с ужасающей быстротой, занимая уже почти всю отведенную ему площадь...

11 марта Нечаев приказом Охранителя Шаньдуна был назначен по совместительству командиром отряда бронепоездов «Шаньдун», «Чанчжэнь», «Чандянь» и «Хэнань», а генерал-лейтенант Малакен – помощником командира бронепоездов с подчинением в боевом, хозяйственном и административном отношении Нечаеву⁵⁶. Но уже в бою 15 марта при ликвидации прорыва противника под станцией Мачан, Нечаев, находившийся в расположении 6-й роты, был ранен в обе ноги и увезен в Цзинань, где одну ногу ему пришлось ампутировать. Во время боя был убит и полковник Аргентов.

«Ввиду моего ранения, – распорядился Нечаев, – приказываю во временное командование дивизией вступить помощнику командира Отряда бронепоездов генерал-майору Малакену с исполнением своих прямых обязанностей»⁵⁷.

23 марта дивизия прибыла в Тяньцзинь, на тот период – главную ставку Чжан Цзунчана, и русские войска в китайской армии привлекали к себе внимание тяньцзиньской русской и иностранной общественности и местного консульского корпуса. Перед наступлением на Пекин в русских частях лучшим по составу и экипировке был Особый отряд, сформированный, как уже упоминалось, лично Н.Д.Меркуловым.

После взятия Пекина, утром следующего дня, длинный поезд дубаня, в котором находилось несколько вагонов с русскими офицерами и солдатами, имея в голове состава русский бронепоезд, вошел в город.

В.А.Зубец вспоминает:

Первое впечатление от Пекина было чарующее. Подошел праздник Святой Пасхи. В Страстную субботу, в освещенной церкви Русской Духовной Миссии, служил светлую заутреню архиепископ Иннокентий, начальник Миссии. На заутрене было много народу – русских и православных китайцев (албаинцев. – Г.М.). Пришли сюда почти все местные русские резиденты, старожилы и эмигранты. Прошла в храм и наша стройная колонна юнкеров с казаками. Появилась группа офицеров.

Мне надолго запомнилась эта пасхальная служба. Точно как-то волшебством был перенесен сюда, в Китай, чудесный осколок старой, милой, ушедшей навек в глубину лет, России. Пение стройного хора, крестный ход и радостные возгласы «Христос Воскресе!» будили дорогие воспоминания...

Разговлялись все мы в школе, где заранее были приготовлены куличи, яйца, десятки жареных кур и фазанов. Пасхальный стол

⁵⁶ См.: Приказы по русским частям Шандунских войск... Л.18.

⁵⁷ Там же. Л.21.

был полным и обильным. Пришли поздравить нас с праздником и китайские офицеры, даже кое-кто из генералов. Это было приятно.

В первый день праздника казаки устроили у себя на дворе пляски, собрав много зрителей-китайцев. Последние, поддавшись общему настроению, согласно хлопали в ладоши, когда какой-либо казак, высоко держа голову и лихо перебирая ногами, шел по кругу.

Русская Духовная Миссия в Пекине, увидевшая в своих стенах в пасхальную заутреню так много русских военных, одетых в китайские мундиры, несколько месяцев тому назад пережила жестокий напор со стороны советского посла в Китае – Карахана, пожелавшего подчинить Миссию советскому влиянию и вошедшему по этому случаю в особое соглашение с китайскими властями. Мало кто знает, каких усилий стоило начальнику Миссии, архиепископу Иннокентию, отстоять свое родное детище. Мне рассказывали, что архиепископ категорически отказывался покинуть Миссию и поставил в известность важнейших иностранных посланников в Китае, что он не признает советско-китайского соглашения о Миссии, что сам он не уйдет из ее стен... Избрали особую депутацию, которая посетила маршала Фын Юсяна и просила его о защите Миссии против поползновений большевиков. «Христианский генерал», как называли тогда газеты Фын Юсяна, протянул Миссии руку помощи. У ворот Миссии стояли даже одно время на охране солдаты личного конвоя маршала.⁵⁸

На третий день Пасхи (4 мая) дивизия выступила в Цзинань и расквартировалась здесь в военном городке. Наступил период длительной мирной стоянки, во время которой были разрешены отпуска русским военнослужащим в Харбин, Циндао, Шанхай и другие места. Приказ гласил:

Ввиду перехода дивизии на мирную стоянку, разрешаю командирам отдельных частей увольнять гг. офицеров и солдат вверенных им частей в кратковременные отпуска на срок не свыше двух недель и не более 5% наличного состава. При увольнении строго придерживаться 5%-ной нормы, установив очередь и ни в коем случае не увольняя служащих по очереди раньше, чем возвращения <так!> из отпуска предыдущих.⁵⁹

Прибывали крупные пополнения – по 354, 377 человек⁶⁰.

Произошли назначения начальников гарнизонов военных городков: «Начальником городка, в котором были расквартированы: Конная бригада, 165-я пехотная бригада, Отдельный конный дивизион, Юнкерская рота и командирская полурота, – назначаю генерал-майора Куклина», – распорядился Нечаев. Начальником гарнизона

⁵⁸ Zubets. Л.142-144. См. также: Судебное дело Русской Духовной миссии в Китае: Документы / Пер. с кит. Пекин, 1922.

⁵⁹ Приказы по русским частям Шандунских войск... Л.50.

⁶⁰ Там же. Л.85.

военного городка со 105-м Сводным полком был назначен полковник Климовских⁶¹. Начальникам было приказано, в частности, строго следить за санитарным состоянием городков.

Для инспектирования дивизии была назначена специальная комиссия под председательством Куклина, составленный ею акт должен был быть представлен Нечаеву. И в это время произошло долгое время исподволь назревавшее резкое обострение отношений группы Меркулова с несколькими высшими офицерами русской части, вылившееся в открытый конфликт. В.А.Зубец пишет, что все началось с развития старой истории: группа офицеров потребовала отстранения генерала Михайлова, уклонившегося от дуэли по их коллективному вызову. От имени этих офицеров генерал Малакен и полковник Карлов явились в штаб дубаня и снова, на этот раз, кажется, в письменной форме, предъявили Меркулову требование об увольнении Михайлова. Среди коллективных подписей была и подпись Нечаева, все еще находившегося в госпитале.

Меркулов и Михайлов пошли к начальнику штаба дубаня генералу Цин и, видимо, представили ему события в выгодном для себя свете. Иначе трудно объяснить резкую реакцию китайского штабиста. Он немедленно приказал арестовать Малакена и Карлова и поместить их в военную тюрьму. Безобразная сцена ареста, как пишет В.А.Зубец, произошла на глазах у всех:

И Меркулов, и Михайлов, с побледневшими лицами, смотрели, как китайские жандармы грубо обезоружили русских офицеров, скрутили им веревками назад руки и увели с собой.

При уходе Малакен громко спросил Меркулова:

– Это вам я обязан этим, Николай Дионисьевич?

И получил от Меркулова вполне утвердительный ответ <...>.

От последующих объяснений и рассказов Михайлова веяло большим лицемерием.⁶²

Инцидент произвел сильное впечатление на русских военнослужащих. Особенно негодовали и возмущались в строевых частях. Но существовало понятие о воинской дисциплине... А китайское командование, со своей стороны, попыталось сделать все, чтобы загладить происшедшее. 22 мая был опубликован Приказ 65-й дивизии 3-й армии мукденских войск за №49:

1.

За нарушение порядка службы, дисциплины и ряд незаконных действий, результатом чего явилась некоторая деморализация, могущая разложить русские воинские части, генерал Малакен и полковник Карлов отстранены от всех занимаемых ими должностей, лишены чинов, арестованы и подлежат немедленной

⁶¹ Там же. Л.51.

⁶² Zubets. Л.146,147.

высылке в Северную Маньчжурию без права когда-либо служить на Китайской государственной службе.

Суровое наказание, которому подверглись бывшие ген<ерал> Малакен и полковник Карлов, должно в достаточно ясной степени показать, что всякое нарушение дисциплины и порядка, принятых в частях, состоящих из лиц русской национальности, которые находятся на службе у Маршала ЧЖАН-ЗУН-ЧАНА, не может быть терпимо и должно послужить предупреждением для слабовольных.

2.

Вместо отстраненного от службы бывшего генерала Малакена, с сего числа согласно приказа Тупана (дубаня. – Г.М.) от 21-го мая я вступил во временное командование 65-й дивизией и Отдельным отрядом бронепоездов, впредь до выздоровления Генерала НЕЧАЕВА.

3.

Вместо отстраненного от службы бывшего полковника Карлова, начальником Штаба 65-й дивизии назначаю Генерального Штаба подполковника Тихобразова...

Приказ подписал временно командующий 65-й дивизией ген<ерал>-лейт<енант> Чжао⁶³

При этом было расформировано дивизионное интендантство с передачей всех его запасов, имущества, денежных сумм и отчетности начальнику снабжения Группы Русских войск майору Муратову.

Этим же приказом, видимо⁶⁴, было также произведено назначение генерал-майора Чехова начальником отряда бронепоездов (это название с тех пор закрепилось за отрядом), а начальником штаба отряда назначен подполковник Генерального штаба Попов.

К.П.Нечаев откликнулся на события следующим приказом:

22 мая. № личный. Станция Tsingtoo. Ген<ерал>-майор Куклин мне доложил, что Дубань отрешил от должности генерала Малакена и полковника Карлова и впредь до моего выздоровления назначил Командующим дивизией ген<ерал>-майора Чжао.

Приказ Дубаня – закон, и я уверен, что все чины 65-й дивизии сочтут его таковым.

Ген<ерал>-лейтенант Нечаев⁶⁵

Малакен и Карлов были препровождены в Тяньцзинь, прожили здесь несколько дней и покинули город.

В последующих приказах были произведены и некоторые другие увольнения со службы: в частности, командира 1-го Конного полка генерал-лейтенанта Куклина (вместо него назначен подполковник

⁶³ Приказы по русским частям Шандунских войск... Л.62.

⁶⁴ Документ сохранился не полностью.

⁶⁵ Там же. Л.56.

Семенов), командира Отдельного батальона подполковника Дорошенко.

Китайское командование указывало также на необходимость пресечения слухов в связи с последними событиями, но эти увольнения со службы установлению спокойствия, очевидно, не способствовали. Стали проводиться смотры, которые принимал лично Чжан Цзунчан.

Список чинов штаба, управлений и учреждений дивизии на 26 июня 1926 выглядел следующим образом: генерал-лейтенант Нечаев – начальник дивизии, генерал-лейтенант Чжао – командир 165-й бригады, временно командующий 65-й дивизией, генерал-лейтенант Макаренко – командир 166-й бригады, полковник Тихобразов – начальник штаба дивизии, подполковник Майоров – личный адъютант начальника дивизии, подполковник Годлевский – ветеринарный врач, майор Михайлов – временно исполняющий должность дивизионного интенданта, майор Плужников – прикомандирован к штабу, капитан Углов – исполняющий должность старшего адъютанта по строевой части и др.⁶⁶

14 июня в дивизию прибыл Отдельный конный дивизион (полковника Бычкова) в составе штаба и обоза – 12 офицеров, 5 переводчиков, 135 казаков и 110 лошадей – и был зачислен в ее состав отдельной частью⁶⁷.

В это время в политическом процессе в Китае происходили изменения: правые буржуазные элементы Гоминьдана начали группироваться вокруг генерала Чан Кайши, начальника Военной академии в Кантоне, который стал готовить переворот с целью устранения левогоминьдановского правительства, изгнания коммунистов с командных постов в армии и т. п. 20 марта 1926 переворот в Кантоне был успешно осуществлен. Однако разрыва Гоминьдана с компартией тогда еще не произошло. Это случилось только 12 апреля 1927, когда Чан Кайши, совершив еще один переворот и став «сильной личностью» в Китае, пошел на разрыв единого фронта с компартией и обрушил репрессии на коммунистов.

Летом 1926 года в Кантоне подготавливался поход на Север, инициатива которого принадлежала еще Сунь Ятсену. К этому времени обстановка коренным образом изменилась в пользу южан: теперь они располагали крепкими вооруженными силами, подготовленными с помощью советских военных советников. 1 июля национальное правительство объявило Манифест о Северном походе.

Чан Кайши, главный руководитель Северного похода, или Северной экспедиционной войны, несмотря на то что его армия называлась

⁶⁶ Там же. Л.99.

⁶⁷ Там же. Л.118.

Национально-революционной (НРА), вовсе не стремился совершить в Китае какую-либо революцию, его идеологией был здоровый национализм, желание объединить Китай, чтобы усилить его, покончить с зависимостью от иностранных влияний, сделать страну самостоятельной и влиятельной силой в международной политике.

Непосредственными целями похода было сокрушение власти северных (по отношению к Кантону) милитаристов – У Пэйфу, Сунь Чуаньфана, правителя провинции Шаньдун Чжан Цзунчана, Чжан Цзолия и всех других, представлявших препятствие для этих планов объединения страны.

Другие участники коалиции – коммунисты – ставили перед Северным походом и далеко идущие социально-экономические задачи, в чем их поддерживали советские советники. Чан Кайши при разработке плана похода тоже опирался на них – особенно на В.К.Блюхера⁶⁸, но позднее отказался от этих услуг из-за поддержки ими коммунистов и открытого вмешательства во внутренние дела Китая. Вскоре дипломатические отношения Китая с СССР были разорваны.

Поход начался в июле 1926. Из Гуандуна армия направилась в провинцию Хунань (главный город Чанша), войска правителя которой еще раньше присоединились к Национально-революционной армии. Наступавшие повсюду встречали всемерную поддержку населения, обеспечившую им военный успех. Выдающуюся роль в походе играли коммунисты (Е Тин и др.).

После занятия Чанши наступающая армия стала развертывать операции в двух направлениях: в северном, на Ханькоу – вотчину У Пэйфу, и приморско-восточном – против войск Сунь Чуаньфана.

В битве при Динсыяо армия У Пэйфу была разбита, и 5–7 сентября войска южан заняли Ханьян и Ханькоу, а 10 октября – Учан. Провинция Хубэй перешла под власть южного правительства. Разбитые войска У Пэйфу бежали в Хэнань, он сам обратился за помощью к Чжан Цзолиню.

После взятия Уханя следующей задачей НРА был разгром сильной 150-тысячной армии Сунь Чуаньфана, контролировавшей весь юго-восток (провинции Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь, Цзянси и Аньхой). В результате боев в ноябре армия этого милитариста была разбита, после чего он также уехал на север – за помощью к Чжан Цзолиню. Но его войска до конца февраля 1927 продолжали контролировать Шанхай.

В Русской группе войск 23 июля Особый отряд бронепоездов был расформирован и разделен на два самостоятельных отряда. Командиром первого был назначен Чехов, второго – генерал-майор Лю.

⁶⁸ См.: *Черепанов А.И. Северный поход Национально-революционной армии Китая (1926–1927): Записки военного советника. М., 1968. С.124.*

24 июля было приказано в непродолжительное время закончить составление именных списков русских чинов по новой форме, с фотокарточками. Как пример продажности китайских чиновников и того пристального внимания, с которым советские представители в Китае следили за дивизией Нечаева, можно привести тот факт, что через некоторое время эти документы с фотографиями добровольцев были обнаружены в Генеральном консульстве СССР в Харбине.

В Русской группе войск 9 августа был отмечен день тезоименитства его императорского высочества великого князя Николая Николаевича. В приказе по дивизии выражалось пожелание, чтобы день возрождения России настал возможно скорее и чтобы все чины приняли участие в освобождении родины под водительством своего великого князя. Был отслужен молебен, после него состоялся парад. В параде принимали участие все русские части дивизии – конница в конном строю, артиллерия в запряжках. Командовал парадом генерал-майор Макаренко. Николай Николаевич вскоре прислал ответ на имя полковника Михайлова: «Сердечно благодарю Вас и русскую группу войск за поздравления и выраженные чувства. Николай. 26 августа 1926 г. Могарни»⁶⁹.

3 августа последовал приказ по Русской группе войск и Управлению старшего советника:

Командир Отдельного сводного полка рапортом донес, что 18-го июля вверенному ему полку жителями 40 деревень уезда Ша-хо, были преподнесены – почетный зонт с многочисленными надписями, два флага и письма (благопожелания) за гуманное отношение к населению и охрану его интересов. Объявляя об этом в приказе, я, с своей стороны, благодарю полковника СИДОМО-НИДЗЕ, гг. офицеров и всех чинов полка за примерное поведение и надеюсь, что все части Русской группы проявят такое же гуманное отношение к населению, памятуя о сохранении доброго имени Русских.⁷⁰

Подобные приказы неоднократно появлялись в 1926–1927, приведем еще один пример:

Временно командующий Инженерной ротой рапортом от 18 августа донес, что делегацией от 71 деревни, входящих в состав района, прилегающего к разъезду Тан-чан-зан, Инженерной роте был поднесен почетный адрес. Делегация выразила благодарность за хорошее отношение чинов роты к местному населению и защиту его от хунхузов. Объявляя об этом в приказе, я, со своей стороны, благодарю командира Инженерной роты, гг. офицеров, всех чинов роты за их хорошее и гуманное отношение к населению.⁷¹

⁶⁹ Приказы по русским частям Шандунских войск... Л.287.

⁷⁰ Там же. Л.137.

⁷¹ Там же. Л.68.

В августе Охранителем Шаньдуна было отпущено 2000 местных долларов на постройку памятника павшим воинам из Русской группы на Братском кладбище в Цзинани. Были утверждены проекты памятника на Братском кладбище, а также особого памятника для мусульман и каменные облицовки на могилы. Закладка была произведена 19 августа, и памятник строился под наблюдением специальной комиссии. В конце октября 1926 он был открыт. В приказе от 26 октября читаем:

27 сего октября в 11 час^{<ов>} на братских христианском и мусульманском кладбищах состоится в присутствии тупана (дубаня. – Г.М.) освящение и открытие памятников воинам, павшим в борьбе с большевиками. К указанному времени от всех частей дивизии выслать по взводу в 16 рядов при знаменах и штандартах. Мусульман отдельными взводами выслать на мусульманское кладбище к тому же времени.

Для салюта от Артиллерийского дивизиона выслать Конно-Горный взвод. Частью построиться по указанию коменданта города подполковника Путинцева.

На освящении памятника присутствовать всем гг. офицерам дивизии, свободным от службы.⁷²

Памятник представлял собой гранитную скалу с двуглавым орлом на ней, держащим в клюве георгиевский крест. На освящение его приехал дубань со свитой и несколькими женами. В.А.Зубец вспоминает, что это было незабываемое торжество. Кладбище было заполнено толпой военных, памятник окружили корзинами с цветами, было возложено много венков, украшенных георгиевскими лентами. Панихида проходила в центре кладбища. Чжан Цзунчан склонял голову – как это делали и молившиеся рядом с ним русские люди, а при пении «Вечная память», как и все, опустился на колени, отдавая должное памяти погибших. Никаких официальных речей не было, но, как пишет мемуарист, к хорошему реноме генерала среди русских военнослужащих прибавилось еще одно доброе мнение.⁷³

Мусульманское кладбище находилось несколько в стороне от православного. Его тоже теперь украсил небольшой памятник. И здесь Чжан Цзунчан со своей свитой выстоял короткую мусульманскую поминальную службу.

К этому времени (6 октября) К.П.Нечаев был выписан из госпиталя и, хотя еще с трудом ходил на протезе, вернулся к командованию 65-й дивизией. Последовала серия инспекторских смотров и разносов за отмеченные недостатки. У чинов 105-го Сводного полка

⁷² Там же. Л.249.

⁷³ Zubets. Л.162. О том, что Чжан Цзунчан пользовался любовью и уважением русских бойцов, пишет и китайский автор (см.: *Моу Чжунхэн*. Лаомаоцзы дуй. С.72-73).

командир дивизии обнаружил отсутствие должной выправки; в интендантстве были выявлены упущения и нарушения; во 2-м Конном полку (28 офицеров и 204 всадника), отметив старательность и обученность нижних чинов, проверяющий нашел слабое знание строевого устава и неопытность в командовании у офицеров.

Смотр 165-й бригаде (128 офицеров и 1327 солдат) показал, что численность ее не соответствовала данным командиров частей, вооружение – разнокалиберные винтовки; многие чины выглядели как новобранцы. Вывод был следующий: «Считаю 165-ю бригаду совершенно неподготовленной в строевом отношении, невооруженной и не представляющей боевой ценности»⁷⁴. Оценка, сделанная «под горячую руку», конечно была несправедлива, так как на учебных стрельбах эта часть получила денежные награды от дубаня.

По двум частям никаких замечаний сделано не последовало: это были Отдельный конный дивизион (22 офицера, 151 казак) и Артиллерийский дивизион – батарея бывшего 106-го Сводного полка (5 офицеров, 41 солдат; 2 полевых орудия системы «Арисака», 1 горное орудие, 2 зарядных ящика).

6 ноября (24 октября ст. ст.) Русская православная церковь отмечает День поминовения всех воинов, павших на поле брани. Безусловно, эта дата не была забыта русскими солдатами в Китайской армии. В приказе по дивизии сообщалось, что в 10 часов утра на плацу будет отслужена панихида по погибшим в боях 2 ноября 1925 у станции Гучэн и 5 ноября того же года у станции Фуличи, а также по всем воинам, павшим в рядах мукденско-шаньдунских войск.

После панихиды прошел парад всех частей Русской группы войск, им командовал генерал-майор Чехов. Частям дивизии предписывалось прибыть на плац к 9.30 и построиться по указанию коменданта штаба Русской группы. Частям быть при оружии, 2-му Конному полку – в конном строю, артиллерии – в запряжке⁷⁵.

24 октября дубань пожаловал 105-му и 106-му Сводным полкам знамена, а 2-му Конному полку – штандарт. 4 ноября свое воинское знамя получила русская 65-я дивизия. Было приказано отдавать воинские почести полученным знаменам и штандарту и хранить их по положению, принятому в бывшей Российской императорской армии.

9 декабря, в день Св. Георгия, был объявлен приказ по Русской группе войск следующего содержания:

Сегодня – знаменательнейший для войск чинов Русской армии день праздника Ордена Св. ВЕЛИКОМУЧЕНИКА и ПОБЕДОНОСЦА ГЕОРГИЯ. Орден был самой высокой боевой наградой,

⁷⁴ Приказы по русским частям Шандунских войск... Л.234, 235.

⁷⁵ Там же. Л.273.

им наша ВЕЛИКАЯ РОДИНА отмечала выдающиеся подвиги лучших своих сынов. Этот простой скромный белый крестик был символом не только исключительно личной доблести и мужества, но и символом беззаветной жертвенности во имя Родины. За этот славный рыцарский орден платили кровью и страданиями – за него отдавали жизнь. Теперь, когда волею Провидения мы утратили Родину, пусть сегодняшней праздник и ныне здравствующие кавалеры Св. Георгия будут для нас живым примером, напоминающим нам, что только путем жертвенных подвигов и страданий мы можем вернуть ВЕЛИКУЮ РОССИЮ. И сегодня, молитвенно преклоняясь перед памятью павших на поле брани Георгиевских Кавалеров, я поздравляю здравствующих и находящихся из них в рядах Русской группы с Праздником и от души желаю им сил, здоровья и скорого возвращения под старые Георгиевские знамена.⁷⁶

Были назначены молебны и парад. Георгиевским кавалерам дивизии было приказано построиться на правом фланге парада.

По возвращении Нечаева к командованию дивизией Чжан Цзунчан подарил ему большой дом в Циндао, считавшемся лучшим морским курортом в Китае. Новый домохозяин стал часто наезжать туда. «Был извозчиком, стал домовладельцем», – шутил он не без некоторого привкуса горечи. 22 ноября Нечаеву был пожалован гражданский орден «Тучного колоса» второй степени с лентой; награждены и другие русские офицеры. Для правильного распределения наград, пожалованных дубанем, была учреждена специальная комиссия⁷⁷.

В декабре 1926 происходит объединение всех северных милитаристов под единым командованием Чжан Цзолия, принявшего чин генералиссимуса. Создается так называемая армия Аньгоцзюнь (Армия умиротворения государства). Заместителями Чжана назначают Янь Сишань, Сунь Чуаньфан и Чжан Цзунчан.

В начале декабря 1926 ЦИК Гоминьдана и кантонское правительство приняли решение о переезде в Ухань. Чан Кайши начал создавать параллельный уханьскому центру – центр правого Гоминьдана в Наньчане. Сунь Чуаньфан продолжал контролировать Шанхай.

Войска Чан Кайши возобновили наступательные операции на шанхайском направлении. Но ни Шанхай, ни Нанкин тогда не были ими взяты. Наконец, Чжан Цзунчан объявил русскому командованию о том, что с целью оказания помощи Сунь Чуаньфану русские бронепоезда и пехота перебрасываются на юг.

23 декабря им был отдан следующий приказ (любопытный пример отношения милитаристов к населению в зоне боевых действий, а также северян к южанам):

⁷⁶ Там же. Л.302.

⁷⁷ Там же. Л.289, 304.

30 декабря 1926 года. №180. г. Цинанфу
1

Объявляю для сведения и исполнения нижеследующие правила о походе на южный фронт:

1. По прибытии к границе, которая разделяется рекою Ян-цзы, северная сторона наша, южная противника, приказываю относиться к населению южной стороны с уважением, не вступать с ним в пререкания, не напоминать ему, что они южане, а мы северяне, не обижать стариков, старух и т. д.

2. К мирному населению относиться с любовью и уважением, ибо они наши братья; строго воспрещаю убийства из ненависти.

3. Строго воспрещаю грабить население, как при наступлении, так и при отступлении; население увидит нашу порядочность, оценит нас и всегда будет на нашей стороне.

4. Строго воспрещаю на южной стороне реки Ян-цзы вступать в сношения с женщинами, так как они распушены, что может повести к плохому концу, о чем объявить всем гг. офицерам и солдатам.

Все должны помнить и строго исполнять изложенное в вышеупомянутых 4-х пунктах, так как от этого зависит наша победа.

Приказ объявить всем частям для точного исполнения.⁷⁸

Русская бригада выступила в поход на юг. В Нанкине неприятеля не было, и на южный берег реки Ян-цзы бесконечные колонны – десятки тысяч солдат-северян – переправлялись на паромах, катерах и джонках. Переправлялись «без надлежащего порядка, плана, подготовки нужного управления громоздкими обозами и пр.»⁷⁹. Русские части находились уже в Пукоу и Нанкине, когда на реке был замечен небольшой пароход, принадлежавший когда-то Добровольному флоту. Теперь он шел под флагом СССР и назывался «Память Ленина». Пароход направлялся в Ханькоу, где в это время находился советский военный советник при Чан Кайши М.И.Бородин-Грузенберг. Капитан и не подозревал о присутствии здесь белых русских военных из дивизии Нечаева. Русский комдив приказал дать один артиллерийский выстрел, чтобы заставить пароход причалить к берегу Пукоу. На пароходе была обнаружена масса советской пропагандистской литературы на китайском языке, которая была выброшена за борт. Все пассажиры, среди которых была и жена Бородина, и команда препровождены в Цзинань, а затем в Пекин. Со стороны СССР последовали строгие протесты, и все арестованные были освобождены и переданы советскому посольству.

На южный берег Янцзы на больших баржах были переброшены вагоны двух бронепоездов – под командованием Михайлова и Котлярова. Паровозы для них были взяты в самом Нанкине. Для провер-

⁷⁸ Там же. Л.320.

⁷⁹ Zubets. Л.171.

ки железнодорожного пути бронепоезда постоянно, по очереди, стали курсировать взад и вперед по железной дороге между Нанкином и Шанхаем. Русской пехоты, которая осталась в Нанкине, с ними не было. Смена бронепоездов происходила в Шанхае. К этому времени в Шанхае, на территории Французской концессии и в Истсайте, уже сложилась довольно крупная колония русских эмигрантов, с представителями которых белые русские командиры обоих бронепоездов имели постоянные контакты.

Очень скоро военная ситуация непосредственно под Нанкином, на который стал наступать Чан Кайши, сложилась крайне неблагоприятно для огромной армии северян и обернулась для них катастрофой. В обстановке полной дезорганизации, в панике они эвакуировали город; пароход «Память Ленина» был при отступлении затоплен. Связь между двумя русскими бронепоездами прервалась.

Блокированный на железной дороге бронепоезд Котлярова команде пришлось оставить. «На бронепоезде был граммофон, – вспоминал затем Котляров, – пластинки завели, поставив какой-то популярный марш. Я приказал снять с орудий замки, панорамы, забрали с собою и пулеметы и под веселую музыку покинули наш бронированный дом, с которым мы так сжились в продолжении долгого времени, деля и радость, и горе»⁸⁰. Соединение команды бронепоезда с Русским отрядом произошло благополучно.

После отступления армии Чжан Цзунчана из Нанкина были убиты несколько иностранцев, а город обстрелян английскими и американскими военными судами.

Судьба второго русского бронепоезда (полковника Михайлова), которому в последний раз выпала очередь идти в Шанхай, сложилась более драматично.

Шанхай был занят в результате третьего восстания рабочих города. 21 марта 1927 началась всеобщая забастовка, затем восстание против власти милитариста Сунь Чуаньфана. Войска Чан Кайши вступили в Шанхай 22 марта и повели наступление на вокзал в Чапэе, где находился русский бронепоезд. Встал вопрос: сдаться противнику или интернироваться на Международный сеттлмент? Бронепоезд дал бой наступавшим гоминьдановцам, разрушив свои мощными орудиями много зданий в Чапэе, а затем команда интернировалась, сдав оружие английскому военному командованию. Англичане и французы отнеслись весьма благожелательно к русским; под общежитие команды было снято здание, откуда-то были получены деньги, и все люди через некоторое время вернулись в Цзинань, где для них и для Котлярова были построены новые бронепоезда с теми же названиями.

⁸⁰ Котляров. 12 апреля.

В апреле северные милитаристы организовали налет на помещение военного атташе и сотрудников посольства СССР в Пекине. Пекинское правительство опубликовало документы, подтверждавшие, что Советским Союзом в Китае велась активная коммунистическая пропаганда. На Юге и Севере Китая – в Харбине, Тяньцзине и других городах – были осуществлены налеты белокитайцев на советские учреждения. Было блокировано и генеральное консульство СССР в Шанхае. Эти события привели к разрыву, по вине китайской стороны, дипломатических отношений между Китайской Республикой и Советским Союзом.

Чан Кайши вступил в переговоры о создании нового правительства в Нанкине. 12 апреля 1927 он установил свою полную диктатуру и пошел на разрыв единого национального фронта с коммунистами, о котором уже говорилось выше. В Китае образовалось правительство партии Гоминьдан, назвавшее себя Национальным. Произошли вооруженные столкновения с рабочими союзами и с коммунистами в Шанхае и других городах.

В стране сложились три центра: уханьский – левый национально-патриотический, в котором сотрудничество левого Гоминьдана и компартии продолжалось; нанкинский – правый националистический, где правый Гоминьдан разорвал с компартией, но продолжал борьбу с противостоявшим ему Севером; и третий – центр всех национально-консервативных сил в стране во главе с Чжан Цзолинем – в Пекине.

В марте 1927 года в Ухане было сформировано левое гоминьдановское правительство, состоявшее из представителей китайской интеллигенции, мелкой и средней буржуазии. После переворота Чан Кайши в Шанхае и Кантоне это правительство сохранило свою власть в провинциях Хунань, Хубэй, Цзянси и в части провинции Хэнань.

Гоминьдановцы города Ухань и продолжили Северный поход. Армия Чжан Цзолиня под ударами с юга (уханьские войска) и с севера и юго-запада (войска Фэн Юйсяна) вынуждена была отступать.

Далее в Ухане начались военные мятежи, перевороты. Но уханьская армия на севере продолжала продвигаться вперед. Бои шли в провинции Хэнань, в районе Пекин-Ханькоуской железной дороги. Преодолевая сопротивление Армии умиротворения государства Чжан Цзолиня, уханьская армия стремилась выйти на соединение с войсками Фэн Юйсяна. В конце мая под угрозой нападения с обоих флангов войска Чжана отступили из Хэнаня, и 31 мая армии новых союзников объединились.

В мае перешла в наступление и нанкинская армия Чан Кайши. 16 мая она заняла Пукоу. Части Сунь Чуаньфана и Чжан Цзунчана отступили в Шаньдун.

26 июля и в Ухане, как до этого в Нанкине, была опубликована декларация о разрыве Гоминьдана с коммунистами.

В июле Фэн Юйсян перешел на сторону националистической группы Чан Кайши и потребовал от уханьского правительства капитуляции перед Нанкином, но оно отказалось. Уханьские милитаристы не желали примириться со своей второстепенной ролью в правительстве и отказались от сотрудничества с Нанкином.

Фэн в начале сентября 1927 повел свою армию на юго-западную часть Шаньдуна. Положение Чжан Цзунчана еще более осложнилось, но к 10 октября войска чжилийско-шаньдунской группировки, включая русскую пехоту, бронепоезда и конные части, сконцентрировались на Лунхайской железной дороге (от Сюйчжоу до Кайфына) и повели наступление на главную базу Национальной армии Фэн Юйсяна – столицу провинции Хэнань город Кайфын.

Начались тяжелые многодневные бои, в результате которых центральный фронт нападавших, усиленный бронепоездами, все же на короткое время занял Кайфын. Здесь был оставлен небольшой русский отряд под командованием майора Духовского и около 1500 китайских солдат. Затем армия Чжан Цзунчана стала отступать, а этот забытый ею гарнизон Кайфына по-прежнему продолжал еще несколько месяцев отсиживаться за каменными стенами города. Прорыв из плотного кольца окружения был невозможен, боеприпасы и продовольствие подходили к концу. Было решено сдаться на милость победителя. При сдаче Фэн Юйсян приказал гарнизону выстроиться на плацу против своих войск и обратился к своим солдатам со словами: «Учитесь воевать у этих русских».

В качестве военнопленных русские оставались около одного года и двух месяцев, после чего Фэн приказал выдать каждому по два серебряных доллара и отпустил на свободу⁸¹.

Вскоре после временной неудачи под Кайфыном войска Фэн Юйсяна перешли в наступление. Центр шаньдунских войск (с четырьмя бронепоездами на Лунхайской железной дороге) оставался на месте, а китайские фланги бросили фронт и обратились в бегство. С первыми же выстрелами бежал и китайский охранный полк на станции Люхо, находившейся у бронепоездов в тылу. Противник, имевший сильную артиллерию, занял станцию. Железнодорожное полотно было в нескольких местах разрушено и завалено сброшенными с рельсов вагонами.

Подкреплений со стороны деморализованных китайских войск не последовало. Все четыре бронепоезда, расстреливаемые в упор, были оставлены, а их измотанным русским командам с частью своей пехоты с трудом удалось выйти из окружения. Это повторение гу-

⁸¹ См.: Котляров. 24 апреля.

чэнской катастрофы имело тяжелое деморализующее воздействие на все русские части, из-за бездарных действий китайского командования снова понесшие тяжелые потери...

Отступавшие войска Чжан Цзунчана попытались закрепиться в Сюйчжоу, но вскоре вынуждены были оставить его без боя.

Положение Шаньдуна было катастрофическим. Войскам не выплачивалось жалованье, недовольство росло. Многие русские солдаты и офицеры, у которых истек срок контракта, стали подавать рапорты о нежелании продолжать службу.

В январе 1928 Чжан Цзунчан осуществил реорганизацию своей армии, в результате которой русская пехотная бригада была расформирована, что дало толчок к массовому уходу с китайской службы русских солдат и офицеров из многих других частей и соединений. Это были следующие русские части: пехотная бригада (целиком), группа инструкторов 176-й бригады, 7-й Особый полк со смешанным русско-китайским составом, команды нескольких бронепоездов, штаб дивизиона бронепоездов (целиком), группа чинов Конной бригады, персонал госпиталей, группа чинов штаба Русской группы. Вышел в отставку и К.П.Нечаев.

Напуганный стремительным уходом людей из своих лучших частей, Чжан Цзунчан тотчас же объявил, что желающим продолжать службу будет выдано жалованье за месяц вперед.

Список оставшихся на службе русских частей В.А.Зубец приводит очень неточно⁸². В действительности в него входили: 1-я Отдельная охранная конная бригада в составе 2-го и 4-го Конных полков и Конно-Горной батареи (под командованием генерала Семенова); отряд из шести бронепоездов, развернутый в дивизию под командованием генерал-майора Чехова (позднее Чехов разделил ее на два отряда бронепоездов под началом Макаренко и Мрачковского); конвойная сотня (под командованием подполковника Танаева); Шаньдунская военно-инструкторская школа (в виде учебной роты) и авиационный отряд⁸³. По данным В.А.Зубца, всего с китайской службы ушло до двух тысяч русских солдат и офицеров, а осталось – немногим более 800 человек⁸⁴.

На одном из плацов военного городка в Цзинани комиссия штаба дубаня выплачивала содержание выстроившимся в длинные очереди русским солдатам и офицерам, которые уходили со службы в чжилйско-шаньдунской армии. Выдавали лишь одну треть, по курсу стоимости кредитных билетов Банка Шаньдунской провинции. «Уплаченного жалованья не хватило и на месячное содержание», –

⁸² Zubets. Л.235, 236.

⁸³ Приказы по русским частям Шаньдунских войск... Л.5.

⁸⁴ Zubets. Л.236.

пишет Я.Котляров. Мемуарист неоднократно отмечает, что русские поступили в Китайскую армию нищими, такими же нищими ее и оставили⁸⁵. Всем уезжавшим давался воинский литер для бесплатно-го проезда до Мукдена. Последние группы русских, ушедших со службы, выехали из Цзинани к началу апреля 1928.

Решение об оставлении этой столицы Шаньдуна, с ее громадными тыловыми складами, штабом и 15 тысячами солдат учебных частей, было для армии Чжан Цзунчана началом конца. Дубаня сопровождали шесть бронепоездов, Конная бригада генерала Семенова, конвойная сотня, отборный китайский полк, численностью 1–2 тысячи человек. Это почти все, что осталось...

После того как отступавшие перешли через Хуанхэ, русские саперы под командованием офицера-подорывника поручика П.П.Константинова взорвали за ними мост. В районе станций Цаньчжоу и Мачан произошло еще несколько арьергардных боев, но Танку и Тяньцзинь были уступлены без боя. Здесь с разрешения дубаня осталась его верная конвойная сотня.

Отступавшие стремились на север, рассчитывая через Шаньхайгуань уйти в Маньчжурию. Но наследник Чжан Цзолиня – Чжан Сюелян к этому времени уже вошел в соглашение с Чан Кайши и поставил перед отступавшими заслон. Им было предъявлено требование о полной капитуляции и разоружении.

Генерал Макаренко отправился на переговоры с командующими Чжан Сюеляна и, вернувшись, отдал приказ своему подразделению покинуть бронепоезда и пойти на интернирование. Разоруженные команды шли до ближайшей железнодорожной станции под артиллерийским обстрелом с бронепоездов генерала Мрачковского. Все они были доставлены в Мукден, сюда же своим ходом, горными тропами, пришла и Конная бригада. Всем было выдано жалованье в размере месячного оклада и проездные документы к желаемому месту жительства. «Мукденское командование, – писала китайская газета на русском языке «Гун Бао», – совершенно правильно поняло положение русских военнослужащих армии Чжан Цзунчана и при разоружении их и эвакуации в Мукден отнеслось к этим военнослужащим очень гуманно»⁸⁶.

В распоряжении Чжан Цзунчана на подступах к Шаньхайгуаню остались четыре бронепоезда под командованием генерала Мрачковского и поредевший китайский полк. И с этими небольшими силами, имея к тому же в своем тылу, за маленькой речкой, гоминьдановские части генерала Бай Чунси, он попытался с боями прорваться к этой горной крепости в Великой Китайской стене и уйти за нее.

⁸⁵ Котляров. 16 апреля.

⁸⁶ Гун-Бао (Харбин). 1929. №700, 18 апреля.

Бои продолжались трое суток; были израсходованы все артиллерийские снаряды, ружейные патроны и продукты. Я.Котляров пишет, что фактически они голодали и были вынуждены капитулировать.

На заключительной стадии истории чжилийско-шаньдунских войск и Русской группы в их составе наши источники отмечают возросшую активность Японии. 7 июня 1927 японские войска высадились в Циндао (провинция Шаньдун), а в Цзинань, главный город провинции, вошла японская пехотная бригада в полном составе, с артиллерией – «для защиты своих граждан». Здесь японцы, как отмечает Зубец, держали себя крайне замкнуто, никуда не показываясь из своих казарм и не вступая в контакт с русскими солдатами и офицерами⁸⁷.

Я.Котляров вспоминает, что получил приказ из штаба Чехова прицепить к бронепоезду вагон-теплушку. Вскоре появились два японских офицера – майор и капитан. Котляров должен был доставить их к Императорскому каналу, там офицеры вышли из теплушки и весьма внимательно осмотрели прилегающую местность. Командир русского бронепоезда полагает, что эти японцы были военными консультантами Чан Кайши, которому были важны их мнение и советы при продолжении Северного похода⁸⁸.

Наконец 3 мая 1928 японские части, до тех пор тихо сидевшие в Цзинани, начали боевые действия и в результате ожесточенных боев приостановили наступление гоминьдановских войск по железнодорожной магистрали далее на север (Цзинаньский инцидент, вызвавший с китайской стороны заявления, что Япония хочет захватить Шаньдун). Войска Чжан Цзунчана получили временную передышку, но это им, как известно, не помогло.

2 июня находившийся в Пекине Чжан Цзолинь объявил об отводе своих войск в Маньчжурию и вскоре сам отправился в Мукден. 4 июня на него было совершено покушение японскими военными, в результате которого погибли 17 высших офицеров из верхушки китайского командования. Китайские газеты сообщили, что ранение маршала не опасно...

С 17 июня Чжан Сюелян стал дубанем Северо-Востока (публично об этом пресса сообщила 19 июня)⁸⁹. Официальное сообщение о смерти Чжан Цзолиня, наступившей в час ночи 21 июня, было опубликовано только 24 июня⁹⁰. А похороны «старого маршала» состоялись в Мукдене 7 августа – через полтора месяца после его смерти.

⁸⁷ Zubets. Л.205.

⁸⁸ Котляров. 13 апреля.

⁸⁹ См., например: Новости жизни (Харбин). 1928, №131, 19 июня, а также другие харбинские газеты.

⁹⁰ Там же. №135, 24 июня.

В научной литературе в хронологии этих событий по-прежнему много путаницы.

На заключительном этапе военной карьеры Чжан Цзунчана в качестве военного советника при нем находился японский майор с радиостанцией⁹¹. По свидетельству Котлярова, Чжан Цзунчан якобы принял решение сдаться войскам Чан Кайши. Однако приземлившийся вскоре в расположении его частей японский аэроплан забрал Чжан Цзунчана, сопровождавшего его японского майора с рацией, генерала Шильникова, ставшего главным советником Чжан Цзунчана после отставки Меркулова, и других и доставил их в город Дайрен. В дальнейшем штаб Чжана находился в Порт-Артуре (Льюшунью).

Русские командиры оставили бронепоезда – с полной комплектацией орудиями и пулеметами – и сдали свое огнестрельное оружие войскам Чан Кайши. К сентябрю 1928 все русские военнослужащие армии Чжан Цзунчана были полностью разоружены и железнодорожным составом отправлены в г. Таншань, в военный городок, где их почетный плен продолжался два-три месяца.

На условия содержания в плену и на отношение к военнопленным, как сообщает Котляров, жаловаться не приходилось. Чтобы поддержать дисциплину, утром устраивали поверку, молились хором, после пили чай, а затем в колонне по отделениям отправлялись на утреннюю прогулку. На прогулке пели военные песни. Впереди обычно шел генерал Мрачковский, а командиры поездов – перед своими командами. В помещении оставался дежурный офицер с командой по наряду, производившей уборку помещения⁹².

Затем рядовым было предложено подать рапорты об увольнении и отправиться на все четыре стороны, а старшему командному составу – поступить в качестве военных инструкторов на службу к Чан Кайши и поехать в Нанкин, что многие и сделали. Очевидно, к русским военнослужащим и со стороны Чан Кайши было проявлено то же гуманное отношение, что и в свое время мукденским командованием.

* * *

Такова, очень кратко, история службы белых русских добровольцев в армиях китайских милитаристов Чжан Цзолиня и Чжан Цзунчана, продолжавшейся полных четыре года. Внутренняя организация этих русских частей, подробности их мирной и военной жизни, детали быта, пережитые сражения, биографии и дальнейшие судьбы их русских и китайских военачальников будут рассмотрены нами в других статьях.

⁹¹ Котляров. 17 апреля.

⁹² Там же. 18 апреля.

Виктор Юзефович
РОССИЙСКОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Часть вторая: Судьба в диаспоре¹

«Вы говорите, что я хвастаюсь, называя Ваше издательство золотым дном. Но это верно, что это золотое дно. <...> Однако я с него еще ничего не достал. Путь к этому дну очень тяжел».

*Эрнест Эберг*²

Первая мировая война и две русские революции 1917 года привели Российское музыкальное издательство и издательство «А.Гутхейль» к катастрофическому состоянию. В годы войны, когда контакты с Германией оказались прерванными, Кусевицкие практически ничего не знали о состоянии своих издательств. Славившиеся в довоенные годы публикацией новейших сочинений русской музыки, они вынуждены были ограничиваться допечатками старых изданий. «Все дела, в связи с создавшимся положением, сильно осложнились и частью должны были замереть на время. <...> И впереди все еще новые и новые тучи...», – пророчески писал в 1915 Стравинскому директор РМИ Николай Струве³.

¹ Продолжение. Начало см.: *Юзефович В.* Российское музыкальное издательство: Первое десятилетие. В Берлине и Москве // Диаспора: Новые материалы. Т.5. Париж; СПб., 2003. С.121-184.

² Эберг – Н.Кусевицкой. 12 ноября 1921, Лейпциг. – Архив С.Кусевицкого в Библиотеке Конгресса, Вашингтон (далее – АК-БК). Эберг Эрнест Александрович (?–1925) – директор РМИ в 1921–1925.

³ Струве – Стравинскому, 14(27) августа 1915, Москва (цит. по: И.Ф.Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами: Материалы к биографии:

Изложить правдивую историю РМИ в зарубежный период его деятельности тем более важно, что среди ранее написанного о нем немало неверных сведений. Писали, к примеру, что «только случайная встреча Эберга с Кусевицким в Париже натолкнула последнего на мысль возродить деятельность <...> издательства»⁴, что, «поскольку Кусевицкий в начале сезона 1924 года принял должность дирижера в Бостонском симфоническом оркестре, его издательство в Париже перестало существовать»⁵; датой продажи издательства фирме «Бузи и Хоукс» (Boosey and Hawkes) называли 1938 год⁶ – в то время как существовало оно еще четверть века и только потом перешло в собственность англичан.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НИКОЛАЯ СТРУВЕ

Основатель и директор лондонского издательства «Честер» Отто Мариус Клинг напишет после посещения в сентябре 1920 Берлина и Лейпцига: «Российское музыкальное издательство – пустыня»⁷. Оказавшись в Берлине (как он писал, «выбравшись, наконец, из несчастной России»⁸) несколькими месяцами раньше Клинга, Кусевицкий обнаружил ту же картину. Контора РМИ была совершенно пустой. Почти что пустой была и касса издательства: резкое падение немецкой марки привело к значительному возрастанию цен на ноты, и сбыт упал до минимума. За отсутствием необходимых документов не признавались права РМИ на издательство «А.Гутхейль». Несмотря на все это, Кусевицкий рад был уже тому, что издательства его существуют. Целью своей он поставил вернуть их к активной деятельности.

Не сразу удалось разыскать директора РМИ Николая Струве. Еще в конце 1917, потеряв сожженное большевиками имение, лишившись всех денег и ценных бумаг, он выехал из России в Данию. Вместе с его семьей провел в Копенгагене начало 1918 только что эмигрировавший Сергей Рахманинов.

В 3 т. / Сост., текстолог. ред. и коммент. В.Варунца. Т.2. М.: Композитор, 2000. С.337).

⁴ Цед<ербау>м Вл. Памяти Эберга // Последние новости (Париж). 1925. 19 декабря.

⁵ Мэтью-Уолкер Р. Рахманинов. Челябинск: Урал LTD, 1999. С.147.

⁶ Астров А. Деятели русской музыкальной культуры С.А.Кусевицкий. Л.: Музыка, 1981. С.188; Савенко С. Мир Стравинского. М.: Композитор, 2001. С.45.

⁷ O.Kling – I.Stravinsky. 6 сентября 1920, Брюссель (цит. по: *Stravinsky V., Craft R. Stravinsky in Pictures and Documents*. New York: Simon and Schuster, 1978. P.527). Здесь и далее перевод с англ. наш.

⁸ Кусевицкий – Струве, б/даты (до 18 августа 1920), Париж. – АК-БК.

Заботы об РМИ Струве не оставлял. Дважды с начала 1919 выезжал он в Америку, пытаясь организовать там русско-американское музыкальное издательство, в основу деятельности которого он намеревался положить пропаганду творчества Рахманинова и Стравинского. Планы эти упирались, однако, в незащищенность в Америке авторских прав русских композиторов. «Только если русский композитор поселится здесь, напишет и издаст свое сочинение, лично защищая его в Америке, он может пользоваться правами, – писал Струве Стравинскому. – Впрочем, и этот вопрос еще спорный. <...> В интересах русских авторов и русских издателей ничего здесь получить не может»⁹.

Узнав из печати о национализации РМИ, Струве ничего не знал о планах и намерениях Кусевицкого. «...Я не имею никакой возможности сноситься с Кусевицким, не могу получать необходимые сведения, директивы, средства», – сетовал он весной 1919¹⁰. Ходили слухи, что дирижер, покинув Россию, отправился в Америку. Поэтому Струве надеялся на встречу там. Кусевицкий, в свою очередь, не найдя Струве в Париже, написал ему в Нью-Йорк. И из ответного письма узнал, что наперекор всем сложностям работа РМИ все эти годы продолжалась. Струве писал о выгодном контракте, который ему удалось заключить с датской фирмой «Вильгельм Хансон» на продажу изданий РМИ (главным образом сочинений Рахманинова) в скандинавские страны, о том, что несколько раз получил от этой фирмы кредиты, что наладил продажу некоторых прежних изданий РМИ в Германии и в Америке.

РАХМАНИНОВ И ПОПЫТКИ КООРДИНАЦИИ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ

Неоценимую помощь оказал издательству в эти годы Рахманинов. В конце 1919 и весной 1920 он предоставил Струве заем общей суммой в 108 тысяч марок. Это позволило начать допечатку в типографии Рёдера многих старых изданий РМИ. «Мы делали все, что было в наших силах, чтобы удержаться и держаться до лучших времен, до возможности снестись с Вами», – заключал Струве свой отчет о жизни РМИ в период вынужденной разлуки с Кусевицким¹¹.

С января по август 1920 Струве удалось выручить 40 тысяч марок. Ко времени приезда Кусевицких за рубеж в кассе РМИ было не более 60 тысяч марок. Денег Рахманинова не хватило даже на оплату типографских счетов. Возвратить же удалось пока не более

⁹ Струве – Стравинскому. 8 июня 1919, Нью-Йорк (цит. по: И.Ф.Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Т.2. С.450-451).

¹⁰ Струве – Стравинскому. 15 апреля 1919, Копенгаген (Там же. С.445).

¹¹ Струве – Кусевицкому. 18 августа 1920, Нью-Йорк. – АК-БК.

7 тысяч марок. Частичной компенсацией Рахманинову стали упомянутый контракт с датским издателем и несколько заключенных Струве контрактов на исполнение сочинений композитора, в том числе «Колоколов», в Америке. «От Москвы, от Кусевицких мы все еще отрезаны, что делает положение Российского музыкального издательства все столь же тяжелым, неопределенным, – писал Струве в ноябре 1919. – Но необходимо держаться и хоть маленькими шагами двигаться в смысле возобновления старой деятельности»¹².

Скорость этого движения не могла быть, к сожалению, кардинально изменена и Кусевицкими. Финансовое положение их, значительно пошатнувшееся за годы жизни в Советской России, не позволяло выправить дела РМИ незамедлительно. И только по мере того, как выступления Кусевицкого-контрабасиста и дирижера в Европе стали более регулярными, ситуация начала выправляться к лучшему. Едва ли не все свои гонорары – от 50 до 60 тысяч долларов ежегодно – вкладывал он в кассу издательства. При этом чем интенсивнее становились гастроли музыканта, тем меньше оставалось у него времени для того, чтобы вплотную вникать во все дела РМИ. Он полностью положился на Струве, хотя и понимал, что *actio in distans* – не лучший способ руководства делом. Опора на директоров издательства, полнейшее доверие им сделаются особенно насущными для Кусевицкого после того, как, приняв в 1924 пост музыкального директора Бостонского оркестра, он уедет в Америку и станет появляться в Европе лишь в летние месяцы.

Не без труда получив визу на въезд во Францию, Струве появился в Париже в октябре 1920 и тотчас же окупился в работу. Человек редкого благородства, он всегда пользовался неизменным авторитетом и любовью композиторов. Достаточно вспомнить о его многолетней дружбе с Рахманиновым, о дружеских отношениях со Скрябиным – и после разрыва между композитором и Кусевицким. Вскоре по инициативе Струве был создан Административный совет РМИ. Одним из членов Совета сделался известный в дореволюционной Москве адвокат, член партии кадетов, депутат 2-й и 3-й Государственных Дум Николай Васильевич Тесленко. В эмиграции он был публицистом, общественным деятелем, с 1933 – председателем Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции.

Струве и Рахманинов сознавали, сколь значительно возрос после войны спрос на русскую музыку и сколь бедственным было положение русских музыкальных издательств за рубежами России. Это привело их к мысли о необходимости кооперации издателей.

¹² Струве – Стравинскому. 28 октября 1919, Нью-Йорк (цит. по: И.Ф.Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Т.2. С.464).

«Сосредоточить продажу русской музыки в одних руках было бы интересно, – писал Струве на пути в Европу из Нью-Йорка. – Это, конечно, не затрагивало бы самостоятельности каждой отдельной фирмы...»¹³; «Только вместе мы можем достигнуть чего-либо за границей...», – подтверждал он, возвратившись в Копенгаген¹⁴.

Полностью разделяя идеи этого проекта, Кусевичский присоединяется к начатым Струве еще весной 1920 переговоров с издательством Бесселя, пытается договориться также о слиянии обеих фирм с издательством Беляева и совместном представлении нотной продукции в Америке.

В написанном несколько позднее – уже преемником Струве Эрнестом Эбергом – проекте меморандума говорилось:

Покинувшие Россию русские издатели приходят к мысли о необходимости и своевременности объединить свои усилия для организации правильно поставленной торговли русскими музыкальными сочинениями за границей для планомерного распространения русской музыки по возможности во всех культурных странах. Для достижения этого естественно возникает мысль об учреждении в крупных центрах (Париж, Лондон и Нью-Йорк) общих складов русских изданий.¹⁵

Меморандум ставил перед будущим объединением издателей задачу широкой пропаганды отечественной музыки – не только совместным планированием публикаций и продажи нотной продукции, но организацией концертов, выпуском музыкального журнала. Реализация подобного проекта способствовала бы решительному изменению самой тактики торговли русской музыкой, что, в свою очередь, могло бы стать событием для русской диаспоры. Пока что, находясь в руках зарубежных фирм, она была ориентирована главным образом на хорошо знакомые имена и сочинения в расчете на моментальную прибыль.

Все эти переговоры были приостановлены в связи с трагической (в результате крушения лифта) гибелью Николая Струве 3 ноября 1920, всего через месяц после его возвращения в Париж. Разногласия издателей сделались позднее непреодолимым препятствием их кооперации. Амбиции взяли верх над здоровой и конструктивной точкой зрения. Так и не достигнув взаимопонимания, издатели начали враждовать друг с другом: наследники Бесселя – с наследниками

¹³ Струве – Кусевичскому. 2 сентября 1920, борт парохода «United States». – АК-БК.

¹⁴ Струве – Кусевичскому. 23 сентября 1920, Копенгаген. – Там же.

¹⁵ Эберг Э. Меморандум по вопросу об учреждении складов русской музыки за границей. (Рукопись). – Там же.

Беляева, директор беляевского издательства Николай Арцыбушев – с РМИ.

Со смертью Струве положение РМИ значительно осложнилось. Очень непросто было найти ему достойную замену. К тому же покойному принадлежала подаренная ему Кусевицкими треть капитала обоих издательств. Наследником этого капитала сделался теперь сын Струве Николай Николаевич. Кусевицкие пытались было привлечь его к работе в РМИ, но Н.Н.Струве следовало для этого освоить основы коммерции, а дело не терпело отлагательств.

«РУССКИЙ ЭСТОНЕЦ» ЭРНЕСТ ЭБЕРГ

В начале декабря 1920 Кусевицкие вызвали для переговоров из Ревеля Эрнеста Эберга. В дореволюционной Москве он был владельцем нотного и музыкального магазина «Э.Эберг и К°». И хотя регулярного музыкального образования ему получить не довелось, он имел отличный слух, отменный вкус и природное чутье к прекрасному. Его уважали и считались с его мнением Танеев, Скрябин, Рахманинов, Стравинский. Он хорошо разбирался в нотном деле и владел в 1910-е в Москве нотным и музыкальным магазином «Э.Эберг и К°» (Неглинный проезд, 8).

Вскоре после революции Эберг по ложному доносу был посажен в тюрьму и выпущен из нее только после вмешательства эстонского консула. Эмигрировал он из России чуть раньше Кусевицких. «Я почти бежал из Совдепии <...>, – писал он, отвечая на телеграмму Кусевицких. – Меня замучили гнет и издевательское отношение сослуживцев. Уехав из Москвы в качестве курьера, я, конечно, не смог захватить всего ценного имущества, и оно теперь поступает сюда частями. <...> Я, конечно, буду чрезвычайно рад очутиться в Париже среди близких дорогих друзей и оказаться полезным для совместной работы»¹⁶.

Предложение сделаться директором РМИ было для Эберга полной неожиданностью. С готовностью приняв его, он переехал в конце февраля 1921 во Францию и, подобно Струве, сразу же активно включился в работу. Эберг пытался оживить заглохшие было переговоры с русскими музыкальными издателями, склонить Арцыбушева, Леонарди и приехавшего специально из Лондона Василия Бесселя-младшего к созданию общего склада русских нотных изданий.

В мае 1921 до Кусевицкого доходят сведения о том, что делу объединения издательств желает помочь остававшийся в Москве бывший сотрудник РМИ Павел Ламм. «Павел Александрович мог бы быть связующим звеном между новым издательством и теми

¹⁶ Эберг – Н. и С. Кусевицким. 3 декабря 1920, Ревель. – АК-БК.

русскими авторами, которые находятся еще в несчастной России, – писал из Женевы брат Павла Ламма Владимир, – кроме того, он мог бы взять на себя посредничество к новому делу <так!> у Юргенсона и наладить коммерческие сношения с совдепией»¹⁷.

Попытка координации работы русских музыкальных издательств, однако, осталась не реализованной. Осознав это, Кусевицкий создал в Париже Анонимное Общество (АО) крупных музыкальных издательств (Société Anonyme des Grandes Éditions Musicales). В него вошли РМИ, издательства «А.Гутхейль» и «Циммерман». Председателем правления в 1921–1925-е был Эберг, позднее им делается Гавриил Пайчадзе.

С 1924 штаб-квартирой РМИ стал нотный магазин АО, открытый Кусевицким в Париже на улице д'Анжу. Вне пределов России это был единственный магазин, где вплоть до начала Второй мировой войны можно было приобрести новые сочинения русских композиторов, изданные как на Западе, так и в СССР. Пакеты с нотами отправлялись отсюда по многим адресам Европы и Америки. Открывая магазин и финансируя его существование, Кусевицкий не преследовал никаких коммерческих целей. Принося издательству только убытки, магазин хотя бы отчасти возмещал несостоявшееся объединение музыкальных издательств, способствовал тем самым реализации «центральной линии» всей творческой деятельности Кусевицкого (собственное его выражение) – широкой пропаганде русской музыки и всесторонней помощи русским композиторам.

В Берлине и Лейпциге Эберг нашел сначала то самое запустение, о котором писал ранее Клинг. Расходные книги были утеряны, отчеты и контракты находились в состоянии едва ли не хаотическом. «Кто-то в этом складе заснул и спит непробудным сном», – сетует Эберг¹⁸. От сына Струве ему удается тем не менее получить многие деловые бумаги РМИ, обнаружить считавшийся утерянным контракт о приобретении Кусевицким издательства «А.Гутхейль». В Лейпциге он находит целыми и отлично сохранившимися гравировальные доски нескольких сочинений Гречанинова – в том числе оп. 64 и оп. 66, которые РМИ не успело опубликовать. Эберг оживляет контакты с лейпцигскими типографиями, убеждает руководство типографии «Брайткопф и Хертель» об отсрочке долга в 51 тысячу марок, причитавшегося ей еще с московского и петроградского магазинов РМИ, договаривается также об отсрочке выплаты долгов типографии Редера, открывает в Берлине склад изданий «А.Гутхейль» и РМИ.

¹⁷ В.Ламм – Кусевицкому. 3 мая 1921, Женева. – АК-БК.

¹⁸ Эберг – Н. и С.Кусевицким. 5 июня 1921, Берлин. – Там же.

ЗАРУБЕЖНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

В поисках надежных партнеров для РМИ Эберг посещает едва ли не все европейские столицы. В Лондоне, куда он прибыл в середине июля 1921, Клинг поведал ему еще об одном долге РМИ – издательству «Честер». Расчеты Клинга оказались, однако, ошибочными, и Эберг даже получил от «Честера» чек на 97 фунтов стерлингов. Удается Эбергу, как он писал Наталии Кусевицкой, «вытащить от Честера» оркестровые голоса опер «Алеко», «Скупой рыцарь» и «Франческа да Римини» Рахманинова, «Соловей» Стравинского и его балетов «Петрушка», «Весна священная»¹⁹.

«Гутхейлевцы теперь открыли отделения в Париже, Брюсселе и Лондоне и имеют ходы в Испанию и Нью-Йорк, так что хорошо распространяют вещи», – напишет вскоре Прокофьев²⁰. Еще летом 1921 Эберг договаривается с представлявшим тогда в Англии интересы РМИ и «А.Гутхейля» Бесселем о гарантийной сумме ежегодной продажи изданий Кусевицких в 500 фунтов стерлингов. Позднее РМИ передаст свое представительство английской фирме «Гудвейн и Тэб». Особую гордость испытывал Эберг от того, что сделал это раньше, чем подобный контракт был заключен издательством Беляева. В попытках найти более выгодные для Кусевицких условия Эберг будет вести в 1925 переговоры о представительстве сначала с «Оксфорд Университи пресс», затем – с издательством «Хоукс и сын», которые не успеет, однако, довести до конца.

Об издательстве «Хоукс и сын» Эберг отзовется как об «очень богатой фирме». «Эта фирма очень желает с нами работать», – напишет он²¹. Так впервые на горизонте РМИ всплывет имя Рольфа Хоукса – одного из двух совладельцев фирмы «Бузи и Хоукс», которому суждено будет сделаться в будущем владельцем обоих издательств Кусевицкого.

Узнав о переговорах Эберга с «Оксфорд Университи пресс», которое имело свои отделения во всех английских колониях, Прокофьев пишет в своем дневнике, что теперь его сочинения «будут выставлены во всех Тасманиях и Сингапурах»²². Заметим на эту ироническую ремарку композитора, что расчет делался, безусловно, не на экзотические страны: например, Шотландия заказала

¹⁹ См.: Эберг – Н.Кусевицкой. 30 июля 1921, Лондон. – АК-БК.

²⁰ Прокофьев – Мясковскому. 4 января 1923, Эталь (цит. по: С.С.Прокофьев и Н.Я.Мясковский: Переписка / Сост. и подгот. текста М.Козловой и Н.Яценко. М.: Советский композитор, 1977. С.149).

²¹ Эберг – Кусевицкому. 4 февраля 1925, Париж. – АК-БК.

²² Прокофьев С. Дневник. 1907–1933: В 2 ч. Париж: sprkfv, 2002. Ч.2: 1919–1933. С.250. О контактах РМИ со своими композиторами-фаворитами, в число которых входил и Прокофьев, будет рассказано ниже.

РМИ 500 экземпляров Марша из его оперы «Любовь к трем апельсинам».

В Копенгагене Эберг договаривается с Ханзенем об упразднении контракта, согласно которому Струве уступил его фирме ряд изданий РМИ с ничтожным 15-процентным отчислением. В Бельгии желание работать с РМИ выразили владельцы музыкального магазина братья Изаи. О Кусевицком им много рассказывал их отец – знаменитый скрипач Эжен Изаи, не раз выступавший в России. «Оба брата имеют большой интерес к нашим изданиям, – писал Эберг Кусевицкому, – но еще больший интерес к Вам лично и к Вашему обещанию дать несколько концертов в Брюсселе»²³. Тем не менее соглашение о представительстве в Бельгии передается в конце 1922 более финансово устойчивому партнеру – издателю Санду. Эти условия сохраняются за Сандом и после того, как предложение открыть магазин РМИ в Брюсселе поступило от Владимира Направника – сына знаменитого дирижера.

Эберг ведет переговоры с издателями Италии и Испании, изучает американский рынок. «<Рахманинов> мне дал очень ценные указания, кому надо предлагать в Америке наши издания», – писал он после встречи с композитором в 1922 в Дрездене²⁴. Намерение Эберга передать американское представительство РМИ издательству «Брайткопф и Хертель» не было поддержано Рахманиновым – в Америке сохранялись еще с военных лет сильные антинемецкие настроения. В мае 1923 Эберг ведет переговоры с издательством Фишера, которому понравилась идея создания в Америке общего склада русских нотопридателей; но выбор был остановлен на издателе Хоэнглере, который на несколько лет становится партнером РМИ. Затем Эберг склоняется к мысли о сотрудничестве с издательством Флашнера, но Кусевицкие в последний момент решили оставить до весны 1926 представителем РМИ финансово более состоятельного Хоэнглера.

МУЗЫКА И КОММЕРЦИЯ

Поистине Эбергу нельзя было отказать в трудолюбии. «Если бы мне сказали, чтобы я уехал на отдых, то я, наверное, быстро бы с тоски по делу сдох», – признавался он²⁵. Прокофьев отзывался о нем как об «очень деловом человеке, который мечется между Лондоном, Парижем и Берлином и всячески расширяет дело»²⁶, и с симпатией пи-

²³ Эберг – Кусевицкому. 25 апреля 1922, Берлин. – АК-БК.

²⁴ Эберг – Н.Кусевицкой. 12 июня 1922, Берлин. – Там же.

²⁵ Эберг – Н.Кусевицкой. 14 ноября 1924, Париж. – Там же.

²⁶ Прокофьев – Сувчинскому. 28 июля 1921, Рошле (цит. по: «Я часто с ним не соглашался...»: Из переписки С.С.Прокофьева и П.П.Сувчинского / Автор

сал, что Эберг «был трогателен в своем увлечении издательством и преданности ему»²⁷. Эберг, как мы увидим ниже, не отвечал Прокофьеву взаимностью, неоднократно сетовал на неуступчивый характер композитора, несговорчивость при определении гонораров, предельную требовательность к качеству присылаемых ему корректур.

Для укрепления финансового положения РМИ Эбергом принимались самые разнообразные инициативы: например, публиковались обработки романсов Рахманинова для небольшого салонного оркестра. Одним из компромиссов сделалось издание цыганских романсов, которые пользовались неизменным спросом в русской диаспоре Парижа и Берлина. Прокофьев не замедлил на это отреагировать: «...два твои сына – Гутхейль и РМИ, – писал он Кусевицкому, – цветут от продажи Стравинского, Прокофьева и цыганских романсов»²⁸.

С середины 1922 Эберг вводит более выгодную для издательства систему расчетов с композиторами. При сохранении за авторами 25 процентов с чистого дохода за продажу их сочинений, каждый из них получал эти проценты не с продажной цены экземпляра в магазине, а с отпускной цены. Это даст повод Прокофьеву сетовать, что «уступается он со скидкой чуть ли не в пятьдесят процентов»²⁹.

Большой победой Эберга сделалось подписание контракта о сотрудничестве между РМИ и Сергеем Дягилевым. Еще в 1914 Струве писал, что за право исполнения «Весны священной» Стравинского импресарио «деньги внес, но не все сполна»³⁰. В сезон 1915/16 года балетная труппа Дягилева провела «марафонские» гастроли по Америке – 105 спектаклей в 18 городах за 105 дней. Тогда за использование принадлежавших РМИ нотных материалов не было заплачено ни гроша. Семь лет спустя Эберг сетует: «С Дягилевым я вел переговоры целых две недели о расплате за “Петрушку” и с большим трудом это дело закончил...»³¹. И лишь в ноябре 1924 Дягилев выплачивает, наконец, издательству 61 тысячу франков за прокат нотного материала «Петрушки».

Иллюзии о торговле с «Совдепией»

Для увеличения доходов РМИ необходимо было сохранять низкие цены на ноты, что, в свою очередь, возможно только при увели-

проекта, ред.-сост. А.Бретаницкая // Петр Сувчинский и его время. М.: Композитор, 1999. С.62). Это Прокофьев назвал Эберга «русским эстонцем».

²⁷ Прокофьев С. Дневник. Ч.2. С.359.

²⁸ Прокофьев – Кусевицкому. 25 сентября 1924, Сент-Жиль. – АК-БК.

²⁹ Прокофьев С. Дневник. Ч.2. С.513.

³⁰ Струве – Стравинскому, 3(16) марта 1914, Берлин (цит. по: И.Ф.Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Т.2. С.235).

³¹ Эберг – Прокофьеву. 17 августа 1921, Париж (Там же. С.498).

чений тиражей. В условиях сравнительно узкого рынка русской диаспоры (не только музыкального, но и книжного в целом) мечтать об этом не приходилось. Поэтому не случайно, что взоры многих зарубежных русских издателей в начале 1920-х обращались на Россию. Советы посулили широкое распространение их книжной продукции на родине. Как справедливо писал Глеб Струве, русские издатели «готовы были обслуживать и советский, и эмигрантский рынок и печатать авторов, проживающих как внутри, так и вне России»³². Об этом думал и Кусевицкий еще в ту пору, когда собирался пригласить Эберга на пост директора РМИ. Он писал тогда Рахманинову, что Эберг «в особенности будет полезен, когда можно будет работать с Россией»³³.

Полная неясность ситуации в России вынуждала пока не торопиться развивать отношения с музыкальными издателями в Москве, в частности с Юргенсоном. «С виду открывается как бы большое поле для большой торговли для наших изданий», – писал Эберг в 1922, но тут же добавлял, что заказы, которые Совдепия делает всем русским книгоиздателям в Берлине, «могут принести нам большой вред»³⁴. Опасения эти полностью оправдались, а осторожность Эберга пошла в данном случае на пользу делу. После того как зарубежными русскими издателями были потрачены огромные средства на выпуск больших, рассчитанных на русский рынок, тиражей, большевики закрыли этим книгам всякий доступ в Россию. И тогда в одночасье многие из издателей оказались на пороге финансового краха. Кусевицкий, правда, и после этого считал, что с РМИ такое не произойдет, – вряд ли в России заподозрят его издательство во «враждебной идеологии» и не станут покупать у него ноты.

Надежды Кусевицкого таяли со временем, подобно Снегурочке под лучами весеннего солнца. Хитрый маневр большевиков ставил целью не только идеологические, но и коммерческие задачи. Советская власть предпочла избавиться от конкурентов учрежденной ею системе государственных издательств. Оптимизма не прибавило Кусевицкому ознакомление с шикарным изданным, с текстом на трех языках, каталогом Юргенсона. В нем он обнаружил немало сочинений, права на которые принадлежали РМИ и «А.Гутхейлю». А чуть позднее из Москвы пришло известие об аресте по липовому доносу Павла Ламма. «Итак, в Совдепии все по-прежнему, – писал Эберг. – Вот и начинайте с ними работать. Пусть уж Бессель один с ними кашу заваривает, а я – покорно благодарю...»³⁵

³² Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж, 1984. С.25.

³³ Кусевицкий – Рахманинову. 18 ноября 1920, Рим. – АК-БК.

³⁴ Эберг – Кусевицкому. 26 июля 1922, Бад Кисинген. – Там же.

³⁵ Эберг – Н.Кусевицкой. 8 мая 1923, Берлин. – Там же.

ПРОДАЖА ИЛИ ПРОКАТ?

В создавшихся условиях все более существенной частью дохода РМИ становится прокат нотных материалов. Так, в одном только феврале 1925 в РМИ поступают отчисления за исполнение Леопольдом Стоковским «Скифской сюиты» Прокофьева, Вильгельмом Фуртвенглером и Пьером Монте, собравшимся на гастроли в Россию, – сочинений Стравинского; приходит запрос на материалы «Песни Соловья» Стравинского для балетной постановки в Нью-Йорке. В декабре 1924 Эберг повышает на 100 процентов цены за прокат нотных материалов Стравинского³⁶.

Тактика издательства, которое предпочитало не продавать выпускаемые в свет партитуры и оркестровые голоса, а сдавать их в ренту музыкальным театрам и симфоническим оркестрам, не раз будет вызывать впоследствии нарекания композиторов.

Мясковский, который захочет в 1930 купить у Пайчадзе партитуры симфоний Прокофьева, получит ответ, что они не продаются. «Удивительная политика, если не сказать, просто глупая! – возмутился он. – Дюран, кажется, не в убытке, а он *все* продает»³⁷.

Год спустя он снова вернулся к этому вопросу. «Когда Ваше издательство поумнеет и начнет продавать партитуры своих изданий (в частности Ваши)?! – писал он Прокофьеву. – Пайчадзе Ваш весьма наивный человек. Если бы Ваши партитуры поступили в продажу, их купил бы *каждый* русский дирижер, так как русские дирижеры любят иметь *свои* материалы, а потом купили бы и голоса. Строить коммерцию, не принимая в расчет национальную психологию, глупо. Что хорошо в сквалыжной Европе, то вовсе не характерно для широкой России»³⁸.

Наивность проявлял здесь скорее сам Мясковский. Тактика РМИ была продиктована реальной жизненной ситуацией – необходимостью во что бы то ни стало выжить, остаться на плаву. «Ругая Пайчадзе, Вы забываете, что условия заграничных нотных издателей

³⁶ Годом ранее вдвое повысил цены на свои издания и управляющий бельевского издательства Франц Шефер. «Это был государственный переворот, – вспоминал он впоследствии, – ибо этим поступком я нарушал заповеди основателя фирмы» (*Шефер Ф.* Издательская идея Митрофана Петровича Беляева. Воспоминания его сотрудника // Памяти Митрофана Петровича Беляева: Сборник очерков, статей и воспоминаний. Париж: Издание Попечительного совета для поощрения русских композиторов и музыкантов, 1929. С.49).

³⁷ Мясковский – Прокофьеву. 29 апреля 1930, Москва (цит. по: С.С.Прокофьев и Н.Я.Мясковский: Переписка / Сост. и подгот. текста М.Козловой и Н.Яценко; Комментар. В.Кисилева. М.: Советский композитор, 1977. С.328). Курсив Мяковского.

³⁸ Мясковский – Прокофьеву. 14 февраля 1931, Москва (Там же. С.353).

совершенно отличны от условий советского рынка, – писал ему Прокофьев. – Пайчадзе по-своему прав, когда говорит, что недостаточно напечатать вещь, надо, чтобы ее еще купили. Иначе говоря: напечатанная, но не купленная вещь равносильна ненапечатанной»³⁹. Мясковский не принимал во внимание два важных обстоятельства. Первое – необходимость для РМИ получить комиссионные после исполнения каждого изданного сочинения, за чем вряд ли было возможно уследить из Парижа. Второе – отсутствие у советской России валюты для приобретения изданий РМИ и оплаты за прокат нотных материалов. В 1928 Прокофьев записывает в дневник: «...от Большого театра письмо, что он не может больше платить тантьемы⁴⁰ за “Апельсины” в долларах. Но на что мне рубли – и театру Пайчадзе должен был ответить отрицательно: не согласны»⁴¹.

Вместе с тем необходимость для оркестров дорого платить за прокат нотных материалов РМИ приводила нередко к срыву исполнений музыки даже таких композиторов, как Прокофьев. Осенью 1929 Чикагский и Кливлендский оркестры не желали включить в свои программы ничего из его сочинений без предоставления им бесплатных материалов. «Все это очень досадно, – писал Прокофьев Кусевицкому, – так как одной рукой ты мне устраиваешь турне по Америке, а другой – через посредство издательства – заставляешь виться ужом перед американскими оркестрами, дабы как-нибудь вывернуться из сложностей с оркестровыми материалами»⁴².

Благодаря этой жесткой тактике, Эберг, пусть и не полностью, расплачивался с авторами. В октябре 1925 он посылает чеки на 2,5 тысячи франков Гречанинову, на 6 тысяч – Владимиру Дукельскому. Регулярно получают свои гонорары Стравинский и Прокофьев.

И все-таки нельзя сказать, что Кусевицкий был абсолютно доволен работой Эберга. Оценивая ее в целом положительно, он писал, что, будучи «человеком компетентным и человеком, которому можно было доверять, он тем не менее был слабым бизнесменом»⁴³. Трудлюбие удивительным образом сочеталось в характере Эберга с медлительностью и упрямством, оптимизм – с излишней самоуверенностью. «Пока я буду управлять этим делом, оно будет в моих руках», – пишет он в августе 1921 во время переговоров с английской фирмой «Гудвейн и Тэб» в ответ на опасения Кусевицкого, что издательство может потерять свою самостоятельность⁴⁴. В ноябре

³⁹ Прокофьев – Мясковскому. 28 марта 1933, Париж (Там же. С.398).

⁴⁰ От *tantième* – процент от прибыли, доля, часть вознаграждения (*франц.*).

⁴¹ Прокофьев С. Дневник. Ч.2. С.647.

⁴² Прокофьев – Кусевицкому. 14 сентября 1929, Culoz (Ain) – АК-БК.

⁴³ *Koussevitzky S. Notes on Russian Music Publishing House.* (Рукопись). P.3. – Там же.

⁴⁴ Эберг – Кусевицкому. 21 августа 1921, Бад-Киссинген. – АК-БК.

радуется тому, что склад нот РМИ, хранящихся у «Брайткопфа», уже к концу 1921 оценивается в 7 миллионов немецких марок, а склад изданий «А.Гутхейля» – в 5 миллионов марок⁴⁵. Он словно забывает при этом, что множество изданий так и остается на складе. «Издательские дела очень процветают», – сообщает он год спустя⁴⁶.

Тактика Кусевицкого-издателя всегда отличалась оперативностью. Характерен в этом плане пример его знакомства с Владимиром Дукельским. Это был один из тех молодых русских композиторов, который, по мысли Кусевицкого, мог составить большой интерес для РМИ. Знакомство музыкантов состоялось в 1925, вскоре после премьеры балета «Зефир и Флора» у Дягилева. Впоследствии Дукельский вспоминал:

Слонимский представил нас, и Кусевицкий сказал безо всякой преамбулы: «Я пропустил Ваш балет, но уже знаю о нем от Сережи Прокофьева и нашего друга Николаса. Я хотел бы получить Ваш балет и как дирижер, и как издатель, и я хочу, чтобы Вы написали для меня симфонию». <...> Прежде чем я смог заикнуться о благодарности, Кусевицкий пожал мне руку и заключил: «Я должен уходить. Если у Вас есть время завтра, зайдите в дом 22 по улице Анжу и повидайте мистера Эберга, директора моего издательства. Я уверен, что мы согласимся относительно условий». <...>

На следующий день я получил чек на 6 000 франков за «Зефира» от очень любезного Эберга, который сказал мне, что Кусевицкий желает подписать со мной пожизненный контракт, согласно которому он обязуется издавать все, что я буду писать.⁴⁷

Иное дело, что подобная оперативность Кусевицкого расходилась зачастую с реальными финансовыми возможностями издательства. Подобно Эбергу, владелец РМИ недооценивал сложность ситуации. Подобно ему, верил в возможность быстро решить финансовые проблемы РМИ и расплатиться с его долгами. Однако 1 февраля – день выплаты гонорара композиторам – так и оставалось для РМИ «роковым днем». То и дело на этой почве возникали конфликты.

Неуклонно увеличивалась диспропорция между количеством издающихся печати партитур и реальными фондами, которыми обладало издательство. Э.Эберг был убежден, что если «дело на ходу, то нужно, чтобы оно само развивалось, чтобы оно само у себя искало доходы и на эти доходы разрасталось». <...> Мне положительно нет никакого интереса увеличивать дело с затратой новых капита-

⁴⁵ Эберг – Н.Кусевицкой. 12 ноября 1921, Лейпциг. – Там же.

⁴⁶ Эберг – Н.Кусевицкой. 7 декабря 1922, Лейпциг. – Там же.

⁴⁷ *Duke V. Passport to Paris*. Boston; Toronto: Little, Brown and Company, 1955. P.153-154.

лов»⁴⁸. А когда не хватало денег на печать и ему советовали написать об этом Кусевицкому, он возмутился и отвечал советчиком: «я управляю делом, а не хозяином»⁴⁹.

Однако жизнь заставляла Эберга то и дело отходить от собственных принципов. «Вы должны принять во внимание, – поясняет он Кусевицкому, – что издание за 300 000 марок получило товару на 12 миллионов марок с долгом в 700 000 марок. <...> В Париже Вы мне указывали, что Вам желательно получать уже доходы с Ваших изданий. Но как же можно получать доходы с дома, который еще не достроен»⁵⁰.

В экономической ситуации Германии, еще более обострившейся со времени директорства Струве, «достраивать дом» было на самом деле исключительно сложно: дальнейшее падение курса марки умножило долги издательства типографиям в 4–5 раз, а цены на ноты по сравнению с довоенными выросли в 12–15 раз. Пагубно сказывалось порой мелочное вмешательство Кусевицких в текущие дела РМИ. «Был у Эберга, – читаем мы в дневнике Прокофьева летом 1925. – Он в бешенстве на Кусевицких. “Все время вмешиваются в дела издательства, а денег не дают”», – и тут же Прокофьев добавляет: «Между нами, не лишне, что вмешиваются в дело такого мямли, как Эберг, <...> но что денег не дают – свинство»⁵¹.

К чести Кусевицкого и всех директоров РМИ – они не соблазнились возможностью «пиратских» изданий. Стравинский еще в 1919 намекал Струве, который отправлялся тогда в Америку: «Раз на почве Соединенных Штатов не запрещено исполнять и издавать кому угодно некопирайтированные произведения, то не собираетесь ли Вы воспользоваться этим правом переиздавать вещи, изданные другими...»⁵².

Люди РМИ

Вместе с Эбергом в РМИ продолжали работать Эрик Цингель и его супруга, пришли и новые люди – в 1924 Федор (Фридрих) Вебер, в 1925 – Гавриил Пайчадзе, еще год спустя – Артур (Артемий) Рабенек⁵³, который перешел затем в фирму «Бузи и Хоукс». О Цингеле

⁴⁸ Эберг – Кусевицкому. 1 ноября 1924, Париж. – АК-БК.

⁴⁹ Эберг – Кусевицкому. 1 ноября 1924, Париж. – Там же.

⁵⁰ Эберг – Н. и С. Кусевицким. 12 мая 1922, Лейпциг. – Там же.

⁵¹ Прокофьев С. Дневник. Ч.2. С.333-334.

⁵² Стравинский – Струве. 6 апреля 1919, Морж (цит. по: И.Ф.Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Т.2. С.441-442).

⁵³ В тяжелые послевоенные годы ему материально помогли Ольга Кусевицкая и приходившийся ему родственником генеральный директор «Метрополитен-опера» Рудольф Бинг.

Эберг отзывался как о человеке неплохом, хотя и недалеко. В РМИ он занимался архивом и был на этом месте, как скажет позднее Пайчадзе, «очень ценным служащим»⁵⁴. После смерти Цингеля в 1929 заведование архивом перешло в руки его вдовы, прекрасно знавшей все дела издательства.

Неизменно благожелательно писал Эберг о Вебере: «Федор Владимирович работает с большим интересом, успешно справляется и изучает дело»⁵⁵; «в лице Вебера я встретил талантливого помощника»⁵⁶; «Вебер отлично справляется со всеми делами и в этот короткий срок очень многому научился. <...> Он вошел в сношение с многими театрами и концертными бюро. Он очень толковый человек...»⁵⁷. Приезжая в Берлин, композиторы неизменно посещали Вебера. Много времени проводил у него, бывая в Берлине, Прокофьев. В 1926 Вебер присутствовал на берлинской премьере оперы «Любовь к трем апельсинам», участвовал в переговорах Прокофьева с Бруно Вальтером о предполагавшейся постановке «Огненного ангела».

Особенно радовала Эберга работа Пайчадзе. «Благородный и деловой человек, Гавриил Григорьевич является мне незаменимым помощником», – пишет он⁵⁸; «<Пайчадзе> оказывает колоссальные услуги издательству. Вам следует обратить внимание на этого человека, он обладает всеми данными сделаться впоследствии моим заместителем»⁵⁹.

Слова эти окажутся вскоре, увы, пророческими. Не отличаясь крепким здоровьем, Эберг часто хворал и вынужден был подолгу отсутствовать в издательстве. Мало помог состоянию его здоровья санаторий в Бад Кисингене, где он провел вторую половину августа 1921, куда приезжал и год спустя. «Если бы Вы меня увидели, то поразились бы. Платье на мне висит, как на вешалке. Таким худым я и в Совдепии не был», – писал Эберг⁶⁰.

«У него за последнее время было какое-то предчувствие, что он недолговечен, он часто об этом говорил и писал», – вспомнит Наталия Кусевицкая⁶¹. «Я всегда, глядя на него, думал, что он недолговечен», – повторит ту же мысль Прокофьев⁶².

⁵⁴ Пайчадзе – Кусевицкому. 25 января 1929, Париж. – АК-БК.

⁵⁵ Эберг – Н. и С. Кусевицким. 29 сентября 1924, Париж. – Там же.

⁵⁶ Эберг – Н. и С. Кусевицким. 10 декабря 1924, Берлин. – Там же.

⁵⁷ Эберг – Кусевицкому. 28 ноября 1924, Берлин. – Там же.

⁵⁸ Эберг – Кусевицкому. 10 октября 1925, Париж. – Там же.

⁵⁹ Эберг – Кусевицкому. 22 октября 1925, Париж. – Там же.

⁶⁰ Эберг – Н.Кусевицкой. 17 июня 1922, Берлин. – Там же.

⁶¹ Н.Кусевицкая – Стравинскому, б/даты и места (после 26 декабря 1925, Бостон). – Там же.

⁶² Прокофьев С. Дневник. Ч.2. С.359.

Последние встречи Кусевицкого с Эбергом состоялись в июле 1925 во время пребывания дирижера в Германии. После нескольких свиданий в конторе РМИ в Берлине они посетили в Лейпциге типографию издательства «Брейткопф». В августе Эберг провел десять дней у Кусевицких, отдыхавших в Бретани. Отношения их в последние месяцы (кто мог знать тогда, что они станут для Эберга последними!) осложнились. «5 сентября, слава Богу, уехали, – писал он о Кусевицких Стравинскому, – но я еще в чаду. То, что я пережил, описывать не буду. Скажу одно, что если бы в этом издательстве не было бы мне дорогого имени “Стравинский”, то я просто пустил бы себе пулю в лоб. Они все сделали, чтобы мне все дела испортить, и бросили дело и меня на произвол судьбы»⁶³.

Последнее письмо Эберга (оно адресовано Наталии Кусевицкой), насыщенное, как всегда, подробной информацией о делах издательства и новостями музыкальной жизни Парижа, датировано 3 декабря 1925. 15 декабря за завтраком со Стравинским в одном из парижских ресторанов Эбергу сделалось плохо. Состояние его резко ухудшалось, врач Стравинского, вызванный им, оказался не в силах помочь. Два дня спустя во время операции была обнаружена запущенная форма гнойного аппендицита. Эберг умер в тот же день – не выдержало сердце. «Я провел десять дней в Париже, – писал Стравинский, – очень несчастливых десять дней из-за смерти Эберга, которого я очень любил»⁶⁴.

Кончина Эберга – столь же внезапная, как и гибель пять лет назад Струве, – явилась новым испытанием для РМИ. «Я был глубоко потрясен, когда узнал о кончине Эрнеста Александровича», – писал Прокофьев⁶⁵. «Трудно сказать, лучше или хуже пойдут после него дела», – записывает он в дневнике⁶⁶. Драматическая судьба двух директоров РМИ была зеркальным отражением судьбы издательства в целом. Со смертью Эберга завершился первый период зарубежной деятельности Российского музыкального издательства.

ОТНОШЕНИЯ С АВТОРАМИ: РАХМАНИНОВ, МЕТНЕР, МЯСКОВСКИЙ

По-разному складывались отношения издательства с его авторами. Эберг умел ладить с такими разными по характерам композиторами, как Рахманинов, Стравинский, Метнер, Прокофьев. Во все

⁶³ Эберг – Стравинскому. 21 сентября 1925, Париж (цит. по: И.Ф.Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Т.3. М., 2003. С.158-159).

⁶⁴ Stravinsky – E.Ansermet. 20 декабря 1925, поезд Париж – Ницца (цит. по: Stravinsky V., Craft R. Stravinsky in Pictures and Documents. P.261).

⁶⁵ Прокофьев – Кусевицкому. 2 января 1926, Нью-Йорк. – АК-БК.

⁶⁶ Прокофьев С. Дневник. Ч.2. С.359.

периоды истории РМИ не обходилось, конечно, без мелких обид, ревности друг к другу, материальных претензий к издательству. Сказывались и старые приязни-неприязни. «Сегодня в издательстве были все три главных композитора: Рахманинов, Стравинский и я, но разновремененно», – запишет в мае 1926 Прокофьев⁶⁷, а год спустя Пайчадзе сообщит Наталии Кусевицкой: «Стравинский и Рахманинов были моими ежедневными гостями в бюро, и нужно было проявить много дипломатического искусства, чтобы они у меня не встретились, как Вам известно, они друг с другом не кланяются»⁶⁸.

Отношения Кусевицкого и издательства с Рахманиновым оставались в начале 1920-х вполне дружескими. В августе–сентябре 1921 сдаются в печать партитуры его симфонических поэм «Колокола» и «Остров мертвых», клави́р оперы «Алеко», востребованный вскоре парижской Русской оперной труппой для гастролей в Барселоне. При встрече в мае 1922 в Лондоне, где Кусевицкого и Рахманинова свели гастрольные маршруты, они воспользовались случаем посетить выступления друг друга. «Завтра концерт Рахманинова, конечно, пойду, страшно интересно его послушать», – писал Кусевицкий жене⁶⁹, а после концерта сетовал: «В Лондоне он имел большой успех у публики, но у прессы слабый. Вот и пойди – всю Америку перевернул вверх дом, а в Лондоне двух сборов сделать не может»⁷⁰.

Музыкантам было что вспомнить, немалое место в их беседах занимала судьба основанного ими вместе издательства. «Вчера вечером в гостинице меня поджидал Рахманинов, и мы с ним провели у меня в очень скверной комнате до 12 часов ночи, – сообщает Кусевицкий. – Все свободное время провожу с Рахманиновым, он страшно ко мне ласков, прост, как никогда, много рассказывает про Америку, называет своей второй родиной и очень советует нам поехать»⁷¹. Трудно было и предположить, что уже через несколько лет отношения между музыкантами сделаются вежливо-прохладными...

Сменивший Эберга Пайчадзе сразу же подружился с композитором, бывал у него, в доме его дочерей. Вместе играли в винт, вместе слушали новую Скрипичную сонату Метнера в исполнении Цецилии Ганзен и автора. Когда в 1925 Рахманинов основал в Париже издательство «Таир», управляющим пригласил именно Пайчадзе.

Тем не менее, не получая вот уже несколько лет от РМИ денег, которые в 1919–1920 он одолжил Струве, композитор язвительно

⁶⁷ Там же. С.403.

⁶⁸ Пайчадзе – Н.Кусевицкой. 31 октября 1927, Париж. – АК-БК.

⁶⁹ Кусевицкий – Н.Кусевицкой. Б/даты (19 мая 1922), Лондон. – Там же.

⁷⁰ Кусевицкий – Н.Кусевицкой. Б/даты (после 20 мая 1922), Лондон. – Там же.

⁷¹ Кусевицкий – Н.Кусевицкой. Б/даты (1922), Лондон. – Там же.

писал в начале 1926: «На свете не имеется ни одного издателя, печатающего только “серьезную музыку”. Исключением явился Беляев, но тому это стоило всего состояния. Что касается Кусевицкого, то о нем не стоит разговаривать»⁷². А еще два месяца спустя Рахманинов обратился непосредственно к Кусевицким. «Мне кажется, – писал он, – что в настоящее время Вы в состоянии отдать мне долг Росс<ийского> изд<ательства> в Берлине в сумме 2049 дол<ларов> и 60 сентов. Этому долгу уже шестилетняя давность! Так много не получаю обратно денег с лиц, которые немощны их отдать, что было бы обидно не получать с тех, которые отдать в силах»⁷³.

Кусевицкий предпочел не отвечать на это письмо. Ответила Наталия. «Росс<ийское> муз<ыкальное> изд<ательство>, – писала она, – всегда было и есть самостоятельное учреждение со своим капиталом, в котором администрация и финансовая сторона находятся в руках Gesellschaftsfuhre'ra⁷⁴... Что касается нас, то мы никогда не были достаточно в курсе всех дел издательства»⁷⁵.

Письмо Наталии Кусевицкой не отличалось особой убедительностью. Другое дело, что денег для единовременной выплаты долга Рахманинову в РМИ на самом деле не было. Пайчадзе говорил об этом Рахманинову еще осенью 1925, а также о том, что издательство намерено выплачивать свой долг частями и окончательно погашен он может быть не ранее, чем через два года. «Разговором нашим он <Рахманинов> остался весьма недоволен, сказал, что это нехорошо и несправедливо, – писал Пайчадзе. – <...> Не лучше ли было бы вопрос этот уладить и тем самым улучшить отношения между ним и нашим издательством?»⁷⁶ Он подчеркивал, что, не будь этой досадной ситуации, композитор склонен был бы отдать РМИ свой новый, Четвертый фортепианный концерт.

Рахманинов был человеком отнюдь не жадным. Руководила им, возможно, вполне понятная ревность. Стоявший вместе с Кусевицким у колыбели РМИ, много работавший на пользу издательства в первые годы его истории, существенно поддержавший его в пору безвременья, он оказался как бы на периферии РМИ, – ведущими композиторами, как в издательстве, так и в концертах Кусевицкого, сделались Стравинский и Прокофьев.

⁷² Рахманинов – Метнеру. 14 января 1926, Нью-Йорк (цит. по: С.Рахманинов: Литературное наследие: В 3 т. Т.2: Воспоминания. Статьи. Интервью. Письма / Сост.-ред., вступит. ст., коммент., указ. З.Апетян. М.: Советский композитор, 1980. С.184-185).

⁷³ Рахманинов – Н. и С. Кусевицким. 27 марта 1926 (Нью-Йорк) (Там же. С.187).

⁷⁴ Руководитель общества (нем.). Здесь: директор РМИ.

⁷⁵ Н.Кусевицкая – Рахманинову. 3 апреля 1926, Бостон (цит. по: С.Рахманинов: Литературное наследие. Т.2. С.463-464).

⁷⁶ Пайчадзе – Н.Кусевицкой. 14 ноября 1926, Париж. – АК-БК.

Разошлись пути Кусевицкого и Николая Метнера. Покинув Москву осенью 1921, композитор, подобно Кусевицкому, проделал путь через Петроград и Ревель в Берлин. Ему было известно об успехе зарубежных концертов дирижера, именно с ним связывал он надежды на развитие своей карьеры на Западе. В письмах к Эбергу Метнер спрашивал о перспективах сотрудничества с Кусевицким-издателем и дирижером.

Понимая, в каком тяжелом положении находится композитор, Кусевицкий приглашает его сыграть фортепианный концерт в одной из своих ноябрьских программ 1921 года в парижской Опере. Однако, не будучи уверен, что Метнер (он жил тогда еще в Ревеле) успеет вовремя получить французскую визу и не зная, как связаться с ним, Кусевицкий делает замену в программе и высылает композитору чек на 25 тысяч марок взаимобразно. «Это предложение я Метнеру сделал, – писал Эберг после встречи с ним в Берлине. – Он был очень тронут, но взял пока только 10 000 марок. Долг он полагает покрыть своими новыми сочинениями»⁷⁷.

Ободренный было помощью Кусевицкого, композитор пишет на этот раз непосредственно ему, благодарит за деньги и снова спрашивает, может ли он надеяться на издание своих произведений в РМИ, а также на участие дирижера в его парижских концертах.

Ответ, пришедший, как и в случае с Рахманиновым, не от самого Кусевицкого, а от Наталии, окончательно разбил надежды Метнера. Она писала, что все парижские программы сезона 1921/22 года уже составлены, а РМИ находится в плачевном финансовом состоянии. Кусевицкие вынуждены были ограничивать свой выбор сочинениями, продажа которых в западных странах гарантировала бы по крайней мере возмещение затрат на их публикацию. Сочинения же Метнера с трудом продавались в Париже (сдвиг к лучшему наметится лишь в начале 1928, после успеха его выступлений в Англии).

Метнер чувствовал себя уязвленным. В особенности задел его совет Наталии не отказываться от предложений других издателей, если таковые поступят. «Одним словом, – с досадой писал он, – как гласит поговорка: *Komm herein und wärm' dich draussen*^{78, 79}».

Не раз сетовал Метнер на молчание Кусевицкого и позднее: «Кусевицкий, очевидно, никому ничего обо мне не говорил»⁸⁰; «Я уже два месяца не имею никаких сведений от Кусевицкого (который,

⁷⁷ Эберг – Н.Кусевицкой. 12 ноября 1921, Лейпциг. – Там же.

⁷⁸ Входи, а грейся снаружи (*нем.*).

⁷⁹ Метнер – Рахманинову. 30 ноября 1921, Берлин (цит. по: Н.К.Метнер. Письма / Сост. и ред. З.Апетян. М.: Советский композитор, 1973. С.208).

⁸⁰ Н.Метнер – А.Метнер. 2 января (1922), Дрезден (Там же. С.218).

впрочем, и за все время не написал мне ни одного слова»⁸¹; «от Кузевицкого по-прежнему ни звука»⁸². До начала 1922 Метнер вынужден будет взять оставшиеся 15 тысяч марок из денег Кузевицкого.

Получив в январе чек от Рахманинова на 50 тысяч марок, он следует его совету и возвратит в кассу РМИ все деньги, взятые у Кузевицкого в счет будущих публикаций своих сочинений. Две серии романсов, предложенные им тогда же РМИ, не были приняты к изданию, так как еще ранее композитор продал их в Россию. «Кузевицкий, судя по гробовому молчанию, не желает больше меня знать...», – пишет Метнер после того, как в октябре 1922, будучи в Берлине, Кузевицкий снова ничего не предпримет, чтобы помочь ему получить ангажемент⁸³.

Что руководило Кузевицким? За рубежами России еще более усугубилось очевидное еще в московский период несходство идеалов и приверженностей обоих музыкантов – поборника новой музыки Кузевицкого и яростного антипода модернизма Метнера. Особенно очевидно это на примере суждений Метнера о Стравинском. Сначала он признавал за автором «Жар-птицы» несомненный талант, и она вызвала в нем «сентиментальные надежды на дальнейшее»⁸⁴, но уже «Петрушка», как писал Метнер, «стал сначала подтрунивать, а потом просто издеваться над моими сентиментальными надеждами»; что до Фортепианного концерта Стравинского, на премьере которого в Париже Метнер присутствовал, то, с его точки зрения, тот явил собой «не только безобразную музыку или даже не музыку, а голый ритм, наполненный случайными звуками, но и не менее безобразную звучность!»⁸⁵.

Прокофьев записывает в дневнике пересказанный ему Эбергом диалог с Метнером: «Метнер: почему издательство не печатает моих сочинений? Эберг: нет денег. Метнер: ну, а Стравинского вы печатаете? Эберг: на печатание Стравинского Н<аталья> К<онстантиновна> дает деньги из своих частных средств. Метнер: а Прокофьев? Эберг: тоже»⁸⁶.

Гастролируя осенью 1924 – весной 1925 в Америке, Метнер исполнял свой Фортепианный концерт (тот самый, премьеру которого осуществил в Москве Кузевицкий⁸⁷): в Филадельфии и Нью-Йорке –

⁸¹ Метнер – Рахманинову. 12 февраля 1922, Берлин (Там же. С.219).

⁸² Н.Метнер – А.Метнер. Б/даты (20 апреля 1922, Берлин) (Там же. С.226).

⁸³ Метнер – Рахманинову. 6 ноября 1922, Берлин (Там же. С.236).

⁸⁴ Метнер – Рахманинову. 28 мая 1924, Эрки, Бретань (Там же. С.271).

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Прокофьев С. Дневник. Ч.2. С.261.

⁸⁷ Премьера состоялась 12 мая 1918 в Москве. Подробнее см. в первой части наст. ст.: Юзефович В. Российское музыкальное издательство: Первое десятилетие. В Берлине и Москве // Диаспора. Вып.5. С.171-172.

под управлением Леопольда Стоковского, в Чикаго – Фредерика Стока, в Цинциннати – Фрица Райнера, в Детройте – Осипа Габриловича. «Итак, почти везде в главных пунктах мне придется играть, – делился композитор, – *кроме Бостона*, резиденции Его Кусевичества... Ну, да Бог с ним»⁸⁸.

Музыканты даже не встретились в Америке. 3 января 1925 Бостонский оркестр давал свой очередной концерт в Нью-Йорке. Должен был солировать Рахманинов, и Метнер намеревался быть на концерте. Но Рахманинов заболел. «Мы не пошли в концерт, так как нам Кусевичского (да еще программа скучная) не интересно слушать»⁸⁹. Ни разу не выступил Кусевичский с Метнером и в Париже.

Полтора десятилетия спустя к Кусевичскому обратятся организаторы новых гастролей Метнера в США с вопросом о возможности его выступления с Бостонским оркестром в качестве солиста в собственных двух фортепианных концертах. Никакого ответа Кусевичского в его архиве обнаружить не удалось.

Изменение творческих приоритетов дирижера сделалось, надо думать, главной причиной его охлаждения как к Рахманинову, так и к Метнеру. Можно предположить и еще одну причину – возможно, невольно для самого себя, Кусевичский распространил на композитора свое крайне негативное отношение к его брату Эмилию Метнеру. Тот был ярким антисемитом и в равной мере обращал свое юдофобство против Карла Маркса, Зигмунда Фрейда и Рудольфа Штейнера, а в начале 1930-х сделался апологетом Гитлера и Муссолини⁹⁰.

Не складывался также контакт РМИ с Мясковским, хотя горячим адептом его был Прокофьев. Ранее изданные «Сонет Микельанджело» (оп. 8б), «Три наброска на слова Вячеслава Иванова» (ор. 8а) и один из романсов («Круги») вокального цикла «Из Гиппиус» (ор. 4) не переиздавались. Третью симфонию Кусевичский не стал публиковать по известным уже нам причинам коммерческого свойства. И лишь Шесть фортепианных пьес Мясковского «Причуды» (их многократно включал в свои пианистические программы Прокофьев, он и сыграл их Кусевичскому, которому они очень понравились) были изданы РМИ в 1924. Намечалось также издание вокальных сочинений Мясковского.

Со смертью Эберга процесс этот притормозился. Правда, Пайчадзе, со слов Прокофьева, был «окрылен результатом берлинской

⁸⁸ Н.Метнер – Э.Метнеру. 20 октября 1924, Нью-Йорк (цит. по: Н.К.Метнер. Письма. С.288. Курсив Метнера).

⁸⁹ Дневники-письма Анны Метнер, запись от 3 января 1925, Нью-Йорк (цит. по: Метнер Н.К. Воспоминания. Статьи. Материалы / Сост.-ред., вступит. ст., коммент., указ. З.Апетян. М.: Советский композитор, 1981. С.225).

⁹⁰ См.: Юнггерн М. Русский Мефистофель: Жизнь и творчество Эмилия Метнера. СПб.: Академический проект, 2001.

торговли <“Причудами”>⁹¹ и собирался запросить у Мясковского другие фортепианные пьесы. В 1929 он предложит Кусевицкому принять к изданию рекомендованную Прокофьевым «Симфониэтту» Мясковского. Однако композитор к тому времени оказался связанным, вплоть до 1930, контрактом на издание своих камерных произведений с контрагентом Музыкального сектора Госиздата – «Универсальным издательством» в Вене. Вокальные же опусы, нуждавшиеся в дополнительных расходах на переводы текстов, интересовали Пайчадзе меньше.

При всем этом Прокофьев не оставлял усилий, чтобы удержать композитора в сфере влияния РМИ. «...Не забывайте, – пишет он Мясковскому, – что издательство Кусевицкого очень желает иметь Вас у себя и просит Вас не продлевать контракта с Универсалем, предварительно не переговорив с нами. Преимущество этого издательства в том, что оно не преследует наживных целей и с родственным чувством печется о своих композиторах»⁹².

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ТВОРЧЕСКИХ КОНТАКТОВ СО СТРАВИНСКИМ⁹³

После осуществленных Кусевицким русских премьер «Петрушки» и «Весны священной», после издания РМИ авторского четырехручного клавира «Весны священной» и клавира оперы «Соловей» всяческие контакты со Стравинским оказались прерванными. Возобновились они только в 1920 в Париже. В программах парижских «Концертов Кусевицкого» наряду со старыми сочинениями композитора звучат премьеры только что завершенных им партитур. В каждой программке этих концертов публикуются портреты композитора – независимо от того, исполняются ли его сочинения в данный вечер. В РМИ издаются едва ли ни все сочинения Стравинского – вплоть до «Персефоны» (1934). Возобновляется и прерванная Первой мировой войной и революцией в России переписка между музыкантами.

За год до появления в Париже Кусевицкого Струве направил Стравинскому телеграмму, на которую композитор откликнулся пространном посланием. «Бесконечно рад был узнать, что Вы целы

⁹¹ Прокофьев – Мясковскому. 1 декабря 1926, Париж (опубл.: С.С.Прокофьев и Н.Я.Мясковский. Переписка. С.251).

⁹² Прокофьев – Мясковскому. 5 апреля 1928, Париж (Там же. С.273).

⁹³ Одновременно с подготовкой данного исследования автором готовилась к публикации переписка Стравинского и Кусевицкого «К истории одной недружбы» (опубл.: Труды Государственного Центрального Музея музыкальной культуры им. Глинки. Вып.2. М., 2003. С.363-498). Это привело к частичному дублированию материала этой части статьи.

и невредимы и полны энергии <...>, так необходимой для продолжения нашего издательства, в котором, должен сейчас же признаться, вижу единственное для себя спасение», – писал он⁹⁴.

Совершенно не представляя себе ситуации, в которой находилось РМИ, Стравинский предлагал для публикации несколько своих произведений, сочиненных за годы войны, и просил выплачивать ему ежемесячно 30 тысяч французских франков и по возможности выслать аванс. Он писал: «...я нахожусь в самых тяжелых обстоятельствах, лишенный всяких средств к существованию. <...> Поэтому известие о продолжении деятельности нашего издательства меня особенно анкуражировало⁹⁵, ибо я уверен, что оно мне даст возможность существовать исключительно на продукт моей композиторской деятельности»⁹⁶.

Струве ничего не оставалось, как объяснить композитору истинное положение издательства и свою собственную неустроенность. «Однако жаловаться грешно, – заключал он свое письмо, – всем русским необычайно тяжело жить сейчас, так или иначе, а уже о наших мучениях в самой стране и говорить нельзя!»⁹⁷ Находясь в Нью-Йорке, Струве всячески пытался содействовать приглашению Стравинского на гастроли в Америку, постановке его балетов в «Метрополитен-опера». «В середине декабря я, вероятно, поеду в Копенгаген недель на пять, оттуда надеюсь, пока хоть частично, возобновить деятельность издательства, – писал он композитору осенью 1919. – <...> В новом году *имеется надежда* приобрести некоторые из неизданных Ваших сочинений и начать публиковать их в Лейпциге, где печать самая дешевая все-таки»⁹⁸.

Однако Стравинский передал к тому времени свои авторские права лондонскому издательству «Честер», о чем (характерно для поведения Стравинского!) Струве узнал вскоре из письма самого издателя.

В «Честере» публиковали свои произведения многие ведущие европейские композиторы, в том числе Мануэль де Фалья, Франческо Малипьеро, Альфредо Казелла, Арнольд Бакс, Гренвил Банток. «<Клинг> обладает теперь крупным капиталом и открывает в многих странах музыкальные магазины и отделения своего издательст-

⁹⁴ Стравинский – Струве. 6 апреля 1919, Морж (цит. по: И.Ф.Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Т.2. С.438).

⁹⁵ От *encourager* – ободрять (*франц.*).

⁹⁶ Стравинский – Струве. 6 апреля 1919, Морж (Там же).

⁹⁷ Струве – Стравинскому. 8 июня 1919, Нью-Йорк (цит. по: И.Ф.Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Т.2. С.452).

⁹⁸ Струве – Стравинскому. 28 октября 1919, Нью-Йорк (Там же. С.463-464). Курсив Струве.

ва», – сообщает Струве Кусевицкому о директоре издательства «Честер»⁹⁹.

Стравинский издает в «Честере» многие из своих сочинений, написанных в годы войны и непосредственно после нее. Наиболее крупными из них были «Байка про Лису, Петуха, Кота да Барана», «Сказка о солдате», «Рэгтайм» для одиннадцати инструментов, балет «Пульчинелла», Сюита №2 для малого оркестра и хореографические сцены «Свадебка».

Внезапная гибель Струве не дала ему возможности завершить переговоры со Стравинским о возвращении в РМИ. Процесс этот возобновился с появлением в Европе Кусевицкого. Ко времени назначения Эберга директором РМИ композитор уже порвал отношения с издательством «Честер» и искал новые контакты, он раздумывал о заключении контракта с одним из американских издателей. Едва появившись в Париже в 1920, Эберг по поручению Кусевицкого встретился с композитором и завязал с ним дружеские отношения.

ФИАСКО ДИРИЖЕРА И КОНФЛИКТ СО СТРАВИНСКИМ

«...Жертвами <...> несчастного стечения обстоятельств, при котором ни один дирижер на свете не мог бы с честью выйти из положения...»¹⁰⁰ назовет Стравинский Кусевицкого и свои Симфонии духовых инструментов памяти Дебюсси, премьеры которых была проведена дирижером 10 июня 1921 в Лондонском Куинс-холл¹⁰¹. Для Кусевицкого премьеры эта навсегда оставалась одним из самых печальных воспоминаний. То был редкий, едва ли не единственный в биографии дирижера, случай провала впервые представляемой им новой музыки.

Десятилетие минуло со времени первого знакомства англичан с музыкой Стравинского. В 1912 труппа «Русского балета» Сергея Дягилева представила Лондону «Жар-птицу» в постановке Михаила Фокина. Лишь нескольких упоминаний в прессе удостоился тогда этот спектакль. «Орнитологи наверняка добавят новую главу в свои исследования, – писал один из рецензентов. – Неведомая птица открыта господами Фокиным и Стравинским. Она летала по сцене “Ковент Гарден” вчера вечером, переодетая в г-жу Карсавину»¹⁰².

За последовавшие годы имя Стравинского стало магнитом для посетителей театров и концертов по обе стороны Ла Манша. Кусе-

⁹⁹ Струве – Кусевицкому. 18 августа 1920, Нью-Йорк. – АК-БК.

¹⁰⁰ Стравинский И. Хроника моей жизни / Ст. и общ. ред. В.Богданова-Березовского. Л.: Гос. муз. изд-во, 1963. С.152.

¹⁰¹ О премьеры см.: Там же. С.150-152.

¹⁰² См.: Times. 1912. 19 June.

вицкий приехал в Лондон, чтобы провести с Лондонским симфоническим оркестром Русские фестивальные концерты. Незадолго до того с триумфальным успехом прошли здесь британские премьеры «Весны священной» – на симфонической эстраде под управлением Юджина Гуссенса и на сцене в постановке труппы Дягилева. На волне этого успеха Кусевицкий согласился представить англичанам премьеру Симфоний духовых инструментов, посвященных памяти Дебюсси. Тем более что партитура Симфоний готовилась в то время к изданию РМИ. Дирижер не учел, однако, насколько нова и непривычна, в сравнении с прежними сочинениями Стравинского, была стилистика Симфоний, которые много лет спустя Роберт Крафт назовет «наиболее новаторской и наиболее компактной формальной структурой»¹⁰³.

В монотонных литургических диалогах двадцати одного медного инструмента не было, по признанию Стравинского, ничего от «революционности» «Весны священной». Хотя партитура писалась композитором не для того, «“чтобы нравиться” или возбуждать страсти аудитории»¹⁰⁴, он надеялся тем не менее, что сочинение «дойдет до тех, у кого чисто музыкальное восприятие преобладает над желанием удовлетворить свои эмоциональные потребности»¹⁰⁵. Но этого, увы, не произошло.

Кусевицкий включил Симфонии для духовых в заранее сверстанную им программу концерта, в которой они оказались в окружении произведений Рахманинова, Римского-Корсакова, Глазунова и Скрябина. Поистине непостижимо, как мог дирижер, обычно так обстоятельно обдумывавший свои программы, исполнить Симфонии непосредственно после пышно оркестрованного, помпезного Марша из «Золотого петушка» Римского-Корсакова! Трудно было, казалось, придумать для них более неудачный контекст.

В довершение всего, когда отзвучал Марш и, оставив свои инструменты на стульях, артисты струнной группы отправились за кулисы, исполнители-духовики оказались на огромной сцене Куинсхолла на значительном отдалении от дирижера. Это мешало исполнению и акустически, и чисто зрительно. «Вид дирижера, жест кулирующего перед пустым пространством, дирижера, чье рвение возросло именно потому, что музыканты так от него отделились, мог смутить кого угодно», – напишет позднее Стравинский¹⁰⁶.

Артур Рубинштейн, сидевший в тот вечер в ложе рядом с композитором, вспоминал много лет спустя, что «восемь исполнителей с

¹⁰³ *Craft R. Stravinsky: Glimpses of a Life. New York: St. Martin's Press, 1992. P.373.*

¹⁰⁴ *Стравинский И. Хроника моей жизни. С.151.*

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же. С.151-152.

их инструментами <...> заняли свои места, стоя перед Кусевицким». По ошибке он писал о премьер... Октета. Трудно верить поэтому его словам, что публика, ожидавшая услышать нечто подобное церковным гимнам или слегка модернизированному Генделю, приняла пьесу Стравинского за пародию, а когда из зала раздался смех, Кусевицкий «злобно улыбнулся и даже подмигнул глазом, когда взглянул поверх своего плеча на смеющуюся аудиторию»¹⁰⁷. Последующие строки звучат, впрочем, вполне достоверно: «Стравинский с такой силой стиснул мою руку, что она несколько недель оставалась си-ней, и, наградив дирижера непристойным именем, увлек меня за собой из зала»¹⁰⁸.

Волнение Кусевицкого (или, как писал Стравинский, «рвение» дирижера) объяснялось однако совершенно другой причиной. Оркестровые партии Симфоний получены были им в день концерта, и музыканты оркестра впервые знакомились с музыкой лишь на утренней репетиции. У дирижера не оставалось времени выверить партии, а рукописная партитура изобиловала ошибками. Три версии корректуры не были сведены Стравинским к одной – финальной. (И даже много лет спустя, когда в 1947 Стравинский будет работать над новой редакцией Симфоний, третья версия корректуры, наиболее совершенная, окажется им неучтенной.)

Премьера Симфоний, в основу которых был положен антисимфонический принцип монтажа, не имела успеха ни публики, ни у прессы. Ритуальный характер музыки не был понят. Один из лондонских критиков назвал Симфонии «странной данью памяти Клода Дебюсси»¹⁰⁹. Другой писал, что «впечатления, которые могли бы вызвать Симфонии у Дебюсси, могут быть выражены только самыми крепкими словами»¹¹⁰. «Стравинский освистан» назвал свою рецензию третий, подчеркнув, что этот свист был самым громогласным протестом, который когда-либо имел место в Куинс-холле¹¹¹.

Почитатели Стравинского ополчились, естественно, на Кусевицкого. Высокий авторитет дирижера в британской столице, где его называли «одной из самых интересных фигур в музыкальных кругах»¹¹², был подвергнут сомнению. В защиту дирижера выступил авторитетный английский критик Эрнест Ньюмэн. Он назвал партитуру Стравинского «наиболее уродливой и бессмысленной коллекцией шумов, которые мне когда-либо доводилось слышать в кон-

¹⁰⁷ Rubinstein A. My Many Years. New York: Alfred A. Knopf, 1980. P.173-174.

¹⁰⁸ Ibid.

¹⁰⁹ Альбом газетных вырезок. Лондон, 1921. – АК-БК.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же.

цертном зале»¹¹³. «Я не представлял, что Стравинский так ненавидит Дебюсси, – писал он. – Если бы мои собственные воспоминания о друге были бы столь болезненны, как воспоминания Стравинского о Дебюсси, я постарался бы забыть его. <...> Определенно, что-то неладное творится с ним в последнее время. Музыка его была всегда оригинальной, ныне она перестала быть таковой»¹¹⁴.

Критик подчеркивал, что недостаточное количество репетиций вовсе не повлияло на его впечатления от партитуры. «Как бы наскоро не проводились репетиции, мы можем с уверенностью полагать, что по крайней мере правильными были ноты, – писал он. – Неадекватное исполнение произведения способно помешать насладиться его сокровенным духом, но при верно сыгранных нотах музыка по крайней мере явит свой смысл, если таковой имеется в ней»¹¹⁵.

Неделю спустя с открытым письмом к редактору газеты «Таймс» обратился Кусевицкий. Приводим его практически полностью, так как мысли, выраженные в нем, выходят далеко за рамки конкретного исполнения:

Симфония Стравинского¹¹⁶ была исполнена в моих концертах, так как об этом настоятельно просили Стравинский и его друзья. Стравинский сам передал мне весь материал сочинения буквально перед репетициями и лично присутствовал на обеих из них. Я в полной мере сознавал, что подготовить Симфонию к исполнению в столь сжатый срок невозможно. Я имел две репетиции на всю программу и не желал брать на себя никакой ответственности. Однако после настоятельных просьб Стравинского я согласился на исполнение, хотя и предполагал, что оно может быть лишь неким трюком и с моей стороны, и со стороны оркестра. Я прекрасно понимал, что в подобных условиях мы не сумеем преодолеть чисто автоматической передачи нотного текста.

Вот почему я был изумлен, когда услышал странные доводы «фанатов» Стравинского о том, будто я, вместо того чтобы исполнять одни только звуки, как были они сочинены, стремился, вопреки намерениям автора, привнести в них «чувства». Я должен заметить, что, по изложенным выше причинам, единственно, что я только мог передать, – это звуки, так как не располагал ни временем, ни возможностью даже и подумать об интерпретации (что, по моему убеждению, является необходимостью, а вовсе не недостатком).

Мое мнение о Стравинском как композиторе известно: я всегда ценил его талант. Это не лишает меня, однако, права иметь

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Так называет Кусевицкий партитуру композитора.

непредвзятое мнение о новом его произведении. Если Стравинский и его почитатели находят в его последней Симфонии какой-то новый, открытый им в творчестве путь и полагают, что композитор, как утверждают они, отказывается от ранее написанной музыки, и если они считают, что музыка являет собою простое «манипулирование звуками», то я, как музыкант, совершенно не признаю подобной формы музыкального творчества, потому что не вижу (в ней. – В.Ю.) разницы между гением композитора и искусством фокусника.

Что до самой Симфонии, то я должен признаться, что не нашел в ней ничего, что могло бы переубедить меня в этом; даже состав ансамбля не показался мне особенно новым. Тысячи банальнейших произведений созданы для подобных инструментальных групп. В Симфониях нет и никаких новых элементов – кроме некоей фальши и неудобоваримых гармоний. Немало в Симфониях реминисценций из «Петрушки» и «Весны священной», к которым совершенно искусственно приставлен хорал, сам по себе не имеющий никакой художественной ценности.

Если руководствоваться общими нормами музыки, а не думать только о «сопоставлении тональных ценностей», то Симфонии свидетельствуют, по моему убеждению, скорее о спаде в искусстве Стравинского и никаким образом не о начале нового этапа в его творчестве. И я очень рад, что это поняли в Англии.

Так как престиж русского искусства очень дорог мне, я вовсе не намерен преуменьшать гения Стравинского и полагаю, что все, вышедшее из-под его пера, должно быть исполнено. Но даже и величайшие композиторы испытывали порой моменты упадка в творчестве. Это не давало, однако, им права относить свои просчеты за счет других, сваливая на них собственные неудачи. Не думаю, что это достойно великого музыканта и что это способно добавить лавры в его венец.¹¹⁷

Можно без труда вообразить бурю возмущения, которую вызвала злополучная премьера в душе Стравинского, и без того всегда достаточно иронично говорившего и писавшего об исполнителях и искажении ими авторского замысла композитора. Можно было бы также предположить, что случившееся побудит композитора немедленно порвать с РМИ и его хозяином.

Тактика Стравинского оказалась, однако, иной, как станет ясно из его переписки с Сергеем Дягилевым.

«Посылаю тебе статью одного из твоих жидовских друзей, – писал Дягилев, прилагая статью Кусевичко. – В качестве твоего истинного друга советую тебе остерегаться всех этих музыкальных жидов, ибо ты начинаешь замечать, чего тебе стоит эта дружба. Я

¹¹⁷ *Kussewitzky S. On the Wind Symphony. Letter to the Editor // The Sunday Times. 1921. 24 July.*

дрожал от злости, читая статью этого мерзавца»¹¹⁸. На это Стравинский ответил: «...русским грызться сейчас на глазах не приходится, но статью эту я ему, Кусевицкому, когда время настанет, припомню. <...> Мне хотелось бы вывести эту скотину на чистую воду. <...> Но если отвечать, то, разумеется, не на злую глупость и пошлость Кусевицкого, а на то, что составляет существо его и их жидовско (как ты говоришь)-немецкого менталитета»¹¹⁹.

Следуя совету Дягилева, Стравинский не выступил в прессе с ответом Кусевицкому. «Почему же мои друзья не отвечают на этот выпад?» – словно обвиняя их в излишней осторожности, вопрошал он в письме Эрнесту Ансерме¹²⁰.

Вскоре Стравинский снова пишет Дягилеву, и письмо это говорит о том, что осторожности не лишен был он сам. «Сережа, я еще раз пораздумал над письмом Кусевицкого <так!>. Если ты считаешь все-таки нужным ответить в той или иной форме, то имей в виду, что *la bete est venimeuse*¹²¹. Он сможет здорово навредить нам с тобой. Вот в каких руках (раньше этого не было) весь российский мир <!>... Не пиши, не тронь г...а...»¹²²

Оставим в стороне тон письма – не слишком, мягко говоря, деликатный. Куда важнее для нас, что из письма этого становится ясно, почему, руководствуясь собственной выгодой, Стравинский с такой легкостью пойдет вскоре на «примирение» с Кусевицким. Впрочем, до конца своей жизни он так и не оценит его по достоинству как крупного музыканта, хотя и будет поручать ему ответственные премьеры своих новых произведений.

Кусевицкий впоследствии не возвращался к Симфониям духовых инструментов, Стравинский же многократно переделывал партитуру. «Стравинский был неудовлетворен своей инструментовкой, и по этой причине награвированная Российским музыкальным издательством партитура так никогда и не была опубликована, – пишет исследователь. – Более того, в трех версиях корректуры партитуры так много разночтений, что трудно определить, какие из изменений композитора являются последними»¹²³.

¹¹⁸ Дягилев – Стравинскому, б/даты и места (24 или 25 июля 1921, Лондон) (цит. по: И.Ф.Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Т.2. С.492). Курсив Дягилева.

¹¹⁹ Стравинский – Дягилеву. 27 июля 1921, Англе (Там же. С.494).

¹²⁰ Стравинский – Э.Ансерме, б/даты (цит. по: Stravinsky. Selected Correspondence / Ed. and with Commentaries by R.Craft. Vol.1. New York: Alfred A.Knopf, 1982. P.149).

¹²¹ это животное ядовито (франц.).

¹²² Стравинский – Дягилеву, б/даты и места (29 июля 1921, Англе) (цит. по: И.Ф.Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Т.2. С.496).

¹²³ Stravinsky V., Craft R. Stravinsky in pictures and documents. P.226-227.

Не имели успеха Симфонии духовых инструментов и на последующих исполнениях у Юджина Гуссенса в Лондоне и Леопольда Стоковского в Филадельфии и Нью-Йорке, что привело Стравинского к решению не разрешать никому, кроме Ансерме, исполнять их. Тем временем Ансерме, дирижируя Симфонии во многих европейских столицах, забрасывает Стравинского вопросами относительно многочисленных ошибок в партитуре и оплошностей композитора в инструментовке.

Не случайно и то, что Симфонии не были изданы – ни у «Честера» в Лондоне, который располагал копией партитуры Стравинского, ни в РМИ (хотя, владея правами на издание, оно в сентябре 1923 даже заключит с композитором соответствующий контракт), ни в издательстве «Хансон» в Копенгагене, которому композитор предлагал партитуру.

«История их публикации остается загадкой, – пишет о Симфониях Роберт Крафт. – Почему Стравинский, которому обычно не терпелось быть изданным, так и не закончил корректуру верстки и не разрешил противоречия между разными версиями корректуры и в то же самое время разрешил продажу фортепианного переложения, содержащего значительные ошибки?»¹²⁴

В 1947 Стравинский сделает новую инструментовку Симфоний духовых инструментов – «более ясную и лучше сбалансированную»¹²⁵. Тогда же на корректурных листах первой редакции партитуры он напишет: «Не подлежит исполнению»¹²⁶. Годом позже Стравинский отказывает Ансерме включить в программу Симфонии в их первой редакции.

ПОСТОЯННОЕ САМООБНОВЛЕНИЕ. «ВЕСНА СВЯЩЕННАЯ»

Оказавшись в Париже и каждодневно наблюдая за восприятием русской музыки западной аудиторией, Кусевицкий с особенной ясностью осознает, сколь принципиально новаторство Стравинского. К тому же выводу приходит в те годы Артур Лурье. «На долю Стравинского выпало разорвать существовавшие прежде в России узы, связывающие с западной традицией, – пишет он в 1926. – В сочинениях Стравинского <...> впервые русская музыка теряет свое “провинциальное”, “экзотическое” значение <...>, становясь водителем всемирного музыкального искусства»¹²⁷. Кусевицкий разделял эти суждения, хотя и без присущей им категоричности – ведь про-

¹²⁴ Цит. по: *Craft R. Stravinsky: Glimpses of a Life*. P.376.

¹²⁵ *Ibid.* P.227.

¹²⁶ *Ibid.* P.229.

¹²⁷ *Лурье А. Музыка Стравинского // Версты. 1926. №1. С.126, 134.*

цесс освобождения русской музыки от западных канонов начинался еще с эпохи Глинки.

Тем самым творчество Стравинского – даже вне зависимости от того, отдавал ли себе в этом отчет композитор, – становилось музыкальной аналогией политической теории евразийства. Это подготовило почву для сближения Стравинского с видным деятелем евразийства – Петром Сувчинским.

Каждая новая партитура Стравинского знаменовала собой новый этап творчества композитора и являлась полной неожиданностью для музыкального мира. После трех ранних балетов, ставших для Запада неким синонимом «русского» в музыке, – «Свадебка», о которой сам композитор говорил, что сомневается, может ли она «когда-нибудь полностью раскрыться для нерусского»¹²⁸. Вслед за Концертом для фортепиано и духовых инструментов с его, по словам автора, «абсолютной музыкой <...>, сухой, холодной и прозрачной, как шампанское extra-dry»¹²⁹ – пронизанная солнцем Италии и безудержной игровой стихией «Пульчинелла». За насыщенной трагизмом оперой-фреской «Царь Эдип» – неоклассицистская партитура «Аполлона Мусагета». Наконец, за рожденным из преклонения перед гением Чайковского балетом «Поцелуй феи» – Симфония псалмов с ее, как скажет Эрнест Ансерме, «абсолютно достоверным выражением религиозного чувства»¹³⁰. Восторгаясь «поистине ошеломляющей в искусстве Стравинского способностью обновления», Поль Дюка писал, что каждое из его творений «само выдумывает для себя свои правила»¹³¹.

Никогда не обогатился бы каталог РМИ таким количеством новых сочинений Стравинского, никогда не смог бы Кусевицкий сделать истинным пропагандистом творчества композитора, не обладай сам он удивительным даром обновления или, другими словами, редкой стилевой восприимчивостью, способностью предлагать «свои правила» для воплощения каждой последующей партитуры композитора.

Конфликт со Стравинским не изменил отношения Кусевицкого к его музыке – точно так, как было это десять лет назад после разрыва со Скрябиным. Сочинения Стравинского остаются как в планах

¹²⁸ Игорь Стравинский: Диалоги. Воспоминания. Размышления. Комментарии // Послесл. и общ. ред. М.Друскина. Л.: Музыка, 1971. С.167.

¹²⁹ Цит. по: И.Стравинский – публицист и собеседник // Сост., текстологич. ред., коммент., заключ. ст. и указ. В.Варунца. М.: Советский композитор, 1988. С.44.

¹³⁰ Цит. по: *White E.W. Stravinsky. The Composer and his Works.* Berkeley: University of California Press, 1979. P.366.

¹³¹ Цит. по: Статьи и рецензии композиторов Франции. Конец XIX – начало XX века // Сост., пер., вступит. ст. и коммент. А.Бушен. Л.: Музыка, 1972. С.335.

РМИ, так и в программах парижских «Концертов Кусевицкого». Наряду с серией премьер (рассказ о них далее) снова и снова звучат у Кусевицкого и ранее написанные произведения композитора: Сюита из «Петрушки» (6 мая 1921, 20 апреля 1922, 22 и 29 мая 1924, 13 июня 1925), симфоническая поэма «Песнь Соловья» (26 октября 1922 – первое концертное исполнение в Париже; 10 мая 1923), фрагмент («Le Pêcheur et le Rossignol») из оперы-сказки «Соловей» (3 мая 1923), «Весна священная» (24 мая и 25 октября 1923, 22 мая 1924, 13 июня 1925, 11 июня 1927), Октет (18 октября 1923 – мировая премьера, дирижер – автор), Сюита из «Жар-птицы» (22 и 29 мая 1924), Фортепианный концерт (22 и 29 мая 1924 – мировая премьера, солист – автор, 13 июня 1925, солист – автор), «Рэгтайм» (13 июня 1925 – первое исполнение в Париже, дирижер – автор), «Фейерверк» (3 июня 1926). В программу первого (22 мая 1924) из двух «фестивалей» Стравинского, как принято было называть тогда в Париже монографические программы, Кусевицкий включил Сюиты из «Жар-птицы» и «Петрушки», Фортепианный концерт и «Весну священную»; в программу второго (13 июня 1925) – снова «Петрушку», «Весну священную» и Фортепианный концерт (солист – автор), а также «Рэгтайм» (дирижер – автор). Аннотация, написанная Кусевицким позднее к осуществленной им с Бостонским оркестром записи «Петрушки»¹³², могла бы вполне служить предисловием издателя. «“Петрушка” – одно из наиболее выдающихся современных сочинений благодаря своей внутренней ритмической спаянности и логике, эмоциональной правде самого действия и его звукового воплощения, благодаря новизне достижений в сферах ритма, тембра, колорита, свежести остроумнейших сочетаний контрапункта и гармонии», – писал он¹³³. Наиболее ценным считал он в «Петрушке» интуитивное выражение композитором инструментально-импровизационного элемента русского музыкального фольклора.

Исполняя в своих концертах Сюиту из «Жар-птицы», Кусевицкий пользовался партитурой и оркестровыми голосами, изданными у «Честера». Для одного из парижских исполнений (22 мая 1924) по просьбе Стравинского он вносит в ноты несколько корректив. Они войдут позднее во все последующие издания Сюиты.

Коррективе подвергается также партитура «Весны священной». Летом 1922, в период подготовки Кусевицкого к первому своему

¹³² Запись «Петрушки» была осуществлена Бостонским оркестром под управлением Кусевицкого для звукозаписывающей компании RCA Victor Records (Victor Talking Machine, Camden, New Jersey) в Симфони-холле Бостона 13 и 14 ноября 1928.

¹³³ Кусевицкий С. Заметки о «Петрушке» Стравинского, б/даты и места (после 14 ноября 1928, Бостон). (Черновик). – АК-БК.

исполнению «Весны» в Париже, Николай Слонимский предложил ему «перетактировать» ритмически сложный для дирижера эпизод в «Священной пляске Избранницы». Своим привычным синим карандашом Кусевицкий внес в свой экземпляр опубликованной РМИ партитуры «Весны священной» предложенное Слонимским новое соединение различных по размеру тактов, не пожертвовав при этом ни единым звуком музыки. Партитура эта и сегодня хранится в библиотеке Бостонского оркестра. И Кусевицкий, и, позднее, Леонард Бернштайн неоднократно пользовались, дирижируя «Весну», именно ею.

Регулярно обращаясь к «Весне священной», Кусевицкий отточил техническую сторону своего исполнения и продемонстрировал, по словам критики, собственное прочтение этой музыки, выявил не только присущую ей мощь динамики, но и «титаническое напряжение воли и страсти», и глубокий ее лиризм, ее психологизм. Впрочем, в оценке интерпретации дирижером партитуры среди критики не было единого суждения.

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ И КОНЦЕРТНЫЕ ПРЕМЬЕРЫ. 1921–1925

Существенную роль в примирении Кусевицкого со Стравинским – хотя бы и внешне – сыграл все тот же Эрнест Эберг. Быть может, наиболее важное из всего, что успел сделать этот человек за короткое время своего директорства, – это упрочение творческих контактов с Игорем Стравинским. Встретившись с композитором уже в первый свой приезд в Париж в 1920, Эберг завязал с ним дружеские отношения, вступил в активную переписку. Осенью 1922 в Берлине он тесно общается со Стравинским, который несколько недель оставался здесь в ожидании приезда матери из России. Эберг и впоследствии будет внимательно следить за европейскими турне композитора, присутствовать в Германии на многих его премьерх и информировать Кусевицкого об их успехах. Именно он подпишет в декабре 1924 контракт на десять выступлений Стравинского в США.

«<Стравинский> является чрезвычайно интересным композитором для нашего издания. Ведь в Париже сейчас больше всего доход дают его сочинения, – пишет Эберг Кусевицкому. – <...> Может быть, пользуясь его доверием, мне удастся уговорить его продолжить издавать свои сочинения в нашем издании на новых условиях, без платы аванса или гонорара, а оплатою с продажи каждого экземпляра»¹³⁴. Вскоре Эберг сообщает, что Стравинский «согласен на все старое и старые контракты поставить крест и сделать новый контракт за те сочинения, которые были покрыты гонораром, он будет

¹³⁴ Эберг – Кусевицкому. 22 августа 1922, Брюссель. – АК-БК.

получать 10% с оптовой цены проданного экземпляра, а за сочинения, которые не покрыты гонораром, он будет получать 25% с экземпляра»¹³⁵.

Первыми сочинениями Стравинского, выпущенными РМИ в диаспоре, в 1921 стали «Весна священная» (большая и карманная партитуры) и симфоническая поэма «Песнь Соловья» (партитура и оркестровые голоса). В 1922 РМИ издает балет «Петрушка» (авторское переложение для фортепиано в четыре руки), Три пьесы для струнного квартета (партитура и голоса) и «Три песенки (Из воспоминаний детских лет)» с русским и французским текстами.

Отношения Стравинского с владельцами РМИ казались налаженными. «Наталье Константиновне и Сергею Александровичу Кусевицким на добрую память от преданного им Игоря Стравинского. Париж, июнь 1923», – написал композитор на подаренной им фотографии¹³⁶. Только что завершив партитуру Октета, Стравинский подтверждает предварительную договоренность с Кусевицким о его первом исполнении в его парижских концертах. Условием композитора было, однако, самостоятельное проведение премьеры.

Вполне естественная досада, что Октет будет представлен слушателям не им, не ожесточила Кусевицкого. Стравинскому были созданы максимально благоприятные условия для подготовки премьеры. Состоялась она 18 октября 1923 в парижской Опере. Кусевицкий радовался как успеху Октета, так и удаче дебюта Стравинского в качестве дирижера, позволившей ему и впредь выступать на этом поприще.

В 1923 РМИ выпускает партитуры оперы «Соловей» и балета «Пульчинелла». Для обложки партитуры оперы «Соловей» предполагалось в 1923 использовать эскиз Николая Рериха, но присылку обещанного эскиза художник задерживал, и замысел остался неосуществленным.

Хорошо зная характер Стравинского, склонность его ставить перед собой ложные задачи и упорствовать в их решении, Кусевицкий предложил ему сочинить Фортепианный концерт и выступить на его премьеры в роли солиста. Предложение это должно было, казалось, поставить точку над «i» в конфликте между музыкантами. Исполнение нового произведения предполагалось в одной из программ Бостонского оркестра, руководить которым Кусевицкий был незадолго до этого приглашен.

После некоторых колебаний, связанных прежде всего с неуверенностью в своих пианистических возможностях, Стравинский принял предложение Кусевицкого. Перспектива первых гастролей в

¹³⁵ Эберг – Н.Кусевицкой. 5 ноября 1922, Берлин. – Там же.

¹³⁶ Фотография хранится: Там же.

Америке была соблазнительна для музыканта, успевшего уже завоевать Европу.

Одновременно с началом работы над партитурой Стравинский принялся за усердные каждодневные занятия на фортепиано. При встрече с Прокофьевым он сказал, что «намерен играть свой Концерт как пианист, а не как композитор, которого бы снисходительно хлопали по плечу за пианистические попытки»¹³⁷.

Композитор работал над Фортепианным концертом с середины 1923 по апрель 1924. На рукописи рукой автора помечена дата окончания работы над первой частью – 1 декабря 1923¹³⁸. «И<горь> Ф<едорович> <...> извиняется, что сам не пишет Вам, т<ак> <как> безумно занят заканчиванием Концерта», – писала Кусевицкому жена композитора¹³⁹.

Концерт прозвучал впервые 14 мая 1924 в исполнении на двух роялях (автор и Жан Вьенер) на музыкальном вечере в парижском особняке принцессы Винаретты де Полиньяк, меценатки, и 15 мая в Зале Гаво. Публичную премьеру Кусевицкий провел в рамках своих концертов в Гранд Опера 22 мая 1924. Солировал автор. Программа, целиком состоявшая из произведений Стравинского, включала в себя также «Жар-птицу» и «Весну священную». «Наталии Константиновне Кусевицкой посвящаю свой концерт, сыгранный мною с Сергеем Александровичем на славу 22 мая 1924 г. в парижской опере», – написал Стравинский на подаренной ей рукописи концерта¹⁴⁰.

Кусевицкий сразу же принял совершенно новую для Стравинского стилистику неоклассицизма, которая дала о себе знать в Allegro первой части Концерта и, с особой ясностью, в средней его части – Largo.

Стравинский сильно волновался на премьере – шутка ли, начинать пианистическую карьеру в 40 лет! Присутствовавший в театре Прокофьев язвительно замечает, что композитор «сейчас себя чувствует как девушка перед потерей невинности»¹⁴¹. И хотя, по словам Прокофьева, «играл он хорошо, бойко и без видимых сходов с рельс»¹⁴², в действительности дело обстояло совсем не так. «Окончив первую часть Концерта, перед Largo, которое начинается с соло рояля, я вдруг обнаружил, что совершенно забыл начало», – вспо-

¹³⁷ Прокофьев С. Дневник. Ч.2. С.255.

¹³⁸ Концерт для фортепиано, духовых инструментов, литавр и контрабасов. Предложение для двух фортепиано. (Рукопись). – АК-БК.

¹³⁹ Е.Стравинская-Носенко – Кусевицкому. 8 апреля 1924, Биарриц. – Там же.

¹⁴⁰ Концерт для фортепиано, духовых инструментов, литавр и контрабасов... – Там же.

¹⁴¹ Прокофьев С. Дневник. Ч.2. С.258.

¹⁴² Там же.

минал композитор¹⁴³. Перелистать страницы положенной им на всякий случай рядом с собой партитуры он не решился. «Я шепотом сказал об этом Кусевицкому. Он взглянул на партитуру и подсказал мне первые ноты: этого было достаточно, чтобы уверенность моя ко мне вернулась и я мог приступить к Largo»¹⁴⁴.

Словно забыв о собственном конфузе, Стравинский впоследствии вспоминал: «Когда я играл свой Фортепианный концерт под управлением Вильгельма Фуртвенглера в Лейпциге и Берлине, он дирижировал плохо, даже хуже, чем Кусевицкий на премьере»¹⁴⁵.

Неделей позже, 29 мая, исполнение Концерта было повторено в Опере. Автор на этот раз чувствовал себя увереннее, что передалось и Кусевицкому, и оркестру.

Если после премьеры критик укорял дирижера в недостаточной четкости оркестрового сопровождения, то теперь писал, что «аккомпанемент звучал превосходно, почти всегда ясно и точно; и мы, привыкнув к необычному сочетанию фортепиано и духовых, глубже восприняли красоту этого произведения...»¹⁴⁶. Год спустя, после очередного исполнения Фортепианного концерта (13 июня 1925), тот же критик напишет тем не менее: «...эта музыка вне сферы таланта Кусевицкого...»¹⁴⁷.

До 1927 Стравинский сохранял за собой эксклюзивное право на исполнение Фортепианного концерта, что вызывало недовольство РМИ. «Вы его играете очень мало, предпочитая дирижировать, — писал композитору директор издательства, — и мы, таким образом, заживо хороним хорошую вещь»¹⁴⁸. Стравинский согласился отказаться от эксклюзивного права. «Очевидно, это должно быть решено исходя из того, что сочинение бывает забыто, когда его не играют, — отвечал он. — Однако в то же время Концерт рискует быть скопрометированным, если некомпетентные или романтические руки начнут “интерпретировать” его перед неразборчивой аудиторией. Попытайтесь прежде всего поместить его в руки честных пианистов типа Боровского, Орлова, <М-ме> Марсель Майер...»¹⁴⁹. Рукопись Форте-

¹⁴³ Стравинский И. Хроника моей жизни. С.174.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Цит. по.: Igor Stravinsky and Robert Craft. Themes and Episodes. New York: Alfred A. Knopf, 1966. P.149.

¹⁴⁶ Шлецер Б. Театр и музыка. Концерты Кусевицкого // Последние новости. 1924. 5 июня.

¹⁴⁷ Шлецер Б. Музыкальные заметки // Там же. 1925. 23 июня.

¹⁴⁸ Пайчадзе — Стравинскому. 6 августа 1927, Париж (цит. по.: И.Ф.Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Т.3. С.246).

¹⁴⁹ Стравинский — Пайчадзе. 14 августа 1927 (Таллуар). (Обратный перевод с англ.) (цит. по: Stravinsky V., Craft R. Stravinsky in Pictures and Documents. P.629).

пианного концерта в авторском переложении для двух роялей долгие годы хранилась в парижском сейфе Наталии Кусевицкой, который был вскрыт только в 1949.

В 1924 РМИ издает партитуру оркестровой Сюиты из балета «Петрушка», оркестровые голоса балета «Пульчинелла» и партитуру сделанной композитором Сюиты из этого балета, партитуру Октета, карманную партитуру Концерта для фортепиано, духовых, литавр и контрабасов и его авторское переложение для двух роялей.

Несмотря на то что Эберг писал в ноябре 1924: «Вчера вышли из печати клавир Фортепианного концерта Стравинского и его партитура Октета. На днях выйдут оба материала»¹⁵⁰, сведения об издании большой партитуры и оркестровых голосов в 1924¹⁵¹ неверны. Значительно позже, в 1930, намереваясь включить Фортепианный концерт в бостонские программы, Кусевицкий напишет Пайчадзе: «Надеюсь, что на этот раз Концерт Стравинского не будет отлеживаться годами, перед тем как можно будет его исполнить. Прошу Вас прислать мне материал как только он будет у Вас готов: мы его сыграем с Санромой¹⁵²...»¹⁵³. Замысел этот осуществлен не был, а большая партитура и оркестровые голоса Фортепианного концерта будут опубликованы лишь в 1936¹⁵⁴.

В 1925 году каталог РМИ обогатится инструментальными головами Октета, партитурой и авторским клавиром оперы «Мавра», клавиром симфонической поэмы «Песнь соловья» и двумя фортепианными сочинениями – Сонатой и Серенадой in A.

Музыка Стравинского продолжала, как мы уже знаем, звучать в концертах Кусевицкого и после переезда дирижера в Америку. Еще находясь в Париже, он говорил посетившему его здесь менеджеру Бостонского оркестра Уильяму Бреннану о своем намерении исполнять в Америке произведения Стравинского. По просьбе Кусевицкого Бреннан согласился взять на себя обязанности менеджера Стравинского в США. «Игорь Стравинский заканчивает сейчас свой пер-

¹⁵⁰ Эберг – Кусевицкому. 1 ноября 1924, Париж. – АК-БК.

¹⁵¹ См.: И.Ф.Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Т.3. С.853.

¹⁵² Джезус Мария Санрома (1902–1984) – пианист Бостонского оркестра, блистательный музыкант, многократно выступавший солистом в фортепианных концертах Сергея Рахманинова, Мориса Равеля, Артура Онеггера, Эрнста Тоха, Эдварда Барлингейма Хилла, Эрнеста Блоха, Константа Ламберта, Марио Пилати, Уолтера Пистона и других авторов.

¹⁵³ Кусевицкий – Пайчадзе. 20 января 1930, Бостон. – АК-БК.

¹⁵⁴ Об этом правильно указано, в частности, в: *Thompson K. A Dictionary of Twentieth Century Composers. 1911–1971. London: Faber & Faber, 1973. P.580; White E.W. Stravinsky. The Composer and his Works. 2-nd ed. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1980. P.314.*

вый концерт для фортепиано с оркестром, первое исполнение которого будет дано мной с автором как солистом в одном из моих весенних концертов в Париже, – писал Кусевицкий одному из членов Совета директоров оркестра. – Поскольку сочинение это будет иметь очень большую музыкальную ценность, будет исключительно интересно включить его в программы Бостонского оркестра будущего сезона в Бостоне и Нью-Йорке с автором в качестве солиста»¹⁵⁵.

Музыка Стравинского не была в новинку для бостонцев – великолепным интерпретатором ее был прежний главный дирижер оркестра Пьер Монте. Только в минувшем сезоне «Весна священная», которую он первым исполнил десять лет назад в Париже, звучала в двух парах его бостонских концертов. Тем большую ответственность брал на себя Кусевицкий, снова и снова включая в репертуар оркестра сочинения композитора. Уже в первом своем бостонском сезоне он провел «монографию» Стравинского (23 и 24 января 1925), в Бостоне (26 и 27 декабря 1924) и затем в Нью-Йорке дирижировал «Весну священную», в двух разных программах – «Жар-птицу» (23 и 24 января и 9 февраля 1925). Подобно парижским критикам, не были единодушны в оценке трактовки Кусевицким «Весны» и американские. Однако среди них не было разногласий относительно того, что в своих трактовках Стравинского дирижер был совершенно самостоятелен. К тому же он не переставал совершенствовать свои интерпретации.

Сопоставления с Монте долго еще будут преследовать Кусевицкого. Об исполнениях им, к примеру, сюит из «Жар-птицы» и «Петрушки» напишут, что они «лишены поэтического воображения и временами грубоваты», что «вовсе не так звучали эти сюиты у Монте»¹⁵⁶. О прочтении «Весны священной» – что оно «во многом разошлось с трактовкой его предшественника»¹⁵⁷. Однако было и то, что не отрицалось никем из критиков: в трактовках Стравинского Кусевицкий был совершенно независим – как от других дирижеров, так и от самого композитора. К тому же дирижер не переставал совершенствовать свои интерпретации.

Оговаривая условия контракта на первое свое американское турне, заключенного через посредничество РМИ, Стравинский настаивал на включении в бостонские программы Фортепианного концерта. В Бостоне он дирижировал и играл 23 и 24 января 1925. В программу, помимо сыгранного автором Фортепианного концерта, вхо-

¹⁵⁵ Koussevitzky – Henry B. Sawyer. 28 December 1923, Paris. – Архив Бостонского симфонического оркестра (BSO Archives). Trustees Series. 51x.

¹⁵⁶ Mason S. Stravinsky plays His Concerto for the First Time in America // Boston Monitor. 1925. January 24.

¹⁵⁷ Downes O. The Boston Symphony // The New York Times. 1925. January 2.

дили «Песня волжских батраков» и сюиты из «Жар-птицы» и «Петрушки». «Стравинский остался очень доволен Вашим аккомпанементом, – писал Кусевицкому Эберг. – Раньше говорил, что другие дирижируют лучше. Я же понимал, что тут дело не в дирижерах, а в том, что сам Стравинский освоился со своим Концертом и стал много лучше его играть. <...> Дальше мне известно, что он вообще остался очень доволен Вашим приемом. Всею (этому. – В.Ю.) я бесконечно рад, ибо Стравинский нужен Издательству как хлеб и дружеские отношения значительно облегчают мою работу»¹⁵⁸.

ГАВРИИЛ ПАЙЧАДЗЕ

Узнав о смерти Эберга, Кусевицкие предполагали не торопиться с назначением нового директора РМИ – по крайней мере до очередного своего приезда в Париж весной 1926, но обстоятельства сложились по-иному. «Société Anonyme осталось без юридического представителя, и всякая бумага, которая требует ответственной подписи, должна откладываться, – писал им Пайчадзе. – <...> Дела издательств в Берлине могут протекать довольно нормально, но в Париже, где мы последнее время много печатали и печатаем, сейчас нам приходится туго»¹⁵⁹. Было очевидно, что без официального директора РМИ оставаться не может.

В поле зрения Кусевицких Пайчадзе был единственным человеком, который удовлетворял по крайней мере трем условиям. Он хорошо знал издательское дело в целом, дела РМИ в частности, ясно сознавал всю сложность его деятельности вне России, без постоянного притока новых композиторов. Итак, он был назначен на пост директора и два с лишним десятилетия возглавлял издательство. Пользуясь все эти годы полным доверием Кусевицких, он сделался их полномочным представителем и советником в Париже.

Давний друг Кусевицкого, Гавриил (Габриэл) Григорьевич Пайчадзе отличался глубокой интеллигентностью, обладал разносторонним образованием и незаурядным умом. Его письма к Кусевицким – несколько сот за четверть века его директорства – летопись главнейших музыкальных событий Европы между двух войн¹⁶⁰. Че-

¹⁵⁸ Эберг – Кусевицкому. 4 февраля 1925, Париж. – АК-БК.

¹⁵⁹ Пайчадзе – Н.Кусевицкой. 18 декабря 1925, Париж. – Там же.

¹⁶⁰ Насыщенные информацией о культурной жизни Парижа, письма Пайчадзе порой растягивались на 7–8 страниц. Опасаясь, что читать их будет утомительно, Пайчадзе вспоминает пикантный анекдот из книги о Ходже Насреддине (приводим в нашем изложении). Однажды в шахский сад забрался два жулика и украли один большую грушу, а другой – хорошую дыню, но удрать не успели. Их схватили и привели пред грозное око шаха. Суд шаха был скор, мудр и назидателен. Вместо того чтобы попросту отрезать воришкам головы, он приказал

ловец по натуре чрезвычайно общительный, увлекающийся, Пайчадзе был страстным филателистом¹⁶¹, замечательным игроком в покер, отличался замечательным умением находить решения в сложных ситуациях, то и дело возникавших в работе издательства и во взаимоотношениях с его авторами. Вера Стравинская назовет его «наиболее искусным дипломатом среди всех, кто пытался вести дела Стравинского»¹⁶².

Из множества примеров искусного ведения Пайчадзе дел РМИ приведем лишь некоторые. Многократно будет он улаживать финансовые неурядицы между Стравинским и Дягилевым в связи с невыплатой последним гонораров за постановку балетов композитора. По просьбе композитора в 1927 Пайчадзе распутывает сложный судебный «треугольник» – иск Форберга, правопреемника издательства Юргенсона, к «Честеру» – за незаконное издание Сюиты из «Жар-птицы» и иск «Честера», после проигрыша дела, к Стравинскому.

В том же 1927, в связи с готовившейся в Париже премьерой оперы Стравинского «Царь Эдип», Пайчадзе улаживает конфликтные взаимоотношения между Дягилевым, Кокто¹⁶³ и финансировавшей

палачу вогнать каждому в выходное отверстие то, что он украл. Начали с груши. И здесь Пайчадзе не преминул съязвить, что, будь воришка Маркевичем, Кохно или каким-нибудь другим господином этого сорта, он, наверное, перенес бы эту операцию легко, а может быть, даже с некоторым удовольствием, но воришка оказался честным правове́рным и орал нещадно, пока палач трудился над выполнением этой деликатной операции. Когда же она была закончена, то, к немалому удивлению шаха, воришка неистово расхохотался. Шах, ожидавший совсем иного эффекта от своего наказания, спросил о причине этого смеха. «Великий шах, – отвечал воришка, – я думаю о том, как теперь моему приятелю будут загонять дыню...» «Мораль этой истории такова, – заключал Пайчадзе, – всякое несчастье переносится легко, когда у соседа несчастье еще большее. И если мучительно читать длинные письма, то надо утешиться тем, что это – груша по сравнению с дыней их писания» (Пайчадзе – Кусевицкому. 29 октября 1932, Париж. – АК-БК). В письме упомянуты известный композитор и дирижер русского происхождения Игорь Маркевич и сотрудник и секретарь Дягилева Борис Кохно.

¹⁶¹ В 1950 Пайчадзе просит Ольгу Кусевицкую купить ему на почте «по одной новой марке всех достоинств, начиная с самой мелкой до самой крупной». (Пайчадзе – С. и О. Кусевицким. 3 марта 1950, Париж. – АК-БК).

¹⁶² См.: *Stravinsky V., Craft R. Stravinsky in Pictures and Documents*. P.313. Не случайно, полагаясь на дипломатичность, такт и ум Пайчадзе, на его умение считать и быть экономным, Наталия Кусевицкая поручила ему заниматься делами своей чаесторговой компании. Другое дело, что чаесторговому делу, партнеры-владельцы которого были рассеяны по всему свету и бесконечно враждовали друг с другом, не помогли и дипломатические способности Пайчадзе.

¹⁶³ Жан Кокто (1889–1963) – французский писатель, поэт, драматург, художник. В 1920-е был тесно связан с «Русским балетом» Дягилева, явился автором

постановку меценаткой Винареттой Полиньяк. Год спустя Пайчадзе поведет переговоры с Идой Рубинштейн¹⁶⁴ о постановке балетов Стравинского «Аполлон Мусагет» и «Поцелуй феи». «Ее хорошо иметь в запасе, – напишет Пайчадзе Стравинскому после первой встречи с Рубинштейн. – <...> Она нам заплатит все, что Дягилев нам должен, и кроме того, даст еще больше того, что нам может дать Дягилев вообще»¹⁶⁵.

Премьеру балета «Аполлон Мусагет» осуществил, как известно, Дягилев. Хотя с долгами РМИ расплачивался он, мягко говоря, неспешно, в труппе его шли в сезоне 1928 года, помимо нового «Аполлона», «Свадебка», «Жар-птица» и «Пульчинелла». Это приносило издательству – пусть и потенциально – немалые дивиденды. «Поцелуй феи» был поставлен Идой Рубинштейн, обещавшей РМИ большие доходы.

Пайчадзе руководствовался, конечно, прежде всего финансовыми интересами РМИ. Можно ли, однако, говорить о том, что он оказался невольным косвенным виновником конфликта между Стравинским и импресарио? Думается, нельзя. Хотя переговоры с Идой Рубинштейн и велись им за спиной Дягилева, в труппе которого ставились все предшествующие балеты композитора, он действовал по прямым указаниям самого композитора. А главное – конфликт с Дягилевым предопределялся охлаждением Стравинского к составлявшему эстетическую сущность «Русского балета» синтезу музыки, живописи и хореографии, его ратованием за «абсолют» музыки.

В том же 1928, когда РМИ готовило к публикации партитуру оркестрованных Равелем «Картинок с выставки» Мусоргского, возникла тяжба относительно прав на ее издание между РМИ и издательством Бесселя. Последнее ложно информировало Равеля, что владеет мировыми правами на издание произведений Мусоргского. Кусевицкий тотчас же заверил композитора, что на самом деле права Бесселя распространяются только на Францию и Бельгию, в то время как в Германии, где официально зарегистрировано РМИ, так же, как и в Англии, права эти свободны¹⁶⁶.

Улаживание дела было поручено Пайчадзе, который писал Кусевицкому так:

либретто шедших в этой труппе балетов, наибольшую известность из которых получил «Парад» Эрика Сати (1917).

¹⁶⁴ Ида Рубинштейн (1885–1960) – русская танцовщица и хореограф. В 1909–1911 и 1929–1935 возглавляла собственную балетную труппу в Париже. Для И.Рубинштейн написаны были «Мученичество св. Себастьяна» Дебюсси, «Болеро» Равеля и «Персефона» Стравинского.

¹⁶⁵ Пайчадзе – Стравинскому. 15 марта 1928, Париж (цит. по: И.Ф.Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Т.3. С.275).

¹⁶⁶ Koussevitzky – Ravel. 1928. 7 March, Boston. (Copy). – АК-БК.

...я лопну, а напечатаю эту вещь. Я не знаю только, имеется ли у Вас письменный документ от Равеля, согласно которому он передает Вам право и на напечатание этой оркестровки. Без такого документа печатать материал нельзя, но я не думаю, чтобы Равель отказался дать сейчас такой документ, так как он считает свою оркестровку принадлежащей Вам.¹⁶⁷

Встретившись с адвокатом и поняв из беседы с ним, что не получит от него никакой пользы, Пайчадзе сам отправился в издательство Бесселя.

В разговоре с ними я им сказал совершенно открыто, что вещи этой мы им никогда не отдадим и в их интересах согласиться с тем, чтобы мы напечатали ее во Франции. О других странах я с ними умышленно не говорил и дал им понять, что в Германии мы вещь эту все равно напечатаем и они с нами ничего не поделают. Они вняли голосу благоразумия и ожидаемого сопротивления не оказали, хотя и просили меня дать им подумать над этим вопросом. Через несколько дней я пригласил их к себе, угостил хорошим завтраком, и мы расстались друзьями, подписав новое условие, по которому Бесселя <так!> дали нам право печатать и эксплуатировать эту оркестровку во Франции и Бельгии, где у них есть права на основную музыку Мусоргского, с тем что мы будем уплачивать им 20 процентов с проката, во всех же остальных странах мы свободны...¹⁶⁸

Прекрасно разбирался Пайчадзе в политике, международных отношениях. Удивительно прозорлива нарисованная в одном из его писем 1931 года картина экономического кризиса предвоенной Германии: «Жизнь Германии замерла, так как ни у кого нет денег. Магазины пусты <...>. Театры, рестораны, кино и даже пивные представляют собой пустыню. <...> По-моему, это полный провал Версаля. Настоящее положение германского хозяйства является причиной напряженной борьбы политических партий, которая осложняется тем, что никакая комбинация мало-мальски совместных программ не может дать правительству какого-либо сносного большинства»¹⁶⁹. Уже тогда, в 1931, Пайчадзе предсказывал в Германии «неизбежный и, по-видимому, скорый приход к власти националистов (Гитлер)»¹⁷⁰. О сталинской России он пишет в 1937: «Страна несомненно находится в состоянии массового психоза и управляется человеком, страдающим манией преследования»¹⁷¹. В дальнейших письмах Пайчадзе не раз выражает убеждение, что, затеявая мирный пакт с

¹⁶⁷ Пайчадзе – Кусевицкому. 27 марта 1928, Париж. – Там же.

¹⁶⁸ Пайчадзе – Кусевицкому. 20 декабря 1928, Париж. – Там же.

¹⁶⁹ Пайчадзе – Стравинскому. 24 августа 1931, Париж (цит. по: И.Ф.Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Т.3. С.441).

¹⁷⁰ Пайчадзе – Кусевицкому. 6 декабря 1931, Париж. – АК-БК.

¹⁷¹ Пайчадзе – Кусевицкому. 1 декабря 1937, Париж. – Там же.

демократическим блоком, Сталин ведет за его спиной тайные переговоры с Гитлером.

В письмах Пайчадзе картины послевоенного Парижа предстают в трагической тональности. Франция, пишет он, «тяжела больна физически и морально. <...>. Никто не хочет работать. <...> Всякий норовит взять как можно больше и дать как можно меньше. <...> Преступность увеличилась необычайно <...> Во время оккупации какая-то часть населения принимала участие в подпольной работе по организации сопротивления оккупантам. <...> После нашего освобождения началась дикая спекуляция ловчил и крикунов на заслуге этой кучки героев. Мы только рты разинули, когда узнали, сколько у нас героев, о существовании которых мы и не подозревали»¹⁷².

С горечью наблюдал Пайчадзе уже в первые послевоенные годы падение престижа СССР в глазах французов. О тактике Советов в преддверии холодной войны он писал: «После того как миллионы русских солдат побывали на Западе и увидели там такую жизнь, о которой они и не подозревали, у московского правительства как будто появилось опасение этого контакта и оно всячески стремится от него отгородиться»¹⁷³. Письмо это датировано концом 1945 – Берлинская стена еще не была воздвигнута...

Когда в 1935 Пайчадзе впервые приехал в Америку, ему довелось познакомиться с игрой Бостонского оркестра, а вслед за тем слушать Филадельфийский и Нью-Йоркский филармонический. Подробнейшим образом анализирует он игру каждого из оркестров, звучание отдельных инструментальных групп, дирижерскую манеру возглавлявших их, соответственно, Леопольда Стоковского и Отто Клемперера.

Характерны некоторые из его высказываний о музыке Стравинского: «Мне всегда казалось, – писал он о балете Стравинского «Аполлон Мусaget», – что эллинизм “Аполлона” условный и условность эта очень тонко подчеркивалась бы балетной униформой»¹⁷⁴. Он предлагал поэтому переодеть муз из тюник в балетные пачки.

После проведенной Стравинским в 1937 в Париже концертной премьеры музыки балета «Игра в карты» Пайчадзе писал: «вещь эта меня разочаровала. Мое скромное мнение таково, что новых лавров в венок Стравинского эта вещь не вплетет. Сделана она очень здорово. Чувствуется большой мастер. Все замечательно пригнано одно к другому, все пуговики и петельки на месте. Звучит весело и элегантно»

¹⁷² Пайчадзе – Кусевицкому. 24 декабря 1945, Париж. – Там же.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Пайчадзе – Стравинскому. 27 декабря 1928, Париж (цит. по: И.Ф.Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Т.3. С.332).

но, но конечное впечатление то, что вещь незначительна. Есть в ней ритмический задор и кое-какие новые оркестровые эффекты, но нет главного – музыки. Красивое платье без тела»¹⁷⁵.

Следует отметить, что, уезжая в 1924 Америку, Кусевицкие не пригласили с собой Пайчадзе, хотя жена его, Вера Пайчадзе, намекала на это в одном из писем к Наталии Кусевицкой¹⁷⁶. По всей видимости, покидая Европу, Кусевицкий хотел сохранить для издательства – еще при жизни Эберга – еще одного надежного и доверенного человека.

Первое приобретение Пайчадзе как директора РМИ – Вторая литургия Гречанинова, права на которую согласился уступить композитору его московский издатель Юргенсон¹⁷⁷. Очень быстро налаживает Пайчадзе деловые контакты с крупнейшими музыкантами своего времени, на протяжении ряда лет поддерживает с многими из них дружеские отношения¹⁷⁸.

Никогда прежде не было столь оживленно в парижском магазине РМИ. Одинаково искусно вел Пайчадзе беседы с музыкантами – французскими и русскими, издателями – партнерами и конкурентами, представителями оперных театров и концертных бюро со всей Европы, с журналистами, наконец, с обычными покупателями. Он умел заинтересовать собеседника, обольстить его, побудить смотреть на вещи его, Пайчадзе, глазами, более того, сделать это так, чтобы собеседнику казалось, будто инициатива исходит от него самого.

В первые же месяцы своего директорства Пайчадзе отправился в Германию, посетил контору издательства в Берлине и типографии в Лейпциге, затем едет в Лондон, повторив тем самым начальные шаги Эберга. Поездка в Германию убедила его, что делопроизводство и бухгалтерия обоих принадлежащих Кусевицким издательств ведутся благополучно, прокат нотных материалов пользуется спросом, а торговля идет чрезвычайно вяло. «Совершенно недопустимо, чтобы в стране, где наших авторов исполняют в концертах и театрах больше, чем где бы то ни было, мы почти ничего не продавали...», – замеча-

¹⁷⁵ Пайчадзе – Кусевицкому. 8 декабря 1937, Париж. – АК-БК.

¹⁷⁶ В.Пайчадзе – Н.Кусевицкой. 30 декабря 1924, Париж. – Там же.

¹⁷⁷ Кроме того, Гречанинов предложил издательству сборник детских народных песен «Петушок» и окончание вокального цикла «Тишина» (оп. 72), первая половина которого уже принадлежала РМИ.

¹⁷⁸ В своих комментариях к изданию переписки Стравинского В.Варунц утверждает, что архив Пайчадзе, в частности, письма к нему Стравинского, погибли во время оккупации Парижа (см.: И.Ф.Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Т.3. С.246). Не удалось обнаружить архива Пайчадзе и нам. Хотя трудно предположить, что знающий истинную цену такого рода документам Пайчадзе не сохранил своего архива, – тем более что Париж, хотя и был оккупирован гитлеровцами, не подвергался бомбежкам.

ет он¹⁷⁹. В Лондоне Пайчадзе должен был найти нового представителя, так как фирма «Гудвин», представлявшая в Англии интересы РМИ, задолжала издательству платежи более чем за полгода. На роль эту претендовали такие солидные фирмы, как «Честер» и «Оксфорд Университи Пресс». По совету Кусевицкого контракт заключается, однако, с издательством «Хоукс и сын», не имевшим еще Эберг.

В БОРЬБЕ ЗА ВЫЖИВАНИЕ

Первые годы директорства Пайчадзе сулили радужные перспективы. Объем торговли в парижском магазине в 1926–1927 заметно вырос. Уже к середине 1926 издательство становится самокупаемым, и Кусевицкий перестает вкладывать в него деньги. «Каталог наш понемного пухнет», – шутит Пайчадзе¹⁸⁰. Несмотря на большие затраты по публикации новых сочинений Стравинского («Царь Эдип»), Прокофьева (партитуры Второй симфонии, «Огненный ангел»), Гречанинова (партитура и хоровые голоса Второй литургии), Дукельского (клавира балета «Зефир и Флора»), несмотря на выплату Рахманинову в счет долга 1000 долларов, в кассе РМИ в 1926 оставалось еще 40 тысяч марок. Капитал Анонимного Общества выражался, согласно сообщению Пайчадзе, в сумме примерно 300 тысяч франков¹⁸¹, хотя на официальных бланках Общества значилась цифра в 400 тысяч франков.

Когда в августе 1927 раздор между наследниками Митрофана Беляева и руководством издательства Беляева поставил последнее на грань развала, Прокофьев предположил, что его постарается купить Кусевицкий. «Это было бы очень хорошо, если бы к нашему издательству было такое приращение», – писал он¹⁸². То, однако, была иллюзия Прокофьева.

В 1927–1928 удалось, правда, увеличить торговый оборот в Германии: только за первые 10 месяцев 1927 было продано нот на 5 900 немецких марок. В марте 1928 Пайчадзе впервые за много лет полностью расплатится с авторами, а в конце этого года он пишет Кусевицкий: «...положение дел нашего издательства, слава Богу, пребывает в полном благополучии»¹⁸³. Но он явно поспешил с выводами. Первые признаки спада торговли по издательству в целом, давшие о

¹⁷⁹ Пайчадзе – Кусевицкому. 20 июля 1926, Париж. – АК-БК.

¹⁸⁰ Пайчадзе – Н.Кусевицкой. 24 октября 1926, Париж. – Там же.

¹⁸¹ Пайчадзе – Н.Кусевицкой. 14 ноября 1926, Париж. – Там же.

¹⁸² Прокофьев С. Дневник. Ч.2. С.585.

¹⁸³ Пайчадзе – Н.Кусевицкой. 20 декабря 1928, Париж. – АК-БК.

себе знать в самом конце 1927, в 1928 и 1929 становились все очевиднее. Пайчадзе вынужден был признать: «...дела идут вяло, торгуюем не так, как хотелось бы, и прокатные дела обстоят неважно. <...> Приток денег слабоватый, а мои запасы тают, как снег. Надо нажать на Россию и Америку»¹⁸⁴.

Вопрос об американском представительстве РМИ оставался не решенным еще со времен Эберга. В 1927 эта роль была передана (de facto, ибо официальный контракт, который бы подтверждал эту передачу de jure, так подписан и не был) музыкальной корпорации «Галакси». Стоявший во главе ее Джордж Максвелл принес делам РМИ немалый вред. Поиск другого партнера затянется, однако, до 1936.

Вопреки очевидным, казалось бы, фактам (речь о них уже шла выше), Кусевицкий и Пайчадзе не оставляли надежды на сотрудничество РМИ с Россией. Продолжая начатые Эбергом переговоры, Пайчадзе заключает в начале 1927 договор с представителем акционерного общества «Международная книга». РМИ получило заказ на продажу в Россию нескольких своих изданий, первым среди которых оказался Марш из оперы Прокофьева «Любовь к трем апельсинам». Уезжавшего на гастроли в Россию Прокофьева Пайчадзе просит «прозондировать почву в разных направлениях и поговорить с нужными людьми по интересующим нас вопросам»¹⁸⁵.

В результате первой торговой сделки с Москвой в России было продано за первые девять месяцев 1927 года нот РМИ на 6 тысяч марок. «“Книга” расплатилась с нами честь честью»¹⁸⁶, – сообщает Пайчадзе; он констатирует: «работа с Россией отразилась сразу же на делах благоприятно»¹⁸⁷.

Следующая стадия переговоров с «Книгой» касалась передачи ей права представлять в России оба издательства Кусевицкого. Параллельно с расширением продажи в России нот РМИ и «А.Гуттейля» предполагалось увеличение кредитов «Книги» для закупки через парижский магазин РМИ нот зарубежных изданий. Однако надежды на то, что годовой оборот с Россией вырастет до 25 тысяч марок, не оправдались. Из-за отсутствия в России валюты бесконечно откладывалось заключение контракта между РМИ и Мариинским театром в Ленинграде на постановку оперы Прокофьева «Игрок», которая в итоге так и не состоялась.

Видя в РМИ конкурента и чиня всяческие препятствия проникновению его изданий в метрополию, российские издатели, как говори-

¹⁸⁴ Пайчадзе – Н.Кусевицкой. 8 декабря 1927, Париж. – Там же.

¹⁸⁵ Пайчадзе – Н.Кусевицкой. 16 января 1927, Париж. – Там же.

¹⁸⁶ Пайчадзе – Кусевицкому. 24 декабря 1927, Париж. – Там же.

¹⁸⁷ Пайчадзе – Кусевицкому. 21 февраля 1928, Париж. – Там же.

лось уже, не раз незаконно использовали их. «Перед Вашим отъездом из Парижа Вы громко накричали на меня за то, что издательство Кусевицкого недостаточно умело снабжает СССР моими сочинениями, – напишет в 1926 Прокофьев Болеславу Яворскому¹⁸⁸. – Теперь я получил письмо от Держановского¹⁸⁹, в котором последний сообщает, что уже была сделана попытка перепечатать марш из “Апельсинов”, и только благодаря вмешательству нескольких моих друзей эту перепечатку удалось предотвратить, хотя, может быть, лишь на время»¹⁹⁰.

С начала 1930-х ситуация РМИ еще более обостряется. «Торговля у нас в магазине плоха как никогда, – сообщает Пайчадзе в одном из писем 1931 года. – Я едва свожу концы с концами»¹⁹¹; «Дела действительно из рук вон плохи», – пишет в другом¹⁹².

Падение доходов вызывало необходимость сокращать производство. «За последние три года наше издательское колесо разворачивалось все больше и больше, и теперь довольно трудно его сдерживать», – признается Пайчадзе¹⁹³. «За последний месяц Лейпциг продал по обоим издательствам всего на пятсот с чем-то марок, чего еще никогда до сих пор не было, – читаем мы в его письме конца 1932 года. – Начинаю опасаться, сможем ли мы при таких делах держать в порядке свое хозяйство и продолжать проявлять издательскую активность»¹⁹⁴.

Пытаясь вывести РМИ из кризиса, Пайчадзе принимает ряд конструктивных решений. Одним из наиболее важных оказалось увеличение доли типографских работ, которые производились в Париже, где многие годы Пайчадзе пользовался услугами одного и того же опытного гравера Гранье. Издания РМИ охранялись здесь посредством вступления издательства во Французское общество авторов, композиторов и музыкальных издателей.

Другое решение заключалось в принятии на достаточно выгодных для РМИ условиях представительства беляевского издательства. «Сегодня мы подписали с Гавриил<ом> Григорьевичем договор, и я пользуюсь этим случаем, чтобы выразить перед Вами мою радость, что наше издательство присоединяется к созданному Вами в Париже

¹⁸⁸ Болеслав Леопольдович Яворский (1877–1942) – русский пианист, музыковед и педагог.

¹⁸⁹ Владимир Владимирович Держановский (1881–1942) – русский музыкальный критик, издатель журнала «Музыка».

¹⁹⁰ Прокофьев – Яворскому. 23 июня 1926 (Франция). – Гос. Центральный музей музыкальной культуры им. Глинки. Ф.146. Б.Л.Яворский. №2308.

¹⁹¹ Пайчадзе – Н.Кусевицкой. 18 ноября 1931, Париж. – АК-БК.

¹⁹² Пайчадзе – Кусевицкому. 6 декабря 1931, Париж. – Там же.

¹⁹³ Пайчадзе – Н.Кусевицкой. 22 февраля 1931, Париж. – Там же.

¹⁹⁴ Пайчадзе – Кусевицкому. 29 октября 1932, Париж. – Там же.

центру музыкальной жизни», – писал Кусевицкому Н. Арцыбушев¹⁹⁵. «Я также очень счастлив, – отвечал Кусевицкий, – что наконец осуществилось то, о чем мы с Вами мечтали двенадцать лет тому назад...»¹⁹⁶ Однако теперь речь шла вовсе не о кооперации, как в начале 1920-х, а всего лишь о праве РМИ представлять в Париже бельевское издательство и продавать его продукцию.

Благодаря этому соглашению Пайчадзе удалось, правда только в 1932, удержать торговый оборот парижского магазина на уровне прошлого года, но не более. «Дела у нас в Париже катастрофически плохи, – писал он. – Бывают дни, когда мы в магазине не видим ни души. За первую половину августа мы торговали всего на 2 500 франков, что мы нормально должны делать в три дня...»¹⁹⁷ А весной 1933 повторял: «Торговля не только из рук вон плоха, но почти совсем остановилась»¹⁹⁸.

Главной, если не единственной, надеждой РМИ оставалась публикация сочинений исключительно активно работавших в те годы Стравинского и Прокофьева.

СТРАВИНСКИЙ: «ЭДИП», «АПОЛЛОН» И «ФЕЯ»

19 января 1926, еще до получения ответного письма от Кусевицких, Стравинский едет в Париж, чтобы познакомиться с Пайчадзе. Между ними сразу же устанавливаются тесные отношения, композитор посвящает Пайчадзе в свои творческие замыслы, они активно переписываются. Впрочем, оценка Пайчадзе как «ближайшего в 30-х годах, вслед за Вальтером Нувелем, друга Стравинского», как пишут о нем позднее¹⁹⁹, представляется некоторым преувеличением.

1926-й оказался в РМИ особенно «урожайным» на сочинения Стравинского. Если год назад из печати вышли только инструментальные партии Октеда²⁰⁰ и авторское переложение для фортепиано «Песни Соловья»²⁰¹, то теперь издаются оркестровые голоса оперы «Мавра», партитуры (большая и малая) и оркестровые голоса Симфоний для духовых инструментов, партитура Сюиты №1 (Серенады), клавир Октеда (переложение Артура Лурье) и Два фрагмента из «Соловья» (транскрипция Самюэля Душкина для скрипки и фортепиано).

¹⁹⁵ Арцыбушев – Кусевицкому. 10 декабря 1931, б/места. – АК-БК.

¹⁹⁶ Кусевицкий – Арцыбушеву. 30 декабря 1931, Бостон. – Там же.

¹⁹⁷ Пайчадзе – Кусевицкому. 14 августа 1932, Париж. – Там же.

¹⁹⁸ Пайчадзе – Кусевицкому. 12 апреля 1933, Париж. – Там же.

¹⁹⁹ *Stravinsky V., Craft R. Stravinsky in pictures and documents. P.313.*

²⁰⁰ Указание на 1924 как год их издания (см.: И.Ф.Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Т.3. С.853) неверно.

²⁰¹ Указание на 1917 как год издания этого клавир (см.: Там же. Т.2. С.697) неверно.

Общий доход Стравинского по РМИ за 1925 составил 18 340 марок (заметим для сравнения, что доход Прокофьева за тот же год – 4 тысячи марок, или 27 тысяч франков)²⁰², в 1926 композитор заработал уже 21 750 немецких марок, из которых к 1 марта РМИ выплавило ему 16 400 марок, или 110 700 франков.

В 1927 в РМИ выходят в свет партитура, оркестровые голоса и авторский клавир оперы Стравинского «Царь Эдип». Подготовка издания началась еще до окончания композитором оперы. Пайчадзе непрестанно торопил его с присылкой последних сцен. Обе стороны волновались, но сделано было, казалось, все возможное, и клавир оперы вышел из печати до ее премьеры. РМИ продемонстрировало на этот раз завидную оперативность, а Кусевицкий – в который раз уже! – чуткость к непрестанному обновлению стиля Стравинского. Ведь в «Эдипе» им последовательно реализовано намерение избавить музыку от всех внемузыкальных компонентов. И не в том только дело, что для оперы выбрана мертвая латынь. Само слово необходимо композитору не в смысловом своем значении, а как некий «простой материал, музыкально функционирующий, подобно блоку мрамора или камня в архитектуре и скульптуре»²⁰³.

30 мая 1927 Кусевицкий присутствует на парижской премьере «Царя Эдипа», проведенной Стравинским в концертном исполнении. Музыка производит на Кусевицкого чрезвычайно сильное впечатление. Он решает осуществить американскую премьеру оперы. Хотя сценических постановок оперы (в Вене под управлением Франца Шалька и в Берлине – Отто Клемперера) Кусевицкий не видел, он был убежден, что «это произведение даже выигрывает в концертном исполнении»²⁰⁴.

Премьера в Бостоне состоялась 24 февраля 1928. «Исполнение “Эдипа” вызывает огромный энтузиазм и глубоко волнует публику», – писал дирижер²⁰⁵. Любопытная деталь – в составе участвовавшего в премьеры Хора Гарвардского Гли-клуба пел Эллит Картер – тогда студент Гарварда, а в будущем знаменитый композитор.

Кусевицкий мечтал представить «Эдипа» с бостонскими солистами в первом концерте своего парижского сезона 1928 года. Исполнение это не состоялось, так как выяснилось, что в те же дни «Эди-

²⁰² Пайчадзе – Н.Кусевицкой. 20 марта 1926, Париж. – АК-БК.

²⁰³ Из интервью Стравинского барселонской газете «La Veu de Catalunya» от 25 марта 1928 (цит. по: Игорь Стравинский – публицист и собеседник. С.83).

²⁰⁴ Кусевицкий – Пайчадзе. 10 апреля 1928, Бостон. – АК-БК.

²⁰⁵ Телеграмма Кусевицкого Maxwell Ricordi and Company. 28 февраля 1928, Бостон. – Там же.

па» будет дирижировать в Париже сам автор. Кусевицкий старался избегать непосредственных сопоставлений своего и авторского исполнений.

Не состоялось также исполнение «Эдипа», намечавшееся Кусевицким в сезоне 1931/32 года, – дирекция оркестра максимально сократила расходы на прокат нотных материалов и приглашение солистов. В 1940 «Царь Эдип» снова прозвучит в Кембридже (28 марта) и Бостоне (29 и 30 марта) – на этот раз под управлением автора. В программу им будет включена также музыка балета «Аполлон Мусагет».

О новых сочинениях Стравинского Кусевицкий и Пайчадзе узнавали, как правило, из писем самого композитора. «Сейчас он доканчивает <так!> свой новый балет “Аполлон Мусагет”, или “Водитель муз”, – писал Пайчадзе в конце 1927. – Балет для нас как издателей весьма удобный, ибо состав оркестра исключительно струнный. Печатать материал будет очень легко»²⁰⁶.

В конце февраля 1928 Пайчадзе встретился со Стравинским в Германии и подписал с ним контракт на издание «Аполлона Мусагета». «Новый балет Стравинского уже готов», – спешит он сообщить Кусевицкому²⁰⁷. В доме музыковеда и художественного критика Оскара Би композитор играл «Аполлона» Клемпереру и Пайчадзе. «И Би, и Клемперер были в восторге, – писал Пайчадзе Наталии Кусевицкой. – Это опять новый этап, не похоже ни на что, что он делал до сих пор. Музыка прозрачная, как стекло, и очень насыщена мелодией. Клемперер не выпустил меня из Берлина, прежде чем я не дал ему право первого исполнения этого балета в Германии сценически и симфонически»²⁰⁸.

Сценическая премьера «Аполлона» состоялась 12 июня. Ее давала в парижском Театре Сары Бернар труппа Дягилева. Постановщиком был приглашен Джордж Баланчин, дирижировал сам Стравинский, в заглавной партии выступал Серж Лифарь. Присутствовавший на премьере Кусевицкий сделался одним из наиболее горячих поклонников «Аполлона». Необычная для Стравинского простота музыки явилась для парижан не меньшим сюрпризом, чем самые смелые новации композитора.

В 1928 в РМИ печатаются партитура, оркестровые голоса и авторское фортепианное переложение «Аполлона». В октябре 1928, вернувшись в Америку, Кусевицкий дирижирует музыку балета в Кембридже (11 октября), Бостоне (12 и 13 октября) и Нью-Йорке (22 ноября). «Публика в восторге, музыканты страшно любят это играть, –

²⁰⁶ Пайчадзе – Кусевицкому. 8 декабря 1927, Париж. – Там же.

²⁰⁷ Пайчадзе – Кусевицкому. 21 февраля 1928, Лейпциг. – Там же.

²⁰⁸ Пайчадзе – Н.Кусевицкой. 1 марта 1928, Париж. – Там же.

сообщает он композитору. – Мы уже успели сыграть «Аполлона» семь раз и, конечно, будем еще исполнять. Все приходят в восторг от Стравинского, которого так же приятно слушать, как Генделя»²⁰⁹.

Кусевицкий сознавал, как важен успех «Аполлона» и для деятельности РМИ, и для продвижения музыки Стравинского в Америке. Произведения композитора, созданные им в первый период творчества на основе специфически русского музыкального материала, куда легче находили дорогу к сердцам западной концертной и театральной аудитории, чем более поздние. Сам Стравинский с предельной ясностью сказал в одном из интервью: «Где вы видите русское в моей музыке? В моих последних сочинениях этого нет тем более. Они, если хотите, глобальны, в них вы слышите весь мир»²¹⁰.

Успех исполнения «Аполлона Мусагета» бостонцами радовал Кусевицкого еще и потому, что премьера балета, состоявшаяся 27 апреля 1928 в рамках фестиваля камерной музыки в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне, не была удачной. То была концертная постановка балета, осуществленная Адольфом Больмом²¹¹ при участии художника Николая Ремизова²¹² и Филадельфийского оркестра под управлением Ганса Киндлера²¹³. Стравинский не раз выражал неудовлетворение вашингтонской премьерой «Аполлона». «Порадовался успеху «Аполлона» в Америке, который так нелепо был преподнесен вашингтонской публике год тому назад, что даже благорасположенные к моей музыке люди просто ее не заметили, а враги бодро потирали руки, радостно учитывая все последствия неудачи. Спасибо Вам», – писал он Кусевицкому. Здесь же сообщал об успехе проведенной им в труппе Иды Рубинштейн премьеры балета «Поцелуй феи»: «Дягилев ревнует, Вюйермоз²¹⁴ негодует, парижская муз<ыкальная> молодежь восторгается, словом, все как полагается», – заключал композитор²¹⁵.

²⁰⁹ Кусевицкий – Стравинскому. 4 декабря 1928, Бостон. – Там же.

²¹⁰ Цит. по: И.Ф.Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Т.3. С.382.

²¹¹ Адольф (Эмилий) Больм (1884–1951) – русский танцовщик и хореограф, партнер Анны Павловой, участник первых Русских сезонов Дягилева в Париже.

²¹² Николай Ремизов (псевд. Ре-Ми; 1887–1975) – русский художник, карикатурист и сценограф, участник выставок журнала «Сатирикон» и художественного объединения «Мир искусства». С 1920 – в эмиграции. Сотрудник театра «Летучая мышь» в Париже. С 1922 жил в Америке.

²¹³ Ганс Киндлер (1892–1949) – американский виолончелист и дирижер, музыкальный директор Национального симфонического оркестра в Вашингтоне.

²¹⁴ Эмиль Вюйермоз (1878–1960) – парижский музыкальный критик, один из основателей и редактор журнала «Revue Musicale S.I.M.» (Société Musicale Indépendante).

²¹⁵ Стравинский – Н. и С. Кусевицким. 30 декабря 1928, Ницца. – АК-БК.

Не добившись права на премьеру «Аполлона», Ида Рубинштейн заключила с РМИ выгодный для издательства контракт на сценическую постановку балета в Германии, Австрии, Швейцарии и Голландии. «Я очень Аполлоном Эдипычем пока доволен», – с удовлетворением констатировал Пайчадзе и добавлял об Иде Рубинштейн. – Если ее балет будет функционировать на следующий сезон, то она должна будет заключить с нами новый контракт и на “Аполлона”, и на “Поцелуй Феи”. <...> Дай Бог ей успеха в делах и долгой жизни»²¹⁶.

Директор РМИ не забывал блюсти его финансовые интересы. «Ида Рубинштейн организует здесь большое балетное предприятие, на которое ассигнует очень большие деньги, – писал Пайчадзе из Парижа весной 1928. – Она обратилась к Стравинскому с просьбой написать для нее балет, и он согласился. Он будет писать большую балетную сюиту минут на 40, причем музыка будет состоять из фортепианных произведений Чайковского и его романсов, которые будут связаны Стравинским в сюиту и оркестрованы для большого оркестра. <...> Гонорара за эту вещь мы платить не будем, его заплатит Рубинштейн, которой мы за это предоставим право исключительной постановки на один год. Симфонические исполнения будут свободны»²¹⁷.

Одноактный балет-аллегория по сказке Андерсена «Ледяная дева» («Снежная королева») сочинялся Стравинским в апреле – октябре 1928. «Много забот мне с новым балетом Стравинского, который будет называться “Поцелуй Феи”, – сетовал Пайчадзе. – Работа у него продвигается что-то очень медленно. Он до сего дня сдал мне только партитуру первой картины и не сдал еще даже конца клавира. В конце ноября балет уже поставлен на программу, и я очень боюсь, что если он будет так медленно сдавать мне партитуру, то я не успею сделать к сроку материал, и тогда, конечно, во всем буду виноватым я»²¹⁸.

Постоянно находясь между композиторами и исполнителями их музыки, Пайчадзе оказывался порой в ситуациях весьма двусмысленных. Одна из них сложилась перед премьерой «Поцелуй феи». До собственного приезда в Париж Стравинский не разрешал никому показывать присланный им в РМИ полный клавира балета. Работа над постановкой грозила затянуться, и Пайчадзе стоило немалого труда уговорить композитора выслать отсутствовавшее в театре окончание клавира.

Премьера «Поцелуй феи» состоялась вовремя – 27 ноября 1928 в парижской Опере (постановка Брониславы Нижинской²¹⁹, дирижер –

²¹⁶ Пайчадзе – Н.Кусевицкой. 10 октября 1928, Париж. – Там же.

²¹⁷ Пайчадзе – Н.Кусевицкой. 1 марта 1928, Париж. – Там же.

²¹⁸ Пайчадзе – Н.Кусевицкой. 10 октября 1928, Париж. – Там же.

²¹⁹ Бронислава Нижинская (1890–1972) – русская танцовщица и балетмейстер, участница Русских сезонов Дягилева. Помимо «Поцелуй феи» первой по-

автор, художник – Александр Бенуа). И хотя Стравинский представлял Рубинштейн «абсолютно неспособной вести свое дело»²²⁰, Пайчадзе писал, что «балеты И.Рубинштейн были событием театрально-го сезона»²²¹. Вскоре РМИ выпустило в свет партитуру, оркестровые голоса и авторский клавир «Поцелуя феи».

Как издатель Кусевицкий готов был публиковать каждое произведение Стравинского. Но не ко всем одинаково лежала его душа дирижера. Так, в марте 1930 он получил от Пайчадзе только что вышедшие в РМИ Четыре этюда для оркестра, просмотрел партитуру, но не стал включать их в свои программы, не соблазнившись даже на очередную мировую премьеру.

Куда более привлекало дирижера Каприччио Стравинского для фортепиано с оркестром. РМИ приобрело у композитора за 3 000 долларов права на издание этой партитуры осенью 1929. В 1930 вышли партитура Каприччио и его авторское переложение для двух роялей, в 1931 – оркестровые голоса. Кусевицкого несколько не смутило, что мировая премьера сочинения состоялась уже в Париже (6 декабря 1929; дирижер – Ансерме, солист – автор). 19 декабря 1930 Кусевицкий первым представил Каприччио Америке и затем повторял его в нескольких следующих программах. Партию фортепиано исполнял Джезус Мария Санрома.

СТРАВИНСКИЙ: «СИМФОНИЯ ПСАЛМОВ»

В 1930 исполнялось 50 лет со дня основания Бостонского оркестра. По инициативе Кусевицкого десяти крупнейшим композиторам Европы и Америки были заказаны специальные сочинения к этому юбилею. Стравинским будет написана «Симфония псалмов», Хиндемитом – Концертная музыка для струнных и духовых инструментов, Русселем – Третья симфония, Равелем – Фортепианный концерт, Онеггером – Первая симфония, Прокофьевым – Четвертая, Флораном Шмиттом – Концертная симфония для оркестра и фортепиано; «Симфоническую Оду» сочинит Аарон Копланд, Вторую симфонию – Ховард Хэнсон, «Оду» – Эдвард Барлингэм Хилл. Все эти произведения (за исключением незавершенных ко времени партитур Равеля и Копланда) были исполнены под управлением Кусевицкого в юбилейном сезоне оркестра. Если в первой половине 1920-х не раз с сожалением констатировался упадок в деятельности оркестра, то в 1931 критикой было отмечено, что «Бостон вернул

ставила также «Байку про лису» (1922) и «Свадебку» (1923) Стравинского. Работала балетмейстером в Париже и Буэнос-Айресе.

²²⁰ См.: Пайчадзе – Н. и С. Кусевицким. 30 декабря 1928, Ницца. – АК-БК.

²²¹ Пайчадзе – Кусевицкому. 20 декабря 1928, Париж. – Там же.

свое прежнее место под солнцем как один из лучших оркестров мира»²²².

«Симфония псалмов» Стравинского и Четвертая симфония Прокофьева существенно обогатили каталог РМИ. Кусевицкий и Пайчадзе внимательно следили за всеми этапами их создания. Сетуя, что руководство оркестра ассигновало на заказы новых партитур меньше денег, чем предполагалось, Кусевицкий просил своего директора: «Пожалуйста, переговорите со Стравинским и Равелем: это должна быть симфония или симфоническая поэма. Со Стравинским я почву уже немного подготовил этим летом, как Вы знаете. Условия следующие: каждый получит по 3 000 долларов. Все авторские права за ними, но в 1930/31 сезоне исполнять эти вещи сможет только Бостон Симфони, и манускрипты будут принадлежать музею Бостон Симфони»²²³.

Для Стравинского заказ Бостонского оркестра оказался весьма своевременным. Со смертью в 1929 Сергея Дягилева он лишился одного из ближайших своих друзей, покровителя, который последовательно, начиная с 1914, пропагандировал его музыку. «Мысль о создании крупного симфонического произведения уже давно меня занимала», – вспоминал композитор позднее²²⁴. «Симфония для Бостона: я решил принять это предложение и прошу Вас сделать контракт с Бостоном так, чтобы я смог подписать его по возможности скорее, – писал он Пайчадзе в сентябре 1929. – Первая половина выплаты должна быть произведена по подписании контракта и вторая по представлении материала, общая сумма должна равняться \$6.000»²²⁵.

Детальное обсуждение с композиторами деталей контрактов задерживало их окончательное оформление. Кусевицкий нервничал, торопил директоров оркестра. «Вчера Стравинский прислал мне телеграмму с запросом, желает ли Бостонский оркестр получить его произведение, – писал он президенту Совета директоров Фредерику Каботу²²⁶. – Поскольку у него множество заказов, он хочет иметь

²²² Taylor D. Words and Music // Los Angeles Examiner. 1931. 7 December.

²²³ Кусевицкий – Пайчадзе. 21 февраля 1929, Бостон. – АК-БК.

²²⁴ Стравинский И. Хроника моей жизни. С.230.

²²⁵ Стравинский – Пайчадзе. 14 сентября 1929 (цит. по: Stravinsky V., Craft R. Stravinsky in pictures and documents. P.294).

²²⁶ Фредерик Кабот (Кабо) (Judge Frederick P. Cabot; 1868–1932) – первый президент Бостонского оркестра (President of the Trustees). Кусевицкий высоко ценил деятельность Кабота, четко следовавшего идее основателя оркестра Генри Ли Хиггинсона (Higginson; 1834–1919) относительно единовластия музыкального директора. Смерть Кабота стала и для Кусевицкого, и для всего Бостонского оркестра большой утратой. В программу концерта памяти Кабота (12 января 1932) Кусевицкий включил «Реквием» Моцарта и Шестую симфонию Чайковского.

ответ немедленно. Я опасаясь, что, если мы будем тянуть с этим дольше, мы не получим партитуры ко времени»²²⁷.

Контракт с Бостонским оркестром был подписан Стравинским 12 декабря 1929. «Мне дана была полная свобода в выборе формы и средств исполнения, – вспоминал он. – Я был связан только сроком сдачи партитуры, к тому же вполне достаточным...»²²⁸. В марте 1930 Пайчадзе сообщает Кусевицкому: «Я только что получил письмо от Стравинского. <...> Он пишет мне, что работа его подвигается хорошо и работает он над Симфонией с большим удовольствием...»²²⁹. Пайчадзе радовался этому: «...спешу с удовольствием заключить, что работа Ваша в полном ходу и скоро мне придется принимать Ваше новое дитя. Как опытная повивальная бабка, я должен к этому подготовиться заранее и потому хочу обеспечить себя переписчиком в Ницце, который был бы у Вас под рукой...»²³⁰.

Летом 1930 Кусевицкий отдыхал в Пломбьере (Франция). «Получил от Стравинского письмо, в котором он сообщает, что кончил оркестровать вторую часть симфонии и пришлет мне на днях партитуру, – писал ему Пайчадзе. – Остается только первая часть – медленная прелюдия, т<ак> ч<то> возможно, что я смогу Вам дать материал с собой <в Бостон>»²³¹. В том же письме Пайчадзе добавлял, что Стравинский интересуется летним адресом Кусевицких и хочет встретиться с ним, чтобы поговорить о новой симфонии.

И хотя композитор жил под Греноблем, что достаточно далеко от Пломбьера, он отправился к Кусевицким вместе с двумя сыновьями. Стравинский играл Кусевицкому новую симфонию на дряхлом разбитом рояле – как сам он выразился, на «старой глиняной кастрюле in B-flat»²³², – который удалось отыскать в местном казино.

Мнение Кусевицкого о новой симфонии было с первого же прослушивания восторженным. Об этом он писал Ф.Каботу:

Что касается Симфонии Стравинского, скажу безо всякого преувеличения, что это самое замечательное произведение, написанное Стравинском до сих пор. Написанное на слова 150-го Псалма, оно может быть сопоставлено с лучшими страницами Баха, в стиле которого написано.

²²⁷ Koussevitzky – Cabot. 6 November 1929, Boston. – BSO Archives. Trustees Series. 51x.

²²⁸ Стравинский И. Хроника моей жизни. С.230.

²²⁹ Пайчадзе – Кусевицкому. 20 марта 1930, Париж. – АК-БК.

²³⁰ Пайчадзе – Стравинскому. 5 апреля 1930, Париж (цит. по: И.Ф.Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Т.3. С.387).

²³¹ Пайчадзе – Кусевицкому. 4 августа 1930, Париж. – АК-БК.

²³² Стравинский – Ансерме. 3 сентября 1930, Echarvines (цит. по: Stravinsky V., Craft R. Stravinsky in pictures and documents. P.297).

Мне представляется, что со времен Баха впервые установлена действительная связь между этим великим мастером и модернизмом. Я был поистине потрясен, когда слушал эту Симфонию. Я взял у него <Стравинского> партитуру и оркестровые голоса и предельно счастлив за Бостонскую организацию, которая предоставила этому великому артисту возможность написать произведение, достойное гения, и рукопись которого будет принадлежать Бостонскому оркестру. Между прочим, должен сказать, что Стравинский пытался написать партитуру максимально хорошо, и должен также сказать, что я не ожидал даже от него, что он напишет ее с таким глубоким религиозным чувством²³³.

В постскриптуме Кусевицкий просит Кабота выплатить композитору остаток его гонорара – 1 500 долларов. Между строк письма читается и некий второй план – память о так и не сыгранной им пять лет назад «Свадебке» Стравинского, дирижер хотел застраховать себя от возражений директоров оркестра включить новую симфонию с участием хора в программы оркестра в Бостоне и Нью-Йорке.

В середине августа 1930 Стравинский извещает Пайчадзе об окончании им партитуры симфонии, а в сентябре сообщает Ансерме: «Я завершил мою “Симфонию псалмов” (как я назвал ее), и я имею уже даже фотокопию партитуры. <...> Пайчадзе сделал несколько партитур для наших исполнений в Европе...»²³⁴. В январе 1931 Бостонский оркестр наконец получает рукописную партитуру Стравинского. С большой неохотой расстался композитор с манускриптом. «Так как эта рукопись, по моему скромному мнению, – шедевр каллиграфии и я с грустью расстаюсь с нею в пользу принудившего меня к этому бостонского юбилействующего общества, – пишет он Пайчадзе, – то прошу Вас снять с нее фотографическую копию как с “Эдипа”, а не переписывать ее»²³⁵.

Этот «шедевр каллиграфии» хранится ныне в Архиве Бостонского оркестра. На титульном листе партитуры рукой композитора написано: «Cette symphonie composée à la gloire de Dieu est dédiée au “Boston Symphony Orchestra” l’occasion du cinquantenaire de son existence. Igor Stravinsky. 1930»²³⁶.

Мировая премьера симфонии состоялась в Брюсселе под управлением Эрнеста Ансерме (13 и 14 декабря 1930). Кусевицкий писал:

²³³ Кусевицкий – Каботу. 5 сентября 1930, Париж. – Бостонская публичная библиотека. Коллекция С.Кусевицкого.

²³⁴ Стравинский – Ансерме. 3 сентября 1930, Echarvines (цит. по: *Stravinsky V., Craft R. Stravinsky in pictures and documents. P.297.*)

²³⁵ Стравинский – Пайчадзе. 5 июля 1930, Ницца (цит. по: И.Ф.Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Т.3. С.392).

²³⁶ «Эта симфония создана во славу Бога и посвящена Бостонскому симфоническому оркестру в связи с 50-летием его существования. Игорь Стравинский. 1930» (франц.).

«Американские музыкальные круги выразили свое негодование и удивление, что произведение, заказанное Бостонским оркестром, впервые исполнялось не в Бостоне, и почему-то Брюссель имел честь первого музыкального исполнения...»²³⁷.

Между Стравинским и Кусевицким существовала, однако, по словам композитора, «договоренность о том, что эта премьера должна состояться не позднее 16 ноября 1930, после чего исполнения Симфонии могут иметь место за пределами США»²³⁸. Вероятно, именно несоблюдение бостонцами этой договоренности и послужило для Стравинского основанием согласиться на проведение премьеры симфонии вне Бостона. Вернее – одним из оснований, и, быть может, не самым главным.

Кусевицкому неведомо было еще тогда, сколь пренебрежительно отзывается о нем композитор. «Этот контрабасист, который никогда не учился играть на рояле, сделался американской звездой не с чем иным, как с дирижерской палочкой»²³⁹. Когда при публикации одного из интервью Стравинского по ошибке журналиста было написано, что «Симфония псалмов» посвящена им Бостонскому оркестру и Кусевицкому, композитор написал на полях крупными буквами: «NON» («НЕТ») ²⁴⁰.

Вместе с Бостонским оркестром в американской премьере «Симфонии псалмов» (19 декабря 1930) принял участие Хор Общества Св. Цецилии. В этот же вечер бостонцы впервые познакомились также с Каприччио Стравинского, речь о котором шла выше. Партитуры эти не смутили Кусевицкого – ни тем, что их «музыкальная плоть, музыкальная материя доведена до минимума»²⁴¹, ни тем, что явили они собою образец «творчества из ничего», которое до сих пор считалось привилегией Божества»²⁴².

«“Каприччио” имело внешний успех огромный, – писал дирижер, – “Псалмы” же произвели глубочайшее впечатление, и надо сказать, что мое первое впечатление, когда я услышал их в Plombieres-les-Bains, меня не обмануло: это одно из самых замечательных произведений Стравинского...»²⁴³.

6 марта 1931 Кусевицкий познакомил с «Симфонией псалмов» слушателей Нью-Йорка.

²³⁷ Кусевицкий – Пайчадзе. 5 января 1931, Бостон. – АК-БК.

²³⁸ Стравинский – Каботу. 12 декабря 1929, Париж. – Там же.

²³⁹ Stravinsky – Ansermet. 3 September 1930 (цит. по: *Stravinsky V., Craft R. Stravinsky in pictures and documents.* P.281-282).

²⁴⁰ Ibid. P.282.

²⁴¹ Шлецер Б. Новое произведение Игоря Стравинского // Последние новости. 1929. 13 декабря.

²⁴² Шлецер Б. Музыкальные заметки // Там же. 1931. 7 марта.

²⁴³ Кусевицкий – Пайчадзе. 5 января 1931, Бостон. – АК-БК.

Издание хоровых партий, вокального клавира (1930) и партитуры (1931) «Симфонии псалмов» принесло РМИ заметный успех. «Интерес к Симфонии большой, – писал в 1931 Пайчадзе. – Мы только в Париже продали за месяц 150 клавиров»²⁴⁴.

СТРАВИНСКИЙ: ИЗМЕНЫ ИЗДАТЕЛЬСТВУ И «ПЕРСЕФОНА»

Подобно личной измене переживал Кусевицкий измену Стравинского РМИ. Еще осенью 1924 композитор намеревался продать свою Фортепианную сонату не только РМИ, но и одному из американских издателей, но тогда в борьбу вступил Эберг. «Я ему <Стравинскому> заявил, – писал он Кусевицким, – что <...> если он вообще будет обижать наше издательство, то он убьет мой интерес и мое внимание к нему и к его сочинениям...»²⁴⁵ Стравинский отступился от своего замысла. На приеме в Берлине, в Концертной дирекции Вольфа, он сказал обступившим его издателям, что «никаких никогда ни с кем контрактов не заключал и будет всегда издаваться в Russischer Musikverlag, директором которого состоит Эберг, его близкий друг»²⁴⁶.

Активный интерес к творчеству композитора давно уже проявляло издательство «Шотт». «Особенное внимание мне оказал владелец фирмы Schott господин Штрекер, которым я был приглашен в Майнц на деловое заседание», – писал в декабре 1925 Эберг²⁴⁷. Эберг делал вид, что не понимает причины такой обходительности со стороны Вилли Штрекера (на самом деле – совладельца фирмы), хотя хорошо знал, что тот принадлежит к числу близких друзей Стравинского.

Пять лет спустя с этими проблемами столкнулся Пайчадзе, о чем не замедлил сообщить Кусевицким:

Стравинский с большим успехом проводит свое турне по Европе. <...> За ним сильно ухаживает издательство Шотта в Майнце, которое просило его отдать им Скрипичный концерт и предложило за это 3 000 долл<аров>, 10% и обязательство устроить ему 4 концерта в будущем сезоне по 500 долларов. Стравинский сказал им, что хотя он не связан с нами контрактом, но в силу дружеских связей он не хочет делать этого без нашего согласия. <...> Я написал Стравинскому, что издание Шоттом Концерта Стравинского будет нам очень неприятно, но что, конечно, я не могу возражать против этого официально и Стравинский волен

²⁴⁴ Пайчадзе – Н.Кусевицкой. 22 февраля. 1931, Париж. – Там же.

²⁴⁵ Эберг – Н. и С. Кусевицким. 29 сентября 1924, Париж. – Там же.

²⁴⁶ Эберг – Кусевицкому. 10 декабря 1924, Берлин. – Там же.

²⁴⁷ Эберг – Н.Кусевицкой. 3 декабря 1925, Париж. – Там же.

поступать, как ему угодно. Самое простое было бы, конечно, предложить Стравинскому те же условия, но я откровенно написал ему, что я, к сожалению, не могу этого сделать...²⁴⁸

Контракт на издание Скрипичного концерта Стравинский подписал тем не менее с «Шотт». Узнав об этом, Пайчадзе отправил композитору достаточно тактичное письмо. Ответа на него не последовало, – делился Пайчадзе с Кусевицким.

Казалось бы, что могло быть естественнее того, чтобы после такого несомненно важного для нас и неприятного решения и после моего письма к нему он все-таки счел нужным хотя как-н<и>б<удь> поговорить со мной и объяснить свою позицию. За те несколько дней, что он пробыл в Париже, я встречался с ним несколько раз и каждый раз ждал, что он заговорит со мной о том, что меня волновало в данный момент больше всего, и он не мог не чувствовать этого. Он говорил со мной о чем угодно, о всяких пустяках, но явно для меня уклонялся от этого вопроса, как будто его и не существует. Я чувствовал с его стороны какую-то неловкость и какое-то желание спрятаться за другие дела и другие разговоры. Это было мне особенно обидно, просто по человечеству за себя и обидно за такого человека, каким должен был бы быть Стравинский.²⁴⁹

В начале сентября 1931 Стравинский прислал Пайчадзе озадачившее его письмо. «Должен Вам поставить один вопрос очень откровенно и прямолинейно, – писал он. – Может ли Российское музыкальное издательство гарантировать уплату гонорара (в размере от трех до пяти тысяч долларов) в течение 1932 года за приобретение одного крупного сочинения, которым я предполагаю заняться после окончания скрипичного концерта»²⁵⁰.

Ответ Пайчадзе – образец достоинства и дипломатии. «Раз Вы ставите вопрос о том, можем ли мы гарантировать Вам уплату гонорара, то согласитесь сами, что издатель должен знать немного больше того, что вы мне сообщили, для того чтобы дать вам определенный ответ, – писал он. – <...> Излишне говорить о том, что мы желали бы иметь в нашем каталоге все, что будет Вами написано. Вы это сами прекрасно знаете. Но времена сейчас такие, что нужно очень и очень взвешивать все возможности, прежде чем сказать что-нибудь определенное. Итак, дорогой Игорь Федорович, немножко больше откровенности со мной относительно Ваших будущих планов...»²⁵¹

²⁴⁸ Пайчадзе – Кусевицкому. 27 ноября 1930, Браила (Румыния). – Там же.

²⁴⁹ Пайчадзе – Кусевицкому. 21 января 1931, Париж. – Там же.

²⁵⁰ Стравинский – Пайчадзе. Б/даты и места (начало сентября 1931, Вореж) (цит. по: И.Ф.Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Т.3. С.443).

²⁵¹ Пайчадзе – Стравинскому. 5 сентября 1931, Париж (Там же. С.445).

15 декабря 1931 состоялось новое дирижерское выступление композитора в Париже. В программе, в числе других сочинений, снова был Скрипичный концерт. «<Стравинский> сейчас же позвонил мне по телефону, – рассказывал Пайчадзе, – и сказал, что страшно рад слышать мой голос, очень хочет меня повидать не для того, чтобы говорить о делах, а только чтобы обнять и расцеловать меня после долгой разлуки, и очень просил меня приехать на репетицию, просто чтобы повидаться. Я поехал на следующий день, и мы действительно облобызались. Он был со мной очень мил и ласков, как будто прошлого года со всем, что с ним связано, совсем не существовало»²⁵².

На следующий день после концерта композитор сказал Пайчадзе, что собирается писать «сюиту из нескольких piccolo-concertantes для скрипки и фортепиано и хочет осуществить в этой вещи некоторые оригинальные идеи»²⁵³. Он подчеркнул, что намерен отдать новое сочинение в РМИ, однако сумму своего гонорара не назвал. Пайчадзе предпочел на этом закончить разговор.

Когда еще через день Стравинский снова зашел к Пайчадзе, последний предпочел сугубо деловой тон разговора. Остановились на гонораре чуть меньшем, чем был запрошен композитором. Понимая, что возврат Стравинского в РМИ нужен для престижа издательства, и проявив для этого, как сам он выразился, «максимум эластичности», Пайчадзе чувствовал, однако, что «прежних отношений между нами больше нет и впредь отношения наши будут зависеть только от деловых причин и обстоятельств»²⁵⁴.

В конце марта 1932 Пайчадзе выслал Стравинскому контракт на Концертный дуэт для скрипки и фортепиано. В сопроводительном письме говорилось, что РМИ оставляет за собой оригинальный манускрипт автора. Дуэт был опубликован в 1933.

Годом ранее РМИ издало духовный хор Стравинского «Отче наш». По просьбе композитора оформление обложки было поручено его сыну Федору. Им же будут в 1933 выполнены обложки хора «Верую» и Концертного дуэта для скрипки и фортепиано.

В начале 1933 Пайчадзе оказался причастным к возникновению замысла «Персефоны» Стравинского. Вместе с Идой Рубинштейн он заказал композитору сочинить мелодраму с хорами и танцами. Как и в случае с «Поцелуем феи», Рубинштейн выплачивала композитору гонорар, получая взамен от РМИ эксклюзивное право исполнения новой мелодрамы на протяжении двух лет. Оговорено было также,

²⁵² Пайчадзе – Кусевицкому. 25 декабря 1931, Париж. – АК-БК.

²⁵³ Там же.

²⁵⁴ Там же.

что в эти годы произведение не будет звучать в Париже и на концертной эстраде.

В апреле Пайчадзе выслал Стравинскому переданные ему Рубинштейн 25 тысяч франков первого платежа по контракту. Как это не раз бывало и прежде, РМИ приступило к гравировке оркестровых голосов «Персефоны», не дожидаясь ее завершения композитором. Партитура была закончена им 24 января 1934, а еще 18 января Пайчадзе писал: «В марте надеюсь выпустить клавиру»²⁵⁵.

Кусевицкий намеревался поначалу сам представить Америке «Персефону», но после ознакомления с ней писал, что «музыка эта мне не по духу»²⁵⁶. Так как приближалось время новых гастролей Стравинского, решено было, что премьеру «Персефоны» проведет автор. Американской премьеры, однако, предшествовали проведенные композитором европейские – сценическая (30 апреля 1934, Париж) и концертная (28 ноября 1934, Лондон). Под управлением композитора «Персефона» была сыграна Бостонским оркестром в Кембридже (14 марта 1935) и Бостоне (15 и 16 марта). Эти концерты положили начало регулярным появлениям Стравинского за пультом Бостонского оркестра. После трех гастрольных турне по США (1925, 1935 и 1937) и, надо полагать, под впечатлением выступлений, в частности, и с Бостонским оркестром композитор скажет в одном из интервью: «Самые лучшие оркестры мира находятся в США»²⁵⁷.

Для исполнения заглавной партии «Персефоны» (декламация текста Андре Жида) Кусевицкий предполагал пригласить Иду Рубинштейн. На лондонской премьеры она поразила критиков тем, что «вела свою читку почти на одной ноте, но нота эта всегда попадала в тон музыки»²⁵⁸. Приняв поначалу приглашение, Рубинштейн так и не приехала в Америку. Ее заменила приглашенная также из Парижа Ева Готье.

«<Стравинский> имел совершенно исключительный успех, – радовался Кусевицкий после премьеры, – и, я считаю, вполне по заслугам»²⁵⁹. Изменяя первоначальное свое мнение о партитуре, он подчеркивал: «“Персефона”, за исключением некоторых страниц, произведение замечательное. Пресса сегодня дала единогласно блестящие отзывы. <...> Итак, эту неделю в Бостоне можно назвать “неделей Стравинского”»²⁶⁰.

²⁵⁵ Пайчадзе – Кусевицкому. 18 января 1934, Париж. – Там же.

²⁵⁶ Кусевицкий – Пайчадзе. 10 декабря 1934, Бостон. – Там же.

²⁵⁷ Цит. по: И.Ф.Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Т.3. С.631.

²⁵⁸ Волконский С. Балеты Иды Рубинштейн // Последние новости. 1934. 2 мая.

²⁵⁹ Кусевицкий – Пайчадзе. 16 марта 1935, Бостон. – АК-БК.

²⁶⁰ Там же.

Примечательны слова одного из писем Кусевицкого того времени: «Если забыть все похождения Стравинского и его отношение к людям и взять его таковым, каким он <был> в Бостоне, – то можно подумать, что это самый обаятельный и очаровательный человек»²⁶¹. Однако «похождения» композитора, который напишет в будущем оперу «Похождения повесы», продолжались...

Хотя Стравинский снова был, как писал в 1936 Пайчадзе, «необычайно мил и любезен»²⁶², только что завершённый балет «Игра в карты» был передан им издательству «Шотт». «Об издании этого балета он не считал нужным со мной говорить, и я узнал, что он выходит у “Шотта” лишь недавно, когда он делал уже первую корректуру клавира, и притом узнал не от него самого, а от других лиц», – писал Пайчадзе²⁶³. Отношение его к новому балету Стравинского было негативным, он сетовал на использование композитором прежнего музыкального багажа, уподоблял музыку «приятному коктейлю, а не доброму вину»²⁶⁴. Премьера балета «Игра в карты» состоялась в Нью-Йорке 27 апреля 1937 (хореограф – Джордж Балланчин). Постановка балета в том же году в Дрездене дала РМИ надежду – увы, тщетную – на возобновление широких контактов с Германией...

О новом инструментальном сочинении – «сравнительно небольшой вещи для камерного состава» – Стравинского и о грядущем исполнении его в Вашингтоне под управлением Нади Буланже Кусевицкий узнал в апреле 1938 из письма Пайчадзе²⁶⁵.

Весной и летом 1938, находясь в Париже, Кусевицкий не раз встречался со Стравинским. Во время одной из встреч, 14 мая 1938, дирижер высказал пожелание устроить в октябре в Бостоне фестиваль музыки Стравинского, включив в его программы, в частности, «Весну священную» (к 25-летию парижской премьеры балета), «Песню Соловья» и «Dumbarton Oaks». Стравинский с готовностью согласился. «Шлю Вам, к<a>к условились, маленький “аргумент” моего Нового концерта», – писал Стравинский Кусевицкому незадолго до его отъезда из Парижа²⁶⁶. «Форма концертной симфонии, которую я дал этому сочинению, давно занимала мое музыкальное воображение, – пояснял он в этом «аргументе». – <...> Меня привлекает в форме концерта то, что различные инструменты ансамбля становятся концертными. Это последнее слово происходит от

²⁶¹ Кусевицкий – Пайчадзе. 5 января 1935, Бостон. – Там же.

²⁶² Пайчадзе – Н.Кусевицкой. 21 августа 1936, Париж. – Там же.

²⁶³ Пайчадзе – Н. и С. Кусевицким. 22 декабря 1936, Париж. – Там же.

²⁶⁴ Пайчадзе – Кусевицкому. 8 декабря 1937, Париж. – Там же.

²⁶⁵ Пайчадзе – Кусевицкому. 8 апреля 1938, Париж. – Там же.

²⁶⁶ Стравинский – Кусевицкому. 7 июня 1938, Париж. – Там же.

итальянского слова *concertare*, означающего “конкурировать”, “участвовать в соревновании”. Поэтому концерт логически предполагает соперничество между так называемыми концертующими инструментами и противостоящими им инструментами ансамбля. Подобное понимание концерта довольно долго игнорировалось в произведениях, носящих это название. Концерт сделался пьесой для производящего инструмента без конкурента и с функцией оркестра, сведенной обычно к аккомпанементу. В своих сочинениях я, однако, придерживаюсь старой формулы»²⁶⁷.

Задуманный фестиваль не состоялся в виду болезни и смерти дочери композитора Мики. Но Кусевицкий на протяжении сезона 1938/39 года исполнял в разных программах Сюиту из «Жар-птицы», «Весну священную» и «Симфонию псалмов». При этом Стравинский, как это уже было с Концертом для двух фортепиано соло, балетом «Игра в карты» и *Symphony in C*, свой Концерт для камерного оркестра «*Dumbarton Oaks*» отдал не в РМИ, а в издательство «Шотт». Казалось, композитор сам занимается «игрой в карты» и, подобно истинному игроку, считается лишь с величиной ставок и гарантией выигрыша. И РМИ, и «Шотт» становились то менее, то более удачливыми его партнерами...

«Персефона» явилась последним по времени создания крупным сочинением Стравинского, выпущенным в свет РМИ. В 1934 были изданы партитура, оркестровые голоса и клавиш мелодрамы, а также сочиненный вслед за ней духовный хор «Богородице дево». Из более ранних сочинений композитора в том же году в РМИ выходят две пьесы («Ария Соловья» и «Китайский марш») из оперы «Соловей» в переложении Стравинского и С. Душкина для скрипки и фортепиано, «Итальянская сюита» из балета «Пульчинелла» в переложениях для скрипки и фортепиано (С. Душкин) и виолончели и фортепиано (Г. Пятигорский). Позднее публикуются партитура Концерта для фортепиано и духовых инструментов (1936), Дивертисмент из балета «Поцелуй феи» в транскрипции Душкина для скрипки и фортепиано, а также, в его же транскрипции, «Песня русской девушки» из оперы «Мавра» (1938).

Жизнь подтвердила правильность утверждения Кусевицкого, которое он сделал еще в 1931: «Наша совесть спокойна, мы для него <Стравинского> сделали все, что могли, и даже, может быть, больше. Дальнейшее наше дело – поддерживать молодежь, насколько это возможно»²⁶⁸. О молодежи, равно как и о втором главном герое РМИ – Сергее Прокофьеве и о дальнейшей истории издательства, речь пойдет в заключительном, третьем очерке его истории.

²⁶⁷ Там же.

²⁶⁸ Кусевицкий – Пайчадзе. 25 октября 1931, Бостон. – АК-БК.

Иллюзия дружбы

Прослеживая многолетние творческие контакты Стравинского с РМИ и Кусевицким, читая их переписку, начинаешь временами думать, что между музыкантами установились нормальные дружеские отношения.

В августе 1928 Стравинский приезжал к Кусевицким, которые отдыхали в Комбле (Франция). В архиве Кусевицкого сохранилась не раз публиковавшаяся фотография того времени, на которой он запечатлен вместе со Стравинским и Прокофьевым. Письма Стравинского Кусевицкому той поры говорят о самых теплых отношениях: «...посылаю Вам маленькую оренбургскую шаль, которая мне хорошо сослужила. Это была прекрасная идея одолжить ее мне. Прилагаю к посылке образец шоколада из Аннеси, точно так же, как и образец кофе Sanka, о котором я Вам рассказывал. Очень советую Вам сменить Ваш кофе на этот, ежедневное употребление которого не связано ни с какими отрицательными последствиями, <даже> если употреблять его в больших дозах. <...> Поблагодарите, дорогой мой, Наталию Константиновну от всей моей души и вот Вам сердечный сувенир от Вашего Игоря Стравинского»²⁶⁹.

Через два года, вернувшись из поездки с сыновьями в Пломбьерле-Бен к Кусевицким, композитор напишет Наталии Кусевицкой: «Большое спасибо, дорогая Наталья Константиновна, за присылку <1 нрзб.> удавшихся снимков, кот<орые> останутся у меня приятным воспоминанием чудно проведенных у Вас в Plombières двух дней. Большое Вам и Сергею Александровичу спасибо. Целую Ваши руки за себя и моих сыновей. Ваш Игорь Стравинский»²⁷⁰.

Но это была лишь иллюзия дружбы. Сохраняя на протяжении десятилетий творческие и личные связи с Кусевицким, Стравинский никогда не ценил его высоко – ни как человека, ни как дирижера. По свидетельству Веры Стравинской, он «был остро критичен, даже презрителен в отношении дирижирования Кусевицкого»²⁷¹. Причин тому было несколько.

Совершенно различными были происхождение и жизненные судьбы музыкантов. Отцом дирижера был скромный еврейский скрипач-клезмер, четверть века отслуживший в николаевской армии. Ни по своему материальному положению, ни по интеллектуальному уровню он был не в состоянии дать детям хорошее образование. Детство Кусевицкого прошло в провинциальном Вышнем Волочке, вдали от большой культуры. Рано потеряв мать, он был предостав-

²⁶⁹ Стравинский – Кусевицкому. 16 августа 1928, Echarvines. – АК-БК.

²⁷⁰ Стравинский – Н.Кусевицкой. 4 сентября 1930, Echarvines. – Там же.

²⁷¹ *Stravinsky V., Craft R. Stravinsky in pictures and documents. P.281.*

лен самому себе. Занятия в школе нередко оказывались в прямой зависимости от морозов русского Севера и наличия не худых валежков. Сызмальства Сергей был вынужден подрабатывать, играя вместе с отцом и братьями в небольших клезмерских ансамблях. Для чтения оставалось мало времени, да и необходимых книг не было. Многие пришлось ему наверстывать в своем общем и музыкальном образовании после того, как юношей он сбежал из дома, чтобы учиться музыке в Москве. Путь к примирению с отцом он отрезал для себя, приняв христианскую веру и крестившись, без чего невозможно было еврею в царской России жить за чертой оседлости.

Отцом композитора был знаменитый русский оперный певец Федор Стравинский, человек разносторонне образованный, тесно связанный со многими выдающимися деятелями русской культуры, свободно говоривший на четырех европейских языках, страстный библиофил, чье собрание книг славилось в старом Петербурге как одно из самых значительных (более 12 тысяч книг). «Я провел детство на подмостках Императорской оперы, где была и унаследована моя любовь к музыке», – вспоминал Игорь Стравинский²⁷². Не только любовь к музыке, добавим мы, но и отличное ее знание впитывалось композитором с раннего детства. Как и любовь к книге, которую Федор Стравинский сумел передать своим детям.

Далеко не во всем сходились музыканты и во взглядах на свое искусство. В чем-то, казалось бы, принципиально важном взгляды их сближались. Так, например, в 1940 в мексиканской прессе было опубликовано интервью со Стравинским, в котором он коснулся проблем, волновавших его долгие годы: «В музыке нет модернизма – модернистской она была во все времена. В свою эпоху и Бах был модернистом, ибо тенденции были модернистскими и три века назад, и так же, как и три столетия назад, они только могли быть либо хорошими, либо плохими»²⁷³. Кусевицкий вполне разделял эту точку зрения композитора, не раз высказывал подобные же воззрения на так называемый модернизм в музыке.

В чем-то другом, не менее принципиальном, взгляды их были диаметрально противоположными – скажем, в отношении к музыкально-исполнительскому искусству. Кусевицкий был воспитанником и последователем романтической дирижерской школы Артура Никиша. Стравинский утверждал, что миссия артиста-исполнителя должна быть ограничена чисто «информативной» функцией, настаи-

²⁷² Цит. по: И. Стравинский – публицист и собеседник. С. 85.

²⁷³ Цит. по рукописи кн.: И. Ф. Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами: Материалы к биографии. Т. 4: 1940–1951 / Сост., текстологич. ред. и коммент. В. Варунца. Рукопись была любезно предоставлена автору настоящей статьи ныне покойным Виктором Варунцем.

вал, что его сочинения вовсе не нуждаются в интрепретации. «Тенденция против “эмоциональности” искусства характеризует те требования, которые я предъявляю дирижерам при исполнении моих сочинений. <...> Музыка живет непосредственно в колоколе и не зависит от чувств звонаря»²⁷⁴.

Даже такой апологет композитора, как Роберт Крафт, говоря о его отношении к дирижерам – будь то Кусевицкий, Леопольд Стоковский или Фриц Райнер, – замечает, что «Стравинский был презрителен и мог быть удивительно груб с дирижерами»²⁷⁵. Недоверие Стравинского к Кусевицкому проявлялось не раз.

С обострением в начале 1930-х кризиса в Европе, все дальше отдаляла Кусевицкого от Стравинского политическая индифферентность композитора. Стравинскому было хорошо известно – и на опыте пребывания в Висбадене в феврале 1933, в дни провозглашения Гитлера фюрером, и из писем Вилли Штрекера, – что фашисты намерены полностью устранить евреев из немецкой культуры. Это не вызывало, однако, у него и тени недовольства. Он продолжал выступать в Германии, не брезговал, гастролируя в Италии, провозглашать здравицы в честь Муссолини, удостоился личной аудиенции у дуче, а самого себя назвал в интервью итальянской прессе истинным фашистом.

Присланное Стравинскому Клемперером воззвание в защиту евреев-музыкантов в Германии осталось им не подписанным. «Я соблюдаю осторожность из-за Германии (читай: из-за финансовых соображений, связанных с концертами в Германии. – В.Ю.), откуда изгнаны эти евреи (Клемперер и Вальтер), солидаризироваться с которыми, быть может, политически не осторожно», – писал композитор Пайчадзе²⁷⁶. Реакция последнего была соответствующей. Не без иронии сообщал он весной 1933 Кусевицким, что Стравинский «занесен в Германии на черный лист, как еврей и культур-большевик. Каково это ему слышать и сознавать, что мало надежд на концерты в

²⁷⁴ Цит. по: И.Стравинский – публицист и собеседник. С.103-104. Некоторые из современников Стравинского – прежде всего Дебюсси, равно как и иные из современных композиторов, например украинский композитор Валентин Сильвестров, утверждают, что музыка нуждается в интрепретации, но только в той, какую сами они полагают единственно возможной. Согласиться с этим так же трудно, как и с точкой зрения Стравинского. Реальная жизнь произведений тех же Стравинского, Дебюсси, Сильвестрова давно доказала, что они «выдерживают» широкий спектр самых различных исполнительских толкований. Истинное искусство – исполнительское в том числе – не терпит никакой каноничности.

²⁷⁵ Igor Stravinsky. Selected Correspondence. Vol.2 / Ed., comment. by R.Craft. New York: Alfred A. Knopf, 1984. P.49.

²⁷⁶ Стравинский – Пайчадзе. 7 сентября 1933, Ворея; (цит. по: И.Ф.Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Т.3. С.523).

Германии в следующем сезоне, а главное не выступать же с опровержением какого-то тайного списка»²⁷⁷.

Разделяла Кусевицкого и Стравинского и еще одна немаловажная причина – неизжитый, «пожизненный!», как писали не раз Роберт Крафт и Ричард Тарускин, антисемитизм Стравинского. Справедливости ради заметим, что, несмотря на его откровенно антисемитские высказывания, примеры которых цитировались выше из переписки с Дягилевым, композитор не был особенно последователен в своем отношении к евреям. В 1933 не подписал петицию в защиту музыкантов-евреев в фашистской Германии, присланную ему Отто Клемперером. В 1939 не ответил на письмо Арнольда Шёнберга и Леопольда Годовского с просьбой помочь строительству консерватории в Палестине.

Вместе с тем на протяжении десятилетий вращался Стравинский в музыкантских кругах, в которых никогда не было недостатка в евреях, а с некоторыми из них, к примеру, с такими не-арийцами, как Артур Лурье или Самуил Душкин, поддерживал даже дружбу.

Стравинский охотно переписывается с Лурье, пытается помочь ему в издании его сочинений в издательстве «Шотт». Ему доверяет композитор в 1920-е корректуры собственных произведений, публиковавшихся в РМИ. Именно Лурье принадлежат фортепианные переложения Октета Стравинского и его Симфоний духовых инструментов, также вышедшие в свет в РМИ. Опубликовав несколько статей о творчестве Стравинского, Лурье работал в середине 1920-х над монографией о композиторе.

«Не знаете ли Вы, когда она будет готова? – спрашивает Эберг у Кусевицкого. – Нужно было бы быстро сделать перевод на английский язык и на этом языке эту книгу выпустить в первую голову. Хорошо бы ее выпустить к 1 января 1925 года и к приезду Стравинского в Америку пустить ее там в продажу»²⁷⁸. Три месяца спустя Эберг пишет: «Книгу о Стравинском он <Лурье> еще не кончил. Перевод (на этот раз французский. – В.Ю.) будет делать Кальвокоресси, с которым я уже переговорил. Это дело нелегкое»²⁷⁹.

В начале 1926 Пайчадзе сообщает: «Лурье закончил свою книгу о Стравинском» и напоминает: с покойным Эбергом они «покончили на том, чтобы Лурье сделал немецкий перевод, который издательство приобретет у него как подлинник, уплатив за перевод, а русский текст будет считаться переводом. Таким образом, мне предстоит вскоре уплатить за этот перевод, т<ак> к<ак> он уже делается»²⁸⁰.

²⁷⁷ Пайчадзе – Н. и С. Кусевицким. 12 апреля 1933, Париж. – АК-БК.

²⁷⁸ Эберг – Кусевицкому. 2 августа 1924, Берлин. – Там же.

²⁷⁹ Эберг – Кусевицкому. 1 ноября 1924, Париж. – Там же.

²⁸⁰ Пайчадзе – Н.Кусевицкой. 11 февраля 1926, Париж. – Там же.

Среди исследователей творчества Стравинского укрепилось мнение, что работа Лурье так, по-видимому, и не была завершена. Судьба книги, скажем мы, – по крайней мере завершенных ее глав – остается загадкой.

Самуил Душкин явился первым исполнителем не только Скрипичного концерта Стравинского, но и его Концертного дуэта для скрипки и фортепиано, а также автором Итальянской сюиты (по Перголези) для скрипки и фортепиано на материале «Пульчинеллы», концертировал вместе с композитором.

Вполне, вероятно, бессознательно, запечатлел Стравинский в своей «Сказке о солдате» воспоминания о слышанных им в юности на Волынщине бродячих клезмерских оркестрах²⁸¹. Уж не за это ли нацисты приписали Стравинского к числу музыкантов-евреев? Так или иначе, причин для не-дружбы было у Стравинского и Кусевицкого более чем достаточно. Преклоняясь перед гением Стравинского-композитора и руководствуясь интересами РМИ, Кусевицкий принимал Стравинского-человека таким, каким он был.

(Окончание следует)

²⁸¹ Об этом справедливо писал Петр Сувчинский (см.: Петр Сувчинский – Марии Юдиной. 27 марта 1961, Париж; опубл.: Савенко С. Мир Стравинского. М.: Композитор, 2001. С.43).

Д

Эпистолярная

ПИСЬМА А.Л.СОКОЛОВСКОЙ И А.А.ИОФФЕ Л.Д.ТРОЦКОМУ

Публикация Б.Я.Фрезинского

Слова «русская эмиграция» в нынешнем массовом российском сознании вызывают трагические образы исключительно благородных эмигрантов первой волны (в прежние эпохи их именовали белогвардейцами), сомнительные силуэты перемещенных лиц времен Второй мировой и, наконец, портреты наших, здравствующих и поныне, современников – эмигрантов третьей волны, с их разнообразием обстоятельств и судеб. О том, что эмиграция (и, в частности, политэмиграция) существовала в XX веке и до 1917, теперь почти не вспоминают (даже о временах Герцена, не говоря уже тем более о Курбском). Между тем русская политэмиграция начала XX века была немалой, нетривиальной и неоднородной.

Лев Давидович Троцкий (Лейба Бронштейн; 1879–1940) политэмигрантом был трижды: в 1902–1905, в 1907–1917 и, наконец, в 1929–1940. Две первые его эмиграции начинались бегством из глухих сибирских ссылок (что, следует заметить, требовало немалого мужества, воли, железного характера, выносливости, помощи друзей и, надо думать, некоторого везения). Третья эмиграция – главного, наряду с Лениным, деятеля Октябрьской революции, создателя Красной армии и организатора победы большевиков в Гражданской войне началась его депортацией из СССР, осуществленной ОГПУ по естественному для термидора решению хозяина (распоряжавшегося уже не только ОГПУ, но и всем в СССР), а закончилась в Мексике – смертельным ударом ледорубом по голове, который был произведен агентом все того же ведомства по прямому приказу все того же хозяина.

Почти все публикуемые здесь письма были получены Троцким в период его второй эмиграции – в Вене и в Париже. В отличие от типичного русского политэмигранта той поры – не слишком образованного, подчас без языка и без копейки денег, не выходящего за пределы своего гетто, с утра до ночи обсуждающего все те же эмигрантские слухи и сплетни и, зачастую, не выдерживающего в конце концов такой жизни, – Троцкий уже и в первую

свою эмиграцию был человеком самозабвенно и навсегда увлеченным революцией, коммуникабельным, способным к языкам, имел широкие гуманитарные интересы, все схватывал на лету и легко умел находить применение своему бойкому перу, гарантированно зарабатывая на хлеб. Еще недавно обязательная для его внешнего вида русская косоворотка сменилась европейским платьем (чтобы после октября 1917 года и его, в свою очередь, сменила придуманная в революцию красноармейская униформа).

Вторая эмиграция Троцкого началась после поражения первой русской революции и закончилась с началом второй. Троцкий уже был в ореоле славы – легендарный председатель Петербургского Совета, предстивший социал-демократической Европе не только привычные ей слова, но и неожиданный для нее реестр свершенного. В период этой эмиграции несколько лет Троцкий провел в среде австро-германской социал-демократии – в ту эпоху самой авторитетной и весомой в Европе, так что, пожалуй, сегодня не удастся назвать ни одной крупной фигуры в этом кругу, с которой Троцкий не был бы знаком и которая бы его не знала. Между тем Троцкий был на 23 года моложе Плеханова, на 10 лет – Ленина и на 7 лет – Мартова, но он не только не попал под влияние какой-либо популярной личности социал-демократического мира, но и не растворился ни в каких его партиях и группах, хотя во всех сталинских учебниках истории его неизменно называли меньшевиком (разумеется, после главного титула, единственным в мире обладателем которого ему позволялось быть: злейшего врага ленинизма).

Здесь не имеется в виду давать многоаспектную историко-политическую и личностную характеристику Троцкого вообще или в конкретный период его деятельности в частности. На сей счет и на любые политвкусы существует уже и на русском языке неплохая библиотека сочинений (переводных и отечественных). Конечно, их краткий перечень следовало бы начать с классического труда Исаака Дойчера, но, увы, у нас вышел лишь его третий том¹, зато полностью напечатаны отечественные разнообразие сочинения.

Упомяну три характерных книги: двухтомный труд Дмитрия Волкогонова², избавившегося в процессе тщательного и свободного изучения кремлевских, европейских и американских архивов от априорной концепции Троцкого как демона русской революции; работу типично советского историка КПСС послесталинской поры Васецкого³, поверяющего любое утверждение тем, что сказал по этому поводу В.И.Ленин, хотя уже и не опускающегося до памятных сталинских клише, и совсем свежую книгу Ю.Емельянова⁴, в которой читателю внушается простая мысль: если все деяния Троцкого обнаруживают безусловный изъян и гнусную тайную подоплеку, то все совершенное тов. Сталиным (в 1937 году, в том числе!) – безупречно, понятно и нужно советскому народу.

¹ Дойчер И. Троцкий в изгнании. М., 1991.

² Волкогонов Д. Троцкий: В 2 кн. М.: Новosti, 1992 (далее – Волкогонов, с указанием книги и страниц)

³ Васецкий Н.А. Троцкий. М., 1992.

⁴ Емельянов Ю. Троцкий. М., 2003.

А.Л.Соколовская – Л.Д.Троцкому

Чтобы вписать публикуемые здесь письма в исторический и биографический контекст, вернемся в эпоху не столько даже первой эмиграции Троцкого, сколько во времена, ей предшествовавшие, и обратимся к событиям, сделавшим эту эмиграцию фактически неминуемой.

Есть по крайней мере два достаточно надежных источника информации для нашего сюжета, хотя, конечно, весьма неполных и лишенных массы так необходимых здесь подробностей и деталей. Первый – это книга Троцкого «Моя жизнь», написанная в 1930 на турецком острове Принкипо и ставшая в самом конце 1980-х доступной согражданам без того, чтобы чтение ее подпадало под действие знаменитой 58-й статьи об антисоветской деятельности. Второй – воспоминания, написанные в 1917 по предложению Л.Г.Дейча и напечатанные в 1921 в Нью-Йорке, а с тех пор не переиздававшиеся: их автор был товарищем юности Троцкого (вернее, Левы Бронштейна); на обложке книги он именуется как «Д-ръ Г.А.Зивъ», и называется его сочинение «Троцкий. Характеристика (По личным воспоминаниям)». Не допускаю, чтобы Троцкий не знал этой книги, она наверняка появилась в СССР вскоре после выхода в свет, но широко у нас распространяться, разумеется, не могла по причине критического отношения ее автора к своему герою (особенно при изложении событий начиная с 1917). Впрочем, и с момента изгнания Троцкого книга эта тоже не могла бы получить права свободного хождения по стране, его изгнавшей, ибо к тому времени поневоле воспринималась бы уже как недопустимый панегирик изгнаннику, вскоре как раз и объявленному злейшим врагом ленинизма, фашистским наймитом и диверсантом. По той же причине, будь эта книга разыскана по спецзаказу в тридцатые годы из-за патологического интереса тов. Сталина ко всему, что писалось, говорилось и даже думалось о его злейшем враге, вряд ли бы она уцелела, пусть даже и в спецхране питерского Дома Плеханова, например, где я читал ее теперь уже во вполне открытом доступе.

Ограничусь этими двумя источниками, плюс, пожалуй, еще упомянутой уже книгой Д.А.Волгогонова.

Итак, Николаев, 1896 год. Об Александре Львовне Соколовской известно не много. Она родилась в 1872 в небогатой еврейской семье на юге России; получила в Одессе специальность акушерки; с молодых лет увлеклась революционной идеей и в пору, когда большинство оппозиционно к российскому режиму настроенной молодежи ощущало себя народниками, стала убежденной марксисткой. В 1896 семья Соколовских жила в Николаеве; Александра Соколовская создала революционный кружок (он собирался в саду Франца Швиговского) и вовлекла в него своих младших братьев – Григория (по сведениям полиции, Герша) и Илью (Элью). Именно в этом кружке произошло вскоре ее знакомство с молодым Левоу Бронштейном, заканчивавшим в Николаеве реальное училище.

В мемуарах 1930 года Троцкий упоминал тот «кружок Александры Соколовской»⁵, но подробно описывал лишь его участников из рабочей среды;

⁵ Л.Троцкий *Моя жизнь*. М., 1991. С.117 (далее – *Моя жизнь*, с указанием страниц).

еще автор «Моей жизни» упомянул, что с Ильей Соколовским писал тогда драму, но не закончил ее⁶, и что Григорий Соколовский, «юноша примерно моего возраста», был самым юным участником этой коммуны⁷. Отметим и важное признание, сделанное в «Моей жизни»: «Год учения в Николаеве, 1896-й, стал переломным годом моей юности, ибо поставил передо мною вопрос о моем месте в человеческом обществе»⁸. Участник кружка Соколовской Г.Зив, вспоминая то же время, написал об Александре Львовне:

Она была единственной марксисткой во всем саду, и ей на себе приходилось выносить всю тяжесть нападений со стороны всех завсегдатаев сада, начиная с самого Франца, самого старшего из нас (ему было лет 28–30), и кончая самым младшим, Бронштейном. Все они причисляли себя к народникам и рьяно накидывались на Соколовскую как на марксистку.⁹

Приведем и существенное для нашего сюжета замечание Д.А.Волгонова. Рассказывая о работе николаевского кружка, он написал: «Вскоре диспуты в саду Швиговского стали окрашены внезапно вспыхнувшим чувством молодого Бронштейна и более опытной Соколовской (она была старше его на шесть лет), хотя на почве столкновения “доктрин” у них были самые серьезные размолвки»¹⁰. Утверждение это, видимо, базируется на последующих событиях и на свидетельстве Г.Зива о «нежных чувствах», которые уже тогда питала А.Соколовская к Льву Бронштейну¹¹...

Когда в 1897 Троцкий создал в Николаеве «Южно-русский рабочий союз», в который в качестве агитаторов и пропагандистов вошли и Соколовская с братьями, он уже готов был признать правоту марксизма.

28 января 1898 организатор и участники Южно-русского союза были арестованы и помещены в одесскую тюрьму, где их продержали почти два года, после чего решили (без суда) сослать в Сибирь (Л.Бронштейна – на четыре года). Рассказ в «Моей жизни» о долгой дороге до места ссылки в Иркутской губернии завершается значимым свидетельством, сделанным как бы мимоходом: «До села Усть-Кут плыли, помнится, около трех недель. Здесь ссадили меня вместе с близкой мне ссыльной по николаевскому делу. Александра Львовна занимала одно из первых мест в Южно-русском рабочем союзе. Глубокая преданность социализму и полное отсутствие всего личного создали ей непререкаемый нравственный авторитет. Совместная работа тесно связала нас. Чтоб не быть поселенными врозь, мы обвенчались в московской пересыльной тюрьме»¹². Произошло это в 1899.

⁶ Там же. С.111.

⁷ Там же. С.114. Г.Л.Соколовский (1878–1938) – младший в семье Соколовских. Его судьба сложилась значительно трагичнее судьбы старшего брата – он был расстрелян. Об И.Л.Соколовском подробнее см. примеч.5 к письму 2 А.Л.Соколовской.

⁸ Там же. С.107-108.

⁹ Зив Г.А. Троцкий. Нью-Йорк, 1921. С.8-9 (далее – Зив, с указанием страниц).

¹⁰ Волгонов. Кн.1. С.38.

¹¹ Зив. С.19.

¹² Моя жизнь. С.131. Упомяну уточняющую реплику Н.Васецкого по этому поводу: «Их брак в “Бутырках” скрепил равин» (Васецкий Н.А. Троцкий. С.20).

А вот свидетельство Г.Зива, имя которого, должно быть неслучайно, в «Моей жизни» Троцкого не упоминается вовсе:

Еще в Одессе, задолго до отправки в ссылку, все те, у кого были невесты или женихи, поспешили запастись разрешением на венчание и обвенчались. Те, у кого невест не было, фиктивно обвенчались, чтобы в отдаленной ссылке не очутиться в полном одиночестве. Бронштейн и А.Соколовская в этом отношении наткнулись на неожиданное препятствие в лице отца Бронштейна. Так как Лева был несовершеннолетним, то ему не давали разрешения на брак без согласия его отца. А отец самым решительным образом воспротивился этому браку (Соколовская была по крайней мере на десять лет старше Бронштейна¹³). Лева рвал и метал и боролся со всей энергией и упорством, на какие он был способен. Но старик был не менее упорен и, имея преимущество пребывания по ту сторону огады, остался победителем. По приезде в Москву Бронштейн немедленно принялся за хлопоты о браке и скоро добился успеха. Эта борьба на некоторое время дала пищу искавшей выхода энергии его. Жизнь скоро потекла интересно (насколько это возможно в тюрьме) и, сравнительно с Одессой, очень разнообразно. Мужчинам два раза в неделю давали свидания с женщинами на правах мужей, братьев, кузенов и т. д. Свидания давали всем сразу в одном месте, без строгого ограничения во времени и совсем слабым надзором, так что эти свидания носили характер маленьких интимных собраний близких людей, связанных узами тесной дружбы и общностью идей. Не знаю, как наши женщины, но мужчины к свиданиям готовились очень тщательно, и всех тщательнее Бронштейн. На свиданиях он обнаруживал трогательную нежность не только к своей невесте, а потом жене А.Соколовской, но и ко всем остальным дамам.¹⁴

Один важный документ, относящийся к этому времени, находится в фонде Троцкого, хранящемся в бывшем Центральном партийном архиве КПСС (ныне – РГАСПИ), куда он попал, видимо, после ареста А.Л.Соколовской и обыска у нее в Ленинграде в начале 1935. Это письмо Л.Бронштейна к ней, написанное в тот период, когда они оба сидели в одесской тюрьме; оно открывает первое дело этого фонда и многое уточняет в воспоминаниях Зива; хотя письмо это уже опубликовано, процитирую его:

Шурочка! Мне нужно тебе передать целую кучу новостей (хотя и не особенно любопытных). Третьего дня я имел свидание с матерью. Свидание окончилось полным разрывом – и лучше, не правда ли? Я на этот раз дал отпор, и вышла довольно скверная сцена. Я отказался от помощи. Сейчас я получил письмо от твоего отца: он очень милый человек! Отец не огорчен моим разрывом с родными, но, по-видимому, даже рад... Мол, устраняется вопрос имущественного нера-

¹³ Автор замечания по молодости лет строг и несправедлив к А.Л.Соколовской, как, впрочем, и будущая ее свекровь, считавшая своего сына на 8 лет моложе его невесты (см.: *Шкляев И.* Мама была против // Слово. 1997. 29 августа. – Сообщено О.Коростелевым).

¹⁴ Зив. С.35-36.

венства... Я теперь так близко сижу от тебя, что, кажется, ощущаю твое присутствие. Если бы ты, спускаясь по лестнице на прогулку, сказала что-нибудь, я бы обязательно услышал. Попробуй, Сашенька! Мне тяжело... Я хочу тебя слышать, тебя видеть... Ну, а если не разрешат обвенчаться? Это невозможно! У меня бывали такие минуты (часы, дни, месяцы), когда самоубийство было самым приличным исходом. Но у меня не хватало для этого смелости... Сибирская тайга умерит нашу гражданскую чувствительность. Зато там мы будем счастливы! Как олимпийские боги! Всегда-всегда неразлучно вместе! Сколько раз я уже повторяю это, и все-таки хочется повторять и повторять...¹⁵

Комментируя это письмо, Д.А.Волгогонов замечает: «Изучая личную переписку Л.Д.Троцкого, я склоняюсь к тому, что женился он по любви...»¹⁶. Некоторая неуверенность исследователя связана, несомненно, с последующими событиями...

Приведем описание дороги николаевских ссыльных в Сибирь по Г.А.Зиву:

3-го мая 1900 года нас, наконец, отправили. Мы ехали без пересадки до Иркутска в отдельном вагоне. Конвой обращался с нами хорошо, и это путешествие было довольно приятным. Оно продолжалось 13 дней, нас из вагона все время не выпускали, и к нам никого не впускали. Бронштейн, однако, ни к чему не обнаруживал никакого интереса. Он все был поглощен А.Соколовской. Мы прибыли в Иркутск. Там в тюрьме я провел неделю вместе с Бронштейном и другими товарищами. Затем мы расстались: нас разослали в разные места...¹⁷

В Иркутской губернии Лев Бронштейн и Александра Соколовская прожили два года; кочуя: Усть-Кут (характерная картина тамошнего быта из воспоминаний Троцкого: «Я изучал Маркса, сгоняя тараканов с его страшиц»¹⁸); добавлю, что он не только читал Маркса, но и увлеченно и разнообразно писал для иркутской газеты «Восточное обозрение»), затем – поселок на берегу Илимма, следом снова Усть-Кут и, наконец, – Верхнеленск, где тогда жили ссыльные Урицкий и Дзержинский. Именно в Верхнеленске возник замысел побега Троцкого, осуществленный 22 августа 1902. В «Моей жизни» об этом говорится сдержанно:

У нас было в это время уже две девочки; младшей шел четвертый месяц. Жизнь в сибирских условиях была нелегка. Мой побег должен был возложить на Александру Львовну двойную ношу. Но она отводила этот вопрос одним словом: *надо*. Революционный долг покрывал для нее все другие соображения, и прежде всего личные. Она первая поддала мысль о моем побеге, когда мы отдали себе отчет в новых больших задачах. Она устранила все сомнения, возникавшие

¹⁵ РГАСПИ. Ф.325. Оп.1. Д.1. Л.1. Цит. по: Волгогонов. Кн.1. С.41-42.

¹⁶ Там же. С.42.

¹⁷ Зив. С.40.

¹⁸ Моя жизнь. С.131.

на этом пути. В течение нескольких дней после побега она успешно маскировала мое отсутствие от полиции. Из-за границы я едва мог переписываться с ней. Для нее наступила затем вторая ссылка. В дальнейшем мы встречались только эпизодически. Жизнь развела нас, сохранив нерушимую идейную связь и дружбу.¹⁹

Сюжет, связанный с планом первого побега Троцкого и его реализацией, Д.А.Волгогонов изображает несколько иначе и при этом морализирует: «Когда после внутренней борьбы он сказал об этом Александре Львовне, та, помолчав, не стала возражать против его побега. Нетрудно представить, чего ей это стоило. <...> Последние слова, с огромным трудом, но искренне произнесенные Александрой Соколовской в момент прощания: “Иди, тебя ждет большая судьба...”»²⁰.

Комментарии Волгогонова к совершившемуся характерны: «В ее сознании Лейба был почти гением, который скоро заставит говорить о себе всех и везде. Соколовская осталась, как она думала, верна революционной морали: способности жертвовать самым дорогим и близким во имя идеалов. Эта женщина всю жизнь будет жертвовать: мужем, дочерьми, зятьями, внуками и, наконец, собой»²¹; из этого следует строгий вывод: «Как бы мы ни отнесли к Троцкому, но история его отношений с первой женой отдает элементарным прагматизмом, стремлением в соответствующий момент освободиться от “обузы” для реализации своих высоких планов»; вывод этот, впрочем, несколько смягчен риторическим вопросом: «Может быть, я несправедлив к Троцкому, высказывая свое мнение о его отношении к первой жене?»²²

Завершая этот сюжет, Волгогонов сообщил читателю: «Почтовая связь с А.Соколовской, оставшейся в Сибири с двумя детьми, довольно скоро ослабела. Юношеская увлеченность первой женщиной быстро проходила... Жена и две дочери отошли, как выразился Троцкий, в “невозвратное”»²³.

Публикуемые здесь письма (сохранились, надо думать, не все) показывают, что почтовая и человеческая связь отнюдь не прерывалась... Д.А.Волгогонов этого просто не знал: уже после того, как его книга о Троцком была издана, в фонде №325 РГАСПИ появился новый раздел (оп.2), и в нем пять писем 1913–1914 годов, которые, судя по всему, не были правильно идентифицированы сотрудниками как НКВД, так и ЦПА КПСС, – они и по сей час значатся в описи РГАСПИ (Ф.325. Оп.2. Д.97) как письма некоей С.Львовой, хотя их текст недвусмысленно свидетельствует об авторстве А.Л.Соколовской. Однако, прежде чем привести текст этих писем, доведем кратко хронику описываемых событий до 1913.

Итак, в 1902–1905 Троцкий находится в Европе. В 1903 он познакомился в Париже с русской социал-демократкой Натальей Ивановной Седовой (1882–1962), и вскоре она становится его женой. Упомянем еще один эпизод 1903 года, процитировав Д.А.Волгогонова: «Когда в 1903 году в Париж

¹⁹ Там же. С.138.

²⁰ Волгогонов. Кн.1. С.47, 50.

²¹ Там же. С.47.

²² Там же. С.42–43.

²³ Там же. С.59.

к Троцкому приехали его родители, чтобы помириться с сыном, которым в душе гордились, мать сделала попытку напомнить сыну о его долге перед Соколовской и детьми. Троцкий мягко, но однозначно попросил родителей не поднимать больше этот вопрос... Уезжая из Парижа, колонисты с далекой Херсонщины оставили сыну денег и пообещали помогать двум его дочкам в России»²⁴. Сам Троцкий пишет об этом, не упоминая о своем первом браке: «Еще со времени моей первой эмиграции родители начали выезжать за границу. Они были у меня в Париже, затем приезжали в Вену с моей старшей девочкой, которая жила у них в деревне. В 1910 г. они прибыли в Берлин. К этому времени они уже окончательно примирились с моей судьбой»²⁵.

В 1905 Троцкий нелегально прибыл в Россию, поспев к началу первой русской революции, стал председателем Петербургского Совета, а в 1906 был арестован. Из тюрьмы он несколько раз писал Александре Львовне, отправляя письма на адрес ее отца. Родители его приезжали в Петербург и привезли ему фотографии дочек, которых опекали. «Девочки превосходны, – сообщал Троцкий Соколовской 17 мая 1906, – каждая в своем роде! У Нинушки такое личико – испуганное и вместе с тем лукаво заинтересованное лицо! А у Зинушки такое размышляющее личико!»²⁶. Далее в письме речь идет уже о политике, т. е. о Государственной Думе и тому подобных вопросах, волновавших Соколовскую никак не меньше. От революционной работы она не отходила до самого 1917, благо родители Троцкого (его мать умерла в 1910) помогали внукам материально. Революционная работа – не служба; платой за нее были тюрьмы и ссылки. На долю Александры Львовны они выпали еще раз. Первое из публикуемых ниже писем написано ею как раз из вологодской ссылки.

1

6.III <1913>

Мой дорогой друг!

Несколько времени тому назад я написала тебе через «К<иевскую> М<ысль>»¹ (г-ну Ант<иду> От<о>²), не зная твоего адреса. Письмо послала заказным. Получил ли ты его? Теперь Бетя³ мне сообщила твой венский адрес. Кажется, это прежний твой.

Страшно хочется узнать о тебе и вообще побеседовать на разные темы. Сюда получается и «К<иевская> М<ысль>» и «Луч»⁴ (то же и «П<рав>да»⁵ и много других органов), и я знаю по ним о тебе. И с великой радостью я всегда читаю твои статьи. Сколько в них свежести и темперамента... И это не личное мое только мнение. Все ссылки, вплоть до самых твердокаменных б<ольшевико>в, отмечают их и рекомендуют друг другу. Жаль только, что мало ты пишешь. Выходит ли твоя газета?⁶ Я думаю, теперь, когда ты можешь писать в «Луч» почти обо всем, нет особенной потребности в ней.

²⁴ Там же.²⁵ Моя жизнь. С.227.²⁶ РГАСПИ. Ф.325. Оп.1. Д.3. Л.1-2; цит. по: Волгогонов. Кн.1. С.86.

Или это не так? Что думаешь ты о создавшемся положении во фракции?⁷ Ведь это же один ужас. И зачем это нужно было выступать семи депут<атам> с письмом и снова поднять успокоившуюся бурю?⁸ Неужели Ал<ександр> Ник<олаевич>⁹ скончался <так!> во все эти дразги. Столько хочется по этому поводу сказать. Но пусть пока. Получу от тебя письмо, тогда уж. Прими во внимание, что письма из-за границы официально раскрываются на почте, в присутствии адресата, но не читаются¹⁰. Это делается во исполнение какого-то секретного циркуляра. Пробовали протестовать против этого, но ничего не помогает. Вообще здесь условия жизни довольно тяжелые. Администрация мелочно придирчива. Нельзя, например, собираться более пяти человек, ходить позже 12 ч<асов> ночи по улице, выходить за черту города... Беспреданно составляются протоколы. Публика то и дело сидит в тюрьме, то по административному решению, то по приговору земского <судьи>. Сидят до трех месяцев. А то и пересылают из одного места в другое. Но в общем жить можно. Меня лично все это не очень трогает. Живу здесь уже три месяца. Успела порядком и давно отдохнуть после этапного хождения. Много читаю. Здесь книг довольно много. Есть и новинки. Пришла недавно книга Гельфердинга «Промышленный капитал» <так!>. Твой ли это знакомый?¹¹

Здесь все много работают. Народ все хороший. Случайного элемента почти нет. Повторяю, жить можно. А все-таки тоска страшная. Пиши, родной, о своем здоровье, и вообще, что и как там у тебя. Мне Бетя писала, что ты не то собрался мне писать, не то писал... Я не совсем поняла. Во всяком случае я ничего, никаких писем от тебя не получила и знаю о тебе единственно по твоим газетным статьям. Недавно Нинушка¹² была больна дифтеритом. Хотя я узнала об этом, когда опасность миновала, но все же и одного сознания, в какой она была опасности, достаточно было. Зинушка¹³ тоже все хворает. Эх, мои милые деточки! Как ты нашел Зину?¹⁴

Знаешь ли ты что-нибудь об Адольфе Абрам<овиче>¹⁵? Ему-то досталась лучшая часть...

Будь здоров, мой друг, и пиши. Как всегда, жду твоего письма с нетерпением.

Адрес: Яренск Вологодск<ой> губ<ернии>. Мне. Имей в виду, что есть Яранск Вятской губ<ернии>. Это недалеко отсюда, и письма туда иногда засылаются. Посылай заказным.

Всего хорошего.

Саша

контекста письма. На оригинале карандашная помета: «21. II 36 Ив. Три<?>», сделанная, видимо, после хищения письма из личного архива Троцкого агентами НКВД.

¹ Газета «Киевская мысль» выходила с 1906 по 1918. По свидетельству Троцкого, «Киевская мысль» «была самой распространенной на юге радикальной газетой с марксистской окраской» (Моя жизнь. С.225). В ней он в 1912–1913 печатался под псевдонимом «Антид Ото». С сентября 1912 Троцкий – военкор «Киевской мысли» на Балканах (на двух Балканских войнах: с 9 октября 1912 по 30 мая 1913 и с 29 июня по 10 августа 1913); в газете было напечатано более 70 его статей и репортажей, составивших том 6 собрания сочинений (см.: *Троцкий Л.Д. Сочинения*: В 21 т. М.; Л.: ГИЗ, 1924–1927).

² Как вспоминает сам Троцкий, этот литературный псевдоним был выбран им в 1900 в Усть-Куте так: он раскрыл наобум итальянско-русский словарь, увидел слово «antidoto» (противоядие) и сделал из него Антида Ото (Моя жизнь. С.133); то же самое пишет и Г.А.Зив (Зив. С.40). Другой литературный псевдоним – «Н.Троцкий» – стал официальной фамилией Льва Давидовича в 1917.

³ Неустановленное лицо.

⁴ «Луч» – ежедневная меньшевистская газета, издавалась в Петербурге с 16 сентября 1912 по 18 июля 1914 по решению Августовской (1912 года) конференции меньшевиков, Бунда и группы Троцкого в Вене. С 17 июля 1913 выходила под названием «Живая жизнь», с 8 августа 1913 – «Новая рабочая газета», с 3 мая 1914 – «Наша рабочая газета». Всего вышло 495 номеров.

⁵ С мая 1912 в Петербурге «Правду» выпускали большевики; название газеты впоследствии менялось (так, в 1914 выходила под названием «Путь правды»). В журнале Троцкого «Борьба» (1914. №7/8. С.60) было напечатано полученное из Тифлиса письмо с тринадцатью подписями, протестующее против того, что «газета “Путь Правды”, созданная и поддерживаемая единственно усилиями петербургских передовых рабочих и отчасти рабочих всей России, попадает как бы в исключительное владение триумвирата литераторов во главе с В.Ильиным» (триумвират составляли Ленин, Зиновьев и Каменев).

⁶ Имеется в виду рабочая газета РСДРП «Правда», которую Троцкий выпускал в Вене с 1908; нелегально распространялась в России. Газета выходила форматом в половину газетного листа; ответственным редактором и издательницей значилась Л.Беран. Прекратила существование в апреле 1912; всего вышло 25 номеров.

⁷ Речь идет о разногласиях в социал-демократической фракции 4-й Государственной Думы; во фракцию входило 13 депутатов (7 меньшевиков и 6 большевиков); окончательный раскол фракции произошел в октябре 1913, когда по решению большевистского ЦК 6 депутатов-большевиков вышли из фракции, образовав самостоятельную группу.

⁸ 22 февраля 1913 меньшевистская газета «Луч» напечатала Заявление семи членов социал-демократической фракции Государственной Думы – А.Ф.Бурьянова, И.Н.Манькова, М.И.Скобелева, И.Н.Тулякова, В.И.Хаустова, Н.С.Чхеидзе и А.И.Чхенкели. В этом документе осуждаются действия пяти большевистских депутатов фракции, письменно заявивших редакции «Луча», что отныне они не считают себя сотрудниками газеты. Первым было письмо М.К.Муранова (опубл.: Луч. 1913. 15 января) и затем – А.Е.Бадаева, Г.И.Петровского, Ф.Н.Самойлова и Н.Р.Шагова (опубл.: Там же. 30 января). История этого сюжета такова: после обсуждения во фракции 30 ноября 1912 вопроса об отношении к рабочей печати 6 депутатов-большевиков опубликовали 11 декабря в большевистской «Правде» заявление, что поддерживают только «Правду». Остальные 7 депутатов фракции 14 декабря опубликовали в «Луче» запрос к большевику, прося их мотивировать свою позицию. На обсуждении этого вопроса 15 декабря в итоге большинство фракции (11 человек) высказалось в поддержку обеих газет – и «Правды», и «Луча». Поэтому январские заявления пяти большевиков, продиктованные, понятно, жесткой позицией Ленина, требовавшего прекратить сотрудничество с меньшевистской газетой, оказались для депутатов-меньшевиков неожиданными и подрывающими солидарное решение вопроса о поддержке обеих газет.

⁹ А.Н.Потресов (псевд. Старовер; 1869–1934) – с 1896 член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»; с 1903 – один из лидеров меньшевиков; в годы Первой мировой войны – меньшевик-оборонец; в 1917 – руководитель газеты «День». В 1919 жена и дочь Потресова были взяты большевиками в заложницы, затем и сам Потресов был арестован, но вскоре выпущен благодаря вмешательству Н.И.Бухарина; в 1925 отпущен за границу по болезни.

¹⁰ Подчеркнуто А.Л.Соколовской (чернилами). Далее дается без указаний «курсив автора».

¹¹ Рудольф Гильфердинг (1877–1941) – один из лидеров австрийской и германской социал-демократии и II Интернационала; автор знаменитой книги «Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма» (Берлин, 1910; рус. пер.: М., 1912). Троцкий писал о нем без пиетета:

С Гильфердингом я познакомился летом 1907 г. в доме Каутского. Гильфердинг тогда проходил через высшую точку своей революционности. <...> Он хвалил мои статьи, которые «Neue Zeit» успела еще до моего побега за границу <в 1907 г.> перевести из русских изданий, и, неожиданно, с первых же слов предложил мне перейти на «ты». Наши отношения приняли, вследствие этого, внешнюю форму близости. Никакой морально-политической основы под этой близостью не было <...> Приезжая в Вену, Гильфердинг бывал у меня и сводил меня вечером в кафе со своими австро-марксистскими друзьями. Во время наездов в Берлин я посещал Гильфердинга.

(Моя жизнь. С.202-203).

¹² Младшая дочь Троцкого и Соколовской Нина (1902–1928) находилась тогда не с матерью, а, скорее всего, у ее родственников.

¹³ Старшая дочь Троцкого и Соколовской Зина (1900–1933) долгое время жила в Яновке у родителей Троцкого.

¹⁴ Родители Троцкого не раз привозили Зину к нему в Вену.

¹⁵ А.А.Иоффе (о нем см. ниже).

2

<Одесса,> 21.XII <1913>

Дорогой друг мой!

Все посланное тобой получила. Сегодня у меня большой праздник. Все, о чем я так много думала, осуществляется. Предложение не только принимаю, но даже не могу представить для себя чего-нибудь лучшего¹. Стоять около дела, которое мне так близко... К сожалению, есть некоторые «но»... Дело в том, что немедленно я не могу поехать². Свое акушерское с<видетельст>во я уже получила наконец; но его нужно обменять на диплом в Киеве. Теперь наступают праздники, и канцелярии не работают. Все делается в канцеляриях так медленно, черт возьми! Когда я получила с<видетельст>во, нужно было еще, чтобы врачебный инспектор его подписал. А он возьми да и уедь больше недели на неделю в Питер. И так все. После диплома надо будет еще с полицией возиться: выключить себя из сословия мещан. Вот и рассуди положение вещей! Ты просишь, чтобы я ответила по существу сделанного предложения, по крайней мере в принципе. Поэтому я и решила дать утвердительный ответ, хотя и не могу сейчас же поехать. Больше того, я бы тебя очень просила сделать все возможное (если тебе это не неудобно), чтобы я могла быть у этого дела. Я себя чувствую сейчас столь бодрой и здоровой, что готова работать сколько угодно, только бы около дела по душе. А это дело мне симпатично во всем своем существе.

Между прочим, я и с питерскими переписываюсь относительно этого же, и они знают, в каком положении находятся мои дела.

Что касается «Платформы», то я ее приветствую, приветствую и приветствую!..³ Когда я читала ее, то я вся прониклась благодарностью к тому, кто составил ее, кто мог в нашей атмосфере, насыщенной злобностью и неуважением к тов<арища>м, так деликатно и любовно коснуться наших ран.

Почему, друг мой, так долго не писал? Почему не ответил на деловое, посланное заказным, письмо? Этому уже скоро год минет... Как мне необходимо было знать твою позицию. Я, конечно, не ошиблась насчет нее. Если бы нас разделяли пространства и годы <так!>, я уверена – никогда не ошибусь в оценке твоего отношения к

тому или иному вопросу. Но это я знаю для себя, а мне нужно было твое имя, как моральная поддержка для других. Как я рада за тебя, что будешь иметь где приложить свои силы. Сколько мучений доставляло мне сознание, что не к чему тебе рук приложить, и твое вынужденное молчание. Нужно было видеть, как вороны выклевывали нашу партийную душу, а человек, каждое выступление которого столь ценно, не имеет возможности проявить себя... Как давно нужно было сделать то, что сделано сейчас. Повторяю, сегодня у меня большой праздник... Я думаю, что «Платформа» произведет большое впечатление на широкие круги. Ведь ее, наверно, будут распространять? По-моему, ее нужно напечатать в первом № журнала⁴. Для этого нужно сделать только сокращения в 2–3-х местах. Ты хочешь, чтобы я подробно высказалась по поводу нее? Но я во всем согласна с ней. Это не то, что некий документ, посланный мне года два тому назад... Тот был мне очень не по душе, даже не хотелось передавать его кому бы то ни было. А здесь точно кто подслушал мои некоторые мысли. Даже странно как-то. Кто будет сотрудничать? Ну, пока довольно. На твое протокольно-сухое письмо я и то ответила слишком непринужденной болтовней. Напиши, получил ли это письмо. Будь здоров.

Саша

Р.С. Илюша⁵ просит передать тебе, что статьи, которые должны были быть пересланы из «Киевск<ой> М<ысли>» в «Од<есские> Нов<ости>», ими не получены.

Л.58-59. Год и место установлены из контекста писем. В конце письма карандашная помета: «21.II 36», как и на письме №1.

¹ Фраза подчеркнута Троцким красным карандашом. Видимо, речь идет о предложении для Соколовской работать в организуемом Троцким журнале «Борьба», издание которого готовилось в Петербурге.

² Причиной задержки, скорее всего, служило отсутствие документов, необходимых евреям для проживания в столице империи.

³ Подчеркнуто Троцким красным карандашом.

⁴ Речь идет о готовившемся к изданию журнале «Борьба».

⁵ Илья Львович Соколовский (1875 – после 1956) – младший брат Соколовской, журналист, печатавшийся в то время в «Одесских новостях» под псевдонимом «Седой». В 1930-е арестован и осужден, но расстрелян не был и в годы оттепели вышел на свободу, после чего его след затерялся (сообщено одесским журналистом, историком литературы и краеведом Е.М.Голубовским). Статьи Троцкого в ежедневной газете «Одесские новости», редактируемой Н.В.Самокатовым, не печатались (у газеты был собственный корреспондент в Вене – П.Звездич). Н.Васецкий пишет, что И.Л.Соколовский стал впоследствии членом

кадетской партии и редактором «Одесских новостей» (Васецкий Н.А. Троцкий. С.18, 14) – последнее неверно, по крайней мере в период до 1914 включительно.

3

<Одесса>19.I <1914>

Пишу тебе, дорогой Лева, через Илюшу¹. У него ты узнаешь подробно о моих делах. Не еду из-за документов, которые еще не готовы². Вчера получила письмо от Эрнесты³. Она очень торопит меня, но между прочим пишет, чтобы я деньги на дорогу заняла в Одессе. Сейчас мне негде достать. Единственный источник – это Илюша. Но он для своей поездки занял деньги, и весь в долгах. Раньше двух недель мне вряд ли удастся выбраться отсюда. Илюша меня, наверно, еще застанет здесь, так что если у тебя есть нечто конфиденциальное, можешь написать через него.

Адрес Сони⁴: Пет<е>р<бургская> стор<она> Б<ольшая> Монетная, 22, кв. 73.

До сих пор я еще не вижу объявления о журнале⁵. Эрнеста пишет несколько слов и ничего определенного, а лишь о том, что дела обратительны!!⁶ и что мой приезд необходим. Я так и не знаю: когда все-таки выйдет первый №?⁷

Корреспонденцию пишет Верман⁸, который вообще очень доброжелательно относится к нашему начинанию. Он мне говорил, что у него с тобой были какие-то нелады в последнее время. Это, однако, не мешает ему очень хорошо к тебе относиться, а тем более к делу. У него здесь есть много связей, и он будет писать постоянно «Письма из Одессы». Я буду с ним переписываться и постоянно держать его в подъеме <так!>. Через него же можно будет устроить и распространение. У него есть связи с некоторыми киосками, где продаются наши газеты. Все это до тех пор, конечно, пока он будет жив и здоров. Но ведь важно начало.

Корреспонденция запоздала и будет готова лишь ко второму номеру: 1) Потому что здесь все находится в распыленном состоянии, и очень трудно собирать материалы. А он хочет обстоятельно обо всем писать, согласно преподанной инструкции. 2) Потому что он сильно бедствует, не имеет угла, живет в одной комнате с семьей, что несколько связывает размах... 3) думаю, еще и потому, что о журнале он ничего конкретного пока не слышит. Для переговоров с киоском, напр<имер>, нужно знать, какова будет цена книжки, какой она будет величины и проч. А я, между прочим, ничего этого сообщить не могу. Из Питера положительно ничего не пишут существенного⁹. Все, что я знаю, я знаю от тебя.

Совсем другое было бы, если бы уже увидеть книжку журнала или хоть бы услышать официально о его существовании. Вerman, конечно, верит мне, но все-таки подъем был бы у него другой. Это же понятно. Но он наверно напишет¹⁰. Кстати, по какому адресу ему посылать? Тот заграничный, который дан тобой для предполагаемых профессональных журналов, не годится ли для этого? Или нужно из Питера затребовать?...

Я, понятно, Эрнесте сегодня напишу энергичное письмо. Пожалуй что, приходится с тобой согласиться относительно «платформы». Когда имеешь дело с нашими товарищами, то все представления о логике должны быть пересмотрены. «Умом Россию не понять, ее аршином не измерить»¹¹... Точно так же и у наших... Сильно спешу. Более подробно о личных делах у Илюши.

Твой поцелуй могла передать только Нине. Зинушке ты должен сам, непосредственно, переслать его. Что-то давно уже от нее писем не было¹². Она все еще не совсем здорова, и отсутствие писем меня очень волнует. Нинушка тебя крепко целует.

Всего хорошего.

Саша

Л.52-53. Год письма, указанный в архиве, верен, место установлено из контекста письма.

¹ Письмо послано с оказией, поскольку И.Л.Соколовский из Одессы отправлялся в Вену.

² Подчеркнуто Троцким синим карандашом.

³ Подруга Соколовской, жившая в Петербурге.

⁴ Неустановленное лицо.

⁵ В №7-8 «Борьбы» (вышел 6 июля 1914) сообщалось, что «целый ряд фракционных изданий, обменивающихся объявлениями с буржуазной печатью, отказывается помещать объявления “Борьбы” – потому что наш журнал есть орган борьбы за единство» (с.2).

⁶ Подчеркнуто Троцким синим карандашом; им же поставлены два восклицательных знака.

⁷ Подчеркнуто Троцким синим карандашом.

⁸ О ком именно идет речь, установить не удалось. Семейством Verman корреспонденции в «Одесских новостях» того времени не подписывались.

⁹ Подчеркнуто Троцким синим карандашом.

¹⁰ Подчеркнуто Троцким синим карандашом.

¹¹ Неточно приведенная заглавная строка стихотворения (1866) Ф.И.Тютчева.

¹² Старшая дочь Троцкого Зина, видимо, жила у его родственников, а не с матерью в Одессе, как Нина.

<Одесса,>25.II <1914 >

Не знаю, мой дорогой друг, что делать и как быть? Думаю, что вы должны подумать о замене меня каким-нибудь другим лицом¹. Больше ждать невозможно. Какое-то проклятие тяготеет над моим делом². Вернее, это проклятие русской жизни: канцелящина и евреи. Моей доверительнице сказали в канцелярии университета, «с детской циничностью», как она пишет – сама русская, что, будь это дело русской, можно было бы многими формальностями пренебречь, но для еврейки сделать этого не хотят. Значение имеет для хулиганья и то, что в моем брачном свидетельстве сказано, что брак совершен над <так!> сидящими в тюрьме ссыльными. Одно прошение вернули потому, что слово *Императорский* (универс<ите>т) было недостаточно крупно написано, не выделялось из всего заголовка. Можно ли поверить этому? Уже давно выполнены все формальности, послано полицейское свидетельство о потере подлинника и проч. И лишь теперь получила прилагаемое при сем известие. Лишь теперь будут *искать в архиве*... Можно ли после этого на что-нибудь надеяться? А если можно, то через сколько времени? Я не стану говорить о своем состоянии: оно тебе понятно. Тюремное начальство никогда не доводило меня до такого состояния, в каком сейчас нахожусь. Но не в этом дело. Сейчас речь не обо мне. Вы должны найти выход из создавшегося положения. Я все равно уеду в Питер, когда бы ни получился этот злополучный диплом. Но сейчас, что делать сейчас?

Признаться, мне даже боязно послать сейчас это письмо. Но рано или поздно нужно было прекратить это неопределенное положение. Я готова себе пальцы кусать от досады, что не сделала этого раньше. Я ведь знаю наши милые условия... Ко всему еще поведение В<егман'а> выводит меня из себя. Увы! ты оказался, к сожалению, вполне прав в своем отзыве о нем. Он ничего не написал, но водил меня <за нос> до последних дней, уверяя, что вот-вот даст. Теперь я уже решила без него обойтись. Кое-где побывала, обещали дать нужные сведения, и я уже сама напишу. Что же это №1 не выходит?³ Из Питера хоть бы слово. Правда, они все ждут меня, но ведь я их не оставляла в неведении о положении дел. Ну хоть бы ругались, что ли? А то просто ничего не пишут. Получил ли ты отсюда письмо от Ад<ольфа> Абр<амовича Иоффе>? Говорят, что он очень плох. Страшно жаль его!

Всего хорошего. Будь здоров.

Саша

Целует Нинушка.

Л.48-49. Год устанавливается из контекста письма.

¹ Видимо, речь идет о направлении А.Л. Соколовской по окончании срока ее ссылки в Петербург (возможно, в связи с планировавшимся изданием в Петербурге журнала Троцкого «Борьба»); «вы» здесь несомненно множественного лица – т. е. речь идет о нескольких людях, причастных к этому проекту.

² Речь идет о попытке Соколовской восстановить утраченный ею диплом акушерки (получен в Одессе); такой диплом давал бы ей право на жительство в столице.

³ Первый номер «Борьбы» вышел 22 февраля 1914.

5.

<Одесса,> 3.III <1914>

Дорогой мой друг!

Прилагаемое при сем письмо получила несколько дней тому назад. Из него ты видишь, в каком положении находятся мои дела. Хоть головой об стенку бейся... Мне и писать-то тебе не хотелось. Да и не написала бы, не получи я, наконец, №1 «Борьбы»¹. Сразу у меня настроение переменялось. К личным неудачам я слишком привыкла, чтобы от этой новой неудачи совсем потерять голову. Всяко бывало. И так, о «Борьбе». Свежим чем-то повеяло на меня от книжки. Припомнилось давно прошедшее время, когда марксистские статьи приносили нечто большее, нежели новые поводы для скандала. Так приятно поразило единство тона во всех статьях. Даже Луначарский, который, признаться, меня несколько пугал (что-то он напишет!), и тот оставил свой выпренный боготворческий стиль и заговорил простым человеческим языком². Как будто все авторы влияли друг на друга при совместном писании. А ведь все они находятся на расстоянии друг от друга.

Даже то, что нет особенно «красивых» статей, что нет статей особенно повышенного настроения, даже и это точно у места <так!>. Как у постели тяжело больного нужно говорить спокойно, тихо и убедительно. А разве не в таком состоянии тяжелой болезни находимся все мы? Я еще никому не успела дать книжки и не имею отзывов других. Я написала в П<етербург>, чтобы выслали известное количество для продажи, но еще не получилось ничего. Теперь несколько слов об отдельных статьях журнала. В статье «От редакции» выражение «нельзя реформировать бытия, не реформировав сознания» может подать повод для ложного толкования. Пл<ехано>в³ и Ряз<ано>в⁴ скажут, что ты перевернул на голову <так!> марксистскую теорию. Нужно было вставить мысль, что бытие готово к реформированию, лишь перетерпев внутреннее изменение. Указания в

начале на борьбу классов недостаточно. Я понимаю, что это статья не научного характера, а потому и допускаются некоторые вольности. Но я боюсь придирчивых читателей. В статье Покровского⁵ немного странно отношение к зарождению государственной власти. Формы ее не явились ли в известный момент исторической необходимостью? Как же так? В целях агитации достаточно указать, что государств<енная> власть нынешняя для современного момента является вредным пережитком, не соответствующим *современной* структуре общества. Ведь и Каутский в одной своей статье указывает на прогрессивную роль средневековых монастырей в деле строительства гражданской жизни. Это относится к самому началу средневековья. Понятно, что и русские монастыри, в известной степени, играли ту же роль. То же и князья. В статье Луначарского есть некоторые тяжеловесные места. Напр<имер>, абзац второй, *снизу вверх*, на стр<анице> 24⁶. А в общем хорошо. Отношение к расколу фракций правильное. Нужно, чтобы в каждой книжке была такая, *под таким заголовком*⁷, статья. Это безусловно самый жгучий вопрос современности, для нас, конечно. Раскол связывает все движения. Я думаю, что «Б<орь>ба», одним своим существованием, должна оказывать влияние на способ полемики обоих фракционных органов. Только бы продержаться как можно дольше. Какая обида, что не могу сейчас поехать! В поисках за материалом для корреспонденции я наткнулась на одного, обслуживающего больничные кассы. Он и вызвался сам написать корреспонденцию, но с тем, что, в случае чего, редакция может по-своему скомбинировать его материал. Если нужно будет, я возьму на себя роль редакции, с вашего позволения. Обещал доставить через 2–3 дня. В одном из прошлых писем я написала о том, что есть тема, которую нужно было бы, по-моему, разработать. Тема эта: преувеличенный, почти панический, страх перед силами реакции⁸. Нелепые выступления реакции (дело Бейлиса⁹, Кассо¹⁰ и проч.), которые, как мне кажется, следует учесть как признак слабости, наводят сугубый ужас не только на обывателей, но и на людей политически мыслящих. Мне случалось несколько раз спорить на эту тему, и у меня явилась мысль о необходимости статей на эту тему. Вот и хотела тебе порекомендовать написать по этому поводу. В статье «Историчес<ое> десятилетие»¹¹ этот вопрос мимоходом¹² и затронут в конце, но нужно более подчеркнуто об этом говорить.

Я давно думаю об этом, и у меня явилось желание самой об этом написать. Да боюсь, не сумею справиться с этой задачей. Как ты думаешь? Я, впрочем, не буду дожидаться твоего письма для того, чтобы начать писать. В процессе писанья видно будет, выходит ли что. Куда направить статью, тебе или по адресу редакции? Ну, понятно, тебе...

Илюша очки получил, но в восторг от них не приходит. Он не может приспособиться к ним. У него явилось даже подозрение, не произошла ли ошибка при изготовлении их, и чуть не собрался отправить их обратно. Однако после нескольких примерок он как будто начал к ним приспосабливаться, а опытные люди говорят, что неудобства происходят только от непривычки. Он собирается к врачу, чтобы от него услышать авторитетное мнение. До сегодня у него для этого денег не было. Он спрашивает у тебя, не вернули ли тебе рецепт очков? Если вернули, то пришли его, пожалуйста. Будь здоров.

Саша

<Приписка на полях:>

Не думай, что я сижу, жду писем из Киева и больше ничего не предпринимаю. После каждого письма приходится предпринимать новые шаги. После прошлого письма послала в Киев нотариальную доверенность, которая обошлась рубля в три. Теперь нужно пойти к врачебному инспектору, который, вероятно, даже не поймет, что от него хотят. Это ведь только канцелярская придирка унив<ерсите>та, совершенно не вызванная необходимостью, даже с их точки зрения. Совсем как питерские паспортисты, которые издеваются и выматывают душу. Илюша говорит, что, в случае чего, придется подавать в Сенат. А я, значит, жди!.. И каждое движение, каждая их новая выдумка обходится бог знает во что. Повсюду нужны гербовые марки...

Л.54-56. Год установлен по штемпелям на конверте (Л.57): «Hrn Leo Bronstein Rodlegasse, 25.III.Wien, XIX»; штамп отправления: «Одесса 4.3.14».

¹ «Борьба. Рабочий журнал» – двухнедельник, печатавшийся в Петербурге (всего вышло 8 номеров: первый увидел свет 22 февраля 1914, последний, сдвоенный, №7-8 – 6 июля 1914). Контора и редакция журнала помещались на Петербургской стороне, ул. Плуталова, д.21, кв.12. Издатель С.Ю.Дальгейм, редактор В.Г.Ядров. Среди постоянных авторов журнала – Троцкий, М.Н.Покровский, А.В.Луначарский; с №6 в журнале начал печататься К.Б.Радек; в №2 читателям были обещаны статьи М.Адлера, Ю.Дейча, Н.Жордания, Ю.Ларина, Х.Раковского и др. В №4 журнала было напечатано подписанное Международным социалистическим бюро приглашение на Международный социалистический конгресс в Вене (23–29 августа 1914) и были поименно перечислены все зарубежные представители, а от России указаны безымянные «четыре представителя». Главная тема журнала – необходимость единства российского социал-демократического движения. По внешнему виду №6 ясно, что редакция испытывает материальные трудности, по той же причине последний номер вышел сдвоенным. Три номера из шести первых (1, 5 и 6) были конфискованы, как, видимо, и последний. Против

официального ответственного редактора В.Г.Ядрова были выдвинуты обвинения по трем статьям Уголовного уложения.

² А.В.Луначарский напечатал в №1 статью «Пролетарская литература», а в №3 и 6 печатались его «Очерки пролетарской литературы»; определение «боготворческий» к стилю Луначарского связано с его тогдашним «богоискательством».

³ Георгий Валентинович Плеханов (1856–1918) – основоположник социал-демократического движения в России, «блестящий истолкователь Маркса, учитель нескольких поколений, теоретик, политик, публицист, оратор европейского имени и европейских связей», – как характеризует его Троцкий (Моя жизнь. С.153). Их личное знакомство состоялось в 1903 в Брюсселе и было осложнено разногласиями Плеханова с Лениным. Как признается Троцкий в воспоминаниях, «недоброжелательство Плеханова ко мне длилось долго, в сущности, не проходило никогда» (Там же. С.158). В годы Первой мировой войны Плеханов был «оборонцем»; октябрьский переворот большевиков он не принял.

⁴ Давид Борисович Рязанов (Гольдендах; 1870–1938) – социал-демократ, меньшевик. В Париже в 1915 – сотрудник газеты Троцкого «Наше слово». Троцкий в своей книге приводит фрагмент воспоминаний Н.И.Седовой о том, как любили «известного исследователя Маркса» Рязанова их сыновья:

Рязанов, живший тогда в Вене, поражал воображение мальчиков своими гимнастическими подвигами и нравился им своей шумливостью. Как-то младшего мальчика стриг парикмахер, я сидела тут же. Сережа пальцем подозвал меня к себе и тихо на ухо сказал: «Я хочу, чтоб он мне сделал прическу, как у Рязанова». Его восхитила большая, гладкая лысина Рязанова – это было не так, как у всех, а гораздо лучше.

(Моя жизнь. С.226).

⁵ Михаил Николаевич Покровский (1868–1932) – историк; социал-демократ с 1905. Сотрудничал в парижской газете «Голос»; участник октябрьского переворота в Москве; с 1918 – замнаркома просвещения; официальный первый советский историк; с 1929 – академик. Начиная с 1934 работы М.Н.Покровского по истории подвергались резкой критике. В №1, 2, 4, 5 и 7-8 журнала «Борьба» печатались заметки Покровского «Из истории общественных классов России». В первой их части он, в частности, цитировал не потерявшую и поныне значения записку историка-государственника Б.Н.Чичерина М.Т.Лорис-Меликову: «В России большинство не ищет ни большой личной свободы, ни гарантий против власти; той общественной свободы, которую у нас пользуется гражданское лицо, совершенно достаточно» (цит. по: *Покровский М. Из истории общественных классов России // Борьба. 1914. №1*).

⁶ Имеется в виду следующее высказывание: «Если мы имеем дело с поэтом классовым, т. е. стоящим определенно на точке зрения какой-либо большой социальной группы, то мы сейчас же увидим, что всякое

его произведение, если, конечно, он талантлив, является победой в трудном деле эмоционального (т. е. в области живого чувства происходящего) самоопределения его класса» (*Луначарский А.* Пролетарская литература // Там же. С.24).

⁷ Подчеркнуто Троцким красным карандашом.

⁸ Подчеркнуто Троцким красным карандашом.

⁹ Вызвавший всемирный резонанс судебный процесс, состоявшийся в Киеве с 25 сентября по 28 октября 1913 по делу еврея Менахема Бейлиса (1874–1934) по ложному обвинению в ритуальном убийстве христианского мальчика; суд присяжных Бейлиса оправдал.

¹⁰ А.Л.Кассо (1865–1914) – профессор Харьковского, затем Московского университетов, в 1910–1914 – министр народного просвещения. Проводил политику решительного запрета студенческих союзов и революционного движения; эта политика воспринималась социал-демократами как сугубо реакционная. Во время процесса над Бейлисом Кассо препятствовал восстановлению в университетах студентов-евреев, отчисленных за неуплату (подробнее об этом см.: Киевская мысль. 1913. 27 сентября).

¹¹ Редакционная статья, написанная Троцким, была посвящена политической характеристике десятилетия 1904–1914 годов.

¹² Слово подчеркнуто Троцким красным карандашом.

* * *

Когда в мае 1917 года Троцкий вернулся в Петроград и довольно быстро стал одним из наиболее заметных ораторов того грозного лета, Соколовская и обе дочери жили в столице, не пропускали его ежедневных выступлений на городских митингах; сегодня их назвали бы фанатами. «С А.Л.Соколовской, – пишет об этом периоде Д.А.Волгонов, – за все время пребывания на родине (до изгнания в 1929 г.) Троцкий встречался всего два-три раза. Но в самое трудное время голода и лишений он пытался порой как-то помочь своим детям от первого брака. Дрaму старого разрыва плотно заслонили дела революции, которой он отдавал все свои силы»²⁷.

Дальнейшая судьба Соколовской и ее дочерей трагична.

Девушки вышли замуж. Младшая, Нина, – за Мана Невельсона, большевика с 1917, участника Февральской и Октябрьской революций и Гражданской войны, к концу которой он стал начальником Политотдела армии. В январе 1928 его выслали, как зятя Троцкого, и с 1929 содержали в Тобольском политизоляторе; их дочка Волина, родившаяся в 1925, жила потом с бабушкой в Ленинграде, и начиная с 1935 ее судьба неизвестна. Нина Львовна после высылки отца и ареста мужа слегла и очень быстро умерла от скоротечной чахотки. Телеграмму о ее смерти Троцкому вручили в Алма-Ате только через 73 дня после отправления. Муж старшей дочери Троцкого Зинаиды Львовны, Платон Волков, также был арестован в 1928. После

²⁷ Волгонов. Кн.1. С.151.

упорной борьбы в январе 1931 Зинаиде Львовне с сыном Всеволодом, родившимся в 1926, удалось вырваться из Советской России за границу («для лечения»), а ее дочь Александра (1923 года рождения) осталась с бабушкой и была репрессирована в 1949. 5 января 1933 в Берлине Зинаида Львовна покончила с собой, открыв кран газовой горелки. Ее сын Сева (Эстебан) живет в Мексике – он директор музея Троцкого в Койоакане.

Александра Львовна Соколовская вскоре после убийства Кирова была арестована в Ленинграде и выслана в Сибирь. Последнее ее письмо, дошедшее до Троцкого 8 сентября 1935, было датировано 18 августа 1935 и послано на адрес его сына Льва²⁸. Получив 9 апреля 1935 открытку от Александры Львовны уже с места ее ссылки, Троцкий вклеил ее в свой дневник и написал: «Тот же отчетливый, слегка детский почерк, и то же отсутствие жалоб...»²⁹.

Когда, еще при советской власти, я разыскивал как-то в ЦПА КПСС данные об одной старой большевичке, то услышал в ответ от многоопытных сотрудников архива: «А она была в оппозиции?» Я что-то промямлил в ответ, боясь, что ее принадлежность к оппозиции помешает мне узнать ее судьбу, но мне сказали: «Только на участниках оппозиции у нас есть все точные данные». Александра Львовна Соколовская в рядах оппозиции (и большевистской партии вообще) не числилась, поэтому данных о том, когда именно и где ее «ликвидировали», в партийных анналах нет...³⁰

А.А.Иоффе – Л.Д.Троцкому

Адольф Абрамович Иоффе (1883–1927) родился в Крыму в богатой купеческой семье. В революционное движение включился еще в гимназические годы. Являясь «неблагонадежным», продолжить образование по окончании гимназии он мог только в Европе, поэтому и стал студентом медицинского факультета Берлинского университета. В Берлине его связи с зарубежными организациями российской социал-демократии очень упрочились, и в 1904–1907 он систематически приезжал в Россию со спецпоручениями, всякий раз умудряясь уходить от полиции. С 1908 Иоффе живет в Вене, где становится одним из самых близких сотрудников Троцкого в его «Правде». В Вене образуется и круг его друзей, в который, помимо Троцкого, входили сотрудники «Правды» Д.Б.Рязанов, М.И.Скобелев и С.Ю.Семковский.

Хотя за четыре года было выпущено всего 25 номеров «Правды», эта газета, предназначенная для нелегального распространения в России (Илья Эренбург в мемуарах «Люди, годы, жизнь» рассказывал, как он в Вене на квартире Троцкого готовил ее к тайной отправке на родину³¹), имела очевидный авторитет и успех в России у революционно настроенных рабочих.

²⁸ *Троцкий Л.* Дневники и письма. М., 1994. С.249-250.

²⁹ Там же. С.117.

³⁰ «С лета 1935 года о ее судьбе ничего не известно» – сказано в справке (О семье Л.Д.Троцкого // Известия ЦК КПСС. 1990. №2. С.111).

³¹ *Эренбург И.* Собр. соч.: В 8 т. Т.6. М., 1996. С.414.

М.Горький писал с Капри 13 июня 1909 Троцкому, с которым познакомился в 1907 в Лондоне:

А по поводу сотрудничества в «Правде» – подождите немного: в данное время очень занят и не могу ничего сделать. Масса работы и по школе³², и своей. Привет! «Правда» ваша страшно нравится мне: точная она, простая, ясная. Без особенных грознозвучных слов, а – задушевно. Желаю успеха. Жму руку. А.Пешков.³³

(Заметим, что, когда в феврале 1908 Ленин, редактировавший тогда в Париже газету «Пролетарий», предложил Горькому вести в ней литературно-критический отдел, писатель, уклонившись, порекомендовал Троцкого, на что Ленин ответил, что сам думал об этом, но «позер» Троцкий не согласился³⁴.) Отзыв Горького о «Правде» особенно впечатляет на фоне грубых высказываний Ленина³⁵.

Вспоминая то время, Троцкий написал:

Главным моим сотрудником в «Правде» был А.А.Иоффе, впоследствии известный советский дипломат. С венских дней началась наша дружба. Иоффе был человеком высокой идейности, большой личной мягкости и несокрушимой преданности делу. Он отдавал «Правде» и свои силы, и свои средства. От нервной болезни Иоффе лечился психоанализом у известного венского врача Альфреда Адлера, который начал как ученик профессора Фрейда, но стал в оппозицию к учителю и основал собственную школу индивидуальной психологии... По делу венской «Правды» Иоффе выехал на работу в Россию. Он был арестован в Одессе, долго сидел в тюрьме, потом был сослан в Сибирь.³⁶

Последние события уточним по автобиографии А.А.Иоффе:

Вместе с Троцким начал издавать газету «Правда». От имени редакции этой газеты в 1910 г. совершил объезд российских партийных организаций. Такой же объезд сделал в 1911 г., а в 1912 г., когда была организована организационная комиссия по созыву общепартийного съезда всех фракций партии³⁷, вошел в эту комиссию как пред-

³² Имеется в виду знаменитая политическая школа Горького для российских рабочих на Капри, в работе которой принимали участие «каприйцы» А.В.Луначарский, А.А.Богданов и Г.А.Алексинский. Троцкому тоже было предложено стать лектором школы, но он согласился при невыполнимом условии: школа должна стать общепартийной, а не «особым предприятием каприйских литераторов». Ленину приглашение быть лектором школы Горький сознательно не посылал.

³³ РГАСПИ. Ф.75. Оп.1. Д.144. Л.1; см. также *Фрезинский Б.* С вождами на дружеской ноге // Литературная газета. 1997. 19 февраля.

³⁴ Иллюстрации к этим сюжетам можно найти в материалах книги: Ленин и Горький. М., 1969.

³⁵ См., например, письмо Ленина Л.Б.Каменеву от 6 апреля 1910: *Ленин В.И.* Полн.собр.соч. 5-е изд. Т.47.

³⁶ *Моя жизнь.* С.216-217.

³⁷ Имеется в виду Августовская конференция (Вена, 1912).

ставитель группы и редакции «Правды». В качестве члена организационной комиссии, опять-таки нелегально, объезжал российские организации с агитацией за созыв съезда. Во время пребывания в Одессе вместе со всей одесской организацией партии был арестован. Так как материала для суда не было, то после 10 мес<ячного> сидения в одиночке был в административном порядке сослан на крайний север Тобольской губернии на 4 года.³⁸

Именно из села Демьяновское Тобольской губернии 24 мая (6 июня) 1913 Иоффе отправил имеющее отношение к нашему сюжету письмо своим венским друзьям С.Ю. и Н.Г.Семковским (письмо это они, видимо, дали прочесть Троцкому, и он его сохранил, потому что в 1936 это письмо было выкрадено из архива Троцкого агентами НКВД)³⁹. Посетовав, что муж и жена Семковские редко и нерегулярно ему пишут, Иоффе первой среди тех немногих венцев, кто его еще не позабыл, назвал Наталию Ивановну Седову, жену Троцкого, чьи письма, как он заметил, «доставляют ему громадное удовольствие».

В этом же письме Иоффе жаловался, что газеты доходят до него не часто, а конфискованные властями номера вообще не приходят, при этом среди понравившегося из прочитанного (видимо, в газете «Луч») он назвал бюджетную речь депутата 4-й Государственной Думы М.И.Скобелева. Отметив, что прочел ее «с громадным наслаждением», Иоффе заметил: «Превосходная речь! Неужели он сам... что-то пахнет Львом Дав<идовичем>». Вообще политическое чтение было главным интересом Иоффе в ссылке; оторванность от привычной среды, невозможность обсудить текущие события с товарищами он переживал все время (особенно с началом мировой войны).

Об этом он пишет С.Ю.Семковскому:

Статей Л.Д.<Троцкого> я совсем не читал, Вашу (кроме философской) читал одну; кое-что она мне пояснила, но все-таки мало. Я писал Л<ьву> Д<авидовичу> свое мнение и понимание положения дел, но ответа, к сожалению, не удостоился. Если бы Вы могли себе представить, каково не только чувствовать себя отрезанным, но и сознавать свое бессилие понять то, что происходит. Кажется, я ведь никогда не был очень глуп (правда?), но теперь все, что происходит за рубежом нашего «далека», как-то трудно мною воспринимается. <...> У меня все по-прежнему: старые мрачные мысли и черная действительность, что составляет редкий контраст с здешними белыми ночами, особенно когда, как я, не спишь.

«Как здоровье Нат<алии> Ив<ановны> теперь? Что делает Л<ев> Д<авидович>? Как поживают другие? Что Давид Борисович <Рязанов>? <...> Л<ьву> Д<авидовичу>, Нат<алье> Ив<ановне> и деткам их мой самый сердечный привет», – такие вопросы и приветы были неизменными во всех письмах А.А.Иоффе в Вену.

³⁸ Цит. по: *Иоффе Н.* Мой отец Адольф Абрамович Иоффе. М., 1997. С.52.

³⁹ РГАСПИ. Ф.325. Оп.2. Д.97. Л.25-26.

С<ело>Демьянское
17/30-VI-1913

Дорогой Лев Давидович!

Я недавно ответил Вам подробно на Ваше письмо (также и С<е-мену> Ю<льевичу>¹). С нетерпением жду теперь Вашего ответа. А пока пишу совсем по другому поводу.

Я еще зимой заказал в Мужах (это село между Березовым и О<б>дорском²) олени туфли остяцкой работы. Пока мое письмо дошло туда и пока я получил ответ, – началась распутица, и только теперь с первым низовским пароходом я, наконец, получил заказанное. Завтра пошлю почтой 1 п<ару> туфель для Левика и 1 для Сережи³. Т. к. я вспомнил, что и Вы, кажется, любите дома ходить в мягких и теплых туфлях, то прилагаю одну пару и для Вас. Сначала хотел послать и Нат<алии> Ив<ановне>⁴, но затем подумал, что, во 1), никогда не видал Нат<алию> Ив<ановну> в комнатных туфлях, а во 2), туфли эти действительно весьма мало изящны (особенно на женской ноге, вероятно) и вряд ли удовлетворят вкусу Нат<алии> Ив<ановны>. Ничего другого, к сожалению, здесь достать нельзя, а туфли эти, по-моему, все-таки очень оригинальны, хотя и не красивы; ребятишкам, во всяком случае, вероятно, доставят удовольствие. Вы-то уже, вероятно, видели это, но тому, кто не видел, должно быть интересно; я их специально заказывал у остяков, и это – оригинальная остяцкая работа, причем не здешних остяков (тут уж слишком «окультирились»), но самых низовских, полярных. Поэтому посылаю все-таки. Надеюсь, что я Вас этим не подвел и Вам не пришлось платить пошлины? По этой причине не посылаю кедровых орешков, которые сначала тоже хотел послать: за съестное ведь Австрия дерет большую пошлину.

Повторяю, ничего более интересного отсюда прислать нельзя (т. е. нельзя – считаясь с моими финансами, ибо имеются, конечно, очень хорошие шубные меха, но это стоит сотни). В Тобольске, говорят, можно достать довольно изящные изделия из мамонтовой кости, но... как я попаду в Тобольск? А здесь имеется только невыделанная мамонтовая кость; мало интересно. – Если буду в Тобольске, постараюсь что-ниб<удь> достать. Пока о моем отъезде за границу ровно ничего не известно, хотя мытарствам моим уже пошел второй год. Вообще у меня все по-старому; одинаково и однообразно, как и все тут вообще: один день очень холодно, другой жарко и постоянно едят комары. И тоска тоже постоянная.

Письма отовсюду имею очень редко. «Луч»⁵ последнее время конфисковывают, и до меня доходит с каждой почтой только 3–4 №№-а, зато книги получил недавно опять, т<ак> что теперь снова

есть возможность читать; только голова почему-то начала часто и сильно побаливать.

М<атвей> И<ванович>⁶ прислал мне книжку портретов депутатов, но писать не хочет (либо не может). От Ал<ександры> Льв<овны> с этой почтой имею письмо: тоже жалуется на Ваше молчание. Она осенью, к счастью, уже кончает <ссылку>. Что-то будет?

О «деловых вопросах» писал прошлый раз; не стану Вам опять надоедать, хотя хотелось бы...

Крепко жму Вашу руку. Сердечный привет Вашим и «венцам» вообще.

Ваш Ад<ольф> И<оффе>

P.S. Последние (заказные; других вообще не было) письма пришли в явно и нахально «надорванном» виде. Имейте в виду. Не знаю, чем я обязан этим обострением внимания к себе.

Л.23-24.

¹ С.Ю.Бронштейн (псевд. С.Семковский; 1882–1937) – участник социал-демократического движения с 1900. С 1904 – в Женеве; в 1908–1912 – один из редакторов «Правды» (Вена); участник Августовской конференции 1912 года, после которой входил в секретариат Объединенного комитета РСДРП (1912–1914), сотрудничал в газете «Луч»; в годы Первой мировой войны – интернационалист, сотрудничал в парижской газете «Голос» и был против раскола РСДРП; в 1915–1916 входил в редакцию выходивших в Цюрихе «Известий заграничного совета ОК» (Объединенного комитета РСДРП). На объединенном съезде меньшевиков в августе 1917 – член ЦК, затем член комитета Киевской организации меньшевиков. В 1920 арестован, после чего прекратил работу в меньшевистской партии. До середины 1930-х преподавал философию и социологию в институтах Украины. Репрессирован. В советские годы был известен, главным образом, резкой критикой Ленина в его адрес.

² В 1907, будучи сосланным в Тобольскую губернию, Троцкий был определен на жительство в Обдорск (с 1933 – Салехард), но по дороге туда, при остановке в Березове (ныне – райцентр в Ханты-Мансийском автономном округе), «заболел» и был оставлен в больнице, откуда тут же бежал.

³ Сыновья Троцкого и Н.И.Седовой; старшего, Льва, Иоффе называют Левиком, как его звали родители в Вене. Лев Львович Седов (1906–1938), выехавший за границу в 1929 вместе с родителями и активно помогавший отцу, был убит 16 февраля 1938 в медицинской клинике в Париже (эта акция, организованная НКВД, все еще не признана наследниками этой организации). Сергей Львович Седов (1908–1937) после депортации Троцкого, как человек далекий от политики, остался в СССР; когда ему не было и тридцати, стал профессором Московского

технологического института. Арестован как сын Троцкого 27 июля 1935 (приговор – 5 лет ссылки), расстрелян 9 октября 1937.

⁴ Наталия Ивановна Седова (1882–1962) – социал-демократка, вторая жена Троцкого.

⁵ См. примеч. 4 к письму 1 А.Л.Соколовской.

⁶ М.И.Скобелев (1885, Баку – 1938, Москва) – социал-демократ с 1903; с 1906 – эмигрант, в 1907–1912 в Вене, сотрудник «Правды» Троцкого; в 1912 от русской курии Закавказья избран в Гос. Думу, где выступал главным образом по бюджетным и финансово-экономическим вопросам; с мая 1917 – министр труда в правительстве Керенского, после чего Троцкий порвал со Скобелевым всякие отношения. В 1920 эмигрировал, в 1925 вернулся в СССР, в 1937 арестован.

2

С<ело> Абан¹ 17/30-XII-1915

Дорогой Лев Давидович!

Случайно узнал из газетной заметки (в связи с разоблачениями Алексинским² Парвуса³; неужели это правда?), что Вы издаете «Наше слово»⁴. Решил почему-то, что в Париже. Дважды написал туда, и первое письмо на днях, за нерозыском адресата, получил обратно. Теперь пытаюсь найти Вас в Женеве. Пишу, конечно, опять на авось, поэтому писать подробно не хочется. Из тюрьмы, после осуждения, я неоднократно порывался написать Вам, но никак не мог узнать, где Вы. Дважды писал М<атвею> И<вановичу>, писал Мандел<ь>бергу⁵; отсюда уже 2 раза опять писал М<атвею> Ив<ановичу>, наконец, решился написать Горьк<ому>⁶ – никакого ответа ни от кого. И тем не менее так сильно хочется узнать, где Вы и что с Вами, что еще и эту последнюю попытку <делаю>.

Если письмо до Вас дойдет, откликнитесь! Впрочем, в Вас я не сомневаюсь, я уверен, что Вы-то ответите мне непременно. Хотя и М<атвею> И<вановичу> нечего было бы, при его «неприкосновенности»⁷, бояться переписки со мною... но... бог с ним!

Голубчик, Лев Давидович, напишите, как жили все эти годы, как живете теперь. Что Нат<алия> Ив<ановна>? Сердечный, самый, самый, наилучший привет ей от меня. Что Левик и Сережа? Крепко, крепко их за меня расцелуйте.

О Вас до меня в тюрьму доходили самые дикие и невероятные сообщения, включительно до того, что вы записались добровольцем в какой-то «вогезский» батальон. Конечно, всему этому я не верил. Теперь – единственный правдоподобный факт: издание Вами «Нашего слова», этому я верю и поэтому-то так упорно пытаюсь разыскать эту неуловимую газету.

Где С<емен> Ю<льевич>⁸? и Н<аталья> Гр<игорьевна>⁹? Поклон им передайте. О Баске¹⁰ тот же Алексинский сообщает нечто мало вероятное и весьма скандальное. Наверное, тоже ложь?

Если будете писать, напишите о своем отношении к войне. Естественно, что этот вопрос меня наиболее занимает. Я даже, несмотря на всю свою неинформированность, написал на эту тему статью, послал ее сначала Горьк<ому>, затем написал заново и послал М<атвею> И<вановичу>, но до сих пор ничего не знаю о ее судьбе.

Коротко говоря, мое отношение к войне сводится к следующему. Пролетариат не может быть заинтересован ни в какой войне, ибо всякая война – есть результат развития капиталистических отношений, а пролетариат не заинтересован в самом существовании этого строя. Следовательно, пролетариат (мировой, конечно) не заинтересован и в этой войне. Но из этого вовсе не следует, что ему безразлично, кто именно победит. Наоборот, раз война, несмотря на противодействие пролетариата, все же разгорелась, пролетариат неизбежно должен принять чью-либо сторону, должен решить, чье поражение ему выгоднее, вернее, какой враг для него опаснее, чья победа для него более всего вредна. Но этот вопрос ни в коем случае не может быть решен с точки зрения национальных пролетарских интересов, ибо национальные интересы могут привести только к принципу национальной обороны и не дальше, а это в свою очередь приводит к всеобщему мордобою, следовательно, к фактическому отрицанию международной солидарности пролетариата. Вопрос может быть разрешен только с точки зрения интернациональных классовых интересов, и объективный интернациональный критерий для такого суждения о войне дан в современном империализме. Объективная оценка специфических особенностей империализма и империалистической политики всех воюющих государств приводит к убеждению, что, с точки зрения классовых интересов пролетариата, германский империализм и милитаризм, в виду особенного, исторически создавшего<ся> характера своего, является наиболее опасным и злейшим врагом мирового пролетариата, следовательно, в рамках мировой войны, пролетариат заинтересован в его поражении. Это не значит, что пролетариат нуждается в мировой войне. Наоборот, война прежде всего и сильнее всего вредит пролетариату, но раз она стала свершившимся фактом и не может быть прекращена, пролетариат прежде всего заинтересован в том, чтобы его сильнейший враг не одержал победы над менее сильным его врагом, т. е. поражение Германии лежит в плоскости интересов мирового пролетариата, в том числе и самого германского. Т. к. мировой пролетариат имел и имеет другие, более выгодные для него способы борьбы и победы над германским империализмом и милитаризмом, то он в войне не

нуждался и не нуждается. Задачей интернационала является учет соотношения сил и оценка момента – в данной ситуации и то и другое в мировом масштабе. И если этот учет и эта оценка приводят к выводу, что война может быть прекращена, интернационал должен стремиться к этому, если же это невозможно, то интернационал, конечно, продолжая свою классовую работу, должен деятельно работать в интересах одержания победы над германским империализмом и милитаризмом.

Мой вывод именно таков; я думаю, что мы не только не могли войны предотвратить, но пока что не в силах ее и прекратить, ибо успехи Германии слишком значительны и те государства, которым она грозит (в том числе и рабочие этих государств), на такой призыв не пойдут, с другой стороны, Германии нужна победа во что бы то ни стало (также и с точки зрения национальных интересов ее пролетариата), следовательно, и она на этот призыв en masse¹¹ не пойдет. Значит, война будет продолжаться, а раз это так, то нам нужно, чтобы Германия не вышла победительницей из нее. Значит, мы должны деятельно способствовать ее поражению, не затушевывая, конечно, своей классовой борьбы внутри государств. Простой лозунг «война – войне» – также и во время войны – приведет только к поражению стороны слабейшей, а т. к. пролетариату вовсе не безразлично, кто именно победит, то он не может способствовать таким «стихийным» результатам и должен на время войны отказаться от этого лозунга с тем, чтобы после войны особенно решительно поднять его (и во время войны, конечно, если только лозунг этот может быть повсюду воспринят и, следовательно, действительно может привести к прекращению войны).

Как Вы относитесь к этому? Возможно, конечно, что я говорю чепуху, ибо я ведь скоро уже 4 года «изъят из обращения» и, конечно, очень отстал от жизни.

Напишите об этом, голубчик Лев Давидович!..

Что касается меня, то я дважды судим, дважды осужден (второй раз за принадлежность к ред<акции> «Пр<авды>» и «О<бъединенному> К<омитету РСДРП>») и теперь нахожусь здесь на поселении. Тут довольно много политич<еских>, все «лишенники», административных нет, но народ все «из бывших», и, в общем, тут скверно. Об этом писать не хочется. Пишите о себе и Ваших; с нетерпением жду Вашего подробного письма. Крепко, крепко Вас обнимаю.

Ваш Ад<ольф> И<оффе>

Мой адрес: село Абан, Канского уезда, Енисейской губ, мне.

Еще раз самый сердечный привет Н<аталье> Ив<ановне> и Вашим деткам, а также товарищам (С<емену> Юл<ьевичу> и Н<аталье> Гр<игорьевне> особо).

<Приписка на конверте:>

Ув<ажаемые> гг!

Очень прошу передать или переслать Н.Троцкому по месту нахождения. Если невозможно, то хотя бы сообщить мне, в каком городе он проживает, – не знаете ли адреса т. Бера¹²?

С тов<аришеским> приветом В.Крымский¹³

Мой адрес: С<ело> Абан Канского уезда Енийсейской губ. Политическому ссыльно-поселенцу Адольфу Абрамовичу Иоффе.

Л.27-30; конверт (л.31).

¹ В 1913 во время нахождения в ссылке в Тобольской губернии (осужден на 4 года) А.А.Иоффе был привлечен к суду, поскольку полиция получила новые материалы на него, и осужден на пожизненную ссылку, затем по вновь открывшимся материалам осужден вторично и в итоге сослан в Канский уезд Енисейской губернии.

² Григорий Алексеевич Алексинский (1879–1967) – публицист; в социал-демократическом движении с 1899; с октября 1905 года – большевик; в 1909 – член группы «Вперед», наблюдатель от нее на Августовской конференции 1912 года в Вене; протестовал против раскола социал-демократической фракции в 4-й Государственной Думе. В 1918 арестован ЧК, в 1919 отпущен на поруки, вскоре бежал за границу. Во время Первой мировой войны выступал с рядом разоблачений связей некоторых деятелей российской социал-демократии с австро-германскими властями. Здесь речь идет о его статье про субсидирование властями Австрии и Германии через Парвуса украинских социал-демократических организаций, созданных на базе «Спилки», с целью способствовать поражению России в войне с Австрией и Германией (см., например, материалы Департамента полиции в публ.: Ссылка М.С.Грушевского / Подгот. П.Елецкий // Минувшее: Исторический альманах. Вып.23. СПб., 1998. С.256-257).

³ Парвус (Александр Львович Гельфанд; 1869–1924) – российский и германский социал-демократ, с 1903 – меньшевик; создатель теории «перманентной революции», вдохновившей Троцкого; участник русской революции 1905 года; организовал проезд Ленина с товарищами через Германию в plombированном вагоне в 1917.

⁴ Ежедневная социал-демократическая газета, выходившая в Париже на русском языке с 29 января 1915 по 15 сентября 1916 (всего вышло 492 номера). «Наше слово» выходило вместо закрытой властями в январе 1915 газеты «Голос». С середины 1915 ведущая роль в этой газете перешла от Ю.О.Мартова к Троцкому, который привлек к сотрудничеству в газете Х.Г.Раковского и К.Б.Радека.

⁵ Мандельберг Виктор Евсеевич (1869, Киев – 1944, Тель-Авив) – меньшевик, член ЦК РСДРП, депутат 2-й Государственной Думы.

⁶ М.Горький был связан с российским социал-демократическим движением – с большевиками, меньшевиками, группой «Вперед» и др.

⁷ Имеется в виду парламентская неприкосновенность члена Государственной Думы.

⁸ С.Ю.Бронштейн (Семковский).

⁹ Наталья Григорьевна – жена С.Ю.Бронштейна (Семковского).

¹⁰ «Басок» – псевдоним М.И.Меленевского (1878–1938) – украинско-го меньшевика, одного из лидеров украинской социал-демократической организации «Спилка».

¹¹ В целом (*франц.*).

¹² Имеется в виду Либер Михаил Исаакович (Гольдман; 1880–1938) – один из лидеров «Бунда». В 1912 активный участник Августовского блока Троцкого; в 1917 член Исполкома Петросовета; после Октябрьского переворота отошел от политической деятельности; репрессирован.

¹³ Литературный псевдоним А.А.Иоффе.

* * *

Из пожизненной сибирской ссылки А.А.Иоффе освободила Февральская революция (1917). Добравшись до Петрограда, он немедленно включился в политическую работу. Он избирается в Петроградскую Городскую думу, в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, во Всероссийский Центральный исполнительный комитет Советов и в Учредительное Собрание. Войдя вместе с группой «межрайонцев» на 6-м съезде в партию большевиков, он избирается членом ее Центрального комитета. Во время октябрьского переворота – председатель Военно-революционного комитета.

В конце 1917 Советом народных комиссаров Иоффе был направлен в Брест-Литовск председателем российской мирной делегации. Так, примерно на год, вся его работа оказалась связанной с Германией. 3 декабря 1917 начались предварительные переговоры, в результате которых 15 декабря было заключено и подписано перемирие с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией, а 22 декабря открылись обстоятельные мирные переговоры, на которых советской делегацией был выдвинут план мира без аннексий и контрибуций, обращенный ко всем воюющим державам. Странами Антанты, понятно, этот план принят не был, что дало немцам, формально его поддержавшим, право от него официально отказаться.

В дневниках австрийского министра иностранных дел графа Оттокара Чернина не без сарказма описано, как на торжественном обеде по случаю переговоров рядом с принцем Леопольдом Баварским сидел «глава русской делегации – еврей, недавно возвращенный из Сибири, по имени Иоффе»⁴⁰. Впрочем, вся советская делегация вызывала у аристократа и профессионального дипломата Чернина брезгливые ощущения, будь то «зять русского министра иностранных дел Троцкого – Каменев», или эсерка-террористка А.А.Биценко, убившая генерал-губернатора Сахарова, или, наконец, сам Троцкий, приехавший на переговоры в январе 1918 («Троцкий несомненно

⁴⁰ Чернин О. В дни мировой войны. М.; Пг., 1923. С.239.

интересный, ловкий человек и очень опасный противник. У него совершенно исключительный ораторский талант – мне редко приходилось встречать такую быстроту и тонкость реплики, как у него – и вместе с тем вся наглость, свойственная его расе»⁴¹). Любопытство Чернина было смешано с ужасом (вполне классовым, если пользоваться лексикой отошедшей эпохи):

Удивительные люди – эти большевики. Они говорят о свободе и общем примирении, о мире и согласии, а при этом, по-видимому, сами жесточайшие тираны, каких видел мир, – буржуазию они попросту вырезают, а единственным их аргументом являются пулеметы и виселицы. Сегодняшний разговор с Иоффе показал мне, что эти люди не честны и что лицемерие их превышает все, в чем обыкновенно упрекают профессиональных дипломатов, – потому что так угнетать буржуазию и в то же время говорить о свободе, которая должна принести счастье всему человечеству, – есть не что иное, как ложь.⁴²

После выдвижения Германией ультимативных и беспощадных условий, Иоффе отказался подписать Брестский мир (договор был подписан лишь 3 марта 1918 Г.Я.Сокольниковым, а после того, как 11 ноября 1918 Германия капитулировала, 13 ноября 1918 аннулирован Москвой). После заключения Брестского мира Иоффе был направлен в Берлин послом Советской России; 6 ноября 1918 его выслали из Берлина – за три дня до начала германской революции, в которую Иоффе вложил немало сил.

Еще раз процитируем Троцкого:

Иоффе был одним из самых активных участников октябрьского переворота. Личное мужество этого тяжело больного человека было поистине великолепно. Я как сейчас вижу его тяжеловатую фигуру на осеннем изрытом снарядами поле под Петербургом осенью 1919 г. В изысканной одежде дипломата, с мягкой улыбкой на спокойном лице, с палочкой, точно на *Unter den Linden*, Иоффе с любопытством поглядывал на близкие разрывы снарядов, не прибавляя и не убавляя шага. Он был хороший, вдумчивый и задушевный оратор и такой же писатель. Во всякой работе Иоффе был внимателен к мелочам, чего так не хватает революционерам. Ленин высоко ценил дипломатическую работу Иоффе. Я теснее, чем когда-либо, был связан с этим человеком в течение долгого ряда лет. Его преданность в дружбе, как и его идейная верность, были несравненны.⁴³

3

Берлин, 20.V-1918

Дорогой Лев Давидович!

Последний курьер привез мне письмо и Вашу рукопись. Посоветуюсь с нашими левыми и постараюсь сделать все возможное,

⁴¹ Там же. С.253.

⁴² Там же. С.241.

⁴³ Моя жизнь. С.217.

чтобы издать ее. Сомневаюсь только, чтобы это удалось здесь, т. к. теперь тут цензурные условия не лучше наших в Николаевские времена. Во всяком случае все возможное сделаю.

Что касается моего якобы оптимизма, то здесь Вы не совсем правы. Если все 4 моих доклада до Вас дошли, то Вы должны были усмотреть из них, что я так же, как и Вы, расцениваю политику военных властей. Я точно полагаю, что эта политика может быть исключительно силой: тут ничего не поможет, кроме такого же вооруженного противодействия немецкому наступлению. Раз мы от этого отказываемся, — правильно или неправильно, другой вопрос, — то нам приходится искать других способов борьбы. И тут вся наша сила в том, что германская буржуазия почти целиком заинтересована в экономической эксплуатации и использовании России больше, чем в стратегическом обеспечении своих наступательных планов. Я не сомневаюсь в том, что военная партия свою стратегию делает исходной точкой своего наступления на Советскую власть, но я не сомневаюсь также и в том, что все другие партии Германии хотят погубить Советскую власть только после того, как им удастся ее основательно выдоить. А так как вся Германия, ввиду продолжающейся войны, очень сильно нуждается в России, это дает нам возможность использовать наше положение и добиться многих уступок. Выигрышность нашего положения еще усугубляется тем обстоятельством, что Германия не может пойти на открытый разрыв с нами, мы же всегда можем грозить этим. Этими соображениями определяется та «реальная политика», которую я провожу здесь и предлагаю Москве.

И тут-то мне страшно мешают. Наш комиссариат Ин<остранных> дел, по-видимому, на недостаточной высоте: Чичерина¹ Вы знаете; он был бы отличным секретарем, но никуда не годится как товарищ министра; Карахан² в роли товарища комиссара так же хорош, как был в роли секретаря мирной делегации, а тогда Вы сами дали ему строгую, но справедливую аттестацию; Радек³, как во всем, безнадежен совершенно: я с трудом добился его назначения только для того, чтобы он информировал нас, а он вообразил, что вся нужная нам информация сводится к сообщению его собственных планов.

В результате получается, что форт Ино мы проморгали, ибо я здесь добился разрешения нам его не разоружать, но вырешать <так!> этот вопрос на мирной конференции, а они там его уже сдали. Таких примеров миллионы, но я не стану на этом останавливаться, скажу только, что вся моя работа здесь (а работаю я по 20 ч<асов> в сутки) сводится на нет, если в Москве ведут другую и совершенно самостоятельную работу и не выполняют того, что я здесь решаю с немцами⁴.

Я очень прошу Вас, дорогой Лев Давидович, употребите свое влияние в том направлении, чтобы политика здесь делалась мною

без московских помех и в Москве в точности выполняли, что мне нужно. Жму руку. Привет Вашим.

Ваш А.И<оффе>

Л.32-33. Надпись на конверте (л.34): «Москва. Совнарком. Льву Давидовичу Троцкому в собственные руки».

¹ Георгий Васильевич Чичерин (1872–1936). В эмиграции с 1904; с 1905 – член РСДРП. После того как 14 марта 1918 Троцкий стал наркомом по военным делам, Чичерин возглавил Наркомат иностранных дел (до 1930).

² Лев Михайлович Карахан (Караханян; 1889–1937) – участник революционного движения с 1904. Секретарь советской делегации в Брест-Литовске. В 1918–1920 и 1927–1934 – зам. наркома иностранных дел. Расстрелян.

³ Карл Бернгардович Радек (Собельсон; 1885–1939) – деятель польской, германской и российской социал-демократии, публицист. После 1917 – в России. Был консультантом по национальным вопросам советской делегации на переговорах в Брест-Литовске. Участник левой (троцкистской) оппозиции, был сослан, после чего отошел от оппозиции, присягнув Сталину и верно ему служил. В 1936 арестован, осужден на 10 лет. Убит в тюрьме.

⁴ В тот же день, 20 мая 1918, В.Р.Менжинский жаловался Ленину в письме из Берлина:

Москва нервничает и все время сводит на нет работу т. Иоффе. Так было в вопросе о форте Ино, о судах Черноморского флота и целом ряде более мелких случаев. Сплошь и рядом т. Иоффе удается достигнуть весьма существенных уступок – бац! приходит телеграмма из Москвы о полной сдаче позиций. Это тем более печально, что т. Иоффе, даже уступая немецкому давлению, никогда не делает подарков, а всегда старается что-нибудь выгадать из Брест-Литовского договора, и большей частью успешно.

(Иоффе Н. Мой отец Адольф Абрамович Иоффе. С.57).

* * *

Со времени Брестского мира А.А.Иоффе – на дипломатической работе (в Литве, Латвии, Эстонии, Польше, Туркестане, Китае и Японии). Тяжелая болезнь оторвала его от службы в начале 1924. После лечения он вернулся к деятельности: вел переговоры в Лондоне, а затем в 1924–1925 был полпредом в Вене.

Во внутрипартийной дискуссии Иоффе прочно стоял на стороне Троцкого – это стоило ему увольнения с дипломатической службы и отказа ЦК в предоставлении сколько-нибудь серьезного лечения, когда его заболевание резко обострилось. В условиях прогрессирующей болезни и беспрецедентной травли оппозиции 17 ноября 1927 А.А.Иоффе покончил с собой. Этот поступок Сталин расценил как дерзость. Адресованное Троцкому пред-

смертное письмо Иоффе было украдено с его ночного столика агентами ОГПУ. Выступая на похоронах Иоффе на Новодевичьем кладбище 19 ноября 1927, Троцкий сказал: «Революция не допускает добровольных уходов из жизни, но Адольфа Абрамовича никто не смеет судить или обвинять, потому что он ушел в тот час, когда сказал себе, что он революции не может отдать ничего больше, кроме своей смерти. И так же мужественно, как он жил, он ушел»⁴⁴.

Жена и дочь Иоффе вскоре были арестованы, а его могила на Новодевичьем кладбище уничтожена (только в 1956, после возвращения из заключения его дочери, ее стараниями надгробие Иоффе восстановили – приблизительно там, где он был похоронен).

* * *

Идея мировой пролетарской революции, которой свято служили герои этой публикации, ныне потеряла свою привлекательность для интеллигенции и рабочих, став неким феноменом прошлого, поступившим в ведение историков. Ей на смену пришли идеи революций и войн национальных, расовых и межконфессиональных.

⁴⁴ *Иоффе Н.* Мой отец Адольф Абрамович Иоффе. С.121.

«МИЛЫЙ БУЛГАША!...»:

Письма Т.Л.Сухотиной-Голстой и Т.М.Альбертини-Сухотиной
В.Ф.Булгакову (1925–1940)

Вступительная статья, публикация и комментарий
В.Н.Абросимовой и Г.В.Краснова

<...> Старшая дочь Льва Николаевича, Татьяна Львовна, в замужест<ве> Сухотина (род<илась> в 1864 г.), была после самого Льва Николаевича самым блестящим человеком в Ясной Поляне. Умница, любезная и обходительная, блестяще развитая, веселая и остроумная и ко всем доброжелательная, Татьяна Львовна всегда и везде пользовалась всеобщим уважением и любовью. Она одна, с ее тактом, умела одинаково удачно находить душевный подход и к отцу, и к матери, даже в пору их величайшего расхождения. Я убежден, что если бы Татьяна Львовна в 1910 году жила постоянно в Ясной Поляне, то она нашла бы способ предотвратить тяжелую семейную драму, стоившую жизни Толстому. <...>

<...> у нас с Татьяной Львовной были всегда самые дружеские, легкие по естественности и непринужденности своей, ничем не замутненные отношения. Иначе, как «Булгашей», она не звала меня ни лично, ни в письмах. <...>¹.

Так писал в 1946 Валентин Федорович Булгаков (1886–1966) в своей книге воспоминаний «Как прожита жизнь», работу над которой он начал в 1930-е в Праге, а завершал на родине, куда он вернулся в конце августа

¹ Булгаков В.Ф. Как прожита жизнь: Воспоминания. Ч.4: Ясная Поляна. Гл.4: Жена и дети Л.Н.Толстого. – РГАЛИ. Ф.2226. Оп.1. Ед.хр.19. Л.60–61. Машинопись с авторской правкой. Ср. также: Булгаков Вал. Ф. О Толстом: Воспоминания и рассказы. 2-е изд., доп. Тула, 1978. С.186, 190.

1948². Отшлифовывались детали, писались новые фрагменты, но характеристика детей Толстого и прежде всего Т.Л.Сухотиной-Толстой осталась практически без изменений.

В архиве В.Ф.Булгакова сохранились письма старшей дочери Толстого (она умерла в Риме в 1950) и членов ее семьи с пометами и комментариями адресата. Вчитываясь в них, по-новому представляешь себе и атмосферу толстовского дома, и некоторые обстоятельства семейной драмы, о которых корреспонденты не могли забыть и долгие годы спустя.

Семейный круг Толстого – особый мир, далеко не всегда совпадающий с обычными представлениями о биографии даже знаменитого писателя, хотя именно этот круг постоянно подпитывал толстовскую энергию, подсказывал сюжетные ходы, а иногда и подталкивал к самым драматичным поворотам судьбы. Жизненный и творческий путь Толстого может быть прочерчен от семейного детства, семейной юности – к семейной драме, к его знаменательному уходу; от отцовского любования детьми – к надрывному прощанию с ними.

Первые размышления о характерах своих детей Толстой изложил в письме графине А.А.Толстой осенью 1872:

Старший белокурый, – не дурен. Есть что-то слабое и терпеливое в выражении и очень кроткое... Сережа умен – математический ум и чуток к искусству, учится прекрасно, ловок прыгать, гимнастика; но gauche³ и рассеян...

Таня – 8 лет... Если бы она была Адамова старшая дочь и не было бы детей меньше ее, она была бы несчастная девочка. Лучшее удовольствие ее возиться с маленькими... Ее мечта теперь сознательная – иметь детей... Она не любит работать умом, но механизм головы хороший. Она будет женщина прекрасная, если Бог даст мужа. И вот, готов дать премию огромную тому, кто из нее сделает новую женщину...⁴

Вероятно, подспудно Толстой намекал здесь на образ Наташи Ростовской, на ее семейное счастье. Однако судьба Татьяны Львовны сложилась иначе. И в более зрелые годы она сохранила свой характер и непредсказуемость поведения, удивляя папá и окружающих. «Таня полудобрая, полусерьезная, полу-умная – не делается хуже – скорее делается лучше», – замечал Толстой в письме учителю своих детей В.И.Алексееву в ноябре 1882⁵. Мнительная и влюбчивая, художественно одаренная, она все более проникала в общественно-социальные и нравственно-философские интересы отца и его ближних.

Об этом она пишет в своем дневнике 15 февраля 1889:

² См.: Булгаков В.Ф. Автобиография. – РГАЛИ. Ф.2226. Оп.1. Ед.хр.1316. Л.41. Машинопись с авторской правкой.

³ неуклюжий, неловкий (франц.).

⁴ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т.61. М.: ГИХЛ, 1953. С.333-334 (в дальнейшем – Толстой, с указанием места и года издания). Курсив Л.Н.Толстого.

⁵ Там же. Т.63. М.; Л., 1934: С.106.

Нет дня, чтобы я не чувствовала наслаждения и благодарности за то, что вокруг меня столько интересного, столько хороших людей, столько я слышу нового и хорошего. Так часто папá мне напоминает, как надо жить, и помогает мне в этом.⁶

В одном из писем октября 1885 Толстой убеждал дочь: «...не утешаться надо, а идти вперед, куда хочешь не хочешь идешь, и дело только в том, чтобы *marcher droit*...»⁷. Татьяна Львовна пытается постигнуть «Божеское» и «человеческое», по-новому оценить поступки домашних и друзей. Ее личная судьба пересекается с судьбой отца. Вот запись в ее дневнике от 4 ноября 1890:

Я часто думаю о его смерти и спрашиваю себя, что произойдет с нами или с ним, чтобы не так сильно чувствовать все отчаяние и тупую безнадежность, когда это случится. Разве если выйдешь замуж, то отвыкнешь от него. Но, во-первых, зачем выходить замуж, когда он тут, а во-вторых, если и не выйдешь, то будет страшный страх потерять с ним связь, и будешь стараться более, чем когда живешь с ним, сохранить ту нить, по которой мы чувствуем друг друга.⁹

Татьяна Львовна не примкнула к толстовцам, не отдала доставшуюся ей землю крестьянам, получала с них налоги. Замуж вышла довольно поздно – в 1899; ее опьяняли, как она говорила, красота и роскошь. Толстой находил, что в жизни она являет смесь христианина и эпикурейца. И вместе с тем многие нити, связывавшие ее с отцом, были неразрывны. Она постоянно сопоставляла свои мысли, свое поведение с мыслями и поступками отца. Он – катализатор ее размышлений, сомнений, духовных и житейских забот. Она – не безвольный, не безмолвный исполнитель его воли.

Приведем ее запись в дневнике по поводу сочинения Толстого «Царство Божие внутри вас»:

Вчера я окончила переписывать для папá его теперешнюю работу, и она произвела на меня совершенно обратное впечатление. Я пришла в восторг от этого сочинения, в такой восторг, что плакать хотелось и показалось так радостно и желательно изо всех сил стараться жить для Бога. Одно, что меня испугало в этом сочинении, – это то, что я в нем нашла слишком много утешений и оправданий в своей эгоистической жизни.¹⁰

Домашние собеседования-споры касались разных тем: женские права, воспитание детей, терроризм, Государственная Дума, литература, просто-душе крестьян, музыка Шумана, газетные новости, «Крейцерова соната», сдача Порт-Артура... Толстой что-то объясняет, что-то внушает. Татьяна Львовна, записывает Д.П.Маковицкий 1 сентября 1905, «говорила отцу, что в «Едином на потребу» и в других его новых статьях он патриот и что этого не должно быть». Толстой парировал: «Это я нарочно делаю, внушаю осо-

⁶ Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. М.: Правда, 1987. С.179-180.

⁷ идти прямо (франц.).

⁸ Толстой. Т.63. С.293.

⁹ Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. С.199.

¹⁰ Там же. С.222.

бенность русского народа интеллигентам, которые смотрят на Запад и заимствуют все оттуда»¹¹.

16 сентября 1907 Д.П.Маковицкий в своих записях особо отмечает восхищение Л.Н.Толстого в адрес Татьяны Львовны: «Как она от природы нежна – его <отца> любит всей душой! Как он ее понимает!»¹² Несколько позже, 6 февраля 1908, Толстой писал дочери: «Очень, очень порадовало меня твое отношение к пониманию жизни. Как ни говори и как ни забывая этого, смысл жизни только в нашем духовном движении...»¹³

Естественно, их отношения меньше всего напоминали те, что изображают в идиллиях. В Дневнике и Настольном календаре у Толстого есть записи, отражающие его сомнения, переживания, связанные с теми или иными поступками дочери. 30/13 ноября 1902: «Письмо Тани – нехор<ошее>»¹⁴. 18 марта 1906: «Сейчас чуть было не огорчился за спор на Таню»¹⁵. 11 июля 1908: «Приезжала Т<аня>. Менее близ<а>, чем думал»¹⁶. Заметки разного характера перемежаются. Идет своеобразная борьба за взаимопонимание, нравственное совершенствование.

Показательно суждение Толстого в записи Маковицкого от 29 декабря 1907:

Таня, какое большое счастье, что ты в хороших отношениях с людьми, с мужиками. Это большое удовольствие, особенно, если, имея злое чувство, преодолешь его в себе.¹⁷

Старшая дочь, как и другие члены семьи, выполняла многие поручения Толстого. Татьяна Львовна, как и ее мать, Софья Андреевна, была ходатаем в Петербурге у сановных лиц по делам, которые волновали Толстого. Так, в мае 1909 она защищала В.Г.Черткова от обвинений тульской администрации у председателя Совета министров и министра внутренних дел П.А.Столыпина¹⁸.

Толстой с сочувствием относился к литературным опытам дочери, особенно если они писались в помощь простым людям. В частности (это было 14 августа 1907), он одобрил письмо-рассказ Татьяны Львовны для газеты «Голос Москвы» о том, как крестьяне в ее имении в Кочетах помогали тушить пожар. Татьяна Львовна писала: «Ни один не старался отличиться, и каждый кланялся мне так же просто, как он это сделал бы в каждый другой день». Ее поражало в мужиках присущее простому народу чувство долга: «Пока чувство это живо – Россия еще не погибла. И я верю в то, что оно еще не заглохло». Толстой сделал ряд поправок в тексте и написал к нему предисловие, вызванное «чтением этого очень интересного письма». Писатель заострил мысли Татьяны Львовны в защиту русского народа:

¹¹ *Маковицкий Д.П.* У Толстого. 1904–1910: Яснополянский записки // Лит. наследство. Т.90: В 4 кн. М.: Наука, 1979. Кн.1. С.391.

¹² Там же. Кн.2. С.510.

¹³ Толстой. Т.78. М., 1956. С.53.

¹⁴ Там же. Т.54. М., 1935. С.326.

¹⁵ Там же. Т.55. М., 1937. С.207.

¹⁶ Там же. Т.56. М., 1937. С.140.

¹⁷ *Маковицкий Д.П.* У Толстого... Кн.2. С.549.

¹⁸ См.: Толстой. Т.57. М., 1952. С.55, 57, 61, 318, 320–321.

Делают те злые дела, которые поражают нас, десятки, сотни, допустим – тысячи, а мы обвиняем 150-миллионный народ, приписывая ему всё то, что делает одна тысячная часть его! Клевета эта на народ вредна не ему, а нам, лишаящим себя самого лучшего и дорогого чувства любви и доверия к ближнему...¹⁹

Публикуя письма Т.Л.Сухотиной-Толстой и ее дочери, Татьяны Михайловны Сухотиной (в замужестве Альбертини; 1905–1996), В.Ф.Булгакову, необходимо рассказать о незаурядной личности адресата, выросшего на глазах Татьяны Львовны в бесстрашного и последовательного защитника толстовских убеждений. А это, в свою очередь, располагало к откровенному и задушевному разговору.

Булгаков появился в доме Толстого в 1910 в качестве нового секретаря – по рекомендации В.Г.Черткова, друга и ближайшего сподвижника Толстого, административно высланного из Тульской губернии. Молодой человек обязался доставлять Черткову в Крекшино копии своего дневника, чтобы тот мог ясно представить себе обстановку вокруг Толстого, – и на первых порах добросовестно исполнял это поручение. Но уже через несколько месяцев перестал это делать, так как усомнился в абсолютной искренности и бескорыстии Владимира Григорьевича²⁰. Уникальность занятой Булгаковым линии поведения заключалась в том, что, сочувствуя всем обитателям Ясной Поляны, он не присоединился ни к одной из воюющих сторон, а старался максимально облегчить положение бесконечно любимого им Учителя. Видимо, с тех пор за ним и закрепилось ласковое прозвище «милый Булгаков».

И после смерти Толстого Булгаков не демонстрировал свои убеждения, а отстаивал их – последовательно и деликатно. Ни с кем не ссорясь и, напротив, сохранив со всеми добрые отношения, он тем не менее в феврале 1911 совершает серьезный поступок: покидает дом Черткова и возвращается в Томск, где его ждут не только родные, но и... полицейские. Молодому человеку грозила воинская повинность.

«Я не предполагал сам являться к властям, но из последнего письма матери я знал, что полиция уже побывала у нас на квартире и справлялась обо мне, – таким образом, ясно было, что мне не миновать ареста и тюрьмы», – пишет он в окончательном варианте своих воспоминаний²¹. Действительно, 11 марта 1911 Булгаков явился в воинское присутствие в Томске, где сооб-

¹⁹ Толстой. Т.90. М., 1958. С.83.

²⁰ Это обстоятельство было особо отмечено в авторском предисловии к публикации дневника: «...действительно, первое время <я> аккуратно исполнял свое обещание. Однако со временем, во вторую половину 1910 года, когда В.Г.Чертков сам появился на яснополянском горизонте и когда события в семье Толстых приняли драматический характер, я понял, как стесняла меня “цензура” со стороны Владимира Григорьевича, и под разными предлогами перестал доставлять ему копии дневника, хотя этого и требовали от меня» (Булгаков В. Л.Н.Толстой в последний год его жизни: Дневник секретаря Л.Н.Толстого. М.: Правда, 1989. С.29).

²¹ Булгаков В.Ф. Как прожита жизнь... Ч.4. Гл.10: Отъезд из Телятинок. – РГАЛИ. Ф.2226. Оп.1. Ед.хр.51. Л.297.

шил о своем принципиальном отказе от солдатской службы²². Ни увещевания, ни угрозы не поколебали его позиции. Чтобы не придавать делу широкой огласки и не увеличивать количество отказников, местная власть приняла неожиданное и по-своему мудрое решение: через некоторое время бывший студент Московского университета был освобожден от воинской службы по близорукости, которой он на самом деле страдал²³.

К этому времени имя бывшего секретаря Толстого было уже известно читающей России: в 1911 в издательстве «Посредник» вышел дневник Булгакова²⁴. В кругах, близких к Толстому, с особым вниманием отнеслись к записям, отобраннным Булгаковым для публикации²⁵. Первым откликнулся Михаил Сергеевич Сухотин (1850–1914) – читатель вдумчивый, придирчивый и взыскательный²⁶. Через год в переписку с «мылым Булгашей» включилась и Т.Л.Сухотина-Толстая²⁷.

Их заочное общение возобновилось в середине 1920-х, когда Булгаков, высланный из Советской России весной 1923²⁸, уже обосновался в окрестностях Праги и приступил к активной деятельности. Председатель Союза русских писателей и художников в Чехословакии; один из редакторов литературного сборника «Ковчег», в котором участвовала и которому дала название М.И.Цветаева; председатель чехословацкой секции Международного союза примирения; инициатор создания, а потом и директор Русского культурно-исторического музея в Збраславе под Прагой; руководитель кружка по изучению современной русской литературы при Русском Свободном

²² Булгаков В.Ф. Как прожита жизнь... Ч.5: Томск – Москва – Кавказ: Искания нравственной жизни. – Там же. Ед.хр.52. Л.1.

²³ См.: Там же. Л.25.

²⁴ Булгаков Вал. У Л.Н.Толстого в последний год его жизни: Дневник. М.: Посредник, 1911. Позднее Булгаков дополнял и уточнял свои дневниковые записи. См.: Булгаков В.Ф. Лев Толстой в последний год его жизни: Дневник секретаря Л.Н.Толстого. 2-е изд., испр. и доп. М.: Задруга, 1918 (3-е изд. – 1920). См. также: Булгаков Вал. Трагедия Льва Толстого: Дневник // На чужой стороне: Ист.-лит. сб. Берлин: Ватага; Прага: Пламя, 1924. <Сб.>4. С.4-49; Булгаков Вал. Замолчанное о Толстом // Ковчег: Сб. Союза русских писателей в Чехословакии / Под ред. В.Булгакова, С.В.Завадского, М.Цветаевой. Прага, 1926. С.189-223; Булгаков В. В осиротелой Ясной Поляне: Заметки из дневников 1912–1919 гг. // Голос минувшего на чужой стороне (Париж). 1926. №3-4; 1928. №6; и др.

²⁵ О том, что книга Булгакова идет нарасхват, Т.Л.Сухотина-Толстая писала главе издательства «Посредник» Ивану Ивановичу Горбунову-Посадову: «...она у меня так читается, что не худо бы иметь другой экземпляр» (письмо от 6 апреля 1911. – РГАЛИ. Ф.122. Оп.1. Ед.хр.1315. Л.5).

²⁶ Полностью письма М.С.Сухотина В.Ф.Булгакову 1911–1912 годов см.: Абросимова В. «...кажется, что я спасал себя...»: Уход Льва Толстого из Ясной Поляны глазами Валентина Булгакова и Михаила Сухотина // Независимая газета. 1998. №211, 12 ноября. С.8.

²⁷ Письма Т.Л.Сухотиной-Толстой 1912 года находятся в печати.

²⁸ См. об этом подробнее: Абросимова В.Н., Краснов Г.В. Последний секретарь Л.Н.Толстого: По материалам архива В.Ф.Булгакова // Известия АН. Серия ОЛЯ. М., 2002. Т.61, №3. С.49-63.

университете в Праге – таков неполный перечень забот и дел Булгакова²⁹ в тот период, когда шла интенсивная переписка с Т.Л.Сухотиной-Толстой и ее дочерью. Еще до их отъезда за границу «милый Булгааша» стал надежным помощником старшей дочери Толстого и принял на себя заботу о бедствующих членах семьи писателя.

Подходил к концу второй год пребывания Булгакова в Чехословакии, когда из Москвы пришло отчаянное письмо Татьяны Львовны с просьбой встретиться в Праге и проводить на поезд в Париж ее умирающего пасынка Сергея. В мемуарной литературе С.М.Сухотин упоминается редко, да и приводимые сведения достаточно противоречивы. Постараемся устранить разночтения и внести ясность в этот вопрос, тем более, что к нашему сюжету он имеет самое непосредственное отношение.

Сергей Михайлович Сухотин (1887–1926) учился в знаменитом университете Лозанны в Швейцарии на социально-экономическом отделении. Он участвовал в Первой мировой войне с конца сентября 1914, был ранен и через несколько месяцев вернулся домой. 28 января 1915 В.Ф.Булгаков писал матери, Татьяне Никифоровне Булгаковой (урожд. Исакова; 1866–1922), из московской тюрьмы, в которую он был заключен вместе с немногими единомышленниками за свои антимилитаристские взгляды:

Недавно опять была у меня и у Д.П.Маковицкого Татьяна Львовна.<...>

Тат<ьяна> Л<ьвов>на рассказывала, что ее пасынок (Сухотин), 19-летний юноша, которого я прекрасно знаю, пошел на войну добровольцем, ранен в ногу, получил ревматизм, а сам убил трех немцев, чем очень мучается и о чем не любит вспоминать. Теперь он лежит в Москве.³⁰

Однако в марте 1916, вскоре после женитьбы на Ирине Горяиновой³¹, С.М.Сухотин вновь ушел на фронт. На этот раз он был контужен и признан негодным к военной службе.

С приходом новой власти С.М.Сухотин не пытался уехать, публично не высказывал никакого негативного отношения к изменению общественно-политической ситуации в стране. Скорее, он даже пытался сотрудничать с новым режимом: с 1917 работал в Главном управлении пограничного снабжению («Главзагран»). В автобиографии, написанной позднее, он особо выделил следующие моменты:

В феврале 1918 был избран секретарем комитета служащих, взявшим на себя контроль над всей работой управления.

²⁹ Подробнее об эмигрантском периоде жизни Булгакова см.: *Ванечкова Г.* Личность В.Ф.Булгакова // Булгаков В. Словарь русских зарубежных писателей. Нью-Йорк, 1993. С.ХХI-ХХV; *Кабанова Н.П.* В.Ф.Булгаков // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т.1. М.: Большая Российская энциклопедия, 1992. С.342-343; *Павловец М.Г.* В.Ф.Булгаков // Писатели русского зарубежья. М.: РОССПЭН, 1997. С.81-82.

³⁰ РГАЛИ. Ф.2226. Оп.1. Ед.хр.251. Л.80-80 об. Автограф.

³¹ Ирина Алексеевна Горяинова (артистическое имя Энери; 1898–?) – пианистка, первая жена С.М.Сухотина.

В марте <1918> избран комиссаром управления, <оказался> в числе 16-ти лиц, эвакуированных со всеми делами, в Москве.

В конце апреля того же года по настоятельной просьбе тов. М.А.Савельева перешел в отдел металла В<сероссийского> С<овета> Н<ародного> Х<озяйства>, где был назначен зав<едующим> отделом заграничных металлов в Главном управлении по снабжению металлами «РАСМЕКО», а затем, кроме того, заместителем зав<едующего> РАСМЕКО.³²

Находясь на этой должности, летом 1918 Сухотин был арестован ВЧК. Предъявленное ему обвинение в вымогательстве взятки на одном из заводов не выдерживало критики, но это никого не интересовало. Сам Сухотин объяснял причины случившегося прежде всего «неумением быть чиновником», а потом уже всем остальным: «...Толстой, атмосфера, люди, толстовство. Увлечение. Идеализация жизни. Разочарование»³³. В сохранившихся черновиках (19 июня 1918) его ответов на вопросы следователя заметны явная растерянность и желание доказать свою лояльность новой власти:

Неожид<анность> назнач<ения> в Росмеко. Мертвая работа. <...> Ужас это окружение. Война с ведом<ственным> расхищ<ением> и неэкон<омным> расход<ом> <...> запасов. Бессилие. <...>

Сознаюсь, что могли быть ошибки по незнанию, доверчивости <...> но признаю, что сознательно никогда не нарушал долга и всегда действовал в интересах страны, ее богатства промышленности и населения.³⁴

У следствия не было никаких серьезных доказательств вины Сухотина, и все-таки 21 октября 1918 ему было предъявлено обвинение в должностном преступлении. Материалы дела немедленно были опубликованы. После того как один из обвиняемых умер в тюрьме, дело было передано в суд. Обвинитель Н.В.Крыленко потребовал для Сухотина, который на процессе фигурировал как «граф» и «внук Льва Толстого», высшей меры наказания, и суд приговорил его к расстрелу³⁵. Тогда в российском обществе, хотя и сильно обескровленном, началось такое волнение, что через день власти вынуждены были смягчить приговор и заменить его бессрочной каторгой³⁶.

Из материалов дела видно, что ходатайствовал за Сухотина председатель Совнархоза А.И.Рыков³⁷. И, конечно, деятельное участие в судьбе обвиняемого немедленно приняли последователи, ученики и единомышленники Л.Н.Толстого.

Одним из первых документов, принятых 24 ноября 1918 членами Общества Истинной Свободы в память Л.Н.Толстого на вечере в зале Политехнического музея, было обращение к правительству с просьбой отменить

³² Отдел рукописей Государственного музея Л.Н.Толстого (далее – ОР ГМТ). Архив С.А.Толстой-Есениной. №28. Л.19.

³³ Там же. Л.3.

³⁴ Там же. №28. Л.3об.

³⁵ См.: Дело Расмеко // Известия ВЦИК. 1918. №257, 24 ноября.

³⁶ Там же. 1918. №258, 26 ноября. С.2.

³⁷ См.: ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой-Есениной. №28. Л.20.

смертную казнь в России. Под ним стояли подписи двух тысяч присутствовавших на вечере последователей Толстого. Толчком к этому акту явилась записка одного из участников вечера «с предложением ходатайствовать перед правительством об отмене смертного приговора С.М.Сухотину, пасынку дочери Толстого»³⁸.

Под документом стояла и подпись В.Ф.Булгакова³⁹.

Обращение Общества Истинной Свободы в память Л.Н.Толстого сыграло свою роль. Сохранилось письмо Т.Л.Сухотиной-Толстой И.И.Горбунову-Посадову от 1 января 1919 из Ясной Поляны:

Дорогой друг <...>. Мало Вас видела в Москве – оч<ень> уж суе-
тилась и торопилась <...>. Мало Вам выразила признательность за
Вашу горячую и, главное, немедленную и своевременную помощь в
деле Сергея-пасынка. Думаю, что Вы – очень возможно – спасли его
жизнь. Постоянно к Вам за это чувствую благодарность и дружбу.

Ваша Т.С.<ухотина>⁴⁰

В восприятии Татьяны Львовны судьба С.М.Сухотина органично переплелась с судьбой России. В этом плане показательна запись в ее дневнике за 1919:

16 февр<аля> нов<ого> ст<ия>

Никак не думала, что большевистская разруха протянется так долго. А она все тянется и как будто укрепляется.

С тех пор, как я писала, я побывала в Москве, чтобы проведать сидящего в Таганской тюрьме пасынка Сережу и поискать заработка.

Сережу я нашла в очень хорошем настроении. Он рассказал мне – как это умеют делать Сухотины – просто и откровенно обо всем, что он испытал, когда его приговорили к расстрелу. Рассказал мне, как отнесся к измене Ирины⁴¹ и как это помогло ему спокойно ожидать

³⁸ Против смертной казни // Голос Толстого и Единение: Периодическое издание, посвященное обновлению жизни при свете разума и любви / Под ред. В.Г.Черткова. М., 1918. №5. С.16.

³⁹ Булгаков позднее писал в воспоминаниях: «У меня не было никаких данных по вопросу о том, за что именно был осужден Сухотин, но данных этих и не требовалось. Кстати сказать, это был тот самый Сухотин, который вместе с Феликсом Юсуповым, Пуришкевичем и великим князем Дмитрием Павловичем участвовал в убийстве Григория Распутина. Об этом я даже не знал в 1918 году, приписывая эту роль старшему брату Сергея Сухотина, офицеру Конной гвардии Михаилу» (РГАЛИ. Ф.2226. Оп.1. Ед.хр.58. Л.87. Машинопись с авторской правкой). Упоминается старший брат С.М.Сухотина – Михаил Михайлович Сухотин (1884–1921). Об убийстве Г.Е.Распутина см. подробнее: Григорий Распутин: Сборник исторических материалов: В 4 т. М.: Терра, 1997. Т.4.

⁴⁰ РГАЛИ. Ф.122. Оп.1. Ед.хр.1315. Л.69. Автограф.

⁴¹ Летом 1926 в парижской больнице И.А.Горяинова (см. о ней выше, примеч. 31) по мере сил заботилась об умирающем и присутствовала вместе с Сухотиными на похоронах. Об этом 7 июня 1926 Т.Л.Сухотина-Толстая написала племяннице в Москву (письмо см.: ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой-Есениной. КП-20551. №<8>. Л.1-3об. Автограф).

смерти. Я ясно увидала, что он вполне чист в том, в чем его обвиняют, и попался потому, что был один честный человек среди шайки мошенников.⁴²

Пребывание в тюрьме и смертный приговор не сломали С.М.Сухотина. В ходатайстве о досрочном освобождении, поддержанном начальником тюрьмы весной 1920, отмечается деятельность Сухотина «...на пользу Таганской тюрьмы: <...> ремонт отопления, санитар во время эпидемии сыпного тифа, руководитель пед<агогического> отдела учебно-воспит<ательной> части, с нач<ала> 1920 года обучал наборному делу и с фев<ря> текущего года является ближайшим помощником заведующего типографией, продолжал работу и по учебно-воспитательной части»⁴³.

Однако 5 апреля 1920 последовал отказ на это ходатайство⁴⁴. А еще через несколько месяцев С.М.Сухотин был переведен на службу... в Центральный карательный отдел Народного комиссариата юстиции⁴⁵. Сохранилось удостоверение №135, выданное 21 февраля 1921, согласно которому С.М.Сухотин до 1 июля 1921 работает «в должности помощника заведующего информационного бюро Центрального карательного отдела»⁴⁶.

В документе, выданном 8 марта 1921, проясняется сфера деятельности С.М.Сухотина:

Предъявителю сего Помощнику Заведующего Информационным Бюро Ц.К.О. С.М.СУХОТИНУ поручается наблюдение за исполнением всех типографских и переплетных работ, производящихся в Московской Таганской тюрьме, вследствие чего ему представляется право свободного входа в помещение типографии.⁴⁷

21 апреля 1921 Сухотин был «уволен в отпуск в г. Серпухов и его окрестности» до 25 апреля; позднее «срок отпуска С.М.Сухотина был продлен по 3 мая с<его> г<ода>»⁴⁸.

На самом деле с января 1921 он находился в Ясной Поляне, комендантом которой был назначен. К этому же времени относится и его женитьба на внучке Толстого, Софии Андреевне Толстой (1900–1957). 27 января 1921 племянница Толстого, Вера Сергеевна Толстая (1865–1923), работавшая в Ясной Поляне «заведующей при народной библиотеке»⁴⁹, писала И.И.Горбунову-Посадову: «Соня только что вышла замуж за Сергея Мих<айловича> Сухотина, нашего коменданта, и на днях мы узнали, что с ним нервный удар и он лишился языка!»⁵⁰

⁴² ОР ГМТ. Архив Т.Л.Сухотиной-Толстой. №27. Л.6об.-7. Автограф.

⁴³ Там же. Архив С.М.Сухотина. №74. Л.1об.

⁴⁴ Там же. Л.1.

⁴⁵ Там же. Архив С.А.Толстой-Есениной. №28. Л.1. Возможно, новые власти «зачли» Сухотину его участие в убийстве Распутина. См.: Тульский биографический словарь: В 2 т. Тула: Пересвет, 1996. Т.2. С.213.

⁴⁶ Там же. Архив С.М.Сухотина. №74. Л.2-2об.

⁴⁷ Там же. Л.3.

⁴⁸ Там же. Л.4-4об.

⁴⁹ Там же. Л.3.

⁵⁰ РГАЛИ. Ф.122. Оп.1. Ед.хр.1345. Л.17об.-18об. Сама С.А.Толстая позднее, в официальном заявлении о разводе, указала другую дату: 19 октября 1921. См.:

Можно предположить, что вскоре состояние здоровья С.М.Сухотина улучшилось, так как сохранился документ от 13 ноября 1921 на личном бланке хранителя имения «Ясная Поляна» А.Л.Толстой за №317 следующего содержания:

...уполномочиваю коменданта имения «Ясная Поляна» Сергея Михайловича Сухотина *вести от моего имени переговоры со всеми центральными и местными учреждениями и предприятиями, как государственными, так и частными, по всем делам Ясной Поляны, входить с ними в соглашения, получать потребные деньги, материалы и продовольствие и подписывать за меня протоколы, договоры, удостоверения, требования и справки.*⁵¹

Удостоверение действовало до конца года и позже было продлено до 1 февраля 1922.

Когда же с С.М.Сухотиным случился новый удар, родные решили увезти его за границу. 11 января 1925 Ольга Константиновна Толстая (урожд. Дитерихс; 1871–1951) писала дочери Соне о том, что в Париже паралич лечат прививкой малярии: «Через Мекк получены деньги для Сережи, всего 150 долл<аров>. Это только-только хватит на дорогу, особенно если послать его через Прагу...»⁵². В этот тяжелый момент Т.Л.Сухотина-Толстая обратилась за помощью к В.Ф.Булгакову⁵³. Тогда еще трудно было предположить, что буквально через две недели они с дочерью тоже покинут Советский Союз. Вероятно, разрешение на выезд из страны стало неожиданным для самой Татьяны Львовны, хотя внутренне она давно готовилась к этому шагу. Официально она отправлялась за границу на три месяца – для чтения лекций об отце. Решение остаться там пришло позже⁵⁴.

Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма; Документы. М.: Республика, 1995. С.175.

⁵¹ ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой-Есениной. №28. Л.3. (Курсив А.Л.Толстой.)

⁵² Там же. КП-20551. №7. Л.2-3. Автограф. Возможно, имеется в виду Николай Карлович Мекк (1863–1929) – правовед. Впоследствии расстрелян большевиками.

⁵³ Татьяна Львовна, вероятно, не знала о том, что ее корреспондент не симпатизировал Сухотину. См. в воспоминаниях Булгакова: «Сергей Сухотин, бывший питомец Лозаннского университета, барчук-дворянчик, казался мне довольно незначительной, ничтожной и в то же время не в меру самонадеянной личностью...» (РГАЛИ. Ф.2226. Оп.1. Ед.хр.58. Л.87. Машинопись с авторской правкой; см. также примеч. 6 к письму от 13 марта 1925).

⁵⁴ К середине 1920-х для всех членов большой семьи Толстого стало ясно, что они не могут вписаться в формирующуюся систему и что надо что-то предпринимать. В качестве примера приведем отрывок из письма племянницы Т.Л.Сухотиной-Толстой, Анны Ильиничны Хольмберг (урожд. Толстая; 1888–1954), В.Ф.Булгакову, переданного с оказией через независимую Латвию: «Исхода нет, надо уезжать и надо постараться сделать это, пока еще не поздно. Жизнь здесь полна ссыска, арестов, высылков в Сибирь, в тундры, заработка нет, культурные люди гонимы и не нужны» (письмо от 16 июля 1924. – РГАЛИ. Ф.2226. Оп.1. Ед.хр.1120. Л.3).

Владимир Александрович Жданов (1895–1971), с 1920 работавший в Толстовском музее в Москве, в течение многих лет переписывался с Т.Л.Сухотиной-Толстой. Он так описывал ситуацию, возникшую в марте 1924⁵⁵: немецкий актер Сандро (Александр) Моисси (1880–1935), гастролировавший в России, предложил дочери Толстого совместное турне по Европе, в котором она выступала бы с лекциями об отце, а он играл бы в тех пьесах Толстого, которые входили в его репертуар⁵⁶.

Жданов продолжает:

...мысли о возможности поездки нарушили ее покой.

Возобновилась давно исчерпавшая себя переписка со старыми друзьями Толстых, с переводчиками Шарлем Саломоном (Франция)⁵⁷ и Эйльмером Моодом (Англия)⁵⁸. Татьяна Львовна спрашивала их совета. Ответы были благоприятные, корреспонденты советовали ехать и согласились перевести лекции Татьяны Львовны на их родной язык. Главная тема: семейная драма и вторая: Толстой об искусстве.

Когда в нашем кругу обсуждались темы заграничных лекций, мы пытались возражать: «Вы, Татьяна Львовна, сами заметили, что Ваши выступления о семейной драме, независимо от Вашего желания, получили в Москве налет сенсации именно потому, что на кафедре – дочь Толстого, участница событий». Татьяна Львовна убежденно отвечала: «Я пятнадцать лет молчала»⁵⁹, но после книг

⁵⁵ См.: Жданов В.А. Старшая дочь Льва Толстого (Из воспоминаний). Л.19-21. – Собрание Г.В.Краснова. Машинописная копия. Курсив автора (далее – Воспоминания Жданова). См. также опубликованный сокращенный вариант воспоминаний: Жданов В.А. Старшая дочь Льва Толстого // Л.Н.Толстой: Статьи и материалы. <Вып.>7 (Уч. зап. Горьк. гос. ун-та им. Н.И.Лобачевского. Вып.102). Горький, 1970 (далее – Жданов, с указанием страницы).

⁵⁶ Моисси играл роль Федора Протасова в драме Толстого «Живой труп», а также был занят в комедии «От ней все качества», над которой Толстой работал весной 1910. См.: Жданов. С.153; Полякова Е. Театр Льва Толстого: Драматургия и опыты ее прочтения. М.: Искусство, 1978. С.303.

⁵⁷ Шарль Саломон (Salomon; 1862-1936) – профессор русского языка, редактор журнала «Musée social»; автор статей о Толстом. Посетитель, корреспондент и адресат Толстого.

⁵⁸ Эльмер Моод (Maude; 1858–1938) – переводчик и издатель сочинений Толстого. См.: Моод Э. Разговоры с Толстым // Л.Н.Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Художественная литература, 1978. Т.2. С.153-161, 559-563.

⁵⁹ Первая общедоступная публичная лекция Т.Л.Сухотиной-Толстой на тему «Семейная трагедия Толстого» была объявлена 2 декабря 1924 в Большой аудитории Политехнического музея в Москве, но в силу разных обстоятельств была перенесена в зал Толстовского музея. Об этом в день выступления Сухотина-Толстая писала Владимиру Давидовичу Зельдовичу, приглашая его на свою лекцию (см.: РГАЛИ. Ф.279. Оп.1. Ед.хр.314. Л.1. Автограф). В Политехническом музее эта лекция была прочитана накануне отъезда Сухотиной-Толстой, 9 марта 1925. Афиши этих выступлений хранятся в Отделе книжных фондов Государственного музея Л.Н.Толстого.

В.Г.Черткова⁶⁰ и А.Б.Гольденвейзера⁶¹ я обязана подать голос. Эти книги, конечно, переводятся за границей, там еще меньше разбираются, и если я получила возможность съездить туда, то ради справедливости должна выступить с такой темой. Буду повторять ту же лекцию, которую несколько раз читала в Москве»⁶².

Было принято окончательное решение: Татьяна Львовна едет в Чехословакию, Францию, Англию и другие страны на три месяца. Начались сборы. Они были несложные, – никакого, в сущности, гардероба у матери с дочерью не было, да и предстояло «одеться» за границей. Чемодан-два, пожалуй, не больше. В комнате <на Поварской улице> осталось все на ходу, собачку дали на время знакомым, даже кошка с котятками не была переселена, соседка продолжала убирать, присматривать за комнатой. Зарплата из Музея сохранялась, и ею покрывались текущие расходы.

Зато для нас работы было много: готовили торжественные прощания. В сущности, для банкета не было оснований: трехмесячное путешествие – не разлука и не событие. Но как не воспользоваться случаем устроить праздник для Татьяны Львовны, которую все любили.

Заволновалась молодежь. А это значит, я, да и еще один-два помощника, вот и весь актив. Привезли рояль из бюро проката, расставили на втором этаже музея столы. Сервировка – мобилизация домашних ресурсов, таким же путем добыто угощение. Артисты из Художественного театра, В.В.Лужский⁶³, И.М.Москвин⁶⁴, пианисты К.Н.Игумнов⁶⁵ и, кажется, А.Б.Гольденвейзер. Скрипач Сибор⁶⁶, солист Большого театра. Гости – преимущественно личные знакомые Татьяны Львовны и ее дочери. Татьяна Львовна держала себя как приветливая хозяйка, тронутая вниманием. И было чем умилиться. С тех пор музейный дом не видел подобных приемов. Запомнилось, что во время танцев, начавшихся после парадной части вечера, Танечка <Сухотина> танцевала, захлебываясь от слез. Ей казалось, что рушилось что-то в их жизни. А зачем так тоско-

⁶⁰ Чертков В.Г. Уход Толстого. М., 1922.

⁶¹ Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого: Записи за пятнадцать лет: В 2 т. М.; Пг., 1922–1923. Гольденвейзер Александр Борисович (1875–1961) – пианист, педагог и композитор. Профессор Московской консерватории (с 1906).

⁶² О неоднозначной реакции слушателей на выступления Т.Л.Сухотиной-Толстой см.: Жданов. С.154.

⁶³ Псевдоним Василия Васильевича Калужского (1869–1931).

⁶⁴ Иван Михайлович Москвин (1874–1946).

⁶⁵ Константин Николаевич Игумнов (1873–1948) был одним из тех музыкантов, игру которых Толстой особо ценил. См.: Лазурский В.Ф. Дневник // Л.Н.Толстой в воспоминаниях современников. Т.2. С.81; Толстой С.Л. Очерки былого. 4-е изд., испр. и доп. Тула, 1975. С.374.

⁶⁶ Борис Осипович Сибор (1880–1961), игру которого Толстой слушал в Ясной Поляне. См.: Толстая С.А. Дневники: В 2 т. М.: Художественная литература, 1978. Т.2. С.232.

вать, – всего лишь на три месяца разлука, а зато приоткроется новый мир.

Несколько человек собралось на Белорусском вокзале. Татьяны Львовны не узнать. Она приделась, шляпа с вуалью и международный вагон. Всяким обстоятельствам свое: в Крым можно было ехать в обычном жестком вагоне⁶⁷. А тут другое дело.

Неизбежен вопрос: уезжая, Татьяна Львовна намерена была вернуться или приняла решение остаться за границей? Я глубоко убежден, что и мысли не было навсегда покинуть Россию. Я спрашивал ее, и она с необычной страстностью отвечала: «Никогда не покину могилы отца, не расстанусь с братом Сережей» (в торжественных и официальных случаях она не говорила *paná*, как было принято в их семье, а всегда *отец*). Да и все поведение перед отъездом, сборы свидетельствуют об этом.⁶⁸

Много лет спустя, 17 января 1950, незадолго до смерти, Т.Л.Сухотина-Толстая назвала в беседе с французским корреспондентом Жаком Феррье (Ferrier) и другую причину отъезда: «...нравы в Москве были ужасно распущенные, а у меня дочь...»⁶⁹.

Итак, взвесив все «за» и «против», в пятницу 27 марта 1925 Т.Л.Сухотина-Толстая с дочерью выехали из Москвы в Чехословакию⁷⁰, а три дня спустя они ожидали встречи с В.Ф.Булгаковым в Праге...

Когда же Татьяна Львовна окончательно решила не возвращаться в Россию, «милый Булгааша» взял на себя заботу и о племяннице Т.Л.Сухотиной-Толстой Маше, учившейся в Чехословакии.

Мария Андреевна Толстая (1908–1994) – дочь Андрея Львовича Толстого (1877–1916) от второго брака с Екатериной Васильевной Арцимович (урожд. Горяинова; 1876–1959) – росла болезненной и своевольной девочкой. Первые годы советской власти она с матерью оставалась в Таптыкове, где в бывшем имении Толстых открылся детский дом имени Л.Н.Толстого⁷¹.

Т.Л.Сухотина-Толстая принимала участие в судьбе Маши и в меру сил старалась облегчить ее участь. Сохранилось ее недатированное письмо более раннего периода И.И.Горбунову-Посадову:

⁶⁷ В Крыму Т.Л.Сухотина-Толстая с дочерью пробыли недолго. Сохранилась афиша единственного вечера памяти Толстого в Ялте, который состоялся 7 июля 1924. В программе вечера: вступительное слово дочери Толстого «Беседы Толстого об искусстве» на основании личных впечатлений и сцены из произведений Толстого «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», которые читали внучка Толстого Т.М.Сухотина и директор Ленинградского государственного экспериментального театра В.Н.Всеволодский.

⁶⁸ Воспоминания Жданова. Л.19-21. Курсив автора.

⁶⁹ Феррье Ж. Визит к графине Татьяне Толстой. – РГАЛИ. Ф.508. Оп.8. Ед.хр.9. Л.4.

⁷⁰ См.: Из настольного календаря С.А.Толстой-Есениной / Публ. Т.Г.Никифоровой // Наше наследие. 1995. №34. С.61.

⁷¹ См.: Толстая Е.В. Записки (1876–1919 гг.) // Л.Н.Толстой и его близкие: Сб. воспоминаний. М.: Современник, 1986. С.284, 291.

Дорогой друг,

Посылаю Вам мою племянницу Машеньку, дочь покойного Андруши. Она совсем брошенная девочка, и теперь ее за ее сословие выгнали из общежития. Отчасти тоже и из-за того, что там одни малыши. Есть детский дом Вашего имени на Никитской. Если Вы имеете там какую-либо руку, то, мож<ет> быть, Вы поможете ей. И вообще, мож<ет> быть, Вы или Леночка⁷² дадите ей какой-ниб<удь> совет.

Привет всем Вашим.

Т.Сухотина⁷³

С отъездом Т.Л.Сухотиной-Толстой за границу ситуация усложнилась, и в 1926 Е.В.Толстая отправила Машу в Прагу с дипломатическим курьером чехословацкого представительства. В.Ф.Булгаков позднее писал:

...старичок неожиданно предстал перед нами в нашей квартире под Прагой, чтобы сдать нам с рук на руки 14-летнюю девочку Машу Толстую, внучку великого писателя, дочь Андрея Львовича от второй жены, пересылавшуюся матерью для воспитания в Чехословакию и поступившую потом в русскую гимназию.⁷⁴

У В.Ф.Булгакова сложились доверительные отношения с Машей Толстой. В одном из писем (от 22 июля 1928) порывистая, импульсивная девушка признается В.Ф.Булгакову: «...обращаюсь к Вам, как к родному отцу, ибо всегда Вас уважала и любила, как одного...»⁷⁵ Дом Булгакова в предместье Праги для М.А.Толстой, страдавшей в чужой стране от одиночества и отсутствия родных лиц, на долгие годы стал тем местом на земле, где о ней помнили, беспокоились и старались обогреть словом и делом.

Еще одна из постоянных тем публикуемой переписки, волнующая обоих корреспондентов, – создание за границей мемориального центра, посвященного Толстому. «Я не передавать хочу свои вещи, а завещать», – подчеркивает Татьяна Львовна в письме Булгакову. «Маленький музей», который она создала в своей комнатке в Риме, – «с тысячами газетных вырезок», «сотнями фотографий», «дисками с его голосом», «даже кусочком его бороды» – это не только «маленькое собрание», как она пишет Булгакову, а прообраз музея будущего, в котором все должно быть подчинено изучению художественно-философского наследия Толстого. Из документов видно, что корреспондентов связывало не только «былое», но и новые заботы об увековечении памяти гениального художника и мыслителя.

* * *

Письма Т.М.Альбертини-Сухотиной и Т.Л.Сухотиной-Толстой В.Ф.Булгакову хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ. Ф.2226. Оп.1. Ед.хр.424, 1104) и полностью публикуются

⁷² Елена Евгеньевна Горбунова-Посадова (урожд. Короткова; 1878–1955) – жена И.И.Горбунова-Посадова, сотрудница «Посредника».

⁷³ РГАЛИ. Ф.122. Оп.1. Ед.хр.1315. Л.99.

⁷⁴ Там же. Ф.2226. Оп.1. Ед.хр.31. Л.6об. Черновой автограф.

⁷⁵ Там же. Ед.хр.1116. Л.12. Автограф.

впервые. Все письма, за исключением особо оговариваемых случаев, печатаются по беловым автографам, в соответствии с современной орфографией и пунктуацией, с сохранением помет и примечаний адресата. Подчеркнутые фразы и слова выделены курсивом. Авторские конъектуры, а также пропущенные слова раскрыты в угловых скобках. Вычеркнутые слова и фразы помещены в квадратные скобки.

Публикаторы выражают искреннюю благодарность заведующей отделом книжных фондов Государственного музея Л.Н.Толстого в Москве В.С.Бастрыкиной за помощь в поиске уникальных документов (в частности, афиш выступлений Т.Л.Сухотиной-Толстой с лекциями об отце), без которых портрет одного из корреспондентов был бы неполным.

Особая признательность и благодарность дочери В.Ф.Булгакова – Татьяне Валентиновне Романюк за разрешение опубликовать настоящие документы.

1. Т.Л.Сухотина-Толстая и С.А.Сухотина-Толстая –
В.Ф.Булгакову

13 марта 1925
Москва

Милый Валентин Федорович,

Большая, большая к Вам просьба! Едет в Париж мой несчастный пасынок Сережа Сухотин¹. Он едет в Париж лечиться или же умирать в лучших условиях, чем те, которые можем мы ему доставить здесь. До Праги его доводит чехословацкий курьер. [И от Праги до Парижа его тоже проводит курьер.]

Но вопрос в том дне или в тех днях, которые он проведет в Праге. Его надо принять, где-нибудь устроить и переправить в Париж. Как Вы увидите – он совершенный инвалид. Надо следить даже за тем, чтобы он ходил за своей нуждой, во избежание катастроф.²

Вперед глубоко благодарю Вас за все, что Вы для него сделаете. Я о том же пишу В.Н.Бобринской³. Мож<ет> быть, вдвоем Вы его устроите.

Ваши живы и благополучны! Завтра еду с Вашим братом⁴ в Ясную, чтобы кое-что вывести оттуда для Хамовнического дома.

Живем, слава Богу, дружно со всеми сотрудниками. А то было время, когда все расклеилось.

Привет Вам и Вашим! Татьяна уж большая теперь!⁵

Т.Сухотина

<Приписка:>

Дорогой Валентин Федорович,

тетя Таня ошиблась – от Праги до Парижа курьера не будет, и просьба к Вам и к В.Н.Бобр<инской> помочь переправить Сережу до Парижа. Он очень слаб, и мы за него боимся.

Простите, милый друг, что обращаемся к Вам и беспокоим, но Вы понимаете, как все трудно, и сложно, и тяжело.

Заранее шлю Вам самую сердечную благодарность за все, что Вы делаете для Сережи.

Будьте благополучны и счастливы! Привет Вашей жене.

Соня Сухотина-Толстая⁶

¹ О С.М.Сухотине см. подробнее во вступительной статье.

² Ольга Константиновна Толстая (урожд. Дитерихс; 1872–1951), проводив большого зятя в длительное путешествие, так описала его состояние В.Ф.Булгакову 15 марта 1925:

С лета его здоровье значительно ухудшилось, появились нежелательные явления. Отправили бы его раньше, но не было денег, да и с документами была волокита. А под конец все совершилось в 3 дня: только 10-го получили паспорт <...> а 12-го был праздник. Спешка была ужасная. А он, должно быть, от волнения, совсем ослаб и не мог даже одеться. Очень, очень извиняемся, что причинили Вам хлопоты и беспокойство, но ничего другого не придумали. В Париже его попробуют лечить; говорят, есть новый способ – прививкой малярии. Здесь же ничего уже сделать не могли, оставалось поместить временно в клинику, а потом в Богодельню! <так!>

(РГАЛИ. Ф.2226. Оп.1. Ед.хр.1117. Л.1-2об).

Праздник 12-го марта – годовщина Февральской революции (по новому стилю).

³ К письму В.Ф.Булгакову приложено письмо Т.Л.Сухотиной-Толстой ее давней подруге, графине В.Н.Бобринской (урожд. Львова; 1864–1944), в это время также находившейся в Праге:

13 марта 1925 г.

Москва

Милая Варвара Николаевна,

Обращаюсь к Вам с просьбой. Мой пасынок Сергей Михайлович Сухотин едет в Париж лечиться. Он совершенный инвалид, как Вы увидите, и без провожатого не доедет. До Праги он поехал с чехословацким курьером, – [и из Праги в Париж тоже его проводит курьер].

Но вот вопрос о том дне или о тех днях, которые он проведет в Праге, и о том, чтобы устроить его отъезд в Париж, и о том, чтобы его посадить и отправить по железной дороге.

Я пишу также Валентину Федоровичу Булгакову и очень на обоих Вас надеюсь.

Я знаю Вашу самоотверженность и Вашу постоянную деятельную заботу о других. Поэтому я решаюсь обратиться к Вам с этой просьбой.

Все ваши здоровы и благополучны. Вчера у нас был Алексей Бобринский. (Далее в тексте четыре строчки вымараны черной пастой. – В.А., Г.К.)

Позвольте крепко Вас поцеловать и вперед поблагодарить за то, что Вы сделаете для несчастного Сергея.

Т.Сухотина

P.S. Я пишу о том же Вал<ентину> Фед<оровичу> Булгакову. Вдвоем Вам будет легче.

(Там же. Ед.хр.1104. Л.9-10об.)

Письмо осталось в архиве Булгакова. Он был знаком с В.Н.Бобринской, но, вероятно, не стал ее беспокоить. В ее письмах Булгакову этого периода (см.: Там же. Ед.хр.496. Л.1-1об.) имя Сухотина не упоминается.

⁴ Вениамин Федорович Булгаков (1889–1975) после высылки старшего брата заменил его в музее. См.: *Булгаков В.Ф.* Как прожита жизнь... Ч.11: Последние годы жизни в Москве. Гл.8: Прощание с Москвой. – Там же. Ед.хр.60. Л.120; см. также: *Булгаков Вен.* Дом Льва Толстого в Хамовниках: Путеводитель. М., 1927; 2-е изд. – М.; Л.: ГИЗ, 1928.

⁵ Дочери Булгакова в то время было четыре года.

⁶ С.А.Толстая не любила вспоминать о первом муже и крайне редко подписывалась двойным именем. В письмах Марии Михайловне Шкапской (урожд. Андреевская; 1891–1952), с которой она была вполне откровенна, она с увлечением рассказывала о своих встречах с Сергеем Есениным и Николаем Клюевым, а о своем муже 30 марта 1925 сообщила предельно коротко: «С<ергей> уехал». Письма и открытки в марте – мае 1925 она подписывала: «Соня Толстая» (см.: РГАЛИ. Ф.2182. Оп.1. Ед.хр.497. Л.11-14об.).

После смерти Есенина мать Сони О.К.Толстая делилась своими переживаниями о судьбе дочери с А.Л.Толстой:

Два года она просидела над Сережей Сух<отинным>, целыми днями проводила в больнице, трясясь над ним, восхищаясь и умиляясь им и заставляя все и всех служить ему – прямо было какое-то идолопоклонство (правда, затем резко изменившееся, и он остался на моих руках). Но все же тогда это было более нормально (чем с Есениным. – В.А., Г.К.)

(Письмо от 1 января 1926. – ОР ГМТ. Архив А.Л.Толстой. №1114. Л.5об.)

22 июня 1925 С.А.Сухотина-Толстая подала в Хамовнический народный суд заявление о разводе, в котором написала:

19 октября 1921 г. я вышла замуж за Сергея Михайловича Сухотина. В настоящее время муж мой находится за границей (уехал 13 марта с<его> г<ода>). Он тяжело болен, и если вылечится, то вернется не раньше как через 1 1/2 года. Настоящим прошу Народный суд развести меня с мужем, т. к. я хочу вторично выйти замуж.

С.Сухотина-Толстая

(Сергей Есенин в стихах и жизни... С.175)

Просьба С.А.Толстой была удовлетворена, и, получив развод, она вышла замуж за С.А.Есенина. См.: *Лузин Н.* Дом-музей Л.Н.Толстого в Ясной Поляне. Тула, 1998. С.111.

Приписка С.А.Толстой неприятно задела Булгакова и заставила его вспомнить их недолгий роман, закончившийся летом 1918 по инициативе Сони и ее матери, О.К.Толстой. Он пишет в своих воспоминаниях:

Когда я жил в Праге <...> я получил однажды от Сони учтливое письмо, с обращением на «вы» и с просьбой встретить на вокзале ее больного мужа и помочь ему пересест на парижский поезд. С<ухотин> ехал в Париж к своему другу Ф.Ф.Ю<супову>, который брал на себя расходы по его лечению сальварсаном. Я встретил одного из своих «счастливых соперников»: это был рамоли, точивший слюну, с идиотическим взглядом, с маловразумительной, тягучей, сбивчивой речью. Так как нашлись другие лица, ему покровительствовавшие, то мои заботы ограничились minimum'ом. С<ухотин> в Париже умер...

(РГАЛИ. Ф.2226. Оп.1. Ед.хр.58. Л.105-106.

Машинопись с авторской правкой.)

Замечание о том, что Сухотин ехал к Юсупову, пожалуй, косвенно подтверждает его участие в убийстве Распутина. Феликс Феликсович Юсупов (1887–1967) был одним из организаторов этого заговора.

Сальварсан – одно из названий соединения мышьяка, которое использовали в начале XX века в таких сложных случаях, как у С.М.Сухотина. Рамоли – от *ramolli* (*франц.*) – впавший в слабоумие, беспомощный человек.

2. Т.Л.Сухотина-Толстая – В.Ф. Булгакову

<14 марта 1925

Москва>

Татьяна Толстая просит Булгакова встретить Сергея Сухотина <в> понедельник <в> семь <часов> утра <на> вокзале <в> Праге.

Телеграмма (пер. с чеш.). Датируется на основании помет телеграфиста. Ближайший понедельник приходился на 16 марта 1925.

3. Т.Л.Сухотина-Толстая – В.Ф.Булгакову

30 марта 1925¹

<Прага>

Дорогой Булгаша!

Очень, очень хочется Вас видеть! Сидим с Таней в гостинице (*Atlantic Skretova Vinohrady*)², и немного нам взгрустнулось, чувствуя вокруг себя все чужих людей³. Коли приедете – очень будем Вам рады. И Вы нам покажете дорогу, как Вас навестить. Хочется видеть и Анну Владимировну⁴, и Таню Вашу. До свиданья! Таня⁵ Вам кланяется и тоже очень ждет!

Т.Сухотина

¹ Письмо позволяет уточнить дату приезда Сухотиных в Прагу: утро 30 марта 1925 (ср.: Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939). Прага, 1998. С.132).

В тот же день Т.Л.Сухотина-Толстая отправила подробное письмо в Москву Соне и ее матери:

31 марта 1925, Прага

Милые Ольга и Соня,

Сейчас 8 ч<асов> утра. Таня спит под периной, заснувши вчера в слезах. Сережа спит в комнатке рядом, которую от нас отделяет ванна. Ишу ему попутчика в Париж, и даже обещала оплатить до Парижа билет тому, кто его проводит. Очень трудно с ним то, что он постоянно уходит – сам не зная, куда и зачем. Вчера, после того, как он побывал в W<ater->C<loset>, разулся и собирался уже ложиться спать, – исчез. Наконец, после долгих поисков, мы его встретили на лестнице. Его снизу под руку вел швейцар. Здесь всем сказано, чтобы его никуда не пускать. Я написала открытку его другу в Париж, что на днях он приедет и что его необходимо встретить. А то если его не встретить, он в Париже пропадет. Во всяком случае, пошлю еще телеграмму. И когда Сережа поедет – во все карманы положу ему адрес. По-моему, он головой стал слабее. Он с гордостью показывает, как хорошо он стал владеть рукой, – и это правда. Но сообщает он хуже. Хорошо, что у меня есть 350 р<ублей> моих братьев. Мои деньги давно все истрачены, и эти уже сильно тронуты...

(ОР ГМТ. Архив С.А.Толстой-Есениной.
КП-20551. №<5>. Л.1-2об. Автограф.)

31 марта 1925 Т.Л.Сухотина-Толстая писала о своем первом дне за границей: «...рядом копошился несчастный параличный Сережа... Написала Булгакову приехать меня навестить... Сейчас как раз сутки, как мы здесь в Праге. 8 ч<асов> утра» (Переписка Т.Л.Сухотиной с Н.Н.Гусевым. 1925–1948 гг. / Публ. З.Н.Ивановой // Толстовский ежегодник. М., 2001. С.105).

² Т.Л.Сухотина-Толстая с дочерью и пасынком провела первые дни в отеле «Атлантик», расположенном в предместье Винограды, которое с 1922 вошло в состав Большой Праги. См.: Прага: Путеводитель. Прага, 1958. С.78. Отель был расположен недалеко от вокзала, на который прибывали поезда из Москвы и откуда отправлялся поезд на Париж. См.: Чехословакия: Старинная культура – новая жизнь: Экскурсия в центре Европы. Прага: Орбис, 1947. С.110, 120, 139; Прага: Путеводитель. С.78, 139, 143; Прага / Пер. с чеш. М.: Прогресс, 1981. С.76.

³ Буквально на следующий день после отъезда из Москвы, 28 марта 1925, Т.Л.Сухотина-Толстая писала В.А.Жданову: «На душе делается все тоскливее, что скоро на три месяца расстанемся с Россией» (см.: Жданов. С.154). Но сразу же по приезде в Прагу Татьяна Львовна получила приглашение на аудиенцию к президенту Т.Г.Масарику, которая состоялась 5 апреля 1925. А уже на следующий день, 6 апреля 1925, Т.Л.Сухотина-Толстая прочитала свою первую лекцию в Праге на тему «Семейная трагедия Толстого» (см.: Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике... С.132, 287).

⁴ А.В.Булгакова (урожд. Цубербиллер; 1896–1963) – жена В.Ф.Булгакова, «русская швейцарка», как он иногда представлял ее в письмах. В своей «Автобиографии» (1959) она писала:

Родилась в Вологде. <...> Отец – зампредседатель <так!> Московского окружного суда.

Окончила частную гимназию им. Потоцкой в Москве.

В 1914–1917 училась на Педагогических курсах в Москве.

В 1917–1920 училась в Институте им. Карла Маркса на экономическом отделении.

В 1920 вышла замуж за В.Ф.Булгакова.

(РГАЛИ. Ф.2226. Оп.1. Ед.хр.1582. Л.1. Черновой автограф.)

Варвара Васильевна Потоцкая – директор женской гимназии на Малой Дмитровке в Москве (см.: Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1910 год. М., 1910. Ч.1. Стлб.404). После ее кончины гимназия была названа ее именем.

⁵ Т.М.Сухотина.

4. Т.М.Сухотина – В.Ф.Булгакову

17/XII–1927

246 av<enue> Victor Hugo
Clamart (Seine)

Милый Валя, что-то очень давно мы о вас всех ничего не знаем. Что ты делаешь? Как поживают Анна Владимировна и Таня? Мы живем матерьяльно трудно, а морально хорошо. Зарабатываем кое-что. Мама шьет платья, иногда бывают лекции и заказы на статьи. Я пишу на машинке, вышиваю и готовлю обед. Все это ужасно скучно, но зато с мамой мы очень дружны, выдаем много интересных людей, много читаем. Сейчас мы должны уезжать из нашего дома, и мне это грустно. Уж очень мы вжились в этот дом, много у нас друзей и родственников живут кругом, и все у нас сидят¹. Переезжаем в Париж, и после 10-го января наш адрес: *Rue de la Santé, 3. Square du Port-Royal. Paris.*

Видаешь ли ты Машеньку²? Она очень нас беспокоит, т. к. не хочет кончать гимназию³ и стремится в Париж. Я все боюсь, что она не сознает, как трудна и тяжела сейчас жизнь тут, и что она думает, что нам всем очень весело и легко. Если ты ее увидишь, поговори с ней, и если тебе не трудно, то напиши мне твое впечатление о ней. Все-таки она сейчас на наших руках, т. к. никто больше о ней не заботится. Не знаю, насколько серьезно ее желание идти в сестры милосердия и знает ли она, как много и упорно надо учиться для этого?⁴

Пока прощай, милый Булгаша.

Когда-то мы опять увидимся?

Наверное, Таня уж совсем большая стала!

Буду очень рада услышать от тебя.

Таня Сухотина

¹ В конце 1925 Т.Л.Сухотина-Толстая купила дом в предместье Парижа Кламаре и там организовала пансион, который просуществовал два года (см.: Толстой С.М. Дети Толстого. Тула, 1994. С.109-112).

² Незадолго до этого В.Ф.Булгаков получил письмо от Маши Толстой:

14/XII-<19>27
<Тршебова>

Дорогой Валентин Федорович, обращаюсь к Вам с огромной просьбой. У меня есть случайно 60 крон, и я бы ничего не имела против, если Вам и Анне Владимировне было бы не слишком неприятно меня видеть. Я бы очень хотела к Вам съездить на Рождество дней на 5–6. Если Вы ничего не имеете против моего приезда, то, пожалуйста, напишите мне и вложите в мое письмо приглашение <для> меня, адресованное нашему директору. С нетерпением жду Вашего ответа. Очень и очень по Вас соскучилась и хотелось бы о многом с Вами поговорить и посоветоваться.

Живу я не очень плохо, только очень меня гнетет душевное одиночество, с которым бороться, как Вы знаете, не очень-то легко. Конечно, <я могла бы> писать. Слишком много у меня есть чего сказать Вам, чего на страничке письма не скажешь, и потому откладываю до нашего, надеюсь, скорого свидания. Боюсь, что Вы не узнаете меня, все говорят, что за эти годы я очень и очень изменилась.

Ну, пока всего хорошего. Целую крепко Анну Владимировну и Танюшу.

Любящая Вас Маша Толстая
(РГАЛИ. Ф.2226. Оп.1. Ед.хр.1116. Л.8-9.)

³ Маша Толстая училась в русской реформированной реальной гимназии, которая была открыта в декабре 1921 в небольшом моравском городке Тршебова (в письмах М.А.Толстой – Тжебов, Требов или Тшебова). О гимназии см.: Русские в Праге: 1918–1928 / Ред.-изд. С.П.Постников. Прага, 1928. С.108-110.

В одном из более ранних недатированных писем Булгакову Маша Толстая настойчиво повторяла: «Вообще очень скучно и очень надоела Т<р>жебова, хочется вырваться хоть ненадолго. Надоело, очень надоело, иногда хочется все бросить и уехать, все равно куда. Надоела Чехия, надоела Тр<ш>ебова. С ужасом думаю, что придется пробыть здесь несколько лет» (РГАЛИ. Ф.2226. Оп.1. Ед.хр.1116. Л.7-7об.).

А 25 февраля 1927 она призналась своему старшему другу: «Живу одной только надеждой, что удастся уехать в Париж, страшно стосковалась по своим. <...> Если удастся уехать весной в Париж, то постараюсь по пути к Вам заехать» (Там же. Л.4-5).

⁴ Незадолго до этого, 14 ноября 1927, Маша Толстая обратилась к Булгакову с просьбой:

Дорогой Валентин Федорович, простите меня, пожалуйста, что я так долго не писала Вам. Но, как всегда, я очень занята. Теперь пишу Вам по важному делу. Я весной, по всей вероятности, поеду в Париж, в Ам<ериканском> Госпитале уже заполнила анкеты, причем там требовались адреса двух людей, меня хорошо знающих. Я указа-

ла Вас. Надеюсь, Вы не рассердитесь за это на меня и, если потребуется, дадите мне хорошую рекомендацию. <...> Гораздо лучше скорее приступить к практической работе, на помощь ближним. Очень надеюсь, что удастся поступить туда. Работа сестры милосердия влечет меня с самого детства.

(Там же. Л.6-6об.)

5. Т.Л.Сухотина-Толстая – В.Ф.Булгакову

<После 10 января 1928, Париж>

Милый Булгаша,

Насчет Маши подтверждаю все, что пишет Таня. Я ей опять отсюда в Париже пишу то же самое.

Пришлите мне Танины точные размеры: 1) длина от плеча до края подола, 2) объем груди и 3) объем бедер.

Слышала, что Вы опять проситесь в Россию¹. Разумно ли это?

Для юбилея здесь во Франции образовывается Комитет и кое-что печатается. Я отдала несколько писем отца в «Современные Записки»² и в франц<узский> журнал Егоре тоже письма и статью³.

Поклон Анне Влад<имировне>, Тане и Вам. Когда же Вы приедете в Париж?

Т.С.<ухотина>

Датируется условно по содержанию: в Париж Сухотины переехали 10 января 1928.

¹ Сотрудники музеев Л.Н.Толстого в Москве и в Ясной Поляне не раз поднимали в официальных кругах вопрос о возвращении В.Ф.Булгакова в СССР. Об этом, в частности, подробно писала Булгакову А.Л.Толстая (письмо от 9 января 1926. – РГАЛИ. Ф.2226. Оп.1. Ед.хр.1115. Л.8-8об).

В одном из вариантов автобиографии Булгаков вспоминал: «Дважды, в 1926 г. (по истечении 3-летнего срока пребывания за границей) и в 1928 г. (в год 100-летнего юбилея Л.Н.Толстого), подавал прошения о возвращении на имя ВЦИК'а, но, к сожалению, без успеха» (Там же. Ед.хр.1316. Л.28. Машинопись с авторской правкой).

В феврале 1928 давний знакомый Булгакова, в то время – советник Министерства просвещения Чехословацкой республики, доктор Карел Леопольдович Велеминский (Veleminsky; 1880–1934) пытался организовать встречу Булгакова с полномочным представителем СССР в Чехословакии, известным деятелем революционного движения Владимиром Александровичем Антоновым-Овсеенко (1884–1939). Готовя к сдаче письма в архив, Булгаков на одном из документов, условно датируемых по содержанию и почтовому штемпелю отправителя концом февраля 1928, сделал такую помету: «К.Л.<Велеминский> все мирил меня с Советами. Не помирил. А<нтонова>-О<всеенко> я не видел» (Там же. Ед.хр.548. Л.46).

Сама Татьяна Львовна одно время подумывала о возвращении в Москву, но потом отказалась от этой мысли. См.: *Толстой С.М. Дети Толстого.* С.107-109.

² См.: *Толстой Л. Письма к дочери Татьяне Львовне / Примеч. Т.Л.Сухотиной-Толстой // Современные записки (Париж).* 1928. Т.36. С.193-219.

³ *Soukhotine-Tolstoi T. Sur la mort de mon père et les causes lointaines de son évasion // Europe: Revue mensuelle (Paris).* 1928. №67. P.395-472; *Lettres de Léon Tolstoi à sa fille Tatiana // Ibid.* P.473-496.

6. Т.Л.Сухотина-Толстая – В.Ф.Булгакову

21 мая 1928

<Париж>

Милый Булгаша,

Я послала Велеминскому¹ рукопись начала дневника матери с предложением его перевести и издать в Праге. Не получаю ни ответа от Велеминского, ни рукописи обратно². Если бы Велеминского не было – мне вернули бы так бандероль. Узнайте, дорогой, в чем дело, и помогите, если можете³. Книга выйдет в России месяца через два, и надо постараться выпустить перевод: не позднее августа или, в крайнем случае, сентября. Если Вы что-ниб<удь> устроите – напишите, и я дошлю окончание, примечания и статью Сережи о кончине матери⁴.

Помните – Аня мне дала вещи для посылки в Россию! Вот уже три года, как я тщетно прошу каждого уезжающего туда взять вязаную кофту. А вещи детские я давно раздарила и считаю себя Вашей должницей. Если пришлете Танины размеры – пришлю парижское платье и белье. Всех целую.

Т.С.<ухотина>

¹ К.Л.Велеминский (см. о нем примеч. 1 к письму 5) – чешский писатель и педагог, переводчик сочинений Л.Н.Толстого, автор книг и статей о нем – дважды встречался с русским писателем: в августе 1907 и в июне 1910. На второй встрече Велеминского с Толстым присутствовал Булгаков, в дневнике которого сохранилась краткая запись (см.: *Булгаков В. Л.Н.Толстой в последний год его жизни...* С.245-246). Благодаря поддержке Велеминского книги и статьи Булгакова на чешском языке появились уже в конце сентября 1923 (письма Велеминского см.: РГАЛИ. Ф.2226. Оп.1. Ед.хр.548. Л.13-14).

² В архиве Булгакова сохранилось более раннее письмо Т.Л.Сухотиной-Толстой Карелу Велеминскому:

15 апр<еля> 1928 г.

3, Square de Port-Royal (Rue de la Santé)

Paris XIII

Дорогой пан Доктор,

Как Вы, вероятно, знаете, – нынешний год юбилейный для моего отца, Л.Н.Толстого, который родился ровно 100 лет тому назад. По

этому поводу выйдет много статей и книг Толстого и о Толстом. Мой брат Сергей прислал мне копию с дневника нашей матери с самого времени ее замужества. К этому дневнику есть приложения: объяснения имен разных лиц и мест, предисловие, описание последних дней матери, написанное моим братом, и т. д. Все это составит один небольшой том. В Москве эта книга будет издана к августу. Мой брат, присылая мне рукопись, просил ее тотчас же предложить европейским переводчикам с тем, чтобы она была переведена и издана не позднее августа. Как Вы знаете, между Россией и другими европейскими странами нет литературной конвенции, и поэтому, как только книга выйдет в Москве, — ее сейчас же спешно — и потому дурно — переведут на другие языки.

Я посылаю Вам часть этой рукописи с просьбой, чтобы Вы сами перевели ее на чешский язык, а если Вы не имеете времени это сделать, чтобы Вы поручили это сделать какому-либо другому компетентному переводчику.

Можно было бы сначала напечатать эту вещь в журнале, а потом издать ее книгой.

Мы предлагаем доход с этого издания разделить следующим образом: одну треть гонорара для переводчика и две трети для самих Толстых.

Очень прошу Вас ответить мне по возможности безотлагательно — согласны ли Вы заняться этим делом.

Прошу Вас передать привет Вашей супруге от меня и Тани и верить в мои искренние чувства дружбы и симпатии.

Т.Сухотина-Толстая

(Там же. Ед.хр.1406. Л.1-1об.)

³ 28 мая 1928 Булгаков передал Велеминскому просьбу Т.Л.Сухотиной-Толстой, напомнил адрес корреспондентки для того, чтобы она как можно быстрее узнала о судьбе рукописи (Там же. Ед.хр.254. Л.10). Однако Т.Л.Сухотина-Толстая напрасно волновалась: рукопись дневника С.А.Толстой была получена Велеминским. Еще раньше, 15 мая 1928, он писал Булгакову о том, что выдержки из дневника С.А.Толстой появятся в «Народных листах» (Там же. Ед.хр.548. Л.47). 7 сентября 1928 Велеминский выехал в Москву для участия в юбилейных торжествах на родине Л.Н.Толстого. О его пребывании в Ясной Поляне в эти дни см.: *Толстая А.* Дочь. М.: Книга и бизнес, 1992. С.263-265 (А.Л.Толстая называет чешского писателя и педагога Вельеминским).

⁴ Т.Л.Сухотина-Толстая не учла, что дневники С.А.Толстой будут выходить в течение нескольких лет. Статья С.Л.Толстого вошла только в последнюю, четвертую, часть дневника (см.: Кончина моей матери: Из дневника С.Л.Толстого // Дневники Софьи Андреевны Толстой: В 4 ч. / Ред. и предисл. С.Л.Толстого; Примеч. С.Л.Толстого и Г.А.Волкова. Ч.4. М.: Сов. писатель, 1936. С.270-275). Татьяна Львовна, вероятно, имела в виду парижскую публикацию старшего брата (см.: *Tolstoj S.* Les derniers jours de ma mère: Fragment inédit d'un journal intime // Europe. 1928. №67. P.497-511).

7. Т.М.Сухотина – В.Ф.Булгакову

11/VIII-1928

Милый Булгаша,

хочется мне очень поблагодарить тебя за все, что ты делаешь для Маши¹. По твоему письму к ней видно, что ты не сочувствуешь ее поступлению в колледж², а главное, тому, чтобы она бросала гимназию³, и я с тобой вполне согласна... Но Маша вбила себе в голову, что в гимназии она «пропадает», что «нет жизни» и т. д., и как мы с мамá не стараемся – разубедить ее в этом нет возможности. Но, главное, дело в том (ты только никому не говори), что Маша влюблена и «он» будет учиться в Праге⁴. Боюсь, что только в этом все дело. Пишу тебе это, чтобы сказать, что мы с мамá совсем не сочувствуем всем ее планам, но раз она взрослый человек, пусть делает, как знает. Наше дело ей сказать свое мнение, а если она стоит так упорно на своем, то мамá даже помогает ей в том, что хлопочет об ее поступлении в колледж⁵.

Сейчас пишу тебе из деревни. Мы живем тут у одних друзей и страшно наслаждаемся тишиной и спокойствием. Маша осталась в Париже с Львовыми, т. е. с Таней, дяди Мишиной дочерью, ее мужем и сыном⁶. 20-го кончается мой отпуск, и я возвращаюсь в Париж на службу. Я ведь теперь служу секретаршей в одной американской конторе и очень довольна своей службой. Люди милые, заработок хороший и работа довольно интересная.

Видел ли ты книжку журнала «Егоре», кот<орая> вышла к Толстовскому юбилею? Если нет, то напиши мне, и я ее тебе вышлю. А что готовится в Праге?⁷

Я еду в октябре на две недели в Лондон на гастроли. Меня пригласили играть по-английски в настоящем театре Анютку в «Власти тьмы». Со службы меня обещали отпустить, и я уже волнуюсь, но это так интересно! Эту зиму в Париже я много играла. Театр ведь всегда был моей большой страстью⁸.

Мамá сейчас отдыхает. Последнее время в Париже у нее было много дела. Она готовила свою статью для Егоре, переводила письма и все хозяйство на ней, т. к. я целый день на службе, и она ужасно устала⁹. Тут, надеюсь, мы обе наберемся сил на зиму!

Ну, прощай, милый Валя. Привет вам трем от нас двух. Когда же мы наконец увидимся?

Таня

¹ М.А.Толстая.

² 22 июля 1928 М.А.Толстая подробно изложила свою просьбу старшему другу и помощнику, каковым она считала Булгакова:

Дорогой Валентин Федорович, пишу Вам из Франции, где гощу у тети Тани, и обращаюсь к Вам с огромной просьбой. Я кончила

семь классов Тшебовской гимназии, но кончать гимназию не буду, а хочу устроиться в Пражский *Английский колледж*. Я Вас очень прошу, дорогой Валентин Федорович, и обращаюсь к Вам, как к родному отцу, ибо всегда Вас уважала и любила, как оного, похлопотать за меня. Вам из Праги это легко сделать, а я отсюда не могу сделать буквально ничего. Даю Вам *полные полномочия* и прилагаю бланк с моей подписью для *подачи прошения*. Валентин Федорович, знаете, туда *принимают* довольно *легко*, но перевести *иждивение*, не получив аттестата, довольно трудно, надо, кажется, иметь *зацепочку* где-то в верхах. Валентин Федорович, дорогой, ради Бога, сделайте это для меня, я буду по гроб жизни Вам благодарна и отблагодарю Вас при первой возможности. В гимназию я *ни за что* не вернусь, и если мне не будет возможности поступить в колледж, то я буду просто за грошовый заработок работать в Париже, что мне не очень-то улыбается. <...> Валентин Федорович, простите за беспокойство, но Вы единственный человек, на которого я могу положиться. <...>

Благодарная и любящая Вас

Маша Толстая.

P.S. Фото «Внучки великого писателя» подпишите и сделайте <за меня>.

Если будет еще где-нибудь нужна моя подпись, ради Бога, сами подделайте!

(РГАЛИ. Ф.2226. Оп.1. Ед.хр.1116. Л.12).

³ Через несколько дней, 28 июля 1928, отвечая на один из вопросов Булгакова, М.А.Толстая по этому поводу написала следующее:

Я из гимназии не уволена, а уехала на летние каникулы, окончив 7-мь классов, но кончать гимназию я не буду, т. к. сил нет больше выносить ее обстановку нудную и, главное, абсолютно аморальную. Вам это объяснить, я думаю, не надо, т. к. Вы, наверное, хорошо знаете, какие «светлые» дела у нас делались. <...>

<...> Валентин Федорович, дорогой, в довершение скажу Вам одно: если не выйдет дело с колледжем, мне останется одно – лезть в петлю, т. к. Т<р>шебов для меня – ад, а добровольно в ад никому нет охоты лезть, а в Париже найти работу – более чем немислимо честной, одинокой девушке без специальности. Еще раз простите, что обращаюсь к Вам с этой просьбой, но я прямо в безвыходном положении. Тетя Таня и Танечка шлют Вам свой сердечный привет. Пока всего хорошего. С нетерпением жду решения моей горькой участи.

Искренне преданная Вам

Ваша Маша Толстая

(Там же. Л.13-13об).

В русских эмигрантских кругах Тршебовская гимназия пользовалась ре-
номе одного из немногих учебных заведений, которые помогали сохранить русский язык и русскую культуру детям, оторванным от родины (см.: Русские в Праге... С.108-110).

⁴ В недатированном письме, полученном в Праге, судя по помете Булгакова, 8 августа 1928, есть такое признание: «Вверяю Вам всю судьбу свою и

все свое счастье. Ведь открою Вам под *очень* большим секретом от *всех*, что я невеста и мой жених в Праге, но венчаться будем только через 3 года» (РГАЛИ. Ф.2226. Оп.1. Л.14-14об).

⁵ В том же письме М.А.Толстая приводит ответ секретаря чешского посольства во Франции доктора Полачека Т.Л.Сухотиной-Толстой с указанием тех шагов, которые надо предпринять для поступления М.А.Толстой в английский колледж в Праге (Там же. Л.14).

⁶ Татьяна Михайловна Львова (урожд. Толстая; 1903–1990); ее муж – Александр Константинович Львов (1900–1977); сын – Михаил Александрович Львов (род. в 1923). См.: *Пузин Н.* Дом-музей Л.Н.Толстого в Ясной Поляне... С.112, 118.

⁷ В архиве Булгакова сохранился черновой автограф с подробной разработкой программы будущего юбилея и три письма новому председателю Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии Николаю Михайловичу Могиланскому (1871–1933). Булгаков предлагал 21 февраля 1928 ввести в президиум Правления Союза русских писателей и журналистов представителей других литературных и академических организаций, которые хотели бы принять участие в торжествах, а также пригласить проживающую в Праге невестку Л.Н.Толстого, графиню Софью Николаевну Толстую (урожд. Философова; 1867–1934). Кроме того, Булгаков рекомендовал Правлению Союза обратиться с просьбой к президенту Чехословакии Т.Г.Масарику взять под свой протекторат деятельность Юбилейного комитета.

В мае 1928 Булгаков официально заявил о своем выходе из комитета, т. к. ни одно его предложение не было принято. Одновременно (23 мая 1928) Булгаков сложил с себя и полномочия члена Правления Союза русских писателей и журналистов. Позднее, 2 июля 1928, Булгаков вошел в организованный по его предложению чешско-русский комитет по устройству чествования Л.Н.Толстого. Свое решение он объяснил так: «...поскольку, как это выяснено мною из беседы с секретарем Союза В.И.Ильинским и членом Правления Н.П.Савицким, Правление решило приступить к организации Комитета на достаточно широкой общественной базе» (РГАЛИ. Ф.2226. Оп.1. Ед.хр.328. Л.1-7).

10 сентября 1928, в день проведения юбилейного собрания, посвященного 100-летию со дня рождения Л.Н.Толстого, Булгакова в Праге не было – он выступал с лекциями о Толстом в разных городах Чехословакии (см.: *Булгаков В.Ф.* Как прожита жизнь... – Там же. Ед.хр.68. Л.69.).

По возвращении в Прагу Булгаков 17 сентября 1928 принял участие в торжественном открытии выставки, посвященной Л.Н.Толстому, в здании Национального музея. В основе выставки было собрание Д.П.Маковицкого, дополненное акварельным рисунком М.В.Нестерова «Толстой с бороной», подаренным художником Булгакову в марте 1923 (см. об этом: Там же. Л.70-71).

31 октября 1928 В.Ф.Булгаков прочитал фрагменты из своего яснополянского дневника 1910 года на собрании, устроенном библиотекой Земгора (см.: Там же. Л.93-94).

Свое лекционное турне по европейским странам с рассказами о Толстом, его мировоззрении и творчестве, предпринятое в ноябре 1928, Булгаков считал одним из самых интересных за многие годы. Он побывал в Ав-

стрии, Германии, Югославии, Швейцарии и везде встречал людей, желавших как можно больше узнать о великом писателе.

⁸ В.А.Жданов так писал об увлечении Т.М.Сухотиной театром в начале 1920-х, когда они с матерью жили в Москве:

Юная Танечка, всех к себе располагавшая скромным изяществом, изредка посвящала нас в тайны сценического творчества знаменитого М.А.Чехова. В студии у него она немного занималась. Впрочем, она была сдержана с профанами и боялась признаться в своих мечтах о славе. Мать не мешала ее увлечению.

(Воспоминания Жданова. Л. 12).

Позднее Т.М.Альбертини-Сухотина писала:

Я очень любила театр, и, наконец, мои мечты осуществились: я была принята в труппу Жоржа и Людмилы Питоевых. Роли у меня были маленькие, я была молода. Однако это было чудесное время в моей жизни. Я часто с тоской вспоминаю запах кулис, товарищество актеров и моих друзей по сцене. Во время пребывания с театром в Италии я познакомилась с моим будущим мужем.

(Альбертини-Сухотина Т.М. Моя мать // Яснополянский сборник 1978: Статьи, материалы, публикации. Тула, 1978. С.275.)

Жорж Питоев (Георгий Иванович; 1884–1939) – актер, режиссер. Родился в Тифлисе, откуда еще в юношеском возрасте уехал за границу. В 1918 была создана первая антреприза, на следующий год получившая название театра Питоева. В 1922 театр Питоева переехал в Париж. См.: Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь. М.: РОССПЭН, 1997. С.500-501; см. также: Финкельштейн Е. Картель четырех: Французская театральная режиссура между двумя войнами. Л.: Искусство, 1974. С.276-349.

⁹ Из воспоминаний Т.М.Сухотиной-Альбертини:

В Париже мы жили на деньги, заработанные мной и мамá, которые она получала за свои лекции и статьи. Бывало, этих денег едва хватало к концу месяца. Никогда не забуду, как нам много помогли наши французские друзья. В свободное от лекций и статей время мамá занималась хозяйством, вязала шали.

(Альбертини-Сухотина Т.М. Моя мать. С.275).

8. Т.Л.Сухотина-Толстая – В.Ф.Булгакову

27 авг<уста> 1928
3, Square de Port-Royal
Paris XIII

Дорогой Булгаша,

очень хочется знать, что у Вас в Чехословакии делается для юбилея?¹ Здесь в Париже несколько комитетов, но самым серьезным будет Международный Комитет, который формируется неофициально под покровительством Интернационального института Интеллек-

туальной Кооперации. В этот комитет будут приглашены общества и комитеты, образованные в других странах. Вы тоже получите приглашение. Войдете ли Вы с Вашим Комитетом? Напишите поскорее.

Что же я не получаю Танюшиных размеров? Мы с Таней провели месяц в деревне, но мало отдохнули и обе прихварываем. А ваша вся семья как?²

Всем от Тани и меня привет.

Т.Сухотина-Толстая

Р.С. Машка³ все ждет от Вас письма, поет и воет. Она влюблена в одного бывшего тржебовца – Леонида Крюкова⁴, собирается за него замуж. Если у Вас будет случай что-ниб<удь> о нем узнать – узнайте, пожалуйста, и напишите мне. Страшно за нее – она одинокая девочка, привязчивая, горячая и неопытная, – долго ли до глупости?

¹ К 100-летию Л.Н.Толстого Булгаков выступил с воспоминаниями и лекциями о нем в целом ряде европейских городов, а также написал 28 августа 1928 юбилейную статью, которая начиналась так:

Тому, кто так или иначе близко стоял к Л.Н.Толстому, очень трудно говорить о нем как о человеке. Почему? Приходится скрывать что-нибудь неприятное, непривлекательное в характере Толстого? Нет, наоборот, приходится почти неизбежно говорить о нем только хорошее и, благодаря этому, рисковать наткнуться на обвинение в отсутствии объективности. Особенно трудно, в этом отношении, положение «толстовца»: про него всегда скажут, что он слепо обожает своего учителя. <...>

(Булгаков В. Лев Толстой – человек // Последние новости (Париж). 1928. 9 сентября).

Еще три статьи Булгакова напечатаны в приложении к юбилейному собранию сочинений Толстого, вышедшему в Праге в 1928: «День Льва Николаевича», «Замолчанное о Толстом» и «Уход и смерть Льва Толстого».

В своих воспоминаниях Булгаков выделил в отдельную главу рассказ о поездках и выступлениях в связи со 100-летием Л.Н.Толстого (см.: РГАЛИ. Ф.2226. Оп.1. Ед.хр.37. Л.1-131). В письме от 28 ноября 1928 А.В.Булгакова рассказывала давнему другу семьи Елене Евгеньевне Горбуновой-Посадовой о том, каким трудным был для мужа этот год:

В<алентин> Ф<едорович> сейчас находится в Германии с лекциями о Толстом по-немецки. Это его уже 3-ье турнэ по Германии, а он получил приглашение на 4-ое.

В начале этого месяца он был в Сербии, где с большим успехом выступал (больше 1000 ч<еловек>) в Университете перед сербами.

Конечно, это нелегкое дело – разезжать с места на место, в особенности продолжительное время и простуженным (как он ездит сейчас), но, с другой стороны, он познакомит многие страны с личностью Толстого и его взглядами.

(Там же. Ф.122. Оп.1. Ед.хр.1708. Л.1об.-2).

² В том же письме А.В.Булгаковой читаем:

Таня наша ходит в немецкую школу. Русская гимназия от нас далеко, да и рано с 7-ми лет поступать в гимназию. Школой я очень довольна – Таня ее любит и стремится туда, а это хороший признак. Состав детей симпатичный – все дети интеллигентных родителей, а то у нас здесь в пригородной школе такие дети, что беги подальше. Очень мне нравятся здесь в школах (иностранных) широкая постановка ручного труда и гимнастика.

Таня моя, кроме школы, посещает местное гимнастическое общество и очень увлекается. К сожалению, из-за сильной эпидемии скарлатины приходится пропускать. Но как эпидемия кончится, снова пойдет в «Сокол».

Очень мы соскучились по дому. Живем все-таки, <будучи> оторваны от народа и родной почвы, а это плохо отражается на психологии, но что поделаешь, приходится смиряться. Судя по последним известиям, двери для нас закрыты надолго.

(Там же. Л.2-2об).

³ М.А.Толстая.

⁴ Дополнительных сведений о Л.Крюкове обнаружить не удалось.

9. Т.Л.Сухотина-Толстая – В.Ф.Булгакову

17 янв<аря> 1929

3, Square de Port-Royal
Paris XIII

Милый Булгаша,

спасибо за открытку. Я еще не считаю, что рассчиталась с Вами, и при случае еще что-нибудь пришлю Танюше¹.

Посылаю Вам пять долларов для своей безумной племянницы Маши. Она, по-видимому, совершенно одурела: то была влюблена в одного – Леонида Крюкова; то теперь вдруг влюбилась в другого: в какого-то музыканта-композитора, Александра Петровича – фамилия неразборчива². Она поступила в англ<ийский> колледж, получает стипендию. Но, кажется, она совсем не занимается, и деньги у нее исчезают почти тотчас: по получении. Она пишет мне отчаянные письма о том, что она умирает с голода. Мне *очень* трудно посылать ей деньги. Таня очень слабый человек, и она очень переутомляется за работой, – я тоже никуда не стала годиться. Я считаю, что Маше, молодой и здоровой, стыдно еще наваливаться на меня. Кроме нее, у меня семья брата Миши, которая очень бедствует и с которой я немного делюсь³; Вера Кузминская, которая больна и беспомощна⁴, и т. д. Но сердце не камень, и я посылаю Вам эти пять долларов с большой просьбой абонироваться на несколько обедов в какой-нибудь <удь> столовой (вероятно, такие имеются в Праге) для этой не-

счастной дурехи. В Париже за эту сумму можно бы было иметь 20 хороших обеда <так!>. Вот ее адрес:

up Pechvke. Libunzia ul b 68 (865) Zirkov.

Я рада, что Вы подружились с моими Сухотиными⁵ – они оба очень хорошие и милые люди.

Ну, прощайте! Всего Вам лучшего с Аней и Таней! Помогите Маше в память ее деда. Если удобно будет – скажите ей несколько наставительных слов⁶. Ваш старый друг

Т.Сухотина

¹ В недатированном письме, отправленном из Парижа накануне своего отъезда (вероятно, поздней осенью 1928), М.А.Толстая поделилась радостью – она поступила в английский колледж в Праге, а также добавила:

Везу Вам от тети Тани вещи Вашей Танюше. Тетя Таня и Танечка Вам кланяются. Ну, пока, до скорого свидания! Жду с нетерпением момента, когда увижу всех Вас. Целую Анну Владимировну и Таню.

Ваша любящая Маша Толстая
(РГАЛИ. Ф.2226. Оп.1. Ед.хр.1116. Л.17)

² Вскоре М.А.Толстая вышла замуж за Александра Петровича Ваулина. В недатированном письме (январь 1929) она сообщает Булгакову об этом:

Дорогой Валентин Федорович, очень извиняюсь перед Вами, что до сих пор у Вас не была, но, во-первых, нет времени, а также и денег. <...> Кроме занятий, я сейчас сильно занята своей свадьбой, которая будет в мае. Выхожу я замуж за Александра Петровича Ваулина. Вы, наверное, про него слыхали.

(Там же. Л.18-18об.)

А.П.Ваулин в первые годы советской власти работал в Музнаркомпросе. В начале 1922 покинул Россию, но его желание пропагандировать русскую музыку за границей постоянно наталкивалось на сопротивление слушателей, с одной стороны, и отсутствие надежной связи с советскими композиторами – с другой. В письме Павлу Александровичу Ламму он признается:

Жить в Европе не легко, с заработком туго. Русской музыки у нас в Праге, где я сижу уже третий год, слабо <так!>, в особенности с современной вашей...

Я за границей все же поработал: написал два струнных квартета, трио для флейты, альты и бас-кларнета, II-ую ф<ор>т<епианную> сонату и концерт для скрипки, сопрано (без текста) и кларнета с сопровождением оркестра в 20 человек. Теперь начат струнный квартет, оркестровые миниатюры и балет. За это время побывал в<о> многих местах, но, к сожалению, не в больших европейских центрах, работал и с военным оркестром, и с хором католического монастыря, и с музыкой в драмат<ическом> театре. А в общем, жизнь здесь трудна и главным образом в материальном отношении.

(Письмо от 9 июля 1925. – РГАЛИ. Ф.2743.
Оп.1. Ед.хр.92. Л.2-2об.)

Сочинения А.П.Ваулина этих лет в СССР не исполнялись.

5 июля 1927 в письме Б.В.Асафьеву (1884–1949), с которым его связывали давние дружеские узы, Ваулин сообщил, что подумывает о возвращении в СССР. А 4 ноября 1927 так мотивировал это решение:

Дорогой Борис Владимирович!

<...> Я, дорогой, решил вернуться в Россию. Решил окончательно. Трудно мне здесь во всех отношениях. И все равно, Прага, Париж ли, Берлин – абсолютно одно и то же. 1) Нет возможности получить заработок, достаточный для существования. Занимаюсь перепиской нот, пишу скверные (других не умею) статьи, этого хватает еле-еле, если еще к этому прибавить стипендию. Но стипендия в январе прекратится, и я буду сидеть на мели. А что я буду летом делать, когда и заработка, т. е. переписки, нет. 2) Чужое все, до невозможности дальше выдержать. Задыхаюсь. Эмиграция – самое скверное, что можно себе представить, – беспринципность, отсталость по всем фронтам и ожидания, когда реки вспять потекут. Никогда я с ней ничем не был связан. Сторонился. Чехи, немцы = <так!> не понимаем мы друг друга, никак столкнуться не можем. Нередко смотрят на тебя как на существо экзотическое. «Ja jsem čech!» (я – чех!) – тоже мешает. Много национального гонора. Да что говорить, вот за 4½ года не мог к ним привыкнуть. 3) Тянет в Россию. Это ясно. Иначе быть не может. Все корни мои там. Об этом уже писалось неоднократно Вам. 4) В Россию недавно приехала отсюда будущая жена моя, но не этот факт наиглавнейший, а вот то, что тесно и душно мне здесь. Я даже последние месяцы сочинять ничего не могу. Хорошо теперь, есть оправдание – времени нет, работы другой много. Этот год, кроме доп<олнительных> мелочей да сероглазого короля, ничего не написал. Начато порядочно. Теперь все стоит (2 сюиты, 2 квартета, III соната для ф<орте>п<иано>). Говорят, что сонату исполнял, даже учить взял пианист, не знаю, не верю я им никому, уж очень любят они обещать.

(РГАЛИ. Ф.2658. Оп.2. Ед.хр.37. Л.6-7)

На ком А.П.Ваулин был женат первым браком, установить не удалось, известно только, что с женой он разошелся в январе 1929. В начале апреля 1929 Ваулин пишет Б.В.Асафьеву о том, что собирается соединить свою судьбу с молоденькой внучкой Л.Н.Толстого:

...я разошелся с женой и сегодня женился на другой. Невеста моя Мария Толстая. Внучка Льва, дочь Андрея. Это факт за последнее время самый значительный в моей жизни – в остальном перемен мало, отраднo то, что матерьяльные дела мои поправились, много всякой музыкально-технической работы, начиная от переписки, кончая поправкой инструментовки чужих вещей или, как последнее время, присочинением <партии> арфы к готовой партитуре, есть заказы и из Дрездена, и из Вены. Как будто теперь уже эта сторона <жизни> более и менее поправилась.

(Там же. Л.50).

В конце 1945 Ваулин получил советское гражданство, о чем 16 января 1946 с радостью сообщил Асафьеву (Там же. Оп.1. Ед.хр.744. Л.5-5об). Од-

нако на родину Ваулин не вернулся. В книге Д.Толстого-Милославского указан год его смерти: 1976 (см.: *Tolstoy-Miloslavsky D. The Tolstoys Genealogy and Origin.* <Alikante (Spain).> 1991. P.92).

Письма Б.В.Асафьева Ваулину за 1920–1932 опубликованы: «...Непрестанно учиться и отдавать себя другим...» // Советская музыка. 1974. №8. С.73-90; №10. С.77-95. См. также: Материалы к биографии Б.Асафьева. Л.: Музыка, 1981. С.247.

³ О бедственном положении семьи М.Л.Толстого см.: *Толстой С.М. Дети Толстого.* С.196-199.

⁴ Вера Александровна Кузминская (1871 – после 1940) – кузина Т.Л.Сухотиной-Толстой.

⁵ Вероятно, речь идет о Лье Михайловиче Сухотине (1879–?) – писателе-историке, преподавателе, а позднее – директоре русской гимназии в Белграде, и его супруге Елене Петровне Сухотиной (урожд. Базилевская; 1886–?). В архиве Булгакова сохранились три письма Л.М.Сухотина 1924–1940 годов и машинописная копия ответа Булгакова в Белград своему корреспонденту (см.: РГАЛИ. Ф.2226. Оп.1. Ед.хр.369. Л.1; Ед.хр.1102. Л.1-5).

Осенью 1928 Булгаков получил приглашение выступить с воспоминаниями о Толстом в Югославии, где он и познакомился с Сухотиными. В книге «Как прожита жизнь» он так написал об этом:

Вечером 6-го октября я посетил Л.М.Сухотина, пасынка Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой, и его жену, красавицу и бывшую представительницу блестящего московского общества, дочь губернского предводителя дворянства Базилевского. Теперь они жили скромно в одной комнате. <...> Уходя, унес с собою последнюю книгу Сухотина – о любовной лирике в русской поэзии XIX века.

(Там же. Ед.хр.68. Л.115-116.

Машинопись с авторской правкой.)

Петр Александрович Базилевский – московский уездный предводитель дворянства, камергер Императорского двора, статский советник (см.: *Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1910 год.* М., 1910. Ч.3. С.29).

О системе педагогических взглядов Л.М.Сухотина см.: *Русская школа за рубежом. Исторический опыт 20-х годов: Сб. документов.* М.: ИНПО, 1995. С.8, 99-101.

⁶ Судя по недатированному письму М.А.Толстой (РГАЛИ. Ф.2226. Оп.1. Ед.хр.1116. Л.18-20), Булгаков навестил ее, большую гриппом, в конце января 1929 и деликатно постарался выполнить поручение Татьяны Львовны.

10. Т.М.Сухотина – В.Ф.Булгакову

23.VII-<19>30
Hans Habermann
Marienbad

Милый Валя, мам<á> сейчас получила твое письмо, и, прочтя его, мне ужасно захотелось к вам приехать. Напиши мне, можно ли будет

у тебя переночевать? Мне никакого комфорта не нужно – но т. к. я приеду на сутки, то хотелось бы быть как можно больше вместе. Мамá сама тебе ответит на твое письмо¹.

Какие грустные известия из России!²

Шлю тебе свой самый сердечный привет.

Таня

Открытка с видом Мариенбада.

¹ Письмо Т.Л.Сухотиной-Толстой от 30 июля 1930 см. ниже.

² Вероятно, речь идет о преследовании толстовцев в СССР и о продолжающихся попытках духоборов уехать в Канаду. Об этом писали как советские, так и зарубежные издания (см., например: Религиозные преследования в СССР // Последние новости. 1930. №3247, 11 февраля).

В архиве В.Г.Черткова сохранилось одно из его многочисленных открытых писем к друзьям и единомышленникам с подробным рассказом о том, что происходит в стране и каково положение сельскохозяйственных общин:

<Ап>рель <1930>

Письмо №3

Москва, Почтамт,
почт<овый> ящик №626

Дорогой друг,

За последнее полугодие сельское население России переживало очень тревожное и трудное время в связи с извращением в колхоз<ном> строительстве и раскулачиванием. Я получил много писем по поводу этого с описанием тех ужасов, жестокостей, страданий и бедствий, которым подвергались крестьяне, чем-либо не угодившие желанием местных заправил. Не стану приводить этих сведений, т. к. все это всем известно и в данное время, после двух статей т. Сталина, несколько затихло, и о прошлом вспоминать ни к чему. Вызванные страдания, как последствия того, что произошло, разумеется, продолжают, но словами их не облегчишь, так же как не воскресить нам тех несчастных, которые лишили себя жизни от отчаяния. <...>

В своем письме от марта 1930 года я сообщал, что обратился в Наркомзем и ВЦИК с просьбой разрешить нашим единомышленникам переселяться куда-нибудь на окраину Союза, где бы они могли организовывать свои артели и коммуны. Ниже я привожу текст моего обращения, которое я подал 15-го февраля с. г. В настоящее время в связи со статьями т. Сталина о коллективизации и мероприятиями со стороны Сов<етской> власти положение на местах несколько изменилось и нашим друзьям стало немного легче жить, но все же для многих этот вопрос еще остался не разрешенным.

Копия с заявления в Наркомзем СССР и ВЦИК

Со всех концов СССР ко мне поступают просьбы единомышленников Толстого поставить вопрос перед Правительством о предо-

ставлении им земли, где они смогли бы устроить свою жизнь на таких началах, которые не противоречили бы их совести. <...>

Люди, желающие мирно трудиться на земле, не могут быть вредны для общества, и им надо предоставить эту возможность пользоваться своим естественным правом на землю и труд, смотря по их желанию, в коллективной форме или индивидуальной. <...>

Вопрос этот очень срочный, так как положение «толстовцев» с каждым днем становится все более и более безвыходным, в особенности в районах сплошной коллективизации.

В.Г.Чертков

15/II -<19>30 г.

На это мое обращение я около месяца тому назад получил ответ, что Президиум ВЦИК в своем заседании от 28-го фев<ря> с<его> г<ода> вынес следующее постановление:

«Поручить Н<ар>К<ом>Зему определить место для переселения толстовских коммун и сельскохозяйственных артелей, желающих переселиться из ныне отведенных им земельных участков, и выработать по соглашению с комиссией по культурным делам инструкцию, определяющую условия их переселения».

(РГАЛИ. Ф.552. Оп.5. Ед.хр.4. Л.1-3.
Машинописная копия. Первый лист поврежден.)

11. Т.М.Сухотина – В.Ф.Булгакову

28/VII-1930
Haus Habermann
<Мариенбад>

Милый Валя,

я переменяла свои планы. Приеду к вам не в среду, а в четверг 31-го с тем же поездом, т. е. буду в Праге вечером в 6.30¹. Если успеешь, ответь мне, удобно ли это?

До скорого свиданья, милый Валя.

Таня

Открытка с видом Мариенбада.

¹ Поездка не состоялась из-за болезни Т.М.Сухотиной. См. письмо от 4 августа 1930.

12. Т.Л.Сухотина-Толстая – В.Ф.Булгакову

Marienbad
30 июля 1930

Дорогой Булгаша,

Прочтите мое письмо к Маше.¹ Неужели, будучи так близко, мы не увидимся? Нам было бы о чем поговорить и что вспомнить. Мне

было *очень* интересно и *очень* трогательно Ваше письмо². Я ничего не знала из тех сведений, что Вы мне сообщили. Вашу же дружбу я знаю, верю в нее и очень ценю. Я делаюсь стара, начинаю чувствовать потерю памяти и не радуюсь этому, как радовался отец. Для него это было очисткой лишнего балласта для простора мысли, – а мне нужен элемент «сансары»³ для возможности жить.

Представьте себе, что у меня нет никакой тоски по родине. Никогда ее не было, когда я еще с Мих<аилом> Серг<еевичем> жила месяцами за границей. Тогда я думала, что это потому, что всегда могу вернуться. Но оказывается, что и теперь, когда я *не* могу вернуться, меня в Россию не тянет⁴. Жаль бедного старика Сережу, которого не выпускают. Давно-давно от него не имею писем. Саша писала с месяц тому назад из Японии⁵. Собирается в Америку⁶.

Хотелось бы мне, чтобы Вы Таню поближе узнали. Может быть, приедете? Кров и пища будут Вам обеспечены.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш старый друг

Т.Сухотина

¹ Письмо неизвестно.

² Письмо неизвестно.

³ Сансара (samsāra) (*санскрит*) – странствование, течение жизни, бытие; круговорот рождений и смертей материального мира. Ср. у Л.Н.Толстого: «Теперь чувствую себя здоровым, но на душе что-то новое, хорошее, далекой от сансары жизни и *очень* радостное» (письмо Н.Н.Гусеву от 21 сентября 1909. – Толстой. Т.80. М., 1955. С.99).

⁴ Это более поздняя точка зрения. Ранее, 17 июня 1925, Татьяна Львовна так писала по этому поводу брату Сергею Львовичу: «Я всей душой против того, чтобы сделать Таню эмигранткой – это положение очень тяжелое, и как до поездки сюда, так и теперь я считаю своим долгом жить в России и не отрывать от нее Таню» (ОР ГМТ. Архив С.Л.Толстого. П.16а).

⁵ Осенью 1929 А.Л.Толстая выехала из СССР в Японию для чтения лекций. Через несколько месяцев, 12 февраля 1930, она писала Булгакову:

Ну, дорогой Валентин Федорович! Все Вас звала в Россию, а сама не выдержала и уехала. Не могла больше там работать без насилия над своей совестью. <...> я с Россией не порвала, там остался Сергей Львович, Ясная Поляна, и я желаю быть на легальном положении.

В Толстовском Музее царствует Гусев. Это было так все последнее время. Я ничего не могла поделать, потому что для того, чтобы его взять в руки, надо было переехать жить в Москву и там произвести страшный переворот. Он величает себя директором и, для того чтобы удержаться, старается быть в миленьких у властвующих. При нем находится некий литератор, коммунист Вешнев – несчастное, безличное, худосочное существо, пока еще не вредящее музею. Все

же перед моим отъездом поднимался вопрос о марксистском объяснении Толстого в музее. <...>

В Ясной Поляне, кроме старого Музея, существует новый Музей «Толстой в Ясной Поляне», помещающийся во флигеле. Хороший музейчик, любовь чувствуется, его создавал Игорь Вл<адимирович> Ильинский. Все сохранно, хорошо работают люди – дружны между собой, дряг и ссор нет. Школа постепенно осовечивается, хотя военнизации и антирелигиозной пропаганды пока еще нет. Но я уже работать не могла. Мне пришлось бы слишком растягивать свою совесть, и я решила сделать второе дело, которое я обязана до своей смерти, – написать все, что я помню и знаю о своем отце. Это я и делаю.

(РГАЛИ. Ф.2226. Оп.1. Ед.хр.1115. Л.13-13об. Машинопись с подписью-автографом и авторской припиской в конце письма.)

Николай Николаевич Гусев (1882–1967) делал все возможное, чтобы приспособить фигуру Л.Н.Толстого к новой идеологической ситуации. Этим объясняется устойчиво негативное отношение к нему Булгакова до последних дней жизни.

Владимир Георгиевич Вешнев (1881–1932) свой революционный стаж вел с 1900, хотя партбилет получил в 1919. С 1920 по 1922 он был начальником одного из отделов ГПУ(ВЧК). В 1922–1924 занимался литературным трудом, с 1924 стал политредактором Главлита Упркомпроса. В 1928 его назначили редактором критического отдела «Журнала для всех». Статьи Вешнева печатались в журналах «Красная новь», «Печать и революция», «Октябрь», «Молодая гвардия», «На литературном посту» и др. С марта 1929 Вешнев назначен сначала заместителем директора, а потом и директором Толстовского музея в Москве. С октября 1931 его перебросили укреплять журнал «Клубная сцена»; в середине января 1932 он стал заместителем редактора журнала «Инженер труб», а с 15 апреля 1932 ответственным редактором журнала «Ударник социалистического животноводства».

Отвечая на вопросы анкеты, Вешнев особо отметил: «...выборных должностей не занимал. <...> Проходил чистку госаппарата в государственном Толстовском музее в качестве руководителя коммунистической фракции и учреждения: политическая линия была признана правильной ком<иссией> по чистке РКП в феврале 1931 г.» (РГАЛИ. Ф.91. Оп.3. Ед.хр.1. Л.1-1об). Понятно, почему А.Л.Толстая так презрительно отзывалась о В.Г.Вешневе и много лет спустя (см.: *Толстая А.* Проблески во тьме. Вашингтон, 1965. С.238).

И.В.Ильинский (1880–1937) – историк, юрист, толстовед. В 1928 А.Л.Толстая пригласила его в Ясную Поляну на работу. С 1928 по 1932 он был директором Яснополянского музея; автор одного из первых путеводителей по Ясной Поляне. См. о нем: Тульский биографический словарь: В 2 т. Тула: Пересвет, 1996. Т.1. С.238.

⁶ А.Л.Толстая действительно хотела сразу же отправиться в Америку, однако деньги на переезд с трудом удалось собрать только к лету 1931. 16 июля 1931 она смогла покинуть Японию, о чем написала В.Ф.Булгакову (РГАЛИ. Ф.2226. Оп.1. Ед.хр.1115. Л.27).

13. Т.Л.Сухотина-Толстая – В.Ф.Булгакову

Marienbad

4 авг<уста> 1930

Очень, очень грустно, милый Булгаша, что мы не увидим Вас и Машу. Мы очень ждали вас. Но я уверена, что это все же когда-нибудь случится. Мы с Таней такие globe trotter¹, что немудрено, что нас занесет опять в милую Чехословакию.

Большое Вам спасибо за Чертковскую листовку². Молодец старик, что не унывает и борется. Я с жадностью прочла все и перечту еще.

Получила сейчас письмо от Сережи из Ясной³. Игорь Ильинский, заменявший Сашу, охранял дом так, что все оставалось по-прежнему, а в Кузминском доме устроил оч<ень> интересный музей. Теперь назначен коммунист, ничего не смыслящий ни по Толстому, ни по сельскому хозяйству, и собирается затевать всякие нелепости. За границу ехать Сереже пока *не удастся*, как он пишет.

Я знала, что Вы пишете о Толстом, Ленине и Ганди⁴, и мне очень страшно за эту книгу, и больно видеть грязное, жестокое и порочное имя между двумя чистыми именами. О Ганди я читаю всегда все, что попадает с его именем, радуюсь его успехам и огорчаюсь непониманием его. Но дело его не на одно поколение. Оно может иметь влияние в будущем большее, чем в настоящем, так же, как я уверена, будет с влиянием Толстовским.

Уезжаем завтра из Marienbad'a. Таня еще слаба, но встала. Целую Машеньку, а Вам крепко дружески жму руку.

Я тоже очень хворала – отравилась. Теперь встала, но едва на ногах стою. Поэтому простите грязное и бестолковое письмо.

Т.С.<ухотина-Толстая>

<Приписка Т.М.Сухотиной:>

Милый Валя, я так огорчена, что не попала к вам и что ты не собрался в Marienbad. Моя ангина пришла очень некстати. Мне хотелось познакомиться с Машиным мужем и дочкой и повидать своих старых друзей – Машу и тебя.

Пиши нам время от времени. Мы скоро едем в Италию, но наши письма будут пересылаться – т<ак> ч<то> всегда пиши на 3 Square Port-Royal Paris. Когда увидишь Анну Влад<имировну> – передай ей мой привет. Тебе, милый Валя, крепко жму руку.

Таня

¹ путешественники (англ.).

² Какую именно листовку имела в виду Татьяна Львовна, сказать трудно. В начале 1930 В.Г.Чертков писал открытые письма и по поводу преследования духоборов в СССР, и в связи с притеснением их в Канаде. Вот один из документов, сохранившийся в архиве В.Г.Черткова:

Март 1930 г.

Москва, Почт<овый> ящик 626

№2

ЖАДАЛУ В.Д.

Дорогой друг, Василий Данилович!

В настоящем письме хочу ответить на вопросы относительно жизни тех Духоборов в Канаде, называющихся «Свободниками», которых прошлую осень подвергли гонениям за их отказ от податей и демонстрации, призывающие всех следовать их примеру. Несколько десятков было арестовано, а их дети отняты от них и помещены в приют, где они отказались есть мясо и требовали, чтобы их соединили с их родителями. Родители же, в количестве более 300 человек, находились в тюрьме, приговоренные на разные сроки к каторжным работам, от которых они отказались. <...>

С дружеским приветом В.Г.Чертков

(РГАЛИ. Ф.552. Оп.2. Ед.хр.41. Л.1.

Машинопись с авторской правкой и подписью-клише.)

Среди приложений к письму выделим одно, которое имеет непосредственное отношение к нашему сюжету.

Приложение 2

ДУХОБОРЦЫ – СЫНЫ СВОБОДЫ

Мы вновь возвышаем свой голос в объяснение Духоборческого прогресса. В настоящее время идут толки о переселении Духоборцев из Канады, и мы желаем указать на тот факт, что мы никогда не были переселенцами, а были гонимы за Правду. <...>

Духоборцы – сыны свободы

Бюканан, Саскачеван, Канада.

1-го января 1930 г.

(Там же. Л.7-8. Машинопись.)

³ Это ответ С.Л.Толстого на письмо сестры от 28 июня / 11 июля 1930 из Люксембурга. В его архиве сохранился черновой автограф документа (ОР ГМТ. Архив С.Л.Толстого. П.16-а).

⁴ В основе этой брошюры Булгакова был текст лекции, прочитанной ранее на немецком и чешском языках во многих странах Европы. 1 августа 1930 Булгаков завершил работу над этой темой и предложил читателям самим найти ответ на поставленный вопрос:

Где истина?

Среди всех пишущих, среди всех думающих, что они нашли, среди всех зовущих, советующих, объясняющих и обещающих мы выделяем невольно эти три наиболее значительные, наиболее привлекающие внимание, наиболее характерные, поистине пророческие фигуры: Толстого, Ленина и Ганди.

(Булгаков В. Толстой, Ленин, Ганди. Прага, 1930. С.6.)

Выделив «религию непротивления» М.Ганди в качестве образца нашего времени (Там же. С.32), Булгаков дал свою трактовку позиции Ленина в истории человечества:

Ленин – это не проповедник, не учитель нравственности. Это была сила, но какая это была сила, добрая или злая, от Бога или от дьявола, сказать, собственно говоря, трудно. Это был *мститель*, избранный судьбою для мести угнетателям, многосотлетним господам земли, тем, кто, по ставшему вульгарным революционному выражению, «пил кровь народа». Он был не первый, да, вероятно, и не последний мститель, но, конечно, один из самых могущественнейших во всей истории человечества.

Ленин своим появлением несомненно отвечал потребностям своего времени: безумию мира, на четвертый год кровопролитнейшей войны. Он одобрил и вызвал бездну новой жестокости, на этот раз жестокости революционной, мстящей, но если использовано было им при этом несомненное послевоенное одичание народных масс, то ведь за него же работало и то великое *разочарование*, которое накопили люди за четыре года сидения в окопах, – разочарование в старых идеях, системах, вождях, правителях. О, это была «выгодная» и страшная ситуация! Не дай Бог, чтобы она когда-нибудь повторилась!..

(Там же. С.16.).

Вывод автора был такой: три личности – три пути развития мира: «путь открытого сопротивления беззаконию и несправедливости силою *веры*, силою *любви* и силою *самопожертвования*» (Там же. С.33).

Выход книги был встречен крайне настороженно не только близкими Толстого. Один из критиков прямо обвинил автора в желании «заслужить паспорт для возвращения на родину» (*Варшавский С.* «Толстой – Ленин – Ганди»: Письмо из Праги // Возрождение (Париж). 1930. №1983, 6 ноября). В архиве Правления Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии сохранился большой материал, связанный с обсуждением этой книги в кругах русской и европейской интеллигенции (РГАЛИ. Ф.2474. Оп.1. Ед.хр.17. Л.1-86; Ед.хр.115. Л.1-3).

Новая книга В.Ф.Булгакова идеально укладывается в те рамки, о которых Т.Л.Сухотина-Толстая писала в притче, отправленной вместе с одним из писем своему давнему корреспонденту:

Один человек написал книгу и дал ее читать своим друзьям, с просьбой, чтобы всякий подчеркивал синим карандашом те места, которые им особенно нравятся.

Когда все друзья прочли книгу, она оказалась вся подчеркнута синим карандашом, так как разные места нравились разным людям.

Тогда человек дал ту же книгу своим друзьям с просьбой подчеркивать красным карандашом те места, которые им не нравятся.

Когда автор получил обратно свою книгу – она была вся подчеркнута красным карандашом, так как разные места не нравились разным людям.

Т.Л.Сухотина-Толстая
(Там же. Ф.2226. Оп.1. Ед.хр.1104. Л.5.
Автограф не датирован)

14. Т.М.Альбертини-Сухотина – В.Ф.Булгакову

7/II-1931

<Рим>

Милый Валя,

спасибо тебе за твое милое письмо и поздравление¹ и прости меня, что не ответила раньше. Но было столько дела с устройством нашей новой квартиры, переездом и всякими такими делами. Теперь мы очень уютно устроились и хорошо и дружно живем. Мой муж занимается хозяйством. Под Римом у него большое имение, и он занимается скотоводством и страшно этим увлечен. Он рано утром уходит, приходит быстро завтракать и только вечером возвращается домой. Но я целый день совсем не скучаю. У меня много друзей, много книг и дела по дому. Мама́ живет отдельно от нас в очень милой квартире с садом, и ей хорошо и покойно и она начала много писать и работать.

Милый Булгаша, хочу попросить тебя сделать мне большую услугу. Мама́ получает постоянно отчаянные письма от Маши. Она пишет, что Саша² болен от переутомления непосильной работой, что у Маши острое малокровие, что есть нечего и что девочка³ теряет в весе оттого, что Маша не имеет средства купить ей достаточно молока. Правда ли все это? Ваулины долго жили у вас, и ты должен знать их положение. Маша вообще имеет привычку преувеличивать. Ее письма произвели на нас тяжелое и неприятное впечатление. Она просит у мамы́ помощи. Но как ей помочь?! Мое материальное положение, с тех пор, как я вышла замуж, переменялось к лучшему, но ты сам можешь понять, как мне всегда трудно и тяжело просить денег у мужа. Напиши мне, милый Валя, про Машу и, если им действительно *очень* трудно, то что можно сделать? Если даже я и смогу получить немножко денег и послать Маше, то ведь это будет только маленькая помощь, которая скоро кончится. Конечно, я очень тебя прошу ни слова Ваулиным про мое письмо не говорить.

До нас дошли слухи, будто бы Ваулин большевик⁴. Но ведь обо всех так люди сплетничают, что я этому не верю.

До свиданья, милый Валя, мой сердечный привет тебе и Анне Владимировне. Так грустно, что мы давно не видались. Соберитесь в Рим – мы были бы так рады Вас приютить у себя. Мама и я всегда с любовью вспоминаем тебя, как старого, близкого друга.

Таня Albertini

P.S. Конечно, я прошу тебя написать мне совершенно откровенно твое мнение про Ваулиных, и это останется между нами.⁵

¹ Осенью 1930 Т.М.Сухотина вышла замуж за Леонардо Альбертини (Albertini; 1903–1981). 26 сентября 1930 Т.Л.Сухотина-Толстая писала брату

С.Л.Толстому в Москву: «Таня выходит замуж за итальянца, которого она любит уже полтора года. Зовут его Leonardo Albertini, ему 27 лет, он доктор прав, а занимается он хозяйством в римской кампании <так!>, где у отца большие земли... Единственное обстоятельство, которое будет для Тани тяжело, это именно их обеспеченное положение среди нищеты всех друзей и родственников. Наша трудовая жизнь здесь была очень хороша. Мы видели много доброты и помощи и сами помогали, чем могли. Никогда не завидовали никому и не мечтали о богатстве». Цит. по: *Жданов В.А.* Старшая дочь Льва Толстого. С.157.

² А.П.Ваулин.

³ Татьяна Александровна Ваулина. Родилась 26 сентября 1929 в Праге.

⁴ Набрасывая на конверте этого письма план ответа, Булгаков отдельно для себя выделил этот вопрос: «...больш<евик> ли он? – В<аулин> раб<отает> переп<исчиком>, как вол, старше Маши, оч<ень> самолюб<ив>, всегда обиж<ен> и <...> оч<ень> преуве<личивает> свое знач<ение>» (РГАЛИ. Ф.2226. Оп.1. Ед.хр.424. Л.11). А.П.Ваулин сохранил добрые отношения с Булгаковым и передал ноты своих последних сочинений (балетного номера и IV сонаты), датированных 1940 годом, в дар Музею русской культуры, созданному по инициативе Булгакова (см. об этом ниже). Подаренные Ваулиным ноты хранятся в: Там же. Ф.1355. Оп.1. Ед.хр.98. Л.1-19.

⁵ В том же плане ответа есть интересные наблюдения Булгакова, которыми он хотел поделиться со своими добрыми друзьями: «М<аша> неправа, ленива, в в<ысшей> ст<епени> эгоистична» (Там же. Ф.2226. Оп.1. Ед.хр.424. Л.11. Автограф).

15. Т.М.Альбертини-Сухотина – В.Ф.Булгакову¹

13/VI-1931

<Рим>

Милый Булгааша,

не знаю, чувствуешь ли ты, что все мои досуги эти дни я провожу с тобой! Я сейчас в первый раз читаю твой дневник. Так мне его приятно и интересно читать, так я переносюсь мыслями в Ясную Поляну! Мне захотелось написать тебе и сказать это. Но не только я одна читаю твой дневник по-русски. Мой муж и мои beaux parents² купили итальянский перевод³ и все его читают, т<ак> ч<то> каждый день идут бесконечные разговоры о том, что там написано. С другой стороны, я переживаю жизнь Ясной Поляны по запискам тети Сашы⁴ в «Современных Записках»⁵. Это скорее тяжело. Мама от нее получает очень хорошие письма из Японии⁶. На днях она едет читать лекции в Америку⁷. Бедная тетя Саша, она сама мучается тем, что пишет, но считает это нужным и все трогательно просит мамá понять и не осуждать ее. Бог даст, после Америки она доедет до Европы. Мне бы ужасно хотелось ее повидать. По ее письмам она такая трогательная, ласковая и одинокая.

Милый Валя, до сих пор не поблагодарила тебя за твое письмо от 14 февраля⁸, а Анну Владимировну за ласковую приписку. От Ваулиных продолжают приходиться отчаянные письма. Несколько дней тому назад послали им денег, а теперь скоро будет случай в Прагу – тогда pošлем кое-какие вещи. Хотя я уверена, что Маша страшно преувеличивает и что во многом они сами виноваты, – все-таки жалко их, и немножко стараемся им помочь.

Знаешь ли ты, Булгаша, что через два с половиной месяца у меня должен быть дитятя? Я этим очень взволнована и счастлива⁹. Чувствую себя хорошо, хотя слаба и скоро устаю. Из-за этого провела эту зиму очень тихо. Много времени бываю с мамá – мы с ней стали еще как-то ближе и дружней.

Поцелуй от меня Анну Владимировну и своих дочек. Приезжайте в Италию! Я все думаю, нельзя ли тебе будет устроить тут зимой лекции? Мамá и я шлем тебе наш самый сердечный привет, милый мой Булгаша.

Таня

¹ На обороте конверта – план ответного письма Булгакова:

- Извин<ение> (духоб<оры>),
- Рад, ч <то> чит <ают> книгу,
- (Машу не вижу),
- Что у нас...
- Радуюсь ребенку, посылаю карточку...
- (Об Ал<ексandre> Л<ьвовне>).

(РГАЛИ. Ф.2226. Оп.1. Ед.хр.424. Л.15)

² Родители мужа (*франц.*).

³ Вслед за изданием дневника Булгакова на чешском языке был подготовлен его итальянский вариант, однако прошло много лет, прежде чем книга вышла в Италии. Еще 26 апреля 1923 переводчица и давний корреспондент Булгакова Валентина Генторовна Долгина-Бадальо с удивлением писала из Флоренции: «Относительно вашей книги, к сожалению, не могу еще радовать вас. Она еще не вышла! Почему, не знаю» (Там же. Ед.хр.635. Л.1об). И только 15 мая 1931 она отправила из Рима в Прагу открытку с радостным известием: «Наконец! Вышла! Очень благодарна за сердечные, но не заслуженные поздравления» (Там же. Л.50).

⁴ Помета карандашом Булгакова: «гр. Ал. Л. Толстой».

⁵ Толстая А. Из воспоминаний // Современные записки. 1931–1933. №45-52.

⁶ В первом из отправленных Татьяне Львовне писем из Японии (от 25 октября 1929) Александра Львовна писала: «Ну, милая моя старая сестра, – хотя и молодая сестра стала совсем седея, – пишу тебе из Токио. Урра! Пишу тебе свободно, не думая о том, что за каждое лишнее слово могут посадить в тюрьму или лишить места. Как хорошо дышать, как хорошо ходить по улицам свободно...» (цит. по: Светлана-Толстая С.В. Александра Львовна Толстая: Два периода жизни (1884–1979) // Яснополянский сборник 2000: Статьи, материалы, публикации. Тула: Ясная Поляна, 2000. С.420).

⁷ См. примеч. 6 к письму 12.

⁸ Письмо неизвестно.

⁹ 9 сентября 1931 в семье Альбертини родился сын Луиджи.

16. Т.М.Альбертини-Сухотина – В.Ф.Булгакову

13/I-1933
<Рим>¹

Милый мой Валя,

спасибо, что вспомнил обо мне. Я часто о вас думаю, и давно хотелось тебе написать – спросить про вашу жизнь и рассказать про свою.

У нас все, слава Богу, благополучно. Мой сын растет и очень радуется и забавляет. Мама́ совсем от него без ума, и они так трогательны вместе! Он еще почти ничего не говорит (ему 16 месяцев). Я думаю, это оттого, что ему трудно из-за двух языков. Мама́ и я с ним говорим по-русски, остальные по-итальянски. Посылаю тебе его фотографию с мамá². Мой муж много работает в деревне и очень занят и увлечен своей работой. Я же ничего особенного не делаю. Много читаю, выдаю друзей и, главное, много провожу времени с мамá и с мальчиком, и они мне очень наполняют жизнь. Мама́ немножко хворает желудком, но духом так же бодрá и сильна. Мы все ближе и дружнее с ней живем³.

А вы как? Грустно, что мы живем так далеко друг от друга и когда только мы увидимся? Продолжаешь ли ты читать лекции? Пишешь что-ниб<удь>?

Напиши мне, милый Булгаша. Поклонись от меня Анне Вл<адимировне>, поцелуй детей. Тебе шлю самый мой сердечный привет.

Таня

¹ На конверте Булгаков отметил, что получил это письмо в Праге 18 января 1933.

² Фотография опубликована в изд.: Неизвестный Толстой в архивах России и США: Рукописи, письма, воспоминания, наблюдения, версии. Со 108 фотографиями. М., 1994. С.409.

³ Ср. запись в дневнике Т.Л.Сухотиной-Толстой от 13 декабря 1932: *Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. С.525.*

17. Т.Л.Сухотина-Толстая – В.Ф.Булгакову

17 мая 1934

Via Aventina 15, Roma

Милый Булгаша,

Благодарю Вас и инициаторов Р<усского> К<ультурно>-Ист<орического> Музея¹ за избрание меня членом-корреспондентом в Ри-

ме. Я, разумеется, согласна и постараюсь быть полезной, несмотря на свои немощи и всегдашнюю малую трудоспособность. Конечно, мне не совсем ясна техника Вашего дела, хотя вполне ясна и сочувственна цель².

Например – здесь, в Риме, делается одно очень значительное и огромное по своему значению культурное дело. Два престарелых существа – супруги Браиловские³ – работают над воспроизведением старой русской архитектуры. Большая часть ее уже погибла. Со всего мира они собирают материалы и *вполне точно* воспроизводят все то, чем мы были в этой области богаты, и чего мы так мало знали <так!>, и что мы так мало ценили.

В трудных условиях бедности, горя страстной любовью к своему делу и удивительной трудоспособностью, они добились того, что их труд был, наконец, признан и оценен. Сейчас они в Ватикане, <где> устраивается их Музей. Им отводится пять великолепных зал, и 20-го июня будет открытие. Сейчас у них окончено более 100 картин, но они мечтают довести их до 400. Работают они в полном сотрудничестве друг с другом, начиная с пяти часов утра. Горят таким энтузиазмом, что, ложась спать, дрожат от счастья и нетерпения, ожидая утра, когда опять можно взяться за кисти и краски.

Вчера я видела у них «Красные Ворота», несколько копий с знаменитых икон (уже не существующих) и две картины с церковей.

Остальные картины уже взяты. Напишите им с просьбой прислать хотя бы открытки с неко<торых> их картин. (Они существуют, но не поступили в продажу.) Адрес их: Viale Giolio Casare 51. Зовут его Леонид Михайлович. Он архитектор, в свое время блестяще окончивший Академию с золотой медалью и поездкой за границу.

Надо бы было какое-нибудь<удь> хоть самое скромное периодическое издание для Вашего Музея. Нельзя все *показать*, что сделали, делают и будут делать русские за рубежом. Надо об этом и *рассказать*.

Пишите мне всегда по прилагаемому адресу. Это мое логовище еще на три с половиной года, е<сли> б<уду> ж<ива>, и отсюда всегда письма мне перешлют, если, паче чаяния, я куда-нибудь сдвинусь.

У меня и Тани все благополучно. *Lex peuples heureux n'ont pas d'histoire*⁴. Так и у нас.

Приветствуем Вашу большую семью, которой желаю всего лучшего.

Т.Сухотина-Толстая

¹ В 1933 Булгаков предложил организовать Русский культурно-исторический музей, или Музей русской эмиграции при Русском народном университете в Зbrasлаве под Прагой, который позже переименовали в Свободный университет. Через несколько лет он писал о том, как это происходило:

Время и обстановка, казалось, мало благоприятствовали новому начинанию. — «Вы опоздали на десять лет», — слышал я со всех сторон: «эмиграция устала, обеднела, источники помощи ее культурным начинаниям иссякают, вернее — иссякли...» Все это было верно, за тем исключением, что десять лет тому назад, когда все мы еще «сидели на чемоданах», ожидая скорого возвращения на родину, мысль о русском зарубежном музее вообще не могла возникнуть. И надо было пройти значительному периоду времени с того момента, как русские покинули родную почву, чтобы, наконец, стало ясно, что период этот — исторический, что это — целая эпоха, и это на обязанности культурных русских людей, оказавшихся за рубежом, лежит работа о собирании и сохранении памятников этой эпохи.

(Булгаков В. Русский Культурно-Исторический Музей в Праге // Русское искусство за рубежом / Сост. В.Булгаков и А.Юпатов. Прага; Рига, 1938. С.15.)

См. также письма Булгакова по поводу организации музея в кн.: Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике... С.105-106, 108-109. После организации музея Булгаков стал его бесшумным заведующим.

² В той же статье Булгаков так определил цель предпринятой им акции:

Спасти, что можно, из этого количества для истории, для России, и является задачей Музея. Говорим — «для России», потому что, согласно § 1-му «Положения о Музее», в будущем предполагается все его коллекции, как русское национальное достояние, перенести на русскую землю.

Горячо надеемся, что широкие круги русской эмиграции и вообще русского зарубежного населения поймут всю серьезность этой задачи и не откажут в посильном содействии делу расширения зарубежного Русского Музея, как делу общенациональному.

(Булгаков В. Русский Культурно-Исторический Музей... С.19.)

В архиве Булгакова сохранился экземпляр книги с его пометой:

Не об эмиграции думал, а о Родине, учреждая Русский культурно-исторический музей в Праге. Оттого и ввел я в проект утвержденного после устава § о том, что коллекции музея должны быть в будущем перенесены в Россию, как русское национальное достояние. Теперь это свершилось, и все, что собрано было в музее, расделено между центральными московскими музеями. Хоть это и капля в море в сокровищнице русской культуры, но все-таки я счастлив, что донес эту каплю до родных пределов.

Вал. Булгаков

Ясная Поляна, 30 июля 1949 г.

(РГАЛИ. Библиотека В.Ф.Булгакова. №10762а/79152. С.19.)

См. также: Докашева Е.С. Русский культурно-исторический музей в Праге. М., 1993.

³ В архиве Булгакова сохранился фрагмент письма Леонида Михайловича Браиловского (1868–1937):

51 Viale Giolio Casare
Roma
16 июня <19>34

Многоуважаемый Валентин Федорович,

Мы просим Вас передать Русскому Культурно-Историческому Музею нашу глубокую благодарность за лестное приглашение, за внимание к нашей работе, с которой кратко Вас познакомлю. Я, Леонид Мих<айлович> Браиловский, окончил Императорскую Академию художеств в Санкт-Петербурге с золотой медалью; был послан за границу на 3 года. <...>

Жена Римма Никитична художница, ученица академии Julian в Париже и закончившая Академию художеств в Мастерской Владимира Маковского. <...>

Живя в Москве 19 лет, мы изучали ее памятники, монастыри и церкви окрестностей, имели сотни зарисовок и несколько тысяч фотографий, погибших у большевиков. Я был в Москве членом Археологического Общества (фрески Новодевичьего монастыря изданы по моей акварели графиней Уваровой) и художником Императорских театров для архитектурных декораций. В 1916 году я был избран членом Императорской Академии художеств в Петербурге и являюсь последним академиком царской России. В 1920 году, живя на своей вилле близ Алупки, мы были вывезены английским военным судном в Константинополь, где я получил заказ <...> на макеты главнейших древних русских памятников.

(РГАЛИ. Ф.2226. Оп.1. Ед.хр.506. Л.1).

Академия Julian – частная художественная школа в Париже; названа по имени своего основателя – живописца и педагога Родольфа Жюльена (1839–1907). Здесь обучались и совершенствовали свое мастерство многие русские художники (см.: *Остроумова-Лебедева А.П.* Автобиографические записки: В 3 т. М.: Изобразительное искусство, 1974. Т.1. С.138, 562, 564).

Биографические данные Браиловского Булгаков включил в свою книгу вместе с иллюстрацией последней работы художника, датированной 1934 годом: «Ново-Девичий монастырь в Москве». См.: *Русское искусство за рубежом...* С.24, илл. 9. См. также: *Мотивы кружев, вышивок, резьбы / Сост. Р.Браиловская.* М., 1907.

⁴ У счастливых народов нет истории (франц.).

18. Т.Л.Сухотина-Толстая – В.Ф.Булгакову

3 ноября 1937
Plazza Remuria 3
Roma

Дорогой Булгаша,

Я сознаю свою вину в том, что не писала Вам. Но я очень болею. Летом были ночи, когда не думала дожить до утра. Сейчас мне лучше, но я наконец превратилась в настоящую «старуху», чего в прошлом

году не было. Я все собиралась писать, чтобы просить об «отставке». И вот сейчас прошу выбрать кого-нибудь другого на мое место.

А главная цель моего письма следующая: у меня много материала, связанного с памятью отца: сотни фотографий, книги на разных языках Толстого и о Толстом; миниатюра с Ник<олая> Ил<ыча>¹; волосы с бороды отца; картины для волшебного фонаря²; разрезной нож и портфель, ему принадлежавшие; разр<езной> нож, сделанный из посаженной им яблони... Я думаю о том – куда этот материал поместить после моей смерти. Сначала я думала о том, чтобы приобщить его к архиву, кот<орый> оставил Charles Salomon³ в Париже, завещавший его проф<ессору> Mazon⁴. Я об этом даже говорила с Mazon, кот<орый> приезжал сюда и осматривал мой архив. Он говорил о том, чтобы устроить маленькое отделение в Bibliotheque Nationale⁵ или в Ecole des Langues Slave⁶.

Но вот один русский мне дал мысль о Пражском Музее. И я решила написать Вам, чтобы спросить Вашего искреннего беспристрастного мнения. Напишите мне, милый Булгаша, как если бы Вы не были во главе Музея, а только знали бы его условия.

Теперь еще мне нужно узнать от Вас о моей несчастной племяннице Маше. Она постоянно вопит о «безвыходном положении», о долгах и периодически выпрашивает денег. Теперь она развелась, нашла какое-то «тихое пристанище», дочь бросила. Неужели одна молодая одинокая свободная женщина не может прожить на то, что она получает? Мне хотелось бы понять, в чем тут дело⁷. Я сейчас без гроша, с долгами и помочь ей не могу, но со временем у меня будет эта возможность. Но у меня пропасть народа, более нуждающегося, хотя бы Вера Кузминская, кот<орая> питается *исключительно* тем, что она подбирает после базаров, и многие другие.

Я понимаю, что задача и цель Пражского Музея иная, чем сохранение реликвий прошлого, – но Ваше дело решить, подходит ли к нему мой материал.

Когда будете писать мне, напишите об Анне Вл<адимиров>не и Ваших девочках, которые теперь уже большие.

У Тани сынок шести лет и девочка шести месяцев⁸. Вы, кажется, знаете, что в прошлом году она потеряла девочку – прелестную – двух с половиной лет⁹. Это было большим горем для всей семьи. Я думаю, что это меня состарило.

Ну вот, милый Булгаша. Буду ждать от Вас письма (заказного) с нетерпением. А пока желаю Вам и Вашим всего лучшего и прошу не забывать старого друга.

Т.Сухотина-Толстая

¹ Н.И.Толстой (1795–1837) – дед Т.Л.Сухотиной-Толстой.

² Так назывался проекционный фонарь. См.: Энциклопедический словарь. СПб.: Изд. Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон, 1902. Т.36. С.221-229; см. также: Волшебный фонарь. М., 1901.

³ См. о нем примеч. 54 к вступительной статье.

⁴ Андре Мазон (1881–1967) – французский филолог-славист, историк русской литературы; посетитель Л.Н.Толстого.

⁵ Национальной библиотеке (франц.).

⁶ Школе славянских языков (франц.).

⁷ Писем М.А.Толстой за 1935–1938 годы в архиве Булгакова нет. Известно, что она развелась и вторично вышла замуж. Вторым мужем М.А.Толстой стал поэт, журналист Владимир Федорович Мансветов (1909–1974). См. о нем: Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике... С.287. В последнем из сохранившихся писем (от 22 февраля 1939 из Праги) Мансветова-Толстая приглашает Валентина Федоровича в гости и сообщает, что у нее пятинедельный сынишка и они с мужем никуда не могут от него отлучиться (РГАЛИ. Ф.2226. Оп.1. Ед.хр.1116. Л.22-23). Сведений о сыне Мансветовых найти не удалось.

⁸ Марта Альбертини родилась 11 мая 1937.

⁹ Анна Альбертини родилась 19 января 1934 и скончалась 28 июня 1936. Эти даты удалось установить на основании писем Т.Л.Сухотиной-Толстой брату Сергею. См., в частности, письмо от 3 сентября 1936:

Дорогой друг Сережа,

Мне оч<ень> стыдно, что я так давно не писала тебе и не отвечала тебе на два письма. 28-го было два месяца, что умерла маленькая Анна, и мы еще оч<ень> по ней тоскуем. Я не ожидала, что я буду так оплакивать это маленькое существо. Но она была очень яркая девочка – веселая, умная, ласковая, и занимала такое большое место в семье.

(ОР ГМТ. Архив С.Л.Толстого. П.16а).

19. Т.Л.Сухотина-Толстая – В.Ф.Булгакову

10 янв<аря> 1938

Plazza Remuria 3

Roma

Нет, милый Булгаша, цели у нас разные. Я не хочу свою маленькую коллекцию отдавать России – у них там почти все есть, что есть у меня. Мне хотелось бы за границей основать ядро Толстовских реликвий, из которых со временем образовался бы Толстовский Музей. Пока я ничего не решила. Поговорю еще с Lo Gatto¹. Во всяком случае я *не передавать* хочу свои вещи, а *завещать*. Мне было бы слишком скучно жить без них. А когда это случится, кто знает. Я очень сильно хворала и иногда хвораю, но организм толстовский пересиливает всякую болезнь, и я опять оживаю.

26-ое <января>. Вот и сглазила. Опять был припадок печени, кот<орый> меня так ослабляет, что я не могу поднять руки, чтобы есть, и целый день дремлю. Ну, что делать!

11 февраля. Как скучно! Месяц тому назад начала письмо и вот до сих пор не могу кончить! Получила Вашу открытку от 3 февраля, милый Булгаша. Я не обиделась на Вас за сообщение из газеты и по опыту знаю, что самый неточный народ на свете – это журналисты.

Сейчас мне хочется привести весь свой материал в порядок: надписать все фотографии, наклеить все вырезки и устроить у себя маленький музей. Комнатка для этого у меня есть. А что будет потом с Музеем – видно будет. Время такое, что ничего нельзя предвидеть.

Как странно, милый Булгаша, что у Вас 16-тилетняя дочь! Хотелось бы повидать Вас и Ваших, но до Праги вряд ли я когда доеду! Живу одна, но с постоянными посетителями. Жил несчастный Лева целый месяц: одинокий, старый, никем не любимый, морально неуклюжий²...

Сейчас живет мой племянник Володя (Михайлович), талантливый архитектор и очень милый малый³. Сейчас кто-то выдумал строить дома, во все углы которого <так!> проникало бы солнце (система зеркал), и он едет в Южную Америку применять там эту выдумку. Другой брат его оч<ень> талантливый доктор в Париже⁴, а еще брат в Парагвае – землемером и пишет оттуда оч<ень> довольные письма⁵. Один англичанин высчитал, что наследство Толстого (сочинения, переводы, театры, фильмы и т. д.) принесло бы наследникам 6 миллионов фунтов. Вряд ли эти ребята, мои племянники, вышли бы такими дельными и нужными людьми, обладай они этими миллионами. Володя жадно читает у меня Толстого и о Толстом, хотя многое уже знал. Сережа (доктор)⁶ составляет себе толстовскую библиотеку, выписал даже советское Юбилейное издание.

Вот болеть нельзя. Племянник Илия Ильич⁷ жил в Белграде, кормя себя и семью, и вдруг заболевает. Сын, который блестяще учился в гимназии (директором Лев Сухотин⁸), должен бросить учение из-за крайнего истощения и малокровия⁹. Еще есть Толстой. Вы, м<ожет> б<ыть>, из деликатности о нем не упомянули – это воришка Ваня Толстой, сын Льва¹⁰. Сейчас его устроили в Париже у чудеснейшего человека, М.М.Федорова¹¹, и он пока ходит в школу и, говорят, хорошо учится.

Очень жалкие письма пишет Саша. Видно, она чувствует одиночество и мучается тем, что нехорошо жила. А вместе с тем продолжает делать глупости. Две кинематографические фирмы хотят ставить жизнь Толстого по ее книге¹², и она пишет, что постарается остановить, и если не удастся, то примет участие для того, чтобы не сделали слишком больших нелепостей¹³. Как она не понимает, что это невозможно!

Здесь в семинарии Russicum (такое католическое учреждение, кот<орое> стремится к соединению церквей) священником служит Сережа Оболенский (сын Коли и Нат<аши> Сухотиной)¹⁴. Чудеса на свете делают! Все говорят, что мир сошел с ума, что он весь во зле и т. д. А я вижу много радостных молодых побегов*, кот<орые> еще хорошенько не знают – куда им тянуться, но которые, мож<ет> быть, победят теперешний мрак. Знаете ли Вы, что Браиловский умер¹⁵? Осталась его жена, кот<орая> продолжает работать в том же направлении, но, разумеется, слабее.

Спасибо Вам оч<ень> большое за сведения о наших друзьях в России. Я перестала писать брату, т. к. мне сказали, что это для него опасно. Правда ли это?

До свиданья, милый Булгаша.

Простите, что так задерживаю ответы, и, пожалуйста, пишите.

Ваш верный старый друг

Т.С<ухотина-> Т<олстая>

Есть ли у Вас открытки с картин Браиловских?¹⁶

* Это не по поводу Сережи Оболенского, а вообще. (Примеч. Т.Л.Сухотиной-Толстой).

¹ Этторе Ло Гатто (Lo Gatto; 1890–1983) – итальянский литературовед, переводчик, профессор русской литературы и языка в Риме и Неаполе. См. о нем: Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М.: Советская энциклопедия, 1967. Т.4. Стлб.405. Т.Л.Сухотина-Толстая была знакома с Ло Гатто с конца 1920-х и именно ему доверила вывоз из России своих дневников и писем. См.: *Ло Гатто* Э. Мои встречи с Россией. М.: Круг, 1992. С.59-64.

² Лев Львович Толстой (1869–1945) дважды в 1937 приезжал в Рим в надежде получить заказы на скульптурные портреты. В первой половине 1937 с помощью старшей сестры и племянницы ему это удалось. 11 мая 1937 Т.Л.Сухотина-Толстая писала С.Л.Толстому в Москву о судьбе младшего брата: «Он кончает здесь два бюста и потом едет к детям в Швецию. Я так этому рада. По крайней мере – там не будет голодать, как в Париже» (ОР ГМТ. Архив С.Л.Толстого. П.16а). Приезд в Рим в ноябре 1937 не был таким удачным. По возвращении в Париж Лев Львович 14 января 1938 написал своему сыну Никите: «В Риме я провел хороший месяц с т<етей> Таней, но было холодно и работы найти было невозможно» (Там же. Архив Л.Л.Толстого. Л.1).

³ В.М.Толстой (1905–1988).

⁴ Речь идет о Сергее Михайловиче Толстом (1911–1996).

⁵ Петр Михайлович Толстой (1907–1994).

⁶ С.М.Толстой.

⁷ И.И.Толстой (1897–1970) позднее стал автором сербско-хорватского словаря.

⁸ См. о нем примеч. 5 к письму 9.

⁹ Речь идет о Никите Ильиче Толстом (1923–1996), позднее ставшем выдающимся ученым-славистом.

¹⁰ Жан (Иван Львович) Толстой (1921 – после 1940). Летописец семьи С.М.Толстой писал о нем так: «Во время оккупации <Франции> он был увезен на принудительные работы в Германию, погиб ли он, не знаю, но с тех пор у меня не было от него известий» (см.: *Толстой С.М.* Дети Толстого. С.155).

23 сентября 1937 Т.Л.Сухотина-Толстая писала брату С.Л.Толстому в Москву:

В нашей семье неприятность, не знаю, писали ли газеты в СССР, а здесь вся Европа протрубила, что сын Толстого оказался вором! Это сын Левы от второго брака. Он женился, разведясь с Дорой, на такой Сольской, у которой мать цыганка. Родили они сына Ивана, которого бросили на произвол судьбы, и он с 10-летнего возраста приучился на «plage» <пляж – франц.> красть. Был в исправительной школе, но бежал и опять крал. Теперь ему 17 лет, и он опять попался. В Париже русская колония приняла в нем участие, хотят поместить его в какое-ниб<уд> техническое училище и вообще им заняться. Мы с Таней примем участие в расходах.

(ОР ГМТ. Архив С.Л.Толстого. П.16а. Л.2-2об).

Дора Федоровна Толстая (урожд. Вестерлунд; 1878–1933) – первая жена Л.Л.Толстого. Марианна Николаевна Сольская – вторая жена Л.Л.Толстого. О Жане Толстом писали и в советской прессе. См.: *Толстой Ж.* Я украл, чтобы поестъ...: Исповедь молодого человека // Комсомольская правда. 1937. №248, 27 октября. С.4.

¹¹ Михаил Михайлович Федоров (1858–1949) – журналист, общественный деятель. После революции жил в эмиграции в Париже, сотрудник, затем соредактор еженедельника «Борьба за Россию», основатель и глава ряда фондов и ассоциаций. В частности, по его инициативе был организован Центральный комитет по обеспечению высшего образования русского юношества за границей, председателем которого он стал. См.: Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни 1920–1940: В 4 т. М.: ЭКСМО, 1995. Т.1. С.77; Т.3. С.451.

В судьбе 16-летнего Ивана Толстого М.М.Федоров принял самое живое участие. Рассказав о первом успехе одаренного мальчика, 20 марта 1938 сдавшего экзамен на «башо» (первые три класса французского лица), Федоров просил всех, у кого есть возможность, «помочь внуку одного из величайших русских и мировых писателей окончательно выйти из тяжких, не по его вине сложившихся, для него условий жизни и стать на ноги, трудом в дальнейшем обеспечивая свое существование» (см.: *Федоров М.* Внук Толстого // Последние новости. 1938. №6312, 8 июля. С.2).

¹² Вероятно, речь идет о книге А.Л.Толстой «Трагедия Толстого»: The tragedy of Tolstoy. London; New York, 1933.

¹³ О своем отказе от этого предложения А.Л.Толстая 11 ноября 1932 писала Булгакову:

Боюсь я этого. Боюсь я, когда людей, которых мы знали, любили, будут играть актеры. Очень жутко. <...> Мою книгу здесь хотели

для кино – я наотрез отказалась, хотя прибыль была бы колоссальная. Жутко подумать, что отца кто-то будет изображать.

(РГАЛИ. Ф.2226. Оп.1. Ед.хр.1115. Л.34.

Машинопись с подписью-автографом.)

¹⁴ Сергей Николаевич Оболенский. Сведений о нем обнаружить не удалось. Его мать Наталия Михайловна Оболенская (урожд. Сухотина; 1882–1925) скончалась в Париже.

¹⁵ См. о нем примеч. 3 к письму 17.

¹⁶ В огромном архиве Булгакова этих открыток нет. Однако можно предположить, что они были розданы и разосланы его многочисленным корреспондентам.

20. Т.Л.Сухотина-Толстая – В.Ф.Булгакову

19 января 1940
Piazza Remiria 3
Roma

Милый Булгаша,

Я была очень рада Вашей карточке, так как она вызвала меня на письмо к Вам.

Не писала Вам до сих пор и не благодарила за присылку Вашей драмы, потому что она мне не понравилась¹. Рассказывать Вам – почему, очень длинно. Одним словом – высказала Вам свое мнение, и стало легко. И Вы остаетесь все тем же любимым Булгашей.

Тани сейчас нет в Риме. Она с семьей в горах, где катаются на лыжах и в салазках и отдыхают от Римских Рождественских празднеств.

Моя тетка, должно быть, уже совсем взрослая? У меня ее фотография совсем ребенком. Хотела бы иметь ее теперешнюю фотографию и также другой девочки – забыла ее имя². И это всё? Или еще есть кто-нибудь?

У Тани мальчик 8 лет и девочка 2½. Мальчик говорит по-русски и начинает учиться читать. Но времени у него мало. Он идет параллельно итальянской школе и учится по-французски, так как у них швейцарка воспитательницей. Итальянские школы очень перегружены всякими – по-моему – ненужными предметами, и дети учатся гораздо больше, чем нужно. Мне жалко их – лучшее время их жизни испорчено зубрежкой ненужных им предметов.

Получаю от брата Сергея из Москвы письма. Его жена умерла полгода тому назад, и он оч³ень по ней тоскует³. Саша в Америке устроила какой-то Tolstoy foundation для помощи русским, но, кажется, безрезультатно⁴.

Миша в Марокко хозяйничает на кусочке земли⁵. Очень доволен своей жизнью и пишет мне такие Толстовские письма, что я жалею о том, что он не писал их прежде, когда был жив отец⁶.

Лева в Швеции у сыновей⁷.

У меня здесь в моей Римской квартире образовался маленький Толстовский Музей. У меня книги Т<олсто>го на многих языках, также и о Т<олсто>м. Тысячи газетных вырезок, сотни фотографий, диски с его голосом, несколько принадлежавших ему вещей, даже кусочек его бороды. Что будет дальше с этим маленьким собранием — я не решила. Это решит Таня, когда меня не будет⁸. А пока это собрание пополняется, т. к. я прошу своих знакомых и друзей присылать мне книги и вырезки, касающиеся Т<олсто>го⁹.

Желаю и я Вам и всем Вашим счастливых 366 дней сорокового года!

Т.Сухотина

¹ Речь идет о пьесе Булгакова «На кресте величия (Смерть Льва Толстого)» (Тянь-цзин: Изд-во А.Н.Серебренникова, 1937). Большинство действующих лиц, в том числе и дочери Л.Н.Толстого, выступают под собственными именами. Пьеса вызвала противоречивые отклики. Одним из тех, кто поддержал Булгакова, был Борис Константинович Зайцев (1881–1972). 6 ноября 1937 он писал Булгакову:

Дорогой Валентин Федорович, книгу Вашу давно и с интересом прочел, сердечно Вас за нее благодарю. <...>

Возвращаюсь к пьесе. Прочел ее не отрываясь. Дух Толстовской жизни — нечто и от него исходившее, и обстановка, окружение — даны, по-моему, очень живо. Думаю, задачей портретного характера Вы не задавались. Написать портрет Толстого... трудновато. Но Толстой всюду в пьесе чувствуется, в слова его и интонации (за редкими исключениями) верю. Неудовлетворен названием книги. И думаю, что Вы слишком подчеркиваете связь ухода с завещанием. Не было ли в действительности сложнее?

(РГАЛИ. Ф.2226. Оп.1. Ед.хр.678. Л.36-37об.)

Опыт Булгакова недавно был повторен в пьесе румынского историка Валерии Костакел «Яснополянская драма». См.: Новый журнал (Нью-Йорк). 1989. Кн.174. С.41-99.

² Ольга Валентиновна Булгакова (в замужестве Пономарева; 1929–1993).

³ Мария Николаевна Толстая (урожд. Зубова) скончалась 22 июня 1939 на 71-м году жизни.

⁴ В апреле 1939 был образован «Комитет помощи всем русским, нуждающимся в ней», названный в честь Л.Н.Толстого Толстовским фондом. См.: Толстая А. Дочь. С.458-459. Выступая по радио «Свобода» 17 сентября 1953, А.Л.Толстая сказала, что поддержку Толстовского фонда получили примерно 13 тысяч человек (см.: Бог и труд: Забытые выступления дочери Льва Толстого / Публ. И.Толстого // Литературная газета. 1999. №48, 1–7 декабря. С.11).

⁵ См. об этом: Толстой С.М. Дети Толстого. С.199.

⁶ О литературной одаренности М.Л.Толстого см.: Там же. С.206; см. также: Толстой М.Л. Мои родители // Новый журнал. 1969. Кн.93-95.

⁷ В это время Л.Л.Толстой жил в имении своего сына Петра (род. 1933) на юге Швеции и работал над мемуарами «Опыт моей жизни».

⁸ Большую часть коллекции Т.Л.Сухотиной-Толстой ее дочь передала в Толстовский музей в Москве.

⁹ Собрание Т.Л.Сухотиной-Толстой постоянно пополнялось. Об этом она писала и Павле Николаевне Бирюковой (урожд. Шарапова; 1867–1945):

Ты не можешь себе представить, как много я живу в прошедшем <...>. У меня образовался маленький Толстовский музей, есть его книги на многих языках, книги о нем; множество фотографий с него и с семьи; тысячи газетных вырезок и даже кое-какие принадлежавшие ему вещицы.

(Письмо от 22 февраля 1940. – РГАЛИ. Ф.41. Оп.2.
Ед.хр.29. Л.1-1об.)

Лийса Бюклинг (Хельсинки)
**МИХАИЛ ЧЕХОВ И ЖОРЖЕТ БОНЕР:
ИСТОРИЯ ДРУЖБЫ**

Михаил Александрович Чехов (1891, Петербург – 1955, Лос-Анджелес) вряд ли нуждается в представлении. Его называют «гением своего времени» и «властителем дум» поколения¹. Биография и творческий путь М.А.Чехова хорошо известны и на родине, и за рубежом, его наследие постоянно изучается. Приведем только самые основные вехи его жизненного пути.

Племянник Антона Чехова и любимый ученик Константина Станиславского, он играл в Первой студии МХТ (с 1912), был ее директором (с 1922) и директором МХАТа 2-го (1924–1928). Чехов исполнил роли Мальволио («Двенадцатая ночь» Шекспира), Хлестакова («Ревизор» Гоголя), короля («Эрик XIV» Стриндберга), Гамлета («Гамлет» Шекспира), Аблеухова («Петербург» Андрея Белого), Муромского («Дело» А.В.Сухово-Кобылина) и др. В эти годы у Чехова сформировались идеи, которые он затем осуществил в своей работе уже в эмиграции.

Важнейшим для всей будущей деятельности Чехова был опыт Первой студии – ее организация, репертуар и дух. Идея студийности сопровождала его затем всю жизнь, модель школы-студии-театра Чехов попытается позднее перенести на Запад. Серьезное влияние на Чехова-режиссера оказали фантастический реализм Евгения Вахтангова и гротескный театр Мейерхольда. После смерти Вахтангова в 1922 Чехов становится руководителем Первой студии.

¹ См.: *Марков П.А.* Притоки одной реки (1976) // О театре: В 4 т. Т.4: Дневник театрального критика. М., 1977. С.587.

Ему удалось создать свой театр с новой исполнительской манерой, но вскоре в труппе обнаружили внутренние конфликты: в 1926 группа актеров начала борьбу за лидерство. Работать стало трудно, да и ситуация в стране была для Чехова достаточно опасной: как член антропософского общества он постоянно находился под угрозой ареста.

Чехов покинул Россию в сентябре 1928 вместе с женой – Ксенией Карловной². Он мечтал создать свой театр классического репертуара, чтобы выразить «высочайшие и сильнейшие импульсы души человеческой»³, а своей миссией считал следование методам Станиславского и развитие собственных идей. И поскольку его эстетическая и этическая платформа оказалась в то время в Москве не ко двору, «опытным полем» чеховского метода стала студийная работа сначала в Берлине, где Чехов играл на немецком языке в театрах Макса Рейнхардта (1928–1930), а затем (1930–1931) – в Париже.

Потом Чехов работал в театрах Латвии и Литвы (1932–1934), гастролировал с русской труппой в Париже, Брюсселе и США (1935), возглавлял театральную студию в Англии (1936–1938). Когда угроза мировой войны стала реальной, студия была перенесена в Америку. В начале 1939 Театр Чехова (The Chekhov Theatre Players) и школа при нем открылись в Риджфилде (штате Коннектикут), в ней в течение четырех лет Чехов вел занятия и репетировал спектакли. После закрытия театра в 1942 Чехов переехал в Лос-Анджелес. Снял в десяти фильмах, много преподавал и опубликовал ряд работ⁴.

Что касается Жоржет Бонер – корреспондентки и многолетнего друга Чехова, то она практически неизвестна в России.

² Ксения Карловна Чехова (урожд. Зиллер; 1897–1970) – вторая жена М.А.Чехова.

³ Из письма Чехова А.В.Луначарскому (не позднее 28 октября 1928, Берлин). Впервые опубли.: *Нинов А.* Мастер и прокуратор: Неопубликованные письма М.А.Чехова и И.В.Сталина с необходимыми комментариями к некоторым фактам и событиям 1927–1929 гг. // *Знамя.* 1990. №1. С.192-210.

⁴ Воспоминания «Жизнь и встречи» и две книги по актерскому мастерству: *Чехов М.* 1) Жизнь и встречи // *Новый журнал* (Нью-Йорк). 1944. №7-9; 1945. №10-11; 2) О технике актера. Los Angeles, 1946; 3) *Chekhov M. To the Actor on the Technique of Acting.* New York: Harper & Row. 1953. Последняя неоднократно переиздавалась и переводилась на многие языки. С публикацией «Литературного наследия» Михаил Чехов «вернулся» в Россию – его статьи, книги, мемуары и письма стали доступными русскому читателю. См.: Михаил Чехов. Литературное наследие: В 2 т. Т.1: Воспоминания. Письма; Т.2: Об искусстве актера / *Общ. научн. ред. М.О.Кнебель; Ред. Н.А.Крымова; Сост. И.И.Аброскина, М.С.Иванова, Н.А.Крымова; Комментар. И.И.Аброскиной, М.С.Ивановой.* М.: Искусство, 1986 (далее – ЛН, с указанием тома и страницы); 2-е изд., испр. и доп.: М.: Искусство, 1995. Книги Чехова в этих изданиях опубликованы с купюрами, которые не оговорены.

Жоржет Бонер (Georgette Boner; 1903, Майланд, Швейцария – 1998, Цюрих) – младшая из трех дочерей Георга Бонера и Алисы Браун-Бонер. Ее отец – крупный швейцарский предприниматель и миллионер, по профессии инженер-промышленник. Жоржет Бонер окончила Цюрихский университет со степенью доктора литературы, тема ее диссертации – «Женские образы в драматургии Артура Шницлера» (1930). Она занималась на режиссерских курсах Макса Рейнхардта; стажировалась у Фердинанда Грегори. Мать Бонер умерла в 1920, и отец после выхода на пенсию поселился в Париже. Жоржет переехала к нему. С ними жила и Алиса (Alice) – сестра Жоржет, художница, которая была старше ее на 13 лет.

К моменту знакомства с Чеховым Жоржет уже имела некоторый опыт работы в театре. Она была ассистентом Жоржа Питоева в работе над постановкой пьесы Ф.Брукнера «Преступники». В 1931 она ставила два спектакля – «Болезнь молодости» Ф.Брукнера и «Комедию слов» А.Шницлера на Немецкой сцене (Deutsche Bühne) в Студии Шанзелизе в Париже. Далее были годы, наполненные творческим трудом, – сначала сотрудничество с Чеховым, потом книжная иллюстрация, выставки, постановки в университетских театрах, многочисленные поездки по Европе и в Индию...

Михаил Чехов и Жоржет Бонер познакомились 17 июня 1931 в Париже. Их соединяла не только глубокая симпатия, но и общие творческие интересы. Переписка началась в июле 1931 в Париже и продолжалась до 1940, вплоть до начала Второй мировой войны. После войны возобновилась и не прекращалась вплоть до 1954.

Эти дружеские отношения известного мэтра и молодого режиссера, их письма, их совместная работа над спектаклем в Париже и над рукописью книги об актерском искусстве – любопытная страница театральной истории Русского зарубежья.

Около 120 писем Чехова к Бонер (сначала они писались на немецком языке, а с 1937 – на английском): коротких и длинных, то серьезных (в которых обсуждаются творческие проблемы), то дружески шутивных, нередко сопровождаемых рисунками, письма Ксении Чеховой, рукописи, книги – таково содержание «чеховского фонда», сохранившегося в личном архиве Жоржет Бонер (Цюрих), который она тщательно берегла в течение многих десятков лет. Это уникальные документы, рассказывающие о жизни и работе Чехова в эмиграции. Собрание является самой большой коллекцией чеховских писем за границей (за исключением, возможно, писем Чехова к дочери, которые мне неизвестны). К сожалению, письма Жоржет Бонер пропали, как и многие другие документы из архива Чехова, во время его многочисленных переездов из одной европейской страны в другую и, наконец, в 1938, в Америку.

Мне посчастливилось познакомиться с Жоржет Бонер, когда ей было за девяносто лет, разговаривать с ней и записывать ее воспоминания. Узнав, что я готовлю книгу о Михаиле Чехове⁵, она предложила мне возможность работать с этими документами у нее дома. Дважды – в 1995 и 1998 – я занималась разбором этих писем у Жоржет Бонер в Цюрихе и затем использовала их в своей работе⁶.

Эта переписка, а также ряд других материалов, в том числе опубликованные статьи и интервью Бонер, рецензии на спектакли, позволяют достаточно полно восстановить историю этой дружбы и совместной работы корреспондентов. В работе над публикацией писем были использованы воспоминания Чехова, его материалы из фондов М.Добужинского и М.Алданова⁷, а также воспоминания Жоржет Бонер, написанные ею в 1970–1980-е⁸.

Театр Чехова в Париже

Когда в 1930 Чехов принял решение уехать из Берлина, тому были разные причины – и личные, и политические, – в частности, неудовлетворенность немецким театром и усиливающаяся в Германии влияние фашистской партии. Париж, центр и европейской, и русской эмигрантской культуры, представлялся ему театральной Меккой, которая откроет простор созданию нового театра.

Итак, Чехов с женой и друзьями-актерами (это были Виктор Громов, его жена Александра Давыдова⁹, Алексей Бондырев с семь-

⁵ *Бюклинг Л.* Михаил Чехов в западном театре и кино. СПб.: Академический проект; Helsinki: Aleksanteri instituutti; Kikimora Publications (University of Helsinki), 2000. 556 с. (Серия «Современная западная русистика». Т.30).

⁶ После смерти Жоржет Бонер осенью 1998 письма Чехова были высланы мне ее наследником Амбросом Бонером, которому приношу искреннюю благодарность. Письма хранятся в моей коллекции в Хельсинки.

⁷ Bakhmeteff Archive, Rare Book and Manuscript Library. Columbia University (New York). M.V.Dobujinskij Collection; M.A.Aldanov Collection. Письма Чехова Добужинскому и Алданову опубликованы мною: *Бюклинг Л.* 1) Письма Михаила Чехова Мстиславу Добужинскому (Годы эмиграции, 1938–1951). Helsinki University Press, 1992 (Slavica Helsingiensia 10); 2-е изд., доп. – СПб.: Всемирное слово, 1994; 2) Михаил Чехов в Голливуде: Размышления и письма Марку Алданову // *Studia Slavica Finlandensia* 8. Helsinki, 1991; 3) Михаил Чехов и Марк Алданов // *Всемирное слово* (СПб.). 1992. №3.

⁸ См.: *Boner G.* 1) *Michael Tschehows Meisterschaft // Tschechow M. Werkgeheimnisse der Schauspielkunst.* Zürich, 1979; 2-е изд. – 1988; 2) *Schauspielkunst.* Zürich, 1988; 3) *Hommage an Michael Tschechow. Schauspieler und Regisseur.* Zürich, 1994; 4) *Bilder. Texte. Theater / Hrsg. von E.Fischer und E.-M.Preiswerk.* Zürich, 1996.

⁹ Виктор Александрович Громов (1899–1975) – ученик и друг Михаила Чехова со времен Первой студии; Александра Давыдовна Громова (урожд. Франценкель, сценич. псевд. – Давыдова; 1904 – 1990) – актриса.

ей¹⁰) приехали в Париж 15 октября 1930. В новом театральном проекте самоотверженную поддержку Чехову оказала немецкая антропософка Маргарита Моргенштерн – вдова известного немецкого поэта Христиана Моргенштерна, с которой Чехов был дружен с конца 1920-х. Заложив свой дом, Моргенштерн предоставила всю сумму взаймы Чехову – на поезд в Париж и на первое репетиционное время.

Чехова вдохновляла миссия артиста МХТ на Западе, и он пытался воплотить в жизнь свои представления о духовном искусстве, которое оставило бы в душах людей более глубокий след, чем те развлекательные спектакли, что он видел на Западе. Он собрал труппу русских актеров и объявил набор в театральную школу-студию. Имя Михаила Чехова было притягательно: за ним закрепились и репутация выдающегося русского артиста, и слава русского идеалиста в изгнании.

Приезд Чехова в Париж совпал с начавшимся мировым экономическим кризисом. В 1930–1931 существование многих французских театров оказалось под угрозой. Первый год Чехов занимался поиском спонсоров, или, как он говорил, «деньгодавцов». Найти их было трудно. «Здесь денежно-банковский кризис, и могущие дать деньги – жмутся и боятся, пережидая кризис!» – писал он Василию Масютину¹¹. Актера знакомили с возможными меценатами, но денег найти не удалось. Зимой 1930–1931 обсуждались также планы парижско-пражской антрепризы Чехова – при поддержке Чехословацкого правительства.

3 февраля 1931 в Париже было создано Общество друзей Театра Чехова. В его почетный комитет вошли С.В.Рахманинов, режиссеры Ф.Жемье, М.Рейнхардт, дочь Рахманинова И.С.Волконская, М.Моргенштерн, В.Н.Масютин¹². Моральная поддержка была обеспечена, но так просто обстояли дела с финансовой частью. Общество разослало извещение о Театре Чехова «видным членам русской колонии», но поступило только 250 франков – от семейства Высоцких, богатых русских чаеоторговцев. Обращение к Ротшильду, который финансировал Театр Ш.Дюллена, результата не принесло.

При этом спектакли чеховской труппы собирали всех видных представителей русской эмиграции. Рецензии на них писали Вл. Ходасевич и С.Волконский. В письмах Чехова упоминается о его знакомстве с семейством Высоцких, к которому принадлежали М.О. и М.С. Цетлины. Очевидно, он посещал салон Цетлиных, где перебы-

¹⁰ Алексей Павлович Бондырев (1884–1939) – актер. В Париже жил вместе с женой Софьей Сергеевной и дочерью Ириной.

¹¹ См.: Вернер В. Письма М.Чехова В.Масютину. Первые годы в изгнании // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1992. М., 1993. С.116-142. Василий Николаевич Масютин (1884–1955) – график, живописец и литератор. С 1930 – в Берлине. Оформил ряд спектаклей Чехова.

¹² См.: ЛН 2. С.504.

вал весь русский литературно-музыкальный и политический Париж. Сын Станиславского Игорь Алексеев, который тогда жил в Париже, быстро вошел в окружение Чехова. Он исполнил роль придворного в «Гамлете», поставленном в чеховском театре, постоянно присутствовал на репетициях других его спектаклей и сообщал родителям в Москву о положении дел.

Чехов пытался выйти за тесные рамки эмигрантского театра. В своих воспоминаниях он пишет о «бесполезных попытках» завести знакомства с французским театральным миром.

Свою театральную идеологию Чехов неоднократно декларировал и устно, и в печати. В Париже он собирался сказать то новое слово, о котором мечтал уже несколько лет: создать «театр гармонии», в котором соединялись бы все слагаемые искусства, это должен быть «синтетический театр». На первом месте в репертуарных планах Чехова была постановка народной сказки об Иван-царевиче. Предполагалось, что это будет спектакль, в котором гармонично сочетаются жест и слово, где большое значение придается ритму, цвету, декорациям¹³.

Зима и весна 1931 проходили в мечтах о новом театре, в студийных занятиях, спектаклях старого репертуара. Целью первой антрепризы Чехова было собрать сумму, необходимую для организации нового дела. 19 мая 1931 начались репетиции в театре «Ателье» (Theatre Montmartre l'Atelier, Pl. Dancourt), который удалось арендовать благодаря знакомству Чехова с членами группы «Картель»¹⁴. В чеховской труппе было несколько опытных актеров, бывших мхатовцев, — Н.Асланов, А.Бондырев и М.Крыжановская, московские ученики Чехова — В.Громов и А.Давыдова, а также новые — из недавно открытой в Париже студии, всего 17 человек¹⁵. В своих воспоминаниях Чехов пишет, что испытывал недостаток в талантливых исполнителях. Игорь Алексеев, побывавший на репетициях труппы Чехова, ужаснулся короткому репетиционному периоду, о чем написал матери в Москву: «Конечно, это страшная халтура, но у него нет денег (не для себя, для дела), и он думает заработать их своим выступлением»¹⁶.

¹³ См., например: А.А. В гостях у М.А.Чехова // Мир и искусство. 1930. №13, 1 ноября. Эти идеи излагаются и в интервью французской газете «Quotidien» (1930. 26 novembre).

¹⁴ «Картель» — объединение (1926) французских режиссеров (Шарль Дюллен, Гастон Бати, Луи Жуве и Жорж Питоев), которое противопоставило свое творчество практике коммерческого театра. В 1922 Шарль Дюллен (1885–1949) приобрел театр «Ателье», где его труппа выступала до 1940. Чехов арендовал этот театр на время гастрелей труппы Дюллена.

¹⁵ См. опубликованное фото труппы: Мир и искусство. 1931. №12, 1 июня.

¹⁶ Письмо И.Алексеева М.Лилиной от 24 мая 1931, опубли.: ЛН 2. С.506.

1–21 июня 1931 Театр Чехова показал в помещении театра «Ателье» серию спектаклей с участием самого Чехова. Это были «Эрик XIV» Стриндберга, «Потоп» Х.Бергера, «Двенадцатая ночь» и «Гамлет» Шекспира (все – из репертуара Первой студии МХТ) и спектакль по произведениям А.П.Чехова (инсценированные рассказы). Всего 23 спектакля.

В русской эмигрантской прессе писали о большом художественном наслаждении, которое доставила парижским зрителям актерская работа Чехова (он впервые после отъезда из России играл на русском языке). По общему мнению, была очевидна эволюция его мастерства за время, прошедшее с той дореволюционной поры, когда многие зрители видели его в последний раз. Это мнение разделил и Владислав Ходасевич, написавший серию рецензий о спектаклях Театра Чехова. В самом Чехове Ходасевич видел артиста, сочетающего большой талант с высоким мастерством: «Его исполнение с начала до конца наполнено сценическим содержанием, каждая фраза интонационно свежа и продумана глубоко, каждый жест не только сопровождает речь, но ее дополняет, а иногда и говорит больше, нежели она сама»¹⁷.

По мнению Ходасевича, Чехов, стремившийся к равновесию режиссуры и актерского искусства, в самом себе совмещал оба начала. Но в спектакле «Эрик XIV» равновесия не получилось, потому что не удалось создать труппу. «Найдет ли он в эмиграции надлежащий материал? Вот в чем главный вопрос и главная опасность для его дела», – заключал критик¹⁸. На его взгляд, Чехов был еще гастролером в собственном театре.

«Великолепное впечатление» Чехов на сцене произвел на С.В.Рахминова, который увидел его в роли Эрика¹⁹.

Театр Чехова сравнивали с самым знаменитым русским зарубежным театром – Пражской труппой МХТ, причем в пользу первого. «Несмотря на сыгранность и гармоническую целостность былых выступлений “пражан”, им все же не удавалось <...> доходить до сердца публики, как это удалось теперь театру Чехова, который к тому же был вовсе не силен своим ансамблем и целостностью своих постановок», – писал журнал «Мир и искусство», опубликовавший множество материалов и рецензий на спектакли Чехова²⁰. Причина в самом Чехове, потому что «театр живет личностью актера». Его вос-

¹⁷ Ходасевич В. «Эрик XIV». Театр Чехова // Возрождение (Париж). 1931. 3 июня.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См.: ЛН 2. С.506.

²⁰ Львов Л. После спектаклей театра Михаила Чехова // Мир и искусство. 1931. №12. С.2-4.

принимали как лучшего представителя русской школы: «Чехов “в версту” Станиславскому. Чехов актер того же калибра и размаха, что и Станиславский, и на это-то явление и ответила инстинктивно “публика”, приняв театр Михаила Чехова...»²¹.

Несмотря на многочисленные комплименты в свой адрес, Чехов, стремившийся к театру ансамбля, не был удовлетворен результатом гастролей. К тому же гастроли не только не принесли ожидаемых доходов, необходимых для создания нового театра, но, напротив, еще и увеличили долги Чехова. Он чувствовал ответственность за свою труппу²². Будущее выглядело неопределенным.

Именно в это время, примерно в середине описываемого сезона, по всей вероятности, по инициативе русских друзей Чехова, произошла встреча Чехова с Жоржет Бонер – его «ангелом-хранителем», как он называет ее в мемуарах.

Лето 1931. Знакомство и первые письма

Как вспоминала Бонер, они с Михаилом Чеховым встретились в Париже 17 июня 1931 в доме Высоцких. Через 60 с лишним лет, в апреле 1995 в Цюрихе, Бонер так рассказывала мне о первой встрече с Чеховым: «Наша общая знакомая Каринская, художница по костюмам, познакомила нас, так как она нашла в наших постановках что-то общее. Мы встретились вдвоем, ели клубнику, беседовали». Вероятно, Чехова в Жоржет привлекли ее интеллигентность и тонкость. Он пригласил ее на репетицию «Эрика XIV», и дальше Бонер приходила на каждый спектакль Театра Чехова.

Как уже упоминалось, весной того года Бонер сама ставила два спектакля в Париже. Они были высоко оценены немецкой и французской прессой. По странному стечению обстоятельств, на следующий день после состоявшегося знакомства имя Бонер оказалось рядом с именем Чехова в рецензии французского критика, опубликованной в газете «L'Avenir»²³.

Критик Люнье-По считал, что русский театральный мир, столь непохожий на другие, всегда интересен любителю театра. Гастроли театра Станиславского (МХАТ гастролировал в Париже в сезон 1922/23 года) очаровали и восхитили Францию. Чехова критик сравнивал и со Станиславским, и с Мейерхольдом. В постановке

²¹ См.: ЛН 1. С.263.

²² Игорь Алексеев в письме рассказывал К.С.Станиславскому: «...он <Чехов> помогал Бондыреву, который бедствовал, Асланову, Громову с женой, которые бы без его театра сидели бы без дела» (письмо от 1 июля 1931, опубл.: ЛН 2. С.508).

²³ *Lugné-Poe. Le Château s'éveille au théâtre Tchekhoff // L'Avenir. 1931. 18 juin.*

«Эрик XIV» замысел драматурга был принесен в жертву свободе выражения; переделывая текст, Чехов «дополнил безумие безумием», но все-таки сохранил сюжетную нить.

Правда, критик полагал, что Чехов попал под влияние немецкого театра, столь чуждое французскому чувству меры и вкуса. В качестве поучительного примера «благоразумия» приводился спектакль по пьесе А.Шницлера, поставленный на Немецкой сцене в Студии ШанзелIZE на Елисейских полях. В нем было показано «комедиантство безумия». Этот «потрясающий» спектакль, как оценил его критик, был поставлен Жоржет Бонер.

О появлении Бонер в жизни Чехова эмоционально рассказала в своих воспоминаниях актриса его театра Александра Давыдова. «Это было похоже на сон! – восклицала она. – Только с Чеховым могли происходить такие сны в жизни и, как мы знаем, происходили и в дальнейшем...» Когда на квартире Чехова появилась Бонер и ей рассказали о театральных мечтах Чехова, то «Жоржет попросила разрешения бывать на репетициях Чехова и при этом сказала, что материальный вопрос не должен волновать его». Подобный «сон» через несколько лет повторится в Англии, где Чехов откроет Театр-студию в Дартингтоне в имени американской миллионерши Дороти Элмхирст и ее мужа. Давыдова замечает: «Возле Чехова всегда оказывались люди, которые его обожали»²⁴.

Главное, что сближало Чехова и Бонер, было увлечение театром, схожесть вкусов. Несмотря на разницу в возрасте (12 лет), их объединяли близкие взгляды на творчество. Бонер определила их отношения так: «Миша был мастером, а я ученицей»²⁵. Как вспоминала впоследствии Бонер, лучше узнавая друг друга, они находили все больше общего и тогда решили начать сотрудничество.

В конце июня Чехов уехал отдыхать на воды и лечить голосовые связки, июль он провел в Бурбуле, несколько дней гостил на даче у Рахманинова в Клерфонтене. В отсутствие Чехова Бонер активно взялась за подготовку условий, необходимых для деятельности нового театра, вместе с Громовым они занялись поисками театрального помещения.

Об этом и о многом другом, что было важно им обоим и определяло их отношения, читаем в первом из сохранившихся писем Чехова к Бонер от 25 июля 1931 (видимо, из Бурбуля). Чехов извиняется, что долго не писал (после театрального сезона он так устал, что не мог писать, а только послал телеграмму), и сердечно уверяет: «Вы

²⁴ Громова-Давыдова А. Памяти великого артиста: Воспоминания о Михаиле Александровиче Чехове // Родник. 1990. №5. С.46.

²⁵ См. дневниковые записи Бонер за 1931: *Boner G. Hommage an Michael Tschchow...* S.11-12.

знаете (Вы, конечно, чувствуете), как я Вас уважаю и ценю и как я Вам бесконечно благодарен...»

Из письма видно, что между корреспондентами уже сложились дружеские отношения. Вот, например, как Чехов прозорливо определяет своеобразие Жоржет по ее почерку (Бонер занималась графологией, и это дало повод для следующих замечаний Чехова):

Ваше письмо с планом для меня было вдвойне радостно: первых – Ваш почерк! Какой же он странный! Я (увы) не графолог, но Ваш почерк сильно на меня действует. Должен повторить: Вы – подросток, очень-очень умный, хороший, глубокий, глубоко и тонко чувствующий подросток. Вы согласны? – (как Вы видите, я все-таки графолог!).²⁶

Из письма следует, что Громов уже сообщил Чехову о том, как он с «бесконечно любезной» Жоржет осмотрел несколько театральных помещений в Париже и что теперь она предлагает планы для будущего театра. И далее: «Ваш план-чертеж так соблазнителен! Ну неужели это возможно? Есть ли надежда? Да? Нет? Что? Ничего не слышу!!» – пишет Чехов с восторгом и теплым юмором и спрашивает, как к этому относится «господин Леонард» (так они шутливо называли отца Жоржет). Вопрос помещения серьезно беспокоил Чехова, так как он все еще не собрал денег на аренду.

Нельзя сказать, что взгляды обоих корреспондентов во всем совпадали. Но это не мешало затрагивать в письмах важные для Чехова темы философии и искусства, которые будут занимать его и в последующие годы. Он писал о большой радости, которую ему доставляли беседы об антропософии с Бонер в Париже. Неизвестно, в каком ракурсе происходили эти беседы, так как Жоржет не была поклонницей Рудольфа Штейнера. Тем не менее она, видимо, сумела откликнуться на одну из любимых тем Чехова – духовные поиски человека вне традиционной религиозной веры.

Чехов в ту пору интересовался ритмическими формами искусства, особенно восточным танцем и музыкой. Одно из самых сильных художественных впечатлений он получил от выступления труппы индийских артистов Удая Шанкара, которые проходили в Париже в мае–июне 1931²⁷. Любопытно, что эти гастрели в Париже и в евро-

²⁶ Следует заметить, что это наблюдение Чехова, сделанное в самом начале знакомства, определило характер отношений в дальнейшем. Жоржет для Чехова всегда была только «милый друг», «тонко чувствующий подросток». Это, впрочем, не мешало ему писать ей якобы «любовные письма».

²⁷ Легкость и ритмичность классического индийского танца отвечала чеховскому идеалу исполнительского искусства. Труппой Шанкара восхищались многие русские художники. Удивительным, прекрасным явлением называл ее Михаил Фокин. Он писал о Шанкаре: «Я бы хотел, чтобы от него балет позаимствовал не отдельные позы и танцы, а то благородное, священное отношение к

пейских странах стали возможны благодаря финансовой помощи старшей сестры Жоржет – Алисы Бонер. Естественно, что индийское искусство стало одной из тем этого письма. «Индийские ритмы разбили мое сердце и еще усилили мою внутреннюю тягу к ТЕАТРУ – и она стала просто невыносимой, – пишет Чехов. – Терпение! Терпение! Может быть, судьба позволит мне однажды создать что-нибудь “ритмическое”!»

Письмо заканчивается поклоном отцу Жоржет от Чехова и его жены и извинением за «плохой немецкий язык». Следует заметить, что немецкий язык Чехова вполне выражал его мысли и юмор. Жоржет Бонер считала, что Чехов хорошо владел немецким.

Из следующего письма Чехова к Бонер, от 12 августа 1931, узнаем, что она нашла помещение, и даже настолько хорошее, что Чехов сомневается, удастся ли достать деньги на аренду. Он все еще надеется на помощь парижских меценатов, которые, возможно, по возвращении из отпуска пойдут ему навстречу. Чехов был бесконечно благодарен Жоржет, которая выразила готовность вернуться в Париж из швейцарских Альп, где она проводила отпуск в родном доме, если понадобится ее помощь.

Жоржет, покоренная талантом Чехова, видимо, с восхищением писала о его актерских работах, на что он заметил в своем письме: «Вы слишком хорошо отзываетесь о моих актерских возможностях. Но настоящее, истинное, актерское искусство в будущем наверняка будет оставлять след в человеческих душах! (Точно так же, как, например, индийские ритмы – в моей душе.) Современная театральная культура не имеет такого влияния, и это означает ее умирание. Конечно, что-то остается в душе (как же иначе) – но это “что-то” есть внутренняя опустошенность и болезненность! К искусству это не имеет ровно никакого отношения».

Если сравнить эти сокровенные мысли Чехова с тем, что он незадолго до этого писал Станиславскому²⁸, становится понятным, насколько доверительные отношения сложились у него с Бонер.

По рекомендации Чехова Бонер взялась за книги по антропософии²⁹. «Я так рад, что Вы начали читать сочинения др. Штейнера, –

искусству танца, ту атмосферу вкуса и красоты, которой так отличается этот азиат от европейских и центральноевропейских танцоров и танцовщиц» (*Фокин М.* Против течения. М.; Л., 1962. С.438). Анна Павлова создала балет «Восточные впечатления» (1930) по древним индусским танцам, которые ее очаровали.

²⁸ Ср.: «Вся театральная жизнь Запада производит на меня тяжелое впечатление. Спасти ничего нельзя, надо все построить заново» (вторая половина марта – до 20 апреля 1930, Берлин; опубл.: ЛН 1. С.379).

²⁹ Антропософия (от *antropos* – человек и *sophia* – мудрость (*греч.*)) – выделившееся из теософии религиозно-философское учение о человеке как о духовной личности. Основана немецким философом Рудольфом Штейнером (1861–

читаем в том же письме. – Терпеливо буду ждать Ваших впечатлений».

Антропософия, «духовная наука», играла решающую роль в жизни Чехова – артиста и человека – с конца 1910-х и до конца жизни. Глубокий душевный кризис, который произошел у него в Москве, был преодолен благодаря знакомству с антропософией – в ней Чехов обрел мировоззренческую ориентацию, а с нею – душевное здоровье и равновесие. Участие Чехова в Русском антропософском обществе во многом повлияло на его судьбу и отчасти явилось причиной его отъезда из Советской России.

О том, как из атеиста он превратился в убежденного антропософа, Чехов рассказал в своих автобиографических записках «Жизнь и встречи». «Жизнь» – частично и «жизнь в антропософии и в искусстве», «встречи» – «встречи с антропософией и с людьми». «Эта “встреча” с антропософией была самым счастливым периодом моей жизни», – заключил Чехов воспоминания³⁰ о первом периоде знакомства со книгами Штейнера и его последователями в Москве.

Чехов-актер добивался гармонии на сцене, пишет Мария Кнебель³¹, выясняя причины интереса Чехова к антропософии. «Как человек – постоянно мучился, ощущая дисгармонию в том, что касается миропорядка. Отсюда – страхи, метания. Отсюда, я думаю, шло и его увлечение антропософией и наивная вера в то, что именно в антропософских теориях – искомая истина, воссоединяющая искусство и жизнь»³².

В 1920-е Чехов начал интересоваться взглядами Штейнера на драматическое искусство, отчасти на основе этих идей у него возникают замыслы некоторых спектаклей, он ищет новые средства сценического выражения. Получить швейцарскую визу³³ он не мог, так

1925) в 1913. Антропософы рассматривают человека как существо, имеющее одновременно и земное, и космическое происхождение, и ставят своей задачей раскрытие этой сущности путем особых упражнений, углубления в свой внутренний мир, большое значение придается соответствующим методам воспитания. Все это, по их мнению, призвано выявить в человеке его духовное активнотворческое начало, гармонизировать его разум и волю.

³⁰ Опубл.: *Чехов М.* 1) Путь актера. М., 1928; 2) Жизнь и встречи. Новый журнал. 1944. №7-9; 1945. №10-11.

³¹ Мария Осиповна Кнебель (1898–1985) – известный режиссер и педагог, ученица Чехова (1919–1922). Написала книгу воспоминаний, в которой рассказала о занятиях в студии Чехова в Москве. М.О.Кнебель сыграла важную роль в сохранении и восстановлении наследия Чехова. Благодаря ее усилиям в СССР начали публиковаться его труды.

³² Кнебель М. *Вся жизнь*. М., 1967.

³³ Отметим, что Чехов не пользовался такими исключительными привилегиями, как, например, директор МХАТа В.И.Немирович-Данченко, который несколько раз проводил летний отпуск в Швейцарии.

как являлся советским гражданином, а ведь актер так давно мечтал увидеть антропософский культурный центр «Гетеанум» в Дорнахе. «Вы посещали Дорнахское здание? Эх, для меня это совершенно невозможно!» – пишет он Бонер 12 августа 1931.

В августе – сентябре 1931 Чехов снял виллу под Парижем, где его труппа из восьми человек поселилась коммунально и под его руководством занималась упражнениями. Чехов всерьез приступил к подготовке спектакля «Дворец пробуждается» по русской сказке. «Каждая репетиция начинается определенными упражнениями, которые важны для ритмической манеры исполнения», – пишет он Бонер 17 августа. С Громовым они работают над режиссерским планом сказки. Видимо, были продолжены московские опыты разработки ритма актерской игры³⁴.

Благодаря помощи Бонер Театр Чехова мог продолжить свою деятельность. В августе Бонер удалось взять в аренду театр «Авеню» недалеко от площади Этуаль (Theatre de L'Avenue, rue de Colisee), а также она ассигновала деньги на постановку (в виде долга, который Чехов обязался оплатить). Как это было, приходится устанавливать по косвенным источникам – из писем Чехова другим адресатам. Уже 18 августа 1931 Чехов писал молодому актеру Альфреду Бергстрему в Ригу, приглашая его в свою труппу: «Мои старания по созданию театра в Париже завершились наконец некоторым успехом. <...> В моем распоряжении есть театр и средства на первую постановку. <...> Методы у нас новые, и придется, как я Вам говорил в Риге, учиться»³⁵.

Бонер умолчала о своей финансовой помощи: ни тогда, ни впоследствии она не любила говорить о ней. В последний год своей жизни она даже изъяла из папки чеховских писем некоторые из тех, в которых говорилось о финансах.

Совместная работа над спектаклем «Дворец пробуждается»

Бонер стала не только спонсором Театра Чехова, но и помощником режиссера, ее фамилия стояла на афише рядом с именами Чехова и Громова. В августе она приехала в Гитранкур, чтобы обсуждать рабочие планы. В ее архиве сохранились фотографии занятий и репетиций пантомимы³⁶. Как следует из письма Чехова от 27 августа 1931, ему оченьгодились знания Бонер в области литературы и

³⁴ Об этом вспоминала и актриса МХАТ-2 Серафима Бирман: «Он <Чехов> вел специальные занятия по сценическому мастерству, добивался особой выности сценической речи, выразительности тела, разнообразия его ритмов и целесообразности его движений» (Бирман С. Путь актрисы. М., 1962. С.171).

³⁵ Опубл.: ЛН 1. С.401. В Риге Чехов гастролировал весной 1931.

³⁶ Опубликованы в ее кн.: *Boner G. Hommage an Michael Tschchow...*

фольклора: «Ваши умные идеи о материале сказок очень мне помогли, и я еще буду думать об их художественном применении. Я надеюсь, что при встрече “опрошу” Вас и вообще буду очень рад иметь Вас в качестве сотрудницы». Бонер рассказывала мне, что работала над спектаклем в качестве ассистента режиссера; все контакты с другими сотрудниками осуществлял сам Чехов.

Заключив контракты с актерами, Чехов начал развивать замысел оформления. Были приглашены композитор и художник. В письме от 27 августа Чехов советуется с Бонер о заключении договора с композитором. Еще в начале 1931 Чехов обратился к Владимиру Бютцову (Vladimir de Bützow) – русскому эмигранту, который сочинял музыку для кино. Подразумевалось участие композитора в репетициях, так как музыка сопровождала действие. Чехов писал Бонер 27 августа: «Ведь работа будет достаточно новой для композитора, а в ее процессе может возникнуть много неожиданностей, а определенный риск есть в работе с любым композитором». По договору за музыку к спектаклю Бютцов получил 8 тысяч франков. Пятеро музыкантов получали 5 тысяч франков в месяц. В.Н.Масютин, специально приглашенный из Берлина еще осенью 1930, готовил сложные декорации к спектаклям. Теперь работа закипела благодаря «нашему обаятельному начальству» – так Чехов назвал Бонер в письме Масютину.

Театр Михаила Чехова, точнее «Театр Чехова, Бонер и К^о» юридически был основан 24 октября 1931. Из сохранившейся в архиве Ж.Бонер газетной вырезки следует, что театр имел капитал в 20 тысяч франков. Капитал вложили Чехов, Бонер и ее подруга, а также секретарь Чехова Элен Бордолло. Одновременно готовились постановки «Дон Кихот» и «Дворец пробуждается». Первая из них не осуществилась, и это говорит о том, что спонсорская помощь все же не была безграничной. Работа над «Дон Кихотом» была доведена до создания макета декораций, а с актерами – до конкретной разметки отдельных картин. Но смета за декорации превысила финансовые возможности Чехова. Просили денег у Ротшильда, но он отказал³⁷.

Рассказывая мне о том времени, Бонер подтвердила, что «Дон Кихот» был отложен – из-за дороговизны декораций и костюмов. Чехов очень хотел поставить этот спектакль, но помимо того, что постановка была слишком дорогой, для нее нужно было найти больше талантливых исполнителей и долго репетировать. «Чехов

³⁷ Вспоминая этот период, Чехов, вероятно по желанию Бонер, не упоминает о ее денежной поддержке. Он пишет: «Вдруг совсем неожиданно, благодаря добрым стараниям того же семейства Высоцких, в мое распоряжение была предоставлена небольшая сумма денег. На дорогую постановку Дон Кихота ее не хватало, и я решил поставить пантомиму на тему русской сказки» (ЛН 2. С.239).

был всегда очень щепетилен в денежных делах, он не хотел просить больше, чем было оговорено, – вспоминала она в 1995. – Дон Кихот был бы чудесной постановкой! Теперь я очень жалею, что мы не могли поставить его». Макет декораций «Дон Кихота» долго сохранился у Жоржет Бонер, пока по просьбе Масютина не был возвращен ему для выставки.

Склонный к театральным манифестам, Чехов перед премьерой спектакля «Дворец пробуждается» разослал критикам пояснение, которое было опубликовано в прессе. В журнале «Comœdia» Михаил Чехов рассказывал о новой концепции интернационального театра. Он жалеет о том, что драматическое произведение непереводаемо, и продолжает: «Этот герметизм всегда оказывал на меня парализующее воздействие, он словно ложился тяжелой плитой на всех, кто пытался интерпретировать культуры разных языков»³⁸. Искусство оперы, сочетающее слово с музыкой, дало ему идею, как обойтись без слов, оставляя их лишь для кульминационных точек драмы, там, где других экспрессивных средств недостаточно. Для реализации первого ритмизированного спектакля Чехов выбрал сказку, потому что несметные богатства этого жанра, существующего у каждого народа на протяжении веков, представляются абсолютно естественными для обновления театра.

Идеи Чехова менялись постоянно, и даже сохранившийся в архиве Жоржет Бонер вариант режиссерского сценария – не окончательный³⁹. Текст состоит из описания действия и коротких реплик, он похож на киносценарий, где кроме описания действия отмечены паузы и некоторые акценты. В спектакле реплики были заменены короткими возгласами, так как, по замыслу Чехова, слова были отеснены на задний план. «Это поэтический комментарий к действию. Отдельные слова, диалоги, реплики, возгласы ужаса и восторга, страха и решимости подчеркивают кульминационные моменты происходящего», – рассказывала Бонер.

По фотографиям спектакля и воспоминаниям Бонер можно судить, что окончательное решение было значительно более простым, чем замысел Чехова и художника Масютина. Бонер описывала сценографию так: «Незамысловатые декорации задавали лишь очертания замка и леса. Мы почти отказались от реквизита, поскольку для развертывания действия хватало плоскостей, площадок и ступенек сцены. Так, одно из возвышений служило диваном. На нем лежала корона». Проблемы условности, новой и вневременной, занимали

³⁸ M. Michel Tchekhoff expose une nouvelle conception du théâtre traduit // Comœdia. 1931. 8 novembre.

³⁹ Сценарий сказки в трех актах на немецком языке «Дворец пробуждается». 15 с. – Архив Ж.Бонер, Цюрих.

режиссера и художника. Предложение одеть всех действующих лиц в рубашки вызвало недоумение художника, но он нашел необычное решение на основе иконописи. По мнению Бонер, костюмы были связаны с образами комедии масок: «Костюм Ивана напоминал покроем платье Пьеро или, к примеру, Жюля с картины Ватто. Но он был не белого цвета, а светлый, цвета охры. Рубашка с золотой обшивкой. Широкие штаны из затканного золотом материала. После сражения с Кашеем вся одежда на Иване была изодрана, его волосы растрепаны»⁴⁰. Образы были доведены до гротеска: царь – совсем седой, Кощей – с чудовищным носом и огромными руками, Кашевна была похожа на Валькирию.

«Непрерывная соотнесенность музыки, жеста и произносимого слова создает своеобразие спектакля. Подобное соединение разных элементов сценического искусства было для 1931 года рискованным делом», – писала Бонер⁴¹. О репетициях труппы Чехова Игорь Алексеев, который помогал в спектакле, сообщал матери: «Мне их работа интересна, потому что в ней много музыки, все построено на ритмическом действии и потому близко к опере»⁴².

Учитывая необходимость ритмической подготовки актеров, репетиции в Театре Чехова проходили под аккомпанемент фортепьяно. После общей репетиции Чехов часто задерживал музыканта, чтобы повторить роль Ивана, которую он исполнял, уже без партнеров, лишь в сопровождении клавира. Участвуя в спектакле как актер, Чехов к концу репетиций уделял меньше внимания тренировке группы, хотя выработка новой актерской техники требовала усилленных занятий. А. Давыдова считала, что спектакль не дозрел: «...не было времени на то, чтобы вжиться в оригинальную новую форму спектакля, на слияние с музыкой, со всеми теми приемами, в которых она была сделана»⁴³. Об этом же пишет и Чехов в книге воспоминаний.

Премьера спектакля «Дворец пробуждается»

9 ноября 1931 была дана генеральная репетиция для специально приглашенной публики – театральных работников и представителей прессы. Премьера состоялась 10 ноября⁴⁴. На ней собралось много русских, всюду в театре звучала русская речь. Присутствовали вид-

⁴⁰ *Tschechow M. Werkgeheimnisse der Schauspielkunst. S.163-164.*

⁴¹ *Boner G. Schauspielkunst. S.163.*

⁴² Письмо И. Алексеева М. Лилиной от 17 октября 1931; опубл.: ЛН 2. С.509.

⁴³ *Громова-Давыдова А. Памяти великого артиста... С.48.*

⁴⁴ См. афишу: «Дворец пробуждается», пьеса в трех актах и пяти картинах Виктора Громова и М. Чехова. Музыка В. Бютцова. Постановка Жоржет Бонер, Михаила Чехова и Виктора Громова. – Архив Ж. Бонер, Цюрих; опубл.: Мир и творчество. 1931. 1 ноября.

ные представители русской эмиграции, среди них А.Бенуа, С.Волконский, С.Лифарь, П.Сувчинский, С.Маковский, А.Ремизов. На первых спектаклях было много критиков и журналистов – рецензенты из почти двадцати французских газет и журналов и некоторых немецких и англоязычных.

Постановка вызвала определенный ажиотаж среди русских зрителей. Причиной тому были печатные и устные заявления Чехова об интернациональном театре, начало которому он намеревался положить этим спектаклем. Разногласие критических отзывов и частных мнений было огромным. Русские критики пользовались случаем, чтобы поставить под сомнение творческие принципы и практику Театра Чехова. Саму идею Чехова о создании бессловесного интернационального театра единодушно считали ошибочной.

Газета «Последние новости» и журнал «Мир и творчество» опубликовали ряд рецензий на спектакль, две из них принадлежали авторитетному критику С.Волконскому⁴⁵. Его критика в печати оказалась «уничтожающей», вспоминал Чехов. Не помогло и то, что главный редактор «Последних новостей» П.Н.Милуков сочувственно относился к начинаниям Чехова. Мнения критики разделились: если Волконскому примитивизм авангарда Чехова представлялся возвращением назад, «несуразной первобытностью»⁴⁶, то другой русский рецензент считал этот спектакль открытием нового стиля, поиском новых смысловых пластов сказки⁴⁷. Мифопоэтический театр Чехова большинством русских критиков противопоставлялся традиционным представлениям о русском фольклоре.

После генеральной репетиции Масютин в письме дочери представлял Чехова как жертву собственного идеализма: «Мои театральные впечатления вылились в чувство обостренной любви к М<ихаилу> А<лександровичу>, смешанной, м<ожет> б<ыть>, с некоторой жалостью. Когда в заключительной сцене он остался с Крыжановской на сцене – было похоже на добровольную жертву. Жалость моя исходит от легкого сомнения в нужности этой жертвы»⁴⁸.

Начало «нового театра» по Чехову оборачивалось концом славы русского искусства – так полагал Александр Бенуа, художник, подвижник «Мира искусства» и сотрудник Станиславского по МХТ. В своем письме Мстиславу Добужинскому он жестоко разделался с «Дворцом». Бенуа не одобрил новшества Чехова, стилистически чу-

⁴⁵ Волконский С. 1) Чеховские гастроли в Париже // Мир и творчество. 1931. №1; 2) Театр Чехова // Последние новости (Париж). 1931. 11 ноября.

⁴⁶ Волконский С. Чеховские гастроли в Париже. С.15.

⁴⁷ А.А. «Дворец пробуждается» // Мир и творчество. 1931. №1.

⁴⁸ Письмо В.Масютина М.Масютиной от 10 ноября 1931; опубли.: Вернер В. Письма М.Чехова В.Масютину... С.133.

ждые его уравновешенному традиционализму, — они напомнили ему и спектакли Мейерхольда, и немецкий экспрессионизм, который для него воплощался в работе Масютина. Возмущали художника и примитивизм игры актеров, и мрачное оформление, раздражали заявка режиссера на новаторство и стилизаторские попытки, которые были ближе духу Достоевского, чем красочной русской сказке. К тому же Бенуа осенью 1931 побывал на литературном вечере, где Чехов выступал в сценах из «Ревизора», и остался разочарован трактовкой роли Хлестакова как «неврастеника». Приведем отрывок из этого письма Бенуа:

Особенно же замечтаешь о конце, когда посидишь на таком спектакле, как тот, которым нас угостил наш отечественный гений Миша Чехов, очаровавший на антропософической почве (*Was ist das eigentlich?*⁴⁹) некую швейцарочку, которая выложила для его благоглупостей полтора миллиона (!) франков. Деньги не маленькие, и что только можно было б на них сделать!! А получилась неистовая и прямо даже непостижная чепуха и такая дурь, такое уродство, такая пошлятина, такое убожество, что рядом с этим и газрство Мейерхольда покажется мудрым, а декорации Лиссима блестящими! Ах, дорогой! Как жаль что Тебя здесь нет! В такие моменты хочется не руку пожать, не в жилет поплакать, а хорошо выругаться самыми отборными выражениями. Мы сидели рядом с Волконским, Лифарем и Сувчинским, и они чуть не плакали от стыда. С.Маковский хихикал и прыскал. Ремизов, перед началом благодушеествовавший и даже выражавший настроенное поощрительное, затем насмерть обиделся и за себя, и за все свое «обезьянье царство». Вот куда пришли «*les Russes incomprables*»⁵⁰! *L'ame slave*⁵¹ распространяет такое амбрэ, что вспомнились те утра, когда золотари, расплескивая бочки, цугом ехали по пустынным мостовым Петрополя! Но что было не лишено поэзии на рассвете белых ночей, то просто нестерпимо в окружении культуры, как никак, еще не совсем прогнившей. Ай-ай-ай!!! При этом, естественно, не обошлось без хватания звезд, высокопарных заявлений и намерений начать новую эру, найти формулу истинно интернационального искусства и т. п. На самом же деле это была самая пошлая балаганная толчея, какие-то сплошные стоны, пыхтения, визги, а на этом фоне отдельные, до жути некстатные, французские (кель прононс!⁵²) выкрики вроде анекдотических «у-тю?» «жэ-иси»⁵³. Мишка глуп, как пробка. И я еще на днях убедился в этом, прослушав снова монолог Хлестакова. Слышал ли Ты эту мерзость, от которой в упоении все наши ре-

⁴⁹ Что это такое? (нем.).

⁵⁰ Несравненные русские (франц.).

⁵¹ Русская (славянская) душа (франц.).

⁵² Здесь: какое произношение.

⁵³ «Где ты?» — «Я здесь».

цензенты с женами и детьми? Бедный Николай Васильевич! Хорошо, что он не слышит это претворение его (нежно им любимого, да и я-то как его люблю!) Ивана Александровича из милого вертопраха в дикого неврастеника, почти доходящего до эпилепсии... И зачем это ему (Мишке) понадобилось обратиться к Мясютину. Настоящий художник мог бы спасти положение. Даже Билинский или Лиссим⁵⁴ спасли бы. Все же сверкали бы красочки, золото. Здесь же получилось нечто гробовое, Бобок какой-то, к тому же специфически берлинского привкуса. А Краса Ненаглядная – та так просто двигалась не иначе, как гальванизированный труп!⁵⁵

Мнения французских критиков также разделились. Андре Антуан, видный режиссер и критик журнала «L'Information», в обширной статье вспоминает о предыдущих выступлениях Чехова в Париже. К его теориям Антуан отнесся скептически. Он считал саму сказку наивной и сумбурной, и только постановка и интерпретация показались ему хоть немного интересными. Зрителю приходилось удовлетвориться декорациями, наивность которых сглаживалась волшебством красок. «В этом русские действительно сильны, и тут мы их должники, – писал Антуан. – Чудо состоит в том, что декорации, сделанные с трогательной наивностью и беззаботностью, в конце концов создают ощущение пышности и страсти». Об интерпретации можно сказать лишь то, что оценке подлежат только танцы и мимика артистов, продолжал он. «Надо констатировать, что почти все они очень красивы и обладают чувством величия и ухарства, типичным для русских. Костюмы, как и декорации, – странное нагромождение тряпья чудной расцветки. Освещение подходит для этой постановки, полной мистики и всяких странностей, от которой, правда, не будешь растроган, но за которой все же все время занято следить». По мнению критика, секрет привлекательности спектакля еще и в том, что к нему примешаны элементы театра Дальнего Востока, японского и китайского⁵⁶.

Режиссуру Чехова оценили как эксперимент и отметили некоторые красивые и удачные режиссерские находки. Чехова-Ивана хвалили за сцену битвы с Кощеем, где совмещались элементы акробатики и клоунады. «Игра Чехова исполнена тонких нюансов, он отда-

⁵⁴ Б.К.Билинский работал для многих театров Парижа, Лондона и Нью-Йорка; в 1930 оформил оперу «Руслан и Людмила» для Русской оперы в Париже. Творчество С.М.Лиссима пользовалось большим успехом, его театральные и оперные декорации удостоивались премий.

⁵⁵ Письмо А.Бенуа М.Добужинскому, 12–14 ноября 1931, Париж. – Национальная библиотека Литвы. Архив М.В.Добужинского. Ф.30. Оп.2. Ед.хр.54. Л.22–22об.

⁵⁶ *Antoine*. «Le château s'éveille» au théâtre de l'Avenue // *L'Information*. 1931. 17 novembre.

ется своей роли с замечательной искренностью», – писал Ф.Стровский⁵⁷. Кроме Чехова, среди актеров особенно выделяли Давыдову (Кашевну) и Бергстрема (Еремку).

Спектакль посетили и американские критики, которым было особенно интересно ознакомиться с постановкой известного ученика Станиславского. Отмечая присущие славянам мистицизм и любовь к символам, критик американской газеты Эрвин Шверк высоко оценил спектакль, важнейшим элементом которого является музыка: «Очаровательная фантазия, гротескная постановка и экзотическая музыка создают новизну и необычайность спектакля, – писал он. – В этом красочном спектакле заключены многие тонкие и трогательные моменты»⁵⁸.

Сказка была показана только три раза. Спектакли, объявленные по 24 ноября включительно, из-за отсутствия сборов снимались. Театр Чехова перешел к другому репертуару. 20–27 и 29 ноября прошел вечер инсценированных рассказов Антона Чехова. «Потоп» Х.Бергера шел с 26 ноября по 7 декабря. С 6 по 15 декабря – новая серия миниатюр А.П.Чехова. 18 декабря был литературный вечер с участием Чехова, Крыжановской и Давыдовой.

Так закончился парижский сезон Театра Чехова, и труппа была распущена. Даже если Александр Бенуа, назвавший в своем письме сумму в полтора миллиона франков, затраченную на спектакль, и преувеличивает, тем не менее постановка обошлась слишком дорого, так что Чехов не только не получил прибыли, а, наоборот, опять оказался в долгах. Об этом вспоминала Давыдова:

Жоржетта, бескорыстная Жоржетта, по характеру своему больше похожая на русскую девушку, чем на швейцарскую миллионершу, терпела убытки. У нас в сердце была тоска – мы прекрасно понимали, что русский театр Парижу не нужен. Новая форма – пантомима с русским народным сюжетом – французам не понятна. Жоржетта, любившая искусство, имевшая машину Роллс Ройс, но принципиально ездившая в метро, эта демократическая миллионерша только тратила большие деньги, и нам это было тяжело, неприятно...⁵⁹

Но неудача эксперимента не развела Чехова с Бонер и другими единомышленниками. Они проявляли полное понимание чеховских стремлений. По мнению Бонер, именно этот спектакль яснее всего указал путь в будущее⁶⁰. Игорь Алексеев объяснял Станиславскому, что замысел Чехова был грандиозным:

⁵⁷ *Strowski F.* «Le château s'éveille» // Paris-Midi. 1931. 11 november.

⁵⁸ *Schwerke I.* Rhythmic Drama in Paris // Chicago Daily Tribune. 1931. 11 november.

⁵⁹ *Громова-Давыдова А.* Памяти великого артиста... С.48.

⁶⁰ *Boner G.* Hommage an Michael Tschechow... S.12.

...потуги очистить театр от пошлости и поставить его в уровень с совершающимися в наши дни потрясениями, а может быть, и над ними. Конечно, вся его затея с самого начала была обречена на провал. В этот раз его театр продержался всего два месяца и дал огромный убыток. Он грустен, озабочен, но не унывает и говорит, что хотя бы и в восемьдесят лет он никогда не устанет начинать заново.⁶¹

Результатом парижского урока был отказ Чехова от донкихотства. Алексеев продолжает в том же письме: «На Париж он больше не рассчитывает и хочет начинать теперь не с больших постановок, а с маленького дела, со студии. Он говорит, что ты ему так и советовал всегда, но он тебя не послушался и набил себе шишку в лоб». Среди всех проектов основать русский зарубежный театр попытка Чехова была единственно серьезной. «Меня судьба его театра очень интересует, – продолжает Алексеев, – потому что если работать за границей в театре, то только с ним; все остальное пошлость и бездарность. Чехов и в чудачествах и ошибках остается талантливым и смелым. У него есть чему поучиться»⁶².

Эксперимент Чехова стоял вне магистрального пути психологического театра, столь блестяще показанного МХТ на гастролях в начале 1920-х. Критик «L'Information», подводя итоги в рецензии на постановку Чехова, резко отметил: «Все, что могло прийти к нам из России, было принесено Станиславским и его труппой»⁶³. Эту фразу и подобные же высказывания русских рецензентов Чехов с горечью упоминает впоследствии: «Зачем же, в самом деле, я всю жизнь свою провел в Художественном театре и как осмелился “искать”, когда все уже найдено!» Только ставшее легендой имя Станиславского могло привести в волнение французскую театральную общественность. Постановка «Дворец пробуждается» осталась в памяти Чехова как самый горький опыт из его зарубежных экспериментов. Но из этого опыта он сумел сделать нужные выводы⁶⁴.

Что же касается воспоминаний Чехова о его жизни в Париже⁶⁵, тут необходимо внести коррективы, так как в них вымысел преобладает над реальностью. Чехов создавал миф о себе – бедном артисте, жившем в подвальных квартирах, а о своих актерских триумфах умалчи-

⁶¹ Письмо И.Алексеева К.Станиславскому от 1 января 1932; опубл.: ЛН 2. С.511.

⁶² Там же.

⁶³ *Antoine*. «Le château s'éveille» au théâtre de l'Avenue.

⁶⁴ См. сообщение Чехова русской газете о том, что он «предполагает и впредь совершенствовать этот спектакль, стремясь извлечь из этой первой своей попытки искания новых театральных путей возможно больший материал для дальнейших сценических работ» (Возрождение. 1931. 18 ноября).

⁶⁵ См.: Чехов М. Жизнь и встречи // Новый журнал. 1945. №10. С.34-50 (глава 19); опубл. с купюрами: ЛН 1. С.231-244.

вал. Впрочем, смешав даты и факты, он точно выразил самоощущение. Вспоминая последние парижские месяцы, Чехов дает скорее фантастическую, чем реалистическую картину: «Я уже давно жил на Монмартре. Моя дешевая квартира сменилась дешевой комнатой на грязной шумной улице, пропитанной запахом рынка и мясных лавок»⁶⁶.

На самом деле Чехов с женой поселились у Георга Бонера, отца Жоржет, в их большой квартире в респектабельном 16-м районе (3, Square Lamartine, Paris 16). «Сам Миша живет с Ксенией Карловой у своего мецената (швейцарцы)», – сообщал Игорь Алексеев Станиславскому⁶⁷. В последующие годы Чехов в письмах к Жоржет неоднократно вспоминал эту квартиру и «свою комнату» в красивом месте на площади Ламартин. Последние два месяца парижской жизни Чехова и его жена провели не только в комфорте (квартиру обслуживали повар и шофер), но и среди душевных и заинтересованных людей. Несмотря на все пережитое, дружба с Жоржет углубилась, а ее отцу, который интересовался искусством и собирал картины, общение с Чеховым открыло много нового. Об этом рассказывала мне Жоржет Бонер.

Чехов познакомился и с Алисой Бонер, и с тетей Анной, которую он будет вспоминать в письмах, хотя они встретились всего только один раз. Георга Бонера Чехов ласково называет в письмах «граф Орсино», а Жоржет станет его «любимой дочкой» – он сам назначил себя ее «отцом-2».

Через год с небольшим Чехов писал из Риги Мейерхольду, объясняя причины своего отказа от приглашения приехать в Москву, тем, что его не отпускали «вещи и обстоятельства, собственно, мелкого свойства». Одно из них – долги своим меценатам Бонер и Моргенштерн (Чехов умолчал о настоящих причинах, связанных с гонением антропософов и идеологией сталинизма). Положение вещей он описывает следующим образом:

Я затеял в Париже театр и так переносился, что перепугал зрителей всякого рода. Зрители обиделись, ничего не поняв (и понять было, пожалуй, трудновато – уж очень я навалился сразу), «покрыли» меня с головой, быстро съели и стали еще крепче в своих убеждениях. Меня они, правда, не переубедили (доводов у них не было никаких), но возможности выплатить долги – они меня лишили. (Должен я одной чудесной девушке⁶⁸ в Париже и одной почтенной даме в Германии⁶⁹). Обе эти иностранки очень любят наше русское искусство и с большой сердечностью

⁶⁶ Там же. С.241-243.

⁶⁷ Письмо от 1 января 1932; опубл.: ЛН 2. С.511.

⁶⁸ Ж.Бонер.

⁶⁹ М.Моргенштерн.

отнеслись к моим начинаниям. Тем более – значит!) Вот я теперь и выплачиваю.⁷⁰

Подводя итоги парижского эксперимента, Чехов писал: «Что я потерял в Париже? Деньги и излишнее честолюбие. Что приобрел? Некоторую способность самокритики и склонность к обдуманым действиям»⁷¹. Тем не менее он сделал выводы для развития своего актерского метода: «Но все же кое-какие художественные цели, намеченные мной, осуществить удалось. Русский театр за рубежом, как я представлял его себе, должен был сказать хотя бы скромное, но все же свое, новое, слово»⁷². Многолетний театральный опыт складывался в подсознании Чехова в систему, которая, как ему казалось, была верной и правдивой.

Новые возможности открывались режиссеру и актеру в Латвии, куда он был приглашен весной 1932. Он прощался с Парижем, но не с Бонер, дружба с которой, возникающая на основе общих духовных устремлений, только окрепла в последующие годы.

Продолжение дружбы. Письма из Литвы и Латвии (1932–1934)

Чехов был разочарован уровнем театральной культуры в Германии и особенно во Франции. Он повторял в своих интервью, что здесь к искусству относятся как к «развлечению довольно дешевого сорта»⁷³. Тогда он обратил свой взгляд на малые европейские государства – Литву и Латвию. Новое искусство, считал Чехов, может родиться только в такой стране, где есть новое мировоззрение, где есть планы широкого культурного обновления⁷⁴. Близость этих стран к России, вероятно, тоже сыграла свою роль, но главным мотивом было желание заняться настоящим творчеством.

Приняв приглашение на актерскую и режиссерскую работу от директора Национального театра Латвии Артура Берзиня и директора Театра русской драмы А.И.Гришина, 28 февраля 1932 Михаил Чехов с женой переехали в Ригу⁷⁵. Официальное приглашение от

⁷⁰ Письмо М.Чехова В.Мейерхольду от 13 февраля 1933; опубли.: ЛН 1. С.408.

⁷¹ См.: Чехов М. Жизнь и встречи. Там же. С.244.

⁷² Там же. С.243.

⁷³ Интервью Чехова газете «7 meno dienos» от 28 мая 1932 (№83) см.: Михаил Чехов. Литературное наследие. 2-е изд. Т.2. С.123.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ За год до этого, весной 1931, Чехов выступал с актерами Театра русской драмы в Риге, в Двинске и Митаве; в репертуаре были «Ревизор», «Потоп» и рассказы Антона Чехова. Чехов-актер снова почувствовал ту сердечную связь со зрителями, которой ему так не хватало в Париже, несмотря на внешний успех. Воспоминания о рижских гастролях 1931 года – одно из редких свидетельств

театра было необходимо, чтобы они, советские граждане, могли получить вид на жительство в Латвии. Вместе с ними в Ригу приехали В.Громов и А.Давыдова.

Через десять лет, находясь в Калифорнии, Чехов в воспоминаниях с ностальгией оглядывался на свое рижское прошлое – тогда он в последний раз имел возможность работать на родном языке. Латышские и литовские актеры владели русским языком и хорошо знали русскую культуру.

Первый год в Латвии для Чехова был наполнен невероятно интенсивной работой. В течение 1932 он поставил в Риге пять спектаклей, участвуя в них и как актер: три спектакля в Латвийском национальном театре (совместно с Громовым и актером Я.Зарином) и два – в Театре русской драмы.

Весной 1932 Чехов ставит одновременно два спектакля – «Эрик XIV» Стриндберга в Национальном театре и «Двенадцатую ночь» Шекспира в Театре русской драмы. В это время Макс Рейнхардт поставил в Риге для Национальной оперы оперетту «Орфей в аду» Ж.Оффенбаха. Чехов был приглашен на премьеру. Встреча с венским мастером послужила поводом для первого письма Чехова Бонер из Риги. Он пишет 7 марта 1932, накануне собственной премьеры драмы Стриндберга:

Бесконечные репетиции в обоих театрах совершенно меня изнурили, кроме того я уже один раз был во фраке и один раз на премьере Рейнхардта (оперетта). Какая была эта премьера? (так в тексте! – Л.Б.), но сам Рейнхардт был очень любезен и мил и пригласил меня в Ландау, чтобы сделать там совместный спектакль. Он меня приглашает именно тогда, когда я занят. Это хорошо.

Постановку Рейнхардта Чехов обошел молчанием в виде многоточия – развлекательный жанр привлекал его так же мало, как и предложение возвратиться на немецкую сцену.

Сведения о работе над первыми спектаклями и отзывы на них в латвийской прессе свидетельствуют, что Чехов пользовался любовью и уважением как мастер-актер и режиссер. 15 марта 1932 в Театре русской драмы состоялась премьера «Двенадцатой ночи», в которой Чехов исполнил роль Мальволио. Зрителям была предложена

Чехова о своем актерском успехе. «Без ложной скромности скажу: Рига оказала “московский” прием моему Хлестакову, – писал Чехов и хвалил труппу Театра русской драмы (с которой у него впоследствии возникнут серьезнейшие конфликты). – И репетиции проходили, как в Москве, в моем родном театре, в благоговейной тишине, сосредоточенно и любовно. Актеры подтянулись. <...> Я снова почувствовал, что я актер, что “халтуры” здесь не хотят, что все готовится к хорошему спектаклю и что никто из пишущей братии не ждет сладострастно провала» (ЛН 1. С.247).

сокращенная версия комедии, которая по режиссерскому замыслу требовала молниеносных перестановок декораций. Премьера собралла полный зал. После спектакля на банкете выступали директор театра А.Гришин и директор Национального театра А.Берзинь, которые поздравили Чехова с успехом. Исполнение Чеховым роли Мальволио считали самой блестящей, самой тонкой и веселой карикатурой из всех, виденных рижанами⁷⁶.

Несмотря на прекрасные отзывы, работа, проведенная в такой спешке, не могла принести Чехову внутреннего удовлетворения. Жанр итальянской комедии масок и требования комедийной легкости оказались трудными для русских актеров. На следующий день после премьеры, 16 марта 1932, Чехов сообщает Бонер:

Вчера была последняя премьера («Двенадцатая ночь»). Все было плохо, но, по странному стечению обстоятельств, публика и пресса ничего не заметили, и история всем понравилась! Oh la-la! Это хорошо!

После этой постановки Чехов убедился, что работа в Театре русской драмы не может удовлетворить его. В том же письме Чехов пишет Бонер о планах на будущее. Латвия представляется ему только пересадочным пунктом на пути к западному театру, и он рассчитывает на помощь Бонер. Лестное предложение работать педагогом и директором русского театра его не привлекает. Чехов хочет избавиться от обязанности присматривать за своими подопечными – Громовым и Давыдовой – и стремится дальше на Запад, но его беспокоит мысль о трудоустройстве Громова. Письмо полно намеков и надежд на дальнейшее сотрудничество с Бонер.

Мне здесь предлагают начать педагогическую деятельность и руководить Русским театром. Ну, а теперь по секрету, и только тебе!

Я хочу попробовать воспользоваться этими предложениями и тем самым задержать здесь Виктора Громова⁷⁷ <...> а самому легко и свободно, одним прыжком перемахнуть на Запад (куда же???) и там с кем-нибудь (с кем же???) направить свою жизнь по верному руслу. Nasche wam s kistotschkoj! Нужно, нужно как сле-

⁷⁶ «Великолепный спектакль! – отмечает русский критик. – Как режиссер Чехов дал спектаклю живой темп, ритм, блеск, движение, смех» (*Лев Максим*. «Двенадцатая ночь» // Сегодня (Рига). 1932. 16 марта).

⁷⁷ В 1932–1934 Виктор Громов работает ассистентом Чехова в рижских театрах и на курсах актерского мастерства, отмечен критикой как актер-партнер Чехова. Затем Громову удалось сделать ряд самостоятельных режиссерских работ: в Национальной опере Латвии он поставил оперетты «Сильва» и «Корневильские колокола», а в Театральной студии Елгавы – «Потоп» Бергера. В Государственном театре Литвы Громов ставил спектакль «Мигдал оз» по народной легенде. В 1934 они с женой вернулись в Россию.

дует проштудировать «Книгу»⁷⁸! Давно пора! Но, разумеется, прыжок на Запад станет возможен лишь тогда, когда с Запада подует попутным ветром! Пусть кое-кто на Западе (кто бы это мог быть?) не волнуется, что кое-кто на Востоке (кто это мог бы быть?) совершит прыжок внезапно. Восток будет выполнять исключительно пожелания и распоряжения Запада. Исключительно! Так что вопрос о задержании здесь Виктора Громова – это пока тайна, которая сообщается только тебе. Впоследствии он сам будет рад работать с русскими в старом театре. Вчера он сам говорил, что все еще любит старый театр. Кроме того, он сможет быть самостоятельным и прежде всего – работать по-русски. Это все его очень обрадует. Я уверен.

Что ты об этом думаешь?

Чехова можно понять: находясь в неопределенной ситуации эмигранта, он хотел оставить все двери открытыми – на всякий случай. Планы создания студийного театра в сотрудничестве с Бонер, их совместная работа в Риге будут обсуждаться и в следующих письмах.

Тем временем Чехов продолжает выполнять взятые на себя обязательства перед рижскими театрами. Он гастролирует по провинции и пишет оттуда об отсутствии контакта со зрителями. Вот письмо от 1 апреля 1932 из Двинска, где Чехов занят в спектаклях недавно открытого филиала Театра русской драмы.

Сейчас я сижу в Двинске. Этот город – особая вещь. Вещь в себе. Ты просто не можешь вообразить ничего более отсталого от жизни! Грязь и уединенность. Я бы не смог прожить здесь ни одной недели. Вчера приехал и сегодня ночью поеду обратно в Ригу! Рига! О, это... Париж!.. Мне бы хотелось, чтобы по приезде сюда ты бы сначала приехала в Двинск, тогда ты сможешь понастоящему оценить Ригу. Вчера я почти не мог играть, так как не было контакта (с публикой. – Л.Б.). Странно. Совершенно чуждая атмосфера. Очень интересно.

Мой милый доктор, как у тебя дела с работой? Я желаю тебе успехов, а также не забывай «Книгу»⁷⁹. И о Комнатном театре не забывай. Мне вот что кажется: серьезные, глубокие произведения-мистерии скоро станут необходимы. Почему у Рейнхардта так плохо идут дела? Потому что он не пошел дальше легкомысленных опереток и проч. От него люди уже хотят чего-то иного! Симптоматично.

Ежедневная работа в коммерческом театре утомляла Чехова. Русская труппа была слабой, творческая концепция – невнятной, все это

⁷⁸ Неясно, что имеется в виду: учение Штейнера или книга самого Чехова по актерскому искусству, замысел которой появился у него давно.

⁷⁹ Несмотря на все попытки, Бонер не смогла принять учения Штейнера, но это не помешало дальнейшей совместной работе над книгой об актерском искусстве.

было очень далеко от представлений Чехова об идеальном театре. Он думал о создании своей театральной школы, но весной 1932 это представлялось несбыточной мечтой.

Чехов поделился этими мыслями с Бонер в следующем письме, написанном на гастролях⁸⁰, – от 11 апреля 1932:

Знаешь, здесь почти невозможно основать школу! Теперь мне это совершенно ясно. Легче получить театр. Русская драма уже делает разные предложения. Тоже, может быть, театр, но только не школа. Во всяком случае, отсюда все видится иначе, чем изда- лека. И каждый день меняется. Мой план по задержанию здесь Громова слегка зашатался. Меня это очень огорчает. Хорошо бы- ло бы когда-нибудь конкретно и подробно обсудить этот вопрос с тобой – после того как прояснится все с твоим театром и здешняя ситуация. Должен тебе сказать, моя дорогая, добрая, любимая Жоржет, когда я думаю о театре, то думаю скорее о тебе. Что тут подделаешь. Посоветуй! = Секрет! Пожалуйста, читай ежедневно свою карманную «книжечку»! Там ты найдешь многое из того, что нас волнует. Если бы ты знала, как я устал от театра (мораль- но устал). Только Комнатный театр с тобой может доставить мне радость. Все актеры здесь (русские) так плохи! От этого вдвойне устаешь! В латышском театре ужасная спешка – это тоже отри- мает всякую возможность с удовольствием отработать пьесу. Все, все становится коммерческим делом, все механизмуется, и душа выбрасывается за ненадобностью!

К концу первого рижского сезона ситуация обозначилась со всей определенностью. В своем следующем письме Чехов возвращается к идее студийного театра⁸¹:

...что единственно верно относительно театра, так это то, что он должен родиться в маленьком скромном помещении и без вся- кой помпы. Здесь в Риге публика хорошая, понимающая, но театр чрезвычайно старомоден, и поэтому я вот что думаю: Комнатно- му театру не нужно признание *хорошей* публики, так как он дол- жен собрать вокруг себя свою *собственную*, новую публику.

Решив расширить поле деятельности, Чехов завязал контакт с бывшим актером МХАТ-2, директором Литовского государственного театра в Каунасе (тогдашней столице Литвы) Андреем Жилинским⁸².

⁸⁰ Театр русской драмы представлял в Либаве спектакли «Потоп» и «Двена- дцатая ночь».

⁸¹ Письмо написано до 22 апреля 1932 – незадолго до премьеры «Смерти Иоанна Грозного» А.К.Толстого в Национальном театре. Постановка Чехова и Громова; Чехов исполнял роль Иоанна.

⁸² Андрей Матвеевич Жилинский (Голяк; 1893–1948) – актер, режиссер, пе- дагог, литовец по национальности. Сотрудник МХАТа с 1918 по 1922, актер МХАТ-2. В 1929 принял гражданство Литвы и выехал с женой, актрисой Верой Соловьевой, из России. В истории театра Литвы известен как Андриус Олека-

В мае ожидался приезд Жилинского в Ригу на переговоры. «Что бы то ни было, я решил поговорить с директором таким образом, чтобы быть совершенно не связанным с Ригой», – сообщал Чехов Бонер из Риги 30 апреля.

Но оставались еще денежные обязательства. Несмотря на большую нагрузку в двух театрах, Чехов долго не мог выплатить долг Жоржет и ее отцу. Необходимо было устроить гастроль, сначала в Литве, а осенью – в Польше. Задолго перед гастрольной поездкой в Каунас, 4 мая 1932, он писал:

Все, все заработанные в Литве деньги (пусть даже небольшие) я сразу с благодарностью буду посылать тебе и господину Бонеру (это будет, может быть, только в середине июня). Никакие слова не в силах выразить того, как мне перед тобой стыдно. Сейчас не могу послать тебе даже половины... (Позор, прости меня! Но когда-то надо набраться мужества это произнести!) Я надеюсь, что осенью совершу турне в Польшу, и это даст мне возможность выплатить мой долг тебе.

Чехов жаловался: несмотря на усталость, по настоянию директора Театра русской драмы, который устроил ему «скандал», должен будет играть Иоанна Грозного еще раз до 18 мая. К тому же, пишет Чехов, когда настало время выплатить ему зарплату, у Гришина не оказалось денег (из письма от 5 мая).

И все-таки режиссер продолжает вынашивать проект театральной студии с Бонер, о чем пишет 10 мая из Риги: «Без тебя все мои планы и идеи висят в воздухе. Главную роль играет та информация, которую ты пошлешь для нашего Комнатного театра. Нам все нужно обсудить». Он пригласил Жоржет летом во время отпуска в Ригу.

В конце мая – начале июня Чехов гастрольирует в Каунасе по приглашению Жилинского⁸³, откуда 6 июня он пишет Бонер:

Жилинскас. (В письмах Чехов писал его фамилию как Жилинскас, а в воспоминаниях – Жилинский.) В 1930–1933 Жилинскас – директор Государственного театра Литвы и руководитель трех трупп: драматической, оперной и балетной. Заслуги Жилинскаса в истории литовского театра признаны. «Масштабность задач, блестяще им осуществляемых, способствовала проникновению в театр смелых новаторских исканий», – писал в 1938 Балис Сруога, видный литовский писатель и критик, знаток русской литературы (*Sruoga B. Apie tiesą ir sceną. Vilnius, 1994. S.237*). В 1934 Жилинский был вынужден уйти из Государственного театра, открыл Театр молодых в Каунасе. В 1935 переехал с гастрольной труппой Чехова в Америку. В Нью-Йорке основал Школу драматического искусства вместе с В.Соловьевой и Т.Дейкархановой. Благодарю за переводы с литовского Мейлуте Рамониене и Лаймуте Балоде (Хельсинки).

⁸³ Актер выступает в Государственном театре в инсценировках рассказов А.П.Чехова «Ведьма», «Жених и папенька», «Забыл!» (30 и 31 мая и 4 июня 1932); в роли Францезера в «Потопе» Бергера (3 и 5 июня 1932). На спектакле, прошедшем с огромным успехом, присутствовали президент Сметона с супру-

Мне остается сделать все так, чтобы появилась возможность более или менее легко освободиться. Я должен согласиться здесь <в Риге> на работу, так как благодаря этому можно будет что-то заработать и выплатить определенные долги.

Особенно это важно потому, что идея оставить здесь Громова не осуществилась! Для меня это очень грустная новость. Здесь так усилился кризис и настолько выросли национальные амбиции, что он как русский не может получить работу. То есть я опять не один, а:

я + (Давыдова + Громов) = X.

Эта формула меняет все мои надежды. Нам с тобой нужно подробно поговорить. Все мои надежды на будущее – были и продолжают быть связаны с тобой, но я не могу позволить себе снова создавать для тебя те же сложности, что в Париже.

Литовские гастроли дали возможность оплатить часть долгов, и 5 тысяч франков уже отправлены Георгу Бонеру в Париж. Чехова по-прежнему занимает идея создания Комнатного театра, совместного с Жоржет предприятия. «Комнатный театр – это верная идея», – так заканчивает он свое письмо.

Любопытно, что, пока Чехов в мечтах задумывает немецко-швейцарскую школу, в реальной жизни он получает приглашение на работу в Театральную школу при Союзе латышских актеров. Такое же приглашение на педагогическую работу Чехов получил и в Каунасе. Жизнь Чехов раздвоилась между мечтами и действительностью.

16 июня 1932 Чехов пишет, что они с Ксенией ждут «нашего дорогого Анатолия⁸⁴» в Латвию. В конце июня Бонер приехала на длительный срок – четыре месяца, планируя принять участие в театральной работе Чехова. «Со времени моей поездки сюда летом 1932 г. Миша и я работали над книгой об актерском искусстве. Эта литературная работа проходит красной нитью сквозь все другие дела», – вспоминала она впоследствии⁸⁵. В альбоме Бонер сохранилось много фотографий, сделанных этим солнечным летом, наполненным дружбой и творчеством. Первые недели Жоржет провела с Чеховыми и Громовыми на курорте Азари II (Юрмала). Чехов юмористически описывал Георгу Бонеру жизнь его дочери в Азари: как она мало

гой, многие министры и видные политические и общественные деятели. В программе вечера, посвященного Антону Чехову, были инсценировки рассказов и сцены из «Дяди Вани»; впервые в Каунасе выступала артистка МХТ Вера Соловьева, жена Жилинского (см.: Сегодня. 1932. 1 июня). Б.Сруога в своем обзоре назвал Чехова одним из самых выдающихся актеров и режиссеров своего времени. «Некоторые его считают даже гениальным», – писал критик (*Sruoga V. Arpie tiesā ir scenā*. S.240).

⁸⁴ Так Чехов называл Бонер со времени их совместной работы в Париже над пьесой А.Шницлера «Анатоль».

⁸⁵ *Boner G. Hommage an Michael Tschchow...* S.14.

спит, как проводит время в трудах... В начале августа вместе съездили в православный монастырь в Печоры (Эстония).

Одновременно началась серьезная работа над книгой об актерском искусстве. Она писалась в 1932–1934 на немецком языке в сотрудничестве с Бонер. Возможно, Чехов параллельно делал свои заметки на русском. Первые наброски книги, или «брошюры», как называл ее Чехов, были сделаны в летние месяцы на Рижском взморье. Работа шла в течение многих лет, книга постоянно перерабатывалась, и в результате возникло несколько ее редакций – на немецком, русском и английском языках⁸⁶. Как следует из писем Чехова к Бонер, в своей работе он учитывал систему Станиславского – своего учителя⁸⁷.

Педагогическая работа в Литве и Латвии

В августе–сентябре 1932, по приглашению директора Государственного театра Литвы А.Олеки-Жилинскаса⁸⁸, Чехов приступил к педагогической и режиссерской работе в Каунасе. С ним был заключен контракт на постановку двух спектаклей и проведение занятий по актерскому мастерству. По приезду в Литву Чехов сразу же был окружен близкими ему по духу бывшими коллегами по МХТ, другими русскими эмигрантами. В частности, в театре с 1929 по 1939 работал М.В.Добужинский. Актеру приходилось два-три раза в неделю ездить из Латвии в Литву и обратно, но с помощью ассистентов удалось выполнить все свои обязательства.

В Государственном театре Литвы Чехов поставил три спектакля: «Гамлет» (1932), «Двенадцатая ночь» (1933) и «Ревизор» (1933)⁸⁹.

⁸⁶ См., например: *Чехов М. О технике актера; Chekhov M. To the Actor on the Technique of Acting.*

⁸⁷ Следует отметить, что в это же время Станиславский пишет книгу, рассчитанную одновременно и на Америку, и на Россию. Первый том монографии «Работа актера над собой» (раздел книги «Работа актера над собой в творческом процессе переживания») сначала вышел в английском переводе (*An Actor Prepares / Trans. E.R.Napgood. New York: Theatre Arts Books, 1936*), в СССР был издан только в 1938. Вторая часть «Как строить характер» также вышла на английском языке (*Building a Character / Trans. E.R.Napgood. New York: Theatre Arts Books, 1949*). См.: *Дыбовский В. В плену предлагаемых обстоятельств // Минувшее: Исторический альманах. Вып.10. Paris, 1990. С.243-329; Carnicke S. M. Stanislavsky in focus. Amsterdam: Harwood Academic Publishers, 1998.*

⁸⁸ Жилинским также были приглашены Н.Гончарова и другие русские художники; балетмейстер Ф.Васильев, артисты балета В.Немчинова, А.Федорова, А.Обухов и Н.Зверев. В опере работали дирижеры Н.Малько, Э.Купер и А.Коутс. В Каунасе гастролировали Московский Камерный театр и театр «Габима».

⁸⁹ Позднее Чехов писал о литовском периоде со свойственной ему благожелательностью: «Два года, проведенные в театре Жилинского, я всегда буду вспоминать с радостной благодарностью». Критик Б.Сруога расценивал при-

Одновременно он преподает технику актерского мастерства актерам и студентам студии Государственного театра⁹⁰.

Все свободное время Чехов отдавал начатой летом работе над книгой.

Переписка между ним и Бонер в тот период шла особенно интенсивно. Бонер рассказывала мне в апреле 1995, что Чехов засыпал ее то шутивными и «любовными», то серьезными письмами. Она же в ответ писала самые обыкновенные, так как не умела настроиться на его шутивный тон. Разницы в возрасте она не ощущала, а Чехов считал ее ребенком. Так возникли в чеховских письмах ласковые обращения «доченька», себя же он называл «отец 2-й» или «астральный отец» (не без намека на учение Штейнера об астральном, потустороннем мире).

Выше уже упоминалось, что Чехов критически относился к своему актерскому успеху. Получив в Риге признание как яркий и своеобразный исполнитель комедийных и драматических ролей, он чувствует при этом себя все менее удовлетворенным. Из письма Бонер от 3 сентября 1932 из Каунаса: «Моя работа доставляет мне особенную радость, так как я знаю, что сам играть не буду! О, какая радость это сознание! А Рига? Да, там я опять буду в гриме!»

Репетиции «Гамлета» Чехов проводил одновременно в Каунасе и Риге (в Риге он исполнял и заглавную роль). Первая премьера состоялась 11 октября 1932 в Литовском государственном театре, вторая – в Национальном театре Латвии 21 октября.

Янис Карклиньш, близко наблюдавший за актером в театре, рассказывал о том, что перед каждым выходом на сцену Чехова охва-

глашение Чехова как очень важный шаг для развития литовского театра. И хотя многие и согласились с этим мнением, все-таки полного единодушия среди критиков и театральных деятелей Литвы не было, и это добавило Чехову проблем. Литовская театральная критика в то время не отличалась высоким профессионализмом, а самый компетентный из критиков Б.Сруога, писавший о первых постановках Жилинского, отказался от этой работы. По приезде Чехова в Каунас ситуация в театральном мире была очень сложной: актера мог ожидать как успех, так и нападки коллег и критиков.

⁹⁰ Молодой литовский театр остро ощущал необходимость в хорошей школе. В 1924 в Каунасе была открыта театральная студия. С 1930 Жилинский начал знакомить своих учеников не только с системой Станиславского, но и с принципами другой системы актерской игры – методом Чехова. Приступив к занятиям со студийцами, Чехов работал без переводчика, так как литовцы хорошо знали русский язык. С 18 августа по 29 сентября 1932 Чехов провел 16 занятий, а в октябре–ноябре еще серию занятий. Конспекты этих занятий, сделанные Р.Юкнявичюсом на русском языке, были изданы значительно позже (см.: Михаил Чехов и литовский театр. М.: ГИТИС, 1989). Аналогичные записи делались и другими актерами (хранятся в Музее театра, музыки и кино Литвы, а также в фондах РГАЛИ).

тывал непонятный, почти непреодолимый страх. Особенно запомнился случай, происшедший осенью или зимой 1932, когда Чехов играл Гамлета. Перед спектаклем Карклиньш застал Чехова в его артистической уборной совершенно подавленным, в состоянии полнейшей апатии:

Этот полумертвый человек внезапно всовывает мне в руку оружие и призывает: «Ваня, спаси! Убей меня – не хочу идти на сцену!» Возможно, в состоянии депрессии мой друг этому, где-то там в глубине сокрытому желанию чрезмерно внимает, и оно невольно вырывается наружу. Здесь не только обычный страх перед рампой – он отлично знает и сам учит, как актеру избавиться от этого волнения. Лишь только поднимется занавес, этот мистический страх и подавленность тотчас улетучиваются, а их место занимают живое горение и глубокая духовная радость.⁹¹

Возможно, причиной этого страха были повышенная требовательность к себе и боязнь утратить контакт со зрителем – последствием недавних переживаний на немецкой и французской сценах.

В письмах Бонер из Каунаса Чехов рассказывает, что Жилинский и его жена Вера Соловьева, которая исполняла роль Гертруды в «Гамлете», хотели бы продолжать работать с ним и в будущем. За короткий срок репетиций «Гамлета» Чехов делал все возможное, чтобы повысить уровень литовской театральной культуры, которая в тот период еще только формировалась. Он пишет о литовских актерах: «Ему <Жилинскому> наверняка тоже сложно работать со здешними слабыми актерами. Я много здесь работаю, и если бы актеры были получше, мы смогли бы закончить очень-очень быстро». О премьере «Гамлета» писали почти все литовские газеты, вокруг спектакля развернулась полемика⁹².

Первый год работы в Риге принес Чехову славу и признание. Внешне могло казаться, что его планы реализованы, поступили и новые предложения и приглашения. Все выступления Чехова собирали полные залы, получили восторженные овации и блестящие от-

⁹¹ Карклиньш Я. «Убей меня – я не хочу идти на сцену!» // Даугава. 1993. №3. Янис Карклиньш (Janis Karklins; 1891–1952) – известный латышский журналист и театральный критик, друг М.Чехова. В 1944 эмигрировал в Швецию; в 1966 издал свои воспоминания (см.: *Karklins Ja. Latvijas preses karalis. Stockholm, 1966; опубл. в Латвии в 1990*). См. о нем: Письма Чехова Карклиньшу // Театр. 1992. №8, а также в воспоминаниях Чехова: ЛН 1. С.260-261, 267.

⁹² «Масштабная постановка Чехова, <...> сложность художественной ткани остались, как ни парадоксально, не понятыми ни критикой того времени, ни зрителями, – отмечает современная исследовательница. – Литовская критика уже после «Гамлета» демагогически утверждала, что якобы режиссера чересчур интересует форма, а содержанием он вообще пренебрегает» (*Алексайте И. Становление и развитие режиссуры литовского драматического театра. 1918–1940. Докт. дис. Вильнюс, 1982. С.330, 338*).

звы в прессе. Он мог бы продолжить свою актерскую карьеру, но мешали и внутренние, и внешние причины – неудовлетворенность собственной игрой, ансамблем русского театра, слабое здоровье и – в первую очередь – мечта о создании актерской школы.

Эта мечта осуществилась в Риге осенью 1932. По приглашению правления профсоюза латышских актеров он стал руководителем Театральной школы⁹³. Об открытии школы Чехов писал Георгу Бонеру 3 сентября.

Бонер же, уезжая в Цюрих в октябре 1932, увезла с собой первый вариант книги об актерском искусстве. Эта книга станет главной темой их переписки зимой 1932–1933. Уникальные письма Чехова, адресованные другу и помощнице Жоржет, рассказывают о созревании замысла книги, о том, как создавались ее варианты. Каким был самый первый вариант – неизвестно, но из писем можно сделать вывод, что в нем еще преобладала теория. Возможно, причиной был не только интерес Чехова к философии искусства, но и литературоведческое образование Бонер. Варианты отдельных глав посылались по почте из Риги в Париж и обратно. Между репетициями в Каунасе и в Риге и гастролями в Эстонии Чехов находил время для работы над рукописью. Конечным результатом явилась рукопись, сохранившаяся в архиве Бонер в Цюрихе.

22 декабря 1932 Чехов написал Георгу Бонеру в Париж – в этот «парадиз», как он называл квартиру Бонера на пляс Ламартин. Актер сообщал о том, что «евреи» (т. е. театр «Габима») приглашают его в Палестину для постановки спектакля⁹⁴. «Мне очень хотелось бы видеть Палестину и играть роль еврейского полицейского», – шутит Чехов. Жоржет сообщила, что отец заинтересовался рукописью их книги, и Чехов предлагает Георгу Бонеру прочесть ее, если только тот вытерпит все погрешности против немецкой грамматики, сделанные автором.

⁹³ Из воспоминаний Чехова: «Время нашлось и для работы в театральной школе, которую организовало латышское правительство, поручив руководство ею и преподавание в ней мне. Как иностранец, я не мог официально стоять во главе государственного учреждения, и директором школы был назначен всеми уважаемый в Риге бывший городской голова г-н А. Полный, добродушный, он всегда засыпал, появляясь для проформы в классах. Вся фактическая ответственность лежала на мне» (ЛН I. С.253-254). Помощниками Чехова в Театральной школе были Виктор Громов, режиссер Янис Зариньш и актер Янис Шабертс. Была разработана строгая программа трехлетнего обучения, и школа очень скоро приобрела авторитет. При школе был открыт специальный курс (семинарий) для профессиональных актеров, желающих пополнить и освежить свои театральные знания.

⁹⁴ В 1930, находясь в Берлине, Чехов блестяще поставил «Двенадцатую ночь» в театре «Габима».

В большом письме Жоржет от 26 декабря 1932 из Риги Чехов снова возвращается к обсуждению рукописи:

Детка! Только здесь, в Риге, я впервые прочитал всю свою болтовню, которую отослал тебе в Париж. Большое впечатление: это, как я и предполагал, хаос. Что из этого следует? Нечто очень важное: пока ты не должна стараться упорядочить этот хаос. Это наверняка преждевременно! Оставь все как есть, пока я не найду нужной формы, иначе я буду тебя без пользы мучить. У меня есть еще много что сказать, так что тебе действительно нет смысла уже сейчас начинать работу. Собственно, я должен был бы это знать раньше и избавить тебя от этой работы, но вначале мой писательский опыт не был особенно велик.⁹⁵

И далее:

Я бы хотел получить от тебя (в Каунас) не только 1-2-3-4 листа, но все-все, что ты взяла с собой. Иначе я никогда не выйду из хаоса к свету. <...> Смейся, смейся над моими немецкими предложениями. Я смеюсь вместе с тобой... С ковенскими (каунаскими. – Л.Б.) актерами дело обстоит уже немного лучше. Я очень благодарен тебе за твои слова. Часто забываешь, что нужно работать не с придуманным материалом, а с реальным.

Работа над книгой по технике актерского мастерства

В 1933 Чехов много работал в Литве. Для театральной работы в Латвии осталось меньше времени и сил, зато он уделял много внимания педагогике. С 12 января по 14 февраля 1933 Чехов провел 14 занятий по технике актерского мастерства с литовскими актерами. Одновременно он руководил репетициями комедии Шекспира в театре. По просьбе Жилинского Чехов написал для студийцев статью в форме письма, в котором раскрывает понятие «атмосфера»⁹⁶. На самом деле, это «письмо» – глава из книги, над которой он работал в те годы.

Чехов продолжал работу над книгой, хотя порой им овладевали сомнения в ее пользе. Он писал Бонер в недатированном письме (январь–февраль 1933) из Каунаса:

Иногда (все чаще) мне кажется, что писать вовсе незачем. Почему?

⁹⁵ И это писалось после того, как Чехов уже опубликовал и книгу («Путь актера», 1928), и значительное количество статей – и в России, и во Франции! Как мне рассказала Жоржет Бонер в апреле 1995, она и не подозревала о «писательском опыте» Чехова.

⁹⁶ См. письмо Чехова литовским студийцам от 4 октября 1933, Рига. Впервые опубликовано в сборнике «О творчестве актера» (Каунас, 1936). См. также: <Чехов М.> Коллективу студии Национального театра Литвы // ЛН 2. С.136-148.

1. Автор сам не может того, о чем он пишет. То есть – все из головы.

2. В авторском сознании все настолько не оформлено, что до того, как начать писать, нужно годами экспериментировать.

3. Для читательского круга это слишком сложно и неинтересно.

4. В эти дни я прочел, что Станиславский готовит 5 книг (!) о театральном искусстве. У него есть что сказать! Всю жизнь он экспериментировал и только сейчас готовит свои 5 книг! Это серьезно!

И т. д. и т. д.

Мужества, мужества, помощи, мужества!!!!

7 февраля он сообщает: «Я буду играть только старые роли у Берзиня (в Латышском театре. – Л.Б.). О новых ролях я вообще не могу думать. Сперва хорошо отдохнуть. Эта зима была трудной». В письме от 19 февраля 1933 из Каунаса Чехов обсуждает новый вариант некоторых глав, отредактированных Бонер: «Для наших читателей <...> следует писать еще более популярно». Знание Бонер мировой литературы оказало неоценимую помощь Чехову. Именно с ее помощью были подобраны необходимые цитаты.

Второй литовской постановкой Чехова была «Двенадцатая ночь» (премьеры состоялась 14 марта 1933).

Репетиции начались в канун 1933 и шли параллельно со студийными занятиями. Чехов придумал для спектакля достаточно сложную форму, требующую от актеров быстрой, подвижной игры, и в начале репетиций им приходилось очень трудно. Чехов впал в отчаяние. Он писал Бонер из Каунаса (недатированное письмо начала 1933): «С “Двенадцатой ночью” предстоит тяжелая работа: актеры играют свински плохо!⁹⁷ У них чувства юмора столько, сколько было у меня при рождении»⁹⁸.

Но уже после премьеры Чехов сообщал Жоржет Бонер: «Все, кажется, благополучно. Пресса хорошая. (Русская еще не вышла.)» То, что комедия произвела положительное впечатление, он подтверждал через несколько дней в письме из Риги (недатированное письмо, март 1933):

«Двенадцатая ночь» получила довольно хорошие рецензии, а придут ли зрители – пока неизвестно. Гиннин (господин (шутка Чехова). – Л.Б.) Жилинскас ничего не пишет об этом. Декорации красивые, но актеры могли бы быть лучше. Но – терпение – ты однажды сказала мне. Хорошо, я буду терпелив.

⁹⁷ Игра слов, см. в оригинале: «Die Schauspieler sind wirklich Sauspieler!».

⁹⁸ Чеховскую шутку, скрывающую его отчаяние из-за неумелой игры литовских актеров, можно понять, если учесть, что при рождении он чуть не задохнулся – пуповина обернулась вокруг шеи.

Опасения Чехова сбылись – спектакль недолго продержался в репертуаре каунасского театра. Публика не была подготовлена к подчеркнуто условному театральному решению, которое предложил режиссер. Критика встретила премьеру доброжелательно, но раздавались и скептические голоса. Театральная и общественная ситуация в Литве весной 1933 не была благоприятной для русского режиссера. Нападки против него и Жилинскаса усиливались. Несмотря на это, Чехов заключает договор на третью постановку – «Ревизора» Гоголя и приступает к работе над оформлением спектакля вместе с М. Добужинским.

Весной 1933 окончательно оформилась идея практической части книги об актерском мастерстве. 5 мая Чехов так определял задачу:

Все-таки к одной идее я пришел. Не стоит ли начать с первой стадии и описывать все так, как будто это проблемная брошюра <Problem-Beschreibung>. Все теоретические упражнения – напечатанные другим шрифтом – могут, как раньше, служить началом. Все четыре стадии в качестве основного материала должны использовать переработку «Короля Лира» и еще одной современной пьесы. То есть чрезвычайно практично. Теперь ты должна мне сказать, насколько это хорошо и правильно, а также посоветовать, какую современную пьесу мне взять как пример для брошюры?

О характере первой сохранившейся версии книги, написанной по-немецки, позволяет судить рукопись в архиве Бонер⁹⁹. В дальнейшем рукопись сокращалась и почти полностью перерабатывалась. Возможно, под влиянием нового театрального опыта Чехов решил радикально изменить подход к материалу. Он пытается соединить в единое целое учение Штейнера и уроки Станиславского. Приехав майским утром 1933 из Риги в Каунас, Чехов написал Бонер длинное письмо о новом конспекте книги:

Теперь несколько слов о твоём послании. Очень, очень жаль, что мы не можем поговорить об этом. Писать о таких тонких ве-

⁹⁹ Рукопись (около 370 страниц) состоит из предисловия и четырех глав (творческие стадии). В предисловии упоминаются такие темы: фантазия, слово, духовная атмосфера, ритм, творческая индивидуальность, борьба с натурализмом и механизацией искусства, путь к индивидуальности актера, мировоззрение, судьба народа, идеальный человек, «я», работа писателя. В рукописи вводится понятие «“переживание” по терминологии Станиславского» («Empfängnis» – nach dem Ausdruck von Stanislavsky). Одновременно предлагается и другой подход – с использованием воображения. Судя по всему, структурно (разделение на «творческие уровни») книга была похожа на первоначальный замысел книги Станиславского, о котором Чехов узнал от своего учителя во время последней встречи с ним в Берлине в 1928, но по содержанию, безусловно, оригинальна – в ней излагается собственный (чеховский) метод. (Рукопись хранится в архиве Ж.Бонер, Цюрих.)

ща невозможно. Поэтому пишу только в общем и целом. Во-первых, я благодарю тебя еще и еще раз. Во-вторых: я чувствую себя виноватым, что ты так много поработала, в то время как мне надо переписывать всю книжку с начала до конца, и твоя работа – как я тебе уже раньше писал – преждевременная работа! Тебе самой не жаль? Я восхищаюсь твоим характером и люблю его.

Далее из письма следует, что сокращения касаются прежде всего раздела о речи и языке, написанного под влиянием теорий Штейнера. По просьбе Чехова Бонер излагала мысли Рудольфа Штейнера о драматическом искусстве. Чехов сетует:

...чем больше мне нравится твой прекрасный, умный пересказ, тем меньше меня удовлетворяет смысл дела, содержание. Ясность построения твоих предложений умалывает для меня содержание. Понимаешь? Но я все буду делать иначе, и поэтому это впечатление не расстраивает меня. И, может быть, с другой стороны, благодаря ясности твоего изложения неясность моего содержания становится более очевидной.

Важнейшими причинами переделки структуры книги были новый опыт Чехова – в литовском театре и сознание своей принадлежности к школе Станиславского, в то время неизвестной западным актерам.

В конце этого же письма от 26 мая Чехов благодарит Жоржет и восхищается ее трудом, а в конце спрашивает: «Сегодня в Германии никто не захочет иметь такую книгу, как эта брошюра. Что ты об этом думаешь?»

Неизвестно, что отвечала Жоржет, но работа была продолжена – возможно, с расчетом на публикацию в Швейцарии. В недатированных письмах 1933 года Чехов постоянно возвращается к «нашей брошюре». Отправляя Бонер новый недоработанный текст, он добавляет: «О брошюре. Как я тебе писал: я в отчаянии. Все должно быть тщательно переработано. – Хаос».

В апреле Чехов совершил гастрольное турне по Польше. В мае он выступал в Национальном театре Латвии и вел курсы для профессиональных актеров. В письме Бонер от 5 мая 1933 он жалуется на усталость и бессонницу и пишет: «Мне срочно нужен отдых, отдых, покой». Напряженная работа в двух странах отразилась на его здоровье.

Всю зиму и весну 1932–1933 Чехов и Бонер вынашивали идею немецко-швейцарской театральной школы. Но вышло по-другому: в письме от 26 мая 1933 Чехов сообщает о договоре с латышской оперой на сезон 1933/34 года: «...я уже занят на следующий сезон здесь, в Риге. Так должно быть еще некоторое время, так как долги должны наконец быть оплачены (кроме того, теперь у меня возникли некоторые неожиданные денежные обязательства в Риге)». Совместные театральные планы отодвигались на неопределенное будущее.

«Мои препятствия исключительно внешнего (денежного) характера, и я надеюсь, что они будут наконец преодолены и тогда я буду твоей тенью, постольку, поскольку ты это вынесешь», – пишет он.

В 1933 политическая ситуация в Латвии и Литве обострилась, и Чехов не получил приглашения на следующий сезон в Ригу, а в театральной школе он работал бесплатно. Следовало искать новую работу. По инициативе Я.Карклиньша ему предложили поставить оперу – «Волшебную флейту» Моцарта в Национальной опере Латвии. 26 мая 1933 Чехов пишет Бонер из Каунаса, что начал подготовительную работу над постановкой оперы. Он признает, что «слишком осмелел, <...> но этого требует жизнь». Весной Чехов смог наконец выплатить следующую часть долга Георгу Бонеру – в письме от 30 мая 1933 он сообщает, что передает с артистом Обуховым¹⁰⁰ господину Бонеру 1.750 франков в Париж.

Из писем Чехова к Бонер следует, что весной 1933 он продолжает вести занятия в Театральной школе в Риге; в июне–июле они с Громовым проводят пятидневный летний семинар для провинциальных актеров в Доме писателей в Сигулде. О семинаре Чехов пишет 26 июня:

Здесьние доклады: такие милые, внимательные, хорошие, симпатичные люди! Гораздо лучше, теплее, симпатичнее, чем в Риге.

(Но про Ригу не хочу говорить ничего плохого.) Виктор объясняет, как анализировать драматические образы, а я рассказываю, как пьеса должна развиваться сама по себе, и даю при этом такую массу упражнений, что им (слушателям) впору наестся ими до отвала и распухнуть. (Только я тощий.)

К письму была приложена карикатура Чехова: «Они – толстые, а я – тощий». Чехов послал Бонер открытку с фотографией Дома писателей.

Последние постановки: «Ревизор» и «Парсифаль»

В Риге Чехову открылись новые возможности. Директор «Дайлес»-театра Э.Смилгис пригласил его на гастроли, а также и в качестве режиссера. О своих планах Чехов писал Георгу Бонеру 3 августа 1933 с латышского курорта Азари II:

Потом, может быть, две-три постановки в здешнем «Художественном театре», где собраны лучшие актеры. Эта работа должна быть интересной. У господина Громова тоже, слава Богу, работы достаточно. К счастью, шовинизм здесь почти не ощущает-

¹⁰⁰ Анатолий Николаевич Обухов (1896–1962) – в 1930–1934 артист балетной труппы Литовской оперы (Каунас).

ся. Надеюсь, что и дальше так будет. В Литве же, напротив, меня почти каждый день ругают в газетах и при этом пишут, к примеру: он получает такие-то гонорары, сколько репы должен продать наш крестьянин, чтобы оплатить месячное жалование господина Чехова.

И все же сезон 1933/34 года начался для Чехова довольно тревожно. Он писал Бонер 18 сентября из Риги: «Начинаю изучение латышского языка. Причины? Националистическое настроение против меня здесь достаточно заметно. Нужно что-то делать, чтобы смягчить это настроение».

Еще до премьеры «Ревизора» положение иностранцев, особенно русских художников, в Каунасе настолько ухудшилось, что Чехов уже предвидит, что работу в Литве придется прекратить, о чем пишет 20 сентября: «Через несколько дней я покину К^онавсегда. Настроения против меня как иностранца победили, и я должен уехать. Грустно. В Латвии, кажется, происходит нечто подобное, но, слава Богу, пока все не настолько серьезно, и я надеюсь, что все останется по-прежнему. Посмотрим».

Премьера состоялась в Государственном театре Литвы 26 сентября 1933. Чехов и Добужинский сделали спектакль в форме остро-го гротеска, экспериментируя в области новых форм юмора. Литовские рецензенты обвинили режиссера в искажении русской классики, спектакль дал повод для возмущения и острых выпадов против засилия иностранного влияния в литовской культуре. Идеалы Чехова и его школа были объявлены вредными для молодого, ищущего свои пути национального искусства театра Литвы¹⁰¹. Как и в Советской России, театр Чехова был объявлен «чужим» – теперь уже по другим идеологическим причинам.

Вскоре стало известно об уходе Жилинского с поста директора Литовского государственного театра. Вместе с ним ушли и его студенты и все молодые актеры театра. Чехов понял, что его работа в Литве подходит к концу.

В Латвийской национальной опере работа над «Волшебной флейтой» в октябре была приостановлена, и Чехову заказали постановку «Парсифаля» Вагнера. В своих воспоминаниях он пишет, что ему было предоставлено неограниченное время и значительные средст-

¹⁰¹ См.: *Алексайте И.* Становление и развитие режиссуры литовского драматического театра. С.339-340. Добужинский ответил на критику большой статьей в защиту чеховского эксперимента, подчеркивая «значительность этой огромной работы» в обновлении классической традиции. Добужинский был прав, когда писал, что «критика не освещает <спектакль> или освещает тенденциозно» (*Добужинский М.* О постановке «Ревизора» в Литовском госуд^арственном театре // *Сегодня.* 1933. 16 октября). У «Ревизора» была огромная сценическая история, он шел в Каунасе даже в годы войны.

ва¹⁰². Интерес Чехова к ритму в актерском искусстве в процессе этой работы усиливается. Он пишет Бонер из Риги 14 ноября 1933: «То, что я сейчас пишу (имеется в виду книга. – Л.Б.) (писал, ибо «Парсифаль» отнимает все мое время), относится исключительно к теме ритма. Все только с этой точки зрения!». Закончил ли Чехов эту статью о ритме, неизвестно. Судя по тому, какие вопросы он задавал Бонер о ее работе, можно сделать вывод, что она согласилась продолжать работу над рукописью, несмотря на все досадные переделки.

В недатированном сентябрьском письме из Риги он рассказывает об интересном предложении, поступившем от рижского издателя:

Книга лежит камнем! Но в эти дни приходил один русский издатель (здесь, в Риге) и просил меня дать ему «Путь актера». Я не хочу делать этого, так как все это было написано в России и имеет слишком личный характер. Однако я предложил ему другое: короткие небольшие темы из книги (брошюры). Если позволит время, я, может быть, дам ему по-русски кое-что об «атмосфере» или «ритме». Он хочет издать это уже к Рождеству, но не знаю, хватит ли времени. Посмотрим.

Во время репетиционной работы над «Парсифалем» у Чехова случился тяжелый приступ грудной жабы на почве отравления никотином. Его состояние было опасным, и он провел в больнице больше месяца. Работу над оперой продолжил Виктор Громов (раньше Громов с помощью Чехова ставил оперетту «Сильва»). Режиссерские указания он получал от Чехова из больницы.

Мистериальный дух оперы Вагнера был, безусловно, близок Чехову, который был очень музыкален и обладал абсолютным слухом. Он пишет Бонер из больницы (февраль 1934):

Ритм – главное лицо в мире. Но ровно 5 минут назад я подумал: никакой на свете Рейнхардт ничего, совершенно ничего не может сделать в театре со старыми актерами и старыми принципами (драма, опера и т. д.). Даже при наличии дарования – шоу в наши дни недостаточно: нужно иметь ритмическое воспитание и духовные идеалы (я подразумеваю непосредственно антропософские идеалы). Конкретные идеалы (потому антропософские). Раньше, не так давно (даже несколько десятилетий назад), были идеалы, хотя и неконкретные, а также было немного ритма. Но сейчас! О, какая жизнь скверная! А так называемые «искусство» и «художник» – об этом вообще говорить не хочется.

Выписавшись из больницы, Чехов сам заканчивает работу над спектаклем. Премьера «Парсифаля» состоялась в Национальной опере Латвии 14 марта 1934, дирижировал оркестром Т.Рейтер. «Премьера была торжественной, – писал Чехов в воспоминаниях. –

¹⁰² ЛН 1. С.261.

Праздничная атмосфера зрительного зала передалась певцам и хористам, и они провели весь спектакль с большим подъемом»¹⁰³. В печати отмечали, что эта постановка Чехова стала событием, поднявшим сцену над пустотой и пошлостью, которые воцарились в рижском театре¹⁰⁴.

После «Парсифаля» Чехов получил заказ на вторую оперную постановку в Риге (осенний сезон 1934 года) – оперу К.Гольдмарка «Королева Савы».

Чехов прощается с Ригой

В связи с переменой политического климата в Латвии и Литве у Чехова оставалось не много надежд на то, что ему удастся и впредь ставить спектакли. Он задумывался о будущем, и, в частности, о работе в кино. В апреле 1934 к нему обратился некий Таубе, бывший секретарь Немировича-Данченко в МХТ, и предложил работу в кино в Париже. Для работы над фильмом нужно было 250 тысяч франков. «Имеют ли эти переговоры смысл?» – спрашивал Чехов Бонер в письме от 24 апреля. Жоржет проявила интерес и встретила с «киногосподами» в Париже.

Чехов рассматривал для себя потенциальные возможности кино – и в техническом смысле, и в области ритмической игры. С точки зрения актерского мастерства образцом для него была игра Чарли Чаплина, которым Чехов восхищался. В том же письме к Бонер он рассуждает на эту тему:

Хорошее, милое мое дитя, конечно, было бы очень хорошо когда-нибудь взяться за серьезную работу над фильмом. Ведь тут можно было бы сделать многое красиво и тонко. (Также и в финансовом смысле кино не сравнить с театром.) Кино настолько продвинулось, что в нем можно с легкостью осуществить такое, что в театре пока еще совершенно невозможно. В нем возможен ритм как форма игры. Правда? Я как-то видел один юмористический и ритмический момент в игре Чарли Чаплина – это было восхитительно! Если бы ты играла в фильме некую ведущую роль (и я вместе с тобой), то можно было бы осторожно попытаться кое-что сделать.

Тем временем обстановка в Латвии обострилась. Политическая атмосфера способствовала травле иностранцев. 15 мая 1934 произошел государственный переворот¹⁰⁵.

¹⁰³ ЛН 1. С.261.

¹⁰⁴ См.: Jaunakas zinas. 1934. №60.

¹⁰⁵ Переворот прошел без кровопролития; его совершила националистическая организация «Айзсерги» (aizsargi – защитники (латыш.)). Был распушен

Чехов в очередной раз оказался свидетелем смены государственного строя¹⁰⁶. В латышской театральной среде, хотя и в меньшем масштабе, повторилось то, что когда-то произошло во МХАТ-2. В воспоминаниях Чехов рассказывает о театральных интригах, зависти и измене, замешанной на политике¹⁰⁷. Защитниками и друзьями Чехова в это тяжелое время были театральные критик Янис Карклиньш, директор «Дайлес»-театра Э.Смилгис, молодые актеры¹⁰⁸.

27 мая в письме Бонер Чехов рассказывает о предложении поставить «Королеву Савы» Гольдмарка и заканчивает пророческими словами: «Но может случиться, что ближайшее будущее принесет что-то новое и придется быстро менять все планы». Затем идут две приписки с важными новостями. Сотрудничество с Громовым закончилось: для него больше не было работы – ни в студии, ни в театре, и они с женой решили уехать в Москву. Груз ответственности за их судьбу упал с плеч Чехова: «К этому должен еще сообщить тебе – пожалуй-ста, держись: госпожа Громова уехала в Москву! О, детка! Мне стало в два раза легче! Я легок как перышко! А господин Громов – уже за те несколько дней, что госпожи Громовой здесь нет, – стал совсем другим человеком». Громов уехал в Москву через два месяца.

Второй сюжет касается созревшей у Чехова идеи международной школы актеров:

парламент и установлена диктатура Карла Улманиса, который скоро стал президентом Латвии.

¹⁰⁶ Чехов позднее вспоминал: «Однажды ночью, возвращаясь с одного из таких заседаний (в школе. – Л.Б.), я заметил, что улицы как-то особенно пусты и тихи. И мне показалось: странная, напряженная атмосфера окружает меня, вызывая какие-то далекие, неясные воспоминания. Знакомое чувство беспокойства охватило меня. Я силился вспомнить, не мог, и это увеличивало безотчетную тоску. Вдруг мимо меня промчался грузовик. В нем плотно, плечо к плечу, стояли в молчании люди. Другой, третий грузовик. Снова все стихло. *Москва – семнадцатый год!* Наутро стало известно: в Латвии совершился бескровный переворот. Но переворот был в пользу фашистов. Воцарился Ульманис, и началась жестокая травля иностранцев» (*Чехов М. Жизнь и встречи // Новый журнал. 1945. №11. С.68.* Курсивом выделена фраза, опущенная в русском изд.: ЛН 1. С.262).

¹⁰⁷ См.: ЛН 1. С.260, 262.

¹⁰⁸ «Теперь, мол, все должно быть латышским сверху донизу. Так вожь провозгласил. Все немецкое или русское из нашей страны вон! Мы сами все лучше сделаем. <...> Театральной школе дают новых руководителей. Воспитанники протестуют, покидают школу и во главе с одаренным режиссером В.Пуце создают свою драматическую студию в коммерческом училище Олава. Там продолжается интересная, важная и сложная работа» (*Карклиньш Я. «Убей меня – не хочу идти на сцену!»*. С.175). О Я.Карклиньше Чехов писал как о человеке необычайной внутренней силы: «Идеалист, умевший любить свою родину без шовинизма, прямой, правдивый и бесстрашный, он был как бы со вестью своих соотечественников» (ЛН 1. С.260).

Вот еще что, моя милая, дорогая Жоржет: что ты скажешь, если я предложу школу, настоящую студию (не знаю, как можно сказать по-немецки), экспериментальную школу-студию, целью которой будет создание нового театра. (Не знаю, будут ли там учиться французы, немцы, швейцарцы или русские, или все вместе.) Мы бы могли брать с учеников определенную плату, которая хоть и не покроет расходы, но все же даст некоторое финансовое облегчение. Почему я об этом говорю? Потому что здесь, в Риге, я наблюдаю дополнительные обстоятельства: небольшая юная группа хочет эмансипироваться от школы, экспериментировать и создать новый молодой театр. Это идеалисты нашей новой школы. У меня было намерение далее руководить этой группой, независимо от школы. Но мы могли бы с самого начала иметь целью новый театр. Правда?

На письме отмечено рукой Жоржет Бонер: «пред-план Дартингтона», т. е. международного театра-студии в Англии, который будет открыт через два года.

Вскоре жизнь Чехова в Риге стала невыносимой: нападки на него и других русских артистов приняли угрожающие размеры¹⁰⁹. Сначала режиссера уволили из Национальной оперы. Из письма от 28 мая 1934:

Видишь, мое дорогое дитя! Вчера я пророчески написал, что «ближайшее будущее принесет что-нибудь новое». Сегодня так и случилось. Газетная статья основательно меняет мои планы. Я должен отойти от работы (пока от работы над оперой). Описать ситуацию более точно пока сложно. Трудно сказать, что будет со школой и другими здешними рабочими планами.

Наученный опытом в Советской России, Чехов предвидел, что статья в газете – только начало гонений. Следовало быстро менять жизнь, и те предложения Бонер, которые прежде откладывались на неопределенное время, теперь рассматриваются вполне серьезно. Чехов спрашивает в письме, интересуется ли Бонер организация «настоящему художественного, хорошо отрепетированного, артистически оформленного и т. д. турне?». У русских гастрольных спектаклей, считает он, есть большие возможности: их еще не видели в Чехословакии, Югославии, Сербии, Болгарии, Эстонии, Финляндии, Швеции, Норвегии, Голландии, во многих городах Польши. «Насколько я знаю, в Англии интересуются хорошими и художественными русскими спектаклями. И наконец: Америка! О-ла-ла!»

Чехов ответил в печати на обвинения против себя и Громова, развернулась газетная полемика. Через неделю ему было отказано в виде на жительство в Латвии. Он писал Бонер 5 июня из Риги:

¹⁰⁹ В качестве одного из образцов травли см. статью Зелтматиса о Чехове и Громе «Два гения, от которых следует избавиться» (Brīva zeme. 1934. 28 мая). Зелтматис («Златокудрый») – литературный псевдоним Эрнеста Карклиньша.

О нынешней ситуации: я писал в газетах, что не могу работать в опере, так как моя работа оценена как вредная. Мне ответили руганью и продолжали писать еще более позорно и лживо против меня и Виктора. Нам нужно уехать отсюда. Виктору это будет легче, он собирается в Москву, ждет вестей о работе. Мне несколько сложнее. Все неизвестно: школа, театр, русская драма... все неясно... и так неожиданно, так внезапно! Все было проделано 4–5 людьми, которые в нужный момент подняли голос против нас, иностранцев. Мы знаем всех этих людишек и знаем причины их крика, но... ничего не поделаешь. Я немного устал и завтра поеду за город. Не хочу больше ничего знать. Что будет, то будет. Все равно я ничего не могу сделать.

В недатированном письме от конца июня Чехов писал о трудностях с паспортами: Чеховы, как советские граждане, не могли въехать во Францию, Швейцарию и Марокко без визы, а для ее получения нужны были особые основания. Ждали литовских паспортов, но надежды не оправдались. Предложение работы от театра «Габима» Чехов мягко отклонил, ссылаясь на климат Палестины и плохое здоровье, хотя окончательно не отказал: он стремился сохранять все возможные варианты. В их число не входил только один: возвращение в Россию.

В конце июня Жоржет приехала в Ригу и провела с Чеховыми лето. Они работали над книгой об актерской технике и над киносценарием о Песталоцци¹¹⁰. Чехов был болен, доктора предписали ему постельный режим, и они с Ксенией уехали из Риги в деревню.

В воспоминаниях о последних месяцах в Латвии Чехов рассказывает о Жоржет Бонер, создает ее портрет, правда, опуская некоторые факты:

Но вот, неожиданно, пришло облегчение: у меня появилась слушательница. Молодая, очаровательная девушка, Жоржет Бонер. Она была подругой моей жены и приехала из Парижа, чтобы провести с нами лето. Это была особенная девушка и особенная слушательница. Во-первых, она была доктором философии и автором аналитического труда о творчестве Артура Шницлера. Во-вторых, несмотря на свою ученость, она была талантлива, остроумна и обладала богатой, живой фантазией. В-третьих, Жоржет была так же проста и сговорчива в жизни, как сложна и упряма в своих философских трудах и беседах. Ей, этой милой и красивой Жоржет, я и рассказывал мою сложную теорию ритма и композиции, в применении к театру. Но для нее мои мысли не были сложными. Напротив, своими вопросами, советами и рассуждениями она возносила меня на такие философские высоты или загоняла в такие тупики новейшей психологии, что я уже начал побаиваться: уж не слишком ли простоваты мои измышления?

¹¹⁰ Песталоцци Й.-Г. (Pestalozzi; 1746–1827) – швейцарский педагог-демократ.

Когда я уставал говорить, Жоржет читала мне вслух биографию Песталоцци. Она мечтала видеть этот неподражаемый по своему обаянию и трагическому комизму образ на экране. Она готова была субсидировать фильм, если бы я был в состоянии играть самого Песталоцци. Несмотря на мои уговоры, она не соглашалась на другого исполнителя этой роли. (Между прочим, Жоржет была тем ангелом-покровителем, с которым познакомили меня в Париже Высоцкие. Это она дала мне возможность осуществить постановку пантомимы, так печально окончившуюся для нас обоих.) Иногда Жоржет развлекала меня игрой в «слова». Она была лингвисткой, но русского языка не знала. Я говорил ей русское слово, и она, подумав немного, почти всегда безошибочно угадывала его смысл, извлекая корень из слова. Жене моей она очень помогала ухаживать за мной и делала это с легкостью и ловкостью сестры милосердия. Чутьем угадывала она и находила положения для моего тела, при которых моя боль утихала.¹¹¹

Так подошли к концу годы, проведенные в Риге. Они были наполнены для Чехова активной работой, которая оставила заметный след в истории латышского театра, а также в области педагогики и режиссуры. Несмотря на пережитые трудности, он сохранил хорошие воспоминаниями и о работе, и о талантливых латышских актерах, и о своих учениках.

В конце августа 1934 Михаил и Ксения Чеховы и Жоржет Бонер вместе уехали из Риги. Они ехали через Германию и остановились в Берлине, где встретились с Маргаритой Моргенштерн¹¹². Затем в октябре отправились в Италию – на лечение и отдых, в которых остро нуждался Чехов. «Она их везет сейчас в Италию – так как Швейцария визы им не дает. Но она надеется, что сможет выхлопотать визу, и тогда они поживут у нее в Швейцарии и там он <Чехов> отдохнет», – писала В.Масютина мужу¹¹³. Впереди их ждал короткий отдых в Венеции, где Бонер провела с Чеховыми две недели. Затем Жоржет уехала, а Чехов остался для лечения в итальянских санаториях. Встретились они только в декабре в Париже, где Михаил и Ксения Чеховы снова жили у Георга и Жоржет Бонер.

В Италии и во Франции. Осень–зима 1934–1935

Осенью 1934 Чехов оказался в неопределенной ситуации эмигранта, бездомного и безработного. Его терзала неустроенность, неуверенность в завтрашнем дне, досаждали многочисленные пробле-

¹¹¹ ЛН 1. С.263-264.

¹¹² Об этой встрече Бонер пишет в своих воспоминаниях, см.: *Boner G. Homage an Michael Tschchow...* S.14.

¹¹³ Письмо В.Масютиной от 25 августа 1934 см.: *Вернер В. Письма М.Чехова В.Масютину...* С.134.

мы – то с получением виз, то с поисками жилья и работы. Но Жоржет Бонер не оставляла своих забот о Чеховых, неизменно оказывая им дружескую помощь – не только моральную, но и практическую.

30 сентября 1934 Чехов послал Жоржет открытку, в которой сообщил о «неожиданном сюрпризе»: «Леонидов¹¹⁴ предлагает гастроль с Пражской труппой¹¹⁵ начиная с 1.1.<19>35. Напиши поскорее твое мнение». Гастрольная поездка в США, которую обещал Леонидов, позволила бы Чехову покончить с неопределенным положением и показать себя на американской сцене. Эта идея обсуждалась корреспондентами в течение всей осени.

Тем временем Бонер с помощью своих высокопоставленных знакомых пыталась организовать Чехову приглашение в Швейцарию¹¹⁶ – на лечение, а также, возможно, и для работы в кино. Но из этого ничего не вышло: Чеховым визу не открыли. Поездка в Дорнах осталась для актера по-прежнему неосуществимой мечтой.

24 октября Чехов писал Георгу Бонеру, рассматривая разные планы на будущее: «Я думал о моем (возможном) отъезде в Америку, но для этого опять нужно испытать нечто особенное: зиму, холод, может быть, бурю и... болезнь. Было бы гораздо лучше отправиться в Палестину на том же корабле, на котором плыла госпожа Алиса <сестра Жоржет>. Я очень надеюсь, что когда-нибудь это произойдет – и обязательно с моей любимой и доброй, хорошей “секретаршей” – как Вы ее назвали (имеется в виду Жоржет. – Л.Б.)».

¹¹⁴ Леонид Давыдович Леонидов (Берман; 1885–1983, Париж) – антрепренер, импресарио. Устраивал гастрольные выступления актеров МХТ по России до 1917. Летом 1919 вывез в Харьков группу актеров МХАТа, в дальнейшем известную под именем «качаловской группы», которая выступала на юге России, в славянских странах, в Австрии и Германии – до 1922. Леонидов принимал участие в организации и проведении зарубежных гастролей МХАТа в 1922–1924. Оставил мемуары об актерах МХАТа, которые не отличаются фактической точностью: *Леонидов Л.Д.* Рампа и жизнь: Воспоминания и встречи. Париж, 1956.

¹¹⁵ Труппа артистов МХТ, оставшихся за рубежом. Прага с 1920 до 1935 являлась их базой (см. об этом: *Шик А.* Русские эмигранты в мировом театре и комедии // Возрождение. 1969. №213. С.112–116). Из Праги организовывались гастрольные поездки по европейским странам, главным образом со старым репертуаром МХТ. Чехов присоединился к Пражской труппе в декабре 1934, чтобы принять участие в гастролях в Брюсселе и Париже, а с февраля по май 1935 – в США.

¹¹⁶ В письме к мужу подруги Бонер рассказывала о том, какие трудности у Чехова со швейцарской визой: ему не разрешают въезд в страну, так как для этого «нет особой причины»; он – советский русский, к которым относятся с особенной осторожностью, а не беженец, и поэтому он не получил разрешения на работу. Попытки действовать через знакомых тоже не привели к успеху (см. копию письма Бонер г-ну Фарнеру от 4 октября 1934. – Архив Ж.Бонер, Цюрих).

Гастрольные планы долго висели в воздухе, обеспокоенный Чехов писал Жоржет 27 октября: «Леонидов молчит как мертворожденный». И все-таки в ответ на какие-то новые предложения Жоржет Чехов отвечает: «Надо поехать в Америку, надо работать! Но договор еще не подписан!» В этом же письме он взвешивал доводы за и против гастрольной поездки, считая, что «для фильмовой работы поездка в Америку важна». 12 ноября 1934 Чехов снова выражает беспокойство: «Мы все еще в Парме, никаких сведений нет от Леонидова, и репетиции¹¹⁷ должны скоро начаться».

Наконец Леонидов объявился, но Чехов все еще не чувствует себя здоровым. Он пишет из Генуи 17 ноября: «Лежу, как только могу. Леонидов хочет, чтобы я приехал в Париж 26.11, но это невозможно, пока история с сердцем продолжается. О, как грустно!». Для того чтобы поправиться, нужны покой и «английский темперамент», об этом Чехов пишет Бонер 20 ноября: «Вот оба мы – англичане! Отлично! Абсолютная тишина и покой. <...> Причина рецидива связана в основном с нервами, а эти вещи не так-то просто до конца понять. (Мое собственное мнение – 43 года жизни на нашей земле – за несколько месяцев это не вылечить.) Каждый день помогает выздоровлению, хотя еще не окончательно, поэтому пытаемся выиграть время в борьбе с Леонидовым». Появились и сложности с визой во Францию, которая проводила жесткую политику в отношении иностранцев.

В ожидании визы Чехов продолжает работу над книгой, он пишет Жоржет 8 декабря из Нерви:

Насколько позволяют силы, пишу о ритме. Конечно, дело идет много медленнее, чем того требует душа. Однако хоть и медленно, но все время продолжаю писать. Иначе никогда не закончить, а по многим важным причинам закончить нужно!!!!

Чехов считает, что для его будущей педагогической работы на Западе просто необходимо опубликовать этот труд.

В ожидании отъезда в Париж, или «Парадиз», как называл его Чехов, он послал Жоржет письмо с забавным рисунком и текстом: «Все животные придут в Парадиз» (11 декабря 1934, Нерви).

Париж. Начало гастрольной поездки Пражской труппы

В декабре Чехов с женой приехали в Париж и остановились в уже знакомой квартире у Георга и Жоржет Бонер. В это время находящаяся в Париже Пражская труппа готовилась к гастролям в Америке. Тут оказались многие старые знакомые Чехова, актеры Художе-

¹¹⁷ Репетиции гастрольных спектаклей Пражской труппы с участием Чехова и под управлением Леонидова начались в декабре 1935 в Париже.

ственного театра: уехавшие из Литвы Вера Соловьева и Андрей Жилинский, Мария Крыжановская и др.

Первые гастроли, организованные Леонидовым, прошли в Бельгии и во Франции в январе 1935. В Брюсселе Пражская труппа выступала дважды – 15 января с инсценированными рассказами Антона Чехова и 18 января – с «Ревизором». Одна из бельгийских газет опубликовала хвалебную рецензию на «Ревизора»; в интервью, данном другой газете, Чехов делился воспоминаниями о А.П.Чехове, рассказывал о своем пути артиста и о своей теории актерского искусства¹¹⁸.

В Париже в свободное время Чехов брал у Жоржет уроки английского языка. Результат этих занятий виден уже по его письму из Брюсселя (январь 1935), первому из написанных на английском (с добавлением немецких слов): «Я целую и люблю тебя, хотя я и старик. Ты самое полезное животное, которое ходит в университет»¹¹⁹. О том, как трудно Чехову было вернуться на сцену после серьезной болезни, можно узнать из следующего его недатированного письма из Брюсселя:

...во время игры у меня были боли, и я снимал их нитроглицерином. После спектакля и позднее, вплоть до нынешнего дня, я чувствую себя сносно, даже хорошо – что меня очень радует. Надеюсь, что завтра во время игры будет лучше и легче. О спектакле в художественном отношении: играли очень медленно и плохо. Я думал, что критика тоже отзовется плохо, но вышло лучше, чем я думал.

О предстоящих гастролях в Америке Чехов писал в этом же письме:

Контракт с Леонидовым пока еще не подписан, поскольку Юрок¹²⁰ зол на Леонидова и не отвечает ему на вопросы, которые важны для подписания контракта (!?!). Он зол потому, что я играю только в «Ревизоре», «Вечере Чехова» (и, возможно, в «Грозном») (!?!). Однако Леонидов не хочет и «Грозного», так как у него нет денег на декорации. Должен сказать – мне ситуация совершенно непонятна.

В Париже гастроли Пражской труппы прошли с 23 января по 4 февраля в Théâtre d'Art на бульваре Батиньоль. В репертуаре были

¹¹⁸ См.: Le Théâtre d'Art de Moscou (groupe de Prague). Le Revisor // Nation Belge. 1935. 18 janvier; *Eric de Hauleville*. Entretien avec Michel Tchekoff // L'Independent Belge. 1935. 19 janvier.

¹¹⁹ См. оригинал: «I kiss and love you obwohl <хотя (нем.)> I am the old man. You are the most useful animal who goes in university». Т. е. во вселенной; обыгрываются английские слова: university – universum.

¹²⁰ Сол Юрок (Sol Hurok; Соломон Израилевич Гурок; 1888–1974) – американский импресарио русского происхождения.

следующие постановки: «Женитьба» Гоголя, «Чеховский вечер» (инсценированные рассказы), «Бедность не порок» А.Островского, «Белая гвардия» М.Булгакова и «Чужой ребенок» В.Шкваркина. И конечно, «Ревизор». Этот спектакль стал событием в театральной жизни Парижа. О Чехове-актере писали и С.Волковский¹²¹, и Владислав Ходасевич¹²².

Американские гастроли становились реальностью. 2 февраля 1935 Чехов пишет Анне Бонер, тетке Жоржет:

Сегодня должно наконец решиться, состоится ли американское турне. Все еще есть определенные сложности с контрактом. Антрепренеры – гораздо более ловкие люди, чем актеры. Здесь, в Париже, три раза играли «Ревизора», и, к моей величайшей радости, я хорошо перенес все спектакли (кроме первого), и мне становится играть все легче. В этом отношении я совсем спокоен, и покой придаст мне сил! Мое беспокойство относительно турне по Америке сейчас чисто материального свойства (выполняют ли господа Юрок и Леонидов свои финансовые обещания) – оно более не связано с моим здоровьем.

Из письма видно, что Жоржет собиралась поехать в Нью-Йорк вместе с труппой, – видимо, ее отец помог с билетами и Чеховым. «Как хорошо что Жоржетка поедет в Америку! – читаем далее. – Г-н Бонер позаботится о билетах на “Лафит”. Отъезд 6.2».

6 февраля 1935 Михаил и Ксения Чеховы, Жоржет Бонер и труппа русских актеров, собранная частью из Пражской труппы, частью из молодых актеров, отправилась в Америку. Впереди были гастроли в Нью-Йорке (театр «Мажестик») в феврале–марте; в Филадельфии и Бостоне – в апреле. Бонер довелось стать свидетельницей актерских триумфов Чехова не только у русских зрителей, но и у американских театральных деятелей, которые впервые увидели Чехова-артиста.

Жоржет писала об этом отцу в Париж, куда она вернулась только в мае.

В Америке Бонер по-прежнему помогала Чехову, в частности с английским языком, ходила с ним по театрам. Весной 1935 в Нью-Йорке Чехов получил приглашение открыть театральную студию в Дартингтоне (Англия). Туда же была приглашена и Бонер – для чтения лекций. В Дартингтоне Чехов провел два года (1936–1938).

¹²¹ См. отзыв критика: «Можно не соглашаться с его Хлестаковым, но нельзя не преклониться перед выдержанностью и верностью раз принятому образу» (Волковский С., кн. «Ревизор» М.А.Чехова // Последние новости. 1930. 30 января).

¹²² «...“после Чехова” уже нельзя играть Хлестакова так, как играли “до Чехова”. Тут – огромная заслуга его перед Гоголем, перед русским театром» (Ходасевич Вл. По поводу «Ревизора» // Возрождение. 1935. 5 февраля).

До 1941 переписка между Чеховым и Бонер продолжалась достаточно регулярно. Затем наступил перерыв – началась Вторая мировая война. Бонер жила в Цюрихе, Чеховы в Нью-Йорке и с 1943 – в Лос-Анджелесе. В 1946 переписка возобновилась и продолжалась до 1954. Но эти первые четыре года (1931–1935) – время, проведенное в Париже, Риге, Каунасе, Германии, Италии и США, – были пиком их дружбы и тесного общения. Эти годы вместили все: работу над спектаклем и над рукописью книги, серьезные и веселые разговоры и уроки, путешествия по странам и городам...

У Чехова было много друзей и поклонников, но в Западной Европе больше всего он сошелся с Жоржет Бонер, которая была одним из самых верных его друзей, близким сотрудником и активным помощником в его театральных исканиях.

D
Varia

Рашит Янгиров

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ И КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА 1920-х ГОДОВ

(По новым материалам)

История русской зарубежной печати и книжного дела – предмет живого интереса исследователей. Свидетельство этому – появившиеся за последние годы ценные научные работы и справочные издания¹. По общему мнению, утрата редакционно-издательских архивов не позволяет реконструировать процесс с необходимой полнотой, но до известной степени эту потерю могут компенсировать недооцененные пока источники – архивы российских юристов-эмигрантов из собрания «Пражского архива» (РЗИА), хранящиеся ныне в Государственном архиве РФ. В них отложились весьма цен-

¹ См.: Блюм А. Печать Русского зарубежья глазами Главлита и ГПУ // Новый журнал (Нью-Йорк). 1991. Кн.183; Шомракова И. Книжное дело Зарубежья (Европа. 1917–1940) // Книга: Исследования и материалы. Вып.67. М., 1994; Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б. Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов // Stanford Slavic Studies. 1997. Vol.13-17; Книга Русского зарубежья в собрании Российской Государственной библиотеки. 1918–1991 / Под ред. В.Харламова. Т.1. СПб., 1997; Т.2-3. М., 2002; Залевский В., Голлербах Е. Распространение русской печати в мире. 1918–1939: Справочник. СПб., 1998 (далее – Залевский, Голлербах, с указанием страниц); Литературная энциклопедия Русского зарубежья. 1918–1940: Периодика и литературные центры. М., 2000; Газета «Сегодня». 1919–1940. Роспись: В 2 ч. / Сост. Ю.Абызов. Рига, 2001; Литературная энциклопедия Русского зарубежья. 1918–1940: Книги. М., 2002; Полански П. Русская печать в Китае, Японии и Корее: Каталог собрания Библиотеки имени Гамильтона Гавайского университета. М., 2002. См. также библиографический обзор: Печатное дело Русского зарубежья в исследованиях и документах: Материалы к библиографии / Сост. О.Коростелев // Диаспора: Новые материалы. Вып.5. СПб., 2003.

ные и подчас уникальные материалы по истории художественной культуры эмиграции, в том числе русской зарубежной словесности и литературного быта, которые экспонируют хорошо известные или забытые события в новом, подчас неожиданном ракурсе юридических описаний.

Исследователи уже обратили внимание на чрезвычайно важную роль, которую сыграли российские юристы в утверждении правового статуса Зарубежной России и ее подданных². Их усилиями во всех локусах европейской диаспоры была сформирована система эмигрантской «юриспруденции», основанная на деятельности Третейских судов – специальных представительных органов досудебного урегулирования имущественных, деловых и трудовых споров. Российские адвокаты, традиционно занимавшие одну из высших ступеней в общественной иерархии метрополии, и в условиях изгнания сохранили авторитет и уважение всех кругов диаспоры³, оставаясь незаменимыми посредниками в общении эмигрантов с правовой системой приютивших их стран и в их юридических сношениях с метрополией. Широкая и разнообразная деловая практика юристов нередко пересекалась и с художественной деятельностью, в том числе и с деятельностью русских издателей за границей⁴.

Наша работа основана на изучении архивов Мануила Сергеевича Маргулиеса (1868–1935), Бориса Львовича Гершуна (1870–1957) и Бориса Исааковича Элькина (1887–1972)⁵, занимавших видное положение не только в профессиональном сообществе, но и в общест-

² См. об этом: *Ипполитов С., Недбаевский В., Руденцова Ю.* Три столицы изгнания: Константинополь. Берлин. Париж. Центры зарубежной России 1920-х – 1930-х годов. М., 1999. С.62.

³ Ср. со свидетельством современника: «Адвокатура у нас притягивала даровитых людей. Она была соблазнительна своей свободой. Она сулила заработок, его размеры несколько обманчиво рисовались воображению по гонорарам поверенных первого призыва, когда спрос на адвокатов был большой и их в природе было мало. Но я думаю, в тяге талантов к сословию присяжных поверенных играли роль не столько меркантильные соображения больших клиентских кушей, сколько обольстительные условия вольной профессии, располагавшей через рупор гласного суда ушами российской общественности, всегда либеральной, всегда оппозиционной, всегда деспотической...» (*Чебышев Н.* Бли: язь даль. Наши адвокаты // *Возрождение* (Париж). 1929. 18 октября).

⁴ Первостепенную роль в издательской практике занимали вопросы соблюдения авторского права. См. об этом: *Яценко А.* Авторские права русских писателей за границей // *Русская книга* (Берлин) (далее – РК) 1921. №2. С.1-3; *Ипполитов С., Катаева А.* «Не могу оторваться от России...»: Русские книгоиздатели в Германии в 1920-х гг. М., 2000. С.58-63 (далее – Ипполитов, Катаева).

⁵ О последнем см.: *Рогачевский А.* Борис Исаакович Элькин и его оксфордский архив // *Евреи в культуре Русского Зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе.* Вып.5. Иерусалим, 1996 (далее – ЕВКРЗ, с указанием выпуска и страниц).

венной и культурной жизни русского Берлина и Парижа. Эти материалы разнородны по сюжетам и составу участников, но в них отражены важные детали русского печатного дела во Франции и Германии в 1920-е, его правовые и производственные особенности.

Документы воспроизводятся в соответствии с нормами современной орфографии и пунктуации, в них не оговорены исправления мелких авторских описок, пропусков и опечаток. В угловых скобках раскрыты конъектуры и проставлены пропущенные даты. Выделения, сделанные в тексте курсивом, принадлежат авторам документов.

Наша искренняя признательность коллегам – Владимиру Хазану (Иерусалим), Льву Мнухину и Николаю Богомолу (Москва) за неоценимую помощь в библиографических разысканиях.

Журнал «Зеленая палочка» и
книгоиздательство «Север»

Двухнедельный детский журнал «Зеленая палочка» (ЗП), издававшийся в Париже с середины октября 1920 до середины января 1921, был одним из самых уникальных предприятий в истории русской зарубежной печати, хотя и не оставил по себе долгой памяти из-за «несерьезности» жанра и непродолжительности существования⁶. В последние годы история этого издания стала предметом нескольких публикаций⁷, авторы которых реконструировали ее по воспоминаниям инициатора и руководителя Дон Аминадо (Аминада Петровича Шполянского; 1888–1957) и по описаниям *de visu*. В нью-йоркской и московской частях архива писателя материалы ЗП практически не сохранились, но в фонде М.С.Маргулиеса отложились документы, по которым можно проследить историю журнала и представить алгоритм мотиваций и общую типологию эмигрантского издания, а также механизмы его воспроизводства.

Идея издания журнала для детей возникла у Дон Аминадо в то время, когда исход вооруженной борьбы на юге и юго-западе России был далеко не очевиден, а печатная рефлексия антибольшевистского

⁶ Повторениями этого опыта были детские журналы «Детский уголок» (Рига, 1926), «Ванька-Встанька» (Берлин, 1924–1927) и «Огоньки» (Париж, 1932–1933). Информацией о журнале «Дети – детям», недолгое время выходившем в Париже в 1920, мы не располагаем (см. о нем: *Алданов М.* Русская беллетристика в 1920 году // *Последние новости.* 1921. 2 января).

⁷ См.: *Позднякова Г.* Дон Аминадо и «Зеленая палочка» // *Труды Санкт-Петербургской академии культуры.* Т.143. СПб, 1997; *Гуткина А.* «Зеленая палочка» // *Литературная энциклопедия русского зарубежья...* С.174-175; *Рельева И.* «Зеленая палочка» – одно из наиболее интересных и малоизученных детских периодических изданий зарубежья 20-х – 30-х годов // www.ug.ru/00.48/pd6.htm.

лагеря была сконцентрирована вокруг пропаганды Белого дела. Не уклоняясь от общей «злости дня» в повседневной газетной практике, он держал в поле зрения и ее гуманитарную составляющую.

Не приходится сомневаться в том, что идея ЗП вызрела у Дон Аминадо под впечатлением бесчисленных эвакуаций, в которых участвовали и дети, на равных делившие со взрослыми участь беженцев. При том, что немногие из новоиспеченных эмигрантов, в том числе и сам он, в 1920 были внутренне готовы к долгой жизни на чужбине, самые невинные установки, реализованные в его журнале, поражают теперь исторической прозорливостью – например, рубрика «Крепко помни о России».

Летом того же года семья Дон Аминадо отдыхала вместе с семьей А.Н.Толстого в деревушке Sables d'Ologne на Атлантическом побережье Франции:

По вечерам сидели в темноте, на лавочке, у самого ржаного поля, напоминающего Россию. <...> В один из таких вечеров – пришлось к случаю, к разговору, – поделился с Толстым своей давно уже назревавшей мыслью об издании журнала для детей. <...> С настоящими авторами, не подделывающимися под стиль сюсюкающих писателей для детей, и с настоящими художниками. Толстой воспламенился, загорелся, сел на своего конька и понесся во весь опор:

– Журнал будет в четыре краски, на дорогой веленовой бумаге, начистоту, всерьез, чтоб все от зависти подавились!.. А я тебе напишу роман с продолжением, из номера в номер, на целый год, но, конечно, гонорар вперед, потому что пока не будет у меня лакированных туфель, я ни одной строчки не смогу из своего серого вещества извлечь!

Наталью Васильевну⁸ мысль о журнале тоже увлекла, но остановить буйно помешанного, как она в таких случаях шуточно называла мужа, было немислимо. Надо было терпеливо ждать, пока он сам собой выдохнется. Разошлись поздно. <...> Август был на исходе.⁹

Датировка архивного документа и его содержание подтверждают этот рассказ: очевидно, беседа не ограничилась абстрактным проектерством, но имела характер делового обсуждения. Собеседники выработали программу будущего журнала, обговорили редакционные технологии, наметили примерный круг сотрудников (между прочим, большинство из этих кандидатов так или иначе были связаны с газетой «Последние новости», что позволяет считать ЗП в неко-

⁸ Крандиевская-Толстая Наталья Васильевна (1889–1963) – поэтесса, третья жена (1914–1935) А.Н.Толстого.

⁹ Дон Аминадо. «Поезд на третьем пути». Цит. по: Дон Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания / Сост. В.Коровин. М., 1994. С.658 (далее – Дон Аминадо, с указанием страниц).

тором роде дочерним предприятием этого издания), спонсоров и т. д. и т. п. Пропозиции были перенесены на бумагу и составили развернутый план-проспект будущего издания, которому тогда же было найдено и название:

Август 1920 г.

«Зеленая Палочка»

- = Двухнедельный журнал для детей в возрасте от 8 лет до 12 лет
- = Gerant¹⁰
- = Помещение для конторы и редакции (соединить). [Место свиданий]¹¹
- = Телефон № ?¹²
- = Регистрация издания по франц<узским> законам
- = Название издательства «Север»
- = Устав Акц<ионерного> О<бществ>а «П<оследние> Нов<о-сти>» (чернов<ик>) Лев (?)¹³ и т. д.
- = Марка Издательства
- = Представительства и агентуры в: Белграде, Риме, Софии, Константинополе, Берлине, Лондоне, Женеве
- = Вывеска для редакции и конторы
- = Объявления (напр<имер>, Saroon Cadum, Нестле и др.)¹⁴
- = Немецкие детские журналы
- = Французские детские журналы

¹⁰ Здесь: заведующий редакцией (*франц.*). Эту должность занял Авраам Исаакович Ага, эвакуировавшийся вместе с Дон Аминадо из Одессы в Константинополь на пароходе «Дюмон Д'Юрвиль» в январе 1920. См.: «Аминад Петрович старался держаться поближе к коммерсанту Аге, тоже попавшему в группу “русских ученых”. Ага, красивый, раскормленный караим, вез с собой жену, брата и хорошего круглого ребенка, плюс большой багаж и много бриллиантов» (*Белосельская-Булгакова Л.* Воспоминания. М., 1989. С.5). Ср.: «Ехал с нами А.И.Ага, бывший секретарь бывшего министра А.М.Коновалова, почти доцент, но никогда не профессор. Жена и его двухлетний сын Данилка, пользовавшийся всеобщим успехом, делили с нами и пищу кочегаров, и мертвую морскую зыбь» (*Дон Аминадо.* С.644). Парижский адрес Аги в 1921: 4, rue de l'Ecole de Medicine. Впоследствии содержал «Русский гастрономический магазин Ага», а затем популярный ресторан под тем же названием: «Единственный из русских ресторанов, премирован<ный> на Париж<ской> Гастроном<ической> Выставке. В верхн<их> залах рестор<ана> завтраки рix fixe 12 фр<анков>. В баре дежурн<ое> блюдо 4 фр<анка>» (*Возрождение (Париж).* 1929. 3 марта).

¹¹ Последние два слова зачеркнуты.

¹² Вопросительный знак приписан карандашом.

¹³ Возможно, имеется в виду литератор М.Е.Лев, живший в Париже по адресу: 22, rue d'Anjou (см.: Справочник русских учреждений, лиц и торгово-промышленных предприятий в Париже. Indicateur Russe a Paris / Ed. W.Konoroff. Париж, 1921. С.57; далее – Справочник, с указанием страниц).

¹⁴ Рекламные объявления указанных компаний в журнале не появились, зато в нем на взаимных началах рекламировались русские периодические издания и издательства за границей.

- = Английские детские журналы
- = Американские детские журналы
- = Motto¹⁵ в рамке – повторяющ<иеся> в тексте
- = «Зеленая Палочка» Л.Н.Толстого (подлинный текст)¹⁶
- = Постоянное motto из «Зел<еной> Пал<очки>» Толстого в подзаголовке журнала
- = Спорт¹⁷
- = Клише из иностранных журналов
- = Повести с продолжением или очерки (вроде «Семейной хроники» Аксакова)¹⁸
- = Список адресов (сотрудников, представителей и т. д.)
- = Экспедиция
- = Предварительная подписка
- = Цена отд<ельного> № и цена журнала на три месяца (Октябрь, Ноябрь, Декабрь)
- = Русск<ие> детски<ие> журналы (за прежн<ие> годы) в Тургеневской библиотеке («Задушевное Слово», «Тропинка», «Вокруг Света», «Юный читатель» (?), «Родник»)
- Скаутизм (в очень умеренной дозе)¹⁹
- Английские и американские клубы для детей*
- = Ноты и песенки (Н.Крандиевской и др.)²⁰
- = Переводной роман или повесть (из журналов или отдельных журн<алов>)
- = Широкое использование переводных рассказов и заметок (из иностр<анных> журн<алов>)
- = Циркулярн<ые> письма (цель издания, список сотрудн<иков>, условия подписки)
- = Типография
- = Запасы бумаги
- = Размер номера
- = Стоимость типографск<их> работ (клише)
- = Заголовок (Ре-Ми) и зелен<ой> еловой палочкой <так!>, подчеркивающей заголовок в виде черты
- = Розничн<ая> продажа (только очень в видн<ых> киосках, магазинах и учреждениях)
- = Сотрудники²¹

¹⁵ Девиз, эпитафия (*итал.*). Этот идеологический акцент в ЗП не был соблюден.

¹⁶ Этот текст открывал первый номер журнала.

¹⁷ Эта рубрика появилась во втором номере ЗП.

¹⁸ В этом разделе была напечатана повесть А.Толстого «Детство Никиты» с иллюстрациями С.Ю.Судейкина (1882–1946) (ЗП. 1920. №2-5/6). В следующем году переработанный вариант повести вышел отдельным изданием в Берлине.

¹⁹ См.: Козловский А. Что такое скаутизм // ЗП. 1920. №2.

²⁰ Крандиевская участвовала в журнале публикациями «Колыбельная» (1920. №1) и «День прошел, да мало толку...» (1920. №5-6). Парижский адрес Толстых: 48 bis, rue Rayounard (Справочник. С.58).

²¹ В дальнейшем круг сотрудников ЗП пополнился Е.Д.Дмитриевым, Леонидом Галичем, П.А.Нилусом, Сергеем Кречетовым, Ю.Э.Озаровским, И.Е.Репи-

(Нат. Инбер²²,
 Нат. Крандиевская,
 Саша Черный²³,
 А.И.Куприн²⁴,
 кн. Бярятинский²⁵,
 гр. А.Н.Толстой,
 И.А.Бунин,
 В.Н.Муромцева²⁶,
 А.А.Койранский²⁷,
 К.Д.Бальмонт²⁸,
 С.Л.Поляков (Литовцев)²⁹,
 М.А.Алданов³⁰,

ным, Игорем Северяниным, Петром Рыссом, Григорием Шайкевичем, кн. Александром Шервашидзе и доктором Николаем Ульяновым. Вопреки мемуарному свидетельству инициатора журнала, Иван Наживин в нем не участвовал. Ср.: Дон Аминадо. С.661.

²² Инбер Натан Осипович (псевд. Нат Инбер) – публицист, журналист, первый муж поэтессы Веры Инбер; сотрудничал в «Последних новостях» в первые годы существования газеты; в ЗП не участвовал. Его парижский адрес: 9, avenue Suffren (Справочник. С.58). Здесь и далее курсивом выделены фамилии, подчеркнутые составителем списка.

²³ Александр Михайлович Гликберг (псевд. Саша Черный; 1880–1932) – поэт. В ЗП были опубликованы его поэтические и прозаические сочинения: «Пещера храбрых» (1920. №1), «О чем поет самовар» (1920. №2), «Сказка о львом пророке Елисее, о его медведице и о детях» с иллюстрациями Ре-ми (1920. №3), «Рождественское» с иллюстрациями П.Хентовой (1920. №5-6), «В саду», «Яблоки», «Пруд», «Шалашик» (1921. №1).

²⁴ В ЗП были напечатаны рассказы Куприна «Козлиная жизнь» (1920. №1) и «Сапсан» (1921. №1).

²⁵ Бярятинский Владимир Владимирович (1874–1941) – драматург и публицист. В ЗП был опубликован его рассказ «Страшная история» (1920. №5-6).

²⁶ Муромцева-Бунина Вера Николаевна (1881–1961) – переводчица, вторая жена И.А.Бунина; в ЗП не участвовала.

²⁷ Койранский Александр Арнольдович (1881–1960) – поэт, художник, литератор. Начиная со второго номера, в ЗП с продолжением печатался его перевод романа Р.-Л.Стивенсона «Остров сокровищ» (возможно, с его же иллюстрациями). Ввиду закрытия журнала публикация осталась незавершенной, так же как не состоялось намеченное книжное издание романа в «Библиотеке “Зеленой палочки”». В 1921 он выпустил свой перевод романа Клода Фаррера «Человек, который убил» в издательстве «Франко-Русская печать» (Справочник. С.80). Его парижский адрес: 9 bis, rue Vineuse (Там же. С.57).

²⁸ В ЗП были опубликованы стихотворения Бальмонта «Птенец» (1920. №1) и «Девочка с иголкой» (1920. №3).

²⁹ Поляков Соломон Львович (псевд. Литовцев; 1875–1945) – журналист, драматург и прозаик.

³⁰ Алданов отказался от участия в ЗП, сославшись на то, что пишет «больше для стариков, которым жизнь давно надоела» (письмо Алданова Дон Аминадо от 18 августа 1920 цит. по: Сходившиеся параллели: Из переписки Дон Аминадо с Марком Алдановым / Публ. и коммент. И.Обуховой-Зелинской // ЕВКРЗ-5.

Амари³¹,
 Н.А.Тэффи³²,
 Н.А.Гончарова, Ларионов³³,
 Яковлев³⁴,
 А.А.Морской³⁵,
 Бор. Мирский³⁶,
 А.Дроздов³⁷,
 Lolo³⁸,
 И.М.Василевский (не-Буква)³⁹,
 Федер⁴⁰,
 А.Маклакова,
 Е.Э.Картавец,
 В.Я.Назимов⁴¹,
 М.Первухин⁴²,

С.197). Еще раз укажем, что получатель письма и Толстые в это время находились не в Париже, а в деревне Sables d'Ologne. По-видимому, аналогичные обращения были разосланы Дон Аминадо всем лицам из списка сотрудников.

³¹ Цетлин (Цейтлин) Михаил Осипович (псевд. Амари; 1882–1945). См.: Амари. Летом // ЗП. 1920. №2.

³² Тэффи в ЗП не участвовала.

³³ Художники Наталья Александровна Гончарова (1881–1962) и Михаил Федорович Ларионов (1881–1964) в ЗП не участвовали.

³⁴ По-видимому, Александр Евгеньевич Яковлев (1887–1938) – художник, сценограф и педагог, который с 1919 жил в Париже.

³⁵ Морской Александр Александрович – журналист, кинокритик и сценарист; сотрудник «Последних новостей» в первые годы их существования, в ЗП не участвовал. Его парижский адрес: 16, avenue Carnot (Справочник. С.57).

³⁶ Мирский Борис Сергеевич (Миркин-Гецевич; 1892–1955) – ученый-правовед, журналист, один из ведущих сотрудников «Последних новостей». В ЗП не участвовал. Его парижский адрес: 14 bis, rue Raynouard (Справочник. С.57).

³⁷ Александр Михайлович Дроздов (1895–1963) – прозаик. С 1920 жил в Берлине, в начале декабря 1923 вернулся в СССР. До репатриации был берлинским корреспондентом «Последних новостей»; в ЗП были опубликованы его рассказы «Мой дедушка» (1920. №1) и «Медовый человек» (1920. №4).

³⁸ Мунштейн Леонид Григорьевич (псевд. Lolo; 1866–1947) сотрудничал в «Последних новостях» в первые годы их существования; в ЗП не участвовал.

³⁹ Журналист Илья Маркович Василевский (псевд. Не-Буква; 1882–1938) в ЗП не участвовал. В 1920–1921 редактировал газету «Свободные мысли» (в ней участвовал и Дон Аминадо) и сотрудничал в «Последних новостях». См. об этом: Белосельская-Булгакова Л. Воспоминания. С.42–45.

⁴⁰ Возможно, Адольф Федер (1886–1943) – живописец и график, с 1908 живший в Париже и сотрудничавший в русской периодике.

⁴¹ Назимов Владимир Яковлевич (Левентон; 1872–1940) – журналист, с предреволюционных лет живший в Берлине и сотрудничавший в английской, а потом и в эмигрантской печати. В ЗП не участвовал.

⁴² Первухин Михаил Константинович (1870–1928) – беллетрист, журналист, живший в Италии. Сотрудник «Последних новостей» в первые годы их существо-

А.В.Руманов⁴³,
 Ил. Струве⁴⁴,
 Максим Лев⁴⁵,
 М.Л.Гольдштейн⁴⁶,
 В.М.Шах⁴⁷,
 Н.М.Минский⁴⁸,
 Ре-ми⁴⁹,
 Дон-Аминадо⁵⁰,
 А.А.Яблоновский⁵¹,
 Т.И.Полнер⁵²,
 Дионео^{53, 54}).

ования. В ЗП были напечатаны его очерки «Саранча» (1920. №2) и «Современный волшебник» (1920. №4).

⁴³ Руманов Аркадий Вениаминович (1876–1960) – журналист, бывший директор издательства «Товарищество А.Ф.Маркс». См. письмо ему от Шполянского и Аги от 26 января 1921 по вопросу участия в управлении издательством «Север» (ГАРФ. Ф.6270. Оп.1. Ед.хр.226. Л.169). Его парижский адрес: 36, avenue d'Iena (Справочник. С.58).

⁴⁴ Имеется в виду Михаил Александрович Струве (1890–1949) – поэт, прозаик и художественный критик.

⁴⁵ Лев Максим (наст. имя Асс Максим Михайлович; 1874–1941?) – журналист и литератор, живший в Риге. В ЗП не участвовал.

⁴⁶ Гольдштейн Моисей Леонтьевич (1868–1932) – юрист, журналист, издатель. С апреля 1920 по 1 марта 1921 был формальным издателем и редактором «Последних новостей». В ЗП не участвовал.

⁴⁷ Шах Владимир Михайлович (1880–?) – юрист, литератор.

⁴⁸ Минский Николай Максимович (Виленкин; 1855–1937) – поэт, публицист, переводчик. До 1921 жил в Париже, потом переехал в Берлин, в 1927 вернулся обратно. Сотрудничал в «Последних новостях» в первые годы их существования; в ЗП не участвовал.

⁴⁹ Васильев Николай Владимирович (псевд. Ремизов, Ре-Ми; 1887–1975) – карикатурист, книжный график, сценограф и живописец.

⁵⁰ Основатель журнала напечатался в журнале лишь однажды: *Дон Аминадо*. Необыкновенная история // ЗП. 1921. №1.

⁵¹ Яблоновский Александр Александрович (Снадзский; 1870–1934) – литератор, публицист, близкий друг Дон Аминадо. В ЗП печатал с продолжением повесть «Приключения Миши Шишмарева» (1921. №1,2), оставшуюся незавершенной из-за закрытия журнала. См. о нем: *Дон Аминадо*. А.А.Яблоновский // Последние новости. 1934. 5 июля. С.4.

⁵² Полнер Тихон Иванович (1864–1935) – публицист, историк, литературовед, мемуарист, издатель. В 1920 открыл в Париже издательство «Русская Земля», недолгое время возглавлял издательство парижского Земгора; его авторизованные публикации в ЗП не установлены.

⁵³ Шкловский Исаак Владимирович (псевд. Дионео; 1865–1935) – сотрудник «Последних новостей». В ЗП не участвовал.

⁵⁴ Помимо указанных, в журнале печатались и другие авторы: *Кречетов С.* Фея кукол (илл. С.Судейкина) // ЗП. 1920. №2; *Ганзен Эм.* Соловей. Сказка Андерсена // Там же; *Игорь Северянин.* Заяц // Там же. №3; *Лукомский Г.* Старая губерния // Там же; *Шайкевич Г.* 1) Сказка // Там же; 2) В белом поле вьюга

- = Использовать Цех Поэтов⁵⁵
- Юмор и сатира (Особая страница или отдел)
- = Е.С.Пресс (переводы нем<ецких> сказок)⁵⁶
- = Пишущая машинка (с русск<им> и франц<узским> текстом <так!>)
- = Объявления от Vieux Colombier (письмо Жаку Коппо⁵⁷ и объявл<ения> подряд? (от французских изд<ательств> за недорогую плату)
- = Бланки и конверты (с клише Ре-Ми) в 2 краски черн<ую> и зел<еную>⁵⁸
- = Тысячефранковые паи на издательство (Л.М.Вургафт⁵⁹; Блох⁶⁰; Юрвета (?) и Петрогр<адский> Межд<ународный> Ком<мерческий> банк⁶¹; Гордон⁶²; Поляков⁶³; Кристо⁶⁴; Шах; Гессен⁶⁵; Кастелянский⁶⁶; Хари⁶⁷; Фридляндский; Волинский; Райцын⁶⁸;

стелется... // Там же. №5-6; *Кожевников П.* Пропавшее солнце // Там же; *Денисов Д.* Москва // Там же. 1921. №1; *Павлов Вас.* О циклопах // Там же. №2.

⁵⁵ Имеется в виду первый парижский Цех поэтов, основанный М.А.Струве и С.А.Соколовым-Кречетовым в 1920 и вскоре прекративший существование.

⁵⁶ Пункт не расшифрован.

⁵⁷ Правильно: Коппо Жак (1879–1949) – французский критик, актер, режиссер и теоретик сцены, основатель и руководитель «Театра Старой Голубятни» (Théâtre du Vieux Colombier) в Париже (1913–1924). В 1920–1921 в «Последних новостях» регулярно появлялись рецензии на премьеры его театра. В ЗП рекламная информация о нем не печаталась.

⁵⁸ Бланки издательства «Север» см.: ГАРФ. Ф.6270. Оп.1. Ед.хр.226. Л.166-167.

⁵⁹ Вургафт Леон Моисеевич (1876–1935) – банковский и промышленный деятель.

⁶⁰ По-видимому, имеется в виду Григорий Александрович Блох (псевд. Григорий Тюрсев; 1867–1927) – адвокат, предприниматель, музыкант и поэт-любитель, журналист.

⁶¹ Петроградский международный коммерческий банк, по-видимому, был введен в список потому, что российские биржевые бумаги в тот период еще котировались в Европе и многие участники списка имели к нему отношение.

⁶² Гордон Борис Абрамович (1881–1952) – коммерсант и издатель.

⁶³ Поляков Александр Абрамович (1879–1971) – журналист, секретарь редакции «Последних новостей», с 1942 жил в США. См. о нем: *Дон Аминадо.* А.А.Поляков; По случаю 50-летия литературной деятельности // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1954. 17 октября.

⁶⁴ Возможно, Павел Георгиевич Кристо (?–1955). Его парижский адрес: 122, avenue de Villeurs (Справочник. С.61).

⁶⁵ По-видимому, Иосиф Владимирович Гессен (1865–1943) – юрист, общественный и политический деятель, публицист, редактор газеты «Речь». С 1919 – в эмиграции; главный редактор берлинской газеты «Руль», издатель «Архива Русской революции».

⁶⁶ Лицо не установлено.

⁶⁷ Возможно, берлинский предприниматель А.Хари. Другой информацией о нем мы не располагаем.

⁶⁸ Неустановленные лица.

Вильк⁶⁹; Ганкин⁷⁰; Второв⁷¹; объединение Земск<их> и Гор<одских> деятелей⁷²; Залшупин⁷³; Райхман⁷⁴; Цетлин; Полнер; Рираховский⁷⁵; Чермоев⁷⁶; Денисов⁷⁷; Скидельский⁷⁸; Голобородько^{79,80}

= The Kitty (розничн<ая> продажа, прием подписки и объявлений)⁸¹

= Некотор<ые> русск<ие> благотвор<ительные> и общественные учреждения («...», «...», «...»)

= У Бунина – из старых вещей – что можно взять?⁸²

⁶⁹ Вильк Александр Захарович (Соломонович) (1864–1931) – инженер, предприниматель; в Париже занимался торговлей ювелирными изделиями.

⁷⁰ По-видимому, Яков Ильич Ганкин (?–1925) – инженер, промышленник и благотворитель, живший в Берлине.

⁷¹ Второв Борис Николаевич (1892–1971) – сын известного сибирского промышленника Н.А.Второва.

⁷² Объединение Российских земских и городских деятелей за границей (Земгор) образовано в Париже 5 июля 1920 под председательством кн. Г.Е.Львова.

⁷³ Залшупин Александр Семенович (1867–1929) – экономист и издатель.

⁷⁴ Райхман Арон Маркович (?–1927) – благотворитель.

⁷⁵ Рираховский Исая Абрамович – владелец типографии, в которой в первые годы печатались «Последние новости». См. объявление: «Французское Акционерное Общество» во тип<ография> “И.Рираховский” – всякие типографские работы. Журналы, книги и акцидентные работы на русском, французском, немецком, польском, еврейском и др<угих> языках. Выполняются быстро и аккуратно» (Последние новости. 1921. 24 февраля. С.4). После выпуска №3 ЗП, вышедшего с большим опозданием, руководители издательства «Север» отказались от услуг этого предприятия из-за «систематического неисполнения заказов» (см. копию письма от 23 декабря 1920. – ГАРФ. Ф.6270. Оп.1. Ед.хр.226. Л.115). Типография находилась по адресу: 5, rue Gobelins (Справочник. С.80).

⁷⁶ Чермоев Абдул-Меджид – бакинский нефтепромышленник, спонсор ЗП. См. расписку редакции ЗП на получение от него 5 тысяч франков, аналогичную той, что была выдана Гордону (ГАРФ. Ф.6270. Оп.1. Ед.хр. 226. Л.166-167).

⁷⁷ Денисов Николай Хрисанфович (?–1970) – инженер, общественный деятель, организатор Русского комитета объединенных организаций в Париже. Фамилии Денисова и Чермоева вписаны в список позднее.

⁷⁸ Возможно, предприниматель М.Л.Скидельский.

⁷⁹ Возможно, Голобородько (Голобородьков) Моисей Осипович (?–1930) – еврейский общественный деятель, живший в Берлине.

⁸⁰ Окончательный список финансовых участников издательства «Север» после его преобразования в акционерное общество в начале 1921 выглядел следующим образом: Чермоев – 40 акций (10 тысяч франков), Гордон – 32 (8 тысяч франков), Вургафт – 20 (5 тысяч франков), Кривицкий 8 (2 тысячи франков), Райхман – 12 (3 тысячи франков), Гандельман – 20 (5 тысяч франков), Шполянский – 64 (16 тысяч франков) (Там же. Л.166-167).

⁸¹ Парижская фирма, занимавшаяся продажей и доставкой детских подарков. По соглашению с редакцией в ее конторе принималась и подписка на ЗП.

⁸² См. письмо Дон Аминадо Бунину на эту тему. – Leeds Russian Archive (University of Leeds). I.A.Bunin Collection. MS 1066/2252. См.: Бунин И. Бегство в Египет // ЗП. 1920. №1.

- = Семейная хроника Картавцева⁸³
- = Научный отдел (популяр<ная> форма: что достигнуто сейчас в области воздухоплавания, телефона, телеграфа, фотографирования на расстоянии, физики, химии и т. д.). Иллюстрации. Специальное лицо для заведывания этим отделом (Лункевич?⁸⁴)
- = Отдел детского творчества (литерат<урное> художеств<енное> – рисунки и пр. детей – Фефа Вол<ь>кенштейн⁸⁵ и т. д. Кира Зноско-Боровский⁸⁶)
- = Motto в тексте: (из Диккенса, Пушкина, Лермонтова, Толстого)
- = обзор (постоянный) иностранных детских журналов (спе<циальный> отдел под особым названием)⁸⁷
- = «Фофка» рассказ Ал. Толстого⁸⁸
- = «Сказка о Джэке» Н.Крандиевской⁸⁹
- = «Детское» Ил. Струве⁹⁰

⁸³ Картавцев (Картавцов) Евгений Епафродитович (1850–1932) – экономист, банкир. По-видимому, в ЗП планировалась публикация дневниковых записей его жены М.В.Крестовской (1862–1910).

⁸⁴ Валерьян Викторович Лункевич – автор научно-популярных брошюр для детей, издававшихся в 1918–1920 в Нью-Йорке.

Рядом с фамилией Лункевича вписано: «Рубакин». Рубакин Николай Александрович (1862–1946) – книговед, библиограф, писатель, с 1907 жил в Швейцарии. В этом разделе были напечатаны следующие материалы: *Рубакин Н. Великие изобретения маленьких людей // ЗП. 1920. №1; Ульянов Н. Беспроволочный телеграф // Там же. №3; Рубакин Н. Ученый мальчик // Там же. №4; Ренгам. Из истории открытия электричества // 1920. №5-6; Де Мар М. «Морские гиганты // Там же; На южный полюс. Из дневника Эрнеста Шекльтона / Пер. Л.Б.<елозерской?> // Там же. 1921. №1.*

⁸⁵ Волькенштейн Федор Федорович (1908–?) – сын Н.Крандиевской от первого брака с присяжным поверенным Ф.А.Волькенштейном; после возвращения семьи в СССР стал известным физиком (ср. с упоминанием Дон Аминадо: «будущий архитектор Фефа»). См.: *Ф.В-н (11 лет). Отъезд из России // ЗП. 1920. №1.* Об этом см. также его позднейшие воспоминания: *Крандиевский Ф. Рассказ об одном путешествии // Звезда. 1981. №1.*

⁸⁶ Зноско-Боровский Кирилл Евгеньевич (1912–1966) – сын художественного критика и шахматиста Е.А.Зноско-Боровского, впоследствии видный французский литературовед и переводчик. К этим именам приписано карандашом: «Марочка Вургафт», но их сочинения в ЗП не появились. В рубрике «Как мы сами сочиняем» печатались другие авторы: *Валя Шувалов (13 лет). Моцарту // ЗП. 1920. №4; Володя Лиссин (9 лет). Рисунок // Там же; Инна С-ва (11 лет). Константинополь // Там же. №5-6; Валя Р-ова (12 лет). Непослушный котенок // Там же; Маня Р. (10 лет). Сон Валюши // Там же; Илла Ш-н (11 лет). Снег // 1921. №2.*

⁸⁷ См.: Эврил Демут // Там же. 1920. №2 (перепеч. из английского журнала «Little Folk»).

⁸⁸ Сказка «Фофка» (1918) в ЗП не была напечатана.

⁸⁹ Это сочинение не было напечатано.

⁹⁰ Инициал исправлен на «М». Михаил Струве опубликовал в ЗП несколько сочинений: стихотворения «Зима» (1920. №3; силуэты С.Судейкина), «Заскучала ты сегодня, детка...» (1920. №4) и очерк «Петербург» с иллюстрациями барона К.Рауш фон Траубенберга (1921. №2).

- = Конкурсы «Зеленой палочки» (Премии (не денежные) – книги, модель аэроплана...)
- = Тихон Ив<анович> Полнер (Изд<ательст<во> Объединения городск<их> и земск<их> деятелей за границей)⁹¹
- = Александра Петровна Дю-Мениль (Dumesnil) – переводчица⁹²
- = Стихи девочки Али Цветаевой
- = Стихи девочки Мирры (Бальмонт)⁹³
- = Анонсы в газетах Берлинск<их>, Гелсингфорс<ских>, Софийск<их>, Пражск<их>
- = Обмен изданиями
- Заметки о выходе «Зел<еной> Пал<очки>» в вышепереч<ис<ленных> газетах
- = Юрий Слезкин⁹⁴
- = Бор. Лазаревский⁹⁵

⁹¹ По-видимому, инициатор журнала планировал обратиться к типографским услугам издательства Земгора, которое вскоре было продано обществу «Франко-Русская печать» (Справочник. С.41); его директором стал О.Г.Зелюк (см. о нем примеч. 135).

⁹² Возможно: Дюмениль Александра Николаевна (урожд. Фермор; 1896–1973). Ее авторизованные публикации в ЗП не установлены.

⁹³ Стихотворения Али Э-н (9 лет) и Мирры Б-т (13 лет) были напечатаны в разделе «Как мы сами сочиняем» в первом номере ЗП. Отзыв о сочинении дочери Бальмонта см.: Дон Аминадо. С.660.

⁹⁴ Включение в список возможных авторов Юрия Львовича Слезкина (1885–1947), прошедшего 1919–1921 на Украине и на Кавказе, по-видимому, объясняется распространившимися в то время слухами о его эмиграции или гибели от рук большевиков. Узнав об этом с опозданием, литератор выступил с опровержением на страницах эмигрантской печати: *Слезкин Ю. Я жив: Вместо предисловия – несколько нескромных признаний // Веретеныш (Берлин). 1922. №1, август. С.9-10. Ср. также: «Умер в <19>21 году, воскрес в <19>22 году, 1-го апреля, о чем свидетельствую самолично. Заверить прошу восприемника моего – Дм. Стонова. Юрий Слезкин 12/VI 22 г. Удостоверяю: мой друг и <1 слово нрзб.> Юрий Слезкин никогда не умрет <...>. Дм. Стонов» (РГАЛИ. Ф.224. Оп.1. Ед.хр.4. Л.128). См. также недатированное письмо Слезкина Б.Лазаревскому (Москва – Прага, 1922): «Литературная жизнь в сравнении с тем, что было раньше, – не весьма интересна. Борьба за существование – вот главное. Прежней дружественности не видно. Говорят, и у вас не сладко...» (*Лазаревский Б. Ma vie. <Дневник.> 1922. <Тетрадь> II. – Literarni archiv Památníku národního písemnictví (Praha, ČSR). Boris Lazarevskij Pozustalost*). История этого уникального автобиографического произведения и ряд материалов из него опубл.: Русская Ницца, Русская Прага, Русский Париж... Из дневника Бориса Лазаревского: Тридцать три письма Михаила Арцыбашева, Ивана Бунина, Александра Куприна, Ильи Сургучева и др. к Борису Лазаревскому (Из дневника Лазаревского 1925 года) / Публ. С.Шумихина // Диаспора: Новые материалы. Т.1. Париж; СПб., 2001. С.645-714.*

⁹⁵ Лазаревский Борис Александрович (1871–1936) – литератор. Его рассказ «Коты-моряки» с иллюстрациями И.Репина был напечатан в последнем, восьмом, номере ЗП.

- = Зноско-Боровский Евг<ений> Александрович⁹⁶
- = «Синица» – сказка Ал. Толстого. Иллюстрации и заставки Судейкина⁹⁷
- = Портреты наиболее видных авторов в медальонах (в нач<але> произведений)
- = Рираховский Ис<ай> Сол⁹⁸
- = Помощь детям, голодающим в России⁹⁹
- = Календарь (раздел<енный> на 15 клеток или хронология («Де-ла давно минувших дней, преданья старины глубокой»)) (1-ое окт<ября>, 2-ое окт<ября>, 3-ье окт<ября> и т. д.)¹⁰⁰
- = Литературные памятки (100-летие рожд<ения> Фета; 10-летие смерти Толстого и т. д.)¹⁰¹
- = *Детство замечательных людей* (русск<их> и иностранных): художн<ики>, писатели, музыканты, ученые, полководцы и т. д. (Койранский)¹⁰²
- = Иностранные писатели для «Зелен<ой> Пал<очки>» (Мюссэт) – адреса, приглашения, список (А.Франс, П.Маргерит, А. де Виньи, К.Фаррер и т. д.) – заказ¹⁰³
- = Постоянные заголовки (клише) постоянных отделов
- = Ежемесячный расход (100–150 фр<анков>) – журналы и газеты: англ<ийские>, франц<узские>, нем<ецкие>, америк<анские>
- = «Волчата» (Кадеты)¹⁰⁴.

⁹⁶ Зноско-Боровский Евгений Александрович (1884–1954) – драматург, беллетрист, художественный критик и шахматист. В ЗП не печатался, заведовал книжной лавкой издательства «Север».

⁹⁷ Сказка «Синица», посвященная Н.Крандиевской-Толстой, впервые была опубликована в сборнике «Эпоха» (М., 1918. Сб.1.) с иллюстрациями С.Ю.Судейкина. В ЗП эта публикация не была повторена. Объединение писателя с художником не было случайным, см.: *Толстой А.* Перед картинами Судейкина // *Жар-Птица* (Берлин). 1921. №1. С.22-28.

⁹⁸ Зачеркнуто и вписано: Абр<амович>.

⁹⁹ См.: *Львов Г.* Русские дети // ЗП. 1920. №1. В последующих номерах публиковалась хроника подписной кампании в пользу голодающих детей в России.

¹⁰⁰ Этот календарь появился в ЗП лишь однажды (1920. №2).

¹⁰¹ В этом разделе были опубликованы портреты и редакционные тексты, посвященные П.Д.Боборыкину (1920. №3), Л.Н.Андрееву (1920. №4), Ч.Диккенсу (1920. №5-6), Ф.М.Достоевскому (1921. №1) и А.Ф.Писемскому (1921. №2), а также фотопортреты И.А.Бунина и А.И.Куприна к пятидесятилетию со дня рождения писателей (1920. №2).

¹⁰² Этот пункт программы не был реализован.

¹⁰³ Этот пункт не был реализован, хотя в списке сотрудников журнала значились Андрэ Лихтенберг и Камилл Фламарион. Портрет французского астронома и факсимильное воспроизведение его обращения к читателям журнала см.: ЗП. 1920. №2. Об истории сотрудничества с ним см.: Дон Аминадо. С.661-662. См. также: *Мишель де Грамон.* Сказание о Баулэ: Негритянская легенда // ЗП. 1920. №3.

¹⁰⁴ Этот пункт программы не был реализован.

Вернувшись в Париж, Дон Аминадо завершил концептуальную проработку проекта, расширив и детализировав структуру ЗП:

Сентябрь 1920 г.

«Зеленая Палочка»

= Рассказы из естествознания историей (про животных, рыб, растений <так!> и т. д.)

= Карта России (в красках?) (русские названия губерний и т. д.)

= Карты: статистические, диаграммы

= Игры, ребусы, задачи (отгадка на премию)¹⁰⁵

= Шахматы?¹⁰⁶

= Художница-иллюстраторша Екатерина Дмитриевна Кирпичникова (Никифорова)¹⁰⁷

= Михаил Александрович Стахович¹⁰⁸

= rue Dagu (русская Православная церковь) – консьержка, отец Смирнов¹⁰⁹, русский календарь за прошлые годы

= 17 Сентября (старого стиля) (1-го Октября нового стиля?)¹¹⁰ – *Вера, Надежда, Любовь, София*

= Поляков (Литовцев) – 16-го возвращается из деревни обещает <1 слово руб.>¹¹¹

Давайте вспоминать Россию¹¹²

Игры

Спорт¹¹³

Научный Отдел

Календарная страница¹¹⁴

Юмористический отдел

Список бесплатных получателей журнала

Отдел детского творчества

¹⁰⁵ В ЗП были заведены разделы «Разные различия» и «Потехе час».

¹⁰⁶ Этот план не был реализован.

¹⁰⁷ Неустановленное лицо.

¹⁰⁸ Стахович Михаил Александрович (1861–1923) – общественный и политический деятель; в 1917 – генерал-губернатор Финляндии. В ЗП не участвовал.

¹⁰⁹ Отец Иаков Смирнов (?–1936) – протоиерей, служитель зарубежных приходов (Дрезден, Стокгольм), с 1896 – настоятель церкви при российском посольстве, впоследствии настоятель храма Св. Благоверного князя Александра Невского на rue Dagu, 12.

¹¹⁰ На самом деле в 1920 этот праздник по новому стилю приходился на 30 сентября.

¹¹¹ Очевидно, речь идет о тексте, обещанном журналу. См.: *Поляков-Литовцев С. Далекая Россия // ЗП. 1920. №1.*

¹¹² В печатном варианте эта рубрика получила название «Крепко помни о России».

¹¹³ Рубрика «Спорт» появилась в журнале лишь дважды: заметка Н.А. (1920. №1) и редакционные тексты (1921. №2).

¹¹⁴ Рубрика «Календарь» в ЗП появилась лишь в одном номере (1920. №2).

= Театр (раздвинутый занавес)¹¹⁵

= разворотный (в две страницы рисунок) – Пушкин? и т. д.¹¹⁶

16 октября 1920 газета «Последние новости» поместила объявление о выходе в свет первого номера ЗП¹¹⁷. Несмотря на то что далеко не все из задуманного удалось претворить в жизнь, журналу сопутствовал успех. По свидетельству Дон Аминадо, «с каждым новым выпуском количество подписчиков и читателей возрастало, и требования на “Зеленую палочку” приходили из Англии, из Америки, из Бессарабии, из Латвии, из Финляндии, из Югославии, из Эстонии»¹¹⁸.

Первый номер журнала был издан на займы¹¹⁹ и единовременные пожертвования спонсоров, однако для дальнейшей работы требовались постоянные источники финансирования. Дебютный успех ЗП стал важным аргументом Дон Аминадо и его сотрудников для убеждения потенциальных инвесторов. 31 октября 1920 состоялось совещание инициаторов книгоиздательского акционерного общества «Север», на котором он, Ага и Руманов встретились с будущими пайщиками¹²⁰.

Дон Аминадо выступил с докладом, в котором изложил собравшимся цели и задачи нового предприятия и его программу: помимо

¹¹⁵ Под этой рубрикой, появившейся лишь однажды (1920. №2), была опубликована сценка анонимного французского автора «Маленький больной» в переводе Е.А.Н. и с графической заставкой Ре-Ми.

¹¹⁶ ГАРФ. Ф.6270. Оп.1. Ед.хр.226. Л.161-163. Автографы.

¹¹⁷ Тираж издания 3 тысячи экземпляров, расходы на его печать составили 6750 франков (см.: Там же. Л.96). Цена отдельного номера ЗП – 3 франка во Франции и в других европейских странах; в Америке – 50 центов. Годовая подписка – 20 франков (Франция), 22 франка (Европа) и 3 доллара (Америка).

¹¹⁸ Дон Аминадо. С.660.

¹¹⁹ Ср.: «получено сего числа <20 сентября 1920> восемь тысяч франков в счет его взноса в пятнадцать тысяч франков на издание русского журнала “ЗЕЛЕНАЯ ПАЛОЧКА” на следующих условиях: 1) в случае получения прибыли от издания доля чистой прибыли, причитающейся на означенную сумму пропорционально ко всему капиталу, затраченному на означенное издание, делится поровну между Издательством “Север” и Б.А.Гордоном. 2) В случае неудачи издательство обязано возратить Б.А.Гордону ту сумму, которая останется по закрытии журнала за покрытием всех обязательств и убытков по изданию. 3) При преобразовании Т<овариществ>ва “Север” в паевое товарищество или акционерное о<бществ>во настоящее обязательство будет заменено паями или акциями на соответствующую сумму» (ГАРФ. Ф.6270. Оп.1. Ед.хр.226. Л.89).

¹²⁰ См. протокол предварительного организационного собрания акционеров учреждаемого в Париже акционерного общества «Север». Проходило на квартире О.С.Бернштейна (9, rue Emile Augier). В нем участвовали Осип и Лия Бернштейны, Авраам Ага, Осип Рабинович, Аркадий Руманов и Аминал Шполянский (Там же. Л.96-97).

издания журнала, до конца года предлагалось выпустить книжные издания: «Новую Русскую хрестоматию» под редакцией И.А.Бунина, сборник детских рассказов А.И.Куприна, поэму Лонгфелло «Песнь о Гайавате» в переводе И.А.Бунина и «Азбуку для детей» Дон Аминадо с рисунками Ре-ми¹²¹.

Докладчик сумел убедить слушателей в финансовых выгодах предприятия, и они сообща определили его финансовую базу. Капитал нового акционерного общества был установлен в 250 тысяч франков, причем основным пайщиком выступил Оскар Рабинович¹²² и «представляемая им группа лиц»: его первый взнос составил 51 тысячу франков, а в дальнейшем взнос должен был дойти до 101 тысячи франков, что давало инвестору право на контрольный пакет акций издательства¹²³. Еще по 25 тысяч франков должны были внести А.Ага, А.Руманов, О.Бернштейн и А.Шполянский. Оставшаяся сумма была распределена между Л.Вургафтом, Б.Гордоном и А.-М.Чермоевым¹²⁴.

Уточнение организационных и технических вопросов затянулось до конца декабря, и только 3 января следующего года анонимное общество «Север» было зарегистрировано парижскими властями.

¹²¹ Сумма издательских расходов на указанные книги была определена в 28 тысяч франков (Там же. Л.98). 19 октября 1920 Бунину, Куприну и Шполянскому было выплачено по 2 тысячи франков аванса (см. копии счетов банка «Credit Lyonnaise». – Там же. Л.175). К октябрю 1921 издательством было выпущено четыре детских книги: «Азбука» Л.Толстого, «Рассказы для детей» А.Куприна, «Песнь о Гайавате» в переводе И.Бунина, «Необыкновенные приключения» А.Яблоновского (См. объявление книжной лавки. – Справочник. С.42).

¹²² По каким-то соображениям Дон Аминадо зашифровал его фамилию:

...средства на издание с величайшей готовностью отвалил некто Р., по образованию доктор философии, по склонностям игрок в теннис, по профессии зернопромышленник, по шучьему велению меценат. Общество издательского дела называлось «Север», главным акционером является сам мистер Р., который поставил одно условие:

– Никакого публичного оказательства, никакой рекламы...

– Таким людям надо при жизни памятник ставить, – восторженно заявил А.В.Руманов, принимавший участие в предварительных совещаниях, заседаниях, переговорах.

(Дон Аминадо. С.659).

¹²³ В официальных бумагах издательства размеры паев были скорректированы. Рабинович получил 260 привилегированных акций серии А на 65 тысяч франков и 144 акции серии Б на 36 тысяч франков. В то же время учредители получали по 260 акций серии А и по 340 – серии Б. Еще 196 акций последней серии подлежали размещению среди новых пайщиков (см.: ГАРФ. Ф.6270. Оп.1. Ед.хр.226. Л.176).

¹²⁴ См.: Там же. Л.99-100. См. также квитанции о получении взносов от Чермоева, Вургафта и Гордона, к которым прибавился и Райхман (Там же. Л.91-94).

8 января состоялось учредительное собрание акционеров¹²⁵, на котором определился их окончательный состав, распределены акции¹²⁶ и утвержден статут предприятия, целью которого было указано издание литературных, научных и художественных произведений (книги, журналы, периодика и т. п.). Главными управляющими общества «Север» были избраны Ага, Шполянский, Оскар и Нетти Рабиновичи, Осип и Лия Бернштейны, в правление вошли «Авраам Ага, писатель, Аркадий Руманов, писатель, Оскар Рабинович, торговец»¹²⁷.

Параллельно с процедурой юридического оформления «Севера» Рабинович продолжал финансировать предприятие, оплачивая расходы по изданию ЗП, по найму редакционного помещения, магазина и т. п.¹²⁸. Однако к моменту официальной регистрации издательства вклад главного донора истощился, и 16 января 1921, на восьмом номере, выпуск журнала прекратился. По-видимому, его основатели не теряли надежд на возобновление издания, рассчитывая поправить дело за счет других инициатив «Севера», история которого на этом не закончилась. До финансового краха Рабиновича тоже было еще далеко: он произошел позже и не был связан с закрытием журнала, как об этом пишут исследователи, введенные в заблуждение мемуарным указанием Дон Аминадо¹²⁹.

Не раз уже отмечалось, что книга «Поезд на третьем пути» не только описывает, но и шифрует многие события личной и творческой биографии ее автора. Одно из подтверждений этому – неожиданный переход его рассказа от истории журнала к колоритной фигуре А.Ветлугина¹³⁰ и пространному цитированию двух его писем –

¹²⁵ Объявление об этом см.: *Affiches parisienne et Departementes*. 1921. №37505, 15 Mars. P.28-33.

¹²⁶ Это были акции серии Б: Чермоев – 40 (10 тысяч франков), Гордон – 32 (8 тысяч франков), Вургафт – 20 (5 тысяч франков), Кривицкий – 8 (2 тысячи франков), Райхман – 12 (3 тысячи франков), Гандельман – 20 (5 тысяч франков) и Шполянский – 64 (16 тысяч франков) (ГАРФ. Ф.6270. Оп.1. Ед.хр.226. Л.176).

¹²⁷ *Affiches parisienne et Departementes*. P.28.

¹²⁸ Судя по имеющимся данным, расходы были немалыми. Лишь за ноябрь – декабрь 1920 на редакционные расходы потребовалось 110 тысяч франков (ГАРФ. Ф.6270. Оп.1. Ед.хр.226. Л.99). Книжная лавка «Зеленая палочка» при книгоиздательстве «Север» открылась в январе 1921. См. об этом: Залевский, Голлербах. С.235.

¹²⁹ Ср.: «Эмигрантская ли судьба, судьба ли просто распорядилась по-своему. Через несколько лет, когда бывший зернопромышленник от сердечного припадка скоропостижно скончался, денег не было не только на памятник, но и на скромное погребение. На похороны пришлось собирать среди добровольных давальцев» (Дон Аминадо. С.659).

¹³⁰ А.Ветлугин – литературный псевдоним Владимира Ильича Рындзюна (1897–1953). См. о нем: *Белобровцева И.* Лицо не в фокусе: К проблеме одного

от 21 августа 1920 и 25 февраля 1922. В нью-йоркской части архива Дон Аминадо хранятся семь писем¹³¹ этого корреспондента, и ряд из них касается дел «Севера», с которым тот вступил в тесные отношения.

Хотя эта информация отрывочна и носит подчеркнуто личный характер, она все же дает представление о том, что происходило с издательством летом и осенью 1921.

12 августа, когда Дон Аминадо находился на отдыхе, Ветлугин писал ему:

Дорогой Аминад Петрович!

Если в комнате закрыть ставни и открыть четвертую страницу «Общего Дела»¹³², кажется, будто стоуаттную <так!> лампу зажгли: «Зеленая Палочка»¹³³, «получены новые каталоги» и т. д. и т. д., когда доходишь до «поваренной книги», нет никакой физической возможности терпеть: слезы прямо ручьями текут. <...> Но признайтесь, на 3<-й> стр<анице> это ежедневное объявление о книге Ветлугина – это же шедевр!¹³⁴ Если б не знать наверное, что «Север» заплатит за него по 10 фр<анков> зараз, бился бы об заклад, что оно обходится в полсотни!.. Ах, как мы осиротели: «он не пришел, кудрявый наш певец». Кудрявый Гецевич уехал в Молинар <?>. На прощанье был обед. Самые пустяки: Гецевич обрыгал один (1) диван (далее адресатом вырезан фрагмент с нецензурными словами. – Р.Я.). Зелюк¹³⁵. Красавец мужчина: ведет в «Ambas<s>adeur», потом пьем коктейли у Фукэта, потом требует ехать в (слово вырезано. – Р.Я.) и все это за наличный расчет, и все это с какой легкостью!.. Много рассказывал о Руманове. Ну, знаете, я, кажется, кончу тем, что перестану верить в <18>60-е годы. Руманов – нищ, глуп, занимает с длинными слезами 100 fr<анс>. Ах, какие события, какие события! <...>

Ваш (за приличное вознаграждение)

А.Ветлугин¹³⁶

прототипа // Toronto Slavic Quarterly. 2002. №2. В Париже он жил по адресу 142, rue Montmartre, по соседству с А.Яблоновским (Справочник. С.57-58).

¹³¹ Последнее, седьмое, письмо Ветлугина датировано 20 марта 1922; в мемуарах Дон Аминадо оно не цитируется.

¹³² Ветлугин был штатным сотрудником газеты В.Л.Бурцева «Общее дело» (1918–1922). Письмо написано на бланке этого издания.

¹³³ Т. е. книжная лавка.

¹³⁴ Речь идет о книге Ветлугина «Авантюристы гражданской войны. Фельетоны» (Париж: Север, 1921).

¹³⁵ Зелюк Орест Григорьевич (1888–1951) – журналист, издатель. Незадолго до этого он редактировал в Константинополе газеты «Вечерняя пресса» и «Новая русская газета».

¹³⁶ Здесь и далее письма цитируются по оригиналам, хранящимся в: Rare Book and Manuscript Library. Bachmeteff Archive of Russian and East European History (Columbia University, New York). Shpolianskii Coll. Box 1 (далее – BAR).

Из письма от 19 августа:

Дорогой Аминад Петрович! Ввиду того, что, когда Вы переступите в первый раз порог 31, rue Richelieu¹³⁷, я обрушусь на Вас длинным рядом вымогательств (остро-денежного характера), я решил: 1) не считаться письмами, 2) написал заметку о Никите Толстого¹³⁸ с восторженной оценкой кн<игоиздательств>ва «Север». Итак, что же мы видели за отчетную неделю. <...> Койранский в Лондон не едет. Ага бешено, с рвением гиппопотама, топчущего тростники, ищет помещение для магазина и деньги для уплаты за помещение. <...> Залшупин задумывает комбинацию, о которой можно говорить только лично. <...> Руманов нищ и голо; одалживает у всех по 100 франков. <...> О (нецензурное слово вырезано адресатом. – Р.Я.) жизни Инбера ничего не известно.

Из письма от 23 августа:

Живем, да как тихо! <...> Бунин от совместного житья с тремя огарками во Христе¹³⁹ (подумайте: месяц в одном и том же отеле) захирел и, утверждают, хочет переиздать «Песнь о Гайавате». Пока что написал две открытки Яблоновскому <...>. По сообщению Зноско-Боровского, за время Вашего отъезда торговля и почта дали около четырех тысяч франков. <...> Частенько захожу в Вашу лавочку. Сидит Зноско, читает книжку, дремлет Робер¹⁴⁰, выгорают переплеты. Нет хозяина, кто бы спустил чужую урину, подмел комнату, позвонил (слово вычеркнуто адресатом. – Р.Я.) Не-Букве, выдернул пару зубов, угостил аперитивом. Плохо без «хужяина». Тухло.

К весне 1921 выяснилось, что поправить дела «Севера» можно, только если привлечь новых партнеров, а также расширить издательскую программу – за счет выпуска актуальной политической литературы. Еще зимой при финансовой поддержке парижского Земгора¹⁴¹ была выпущена книга политической публицистики Петра Рысса «Русский опыт. Историко-психологический очерк русской революции»¹⁴², а позднее – стихотворный сборник Дон Аминадо

¹³⁷ Адрес книжной лавки «Зеленая палочка».

¹³⁸ Т. е. о повести «Детство Никиты». Эта публикация Ветлугина нами не обнаружена.

¹³⁹ Очевидно, имеются в виду З.Гиппиус, Д.Мережковский и А.Куприн.

¹⁴⁰ Лицо не установлено, по-видимому, технический сотрудник магазина.

¹⁴¹ На это указывает присутствие Земгора в выходных данных книг «Севера». По свидетельству мемуариста, эти издания финансировались Рабиновичем (Дон Аминадо. С.662-663), однако подтверждений этому найти не удалось.

¹⁴² См. отзывы на нее: Последние новости. 1921. 24 февраля (подпись: Н.Б.); Воля России (Прага). 1921. 21 апреля (подпись: В.Ар-ий); см. также: Яценко А. Русская политическая литература за границей // РК. 1921. №3.

«Дым без отечества»¹⁴³ и очерки А.Ветлугина «Авантюристы гражданской войны»¹⁴⁴. Несмотря на интерес критиков и читателей, судьбу предприятия эти книги не спасли. Отсутствие оборотных средств, большие накладные расходы и, как можно думать, общее неумение вести дела остановили жизнь «Севера»¹⁴⁵, хотя в октябре 1921 предприятие еще фигурировало в списке русских издательств Парижа¹⁴⁶.

Можно не сомневаться, что его судьба была предрешена общим состоянием французской экономики. По свидетельству одного из близких сотрудников Дон Аминадо – Зноско-Боровского, «высокий курс франка – такова главная причина, подрывающая в корне русское книжное дело во Франции». Он отсчитывал начало кризиса с осени 1921:

...отъезд огромного множества русских из Парижа, совершенное его запустение, ликвидация значительного количества русских предприятий и учреждений во Франции подорвали в корне книжную торговлю. <...> Словом, русская книжная торговля в Париже вступила в хаотическую полосу, исполненную катастрофических угроз. <...> Прыжки валюты затрудняли все расчеты с заграницей, вздорожание франка еще более уменьшало выписку оттуда парижских книг, и в результате одно издательство фактически прекратило свое существование, другое – не выпустило за последние полгода ни одной книги, третье – поддерживает себя выпуском изданий на французском языке. А если прибавить сюда прерывистость выхода газеты «Общее Дело», прекращение журнала «Зеленая Палочка», перенос печатания журнала «Современные Записки» в Берлин, переход редакции «Русская Мысль» в Прагу, то мы получим картину очень невеселую.¹⁴⁷

Этот отчет – последнее печатное упоминание о детище Дон Аминадо:

Затихла несколько также деятельность издательства «Север», впрочем, скоро выпускающего «Новую Русскую Хрестоматию» под редакцией И.А.Бунина¹⁴⁸. Но деятельность его и прежде не

¹⁴³ См. рецензии И.Бунина (Общее дело. 1921. 27 июня), А.Дроздова (РК. 1921. №6), а также: Воля России. 1921. 23 июня).

¹⁴⁴ См.: рецензии Бунина и Дроздова в тех же номерах «Общего дела» и «Русской книги», а также: Воля России. 1921. 23 июня; Руль. 1921. 26 июня.

¹⁴⁵ Какое-то время Дон Аминадо, видимо, подумывал о переносе издательства в Берлин и поручил Ветлугину выяснить тамошнюю конъюнктуру. См.: «Не нужно ли сделать какую-либо *reclame* Вам или изд<ательст>ву? Напишите – совершенно *gratis* <бесплатно – лат.> и быстро» (письмо Ветлугина Дон Аминадо от 20 марта 1922, Берлин – Париж. – VAR).

¹⁴⁶ См.: Справочник. С.41-42.

¹⁴⁷ Зноско-Боровский Е. Русская книга во Франции // Новая русская книга (Берлин). 1922. №3. С.24-25.

¹⁴⁸ Это издание не состоялось.

имела того размаха, как у «Русской Земли»¹⁴⁹, и была гораздо скромнее. Основанное осенью 1920 года для издания детского журнала «Зеленая Палочка», оно естественным ходом вещей было приведено к открытию книжного магазина (книжная лавка «Зеленая Палочка») и к изданию различных книг, прежде всего детских, образовавших «Библиотеку Зеленой Палочки». <...> За первые полтора года существования издательство «Север» часто разнообразило свою деятельность: одно время оно было связано с «Бюро Русских Писателей», с этого года оно начало продажу произведений русских художников, но главное внимание направляло на книготорговлю <...>¹⁵⁰.

Последние деловые бумаги издательства относятся к середине 1920-х¹⁵¹ но еще весной 1922, на волне общего оттока эмигрантов из Парижа¹⁵², Дон Аминадо уехал в Берлин¹⁵³, оставив «Север» «спящим»

¹⁴⁹ Издательство, основанное Т.И.Полнером в 1920. См. о нем: <Б/н.> Русские книгоиздательства в Париже // РК. 1921. №4. С.16.

¹⁵⁰ *Зноско-Боровский Е.* Русская книга во Франции. О ЗП и издательстве «Север» см.: *Алданов М.* Русская беллетристика в 1920 году. Ср. также: «Несколько книжек вышло в издательстве “Север”, начавшем было также издание специально детского журнала “Зеленая Палочка”, теперь, к сожалению, прекратившегося» (<Б/н.> Русские книгоиздательства в Париже).

¹⁵¹ Художник-костюмер Варвара Андреевна Каринская (1886–1983) в 1923 вложила 10 тысяч франков в издательство «Север», а Владимир Шах в 1925–1926 внес 4 тысячи франков (ГАРФ. Ф.6270. Оп.1. Ед.хр.226. Л.88). Можно предположить, что эти средства были направлены на поддержание книжного магазина.

¹⁵² Ср.: «Русский Париж умирает. Русская жизнь в Париже окончательно не удалась» (*Ветлугин А.* Агония русского Парижа // Руль. 1921. 5 октября. С.2-3). См. также: <Б/н.> Тяга из Парижа // Время (Берлин). 1922. 26 сентября. С.3. По некоторым свидетельствам, эмигрантское население французской столицы за этот период сократилось на 40 процентов.

¹⁵³ Представление о Дон Аминадо как об «оседлом» литераторе не вполне соответствует действительности, во всяком случае, в 1920-е. Видимо, он не любил вспоминать о своих скитаниях. Вот некоторые эпизоды его биографии: с весны 1922 Дон Аминадо жил в Берлине и заведовал там литературно-художественной частью кабаре «Карусель» Бориса Евелинова (РГАЛИ. Ф.2257. Оп.1. Ед.хр.8. Л.58-64). В декабре 1923 он переезжает в Нью-Йорк, где работает в газете «Новое русское слово» и организует свои сольные или групповые юмористические вечера (Там же. Л.213; Новое русское слово. 1924. 8 марта. С.3). 24 апреля 1924 Дон Аминадо возвращается в Европу (РГАЛИ. Ф.2257. Оп.1. Ед.хр.8. Л.231), а летом на несколько месяцев поселяется в Брюсселе (<Б/н.> *Дон Аминадо?*) Пушкинский вечер в Брюсселе // Новое русское слово. 1924. 24 июля. С.2). В том же году возвращается в Париж и вместе с Николаем Колиным, Василием Шухаевым и Александром Койранским открывает русский театр художественных интермедий «Подвал на третьем этаже», выступает в нем как автор и как актер (РГАЛИ. Ф.2257. Оп.1. Ед.хр.8. Л.255). См. также программу: «Закрываете вечера Художественной интермедии. Испанский театр: Сервантес, Кальдерон, Лопе де Вега. Пантомима. Драматические отрывки: Бен Джонсон, Гольдони, Пушкин, Чехов. Камерная музыка. Танец. Гротеск. Ирония. Сценические пустяки» (Там же. Л.258). Осенью 1925 Дон Аминадо заведует артистиче-

предприятием¹⁵⁴ которое так и не вернулось к жизни после его возвращения в Париж¹⁵⁵.

Издательство З.И.Гржебина

О берлинском предприятии Зиновия Исаевича Гржебина (1877–1929) в мемуаристике и в научной литературе написано больше, чем о каком-либо другом издательском деле зарубежья, причем внимание исследователей было сосредоточено на «советском» аспекте его биографии, тогда как эмигрантский ее аспект оставался вне поля зрения¹⁵⁶. Долгие годы оставаясь одним из фигурантов горьковского окружения, он лишь в последнее время вышел из тени писателя и приобрел статус самостоятельной фигуры, сразу же став героем апогетических публикаций¹⁵⁷, которые вольно или невольно воспроизводят схему, предложенную еще Владиславом Ходасевичем:

Он добился того, что его отпустили за границу. В Берлине организовал большое издательство. Но его ошибкою было то, что он поверил большевикам: заключил с ними договор на поставку громадной серии учебников, классиков и т. д. Думал, что в самом деле большевикам все это нужно. На самом деле им нужна была реклама, да еще взятки. Вложив все свои средства в это дело и получив кредит у германских фирм, Гржебин начал печатать. Он издавал книги великолепно и дешево. Если бы они в самом деле

ской частью кабаре «Маскотт» под управлением Б.Евелинова (Там же. Л.61). В те же годы он устраивал Русские юмористические вечера в Лондоне и Брюсселе и вместе с Е.Зноско-Боровским гастролировал по Франции с «Вечерами ветреной сатиры» (Там же. Л.261-262, 213).

¹⁵⁴ Юридический срок деятельности книгоиздательства «Север» был определен в 24 года. См.: *Affiches parisienne et Departementes*. P.29.

¹⁵⁵ Бумаги «Севера» попали к М.Маргулиесу в 1927, после обращения Л.Вургафта в Третейский суд для урегулирования его финансовых отношений с Дон Аминадо: осенью 1920 тот взял у Вургафта в долг 5 тысяч франков на издание журнала с обязательством покрыть эту сумму акциями будущего предприятия. Этот спор был улажен мировым соглашением летом того же года (ГАРФ. Ф.6270. Оп.1. Ед.хр.226. Л.85-87).

¹⁵⁶ Первой попыткой такого рода стала работа молодых исследователей: Ипполитов, Катаева. С.117-146.

¹⁵⁷ См.: Зиновий Гржебин и Максим Горький: Из истории послереволюционной издательской деятельности З.И.Гржебина / Предисл. Л.Юниверга // *ЕВКРЗ-1; Гржебина Е. З.И.Гржебин – издатель: По материалам и воспоминаниям его дочери* // Там же (далее – Гржебина, с указанием страниц); *Вайнберг И.* «Все будет оценено – не может быть иначе» // Там же (далее – Вайнберг-1, с указанием страниц); Возвращаясь к имени Зиновия Исаевича Гржебина. Незвестное письмо А.М.Горького В.И.Ленину / Публ. И.Вайнберга // *ЕВКРЗ-2* (далее – Вайнберг-2, с указанием страниц). Ср. с ремаркой Н.Богомолова в комментариях к мемуарам одного из близких к Гржебину людей: *Ходасевич В.* Некрополь: Воспоминания. Литература и власть. Письма Б.А.Садовскому. М., 1996. С.306.

попали в Россию, русское просвещение еще раз стало бы многим обязано Гржебину.

Меж тем большевики начали всячески уклоняться от принятия заказов. Сперва оттягивали уплату денег. Потом обнаглели и стали требовать, чтобы Гржебин выпускал свои книги без своего имени и без пометы «Берлин»: хотели к его изданиям приклеивать свои заглавные листы и обложки с маркой Госиздата и с пометой «Москва». Хотели выдавать его труды и его умение – за свои¹⁵⁸. На это, разумеется, Гржебин не пошел. Тогда большевики окончательно запретили ввоз его изданий в СССР. Книжки так и остались у Гржебина мертвым капиталом. Гржебин был разорен.

Одной из причин большевистской ненависти к Гржебину было то, что наряду с учебниками он стал бесконтрольно издавать и современных русских писателей, неугодных начальству: Зайцева, Муратова и пр. После берлинского краха Гржебин переселился в Париж. Жил без средств, с огромной семьей. Пробовал издавать книги на иностранных языках. Надеялся, что счастье ему улыбнется, и мечтал... о русском издательстве, т. е. деле в эмиграции почти безнадежном. Он знал, что оно безнадежно, но не мог отказаться от мечты: по русской книге тосковал он, любил русских писателей, хотел еще послужить русской культуре. В конце концов все пошло прахом. Гржебин дошел до полной нищеты. <...> Я не люблю «погребальной лести». Гржебин был человек, и, должно быть, были у него грехи, слабости, как у всех нас. Но, прежде всего и больше всего, это был вечный труженик, милый и честный человек, добрый на деле, не на словах. Случалось – писатели на него ворчали. Но – знаю наверняка: он имел куда больше поводов ворчать на нас. И вот что замечательно: никогда этого не делал. Впрочем, среди писателей и художников, да и среди самых разных других людей его друзья были многочисленнее. Многие были ему обязаны заботой, участием, помощью. Очень многие будут вспоминать его с любовью и благодарностью. В том числе – пишущий эти строки.¹⁵⁹

Доверяясь объективности этого свидетельства, не стоит все же упускать из виду противоположных мнений современников. Весьма скептически, например, оценивал Гржебина и его предприятие Виктор Шкловский:

¹⁵⁸ Ср. с обещанием, которое дал Горький Ленину в июле 1921: «Книжки, которые он <Гржебин> будет издавать за границей, будут приходиться с маркой РСФСР. Выбор книг устанавливает Госиздат. Цены по договору с Госиздатом будет Внешторг устанавливать на месте. Уплата будет производиться только по сдаче книг. Никаких авансов Гржебин не требует <...>» (цит. по: Вайнберг-2. С.309).

¹⁵⁹ *Ходасевич В.* Летучие листы: Памяти З.И.Гржебина // Возрождение. 1929. 28 февраля. Эту же оценку Ходасевич повторил в очерке «Горький» (1937).

Теперь свидетельствую: Гржебин не делец. Гржебин – буржуй советского образца с бредом и брожением. Сейчас он издает, издает, издает! Книга за книгой бегут, хотят бежать в Россию, но не проходят туда. На всех марка: «Зиновий Гржебин». 200, 300, может быть, скоро 1000 названий. Книги громоздятся друг на друга, создаются пирамиды, потоки, а в Россию проходят по капле.

Но бредит советский буржуй международным масштабом на краю света в Берлине и издает все новые книги. Книги как тако-вые. Книги для книг, для утверждения и имени издательства. Это пафос собственничества, пафос собиранья вокруг своего имени наибольшего количества вещей. Советский фантастический буржуй бросил все свои деньги, всю энергию на создание тучи вещей, носящих его имя. <...> Так, отвергнутый любовник России Гржебин, чувствующий свое право на жизнь, все издает, издает и издает. <...> Торгуется Гржебин, когда продаешь ему рукописи, сильно, но больше из приличия, чем из кулачества. Ему хочется показать себе, что он и дело его – реальность. Договоры Гржебина псевдореальны и относятся к области электрофикации <так!> России.¹⁶⁰

А вот как описал деловую практику Гржебина Евгений Лундберг, соперничавший с ним в освоении советского заказа:

Этот – тоже мечтает о «колонизаторских» барышах. У него гигантский портфель. Он скупил рукописи лучших ученых и беллетристов России. Он связан с Наркомпросом, проектирует выставку¹⁶¹; его поддерживает М.Горький; он свой в полпредстве; ему ничего не стоит сгруппировать возле себя сотни новых авторов. Я знаю его организаторские способности и зову к нам на службу. Гржебин легко соглашается. Потом отказывается. Потом соглашается вновь, но, согласившись, предлагает сдать ему с подряда всю нашу продукцию. В иные дни он заносчив и рассказывает о своих грандиозных планах. В иные – грустен и молчалив, и вдруг с лихорадочной заносчивостью начинает добиваться подряда, суля нам золотые горы и все резче снижая сметы. Эта лихорадка у деловых людей – дурной признак. Прежде чем пойти на дно, они пытаются дать судьбе последний бой, и тогда так дрожат у них руки, они готовы клясться всем, что у них есть святого, – и как же они смеются над тем, кто поверит их клятвам.¹⁶²

¹⁶⁰ Шкловский В. «Еще ничего не кончилось...». М., 2002. С.289. Со временем отношение Шкловского к Гржебину переменялось в лучшую сторону. См.: Чуковский К. Дневник. 1901–1929. М., 1997. С.466.

¹⁶¹ Речь идет о выставке продукции гржебинского издательства, устроенной им в Берлине в 1923. Цитируемая запись из дневника Лундберга относится к весне 1921 – таким образом, об этой рекламной акции в русском Берлине узнали задолго до ее осуществления.

¹⁶² Лундберг Е. Записки писателя. 1920–1924. Т.2. Л., 1930. С.141–142.

При всей разности личного отношения к Гржебину, все наблюдатели были убеждены в том, что его предприятие имеет необыкновенные масштабы. О необъятном редакционном портфеле, о гигантских тиражах и многомиллионных контрактах с советскими заказчиками русский Берлин узнал в первые же месяцы появления издателя за границей, и эта осведомленность в конфиденциальной стороне дела заставляет думать, что источником этой информации был сам Гржебин, избравший рекламные слухи инструментом деловой стратегии. Русский книгоиздательский рынок в Берлине того периода вообще был переполнен всевозможными домыслами, многие из которых были связаны с Россией. В качестве типичного примера приведем цитату из письма А.Ветлугина:

1) С.А.Ефрон¹⁶³ завтра выезжает в Петроград, где ему возвращена типография. Далее «Слово» же переходит постепенно на новую орфографию¹⁶⁴. Большую деятельность развивает «Геликон» (Вишняк)¹⁶⁵. Откуда деньги? Неизвестно. Но издает массу¹⁶⁶. На меня он бешено зол за Эренбурга¹⁶⁷. Из других издательств сильно работает «Универсальный Салон»¹⁶⁸, пе-

¹⁶³ Книгоиздательство С.А.Ефрона существовало в Берлине с 1921 по 1933. В числе его руководителей и сотрудников были Семен Ефрон, Григорий Переплетник, Исаак Райхель, Мария Шайкевич и др. См. о нем: <Б/п.> Книгоиздательство С.Ефрона в Берлине // РК. 1921. №4. С.12.

¹⁶⁴ Такой выбор в принципиальном для эмиграции вопросе сигнализировал адресату о радикальном повороте издательства И.В.Гессена в сторону советской России.

¹⁶⁵ Вишняк Абрам Григорьевич (1895–1944) – издатель. В 1918 он основал в Москве литературное и художественное издательство «Геликон», в сентябре 1921 возобновил его в Берлине. Формально оно просуществовало до 1928, но в 1926 владелец переехал в Париж, где вел издательство «Башлык» (см. о нем: Дни. 1925. 7 июня) и выпустил несколько книг под маркой «Геликона». См. о нем: Каннак Е. Воспоминания о «Геликоне» // Русская мысль (Париж). 1974. 17 января. С.8 (перепеч. в кн.: Каннак Е. Верность: Воспоминания. Рассказы. Очерки. Париж, 1992); Юниверг Л. Абрам Вишняк и его издательство «Геликон» // Русское еврейство в Зарубежье: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Т.1(6). Иерусалим, 1998; Chronik Russischen Lebens in Deutschland 1918–1941 / Hrg. K.Schloegel, K.Kucher, V.Suchy und G.Thum. Berlin, 1999. S.519 (далее – Chronik, с указанием страниц).

¹⁶⁶ Главным спонсором издательства исследователь называет двоюродного брата Михаила Цетлина (Амари), заводчика Юрия Штейнберга (см.: Юниверг Л. Абрам Вишняк и его издательство «Геликон». С.165).

¹⁶⁷ Очевидно, речь идет об отрицательном отзыве автора письма на роман И.Эренбурга «Жулио Хуренито».

¹⁶⁸ Так назывался книжный магазин, организованный «Русским универсальным издательством», существовавшим в Берлине в 1921–1925. См. о нем: Залевский, Голлербах. С.86–88. В числе руководителей и сотрудников издательства были Александр Альперович, юристы Владимир Гиршфельд, Михаил Кадиш, Михаил Розенталь, Григорий Забежинский и др. См.: Chronik. S.553.

решедший с маленьких книг на большие. Кое-что заказали они и мне¹⁶⁹.

«Грани»¹⁷⁰ – наиболее проблематичное. Настроение правое, но с деньгами у них слабо. Продаются и они, однако, хорошо, и альманах пошел в Россию¹⁷¹. <...> А.А.Яблоновский живет у Саши Черного. На берлинском фоне, где в «Доме Искусств» в пятницу были Гессен и... Красин, – А.А.<Яблоновский> и Саша кажутся ультразвубрами.¹⁷²

На фоне этой действительной и мнимой кутерьмы действенность гржебинской саморекламы была на порядок выше: убедив с ее помощью советских партнеров в монопольном положении на русскоязычном издательском рынке Германии, он сумел отодвинуть конкурентов, внушив им представление об эксклюзивности своего доступа к книжному делу в метрополии. Имя покровителя – Горького – тоже играло немаловажную роль в этой игре, хотя ссылки на него зачастую вредили репутации Гржебина у партнеров-эмигрантов.

С тех пор легенды о Гржебине утвердились в истории литературы как неоспоримые факты, хотя документальных подтверждений им до сих пор не находилось.

До некоторой степени они проверяются бумагами юристов-эмигрантов, которые, прежде всего, демонстрируют, что у гржебинского предприятия было едва ли не больше всего проблем из всех русских издательств в Германии¹⁷³. Серия конфликтов и споров разного рода, которыми сопровождалась его работа, серьезно осложнила жизнь издателя и в конце концов сыграла роковую роль в судьбе его дела.

Начало положил демарш Дмитрия Мережковского: зимой 1921 он со страниц еврейского еженедельника, издававшегося в Париже, обвинил издателя в том, что тот скупает рукописи у петроградских

¹⁶⁹ В том же году «Русское универсальное издательство» выпустило книгу Ветлугина «Лицо, пожелавшее остаться неизвестным».

¹⁷⁰ «Русское книгоиздательство “Грани”» существовало в Берлине в 1921–1928. Его руководителями были Сергей Пистряк, Семен Корнфельд, Берта Зельдович, Лев Черток, Арон Цацкис и др. См. о нем: РК. 1921. №9. С.21–22; Chronik. S.521–522.

¹⁷¹ Имеется в виду первый номер литературного альманаха «Грани», вышедший в 1922. См. о нем рецензию Н.Яковлева: Новая русская книга. 1922. №1. С.21–22. Мы не располагаем сведениями о том, что это издание было пропущено советской цензурой в Россию.

¹⁷² Письмо Ветлугина Дон Аминадо от 25 февраля 1922, Берлин – Париж. – ВАР. Печатный вариант этого письма воспроизведен с неточностями и авторскими вставками (Дон Аминадо. С.667–668).

¹⁷³ По-видимому, не случайно автор апологетической работы о Гржебине описывает его деятельность во «фронтальной» топологии, распространенной им, правда, лишь на отношения с советскими партнерами (Вайнберг-1. С.182).

писателей, «пользуясь их нуждой, за бесценок»¹⁷⁴. В числе таких писателей он назвал и себя: в конце декабря 1918 Мережковский продал Гржебину права на издание ряда сочинений (трилогию «Христос и Антихрист» и книгу «Вечные спутники») сроком на пять лет для издания в пределах России¹⁷⁵. Спустя некоторое время оказалось, что, пообещав «приступить к изданию моих сочинений только после падения большевизма», Гржебин без уведомления перепродал их издательству И.П.Ладыжникова¹⁷⁶ для выпуска книг за границей. Свой печатный демарш Мережковский подкрепил обращением к юристу. В начале марта он попросил Бориса Элькина помочь в восстановлении его авторских прав: «Считаю нужным сообщить Вам, что Гржебин – известный в России спекулянт и что все издательское предприятие его – одна вопиющая спекуляция»¹⁷⁷. Выступление Мережковского вызвало большой резонанс в литературно-издательских кругах, в извлечениях оно было перепечатано берлинским журналом и сопровождалось ответом, который ранее Гржебин безуспешно пытался опубликовать в парижской прессе:

Прошу Вас, господин редактор, поместить мое опровержение:

Мережковский продал мне свои избранные сочинения в 1918 году и тогда же получил деньги, которые в переводе на иностранную валюту составляют не 50 фр<анков>, как подсчитал автор заметки, а 1500 фунт<ов> или на франки 75000! Автор ошибся только в 1500 раз. Уголовщину следует усмотреть совсем с другой стороны. Немедленно по продаже мне своих со-

¹⁷⁴ Мережковский Д. Издательские приемы в большевистской России // Еврейская трибуна (Париж). 1921. №59, 11 февраля.

¹⁷⁵ Ссылки исследователей на публикацию этого текста в газете «Последние новости» недостоверны и заимствованы из указаний самого Гржебина.

¹⁷⁶ Ладыжников Иван Павлович (1874–1945) – издатель. В 1905 основал в Берлине издательство, выпускавшее марксистскую литературу, а также сочинения М.Горького и литераторов его круга. Сам он вышел из дела еще до Первой мировой войны, но издательство продолжало носить его имя, даже когда в 1921 официально перешло во владение Б.Н.Рубинштейна. См. о нем: <Б/н.> Издательство И.П.Ладыжникова в Берлине // РК. 1921. №6. С.19-20. Тогда же Ладыжников перешел на службу в советское торгпредство в Берлине, где среди прочего выполнял конфиденциальные поручения ОГПУ (*Динерштейн Е.* Крах берлинского издательства З.И.Гржебина // *Europa Orientalis (Salerno)*. 1995. №2. С.103; далее – Динерштейн, с указанием страниц). Следует иметь в виду, что благодаря участию Горького между предприятиями Ладыжникова и Гржебина со времен «Всемирной литературы» установились неформальные, «родственные» отношения, развивавшиеся и в Берлине. О Ладыжникове см. также: *Антропов В.* И.П.Ладыжников. Челябинск, 1972.

¹⁷⁷ Письмо Д.Мережковского Б.Элькину от 7 марта 1921. – ГАРФ. Ф.5897. Оп.1. Ед.хр.26. Л.1-1об. Между прочим, издателя и писателя связывали давние деловые отношения: еще в 1908, в пору издательства «Шиповник», Гржебин заключил договор с писателем на издание его произведений, который добросовестно выполнил.

чинений и по сие время Мережковский снова продает те же сочинения другим издательствам. Пытался он продать и Государственному Издательству, которое переслало мне его весьма пикантное письмо. Заверенная копия этого письма имеется у меня.

Гиппиус продала мне свои стихи также в 1918 году (когда советских денег еще не было), деньги получила, а материал не сдала.

Куприн продал мне сочинения, уже ранее проданные другому издательству.¹⁷⁸

С ответом Мережковский замедлил и перенес спор в берлинский журнал, где изложил свои аргументы и дал понять, что в ответ на гржебинские обвинения выставит свои собственные:

Гржебин обвиняет меня в том, что я продаю другим издателям те из моих сочинений, которые я уже продал ему, и усматривает в этом чуть ли не «уголовное преступление». Не касаясь вопроса, в какой мере применимы юридические понятия купли и продажи к сделкам, которыми советская власть и разные спекулянты вымогали у русских писателей, находившихся в условиях нечеловеческих, право на издание их сочинений (при совершенной к тому же неясности, все или не все издательские права национализированы в Совдепии), – я заявляю: обвинения г. Гржебина – ложь и клевета, за которые я привлеку его не только к суду общественного мнения, но и к судебной ответственности, едва только явится возможность представить документы и свидетелей, которые сейчас находятся в России и на которых я, по причинам слишком понятным, не могу сослаться. <...> «Гржебин не мог забыть»: понимая сам юридическую ценность заключенных им со мною «договоров», он сначала предлагал мне «выкупить» у него проданное; затем говорил о заключении нового договора, с признанием первого недействительным, но, в конце концов, от этого отказался. Что касается суммы, за которую были куплены книги мои г. Гржебиным, то она равняется 60 тыс.<яч> керенок¹⁷⁹. Если принять за единицу 1 ф<унт> черного хлеба, стоивший тогда около

¹⁷⁸ <Б/п. – З.И.Гржебин> Издательство З.И.Гржебина в Берлине // РК. 1921. №1. С.9-10. В этом же письме издатель апеллировал к лояльному свидетелю – А.М.Ремизову, который подал свой голос сразу же по приезде в Берлин: «Что сказать мне в защиту кума моего, зауряд-князя обезьяньего Зиновия Исаевича Гржебина? В годы бедовые – 1918–1919 – когда русские ученые и писатели определены были в 3-ю категорию и подышали, как в ту пору лошади, З.И.Гржебин спас нас от голодной смерти. И в другие годы, когда З.И.<Гржебин> околачивался по заграницам, Марья Константиновна Гржебина не оставляла нас и была первым откликом и в болезни, и в печали, и в празднике» (Ремизов А. Письмо в редакцию // РК. 1921. №9. С.22).

¹⁷⁹ В цитированном выше письме Мережковского Элькину размер гонорара, полученного им от Гржебина, назывался в сумме 50 тысяч рублей. См. также машинописную копию договора писателя с Гржебиным. – ГАРФ. Ф.5897. Оп.1. Ед.хр.26. Л.4-5).

300 р<ублей>, то можно рассчитать с полной точностью: почти треть всего, что было мною написано в жизни, г. Гржебин купил за 5 пудов ржаной муки. <...> Столь «планетарная» и, очевидно, не случайная ошибка в расчете позволяет судить о правдивости всех его обвинений, мне предъявляемых. В заключение напоминаю г. Гржебину, что даже «купленные» у меня книги он «по договору» имеет право издавать только в пределах России, а отнюдь не за границей.¹⁸⁰

Таким образом, дело принимало нешуточный оборот и грозило не только уголовным разбирательством, но и громким публичным скандалом с неизвестными последствиями.

Взявшись за него, Б.Элькин сначала убедился в том, что владелец «Издательства И.П.Ладыжникова» Борис Рубинштейн действительно перекупил права на издание указанных сочинений писателя у Гржебина и начал печатание «Трилогии»¹⁸¹. Попутно в ситуацию вмешалось чешское издательство «Centrum», которому еще в 1920 Мережковский продал права на переводы пьесы «Павел I» и романа «Царевич Алексей». Основываясь на положениях своего с ним соглашения, чешский издатель оспаривал законность любых изданий Мережковского в Европе¹⁸². И наконец, дело совершенно запуталось тем, что еще с 1908 писатель состоял в договорных отношениях с Ладыжниковым по делам вышеуказанной пьесы¹⁸³.

Элькин, опытный юрист, предпочитавший решать подобные конфликты мировыми соглашениями, путем долгих сепаратных переговоров сумел уладить дело¹⁸⁴ и даже убедил Мережковского (возможно, за отступные от издателя) в том, что Гржебина следует вывести из разбирательства¹⁸⁵. Не вдаваясь во все подробности этой

¹⁸⁰ Мережковский Д. Письмо в редакцию // РК. 1921. №2. С.19-20.

¹⁸¹ «Трилогия» была выпущена издательством И.П.Ладыжникова в 1922, а в 1931 идентично (вплоть до указания издательской марки) переиздана в Париже как литературное приложение к еженедельнику «Иллюстрированная Россия».

¹⁸² Письмо Б.Рубинштейна Б.Элькину от 19 февраля 1921, Берлин. – ГАРФ. Ф.5897. Оп.1. Ед.хр.26. Л.7. Машинописная копия.

¹⁸³ 21 января 1908 Мережковский заключил договор с И.П.Ладыжниковым о наблюдении за заграничными переводами и постановками пьесы «Павел I», которая была запрещена российской цензурой, а автору даже грозил суд «за оскорбление императорского величества» (копию договора см.: Там же. Л.164-165). По свидетельству Мережковского, за 14 лет эта сделка не принесла ему ни копейки (см.: письмо Мережковского Элькину от 14 апреля 1921, Париж – Берлин. – Там же. Л.12).

¹⁸⁴ См. письма Мережковского Элькину от 14 января и 28 мая 1922, Париж – Берлин. – Там же. Л.49, 59.

¹⁸⁵ По-видимому, вскоре писатель и сам понял неправомерность претензий к Гржебину и, затеяв переговоры с пражским издателем, описал эту историю в совершенно иных тонах: «По договору, заключенному с Гржебиным, он имеет право продавать мои книги («Трилогию», «Вечные Спутники» и «Античн<ые>

истории, заметим лишь, что атака Мережковского на Гржебина, по-видимому, мотивировалась не одним лишь уязвленным авторским самолюбием, но и подспудным стремлением публично дискредитировать Горького через его доверенного сотрудника¹⁸⁶. Затихнув на несколько лет, этот конфликт, как мы увидим, вспыхнул с новой силой и в другом месте. Мережковский в нем уже не участвовал, но фигурировал как заочный свидетель.

Осенью 1923 у Гржебина возник финансовый спор с владельцем «Русского книжного магазина и книжного контрагентства “Москва”» Генрихом Заксом¹⁸⁷ по поводу оплаты взятой на комиссию партии книг на сумму в 3025 американских долларов¹⁸⁸.

После того как 15 октября 1923 германское правительство объявило дефляцию национальной валюты и ввело «золотую» марку, торговец отказался рассчитываться в твердой валюте, ссылаясь то на неисполнимость своего «морального обязательства» об уплате, то на нечестную помеху Гржебина, нанесшего ему ущерб собственной торговлей книгами в Праге. В конечном счете сделка была аннулирована Третейским судом, и Закса обязали возвратить книги издателью¹⁸⁹.

Важнейший эпизод в истории гржебинского предприятия – взаимоотношения с советскими партнерами, которые многие исследова-

Трагедии») только до окончания срока договора, т. е. еще 2 года. А затем ни одного экземпляра не имеет права продавать, если же нарушит эти условия, то обязан возвратить мне все издания целиком. Ладыжников в Берлине купил у Гржебина “Трилогию”, и, конечно, этот же договор остался для Ладыжникова в полной силе. Насколько мне известно, Ладыжников издал 5000 экз<емпляров> “Трилогии” и предлагает ее сейчас же продать за цену, которую предложит любая типография за бумагу и набор: хочет отказаться от издания, п<отому> ч<то> по условию ему остается слишком малый срок для продажи – всего два года» (письмо Д.Мережковского Е.Ляцкому от 27 июня 1921, Висбаден – Прага. – Literarni archiv Pamiatniku narodniho pisemnictvu (Praha, ĀSR). Jevgenij Alexandrovic Ljackij Pozustalost). Через десять дней писатель попросил заинтересованного издателя посетить в Берлине его поверенного Б.Элькина: «Он ведет мое дело о “Трилогии” с Ладыжниковым-Рубинштейном и сообщит Вам все нужные подробности» (Письмо Д.Мережковского Е.Ляцкому от 6 июля 1921, Висбаден – Прага. – Там же).

¹⁸⁶ Отношение Мережковского к Гржебину напрямую зависело от эволюции его отношений с Горьким. См. об этом: *Примочкина Н.* Горький и писатели русского Зарубежья. М., 2003. С.9-53.

¹⁸⁷ Об этом предприятии см.: Залевский, Голлербах. С.93-100.

¹⁸⁸ См. копию соглашения между Гржебиным и Заксом от 18 декабря 1923 «Список книг, следуемых получить от Книжн<ого> Общ<ества> Г.Закс (“Москва”)), а также недатированное изложение обстоятельств дела Гржебиным в Третейском суде (ГАРФ. Ф.5986. Оп.1. Ед.хр. 377а. Л.27, 53-54, 62-63).

¹⁸⁹ Материалы этого разбирательства см.: Там же. Ед.хр. 377а, 377б. Об этом см. также: Ипполитов, Катаева. С.73-78.

тели обрывают на марте 1921¹⁹⁰. Обстоятельная работа Е. Динерштейна доводит их до осени 1923, однако документы зарубежных юристов позволяют проследить эту интригу и далее.

6 ноября 1923, после длительного молчания и уклончивых обещаний Москва вновь проявила готовность к сотрудничеству с Гржебиным. В телеграмме заведующего Госиздатом О.Ю.Шмидта сообщалось:

Pravlenije soglasno prinatj Tovar komisiju skidkoi semdesjat pjat procentow transport nasch stschyot avans pjat tysjatsch dollarov protiv konossamentov¹⁹¹ = nr 410 gossisdat Schmidt.¹⁹²

Несмотря на то что новые условия, выдвинутые советским партнером, расходились с прежними договоренностями, издатель их принял, чтобы реанимировать договор с Госиздатом, срок действия которого истекал в ноябре 1923:

Grschebin-Verlag
21 Nov<ember> 1923¹⁹³

Договор

Москва, 23/ХУ¹⁹⁴ дня 1922 года, Мы, нижеподписавшиеся, заведующий Торговым Сектором Государственного Издательства Н.Н.Накоряков, с одной стороны, и Издательство З.И.Гржебина, с другой стороны, заключили настоящий договор о нижеследующем:

1. Издательство З.И.Гржебина передает Торговому Сектору исключительное право распространения по всей территории

¹⁹⁰ См.: Быстрова О. Берлинские издательства // Литературная энциклопедия Русского зарубежья. С.31; Розенталь И. Гржебин Зиновий Исаевич // Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С.195. Ср. также с ремаркой, противоречащей комментируемому тексту: «Разорился Гржебин в 1923, и его издательство перестало существовать» (из комментария В.Кочетова и Г.Мосешвили к «Биографическому справочнику» в: Берберова Н. Курсив мой: Автобиография. М., 1996. С.652).

¹⁹¹ Т. е. деньги должны были быть выплачены Гржебину после отгрузки книг советским представителям.

¹⁹² Телеграмма Шмидта Гржебину от 6 ноября 1923, Москва – Берлин. –/ ГАРФ. Ф.5897. Оп.1. Ед.хр.39. Л.152. Ср. с письмом М.Горького Б.Николаевскому от 15 октября 1923: «Ответ Шми<д>та Гржебину – очень знаменателен. Все сие – отчаянно тяжело» (цит. по: Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин. 1921–1923. Париж, 1983. С.401; далее – Русский Берлин, с указанием страниц). Возможно, этот документ имел в виду исследователь, хотя сумма, им указанная, в два раза расходится с цитируемым нами документом. Ср.: Динерштейн. С.108.

¹⁹³ Именно возобновлением договора объясняется новая дата на штампе издательства.

¹⁹⁴ Дата вписана от руки.

Р.С.Ф.С.Р. всех своих изданий, выпускаемых в Москве, Петрограде и Берлине.

II. Сдача книги производится Московским отделением Издательства непосредственно на складах Торгсектора, Петроградским отделением на складах Петроторгсектора, а для берлинского отделения на таможенных складах Москвы.

III. Все книги распространяются Торговым сектором на коммиссионных началах.

IV. Скидка, делаемая Торговым сектором своим контрагентам и заказчикам, определяется Торгсектором самостоятельно по своему усмотрению.

V. Издательство З.И.Гржебина предоставляет Торгсектору за склад и распространение изданий 40%¹⁹⁵ скидки со всех своих изданий.

VI. Расчеты за распространяемые книги производятся два раза в месяц по мере распространения книг.

VII. Что касается Берлинских изданий, то товар принимается на таможе, причем Торгсектор оплачивает все расходы по перевозке и пошлине и др<угие> связанные с таможей расходы, удерживая каждый раз 50%¹⁹⁶ со следуемых Издательству З.И.Гржебина сумм за эти книги согласно п.VI договора впредь до окончательного погашения произведенных таможенных расходов.

VIII. Издательство З.И.Гржебина сохраняет за собою право самостоятельного распространения своих изданий, в таких случаях Торгсектор получает от Издательства 5% коммиссионных.¹⁹⁷

IX. Номинал книги и всякое изменение его производится либо Издательством З.И.Гржебина самостоятельно, либо Торгсектором, но с согласия Издательства З.И.Гржебина.

X. Настоящий договор заключается сроком на один год, причем оставшиеся нераспроданными книги полностью передаются в распоряжение Издательства либо погашаются соответствующей суммой в течение двух недель по окончании срока договора.

Настоящий договор входит в силу по утверждении его Петроградским и Берлинским отделениями Книгоиздательства З.И.Гржебина и Правлением Госиздата.

Заведующий
Торговым Сектором Госиздата
Н.Н.Накоряков

Заведующий
Моск<овским> Отд<елением> Изд<ательства>
З.Гржебин¹⁹⁸

¹⁹⁵ Эта цифра отмечена знаком вопроса.

¹⁹⁶ Эта цифра отмечена знаком вопроса.

¹⁹⁷ Этот пункт отмечен знаком вопроса.

¹⁹⁸ ГАРФ. Ф.5897. Оп.1. Ед.хр.39. Л.155-155об. Заверенная машинопись.

Из документа видно, что условия договора распространялись на книги, уже выпущенные Гржебиным, и только предположительно – на те, что он еще планировал издать. В целом, договор 1922 года больше напоминает протокол о намерениях, чем рабочий документ с прописанными действиями сторон. Тем не менее он имел юридическую силу и служил основанием для продления сделки, так что Гржебин поручил Б.Элькину составить новое соглашение, что и было исполнено в двух вариантах, датированных октябрём и декабрём 1923.

Эти проекты разнятся между собой в деталях, но четко определяют предмет и условия сделки и точно фиксируют обязательства сторон и их бенефиции. Действенность нового соглашения подкреплялась повышением статуса советского партнера Гржебина до уровня Правления Госиздата¹⁹⁹:

Проект договора

1923 года декабрь ... <так в тексте!> дня. Нижеподписавшиеся Государственное Издательство, с одной стороны, и Издательство З.И.Гржебина, с другой, заключили между собой договор в нижеследующем:

1. Государственное Издательство принимает на себя распространение в пределах СССР заграничных изданий Издательства З.И.Гржебина, поименованных в прилагаемой при сем и составляющей неразрывное с договором целое ведомости, на излагаемых ниже условиях.²⁰⁰

2. Количество книг каждого названия, принимаемых Государственным Издательством для распространения, показано в прилагаемой при сем ведомости.

3. Издательство З.И.Гржебина предоставляет Государственному Издательству скидку в размере 75% с номинальных цен, по которым Издательство З.И.Гржебина эти книги продает за пределами СССР. Причитающаяся Издательству З.И.Гржебина продажная цена в размере 25% с розничных цен каждой книги гарантируется Издательству З.И.Гржебина во всех случаях.

4. С согласия Издательства З.И.Гржебина Государственное Издательство вправе назначать на принятые им к распространению книги Издательства З.И.Гржебина розничные продажные цены, отличные от номинальных цен Издательства З.И.Гржебина. Предложения об изменении розничной продажной цены той или иной книги, посланное Издательству З.И.Гржебина заказным

¹⁹⁹ См. проекты договоров с Госиздатом (октябрь, декабрь 1923). – Там же. Л.144-147, 153. Машинописные копии.

²⁰⁰ В варианте октября 1923 этот пункт был сформулирован по-иному: «Издательство З.И.Гржебина продает Государственному Издательству количество своих заграничных изданий, поименованное в прилагаемой при сем и составляющей неразрывное с договором целое ведомости...» (Там же. Л.153).

письмом и не отвергнутое издательством З.И.Гржебина в течение трех недель со дня отправления такого предложения из Москвы, считается принятым.

5. В случае понижения Государственным Издательством розничной продажной цены той или иной книги против номинальной цены Издательства З.И.Гржебина, получаемая Государственным Издательством от Издательства З.И.Гржебина скидка понижается, так, чтобы Издательство З.И.Гржебина получило в уплату за таковые книги не менее 25% своей продажной розничной цены; в случае же, если Государственное Издательство будет какие-либо из книг Издательства З.И.Гржебина продавать по ценам более высоким против номинальных цен, Издательство З.И.Гржебина получает от Государственного Издательства 25% продажных цен, по которым книги были действительно проданы.

6. Сдача книг Издательством З.И.Гржебина Государственному Издательству производится в Берлине и Лейпциге по указанию Издательства З.И.Гржебина.

7. Издательство З.И.Гржебина не вправе самостоятельно или через третьих лиц распространять в пределах СССР книги, переданные согласно сему договору для распространения Государственному Издательству.²⁰¹

8. Расходы по упаковке и провозу книг, а также по оплате всех таможенных и других пошлин и сборов производятся Государственным Издательством.

9. Государственное Издательство распространяет книги Издательства З.И.Гржебина, не меняя обложек и титульных страниц и не заменяя показанных на них обозначений фирмы и знака Издательства З.И.Гржебина.

10. Расчет по продаваемым книгам производится Государственным Издательством помесечно, с тем что расчет этот должен быть заказным письмом послан Издательству З.И.Гржебина не позднее 15 числа следующего за расчетным месяца.

11. Платежи по сему договору производятся Государственным Издательством в валюте Соединенных Штатов Северной Америки.

12. Платежи по сему договору производятся Государственным Издательством путем переводов в английский или французский банк по указанию Издательства З.И.Гржебина.

13. Платежи по ежемесячным расчетам должны быть переводимы Издательству З.И.Гржебина не позднее 15 числа следующего за расчетным месяца. Просрочка в переводе имеет следствием обязанность Государственного Издательства платить Издательству З.И.Гржебина 2% за каждые две недели просрочки.

²⁰¹ В варианте октября 1923 этот пункт дополнялся следующими условиями: «Государственное Издательство продает покупаемые по сему договору книги только в пределах СССР. Издательство З.И.Гржебина не вправе переиздавать ни одной из продаваемых по сему договору книг до момента распродажи соответственной книги Государственным Издательством» (Там же. Л.147об.).

14. В счет платежей, имеющих быть произведенными Издательству З.И.Гржебина согласно сего договора, Государственное Издательство выдает Издательству З.И.Гржебина аванс в размере семи с половиной процентов с общей номинальной продажной цены всех сдаваемых на распространение книг, каковая общая номинальная цена равна приблизительно брутто 160–175 тысяч долларов. Аванс этот в сумме приблизительно десять тысяч долларов депонируется одновременно с подписанием договора в (пропуск в тексте: Берлине? – Р.Я.) Лондоне или Париже, с тем, что каждый такой вычет не должен превысить одной пятой части ежемесячного платежа.²⁰²

15. Настоящий договор заключается сроком на один год. Оставшиеся ко времени истечения сего срока нераспроданными книги возвращаются Издательству З.И.Гржебина либо остаются за Государственным Издательством по цене, устанавливаемой особым на этот предмет соглашением.²⁰³

Одновременно издатель занялся типографскими работами, спешно печатая книги (по меньшей мере – 44 названия), с тем чтобы включить их в список изданий, составлявших предмет соглашения²⁰⁴.

²⁰² В проекте договора октября 1923 этот пункт был сформулирован в другой редакции: «Расчет производится следующим образом: а) Десять тысяч уплачиваются Государственным Издательством наличными деньгами Издательству З.И.Гржебина при подписании сего договора; б) На сумму, составляющую разницу между десятью тысячами долларов и половиною всей продажной суммы, Государственное Издательство при подписании договора выдает Издательству З.И.Гржебина три векселя с платежом в Лондоне на три, четыре и пять месяцев после заключения сего договора, причем каждый из векселей выдается на сумму, составляющую одну третью часть означенной суммы; в) Уплата второй половины причитающейся Издательству З.И.Гржебина согласно сего договора суммы рассрочивается на четыре срока: 6, 9, 12 и 15 месяцев после заключения сего договора. На эту сумму Государственное Издательство выдает 4 векселя на указанные сроки с платежом в Москве и с суммою каждого векселя, составляющего одну восьмую часть всей продажной суммы» (Там же. Л.147, 153).

²⁰³ В конце машинописной копии проекта договора октября 1923 сделана приписка: «168 названий, всего 424.736 книг на сумму в \$178.814 по номиналу» (Там же. Л.154об.).

²⁰⁴ В архиве Б.Гершуна сохранился график выпуска книг гржебинским издательством в последние месяцы 1923: 31 октября вышли в свет: книги Тонкова, Фаусека, Любименко, Маргулиеса, Станкевича и Юшкевича («Голубиное царство»); 7 ноября: книги Покровского, Книповича, Хвольсона и Кубе; 14 ноября: книги Никонова, Аршинова, Новикова, Кальмы и Гольдгаммера; 18 ноября: книги Поссе, Заболотного, Холодковского, Шимкевича и Русанова; 21 ноября: книги Замятина («На куличках»), Догеля, Стеклова, Хвольсона и Никольского; 5 декабря: книги Жебелева, Иванова, Селиванова, Хвольсона, Холодковского и Ходасевича («Из еврейских поэтов»); 12 декабря: книги Чистовича, Хвольсона, Иванова, Златогорова, Муратова («Сезанн») и Юшкевича («Рассказы»); 19 декабря: книги Хвольсона, Иванова, Стеклова, Осипова, Войтинского, Замятина

По-видимому, тогда же документы, подготовленные юристом, были переданы советской стороне, но ответной реакции не последовало. Впрочем, издателя это не смутило. В очередной раз убедившись в безответственности и несогласованности действий советских учреждений и царившей в них кадровой чехарде, он понимал, что никто (и в первую очередь он сам) не заинтересован в окончательном решении судьбы заказа. Однако продолжение игры его устраивало: старые договоренности время от времени возобновлялись или открывались новые комбинации – с дополнительными кредитами.

На сей раз Москва взяла очень долгую паузу, а начавшаяся тем временем в октябре 1923 стабилизация финансового рынка в Германии подорвала дела всех русских издателей в этой стране. Ситуация ухудшалась с каждым месяцем, и предприимчивый Гржебин задумал новую комбинацию, которая в случае успеха могла поправить его дела и стала бы болезненным щелчком для Москвы. Поскольку Горький и сам удостоверился в бесперспективности продолжения издательства в Берлине и в бессмысленности переговоров с Госиздатом, издатель убедил его переехать вместе с ним в Париж и возобновить работу там. Расстроенному неудачами Горькому эта идея поначалу пришлась по душе: она освобождала его от короткого советского «поводка», но в то же время еще крепче привязывала его к Гржебину.

Подготовка к переезду началась с рекламной акции: в начале 1924 Гржебин провел в Париже выставку своих книг и сразу же оповестил Горького о ее успехе: «...все в один голос поздравляют и удивляются. Да я и сам вижу теперь, что сделано много»²⁰⁵. Теперь оставалось решить визовые формальности, но они-то и оказались сложнее всех вместе взятых технических процедур.

Официальных отношений между Советской Россией и Францией еще не существовало, а общественно-политическое реноме Горького серьезно затрудняло его международные переезды. К хлопотам по получению въездных виз для Горького и его близких Гржебин, вероятно, еще в дни парижской выставки привлек старого знакомого Мануила Маргулиеса, имевшего большие связи в официальных кругах. Однако его первые действия оказались не слишком успешными. 20 февраля 1924 Гржебин напомнил ему: «Алексей Максимович просит Вас написать Олару»²⁰⁶. Он предпочитает ехать в <о> Фран-

(«Большим детям сказки») и Ремизова («Кухня») (ГАРФ. Ф.5986. Оп.1. Ед.хр.3776. Л.79). Упомянутый в тексте договора Список изданий прилагается в конце настоящей статьи.

²⁰⁵ Динерштейн. С.104.

²⁰⁶ Альфонс Олар (1849–1928) – историк, специалист по истории Великой французской революции.

цию, если его приезд будет санкционирован свыше, а «фуксом» ехать он не хочет».

В письме перечислены члены семьи Горького (сын Максим, его жена Надежда Пешкова, урожденная Введенская, «родилась в Томске, 22 года»), а также «вечный спутник Горького» Иван Ракицкий) и еще раз настойчиво повторена просьба разработать официальное основание для выдачи виз: «Если Вы (до завтрака) сядете и Вам никто не будет мешать, Вы, наверное, напишете блестяще, как адвокат, и как умный человек, и как сотрудник Изд<ательств>ва Гржебина²⁰⁷. А очень многое зависит, как Олар (вернее, Вы напишете) <так!>²⁰⁸.

Маргулиес вновь попросил историка продолжить переговоры о деле Горького²⁰⁹, но тот сообщил, что его обращение к премьер-министру Р.Пуанкаре не дало желаемого результата из-за сопротивления в высших эшелонах французской власти²¹⁰. Тогда было решено привлечь к делу французских юристов, и новым ходатаем Горького был избран парижский адвокат М.Мутэ²¹¹. Инструктируя Маргулиеса о дальнейших действиях, Гржебин настаивал: «Пожалуйста, дорогой Мануил Серг<еевич>, возьмитесь за это дело энергично. Это будет очень полезно и для Горького, и для всех нас. Я имею в виду дело. Издательское дело. <...> Олар ли, Мутэ ли – но это нужно скорее сделать»²¹².

Понимая, что его личные связи не могут пересилить враждебность Парижа к одиозной фигуре Горького, Маргулиес попытался было найти специалиста-медика, который вызвал бы писателя во Францию «для лечения», но Гржебин повторил прежнее условие своего клиента: «он «фуксом» въехать не может»²¹³.

Безрезультатные хлопоты Маргулиеса были прерваны в конце марта. К тому времени Горький, которого уже начинала тяготить зависимость от Гржебина²¹⁴, резко переменил свои планы. Отчаяв-

²⁰⁷ Судя по этой ремарке, Маргулиес занимался правовым обеспечением перевода гржебинского издательства в Париж.

²⁰⁸ Письмо Гржебина Маргулиесу от 20 февраля 1924, Париж – Берлин. – ГАРФ. Ф.6270. Оп.1. Ед.хр.122. Л.47-48.

²⁰⁹ См. недатированный черновик письма Маргулиеса Олару. – Там же. Л.46.

²¹⁰ Письмо А.Олара парижскому юристу М.Мигдали от 20 февраля 1924. – Там же. Л.38.

²¹¹ М.Мутэ – юрист, русофил. В апреле 1917 посетил Петроград в составе делегации французских социалистов и познакомился с Горьким и Гржебиным.

²¹² Письмо Гржебина Маргулиесу от 22 февраля 1924, Берлин – Париж. – Там же. Л.49об. Там же см. ответные письма Мутэ Маргулиесу от 7, 29 марта и 12 апреля 1924.

²¹³ Письмо Гржебина Маргулиесу от 23 февраля 1924, Париж – Берлин. – Там же. Л.40.

²¹⁴ Исследователь отмечает, что с осени 1923 Горький, до того ориентированный исключительно на издательские планы Гржебина, возобновил сепар-

шийся от этой возни издатель процитировал Маргулиесу отрывок из письма писателя (Горький жил в те месяцы в Мариенбаде):

Нет, Зиновий Исаевич, я не стану писать писем Олару, Мутэ и др. Я имею право считать себя довольно видным русским литератором, и не вместило мне гнуть спину перед чиновниками Франции. Я прошу Вас прекратить хлопоты.

«Я уверен, – продолжает Гржебин, – что, если бы визы были, он поехал бы. Но как это сделать? То есть до чего это хочется и до чего это нужно!»²¹⁵

Эта неудача не остановила новых гржебинских инициатив, тем более что отъезд Горького в Сорренто поначалу не означал его выхода из дела. Один из мимолетных проектов, например, был связан с экраном: «Я, кажется, войду в одно кинематографическое дело, говорят, что эти дела хороши. Как у Вас в Париже смотрят на эти дела?»²¹⁶. Получив, вероятно, не слишком оптимистичную справку от Маргулиеса, вполне компетентно разбиравшегося в этом вопросе²¹⁷, Гржебин решил вернуться к издательским делам, но их осложнил новый конфликт – на сей раз с «Русской газетой», издававшейся в Париже.

Общая фабула этой истории известна²¹⁸, но нуждается в детализации. Редактор этого издания А.И.Филиппов в то время не без успеха пытался возглавить умеренно монархический лагерь эмиграции, позиционируя себя непримиримым оппонентом всех форм и оттенков социализма и либерализма. Узнав стороной о предполагаемом приезде Горького в Париж, он начал кампанию по дискредитации писателя и его окружения в глазах эмигрантской и французской общественности²¹⁹. Открыл ее А.Куприн, проникшийся острой

ратные контакты с Госиздатом, который по решению Политбюро ЦК ВКП(б) затеял собрание сочинений писателя, «что практически полностью решало проблему его материального обеспечения. В связи с этим возникла необходимость более осторожно относиться к издательской деятельности Гржебина» (Динерштейн. С.102).

²¹⁵ Письмо Гржебина Маргулиесу от 24 марта 1924, Берлин – Париж. – ГАРФ. Ф.6270. Оп.1. Ед.хр. 22. Л.39. Уместно сравнить горьковский эпизод с историей другого ходатая, добивавшегося французской визы через Маргулиеса почти десять лет спустя: «ничего он сделать не мог» (Гуль Р. Я унес Россию: Апология эмиграции. Т.2: Россия во Франции. Нью-Йорк, 1984. С.166).

²¹⁶ Письмо Гржебина Маргулиесу от 25 февраля 1924, Берлин – Париж. – ГАРФ. Ф.6270. Оп.1. Ед.хр. 22. Л.1-2.

²¹⁷ См. об этом: Янгиров Р. В кадре и за кадром: Российские кинематографисты-эмигранты во Франции (1925–1930) // Диаспора: Новые материалы. Вып.2. СПб., 2001. С.248-262.

²¹⁸ См.: Гржебина. С.153-156.

²¹⁹ Помимо новостных сообщений газета посвятила Горькому немало литературных материалов: Первухин М. Между прочим // Русская газета. 1924. 18 июля.; А.Черный. 1) Эпиграммы // Там же. 2 ноября; 2) Ленин по Горькому.

личной неприязню к Горькому еще с революционных дней 1917 года²²⁰.

Впрочем, первый печатный выпад Куприна был адресован не Горькому, а мемуарам М.Маргулиеса «Год интервенции»²²¹. При том, что рецензент расходился с автором книги во взгляде на исторические события (Куприн и Маргулиес были участниками и очевидцами северо-западной эпопеи армии Н.Н.Юденича), его претензии не ограничились историографическими вопросами. Пространно изложив свои несогласия с прочитанным, писатель перенес их на новую орфографию книги и в конце концов на личность самого автора. Если иметь в виду, что рецензия Куприна была опубликована в дни гржебинской выставки (откуда книга Маргулиеса, вероятно, и попала к парижскому читателю) и во время истории с визами, легко понять, что цель статьи, бросавшей тень на горьковского ходатая в

Сентиментальный лубок // Там же. 30 ноября и др. При этом информационное освещение горьковской темы не отличалось достоверностью. Ср.: «В Сорренто поселился Максим Горький вместе со своею первой женою, известною меньшевичкою Е.П.Пешковой и женатым сыном М.Ф.Андреевым» (<Б/н.> М.Горький в Сорренто // Там же. 25 мая).

²²⁰ См. его статьи: *Куприн А.* 1) Максим Горький // Общее дело. 1920. 10 февраля; 2) О Горьком // РГ. 1924. 24 марта; 3) С опозданием // Русское время (Париж). 1926. 22 января; 4) Рубеж // Борьба за Россию (Париж). 1927. 9 июля; 5) Рубец // Русское время. 1927. 31 июля. Ср. также с самооценкой своей газетной работы и с общей характеристикой филипповского издания: «Я с удовольствием вспоминаю те возбужденные, беспокойные и теперь, издали, такие светлые и веселые дни, когда “Русская газета” впервые начала выходить в свет еженедельным изданием. <...> И тем еще привязала меня к себе “Русская газета”, что предоставила мне... <так!> полную свободу высказывать мои мысли. Лично мне это удовольствие принесло мало пользы. Говоря о монархизме в разрезе идеологии, заступаясь за скорбные исторические тени, подвергаемые оклеветанию, я приобрел кличку монархиста, и уличные мальчишки левого журнализма тыкали в меня на моем чистом пути пальцами и кричали: вот идет монархист, вот идет черносотенец, вот идет мракобес... Не я ли – неудачник – и дал “Русской газете” репутацию монархической? <...> Из еженедельной газета стала ежедневной, и вот просуществовала три года, вопреки злостно-радостным предвещаниям. Громадный срок – три года! Значит, есть же среди русской эмиграции целый слой общества, которому газета близка и необходима. И, заметьте, читатель наш небогатый, не искатель скороменького, не ловец скандального, но крайне левый, но крайне правый. Преобладающего шумного успеха “Русская газета” оттого не захватила, что она шла по среднему течению» (*Куприн А.* Три года // Русское время. 1926. 13 июня; перепеч.: *Куприн А.* Голос оттуда. 1919–1934: Рассказы. Очерки. Воспоминания. Фельетоны. Статьи. Литературные портреты. Некрологи. Заметки. М., 1999. С.558–559).

²²¹ *Куприн А.И.* Дневники и письма // Русское время. 1924. 28 января; перепеч.: *Куприн А.* Голос оттуда. 1919–1934... С.360–365. Ср. также с прохладным отзывом Горького на труд Маргулиеса (Русский Берлин. С.389).

самый разгар его хлопот по щекотливому вопросу, была далека от библиографического жанра.

Через несколько дней объектом атаки «Русской газеты» стал Гржебин. 11 февраля 1924 на первую полосу газеты была вынесена заметка «Гржебин за работой» за подписью «Ирман» (мы полагаем, что ее автором был сам А. Филиппов). Она начиналась с пассажа:

В Париж приехал обер-издатель совбандитов, пресловутый Гржебин. Квартиру он занял весьма приличную. В этой квартире устроил великолепную, богатую елку. Потчевал многочисленных приглашенных. Развертывался вовсю: и с блудливой советской пропагандой, и с астраханской икрой, и с многообещающими зазываниями...²²²

Теперь же начинается самое главное: Гржебин и К^о (читай: ЦК коммунистического интернационала) открывает в Париже издательство. Сие учреждение будет выпускать русские книжки, какие-то листки, все это, конечно, без ятей и без твердых знаков, и, вообще, – захватывать русский издательский и книжный рынок во Франции в целях, угодных исключительно московской красной ракалии.

Эта операция, по мнению автора, преследовала цель «схватить за глотку антибольшевистское печатное слово», «провокационным способом втиснуться в мышление русской эмиграции и постепенно ее разлагать». Ближе к финалу эмоциональный тон заметки все более повышался:

Начинается подлейшая кампания большевиков против русской национальной мысли. Воскрешаются времена Азефа. В нашу измученную эмигрантскую семью подсылаются предатели и провокаторы. Будем настороже!

После риторического вопроса о том, как «советский издатель Гржебин очутился в Париже», заметка завершалась предостережением: «Русские люди! Берегитесь! К вам приближается провокация!».

Через день Гржебин выступил с протестом:

²²² Ср. с позднейшим свидетельством Н. Берберовой: «Тогда, в 1924 году, он еще жил в большой квартире на Шан-де-Марс, к дочерям его ходили учителя, французские и русские, на кухне с папироской во рту стояла у плиты бывшая смольянка, а в столовой с утра до поздней ночи ели, пили, спорили и хохотали присяжный поверенный Маргулиес, поэт Черниковский, Семен Юшкевич, эсеры, эсдеки, поэты, нахлебники всякого рода, балетная молодежь студии балерины Преображенской, бывшие великие князья, артисты бывших императорских театров, опереточные певцы, художники с именем, художники без имени, кабаретные певички, приезжие из Одессы, безработные журналисты, приезжие из Киева, безработные антрепренеры – всевозможные шумные полуголодные бездельники» (Берберова Н. Курсив мой: Автобиография. С.254-255).

М<илостивый> Г<осударь>, г. Редактор, в номере 6 издающейся в Париже «Русской Газеты» появилась статья за подписью г. Ирмана «Гржебин за работой», полная лживых и клеветнических выпадов по моему адресу. Настоящим сообщаю, что клеветников из «Русской Газеты» я привлекаю к уголовной ответственности. Дело мною передано парижскому адвокату г. Мутэ <...>.²²³

При этом ответчику был предъявлен материальный иск в 100 тысяч франков в качестве компенсации за моральный ущерб²²⁴. «Русская газета» не замедлила с ответом: обругав милоковскую газету за предоставление печатной трибуны Гржебину, автор новой, анонимной, заметки подкрепил заявленную ранее позицию ссылкой на высокие авторитеты²²⁵ и объявил, что принимает вызов:

Мы приветствуем привлечение нас к судебной ответственности, так как это даст нам возможность в обстановке гласного судебного разбирательства перед лицом общественного мнения осветить «деятельность» г. Гржебина не только путем документов, но и при помощи свидетельских показаний, касающихся «работы» Гржебина в России и за границей.²²⁶

Получив поддержку коллег и друзей в Берлине и Париже²²⁷, издатель все же не хотел привлекать излишнего внимания к судебному

²²³ Гржебин З. Письмо в редакцию // Последние новости. 1924. 13 февраля.

²²⁴ В те же дни Гржебин информировал Горького о начинающемся процессе и описывал его как часть их общего дела. Вольно или невольно он впадал при этом в тональность противника: «...Конечно, надо набраться сил, чтоб вступить в состязание с ними, этой грязной шайкой. Но что же поделаешь. Выхода нет. Я знаю, многие за меня. Вообще здесь наблюдается раскол, который в ближайшем будущем примет очень резкий и определенный характер. Черносотенцы останутся в слабом меньшинстве. С именами среди них на первом месте Куприн, Гиппиус, Мережковский, Манухин, Шмелев. Бунин, по-видимому, отходит от них и держится более одиноко» (цит. по: Вайнберг-1. С.182).

²²⁵ Это была цитата из «Черной тетради» З.Гиппиус о петроградских комбинациях Гржебина в 1918: «К писателю Гржебину теперь относится по-мещански... Он скупает всех писателей с именами – скупает “впрок” – ведь теперь нельзя издавать. На случай переворота – вся русская литература в его руках, по договорам, на многие лета – и как выгодно приобретенная! Буквально за несколько кусков хлеба. стыдно сказать, за сколько он покупал меня и Мережковского. стыдно не нам, конечно. Люди с петлей на шее уже таких вещей не стыдятся» (*Гиппиус З.* Петербургский дневник; цит. по: *Мережковский Д.* Царство Антихриста. München: Masken Verlag, 1921. С.80-82).

²²⁶ <Б/н.> Услужливость «Последних новостей» // РГ. 1924. 18 февраля. Через некоторое время появилось сообщение, что в судебном разбирательстве с Гржебиным интересы газеты будет защищать адвокат Жан Эрлиш – антибольшевик и бывший участник Французского экспедиционного корпуса на юге России (<Б/н.> Наш процесс с Гржебиным // Там же. 17 марта. С.1).

²²⁷ См.: Гржебина. С.154-156. Оригинал процитированного в ее работе письма Союза русских издателей и книготорговцев в Германии в защиту Грже-

разбирательству, состоявшемуся в начале апреля 1924²²⁸. Пересылая материалы к процессу, он так объяснил свою позицию Маргулиесу, ассистировавшему французскому юристу:

Знаю только одно, что какие-то рыцари-писатели вряд ли съедутся, чтобы защитить своего издателя. Во всяком случае, не следует из этого процесса делать процесс-монстр. Может быть, вернее было бы поступить, как поступает в этих случаях Горький, т. е. игнорировать. <...> Я бы даже лично не хотел присутствовать на процессе, вообще, надо «смазать» – и всегда следует помнить русскую крепкую поговорку «не тронь г..., завоняешь».²²⁹

Таким образом, желание ответчика превратить дело в шумную антисоветскую демонстрацию было сорвано, и судебные заседания прошли за закрытыми дверями, завершившись моральной победой Гржебина. Парижский суд обязал редактора «Русской газеты» извиниться за ложные публикации²³⁰, но, учтя, видимо, финансовое положение ответчика, отказал истцу в удовлетворении финансовой части его иска. Примечательно, что по ходу слушания дела газета продолжала «арьергардные» стычки с горьковским окружением, атакуя их по вопросам, формально не связанным с политикой²³¹.

Весну и лето 1924 Гржебин провел в разъездах между Берлином, Лондоном, Стокгольмом и Парижем, устанавливая новые деловые связи и занимаясь поиском инвесторов, кредиторов и поставщиков

бина от 10 марта 1924 подписан Б.Элькиным (ГАРФ. Ф.6270. Оп.1. Ед.хр.122. Л.36-37).

²²⁸ Там же. Л.44.

²²⁹ Письмо Гржебина Маргулиесу от 31 марта 1924. – Там же. Л.43.

²³⁰ См.: Гржебина. С.156. Это было частное письменное извинение. Никаких комментариев о ходе процесса и о его результатах в «Русской газете» не появилось. Два года спустя А.Филиппов взял реванш за унижение в деле с Гржебиным. 30 марта 1926 в парижском уголовном суде началось рассмотрение аналогичного дела: адвокат С.Моркотун подал иск о клеветнической публикации филипповской газеты в его адрес и отказе редакции поместить его опровержение. Сторону ответчика представлял тот же Жан Эрлиш. Филиппов был оправдан. См.: Процесс «Русского времени» // Русское время. 1926. 4 апреля.

²³¹ Новым объектом атаки стал В.Ходасевич, приехавший в Париж из Сорренто вместе с Н.Берберовой весной 1924. Его «филологическая» дискуссия с Куприным о Пушкине, несомненно, была продолжением гржебинской истории. Ср. с его впечатлениями в письмах Горькому. 13 мая 1924: «...мой русский Париж невелик: “Современные Записки”, Осоргин, Зайцев, Познер, Гржебин, Ремизов, еще 2–3 человека – и все. Мережковские, Бунин, Куприн – вне меня – и вне себя от меня»; 17 декабря 1924: «...наступит безденежье и погонит в Париж, о котором думаю с ужасом. Разумею “русский” Париж, который все безнадежнее погружает в чистейшем черносотенстве. Уже весной я пришелся там не весьма ко двору...» (цит. по: *Ходасевич В.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1996. Т.4. С.472-473, 480-481).

типографской бумаги. В начале июля он сообщил Маргулиесу новость:

Дорогой Мануил Сергеевич! У меня с продажей книг в Россию дело идет успешно. Томский²³² хочет купить книги для библиотек (их 2000) профессиональных Союзов. Он на этой неделе едет в Москву и обещает в 3–4 недели провести это дело. Вот будет хорошо!²³³

Это обещание оказалось столь же несбыточным, как и предыдущие, однако Гржебина эта неопределенность, похоже, устраивала: безответственные авансы советских чиновников открывали ему доступ к французскому кредитному рынку для запуска нового издательства, причем он по-прежнему хотел быть единоличным хозяином и отказывался от участия в чужих предприятиях.

Тем временем в начале октября 1924 Торгпредство пригласило издателя в Берлин для очередного обсуждения дел²³⁴, но он отказался от приглашения, поручив Маргулиесу перевести общение в письменную форму. В начале двадцатых чисел октября²³⁵ юрист направил туда обращение своего клиента:

Правовому Отделу
Торгового Представительства <СССР>
в Германии
Берлин

По поручению моего доверителя Зиновия Исаевича Гржебина, лишенного вследствие болезни возможности ответить Вам, сообщаю в ответ на письмо Ваше от 9 октября с/г нижеследующее:

Получив в конце²³⁶ 1921 года заказ на учебные пособия от Народного Комиссариата по Просвещению, З.И.Гржебин немедленно приступил к его выполнению. Все предварительные шаги уже были выполнены, заказы даны, когда неожиданно для него была прислана ему Торгпредом в Германии при письме полученная этим последним телеграмма за подписью Замнаркома Внешторга

²³² Томский Михаил Павлович (1880–1938) – советский партийный и государственный деятель. По-видимому, Гржебин встретился с ним в Лондоне во время визита туда советской делегации.

²³³ Письмо Гржебина Маргулиесу от 3 июля 1924, Лондон – Париж. – ГАРФ. Ф.6270. Оп.1. Ед.хр.122. Л.90. В этом письме он сообщал также, что вступил в деловое сотрудничество с П.Я.Рыссом по закупке для будущего издательства бумаги в Париже. См. также письмо от 4 июля 1924. – Там же. Л.91.

²³⁴ См. также письмо-приглашение берлинского Торгпредства Гржебину от 9 октября 1924 с просьбой прибыть на деловую встречу (Там же. Л.29).

²³⁵ Мы полагаем, что этот документ был написан до 25 октября 1924, датируя его по черновику аналогичного обращения Гржебина в это учреждение, доработанному затем Маргулиесом (Там же. Л.27).

²³⁶ Вписано вместо зачеркнутой даты 11 декабря.

Лежавы²³⁷ с категорическим запрещением выполнения данного Комиссариатом по Просвещению заказа. Гражданин Гржебин немедленно сообщил об этом запрещении Наркомпросу, но и по сие время никакого ответа не получил. Полагая, что не его дело выяснять недоразумения, возникающие между двумя ведомствами, и не получая от заказчика <так!> предложения игнорировать запрещение Внешторга, гражданин Гржебин вынужден был приостановить исполнение заказа. В подтверждение того, что только последовавшее запрещение воспрепятствовало выполнению заказа, гражданин Гржебин может сослаться на выполненный им значительно более крупный заказ Госиздата, переданный ему одновременно с первым. Полагая на основании изложенного, что заказ не выполнен не по вине его, Гржебина, что, напротив, вина целиком на стороне заказчика, не устранившего препятствия, им же самим созданного в лице другого ведомства той же власти, гражд<анин> Гржебин считал бы себя вправе, согласно договора, искать с заказчика неустойку, сохранив за собою полученный аванс.

Считаю также нужным обратить Ваше внимание на то, что перевод дензнаков 1921 года на доллар неточен – полученная в аванс сумма, как гражданин Гржебин немедленно выяснил, дабы иметь возможность дать заказ в Германии и оплатить его в иностранной валюте, представляла из себя количество долларов во много раз меньшее указанного Вами – вряд ли более одной тысячи долларов.

<М.Маргулиес>²³⁸

Понятно, что в Берлине Гржебина ждали не для обсуждения новых заказов и проектов, а для взыскания аванса по старому договору с Наркомпросом, но к расчетам он готов не был и выдвинул встречные денежные расчеты, кардинально расходившиеся с калькуляцией советских ведомств²³⁹.

Этот документ многое объясняет во внутренней логике сторон и еще раз свидетельствует о том, что в общении с Москвой Гржебин вел рассчитанную игру. Поочередно обольщая руководителей различных ведомств заманчивыми предложениями, он был уверен, что решение вопроса об окончательной оплате книжного заказа никогда не будет найдено, зато неизбежные проволочки, как это уже бывало, обернутся договорными неустойками и формально оправдают не-

²³⁷ Лежава Андрей Матвеевич (1870–1937) – советский государственный деятель; в 1920–1923 – заместитель наркома внешней торговли.

²³⁸ ГАРФ. Ф.6270. Оп.1. Ед.хр.122. Л.27.

²³⁹ Советская сторона числила за издателем долг на сумму около 8 тысяч долларов, выданных авансом под исполнение заказа Наркомпроса. Кроме того, он получил экстренный заем в 2300 фунтов стерлингов под залог выпущенных книг и 10 тысяч долларов, авансированных Госиздатом (Динерштейн. С.108). Гржебин же считал эти деньги неустойкой за сорванные заказы.

возвращение взятых когда-то авансов. Отлично разбираясь в механизме советской бюрократической машины и ее иерархии, опытный делец не мог не знать, что решающее слово в расчетах с ним принадлежит Наркомвнешторгу – законодательно установленному монополисту в торговых операциях с заграницей. Однако он ни разу не выказал желания вступить в переговоры с его руководителями. Скорее всего, этим письмом Гржебин хотел спровоцировать московских чиновников на новые внутренние разбирательства, и, кажется, ему это удалось. Во всяком случае, ответной реакции Торгпредства на его встречные претензии не последовало.

По свидетельству дочери, в конце 1924 издателю все же пришлось поехать в Берлин. На сей раз он приехал с эффектным предложением – проектом издания «Энциклопедического словаря» под редакцией профессора В.В.Водовозова²⁴⁰, и выяснение старых проблем (если оно состоялось) было переведено издателем в обсуждение новой темы, завершившееся, как всегда, лишь очередными обещаниями.

Другой, не менее важной целью приезда Гржебина в Берлин было урегулирование издательских дел и, прежде всего, финансовых обязательств, так как подошли сроки платежей по старым векселям. Средств на это не было, и он задумал провести акционирование своего предприятия совместно с «Издательством И.П.Ладыжникова», но «на этот план трудно было решиться, так как фактически Гржебин перестал бы быть в деле единственным хозяином»²⁴¹. Отложив на время принятие трудного решения, Гржебин вернулся в Париж, но, как вскоре выяснилось, идея акционирования так пришлась по душе предполагаемому компаньону Б.Рубинштейну, что тот решил вообще вывести издателя из дела. Рубинштейн стал исподволь скупать гржебинские векселя, а к лету 1925 возглавил группу кредиторов и потребовал от Гржебина немедленных расчетов. Тот поначалу не слишком поверил в серьезность ситуации и попытался вразумить вероломного конкурента через доверенных лиц. Его зять и бывший соиздатель Михаил Фарбман²⁴², предостерегая Рубинштейна о неже-

²⁴⁰ См.: Гржебина. С.156. Ср. также со свидетельством Н.Берберовой, относящимся к 1924: «Он даже продолжал скупать у авторов рукописи, этот опытный, казалось бы, делец, не мог допустить и мысли, что ничто куплено у него не будет, что он через три года разорится дотла, что за неуплату налогов и долгов его будут фотографировать во французском полицейском участке без воротничка, в фас и профиль, как преступника, отмечая его “особые приметы”...» (*Берберова Н.* Курсив мой. С.254).

²⁴¹ Гржебина. С.156.

²⁴² Фарбман Михаил Семенович (1880–1933) – журналист; в 1907–1912 вместе с Гржебиным совладелец петербургского издательства «Пантеон». Эмигрировав в 1915 в Лондон, продолжил там издательскую деятельность и сотрудничал в британской прессе. См. о нем: *Юниверг Л.* Зиновий Гржебин и Максим Горь-

лательности публичного скандала, предупредил его и о неминуемых негативных последствиях таких действий:

Вам эти разговоры о векселях и прокуроре нужны потому, что они создают благоприятную почву для захвата Вами склада книги Гржебина. Вы рассчитываете не только за гроши приобрести книги Гржебина, но еще кричать на всех перекрестках, что не Вы Гржебина, а что Гржебин Вас разорил и что Вы только благодаря своему благородству не передали его прокурору. Вы знаете хорошо, Борис Николаевич, что это старый маневр, которым пользовались не раз в подобных случаях. Смысл и цели этих угроз и пускания подобных слухов слишком ясны. И я думаю, Вам не следовало бы пускать их в данном случае. Имейте в виду, что каково бы ни было положение Гржебина сейчас, его издательство было общественным явлением, и Вам никогда не простят, если окажется, что Вы топили Гржебина. Я понимаю, что соблазн у Вас велик, но я хочу Вас предупредить, что Вы можете сильно ошибиться. Даже враги Гржебина Вас не особенно погладят, когда узнают, что Вы хотели поживиться его разорением. Но имейте в виду, что у Гржебина много врагов, но есть и друзья, и друзья влиятельные.²⁴³

Несмотря на все попытки договориться, делу был дан ход. Гржебину пришлось поручить Борису Гершуну переговоры с кредиторами и процедуру ликвидации издательства²⁴⁴, в то время как он сам занялся изысканием средств для возврата кредиторам. Тогда-то он вспомнил о давней сделке с представителем Финляндского Экономического комитета в Петрограде инженером Лейнеманом: в 1919 он ссудил ему под проценты 250 тысяч финских марок для оплаты расходов по эвакуации на родину граждан этой страны и их имущества. По его поручению Маргулиес несколько раз обращался в посольство Финляндии в Париже с просьбой разыскать должника и заставить его рассчитаться по старому долгу, но найти Лейнемана так и не удалось, и эти столь необходимые в тот момент деньги Гржебину пришлось записать в раздел очередных убытков²⁴⁵.

кий: Из истории послереволюционной издательской деятельности З.И.Гржебина // ЕВКРЗ-1. С.144.

²⁴³ Письмо Фарбмана Рубинштейну от 8 июня 1925, Лондон – Берлин. – ГАРФ. Ф.5986. Оп.1. Ед.хр.378. Л.153об.-154.

²⁴⁴ См. доверенность от 20 июня 1925, данную Гржебиным Б.Гершуну на ведение его дела по компенсации долгов и пр. (Там же. Л.1-2). Инструкции издателя по подготовке этой сложной процедуры завершались предупреждением: «Бойтесь больше всего Рубинштейна...» (письмо Гржебина юристу Генриху Фишману (компаньону Гершуна) от 24 июня 1925, Париж – Берлин. – Там же. Л.211).

²⁴⁵ Переписку Гржебина и Маргулиеса с Финляндским экономическим комитетом и посольством Финляндии в Париже см.: ГАРФ. Ф.6270. Оп.1. Ед.хр.122. Между прочим, этот эпизод проливает новый свет на совместную

Тогда же он предпринял еще одну попытку возобновить переговоры с советскими представителями в Париже и добиться от них исполнения прежних соглашений с Госиздатом. На это указывает письмо берлинского юриста:

Многоуважаемый Зиновий Исаевич,
Вчера вечером Д.З.Яковлев²⁴⁶ просил меня выслать когда-то написанный мною проект договора с Госиздатом. Посылаю его Вам при сем. Сегодня воскресенье, и послать его заказным не могу; откладывать на завтра, очевидно, нельзя. Это – единственный оставшийся у меня экземпляр. Заготовьте поэтому две-три копии.

От всей души желаю Вам успеха. Черкните. Кланяйтесь жене.
<Б.Элькин>²⁴⁷

Но и эта попытка ни к чему не привела.

Между тем, общая сумма счетов, предъявленных Гржебину к оплате, превысила 117 тысяч деноминированных марок²⁴⁸. Надежда погасить долги издательским имуществом в Германии тоже не оправдалась: оно состояло из книг, отданных на комиссию книготорговцам, а большая их часть, как выяснил Гершун, лежала мертвым грузом на складах²⁴⁹.

хозяйственную деятельность Гржебина и Горького в Петрограде. В январе 1920 писатель заключил личный договор с Госиздатом на поставку большой партии бумаги из Финляндии на сумму в 25 миллионов рублей. Пять миллионов из общей суммы он получил авансом, но договор так и не выполнил (Ипполитов, Катаева. С.132-134). Указывая, что Горький получил разрешение на вывоз этой суммы за границу, исследователи не могут найти ответа на вопрос: «где и как мог Горький обменять в Европе выделенные ему русские рубли» (Там же. С.133). Уместно предположить, что теневым исполнителем этой операции был Гржебин, а описанный выше маневр с финскими представителями был придуман им для вывода денежных средств за пределы советской России. О коммерческой деятельности Гржебина в Финляндии в 1919 и его валютных операциях в Берлине, которые вызвали в конечном счете недовольство Горького, см.: Динерштейн. С.99, 103.

²⁴⁶ Очевидно, директор издательства «Мысль».

²⁴⁷ Письмо Б.Элькина Гржебину от 26 апреля 1925, Берлин – Париж. – ГАРФ. Ф.5987. Оп.1. Ед.хр.39. Л.143.

²⁴⁸ Список кредиторов и сумму долгов см. в письме Гржебина Гершуну от 2 сентября 1925, Париж – Берлин (Там же. Л.134-135). Кроме того, издатель не смог полностью рассчитаться и с авторами – Е.Замятинным, Б.Пильняком, А.Ремизовым, Б.Зайцевым, С.Юшкевичем, В.Брюсовым, Н.Минским, М.Добужинским и др. (Там же. Л.211).

²⁴⁹ См., например, опись гржебинских книг, взятых на комиссию издательством «Логос» (по состоянию на 1 декабря 1925). После почти трех лет торговли практически нераспроданными остались все учебные издания. Не лучше обстояло дело и с беллетристической: замятинской биографии «Роберт Майер» оставалось 497 экземпляров, его же «Большим детям сказки» – 292, «Островитяне» – 83, поэтических сборников Вл. Ходасевича «Счастливый домик» – 13, «Тяжелая лира» – 75 и т. д. (Там же. Л.51-72). К этому прибавились книги, нераспродан-

Процедура банкротства издательства растянулась почти на три года, и все это время раздавленного неудачами владельца не покидали надежды на спасение. В ноябре 1925, в очередной раз информируя берлинских поверенных о своих делах, он вдруг делает неожиданное объявление:

С своей стороны, могу также сообщить радостную весть для кредиторов: запрет с моих книг в России окончательно снят. Провел это в Москве Х.Г.Раковский²⁵⁰ и в окончательной форме.²⁵¹

Проверить достоверность этого сообщения теперь представляется невозможным. Можно думать, что таким образом Гржебин попытался дезинформировать кредиторов и отодвинуть сроки ликвидации предприятия²⁵².

В свете вышеизложенного по-иному воспринимается и последнее разбирательство бывшего издателя, затеянное незадолго до его преждевременной кончины: попав в отчаянную нужду, он потребовал от своего бывшего друга, сотрудника и клиента Горького компенсации за использование переданных ему когда-то «вечных» прав на сборник ранних рассказов²⁵³ (в деле фигурировал все тот же Госиздат, начавший в 1928 выпуск полного собрания сочинений писателя). К тому времени отношения между друзьями окончательно разладились, но Гржебин все же добился отступных от Горького, выдавшего ему деньги скорее из филантропических чувств. Но увидеть это последнее подтверждение его былых издательских приоритетов Гржебину было уже не дано – он скоропостижно скончался 4 февраля 1929 в Ванве близ Парижа.

ные книжным магазином «И.П.Ладьяжников» (т. е. тем же Рубинштейном), контрагентством Иосифа Левитана, лейпцигским книготорговцем Карлом Келлером и др. У Левитана хранился и архив издательства – авторские рукописи и пр.) (письмо Гершуна Гржебину от 12 ноября 1925, Берлин – Париж. – Там же. Л.109). Ср. также с каталогом книг акционерного общества «Москва» Г.Закса, в котором раздел издательства Гржебина представлен в том же варианте, что и в 1923 (Русская газета. 1925. 19 февраля. С.4).

²⁵⁰ Раковский Христиан Георгиевич (1873–1941) – советский партийный и государственный деятель. В октябре 1925 стал первым советским полпредом во Франции.

²⁵¹ Письмо Гржебина Г.Фишману от 6 ноября 1925, Париж – Берлин. – ГАРФ. Ф.5986. Оп.1. Ед.хр.378. Л.110.

²⁵² В начале 1926 Б.Гершун вынес окончательный приговор делам Гржебина: «По имеющимся у меня сведениям, продажа книг идет чрезвычайно скверно, а выручка составляет ничтожные суммы. Относительно России, по-видимому, никаких надежд нет» (письмо Б.Гершуна Г.Фишману. – Там же. Л.18). Несколько позднее юрист вообще потерял связь со своим клиентом: «Гржебин не отвечает на мои письма. <...> Он, по-видимому, своих обещаний не выполняет» (Там же. Л.20).

²⁵³ Подробнее о финансовом споре с Горьким, который Гржебин начал осенью 1928, см.: Гржебина. С.161–165; Вайнберг-1. С.183–191.

Берлинские издатели и авторы из метрополии

Контакты авторов из метрополии с эмигрантскими издателями в 1920-е еще мало изучены и известны по частным случаям М.Булгакова, М.Волошина²⁵⁴, Е.Замятина²⁵⁵, М.Кузмина²⁵⁶, Б.Пильняка, Г.Чулкова²⁵⁷, И.Эренбурга²⁵⁸ и др. Однако не приходится сомневаться в том, что в этом общении участвовал более широкий круг литераторов, чем принято думать, на что указывает хотя бы число книг советских авторов, выпущенных эмигрантскими издательствами, даже при условии, что многие из них не были санкционированы авторами. Заинтересованность в этих связях была взаимной, и возникли и развернулись они в первые же пореволюционные годы, причем далеко не всегда к этому подталкивали цензурные запреты²⁵⁹.

Публикуемая ниже подборка эпистолярных материалов – новая иллюстрация интересующей нас темы, извлеченная из обширной практики берлинских издателей начала 1920-х. На наш взгляд, содержание переписки вокруг посмертных изданий сочинений Н.Гу-

²⁵⁴ См.: Русский Берлин. С.75-78; *Гуль Р.* Я унес Россию... Т.2. С.92-97.

²⁵⁵ Об отношении писателя к зарубежным изданиям своих сочинений, и в частности первой публикации романа «Мы» на русском языке см.: «Заветный» друг Е.И.Замятина: Новые материалы к творческой биографии писателя / Публ. Р.Янгирова // *Russian Studies*. 1996. Т.2, №2.

²⁵⁶ См.: Letter of M.A.Kuzmin to Ja. N. Bloch / Publ. by J.E.Malmstad // *Studies in the Life and Works of Mikhail Kuzmin*. Wien, 1989; *Тимофеев А.* Михаил Кузмин и издательство «Петрополис»: Новые материалы по истории «Русского Берлина» // *Русская литература*. 1991. №1; *Харер К.* «Верчусь как ободранная белка в колесе»: Письма Михаила Кузмина к Я.Н.Блоху (1924–1928) // Шестые тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992.

²⁵⁷ См.: Русский Берлин. С.241-246.

²⁵⁸ Начиная с первой же заграничной поездки в 1921, Эренбург, помимо собственных сочинений, активно занимался устройством в эмигрантской печати сочинений друзей и коллег по литературному цеху в Москве. См. об этом: *Янгиров Р.* К истории издания «Лебединого стана» Марины Цветаевой // *Русская мысль*. 1999. №3, 10 июня.

²⁵⁹ А.Блок, например, письменно руководил действиями своего берлинского издателя (см.: *Лундберг Е.* Записки писателя. 1920–1924. Т.2. С.138-139, 166). Руководитель издательства «Слово» в 1921 при посредничестве германского партнера, направившего весной 1921 в Петроград своего представителя, вступил в договорные отношения с вдовой А.Блока, с А.Белым, Е.Замятиным, М.Кузминым и др. (*Гессен И.* Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж, 1979. С.107-108). Эта же тема обсуждалась в письмах Ольги Форш и Бориса Пильняка Сергею Постникову, представлявшему их авторские интересы за границей в 1920-е (ГАРФ. Ф.6065. Оп.1. Ед.хр. 87, 69).

милева и публикации исторических трудов академика С.Ф.Платонова²⁶⁰ говорит само за себя и не требует специальных пояснений.

* * *

Документы публикуются по автографам и по авторизованной машинописной копии (письмо 7), хранящимся в: ГАРФ. Ф.5987. Оп.1. Ед.хр.39. Л.205, 207, 209, 211, 218, 221-222.

Книгоиздательство «Мысль»²⁶¹

1

Берлин
6 июля 1922
Б.И.Элькину

Многоуважаемый Борис Исаакович,

Наше издательство выпустило в общедоступной библиотеке «Книга для Всех» «Жемчуга» и «Дитя Аллаха»²⁶² Н.Гумилева. Издательство нашло возможным переиздать вышеупомянутые произведения с тем, что наследники Н.Гумилева в свое время получают причитающийся им обычный гонорар. Максимальный гонорар, который мы платим, составляет 10% с номинальной цены издания. «Жемчуга» выпущены были по цене 10 марок, 5000 экземпляров, что составляет 50000 марок, с каковой суммы 10% – 5000 марок – причитаются наследникам Н.Гумилева. «Дитя Аллаха» выпущено по цене в 4 марки, так что из такого же расчета авторского гонорара следует 2000 марок.

²⁶⁰ Платонов Сергей Федорович (1860–1933) – историк, педагог, профессор Петербургского университета, с 1920 академик Российской Академии наук. В 1918–1923 – заведующий Петроградским отделением Главархива, в 1925–1929 директор Пушкинского Дома, Библиотеки АН, академик-секретарь Отделения гуманитарных наук АН СССР и председатель Археографической комиссии АН. В первый раз он был арестован петроградской ЧК в мае 1919, но выпущен в тот же день по личному указанию Г.Зиновьева. В ноябре 1929 в ходе «чистки» Академии наук Платонов был снят со всех должностей, а в январе 1930 арестован как главный фигурант «Академического дела»; в феврале 1931 исключен из числа членов АН СССР; в августе 1931 выслан на 5 лет в Самару, где и умер.

²⁶¹ Русское книгоиздательство «Мысль» существовало в Берлине в 1920–1926. В состав его сотрудников входили «германский типограф и издатель» Герман Гольдберг, «киевский присяжный поверенный» Самуил Кучеров, Соломон Каплун, Иосиф Левитан, Д.Яковлев и др. Ср.: «Книжечки удобны, бумага недурная, шрифт четкий, подбор произведений удачен, цена в 2 марки – низшая из существующих ныне на книжном рынке» (<Б/н.> Книга для всех // РК. 1921. №2. С.17-18). См о нем также: Chronik. S.533.

²⁶² Гумилев Н. 1) Жемчуга. Берлин, 1922 (Библиотека для всех. №66-67); 2) Дитя Аллаха: Арабская сказка. Берлин, 1922 (Библиотека для всех. №68).

Таким образом, наследникам Н.Гумилева причитается с нас 7000 марок, каковые находятся в их распоряжении и может быть <так!> Вам выплачено.²⁶³

В случае выпуска нового издания им будет уплачено из такого же расчета, сообразуясь с новой номинальной ценой издания. <...>

Директор Д.Яковлев

2

Доверяю получить Борису Исааковичу Элькину причитающиеся мне деньги с издания книг «Жемчуга» и «Дитя Аллаха» покойного мужа моего Н.С.Гумилева.

Анна Гумилева²⁶⁴

Означенное лицо Анна Гумилева действительно проживает в доме №14, кв. 96 по Морской улице. Удостоверяю с приложением печати.

26 июля 1922 г.

Стар<ший> дворн<ик>
<подпись>

<Печать Управдома №14 по Морской улице Жилищного Товарищества 18 участка, 2-го городского района Петрограда.>

3

Милостивый Государь Борис Исаакович!

От проф<ессора> О.Д.Р.²⁶⁵ я узнал, что фирма «Слово»²⁶⁶ не уклонилась бы от соглашения со мною об издании некоторых моих книг по русской истории. С своей стороны, я был бы рад возможности возобновить свою издательскую деятельность, служившую для меня существенным материальным подспорьем. С искренней благодарностью я теперь обращаюсь с этим делом к Вам и С.И.Штейну²⁶⁷, так

²⁶³ В письме от 13 сентября 1922 Самуил Кучеров сообщил юристу уточненные расчеты по продажам указанных изданий, по которым гонорарная сумма составила 7981,5 марок. Судя по приложенному счету, было продано 2255 экземпляров сборника «Жемчуга» (по новой цене 40 марок) и 1580 – «Дитя Аллаха» (по цене 20 марок) (ГАРФ. Ф.5986. Оп.1. Ед.хр.378. Л.219-220).

²⁶⁴ Гумилева Анна Николаевна (урожд. Энгельгардт; 1895–1942) – вторая жена Н.Гумилева (с 1919).

²⁶⁵ Лицо не установлено.

²⁶⁶ Об этом крупнейшем издательском предприятии русского Берлина, действовавшем в 1920–1935, см.: Гессен И. Годы изгнания. С.89-113. Справку о нем см. также в: Chronik. S.556-557.

²⁶⁷ С.И.Штейн – пасынок И.В.Гессена, помогавший ему редактировать выпуски «Архива Русской революции».

А.А.Боровой – служащий Московской
эвакуационной комиссии. 1914

Э.В.Струве (Белочка), вторая жена А.А.Борового.
1910-е

35 ИДЕАЛЬ. № 1/1914
МОСКВА ТРЕГОВСКАЯ ул. 33.

А.А.Боровой. 1914

А.А.Боровой во время службы
на Московской товарной бирже. До 1928 г.

Э.В.Струве. 1960

С.С.Маслов

**С.С.Маслов, неизвестный, Ия Маслова (Андрукевич),
А.А.Аргунов**

А.Л.Соколовская и Л.Б.Троцкий.
Конец лета 1902. Сибирь

А.А.Иоффе. Начало 1900-х

Михаил Чехов. 1932, Рига.
Фотография Ж.Бонер

Михаил Чехов и Жоржет Бонер. 1932, Рига

Слева направо: Ксения Чехова, Михаил Чехов,
Виктор Громов, Александра Давыдова.
1932, Балдоне (Латвия)

Михаил Чехов, Жоржет Бонер и Ксения Чехова
на борту теплохода «Лафит»
во время путешествия в Америку. 1935

Л.П.Карсавин. Около 1930, Каунас

Л.П.Карсавин среди профессоров
Каунасского университета. 1929

Обложка «Каталога №2 Издательства З.И.Гржебина». 1923. Художник Мстислав Добужинский

как, по моим сведениям, именно Вы являетесь виднейшим деятелем названной фирмы²⁶⁸. Я готов предоставить фирме для напечатания: 1) мой «Учебник русской истории»²⁶⁹ с необходимыми в настоящее время изменениями и, если Вы найдете нужным, сокращениями²⁷⁰, 2) Мои «Лекции по русской истории», также с необходимыми переменами и 3) мои монографии («Очерки по истории Смуты» и др.), если они Вас заинтересовали.

Я должен при этом сообщить, что, по слухам, в Берлине, в складе Лодыжникова²⁷¹ находится издание моего «Учебника», сделанное без моего согласия и даже ведома, неизвестно где, неизвестными мне лицами²⁷². Если бы Вы поспособствовали выяснению этих обстоятельств, я был бы Вам весьма обязан и по Вашему указанию мог бы снабдить Вас необходимою доверенностью или удостоверением на исключительное право воспроизведения за границей моих произведений.

Разрешите ожидать Вашего отзыва по предмету этого письма и примите уверение в совершенном моем почтении.

Академик С.Платонов

Мой адрес: Петроград, Каменноостровский проспект (улица Красных Зорь), дом №75, кв. 13.

СПб. Июнь 1921

4

18/X.1922
<Петроград>

Многоуважаемый Борис Исаакович!

Ответ на Ваше письмо от 11/VIII не послан был случайно. Я высылаю вскорости просимый документ и обстоятельное письмо, а теперь ограничиваюсь большою благодарностью за Ваше ко мне внимание и любезность.

С истинным почтением

Платонов

P.S. По моему делу к Вам, вероятно, зайдет А.А.Гельбке²⁷³, живущий постоянно в Берлине (Georgienkirchplatz, 21).

²⁶⁸ Б.Элькин был избран членом правления издательства «Слово» и во многом влиял на его решения. Кроме того, он был председателем Союза русских издателей и книготорговцев в Германии.

²⁶⁹ Платонов С. Лекции по русской истории. 9-е изд. Пг., 1915.

²⁷⁰ Платонов С. Учебник русской истории для средней школы. Курс систематический: В 2 ч. 10-е изд. Пг., 1918. Учебник был переиздан пражским издательством «Пламя» в 1925.

²⁷¹ Имеется в виду «Издательство И.П.Лодыжникова».

²⁷² Неавторизованное переиздание «Учебника» имело место еще в 1919, в Пекине (см.: Полански П. Русская печать в Китае, Японии и Корее... С.127).

²⁷³ Гельбке (Гельбок) Александр Александрович (1898–1972) – офицер Добровольческой армии. После Константинополя жил в Германии и Бельгии.

5

Б.И.Элькину

Петроград
20/X <19>22

Многоуважаемый Борис Исаакович!

В Берлине без моего ведома был напечатан мой «Учебник русской истории» для средней школы и продается в складе г. Лодыжникова. Не желая оставить без охраны мое авторское право, я прошу Вас не отказать мне в одолжении принять на себя переговоры с подлежащими <так!> лицами по настоящему делу для выяснения его обстоятельств и определения авторского гонорара. Доверяю Вам всецело как ведение дела, так и получение денег в той валюте, какую Вы признаете удобною, и прошу Вас принять мою глубокую благодарность.

Академик Платонов

<Штамп:> Подпись руки С.Ф.Платонова канцелярия Правления Российской Академии Наук свидетельствует.

Петроград 21 октября 1922 г.

Пом<ощник> Упр<авляющего> Делами
М.БабинаЗаведующий Адм<инистративным>Отд<елом>
<подпись нрзб.>

<Печать Российской Академии Наук>

6

24/X.1922
<Петроград>

Многоуважаемый Борис Исаакович!

Прилагая доверенность, прошу Вас в случае успеха дела переслать полученные деньги моей дочери Надежде Сергеевне Краевич²⁷⁴ (по адресу: Grand rue de Pera, 288) в Константинополь. Я надеюсь, что Вы не откажетесь сами определить Ваш гонорар и вычесть его из полученной за книгу суммы. На всякий случай, для большей точности в направлении денег по указанному адресу моей дочери я прошу зайти к Вам Ал<ександра> Ал<ександровича> Гельбке, к<ото>рый точно знает способ наилучшего сношения с нею. Через него Вы могли бы послать и мне самому сведения по делу об «Учебнике». Еще раз прошу Вас принять мою благодарность за все, что Вы для меня сделали.

Что касается до издания моих книг, предположенного Вами, то здесь существует мнение, что сношения с заграницей по такого рода

²⁷⁴ Краевич Надежда Сергеевна (урожд. Платонова; 1890–1965) – дочь С.Ф.Платонова, жена инженера-химика Бориса Константиновича Краевича (1886–1947).

делам не поощряются, и мне советуют от них воздержаться. Однако я не вижу в этом риска и решаюсь сообщить, что переиздание моих «Очерков по ист<ории> См<уты>»²⁷⁵ возможно безо всяких перемен, кроме исправления опечатки, указанной в 3-м издании на стр<аницах> XV и 136. Что же касается до переиздания «Лекций», то коренная их переработка при настоящих условиях научного труда пока затруднительна. Стоит ли переиздавать книгу без такой переработки, не знаю. Можно было бы, впрочем, пересмотреть и дополнить начальные главы и переработать остальные, чтобы достичь большей цельности изложения и соразмерности частей. На каких условиях передать право на последующие одно-два издания названных книг, судить не могу: полагаюсь на достоинства Вашей фирмы.

Экземпляр «Очерков» постараюсь послать; если сами его пожелаете искать, то необходимо искать третье издание (1910 года).

Искренне Вам благодарный

Платонов

7

Берлин

Академику С.Ф.Платонову

19 декабря 1922 г.

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Я долго не писал Вам о Вашем деле, потому что издатель Вашего учебника с большим искусством увиливал от меня, все откладывая окончательный разговор, и мне до прошлой недели все не удавалось столкнуться с ним. Теперь это удалось – плохо удалось, но удалось²⁷⁶.

Я потребовал от него представления доказательств того, сколько экземпляров Вашей книги он напечатал и сколько продал. Выяснилось, что он напечатал 2200 экземпляров²⁷⁷ и что им продано около 1700 экземпляров. После долгого торга мы покончили на том, что за издание этих 2200 экземпляров он платит Вам 200 тысяч марок. Я, конечно, отлично сознаю, что эта сумма недостаточна. Но, с одной

²⁷⁵ См.: Платонов С. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.: Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. 3-е изд. СПб., 1910. В 1937 этот труд был переиздан советским издательством «Соцэргиз».

²⁷⁶ Выполняя поручение Платонова, Элькин вступил в переговоры с владельцем «Украинской типографии» в Берлине Яковом Оренштейном, издавшим платоновскую книгу, и в конце концов убедил его выплатить гонорар автору. См. их переписку по этому вопросу 18 августа – 31 октября 1922 (ГАРФ. Ф.5986. Оп.1. Ед.хр.378. Л.212–217).

²⁷⁷ В печатном «Проспекте №7» Книготоргового акционерного общества «Логос» (Берлин, январь 1924) эта книга Платонова указана в числе учебных изданий, выпущенных «Издательством Я.Оренштейна» (Там же. Ф.6270. Оп.1. Ед.хр. 122. Л.424).

стороны, я не мог не признать правильным аргумента моего собеседника, что он-то ведь продавал Вашу книгу в германских марках и на падении этой денежной единицы терял и сам, почему не может Вас от такой потери освободить (как жаль, что мы с нашим требованием не обратились год назад); с другой стороны, я большего получить не мог, почему взял эту сумму. Надеюсь, что Вы мои действия одобрите.

Указанные 200 тысяч марок мною для Вас получены. Согласно Вашему указанию, я должен был перевести эту сумму в Константинополь Вашей дочери. Это сделать не просто. Но, на счастье, г. Гельбке третьего или четвертого дня получил от Б.К.Краевича письмо, в котором он сообщает ему, что около 15 января он будет в Берлине, куда хочет перевезти свою семью, и делает ему насчет денег, имеющих быть полученными от меня, следующие указания: превратить их в твердую валюту и держать их до его приезда здесь. Эту указания будут исполнены, и Б.К.Краевич, когда приедет сюда, эти деньги от меня получит²⁷⁸.

Вместе с сим Вам посылается письмо по делу об издании Ваших книг. Я убедительно советую Вам подготовиться и издать Ваши лекции, предварительно несколько переработав их. Эта книга даст Вам постоянный и надежный доход²⁷⁹.

Примите, пожалуйста, выражения моего глубокого уважения.

«Б.Элькин»

P.S. Вы мне писали о гонораре. Об этом не может быть речи.²⁸⁰

²⁷⁸ Дело о выплате авторского гонорара завершилось тем, что, получив от Оренштейна авторские отчисления по книге Платонова, Элькин произвел необходимую финансовую операцию: «Получено 20.000 марок. Куплено 12 дек<абра> 1922 г. 22 долл<ара> по 8450 мар<ок>. Осталось 14.100 марок». Через полгода эти деньги были переданы доверенному лицу получателя: «Двадцать два доллара от Б.И.Элькина получил 12 июля 1923 года. <...> Получил А.А.Гельбке. 15.6.1923» (ГАРФ. Ф.5987. Оп.1. Ед.хр.39. Л.203-204).

²⁷⁹ В 1924–1927 ряд трудов историка (среди них был и «Учебник русской истории для средней школы») был переиздан издательствами «Пламя» (Прага), «Обелиск» (Берлин) и «Товариществом Н.П.Карбасникова» (Париж). Есть основания полагать, что парижское переиздание книги «Петр Великий. Личность и деятельность», в 1926 едва не подвергшейся запрещению и вызвавшей официальные нападки на историка в СССР, было устроено самим автором во время командировки в Париж летом того же года. О зарубежных изданиях Платонова см.: Книга Русского зарубежья в собрании Российской государственной библиотеки. 1918–1991: Библиографический указатель. Ч.2. М., 2001. С.332.

²⁸⁰ Последний раз в документах издательства С.Ф.Платонов упоминался в письме М.Л.Кантора Б.Элькину от 5 сентября 1930, сообщавшего об итогах переговоров с немецким издателем по выплате авторского гонорара за учебники русской истории (ГАРФ. Ф.5987. Оп.1. Ед.хр.39. Л.20).

Бор. Пильняк. Иван-да-Марья	2600	-15	390.-
“ “ в переплете	250	-30	75.-
“ Голый Год ²⁰	3900	-25	975.-
Иван Новиков. Жертва	1200	-40	480.-
			39740.50*
Н.Телешов. Рассказы	2500	-65	1625.-
А.Н.Толстой. Избр. соч. Кн.І. Хромой барин	4000	-30	1200.-
“ “ II. Лихие года	4000	-40	1600.-
А.П.Чапыгин. Белый скит	2400	-30	720.-
С.Под’ячев. Жизнь мужицкая	2500	-15	375.-
“ Ревность	2500	-15	375.-
Ольга Форш. Смерть Коперника	2500	-05	125.-
Книга о Леониде Андрееве ²¹	2700	-25	675.-
“ в переплете	700	-40	280.-
С.Сергеев-Ценский. Чудо	4400	-20	880.-
С.Юшкевич. Леон Дрей	400	1.-	400.-
“ Автомобиль ²²	800	-30	240.-
“ Голубиное Царство	400	-30	120.-
“ Улица ²³	400	-30	120.-
Ф.Сологуб. Мелкий бес	4300	-55	2365.-
“ Пламенный круг ²⁴	4300	-40	1720.-
Н.М.Минский. Из мрака к свету ²⁵	2400	-60	1440.-
Андрей Белый. На перевале	2500	-40	1000.-
“ Стихотворения	2500	-75	1875.-
Валерий Брюсов. Миг ²⁶	1400	-10	140.-
Н.С.Гумилев. Костер	2300	-10	230.-
Георгий Иванов. Вереск ²⁷	2600	-15	390.-
С.А.Есенин. Стихи и поэмы	2400	-40	960.-
В.Пяст. Кн.І. Ограда	2400	-15	360.-
“ “ II. Львиная пасть	2400	-10	240.-
“ “ III. Третья книга лирики	2400	-10	240.-
П.П.Потемкин. Отцветшая герань	2600	-15	390.-
Б.Пастернак. Сестра моя жизнь ²⁸	2500	-25	625.-
Влад. Ходасевич. Счастливый домик ²⁹	3600	-10	360.-
“ Тяжелая лира ³⁰	2500	-12	300.-
“ Из еврейских поэтов ³¹	1200	-12	144.-
С.Д.Лабковский. Поэзия пророков	1500	-15	225.-
Марина Цветаева. Стихотворения ³²	2500	-12	300.-
Мариетта Шагинян. Ориенталия	900	-12	108.-
Серг. Рафалович. Горящий круг ³³	1500	-12	180.-
Кальма. Спелый колос ³⁴	500	-18	90.-
Ник. Суханов ³⁵ . Записки о революции. Кн.І	3300	-45	1485.-
“ “ в пер. ³⁶	200	-65	130.-
“ “ II	3350	-50	1675.-
“ “ в пер. ³⁷	200	-70	140.-
“ “ III	3400	-50	1700.-
“ “ в пер. ³⁸	300	-70	210.-
“ “ IV	3450	-60	2070.-
“ “ в пер. ³⁹	300	-80	240.-
“ “ V	3600	-45	1620.-
“ “ в пер. ⁴⁰	300	-65	195.-
“ “ VI	3700	-40	1480.-

* Здесь и далее знаком (*) помечена сумма промежуточных расчетов.

“	“	в пер. ⁴¹	300	-60	180.-
“	“	VII	3700	-40	1480.-
“	“	в пер. ⁴²	300	-60	180.-
С.Д.Мстиславский. Пять дней ⁴³			3500	-25	875.-
Ю.Мартов. Записки социал-демократа ⁴⁴			3000	-50	1500.-
Виктор Чернов. Записки социалиста-революц<ионера> ⁴⁵			3300	-45	1485.-
Георгий Покровский. Деникинщина ⁴⁶			2200	-45	990.-
В.Войтинский. Годы побед и поражений ⁴⁷		Кн. I	1200	-45	540.-
“	“	II	1200	-55	660.-
М.С.Маргулиес. Год интервенции. Кн. I		II	2000	-55	1100.-
“	“	II	2000	-48	960.-
“	“	III ⁴⁸	1200	-60	720.-
					83772.50*
Н.С.Русанов. Из моих воспоминаний. Кн. I ⁴⁹			1200	-60	720.-
П.Б.Аксельрод. Пережитое и передуманное. Кн. I ⁵⁰			4000	-75	3000.
Летопись революции. Книга I ⁵¹			4600	-65	2990.
О.Ф.Вальдгауер. Лисипп			500	-50	250.-
“	“	Мирон ⁵²	500	-50	250.-
Ив. Лазаревский. Среди коллекционеров			1500	-25	375.-
“	“	в пер.	800	-40	320.-
В.А.Никольский. История Русского Искусства ⁵³			1000	1.50	1500.-
П.Муратов. Образы Италии. Т. I			2000	1.20	2400.-
“	“	II	2000	1.20	2400.-
“	“	III ⁵⁴	2000	1.20	2400.-
“	“	Сезан<н> ⁵⁵	2000	-25	500.-
В.В.Станкевич. Фритиоф Нансен ⁵⁶			3000	-90	2700.-
Андерсен. Сказки ⁵⁷			3300	-30	990.-
“	“	Повести ⁵⁸	3300	-35	1155.-
Купер. Зверобой ⁵⁹			4000	-45	1800.-
“	“	Следопыт ⁶⁰	4000	-50	2000.-
“	“	Последний из могикиан ⁶¹	1500	-50	750.-
“	“	Кожаный чулок ⁶²	1500	-45	675.-
“	“	Прерия ⁶³	4000	-55	2200.-
В.М.Конашевич. Всякая всячина ⁶⁴			4000	-50	2000.-
“	“	Кот в сапогах ⁶⁵	4000	-40	1600.-
“	“	Сказка о рыбаке и рыбке ⁶⁶	4000	-40	1600.-
“	“	Красная шапочка	4000	-35	1400.-
“	“	Мальчик с пальчик	4000	-40	1600.-
Добужинский. Свинопас ⁶⁷			4000	-45	1800.-
Акад. С.Ф.Ольденбург. Индийские сказки			1000	-40	400.-
С.А.Жебелев. Сократ			600	-25	150.-
“	“	Александр Великий	2300	-25	575.-
“	“	Демосфен	2300	-25	575.-
Н.Анцыферов. Ламеннэ			2300	-15	345.-
Б.Я.Владимирцов. Чингис-Хан			2300	-25	575.-
Н.Водовозов. Мальтус			1600	-25	400.-
“	“	в переплете	450	-40	180.-
Евг. Замятин. Роберт Майер			1700	-15	255.-
“	“	в переплете	400	-30	120.-

В.Л.Комаров. Линней	1700	-20	340.-
С.П.Костычев. Луи Пастер	1500	-30	450.-
Н.Лернер. Белинский	4500	-30	1350.-
“ “ в переплете	400	-45	180.-
Э.Ф.Лесгафт. Христофор Колумб	4500	-20	900.-
Б.Н.Меншуткин. Зинин	2000	-15	300.-
“ “ в переплете	400	-30	120.-
Э.Пименова. Эро де Сешелль	900	-20	180.-
Э.Радлов. Чарльз Диккенс	2000	-30	600.-
Е.Соловьев. Писарев	1650	-40	660.-
“ “ в переплете	450	-55	247.50.-
Акад. В.А.Стеклов. Ломоносов	1800	-30	540.-
“ “ в переплете	450	-45	202.50.
“ Галилей	600	-20	120.-
			134262.50
Н.А.Холодковский. Мальпиги	600	-15	90.-
“ Свамердам	600	-15	90.-
Чистович. Мечников	600	-20	120.-
С.Я.Штрайх. Пирогов	2600	-30	780.-
К.Д.Покровский. Путеводитель по небу	1000	1.30	1300.-
“ Звездный атлас	1000	1.80	1800.-
Ефимов. Примерные уроки			
“ по естествознанию ⁶⁸	4000	-25	1000.-
“ То же в переплете	350	-45	157.50.-
Б.Ф.Адлер. Школьный атлас			
“ для школ I ступени	2000	-12	240.-
Е.Ф.Книпович. Каспийское море	300	-40	120.-
О.Д.Хвольсон. Популярные статьи и речи ⁶⁹	600	-75	450.-
“ Курс физики в 5 т. Т. 1	1500	3.-	4500.-
“ “ Т. 2	1500	4.-	6000.-
“ “ Т. 3	1500	4.-	6000.-
“ “ Т. 4	1500	4.-	6000.-
“ “ Т. 5	1500	4.-	6000.-
“ Краткий курс физики в 5 част ⁷⁰	250	8.-	2000.-
Гольдгаммер. Процессы жизни			
“ в «мертвой» природе ⁷¹	3800	-20	760.-
“ “ в пер.	400	-35	140.-
“ Невидимый глазу мир	400	-30	120.-
С.П.Костычев. Микробиология и ее значение	1900	-25	475.-
Е.Н.Павловский. Ядовитые животные	1200	-20	240.-
В.М.Шимкевич. Паразиты человека			
“ и животных ⁷²	1700	-15	255.-
“ “ в пер.	450	-30	135.-
И.И.Любименко. Курс общей ботаники	1200	2.30	2760.-
Л.И.Никонов. Ботаника	1600	-40	640.-
Б.З.Райков. Практические занятия			
“ по зоологии	2300	-40	920.-
С.И.Златогоров. Что такое холера	4200	-10	420.-
“ “ в переплете	450	-25	112.50.-
“ Что такое микробы и зараза	2000	-15	300.-
В.П.Осипов. Курс душевных болезней	200	2.-	400.-
Г.В.Хлопин. Эпидемические болезни	1900	-25	475.-
“ “ в переплете	450	-45	202.50.-

О.А.Добиаш-Рождественская. Как люди научились считать время	1900	-10	190.-
“ “ “ в пер.	400	-25	100.-
А.А.Богданов. Тектология ⁷³	2400	1.20	2880.-
А.И.Введенский. Декарт и окказионализм	2000	-15	300.-
“ “ “ в пер.	400	-35	140.-
Б.Р.Виппер. Судьба религий	100	-15	15.-
В.А.Десницкий. Церковь и школа	1500	-10	150.-
М.Н.Соколов и Г.Тумим. Обучение правописанию	1900	-15	85.-
“ “ “ в пер.	450	-40	180.-
Поливанов. Лекции по введению в языкознание	200	-20	40.-
С.Лурье. Антисемитизм в древнем мире ⁷⁴	1500	-40	600.-
Нурок. Учебник английского языка ⁷⁵	1000	-48	480.-
Глобус. 25 см. с медным полумеридианом ⁷⁶	40	1.20	48.-
			184673.-

ПРИМЕЧАНИЯ

ГАРФ. Ф.5986. Оп.1. Ед.хр.39. Л.148-151. Расширенные библиографические данные на указанные издания, часть которых мы приводим в примечаниях к «Списку», взяты из ценного библиографического источника, который, кажется, еще не введен в научный оборот: «Каталог №2 Издательства З.И.Гржебина. 1923. (Z.I.Grschebin Verlag. Berlin S-W, Zimmerstr<asse>, 78)», несколько экземпляров которого отложились в бумагах Б.Гершуна (Там же. Ед.хр.377а) и М.Маргулиеса (Там же. Ф.6270. Оп.1. Ед.хр.122) (далее – Каталог №2). Кроме того, в примечаниях к списку использован библиографический справочник: *Алексеев А.* Литература русского Зарубежья. 1917–1940: Материалы к библиографии. СПб., 1993.

¹ Биография, редакция, вступительная статья и примечания М.Гофмана. Часть тиража была отпечатана в «особых экземплярах». (Далее в отдельных позициях они указаны как +ОЭ.) Ср.: «Гржебин готовил для России показные экземпляры книг, на прекрасной бумаге, в плотных обложках. Эти экземпляры получало начальство. Остальная же масса должна была оформляться несравненно беднее. Бумажные фабрики уже готовились поставлять ему вагоны серой, нестойкой, в коричневых мушках, бумаги и груды рыхлых обложек, которые оскорбляли наш избалованный на добротности немецких материалов вкус» (*Лундберг Е.* Записки писателя. 1920–1924. Т.2. С.142).

² Биография, редакция, вступительная статья и примечания Александра Блока. Второе издание. +ОЭ.

³ Биография, редакция, вступительная статья и примечания Николая Гумилева. Второе издание. +ОЭ.

⁴ Редакция Б.Эйхенбаума. +ОЭ. Под его редакцией был издан также роман «Братья Карамазовы» (в двух частях). См.: «Разошлось, вышло 2-е издание» (Каталог №2).

⁵ Биография, редакция и примечания А.Амфитеатрова, вступительная статья М.Горького. +ОЭ.

⁶ Биография, редакция, вступительная статья и примечания Евг. Замяти-на. +ОЭ.

⁷ В сборник вошли следующие произведения: «Старуха Изергиль», «Мой спутник», «На плотях», «Ярмарка в Голтве», «Проходимец», «Двадцать шесть и одна», «Песнь о буреви́стнике», «Человеку», «Мать», «Городок Окуров», «Калинин», «Покойник», «Нилушка», «Женщина», «Страсти-мордасти», «Книга», «Весельчак», «На Чунгуле», «Рождение человека», «Едут». +ОЭ.

⁸ +ОЭ.

⁹ +ОЭ.

¹⁰ +ОЭ.

¹¹ Повесть «Пятая язва» (автором обложек всех гржебинских изданий Ремизова был художник Николай Зарецкий) была выпущена в 1922 (на обложке: 1923) и вызвала интерес берлинских рецензентов. См. рецензии: Дни. 1923. 7 января. С.15 (А.Бахрах); Накануне. 1923. 9 декабря. С.6 (А.Дроздов); Руль. 1922. 17 декабря. С.10 (В.Кадашев).

¹² «Ахру. Повесть петербургская» была выпущена в свет в 1922. См. рецензии: Голос России. 1922. 18 июня. С.6 (подпись: М.Я.Р.); Дни. 1922. 19 ноября. С.12 (А.Бахрах).

¹³ См. рецензию А.Бахраха: Дни. 1923. 4 марта. С.12.

¹⁴ «Кухка. Розановы письма». См. рецензии: Накануне. 1923. 23 марта. С.9 (Р.Гуль); Огни (Прага). 1924. №3, 21 января. С.5 (Д.Лутохин).

¹⁵ «Сказки русского народа, сказанные Алексеем Ремизовым».

¹⁶ С предисловием М.Горького.

¹⁷ Семитомное собрание сочинений писателя вышло без четвертого тома, в котором предполагалось опубликовать перевод Зайцева дантовского «Ада». См. рецензии: Дни. 1923. 25 марта. С.13-14 (А.Бахрах); Сегодня (Рига). 1923. 15 декабря. С.5 (Б.Каменецкий <Ю.Айхенвальд>); Воля России (Прага). 1923. №11. С.86-88 (А.Мерич <А.Даманская>); Современные записки (Париж). 1923. №15. С.400-403 (П.Муратов).

¹⁸ С портретом автора работы Ю.Анненкова.

¹⁹ «Эгерия. Исторический роман». См. рецензии: Там же. С.403-406 (М.Алданов); Дни. 1922. 31 декабря. С.18 (В.Зензинов); Накануне. 1923. 20 января. С.7 (подпись: А.Н.); Воля России. 1923. №5. С.52-61 (М.Слоним); Последние новости (Париж). 1923. 13 января. С.2 (М.Цетлин); Новая русская книга (далее – НРК). 1923. №1. С.15-16 (А.Ященко).

²⁰ Разошлось. Третьей книгой Б.Пильняка, вышедшей у Гржебина, был сборник рассказов «Смертельное манит».

²¹ Второе, дополненное издание. С портретом Л.Н.Андреева. В сборник вошли воспоминания М.Горького, К.Чуковского, А.Блока, Георгия Чулкова, Бор. Зайцева, Н.Телешова, Евг. Замятина, Андрея Белого.

²² Книга новых рассказов С.Юшкевича, в нее вошли: «Автомобиль», «Вышла из круга», «Страсти», «Ночная бабочка» и «Алгебра».

²³ «Улица. Рассказы». См. рецензию: Накануне. 1924. 2 марта. С.7 (подпись: Н.П.).

²⁴ Стихотворения Ф.Сологуба. Портрет автора работы Ю.Анненкова.

²⁵ «Из мрака к свету. Избранные стихотворения». См. рецензии: Руль. 1923. 25 февраля. С.13 (В.Кадашев); Накануне. 1923. 11 февраля. С.7-8 (Н.Петровская); НРК. 1923. №1. С.23-24 (Ъ <Ю.Офросимов?>).

²⁶ Стихи 1920–1921 годов.

²⁷ «Вереск. Вторая книга стихов». Второе издание. См. рецензию: Дни. 1923. 13 мая. С.13 (А.Бахрах).

²⁸ С портретом автора работы Ю.Анненкова. Второе издание.

²⁹ Третье издание (второе вышло у того же издателя в 1921) с портретом автора работы Ю.Анненкова. См. рецензию: Дни. 1923. 14 января. С.15 (В.Лурье).

³⁰ «Тяжелая лира. Четвертая книга стихов». См. рецензии: Современные записки. 1923. №15 (А.Белый); За Свободу! (Варшава). 1923. 16 августа. С.2 (подпись: О.В.); НРК. 1923. №1. С.17-18 (Ю.Офросимов); Накануне. 1922. 14 декабря. С.6-7 (Н.Петровская); Воля России. 1923. №6-7. С.93-99 (М.Слоним); Русская мысль (Прага). 1923. №1-2. С.292-294 (Г.Струве); Накануне. 1923. 9 октября. С.6 (Эрг <Р.Гуль>).

³¹ «Из еврейских поэтов. Переложения». Второе издание. См. рецензию: Дни. 1922. 12 ноября. С.12 (Самарский).

³² Имеется в виду сборник «Психея – Романтика». См. рецензии: Там же. 1923. 24 июня. С.15 (А.Б.<ахрах>); Руль. 1923. 24 июня. С.14 (Г.Струве); Накануне. 1923. 21 октября. С.8 (Эрг <Р.Гуль>).

³³ «Горящий круг. Поэмы».

³⁴ Стихотворный сборник поэтессы Эмилии Кальмы. См. рецензии: Руль. 1924. 20 января. С.7 (В.Е.Т.<атарин>); Накануне. 1923. 1 ноября. С.6 (Эрг <Р.Гуль>).

Приведем список книг, которые готовились в издательстве по разделу русской литературы: *Державин Г.* Избр. соч.: В 1 т. / Ред. Вл. Ходасевича; *Фонвизин Д.И.* Избр. соч.: В 1 т. / Ред. И.А.Кубасова; *Жуковский В.А.* Избр. соч.: В 1 т. / Ред. М.Л.Гофмана; *Пушкин А.* Избр. соч.: В 4 т. / Ред. Г.Л.Модзалевского; *Батюшков К.* Избр. соч.: В 1 т. / Ред. М.Л.Гофмана; *Сенковский О.* Избр. соч.: В 1 т. / Ред. А.В.Амфитеатрова-Кадашева; *Тютчев Ф.* Избр. соч.: В 1 т. / Ред. Г.И.Чулкова; *Чуковский К.* Некрасов как человек и поэт. Этот же перечень см.: Сполохи (Берлин). 1922. №7, май (рекламный вкладыш печатных изданий).

³⁵ Книги этого автора открывали Библиотеку «Летопись революции».

³⁶ Кн.1: Мартовский переворот (23 февраля – 2 марта 1917). Четвертое издание.

³⁷ Кн.2: Единый фронт демократии (3 марта – 3 апреля 1917).

³⁸ Кн.3: Создание единого фронта крупной и мелкой буржуазии (3 апреля – 5 мая 1917).

³⁹ Кн.4: Первая коалиция против революции (6 мая – 8 июля 1917).

⁴⁰ Кн.5: Реакция и контрреволюция (8 июля – 1 сентября 1917).

- ⁴¹ Кн.6: Закат демократии (1 сентября – 22 октября <1917>).
- ⁴² Кн.7: Октябрьский переворот (3 октября – 1 ноября 1917).
- ⁴³ Второе издание.
- ⁴⁴ Кн.1: Накануне (1890–1900).
- ⁴⁵ В 4 кн. Кн. 1: В годы безвременья (1889–1899).
- ⁴⁶ Подзаголовок: «Год политики и экономики на Кубани (1918–1919 г.)».
- ⁴⁷ Кн.1: 1905 год. В университете. Среди рабочих. В деревне. В дни разгрома; Кн.2: На ущербе революции. В строю (1906–1907 г.). Каторга и ссылка (1908–1916 г.).
- ⁴⁸ Кн.1: Ясская делегация. Вооруженная интервенция на Юго-Западе России; Кн.2: Русское Политическое совещание в Париже. Создание Северо-Западного правительства; Кн.3: Поход Юденича на Петроград. Крымская кампания генерала Врангеля в парижском отражении.
- ⁴⁹ Кн 1: Детство и юность на родине (1859–1882).
- ⁵⁰ В 4 кн. Кн.1: Семидесятые годы.
- ⁵¹ Исторический журнал. Кн.1. Подробное содержание этого номера см.: Каталог №2. Об участии М.Горького в этом разделе издательской программы Гржебина см.: Русский Берлин. С.339-404.
- ⁵² Иллюстрированная монография по истории античной скульптуры. Вып I: Лисипп. Литературное предание о Лисиппе. Античные предания статуй Лисиппа. Лисипп как художественная личность (с 32 илл.); Вып. II: Мирон. Мирон в свете античных писателей. Античные копии с произведений Мирона. Мирон и его современники (с 32 илл.).
- ⁵³ Искусство древней Руси. Искусство Московской Руси. Искусство XVIII в. Новое русское искусство. С иллюстрациями.
- ⁵⁴ Выходные данные книги были такие: «*Лавел Муратов*. Образы Италии. Полн. издание в 3 т. З.И.Гржебин. Библиографический институт в Лейпциге. 1924» (см.: Каталог №2). См. рецензии: Сегодня. 1924. 8 ноября. С.7 (М.Г.<офман>); Современные записки. 1924. №22. С.444-447 (Б.Зайцев); Дни. 1924. 23 ноября. С.2-3 (В.Зензинов); Руль. 1924. 19 ноября. С.2-3 (Б.Каменецкий <Ю.Айхенвальд>); Последние новости. 1924. 4 ноября. С.3 (М.Осоргин). О чтении Горьким этой книги см.: *Примочкина Н.* Горький и писатели русского Зарубежья. С.175-176.
- ⁵⁵ В разделе книг по искусству указаны также издания: «Ал. Бенуа. Художественные письма (20 лет Русского Искусства); П.Муратов. Древняя русская живопись» (Каталог №2).
- ⁵⁶ Иллюстрации художника А.Гринева.
- ⁵⁷ 31 сказка в переводе А. и П. Ганzenов.
- ⁵⁸ Повести для детей в переводе А. и П. Ганzenов.
- ⁵⁹ Под редакцией и с предисловием М.Горького.
- ⁶⁰ Редакция М.Горького.
- ⁶¹ Редакция М.Горького.
- ⁶² Редакция М.Горького.
- ⁶³ Редакция М.Горького.

⁶⁴ *Конашевич В.М.* Всякая всячина: Картинки для детей. Художественное издание в переплете.

⁶⁵ Художественное издание в переплете.

⁶⁶ Сказка А.С.Пушкина. Художественное издание в переплете.

⁶⁷ Сказка Андерсена «Свинопас» с рисунками М.В.Добужинского. Художественное издание в переплете.

В раздел детских книг включены также: «Сказки русского народа» А.Ремизова и «Голубиное царство» С.Юшкевича. Практически все детские книги для Гржебина в начале 1921 исполнило стокгольмское издательство «Новая Русь» (см.: РК. 1921. №1. С.9; Там же. №3. С.27).

⁶⁸ Это издание в Каталог №2 не включено.

⁶⁹ Новое переработанное и дополненное издание. Т.1: Введение. Механика. Некоторые измерительные приборы и способы измерения. Учение о газах, жидкостях и твердых телах; Т.2: Учение о звуке (акустика). Учение о лучистой энергии; Т.3: Учение о теплоте; Т.4: Учение о магнитных и электрических явлениях; Т.5: Учение о магнитных и электрических явлениях (Вторая часть). Кроме того, в Каталоге №2 указана еще одна книга этого автора: «Физика и ее значение для человечества». Второе издание.

⁷⁰ Краткий курс физики для медиков, естественников и техников.

⁷¹ Д.А.Гольдгаммер.

⁷² Кроме того, в Каталоге №2 указаны другие издания этого же автора: «Как произошел человек», «Будущее человечества».

⁷³ Полное название: «Тектология. Всеобщая организационная наука».

⁷⁴ Переиздание книги, выпущенной в 1922 петроградским издательством «Былое», существенно отличавшееся от оригинала. Ср.: «С.Я.<Лурье> не только не был привлечен к этому изданию, но даже никогда его не видел. А между тем, в издании оказались важные купюры: издатели исключили из книги оглавление (очевидно, из-за его эпатазирующего характера) и титульный лист, заключавший в себе противопоставление “попыток объяснения” антисемитизма в науке и его причины, и антисемитские эпиграфы. Вместе с титульным листом выпало, что было особенно огорчительно, и посвящение книги – “памяти отца и учителя”» (*Копржива-Лурье Б.* История одной жизни. Париж, 1987. С.99).

⁷⁵ 28-е издание.

⁷⁶ Глобус. 25 см с медным полумеридианом. Редакция профессора А.А.Борзова. По-видимому, это рудиментарная позиция из аннулированного соглашения с Наркомпросом, составлявшая, тем не менее, значительную часть производственной программы издателя. Это была «коллекция прекрасно выполненных, заново приготовленных в Лейпциге (по новому правописанию и с новыми границами) стенных географических карт, атласов, геологических таблиц и даже первый русский глобус с новым правописанием» («*Б/н.*» Издательство З.И.Гржебина // РК. 1921. №1. С.9). Кроме того, в Каталоге №2 указаны и другие научно-популярные и учебные издания, по-видимому, не заинтересовавшие Госиздат: «Курс дифференциального и интегрального исчисления» К.А.Поссе; «Основания арифметики» Д.Ф.Селиванова; «Математика и философия познания» академика В.А.Стеклова;

три книги А.А.Иванова: 1) «Практическая астрономия» (2-е изд.); 2) «Теоретическая астрономия» (2-е изд.); 3) «Сферическая астрономия» (2-е изд.); «Введение в географию» С.П.Аржанова; «Возмущение климата, жизнь земли» Боголепова; «Почки и их значение для жизни нашего тела» А.С.Догель; «Введение в ботанику» С.П.Аржанова; «Руководство нормальной анатомии» В.Тонкова; «Наставление для дезинфекторов» В.И.Биншток; «Невидимые враги, или Микробы» Д.К.Заболотного; «От наготы до обильных одежд» Б.Ф.Адлера; «Очерк истории Римской империи» Б.Р.Виппера; «Детский сад Монтессори» Ю.Фаусека.

Повилас Ласинскас (Каунас)
**ЛИТОВСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ И
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЛЬВА ПЛАТОНОВИЧА КАРСАВИНА**

Открывшийся в 1922 Литовский университет остро нуждался в научных кадрах. Из-за ранее сложившихся неблагоприятных условий (русификаторская политика царского правительства, сознательное торможение культурного развития провинций) ни в самой Литве, ни за ее пределами в начале XX века не было воспитано достаточного количества национальных научных кадров. Упомянутое обстоятельство, а также общее стремление преодолеть провинциальность побудило администрацию Гуманитарного факультета университета к интенсивным поискам потенциальных научных сотрудников за рубежом. Результатом стало приглашение русских эмигрантов – историков Ивана Лаппо, Павла Гронского, а также филологов из Швейцарии – Альфреда Сенна, Й.Эрета и других. Многие из них не только согласились прибыть в Каунас, тогдашнюю столицу Литвы, но и, освоив за сравнительно короткий срок литовский язык, не один год преподавали в университете и внесли свою лепту в развитие гуманитарных наук страны. К числу этих ученых принадлежит и Л.П.Карсавин.

Общеизвестны разносторонние интересы ученого. Он жил в России, Западной Европе, Литве, помимо родного русского владел французским, итальянским, немецким, литовским языками, изучал европейскую культуру и историю католичества, в то же время сам исповедовал православие. Л.П.Карсавин являлся личностью универсальной во всех отношениях, причем универсальность эта не только и не столько «географическая», сколько строго научная: он изу-

чал философию истории, а к философии применял метод историчности.

В советский период имя и труды Карсавина, как и имена других неугодных режиму интеллигентов, были преданы забвению, и интерес к его научному наследию проявился лишь в последние десятилетия. Новейшие исследования об ученом еще довольно фрагментарны, и в поле зрения авторов, как правило, попадает лишь сравнительно небольшая часть его философского наследия литовского периода, к тому же оно рассматривается весьма изолированно, вне сравнения с воззрениями его российских и западных современников. Как ни парадоксально, крупнейший труд ученого «Europos kultūros istorija» («История европейской культуры») до сих пор остается одним из наименее изученных, не говоря уже о неопубликованной работе «Метафизика истории». Работы, специально посвященные творчеству Карсавина, пока немногочисленны, и правомерно говорить лишь о начальном этапе осмысления его творчества¹. Кроме того, в Литве периодически организуются международные Карсавинские чтения, материалы чтений 1991 года (воспоминания современников, сообщения литовских и иностранных карсавиноведов – историков и философов) содержатся в фонотеке Национальной библиотеки им. Мартинаса Мажвидаса.

В настоящей статье основное внимание уделено научно-педагогической деятельности профессора в конце 1920-х – 1930-е. Архивные материалы, содержащиеся в Национальной библиотеке, библиотеке Вильнюсского университета, Центральном Государственном архиве (фонд Литовского университета): протоколы заседаний Гуманитарного факультета, корреспонденция, дневники, мемуары, ста-

¹ См., например: *Genzelis B.* 1) Paskutinieji Levo Karsavino darbai // *Laikas ir idėjos*. Vilnius, 1980. P.222-234; 2) L.Karsavinas ir V.Sezemanas // *Kultūrų sąveika*. Vilnius, 1989. P.74-85; 3) Lietuvos filosofijos istorijos bruožai. Vilnius, 1997. P.221; *Tamošiūnienė I. L.*Karsavino etinių pažiūrų ontologiniai pagrindai // *Problemos*. 1982. №27. P.65-71; *Kuginienė L. L.*Karsavinui – 100 metų // *Būtis ir laikas*. Vilnius, 1983. P.264-267; *Sverdiolas A.* Kultūros filosofija Lietuvoje // *Istorinė būtis*. Vilnius, 1983. P.140-147; *Raudeliūnas T.* 1) Istorijos procesas ir jo subjektas «visuotinybės» ontologijoje // *Problemos*. 1988. №38. P.63-75; 2) *Levas Karsavinas*, euraziečiai ir Lietuva // *Regnum*. 1991. P.CVII-CVIII; 3) L.Karsavinas ir Lietuva // *Kultūros barai*. 1990. №12. P.50-53; *Konickis A.* Tos nepamirštamąs Petrapilio naktys // *Filosofija, sociologija*. 1992. №3(9) P.121-129; *Мельникова И.* Опыт интертекстуального прочтения работы Л.П.Карсавина «Noctes Petropolitanae» // *Literatūra*. 1997. №39(3). P.95-117; L.Karsavinui skirta konferencija Vilniuje – tradicijos pradžia? // *Naujasis židinys*. 1992. №6. P.48-50; *Matekūnaitė A.* Norėčiau mirti Kaune // *Knygnešys*. 1989. №8-9. P.4; *Čepinskis J.* Tobulybė gyvena minties dėka // *Kauno diena*. 1992. Vasario 11; *Godunavičienė J.* Vardai, sugrįžtantys iš praeitės // *Vakarinės naujienos*. 1990. 17 Liepos; *Šalčius R.* Istorikas ir filosofas // *XX amžius*. 1992. Vasario 3; *Ужский В.* Апостол истины // Вильнюс. 1989. №9. С.163-185.

тьи в литовской периодике того времени – позволяют определить отношения ученого с коллегами, знакомыми и студентами, выявить круг его интересов.

В Литовском центре геноцида и сопротивления хранится судебное дело Л.П.Карсавина, в последнее время заинтересовавшее не только литовских, но и российских исследователей. Находящиеся в нем документы рассказывают об отношении ученого к советской действительности, а также об обстоятельствах его ареста в 1949. Протоколы допроса свидетельствуют, что этот человек в течение нескольких лет рассматривался как негодный режиму. Допрашивающих особенно интересовало участие Карсавина в евразийском движении, целью которого было, согласно тексту обвинительного заключения, свержение советского строя. Здесь немало интересных фактов и документов, но оценивать подобный материал следует с особой осторожностью, имея в виду специфические условия его возникновения: Карсавин, находясь под давлением следствия, вынужден был признавать и то, чего не было, – к примеру, подписанные им протоколы гласят, что во время своих лекций он занимался антисоветской пропагандой и распространял соответствующую литературу.

Прибытие Л.П.Карсавина в Литву

Как известно, в Литву Карсавин приехал уже будучи достаточно широко известным ученым. Находясь в Париже, он преподавал в Русской Духовной академии, когда в 1927 получил приглашение Оксфордского университета (где работал его друг и единомышленник Петр Сувчинский), но отклонил его, не поддавшись уговорам жены, и вскоре выбрал другой, литовский, вариант. Впоследствии, уже в ссылке в Коми, он объяснил свое решение А.Бендинскому желанию быть поближе к России².

В 1920-е, уже в процессе формирования исторических кафедр Гуманитарного факультета Литовского университета, возникла потребность в преподавателях всеобщей истории. В 1923–1927 кафедру всеобщей истории занимал приглашенный из Парижа эмигрант профессор Павел Гронский (1883–1937), однако затем он вынужден был возвратиться обратно, поскольку одним из условий договора было обязательство приглашенного в течение трех лет овладеть литовским языком, что для Гронского оказалось непреодолимым препятствием.

² Бендинскас А. Воспоминания о Л.Карсавине (1991). – Фонотека Литовской Национальной библиотеки (далее – Фонотека ЛНБ). А.Бендинскас – политзаключенный, вместе с Карсавиным находился в Абези (Коми АССР).

Тогда Совет факультета принял решение о приглашении другого кандидата. На кафедру всеобщей истории претендовали два профессора – Л.П.Карсавин и Ю.Виппер, проживавший в Латвии. «Сначала историческая секция гуманитариев на своем заседании, где участвовали профессоры Ичас, Янулайтис и Креве-Мицкявичюс, обсуждала несколько кандидатур на кафедру истории. Остановились на кандидатуре Виппера. Затем на заседании факультета сообщили о письменном отказе Виппера прибыть в этом году. Сейчас же была предложена (неисториками) кандидатура профессора Карсавина»³. Кто были эти «неисторики»? На вопрос ответил сам Карсавин:

Я предполагаю, что на работу в качестве профессора истории в Каунасский университет в 1928 году меня рекомендовал работавший в этом университете в то время профессор философии Василий Эмильевич Сеземан, с которым я был в близких, дружеских отношениях еще в период работы в Петербургском университете и затем живя за границей. Лично Сеземан мне об этом не говорил, но это мое личное предположение, и я безусловно в этом вполне уверен, так как Сеземан знал меня лучше, чем кто-либо, и только он мог рекомендовать меня на работу в Каунасский университет.⁴

Сеземан сообщил Карсавину, что его кандидатура обсуждается, и последний выразил свое согласие приехать. Вторым «неисториком» был почитатель ученого Изидорюс Тамошайтис, повлиявший на исход голосования⁵.

Кандидатура Карсавина не всем казалась приемлемой. Это в своем дневнике отметил профессор права Миколас Ремерис:

Приглашение Карсавина на Гуманитарный факультет нашего университета некоторым профессорам не понравилось, вызвало их протесты и критику в печати. Конечно, первым протестовал Янулайтис, вообще отрицательно относившийся к влиянию русской культуры и присутствию русских Литве.⁶

Профессор права, историк Аугустинас Янулайтис рекомендовал администрации факультета пока воздержаться от окончательного решения, провести дополнительное обсуждение на собрании историков. Однако «неисторики (философы и филологи) его предложение

³ Akademinis gyvenimas <Научная жизнь> // Lietuva. 1927. Gruodžio 18. (Здесь и далее перевод наш.)

⁴ L.Karsavino baudžiamoji byla <Судебное дело Л.Карсавина>. – Центр геноцида и сопротивления (далее – ЦГС). L.190-191.

⁵ См.: *Jakštas J. Leonas Karsavinas istorikas-filosofas ir «Europos kultūros istorijos» autorius <Якушас Ю. Л.Карсавин – историк-философ и автор «Истории европейской культуры»>* // Karsavinas L. Europos kultūros istorija <Карсавин Л. История европейской культуры: В 5 т.> Т.1. Vilnius, 1991. P.8, 1-я паг.

⁶ *Riomeris M. Dienoraštis <Ремерис М. Дневник>* // Kultūros barai. 1990. №12. P.60.

отклонили и приняли названную кандидатуру. Историки Йонас Ичас и Аугустинас Янулайтис от голосования воздержались»⁷. Тайное голосование Совета факультета состоялось 18 ноября 1927, за кандидатуру Карсавина проголосовало 10 человек при 4 воздержавшихся⁸.

Письмо Карсавина Сеземану рассматривалось как неофициальное принятие предложения. Опираясь на это решение ученого и результаты голосования, декан факультета профессор Винцас Мицкявичюс направил Карсавину в Париж письма, где обсудил технические стороны вступления в должность. К первому письму прилагался текст официального соглашения; как и другим приглашаемым в Литовский университет профессорам, Карсавину вменялось в обязанность овладеть литовским языком в течение трех лет⁹.

В Каунасском университете многие опасались, что принадлежность Карсавина к евразийскому движению, его якобы великодержавные воззрения могут оказать отрицательное воздействие на студентов. Такую опасность ощущал и М.Ремерис: «Не знаю, будет ли Карсавин хорош в качестве нашего сотрудника. Он широко распространит влияние русско-византийского мистицизма. Этих русских влияний нам уже за глаза <так!>. Нам бы какое-то время от них отвлечься и лучше приблизиться к Западу», – пишет он в дневнике¹⁰.

В конце 1927 разногласия по поводу приглашения Карсавина вышли за рамки внутренних проблем университета. На страницах ведущих газет одни авторы доказывали ошибочность этого решения, поскольку оно может отрицательно повлиять на национальные чувства литовцев, другие же обвиняли оппонентов в «чрезмерной чувствительности»¹¹.

В официальной газете «Lietuva» анонимный автор выразил недовольство благоприятными условиями, созданными для Карсавина:

...подписывается договор, согласно которому он пять лет сможет читать по-русски, а если на шестой год он еще не достаточно хорошо овладеет литовским и потому ретируется, то ему еще будет выплачено жалование за все полугодие.¹²

В статье утверждалось, что студенты университета не воспримут лекций, читаемых по-русски: «В наших гимназиях сейчас русскому

⁷ Ibid.

⁸ См. протокол заседания Совета Гуманитарного факультета. – Vilniaus universiteto bibliotekos rankraščių skyrius (далее – VUB RS). F.96. B.17. L.62.

⁹ Письма В.Креве Л.Карсавину от 21 ноября и 9 декабря 1927. – Lietuvos Nacionalnės bibliotekos rankraščių skyrius (далее – LNB RS) F.56-9.

¹⁰ Riomeris M. Dienoraštis. P.60.

¹¹ Ar tik ne perdėtas jautrumas? <Не чрезмерна ли чувствительность?> // Lietuvis. 1927. 7 Gruodžio.

¹² Naujas profesorius <Новый профессор> // Lietuva. 1927. Gruodžio 15.

языку не обучают, и абитуриенты, их окончившие, уже не могут не только понять устную речь, но и читать по-русски. И этим студентам предлагается профессор, который свой курс будет читать по-русски». В статье выразилось сожаление, что не был приглашен литовский кандидат¹³. В другой анонимной статье отмечалось, что Карсавин был приглашен против воли историков университета¹⁴.

В газете «Lietuvis» также появилась анонимная статья. Ее автор опровергал все эти обвинения и указывал истинные причины приглашения Л.Карсавина: «Во-первых, потому, что он сегодня самый видный русский историк, а во-вторых, Гуманитарный факультет, неустанно заботясь о литовцах и совсем не желая их оттеснить на задний план, <...> литовца не нашел»¹⁵. Автор выразил солидарность с теми историками, которые не проявили к кандидату неприязни, и заключил, что официальный орган «Lietuva», публикующий клеветнические статьи, начал грязную кампанию против Карсавина.

18 декабря 1927 в «Lietuva» была опубликована еще одна большая статья, где защищавшие газету «авторитетные люди» подробно осветили ход заседания Совета факультета, на котором принималось решение о приглашении Карсавина, и повторили все те же соображения, по которым они считали это приглашение нецелесообразным. Карсавин в этой статье был представлен как человек крайне правых воззрений, склонный к пропаганде шовинистических взглядов. Подчеркивалось, что на Гуманитарном факультете работает много не литовцев, которые якобы инициировали приглашение Карсавина и которым важен лишь «их собственный» патриотизм¹⁶.

Газета «Rytas» напечатала статью прелата Адомаса Якштаса-Дамбраускаса (одна из наиболее популярных в Литве того времени фигур), который также высказался против кандидатуры Карсавина¹⁷. По его мнению, Карсавин придерживается крайне православных взглядов. Прелат ссылался на работы Карсавина «Святые отцы и учителя церкви», «Джиордано Бруно», «История философии» и его предисловие к книге А.Хомякова «О церкви». Находя их тенденциозными, А.Якштас утверждал, что в патрологии Карсавина интересуется лишь религия и что эти тексты совсем не характеризуют ученого как историка. Особенно остро прелат критиковал предисловие к

¹³ Ibid.

¹⁴ Akademinis gyvenimas <Научная жизнь> // Ibid. 1927. Gruodžio 6.

¹⁵ Ar tik ne perdėtas jautrumas.

¹⁶ Akademinis gyvenimas // Lietuva. 1927. Gruodžio 18.

¹⁷ *Jakštas-Dambrauskas A. Kas yra prof. L.Karsavinas? <Кто такой проф. Л.Карсавин?>* // Rytas. 1927. Gruodžio 13.

труду Хомякова, где Карсавин называет католическую церковь еретической и раскольнической.

Профессор Литовского университета Владимир Шилкарский, в бытность свою студентом Московского университета знавший Карсавина, вступил в полемику с прелатом, опубликовав в газете «Lietuvis» открытое письмо. Он отметил, что А.Якштас очень необъективно оценивает работы Карсавина, а ведь ученый уже в молодости снискал популярность в российских академических кругах. В.Шилкарский упрекал прелата в том, что тот фактически присоединился к анонимам из «Lietuva», в действительности вовсе не заботящимся ни о патриотизме, ни о молодежи, поскольку они «представляют ту часть интеллигенции Литвы, которая всю свою мудрость черпает из атеистических и марксистских брошюрок»¹⁸. В.Шилкарский призывал А.Якштаса лучше изучить работы Карсавина и изменить свое мнение.

В своей ответной статье прелат согласился с Шилкарским лишь по двум позициям: что, во-первых, в молодости Карсавин увлекался историей и, во-вторых, что Петербургский университет пригласил его как преподавателя истории. При этом А.Якштас настаивал на том, что Карсавин, углубившись в патрологию, забросил историю, и выражал опасение, что в своих лекциях тот будет тенденциозно освещать историю. Как бы смиряясь с фактом приглашения ученого, автор статьи уже не возвращался к этому вопросу, а в конце статьи даже высказал свое мнение о пользе полемики: «Профессора и студенты получают более полное представление о новоприглашенном и сумеют критически его оценить, да и сам проф. Карсавин благодаря этой полемике лучше увидит, какие ему делаются замечания»¹⁹.

Эта дискуссия в литовской печати велась в декабре, когда Карсавин был еще в Париже. Она обнажила проблемы, решавшиеся в то время литовским обществом: отличия патриотизма от псевдопатриотизма, нехватки научных кадров, образования молодежи, улучшения межконфессиональных отношений – это было актуально в 1920-е.

В первые дни января 1928 Карсавин получил письмо В.Шилкарского, в котором тот предлагал ученому временно у него поселиться, поскольку в Каунасе тогда был квартирный кризис²⁰. Приехав в Каунас, Карсавин 26 января 1928 прочел публичную лекцию, в которой изложил свой взгляд на историю. По тогдашней академической традиции так происходило знакомство приглашенных профес-

¹⁸ Šilkarškis V. Kas yra prof. L.Karsavinas <Кто такой проф. Л.Карсавин> // Lietuvis. 1927. Gruodžio 17.

¹⁹ Jakštas-Dambrauskas A. Dar dėl prof. L.Karsavino <Еще о проф. Л.Карсавине> // Rytas. 1927. Gruodžio 22.

²⁰ См.: L.Karsavino baudžiamoji byla. – ЦГС. L.192.

соров с будущими коллегами по работе и студентами. М.Ремерис пишет, что лекция Карсавина привлекла всеобщее внимание: «Было много профессоров, много студентов, особенно евреев, и вся русская колония. Присутствовала также жена президента госпожа Сметонене со своим адъютантом»²¹. Карсавин здесь в полной мере проявил свои ораторские качества.

Этой лекцией началась первый этап жизни Карсавина в Литве, который можно приблизительно датировать 1928–1932 годами. В зимнее время он преподавал в Литовском университете, а в отпуск и на праздники уезжал в Париж – к семье, которая поначалу отказалась перебираться в Литву. В Париже Карсавин принял участие в нескольких съездах евразийцев, искавших оригинальные пути развития России, в надежде (неоправдавшейся) на постепенную трансформацию советского государства в некую евразийскую державу, объединенную идеологией православия. В 1930 в Клараме состоялся последний евразийский съезд, в котором Карсавин также принял участие, после чего движение раскололось из-за внутренних противоречий.

Тогда же Карсавин начал работу над фундаментальной «Историей европейской культуры», и уже в 1931 вышел в свет первый том. В 1932 на кафедрах всеобщей истории и истории Литвы произошли некоторые изменения: они пополнились новыми сотрудниками, выпускниками университета.

Начав работать в Каунасе, Карсавин должен был изменить сложившееся мнение о себе как представителе радикального православия, якобы тенденциозно преподающего историю и не уважающего представителей других конфессий. Желая нормализовать отношения с признанным лидером католического общества прелатом А.Якштасом-Дамбраускасом, Карсавин обсудил ведущуюся в печати накануне его приезда полемику с ксендзом Йонасом Тумасом-Вайшгантасом, который симпатизировал ученому и в то же время был лично знаком с прелатом.

Однако А.Якштас сам сделал первый шаг, написав письмо ученому. Как видно из цитируемого ниже ответа Карсавина, А.Якштас, вероятно, вняв совету В.Шилкарского, действительно углубился в работы ученого и в целом оценил их положительно. Этот интерес к работам Карсавина можно объяснить не только желанием ответить оппоненту, но и тем, что сам прелат, как и Карсавин, в свое время учился в Петербургском университете и был почитателем Владимира Соловьева: «Будучи в 1880–1881 гг. студентом Физико-математического факультета, я имел счастье слышать читавшиеся студентам всех факультетов лекции по философии В.Соловьева. Позже,

²¹ Riomeris M. Dienoraštis. P.60.

изучая его гениальные труды, я укрепился в католической вере. Его работы осветили мне основные вопросы религии и христианской жизни. Поэтому могу сказать, что никакой апологет католицизма, никакой другой христианский философ не дал моей душе столько света, как В.Соловьев»²². Именно фигура В.Соловьева, являвшаяся общим авторитетом, помогла Якштасу и Карсавину понять друг друга.

В ответном письме прелату Карсавин выразил желание его навестить, но сомневался, будет ли этот визит уместен. Сделав поправку на степень накала страстей в ведшейся полемике и темперамент прелата, Карсавин принес свои извинения за чересчур резкие заявления в адрес католической церкви, высказанные ранее, и открыто поведал адресату о своих исканиях и сомнениях. Интересны высказываемые здесь Карсавиным мысли об особенностях католического и православного мироощущения и тех трудностях, с которыми сталкивается исследователь:

На Ваше общее отношение к моим работам прежде всего хочу я ответить сомнением о допущении мною <...> резкостей, пагубно оскорбляющих религиозные требования католика. Отнесите это на дело <так!> моего неудобного темперамента и внешних условий, и будьте уверены, что мое отношение к католицизму исключает всякое желание оскорблять и задевать права католика. Не премину при первом же удобном случае заявить об этом и печатно. Моя точка зрения такова – наше православное мировоззрение для нас, православных, в себе самом содержит противоядие против того, что со стороны кажется, грубо говоря, пантеизмом. Равным образом, думаю, и католическое мирозерцание для католика чуждо формального и внешнего подхода к вопросам веры. Но если католик, оставаясь католиком, старается понять православие, для него оказывается «вредным» дух свободы и «пантеистический уклон». С другой стороны, если я, православный, вживаюсь в католицизм, я невольно воспринимаю его не так, как католики себя к католической свободе <так!> <...> Здесь два разных религиозных типа, одинаково ценных и нужных в полном христианстве, но друг с другом не сводимые. Надо с любовью почитать тяготы друг друга, и здесь Вы, уважаемый прелат, дали мне урок истинно христианской терпимости, который я с благодарностью и раскаянием приемлю.

Ваша высокая оценка моих работ очень меня поддерживает и одобряет <так!>. <...> Среди православных богословов я мог бы назвать некоторых, которые, по моим сведениям, в общем со мною согласны. Кажется, что к таким могу причислить митрополита Антония, архиеерея Феофана Поплавского, А.В.Карташева. Ряд других, как о. Сергей Булгаков, склонны видеть в моих

²² *Samulionis P. A. Jakšto gyvenimas ir asmuo* <Жизнь и личность А.Якштаса> // *Židins.* 1930. №7-12. P.276.

утверждениях еретические уклоны (в учении о Божественной смерти). Но здесь – трудности нашего православного пути. У кого нет авторитета, и нет (видимо, нужно «нет и». – П.Л.) авторитетной институции, которая бы, как в католической церкви, могла определять правомерность индивидуальных построений. Таким авторитетом не является и Парижский богословский институт. Ведь о. Сергей Булгаков и Карташева (а Булгаков фактически стоит во главе Академии), реже митроп<олит> Антоний и орден Феофанов, словесно и печатно обвиняют в ереси. Я ищущу православному истину, полноту ее, но знаю, что все – <лишь> мои индивидуальные искания ихождения. Конечно, я готов отказаться от всего, что не согласно с учением церкви, и наверно знаю, что в чем-то ошибаюсь и ограничен. Но в чем? И кто мне это укажет? Безошибочных инстанций у нас нет <...>.

Разумеется, я вполне разделяю Ваше мнение о необходимости развить и обосновать высказанное в моих работах, хотя и не в порядке полемики, и по мере возможности получить если и не одобрение, то мнение наших православных иерархов. Конечно, воспользуюсь первой возможностью, чтобы изложить свои взгляды. <...> И раз уже Вы отнеслись столь внимательно к моим работам, я уверен, что Вы не откажете мне в беседе с Вами и в строгой критике моих взглядов. Ведь я сам пришел к осознанию православия благодаря моим работам над историей средневекового католицизма и средневекового католического богословия.²³

Время показало, что все опасения насчет тенденциозности Карсавина-ученого, склонности его к идеологической пропаганде или высокомерии Карсавина-педагога по отношению к окружающим были напрасны. В этих «грехах» его не упрекнул никто – и искренне сомневавшиеся в корректности и объективности взглядов профессора, и анонимные недоброжелатели. Ни в литовской периодике, ни в архивных материалах 1920–1930-х мы не находим ни одной отрицательной характеристики ученого.

Сначала Карсавин преподавал на русском языке, но с первых же дней своего пребывания в Каунасе стал обучаться литовскому. Из всех приглашенных историков он оказался единственным, успешно преодолевшим языковой барьер. На современников произвело большое впечатление то, как быстро ученый справился с этой задачей. По воспоминаниям профессора Миколаса Биржишки, ректора Литовского университета в 1926/27 учебном году, в начале осеннего семестра 1928 года Карсавин вежливо попросил его и еще нескольких коллег посетить его лекцию и, к общему удивлению, начал читать уже по-литовски²⁴. Юозас Якштас, учившийся у Карсавина,

²³ Письмо Л.Карсавина А.Якштасу-Дамбраускасу от 29 марта 1928. – VUB RS. F.1. L.506.

²⁴ Юуоделене Д. Воспоминания о Л.Карсавине. 1991. – Фонотека ЛНБ.

вспоминает, что профессор преподавал по-русски два года, а позже – только по-литовски: «Литовский язык он непрестанно совершенствовал и овладел им настолько, что писал научные труды и однажды в литературном кружке читал переведенный им отрывок трудного философского текста Гегеля»²⁵.

Карсавиным восторгался Мстислав Добужинский, в то время также переехавший из Парижа в Каунас. Его письма сестре Карсавина Тамаре Карсавиной позволяют понять, как новоприбывшие интеллигенты осваивались с несколько непривычной для них обстановкой и как на них действовал языковой барьер:

Я очень грущу без Парижа и все никак не могу привыкнуть к Каунасу. Главное, что все друзья в Париже. <...> Со Львом Платоновичем мы почему-то страшно редко встречаемся, я сам не могу объяснить причины, а ведь он один из <...> петербуржцев – это одно мне дорого, не говоря о том, что он Ваш брат. <...> У него два преимущества: он лингвист и настолько овладел языком, что поправляет литовцев, и второе – он философ и может философски относиться к окружающей действительности! <...> Я не лингвист, и мне с большим трудом дается язык – и потому не могу войти в местный грунт, а остаюсь в стороне, что, собственно, не очень «выходит», а философ я плохой и слишком все замечаю <...>. Провинция все-таки иногда весьма действует на нервы! Здесь мне просто скучно.²⁶

Конечно, это чувство одиночества было знакомо и только что приехавшему Карсавину (семья осталась в Париже, а круг знакомых был очень узким), поэтому упомянутые Добужинским преимущества действительно были ученому жизненно необходимы.

Педагогическая и общественная деятельность Преподавание истории

Гуманитарный факультет Литовского университета состоял из трех отделений – философии и педагогики, филологического и исторического. В каждом из них было по несколько кафедр. Историческое отделение состояло из кафедр истории Литвы и всеобщей истории, последнюю и возглавлял Карсавин в 1928–1939, до переезда всего факультета в Вильнюс²⁷. Соответственно и специализация историков велась в двух направлениях, однако и будущие специалисты

²⁵ *Jakštas J. Istorijos skyrius. Lietuvos universitetas 1579–1803–1922 <Историческое отделение. Литовский университет 1579–1803–1922>. Chicago, 1972. P.414.*

²⁶ Письмо М.Добужинского Т.Карсавиной (б/д). – LNB RS. F.30. Ap.1. №2618.

²⁷ Во второй половине 1939 в результате оккупации немцами Польши Вильнюс отошел к Литве и стал столицей. Решением Министерства образования с начала 1940 туда была переведена часть факультетов Каунасского университета.

по всеобщей истории, и специалисты по национальной истории должны были изучать дисциплины, предлагаемые обеими кафедрами. На кафедре истории Литвы изучалось также прошлое соседних государств – Латвии, России, Польши, Германии, на кафедре всеобщей истории – Древний Восток, античность, средневековье, Новое время. Студенты изучали французский, немецкий, польский, русский языки. Они также должны были по выбору изучить несколько побочных дисциплин. Обучение продолжалось 4–6 лет и заканчивалось написанием дипломной работы.

О работе преподавателей Гуманитарного факультета можно судить по отчетам и обзорам тех лет:

Работа персонала Гуманитарного факультета идет в нескольких направлениях. Прежде всего это передача знаний своим слушателям. Поэтому подготовка лекций наверняка отнимает у них больше всего времени. <...> Повторяются только общие основные курсы, все же остальные, т. е. специальные, почти всеми преподавателями читаются наново, и их нужно готовить. Они зачастую значат даже больше, чем основные, поскольку слушатели знакомятся с наукой и методами ее изучения. И материал основных курсов каждый раз дополняется и перерабатывается.²⁸

Так работал и Карсавин. Он читал несколько основных курсов (история Средних веков, история XIX века, история Нового времени). Кроме того, у него были и дополнительные курсы, которые, во всяком случае, на исторических кафедрах были подчас даже важнее, чем основные, так как были посвящены прошлому какого-либо государства (например, Англии, Франции, США), отдельной исторической эпохе (Ренессансу, Реформации) или явлению (революции). Общие курсы играли роль вводных. Конечно, эти специальные курсы требовали специальной подготовки и усилий, освоения нового материала. Карсавин как медиевист мог читать общий курс по истории Средних веков, но его уже читал профессор Йонас Ичас. Декан В.Креве-Мицкявичюс объяснил Карсавину, что два параллельных курса нецелесообразны, и предложил подготовить какой-нибудь специальный курс по истории средневековья²⁹. Весной 1928 Карсавин такого спецкурса не читал, а преподавал историю Нового времени. Его специальные курсы весной 1928 – Ренессанс и Реформация, история XVIII–XIX веков: революция и империя, теория государства. К осеннему семестру того же года он подготовил новые курсы – историю Римской империи, теорию государства. Кроме того, он про-

²⁸ См. обзор работы факультета: Fakultetų veikimo nuo 1932 02 16 iki 1937 02 16 apžvalga // Vytauto Didžiojo universiteto žinios <Новости Университета Витаутас Магнус> (далее – VDU žinios). 1937. №1-5. P.45.

²⁹ Письма В.Креве Карсавину см.: LNB RS. F.56-9.

должал начатый весной курс по истории Ренессанса и Реформации и вел семинары по Новой истории. Спектр интересов ученого был очень широк – от античной истории до новейшей. Древней Греции был посвящен курс лекций 1929/30 учебного года, тогда же он начал читать курс по Древнему Риму и продолжил его в 1934, 1936 и 1937. Особое внимание ученый уделял позднеримской эпохе и раннему средневековью.

В 1931, после смерти Й.Ичаса, Карсавин взял на себя курс по истории Средних веков и читал его с небольшими перерывами до осени 1939. Кроме того, он вел ряд дополнительных курсов: осенью 1939 – по духовной культуре средневековья, в 1928–1931 преподавал историю Нового времени. Этой эпохе было посвящено еще несколько его курсов: в 1929 – история Европы XVI–XVII веков, в 1930 – история Европы Нового времени.

Карсавин старался, чтобы студенты шире взглянули на всемирную историю и культуру, – этому были посвящены обобщающие лекции (1937–1939) и специальные курсы по истории Европы и европейской культуре. Ученого интересовали не только сами исторические факты, но и историческая наука как объект изучения. Он полагал, что историк обязан уметь пользоваться различными методами исследования, свободно оперировать такими универсальными категориями, как государство, общество, культура, цивилизация, – ибо только так возможно осознание закономерности исторических явлений: «...историк, познающий историческое развитие и в нем – субъект этого развития, сам есть индивидуация этого субъекта»³⁰.

Эти идеи ученый развивал и перед студентами в своих теоретических курсах: теория исторической науки (1928, 1930), теория государства (1929, 1930, 1932), наука об обществе и государстве (1935–1939), методология и историософия (1932, 1934/35)³¹.

Многие бывшие слушатели лекций Карсавина вспоминают о них как о ярких моментах своих университетских штудий. Известный филолог Альгирдас Юлиус Греймас, поступив в Литовский университет на юридический факультет, посещал и лекции по истории. Впоследствии он вспоминал:

Случайно попав к Л.Карсавину, был поражен его изящной культурной речью. <...> Незаметно влюбился в Средние века, а позднее даже стал медиевистом. <...> Это был самый добродушный и элегантный ученый из всех, которых я когда-либо встречал: так, наверное, создаются идеальные фигуры, помогаю-

³⁰ *Karsavinas L. Istorijos teorija. Kaunas, 1929. P.23.*

³¹ *VDU paskaitų tvarkaraščiai <Расписание лекций Университета Витаутас Магнус (далее – УВМ)>. Kaunas, 1928–1939.*

щие потом выбирать жизненные пути. Наряду с Л.Карсавиным могу назвать лишь еще одного человека, обладавшего такой высоко культурной речью, но это уже уроженец другой империи – Адорно.³²

В своих автобиографиях о замечательном преподавателе вспоминают другие его бывшие студенты – писатели Йонас Блекайтис, Пятрас Висвидас, Бронис Райла³³. О лекциях Карсавина пишет историк Винчас Трумпа:

После четырех лет посещения его лекций и руководимых им семинаров без колебаний можно утверждать, что Карсавин был не обычный профессор. Позже я имел возможность слушать не одного западноевропейского и американского профессора, и Карсавина могу смело поставить в их ряд. <...> Заметил, что на лекции проф. Л.Карсавина также часто заходили студенты из других факультетов. Хотя в своих лекциях, как и в своей многотомной «Истории европейской культуры», Л.Карсавин любил давать множество мелких фактов, имен и дат, его лекции не были сухими. Он их оживлял одним-другим, порой пикантным, анекдотом. Он особенно хорошо и образно описывал исторические личности: королей, военачальников, ученых, писателей. Наряду с их величием он с удовольствием обнаруживал одну-другую отрицательную или даже комическую их черту.³⁴

Карсавин читал лекции и студентам-филологам.

Витаутас Кубилиус пишет, что ученый «в своих лекциях по истории литературные произведения интерпретировал как выражение европейской культурной общности в широком культурном контексте, по памяти цитируя итальянские, французские, английские тексты»³⁵.

Лекции были лишь одной из форм преподавания. Большое значение Карсавин придавал также семинарам, во время которых велся диалог между преподавателем и студентами.

Основной семинар по Всеобщей истории он вел постоянно с 1931 вплоть до переезда факультета в Вильнюс. Также вел семинары, посвященные отдельным эпохам – древней истории, Новому

³² Greimas A.J. Autobiografija. // Egzodo rašytojai <Писатели-эмигранты>. Vilnius, 1996. P.266.

³³ Ibid. P.164, 639, 834.

³⁴ Trumpa V. Leonas Karsavinas istorikas-filosofas ir žmogus <Лев Карсавин – историк-философ и человек> // Karsavinas L. Europos kultūros istorija. T.2. Vilnius, 1994. P.6, 1-я pag.

³⁵ Kubilius V. Literatūros mokslas Vytauto Didžiojo universitete <Кубилиус В. Литература в университете Витаутас Магнус> // Vytauto Didžiojo universiteto ir Lietuvos katalikų mokslo akademijos 70-metis <70-летие Университета Витаутас Магнус и Литовской Католической Академии наук: Сб. статей> (далее – VDU-LKMA-70). Kaunas, 1993. P.152.

времени, европейской истории. Преподавательский опыт, полученный во время работы в высших учебных заведениях Петербурга, Москвы, Берлина, Парижа, Карсавин старался применять и в Литве, используя наиболее передовые формы обучения.

Как и другие преподаватели университета, Карсавин придавал понятию семинара несколько значений. В 1941 он писал:

Гуманитарный факультет семинаром всегда называл 1) форму занятий, 2) библиотеку кафедры или группы кафедр. Основывая семинар, он определял для него 1) помещение, 2) средства на приобретение книг и инвентаря, 3) руководителя – профессора, который был обязан присматривать за накапливающимся таким образом имуществом, пополнять библиотеку и следить, чтобы все, кто пользуется библиотекой, соблюдали установленные правила, 4) по предложению руководителя – библиотекаря.³⁶

Итак, для Карсавина библиотека была основой семинара. Она относилась лишь к конкретному семинару и постоянно пополнялась новой литературой. По воспоминаниям С.Пинкуса, профессор, обладая феноменальной памятью, мог быстро среди множества книг найти интересующую его и открыть нужную страницу³⁷.

Условием успешной работы Карсавин считал также соответствующий эмоциональный настрой аудитории. Во время семинаров старался по возможности избегать сухой официальности, не любил он и длинных скучных заседаний. Об этом он, в частности, писал:

Заседания кафедр наших отделений факультетов бывают очень редко и только по конкретным и специальным вопросам (расписания, программы преподавания и т. д.), режим и обязательность слишком обременительны, чтобы благодаря этому происходило постоянное общение со студентами. Как раз семинар всех объединяет живой общей работой и создает возможность свободного общения как профессорам, так и студентам; здесь студентам можно дать конкретные советы по всем их интересующим вопросам – как читать тот или иной источник, ту или другую книгу, какие книги и как читать, как ориентироваться в литературе вопроса, пользоваться информационными справочниками, сборниками документов и т. д. – и свободно обмениваться мыслями с коллегами.³⁸

Карсавин решительно защищал автономию семинара. По его мнению, руководитель семинара занимается формированием биб-

³⁶ Заявление Л.Карсавина в адрес комиссии Гуманитарного факультета Вильнюсского университета, избранной 4 октября 1941 по делу о семинаре. – VUB RS. F.138-3. L.3.

³⁷ Пинкус С. Воспоминания о Л.Карсавине. – Фонотека ЛНБ.

³⁸ Сообщение комиссии Гуманитарного факультета Вильнюсского университета, избранной 4 октября 1941 по вопросу о семинаре. – VUB RS. F.138-3. L.4.

лиотеки, а администрация высшей школы должна обеспечивать функционирование семинара.

С семинаром Карсавина было связано и развитие так называемых вспомогательных исторических дисциплин (при этом он полагал, что названия «прикладной» или «вспомогательный» неточны, так как эти науки для историка являются важнейшими). Хотя ученый руководил кафедрой всеобщей истории и историей Литвы не занимался, все же его интересовало, в каком направлении идет изучение прошлого страны, какие имеются источники и как они используются. Он подчеркивал в этой связи значение развития палеографии, дипломатики и других дисциплин³⁹. Ученый констатировал, что какое-то время в университете не было таких специалистов, хотя уже давно назрела необходимость изучать средневековые латинские, русские, польские, немецкие тексты. В 1930-е молодые историки, и прежде всего Антанас Василяускас, начали собирать в зарубежных архивах оригинальные документы и фотокопии, которые затем хранились в архиве университета и использовались во время семинарских занятий. Таким образом была создана коллекция фотокопий документов, отражающих прошлое Литовско-Польского государства XV–XVIII веков. Особенно ценными были фотокопии документов великого князя Витаутаса, найденных в архивах Вильнюса, Варшавы, Кракова, Риги, Кенигсберга и Вены. Всего в коллекции имелось около тысячи фотокопий.

Планируя свою работу в 1938, Карсавин писал, что исторический семинар должен располагать большими средствами на приобретение литературы и сборников документов: «Ассигнуемых 3000 литов в год (кроме того, распределяемых между кафедрами Всеобщей истории, Истории Литвы, Истории искусства и вспомогательными историческими дисциплинами) не хватает и на покупку самых необходимых учебников»⁴⁰.

Карсавин выражал желание, чтобы сотрудники его кафедры получали ассигнования на зарубежные командировки, в которых могли бы не только совершенствоваться, но и приобретать необходимую для семинара литературу. «От студентов нельзя требовать, – настаивал ученый, – чтобы они познакомились с научной литературой и источниками»⁴¹, если их нет в университетской библиотеке. Положение этой библиотеки ухудшилось после переезда Гуманитарного

³⁹ *Karsavinas L. Lietuvos paleografijos reikalai <К вопросу о литовской палеографии> // VDU žinios. 1936. №1. P.9.*

⁴⁰ Заявление зав. кафедры Всеобщей истории проф. Л.Карсавина декану Гуманитарного факультета по вопросу о пятилетнем и десятилетнем плане работы. – Lietuvos Centrinis Valstybės archyvas (далее – LCVA). F.12. B.1115. L.11.

⁴¹ Ibid.

факультета в Вильнюс в начале 1940. В ноябре 1941 Карсавин пишет: «До сих пор университетская библиотека находится в темном подвале бывшей типографии, и, как видно из речи ректора университета 16 февраля с<его> г<ода>, в ближайшем будущем даже не предусматривается обеспечить ее более подходящим помещением»⁴². И в Каунасском, и в Вильнюсском университете преподаватели также ощущали нехватку помещений для семинаров.

Но эти материальные проблемы не отразились на собственно педагогической деятельности Карсавина и его коллег. На кафедре всеобщей истории вместе с ним работала Мария Рудзинская-Арцимович, воспитанница профессора Московского университета Бориса Александровича Тураева (она преподавала египтологию), музеевед Паулюс Галауне вел семинары по истории искусства.

Система зачетов в Литовском университете не была очень строгой. «На Гуманитарном факультете не требовалось обязательно посещать лекции. В конце семестра зачеты чаще всего давались автоматически. По прохождении курса было не обязательно сразу сдавать экзамены. Эта либеральная, можно сказать, нерегламентируемая система часто не шла на пользу студентам», – пишет В.Трумпа⁴³. По воспоминаниям современников, даже во время экзаменов Карсавин старался избежать официальности. Р.Шальтянис вспоминает, как он сдавал экзамен по истории Германии: «На историческом семинаре за длинным столом сидят три профессора-экзаменатора: Йонинас, Карсавин и Шапока. На другой стороне напротив сидят трое экзаменуемых студентов. Каждая пара между собою беседует вполголоса, чтобы не мешать соседям. Больше говорят студенты, отвечающие по вытянутым билетам, но вот в паре Карсавина больше говорит сам профессор, чем моя соседка». Карсавин во время экзамена излагал «какую-то историческо-философскую теорию», хотя по регламенту мог только задавать студенту вопросы и слушать ответы»⁴⁴.

Когда в 1949 Карсавин был арестован, среди прочих обвинений ему вменялось и то, что во время лекций ученый сознательно извращал факты, разжигал ненависть студентов по отношению к Советскому Союзу. Под оказываемым на него давлением он был вынужден подписать следующее:

Да, в период буржуазного режима в Литве я преподавал в Каунасском университете историческую науку, в некоторых лекциях, главным образом по истории государства, допускал истолкования его с чуждых марксизму-ленинизму реакционно-идеалистических позиций. В частности, существом государства я при-

⁴² Ibid.

⁴³ *Trumpa V.* Leonas Karsavinas istorikas-filosofas ir žmogus. P.7, 1-я пар.

⁴⁴ *Šaltenis R.* Vivat, professores! // *Šiaurės Atėnai.* 1992. Gegužės 15.

знавал не борьбу классов, а волю народа, которая осуществляется через противоречия и борьбу социальных личностей. Наряду с этим я иногда допускал различного рода враждебные по отношению к советской власти измышления.⁴⁵

Итак, ученого обвинили в его научных воззрениях, которые были истолкованы как политические. Конечно, его теория государства не опиралась на марксизм, но ни в литовской печати, ни в воспоминаниях современников Карсавин не фигурирует как человек, занимающийся антисоветской или иной пропагандой.

К сожалению, не сохранились тексты карсавинских лекций. Во время ареста ученого был уничтожен его личный архив: часть бумаг была конфискована и затем утеряна, часть сожжена.

Профессор и молодые историки

В начале 1930-х исторические кафедры Литовского университета еще не были полностью укомплектованы. Как видно из письма И.Йонинаса А.Шапоке, историки переживали не самые лучшие времена:

Переживаем тяжелый экономический кризис. Говорят, что со следующего месяца зарплату снизят на 30 процентов. <...> После смерти Й.Ичаса приходится почти заново организовывать историческое отделение на нашем факультете. Сейчас нас трое – проф<ессор> Л.Карсавин, г. Арцимович и я, или, воспользовавшись выражением проф<ессора> Л.Карсавина, только вдвоем. Так дальше продолжаться не может. Нам нужен один профессор по истории Литвы, два профессора по Всеобщей истории, не считая г. Арцимович, и один ассистент по истории Литвы. Кандидатов немало.⁴⁶

Уже выросло молодое поколение историков, которые могли пополнить ряды преподавателей. По мнению Йонинаса, наиболее вероятными кандидатами были А.Шапока, Ю.Якштас и Й.Думчюс.

Итак, после смерти профессора Й.Ичаса Л.Карсавин должен был заботиться не только о кафедре всеобщей истории, но и обо всем историческом отделении. Упомянутые проблемы расширения преподавательского состава в 1932 были предметом официальных обсуждений. 30 мая 1932 И.Йонинас, Карсавин и А.Янулайтис сообщили свои планы и пожелания совету Гуманитарного факультета. Они констатировали, что ранее приглашавшийся академик Мартин

⁴⁵ L.Karsavino baudžiamoji byla. – ЦГС. С.198.

⁴⁶ Оpubл.: Istorijos baruose <На поприще исторической науки>. Vilnius, 1984. P.254. И.Йонинас и А.Шапока – преподаватели истории в университете Витаутаса Великого.

Любавский не сможет прибыть и занять кафедру истории Литвы; обсуждалась также кандидатура профессора Генриха Ловмянского, который жил в Вильнюсе и мог быстро овладеть литовским языком. Говорилось о необходимости омоложения персонала кафедр, обновления учебных программ. Кроме того, «собравшиеся постановили начать выпуск учебников истории, как оригинальных, так и переводных. Планируется издать учебники по истории Литвы, России, Англии, Франции, Германии, Пруссии, Латвии, Украины и Чехии. В ближайшее время предполагается издать по истории Литвы – вторую часть “Очерка по истории Литовского государства” профессора М.Любавского, по российской истории – “Учебник Русской истории” Ефименко, по истории других стран – собрать сведения о наиболее подходящих студентам учебниках и список составить позже. Объем учебников – примерно 250–300 страниц»⁴⁷.

После получения отказа от Г.Ловмянского было решено, что наиболее вероятный кандидат – И.Йонинас. По предложению Карсавина, А.Янулайтиса, братьев Миколаса и Вацлаваса Биржишек И.Йонинас получил звание экстраординарного профессора и стал заведующим кафедрой истории Литвы.

Карсавин и его коллеги по университету полагали, что основная задача нового поколения историков – написание объективной истории Литвы, свободной от той тенденциозности, которой грешили польские, российские и немецкие авторы⁴⁸. Для этого было необходимо, чтобы молодые литовские историки ознакомились с архивами Польши и Германии и получили возможность общения с тамошними учеными. И этой задаче уделялось серьезное внимание, что видно из материалов Гуманитарного факультета, высказываний Карсавина и других ученых, а также писем и воспоминаний современников.

К примеру, историк Юозас Якштас в начале своей научной карьеры занимался изучением отношений Литвы с немецким Орденом времен правления Гедиминоса и Витаутаса. Необходимо было посмотреть корреспонденцию Гедиминоса, но Якштас не знал, где начать ее поиски. Карсавин, учитывая его хорошее знание немецкого языка, посоветовал ему поехать в Берлин и написал рекомендательное письмо известному медиевисту профессору Берлинского университета Альберту Брокманну⁴⁹.

В дальнейшем Якштас изменил тему своих научных исследований – Карсавин заинтересовал его эпохой упадка Римской империи,

⁴⁷ Совету факультета. Сообщение о совещаниях и планах историков. 30 мая 1932. – LCVA. F.631. Ap.13. B.42. L.36-38.

⁴⁸ См.: *Karsavinas L. Lietuvos paleografijos reikalai*. P.9.

⁴⁹ См.: *Jakštas J. Mano istorijos mokslo kelias* <Мой путь в исторической науке>. Vilnius, 1992. P.18.

и молодой ученый написал докторскую диссертацию «Представления западных христиан о Римской империи до V в.». Находясь в научных командировках, Якштас вел с Карсавиным регулярную переписку⁵⁰. Профессор не считал себя вправе вмешиваться в работу исследователя, но советовал ему в погоне за общими идеями не упускать деталей. Кроме того, он рекомендовал изучить не только научную, но и художественную литературу. Успешно защитив диссертацию, Якштас собирался читать в университете лекции по методике преподавания истории, но предварительно он должен был пройти практику в средней школе. Здесь ему снова помог Л.Карсавин, дав рекомендацию в одну из каунасских гимназий.

Профессор рецензировал не одну диссертацию молодых историков. Кроме того, он заботился о повышении квалификации сотрудников, организовывая их командировки за рубеж. В декабре 1937 он предложил Совету факультета «командировать старшего ассистента Антанаса Василяускаса в Кенигсберг с целью исследования архивных документов XV века и их копирования, благодаря чему мог бы образоваться палеографический альбом для нашего исторического семинара»⁵¹. Как уже упоминалось, вскоре такие коллекции действительно были собраны. В феврале 1938 Карсавин письменно обратился к Совету факультета с просьбой командировать доцента Юргиса Балтрушайтиса в Париж (сын известного дипломата Юргиса Балтрушайтиса был искусствоведом и изучал историю искусства)⁵².

Пятилетний план работы, составленный Карсавиным 1 марта 1938, позволяет судить о его собственных намерениях и планах его коллег, а также определить общее направление научной работы кафедры всеобщей истории.

Декану Гуманитарного факультета
Заведующий кафедрой Всеобщей истории
Проф<ессор> Л.Карсавин

ЗАЯВЛЕНИЕ

Сам характер научной и педагогической работы не позволяет точно ответить на все вопросы. Например, не могу заранее сказать, какие научные работы будут сделаны мною и другим персоналом кафедры за 5–10 лет. Сейчас сам я пишу: 1) VI-й том своей Истории культуры и 2) Введение во Всеобщую историю, которое может быть названо и иначе, кроме того, 3) перевожу на литовский язык «Феноменологию духа» Гегеля. Сколько эта ра-

⁵⁰ Их переписку 1934 года см.: LNB RS. F.56-18.

⁵¹ VDU Humanitarinių mokslų fakulteto posėdžio protokolais <Протоколы заседаний Гуманитарного факультета УВМ (далее Протоколы, с указанием номера)>. №210. – LCVA. F.631. Ap.12. B.996. L.7.

⁵² Протоколы. №214. – Ibid. B.1101. L.183.

бота потребует времени и когда будет окончена, сейчас сказать еще не могу, так как работа зависит не только от меня самого, но и от того, сколько нужных книг мне удастся выписать в библиотеку университета, когда мне удастся получить командировку и поработать в зарубежных библиотеках и т. д. Также не могу дать точной информации о персонале кафедры. Доц<ент> Ю.Балтрушайтис дальше изучает отношение Западноευропейского искусства к Восточному и, надо полагать, по этой теме за указанное время выпустит 2–3 книги и ряд статей. Кроме того, он планирует печатать 2-й том своего курса (Всеобщей истории искусства), но подготовка к печати зависит от средств, которые будут ассигнованы факультету.

И<сполняющая> о<бязанности> доц<ента> Арцимович готовит к печати 2-й курс истории Востока. Ст<арший> ассистент Ю.Якштас должен сдавать докторские экзамены и затем на публичном заседании факультета защищать свою опубликованную диссертацию. Само собой разумеется, предвидеть свои дальнейшие работы он не может. Ст<арший> ассистент Василюскас подготовил альбом актов Витаутаса Великого, его выход в свет зависит от Министерства просвещения, и частями еще печатает свою большую работу о дипломатике Витаутаса Великого. Сколько времени потребуются на окончание этой работы, точно сказать нельзя, наверное 2–3 года, и только тогда самому автору станет ясна тема его дальнейших работ. <...>

Сейчас кафедра имеет две свободных вакансии старшего научного сотрудника и одну младшего. Одно из этих мест занимает доцент по истории искусства Ю.Балтрушайтис. Обязательно нужно увеличить штаты кафедры. Теперешние штаты не дают возможности решать дела кафедры и готовить для нее новых специалистов, потому что на единственное вакантное место уже готовится специалист по истории Средних веков Ю.Якштас. Есть успешно работающие студенты, но пока неясен вопрос о штатах и возможностях внештатных, но оплачиваемых мест, и сам вопрос подготовки специалистов остается неясным. Руководствуясь результатами прошлых лет, можно полагать, что в течение 5 лет отделение Всеобщей истории должны окончить примерно 40–50 человек.⁵³

О коллегах Карсавин судил по результатам их работы. Так было и когда в конце 1937 произошло неожиданное и для большинства персонала факультета неприятное событие – Министерство просвещения не подтвердило в должности на следующий срок многолетнего декана Гуманитарного факультета В.Креве-Мицкявичюса.

Совет факультета должен был избрать нового кандидата до 22 декабря 1937. Группа ученых, в том числе Карсавин, подготовила

⁵³ 5-летний план работы Гуманитарного факультета УВМ. – Ibid. В.1115. L.11.

заявление, в котором говорится, что почти 12 лет руководивший работой факультета В.Креве-Мицкявичюс всегда старался поддерживать дружеские связи с коллегами и высоко поднял престиж факультета, и решение о его смещении – незаслуженная обида не только ему самому, но и факультету в целом. Авторы обращения требовали объяснения причин этого смещения⁵⁴.

В 1936 начал выходить редактируемый Карсавиным исторический журнал «Senovė» («Старина»), всего было издано 4 тома (1936–1938), позже издание было приостановлено из-за недостатка средств. В нем молодые историки получили возможность публиковать свои диссертации и другие работы, кроме того, там помещались и работы иностранных авторов. Подобные издания выпускали и другие отделения факультета: философы – «Eranus», языковеды – «Archivum Philologicum», литераторы – «Darbai ir dienos» («Дела и дни»), этнографы – «Mūsų tautosaka» («Наш фольклор»).

Участие Карсавина в научных обществах и товариществах

Архивные документы свидетельствуют об активном участии Карсавина в научной и общественной жизни Литвы. 18 марта 1929 было основано Историческое общество Литвы, состоявшее почти целиком из историков университета. Планировалось созывать съезды историков, представлять страну за рубежом, читать публичные лекции на исторические темы (в те годы это было популярно). Карсавин стал его членом 8 июня 1929⁵⁵.

Как видно из протоколов заседаний Гуманитарного факультета и Исторического общества⁵⁶, наиболее активно себя проявили историки А.Янулайтис, И.Йонинас, З.Ивинскис и другие, они стремились повысить интерес к прошлому в литовской провинции, участвовали в международных конгрессах историков (в 1931 – в Будапеште, в 1937 – в Риге, в 1938 – в Цюрихе). Карсавин участвовал в большинстве заседаний Общества, занимался его текущими делами. В 1936,

⁵⁴ Протоколы. №212. – Ibid. В.996. L.1-2. Истинные причины смещения В.Креве с поста декана заключались в его неугодности властям по причине лояльности советскому режиму.

⁵⁵ См.: L.Karsavino pareiškimas dėl įstojimo į Lietuvos istorikų draugiją <Заявление Л.Карсавина о вступлении в Историческое общество Литвы>. – Рукописный отдел библиотеки Литовской Академии наук. F.267-2816. L.1.

⁵⁶ Lietuvos istorijos draugijos dokumentai, 1929–1938 <Документы Исторического общества Литвы за 1929–1938>. – Ibid. F.267-2834; Протоколы. №218. – LCVA F.631. Ap.12. B.1100. L.335; см. также: Ragauskas A. VDU mokslininkai istorijos mokslo kongresuose <Ученые УВМ – участники исторических конгрессов> // VDU–LKMA-70. P.169-177.

во время подготовки к Рижскому конгрессу балтийских историков, в Литву прибыл вице-директор Латвийского исторического института Ф.Балодис. В посольстве Латвии его встретили профессора М.Биржишка, И.Йонинас, Карсавин и археологи В.Нагявичус и Й.Пузинас.

В 1937 усилиями историка театра Балиса Сруоги в университете была организована Академическая театральная студия. Показательный спектакль состоялся 19 марта 1939. Студия также организовывала лекции, семинары, на которые приглашались писатели, актеры. Лекции там читал и Карсавин. Его интерес к театру был не случайным – ведь и его отец, и сестра были актерами балета.

Карсавин также принимал участие в студенческой жизни. 7 апреля 1927 было зарегистрировано землячество русских студентов – в разные годы число его членов колебалось от 30 до 60 человек. 20 декабря 1930 эта корпорация участвовала в конгрессе русских студентов Балтии в Риге⁵⁷. В 1928 при содействии Карсавина корпорация основала собственную библиотеку «Rašvaistė» («Заря»), имевшую публичный абонемент и постоянно пополнявшуюся. Профессор был избран ее почетным членом, читал научно-популярные лекции. В начале 1930-х на основе старого образовались два новых русских студенческих землячества – мужское («Ruthenia») и женское («Filiae Ruthenia»); попечителем «Ruthenia» в 1938 был избран Карсавин.

Научные труды

Основным научным трудом Карсавина литовского периода по праву считается его фундаментальная монография «История европейской культуры» (1931–1936)⁵⁸. Она посвящена анализу культуры Западной и отчасти Центральной Европы в I–XVI вв. Согласно Карсавину, каждая отдельная культура является частью культуры всего человечества; в культуре (как в узком, так и в широком смысле этого понятия) нет причинных связей. Этот труд оригинален тем, что на Европу автор смотрит глазами философов и теологов разных веков, анализирует духовную жизнь общества. Часть текста традиционно историческая – излагаются факты, дается общая характеристика эпохи. Однако местами текст становится философским, теологическим, хотя читатель всегда чувствует исторический фон.

В Литве были написаны и философские работы Карсавина – «О личности» (Каунас, 1929), «Поэма о смерти» (Каунас, 1932). Профессор писал статьи для Литовской энциклопедии и в периодическую печать. Безусловно, эти труды представляют большую науч-

⁵⁷ См. документы корпорации «Рутения». – LCVA. F.631. Ap.2639. L.38.

⁵⁸ *Karsavinas L. Europos kultūros istorija*. T.1-5. Kaunas, 1931–1936.

ную ценность. Предлагаемые в них концепции не имеют ни национальных, ни православных, ни мистических тенденций.

В 1929 появилась работа Карсавина «Теория истории». Это дополненный перевод написанного в 1920 русского учебника. Однако эта книга – не только учебник, в ней автор изложил свой взгляд на суть истории, охарактеризовал цели работы историка.

По мнению Т.Рауделюнаса, своеобразный *opus magnum* философа, который мог бы быть его завещанием, – его «Метафизика истории»⁵⁹. Труд сохранился не полностью и не опубликован. В этой работе история культуры Европы как бы расширяется в пространстве и времени, и ей придается статус Всеобщности. Говоря о будущем науки, Карсавин утверждал: дальнейшее развитие философии зависит от развития истории. Чтобы решить указанные проблемы, сама историческая наука должна существенно измениться, обновиться. Об этом он писал в статье «Кризис исторической науки»⁶⁰. Он отмечал, что историки продолжают свою работу, опираясь на традиции, не осмысливая ее, поэтому не решают серьезных проблем, а тонут в мелочных исследованиях. Карсавин предлагал отказаться от дуалистического способа познания, от разделения бытия на субъект и объект и создать единый научный метод, который бы не отрицал разнообразия, но помог его осмыслить. Такой единый метод должен быть создан диалектически, объединив естественные и точные науки с гуманитарными. Главное – правильно понять явления прошлого. Конкретный исторический процесс вместе с познанием этого процесса (исторической наукой) составляет субъект исторического развития.

Наряду с крупными трудами ученый опубликовал ряд ценных статей в журналах «Vairas» и «Židinys». Они посвящены в первую очередь событиям в России, которые волновали Карсавина и вызывали его на историческо-философские обобщения. В статье «Европа и Россия. Основы евразийской идеологии»⁶¹ Карсавин познакомил читателей Литвы с основными теоретическими установками евразийцев. Событиям 1917 года в России он придавал революционное значение, хотя и объяснял их своеобразно: революция уничтожила Россию как часть Европы, но одновременно исчезло и зло новейших времен, которое появилось в Западной Европе, а потом благодаря реформам Петра I пришло и в Россию. Общественный строй России автор назвал диктатурой, которая, в отличие от монгольского евразийского объединения, опирается на национальную основу. Новое их объеди-

⁵⁹ *Karsavinas L. Istorijos metafizika.* – LNB RS. F.56-1.

⁶⁰ *Karsavinas L. Istorijos mokslo krizė // Vairas.* 1934. №4. P.10-12.

⁶¹ *Karsavinas L. Europa ir Rusija: Eurazinės ideologijos apmatai // Židinys.* 1929. №3. P.241-250; №4. P.330-340.

нение он представлял как симфоническую цивилизацию, основа которой – русская ортодоксальная культура.

Подобные идеи Карсавин высказывает и в других своих статьях. Одна из них – «К познанию русской революции»⁶², в которой революция исследуется как феномен. Она называется болезнью роста, когда нация перестраивается, возрождается. Русская революция, по Карсавину, важна тем, что опрокинула великорусский автократизм и национальный империализм. На место национальной империи она выдвинула идею наднациональной федерации и идею объединения культур Восточной Европы и Азии, так называемой Евразии. В России установилась новая форма правления, однако она требует не коммунистической идеологии, а совсем другого содержания. Под этим содержанием Карсавин подразумевал ортодоксальное православие⁶³.

Сравнивая революции в России и во Франции, Карсавин обращает внимание на то, что французская революция имела общественный, а российская – скорее политический характер. По его мнению, проводить параллели между Востоком и Западом следует осторожно: «Демократическая Европа – плод и выражение французской революции. Поэтому можно лишь или сравнивать французскую революцию с российской, и здесь никаких преимуществ первой мы не видим, или современную демократическую Европу – с тем, что в конце концов породит русская революция»⁶⁴.

В статье «Государство и кризис демократии»⁶⁵ Карсавин вернулся к проблемам природы государства, однако оценивал их иначе – анализируя происхождение демократии. Демократическим, по его мнению, государство остается только потому, что его поддерживает бюрократия, являющаяся неотъемлемой частью демократии, хотя сама по себе она недемократична, и армия. Руководящая партия, деспотически управляющая Советской Россией, не решает проблем: «...объединить нацию пытаются насилем, всем насаждая свою идеологию, которая не может быть признана бесспорной истиной». Карсавин предугадал неизбежное фиаско такой идеологии: «Исчезла идеология “святых” Кромвеля, без сомнения, исчезнет и коммунистическая». Конституция СССР – пустая декларация. Ученый уже не предлагает «симфонического» союза под крылом России, а после долгих раздумий выбирает Англию как достойный пример для подражания.

⁶² *Karsavinas L. Prie Rusų revoliucijos pažinimo <К познанию русской революции> // Vairas. 1929. №1. P.27-38.*

⁶³ См.: *Karsavinas L. Europa ir Rusija.*

⁶⁴ *Karsavinas L. Prie Rusų revoliucijos pažinimo.*

⁶⁵ *Karsavinas L. Valstybė ir demokratijos krizė // Židinys. 1934. №5-6. P.433-450.*

Когда во время следствия 1949 года Карсавина обвиняли в клевете на советскую идеологию, из всех опубликованных в Литве статей наибольшее внимание следователей привлекла именно эта⁶⁶.

В 1930 отмечалось 500-летие со дня смерти князя Витаутаса Великого. В связи с этой датой Карсавин пишет статью о временах позднего средневековья, западноевропейские страны он сравнил с Литовским княжеством времен его расцвета в конце XIV – начале XV века. Проявился общий кризис духовной жизни: «Единое мировоззрение средневековья разделилось на религиозное и научно-светское». Этот перелом ослабил всю Европу, которая не сдержала напора с Востока – в Европу вторглись турки, победившие Византию. Нужно было защитить католический мир, для этого были важны восточные районы Германской империи, Австро-Венгрия. Россия в XIV веке сбросила монгольское иго, и, когда пала Византия, она стала центром православия. «Естественно возник вопрос о границах двух христианских культур, – пишет ученый. – Решение этого вопроса было тесно связано с исторической судьбой Литвы и Польши»⁶⁷. Это довольно оригинальный взгляд на Литву, который позволяет оценивать Речь Посполитую не только как объект интересов усиливающейся империи, но и как место, в котором происходил синтез культур Запада и Востока.

Вильнюсское десятилетие

Как уже упоминалось, в 1939 Вильнюс снова стал столицей Литвы, и туда был переведен Гуманитарный факультет. Во время первой советской оккупации (15 июня 1940 – 22 июня 1941) началось разрушение европейской модели высшего образования и замена его на советскую. Была ликвидирована автономия университета, запреще-

⁶⁶ L.Karsavino baudžiamoji byla. – ЦГС. L.199. В частных беседах накануне своего ареста Карсавин еще более откровенно высказывался о советском режиме. Содержащаяся в судебном деле характеристика (1947 года) политических взглядов ученого представляется достаточно правдивой. В беседе с агентом КГБ, выдававшим себя за журналиста, Карсавин говорил: «Я считаю, что если несколько лет назад Советская власть была благом для России, то сейчас она вредна. Советская власть необычайно развила народное образование, сделала безумный технический скачок вперед, но что означает техника без гуманитарных наук? В Советском Союзе, наряду с громадным техническим прогрессом, идет страшный гуманитарный регресс. Гуманитарные науки умерли в СССР. Философия превратилась в катехизис коммунизма, история – в ученический примитив, социология вообще умерла. Получилось это в результате того, что советская интеллигенция, молодежь стали рабочими, то есть немеслящими человеческими единицами» (L.22).

⁶⁷ *Karsavinas L. Europa Vytauto Didžiojo gadynėj* <Европа в эпоху Витаутаса Великого> // *Vairas*. 1930. №11. P.101-107.

ны студенческие землячества, официально закрыты издания Гуманитарного факультета, в том числе выходявшая под редакцией Карсавина «Senovė»⁶⁸. В 1940 профессор перебирается в Вильнюс и там продолжает руководить кафедрой всеобщей истории. Ю.Якштас утверждает, что Карсавин «сразу мог почувствовать, что здесь он персоне нежелательная, его всего лишь терпят»⁶⁹. Документы судебного дела Карсавина показывают, что за ним следили уже с 1940⁷⁰. Новая власть рассматривала ученого как лицо неблагонадежное – ведь когда-то лично Ленин выслал его из Советской России. Осознав это, Карсавин стал скрывать написанные им новые работы и, опасаясь репрессий, не включил в свой лекционный план курс по истории Европы⁷¹. Он читал лекции по истории Египта и Востока, которые представлялись ему безопасными. Когда создавалась Академия наук Литвы, кандидатура Карсавина выдвигалась на получение звания академика гуманитарных наук, но он не был избран.

Вскоре семинарская библиотека указом ректора перешла в прямое ведение директора библиотеки университета – это был для ученого ощутимый удар. Карсавин был вынужден подписать акт передачи.

Отношения ученого с администрацией университета характеризуют, в частности, высказывания руководителя библиотеки проф. Бальджуса. Он утверждал, что во время войны, когда немцы распорядились в течение трех дней освободить помещение исторического семинара, и все книги были пересены в Центральную библиотеку, «профессор Карсавин <этим> не интересовался и не знал, как и где оказалось имущество семинара»⁷². Человеку почтенного возраста и слабого здоровья (у Карсавина было слабое сердце, и он страдал туберкулезом) вменялось также в вину, что во время трехдневного штурма Вильнюса в 1944 он не участвовал в тушении очагов пожара.

В 1944, когда линия фронта приближалась к Вильнюсу, археолог Йонас Пузинас, на квартире у которого проживал Карсавин, предлагал ему вместе с ним эмигрировать на Запад, но профессор отказался. Тогда Пузинас оставил ему ключи от своей квартиры⁷³. Естест-

⁶⁸ См.: *Tupčiauskas A. Paskutinis VDU gyvavimo dešimtmetis* <Последнее десятилетие существования УВМ> (1940–1950) // VDU–LKMA-70. P.54.

⁶⁹ *Jakštas J. Leonas Karsavinas istorikas-filosofas...* P.25, 1-я пар.

⁷⁰ *L.Karsavino baudžiamoji byla.* – ЦГР. L.8-15.

⁷¹ См.: *Jakštas J. Leonas Karsavinas istorikas-filosofas...* P.25, 1-я пар.

⁷² 1945 01 20 VU Centrinės bibliotekos direktoriaus prof. J.Baldžiaus raštas Istorijos-filologijos fakulteto dekanui dėl prof. L.Karsavino pareiškimo <Заявление директора Центральной библиотеки Вильнюсского университета профессора Бальджуса декану Историко-филологического факультета по поводу заявления Л.Карсавина. 20 января 1945>. – Ibid. F.138-4. L.5.

⁷³ *Trumpa V. J.Puzinas – mokslininkas ir visuomenininkas.* <Трумпа В. Й.Пузинас – ученый и общественный деятель> // Aidai. 1965. №9. P.408-409.

венно возникает вопрос, почему Карсавин, ранее высланный из Советской России самим Лениным и скептически отзывавшийся о советском режиме, все же недооценил возможной опасности и решил остаться? Ведь это решение было фатальным для самого ученого и его семьи. Можно предположить, что здесь сыграли свою роль и ностальгическая привязанность к России, и эфемерная «евразийская» надежда на возможность демократических преобразований.

Послевоенная администрация Вильнюсского университета сочла сомнительными докторскую ученую степень Карсавина и его профессорское звание, полученные им еще в 1916 в Петрограде. Весной 1946 указом декана историко-филологического факультета К.Корсака была назначена комиссия для оценки научной деятельности Карсавина⁷⁴. Комиссия (в нее вошли И.Йонинас, В.Сеземан, Б.Унтулис) дала высокую оценку ученому, вкратце описав его жизненный путь и работы⁷⁵. Однако по предложению министра просвещения окончательное решение по подтверждению научных званий Карсавина Научный совет университета отложил до тех пор, «пока не будет издано отдельное постановление о присвоении ученой степени доктора»⁷⁶.

Карсавину пришлось согласиться работать без ученой степени, и угроза смещения его с должности профессора кафедры всеобщей истории стала реальной. «Надеюсь, что долголетняя моя работа в Литовском университете может быть достаточным основанием для удовлетворения моей просьбы. <...> А мотив моей просьбы – то, что на признание меня профессором без ученой степени я смотрю как на оскорбление меня самого и моих бывших учителей профессоров Ленинграда, которые присвоили мне научные звания магистра (соответствует теперешнему доктору) и доктора», – пишет он в заявлении⁷⁷.

С целью уладить эти проблемы Карсавин уезжает в Москву. Об этой поездке рассказал ездивший вместе с ним студент С.Пинкус⁷⁸. Карсавин навестил своих давних знакомых, обратился в Высшую аттестационную комиссию. Пробыв в Москве около двух недель, вернулся в Вильнюс. Вскоре из Москвы пришли его докторский и

⁷⁴ Istorijos-filologijos fakulteto dekanas įsakymas dėl komisijos paskyrimo L.Karsavino moksliniam darbams įvertinti <Приказ декана Историко-филологического факультета об утверждении комиссии по оценке работ Л.Карсавина>. – VUB RS. F.138-1. L.2.

⁷⁵ Pranešimas apie prof. L.Karsavino mokslinę veiklą ir jo darbus <Сообщение о научной деятельности проф. Л.Карсавина и его работах>. – Ibid. F.138-1. L.5-8.

⁷⁶ L.Karsavino pareiškimas VU Istorijos-filologijos fakulteto dekanui dėl profesoriaus vardo ir daktaro laipsnio pripažinimo <Заявление Л.Карсавина декану Историко-филологического факультета Вильнюсского университета в связи с вопросом подтверждения звания профессора и степени доктора>. – Ibid. L.1.

⁷⁷ Ibid.

⁷⁸ Пинкус С. Воспоминания о Л.Карсавине.

профессорский дипломы. Тогда Вильнюсский университет вновь пригласил ученого на работу, ему даже предлагалось стать академиком Литовской Академии наук. Однако Карсавин отказался, мотивируя это тем, что не желает иметь ничего общего с людьми, решающими все вопросы большинством голосов, – в этом случае его фамилия осталась бы в протоколах таких решений. Отказался ученый и от чтения лекций.

В 1944 Карсавин приступил к работе в Вильнюсском Музее живописи, в 1947 стал его директором. Крупный ученый, полиглот и энциклопедист, он оказывал большое влияние на научных сотрудников музея. Во время организованных им семинаров работники музея делали сообщения, затем велись дискуссии. Доклады самого профессора были настоящим событием. С.Пинкус вспоминает, как Карсавин несколько часов говорил о картине Хименеза «Св. Магдалина» (XVII в.), декламировал по-итальянски и по-испански.

В Музее живописи ученый работал вплоть до своего ареста 9 июля 1949. Еще раньше, в 1948, была арестована его дочь Ирина, которую обвиняли в сотрудничестве с английской разведкой. Поводом для этого абсурдного обвинения послужило то, что в независимой Литве она работала секретарем в посольстве Великобритании. Карсавина посещали подозрительные личности, называвшие себя журналистами, и профессор неосторожно критиковал советскую власть. Во время ареста ученого в его квартире провели обыск, были изъяты некоторые вещи (письма евразийцев, зарубежные журналы). Большая часть личного архива Карсавина была уничтожена. Следствие шло с 9 июля по 19 ноября 1949. В первую очередь следователей интересовала евразийская деятельность ученого.

Так начался последний, самый печальный этап в жизни Карсавина. Он был осужден на 10 лет и выслан в Абезь (север республики Коми), где в 1952 умер⁷⁹.

Жизнь Карсавина в Каунасе и Вильнюсе существенно различалась. В Каунасе он свободно творил, общался с коллегами, планировал свою работу; в Вильнюсе же была совсем иная, чуждая ему атмосфера. Правда, лекции профессора и в Вильнюсе собирали огромные аудитории, однако администрация университета его не жаловала. Несмотря на это, Карсавин до конца жизни исполнял свои обязанности Ученого и Человека.

⁷⁹ О пребывании Карсавина в Абези подробнее см.: Ванев А. Два года в Абези // Минувшее: Исторический альманах. Вып.6. Paris, 1988. С.54-203.

«ТАМ ТАК ЛЕГКО ДЫШИТСЯ...»

Из американского архива Георгия Вернадского
Публикация и примечания М.Ю.Сорокиной

В 1996 я случайно попала в Америку. Случайно – в том смысле, что по банальному сценарию в театральном институте поступает не тот, кто собирался, а его попутчик-доброхот. Грант Программы Фулбрайт на поездку в США должен был достаться совсем другому человеку, однако судьба в лице жюри экспертов распорядилась по-иному, и я получила возможность поработать в знаменитом Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета США. Цель поездки формулировалась как изучение «европейских» материалов академика Владимира Ивановича Вернадского (1863–1945), сохранившихся в фонде его сына, историка Георгия Владимировича Вернадского, для дальнейшей подготовки к изданию дневников академика за 1922–1925. «Цели» удалось достичь ровно наполовину, т. е. познакомиться с огромным фондом Георгия Вернадского¹; издавать дневники уже не пришлось – их на родине благопо-

¹ О судьбе и творчестве Г.В.Вернадского см.: *Вандалковская М.Г.* Историческая наука российской эмиграции: «Евразийский соблазн». М., 1998; *Козляков В.Н.* 1) «Это только персонификация не нашего понимания исторического процесса...»: Георгий Владимирович Вернадский (1887–1973) и его «Очерки по русской историографии» // Георгий Вернадский. Русская историография. М., 1998. С.5-26; 2) Обзор коллекции документов Г.В.Вернадского в Бахметевском архиве Библиотеки Колумбийского университета в Нью-Йорке // Там же. С.395-444; *Сорокина М.Ю.* Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» // Российская научная эмиграция: Двадцать портретов. М., 2001. С.330-347; «Очень горько мне...»: Письма Георгия Вернадского / Публ. М.Сорокиной // Источник. 1999. №1. С.45-56; *Болховитинов Н.Н.* 1) Георгий Владимирович Вернадский в Америке: Трудный путь к признанию. 1927–1946 // Историческая наука на рубеже веков. М.: Наука, 2001. С.209-227; 2) Жизнь и деятельность Г.В.Вернадского (1887–1973) и его архив // Slavic Research Center Occasional Papers. №82. Sapporo: Slavic Research Center Hokkaido University, 2002, и др.

лучно опубликовали без изучения каких-то там заокеанских архивов и тем более без меня.

С тех пор прошло уже почти восемь лет, а накопленный в ту поездку массив документов не иссякает, кажется, его можно «раззиповывать» до бесконечности². Действительно, архив Георгия Вернадского требует монографического издания; именно «архив» как самостоятельная и самодостаточная целостность, люди, события и документы которой скреплены той же идеей – поиском интеллектуальной, идейной, профессиональной, конфессиональной, этнической и просто дружеской и душевной общности.

Шесть публикуемых текстов – записки Н.В.Вернадской («Скорбные дни Рождества») и избранные места из переписки отца и сына Вернадских с Ф.И.Щербатским, Н.С.Трубецким, Р.О.Якобсоном, Н.К.Рерихом и М.А.Критским – это очередные материалы к виртуальной книге «Архив истории русской научной эмиграции», позволяющие всего лишь ввести в научный оборот новые или уточнить старые фактические данные. Возможно, такой подход покажется кому-то мелкотемьем, однако для истории русской научной эмиграции XX в., которая до сих пор остается скорее обозначенным, чем описанным и тем более осмысленным феноменом, он кажется вполне оправданным. Дисциплина остро нуждается в поступлении доброкачественного документального топлива³, приближающего к выяснению базовых для любого исследования вопросов.

² Приведу список моих публикаций по материалам этого фонда: «За СССР выявляется лик истрадавшей России»: Письма В.И.Вернадского детям // Природа. 2004. №1. С.64-80; «Подлинная русская жизнь создается на этом берегу»: Дмитрий Шаховской – Владимиру Вернадскому // Ноосфера: Бюллетень Неправительственного экологического фонда им. В.И.Вернадского. 2003. №16. С.25-28; Вернадский в Париже, или О чем академик говорил с Анри Бергсоном // В.И.Вернадский и современность: Материалы торжественного заседания, посвященного 140-летию со дня рождения академика В.И.Вернадского (1863–1945). М.: Изд. дом «Ноосфера», 2003. С.211-220; *Вернадская Н.* Записки обывательницы // Диаспора: Новые материалы. Т.3. Париж; СПб.: Athenaum–Феникс, 2002. С.629-640; «Разбросанные по всей Америке»; «Вряд ли придется возвращаться домой»: Из писем С.П.Тимошенко В.И.Вернадскому // Российская научная эмиграция: Двадцать портретов. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С.109-112, 127-134 (то же: Природа. 2000. №4. С.55-57, 67-70); Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» // Там же. С.330-347 (то же: Природа. 1999. №2. С.89-102); «Аймек Гуарузим» – Fondation Rozenthal // Евреи России – иммигранты Франции. М.; Париж; Иерусалим: Гешарим; Мосты культуры, 2000. С.35-68; «Очень горько мне...»: Письма Георгия Вернадского // Источник. 1999. №1. С.45-56; Week-end в Болшево, или Еще раз «вольные» письма академика В.И.Вернадского // Минувшее: Исторический альманах. Вып.23. СПб.: Atheum–Феникс, 1998. С.295-344; Соблазн тоталитаризмом // Столичные новости (Киев). 1998. 17–24 марта. С.14-15; Русская научная элита и советский тоталитаризм (очень субъективные заметки) // Личность и власть в истории России XIX–XX вв.: Материалы научной конференции. СПб.: Нестор, 1997. С.248-254.

³ К сожалению, последние по времени издания «Материалы к истории русского научного зарубежья» Ю.Н.Сухарева (В 2 кн. М.: Ред. альманаха «Российский архив», 2002) иначе как полным недоразумением не назовешь.

Так, например, и поныне остаются до конца непоясненными количественные параметры и, соответственно, масштабы, формы и соотношения естественной, вынужденной и насильственной «миграций» отечественных ученых в первые послереволюционные, предвоенные, военные и послевоенные годы. Если сразу после 1917 ученые были частью «революционной стихии», вместе с которой эвакуировались с белыми войсками, бежали самостоятельно, высылались советским правительством, то с конца 1920-х процесс научной эмиграции принял иной характер: научные специалисты навсегда покидали СССР уже вполне индивидуально, используя легальные возможности командировок, конференций и работы по грантам различных фондов. В военные годы (самый закрытый и неисследованный период истории отечественной науки!) часть научной интеллигенции, поставленная в условия жесточайшего и безальтернативного выбора между сталинизмом и нацизмом, сыграла весьма существенную роль в движении «коллаборационизма», тем самым вольно или невольно проложив себе дорогу на Запад – как в немецкие научные учреждения, так и в исследовательские структуры союзников. С другой стороны, в этот период за учеными в массовом масштабе начали охотиться спецслужбы всех развитых стран: их выкрадывали, вывозили, переманивали. Как кажется, обнаруженное советским руководством именно в годы Второй мировой войны резкое изменение роли научного сообщества в современном мире в значительной мере и определило то, что «железный занавес» «холодной войны» оказался для советской науки куда менее проницаемым, чем в кровавые 1930-е или «сороковые-роковые».

В то же время остаются неизученными и многие важные, но более частные сюжеты из истории научной эмиграции. Так, весьма интересным представляется вопрос о том, какое место в работе с эмиграцией отводилось советским дипломатическим представительствам. Были ли они просто пассивными наблюдателями и непосредственными исполнителями воли Москвы или по собственной инициативе формировали ту атмосферу и среду в странах пребывания, которые привлекали и завлекали патриотически настроенных эмигрантов, в том числе и ученых. Хорошо известно, что практика «возвращения» кардинально отличалась в до- и послевоенные годы. Если в 1930-е немногочисленные просьбы профессуры (например, В.А.Костицына) вернуться в СССР встречали дружный отказ, то в послевоенные годы организация постоянного возвращенческого канала становилась уже важнейшей политической задачей всех советских посольств. Кто был главным идеологом и архитектором этой кампании, вполне понятно, а вот кто и как именно прокладывал этот канал на местности, «за сценой», остается непоясненным и слабо документированным.

Все публикуемые ниже документы – повод к разработке отдельных тем и в то же время неплохой строительный материал для более общих заключений.

Документы хранятся в Бахметевском архиве Колумбийского университета (США): Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (далее – BAR). George Vernadsky Collection.

I

Нина В. Вернадская⁴
Скорбные дни Рождества 1944–<19>45 года:

Публикуемые записи посвящены весьма деликатной теме – как дети-эмигранты узнают о кончине на родине своих родителей. Записки жены Г.В.Вернадского зафиксировали, как в США стало известно о последних днях выдающегося естествоиспытателя, философа, организатора и историка науки, политического и общественного деятеля, академика Владимира Ивановича Вернадского.

Фигура академика В.И.Вернадского в представлении не нуждается. За годы перестройки он превратился в культовую фигуру российской науки, олицетворяющую собой пример истинного служения отечеству. Между тем академик всегда утверждал, что «ученый по существу интернационален – для него на первом месте, раньше всего стоит его научное творчество, и оно лишь частично зависит от места, где оно происходит. Если родная страна не даст ему возможности его проявить, он морально обязан искать этой возможности в другом месте»⁵. Несмотря на неоднократные попытки научно устроиться за границей, Вернадский так никогда и не эмигрировал из России. Лишь в очень преклонном возрасте академик стремился уехать в США к детям⁶ – сыну, историку Георгию Владимировичу Вернадскому (1887–1973), и дочери, врачу-психиатру Нине Владимировне Толль⁷. Советские

⁴ Нина Владимировна Вернадская (урожд. Ильинская; 1884–1971) – жена Георгия Вернадского. Ее «Записки обывательницы» опубликованы в третьем томе альманаха «Дiasпора». Здесь же см. подробнее ее биографию.

⁵ Письмо Н.П.Горбунову (не позднее октября 1928). – ГАРФ. Ф.1698. Оп.1. Д.3. Л.3об.

⁶ См. письмо В.И.Вернадского М.М.Литвинову от 24 декабря 1941. – АРАН. Ф.518. Оп.3. Д.1975. Последняя встреча В.И.Вернадского с детьми произошла в сентябре 1935; впечатления от нее Н.В.Вернадская записала в дневнике: «На вокзале встретили Владимир Иванович, Ниночка (дочь В.И.Вернадского. – М.С.), очень толстая (погрубевшая), но как всегда сияющая приветливостью. Владимир Иванович какой-то стал сухенький и физически и духовно. Он как-то грустно изменился. В предыдущий наш приезд он был удивительно светлый и мягкий. А теперь он старчески тянется к Танечке (внучка В.И.Вернадского. – М.С.) как к продолжательнице рода и других как-то не замечает и бывает нелюбезен. Что-то в этом тяжелое» (BAR. G.Vernadsky Coll. Box 141. F.5). Отмечу также, что США всегда привлекали внимание В.И.Вернадского как динамично развивающаяся социальная система; см., например, его «Мысли за океаном» (Независимая газета. 1998. 11 марта. Публ. И.И.Мочалова).

⁷ Толль Нина Владимировна (урожд. Вернадская; 1898–1986). В годы Гражданской войны жила с родителями на Украине. С 1922 – в Чехословакии, окончила медицинский факультет Пражского Карлова университета. Работала в представительстве Российского Красного Креста в Праге. В 1926 вышла замуж за археолога Н.П.Толля (о нем см. примеч. 32 к дневнику). В 1939 они переехали в США, где в 1940–1953 Н.В.Толль работала в психиатрической клинике под Бостоном.

власти были прекрасно осведомлены об этом желании ученого (переписка Вернадских⁸ во время войны шла непосредственно через посла СССР в США М.М.Литвинова), однако совершенно не препятствовали развитию темы «воссоединения семьи». Еще до кончины отца Г.В.Вернадский собирался приехать в СССР: «Советское правительство дало мне и Нине разрешение на поездку в Москву для свидания с отцом и даже места на советском самолете. Лететь мы должны были через Аляску и Сибирь. Все уже было налажено и мы готовились выезжать, как позвонил советский консул из Нью-Йорка и сообщил о папиной кончине (6 января 1945)»⁹. Но и в дальнейшем Г.В.Вернадский не оставлял мысли посетить родину. 3 сентября 1946 он сообщал своей кузине С.М.Бакуниной: «У нас был план поездки в Москву на будущее лето, т. к. мне хочется ознакомиться с архивом отца, но не знаю, осуществимо ли это. Пока еще ничего для этого не предпринимали»¹⁰.

Как видно из этих писем и публикуемых ниже записок Н.В.Вернадской, советские власти всячески содействовали контактам Вернадских, по-видимому, не без основной расчитывая в перспективе на пропагандистские дивиденды очередной акции «возвращения». Начало «холодной войны» остановило реализацию этих планов, и Георгий Вернадский так никогда и не побывал в СССР.

Записки Н.В.Вернадской хранятся в: BAR. G.Vernadsky Coll. Box 143 (Notes).

⁸ Отмечу, что многие сотни листов переписки семьи Вернадских, интенсивно продолжавшейся все 1920–1940-е, – уникальный историко-культурный памятник эпохи, достойный отдельного издания. Публикации переписки уже многократно появлялись в печати, однако далеки от архивной исчерпанности. См.: *Вернадский В.И.* Пять «вольных» писем В.И.Вернадского сыну: Русская наука в 1929 / Публ. К.К. <Г.Г.Суперфина> // *Минувшее: Исторический альманах*. Вып. 7. Paris, 1989. С.424-450 (перепеч.: Родина. 1990. №9. С.84-86; *Вестник РАН*. 1993. №9. С.822-923); Письма сыну и дочери / Публ. и подгот. Д.Холлоуэя, В.Я.Френкеля, И.И.Мочалова // *Вестник РАН*. 1990. №12. С.123-133; «Я сделал все, что мог...» / Публ. И.И.Мочалова, В.Я.Френкеля и Д.Холлоуэя // *Вопросы истории естествознания и техники*. 1994. №1. С.105-113; «Я смотрю в будущее по-прежнему оптимистично...» / Публ. И.И.Мочалова, В.Я.Френкеля и Д.Холлоуэя // *Там же*. 1993. №4. С.56-66; 1994. №2. С.98-106; *Сорокина М.Ю.* 1) Week-end в Болшево, или Еще раз «вольные» письма академика В.И.Вернадского; 2) Соблазн тоталитаризмом; 3) «За СССР вывывается лик истстрадавшей России»: Письма Вернадского детям.

⁹ Письмо Г.В.Вернадского С.М.Бакуниной от 5 октября 1945. – BAR. S.M.Bakunina Coll. Box 6. О Бакуниной см. примеч. 1 к письму 1 М.А.Критского в наст. публ. Мать Г.В.Вернадского Наталья Егоровна скончалась в эвакуации в 1943.

¹⁰ Там же. По утверждению хранителей Кабинета-музея В.И.Вернадского, после кончины отца Г.В.Вернадский «предъявил Институту геохимии и аналитической химии им. В.И.Вернадского счет на стоимость мебели кабинета отца в 15 тысяч рублей, которые были ему выплачены» (*Ивановская И.Н., Неаполитанская В.С.* Кабинет-музей В.И.Вернадского: Путеводитель. М., 2000. С.9).

14 января 1945

Рождество 1944 года

27 декабря в 7 часов утра по телефону передали телеграмму из Москвы, 26 декабря в 12.31 дня: «Father dangerously ill Right hand speaking faculty paralysed Surrounded good care Will send often news Anna Shakhovskaia»¹.

Мы ответили: «We are deeply grieved father's illness Convey him our love Tell him his article Noosphere being published in American Scientist to appear this January Wish could be near him with you all»².

Вечером 27-го в 7 часов

Георгий звонил по телефону Ниночке³, спрашивал, что она думает; она говорила, что если первую неделю будет без перемен, то есть надежда.

29-го утром в 7 часов, пятница

телефон мне от Кисочки⁴: от 28 декабря 2 часа 19 мин. (Телеграмма перепутана: «Dear brother Theodorized Letter follows Katherine Pinskaia»⁵).

Мы ответили: «Cable received distorted Understood brother Theodore died Deeply grieved Our love to all Nina Vernadsky»⁶.

В субботу 30-го утром в 10 часов

телеграмма от 29-го 2 часов 40 минут дня о Владимире Ивановиче: «No change A.Shakhovskaia»⁷.

В эту же субботу днем звонил по телефону из New York'a вице-консул Михайлов⁸, объявил Георгию, что ему дано разрешение для поездки в Москву, просил на другой день приехать для переговоров к 3-м часам.

В воскресенье 31 декабря

Георгий поехал в New York, пришел в советское консульство в 3 часа, говорил сначала с Павлом Петровичем Михайловым, спросил, может ли Нина ехать. Тот сказал, что не видит препятствий, но что надо запросить Москву, и что думает, что поездку можно устроить в советском аероплане, потом представил Георгия генеральному консулу Евгению Дмитриевичу Киселеву⁹. Тот подтвердил сказанное Михайловым, и, когда Георгий выразил сомнение, сможет ли он себе устроить отпуск в университете, Киселев сказал, что это нужно во что бы то ни стало устроить, что врачи считают, что приезд сына может продлить жизнь академику Вернад-

скому и что долг Георгия перед наукой и Советским Союзом помочь продлить жизнь академика Вернадского. Георгий ответил, что это прежде всего его сыновний долг, на что Киселев ответил: «Да, да, конечно». Вернулся Георгий к вечеру, Нового года не встречали.

В понедельник

обдумывали и обсуждали с Гришей <Старицким>¹⁰ и Софьей Владимировной <Паниной>¹¹. Она советовала отложить до весны (она приходила к нам с тех пор каждый день и трогательно беспокоилась больше нас самих).

Вторник 2-го января

Утром <Георгий> переговорил с Labaree¹², рассказав ему о положении дел, не ожидая, что можно устроить отпуск сейчас же. Но он отнесся сердечно, сам предложил Георгию устроить отпуск с 15 января до 1 марта, что со стороны History Department не будет препятствий, но что он думает, что и Administration согласится. Уже в 12 ч<асов> дня он позвонил, что говорил с Seymour'ом¹³ и что все устроено.

В этот же день, вторник 2 января, Георгий звонил Hutchinson'у¹⁴, сказав, что Георгий и Нина собираются в Москву, на что Hutchinson сказал, что постарается к отъезду отпечатать оттиски папиной статьи о Ноосфере, чтобы Георгий и Нина могли ее ему отвезти.

Labaree переговорил с Dean Meeks'ом¹⁵ и Hamilton'ом¹⁶, и Hamilton согласился закончить курс Георгия History 45A <?> в Yale College.

В это же утро Нина¹⁷ получила письмо от Office of Censorship (cable and radio censor)¹⁸ с просьбой удостоверить свою личность и объяснить предполагаемый ими скрытый смысл в телеграмме о смерти Феди. Нина ответила, и они отстали. Днем Георгий звонил Михайлову и сообщил о получении отпуска из университета и что Георгий и Нина готовы ехать, если дадут обоим разрешение и проезд. Георгий сказал, что собирается в пятницу 5-го января быть в Вашингтоне, чтобы повидать посла и хлопотать в State Department¹⁹ об американском паспорте.

Михайлов сказал, что он позвонит об этом послу и чтобы Георгий ему, Михайлову, позвонил накануне поездки в Вашингтон. Вечером звонил по телефону Мише Карповичу²⁰, объяснив ему, в чем дело, и прося его прочесть за Георгия последнюю лекцию по курсу в Columbia²¹ 15 января и прочесть экзаменационные тетрадки. Он согласился.

Написал Георгий special delivery²² Krout'у²³ в Columbia и John Ross'у²⁴ в Вашингтон.

В среду вечером

получили телеграмму от 2 января: «Got little hope recovering Medical assistance provided Send our love Anna Shakhovskaia»²⁵. Легли спать, думая, что это значит – «мало надежды на поправку», но утром Георгий воспламенился надеждой, что Аня хотела сказать «маленькая надежда на поправку».

Среда

Нина остриглась, и оба снялись для паспорта.

Четверг

Софья Владимировна сначала поняла телеграмму, что мало надежды, а потом пришла сказать, что возможно, что есть надежда.

Нина служила панихиду о Феде.

Георгий уплатил подоходный налог 215 долларов, так как ему сказали в Travel bureau в Taft'e, что квитанция об уплате нужна для получения паспорта (оказалось потом, что для граждан это не нужно).

В 3 часа Георгий говорил по телефону с Михайловым, который сказал, что посол предупрежден о Георгином приезде и что Георгий может его видеть в любое время после 9-ти утра.

В 11 ч<асов> вечера, четверг 4-го января

Георгий выехал в Вашингтон. Сидел 2 часа на Pennsylvania Station, поезд опоздал и вместо 8 утра пришел почти в 9 в пятницу 5 января. В советское посольство Георгий попал без четверти 10. Посла не было, вышел его секретарь Слюсаренко и сказал, что посол примет Георгия в 11.30. Георгий пошел в State Department к Ross'у и условился, что придет опять в 2.15 и что Ross устроит ему свидание с необходимыми лицами по получении паспорта. В 11.30 Георгий пришел в посольство, у посла сидел еще посетитель, какой-то другой посол. Посол Андр<ей> Андр<еевич> Громыко²⁶ принял Георгия без четверти 12 (5 января пятница). Сказал, что уверен, что разрешение Нине дадут, но еще Москву не запрашивал. Сказал, что проезд будет предоставлен на аероплане, но что в уведомлении из Москвы не было сказано, что проезд даром, впрочем, думает, что препятствий не будет, также и насчет продовольствия в дороге. Насчет разных деталей сказал, чтобы Георгий поговорил с заведующим консульским отделом товарищем Туманцевым. Секретарь Слюсаренко проводил Георгия к Туманцеву (во флигеле того же здания). Пока Слюсаренко вел Георгия через роскошные гостиные посольства, Георгий сказал ему: «У Вас хорошее помещение», на что он ответил: «Да ничего, только тесновато, мало места». С Туманцевым

говорил о размене денег, продовольствии дорогой, во что одеться и т. д.

Вышел из посольства в час дня. Ни в один из ресторанов не мог попасть, всюду толпы и очереди. Закусил в грязной дыре. В 2.15 пришел к Ross'у в State Department. Ross сначала представил Георгия временно заведующему Русским Отделом Elbridge Durbrow²⁷, который дал карточку к George F. Kennan²⁸ в Американское посольство в Москве, был вообще очень любезен. Потом Ross провел Георгия в паспортный отдел через улицу и представил Mrs Shiply. Она лично опросила Георгия для заявления о паспорте и обещала выслать паспорт без замедления. Поехал на вокзал только к 5-ти часовому поезду, на вокзале в ресторане толпы – невозможно поесть. Поезд вышел из Вашингтона с опозданием и пришел на Pennsylvania Station с опозданием почти на час. Не поспел к 10 час<овому> поезду на Grand Central, зато поужинал у Childs'a²⁹. Приехал домой только в 2 часа ночи. Наутро вставали в 7 ч<асов> – лекция.

В субботу 6 января

послал air mail³⁰ в Seattle Aliaskan Travel Control Comission с просьбой о разрешении на пролет от Great Falls Montana до Fair Banks Alaska.

3–6 <января>

были Ниночка и Танечка³¹, приехавшие из Foxboro Mass<achusets> повидаться. Н.П.<Толль>³² не пришел, хотя мы его звали. Позже пришли Софья Владимировна и Гриша. Было очень трогательно и хорошо. Танечка в очках, и в первый раз в ней почувствовался перелом к сознательности³³.

В воскресенье 7-го января около 8 часов вечера

позвонил Михайлов: «Приготовьтесь услышать тяжелое известие. Академик Вернадский Владимир Иванович скончался в Москве вчера в 4 часа утра. Посол, Генеральный консул и я лично выражаем Вам и Вашей жене свое соболезнование». Георгий в ответ что-то сказал, упомянув, что выражаю <sic!> сочувствие Академии наук. И сказал, что вопрос о поездке, конечно, отпадает. Михайлов сказал: «С дипломатической стороны не отпадает, разрешение не отменено». Георгий сказал, что он хотел ехать к отцу, а так ему ехать ни к чему. Он сказал: «Во всяком случае, зайдите как-нибудь ко мне».

Георгий сказал: «Хорошо, потом, я напишу».

Позвонила Нина Софье Владимировне, а Георгий позвонил Ниночке, которая очень просила к ней приехать завтра. Георгий сказал, что завтра едет в New York читать лекцию, приедем на днях. Нина

сразу вдруг как волну ответственности почувствовала за Ниночку и Танечку, точно эта телеграмма переложила заботу и ответственность с родителей на брата и сестру.

Георгий написал послу, выражая благодарность за доброе отношение, и Михайлову, сообщая, что будет у него в следующий понедельник в 3 часа дня.

Понедельник 8 января

Пришел паспорт. Георгий звонил Labaree, Hamilton'у и Hutchinson'у. В 4.30 разговаривал с Krout'ом в Columbia, Krout сообщил, что отпуск дан. Георгий ответил, что в этом уже нет необходимости.

Обед с Керенским в Columbia Faculty Club. За обедом Krout зачем-то сказал Керенскому о смерти отца Георгия. Керенский после обеда долго молча жал Георгию руку. Флоринский³⁴ тоже услышал и приставал, каким образом Георгий услышал о смерти отца. Вместо первого часа лекции Георгий был со своими студентами на докладе Керенского. Второй час Георгий кое-как прочел лекцию. У Нины была в этот вечер Елена Roberts³⁵ (было тяжело быть одной). Позвонили по телефону телеграмму из Москвы <sic!>, отказались сообщить ее Нине. Когда Георгий вернулся в 12 часов ночи – позвонил в Western Union. Телеграмма: «Deeply grieved Your father died Accept heartfelt sympathy Anna Shakhovskaia Catherine Ilyinskaia»³⁶.

Вторник 9 января

В 11 служили панихиду новопреставленных Владимира и Федора. Присутствовали, кроме Нины и Георгия, Гриша, Соф<ья> Вл<а>димировна Панина, Ал<ексан>др Ив<анович> Петрункевич³⁷, Prof. Hutchinson. Днем отправили Ане <Шаховской> следующую телеграмму: «Deeply grieved father's death Very grateful you both for your cares With love George Nina Vernadsky»³⁸.

В четверг в 11.35

выехали в Foxbogo к Ниночке и Танечке. Пробыли там сутки. Очень было хорошо и тепло. Вернулись в пятницу вечером. Так все кончилось.³⁹

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Отец опасно болен. Правая рука, речь парализованы. Окружен хорошей заботой. Буду часто посылать новости. Анна Шаховская» (здесь и далее пер. с англ. наш). Шаховская Анна Дмитриевна (1889–1959) – дочь бли-

ближайшего друга В.И.Вернадского, известного общественного деятеля Д.И.Шаховского (1861–1939). С 1938 – личный секретарь Вернадского, после его кончины основатель и хранитель Кабинета-музея В.И.Вернадского в Институте геохимии и аналитической химии им. В.И.Вернадского АН СССР.

² «Глубоко переживаем болезнь отца. Передайте ему нашу любовь. Скажите ему, что его статья Ноосфера будет опубликована в *American Scientist* в этом январе. Очень хотели бы быть возле него со всеми вами». Статья В.И.Вернадского «Несколько слов о ноосфере» в переводе Г.В.Вернадского и под редакцией Д.Хатчинсона (о нем см. примеч. 14) была опубликована в самом распространенном научном американском журнале «*American Scientist*» (1945. Vol.33, №1. P.1-12) в январе 1945, уже после кончины ученого. Более подробно об издании этой работы и ее текст см.: *Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера* / Сост. В.С.Неаполитанская, А.А.Косоруков, И.Н.Нестерова. М., 1989.

³ Здесь и далее Ниночка – Нина Владимировна Толль, дочь В.И.Вернадского, родная сестра Г.В.Вернадского, врач.

⁴ Кисочка – Ильинская Екатерина Владимировна (1882–1962), родная сестра Н.В.Вернадской. В 1931 сослана в Сибирь по религиозным убеждениям (баптистка); с помощью Е.П.Пешковой и Политического Красного Креста освобождена. Затем Вернадские пытались «выкупить» ее в США (имеется в виду широко практиковавшаяся в 1930-е выдача разрешений на выезд из СССР за определенную сумму в валюте), но это не удалось, и она осталась в СССР, жила в семье В.И.Вернадского. Скончалась в Тарусе.

⁵ «Дорогой брат Федор... Письмо посылаю. Катерина Ильинская».

⁶ «Телеграмма получена искаженной. Поняли, что брат Федор скончался. Глубоко скорбим. Всем наша любовь. Нина Вернадская». Теодор – Федор Владимирович Ильинский, родной брат Н.В.Вернадской. В 1925 за сочинение шуточной поэмы о Карле Марксе сослан на Соловки на 3 года; затем жил в Екатеринбурге, Ясной Поляне, занимался литературным трудом.

⁷ «Без изменений. А.Шаховская».

⁸ Павел Петрович Михайлов (наст. фам. Мелкишев; 1902–?) – советский разведчик. Известен как резидент Главного разведывательного управления РККА в Нью-Йорке (псевд. «Мольер»).

⁹ Киселев Евгений Дмитриевич (1908–1963) – генеральный консул СССР в Нью-Йорке (1943–1945); посол СССР в Венгрии (1949–1954), Египте (1955–1958), ОАР (1958–1959); зам. генерального секретаря ООН (1962–1963).

¹⁰ Старицкий Григорий Александрович (1881–1955) – юрист, троюродный брат Г.В.Вернадского. Служил в библиотеке Йельского университета.

¹¹ Панина Софья Владимировна, графиня (1871–1956) – известный общественный деятель, член ЦК кадетской партии; падчерица И.И.Петрункевича (о нем см. примеч. 37). С июля 1917 товарищ министра народного просвещения Временного правительства. В 1918–1920 – на Дону у А.И.Деникина. Эмигрировала, жила в Чехословакии, Швейцарии, США, где принимала активное участие в работе Комитета помощи русским эмигран-

там, возглавлявшегося А.Л.Толстой. В США жила в Нью-Хэйвене, на одной улице с Г.В.Вернадским. Похоронена на кладбище Ново-Дивеевского православного женского монастыря, недалеко от Нью-Йорка.

¹² Labaree Leonard Woods (1897–?) – историк-американист, профессор Йельского университета.

¹³ Seymour Charles (1885–1963) – президент Йельского университета (1937–1950).

¹⁴ Hutchinson John (1884–1972) – американский биолог, профессор Йельского университета, активный пропагандист идей В.И.Вернадского в США, с которым состоял в переписке с начала 1930-х (см.: АРАН. Ф.518. Оп.3а. Д.94). При его и А.И.Петрункевича (о нем см. примеч. 37) непосредственном содействии была опубликована статья В.И.Вернадского: см.: *Vernadsky V. Problems of Biogeochemistry. II // Transactions of the Connecticut Academy of Sciences. 1944. №35. P.483-517.*

¹⁵ Meeks Everett Victor (1879–1954) – американский археолог, специалист по классической архитектуре, в течение ряда лет декан Йельского колледжа.

¹⁶ Hamilton George Heard (1910 – не ранее 1979) – американский искусствовед, в том числе специалист по истории русского искусства, профессор Йельского университета.

¹⁷ Н.В.Вернадская часто пишет о себе в третьем лице.

¹⁸ Отдел цензуры, телеграфная и радиоцензура.

¹⁹ Государственный департамент США.

²⁰ Карпович Михаил Михайлович (1888–1959) – историк, ближайший друг Г.В.Вернадского. Эсер в юности, с 1917 – секретарь посла России в США Б.А.Бахметева; преподаватель, профессор (1946) русской истории Гарвардского университета, главный редактор «Нового журнала» (с 1943). В 1949–1954 – председатель факультета славянских языков и литератур Гарварда. Похоронен на кладбище Ново-Дивеевского православного женского монастыря недалеко от Нью-Йорка. О Карповиче-историке см.: *Mosely P.E. Professor Michael Karpovich // Harvard Slavic Studies. Vol.4. Harvard University Press (Cambridge, Mass.), 1957. P.7-8; Болховитинов Н.Н. «Отечественная история» и Российское зарубежье (Заметки на полях журнала) // Отечественная история. 2000. №5. С.123-126; см. также: Вернадский Г.В. Памяти друга // Новый журнал. 1959. Кн.58; Письма М.Карповича Г.Вернадскому / Публ., предисл. и коммент. М.Раева // Там же. 1992. Кн.188. С.259-296.*

²¹ Колумбийский университет США, где в 1944–1945 Г.В.Вернадский читал курс как приглашенный лектор.

²² Специальная доставка.

²³ Krout John Allen (1896–?) – историк-американист, профессор Колумбийского университета.

²⁴ Ross John – сотрудник Госдепартамента США, бывший студент Г.В.Вернадского по Graduate School Йельского университета, с которым историк сохранял дружеские связи на протяжении многих лет.

²⁵ «Надежд на поправку мало. Медицинская помощь обеспечена. С любовью. Анна Шаховская».

²⁶ Громыко Андрей Андреевич (1909–1989) – дипломат, с 1939 зав. отделом американских стран НКВД, тогда же направлен советником посольства СССР в США; в 1943 назначен послом в США (до 1946; пришел на смену К.А.Уманскому и М.М.Литвинову). Министр иностранных дел СССР (1957–1985); председатель Президиума Верховного Совета СССР (1985–1988).

²⁷ Durbrow Elbridge (1903–1997) – американский дипломат; заведующий Восточноевропейским отделом Госдепартамента США (1944–1946); советник посольства США в Москве (1946–1948), посол США в Италии (1953–1956), Вьетнаме (1957–1961).

²⁸ Kennan George Frost (1904–1987) – американский историк и дипломат. Занимал различные посты в дипломатических и консульских представительствах США, в том числе в Москве в 1933–1936, 1945, посол США в 1952. Г.В.Вернадский познакомился с ним только в 1957.

²⁹ Возможно, известный английский археолог Childs Vere Gordon (1892–1957).

³⁰ Авиапочта.

³¹ Толль Татьяна Николаевна (р. 1929) – внучка В.И.Вернадского, дочь Н.В. и Н.П. Толлей.

³² Толль Николай Петрович (1894–1975) – археолог, муж дочери В.И.Вернадского. Доктор философии Карлова университета (Прага), сотрудник Института им. Н.П.Кондакова, затем в США – сотрудник Школы искусств (Art School) Йельского университета.

³³ Танечка Толль с детства была психически больна.

³⁴ Флоринский Михаил Тимофеевич (1894–1981) – юрист, историк, секретарь историка-медиевиста П.Г.Виноградова (о Виноградове см. примеч. 3 к письму 3 Ф.И.Щербатского в наст. публ.), после смерти которого в 1926 перешел в США. С 1927 служил в Carnegie Endowment for Internatioanl Peace в Нью-Йорке, с 1932 преподавал в Колумбийском университете. Автор монографий по русской истории.

³⁵ Елена Робертс (Roberts) – сестра жены бывшего посла России в США Б.А.Бахметева (1880–1951), близкого знакомого Г.В.Вернадского.

³⁶ «Глубоко скорбим о смерти Вашего отца. Примите сердечное сочувствие. Анна Шаховская, Екатерина Ильинская».

³⁷ Петрункевич Александр Иванович (1875–1964) – зоолог, профессор Йельского университета; сын известного русского либерала и друга Вернадских И.И.Петрункевича (1843–1928). В 1903 окончил Фрейбургский университет, затем переехал в США, где сначала работал в университете Индианы, с 1910 по 1944 – в Йеле. Автор свыше 100 научных работ; переводчик английской и русской поэзии; в 1932–1946 президент Connecticut Academy of Arts and Sciences. В 1950-е жил в Нью-Хэйвене на одной улице с Г.В.Вернадским. Скончался 9 марта 1964 в госпитале St. Raphael; на газетном некрологе Г.В.Вернадский сделал помету: «Похорон не было. Со-

гласно желанию Ал<ександ>ра Ив<анови>ча, тело сожгли, а прах развеян в лесу».

8 января 1945 А.И.Петрункевич направил Г.В.Вернадскому письмо соболезнования:

Дорогой Георгий Владимирович, известие о смерти Владимира Ивановича меня глубоко огорчило, и я спешу выразить Вам и Нине Владимировне глубокое и искреннее сочувствие. Покойный был не только великим ученым, но и замечательным человеком. Память о нем долго будет жить в сердцах знавших и любивших его. Да будет сознание об этом Вам облегчением в Вашей потере. Для меня он всегда был одним из самых близких мне ученых. Я преклонялся перед его безграничным знанием и работоспособностью и ценил его логический, проницательный ум. Он останется навсегда гордостью своего поколения, и наука его не забудет.

Ваш старый, любящий вас друг Александр Петрункевич

(BAR. G.Vernadsky Coll. Box 164).

³⁸ «Глубоко скорбим о смерти отца. Очень благодарны Вам обоим за заботу. С любовью Георгий и Нина Вернадские».

³⁹ В одном деле с записками Н.В.Вернадской находятся два письма А.Д.Шаховской сестре Георгия Вернадского Нине с подробностями о последних днях В.И.Вернадского:

26 декабря 1944:

Дорогая моя Ниночка, пишу тебе с тяжелым сердцем; наступило последнее время в жизни Твоего, так горячо любимого тобой и всеми нами отца, бесконечно дорогого Владимира Ивановича. Сегодня мы посылаем тебе и Георгию телеграммы об его тяжелой болезни и также по телеграфу будем сообщать и дальше, но в письме хочу написать тебе об нем все подробности. Исход не виден, но, как ты знаешь из телеграммы, парализована речь и правая рука и общее состояние тяжелое.

Мало надежды на выздоровление, да если чудом Господь и продлит еще его жизнь, то уже это будет период угасания, хотя, может быть, он и будет озарен еще большей благодатью к Господу. Все, все мы передаем в Его волю, твердо уповая, что Господь изберет для него лучшее – то, что необходимо для его души. Сейчас он уже отделен от всех нас, от этой жизни какой-то завесой. В нем уже идет своя жизнь. Минутами он узнает, но как бы издалека. Таинственно готовится он к переходу...

Но расскажу тебе все про последние недели, т. к. тебе все дорого про него знать до мельчайших подробностей.

Началось с его болезни 12-го декабря. До этого он чувствовал себя хорошо в общем, но из-за небольших недомоганий он не гулял, и ему очень хотелось возобновить прогулки, но погода не благоприятствовала.

Но дома он как-то простудился (он обтирался по утрам теплой водой, а в комнате было холодновато), и 12-го поднялся озноб и т 38,2.

Врач тотчас приехал, определил начало воспаления правого легкого (гриппозное) и прописал сульфазоль. Это снизило t , уже вечером было 37,4, потом уже нормальная. Воспаление быстро ликвидировалось.

Но очень разошлась аритмия – дня три она была очень резкая, и особенно по ночам, он дышал так неровно, с какими-то как будто задыханиями, что нас это очень пугало, хотя врачи и успокаивали. Но с 18-го аритмия очень улучшилась, пульс выровнялся (давали хинидин). Несколько дней он был очень слаб, все засыпал, особенно с утра. Врач позволил ему немного вставать, выходить в столовую для еды, немного сидеть в кресле.

И вот 24-го в Воскресение он как будто уже был совсем здоров, оживлен, много слушал.

Ему много читали. Он за эту болезнь прослушал Пушкина: «Капитанскую дочку», которой он очень восхищался, и «Руслана и Людмилу».

Слушал газеты что называется от доски до доски. Почти каждый день вспоминал и о делах и задавал какие-нибудь вопросы в связи с этим.

В начале болезни и кушал с большим аппетитом, но в конце приходилось его уговаривать; говорил, что есть не хочет, и только после долгих убеждений соглашался кушать.

В воскресенье я была дома, не видела его.

А в понедельник, 25-го, утром в 9 час^{ов} – произошло кровоизлияние.

Он пошел в уборную (желудок плохо очищался, и приходилось принимать меры) и, очевидно, напрягался. Так как он долго не выходил, то Прасковья Кирилловна (многолетняя домработница Вернадских. – М.С.) и Катя (меня еще не было) принялись стучать. Ответа не было. Тогда дверь открыли – и видели его лежащим с открытыми глазами, но без сознания. Пришлось позвать еще мужчину из низу, чтобы его поднять и положить на кровать.

Оказалось, что не действует правая рука и отнялась речь. Врачи прописали полный покой, поставили пиявки.

С тех пор идет третий день. Сознание временами проясняется, иногда он издает невнятные звуки; сердце работает хорошо, на второй день он стал глотать, т^{ак} <то> пьет чай сладкий с лимоном, сок из мандаринов, сегодня съел немножко жиденького киселя.

Но временами страшно возбуждается, старается встать и куда-то идти. Приходится в такие моменты впрыскивать пантопон. Врачи находят, что течение болезни идет неплохо, не отнимают надежды на выздоровление. Но общее состояние продолжает быть тяжелым.

16 июля 1945:

...накануне смерти он взял мою руку и что-то говорил, говорил, как будто даже повторял, т. к. интонации как-то повторялись. Что он хотел сказать, нельзя было понять, но я это приняла как прощание.

Эти последние дни были какие-то совершенно особенные по своей значительности и в то же время простоте. Дух жил какой-то своей жизнью, он был недоступен для обычного общения через слова, но он был все время в единении с каким-то потоком духа – с Богом, как бы он его ни понимал. А мы еще не могли вступить в эту область, мы только видели его сосредоточенное значительное лицо, которое как-то менялось, то успокаивалось, то было полно беспокойства, тревоги, искания чего-то. Временами лицо было так прекрасно, как лицо вдохновенного пророка.

Что он видел? Какие образы перед ним проходили? Где была граница между бредом и действительностью? Что он познал за эти 13 дней? Знаю только одно, что это было нужно. Что это были дни не бесплодных страданий, а восполняли как-то искания всей его жизни, довершали что-то в его жизни недоделанное.

(BAR. G.Vernadsky Coll. Box 143)

II

«В прежнем моем перерождении я, несомненно,
был англичанином...»

Ф.И.Щербатской – В.И.Вернадскому

Как гласит эпитафия, академик Федор Ипполитович Щербатской (1866–1942) «объяснил своей стране ум древних мыслителей Индии»¹¹. Выдающийся санскритолог и буддолог, в начале 1921 он был командирован Наркомпросом в Европу для «закупки книг и инструментов для Академии наук», как гласит официальная мотивировка. На самом деле академик, пользовавшийся большой известностью на Западе и до революции, принимал участие в различных акциях советского внешнеполитического ведомства, направленных на восстановление и расширение российского влияния в мире.

Щербатской, как едва ли не все академические востоковеды того времени, консультировал большевистских дипломатов в надежде на поддержку ими своих не реализованных до революции научных планов. В 1918 под эгидой Русского комитета для исследования Средней и Восточной Азии

¹¹ Начертано на могильной плите Ф.И.Щербатского (поселок Боровое, Северный Казахстан). Выделим следующие работы о научном творчестве Щербатского: Семичов Б.В., Зелинский А.Н. Федор Ипполитович Щербатской // Щербатской Ф.И. Избранные труды по буддизму. М., 1988. С.15-41; Встреча Востока и Запада в научной деятельности Ф.И.Щербатского / Вступит. ст., сост., примеч. Я.В.Василькова // Восток – Запад: Исследования. Переводы. Публикации. Вып.4. М.: ГРВЛ, 1989. С.178-264; Шохин В.К. Ф.И.Щербатской и его компаративистская философия. М., 1998. Во всех указанных работах есть библиография трудов Ф.И.Щербатского и основная литература о нем.

академик пытался организовать научную экспедицию в Тибет, которая помимо исследовательских задач должна была заниматься сбором сведений о ситуации вдоль северной границы Тибета.

Еще более буддолога привлекал проект Г.В.Чичерина – Л.М.Карахана по установлению дружеских связей с далай-ламой, с которым в предреволюционные годы Щербатской неоднократно встречался. В свою очередь, ленинские дипломаты, используя старые неформальные связи «бывших», предполагали продвигать «мировую революцию» в страны буддийского Востока и в то же время начать осаду главной цитадели британского империализма в Азии – Индии¹².

Тибетская экспедиция Щербатского не состоялась; «академические» востоковеды были отодвинуты их «революционными» коллегами и новыми фантастическими проектами. Однако активная позиция академика Щербатского запомнилась властям: в 1920–1921 уже сам нарком просвещения А.В.Луначарский ходатайствовал перед В.И.Лениным о научной командировке Ф.И.Щербатского за границу, его поддержали наркоматы иностранных дел и внешней торговли. Вскоре академик был уже в Европе, в качестве члена советской делегации под руководством Л.Б.Красина участвуя в Лондоне в важных переговорах, завершившихся созданием здесь Русской торговой миссии (1922).

Однако европейская миссия была омрачена для Щербатского негативным отношением к нему эмигрировавших соотечественников, в том числе коллег по цеху. Неожиданно для себя объявленный большевистским агентом¹³, «подвергнувшись шпионажу», Щербатской признавался в письме С.Ф.Ольденбургу, что плохо представлял себе психологию русской эмиграции, готовый «всех нас перевешать по возвращении в Россию»¹⁴. Из этой поездки Щербатской вернулся в СССР осенью 1923 и больше за границу никогда не выезжал.

По мнению известного востоковеда Я.В.Василькова, Щербатской никогда не думал об эмиграции: «Более того, он определенно относился к числу

¹² См.: Андреев А.И. От Байкала до священной Лхасы: Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX века (Бурятия, Монголия, Тибет). СПб.; Самара; Прага: Агни, 1997. С.124-217. Десять лет спустя, в 1929, С.Ф.Ольденбург, выступая в защиту Щербатского, лишённого избирательных прав, подчеркивал его большие заслуги перед советским правительством и, в частности, упоминал его участие в 1919 в обсуждении в НКВД «вопроса об ответственнейшей в политическом отношении экспедиции в Тибет» (Там же. С.126).

¹³ Напомним, что Ф.И.Щербатской происходил из семьи высшего малороссийского духовенства и имел родовое поместье в Новгородской губернии. Его брат А.И.Щербатской много лет служил по дипломатическому ведомству, был посланником в Южной Америке, а в конце осени 1920 назначен дипломатическим представителем адмирала А.В.Колчака в Константинополе. Родная сестра Щербатского Мария была замужем за последним государственным секретарем Российской империи Сергеем Ефимовичем Крыжановским, с которым разделила эмиграцию.

¹⁴ Цит. по: Встреча Востока и Запада... С.195.

ученых, веривших, что революция означает не гибель культуры, а, наоборот, открытие новых перспектив для ее развития»¹⁵.

Публикуемые ниже письма Ф.И.Щербатского В.И.Вернадскому¹⁶ показывают, что на самом деле вряд ли все было так однозначно.

Письма хранятся: BAR. G.Vernadsky Coll. Box 85.

1

31 мая 1922

<Лондон>

National Hotel

Upper Bedford Place

Дорогой Владимир Иванович!

Получили ли Вы мое письмо, я сегодня вернулся в Лондон, от Вас не нашел ни письма, ни книги. Быть может, на почту отослали, т. к. здесь в отеле они не очень аккуратны.

От мамыши получено письмо, что С<ергей> Ф<едорович Ольденбург>¹ нездоров, лежит. Ему необходимо уехать, отдохнуть, но, по моему, не в Париже, где его <обступят> эмигранты, а в маленький университетский городок Германии. По возвращении, кстати, ему нужно окончить некоторые работы, которые залежались до невозможности².

Ваш Ф.Щербатской

Поклон от меня В.М.Шатько³. Не слышали ли, выехал ли В.В.Бартольд⁴?

¹ Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934) – выдающийся индолог, один из основателей отечественной индологической школы. Профессор Петербургского университета с 1897, редактор всемирно известной серии «Bibliotheca Buddhica». Академик (1908), непреременный секретарь (1904–

¹⁵ Там же. С.193.

¹⁶ Ф.И.Щербатского и В.И.Вернадского связывали более полувека дружеских и научных отношений; их переписка охватывает 1890–1940; ее наиболее интенсивная часть приходится на 1927–1940, причем подавляющая часть писем принадлежит Вернадскому (24), меньшая (6) – Щербатскому. Основная часть переписки, выявленная в российских архивах, опубликована (см.: *Росов В.А.* 1) О переписке В.И.Вернадского и Ф.И.Щербатского // Клаузура ноосфера. Ч.1 (Тезисы ста докладов на научно-практической конференции «Ноосфера – настоящее и будущее человечества»). М., 1988. С.111-114; 2) В.И.Вернадский и русские востоковеды: Мысли – Источники – Письма. СПб., 1993. С.44-48, 53-70). История философских контактов Щербатского и Вернадского на основе интереса последнего к буддийскому Востоку и буддийской философии подробно рассмотрена в монографии: *Шохин В.К.* Ф.И.Щербатский и его компаративистская философия. С.174-175 (гл. 5). Несмотря на то что автор иронически именует Вернадского «философствующим естествоиспытателем» и «романтическим востокофилом», именно фигурой Вернадского Шохин открывает главу «Преемство».

1929) РАН/АН СССР. В 1916–1934 директор Азиатского музея (Института востоковедения АН СССР). Член ЦК Конституционно-демократической партии, министр народного просвещения Временного правительства в июле–августе 1917. По представлению С.Ф.Ольденбурга (и ряда других ученых) в 1918 Щербатской избирается действительным членом РАН.

² Щербатской прежде всего имеет в виду материалы Восточно-Туркестанских экспедиций С.Ф.Ольденбурга (1909–1910, 1914–1915), которые при жизни ученого остались не подготовленными к публикации.

³ Вера Михайловна Шатько – соседка Вернадских по первой парижской квартире.

⁴ Бартольд Василий Владимирович (1869–1930) – востоковед-тюрколог. Академик (1913). В 1922 одновременно с В.И.Вернадским получил командировку в Европу, целью которой была подготовка к печати английского перевода его книги «Туркестан», а также участие в Брюссельском конгрессе историков (апрель 1923) и чтение курса лекций по истории среднеазиатских кочевников в Англии.

2

2 августа 1922
<Лондон>

Дорогой Владимир Иванович!

С<ергей> Ф<едорович> пишет мне, чтобы я оставался насколько можно дольше, что он радуется, что я живу в хороших условиях и могу работать, страшно хвалит мою работу и т. д. – но Вы мне говорили, что он меня дожидает обратно. Мне есть полная возможность здесь устроиться окончательно. Все как будто не ожидают, чтобы в России можно было работать, и мне казалось, что С<ергей> Ф<едорович> может осенью уехать, *только если я вернусь*¹. Пожалуйста, скажите, так ли я Вас понял, мне это лежит на совести, и я боюсь, что С<ергей>Ф<едорович> по свойственной ему бесконечной доброте просто не хочет просить меня вернуться².

Буду очень благодарен, если пришлете книгу Розенберга³, она мне очень нужна.

Ваш Ф.Щербатской

¹ Здесь и далее курсив Ф.И.Щербатского.

² В ответном письме В.И.Вернадский писал Щербатскому из Парижа 8 августа 1922:

Мне очень трудно ответить на Ваши вопросы, но мне кажется, что С<ергей> Ф<едорович> пишет Вам то, что он считает правильным. Я бы всегда считался с его мнением. Я уехал уже скоро два месяца, и многое меняется – а отсюда следить за русской жизнью невозможно. Он Вас ждал – но это было тогда, и с большевиками логика отсутствует. Будет или не будет его отъезд в зависимости от Ва-

шего приезда – никто не может знать. Ведь самое ужасное – отсутствие возможности логических расчетов. Все меняется в зависимости от личности и настроений. Я имею неприятные известия из Петрограда, что он чувствует себя неважно и очень озабочен. На мои письма ответа не получил.

(цит. по: *Росов В.А.* В.И.Вернадский и русские востоковеды... С.55).

³ Речь идет о книге: *Розенберг О.О.* Проблемы буддийской философии. Пг., 1918. Оттон Оттонович Розенберг (1888–1919) – востоковед, наиболее яркий представитель школы академика Щербатского, при жизни успел завершить и опубликовать только одну большую теоретическую работу по буддологии, которая и была издана в 1918. Здесь он сформулировал подход к буддизму как к мировоззрению с четко очерченным кругом базовых идеологем, составляющих ядро буддийской духовной культуры. Осенью 1919, во время наступления Юденича на Петроград, Розенберг с женой пытались бежать из Павловска, где они тогда жили. Им удалось доехать до Таллинна, но Розенберг заболел тифом и скончался. Его вдова перебралась в Финляндию, откуда писала Щербатскому, готовя перевод книги мужа на немецкий язык (см.: Письма Э.Ю.Розенберга к академику Ф.И.Щербатскому / Вступит. ст., подгот. к печати и коммент. Т.В.Ермаковой // Восток. 1996. №1. С.124-127).

3

<не ранее 3 сентября 1922, Лондон>
National Hotel, Upper Bedford Place
W.C.1

Дорогой Владимир Иванович!

Ceramic Society¹ – должно быть, действительно находится в New Castle – т. к. здесь нет, никто не знает, а в Directory² нет.

Не знаете ли, где Виноградов³, от него ответа из Оксфорда нет. Вероятно, уехал на континент. Не могу от него добиться отчета о UAJ⁴, который он обещал для Академии и не присылает.

Ваш Ф.Щербатской

Ничего нового из России? Книгу еще не получил.

Датируется по содержанию.

¹ Приехав в Европу в июне 1922, В.И.Вернадский стал немедленно возобновлять свои международные контакты, в том числе с английским Ceramic Society (ответы Общества о посылке журналов Вернадскому по парижскому адресу см.: BAR. G.Vernadsky Coll. Box 85). Позднее, в 1923–1924, в «Трудах» Общества Вернадский опубликовал две небольшие статьи о поведении каолина при нагревании.

² Здесь: адресная книга.

³ Виноградов Павел Гаврилович (1854–1925) – историк-медиевист, академик (1914). Профессор Московского университета, один из ведущих в

Европе знатоков экономической истории Англии. В 1902–1908 и с 1911 проживал в Великобритании. В 1918 принял британское подданство, активно помогал русским общественным организациям в Англии; почетный секретарь Комитета помощи русским узникам войны, с 1916 – председатель исполкома Русско-английского общества. См. о нем: «Мы в созвездии политических волнений»: Письма П.Г.Виноградова В.И.Вернадскому 1899–1904 гг. / Публ. В.Антощенко // Исторический архив. 2002. №2. С.129-141; Антощенко А.В. Московский ученый за рубежом: Гарвардская коллекция материалов архива академика П.Г.Виноградова // Археографический ежегодник. 1997. С.294–295.

⁴ Возможно: Union of Asiatique Judo.

4

<между 4 и 11 сентября 1922>

London W.C.1

National Hotel, Upper Bedford Place

Дорогой Владимир Иванович!

Благодарю за письмо. Я решил этот месяц еще пробыть здесь, затем двинусь через Брюссель, Бонн, Берлин, Стокгольм домой. Буду по дороге ждать известий и строить путешествие. Очень жаль расставаться с Англией, я ее сильно полюбил, она, очевидно, становится владыкой мира, не потому, чтобы она к этому стремилась, а потому, что так велики ее силы и так глупы другие народы! Делать нечего, в прежнем моем перерождении я, несомненно, был англичанином, а теперь я принадлежу к той нации, на совести которой коллективно лежит большевизм! Ужасно рад, что книга Розенберга Вам нравится¹, я поражен сам близостью буддийских построений к результатам самоновейшей науки, она идет гораздо дальше, чем то намечено в книге Розенберга. Вы упоминаете о квантах? Не припоминаю, с чем их сравнивает Розенберг; с мгновенными комбинациями элементов «дхарм»²?

Книги со скидкой 25–30% приобретает здешняя советская делегация: Mr Kamenetzky, Arcos Lim., Lincolnsinufields, W.C. Не знаю, найдете ли удобным им пользоваться, он очень бойкий и толковый господин.

Недавно получили какие-нибудь известия из Петрограда или России? <sic!> Буду очень благодарен, если сообщите.

Из Брюсселя я мог бы проехать через Париж, это по дороге, но возня с визой, надо писать в Quai d'Orsay³ и ждать ответа, это хлопотно и долго. Буду очень благодарен, если пришлете Розенберга теперь, мне очень нужен для ссылок.

Преданный Вам

Ф.Щербатской

Датируется по содержанию.

¹ В письме из Парижа 8 августа 1922 В.И.Вернадский писал: «Розенберга читаю – очень интересно. Любопытны точки соприкосновения с самыми новейшими и новыми построениями (напр<имер>, квантами и представлениями о жизни). Как только ее кончу, немедленно перешлю Вам – держите сколько хотите» (цит. по: *Росов В.А.* В.И.Вернадский и русские востоковеды... С.55).

² Дхармы – элементы бытия. Выяснению этого понятия посвящена небольшая монография Ф.И.Щербатского «The Central Conception of Buddhism and the Meaning of the World Dharma», опубликованная в Лондоне в 1923. Как отмечают известные исследователи творчества Ф.И.Щербатского, «понятие о дхарме – центральный пункт буддийского учения. В свете этого понятия буддизм раскрывается как метафизическая теория, развившаяся из одного основного принципа – идеи, что бытие (существование) является взаимодействием множественности тонких, конечных, далее недоступных анализу элементов материи, духа и сил. Эти элементы под термином “dharma” имеют соответствующее значение, данное им лишь в этой системе» (цит. по: *Зелинский А.Н., Семичов Б.В.* Федор Ипполитович Щербатской. С.23-24). Как раз один из самых первых шагов, приоткрывший завесу над термином «дхарма», был сделан О.О.Розенбергом в указанной выше книге.

³ Министерство иностранных дел Франции находится в Париже на набережной Орсе.

5

11 сентября 1922
Лондон

Сегодня получил книгу. Спасибо, как раз вовремя, а то моя статья¹ ушла бы в печать без ссылок. Ceramic Society в Лондоне нет, я уже писал Вам. Скоро буду в Париже.

Ф.Щербатской

¹ По-видимому, имеется в виду статья Ф.И.Щербатского: Prof. Dr. O.Rosenberg. Eine geographische Skizze // Rosenberg O. Die Weltanschauung des moderner Buddhismus im ferner Osten. Heidelberg, 1924. S.44-47.

6

<27 октября 1922, Париж>

Дорогой Владимир Иванович!

По приезде сюда написал Вам, прося назначить день и час, когда я могу к Вам прийти. Ответа не было, я думал уже, не уехали ли Вы. Сегодня уезжаю в 7.40 с Gare du Nord¹, прийти не успею. О Комарове² ничего не слыхал. Хлопотали ли Вы о визе Гринбергу³? Я писал Вам из Лондона.

Ваш Ф.Щербатской

Открытка. Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Северный вокзал (в Париже) (*франц.*).

² Слухи об аресте академика-ботаника Владимира Леонтьевича Комарова (1869–1945), в дальнейшем – вице-президента (1930–1936) и президента АН СССР (1936–1945), широко распространились в это время в эмиграции, см., например: *Вернадский В.И.* Дневники: Март 1921 – август 1925 / Сост. В.П.Волков. М., 1998. С.87 (запись от 16 октября 1922). Их привез в Париж приехавший в это время из России известный американский историк Фрэнк Гольдер (1877–1929). Сведения не соответствовали действительности.

³ Гринберг Захарий (Зорак) Григорьевич (1889–1949) – медик, после 1917 – член коллегии Наркомпроса; с начала 1920-х отошел от государственно-административной деятельности, преподавал в МГУ. В 1947 арестован, умер в заключении.

7

<не ранее 21 ноября 1922>

Berlin

Hospiz im Centrum, Holzgartenstrasse 9

Дорогой Владимир Иванович,

очень жалко, что не свиделся с Вами в Париже. Вы, вероятно, моих открыток не получили. Здесь видел Марра¹, он вчера уехал в Лейпциг, оттуда поедет в Париж. Известия об арестовании Комарова неверны, но Крачковский сидит уже 3-ий месяц² и никто не знает, за что и по чьему распоряжению! Гринберг спрашивает, приедете ли в Берлин, есть кредит для Радиевого института, т. е. когда Вы можете приехать? Н.А.Котляревскому³ французы отказали в визе, и несчастный сидит в Питере, Бартольд выехал и пока сидит в карантине в Финляндии. Я уже писал Вам, что Гринберг хочет приехать для закупок в Париж и просит, не могли бы Вы помочь ему через Ваших французских друзей достать визу; мне обещал академик Pelliot⁴, больше в Париже никого не было, и я пробыл только несколько дней. Здесь думаю пробыть с месяц, нужно купить для Академии немецкую литературу.

Ваш Ф.Щербатской

Датируется по содержанию.

¹ Марр Николай Яковлевич (1864–1934) – языковед, археолог. Академик (1912). Вице-президент АН СССР (1930–1934). Поездка, о которой пишет Щербатской, была уже второй заграничной командировкой Марра. Первая началась в сентябре 1920 и продолжалась 9 месяцев (Лейпциг, Вена, Флоренция, Байонн, Париж). Во время этой поездки Марр получил предложение занять кафедру грузиноведения в Оксфордском университете, но отка-

зался остаться в Англии. Вторая поездка началась в октябре 1922 и продолжалась 8 месяцев. В Россию Марр вернулся летом 1923, проведя за границей в общей сложности около полутора лет. Первая остановка была в Лейпциге – этот город был особенно привлекателен для Марра, т. к. здесь в университете работал его активный сторонник – яфетидолог Ф.А.Браун (1862–1942; см. о нем примеч. 10 к письму 2 Н.С.Трубецкого в наст. публ.). Переписка Н.Я.Марра с Ф.А.Брауном, состоящая из более чем 100 писем за 1920–1925, подробно изложена в статье: Федоров А.В. Новые материалы о Н.Я.Марре // Иностранные языки в школе. 1949. №2. С.12-24; см. также: Миханкова В.А. Николай Яковлевич Марр: Очерк его жизни и научной деятельности. М.; Л., 1949. С.314-335.

² Крачковский Игнатий Юлианович (1889–1951) – крупнейший русский арабист XX в. Профессор, с 1944 – зав. кафедрой арабской филологии ЛГУ. С 1916 и до конца жизни научный сотрудник Азиатского музея (Института востоковедения АН СССР). Академик РАН (1921). В ночь с 19 на 20 июля 1922 арестован ГПУ по обвинению в шпионаже в пользу Финляндии. Сидел в Доме предварительного заключения на Шпалерной, в подвальной камере-одиночке. В октябре 1922 Крачковскому было объявлено о предстоящей высылке за границу или в Вятскую губернию, однако 12 января 1923 он был освобожден. Подробнее см.: «Его отсутствие будет бедствием»: Письма в защиту репрессированных. Из следственного дела И.Ю.Крачковского / Публ. В.Гончарова // Источник. 1998. №2. С.51-56; Люди и судьбы: Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Сост. Я.В.Васильков, М.Ю.Сорокина. СПб., 2003. С.220-221.

³ Котляревский Нестор Александрович (1863–1925) – историк литературы, критик. Академик (1909). С 1910 – первый директор Пушкинского Дома.

⁴ Пеллио Поль (Pellicot; 1878–1945) – французский синолог, иностранный член РАН (1918), личный друг академика В.М.Алексеева.

8

21 ноября 1922

Berlin

Hospiz im Centrum, Holzgartenstrasse 9

Дорогой Владимир Иванович,

Письма получил. О Мысовском¹ сообщу. Гринберг получил визу на Париж, приедет дней через 10. Вы сумеете его там устроить. Книги, посланные еще в июне мною из Лондона, еще не дошли, а отсюда, конечно, ничего не доходит. Из Ваших слов выходит, что можно книги и посылки отправлять прямо по почте и это доходит. Я думаю, что книги пойдут в цензуру и там пропадут. Из посылок, которые я посылал мамаше, приблизительно доходила из 4-х одна, а остальное все пропадало. Крачковский не выпущен и, по-видимому, не будет выпущен. Сюда приехал Левинсон², будет скоро в Париже, от него

узнал известия, очень неутешительные. Я направлялся в Россию, но запнулся! Как будто, выходит, и С<ергею> Ф<едорови>чу грозит высылка, если не худшее. Видел приехавших высланных, Лапшина, Лосского, Франка³ и других. Какие-то телята! Рассказывают ужасные вещи, но без малейшей злобы! С<ергей> Ф<едорови>ч, по видимому, остался один, Бартольд благополучно добрался до Лондона (3 Ур. Bedford Place). Марр в Лейпциге. Все командированные сидят здесь, боятся возвращаться. Поклон В.Шатько, о ней спрашивал Левинсон.

Ваш Ф.Щербатской

¹ Мысовский Лев Владимирович (1888–1939) – физик-радиолог, ученый секретарь Радиевого института (1922–1939), в начале 1920-х возглавлявшегося В.И.Вернадским.

² Левинсон-Лессинг Франц Юльевич (1861–1939) – геолог и петрограф, академик АН СССР (1925).

³ 15 ноября 1922 философы Николай Онуфриевич Лосский (1870–1965), Иван Иванович Лапшин (1870–1952), Семен Людвигович Франк (1877–1950), а также партия высылаемых из Москвы ученых и писателей были депортированы в Штетин из Петрограда на «философском пароходе».

9

<Первая декада декабря 1922>
Berlin

Hospiz im Centrum, Holzgartenstrasse 9

Дорогой Владимир Иванович,

оба Ваши письма (из Лондона и сюда) получил; может быть, Вы оттого не получили моей открытки, что я не проставил *agendisment*¹, а без этого французская почта, несмотря на свою аккуратность, как все говорят, моих писем не доставляет. Вообще, аккуратность вещь относительная; приехав из России, Вам кажется французы аккуратны, если бы же Вы приехали из Англии или Берлина, то, вероятно, судили бы иначе. По приезде я здесь искал книгу, которой не было в Англии, оказалось, что во всей Германии есть один экземпляр в библиотеке в Геттингене, ее мне разыскали и переслали! Вот это так аккуратность! Попробуйте-ка добиться чего-либо во Франции! Я знаю, что такое *Bibliothèque Nationale*! Вчера встретил Сережу Ольденбурга², Вы скоро увидите его в Париже, он говорит, что С<ергей> Ф<едорови>ч не собирается за границу, а мне он писал, что собирается выехать, как только проведет в Москве бюджет³. Мамаша мне пишет, чтобы я *никаких посылок* не посылал, т. к. поштина стоит *вдвое дороже*, чем купить на месте. Я решил посылать

только торгсинские посылки АРА⁴. Относительно Радиевого института имейте в виду, что если хотите заполнить сами, то приезжайте немедленно, а то с нового года кредит закрыт. Здесь могут его исполнить только или А.Б.Ферингер⁵ (Fasanstrasse 28) или Архангельский⁶ – они просят инструкций. Марр приехал в Лейпциг, пробыл здесь только 2–3 дня и ничего для отправки литературы сделать не мог. Я здесь в подвале нашел два ящика книг для Академии, лежавших с прошлого года, и никто не знал, какие это книги и для кого, кем и когда куплены!!! Для покупки французской литературы советую приготовить списки, если Гринберг приедет. По-видимому, если Вы не можете помочь через Appel'я⁷ или кого-нибудь другого, может быть, придумаете другой путь. Поэт Маяковский (знаете!) получил, однако, визу через Дягилева⁸. Говорят, все можно сделать, безусловно, если обратиться к кокоткам! К сожалению, нам этот путь закрыт.

Ваш Ф.Щербатской

Датируется по содержанию.

¹ Округ, городской район Парижа (*франц.*).

² Ольденбург Сергей Сергеевич (1887–1940) – сын С.Ф.Ольденбурга, историк, публицист. Участник Белого движения, в 1919 – секретарь редакции газеты «Великая Россия» (Ростов). Эмигрировал, жил во Франции.

³ С.Ф.Ольденбург отправился за границу только в июне 1923. Он побывал в Финляндии, Франции, Германии, Великобритании. Общий тон его европейской корреспонденции был весьма минорным. Так, из Лондона он писал жене 17 июля: «Я явно “варвар”: мне в этой “цивилизации” душно. <...> Мне тяжело в этой золоченой клетке, и меня не понимают, когда я говорю, что у нас неизмеримо больше свободы» (СПбФ АРАН. Ф.208. Оп.5. Д.15. Л.27об.). По-видимому, именно Щербатского Ольденбург имел в виду, когда писал жене из Лондона 31 июля 1923: «Трудно мне со спутниками, особенно с тем, который давно здесь и привык к дешевой сытой жизни. Он и вообще ко мне не относился никогда особенно хорошо, а теперь я его раздражаю тем, что он считает просто сентиментальностью и предвзятостью, а меня он поражает отсутствием чуткости и нахождением в шорах, считая, что он-то понимает жизнь настоящим образом» (Там же. Л.40об.). В то же время С.Ф.Ольденбург очень дорожил исключительной научной репутацией Щербатского. 13–14 сентября 1926 в связи со скандалом по поводу невыхода в СССР очередных томов «Bibliotheca Buddhica» он писал А.Е.Ферсману из Лондона: «Я очень боюсь, что Щербатской перестанет печататься у нас, что будет большою потерей. Здесь все жаждут печатать его вещи, которые очень здесь во всех странах – Азии, Европы, Америки ценятся» (АРАН. Ф.544. Оп.8. Д.352. Л.34–34об.).

⁴ American Relief Administration занималась организацией продовольственной и финансовой помощи европейским странам после Первой мировой войны. В 1919–1923 ею руководил будущий президент США Г.Гувер. В 1921–1923 работала в России в связи с голодом в Поволжье.

⁵ Ферингер Анна Богдановна – сестра академика А.Н.Крылова.

⁶ Возможно, Архангельский Андрей Дмитриевич (1879–1940) – геолог. Сотрудник Геологического комитета (1914–1918), профессор Московского университета (1918–1929). Академик (1929). Директор Геологического института АН СССР (1934–1939).

⁷ Аппель Поль (Appel; 1855–1930) – французский математик, президент Парижской Академии наук с 1914.

⁸ В ноябре 1922 В.В.Маяковский с помощью известного театрального антрепренера С.П.Дягилева получил французскую визу и впервые попал в Париж.

III

«Мы, русские, имеем немного друзей...»
Николай Рерих – Георгию Вернадскому

Георгий Вернадский и художник Николай Константинович Рерих (1874–1947) никогда не встречались, хотя их переписка с разной интенсивностью продолжалась более десятка лет. Она не была регулярной и личной, а носила преимущественно деловой характер. В самом начале 1930-х таким делом было реформирование известного, но находившегося в бедственном материальном положении пражского Семинария (Института) им. Н.П.Кондакова, который должен был стать независимой составной частью мистико-научно-художественной «Империи Рериха»¹⁷. Первоначально перспективы сотрудничества виделись столь многообещающими, что в течение осени 1930 Г.В.Вернадский, в то время преподаватель Йельского университета (США), неоднократно эпистолярно общался с членами семьи Рерихов и представителями Рериховского музея в Нью-Йорке, однако последовавший вскоре провал всего объединительного предприятия надолго остудил и личные контакты его участников.

Следующий период эпистолярного диалога Николая Рериха и Георгия Вернадского относится уже к концу 1930-х, когда общественное положение обоих корреспондентов существенно изменилось. К этому моменту Вернадский окончательно укоренился в США, получил гражданство этой страны и больше не помышлял о возвращении в Европу. Николай Рерих, ставший в свое время известным Америке не столько как художник, сколько как эми-

¹⁷ Подробнее см.: *Беляев С.А.* Из истории становления Семинария имени академика Н.П.Кондакова // *Русская эмиграция в Европе: 20-е – 30-е годы XX века.* М.: ИВИ РАН, 1996. С.3-33; *Росов В.А.* Неудавшееся попечительство: К истории взаимоотношений Института Гималайских исследований «Урусвати» и Института им. Н.П.Кондакова в Праге // *Ариаварта: Историко-научный, литературно-философский журнал (СПб.).* 1996. Начальный выпуск. С.153-166; *Письма А.П.Калитгинского в Семинарий им. Н.П.Кондакова / Публ. В.А.Росова // Там же.* 1997. №1. С.227-272; *Росов В.А.* Семинариум Кондаковианум: Хроника реорганизации в письмах (1929–1932). СПб., 1999.

грант-мистик и носитель идеи мирового порядка и братства посредством искусства («Пакт Рериха»), напротив, утратил своих высокопоставленных американских покровителей и меценатов и даже был объявлен шарлатаном¹⁸. Несмотря на географическую дистанцию (Рерих в эти годы уже почти постоянно жил в Индии), общий биографический мотив «русских корней», переплавленный в историческом творчестве Вернадского и художественном опыте Рериха в идею евразийской общности, все более сближал исследователей¹⁹. После кончины Рериха Вернадский продолжал переписываться с его сыном – известным востоковедом Юрием Рерихом (1902–1960), в 1957 вернувшимся в СССР. В 1965 он был даже приглашен Институтом народов Азии АН СССР на открытие надгробного памятника Ю.Н.Рериху на Новодевичьем кладбище 17 августа 1965, однако на письме из СССР есть пометка историка: «Получено 19 августа 1965».

Публикуемые письма хранятся: BAR. G.Vernadsky Coll. Box 7.

1

Naggar; Kulu, Punjab
British India
2 июля 1938

Глубокоуважаемый Георгий Владимирович,

В наши далекие Гималаи сейчас дошла Ваша прекрасная книга «Звенья русской культуры»¹ – издание евразийцев. Не могу отказать себе в радости написать Вам по поводу этого истинно русского Вашего труда. Ваша книга глубоко ответила моим воззрениям на древнюю Россию. Мое университетское зачетное сочинение было «Правовое положение художников в древней Руси»². Для этой темы мне пришлось пользоваться прежде всего первоисточниками, и по ним сложилось навсегда твердое представление о том, что древняя Русь так часто была несправедливо похуляема. Эту же точку зрения я подчеркивал и в лекции моей «Радость искусству»³. Тем более приятно было найти и Вашу авторитетную аргументацию, подтверждающую ту же точку зрения. Все труды Ваши читаются нами с большой радостью, и мы всегда при этом повторяем: как хорошо, что в американском университете преподаются именно эти правильно выраженные русские основы. Нередко нам приходилось, к сожалению, убеждаться, что за границей молодежь получала даже и в

¹⁸ Подробнее см.: *Williams R.C. Russian Art and American Money. 1900–1940.* Cambridge: Harvard University Press, 1980.

¹⁹ См.: *Ключников С.Ю. Философское наследие Рерихов и евразийство // Ю.Н.Рерих: Материалы юбилейной конференции.* М., 1994. С.69-74. Рерих постоянно рекомендовал исторические труды Вернадского как пример истинно русской литературы (см.: *Рерих Н.К. Письма в Америку: 1923–1947.* М.: Сфера, 1998. С.405, 454, 549).

университетах совершенно ложное представление о России. Но истина должна быть подтверждена именно строго научным путем, как Вы и делаете. По счастью, древнерусская литература, а теперь и археологические находки дают прекрасный материал, настолько очевидный, что лишь предубежденные слепцы не желают усмотреть правду. Помню, как при первых раскопках Хвойко⁴, отодвинувших основание Киева в большую древность, с остатками культа Астарты Малоазийской⁵, даже ближайшие наши сочлены пожимали плечами, не веря подобной древности. Также и в 1910 году, когда мы предполагали произвести раскопки Новгородского Кремля⁶, нам пренебрежительно говорили: «Ничего вы там не найдете». А между тем раскопка дала любопытнейшие городские наслоения разных веков на 21 аршин глубиной. Словом, всюду, где подойдем к древней Руси без предубеждения, можно найти замечательные памятники, свидетельствующие о культуре. В будущих русских построениях Ваша или, скажу, наша точка зрения ляжет в основу дальнейших изысканий. Пароходным пакетом посылаю Вам мою книгу «Нерушимое»⁷, а также книгу Вс. Иванова⁸, друга евразийцев. Пожалуйста, передайте М.И.Ростовцеву и его супруге⁹ мой и моего сына Юрия¹⁰ искренний привет. Юрий является глубоким почитателем Ваших и М.И.Ростовцева трудов.

Искренно и душевно

Н.Рерих

¹ Книга издана в Брюсселе/Берлине в 1938 г. Ее подзаголовок: «Древняя Русь: До половины XV века».

² Параллельно с Академией художеств Н.К.Рерих учился на юридическом факультете Петербургского университета. Диплом на указанную тему был защищен им в 1898.

³ Речь идет об одной из программных статей Н.К.Рериха, в которой наиболее подробно и определенно изложены его взгляды на историю и теорию искусства как принципиально важного явления культуры человечества.

⁴ Хвойка Вячеслав Викентьевич (1850–1914) – украинский археолог, чех по происхождению. С 1876 жил в Киеве. В 1896 открыл первые местонахождения трипольской культуры. Выдвинул концепцию автохтонности славянского населения в Среднем Поднепровье.

⁵ Древнесемитское божество, богиня любви и плодородия.

⁶ Н.К.Рерих был действительным членом Императорского Русского Археологического общества и практически ежегодно брал «открытый лист» общества на проведение раскопок. Летом 1910 он работал в Новгороде, но из-за недостатка средств не закончил свои изыскания. Впоследствии на территории Новгородского кремля были сделаны выдающиеся археологические открытия, в частности находки берестяных грамот, которые подтверждали догадки Рериха и его коллег.

⁷ Издана в Риге в 1936.

⁸ Иванов Всеволод Никанорович (1888–1971) – писатель; в эмиграции жил в Китае, в 1945 вернулся в СССР. По-видимому, упоминается кн.: *Иванов В.Н. Рерих – художник, мыслитель.* Рига, 1937.

⁹ Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952) – выдающийся историк античности, археолог, профессор Петроградского университета; в эмиграции – профессор Йельского университета (США); его жена – Софья Михайловна (урожд. Кульчицкая; 1878–1963). Ростовцевы и Рерихи были дружны еще с петербургских времен: они вместе работали в 1917 в Особом совещании по делам искусств при комиссаре Временного правительства над бывшим Министерством двора и уделов; в 1921 Ростовцевы посетили выставку Н.К.Рериха в Чикаго, где встретились с художником. Открытка Н.К.Рериха М.И.Ростовцеву из его архивного фонда в Дьюкском университете США опубликована: *Скифский роман / Под общ. ред. Г.М.Бонгард-Левина.* М.: РОССПЭН, 1997. С.190.

¹⁰ Рерих Юрий Николаевич (1902–1960) – выдающийся буддолог и тибетолог. В 1922 окончил Гарвардский университет (США), участвовал в экспедициях отца в Индии, Китае, Тибете и др. (1923–1928). Руководитель Института гималайских исследований в Кулу (Индия, 1928–1942). В августе 1957 вернулся в СССР, работал в Институте востоковедения АН СССР.

2

Naggar; Kulu, Punjab
British India
3 сентября 1938

Глубокоуважаемый и дорогой Георгий Владимирович, очень рад я был получить Ваше письмо от 20 июля. Надеюсь, что книги, посланные Вам 4-го июля, дошли сохранно. Сейчас заказной бандеролью посылаю Вам новую монографию английского поэта Б.Д.Конлана¹, а также сборник². Кроме того, я просил наше общество послать Вам из Риги книгу «Зельта Грамата»³, изданную ими к моему прошлогоднему юбилею. В этой книге кроме иностранного текста имеется и несколько русских статей, в которых подчеркнута русскость моего творчества, и это обстоятельство мне особенно ценно. За эту русскость мне неоднократно приходилось выдерживать всякие темные натиски. В конце концов, мы, русские, имеем немного друзей. Да и те, когда вспомнят, что мы русские и не отказываемся от нашей поистине прекрасной азийской родины, – начинают смотреть на нас особенно косо. Претерпел я это не только в Америке, но и в разных других странах, где всякую Россию боятся за потенциал ее мощи. Тем ценнее мне читать Ваши прекрасные исследования о русской культуре. Но, к счастью, мы можем фактически показать, что родина наша вовсе не дика и отстала, как стараются намекнуть разные авторы, но наоборот, явится для всего мира замеча-

тельным примером строительства. При каждом строительстве бывают трудные периоды – можно сказать, хаотические периоды, но без них не заблестят новые башни и твердыни. Русские люди поймут, что их задачи не на Западе, но именно в бескрайних пределах азиатских. Уже пятнадцать лет мы живем в Азии и личными прикосновениями и познаниями можем удостоверить, насколько правы все, кто понимают Россию как Азию. Для случайных туристов Азия – будет ли это Индия, Монголия, Тибет, Китай – явит один лик, но для живущих в ней долгое время проявятся иные сокровища. И как близки русскому сердцу все эти дары Востока. Язык, обычай, фольклор, все нагорные устремления, решительно все нам близко.

Вы, вероятно, читали о Русском Музее в Праге⁴. Хорошо, что и такой русский форпост утвердился. Юрий сейчас закончил свою историю народов Срединной Азии⁵ и шлет Вам свой душевный привет. Вероятно, эти строки дойдут к Вам при Вашем возвращении из Швейцарии – каждая газета полна таких сведений, что невольно вспоминается грозное пророчество Алексея Кареля⁶ о близости всеобщего сумасшествия. Тяжкие времена.

Шлю Вам мой сердечный привет – искренно Вам преданный

Н.Рерих

¹ Ирландский поэт и художественный критик Барнет Д. Конлан (B.D.Conlan; ?–1973) жил в Париже и был автором многочисленных публикаций о Н.К.Рерихе, в том числе монографии: *Nicholas Roerich: A Master of Mountains. Liberty (Indiana, USA): Flamma, 1938.* Другие публикации см.: Николай Константинович Рерих: Биобиблиографический указатель. М.: Международный центр Рерихов, 1999.

² По-видимому, речь идет о сборнике: *Roerich Essays: One hundred essays: In 2 vol. / Coll. and art. by V.Shibayev. India, 1936.*

³ См.: *Zelta gramata: In dedication to 50 years of creative activity of Nicholas Roerich & First Baltic Congress of Roerich Society, 10 October 1937. Riga: Roerich muzeja, 1938.*

⁴ Имеется в виду Русский культурно-исторический музей в пригороде Праги – Збраславе, организованный бывшим секретарем Л.Н.Толстого В.Ф.Булгаковым в 1934. В предисловии к книге В.Ф.Булгакова и А.И.Юпатова «Русское искусство за рубежом» (Прага; Рига, 1938) Н.К.Рерих назвал этот музей «маяком русского искусства и науки за рубежом»; он передал музею ряд своих работ, которые составили специальный «Зал имени академика Н.К.Рериха». См.: «Мы живем и творим для будущего»: Из переписки В.Ф.Булгакова с Н.К.Рерихом (1936–1947) // Ариаварта. Запад и Восток: История исследований Центральной Азии. 1999. №3. С.220–252.

⁵ По-видимому, это высказывание несколько опережало реальные события. Как известно, Ю.Н.Рерих всю жизнь писал монографическую историю Центральной Азии, но так и не завершил ее, постоянно добавляя новые сведения. Рукопись перепечатана в Москве уже после смерти ученого.

⁶ Каррель (Каррель) Алексис (Carrel; 1873–1945) – известный французский патолофизиолог, член-корреспондент и почетный член РАН/АН СССР, лауреат Нобелевской премии (1912). Отстаивал необходимость расширения научных исследований за рамки, принятые ортодоксальной наукой; автор монографии «Человек неизвестный» («Man the Unknown»). В последние десятилетия жизни философ-пессимист.

IV

«Живу идеей объединения славян...»
Михаил Критский – Георгию Вернадскому

Офицер штаба Добровольческого корпуса генерал-лейтенанта А.П.Кутепова Михаил Александрович Критский (4 января 1882, Москва – 30 сентября 1969, Медон)²⁰ встретился с профессором Таврического университета Георгием Вернадским весной 1920 в Крыму. Вместе со своим гимназическим и боевым другом, также кутеповским офицером, М.А.Бакуниным²¹ свой последний пасхальный отпуск в России Критский проводил в имении «Горная Щель» на Южном берегу в обществе известных русских либералов и их семей²². Дальше потомственного дворянина Критского ожидала эвакуация в Константинополь, скитание по палаточным лагерям Галлиполи, высылка с А.П.Кутеповым из Болгарии, переезд с ним же в Сербию и Париж, где Критский выполнял обязанности секретаря генерала. После гибели А.П.Кутепова в 1930, а с ним и надежд на скорую военную интервенцию на СССР, Критский переключился с подготовки будущих военных батальонов на описание их прошлого²³ и торговлю книжным антиквариатом. Другого

²⁰ См.: Незабываемые могилы: Российское зарубежье: Некрологи 1917–1999 / Сост. В.Н.Чуваков. Т.3. М., 2001. С.558. Сын члена Московского окружного суда, статского советника Александра Андреевича и Конкордии Васильевны Критских, потомственный дворянин, внесенный в 3-ю часть дворянской родословной книги Владимирской губернии, Критский с 1891 учился в Московской частной гимназии Л.И.Поливанова, затем с 1900 – на юридическом факультете Московского университета, где слушал лекции по истории древней философии у С.Н.Трубецкого. За участие в университетской сходке 29 января 1901 задержан в феврале 1902 и 2 месяца находился под арестом (см.: ГАРФ. Ф.102. Департамент полиции. Особый отдел (далее – ДП ОО). 1903. Д.2088). Окончил университет в 1904 с дипломом 2-й степени и вскоре поступил на историко-филологический факультет Московского университета, который, однако, не закончил (ЦИАМ. Ф.418. Оп.314. Д.426). Пошел добровольцем на фронт в 1914, служил в 6-й Сибирской артиллерийской стрелковой бригаде в составе Юго-Западного фронта генерала А.А.Брусилова.

²¹ О М.А.Бакунине см. примеч. 1 к письму 1 в наст. разделе.

²² См.: Вернадский В.И. Дневники. 1917–1921 / Сост. М.Ю.Сорокина, С.Н.Киржаев и др. Киев, 1997. Т.2: 1920–1921. С.59, 63, 64, 137.

²³ См.: примеч. 5 к письму 2, примеч. 2 к письму 5 в наст. разделе; см. также: Виноградов (Н.) <Критский М.А.>. Взрыв в ОГПУ 6 июля 1928 г.: Памяти двух

предназначения боевому русскому офицеру уже не нашлось. Похоронен М.А.Критский в Сент-Женевьев-де-Буа.

Публикуемые письма хранятся: BAR. G.Vernadsky Coll. Box 43.

1

Галлиполи,
13 мая н. ст. <1921>

Дорогой Георгий Владимирович!

Получил Ваше письмо и дал прочитать его Бакуниным¹ – они еще не уехали, хотя их записали в первую очередь кандидатами в Венгрию. Мише Алексеевичу предлагают еще место химика в Болгарии, теперь дожидается только официальной телеграммы и визы. Продолжаем сидеть в Галлиполи, ждем со дня на день, что попадем в Юго-Славию; говорят, что тронемся в конце мая, но реального ничего нет. Французы только пугали, что перестанут кормить, недавно привезли консервы на 1½ месяца. Часто вспоминаю Нину Владимировну² и ее обеды, не побудь я у Вас месяц и не откормись, наверное, остались бы от меня одни кости – прямо видеть не могу «консервь», как у нас говорят. Живу больше чаем и хлебом, хотя сахар йок.

Несмотря на предложение французов ехать в Совдепию или Бразилию, малодушных оказалось всего до 2000 человек. Оставшиеся как-то еще больше сплотились. Молча проглотили и воззвание французов к нашей чести с упреком, что мы дармоеды. Медленно, но верно растет ненависть к нашим бывшим союзникам.

Начальника штаба ген<ерала> Достовалова³ отчислили – проворовался. Живем по-прежнему дружно своей компанией; становится кисло на душе, когда подумаю, что Бакунины уедут.

Большое спасибо за Ваше приглашение, оно меня очень тронуло, но пока еще решил оставаться в Армии. Пока не придет приказа от Главнокомандующего⁴, что Армия распущена, – буду сидеть.

Пасху встретили хорошо. Трогательно было видеть все праздничное. Построили церковь из палатки, из обломков рельс были колокола, из консервных банок паникадила. В доме у каждого куличек, несколько крашенных яиц, кое-какие закуски, в которых доминирующую роль играла та же «консервь». Барышни с детишками принарядились.

Жалко, что Вы не заехали к нам. Бывает здесь тяжело, но есть одно, что ни у кого у всех эмигрантов нет, – это чувство, что мы здесь, в Галлиполи, создали какой-то кусочек Родины. Детский сад,

зарубежных добровольцев Георгия Родкевича и Дмитрия Мономахова // Возрождение. 1957. Кн.71; *Критский М.* Истоки добровольчества и его сущность // Там же. 1968. Кн.193-197; 200-204, 206.

гимназия, библиотека, народный университет, санатории, больницы. Даже открылся театр: сцена, обтянутый палаткой фундамент и стены разрушенного дома, партер в развалинах старой крепости, тут же кипарисы и минии, сзади море, а потолок – синее небо с реющими ласточками, а к концу спектакля зажигаются звездочки. Великолепные хоры.

Ну, пока всего хорошего, крепко жму Вашу руку, сердечный привет Нине Владимировне.

Ваш Мих. Критский

Датируется по содержанию.

¹ Семья М.А. и С.М. Бакуниных – друзей и родственников Г.В.Вернадского. Бакунин Михаил Алексеевич (1880–1962) – друг М.А.Критского по Поливановской гимназии; дворянин Тверской губернии, владелец имения «Горная Щель» в Крыму. Учился на физико-математическом факультете Московского университета, за участие в студенческих беспорядках в январе 1901 уволен из университета, уехал во Фрейбургский университет. За границей активно общался с редактором «Освобождения» П.Б.Струве, находился под секретным наблюдением российской охранки, его письма перлюстрировались (Ф.102. ДП ОО. 1903. Д.1593). Ушел на фронт добровольцем; в 1914–1918 – уполномоченный санитарного поезда Дворянского собрания; получил отравление газами; поручик 6-й Сибирской артиллерийской стрелковой бригады в составе Юго-Западного фронта генерала А.А.Брусилова. С середины 1919 – в Добровольческой армии. После эвакуации из Галлиполи в Болгарии: в 1924 на службе в дирекции Американских практических технических курсов в Софии; в 1927–1928 – в La Commission d'Emigration Greco-Bulgare. Затем жил в Бельгии, секретарь правления Русского Национального объединения. Занимался защитой прав русских эмигрантов, литературной деятельностью. Его жена – Бакунина Софья Марковна (урожд. Любошинская; 1889–1979?) – двоюродная сестра Г.В.Вернадского, дочь М.М. и А.Е. Любошинских; окончила московскую гимназию Алферовой; в 1920 жила в имении «Горная Щель» на Южном берегу Крыма (ее воспоминания об этом см.: *Вернадский В.И.* Дневники. 1917–1921. Т.2. С.133–137). После эвакуации из Галлиполи жила в Болгарии, работала в секретариате La Commission d'Emigration Greco-Bulgare (1923–1930), затем в Бельгии. Значительная часть семейного архива передана ею по предложению Г.В.Вернадского Бахметевскому архиву Колумбийского университета (США). Об исторической судьбе рода Бакуниных см.: *Сысоев В.* Бакунины. Тверь: Созвездие, 2002.

² Н.В.Вернадская.

³ Достовалов Евгений Исаакович (1882–1938) – генерал-лейтенант; начальник штаба 1-й армии с августа 1920, затем в управлении 1-го армейского корпуса в Галлиполи; к 1922 – в Греции. Вернулся в СССР, служил в РККА. Репрессирован. Публикацию его воспоминаний см. в кн.: Константинополь – Галлиполи / Сост. С.В.Карпенко. М.: РГГУ, 2003.

⁴ Врангель Петр Николаевич, барон (1878–1928) – с марта 1920 Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России и Русской армии.

2

19 августа 1921

Галлиполи

Штаб Корпуса генерала Кутепова

Дорогой Георгий Владимирович,

на днях только что поправился. Мы все здесь болеем москитной лихорадкой. Дня 3–4 в жару, а потом дней 10 сильная слабость, хо-дишь, как осенняя муха. И эта лихорадка к тому же периодически повторяется. Миша и Софья Марковна переболели уже второй раз. Я Вам писал, писала много раз и Софья Марковна, неужели Вы наши письма не получаете? Ваши я получил за исключением того, в кото-ром были вложены 3 английских фунта. Предпоследнее с 300 драх-мами и последнее с письмом из Москвы я получил. Вы не поверите, дорогой Георгий Владимирович, как Вы меня тронули Вашей забот-ливостью. 300 драхм я распределил, как Вы написали. Бакунины в скором времени уезжают в Болгарию; командир корпуса¹ Алексеича отпускает. Едут они к дядюшке², он устроился и обещает место. Миша только ждет, пока у него не заживет нога, на ней какие-то на-рывы. Во всяком случае, думают выехать в этом месяце. Ромберг³ все время стремится к Вам, но только необходимо для визы, чтобы Вы прислали ему удостоверение на греческом языке⁴, что Вы служи-те в таком-то учреждении, получаете такое-то содержание и что Вы приглашаете к себе Ромберга. Конечно, это удостоверение должно быть с соответствующими подписями и печатью. Только в этом слу-чае из Галлиполи Ромберг может получить визу. Большое спасибо за Ваше приглашение и обещание устроить меня, но сейчас разорвать с Армией определенно не могу. В Галлиполи нас около 20 000 чело-век. Кавалерия отправилась в Сербию, остальных, вероятно, повезут в Болгарию. Наше ядро пока еще крепкое, Бог даст, останется таким и до того момента, когда понадобится России. Я продолжаю думать, что этот момент теперь может наступить скоро и всякая организо-ванная сила будет страшно нужна; вот почему мне и не хочется ухо-дить из Армии, в которой я уже пробыл три года. Бывает, конечно, тяжело иногда, но зато есть и большие плюсы пребывания в Армии – верите ли – здесь в Галлиполи я не чувствую себя эмигрантом, а прежним русским офицером. Последнее время занялся литературой – и одну рукопись уже отослал в печать; другую заканчиваю. Первая – это «Русская армия в Галлиполи – сказка наших дней»⁵. Ромберг ее сейчас иллюстрирует, и, может быть, удастся ее издать отдельной книжкой. Очень будет мне интересно узнать Ваш отзыв об этой сказке. Где она будет напечатана, не знаю, но, по всей вероятности, в «Зарницах»⁶. Другая – это «10 дней в Чрезвычайке» – рассказ, запи-санный мною со слов бывшего в этом ужасе. Готовлю еще кое-что.

Сегодня в Галлиполи встретил Лукаша⁷, он приехал из Константинополя, привез от всего общежития⁸ поклонны. На днях зайдет и подробно расскажет обо всех. При случае Вам все опишу.

Живем той же компанией – Бакунины, Родичев⁹, адъютант командира корпуса – б<ывший> студент-технолог и брат командира корпуса. Иногда изнываем от жары. Уже месяца 2 ни одной капли дождя. Ходим купаться в море. Особенно любят это дело Сашко и Алеша¹⁰. Плавают они теперь, как хотят и в какой угодно ветер. Сашко залезает на вышку и оттуда ныряет в море. Заметьте, эта вышка построена на довольно далеком расстоянии от берега и для офицеров фехтовальной школы – очень высоко над морем, и этот маленький прыщ прыгает, как хочет. Оба учатся; Алеша всегда хорошо, а последнее время стали хвалить и Сашко, а он ведь порядочный сорванец; по пути ни одного греченка и турченка в покое не оставит, кому подзатыльник, а с кем и подерется. Софья Марковна очень ослабела, не выдержали ее силы и от лихорадки, и от работы. Готовить, обстирать, обшить четверых, конечно, тяжело. Так что, как мне ни грустно, но и я советовал им ехать в Болгарию на вольные хлеба. Как бы ни скоро не пала большевистская власть <sic!>, все равно ехать туда с детьми невысказано, пускай Алексеич покормит их здесь. Когда они уедут, тоскливо будет.

Бакунины Вам кланяются. С<офья> Марк<овна> Вам писала; Ромберг сегодня от Вас получил письмо, но он в лихорадке. Левицкого¹⁰ не видел.

Поцелуйте ручки Нине Владимировне.

Крепко жму Вашу руку, еще раз большое спасибо Вам. Мне очень хотелось бы иметь возможность не на словах, а на деле показать Вам чем-нибудь свое сердечное расположение, какое я к Вам почувствовал еще в Константинополе. Всего хорошего.

Ваш Мих. Критский

¹ Кутепов Александр Павлович (1882–1930) – генерал-майор, командир Корниловского ударного полка, 1-й пехотной дивизии. В 1920 командующий 1-й армией, с которой эвакуировался в Галлиполи. С конца 1921 жил в Болгарии. В мае 1922 выслан, поселился в Белграде. С начала 1924 – в Париже. После смерти П.Н.Врангеля возглавил Российский общевоинский союз. В 1930 похищен в Париже советскими агентами, скончался на борту советского судна на пути к Новороссийску.

² По-видимому, речь идет о двоюродном дяде С.М.Бакуниной Георгии Егоровиче Старицком (1867–1946), родном брате матери Г.В.Вернадского. Присяжный поверенный в Полтаве с 1913, кадет, в администрации А.И.Деникина – полтавский губернатор. В 1920 эмигрировал в Болгарию, работал в банке, подрабатывал художественной фотографией, сотрудничал в Народном этнографическом музее в Софии. Скончался в Болгарии.

³ Ромберг Борис Федорович (?–1935) – художник, близкий знакомый Г.В.Вернадского. В 1905 окончил школу Общества поощрения художеств; участник Восточно-туркестанских экспедиций С.Ф.Ольденбурга (1909–1910, 1914–1915). В дальнейшем жил в Полтаве, заведовал местным краеведческим музеем (1919). В Белом движении – подпоручик инженерной роты Дроздовского; затем в эмиграции (Греция, Чехословакия). Занимался иконописью. Письма Б.Ф.Ромберга Г.В.Вернадскому за 1913–1920 см.: ГАРФ. Ф.1137 (Г.В.Вернадский). Оп.1. Д.295, 412; письма более позднего периода: BAR. G.Vernadsky Coll. Vox 61, 62. Один из сыновей Б.Ф.Ромберга – Серафим (Светик) был крестником Г.В.Вернадского. Учился в русской гимназии в Праге; во время Второй мировой войны – в Американской оккупационной зоне в лагере около Касселя, затем в США. Второй сын, Сергей (?–1992), в 1937 ушел в монастырь во Владимирово на Карпатах в Пряшевской Руси; вместе с монастырем в годы Второй мировой войны эвакуировался сначала в Братиславу, затем в Берлин. После войны – в Женеве, затем в 1946 в числе братьев монастыря преподобного Иова Почаевского прибыл в США; архимандрит Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (Holy-Trinity monastery, Jordanville). Третий сын, Михаил, учился в Академии художеств в Праге, жил там же. Жена Б.Ф.Ромберга – Инна Адамовна (1887–1969) жила в Мукачево, работала в приюте, затем в Ужгороде – смотрительница в музее, занималась живописью. В 1950-е Г.В.Вернадский пересылал ей письма ее сыновей из США. В сохранившемся в Бахметевском архиве письме из Галлиполи от 28 июня 1921 Ромберг просит Г.В.Вернадского о приглашении в Афины себе и, заодно, Николаю Петровичу Толлю, своему другу, полковнику-артиллеристу, за которого ручается, как за самого себя. Впоследствии Н.П.Толль стал мужем сестры Г.В.Вернадского (см. примеч. 32 к разделу «Скорбные дни Рождества»). Судя по дневнику Г.В.Вернадского, Б.Ф.Ромберг и Н.П.Толль появились у него в Афинах около 4 сентября 1921.

⁴ В это время Г.В.Вернадский уже находился в Греции.

⁵ Под названием «Сказание о галлиполийском сидении» издана в Белграде в 1922 Обществом галлиполийцев.

⁶ Журнал, издававшийся в 1921 в Константинополе.

⁷ Лукаш Иван Созонтович (1892–1940) – журналист, писатель. Участник Белого движения. В ноябре 1920 эвакуировался из Крыма в Константинополь. Затем жил в Галлиполи, Болгарии (Тырново, София), Австрии (Вена), Чехословакии (Прага). С 1922 в Берлине, в 1925 переехал в Ригу, с 1927 в Париже.

⁸ Имеется в виду так называемая «Вилла ка-де», т. к. здесь проживали многие члены кадетской партии (П.Д.Долгоруков, П.П.Юренев и др.), а также многие другие политэмигранты, упомянутые в письмах Критского, – К.И.Зайцев, И.С.Лукаш, Н.А.Цуриков; кроме того, по воспоминаниям Г.В.Вернадского, здесь неоднократно бывал В.Г.Терентьев (см. примеч. 3 к письму 8 Р.Якобсона в наст. публ., а также: *Вернадский Г.В.* Из воспоминаний // Вопросы истории. 1995. №3. С.112, 119).

⁹ Личность не установлена. К роду известного либерала Ф.И.Родичева отношения не имел.

¹⁰ Сыновья М.А. и С.М. Бакуниных. Алексей (1910–?) окончил русскую школу в Галлиполи и русскую гимназию в Софии. Получив стипендию, уехал в Бельгию, женился на Екатерине Владимировне Кутеповой (1912–?). С 1937 работал в Конго как инженер-транспортник; см. о нем статью М.А.Критского: *М.К. Русские в Конго // Новое русское слово*. 1960. 17 августа. Александр (Сашко) (р. 1912) окончил Софийскую русскую гимназию, затем жил в Бельгии, женат на Е.В.Калустовой.

¹⁰ Левицкий Сергей Павлович (?–1945) – двоюродный брат жены Г.В.Вернадского, подпоручик, служил в корпусном интендантстве корпуса генерала Кутепова; после эвакуации жил в Галлиполи, Будапеште, Праге.

3

Галлиполи
24 октября <1921>

Дорогой Георгий Владимирович,

только недавно я получил Ваше письмо от 27 июня с тремя фунтами – шло оно три с лишним месяца, – а вслед за ним пришло письмо и от 5 октября. На тот случай, если бы Ромберг не добрался до Вас и вернулся бы в Галлиполи, я хранил его фунт, теперь же, конечно, сделаю, как Вы пишете. Большое Вам спасибо. Вся компания, с которой я живу, сразу ожила, и Ваши деньги оказались тем более кстати, что один из сожителей – Гаврило Родичев – женился. Женился он на сестре милосердия – Рейнбот – дочери петроградского присяжного поверенного¹. Она очень милая, знает несколько языков, но только плоха здоровьем и миниатюрная. Живут Родичевы рядом с нами в комнате Бакуниных, но, по всей вероятности, нам всем на днях придется переезжать. Живем мы в школе, а турки решили ее открывать, и то они терпели нас целый год! Думаем переселиться в пещеры около самого моря. Наш отъезд в Болгарию все задерживается. По последним сведениям, будто переедем через месяц. Мы прямо не дождемся этого момента. В Болгарии, пишут, хорошо кормят и платят побольше жалованье, а кроме того, и осточертела же галлиполийская жизнь – впервые за 7 лет мы сидим целый год неподвижно да еще в такой дыре. Как мы вообще живем, Вам Ромберг, наверное, рассказывал. Передайте ему, пожалуйста, привет. Сказку я посылаю с этим же письмом, ее кто-то в Галлиполи взялся иллюстрировать, но кто именно – не знаю и рисунков не видел. Пока она нигде не напечатана, некоторые брались за это, но, должно быть, ничего не вышло; по крайней мере, с «Зарницами»². Да и я как-то охладел к ней.

От Бакуниных получил одно письмо из Константинополя дня через 4–5 после их отъезда, а с тех пор от них ни слуху, ни духу. Очень о них мы все беспокоимся. Я им писал, но никакого ответа.

Очень скучаю без них, но надеюсь, что в Болгарии с ними будем видеться.

Получил я два письма из Москвы. Плохо там и вести тяжелые. Погиб мой брат³, так я его с 1914 года и не видал.

Ну, пока всего хорошего, крепко жму Вашу руку и мой сердечный привет Нине Владимировне. Буду очень рад, если напишете как-нибудь поподробнее. По приезде в Болгарию Вам тотчас напишу.

Ваш Мих. Критский

P.S. Посылаю еще письмо на имя Б<ориса> Фед<оровича Ромберга>.

Датируется по содержанию.

¹ Рейнбот Павел Евгеньевич (1855–?) – юрисконсульт, до марта 1917 – председатель Петроградского окружного суда.

² См. примеч. 5 к письму 2 в наст. разделе.

³ Брат М.А.Критского – Александр (1888–?). У Критского была еще сестра – Лидия (1885–?).

4

8 февраля 1922 г.

Велико Тырново.

Штаб Корпуса Генерала Кутепова

Дорогой Георгий Владимирович,

первым приветствием, полученным мною на болгарской земле, было Ваше письмо из Карловцев¹. Я это счел за очень добрые ауспиции². Мы переезжали, устраивались. Живу теперь со Штабом Корпуса в В<елико> Тырново. Все части расселены по городкам и местечкам Болгарии – как будто ее оккупировали. Отношения жителей к нам прекрасные, лучшего желать нельзя. Армия сейчас отдыхает душой и телом. Исчезло то напряженное состояние, которое было в Галлиполи, – это всегдашняя возможность столкновений с французами в защиту национального достоинства. Исчезли консервы и фасоль, о, будь они неладны. И даже получаем небольшое жалованье. Мы все живем надеждой на весну и начало лета. Есть кое-какие перспективы. Во всяком случае, думаю, что этот год будет решающим. Хочется верить в хороший конец. Сам я живу идеей объединения славян. Считаю, что с самого начала союзническая и немецкая ориентация были крупнейшей нашей ошибкой. Моральную и физическую поддержку – единственно мы можем черпать только у славян. Без Великой России – погибнут славяне, с возрожденной Россией – воскреснет и окрепнет жизнь на Балканах. Идее

Интернационала славяне должны противопоставить идею Всеславянства. Эта идея на Балканах живет и ждет небольшого толчка для ее кристаллизации. Русская Армия и все русские должны, по-моему, выявить эту идею и стать цементом всех славян. Мы должны подготавливать 2-ую Освободительную войну. Весь центр мировой политики будет перенесен с Запада на Балканы, раз только народится Великий Славянский Союз. И в формы Р<русской> Армии надо вдохнуть содержание, и русские беженцы должны почувствовать себя не бедными родственниками. Я Вам многое мог бы сказать по всему этому вопросу, и как жаль, что Вы далеко. Мне кажется, Вы во многом могли бы помочь. К воплощению этой идеи я уже делаю кое-какие шаги.

С нетерпением буду ждать от Вас вестей. Как Вы живете, как Нина Владимировна? Где и что Ромберг? Если он не оставил мысли иллюстрировать мою сказку, то не прислать ли ее в переделанном теперь несколько виде? Спросите его об этом и, пожалуйста, отпишите.

Бакунины, верно, собираются ехать в Чехию. С ними мне не удалось свидеться, но не теряю надежды.

Ну, пока всего хорошего, крепко жму Вашу руку и целую ручки Нине Владимировне.

Ваш Мих. Критский

P.S. Страшно Вам благодарен за пересылку писем из Москвы. Они от моей приятельницы. Тяжело там. М.К.

¹ В Сремских Карловцах (Сербия) располагалась резиденция Высшего Русского церковного управления, переехавшего сюда по приглашению Сербской патриархии из Константинополя. В ноябре–декабре 1921 здесь состоялось Общецерковное заграничное собрание Управления, учредившего новую организационную структуру Русской православной церкви – Архиерейский (Карловацкий) синод, объявивший себя временным местоблюстителем Священного Синода Российской империи. Во главе Синода встал бывший киевский митрополит Антоний (в миру Храповицкий Алексей Павлович; 1863–1936).

² Предзнаменование, вид на будущее (*лат.*).

5

2 августа 1922
Belgrad, Kralice Natalji 94

Дорогой Георгий Владимирович,

Пишу Вам уже из Сербии, куда приехал недели три тому назад. Два с лишним месяца был в пути, причем большую часть этого времени провел в Салониках в ожидании визы в Белград. Визы я не до-

ждался и пустился в путь без нее. Предприятие это обошлось довольно тяжело для моих ног, но в общем прошло благополучно. Из Болгарии я был «экстернирован» вместе с генералом Кутеповым. Нас отправили в Грецию на Андрианополь, так как болгары ни в коем случае не хотели нас пускать в Сербию. Что происходило в Болгарии, Вы, конечно, знаете из газет. Сейчас гонения на Армию несколько поутихли, но одиночные высылки офицеров продолжают до сих пор. Ко всему этому средства Армии истощились, и большая часть ее чинов теперь вынуждена стать на работы. Но несмотря на все эти передряги, воинская организация в частях Корпуса сохраняется, и, как пишут из Болгарии, войска не падают духом. Все по-прежнему держатся своих полков, все по-прежнему верят в грядущее возрождение России и надеются, что Русская Армия будет нужна Родине. Ну, а пока что – мечи сменены на лопаты и топоры. И это не было бы грустно, если бы в будущем были бы какие-нибудь утешительные перспективы, а их-то, по правде сказать, нет. Наши «бояре думающие» дальше директивы – терпите, орлы, терпите – в своем творчестве не подвинулись ни на шаг. Армия, как была, так и остается одинокой.

Я живу с генералом Кутеповым. Живем тихо и скромно. Генерал по-прежнему спокоен и выдержан, но на душе у него тяжело. Долго ли мы с ним останемся в бездействии – сказать трудно.

Софью Марковну видел в Софии мельком и то в присутствии болгарского джентльмена, милостиво мне разрешившего к ней зайти. От нее я недавно получил известие, что Ваши родители благополучно выехали из Совдепии и сейчас уже находятся в Париже¹. От всей души порадовался за них и за Вас. Будете писать им – пошлите мой сердечный привет.

Есть у меня к Вам и просьба. Сидя в Болгарии, я обработал кое-какие оставшиеся у меня материалы и написал: «Красная Армия на Южном фронте в 1918–1921 гг. (по секретным приказам и документам, захваченным в боях 1<-м> Корпусом Добровольческой Армии)»². Эту рукопись И.С.Лукаш послал в «Русскую Мысль» – Зайцеву³. Если Вас не затруднит, узнайте, пожалуйста, от него или у Струве⁴, получена ли моя рукопись и принята ли она в журнал. Если нет, то нельзя ли ее мне прислать обратно, т. к. я тогда ее отправлю в «Архив Русской революции»⁵. Рукопись эта послана месяца 2½ тому назад, как раз накануне моего отъезда из Тырнова, так что не в курсе, возможно, присланного ответа Лукашу. Лукаш же, как я слышал, уехал в Варну справлять свою свадьбу, а оттуда думает ехать в Берлин, и с ним я поэтому до сих пор не могу списаться. Крайне меня обяжете, если не задержитесь ответом по этому делу.

Что же касается славянских идей, то несмотря на все тяжелые неприятности со стороны братушек, все-таки стою на прежней плат-

форме – ориентация России может быть только на славян. Но место болгарам я все-таки придумал – это при случае высылать их из России через Японию.

Поцелуйте ручки Нины Владимировны и передайте мой привет Ромбергу.

Всего хорошего. Крепко жму Вашу руку.

Ваш Мих. Критский

¹ В.И. и Н.Е. Вернадские находились в Париже в 1922–1925 в научной командировке от Российской Академии наук.

² Издана в 18-м томе «Архива русской революции» (Берлин, 1926); ре-принт: М., 1993.

³ Кирилл Осипович (Иосифович) Зайцев (архимандрит Константин; 1887–1975) – экономист, историк, литературовед, богослов. В Крыму – член комиссии по аграрной реформе правительства П.Н.Врангеля. В эмиграции с 1920 – приват-доцент, затем профессор Русского юридического факультета в Праге и Педагогического института в Харбине; в 1936–1938 – профессор политэкономии в Харбине. В 1949 принял монашество. Профессор пастырского богословия и русской литературы в Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле.

⁴ Струве Петр Бернгардович (1870–1944) – экономист, философ, публицист. Член ЦК кадетской партии. Редактор журнала «Русская мысль», издававшегося в эти годы в Праге – Берлине.

⁵ Многотомное издание, публиковавшееся И.В.Гессеном в Берлине в 1921–1937.

6

16 августа 1922

ул. Кралице Наталји 94

Управление Российского Военного Агента, Белград

Дорогой Георгий Владимирович,

снова обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой: посылаю Вам свой последний экземпляр – «Красная Армия на Южном фронте в 1918–1921 гг.», передайте ее, пожалуйста, Струве или Зайцеву, попросите ее прочесть и сообщить мне через Вас или самим, будет ли моя работа принята в «Русскую Мысль», и если да, то когда приблизительно ее могут напечатать. Если почему-либо моя рукопись для журнала окажется неподходящей, то будьте благодетелем до конца – отправьте ее, не задерживая, в «Архив Русской Революции» с препроводительным письмом. От Вас это будет скорее, а кроме того, я лично никого не знаю из этого журнала. Ужасно обидно, что моя рукопись затерялась в редакции «Русской Мысли», а кроме того,

пропало зря два месяца. Мне хотелось сначала мою работу пропустить через журнал, а уже потом издать ее отдельной брошюрой, как мне это предлагают.

Сам я лично ничего не пишу Зайцеву, потому что у него, очевидно, нет привычки отвечать на письма – я недели 2–3 тому назад запрашивал его о судьбе рукописи, но до сих пор не получил ответа. Не ответил он и Лукашу, который послал ему с моей рукописью препроводительное письмо.

Тороплюсь я с напечатанием моей работы потому, что, по-моему, кроме исторического интереса, она отвечает до некоторой степени и на злободневный вопрос – действительно ли красная армия могуча и страшна.

От Бакуниных целый месяц ни слуху ни духу. Начинаю очень беспокоиться. Не знаете ли Вы что-нибудь про это святое семейство. Не расхворались ли они?

Из Болгарии по-прежнему неутешительные вести.

Приветствуйте Нину Владимировну, а Вашей сестре я сегодня пишу тоже.

При случае, будете писать, поклонитесь Ромбергу и, пожалуйста, пришлите мне его адрес.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Мих. Критский

7

1 октября 1922
ul. Kralice Natalji 94
Légation Russe Belgrad

Дорогой Георгий Владимирович,

большое вам спасибо за все Ваши хлопоты с моей рукописью. Жду теперь решения, примут ли ее, и если да, то в какой журнал.

Живу без перемен. У нас начались дожди. Холодно, грязно и тоскливо. Все близкие остались в Болгарии, а оттуда продолжают идти тяжелые вести. Кадры Русской Армии постепенно тают. Бедные юнкера через несколько дней после выпуска и производства в офицеры отправляются в рудники на работы. Болгары грубы и жестоки, работа тяжелая.

До сих пор не могу помириться с мыслью, что такая национальная сила, как 1-ый Корпус, может в конце концов погибнуть, и особенно в настоящее время, когда на горизонте снова грозят тучи. Рано или поздно, но Европа столкнется с Совдепией, а наши «бояре думающие» или спорят, или же размышляют, но дела никакого не делают. Что мы будем предпринимать в случае войны – никто не

знает. Поступать в ландскнехты немислимо, оставаться пассивным зрителем будет невозможно. Единственный выход, по-моему, – создавать национальное правительво в противовес III Интернационалу, но и тут тысячи разногласий.

Что это Вы делали в Карпатской Руси? Наверное, там много любопытного. Буду очень рад, если поделитесь впечатлениями.

Пожалуйста, поблагодарите Нину Владимировну за ее письмо, хоть и грустно было его читать, но все-таки вести о родной стороне. Большое ей спасибо и за то, что она написала Любощинским¹ о том, что виза для В.А.Карцевой² послана в Эстонское посольство. Только, к сожалению, пока нет никаких вестей из Москвы.

Передайте, пожалуйста, мой сердечный привет обеим Нинам Владимировнам³, и крепко жму Вашу руку.

Всего хорошего. Пишу Вам на Прагу, думаю, что Вы уже вернулись из Берлина. Что это вдруг Вас стало носить из одной страны в другую? Не вздумали ли Вы заниматься политикой?

Ваш Мих. Критский

P.S. Как Ваш адрес, а то я запутался.

¹ Родители С.М.Бакуниной – Любощинские Анна Егоровна (1865–1930) и Марк Маркович (1864–1952). Любощинским-старшим принадлежали в Москве два дома (Зубовский бульвар, 15), в одном из которых в течение многих лет жили Шаховские, Кокошкины, Бакунины, Новгородцевы, Булгаковы, Старицкие и другие друзья и родственники хозяев. М.М.Любощинский с 1931 жил в Чехословакии у сына Марка, затем, с 1939 – в Болгарии у сына Павла, где и скончался. Прах захоронен на Введенском кладбище в Москве. Анна Егоровна до своей кончины в 1930 проживала в Москве на Зубовском.

² Будущая жена Критского – Вера Алексеевна Карцева.

³ Т. е. жене и сестре Г.В.Вернадского.

Дорогой Георгий Владимирович,

одновременно посылаю Вам заказной бандеролью 2 экземпляра «Сказания о галлиполийском сидении», один прошу Вас принять на добрую память от всего сердца, а другой экземпляр, если это Вас не особенно затруднит, занести в какой-нибудь книжный русский магазин и предложить его как образец на комиссию. Цена экземпляра вместе с пересылкой 10 динар, на Вашу валюту 5 крон. У Вас в Пра-

ге много галлиполийцев, и у меня поэтому есть надежда, что небольшое количество всегда может разойтись. Если исполните мою просьбу, пожалуйста, напишите, сколько послать экземпляров и будут ли коммиссионные в этой цене или же вне ее, т. к. я не представляю себе, дорога ли будет моя брошюра в Праге. Здесь, в Белграде, цена ей несколько высока, очень дорого обошлась бумага и клише.

Затем другое дело – это по поводу статьи о Красной Армии, – наверное, уже выяснилось, примет ли ее Струве; если нет, пожалуйста, пошлите ее в Берлин Лукашу – его адрес: Herrn Iwan Lukasch, Pfalzbürgerstrasse 8 bei Irrgang Berlin W 15. Лукаш мне обещает ее поместить в «Архиве».

Простите, дорогой Георгий Владимирович, что я все время затрудняю Вас своими делами, так бы хотелось быть в свою очередь когда-нибудь Вам полезным.

Живу по-прежнему. Недавно из Парижа приехал мой Генерал, поездкой остался доволен, как будто намечается какой-то просвет в нашей жизни, но прямо боишься теперь чему-нибудь верить хорошему.

Софья Марковна работает, Миша без места и пасет детей. Возможно, что скоро к Вам подъедут Родичевы. Они приняты в Пражский университет, достают теперь деньги на проезд.

С нетерпением буду ждать конца Вашей работы о масонах¹, т. к. для меня это племя совершенно загадочное.

Пожалуйста, поблагодарите обеих Нин Владимировен за память и передайте мой сердечный привет.

Всего хорошего, крепко жму Вашу руку.

Ваш Мих. Критский

¹ Имеется в виду продолжение работы: *Вернадский Г.В.* Русское масонство при Екатерине II. Пг., 1917.

31 марта 1948 <Париж>
80, rue Alexandre Guilmant
Bellevue (S. et D.)

Дорогой Георгий Владимирович,

Ваш адрес я получил через моего знакомого проф<ессора> Б.Ижболдина¹, с матерью которого я живу в одном доме в предместье Парижа. Давно собирался Вам написать, да все откладывал...

Нисколько не будет удивительно, если Вы совсем запамятовали, кто и что я. Слишком много воды утекло с тех пор, как мы с Вами познакомились. Напомню о себе – с Вами впервые встретился в Константинополе², жил у Вас в общежитии недели две, а потом вер-

нулся в Галлиполи. Помню до сих пор Вашу трогательную заботу обо мне и о семье Михаила Алексеевича Бакунина, моего приятеля еще по Поливановской гимназии. Вы тогда прислали нам в Галлиполи сколько-то денег на пропитание и на покупку примуса. Звали меня потом в Грецию, где обещались устроить меня учителем русского языка. Наконец, через Вас нашла меня моя теперешняя жена, а тогда еще невеста Вера Карцева.

После Галлиполи жил в Болгарии. Вместе с Кутеповым отсюда был выслан Стамболийским³. Жил в Югославии, откуда переехал в Париж, где все время работал с Кутеповым. Изучал положение сельского хозяйства в СССР, писал об этом, делал доклады. Во время войны, когда потерял все возможности работать в журналах (преимущественно иностранных), стал заниматься книгами и теперь развил это дело. Занимаюсь главным образом русским антиквариатом. Попадают редчайшие книги по всем отраслям, в том числе и исторические книги.

Так вот, я и подумал, не нуждаетесь ли Вы сами или университет, в котором Вы читаете лекции, в русских книгах. У меня много покупателей в Нью-Йорке. И если да, не хотите ли использовать мои возможности. Вы будете мне присылать списки нужных Вам книг, я их буду разыскивать, а в свою очередь буду присылать Вам списки книг, имеющихся в моем распоряжении. Могу доставать и советские издания. Если цены на книги Вы будете находить высокими, предлагайте свои. При хороших заказах всегда возможна скидка.

По получении от меня почтой книг (до Нью-Йорка книга идет 3–4 недели) Вы будете со мною рассчитываться или посылками или небольшими купюрами в 10–20 долларов, вкладываемыми просто в конверт с письмом или же переводом денег лицу, живущему в Нью-Йорке и адрес которого я Вам сообщу.

Если Вас мое предложение устраивает, сообщите мне. Но и вообще буду очень рад получить от Вас весточку. Надеюсь, Вы и Ваша жена здоровы и благополучны.

Про общих знакомых могу Вам сообщить: Бакунин со своими двумя сыновьями живет в Бельгии, оба сына женились. Старший – Алеша служит в Бельгийском Конго начальником тяги железной дороги. Этой зимой приезжал ко мне со своей женой. Софья Марковна только недавно переехала из Болгарии в Бельгию. Семейная жизнь Бакуниных сложилась неудачно.

К.И.Зайцев перед войной женился и вскоре уехал в Харбин. Сейчас он в Шанхае, где похоронил свою жену и стал священником.

Н.А.Цуриков⁴ в лагере около Мюнхена. Конечно, живется ему несладко.

О москвичах сведений мало и большей частью неутешительные. Ну вот, пока довольно.

Всего доброго. Мой сердечный привет Вашей жене.

Жму Вашу руку

Искренно Ваш М.Критский (Михаил Александрович)

¹ Ижболдин Борис Сергеевич (1899–1970-е) – юрист и экономист, публицист. Доктор политэкономии Берлинского университета.

² Ошибка памяти: первое знакомство произошло в Крыму (см. предисловие к этому разделу).

³ Стамболийский Александр Стоименов (1879–1923) – председатель однопартийного правительства Болгарского земледельческого народного союза (1920–1923), сторонник сближения с Советской Россией. Убит в ходе государственного переворота.

⁴ Цуриков Николай Александрович (1886–1957) – публицист, монархист, друг детства младших Вернадских. Вступил добровольцем в офицерскую роту 2-го Дроздовского полка; в феврале 1920 из-за болезни эвакуирован в Новороссийск, затем перевезен в Крым. Здесь стал секретарем начальника Отдела печати врангелевской администрации – Г.В.Вернадского. С врангелевцами эвакуировался в Константинополь, работал на книжном складе. В Праге с 1923, слушатель Педагогического института, и. о. помощника секретаря Пражского отдела Русского национального союза. Печатался во многих эмигрантских газетах и журналах, один из редакторов еженедельной газеты «Россия и славянство» (Париж).

10

19 июня 1954

<Париж>

Дорогой Георгий Владимирович,

11-го июня послал Вам два тома «Истории СССР IX–XV вв.» в двух пакетах, в двух потому, что оба вместе превышают положенный вес. Эти тома я получил случайно, т. к. необходимо было подписаться предварительно, а теперь подписка уже не принимается, но во всяком случае, постараюсь Вам получать и последующие тома, но не взывайте, если не удастся.

Посланные книги стоили: 10,75 плюс почтовые расходы 1,90, всего же 12,65.

Считаю за Вами: за Бичурина¹ – 2,65; за Якубинского² и «Древняя Русь» – 2,80; за «Краткие сообщения» №50 – 1,70 и за «Историю СССР» – 12,65. Итого будет: 19,80.

Если Вас не затруднит, то при случае эти деньги перешлите по следующему адресу: Mr. Y. Butenko 530 West 136 Str, Apt. 46. New York 31, NY.

Надеюсь, что таможня не задержит «Историю СССР», а то последнее время только и слышишь жалобы: то изданные книги в

СССР конфискуют, то задерживают месяцами, а бывает, и на год. Задерживают даже рукописи, отправленные в Чеховское Издательство. Я не мог себе представить, что таможня является цензурой Чеховского Издательства, а вместе с тем это факт. Задержана рукопись, уже принятая издательством и обещавшая выслать аванс <sic!>, рукопись А.Н.Бенуа³. Задержана рукопись М.А.Осоргина⁴, посланная в издательство его вдовой⁵. Лежат в таможне уже много месяцев. И наконец, я сам видел официальное уведомление, что «Хижина Дяди Тома» Бичер Стоу, переведенная на русский язык и напечатанная в СССР, – конфискована. А сочинения Ленина проходят. У меня, например, много месяцев лежало в таможне напрестольное Евангелие. Что у Вас в Нью-Йорке, служащие на таможне не из сумасшедшего дома?

Задерживают книги, выписываемые университетами. Значит, есть цензура и на университеты? Статую Свободы, по-моему, из гавани надо удалить. Одновременно с этим только и читаешь, что все атомные секреты давным-давно куплены СССР. Вместо коня бьют по оглоблям...

От всей души желаю Вам поправиться и как следует отдохнуть. Занимаетесь ли у себя на даче садоводством или огородничеством. Это дело я люблю и отдыхаю на своих грядках.

Искренний привет Вашей жене и крепко жму Вашу руку.

Искренно Ваш М.Критский

¹ Имеется в виду подготовленное выдающимся русским синологом Н.Я.Бичуриным (в монашестве Иоакимф; 1777–1853) «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (Т.1-3. М.; Л., 1950–1953).

² Якубинский Лев Петрович (1892–1945) – лингвист. По-видимому, имеется в виду вышедшая в 1953 его «История древнерусского языка».

³ Бенуа Александр Николаевич (1870–1960) – известный искусствовед. По-видимому, речь шла о его книге «Жизнь художника» (Нью-Йорк, 1955).

⁴ Осоргин Михаил Андреевич (1878–1942) – писатель.

⁵ Татьяна Алексеевна Бакунина-Осоргина (1904–1995).

Дорогой Георгий Владимирович,
давно от Вас не имел никаких вестей. Все ли у Вас благополучно? Как здоровье?

Мы помаленьку скрипим. Только труднее становится работать, а впереди мрачные перспективы: обеспечения при наступившей старости – никакого.

Вы, наверное, уже знаете, что Софья Марковна получила от сестры письмо из Москвы¹. Помимо нее многие мои знакомые тоже получили письма от своих родных, и что всего удивительнее, в двух случаях с просьбами прислать визы во Францию: хотят повидаться... Визы посланы.

Вернулся еще сюда один казак, в свое время уехавший в Германию, чтобы драться с большевиками. Во время немецкого краха перебросился в Италию, но здесь был выдан большевикам американцами, сослан на далекий Север, выжил, а теперь его выпустили как французского подданного (французы его покрыли). Мне говорили, что рассказывал много интересного, но я его не слышал, он живет за Парижем. Когда буду в тех краях, хочу его повидать.

Две просьбы к Вам:

1) Чтобы не тратиться на излишние марки, прилагаю для Вашего университета два списка. Надеюсь, что найдут что-либо подходящее. Эти списки, пожалуйста, передайте по назначению.

2) Если Вы помните, сообщите, в скольких экземплярах было выпущено литографированное издание Вашего труда: «Государственная Уставная грамота», Прага, 1925 г. Буду очень благодарен за эту справку.

Мой искренний привет Вашей жене и крепко жму Вашу руку.

Искренно Ваш М.Критский

¹ В Москве у С.М.Бакуниной оставались две сестры: Мария (в замуж. Фокина; 1894–1988) и Наталья (в замуж. Мостовая; 1901–?).

V

«В СССР создан и создается новый строй жизни...» Николай Трубецкой – Георгию Вернадскому

Николай Сергеевич Трубецкой (1890–1938) – выдающийся лингвист, философ, один из инициаторов и идеологов евразийства и Георгий Вернадский были знакомы с детства – оба принадлежали к семьям московской интеллигентной элиты и окончили одну и ту же 5-ю московскую гимназию А.В.Адольфа на Поварской. Их отцы преподавали в Московском университете, переписывались²⁴ и дружили настолько тесно, что Трубецкой-старший

²⁴ Сергей Николаевич Трубецкой, князь (1862–1905) – философ и первый выборный ректор Московского университета (1905). Переписку В.И.Вернадского с С.Н.Трубецким см.: АРАН. Ф.518. Оп.3. Д.1656; ГАРФ. Ф.1093. Оп.1. Д.85.

неоднократно просил Вернадского-старшего найти учителей для своих детей. Так на страницах одного из писем 1904 появляется Николай – по словам его отца, «чрезвычайно развитый и вдумчивый. Он интересуется решительно всем, и если около него будет человек с живым умственным интересом, то он сойдется с ним и будет ему признателен за все, что тот ему даст»²⁵.

Другая любопытная запись в дневнике В.И.Вернадского о Николае Трубецком относится уже к 1910: «...пытался идти по следам отца, но не смог выдержать философии и перешел на историю литературы»²⁶. И, наконец, еще одна характеристика младшего Трубецкого в записях Вернадского-старшего: «Николай Сергеевич Трубецкой – филолог, сперва изучал языки Кавказа с проф<ессором> Миллером²⁷, после Ягича²⁸ занял кафедру его в Венском университете. Он является творцом идеи Евразии, которой одно время в его смысле увлекся и мой Георгий»²⁹.

О непосредственных контактах Николая Трубецкого и Георгия Вернадского в 1920–1930-е известно крайне мало. С 1920 Н.Трубецкой преподавал в Софии, затем, с конца 1922 и до своей кончины, – в Вене; Г.Вернадский с августа 1927 жил в США. Несомненно, они встречались в середине 1920-х в Праге на заседаниях Семинария им. Кондакова; возможно, больше их жизненные пути не пересекались. Что же касается траектории научной мысли обоих ученых, предпочитавших «академическое евразийство» политическому, они постоянно находили друг друга, стимулируя и развивая напряженный историософский диалог.

Однако была еще одна небезынтересная точка пересечения Н.Трубецкого и отца и сына Вернадских, о которой, они, видимо, даже не подозревали. В 1933–1934 секретно-политический отдел ОГПУ сфабриковал дело «Российской национальной партии» (РНП), или «Дело славистов», – с точки зрения чекистов, контрреволюционной национал-фашистской организации, созданной по «указаниям» русского фашистского центра во главе с князем Николаем Трубецким и Романом Яacobсоном и др. Если Георгий Вернадский только неоднократно упоминался в этом деле как «видный деятель евразийского движения за кордоном», то его отец был объявлен членом «политического центра РНП» под номером 3³⁰. К счастью, для академика это не имело никаких последствий.

Публикуемые письма хранятся: VAR. G.Vernadsky Coll. Box 10.

²⁵ Письмо С.Н.Трубецкого В.И.Вернадскому от 18 февраля 1904 из Дрездена. – АРАН. Ф.518. Оп.3. Д.1656. Л.1.

²⁶ Там же. Оп.2. Д.8. Л.6.

²⁷ Миллер Всеволод Федорович (1848–1913) – санскритолог, иранист, кавказовед, профессор Московского университета.

²⁸ Ягич Игнатий Викентьевич (1838–1923) – филолог, славист. Профессор Петербургского университета.

²⁹ Запись от 6 ноября 1944. – АРАН. Ф.518. Оп.2. Д.8. Л.6об.

³⁰ См.: *Ашин Ф.Д., Алпатов В.М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М.: Наследие, 1994. Интересно, что в этом деле фигурируют французский славист А.Мазон, названный «французским политическим агентом», и немецкий турколог Карл Менгес (см. о них ниже в публикации писем Р.Яacobсона).

25 октября 1928

Дорогой Георгий Владимирович!

П.Н.Савицкий¹ прочел мне то место из Вашего письма к нему², в котором Вы говорите о моей статье в ответ Дорошенке в Хронике №X³. Мне очень неприятно, что мои слова причинили Вам огорчение. Но уверяю Вас, что это совершенное недоразумение. Никакого желания чем-либо опорочить Владимира Ивановича <Вернадского> у меня никогда не было и быть не могло. Не только потому, что он Ваш отец, но и потому, что он был другом моего отца и что я с детства привык его уважать. Перечитайте внимательно то место моей статьи, которое Вас смутило, и Вы увидите, что Ваше первое впечатление было основано на чистом недоразумении. Разделение ученых-украинофилов на две группы принадлежит не мне, а Дорошенке. Мои возражения Дорошенке в данном месте сводятся к тому, что Дорошенко стремится представить всех этих ученых как сепаратистов, которые из двух возможных культур «верхнего этажа» (русской и украинской) выбрали украинскую, я же указываю на то, что это не так, что на самом деле все эти ученые утверждали и утверждают единство русской культуры, вполне совмещая это единство с признанием своеобразия украинского проявления русской культуры. В вопросе об основании Украинской Академии наук для меня, конечно, ясно, что и Владимир Иванович, и другие упомянутые в моей статье ученые преследовали цель создать на территории оккупированной немцами и подверженной немецкому влиянию Украины прочную цитадель русской духовной культуры, причем по условиям момента они не могли поступить иначе, как подчеркивая специфически украинский характер Академии и замалчивая ее общерусское значение⁴. Но говорить об этом в своей статье я считал невозможным прежде всего потому, что это вовлекло бы меня в характеристику политической обстановки гетманщины, — чего я старался во что бы то ни стало избежать, дабы сохранить всю дискуссию в чисто культурной, а не политической сфере. Ведь Вы понимаете, что Дорошенко как гетмановец⁵ отрицает немецкое влияние в эпоху гетманщины (да и не может не отрицать его, ибо фактически ведь и до сих пор все это движение субсидируется немцами) и представляет дело так, будто гетманщина была эпохой свободного самоопределения Украины. Перечитывая еще раз соответствующие места своей статьи, я, право, не вижу в них ничего обидного ни для Вашего батюшки, ни для Косинского⁶, Тарановского⁷ и Зеньковского⁸. Все, что там о них сказано, сводится к тому, что они не сепаратисты, что они чувствуют себя прежде всего общеруссами, а только во вторую очередь украинцами (точнее — что они сознают себя как украинскую

разновидность общерусского племени) и что там, где можно было действительно вполне свободно «оптирывать», они оптировали за общерусскую духовную культуру.

Надеюсь, дорогой Георгий Владимирович, что это письмо рассеет недоразумение, возникшее между нами совершенно помимо моей воли. Сердечно обнимаю Вас

Искренно Вас уважающий

Кн<язь> Н.С.Трубецкой

¹ Савицкий Петр Николаевич (псевд. Востоков; 1895–1968) – евразиец-экономист, социолог, географ, культуролог. Участник Белого движения. После эмиграции в Болгарию – технический редактор журнала «Русская мысль». В 1921 вместе с Н.С.Трубецким возглавил евразийское движение, переехал в Прагу. На протяжении 10 лет редактировал евразийские издания, выступая в них по вопросам геополитики и экономики. Обширную переписку Савицкого и Вернадского см.: VAR. G.Vernadsky Coll. Vox 8-10. Некролог Савицкого, написанный Г.В.Вернадским, см.: Новый журнал. 1968. Кн.92. Подробнее о его судьбе см. примеч. 3 к письму 4 Р.Якобсона в наст. публ.

² В это время Г.В.Вернадский уже преподавал в Йельском университете.

³ Статья «Ответ Д.И.Дорошенко» (см.: Евразийская хроника (Париж). 1928. Вып.10. С.51-59), как следует из ее названия, явилась реакцией Н.С.Трубецкого на выступление известного украинского историка и общественного деятеля, директора Украинского научного института в Берлине (1926–1931) Дмитрия Ивановича Дорошенко (1852–1951) по поводу ранее опубликованной работы Трубецкого «К украинской проблеме» (см.: Евразийский временник. 1927. Кн.5. С.165-184). В «Ответе Дорошенко» в связи с вопросом об основании в 1918 Украинской Академии наук (УАН) Трубецкой упомянул имя отца Г.В.Вернадского, академика В.И.Вернадского, первого президента УАН, как одного из представителей великорусской культуры. Новое издание всех упомянутых текстов см.: *Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык / Сост., подгот. текста и коммент. В.М.Живова. М.: Изд. группа «Прогресс-Универс», 1995. С.362-405.*

⁴ О многолетних связях В.И.Вернадского с Украиной см. известную монографию: *Сытник К.М., Стойко С.М., Апанович Е.М. В.И.Вернадский: Жизнь и деятельность на Украине. Киев: Наукова думка, 1984; новое осмысление этой темы см.: Гирич И. Між російським і українським берегами. Володимир Вернадський і національне питання (у світлі щоденника 1917–1921 років) // Марра Mundi: Зб. наук. праць на пошану Я.Дашкевича з нагоди його 70-річчя. Львів; Київ; Нью-Йорк, 1996. С.735-756. О внутренней переключке историсофских концепций Н.С.Трубецкого и В.И.Вернадского в связи с возможностями геополитического решения «украинского вопроса» см.: *Сорокина М.Ю. Россия и Украина в научном наследии В.И.Вернадского: Исторические судьбы славянства // Научное наследие В.И.Вернадского в контексте глобальных проблем цивилизации. М.: Изд. дом «Ноосфера», 2001. С.118-131; письма В.И.Вернадского детям середины 1920-х,**

объединенные «украинской темой», см.: «За СССР выявляется лик исстрадавшейся России...»: Письма В.И.Вернадского детям.

⁵ Д.И.Дорошенко в мае – ноябре 1918 был министром иностранных дел в правительстве гетмана П.П.Скоропадского.

⁶ Косинский Владимир Андреевич (1866–1923) – политэконом, профессор Киевского Политехнического института, член Центральной Рады от партии кадетов, академик УАН (1918). Министр труда в правительстве гетмана П.П.Скоропадского. В 1922 избран профессором Русского юридического факультета и Русского народного университета в Праге, затем жил в Варшаве.

⁷ Тарановский Федор Васильевич (1874–1936) – историк права, профессор Варшавского, Дерптского, Екатеринославского, Таврического университетов. Академик УАН (1918). В эмиграции профессор Русского научного университета в Белграде.

⁸ Зеньковский Василий Васильевич (1881–1962) – философ, педагог, профессор Университета св. Владимира в Киеве, министр вероисповеданий гетмановского правительства. В эмиграции основал Русский педагогический институт, декан Парижского Богословского института.

2

28 июня 1930

Дорогой Георгий Владимирович!

Накопилось несколько вопросов, по которым я давно уже собираюсь Вам писать, но все никак не могу раскататься.

Первый вопрос – следующий. Обсуждая положение Церкви в СССР, мы с П.Н.Савицким пришли к следующему выводу. Преследования Церкви способны всякого повергнуть в ужас. Но мы должны верить, что «врата ада не одолеют ю»¹ и что в конце концов Церковь все-таки устоит. Мы не в состоянии оказать Церкви деятельную помощь в данный исторический момент, хотя сознаем, что главной насущной потребностью *сегодняшнего дня*² была бы именно помощь против преследования. Однако, кроме этой насущной и, так сказать, «злободневной» потребности, есть и другие потребности, в которых мы, может быть, могли бы оказать некоторую помощь. Ведь если Церковь – на что мы твердо уповаем – устоит против преследований и спасет свое физическое существование, то все же обстановка, в которой ей придется существовать, настолько не похожа на ту, в которой Она существовала веками, что это ставит перед Ней ряд чрезвычайно важных проблем. Церковь в социальном государстве, Церковь при совершенно новом социальном строе, – вот проблема, одновременно и практическая и теоретическая. Между тем эта чрезвычайно важная проблема до сих пор теоретически совершенно не разработана. Писали о христианстве и социализме с точки зрения философской, устанавливая отношение христианского уче-

ния к социалистическим теориям. Но совершенно не касались социалистических (или лучше социальных) форм жизни как факта. А между тем ведь этот факт теперь, можно сказать, налицо. В СССР создан и создается новый строй жизни, который, может быть, и не совпадает с тем, что рисовали себе социалисты-теоретики, но все же коренным образом отличается от всего, доселе существовавшего. Доведение до минимума имущественных различий, значительное (пусть не полное!) огосударствление промышленности и торговли, плановое хозяйство и проистекающие из всего этого особые формы общественной жизни – все это прежде всего факты. И даже когда власть марксистов-коммунистов кончится, все эти факты или их последствия сохранятся.

И вот это-то и ставит перед Церковью чрезвычайно важные задачи. Разобраться во всех этих вопросах необходимо. Между тем в СССР никакая теоретическая работа церковно настроенных людей немислима. Что же касается до церковно настроенных мыслителей, ученых и публицистов в эмиграции, то до сих пор они проходили мимо всего этого, предпочитая прятать голову под крыло подобно страусу. Одни занимаются только общими вопросами богословия, не имеющими никакого отношения к проблемам, выдвинутым жизнью, другие сосредоточились на обличении преследования Церкви, работая на какую-то (по-моему, иллюзорную) духовную интервенцию, третьи, размышляя о будущем, рассказывают сами себе сказки, исходя из фантастического предположения, что, «когда большевики падут», все вернется к старому. Вот П.Н.Савицкий и находит, что у всякого православного интеллигента, осознавшего важность вышеупомянутых проблем, есть долг – помочь их разрешению или хотя бы плодотворному обсуждению. С этой целью Петр Николаевич предлагает выпустить сборник статей, посвященный проблеме «Церковь и социальный строй»³. Сборник этот по типу должен приближаться к «России и латинству»⁴, т. е. не должен носить характера партийного, в частности, не должен иметь марки евразийства, дабы можно было привлечь к нему и посторонних авторов (предполагается, например, переговорить с Бердяевым⁵). Мы наметили ряд тем: очерк постановки этого вопроса у инославных, в англосаксонских странах (Клепинин⁶), у католиков и протестантов (Чижевский⁷), в русской философской литературе (Ильин⁸); Церковь и плановое хозяйство (Савицкий); социальные проблемы в древней русской Церкви (Алексеев⁹). Вас мы хотели просить заняться темой социальной деятельности Церкви в Византии. Задачей сборника является, конечно, не разрешение всех этих вопросов, а постановка проблемы и привлечение внимания к ним церковно мыслящих русских. Срок для статей мы установили сентябрь, в крайнем случае, октябрь текущего года. Очень просим Вас поскорее ответить, сочувствуете ли Вы этой

идее, а если сочувствуете, то постараться изготовить статью к названному сроку.

Второй пункт – следующий. Участвуя в академической жизни немецких университетов, я вижу, что в настоящее время так называемая «история Восточной Европы» и византология переживают персональный кризис: соответствующих ученых почти нет, а спрос на них имеется. Когда в Пражском немецком университете возник план учреждения кафедры восточноевропейской истории, то оказалось, что все свободные немецкие кандидаты Германии, Австрии и Чехословакии совершенно не удовлетворяют серьезным научным требованиям, и план пришлось отложить. Та же история может повториться и в некоторых других немецких университетах, даже крупных. Ведь и сейчас некоторые университеты довольствуются, выражаясь театральным языком, «дублюрами»: например, в Лейпциге кафедру восточноевропейской истории получил Браун¹⁰, по специальности германист, имеющий отношение к «Восточной Европе» только потому, что был прежде профессором (германской филологии) в Петербурге и писал о разных вопросах германской филологии, связанных с «Восточной Европой» (например, о крымских готах¹¹). В то же время у немцев (по крайней мере, у некоторых) существует тенденция использовать силы русских ученых-эмигрантов, – конечно, при условии, чтобы эти ученые владели немецким языком и не были заядлыми германофобами. Вот у меня и явилась мысль направить Ваше внимание в эту сторону. Я думаю, что если Вы дадите несколько работ на немецком языке¹², Вы можете надеяться на место в каком-нибудь немецком университете. Во всяком случае, мне кажется, что это – единственная реальная возможность. Французы русских ученых не пускают дальше общедоступных курсов эпизодического характера, довольно низко оплачиваемых. «Братья славяне» рассматривают приглашение русских ученых как акт благотворительности и считают, что уже достаточно сделали в этом направлении. В Англии и Америке устроиться очень трудно. И только в странах немецкого языка русским ученым, специалистам по вопросам славистики и руссологии, можно рассчитывать на успех. Конечно, я не могу ни за что поручиться. У меня есть в виду конкретные комбинации, но они еще очень гадательные, так что я об них писать не хочу. Но во всяком случае, почему бы Вам не направить свое внимание в эту сторону и не подготовить почву для своей кандидатуры на всякий случай? Пишу это Вам в порядке совета в самой общей форме, т. к. совершенно не знаю, каковы Ваши планы.

Третий вопрос, о котором я хочу Вам писать, имеет чисто местный характер, но лично меня довольно интересует. У Вашего батышки в Москве был ассистент, некий Артемьев¹³. После ухода Владимира Ивановича из Московского университета¹⁴ этот Артемьев

ев переехал в Петербург и там стал профессором Горного Института. При большевиках он вернулся в Москву и стал директором основанной там Горной Академии. Потом он каким-то образом выехал за границу и в настоящее время находится в Вене в качестве... униатского священника-миссионера. Из католических источников я узнал, что он имеет задание вести униатскую пропаганду среди русских эмигрантов. Свою задачу он осуществляет как-то мало симпатично. Старается использовать распри русской колонии, путем сплетней и науськиваний восстанавливает прихожан против настоятеля, углубляет раскол между антониевцами и евлогианами¹⁵ и т. д. По крайней мере, у меня создалось такое впечатление по рассказам людей, с ним общающихся. Я лично совсем его не знаю, раз только с ним говорил, причем он мне очень не понравился. Так как Вы, вероятно, его знаете, то я очень прошу Вас сообщить мне, что это за человек, дабы я знал, как себя с ним держать. Ведь мне как церковному старосте и председателю русского «Kirchenverein»¹⁶ рано или поздно придется с ним столкнуться. Сообщите, что Вы о нем знаете и какого Вы о нем мнения.

Лето мы проведем во Франции у моей сестры. Пробудем там с середины июля по 15 сентября. Адрес: Chateau de Morville par Epernon (Eure et Loire). После 15 сентября – по-прежнему: Wien I, Dorotheergasse 12 III.

Целую ручки Вашей супруге. Искренне уважающий Вас

Кн<язь> Н.С.Трубецкой

¹ Мф. 16: 18.

² Здесь и далее курсив автора.

³ Такой сборник опубликован не был.

⁴ Имеется в виду сборник статей «Россия и латинство», изданный евразийцами в Берлине в 1923 и посвященный проблеме разделения греко-русской (православной) и римско-католической церквей.

⁵ Бердяев Николай Александрович (1874–1948) – философ, религиозный мыслитель, основатель Религиозно-философской академии в Париже, сторонник интерконфессиональных объединений.

⁶ Клепинин Николай Андреевич (1899–1941) – историк, публицист. В 1920 эмигрировал в Сербию, председатель Русского национального кружка им. преподобных Серафима Саровского и Сергия Радонежского в Белграде. С 1926 жил в Париже, сотрудник УМКА-Press. Соредатор «Евразийского сборника» (1929). Сотрудничал с Иностранным отделом ОГПУ. В 1937 в связи с «делом И.Рейсса» бежал из Франции в СССР. В 1939 арестован, расстрелян в Москве.

⁷ Чижевский Дмитрий Иванович (1894–1977) – литературовед, философ. С 1921 в эмиграции (Польша, Германия). В 1924–1932 преподавал в Вольном украинском университете в Праге, с 1926 – участник Пражского линг-

вистического кружка, тесно связан с Р.Якобсоном; затем вернулся в Германию. В 1932–1945 преподавал русский язык в Галле, в 1945–1949 – славянскую филологию в Марбурге. С 1949 – в США, до 1956 преподавал в Гарварде. Затем вернулся в Германию, в 1956–1964 возглавлял кафедру славистики Гейдельбергского университета.

⁸ Ильин Владимир Николаевич (1891–1974) – православный богослов, философ; в 1927–1940 – профессор Свято-Сергиевского Богословского института в Париже, участник евразийского и экуменического движений. Соредактор «Евразийского сборника»(1929).

⁹ Алексеев Николай Николаевич (1879–1964) – правовед, профессор Московского, а затем Таврического университетов и Юридического института в Севастополе; в эмиграции (Чехословакия, Франция, Югославия) – один из активнейших деятелей евразийского движения.

¹⁰ Браун Федор (Фридрих) Александрович (1862–1942) – филолог-германист, скандинавист, основоположник германской филологии в России. С 1900 – ученый секретарь историко-филологического факультета, затем декан и проректор Петербургского университета. В 1920 получил от РАН заграничную командировку и в СССР не вернулся, в том же году избран Шведской АН иностранным членом, почетным доктором философии и почетным ординарным профессором Лейпцигского университета. С 1927 занимал в Лейпциге специально предоставленную ему кафедру истории Восточной Европы, где организовал русскую библиотеку и воспитал ряд учеников. В 1920-е увлекался идеями академика Н.Я.Марра, находился с ним в переписке, организовал его выступления в Лейпциге. Подробнее о нем см.: *Жеребин А.И. У истоков русской германистики: Профессор Ф.А.Браун // Немцы в России: Русско-немецкие научные и культурные связи.* СПб., 2000. С.14-21.

¹¹ Первой научной работой Ф.А.Брауна после окончания Петербургского университета была опубликованная в Санкт-Петербурге в 1890 на немецком языке работа «Die letzten Schicksale der Krimgoten» («Судьбы последних крымских готов»), содержавшая результаты экспедиции ученого в Крым по изучению языка и быта последних потомков готов на Азовском побережье. Готскому вопросу посвящена и магистерская диссертация Брауна – «Разыскания в области гото-славянских отношений. I. Готы и их соседи до V века. Первый период: Готы на Висле» (Известия Императорской Академии наук. 1899. Т.64, кн.19).

¹² По-видимому, Г.В.Вернадский не рассматривал всерьез предложение Трубецкого об устройстве в Германии. Во всяком случае, только в 1931 он опубликовал несколько небольших энциклопедических статей по-немецки, а в дальнейшем лишь изредка печатался на этом языке.

¹³ Артемьев Дмитрий Николаевич (1882–?) – кристаллограф, ученик В.И.Вернадского по Московскому университету и Е.С.Федорова по Петербургскому Горному институту. Родился в семье чиновника, в 1882 являвшегося начальником Пермского арестантского исправительного отделения. Среднее образование получил в Нижегородском дворянском институте императора Александра II; в 1901 поступил на естественно-историческое отделение физико-математического факультета Московского университета, который окончил в 1906 с дипломом 1-й степени (см.: ЦИАМ. Ф.418.

Оп.315. Д.34). После этого (а не в 1911, как пишет со слов Артемьева Трубецкой) уехал в Петербург, где стал сотрудником Горного института и учеником выдающегося кристаллографа Е.С.Федорова (1853–1919). В воспоминаниях жены Федорова отмечается, что Артемьев сменил «школу» из-за неудовлетворенности учебой у В.И.Вернадского (см.: *Федорова Л.В.* Наши будни, радости и горести: Воспоминания. М.: Наука, 1992. С.189 и др. (Научное наследство. Т.20)). Действительно, в архиве Вернадского сохранилось всего одно письмо Д.Н.Артемьева 1906 года из Неаполя (см.: АРАН. Ф.518. Оп.3. Д.65), что весьма необычно для «ученика Вернадского». В 1914 Артемьев опубликовал монографию «Метод кристаллизации шаров». В 1918 – профессор физико-математического факультета Московского университета, в 1918–1921 – член коллегии Научно-технического отдела ВСНХ и Наркомпроса, сторонник ликвидации АН.

Выразительную характеристику Артемьева зафиксировал В.И.Вернадский в дневнике 24 марта 1921:

Артемьев вернулся из Смоленска, не доехав до Минска, – заградительные отряды – а он, по-видимому, думал уехать за границу и вез туда «благоприобретенное». Всюду мелочная гадость. Он очень скверно себя вел – в то же время, не будучи ни коммунистом, ни социалистом, – вступил в партию.

(*Вернадский В.И.* Дневники: Март 1921 – август 1925 / Сост. В.П.Волков. М., 1998. С.23).

Еще более неожиданное описание (приблизительно 1921–1922) Артемьева дает уехавший впоследствии в эмиграцию математик В.А.Костицын:

У Дмитрия Николаевича в кабинете были великолепные старинные кресла с бархатной фиолетовой обивкой, для него самого и для его посетителей. И вот я восседаю напротив него в таком кресле и излагаю ему свои дела. Он внимательно слушает. Я опускаю глаза на документы, поднимаю их: что за притча? Д<митрий> Н<иколаевич> сидит против меня в католической сутане и с тонзурой на голове. Еще несколько секунд: снова он в его обычном виде. Через несколько минут я снова роюсь в документах, снова поднимаю глаза, снова вижу Д<митрия> Н<иколаевича> в сутане и с тонзурой. Что за глупость? Откуда это? Он – видный коммунист, видный ученый, ректор Горной академии, член коллегии НТО ВСНХ, заведующий научным отделом Наркомпроса, чисто русский: уж больше было бы оснований видеть его в православной поповской рясе.

(«Говорить мне не с кем»: Из воспоминаний В.А.Костицына / Публ. Н.А.Сидорова // *Российская научная эмиграция: Двадцать портретов.* С.48-49).

По словам Костицына, в 1922 по командировке Наркомпроса Артемьев уехал в Чехословакию, откуда в СССР уже не вернулся. В 1923 в Берлине издательством П.И.Ладыжникова был опубликован его 4-томный учебник по кристаллографии на русском языке. К тому же году относится еще одно свидетельство Костицына. По его словам, в 1923 в Париже при встрече с Вернадским последний сообщил: «Артемьев принял католичество и стал католическим священником, сейчас он находится в Риме при

библиотеке Ватикана» (Там же). С этого времени следы Артемьева теряются.

¹⁴ В 1911, после знаменитого «профессорского дела» Московского университета.

¹⁵ Имеется в виду раскол в Русской православной церкви за рубежом, связанный с переходом управляемых митрополитом Евлогием (в миру Георгиевский Василий Семенович; 1868–1946) православных приходов Западной Европы из Московского патриархата (отмененного советской властью в 1927) под юрисдикцию Вселенского (Константинопольского) патриарха; лишь малая часть венского прихода ушла за митрополитом Антонием, возглавлявшим Архиерейский (Карловацкий) Синод, который выступал за восстановление монархии в России.

¹⁶ Церковный приход (нем.). Подробнее об этом эпизоде жизни Н.С.Трубецкого см. в воспоминаниях его внука: *Кюннелт-Леддин В.* Несколько «осколков» из жизни Николая Сергеевича Трубецкого (Выступление на конференции) // Н.С.Трубецкой и современная филология. М., 1993. С.283-284.

3

Suly-Spangau bei Wien, Sanatorium
11 августа 1932

Дорогой Георгий Владимирович!

Очень жалею, что не пришлось повидать Вас в этот Ваш приезд¹. Я действительно первоначально собирался съездить в Чехию, но путешествие в Амстердам и Париж настолько меня утомило, что я благоразумно воздержался от дальнейших поездок и прямо проехал в санаторий под Веной, где и пробуду до начала сентября (ведь Вы, должно быть, слышали, что я был очень болен, – впрочем, теперь я себя хорошо чувствую и, по-видимому, поправляюсь).

История с кафедрой такова². Кафедра восточноевропейской истории в Вене существует. Занимает ее Übersberger³. Но года два тому назад ходили слухи, что его переманивают в Берлин на место Höttsch'a⁴, который де совсем ушел в политическую деятельность и преподаванием в университете сам тяготеется. Кажется, слухи эти исходили главным образом от самого Übersberger'a. Как бы то ни было, но ввиду этих слухов я стал обдумывать, нельзя ли в случае, если Übersberger действительно перейдет в Берлин, устроить на эту кафедру Вас. Т. к. в 1930/31 г. Übersberger должен был быть ректором, а в следующий год проректором, что связано с значительными доходами, да и с большим почетом, – то для меня ясно было, что во всяком случае раньше 1932/33 ак<адемического> года Übersberger не уйдет. А потому и написал Вам, советуя за это время напечатать несколько вещей по-немецки – на всякий случай. В то же время я стал осторожно агитировать и зондировать среди профессоров. Дело в том, что у Übersberger'a есть ассистент Hajek⁵, совершеннейшая

тупица и бездарность, но хороший малый, компанейский человек и боевой националист (из богемских немцев). Габилитационный экзамен⁶ этого Најек'а, на котором я присутствовал, был сплошным позором. Я и думал, что историки поймут, что нельзя же кафедру отдавать такому типу (а кроме него кандидатов нет). И действительно, кое-кто из историков со мной согласился. Но, к сожалению, все это — наименее влиятельные в факультетских кругах. Влиятельные же историки и представители других наук на мои разговоры реагировали настолько сдержанно, что я понял, что из этого ничего не выйдет. К сожалению, Најек принадлежит к определенной клике националистически и реакционно настроенных приват-доцентов, которые, с одной стороны, стоят в теснейшей связи с гитлеровскими студенческими кругами, а с другой — с правой профессурой, а потому играют большую роль. Если когда-нибудь его кандидатура будет поставлена, вся правая профессура (они в факультете составляют большинство) будет голосовать за него как за «своего человека». Вы понимаете, что при переводе вопроса в такую плоскость, против Вас было бы слишком легко найти аргумент. В частности, например, мне пришлось слышать от одного (правда, не историка) члена факультета, что кафедра восточноевропейской истории имеет политическое значение, т. к. ее задачей является реабилитация прежней австрийской политики в восточном вопросе, и что поэтому эта кафедра никак не может быть занята русским. Таким образом, я прекратил всякие шаги. К тому же за последний год разговоры о переходе Übersberger'а в Берлин что-то прекратились...

Из того факта, что Вы меня об этом спрашиваете, заключаю, что в Америке Вам пока еще не удалось найти прочного места? А не пробовали ли Вы искать в Англии? — Что касается до Германии, то там сейчас уже довольно много «чающих движения воды»⁷, так что и в случае освобождения кафедры трудно рассчитывать на успех.

Книгу Вашу⁸ получил и очень Вас за нее благодарю.

Искренне уважающий Вас

Н.С.Трубецкой

¹ В июне — сентябре 1932 Георгий Вернадский впервые после пятилетнего отсутствия приехал в Европу. Он побывал во Франции, Швейцарии, Австрии, Чехословакии (здесь неоднократно встречался с П.Н.Савицким).

² К 1932 продолжение темы о возможности занять кафедру в европейском университете стало весьма актуальным для Г.В.Вернадского, чье академическое положение в США было мало удовлетворительным; подробнее см.: «Очень горько мне...»: Письма Георгия Вернадского.

³ Übersberger Hans (1877–1962) — немецкий славист, один из основателей Института восточноевропейского развития в Вене и Института Восточной Европы в Бреслау; известный антисемит. С 1935 в Берлине, занимался

чистойкой университета от евреев и еврейских лекторов. С 1936 – редактор «*Jahrbuch für Geschichte Osteuropas*». Подробнее о становлении и развитии славистики в Германии в первой половине XX в. см.: *Burleigh M. Germany Turns Eastwards: A Study of Ostforschung in the Third Reich*. Cambridge University Press, 1988.

⁴ Höttsch (Хётш, Гётч) Otto (1876–1946) – германский славист, историк, основатель Общества изучения России (1913), многократно бывал в России, профессор Бременского университета. В мае 1935 отлучен от профессуры как поддерживавший польского еврея, писавшего у него диссертацию о евреях в СССР. На его место, как и предполагал Н.С.Трубецкой, пришел Г.Уберсбергер. О нем см.: *Voigt G. Otto Hoetzsch. 1876–1946. Wissenschaft und Politik im Leben eines deutschen Historikers*. Berlin: Akademie-Verlag, 1978.

⁵ Возможно, Hajek Alois (1889–?) – историк-славист, автор работ по истории Болгарии.

⁶ В немецкой университетской системе – экзамен перед защитой следующей после докторской диссертации, которая предоставляла право чтения лекций в университете.

⁷ Иоан. 5:3.

⁸ По-видимому: *Vernadsky G. The Russian Revolution, 1917–1932*. New York, 1932.

VI

«Общее любезное отечество» Роман Якобсон – Георгию Вернадскому

Вторая мировая война существенно изменила институциональную и персональную карту мировой науки, породив беспрецедентный по своим масштабам феномен «перемещенной / исчезнувшей / рассеянной науки» («*Displaced / Disappeared / Dispersed Science*»). Бежавшие от фашизма европейские ученые придали новый импульс старым заокеанским научным структурам или участвовали в организации новых. Так, в Нью-Йорке в феврале 1942 под патронажем New School for Social Research и при содействии французского и бельгийского правительств в изгнании был создан новый научно-учебный центр – *École Libre des Hautes Études*, ставший центром притяжения для многих выдающихся европейских интеллектуалов³¹.

Одним из них был филолог Роман Якобсон (1886–1982), приехавший в США в июне 1941 и преподававший в Школе курсы общего языкознания и славянской филологии. По-видимому, самое непосредственное участие в

³¹ См.: *Krohn C.-D. Intellectuals in Exile: Refugee Scholars and the New School for Social Research*. Amherst, 1993; *Rutkoff P.M., Scott W.B. New School: A History of the New School for Social Research*. New-York; London, 1986. Среди профессоров Школы – Клод Леви-Стросс, Жак Маритен, Александр Койре и др.

приглашении Якобсона сыграл ректор New School Альвин Джонсон (Alvin Johnson)³², еще летом 1940 запрашивавший Георгия Вернадского, своего рода эксперта New School по комплектованию учеными-беженцами³³, о Якобсоне³⁴.

В биографии Романа Якобсона, до сих пор вообще недостаточно документированной, много лакун, в частности – период Второй мировой войны³⁵, когда он работал в нью-йоркском семинарии по изучению «Слова о полку Игореве»³⁶. Письма Якобсона Георгию Вернадскому позволяют существенно восполнить этот пробел.

Письма хранятся: BAR. George Vernadsky Coll. Box 3³⁷.

1

2 февраля 1942¹

Дорогой Георгий Владимирович,
спасибо за письмо и хлопоты. После нашей встречи имел случай говорить по тому же вопросу сперва с Ледницким², потом с Карповичем³. Оба взялись говорить с Елисеевым⁴ по вопросу о продвижении и реализации моего проекта разработки палеосибирских языков в связи с языками американскими. Сегодня посылаю Карповичу различные материалы для Елисеева, в частности программу французского университета, которую Вы уже, вероятно, получили, и при

³² Еще в 1933 Джонсон организовал при New School for Social Research для ученых-беженцев из Германии и Италии The University in Exile.

³³ У Г.В.Вернадского спрашивали о таких кандидатах на приглашение в США, как упомянутый ниже в письмах В.А.Ледницкий, С.Штейн и др. В свою очередь сам он рекомендовал пригласить из Парижа историка римского права Всеволода Базанова, почвовед Валериана Агафонова и др. (см.: BAR. G. Vernadsky Coll. Box 3.).

³⁴ Там же.

³⁵ См.: *Rudy S. Roman Jakobson: A Chronology* // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. М.: РГГУ, 1999. С.85.

³⁶ История этого выдающегося научного предприятия подробно изложена в совместных работах Х.Барана и Е.В.Душечкиной, см.: *Баран Х., Душечкина Е.В. Вокруг «Слова о полку Игореве»: Из переписки Р.О.Якобсона и А.В.Соловьева* // Славяноведение. 2000. №4. С.50-78; *Переписка С.И.Карцевского и Р.О.Якобсона / Вступит. ст., публ. и примеч. Х.Барана, Е.В.Душечкиной* // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. С.175-191. См. также: *Якобсон Р.О. Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки* // Труды Отдела древнерусской литературы. 1957. Т.14. С.102-121.

³⁷ Письма Якобсона находятся в трех папках и охватывают период с 1942 по 1969. Последний черновик письма Г.В.Вернадского Р.Якобсону датирован 30 июня 1971. Первый обзор «бахметевских» писем Р.Якобсона Г.В.Вернадскому см.: *Козляков В.Н. Обзор коллекции документов Г.В.Вернадского в Бахметевском архиве Библиотеки Колумбийского университета в Нью-Йорке* // Георгий Вернадский. Русская историография. М., 1998. С.414-415.

этом так формулирую свои предварительные выводы: «Нет возможности установить генеалогическое родство между палеосибирскими и американскими языками, но структурная общность, обусловленная географической связью, в этом случае разительна, и если бы мы даже не знали географического положения палеосибирских языков, мы могли бы выяснить их место путем одного лишь структурного анализа, так как строй этих языков являет характерное сочетание признаков, специфичных для урало-алтайского (туранского) языкового мира с признаками, определяющими американский языковой мир: это типичная переходная полоса между обеими областями. В свою очередь, каждая из трех названных зон – туранская, палеосибирская, американская – распадается на ряд языковых семейств, связанных между собой лишь географически обусловленным конвергентными чертами».

Не исключаю участия Edg<erton'a>⁵, которого я совсем не знаю (к слову сказать, Trag<er>⁶ пришел ко мне познакомиться в 1938 г. в Генте и просил разрешения работать у меня в Брне). Но происки Sr<oss'a>⁷ остаются решающими. Оказывается, он написал в свое время в отзыве обо мне для Rockefeller<er> Found<ation>⁸, что никогда моего имени не слышал (ложь) и ни в каких славистических публикациях, например в «Славии»⁹, не мог де найти! Не приходится говорить Вам, что у меня в «Славии» ряд работ, вошедших в учебники, и что достаточно заглянуть в именной указатель любого тома, чтобы найти на меня ряд всяческих ссылок. Но это письмо было (как мне *конфиденциально*¹⁰ сказал Ледн<ицкий>, читавший его) решающим. Я полагаю, что двери американской славистики заперты для меня мистером Sr<oss'ом> на все замки, но, может быть, палеосибирские языки при помощи Елисеева вывезут. Никогда нигде в Европе я не думал, что самая возможность продолжения научной работы окажется для меня под вопросом.

Ваши статьи прочел с живейшим интересом: проясняются все новые главы русской праистории¹¹. Ваше отождествление Spali/Spori представляется мне весьма убедительным. Для обоснования замены l через r у Прокопия¹² лучше приводить не примеры диссимилиации плавных (типа лебро), а крайне распространенную акустическую замену одного плавного другим в иностранных словах (много примеров в работах Богородицкого об акустических заменах¹³). Догадка Бромберга¹⁴ об Осколе очень сомнительна: в частности, здесь не было никаких оснований для r>k – группа sp. существовала в славянской речи, а примеры *диссимилиации* (kapradī < papradī) сюда не относятся. Сомневаюсь я, откровенно говоря, и в прамадьярских заимствованиях из прарусского, и в прарусских заимствованиях из готского языка.

Но обо всем этом при свидании.

Когда снова заглянете в Нью-Йорк? Очень важны, по-моему, Ваши соображения о миграции различных племен в пределах южной России.

Еще раз благодарю за оттиски и участие.

Искренне Ваш Роман Якобсон

¹ На конверте адрес: 508 West 114 Street NYC.

² Ледницкий Вацлав Александрович (1891–1967) – филолог-славист, сын известного кадета А.Р.Ледницкого; с 1928 преподавал в Ягеллонском университете, с 1932 – профессор Брюссельского университета, затем в Лиссабоне, далее – в США (Колумбийский университет и Беркли).

³ Подробнее о Михаиле Михайловиче Карповиче см. примеч. 20 к разделу I в наст. публ.

⁴ Елисеев Сергей Григорьевич (1889–1975) – выдающийся японист, в 1934–1956 – директор Гарвардского института «Яньцзин» и профессор дальневосточных языков Гарварда. Родился в семье миллионера, председателя правления товарищества «Братья Елисеевы» Г.Г.Елисеева. Первым из европейцев окончил Токийский императорский университет (1908–1912) и аспирантуру при нем. С 1916 – приват-доцент Петроградского университета. В мае 1919 арестован ЧК «за отца» (взят в заложники), отпущен после ходатайств Петроградского университета и АН и в сентябре 1920 бежал с семьей в Финляндию. Вскоре перебрался в Париж: сотрудник Музея Гимэ, преподаватель Сорбонны (1921–1932) и Школы живых восточных языков (1922–1930). В 1932–1933 приглашен для чтения пробных лекций в Гарвард и остался там преподавать на многие годы. В письме Г.В.Вернадскому от 29 апреля 1942 Елисеев так описал шансы Якобсона:

Я пытался кой-что сделать для Якобсона, но антропологи Харварда сказали мне, что у них нет денег и что они ничего не могут поделать и что университет и так переполнен «беженцами». (Сколько раз мне приходилось это слышать и в Европе, и здесь.) Лингвистикой же, как Вы знаете, у нас в Харварде интересуются мало (к сожалению), и в этой области Якобсона пристроить невысказанно.

(BAR. G.Vernadsky Coll. Box 30. Folder Eliseev-2).

⁵ Edgerton Frank (1885–1963) – американский индолог, зав. кафедрой санскрита и сравнительной филологии Йельского университета.

⁶ Trager George Leonard (1906–1993) – американский лингвист, автор университетского курса «Введение в русский язык», профессор Йельского университета.

⁷ Cross Samuel Hazzard (1891–1946) – влиятельный американский славист, автор монографии о Пушкине (1937), англо-русского словаря и др. Профессор Гарварда. Редактор ряда журналов, в том числе «Slavonic and East European Review», в редакционный комитет которого входили М.М.Карпович и Г.В.Вернадский.

⁸ Т. е. для получения гранта Фонда Рокфеллера. О деятельности Фонда и его процедурах см.: *Fosdick R.B. The Story of the Rockefeller Foundation.* New

York: Harper, 1952; а также: *Кожевников А.В.* Филантропия Рокфеллера и советская наука // Вопросы истории естествознания и техники. 1993. №2. С.80-111; *Susan Gross Solomon, Kremencov N.* Giving and Taking Across Borders: The Rockefeller Foundation and Russia, 1919–1928 // *Minerva*. Vol.39 (2001). P.265-298.

⁹ «Slavia» – журнал, организованный в Праге в 1922 видным славистом М.Мурко.

¹⁰ Здесь и далее курсив автора.

¹¹ Якобсон имеет в виду прежде всего довоенные статьи Г.В.Вернадского, опубликованные в журнале «Byzantion», например: *The Spali of Jordanis and the Spori of Procopius* // *Byzantion*. Т.13 (1938). P.263-266; *Lebedia: Studies on the Magyar Background of Kievan Russia* // *Ibid*. Т.14 (1939). P.179-203; *Byzantium and Southern Russia: Two Notes* // *Ibid*. Т.15 (1940). P.67-86 и др.

¹² Прокопий Кесарийский (между 490 и 507 – после 562?) – византийский историк.

¹³ Богородицкий Василий Алексеевич (1857–1941) – филолог, языковед. Профессор Казанского университета. Член-корреспондент АН (1915). В монографии «Опыт физиологии общерусского произношения в связи с экспериментально-фонетическими данными» (Казань, 1909) выдвинул идею о необходимости изучения акустических характеристик звуков речи в дополнение к изучению их физиологии.

¹⁴ Бромберг Яков Абрамович (1898–1948) – историк Причерноморья. Уроженец Одессы, в 1918 поступил на математический факультет Таврического университета, но уже в 1919 вернулся в Бессарабию, в Черновицкий университет, потом переехал в Прагу, где в 1920 поступил в Политехникум (окончил в 1926). В 1928 женился на Фриде Семеновне Кижнер-Кауфман, в июле 1929 они переехали в США (Нью-Йорк). Работал инженером-механиком в различных фирмах, затем инженер на городской службе. Участник семинара по «Слову о полке Игореве». См. также: *Бромберг Я.А.* Евреи и Евразия. М.: Аграф, 2002.

2

<May 24, 1944>

Дорогой Георгий Владимирович,

в субботу в 3 часа в École в нашем семинарии¹ доклад Marg. Schlauch², профессора N<ew> Y<ork> Univ<ersity> по сканд<инавским> языкам, о скандинавских элементах в «Слове о полку Игореве»³. В 4 часа совещание сотрудников сборника о «Слове»⁴ (деньги раздобыты!), и, если останется время, чтение «Слова»: начиная с разговора Игоря с Донцом. В 5 часов Ваша лекция. Потом я свободен до 8 час<ов>. А в 8½ у меня доклад в О<бщест>ве Друзей русской культуры «Русская история и былины».

Сердечный привет Вам обоим от нас обоих.

Ваш Р.Якобсон

Дата проставлена на письме Г.В.Вернадским; возможно, это дата получения письма.

¹ Осенью 1941 Якобсон познакомился в Нью-Йорке с известным бельгийским византологом Анри Грегуаром (см. примеч. 2 к письму 3 в наст. разделе), сумевшим восстановить здесь свой институт – Institut de Philologie et d’Histoire Orientale et Slave при École Libre des Hautes Études, и принял активное участие в его научной работе. При институте он создает семинарий, который в 1943–1946 интенсивно занимается разносторонним изучением «Слова о полку Игореве». Г.В.Вернадский был членом этого семинария.

² Schlauch Margaret (1898–1986) – филолог, специалист по английской и исландской средневековой литературе, профессор университета Нью-Йорка; после Второй мировой войны – профессор Варшавского университета, член-корреспондент Польской Академии наук (1961).

³ Во всех письмах названия литературных памятников пишутся Якобсоном без кавычек, однако для удобства чтения мы вводим их.

⁴ Это и последующие письма Якобсона связаны с подготовкой итоговых работ семинария – двух томов коллективных монографий: *La Geste du Prince Igor, épopée russe du XIIe siècle / Texte établi, traduit et commenté sous la direction de Henri Grégoire, de Roman Jakobson et de Marc Szeftel. Assistés de J.A.Joffe // Annuaire de l’Institut de philologie et d’histoire orientales et slaves. T.8 (1945–1947). New York, 1948 (École Libre des Hautes Études, à New York. Université Libre de Bruxelles); Russian Epic Studies / Ed. by R.Jakobson and E.J.Simmons. Philadelphia, 1949.* В первый том, посвященный выдающемуся историку-античнику Михаилу Ростовцеву, вошли шесть работ Якобсона (реконструкция текста «Слова», его критическое издание и обсуждение вопроса о подлинности памятника), четыре перевода «Слова» (на английский – С.Кросс, французский – А.Грегуар, польский – Ю.Тувим и современный русский – Р.Якобсон), а также большой исторический комментарий М.Шефтеля и статья Г.В.Вернадского.

3

<September 8, 1944>

Дорогой Георгий Владимирович,

по обыкновению, я снова виноват перед Вами – не писал, грешен. Здоровье мое, наконец, приходит в порядок – заканчиваю каникулы по приговору врача на занятом острове Nantuchet Mass., 30 миль от материка.

Верьте мне, политический инцидент с «Annuaire’ом»¹ меня немало огорчил. Типично грегуаровская² выходка – самовольное устранение прилагательного в заглавной формуле *barbarie allemande*³ и прибавка не только бестактной, но и безвкусной статистики некрологов – все это было сделано буквально в последний момент⁴. Но надеюсь, все это заглохнет и потонет в Лете.

Что касается «Игоря», то сборник будет всецело в моем ведении, деньги Прегелем⁵ ассигнованы на мое имя, и Прегель устроил так, что сотни две-три сборника пойдут в научные учреждения СССР. Я все лето рьяно работал над «Словом», сделал все, что мог, для очистки и выяснения текста и, кажется, кое-что удалось. Вот оглавление сборника, который, надеюсь, будет сдан в набор в т<екущем> м<есяце> и выйдет в свет еще в т<екущем> г<оду>: моя вступительная заметка о принципах издания и перевода «Слова»; научное издание текста с подстрочными вариантами; опыт реконструкции текста XII века; франц<узский> перевод Грегуара с примечаниями Шефтеля⁶ (Realia); английский перевод Кросса; мой перевод на современный русский язык; греческий перевод Грегуара; моя заметка с обоснованием конъектур; статьи – Ваша, моя, Грегуара, Федотова⁷, Шефтеля, Шлаух, Менгеса⁸, Ярмолинского⁹ и, м<ожет> б<ыть>, Маннинга¹⁰; два указателя; карта географических пунктов, прямо или косвенно упоминаемых в «Слове», и похода Игоря, заказанная Гонигману¹¹; карта Идриси с Тройей (!) в Донской области; 4 иллюстрации – древнерусские миниатюры с изображением гуслира, возлагающего 10 перстов на гусли, русского войска, половецких веж и похоронной процессии, несущей покойника на санях, ибо «дебьрски сани» это просто дровни! Что Вы думаете по поводу приведенного перечня? Большое спасибо за Ваш преинтересный оттиск из «Byz<antion>»¹².

По каким дням Вы будете читать в Columbia? Мы с Грегуаром очень надеемся на Ваше активное участие в наших семинариях, которые будут чередоваться – одну неделю степняки, другую Великая Моравия и окрестности. В октябре эти семинарии будут по субботам (3–4 ч<аса>), но если Вам этот день неудобен, то в дальнейшем возможна перемена. В субботу 7-ого октября (3–4 ч<аса>) семинария еще не будет, а вместо этого объявлено публичное чтение трех из вышеупомянутых переводов «Слова» – французского, русского и греческого. Я был бы чрезвычайно рад, если бы Вы с Ниной Владимировной¹³ могли приехать. Обо многом хотелось бы с Вами побеседовать («Слово», чеш<ский> сборник, события и т. д.). Числа 13-ого вернусь в N<ew> Y<ork>.

Когда Вы возвращаетесь в Yale? Bloomfield¹⁴ (чудной тип) очень зовет меня туда на денек-другой побеседовать (!), и если Вы будете там в двадцатых числах т<екущего> м<есяца>, постараюсь выбраться на день.

С сердечным приветом Вам обоим от нас обоих.

Ваш Р.Якобсон

Дата проставлена на письме Г.В.Вернадским; возможно, это дата получения письма.

¹ Реплика Яacobсона связана с изданным в 1944 в Нью-Йорке 7-м томом «Ежегодника» (Annuaire) возглавлявшегося А.Грегуаром (о нем см. след. примеч.) Institut de Philologie et d'Histoire Orientale et Slave. В посвящении тома, звучавшем как «Dédié à la mémoire des orientalistes et des slavissants victimes de l'invasion et de la persécution des barbares» («Посвящается памяти ориенталистов и славистов, ставших жертвами вторжения и преследования варваров» (*франц.*)), было опущено указание на этническую принадлежность «варваров», таким образом, том в равной мере регистрировал имена жертв всех тоталитарных режимов, тем самым уравнивая нацизм и сталинизм. Формула посвящения соответствовала и содержанию обширного мартиролога ученых, в который Яacobсон написал несколько некрологических заметок (в частности, о выдающихся русских востоковедах – академиках В.М.Алексееве и Ф.И.Щербатском, а также о Н.С.Трубецком, А.М.Селищеве и др.), а Г.В.Вернадский – статью о П.Н.Милюкове. По-видимому, Г.В.Вернадский не был осведомлен о возможном отождествлении нацистской Германии и СССР и, уже после выхода ежегодника обнаружив в мартирологе 4 некролога ученых, погибших, по словам составителей, в результате «советской оккупации» Западной Украины, резко протестовал против такого подхода.

² Грегуар Анри (1881–1964) – бельгийский византолог. В 1940 бежал из Брюсселя, оказался в Тулузе (Франция); затем в США – директор Institut de Philologie et d'Histoire Orientale et Slave при École Libre des Hautes Études в Нью-Йорке. Редактор журнала «Byzantion»; генеральный секретарь 7-го Международного конгресса византистов (Брюссель, 1948). Обширную переписку А.Грегуара с Г.В.Вернадским (с 1924) см.: BAR. G.Vernadsky Coll. Box 3.

³ Немецкое варварство, жестокость (*франц.*).

⁴ Ср. характеристику А.Грегуара, данную С.Кроссом в письме Г.Вернадскому: «Gregoire is a difficult to deal with in any case, and apart from his Belgian bourgeois gift for intrigue he feels called upon to play a political role. I do not think he particularly enjoys my velvet-glove supervision of Byzantion, but someone has to check the finances and keep Gregoire's personal rancors out of it» («С Грегуаром трудно иметь дело в любом случае, и помимо его дара бельгийского буржуа к интриге, он считает себя призванным играть политическую роль. Я не думаю, что ему очень нравится мой мягкий (букв. бархатный. – *Ред.*) контроль за «Byzantion», но кто-то должен контролировать финансы и сдерживать враждебность Грегуара») (BAR. G.Vernadsky Coll. Box 2).

⁵ Прегель Борис Юльевич (1893–1976) – инженер, предприниматель, общественный деятель. Глава Французского университета и президент Академии наук в Нью-Йорке, член совета директоров Литературного фонда. Брат поэтессы и редактора журнала «Новоселье» С.Ю.Прегель, в котором Г.В.Вернадский опубликовал в 1943 (№3) статью ««Слово о полку Игореве» в историческом освещении».

⁶ Шефтель Марк Юрьевич (1902–1985) – историк-славист, профессор Корнельского и Вашингтонского университетов.

⁷ Федотов Георгий Петрович (1886–1951) – религиозный мыслитель, историк, публицист; в сентябре 1925 эмигрировал через Берлин в Париж, где в 1926–1939 преподавал в Богословском институте. С сентября 1941 жил в

США (Нью-Хэйвен), в 1943–1951 профессор истории Свято-Владимирской духовной семинарии (Нью-Йорк).

⁸ Менгес Карл Хайнрих (Menges Karl Heinrich; 1908–1999) – выдающийся турколог, родился и преподавал в Германии. В 1929 приехал в СССР, знакомился с состоянием старых русских церквей. С 1940 – в США, профессор Колумбийского университета; затем в Вене. В 1951 опубликовал монографию «The Oriental Elements in the Vocabulary of the Oldest Russian Epics, The Igor' Tale» (Supplement to Word. Vol.7), русский перевод которой под названием «Восточные элементы в “Слове о полку Игореве”» издан в СССР в 1979.

⁹ Ярмолинский Абрам (Yarmolinsky Avrahm; 1890–1975) – американский филолог-славист, заведующий Славянским отделом Нью-Йоркской Публичной библиотеки (1918–1955).

¹⁰ Маннинг (Manning Clarence Augustus; 1893–?) – американский филолог-славист. Профессор Колумбийского университета (США).

¹¹ Владелец известной фирмы.

¹² По-видимому: *Vernadsky G. Sur l'origine des Alains // Byzantion. T.16 (1943). P.81-86.*

¹³ Жена Г.В.Вернадского.

¹⁴ Bloomfield Leonard (1887–1949) – американский лингвист, автор ряда монографий; редактор пособия «Spoken Russian, basic course by I.M.Lesnin and Luba Petrova. Published for the United States Army Forces Institute by the Linguistic Society of America» (Madison, Wis., 1945). Публикацию переписки Якобсона и Блумфилда см.: *Halle M. The Bloomfield – Jakobson Correspondence, 1944–1946 // Language (Baltimore). 1988. Vol.64, №4. P.737-754.*

4

19 февраля 1946

Дорогой Георгий Владимирович,

от души Вас обоих поздравляю¹! Рад, что будем по соседству. Надо будет наладить более систематическое сотрудничество. Большая новость: приехал из Парижа Шаховской², переписывавшийся с Прагой и узнавший оттуда, что Петр Николаевич <Савицкий>³ освобожден и состоит экономическим экспертом при советском полпредстве в Праге! По словам Федотова, получено письмо от Алексея⁴ о том, что он после тяжелого периода восстановлен в правах профессора Белградского университета. Жена привезет Вам Вашу рукопись с моими замечаниями.

До скоро свидания. Преданный Вам

Р.Якобсон

¹ Поздравление связано с получением Г.В.Вернадским звания полного профессора (full professor) Йельского университета. В это время ему было уже 63 года.

² Шаховской Дмитрий Алексеевич (Иоанн, архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский; 1902–1989) – церковный и общественный деятель, духовный писатель, поэт. Участник Белого движения. С 1921 во Франции. С июля 1926 в Греции, принял монашеский постриг на Афоне. В 1932–1945 – настоятель Свято-Владимирской церкви в Берлине. Летом 1945 выслан во Францию. С января 1946 в США.

³ П.Н.Савицкий 21 мая 1945, после освобождения Праги, был арестован СМЕРШ; обвинялся в участии в «контрреволюционном движении евразийцев с целью свержения советской власти и уничтожения коммунистической партии». 20 октября 1945 ОСО при НКВД СССР осужден на 10 лет лагерей. Не освобожден, как сообщается в письме Якобсона, а, напротив, отправлен отбывать срок в поселок Явас (Мордовия). Освобожден 7 апреля 1955 по отбытии срока. В 1956 реабилитирован, вернулся в Прагу. Вновь арестован в 1961 за сборник стихов «Посев» (опубликован под псевдонимом «Восток»), в котором нашла отражение лагерная тема. В сентябре 1961 приговорен к 2,5 годам заключения. После вмешательства зарубежных деятелей культуры освобожден по амнистии в мае 1962. Умер в Праге.

⁴ Об Н.Н.Алексееве см. примеч. 9 к письму 2 Н.С.Трубецкого в наст. публ.

5

12 июля <1946>

Дорогой Георгий Владимирович,

завтра едем в Indiana University и вернемся около 1-ого августа. Пришлите мне к тому времени рукопись, с удовольствием прочту и верну с замечаниями. Нет ли у Вас последнего номера «Revue des Études Slaves», где, по слухам, Мазон «доказывает», что автором «Слова» был Бантыш-Каменский¹? В Нью-Йорке номер не получен, а мне он нужен, потому что мой «Anti-Mazon» стремительно близится к концу.

С сердечным приветом Вам обоим от нас обоих преданных

Р.Якобсон

¹ Имеется в виду статья известного французского филолога-слависта, профессора Коллеж де Франс Андрэ Мазона (1881–1967): *Mazon A. L'auteur probable du Poème d'Igor // Comptes rendus des sciences de l'année 1944. 2-me trimestre (Avril-Juin). Paris, 1944. P.213-220 (Academie des inscriptions et belles-lettres)*. Вероятно, Якобсон спутал ее выходные данные с другой статьей Мазона: *Le Slovo d'Igor: le sujet et le cadre, le modèle principal // Revue des Études Slaves. 1938. T.18. Fasc.3-4. P.163-213; 1939. T.9. Fasc.1-2. P.54-86*. Как известно, еще в 1925 французский славист высказал сомнения в традиционной датировке «Слова» как памятника XII в., а во второй половине 1930-х опубликовал серию статей, обосновывавших гипотезу о вторичном, зависимом характере «Слова» по отношению к языку и стилю более поздней (конец XIV в.) «Задонщины». В 1940 Мазон опубликовал эти

статьи отдельной книгой (*Mazon A. Le Slovo d'Igor. Paris, 1940*), и с этого момента вопрос о подлинности, авторстве и датировке «Слова» приобрел новую остроту в масштабах всей мировой славистики. Якобсон был категорическим противником идей Мазона, в том числе и попытки приписать авторство «Слова» Николаю Николаевичу Бантыш-Каменскому (1737–1814) – русскому историку, палеографу и архивисту, управляющему Архивом Коллегии иностранных дел, который в 1799 принимал деятельное участие в подготовке к изданию А.И.Мусиным-Пушкиным рукописи «Слова». Несколькими позднее, в письме Г.В.Вернадскому от 23 февраля 1948, Якобсон так откликнулся на эту гипотезу Мазона: «Unfortunately, I overlooked Mazon's paper in the Comptes rendus de l'Academie des Inscriptions, 1944, about Bantys-Kamenskij as the presume author of the Slovo. I think it is the most illiterate and scandalous academic article that I have ever read in my life. His basic argument is that about Bantys kept suspiciously silent at the discussion of the Slovo. As a matter of fact, he was dead at that time» («К сожалению, я не просмотрел статью Мазона в Отчете Academie des Inscriptions, 1944, о Бантыш-Каменском как о возможном авторе «Слова». Я считаю, что это самая безграмотная и скандальная научная статья, которую мне когда-либо доводилось читать. Его основной аргумент в том, что Бантыш был подозрительно молчалив во время обсуждения «Слова». В действительности же его уже не было в живых») (BAR. G.Vernadsky Coll. Box 2). Подробнее о полемике вокруг подлинности, авторства и датировки «Слова» см. статью Н.Л.Дмитриевой: Андрэ Мазон // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т.3. СПб., 1995. С.195-198.

6

30 сентября 1946

Дорогой Георгий Владимирович,

отчего не присылаете обещанную рукопись? «Слово» подвигается, и надеюсь: «скоро будет». За лето я написал подробнейший разнос Мазона, причем (в частности, благодаря новой книжке Лихачева¹) удалось доказать правоту гипотезы Шахматова² о существовании не дошедшего до нас «Слова о Мамае», навеянного «Словом о полку Игореве» и отразившегося как в «Задонщине», так и в «Сказании о Мамаевом побоище», и даже в летописном рассказе о Кулик<овом> поле. Кроме того, написал с Шефтелем опыт реконструкции устного эпоса конца XI века о Всеславе Полоцком, князе-оборотне, путем сравнения летописного рассказа «Слова о полку Игореве» и былины о Волхе³. Думаю, останетесь довольны. Многие небезынтересное не только для литературы, но и для истории XI века при этом выясняется. Наконец, забрел в саги, и оказалось, что для русской дохристианской эпохи здесь отложилось немало показаний. В частности, в свете Ваших открытий о венграх в Киеве⁴ и т. д. получает объяснение название Киева в саге: Hunaland. Гунны (хынова) –

общераспространенное наименование венгров в раннем средневековье. И тогда рассказ саги о витязе Odde Helyi (т. е. Олеге) оказывается полностью историчным, и вообще саги о Руси конца IX – начала X века становятся ценным историческим источником.

Все это, конечно, еще требует тщательной, осторожной разработки.

В Columbia у меня уйма работы, немало учеников. Читаю, между прочим, по-русски (!) курс о старорусской эпической традиции (былины и т. д.).

Сердечный привет Вам обоим от нас обоих.

Ваш Р.Якобсон

Письмо на бланке Columbia University in the City of New York, Department of East European Languages.

¹ См.: *Лихачев Д.С.* Национальное самосознание Древней Руси: Очерки из области русской литературы XI–XVIII вв. Л., 1945.

² Шахматов Алексей Александрович (1864–1920) – выдающийся русский филолог, языковед и историк древнерусской культуры; академик (1899).

³ См.: *The Vseslav Epos // Russian Epic Studies / Ed. by R.Jakobson and E.J.Simmons.* Philadelphia, 1949.

⁴ См.: *Vernadsky G.* Lebedia: Studies on the Magyar Background of Kievan Russia // *Byzantion.* T.14 (1939). P.179-203.

7

1 июня 1947 г.

Дорогой Георгий Владимирович,

посылаю Вам корректуру Вашей статьи, пожалуйста, верните мне. Часть Ваших библиографических примечаний опущена, полные заглавия приведены в конце сборника. Хорошо, что Вы нашли источник ссылки на «Западемии».

Когда я заявил Колумбии, что перехожу в Harvard¹, поднялся такой вопль и гвалт, что пришлось, по крайней мере на предстоящий год (конечно, на совсем новых условиях), остаться здесь, но о дальнейшем я готов «всерьез и надолго» договориться с Harvard'ом, если там не обиделись на мой отказ перебраться немедленно. Как бы то ни было, осень проведем с Вами вместе в N<ew> Y<ork>.

С пожеланием отрядных каникул Вам обоим от нас обоих

Ваш преданный

Роман Якобсон

¹ Приглашение Гарвардского университета Якобсон принял в 1949.

29 июля 1947

Дорогой Георгий Владимирович,

очень меня опечалило Ваше письмо. Я телеграфировал Савицкой¹ с оплаченным ответом, предпочитает ли она регулярные посылки или денежные переводы. Это потому, что переводы – грабилька: официальный курс и вычеты, так что для адресата мало что остается, тогда как, например, пакет папирос, полученный ею от нас в мае, был для нее, по ее отзыву, по продаже целым капиталом. Во всяком случае, я непременно буду ежемесячно помогать ей и как только получу от нее ответ, напишу Вам немедленно, каким путем. Последние письма из ЧСР грустны до крайности и заставляют все больше сердчать на наше общее любезное отечество.

Я по уши ушел в печатанье нашего «Слова», вижу, что работы сделано немало, и радуюсь, что к осени том наконец выйдет². Радуюсь нашим с Вами обоим встречам в Нью-Йорке, а насчет дальнейшего будущего надеюсь принять окончательное решение к началу учебного года. На новую квартиру в Колумбийском доме, возле университета, переедем к концу августа, а оседем в середине сентября. Не было, к сожалению, никакой физической возможности удержать для Вас на осень нашу старую квартиру; жена сейчас едет в Нью-Йорк и сделает последнюю попытку, но не верится в успех.

Хотел бы заглянуть к Терентьевым⁴, да «Игорь» не пускает – «Игорь» и университетские дела (особенно хлопотня с приездом новоприглашенных из Европы⁵) то и дело зовут в город.

С сердечным приветом обоим от обоих.

Ваш Р.Якобсон

P.S. Простите за кляксы: это <нрзб.> вечер.

Мой адрес до 10 сентября: c/i O.Laga, Hunter <Colledge>, NY; потом Columbia University.

На бланке Columbia University in the City of New York, Department of Slavic Languages I.

¹ Жена П.Н.Савицкого.

² Сборник «La Geste du Prince Igor» вышел в марте 1948, и Якобсон уделил большое внимание его распространению, особенно среди французов, а также рецензиям. 17 марта 1948 он писал Г.Вернадскому: «We must organize the publicity well. First in order to meet Mazon's claue and secondly to push the sale of the book and to cover this way our big debt to the printer» («Мы должны хорошо организовать рекламу. Во-первых, чтобы противостоять клаке Мазона и, во-вторых, чтобы увеличить продажу книги и таким образом покрыть наш большой долг типографии») (BAR. G.Vernadsky Coll. Vox 2). На протяжении весны–лета 1948 в США и Англии появилось значительное количество рецензий, приветствовавших новое издание и позицию

Якобсона в вопросе о подлинности «Слова». Однако неожиданно в традиционно сложные личные и научные отношения Якобсона (и других «пражан») с А.Мазоном и близкими ему французскими славистами, восходящие еще к 1920-м, вмешался «фактор Грегуара»: тот опубликовал большую рецензию на сборник Якобсона (см.: *Gregoire H. La Geste du Prince Igor. Un faux <...> du XIIe siècle // Le Flambeau: Revue belge des questions politiques et litteraires. 1948. Т.31, №1. P.93-103*). В этой статье Грегуар, наряду с изложением содержания тома и согласием в подлинности «Слова», отдавал должное и предположениям А.Мазона как «стимулирующей ереси», заставляющей заново пересмотреть старые позиции и более убедительно их обосновать. Статья вызвала серьезное недовольство в кругу ученых, близких Якобсону. Сохранился черновик весьма эмоционального письма Г.В.Вернадского А.Грегуару, в котором историк пенял Грегуару, что, исходя из его рецензии, книга Мазона оказывается лучше труда Якобсона. Вспоминая о семинаре по «Слову» при *École Libre*, Вернадский писал: «Мы работали все вместе; в этой работе вы принимали самое близкое участие; Якобсон сделал львиную долю работы. Теперь Вы отходите в сторону и из Вашего прекрасного далека полусоглашаетесь с Якобсоном, но вместе с тем от него отворачиваетесь и под конец явно бросаетесь в объятия Мазону». Между тем Мазон, как заявлял Вернадский, это «богослов-схоластик», а Якобсон – «пророк». В итоге Вернадский обвинил Грегуара в отсутствии «товарищеской лояльности» по отношению к Якобсону и тем самым всему семинару (BAR. G.Vernadsky Coll. Box 2). Интересно, что письмо Вернадского не было отправлено адресату; возможно, это произошло по просьбе Якобсона, который после выхода «Слова» хотя и порвал отношения с А.Грегуаром, однако довольно скоро, в начале 1949, возобновил их.

³ Семья родного брата известного авангардиста Игоря Терентьева – Владимира Герасимовича Терентьева (1894–1968), который после службы в Белой армии (контрразведка?) эмигрировал в Константинополь, а затем поселился в США.

⁴ См., например, письмо Р.Якобсона Г.Вернадскому от 22 ноября 1948, в котором содержатся жалобы на тяжелое положение и антирусские настроения в Колумбийском университете, а также трудности с приглашением в США Д.И.Чижевского (BAR. G.Vernadsky Coll. Box 3).

D

Annex

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаза, майор 282
Абрамов Ф.Ф. 165
Абросимова В.Н. 416-471
Аброскина И.И. 473
Абызов Ю.И. 525
Авксентьев Н.Д. 50, 83, 178, 182
Ага А.И. 529, 533, 540-542, 544
Агафонов В.К. 681
Адлер А. 403
Адлер Б.Ф. 584, 590
Адлер М. 399
Адорно Т. 604
Азеф Е.Ф. 565
Аксаков С.Т. 530
Аксельрод П.Б. 583
*Алданов (Ландау) М.А. 183, 191, 220, 475, 531, 546, 586
Алексайте И. 503, 510
Александр II, имп. 55
Александр II, король Югославии 214
Александров С.А. 175, 176, 182
Алексеев А.Д. 585
Алексеев В.И. 417
Алексеев В.М. 687
Алексеев Г.А. 172
Алексеев И.К. 477, 487, 491-493
Алексеев Н.Н. 673, 676, 688, 689
Алексеев, ротмистр 284
Алексинский Г.А. 403, 407, 408, 410
Алексинский И.П. 151
Алешин П.Я. 123
Алпатов В.М. 669
Алхазьян, художник 31, 37
Альбертини А. 464, 465
Альбертини Л. 457, 458, 460
Альбертини Л., мл. 460, 464, 469
Альбертини М. 464, 465, 469
Альбертини-Сухотина Т.М. 416, 420, 428-430, 434-436, 441, 442, 444-447, 449-452, 454, 457-459, 461, 464, 469, 470
Альперович А. 550
Амфитеатров А.В. 84, 586
Амфитеатров-Кадашев В.А. 586, 587
Анастасий, митр. 172
Андерсен Г.Х. 361, 533, 583, 589
Андогский А.И. 279
Андреев А.И. 636
Андреев Л.Н. 21, 78, 538, 586
Андрукевич И.А. 215
Анненков Б.В. 279
Анненков Ю.П. 586, 587
Аноприева Г.С. 193

Курсивом выделены страницы, где данное лицо выступает публикатором или автором текста (кроме авторов писем). Звездочкой (*) отмечены псевдонимы или криптонимы.

- Ансерме Э. 325, 338-340, 362, 364, 365
 Антоний, митр. (Храповицкий А.П.) 599, 600, 659, 678
 Антонов-Овсенко В.А. 438
 Антощенко А.В. 640
 Антропов В. 552
 Антуан А. 490, 492
 Анциферов Н.П. 83, 583
 Апанович Е.М. 671
 Апетян З.А. 327, 328
 Аппель П. 645, 646
 Аргентов, подполковник 271, 282, 291
 Аргунов А.А. 176, 180, 182-191, 194-197, 199-209, 214-221, 224, 226, 229, 230, 233-235, 238, 239, 241, 244, 248-254, 256-261
 Аржанов С.П. 590
 Арнольди К.И. 79
 Артемьев Д.Н. 674, 676-678
 Архангельский А.Д. 645, 646
 Архипенко А.П. 37, 81
 Арцимович М. см. Рудзинская-Арцимович М.
 Арцыбашев М.П. 537
 Арцыбушев Н. 314, 357
 Арцюк (*Державин) Е.Н. 172
 Аршинов П.А. 560
 Асафьев Б.В. 448, 449
 Асланов Н. 477
 Астров А. 310
 Ашнин Ф.Д. 669
- Бабина М. 578
 Баварский Леопольд, принц 411
 Бадаев А.Е. 391
 Баженов Н.Н. 22-24, 28, 79
 Базанов В. 681
 Базаревич В.И. 165
 Базилевский П.А. 449
 Бай Чунси 306
 Байрон Д.Г.Н. 17
 Бакс А. 332
 Бакунин Александр М. 655, 657, 665
 Бакунин Алексей М. 655, 657, 665
- Бакунин М.А. 651, 652-655, 657, 664, 665
 Бакунина (урожд. Калустова) Е.В. 657
 Бакунина (урожд. Кутелова) Е.В. 657
 Бакунина С.М. 624, 653-655, 657, 660, 664, 665, 668
 Бакунина-Осоргина Т.А. 667
 Бакунины, семья 652, 654, 655, 657, 659, 662, 663
 Балабанов Е.М. 140, 143-145, 147, 149-151, 160
 Балакшин П.П. 264, 270, 272, 274, 276
 *Баланчин (Баланчивадзе Г.М.) Д. 359, 371
 Балиев Н.Ф. 79
 Балодис Ф. 613
 Балтрушайтис Ю.-отец 610
 Балтрушайтис Ю.-сын 610, 611
 Бальджус Й. 617
 Бальзак О. де 62
 Бальмонт К.Д. 42, 531, 537
 Бальмонт М.К. 536
 Банк Г. 332
 Бантыш-Каменский Н.Н. 689, 690
 Баран Х. 681
 Барановский Н.Э. 170
 Баратов Н.Н. 105
 Баратынский Е.А. 581
 Барбович И.Г. 165, 166
 Бартенев (Бартенев) Н.В. 279, 283, 288
 Бартольд В.В. 637, 638, 642, 644
 Барышников С.Н. 270
 Баятинский В.В. 531
 Басс С.И. 177
 Бастыркина В.С. 431
 Бати Г. 477
 Батюшков К.Н. 587
 Бах И.С. 77, 364, 365, 374
 Бахметев Б.А. 92-95, 97, 103, 104, 113, 115, 118-120, 128, 631
 Бахметев Ю.П. 91, 92
 Бахметевы, род 173
 Бахрах А.В. 586, 587
 Бегидов А.М. 123
 Беер Н. де 92
 Безчинский А.С. 177
 Бейлис М. 398, 401

- Белозерская Л. см. Белосельская-Белозерская Л.Е.
Белосельская-Белозерская Л.Е. 529, 532, 536
Белосельская-Булгакова Л. см. Белосельская-Белозерская Л.Е.
Белосельский-Белозерский С.С. 172
Белоцветов Н. 161, 162
Белошевская Л.Н. 179, 180
*Белый А. (Бугаев Б.Н.) 15, 79, 472, 574, 582, 586, 587
Беляев Д.Д. 120
Беляев М.П. 320, 327, 354
Беляев С.А. 646
Бем А.Л. 178, 180, 191, 196, 216, 217, 220, 224, 226, 230, 233, 235, 237-240, 248, 250, 252-254
Бендинкас А. 593
Бенеш Э. 109
Бенуа А.Н. 30, 362, 488-491, 667
Бер см. *Либер М.И.
Беран Л. 390
Берберова Н.Н. 556, 565, 567, 570
Бергер Х. 478, 491, 496, 499
Бергсон А. 63, 85, 621
Бергстрем А. 484, 491
Бердяев Н.А. 47, 673, 675
Берзинь А. 494, 496, 506
Бернар С. 55
Бернацкий М.В. 128, 129
Бернстайн Л. 342
Бернштейн Л. 540, 542
Бернштейн О.С. 540-542
Бертрен В. 92
Бессель-младший А.В. 314
Бессонов С.А. 214
Бетховен Л. ван 40, 77
Бетя, знакомая Л.Д.Троцкого 388, 389
Бецкой И.И. 134, 135
Би О. 359
Билинский Б.К. 490
Бинг Р. 323
Биншток В.И. 590
Биржишка В. 609
Биржишка М. 600, 609, 613
Бирман С.Г. 484
Бирюкова (урожд. Шарапова) П.Н. 471
Биценко А.А. 411
Бичер Стоу Г. 667
Бичурин Н.Я. 666, 667
Блекайтис Й. 604
Блок А.А. 574, 585, 586
Блох (*Тюрсев Г.) Г.А. 534
Блох Э. 346
Блох Я.Н. 574
Блюм А.В. 525
Блюхер В.К. 296
Боборыкин П.Д. 14, 538
Бобринская (урожд. Львова) В.Н. 431-433
Бобринский Александр, гр. 93
Бобринский Алексей 432
Богданов А.А. 403, 585
Богданов Н.Н. 196, 206
Богданов П.А. 200
Богданов-Березовский В. 333
Боголепов, автор книги 590
Богомолов Н.А. 527, 547
Богородицкий В.А. 682, 684
Божерянов А.И. 30, 31, 37, 80
Божерянов И.Н. 37, 81
Болховитинов Н.Н. 620, 631
Больм А. 360
Бонапарт Ж., король 74
Бонгард-Левин Г.М. 649
Бондырев А.П. 475-477
Бонер Алиса 474, 482, 493, 517
Бонер Амброс 475
Бонер Анна 493, 520
Бонер Г. 474, 481, 482, 493, 499, 500, 504, 509, 516-518, 520
Бонер Ж. 472-475, 479-487, 491, 493-521
Бонч-Бруевич В.Д. 13
Бордолло Э. 485
Борзов А.А. 589
Борис, знакомый А.А.Борового 45, 46
Боровая Т.А. 58, 84
Боровой А.А. 7-16, 16-76, 77-81, 84, 85
Боровой А.К. 7, 21-23
Боровский А.К. 345
Бородин А.П. 33
Бородин С.К. 173
Бородин-Грузенберг М.И. 301
Боткин С.Д. 120, 132

- Браиловская Р.Н. 463
Браиловские, супруги 461
Браиловский Л.М. 462, 463, 467
Брайкевич М.В. 177, 183, 184, 185, 187, 217-219
Браун Ф.А. 643, 674, 676
Браун-Бонер А. 474
Бреннан У. 346
Бретаницкая А. 318
Бриан А. 153
Брокгауз Ф.А. 135
Брокманн А. 609
Бромберг Я.А. 682, 684
Бронштейн З.Л. 388, 389, 392, 395, 401, 402
Бронштейн Н.Л. 388, 389, 392, 395, 396, 401
Брукнер Ф. 474
Брусилов А.А. 651, 653
Брушвит И.М. 215
Брюсов В.Я. 572, 582
Бубеникова М. 216
Будницкий О.В. 92, 102, 134-173
Букас, подполковник 288
Буланже Н. 371
Булгаков Вал. Ф. 416, 417, 420-422, 424, 426, 429-447, 449, 451-471, 650
Булгаков Вен. Ф. 431, 433
Булгаков М.А. 520, 574
Булгаков П. 581
Булгаков С.Н. 47, 599, 600
Булгакова (в замужестве Пономарева) О.В. 469, 470
Булгакова (урожд. Исакова) Т.Н. 422
Булгакова А.В. 434, 437-439, 445-447, 454, 457, 459
Булгаковы, семья 663
Булгычев В.А. 19, 77
Бунин И.А. 531, 535, 537, 538, 541, 544, 545, 566, 567
Бурцев В.Л. 175, 543
Бурьянов А.Ф. 391
Бухарин Н.И. 391
Бушен А. 340
Быстров В. 216
Быстрова О.В. 556
Бычков, полковник 295
Бюклинг Л. 472-521
Бютцов В. 485, 487
Вагнер Р. 510, 511
Вагнер, промышленник 110
Вайнберг И.И. 547, 548, 551, 566, 573
Вальдгауер О.П. 583
Вальмин А.П. 209
Вальтер Б. 324, 375
Ван Чэньюань 267
Вандаловская М.Г. 620
Ванеев А.А. 619
Ванечкова Г. 422
Варунц В.П. 310, 340, 353, 374
Варшавский С.И. 456
Васецкий Н.А. 382, 384, 393, 394
Василевский И.М. (*Не-Буква) 532, 544
Васильев А.А. 49, 83
Васильев В. 93
Васильев Ф. 501
Васильков Я.В. 635, 636
Василяускас А. 606, 610, 611
Ватто А. 487
Ваулин А.П. 446-449, 457, 458
Ваулина Т.А. 457, 458, 464
Вахтангов Е.Б. 472
Введенский А.И. 585
Вебер Ф.В. 323
Вейнгартнер Ф. фон 56
Велеминский К.Л. 438-440
Верлен П. 36
Верн Ж. 55, 84
Вернадская (урожд. Ильинская) Н.В. 621, 623-631, 633, 652, 653, 655, 658, 659, 661-664, 686
Вернадская Н.Е. 624, 660, 661
Вернадские, семья 624, 638
Вернадский В.И. 620, 621, 623-626, 628-635, 638-645, 651, 653, 660, 661, 668-672, 674, 676-678
Вернадский Г.В. 620, 621, 623-633, 635, 646-676, 678-693
Вернер В. 476, 488, 516
*Ветлугин А. (Рындзюн В.И.) 542-545, 550, 551
Вешнев В.Г. 452, 453
Виардо П. 83

- Вигель Ф.Ф. 10
Вильк А.З. 535
Винавер Е.М. 177
Винавер М.М. 177
*Виноградов Н. см. Критский М.А.
Виноградов П.Г. 639, 640
Виньи А. де 538
Виппер Б.Р. 585, 590
Виппер Ю. 594
Висвидас П. 604
Витаутас Великий, кн. 606, 611, 616
Витковский В.К. 165
Виттинг Э. 42, 82
Вишняк А.Г. 550
Владимиров Б.Я. 583
Власов А.А. 171, 172
Водовозов В.В. 570
Водовозов Н.В. 583
Войтинский В.С. 560, 583
Волков В.П. (Эстебан) 402
Волков В.П. 642, 677
Волков Г.А. 440
Волков Н.Н. 177
Волков П. 401
Волкова А.П. 402
Волкогонов Д.А. 382-384, 386, 387, 401
Волконская И.С. 476
Волконский П.П., кн. 111
Волконский С.М., кн. 370, 476, 488, 489
Волошин М.А. 38, 81, 574
Вольнский, акционер журнала «Зеленая палочка» 534
Волькенштейн Ф.А. 536
Волькенштейн Ф.Ф. 536
*Вольтер (Аруэ М.Ф.) 17
Воровский В.В. 154
Врангель П.Н. 96, 106, 108, 110, 116-120, 123-125, 134, 136, 138-140, 143, 144, 151-153, 158, 159, 161-164, 166-169, 175, 588, 653, 655, 661
Всеволодский В.Н. 429
Второв Б.Н. 535
Второв Н.А. 535
Вуколова-Копрживова А. 216
Вургафт Л.М. 534, 535, 541, 542, 547
Вургафт М.Л. 536
Высоцкие, семья 476, 479, 516
Вышинский А.Я. 214
Вьенер Ж. 344
Вюйермоз Э. 360
Габрилович О. 330
*Гаварню П. (Шевалье С.Г.) 34
Гайдуков В.П. 143, 146, 147, 156, 160
Галауне П. 607
*Галич (Габрилович) Л.Е. 530
Гандельман, акционер журнала «Зеленая палочка» 535, 542
Ганди М. 454, 455
Ганзен А.В. 588
Ганзен П.Э.Г. 533, 588
Ганзен Ц. 326
Ганкин Я.И. 535
Гаретто Э. 84
Гегель Г.В.Ф. 601, 610
Гейне Г. 19
Геллер М.Ю. 83
Гельбе А.А. 577, 578, 580
Гендель Г.Ф. 77, 335, 360
Гензель А.М. 137, 140
Георгий Михайлович, вел. кн. 138
Герцен А.И. 8, 10, 35, 50, 381
Гершензон М.О. 47
Гершун Б.Л. 526, 560, 571-573, 585
Гессен И.В. 175, 534, 550, 551, 574, 576, 661
Гецевич см. *Мирский (Миркин-Гецевич) Б.С.
*Гиль Р. (Гильбер Р.) 42
Гильфердинг Р. 389, 391
Гинс Г.К. 100
Гиппиус З.Н. 330, 544, 553, 566
Гирич И. 671
Гирс М.Н. 94, 95, 104, 118-120, 124-130, 132
Гирс Н.К. 118
Гиршфельд В. 550
*Гитлер (Шикльгрубен) А. 330, 351, 352, 375
Гитри А. 55
Глазенап П.В. 171, 172
Глазунов А.К. 334

- Глинка М.И. 36, 340
Глотов, эсер 65
Го Сунлин 289, 290
Гоген П. 38
Гоголь Н.В. 472, 490, 507, 520
Годжи М. 214
Годлевский, ветеринарный врач 295
Годовский Л. 276
Гойя Ф. 81
Голлербах Е.А. 525, 542, 550, 555
Голобородько М.О. 535
Головачев М.П. 98
Головин Н.Н. 236, 250
Гредескул Н.А. 237
Голубовский Е.М. 393
Гольдберг Г.А. 575
Гольдгаммер Д.А. 560, 584, 589
Гольденвейзер А.А. 250
Гольденвейзер А.Б. 428
Гольдер Ф. 642
Гольдмарк К. 512, 513
Гольдони К. 546
Гольдштейн М.Л. 533
Гольштейн (урожд. Баулер) А.В. 49, 64, 83
Гонигман, владелец фирмы 686, 688
Гончарова Н.А. 532
Гончарова Н.С. 501
Горбунов Н.П. 623
Горбунова-Посадова (урожд. Короткова) Е.Е. 430, 445
Горбунов-Посадов И.И. 421, 424, 425, 429, 430
Гордон Б.А. 534, 535, 540-542
Горлов В.М. 109
*Горький М. (Пешков А.М.) 40, 50, 82, 403, 407, 408, 411, 547-549, 551, 555, 556, 561-564, 566, 567, 570, 572, 573, 581, 586, 588
Горяинова (*Энери) И.А. 422
Готье Е. 370
Гофман М.Л. 585, 587, 588
Грамон М. де 538
Гранье, гравер 356
Грачев Г.П. 157, 173
Гревс И.М. 49, 50, 83
Грегори Ф. 474
Грегуар А. 685, 686, 687, 693
Греймас А.Ю. 603
Гречанинов А.Т. 315, 321, 353, 354
Гржебин З.И. 547-563, 565-573, 585, 586, 588, 589
Гржебина Е.З. 547
Гржебина М.К. 553
Гримм Д.Д. 109
Гринберг З.Г. 641, 642, 643, 645
Гринев А. 588
Гришин А.И. 494, 496, 499
Громов В.А. 475, 477, 480, 484, 487, 495-498, 500, 504, 509, 511, 513-515
Громыко А.А. 627, 632
Гронский П.П. 177, 591
Грушевский М.С. 410
Губкин И. 157
Гувер Г. 645
Гужон (Goujon) Ж. 18, 77
Гуль Р.Б. 563, 586, 587
Гулькевич К.Н. 92, 99, 109, 113, 117, 126, 127
Гумилев Н.С. 574-576, 582, 585
Гумилева (урожд. Энгельгардт) А.Н. 576
Гуно Ш. 56
Гурулев, подполковник 282
Гусев Н.Н. 435, 452, 453
Гуссен Ю. 334, 339
Гуткина А. 527
Гюго В. 72, 76
Гюрджан А.М. 39, 40, 82
Гюрджан, семья 39, 40
Д'Энди В. 56
Давыдов Л.Ф. 96
*Давыдова (урожд. Франценкель, по мужу Громова) А.Д. 475, 477, 480, 481, 487, 491, 495, 496, 500, 513
Дальгейл С.Ю. 399
Даниэльсон Е. 263
Данте Алигьери 11
Дашкевич Я. 671
Дебросс Ж. 77
Дебюсси К.А. 56, 333-336, 350, 375
Дейкарханова Т. 499
Дейч Л.Г. 383
Дейч Ю. 399

- Делекторский Ф.П. 279
Демидов Е.П. 119, 120
Демидов И.П. 177, 179, 188, 236, 250
Демут Э. 536
Деникин А.И. 96, 99-102, 104, 105, 108, 110, 112, 113, 116, 119, 125, 139-141, 630, 655
Денисов Д. 534
Денисов Н.Х. 535
Державин Г.Р. 587
Держановский В.В. 356
Десницкий В.А. 585
Дживилегов А.К. 50, 83
Джонсон А. 681
Джонсон Б. 546
Джунковский В.П. 170, 171
Дзержинский Ф.Э. 386
Дидро Д. 35, 36
Диккенс Ч. 536, 538
Динерштейн Е.А. 552, 556, 561, 563, 569, 572
Дитлов К. 153
Дицман И. 136
Дмитриев Е.Д. 530
Дмитрий Павлович, вел. кн. 424
Добиаш-Рождественская О.А. 585
Добкин А.И. 83
*Добровейн (Барабейчик) И.А. 40
Добужинский М.В. 475, 488-490, 507, 510, 572, 583, 589, 601
Догель А.С. 560, 590
Дойчер И. 382
Докашева Е.С. 462
Долгополов, финансист 150
Долгоруков П.Д., кн. 151, 156, 158, 160, 161, 164-166, 656
*Дон Аминадо (Шполянский А.П.) 527-529, 531-547, 551
Дорошенко Д.И. 670-672
Дорошенко, подполковник 295
Достовалов Е.И. 652, 653
Достоевский Ф.М. 489, 538, 581
Дрейфус А. 17
Дроздов А.М. 532, 545, 586
Друскин М. 340
Дуань Цижуй 266, 267, 277, 290
Дукельский В.А. 321, 322, 354
Духовской А.П. 304
Душечкина Е.В. 681
Душкин С. 357, 372, 376, 377
Дыбовский В. 501
Дюка П. 340
Дюллен Ш. 476, 477
Дюма А. 17, 47, 55
Дюмениль (урожд. Фермор) А.Н. 537
Дюран Ж. 320
Дягилев С.П. 84, 318, 322, 333, 334, 337, 338, 349, 350, 359-361, 363, 376, 645, 646
Е Тин 296
*Евелинов (Штейнфинкель) Б.Е. 546, 547
Евлогий, митр. (Георгиевский В.С.) 678
Евреинев Б.А. 191, 196, 199-202, 206, 209, 212, 213, 215, 220, 230, 233, 235, 237, 238, 241, 242, 248, 249, 253, 254
Екатерина II, имп. 144, 664
Елецкий П. 410
Елисеев Г.Г. 683
Елисеев С.Г. 681-683
Елистратов А.И. 21, 57, 78
Емельянов Ю.В. 382
Ермакова Т.В. 639
Ерофеев Н.Д. 193
Есенин С.А. 426, 433, 582
Ефименко А.Я. 609
Ефимов Г.Е. 266
Ефимов, автор книги 584
Ефремов И.Н. 93, 95
Ефремов Н.Н. 177
Ефрон И.А. 135
Ефрон С.А. 550
Жадан В.Д. 455
Жданов В.А. 427-429, 435, 444, 458
Жебелев С.А. 560, 583
Жемье Ф. 476
Жеребин А.И. 676
Живов В.М. 671
Жид А. 370
Жилинский (Жилинскас, Олека-Жилинскас) А.М. 498-503, 505-507, 510, 519
Жордания Н.Н. 399
Жуве Л. 477

- Жуковский В.А. 587
 Жуковский В.Г. 100, 110
 Жюльен Р. 463
 Забежинский Г.Б. 550
 Заболотный Д.К. 560
 Завадский С.В. 421
 Загорский С.О. 199, 219, 238
 Зайцев Б.К. 79, 470, 548, 567, 572, 581, 586, 588
 Зайцев К.И. 656, 660-662, 665
 Зак Е.С. 38, 81
 Закс Г. 555, 573
 Залевский В. 525, 542, 550, 555
 Залшупин А.С. 535, 544
 Замен К.Е. фон 114, 126
 Замятин Е.И. 560, 572, 574, 581, 583, 586
 Зарецкий Н.В. 586
 Заринь (Зариньш) Я. 495, 504
 Звездич П. 393
 Зверев Н.М. 501
 Зелинский А.Н. 635, 641
 Зельдович Б. 551
 Зельдович В.Д. 427
 Зелюк О.Г. 537, 543
 Зензинов В.М. 586, 588
 Зеньковский В.В. 175, 670, 672
 Зив Г.А. 383-386, 390
 *Зиновьев (Радомысльский) Г.Е. 390, 575
 Златогоров С.И. 560
 Знаменский В.М. 164, 165
 Зноско-Боровский Е.А. 536, 538, 544, 545, 546, 547
 Зноско-Боровский К.Е. 536
 Золя Э. 17
 Зубец В.А. 263, 271, 273, 274, 277, 278, 281, 282, 287, 291-293, 298, 305, 307
 Зубов П.Ю. 177

 Иаков (Смирнов), прот. 539
 Иванов А.А. 590
 Иванов В.Н. 648, 649
 Иванов Вяч. И. 330
 Иванов Г.В. 560, 582
 Иванов, геолог 65
 Иванова З.Н. 435
 Иванова М.С. 473
 *Иванович С. (Португейс С.О.) 181, 185, 199, 219, 236, 250, 251
 Ивановская И.Н. 624
 Ивинскис З. 612
 Игнатъев А.А. 93
 Игумнов К.Н. 428
 Ижболдин Б.С. 664, 666
 Изай (Исаи) Э. 56, 317
 Изай, братья, владельцы музыкального магазина 317
 Извольский А.П. 92
 Ильин В. см. *Ленин В.И.
 Ильин В.Н. 673, 676
 Ильин И.А. 31, 50, 80
 Ильин С.Н. 164
 Ильинская Е.В. 625, 629, 630, 634
 Ильинский И.В. 443, 453, 454
 Ильинский Ф.В. 625-627, 629, 630
 Инбер В.М. 531
 Инбер Н.О. 531, 544
 Иннокентий, архиеп. 291, 292
 Иоффе А.А. 154, 381, 389, 391, 396, 402-415
 Иоффе Н.А. 404, 414, 415
 Ипполитов С.С. 526, 547, 555, 572
 *Ирман 565, 566
 Ичас Й. 594, 595, 602, 603, 608

 Йонинас И. 607-609, 612, 613, 618

 К.А. 157, 161-163
 Кабанова Н.П. 422
 Кабот Ф. 363-366
 Кадашев В.А. см. Амфитеатров-Кадашев В.А.
 Кадиш М. 550
 Казелла А. 332
 Калинин М.И. 13
 Калитинский А.П. 646
 Кальвокоресси, переводчик 376
 Кальдерон де ла Барка П. 546
 *Кальма Н. (Кальманок А.И.) 560
 Каринская В.А. 546
 Каляев И.П. 9
 Каменев В.И. 50
 *Каменев Ю. (Розенфельд Л.Б.) 390, 403, 411

- *Каменецкий Б. (Айхенвальд Ю.И.) 586, 588
Каменка А.И. 107
Канищева Н.И. 175, 176, 182, 198, 203, 205
Каннак (урожд. Залкинд) Е.О. 550
Кантор М.Л. 580
Каплун (*Сумский) С.Г. 575
Каппель В.О. 274
Карахан (Караханян) Л.М. 153, 154, 292, 413, 414, 636
Кареев Н.И. 50, 83
Каретина Г.С. 273, 281, 286
Каринская В.А. 479
Карклиньш Э. (*Зелматис) 514
Карклиньш Я. 502, 503, 509, 513
Карко Ф. 35
Карлейль Т. 8
Карлов, полковник 293, 294
Карпович М.М. 626, 631, 681, 683
Каррель А. 650, 651
Карсавин Л.П. 591-619
Карсавина И.Л. 619
Карсавина Т.П. 333, 601
Картавцев Е.Е. 532, 536
Карташев (Карташов) А.В. 96, 105, 109, 117, 127, 181, 599, 600
Картер Э.. 358
Карцева В.А. 663, 665
Карцевский С.И. 681
Кассо А.Л. 398, 401
Кассо Л.А. 78
Катаева А.Г. 526, 547, 555, 572
Катулл Г.В. 28
Каутский К. 391, 398
Качаки И. 138, 157, 158, 169, 173
Каширины, братья 274
Квятковский П.П. 283
Келлер К. 573
Кендзи Д. 273
Керенский А.Ф. 178, 407, 629
Кессель, сотрудник штаба П.Н.Врангеля 123
Киндлер Г. 360
Киржаев С.Н. 651
*Киров (Костриков) С.М. 402
Кирпичникова (Никифорова) Е.Д. 539
Киселев Е.Д. 625, 626, 630
Кисилев В. 320
Кистяковский Б.А. 47-49, 83
Кистяковский Ф.А. 49
Клемансо Ж. 102
Клемперер О. 56, 352, 358, 359, 375, 376
Клепинин Н.А. 673, 675
Клерже Г.И. 269
Климовских, полковник 293
Клинг О.М. 310, 315, 316, 332
Клюев Н.А. 433
Ключников С.Ю. 647
Ключников Ю.В. 100
Кнебель М.О. 473, 483
Книпович Е.Ф. 560, 584
Кобылкин, полковник 283
Кожевников А.В. 684
Кожевников П.А. 534
Козлова М. 316, 320
Козловский А.Л. 530
Козляков В.Н. 620, 681
Койранский А.А. 64, 85, 531, 538, 544, 546
Койре А. 680
Коклены, братья 55
Кокошкины, семья 663
Кокто Ж. 349
Колин Н.Ф. 546
Колумб Х. 72
Колчак А.В. 97-105, 107-110, 112, 113, 119, 125, 139, 140, 636
Комаров В.Л. 584, 641, 642
Конашевич В.М. 583, 589
Кон-Бендит Д. 15
Конлан Б.Д. 649, 650
Коновалов А.И. 177
Коновалов А.М. 529
Коновалов Д.А. 529
Константинов П.П. 306
Константинов С.В. 175
Конюс Г.Э. 84
Конюс Л.Э. 9, 56, 57, 84
Конюс Э.К. 84
Конюс Ю.Э. 84
Копланд А. 362
Копо Ж. 534
Копржива-Лурье Б.Я. 589
Корнфельд С. 551

- Коровин В.И. 528
Коростелев О.А. 385, 525
Коршунова В.П. 7
Косиковская А.В. 177
Косинский В.А. 670, 672
Косоруков А.А. 630
Костакел В. 470
Костицын В.А. 622, 677
Костров И.А. 271, 277, 281, 283,
284, 287, 288
Костычев С.П. 584
Котляревский Н.А. 642, 643
Котляревский Н.М. 136
Котляров Я.Ф. 263, 279, 282-284,
287, 288, 301, 302, 304, 306-308
Коутс А. 501
Кохно Б. 349
Кочетов В.П. 556
Краевич (урожд. Платонова) Н.С.
578, 580
Краевич Б.К. 578, 580
Крандиевская-Толстая Н.В. 528,
530, 531, 536, 538
Крестовская М.В. 536
Крапивина, вдова 144
Красин Л.Б. 153, 154, 551, 636
Краснов Г.В. 416-471
Краснокутский В.А. 50
Крафт Р. 310, 325, 334, 338, 339,
345, 349, 357, 363-366, 373, 375,
376
Крачковский И.Ю. 642, 643
Креве В. см. Креве-Мицкявичюс В.
Креве-Мицкявичюс В. 594, 595,
602, 611, 612
Крейтер В.В. 169-171
Кривенко, капитан 271
Кривицкий, акционер журнала
«Зеленая палочка» 535, 545
Кривошеин А.В. 111, 117
Кристо П.Г. 534
Критская К.В. 651
Критская Л.А. 658
Критский А.А. 651, 658
Критский М.А. 621, 624, 651-655,
657-668
Кромвель О. 615
Кропоткин П.А. 15
Кросс С. см. Cross S.H.
Кругликова Е.С. 38
Крупенский В.Н. 118, 120
Крыжановская (урожд. Щербат-
ская) М.И. 636
Крыжановская М.А. 477, 488, 491, 519
Крыжановский С.Е. 636
Крыленко Н.В. 423
Крылов А.Н. 646
Крымова Н.А. 473
Крюков Л. 445
Кубасов И.А. 587
Кубе А.Н. 560
Кубилюс В. 604
Кудлаенко А. 270, 275
Кузмин М.А. 80, 574
Кузминская В.А. 446, 449, 464
Куклин Е.И. 292-294
Кукольник Н.В. 36
Кулишер А.М. 213
Купер Ф. 583
Купер Э. 501
Куприн А.И. 531, 537, 538, 541, 544,
563, 564, 566, 567
Купченко В.П. 81
Курбский А.М. 381
Кусевицкая (урожд. Ушкова) Н.К. 309,
316, 317, 319, 322, 324-329, 343, 344,
348, 349, 353-356, 358, 359, 361, 367,
371, 373, 376
Кусевицкая О.А. 323, 349
Кусевицкие, семья 309, 311, 312, 314-
317, 323-325, 327, 328, 348, 353, 357,
360, 362, 364, 367, 371, 373, 376
Кусевицкий С.А. 41, 82, 309-319, 321-
331, 333-360, 362-377
Кускова Е.Д. 83, 180, 181, 183, 185-187,
189-191, 194, 201, 207, 216, 220, 236,
238, 250-253, 256, 257
Кусонский П.А. 151, 165, 167, 168
Кутепов А.П. 164-166, 168, 651, 654,
655, 657, 660, 664, 665
Кутепов Г.Н. 109
Кучеров С. 575
Кюннельт-Леддин В. 678
Лабковский С.Д. 582
Лагардель И. 52, 84

- Ладыжников И.П. 552, 554, 555
Лазаревский Б.А. 537
Лазаревский И.И. 583
Лазарян (Лазаревы), семья 82
Лазурский В.Ф. 428
Ламберт К. 346
Ламм В.А. 314
Ламм П.А. 314, 315, 319, 447
Лампе А.А. фон 111
Лаппо И.И. 591
Лапшин И.И. 644
*Ларин Ю. (Лурье М.З.) 399
Ларионов М.Ф. 532
Ласинскас П. 591-619
Лашкевич В.В. 151
Лебедев В.А. 141-143, 147
Лебедев В.В. 15
*Лев М. (Асс М.М.) 496, 533
Лев М.Е. 529
Левинсон-Лессинг Ф.Ю. 643, 644
Леви-Стросс К. 680
Левитан И. 573, 575
Левицкий С.П. 655, 657
Левшин, лейтенант РОА 172
Ледницкий В.А. 681-683
Лежава А.М. 569
Лейнеман, инженер 571
*Ленин (Ульянов) В.И. 154, 381, 382, 390, 391, 400, 403, 406, 411, 412, 414, 454-456, 547, 548, 563, 617, 618, 636, 667
*Ленский (Воробьев) Д.Т. 79
Ленуар М. (Marcel Lenoir) 38, 41, 82
Леонардо да Винчи 64
*Леонидов (Берман) Л.Д. 517-520
Лермонтов М.Ю. 16, 536, 581
Лесгафт Э.Ф. 584
Лесков Н.С. 581
Лесли, подполковник 271
Ли Юаньхун 267
Лианозов С.Г. 96
*Либер М.И. 410, 411
Ливен А.П., кн. 93
Ликиардопуло М.Ф. 79
*Лилина (Перевощикова) М.П. 477, 487
Лиля Н., знакомая А.А.Борового 44-46
Лиссим С.М. 489, 490
Лиссин В. 536
*Литвинов (Валлах) М.М. 107, 154, 623, 624, 632
Лифарь С.М. 359, 488, 489
Лихачев Д.С. 690, 691
Лихтенберг А. 538
Ллойд Джордж 153
Ло Гатто Э. 465, 467
Ловмянский Г. 609
Ловчикова (по 1-му мужу Абельдяева) Н.Г. 7
Ломейер А.Е. 142, 143, 146, 147, 162
Лонгфелло Г.У. 541
Лопатинский Б.Л. 65, 68, 69
*Лопе де Вега 546
Лорис-Меликов М.Т. 400
Лосский Н.О. 644
Лу Юнтин 266
*Лужский (Калужский) В.В. 428
Лукаш И.С. 655, 656, 660, 662, 664
Лукомский А.С. 121
Лукомский Г.К. 533
Луначарский А.В. 50, 397-401, 403, 473, 636
Лундберг Е.Г. 549, 574, 585
Лункевич В.В. 536
Лурье А.С. 339, 357, 376, 377
Лурье В.С. 587
Лурье С.Я. 585, 589
Лутохин Д.А. 586
Львов А.К. 441, 443
Львов Г.Е., кн. 102-104, 113, 129, 535, 538
Львов Л.И. 478
Львов М.А. 441, 443
Львов Н.Н. 151, 152, 164, 165
Львова (урожд. Толстая) Т.М. 441, 443
Лю, генерал 296
Любавский М. 609
Любименко И.И. 560, 584
Любошинская А.Е. 653, 663
Любошинский М.М. 653, 663
Любошинский М.М., сын 663
Любошинский П.М. 663

- Люнье-По О.-М. 479
Ляцкий Е.А. 180, 555
- Маевский В.А. 170-172
Мазалова Д. 216
Мазон А. 464, 465, 669, 689, 690, 692, 693
Майер М. 345
Майоль А. 41, 42
Майоров, подполковник 295
Макаренко П.Д. 271, 282, 285, 287, 290, 295, 297, 305, 306
Маклаков В.А. 92-96, 100, 102, 104, 109, 113, 115-118, 128, 129, 131, 132
Маклакова А. 532
Маклецов А.В. 250
Маковицкий Д.П. 418, 419, 422, 443
Маковский В.Д. 463
Маковский С.К. 488, 489
Максвелл Д. 355
Малакен, генерал-лейтенант 291, 293, 294
Малахов Г.А. 214
Малер Г. 14
Малипьеро Ф. 332
Малько Н. 501
Мандельберг В.Е. 408, 410
Маннинг К.А. 686, 688
Мансветов В.Ф. 465
Мануйлов А.А. 78
Манухин И.И. 566
Маньков И.Н. 391
Мар М. де 536
Маргерит П. 538
Маргулиес М.С. 526, 527, 547, 560-569, 571, 583, 585
Маритен Ж. 680
Маркевич И. 349
Марков А.П. 199, 206, 236
Марков П.А. 472
Маркс К. 330, 386, 400, 630
Марр Н.Я. 642-645, 676
*Мартов Л. (Цедербаум Ю.О.) 382, 583
Масарик Т.Г. 179, 196, 435, 443
Масая Г. 273
- Маслов С.С. 176-180, 183, 184, 186, 194-196, 203, 207, 212, 214-220, 223-226, 228, 230, 232-243, 248, 250, 251, 253, 254, 259, 260
Маслова Т.С. 178, 215, 216
Массне Ж. 56
Масютин В.Н. 476, 485, 486, 488-490, 516
Масютина В.С. 488, 516
Матисс А. 39
Мать Мария (урожд. Пиленко Е.Ю., по 1-му мужу Кузьмина-Караваева, по 2-му Скобцова) 82
Маяковский В.В. 15, 645, 646
Медичи М. 77
Мейендорф А.Ф. 120
Мейер, майор 288
*Мейербер Д. (Бер Я.Л.) 56
Мейерхольд В.Э. 472, 479, 489, 493, 494
Мейндль, оценщик 147-149
Мейснер Д.И. 203
Мекк Н.К. 426
Меленевский М.И. (*Басок) 408, 411
Мелихов Г.В. 263-308
Мельгунов С.П. 180, 183-191, 194, 195, 199, 201, 204, 206-209, 216, 220, 223, 225, 229, 230, 233-237, 239, 242-245, 248-256, 258, 260
Менцель В.И. 220
Мельников А.Н. 279
Мельникова И. 592
Менгельберг В. 56
Менгес К.Х. 669, 686, 688
Менделеев А. 92
Менделеева Л.Д. 574
Менжинский В.Р. 414
Мензбир М.А. 78
Меншуткин Б.Н. 584
Мережковские, семья 567
Мережковский Д.С. 15, 544, 551-555, 566
*Мерич А. (Даманская А.Ф.) 586
Меркулов Н.Д. 270, 275, 281, 283, 284, 289, 291, 293, 308
Меркулов С.Д. 270
Мерсеро А. (*Eshmer Valdor) 82
Метнер (урожд. Братенши) А.М. 328, 329

- Метнер Н.К. 77, 325, 327-329
Метнер Э.К. 330
Мещанкин, подполковник 284
Мигдали М. 562
Мила, дочь Э.В.Шеляпиной 61, 64
Миллер В.Ф. 669
Миллер Е.К. 157, 158, 163, 165, 167, 169
Миллер Е.-Л.К. 112, 113
Милоков П.Н. 90-93, 175, 177-191, 193-218, 220, 223-226, 228-230, 232, 234-243, 245, 246, 248-261, 488, 687
Милюкова А.С. 177
Минаков П.А. 78
*Минский (Виленкин) Н.М. 533, 572, 582
Мирабо В. де 17
Миронова Е.М. 89-133
*Мирский (Миркин-Гецевич) Б.С. 532, 543
Михайлов Д.Н. 263, 283, 289, 293, 301
*Михайлов (Мелкишев) П.П. 625-628
Михайлов, майор 295
Михайлов, полковник 297, 302
Михайловский Г.Н. 91-94, 96, 97, 102, 104, 106, 109, 110, 115, 116, 118-120, 122, 124
Миханкова В.А. 643
Михельсон А.М. 177
Мицкявичюс В. см. Креве-Мицкявичюс В.
Мнухин Л.А. 527
Могиланский Н.М. 443
Могиланский Н.П. 177
Модзалевский Г.Л. 587
Моисси С. (А.) 427
Моне К. 61
Мономахов Д. 652
Монтё П. 320, 347
Моод Э. 427
Мопассан Г. де 17
Моргенштерн М. 476, 493, 516
Моргенштерн Х. 476
Моркотун С. 567
Морской А.А. 532
Мосешвили Г.И. 556
Москвин И.М. 428
Мостовая Н.М. 668
Моу Чжунхэн 283, 298
Моцарт В.А. 363, 509
Мочалов И.И. 623, 624
Мрачковский, генерал 305, 306, 308
*Мстиславский (Масловский) С.Д. 583
Мук К. 56
Мунэ-Сюлли Ж. 55
Муранов М.К. 391
Муратов П.П. 548, 560, 581, 583, 586, 588
Муратов, майор 294
Мурко М. 684
Муромцева-Бунина В.Н. 531
Мусин-Пушкин А.И. 690
Мусин-Пушкин В.В., гр. 151, 152
Мусоргский М.П. 33, 350, 351
Муссолини Б. 330, 375
Мутэ М. 562, 566
Мысовский Л.В. 643, 644
Мэтью-Уолкер Р. 310
Мюрже А. 34
Мюссэ А. де 538
Мякотин В.А. 174, 176, 183, 184, 187-189, 191, 194, 195, 216, 217, 220, 222-233, 235-238, 240-246, 248-255, 258, 259
Мясковский Н.Я. 316, 320, 321, 325, 330, 331
Набоков В.Д. 175
Набоков К.Д. 93-95
Нагявичус В. 613
Наживин И.Ф. 531
*Назимов (Левентон) В.Я. 532
Нагоряков Н.Н. 556, 557
Нанао М. 273
Нансен Ф. 130, 131
Наполеон I, имп. 17, 53
Направник В.Э. 317
Неаполитанская В.С. 624, 630
Невельсон В.М. 401
Невельсон М. 401
Недбаевский В.М. 526
Нейхаузен Ф. 169
Неклюдов А.В. 92

- Нелидов Д.А. 120
 Немирович-Данченко В.И. 483, 512
 *Немчинова (Обухова) В.Н. 501
 Непогодьев, капитан 285
 Нератов А.А. 91, 97, 100, 101, 105, 112, 119-124
 Нестеров М.В. 443
 Нестерова И.Н. 630
 Нечаев К.П. 273-275, 276, 281, 283-287, 289, 291-295, 297, 298, 300, 301, 305
 Нижинская Б. 361
 Нижинский В.Ф. 84
 Никифоров Д.И. 142, 150, 151, 160, 165
 Никифорова Т.Г. 429
 Никиш А. 374
 Николаев Н. 273-275, 281, 282
 Николаевский Б. 93
 Николаевский Б.И. 556
 Николай II, имп. 91
 Николай Николаевич, вел. кн. 157, 164, 297
 Никольский В.А. 560, 583
 Никонов И. 560, 582
 Никонов Л.И. 584
 Нилус П.А. 530
 Нина, дочь Э.В.Шеляпиной 61, 64
 Нинов А.А. 473
 Новгородцев П.И. 47
 Новгородцевы, семья 663
 Новиков И.А. 560, 582
 Нольде Б.А. 91, 114
 Нувель В.Ф. 357
 Нурок, автор книги 585
 Ньюман Э. 335
 Оболенская (урожд. Сухоти-на) Н.М. 467, 469
 Оболенский Н. 467
 Оболенский С.Н. 467, 469
 Обухов А.Н. 501, 509
 Обухова-Зелиньска И.В. 531
 Овчинников, серебряных дел мастер 157
 Озаровский Ю.Э. 530
 Огороков А.В. 193
 Олар А. 561
 Ольденбург С.С. 644, 645
 Ольденбург С.Ф. 583, 636-638, 644, 645, 656
 Онеггер А. 346, 362
 Ону А.М. 107
 Оренштейн Я. 579, 589
 Орлов, пианист 345
 Осипов В.П. 560
 *Осоргин (Ильин) М.А. 567, 588, 667
 Островский А.Н. 520
 Остроумова-Лебедева А.П. 463
 *Отго А. см. *Троцкий Л.Д.
 Офросимов Ю.В. 587
 Оффенбах Ж. 495
 Павлов В. 534
 Павлова А.П. 360, 482
 Павловец М.Г. 422
 Павловский Е.Н. 584
 Пайчадзе В. 353
 Пайчадзе Г.Г. 315, 320, 321, 323, 324, 326, 327, 330, 331, 345, 346, 348-359, 361-371, 375, 376
 Палеолог А.К. 209
 Палестрина Д.П. 77
 Панина С.В. 626-630
 *Парвус (Гельфанд) А.Л. 407, 410
 Пастернак Б.Л. 582
 Пелехин, советник миссии в Белграде 142
 Пеллио П. 642, 643
 Первухин М.К. 532, 563
 Перголези Д.Б. 377
 Перельман, знакомый А.А.Борового 38
 Переплетник Г. 550
 Персиани С.А. 120
 Песталоцци Й.-Г. 515, 516
 Пестряк С. 551
 Петлюра С.В. 139
 Петр I, имп. 152, 614
 Петровская Н.И. 587
 Петровский Г.И. 391
 Петрункевич А.И. 629, 631-633
 Петрункевич И.И. 632, 630
 Петряев А.М. 119, 120
 Пешкольд (урожд. Элухен) М.В. 58, 84
 Пешехонов А.В. 189, 190, 236, 250, 252

- Пешков М.А. 562
Пешкова (урожд. Введенская) Н.А. 562
Пешкова Е.П. 40, 564, 630
Пикассо П. 82
Пилати М. 346
*Пильняк (Vogau) Б.А. 15, 572, 574, 582, 586
Пименова Э. 584
Пинкус С. 605, 618, 619
Пинстон У. 346
Писемский А.Ф. 538
Питоев Г.И. 444, 474, 477
Питоева Л.Я. 444
Пичета В.И. 57, 84
Платонов С.Ф. 575, 577-580
Плехе В.К. 9
Плеханов Г.В. 174, 181, 382, 397, 400
Плешков М.М. 271, 272
Плужников, майор 295
Подъячев С.П. 582
Позднякова Г.И. 527
Познер В.С. 567
Поклевский-Козелл С.А. 131
Покровский М.Н. 398-400
Покровский Г.К. 560, 583
Покровский К.Д. 584
Полански П. 525, 577
Полачек, секретарь чешского посольства во Франции 443
Поливанов Е.Д. 585
Поливанов Л.И. 651
Полиньяк В. де, принцесса 344, 350
Полнер Т.И. 533, 535, 537, 546
Полный А. 504
Поль В.И. 84
Поляков (*Литовцев) С.Л. 531, 539
Поляков А.А. 534
Полякова Е.И. 427
Попов, подполковник 294
Португалов В.В. 212, 213
Поссе К.А. 560, 589
Постников С.П. 437, 574
Потемкин П.П. 582
Потоцкая В.В. 436
Потресов А.Н. (*Старовер) 181, 389, 391
Прасковья Кирилловна, домработница Вернадских 634
Прегель Б.Ю. 686, 687
Прегель С.Ю. 687
Преображенская О.И. 565
Пресняков В.А. 109
Пресс Е.С. 534
Приклонский М. 92
Примаков В.М. 286
Примочкина Н.Н. 555, 588
Прокопий Кесарийский 682, 684
Прокопович С.Н. 49, 83, 180, 181, 183, 184, 186, 216, 236, 250, 253, 256, 257
Прокофьев С.С. 316-318, 320-327, 329-331, 344, 354-357, 362, 363, 372, 373
Пу И, имп. 264
Пуанкаре Р. 562
Пузин Н.П. 433, 443
Пузинас Й. 613, 617
Пумпянский Л.М. 236
Пуницкий В.К. 151, 157, 160, 165
Пуришкевич В.М. 424
Пустошкин П.К. 119, 120
Путинцев, подполковник 298
Пуце В. 513
Пушкин А.С. 536, 540, 546, 567, 587, 589, 634
Пюньо Р. 24, 56
*Пяст (Пестовский) В.А. 582
Пятигорский Г. 372
Рабенек А. 323
Рабинович Н. 542
Рабинович Осип 540
Рабинович Оскар 541, 542
Равдин Б.Н. 525
Равель М. 346, 350, 351, 362, 363
*Радек (Собельсон) К.Б. 399, 410, 413, 414
Радлов Э.Л. 584
Раев М.И. 123, 631
Раевская-Хьюз О.П. 556
Размазин, полковник 279
Райда Б. 604
Райков Б.З. 584
Райнер Ф. 330, 375
Райхель И. 550

- Райхман А.М. 535, 541, 542
Райцын, акционер журнала
«Зеленая палочка» 534
Ракицкий И.Н. 562
Раковский Х.Г. 399, 410, 573
*Распутин (Новых) Г.Е. 424, 425,
434
Рауделюнас Т. 614
Рауш фон Траубенберг К. 536
Рафалович С.Л. 582
Рафальский В.Т. 110, 132
Рахманинов С.В. 310-312, 314,
316-319, 325-330, 334, 346, 354,
476, 478, 480
Ревелиоти Л.Х. 126
Рёдер, типограф 311
Режан Г. 55
Рейнбот П.Е. 657, 658
Рейнхардт М. 473, 476, 495, 496,
511
Рейснер М.А. 21, 78
Рейсс И. 675
Рейтер Т. 511
Ремерис М. 594, 595, 597, 598
*Ре-Ми (Васильев Н.В.; *Ремизов)
360, 530, 533, 534, 540, 541
Ремизов А.М. 488, 489, 553, 561,
567, 572, 581, 586, 589
Ренгам, автор журнала «Зеленая
палочка» 536
Ренненкампф П.К. 276
Репин И.Е. 530, 537
Репьева И. 527
Рерих Н.К. 343, 621, 646-650
Рерих Ю.Н. 647-650
Рерихи, семья 646, 649
Римский-Корсаков Н.А. 33, 334
Рираховский И.А. 535, 538
Робер, сотрудник магазина 544
Робертс Е. 629, 632
Рогачевский А.Б. 526
Роден О. 41
Родичев Г. 655, 657
Родичев Ф.И. 656
Родичева (урожд. Рейнбот), жена
Г.Родичева 657
Родичевы, семья 664
Родкевич Г. 652
Розен, посол в Норвегии 120
Розенберг О.О. 638-641
Розенберг Э.Ю. 639
Розенталь И. 556
Розенталь М. 550
Роллан Р. 14
Романовы, династия 9
Романюк (урожд. Булгакова) Т.В. 431,
433, 434, 436-438, 445-447, 466, 469
Ромберг Б.Ф. 654-656, 657, 659, 661, 662
Ромберг И.А. 656
Ромберг М.Б. 656
Ромберг Серафим Б. 656
Ромберг Сергей Б. 656
Росов В.А. 637, 639, 641, 646
Росс Н. 116
Ростовцева (урожд. Кульчицкая) С.М.
648, 649
Ростовцев М.И. 648, 649, 685
Ростовцев Н.А. 151
Ротшильд 476, 485
Рубакин Н.А. 536
Рубин Д. 15
Рубинштейн А. 334
Рубинштейн Б.Н. 552, 554, 570, 571, 573
Рубинштейн И.Л. 350, 360-362, 369, 370
Руденцова Ю.И. 526
Рудзинская-Арцимович М. 607, 608, 611
Руднев В.В. 182
Руманов А.В. 533, 540-544
Русанов Н.С. 560
Руссель А. 362
Руссо Ж.-Ж. 8, 17
Русьев, майор 285
Рыков А.И. 423
Рысс М.А. 177
Рысс П.Я. 177, 179, 531, 544, 568
Рябушинские, братья 79
*Рязанов (Гольдендах) Д.Б. 397, 400,
402, 404
Саблин Е.В. 130
Савальский В.А. 50
Савельев М.А. 422
Савенко С. 310, 377
Савинков Б.В. 9, 103, 110, 188, 189,
202
Савинский А. 90

- Савицкая, жена П.Н.Савицкого 692
Савицкий Н.П. 151, 443
Савицкий П.Н. 669, 671-673, 679, 688, 689, 692
Савич П.А. 274
Садовой Б.А. 547
Сазонов С.Д. 92, 96, 100-106, 109, 110, 113, 114, 116-119
Саломон Ш. 427, 464
*Салтыков-Щедрин М.Е. 36, 581
*Самарский, автор книги 587
Самойлов Ф.Н. 391
Самокатов Н.В. 393
Санд, издатель 317
Санрома Д.М. 346, 362
Сати Э. 350
Сахаров И.В. 136-138, 140
Сахаров, генерал-губернатор 411
Светана-Толстая С.В. 459
Свечин А.А. 177
Святловская А.В. 7
Святловская (*Лаврецкая) О.В. 7
Святловские, семья 7
*Северянин И. (Лотарев И.В.) 531, 533
Седов Л.Л. 402, 405-407
Седов С.Л. 405-407
Седова Н.И. 387, 400, 404-407, 409
Сеземан В.Э. 594, 595, 618
Селиванов Д.Ф. 560, 589
Селищев А.М. 687
Селюк, эсерка 65
Семенов Г.М. 274, 279, 283, 305, 306
Семенов Д.Ф. 274, 295
Семенов Ю.Ф. 64, 65, 68, 85, 181
Семинов Б.В. 635, 641
Семковская Н.Г. 404, 408, 409
*Семковский (Бронштейн) С.Ю. 402, 405, 408, 409, 411
Сенковский О.И. 587
Сенн А. 591
Сербин Ю.В. 171, 172
*Сергеев-Ценский С.Н. 582
Сервантес С.М. де 546
Серпинская Н.Я. 8, 9, 77
Сибор Б.О. 428
Сигэру Х. 273
Сидомонидзе Г.К. 297
Сидоров Н.А. 677
Сильвестров В. 375
Скидельский М.Л. 535
Скобелев М.И. 391, 402, 404, 406-408
Скоропадский П.П. 139, 672
Скрябин А.Н. 41, 77, 312, 314, 334, 340
Слезкин Ю.Л. 537
Слепцов В.А. 581
Слоним М.Л. 180, 586, 587
Слонимский Н.Л. 322, 342
Слюсаренко, секретарь советского посла в США 627
Сметанин, подсудимый 11-13
Сметона А. 499
Сметонене, жена А.Сметоны 598
Смигис Э. 509, 513
Смирнов А.А. 38
Смолин А.В. 96
Смолин И.С. 270, 271
Собинов Л.В. 41
Соколов М.В. 174-262
Соколов М.Н. 585
Соколов С.А. (*Кречетов С.) 9, 79, 530, 533, 534
Соколовская А.Л. 381, 383-389, 391-399, 401, 402, 406, 407
Соколовские, семья 383
Соколовский Г.Л. 383, 384
Соколовский И.Л. 383, 384, 393-395, 399
*Сокольников (Бриллиант) Г.Я. 412
Соловьев А.В. 681
Соловьев В.С. 598, 599
Соловьев Е.А. 584
Соловьев Ю.Я. 96, 118
Соловьева В. 498-500, 503, 519
*Сологуб (Тетерников) Ф.К. 582, 587
Сольская М.Н. 468
Сорокин П.А. 180
Сорокин, искусствовед 65, 74, 75
Сорокина М.Ю. 620-693
Спиноза Б. 14
Сруога Б. 499-502, 613
*Сталин (Джугашвили) И.В. 352, 383, 414, 450, 473
Сталинский Е.А. 195
Стамболийский А.С. 665, 666

- *Станиславский (Алексеев) К.С. 472, 473, 477, 479, 482, 488, 491-493, 501, 502, 506-508
 Станкевич В.В. 560, 583
 Станкевич Н.В. 49
 Старицкие, семья 663
 Старицкий Г.А. 626, 628-630
 Старицкий Г.Е. 654, 655
 Старк Г.К. 263
 Стахович М.А. 92, 93, 95, 118, 539
 Стеклов В.А. 560, 584, 589
 Стеклов, подполковник 282
 Стивенсон Р.-Л. 531
 Стиннес Г. 154
 Стойко С.М. 671
 Сток Ф. 330
 Стоковский Л. 320, 330, 339, 352, 375
 Столыпин П.А. 419
 Стонов Д.М. 537
 Стравинская (по 1-му мужу Судейкина) В.А. 310, 325, 338, 345, 349, 357, 363-366, 373
 Стравинская М.И. 372
 Стравинская (урожд. Носенко) Е.Г. 344
 Стравинский И.Ф. 84, 309-312, 314, 316, 318, 320, 321, 323-327, 329, 331-350, 352-354, 357-377
 Стравинский Ф.И. (отец И.Ф.Стравинского) 374
 Стравинский Ф.И. (сын И.Ф.Стравинского) 369
 Стриндберг Ю.А. 472, 478, 495
 Стровский Ф. 491
 Струве А.П. 109
 Струве В.Б. 76
 Струве Г.П. 319, 587
 Струве М.А. 533, 534, 536
 Струве Н.Г. 309-314, 317, 318, 323, 325, 326, 331-333
 Струве Н.Н. 314, 315
 Струве П.Б. 8, 47, 50, 76, 109, 116-122, 124, 653, 660, 661, 664
 Суворин (*Порошин) А.А. 9, 79, 85
 Сувчинский П.П. 317, 340, 377, 488, 489, 593
 Судейкин С.Ю. 530, 533, 536, 538
 Судьбинин С.Н. 38, 41, 58, 82
 Сукин И.И. 97, 105
 Сунь Чуаньфан 281, 286, 288, 296, 300, 302, 303
 Сунь Ятсен 265, 266, 268, 278, 295
 Суперфин Г.Г. 624
 Сургучев И.Д. 537
 *Суханов (Гиммер) Н.Н. 582
 Сухарев Ю.Н. 621
 Сухово-Кобылин А.В. 472
 Сухоплюев И.К. 47
 Сухотин Л.М. 447, 449
 Сухотин М.М. 424
 Сухотин М.С. 421, 452
 Сухотин С.М. 422, 423-426, 431-435
 Сухотина (урожд. Базилевская) Е.П. 447, 449
 Сухотина-Толстая Т.Л. 416-447, 449-452, 454, 456-458, 460, 461, 462-471
 Сыпченко А.В. 193
 Сысоев В. 653
 Сытник К.М. 671
 Сю Э. 55
 Суй Шичан 266
 Такема М. 273
 Такео К. 273
 Тамошайтис И. 594
 Танаев, есаул 284
 Танаев, подполковник 305
 Танеев С.И. 314
 Тарановский Ф.В. 670, 672
 Тарасов, профессор 78
 Тарле Е.В. 50
 Тарускин Р. 376
 Тархов Н.А. 30, 80
 Татаринов В.Е. 587
 Татищев Б.А. 120, 123
 Таубе М.А. 96
 Таубе, секретарь В.И.Немировича-Данченко 512
 Телешов Н.Д. 582, 586
 Терентьев В.Г. 656, 693
 Терентьев И.Г. 693
 Терентьевы, семья 692
 Теренций Мавр 78
 Терещенко А.В. 92, 93
 Тесленко Н.В. 312

- Тизенгаузен А.Е. 140-143, 146, 147, 149-151, 160, 162, 163, 165
Тимашев Н.С. 250
Тимофеев А.Г. 574
Тимошенко С.П. 621
Тир, художник 65, 74, 75
Титов А.А. 188
Тихобразов, подполковник 294, 295
Толль (урожд. Вернадская) Н.В. 623, 625, 628-630, 632, 633-635, 662, 664
Толль Н.П. 623, 628, 632, 656
Толль Т.Н. 623, 628, 629, 632
Толстая (в 1-м браке Ваулина, во 2-м – Мансветова) М.А. 429, 430, 436-438, 441-443, 445-449, 451, 452, 457, 458, 464, 465
Толстая (урожд. Вестерлунд) Д.Ф. 468
Толстая (урожд. Горяинова, по 1-му мужу Арцимович) Е.В. 429, 430
Толстая (урожд. Дитерихс) О.К. 426, 432, 433, 435
Толстая (урожд. Зубова) М.Н. 469, 470
Толстая (урожд. Философова) С.Н. 443
Толстая А.А. 417
Толстая А.Л. 426, 433, 438, 440, 453, 454, 458, 459, 466, 468, 469
Толстая В.С. 425
Толстая С.А. 416, 419, 428, 439, 440
Толстая-Есенина (по 1-му мужу Сухотина, по второму Есенина) С.А. 423-426, 429, 432-435
Толстой А.К. 498
Толстой А.Л. 429, 430, 448
Толстой А.Н. 528, 530, 531, 536, 544
Толстой В.М. 466, 467
Толстой И.И. 466, 467
Толстой И.Л. (Жан) 466, 468
Толстой И.Н. 470
Толстой Л.Л. 466-468, 470, 471
Толстой Л.Н. 14, 416-421, 423, 427, 430, 433, 435, 438-440, 443, 445, 448, 450, 452-455, 464, 465, 469, 470, 530, 536, 538, 541, 650
Толстой М.Л. 446, 449, 469, 470
Толстой Никита И. 466, 468
Толстой Николай И. 464
Толстой П.Л. 471
Толстой П.М. 466, 467
Толстой С.Л. 417, 428, 429, 439, 440, 454, 455, 457, 467, 469
Толстой Н.Л. 467
Толстой С.М. 437, 439, 449, 466-468, 470
Толстой-Милославский Д. 449
Толстые, семья 440
Тонков В. 560, 590
Тох Э. 346
Трепов А.М. 109
Трепов А.Ф. 96
*Троцкий (Бронштейн) Л.Д. 15, 95, 96, 381-414
Трубецкой Г.Н., кн. 116, 120
Трубецкой Н.С. 621, 643, 668-675, 677-680, 687, 689
Трубецкой С.Н. 651, 668
Трумп В. 604, 607, 617
Тувим Ю. 685
Тугендхольд Я.А. 37, 81
Туляков И.Н. 391
Туманцев, зав. консульским отделом 627
Тумас-Вайшгантас Й. 598
Тумим Г.Г. 585
Тураев Б.А. 607
Тургенев И.С. 14, 50, 83
*Тэффи (Бучинская; урожд. Лохвицкая) Н.А. 532
Тюрин А.Н. 83
Тютчев Ф.И. 395, 587
У Пэйфу 267, 268, 276, 277, 286, 287, 289, 290, 296
Уайльд О. 15
Уберсбергер Г. см. Übersberger H.
Уваров А.И., гр. 151, 164
Уварова П.С., гр. 463
Углов, капитан 295

- Ужкальнис В. 592
 Улманис К. 513
 Ульянов Н.И. 531, 536
 Уманский К.А. 632
 Унгерн-Штернберг П.Л. 96
 Унтулис Б. 618
 Урицкий М.С. 386
 Ушков К.К. 56, 84
- Фаберже Г. 157
 Фалья М. де 332
 Фарбман М.С. 570, 571
 Фарнер, знакомый Ж.Бонер 517
 Фаррер К. 531, 538
 Фаусек Ю.И. 560, 590
 Федер А. 532
 Федоров А.В. 643
 Федоров Е.С. 676, 677
 Федоров М.М. 206, 466, 468
 Федорова А. 501
 Федорова Л.В. 677
 Федотов Г.П. 686-688
 Фейербах Л. 14
 Ферингер А.Б. 645, 646
 Феррье Ж. 429
 Ферсман А.Е. 645
 Фет А.А. 538
 Фидлер И.И., архитектор 40
 Фидлер И.И., педагог 64
 Филиппов А.И. 563, 565, 567
 Финкельштейн Е. 444
 Фишер, издатель 317
 Фишман Г. 571, 573
 Фламарион К. 538
 Флашнер, издатель 317
 Флейшман Л.С. 525, 556
 Флоринский М.Т. 629, 632
 Фокин М.М. 333, 481
 Фокина М.М. 668
 Фонвизин Д.И. 587
 Фондаминский И.И. 178, 182
 Форберг, издатель 349
 Форш О.Д. 574, 582
 Франк С.Л. 644
 Франк Ц. 56, 71, 85
 *Франс А. (Тибо А.Ф.) 538
 Фрезинский Б.Я. 381-415
 Фрейд З. 330, 403
- Френкель В.Я. 624
 Фрид О. 56
 Фридляндский, акционер журнала
 «Зеленая палочка» 534
 Фридман М.И. 50
 Фуртвенглер В. 320, 345
 Фын Юсян см. Фэн Юйсян
 Фэн Юйсян 265, 272, 277, 280, 287, 289,
 290, 292, 303, 304
- Хазан В.И. 527
 Хан Р. 56
 Ханзен В. 316
 Харер К. 574
 Хари А. 534
 Харламов В.А. 177, 181, 191, 196, 216,
 220, 230, 235, 238, 241, 248, 253, 254
 Харламов В.И. 525
 Хатчинсон Д. см. Hutchinson J.
 Хаустов В.И. 391
 Хвойка В.В. 648
 Хвольсон О.Д. 560, 584
 Хвостов Д.И. 16
 Хентова П.А. 531
 Хиггинсон Г.Л. 363
 Хилл Э.Б. 346, 362
 Хиндемит П. 362
 Хлопин Г.В. 584
 Хлыгчиев Я.М. 143, 156, 160
 Ходасевич В.Ф. 79, 476, 520, 547, 548,
 560, 567, 572, 582, 587
 Холлоуэй Д. 624
 Холодковский Н.А. 560, 584
 Хольмберг (урожд. Толстая) А.И. 426
 Хомяков А.С. 595, 596
 Хорват Д.Л. 269, 274
 Хоукс Р. 316
 Хоэнглер, издатель 317
 Хьюз Р. 556
 Хэнсон Х. 362
- Цакони А.И. 157, 160, 163-165
 Цао Кунь 267
 Цацкис А. 551
 Цветаева М.И. 421, 574, 582
 Цедербаум В. 310
 Цетлин (Цейтлин; *Амари) М.О.
 476, 532, 535, 550, 586

- Цетлина М.С. 476
Цзинь Юньэ 291
Цин, генерал 293
Цингель Э. 323, 324
Цуриков Н.А. 656, 665, 666
- Чайковский Н.В. 96, 102, 103, 105, 177, 188, 189
Чайковский П.И. 67, 77, 340, 361, 363
Чан Кайши 275, 280, 295, 296, 300-304, 306-308
Чан Чэн 269, 270
Чаплин Ч.С. 512
Чапыгин А.П. 582
Чебышев Н.Н. 526
Черепанов А.И. 296
Черепнин Н.Н. 84
Чермоев А.-М. 535, 541
Чернин О. 411, 412
Черниковский С. 565
Чернов В.М. 583
*Черный С. (Гликберг А.М.) 531, 551, 563
Чернявский, майор 288
Чертков В.Г. 419, 420, 424, 428, 450, 451, 454, 455
Черток Л. 551
Чехов А.П. 472, 478, 491, 494, 499, 500, 519, 546, 581
Чехов В.А. 271, 282, 287, 294, 296, 299, 300, 305, 307
Чехов М.А. 472-521
Чехова (урожд. Зиллер) К.К. 473, 474, 493, 494, 500, 516, 520
Чжан Сюелян 270, 275, 286, 306, 307
Чжан Цзолинь 265-270, 272-277, 280, 281, 286, 287, 289, 290, 296, 300, 303, 306-308
Чжан Цзунчан 263, 264, 270, 271, 273-281, 283, 284, 286, 289-291, 294-296, 298, 302-308
Чжанзолин см. Чжан Цзолинь
Чжан-золин см. Чжан Цзолинь
Чжан-Зун-Чан см. Чжан Цзунчан
Чжан-Зунь-Чан см. Чжан Цзунчан
Чжанцзучан см. Чжан Цзунчан
- Чжао 294, 295
Чиерны М. 191
Чижевский Д.И. 673, 675, 693
Чистович Н.Я. 560, 584
Чичерин Б.Н. 400, 413, 414
Чичерин Г.В. 153, 154, 636
Чуваков В.Н. 651
*Чуковский К.И. (Корнейчуков Н.В.) 15, 549, 586, 587
Чулков Г.И. 9, 50, 574, 586, 587
Чумаков И.Н. 151
Чупров А.А. 49, 83
Чхеидзе Н.С. 391
Чхенкели А.И. 391
Чэнь Цзюньмин 268
- Шабертс Я. 504
Шагинян М.С. 582
Шагов Н.Р. 391
Шайкевич Г. 531, 533
Шайкевич М. 550
Шальк Ф. 358
Шальтьянис Р. 607
Шаляпин Ф.И. 40, 41, 58
Шампель, пилот 68
Шанкар У. 481
Шапока А. 607, 608
Шатилов П.Н. 164, 166-168
Шатъко В.М. 637, 638, 644
Шах В.М. 533, 534, 546
Шахматов А.А. 690, 691
Шаховская А.Д. 625, 627, 629, 630, 632-635
Шаховские, семья 663
Шаховской Д.А. 621, 688, 689
Швейцер М.И. 9
Шверк Э. 491
Швиговский Ф. 383
Шеклтон Э.Г. 536
Шекспир У. 17, 472, 495, 505
Шелест А.Ф. 138, 140, 150, 151, 159, 160
Шеляпина (урожд. Струве) Э.В. 18, 21, 22, 32, 39, 40, 44, 51, 54, 55, 58, 60, 61, 64, 69, 76, 84
Шёнберг А. 376
Шерваидзе А.К. 531
Шерман С.Г. 236, 250

- Шефер Ф. 320
 Шлецер Б.Ф. 345, 366
 Шефтель М.Ю. 685-687, 690
 Шик А.А. 517
 Шилкарский В. 596, 598
 Шиллинг М.Ф. 103
 Шильников И.Ф. 284, 308
 Шимкевич В.М. 560, 584
 Шкапская М.М. 433
 Шкваркин В.В. 520
 Шкловский В.Б. 548, 549
 Шкловский И.В. (*Дионео) 533
 Шкляев И. 385
 Шлаух М. 686
 Шликевич С.П. 151
 Шмелев А.В. 98
 Шмелев И.С. 566
 Шмидт О.Ю. 556
 Шмит (Шмидт) В.П. 156, 164-166
 Шмитт Ф. 362
 Шнайдер, поручик 285
 Шнеерсон И.С. 177
 Шопенгауэр А. 48
 Шницлер А. 474, 480, 500, 515
 Шомракова И.А. 525
 Шохин В.К. 635, 637
 Штейн С. 681
 Штейн С.И. 576
 Штейнберг Ю. 550
 Штейнер Р. 330, 481-483, 496, 502, 507, 508
 Штиггольд С.И. 38, 39, 81
 Штрайх С.Я. 584
 Штрандтман В.Н. 108, 111, 120, 125, 126, 130
 Штрекер В. 367, 375
 Шуберт Ф. 77
 Шувалов А. 93
 Шувалов В. 536
 Шуман Р. 418
 Шумихин С.В. 7-85, 537
 Шустов, подсудимый 11-13
 Шухаев В.Я. 546

 Щагин Э.М. 175
 Щербатской А.И. 636
 Щербатской Ф.И. 621, 635-645, 687

 Эберг Э.А. 309, 310, 313-326, 328-330, 333, 342, 346, 353, 354, 367
 Эйфель Г. 17
 Эйхенбаум Б.М. 585
 Элмхирст Д. 480
 Элькин Б.И. 526, 552-554, 558, 567, 572, 575-580
 Эльяшев А.Е. 177
 Эренбург И.Г. 38, 402, 550, 574
 Эрет Й. 591
 Эрлиш Ж. 566, 567
 Эрнеста, подруга А.Л.Соколовской 394, 395
 Эфрон А.С. 537

 Юань Шикай 265, 267
 Юденич Н.Н. 96, 109, 112, 564, 588, 639
 Юдина М.В. 377
 Юзефович В.А. 309-377
 Юй, майор 281
 Юкнявичюс Р. 502
 Юниверг Л.И. 547, 550, 570
 Юпатов А.И. 462, 650
 Юрнев П.П. 656
 *Юрок С. (Гурок С.И.) 519, 520
 Юсупов Ф.Ф. 424, 434
 Юуделене Д. 600
 Юшкевич С.С. 560, 565, 572, 582, 586, 589

 *Яблоновский (Снадзский) А.А. 533, 541, 543, 544, 551
 Яворский Б.Л. 356
 Ягич И.В. 669
 Ядров В.Г. 399, 400
 Якимченко А.Г. 30, 31, 37, 80
 Якобсон Р.О. 621, 656, 669, 671, 675, 681-686, 688-693
 Яковлев А.Е. 532
 Яковлев (*Богучарский) В.В. 50, 83
 Яковлев Д.З. 572, 575
 *Яковлев Н. (Якоби Н.П.) 551
 Яковлева Т.А. 176
 Якубинский Л.П. 667, 668
 Якулов Г.Б. 38
 Якштас А. см. Якштас-Дамбраускас А.
 Якштас И. 594, 600, 601, 608-610, 617

- Якштас-Дамбраускас А. 596-600
 Ян Хойцин 290
 Ян Чжо 269
 Ян Юйтин 270
 Янгиров Р.М. 525-590
 Янулайтис А. 594, 595, 608, 609, 612
 Янь Сишань 300
 Ярмолинский А. 686, 688
 Яценко Н. 316, 320
 Ященко А.С. 8, 83, 526, 544, 586
- Amette Joseph 62, 63
 Ansermet E. см. Ансерме Э.
 Běloševská L. см. Белошевская Л.
 Bergan, знакомый Л.Д.Троцкого 394-396
 Bloch Ja. N. см. Блох Я.Н.
 Bloomfield L. 686,688
 Bombito, тореадор 74
 Boner J. см. Бонер Ж.
 Burleigh M. 680
 Butenko Y., знакомый М.А.Критского 666
 Calzones, испанский партизан 75
 Carnicke S. 501
 Čepinskis J. 592
 Chekhov M.A. см. Чехов М.А.
 Childs V.G. 628, 632
 *Colette W. (Колетт Г.С.) 29, 80
 Craft R. см. Крафт Р.
 Cross S.H. 682, 683, 685-687
 Dawley J.S. 84
 Downes O. 347
 Dubrow E. 628, 632
 Duke V. 322
 Egerton F. 682, 683
 El Empesinako, испанский Партизан 75
 El Maneo, испанский партизан 75
 El Pastor, испанский партизан 75
 Fosdick R.B. 683
 Genzelis B. 592
 Godunavičenė J. 592
 Grégoire H. см. Грегуар А.
 Greimas A.J. см. Греймас А.Ю.
 Hajek A. 678-680
 Halle M. 688
- Hamilton G.H. 626, 629, 631
 Hargood E.R. 501
 Hauleville E. de 519
 Hötzh O. 678, 680
 Hutchinson J. 626, 629-631
 Jakobson R.O. см. Якобсон Р.О.
 Jakštas J. см. Якштас Ю.
 Jakštas-Dambrauskas A. см. Якштас-Дамбраускас А.
 Joffe J.A. 685
 Kamenetzky, книготорговец 640
 Karsavinas L. см. Карсавин Л.П.
 Kennan G.F. 628, 632
 Kling O. см. Клинг О.М.
 Konickis A. 592
 Konoroff W. 529
 Koussevitzky S. см. Кусевицкий С.А.
 Kremencov N. 684
 Krohn C.-D. 680
 Krout J.A. 626, 629, 631
 Kubilius V. см. Кубилюс В.
 Kucher K. 550
 Kuginiėne L. 592
 Kuzmin M.A. см. Кузмин М.А.
 Labaree L. 626, 629, 631
 Labatut, скульптор 24
 Lesnin I.M. 688
 *Lolo (Мунштейн Л.Г.) 532
 Malmstad J.E. 574
 Marie (урожд. Закревская) 23-25, 27
 Marie A. 23-28
 Marie R. 24
 Marie S. 24
 Mason S. 347
 Matekūnaitė A. 592
 Meeks E.V. 626, 631
 Mosely P.E. 631
 Petrova L. 688
 Puzinas J. см. Пузинас Й.
 Ragauskas A. 612
 Raudeliūnas T. 592
 Riomeris M. см. Ремерис М.
 Roerich N. см. Рерих Н.К.
 Ross J. 626, 628, 631
 Rubinstein A. см. Рубинштейн А.
 Rudy S. 681
 Rutkoff P.M. 680
 Šalčius R. 592

- Šaltenis R. см. Шальтянис Р.
Samulionis P. 599
Sawyer H.B. 347
Schlauch M. 684, 685
Schloegel K. 550
Scott W.B. 680
Seymour C. 626, 631
Shiply, сотрудница Госдепарта-
мента США 628
Šilkarskis V. см. Шилкарский В.
Simmons E.J. 685, 691
Sládek Z. 180
Stravinsky I. см. Стравин-
ский И.Ф.
Stravinsky V. см. Стравинская В.
Suchy B. 550
Susan G.S. 684
Sverdiolas A. 592
Szeftel M. см. Шефтель М.
Taylor D. 363
Thompson K. 346
Thum G. 550
Tongour N. 95
Trager G.L. 682, 683
Trumpa V. см. Трумпа В.
Tschechow M. см. Чехов М.А.
Tupčiauskas A. 617
Übersberger H. 678, 679
Vernadsky G. см. Вернадский Г.В.
Vernadsky V. см. Вернадский В.И.
Voigt G. 680
White E.W. 340, 346
Williams R.C. 647
Zubets см. Зубец В.А.

АННОТАЦИИ

Наследие

Алексей Боровой. «Париж был и остается значительнейшим фактом моей биографии...» Публикация С.В.Шумихина

В первый раз приват-доцент Алексей Боровой приехал в Париж летом 1903 для работы над диссертацией и там, в «столице мира», испытал «преображение», которое определило всю его дальнейшую жизнь. Публикуемые главы из воспоминаний «Моя жизнь» относятся ко второму этапу парижской жизни Борового, начавшемуся в 1910 – после его бегства из России из-под ареста.

10 + 69 с.

Статьи, исследования

Е.М.Миронова. Дипломатические представительства Белой России в эпоху революций, Гражданской войны и эмиграции

В статье рассказывается о деятельности Заграничного корпуса Министерства иностранных дел Российской империи после падения государства. Возглавивший его Совет послов в течение двух десятилетий, несмотря на отсутствие правительственной базы на родине, продолжал выполнять свой долг – защиту соотечественников в условиях массовой эмиграции.

45 с.

Олег Будницкий. Генералы и деньги, или «врангелевское серебро»

Эта история в начале 1920-х была объектом пристального внимания эмигрантской печати. Речь идет о продаже значительной части Петроградской Ссудной казны (известной также как «серебряная казна»), обстоятельства которой оставались до сих пор практически неизвестными российским исследователям. Настоящая статья – попытка написать еще одну главу истории «денег русской эмиграции».

40 с.

Михаил Соколов. Создание Республиканско-демократического союза

Попытка российских демократов, оказавшихся в изгнании, создать широкий союз общественных сил, способных противостоять большевистскому тоталитаризму, окончилась неудачей. И все же в течение 1924–1928 этот союз был реально действовавшей коалиционной организацией, имевшей солидное для эмиграции финансирование. Активно велась издательская деятельность, делались попытки организовать переправку своей, а также идейно близкой литературы в Советскую Россию. Впервые публикуются протоколы Учредительного съезда РДС.

89 с.

Г.В.Мелихов. Русские добровольцы в армиях китайских милитаристов

Служба русских военных наемников из белоэмигрантов в армиях северных китайских милитаристов во второй половине 1920-х – практически неизвестная страница жизни и деятельности российской эмиграции в Китае. В статье рассказывается о внутренней организации этих русских добровольческих частей, приводятся подробности их мирной и военной жизни, биографии офицеров, цитируются уникальные документы из Государственного архива Российской Федерации и Гуверовского архива (США).

46 с.

Виктор Юзефович. Зарубежное Российское музыкальное издательство. Часть 2

Во второй части статьи описывается деятельность издательства в эмиграции с 1920-х вплоть до начала Второй мировой войны; рассказывается о его директорах – Н.Г.Струве, Э.А.Эберге и Г.Г.Пайчадзе; о поисках партнеров и об иллюзорной надежде на торговлю с Совдепией. Подробно разбирается конфликт И.Ф.Стравинского с издательством и лично с С.А.Кусевицким.

69 с.

*Эпистолярная**Письма А.Л.Соколовской и А.А.Иоффе Л.Д.Троцкому.* Публикация, статья и комментарий Б.Я.Фрезинского

Публикуемые письма были получены Троцким в Вене и в Париже – в период его второй эмиграции, которая началась после поражения первой русской революции и закончилась с началом второй. Их авторы – первая жена революционера и один из верных соратников. Подробный комментарий вводит в контекст событий.

35 с.

«Милый Булгаша!...»: Письма Т.Л.Сухотиной-Толстой и Т.М.Альбертини-Сухотиной В.Ф.Булгакову (1925–1940). Вступительная статья, публикация и комментарий В.Н.Абросимовой и Г.В.Краснова

Находясь в эмиграции, бывший секретарь Л.Н.Толстого на протяжении 15 лет ведет переписку с его старшей дочерью и внучкой. Из пи-

сем видно, что корреспондентов связывает не только «былое», но и новые заботы по увековечению памяти великого русского писателя. Обширная вступительная статья рассказывает об обстоятельствах, предшествующих их отъезду из Советской России.

15 + 41 с.

Лийса Бюклинг. Михаил Чехов и Жоржет Бонер: История дружбы

Михаил Александрович Чехов познакомился с Жоржет Бонер в Париже в 1931 и переписывался с ней вплоть до 1954. Их соединяла не только глубокая симпатия, но и общие творческие интересы. Дружеские отношения известного мэтра и молодого режиссера, их письма, их совместная работа над спектаклем в Париже и над рукописью книги об актерском искусстве – любопытная страница театральной истории Русского зарубежья. Работа написана на основе материалов «чеховского фонда» из личного архива Жоржет Бонер.

50 с.

Varia

Рашид Янгиров. Из истории русской зарубежной печати и книгоиздательства 1920-х (По новым материалам)

Публикация документов из архивов эмигрантских юристов М.Маргулиеса, Б.Гершуна и Б.Элькина проливает свет на историю создания в Париже в 1920 издательства «Север» и детского журнала «Зеленая палочка», а также на малоизвестный берлинский эпизод деятельности знаменитого издательства З.И.Гржебина. В обстоятельной статье и комментариях – справки об упоминаемых лицах и реалиях, библиографические сведения.

66 с.

Повилас Ласинкас. Литовский период жизни и деятельности Льва Платоновича Карсавина

По материалам, отложившимся в литовских архивах, рассказывается о научно-педагогической деятельности известного историка в Каунасе и Вильнюсе в конце 1920-х – 1940-е. В частности, приводятся документы судебного дела Л.П.Карсавина из Литовского центра геноцида и сопротивления.

29 с.

«Там так легко дышится...»: Из американского архива Георгия Вернадского. Публикация и примечания М.Ю.Сорокиной

Публикуемые документы из архива историка Георгия Владимировича Вернадского, сына академика Владимира Ивановича Вернадского, – записки Н.В.Вернадской «Скорбные дни Рождества» и избранные места из переписки В.И. и Г.В. Вернадских с Ф.И.Щербатским, Н.С.Трубецким, Р.О.Якобсоном, Н.К.Рерихом и М.А.Критским – ценный материал для изучения истории русской научной

эмиграции XX века. Каждый документ сопровождается детальным комментарием.

74 с.

ABSTRACTS

Heritage

Aleksei Borovoi. «Paris was and remains the major fact of my biography...»

Edited by S.V.Shumikhin

A university lecturer (privat-docent) A.Borovoi came to Paris for the first time in 1903 to write his dissertation thesis. There, in this «world's capital», he had an «enlightenment» that completely changed his life. The published chapters from Borovoi's memoirs, «My Life», relate to his second Parisian period which began in 1910, shortly after his flight from under arrest in Russia.

10 + 69 p.

Articles, Studies

E.M.Mironova. Diplomatic agencies of the White Russia at the time of Revolution, Civil War and Emigration

The article surveys the activity of the Foreign Corps of the Ministry for Foreign Affairs of the Russian Empire after the demise of the state. The Council of Ambassadors that had headed this organization for two decades, despite the absence of the governmental basis in Russia, continued to fulfil its functions as a body protecting Russian émigrés.

45 p.

Oleg Budnitsky. The Generals and Money, or the story of the «Wrangel Silver»

This subject was a hot issue in the Russian emigrant press in the early 1920s. It deals with the sale of a large amount of the Petrograd loan funds (also known as the Silver Treasury), the details of which have been hitherto unknown to Russian scholars. The present article is an attempt to write a new chapter in the history of the «money of the Russian emigration».

40 p.

Mikhail Sokolov. The Creation of the Republican Democratic Union

An attempt by a group of Russian democrats in emigration to create a broad alliance of public forces, capable of resisting the Bolshevik totalitarian regime, ended in complete failure. Nonetheless, in 1924–1928, this Union had remained a real and well-financed coalition body. The RDU was actively engaged in publishing activities and made attempts to take their publications, as well as similar literature, across the border, into Soviet Russia. The article also carries the minutes of the RDU constituent assembly.

89 p.

G. V. Melikhov. Russian volunteers in the armies of the Chinese warlords

The story of the service of the Russian white mercenaries in the armies of the northern Chinese warlords in the 2nd half of the 1920s is practically unknown to the students of the Russian Diaspora in China. The article discusses the internal organization of these Russian volunteer units, describes their activities at the time of war and peace, narrates the biographies of some of the Russian officers, as well as cites most intriguing documents from the State Archive of the Russian Federation (Moscow) and the Hoover Institution Archives (Stanford University, USA).

46 p.

Victor Yuzefovich. The Russian Foreign Musical Publishing House. Part II

The second part of the article describes the activities of the publishing house in emigration, from 1920s until the beginning of the World War II. It tells story of the House directors (N.G.Struve, E.A.Eberg and G.G.Paichadze), of the search for partners and of the illusory hope for starting trade with Soviet Russia. There is also a detailed discussion of I.F.Stravinsky's conflict with the publishers, especially with S.A.Koussevitzky.

69p.

Correspondence

Letters of A.L.Sokolovskaia and A.A.Ioffe to L.D.Trotsky.

Edited by B.Ya. Frezinsky

The letters were received by Trotsky in Vienna and Paris during his second emigration which began after the defeat of the first Russian revolution and ended at the beginning of the second one. They were written by the first wife of the well-known revolutionary and one of his faithful comrades-in-arms. A detailed commentary reveals the context of events described.

35 p.

«Sweet Bulgasha!...»: Letters of T.L.Sukhotina-Tolstaia and T.M.Albertini-Sukhotina to V.F.Bulgakov (1925–1940).

Prefaced and edited by V.N.Abrosimova and G.V.Krasnov

While in emigration, L.N.Tolstoi's elder daughter and granddaughter were corresponding with Tolstoi's former secretary for 15 years. From these letters one can see that it was not only the «past» that linked the correspondents, but also their present – a desire to perpetuate the memory of the great Russian writer. A long introduction sheds light on their lives prior to their departure from Soviet Russia.

15 + 41 p.

Liisa Byckling. Mikhail Chekhov and Georgette Boner: A history of friendship

Mikhail Aleksandrovich Chekhov made friends with Georgette Boner in Paris in 1931 and corresponded with her until 1954. What brought these two persons close was not only their profound sympathy for each other,

but also their common artistic interests. The friendly relations between the renowned maitre and the young stage manager, their correspondence, as well as their joint efforts to stage a play in Paris and then to write a book about the actor's skills produce an intriguing chapter in the history of Russia Abroad. The article is based on the materials of the «Chekhov collection» from G.Boner's personal archive.

50 p.

Varia

Rashit Yangirov.

Towards a history of the Russian foreign press and book publishing of the 1920s (According to new sources)

The publication of documents from the archives of the émigré lawyers M.Margulies, B.Gershun, and B.Elkin sheds light on the history of creation in Paris, in 1920, of the Sever publishing house and Zelionaiia Pabolochka children's magazine, as well as on the little known Berlin episode of the activity of Z.I.Grzhebin's famous publishing house. The article and commentary contain references to the people and events mentioned and bibliography.

66 p.

Povilas Lasinskas. The Lithuanian period of life and activity of Lev Platonovich Karsavin

Drawing largely on the materials of the Lithuanian archives, the author surveys the scholarly and pedagogical work of the celebrated historian L.P.Karsavin in Kaunas and Vilnius in the late 1920s – early 1940s. In particular, he cites documents relating to Karsavin's trial from the Lithuanian Centre for Genocide and Resistance.

29 p.

«It's so easy to breath here...»: From the American archive of George Vernadsky. Edited by M.Yu. Sorokina.

The documents from the archive of the historian Georgii Vladimirovich Vernadsky, son of Academician Vladimir Ivanovich Vernadsky, include the memoirs by N.V.Vernadsky: «The sad days of Christmas» and the selected correspondence of V.I. and G.V. Vernadsky with F.I.Stcherbatskoi, N.S.Trubetskoi, R.O.Jakobson, N.K.Roerich and M.A.Kritsky, being a valuable source for the study of the history of the Russian scientific emigration in the XXth century. Each document is supplied with a detailed commentary.

74 p.

СОДЕРЖАНИЕ

Наследие

- Алексей Боровой.* «Париж был и остается
значительнейшим фактом моей биографии...»
Публикация С.В.Шумихина 7

Статьи, исследования

- Е.М.Миронова.* Дипломатические представительства Белой России
в эпоху революций, Гражданской войны и эмиграции 89
- Олег Будницкий.* Генералы и деньги,
или «врангелевское серебро»..... 134
- Михаил Соколов.* Создание Республиканско-
демократического союза 174
- Г.В.Мелихов.* Русские добровольцы в армиях
китайских милитаристов 263
- Виктор Юзефович.* Зарубежное Российское
музыкальное издательство. Часть 2 309

Эпистолярная

- Письма А.Л.Соколовской и А.А.Иоффе Л.Д.Троцкому
Публикация, статья и комментарий Б.Я.Фрезинского..... 381
- «Милый Булгаша!..»: Письма Т.Л.Сухотиной-Толстой и
Т.М.Альбертини-Сухотиной В.Ф.Булгакову (1925–1940).
Вступительная статья, публикация и комментарий
В.Н.Абросимовой и Г.В.Краснова 416
- Лийса Бюклинг.* Михаил Чехов и Жоржет Бонер:
История дружбы 472

Varia

- Рашид Янгиров.* Из истории русской зарубежной печати и
книгоиздательства 1920-х (По новым материалам) 525
- Повилас Ласинкас.* Литовский период жизни и деятельности
Льва Платоновича Карсавина..... 591
- «Там так легко дышится...»: Из американского архива
Георгия Вернадского.
Публикация и примечания М.Ю.Сорокиной 620

Annex

- Указатель имен 697

ДИАСПОРА: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Том VI

Ответственный редактор: Олег Коростелев
Редактор-издатель: Татьяна Притыкина
Компьютерная верстка: И.М.Курдина
Корректор: О.Э.Карпеева
Оформление: Алексей Гаранин

ФЕНИКС

ИД № 05957 от 3.Х.2001

Издательство «Феникс»: 191123, Санкт-Петербург,
Кирочная ул., 31

Заказы направлять по адресу:
«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
199034, СПб., наб. Макарова, 4
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон: (812) 542-52-23
e-mail: dbulanin@sp.ru
<http://www.dbulanin.ru>

Подписано в печать 18.04.2004. Формат 60 x 90/16.
Бумага офсетная №1. Печать офсетная.
Объем 46,5 п.л. Тираж 1000 экз.
Заказ 3248

Отпечатано с диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12

LONDON. REGENT STREET.

